ISSN 2224-1620

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK

№ 2(24)
2016

2016 № 2(24)

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-44563 от 15 апреля 2011 г.)

ISSN 2224-1620

Распространяется на территории Российской Федерации

Подписной индекс Каталога Агентства «Роспечать» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году
Выходит 4 раза в год

Очередной номер журнала можно приобрести в редакции

Редакционная группа
Соловьева Л. Г., Петрова Г. И., Пенькова Н. В.

Адрес редакции
Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен и тираж отпечатан в Издательском центре Ульяновского государственного университета
Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 10.06.2016.
Дата выхода в свет 10.06.2016.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 23,2.
Тираж 2000 экз. Заказ 83

Главный редактор
Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора
Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь
Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

Редакционная коллегия

Арзамаскин Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор
Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, профессор
Дергунова Нина Владимировна — доктор политических наук, профессор
Донина Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор
Еняшина Наталья Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент
Калинина Наталья Валентиновна — доктор психологических наук, профессор
Липатова Надежда Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент
Магомедов Арбахан Курбанович — доктор политических наук, профессор
Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор
Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Бакланов Сергей Борисович — кандидат технических наук, доцент, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Морозов Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Шмелева Наталья Борисовна — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Шустова Инна Юрьевна — доктор педагогических наук, с.н.с., ФГБНУ ИСТО РАН (Москва)

Щелина Тамара Тимофеевна — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета (Арзамас)

© Ульяновский государственный университет, 2016

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы;
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций;
- Рукописи авторам не возвращаются;
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» обязательна.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ 9

Рогашова Е. А., Федулова А. В.
РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ: НА МАТЕРИАЛАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ 9

Точеный Д. С., Точеная Н. Г.
КТО ЖЕ УБИЛ А. С. ПУШКИНА? СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ «ПРОКУРОРАМ» И «ЗАЩИТНИКАМ» (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ) 14

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА 25

Еняшина Н. Г., Седова А. О.
КРЕАТИВНОСТЬ КАК ВАЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО СПЕЦИАЛИСТА 25

Машарский З. В.
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИГАДНОЙ РАБОТЫ КАБИННОГО ЭКИПАЖА ВОЗДУШНОГО СУДНА 30

Михайлина И. А., Мухамметжанов Э. Р., Мухамметжанов Р. Р.
ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ДЕТЯМ-СИРОТАМ И ДЕТЯМ, ОСТАВШИМСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 33

Ощепков А. А., **Салахова В. Б.**
ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ МОЛОДЕЖИ, СКЛОННОЙ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ 37

Пфау Т. В., Семенова Е. Д.
ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОЕЙ И ЧУЖИМ ЭТНИЧЕСКИМ ГРУППАМ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХАКАССКОЙ, ТУВИНСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ) 42

Хайрудинова Р. И., Агаджанова Э. Р., Сербина М. А.
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ 46

Шабанова О. В., Потапова А. А.
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ВУЗЕ 50

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПЛОЩАДКИ: НАУКА И ПРАКТИКА

Белик И. С.
РОЛЬ ДИАГНОСТИКИ КАК СРЕДСТВА ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИКА 54

Мойсеенко М. В.
О РОЛИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 58

Петров М. Е.
ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА 61

Филиппова Т. А.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В СВЕТЕ ВНЕДРЕНИЯ ФГОС И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ПЕДАГОГА 66

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ 70

Кадрия Д. К.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ И ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕАЭС 70

Саблина М. А.
ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СПЕЦИФИКА РОЛИ 75

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ 79

Захарова Ю. Н., Мартынов С. В., Мызрова К. А., Степанова Е. В.
ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИНТЕРНЕТ-ПРОДАЖ 79

Захарычева О. Ю., Куликова Е. В.
ТЕКУЧЕСТЬ КАДРОВ КАК ОСНОВНОЙ СТОП-ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ 83

Мызрова К. А., Артамонова М. В., Буянкина И. В., Мартынов С. В.
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИНДУСТРИИ СПОРТА 88

Смолькин В. П., Чертушкина Т. А.
ПОДХОДЫ К РАСЧЕТУ ВЕЛИЧИН ГОСУДАРСТВЕННЫХ НОРМАТИВОВ НА ОДНОГО РЕБЕНКА С ОВЗ (ПО РАЗНЫМ НОЗОЛОГИЯМ) 91

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ 96

Баранец Н. Г.
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ПОД КОНТРОЛЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 96

Баранец Н. Г., Верёвкин А. Б.
Э. Я. КОЛЬМАН — ИДЕОЛОГ В МАТЕМАТИКЕ 100

Волгин И. В., Мартыненко А. В.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОК-КУЛЬТУРЫ 105

Митина И. Д., Мартыненко А. В., Митина Т. С.
ТИПОЛОГИЯ И ФОРМЫ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ФОНДА ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ 110

Митина И. Д., Митина Т. С.
СПЕЦИФИКА ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЖИВОПИСИ 115

Потанина Л. Е., Шабалкина Е. Е.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА НАУКИ В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ» 120

Русина О. В.
КЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ГЕНЕЗИСА 124

Сковикова Е. Г.
МУЗЫКАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. С. СЕРОВОЙ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ 127

Смыслов В. В.
БИНАРНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В МЕНТАЛИТЕТЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ 131

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ 141

Андреева Ю. В.
НОВЫЙ ФОРМАТ МОЛОДЕЖНОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: МЕЖДУ «БЛИЗКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ» И «ДАЛЕКОЙ ПОЛИТИКОЙ» 141

Власова Н. В., Фильченкова А. С.
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМЫ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ 153

Кузьмина (Старкова) Е. В.
ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В Г. УЛЬЯНОВСКЕ (С 1990-Х ДО СЕРЕДИНЫ 2000-Х ГОДОВ) В ИЗЛОЖЕНИИ ЭКСПЕРТОВ 157

Лободюк Т. М., Власова Н. В.
ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ СМИ В РОССИИ 164

Рассадина Т. А.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 168

Цветкова О. В.
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 173

Шабанова О. В., Шаброва А. Д.
Б. Ф. МАЛЕШЕВСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ 177

ФИЛОЛОГИЯ 180

Васильчикова Т. Н.
ТЕОРИЯ ИНТЕРТЕКСТА В ФИЛОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ 180

Урунова Р. Д.
К ВОПРОСУ О ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМАХ РУССКОГО ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ 187

ИНФОРМАЦИЯ 192

Аннотации научных статей, рецензии, отзывы 192

Урунова Р. Д.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е. П. ИВАНЯН «СЕМАНТИКА УМОЛЧАНИЯ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ» (Москва : Изд-во «ФЛИНТА», 2015. 328 с.) 192

Наши авторы 194

Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» 200

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY 9

Rogashova E. A., Fedulova A. V.
REGIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE HUMANITARIAN SECTOR: ON MATERIALS OF THE ULYANOVSK REGION 9

Tochenyi D. S., Tochenaya N. G.
WHO KILLED PUSHKIN? FLOOR IS GIVEN TO THE PROSECUTORS AND DEFENDERS (HISTORIOGRAPHICAL NOTES) 14

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS 25

Enyashina N. G., Sedova A. O.
CREATIVITY AS AN IMPORTANT QUALITY OF A COMPETITIVE SPECIALIST 25

Masharskiy Z. V.
SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE TEAM OF AIRCRAFT CABIN CREW 30

Mikhailina I. A., Mukhammetzhanov E. R., Mukhammetzhanov R. R.
ORGANISATION OF ASSISTANCE TO CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE IN ULYANOVSK REGION: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS AND PROSPECTS 33

Oshchepkov A. A., Salakhova V. B.
FEATURES OF LIFE SITUATIONS OF YOUTH PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR 37

Pfau T. V., Semenova E. D.
ETHNIC ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE OF DIFFERENT ETHNIC GROUPS IN RELATION TO THEIR OWN AND OTHERS' ETHNIC GROUPS (ON THE EXAMPLE OF REPRESENTATIVES OF THE KHAKASS, TUVAN AND RUSSIAN NATIONALITIES) 42

Khairudinova R. I., Agadzhanova E. R., Serbina M. A.
FAMILY PSYCHOLOGICAL SERVICES IN ESTABLISHMENT OF ADDITIONAL EDUCATION AS A FACTOR OF IMPROVEMENT OF ADAPTIVE RESOURCES OF CHILDREN WITH DISABILITIES 46

Shabanova O. V., Potapova A. A.
SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL COACHING AS THE FORM OF EDUCATION IN THE COURSE OF VOCATIONAL TRAINING OF SOCIAL WORKERS IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION 50

TEACHING PLATFORM: THE SCIENCE AND PRACTICE

Belik I. S.
DIAGNOSTICS AS MEANS OF STUDYING THE STUDENT'S DEVELOPMENT LEVEL 54

Moiseenko M. V.
ON THE ROLE OF KEY COMPETENCE IN CONTEMPORARY PRIMARY EDUCATION 58

Petrov M. E.
ACTIVITY FEATURES OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES 61

Filippova T. A.
PRIMARY SCHOOL TEACHERS ACTIVITY DURING THE IMPLEMENTATION OF THE FSES AND TEACHER PROFESSIONAL STANDARDS 66

JURISPRUDENCE 70

Kadriya D. K.
LEGAL REGULATION OF CULTURAL VALUES MOVEMENT: THE PROBLEM OF UNIFICATION AND HARMONIZATION OF EEU LEGISLATION 70

Sablina M. A.
PERPETRATOR: ROLE SPECIFIC 75

ECONOMICS AND MANAGEMENT 79

Zakharova Y. N., Martynov S. V., Myzrova K. A., Stepanova E. V.
FEATURES AND TRENDS OF INTERNET SALES 79

Zakharycheva O. Y., Kulikova E. V.
STUFF TURNOVER AS THE MAIN FACTOR THAT AFFECTS DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE 83

Myzrova K. A., Artamonova M. V., Buyankina I. V., Martynov S. V.
IMPLEMENTATION OF PROJECTS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN SPORTS INDUSTRY 88

Smolkin V. P., Chertushkina T. A.
APPROACHES TO CALCULATION THE AMOUNT OF STATE STANDARDS PER ONE CHILD WITH HEALTH LIMITATIONS (ACCORDING TO DIFFERENT NOSOLOGIES) 91

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY 96

Baranets N. G.
HISTORICAL SCIENCE UNDER THE CONTROL OF SOVIET POWER 96

Baranets N. G., Veryovkin A. B.
E. Y. KOLMAN — IDEOLOGIST IN MATHEMATICS 100

Volgin I. V., Martynenko A. V.
PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND THE CONTRADICTIONS OF MODERN ROCK CULTURE 105

Mitina I. D., Martynenko A. V., Mitina T. S.
TYPOLOGY AND FORMS OF CREATIVE TASKS OF ASSESSMENT TOOLS FUND IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRENDS 110

Mitina I. D., Mitina T. S.
SPECIFICITY OF APPROACHES TO THE ANALYSIS AND INTERPRETATION OF WORKS OF ART ON THE EXAMPLE OF PAINTING 115

Potanina L. E., Shabalkina E. E.
MAIN TRENDS OF THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SCIENCE IN THE «SOCIETY OF KNOWLEDGE» 120

Rusina O. V.
CLASSICAL RATIONALITY IN HISTORY SCIENCE: SOCIOCULTURAL DETERMINATION OF ITS ORIGIN 124

Skovikova E. G.
MUSICAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF V. S. SEROVA IN SIMBIRSK PROVINCE 127

Smyslov V. V.
BINARINESS OF RUSSIAN CULTURE AND ITS IMPLICATION IN THE MENTALITY AND NATIONAL CHARACTER 131

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE 141

Andreeva Y. V.
NEW FORMAT OF YOUTH CITIZENSHIP: BETWEEN "CLOSE EVERYDAY" AND "DISTANT POLICY" 141

Vlasova N. V., Filchenkova A. S.
SOCIAL ASPECTS OF ADVERTISING COMMERCIALIZATION ON TV 153

Kuzmina (Starkova) E. V.
EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF COMMERCIAL RADIO IN ULYANOVSK (FROM THE 1990-S UNTIL THE MID 2000-S) AS SUBMITTED EXPERTS 157

Lobodyuk T. M., Vlasova N. V.
COMMERCIALIZATION CHALLENGES OF MEDIA IN RUSSIA 164

Rassadina T. A.
SOME ISSUES OF CIVIL SOCIETY FORMATION IN MODERN RUSSIA 168

Tsvetkova O. V.
ETHNIC CONFLICT IN THE NORTH CAUCASUS 173

Shabanova O. V., Shabrova A. D.
B. F. MALESHEVSKY AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE PENSION SYSTEM IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA 177

PHILOLOGY 180

Vasilchikova T. N.
INTERTEXT THEORY IN PHILOLOGY: MAIN STAGES OF HISTORICAL FORMATION 180

Urunova R. D.
PREPOSITIONAL FORMS OF RUSSIAN PERSONAL-DEMONSTRATIVE PRONOUNS 187

INFORMATION 192

Summaries of scientific articles, reviews, responses 192

Urunova R. D.
REWIEV ON THE BOOK OF E. P. IVANYAN "SEMANTICS OF APOSIOPESIS AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN RUSSIAN LANGUAGE" (Moscow : "FLINTA" Publisher, 2015. 328 p.) 192

Our authors 194

Rules of representation and registration of mountig of articles by authors for publication in the «SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK» 200

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Е. А. Рогашова, А. В. Федулова

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ: НА МАТЕРИАЛАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Активизация культурно-гуманитарного взаимодействия России и Китая сегодня является одним из ведущих направлений сотрудничества двух стран. Ульяновская область успешно развивает межрегиональные связи с китайскими провинциями в таких сферах, как образование, туризм и спорт.

Ключевые слова: региональное сотрудничество, гуманитарное взаимодействие, образование, Китайская Народная Республика, Ульяновская область, Российская Федерация.

E. A. Rogashova, A. V. Fedulova

REGIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE HUMANITARIAN SECTOR: ON MATERIALS OF THE ULYANOVSK REGION

Revitalization of cultural and humanitarian cooperation between Russia and China is one of the main directions of cooperation between two countries today. Ulyanovsk region is successfully developing interregional ties with Chinese provinces in such areas as education, tourism and sports.

Key worlds: regional cooperation, humanitarian interaction, education, Chinese Peoples Republic, Ulyanovsk Region, Russian Federation.

В последнее время российско-китайские отношения характеризуются устойчиво высокой динамикой развития, прочной правовой базой и разветвленной организационной структурой двустороннего взаимодействия.

Наиболее значимым документом в истории российско-китайских отношений на современном этапе является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанный Президентом В. В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэминем 16 июля 2001 года в Москве [1]. Главными параметрами новой модели двусторонних отношений являются соответствие коренным национальным интересам, равноправие, взаимовыгодность, стремление сотрудничать во всех сферах, включая гуманитарную.

Новый виток укрепления российско-китайских отношений произошел в 2006—2007 годах, когда отмечались соответственно «Год России в Китае» и «Год Китая в России».

В 2012 году был подписан План действий по развитию российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере до 2020 года [2], предусматривающий проведение масштабных мероприятий: Национальных годов, Годов русского и китайского языков, Годов туризма, Годов дружеского международного обмена (2014—2015 гг.). Их реализация существенно расширила связи в сферах образования, науки, культуры, туризма, спорта, здравоохранения, способствовала укреплению отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Российской Федерацией и КНР.

Новой вехой развития российско-китайских отношений стали 2014—2015 гг., когда отношения России со странами Западной Европы вошли в кризисный период.

Активно развиваются межрегиональные связи. Юридической базой является подписанное 10 ноября 1997 года Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и местными правительствами КНР [3].

Действуют Постоянная рабочая группа по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству и созданный в 1998 году Российско-Китайский Координационный совет по межрегиональному и приграничному сотрудничеству, в который входят представители регионов. Изначально сотрудничество двух стран в рамках данного проекта носило в большей степени характер приграничного регионального сотрудничества [4]. Сейчас подписано более 200 соглашений о сотрудничестве между властями административно-территориальных единиц различного уровня обеих стран.

Ульяновская область взаимодействует с Китаем уже около 20 лет. Первое Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между администрацией Ульяновской области и Народным правительством одной из провинций Китая (Шаньси) было заключено ещё в октябре 1997 года. В целом отношения региона и Китая выстраивались по нарастающей и постепенно [5]. 17 октября 2014 года в посольстве КНР в РФ прошла презентация Ульяновской области. Это была 6-я презентация субъектов РФ, прошедшая в посольстве КНР в РФ.

Сегодня регион активно сотрудничает с четырьмя провинциями Китая (Шаньси, Хунань, Аньхой, Хэбэй), с рядом городов налажены побратимские связи.

Согласно данным УФМС по Ульяновской области, только за 2010—2015 гг. количество китайских граждан, пребывающих на территории Ульяновской области, увеличилось в геометрической прогрессии (см. общую графу «Всего» табл. 1).

Следует отметить, что односторонние миграционные потоки из Китая в Ульяновск незначительны. За последние пять лет вид на жительство получили всего пятеро граждан КНР. Большая часть выданных в 2010—2015 гг. виз являются многократными и предоставляются китайским студентам и участникам других образовательных программ: из 226 виз такого типа 134 связаны с учебой, что составляет 59,2 %.

Таблица 1

Данные миграционного учета пребывания граждан КНР на территории Ульяновской области (выборочные данные)*

Год	По приглашению			По целям					Всего
	Всего	Юридические лица	Частные лица	Туризм	Деловая	Работа	Частная	Служебная	
2010	26	23	2	21	7	22	2	-	108
2011	38	30	8	124	32	20	8	3	267
2012	34	29	5	72	65	21	5	21	269
2013	66	58	8	152	105	22	7	7	419
2014	31	30	1	192	153	38	7	80	619
2015	41	41	-	178	173	25	11	19	576

* Составлено на основании данных, предоставленных УФМС России по Ульяновской области за 2010—2015 гг.

Таким образом, как видно из таблицы, значительная часть граждан Китая приезжает в Ульяновскую область с гуманитарными целями, в том числе такими, как туризм.

Сотрудничество в сфере образования, где в данный момент реализуются 12 межвузовских соглашений, является традиционным для Ульяновской области направлением сотрудничества [7].

По информации профильного ведомства, Ульяновский государственный университет (УлГУ) активно взаимодействует с китайскими коллегами с 2003 года. Сотрудничество идет при серьезной поддержке Министерства образования РФ, которое предоставляет целевые бюджетные места. В 2014 году в УлГУ возобновились курсы китайского языка, которые проводятся волонтерами Хейлунцзянского университета.

В 2010—2015 гг. в УлГУ прошли обучение более 80 студентов из Китая: в 2010 году обу-

чалось 25 студентов из Китая, в 2011 — 14, в 2012 — 17, в 2013 — 13, в 2014 — 6, 2015 — 16.

В основном китайская молодежь выбирает направления «Филология» и «Журналистика», хотя их интересуют и другие специальности, например, «Экономика» и «Связи с общественностью + Журналистика». Перед началом основной части обучения все китайские студенты в течение года проходят подготовительные языковые курсы русского языка. Таким образом, вся программа занимает пять лет. Помимо этого, УлГУ предоставляет возможность закончить магистратуру или аспирантуру. По информации международного отдела УлГУ, таких студентов к 2016 году было уже двое (аспирантура была закончена успешно в 2013 году, а магистратура — в 2015 году). Специалисты отдела отмечают, что скорее всего количество китайских студентов (в основном это девушки) в будущем будет только расти.

Взаимодействие Ульяновского государственного технического университета (УлГТУ) с КНР длится порядка 18 лет, в этом году УлГТУ подписал соглашение об академической мобильности с Технологическим университетом Северного Китая. В рамках достигнутых договоренностей предусматривается организация летних и зимних международных школ по повышению квалификации или частичному обучению, проведение курсов и специализированных программ на иностранных языках, ряд научных мероприятий, а также программа двойных дипломов.

По информации профильного отдела, в УлГТУ за 2010—2015 гг. прошли обучение всего 20 китайских студентов: в 2010 году — 4, в 2011 — 4, в 2012 — 4, в 2013 — 4, в 2014 — 4, в 2015 — 4.

В отличие от УлГУ, здесь большинство студентов-китайцев — юноши, которые поступают на специальности «Приборостроение» и «Машиностроение». Ульяновский государственный технический университет также предоставляет возможность закончить подготовительные курсы (в этом году там обучается 1 студент из Китая) и магистратуру (1 студент в этом году).

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (УлГПУ) осуществляет обучение китайских студентов в рамках соглашения по магистерской программе «Педагогическое образование», профиль «Русский язык как иностранный» на базе китайского бакалавриата. В 2015 году 6 человек получили соответствующие дипломы. Что касается бакалавриата в рамках УлГПУ, то за 2013—2015 гг. обучение в вузе закончили 22 студента-китайца: в 2013 году — 6, в 2014 — 10, в 2015 — 6. Большая часть студентов — это девушки, обучающиеся на внебюджетной основе.

Таблица 2

Динамика количества китайских студентов, обучающихся в вузах Ульяновска*

Вуз	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Аспирантура	Магистратура
УлГУ	25	14	17	13	6	16	+	+
УлГТУ	4	4	4	4	4	4	-	+
УлГПУ	-	-	-	6	10	6	-	+

* Составлено на основании данных, предоставленных профильными отделами вузов.

Следует отметить, что УлГУ активно взаимодействует с Джаньгнаньским, Хейлунцзянским, Хунаньским педагогическими университетами, а также Тяньцзиньским международным институтом культуры. УлГТУ ведет работу с Технологическим университетом и Пекинским университетом почты и телекоммуникаций, УлГПУ — с Чанчуньским институтом Гуанхуа [8].

В этом году заключено соглашение между Ульяновской государственной сельскохозяйственной академией и Китайским государственным институтом пищевой и ферментативной промышленности и Китайско-российским технопарком.

Кроме того, в рамках развития взаимодействия ульяновских вузов и университетов КНР ежегодно подписывается ряд соглашений о студенческих обменах, участии в совместных выставках, конкурсах, форумах.

Что касается такого направления сотрудничества, как туризм, то еще в советское время Ульяновская область была в этой сфере (как родина В. И. Ленина) достаточно привлекательна для КНР. Поэтому неудивительно, что первый совместный инвестиционно-туристический проект России и Китая (проходящий через территорию ПФО) «Красный маршрут» был запущен в 2014 году при активном участии Ульяновской области [6].

Согласно данным УФМС по Ульяновской области, за 2010—2015 гг. динамика количества туристов из КНР на территории области выглядит следующим образом: в 2010 году из 108 поставленных на учет граждан Китая 21 были зарегистрированы как туристы (что составляет 19,4 % от всех прибывших), в 2011 году из 267 — 124 (46,4 %), в 2012 из 269 — 72 (26,7 %), в

2013 из 419 — 152 (36,2 %), в 2014 из 619 — 192 (31,0 %), а в 2015 из 576 — 178 (28,7 %).

Таким образом, исходя из статистических данных, можно отметить, что Ульяновская область для китайских граждан и помимо «Красного маршрута» является достаточно привлекательной в плане туризма.

Однако, несмотря на значительное увеличение количества туристов из КНР за последние годы, процентное соотношение с общим числом китайцев, пребывающих на территории региона, сокращается, что говорит о серьезном расширении и других направлений российско-китайского взаимодействия.

Еще одним направлением гуманитарно-молодежного взаимодействия Ульяновской области и Китая является спорт. Новое направление появилось в связи с подготовкой Чемпионата мира по футболу 2018 года, который должен состояться в России. В рамках соглашения, которое подписали Президент Чунцинского международного туристического агентства «ЦзюБай» Чэн Юаньшэн и руководитель Ульяновского областного ресурсного центра развития туризма и сервиса Юлия Скоромолова, будет реализован международный спортивно-туристический проект «Навстречу чемпионату мира по футболу — 2018». В его рамках будут организованы поездки футбольных молодёжных команд из Китая в Ульяновск на 15 дней [9].

Как отмечал Губернатор области Сергей Морозов, принимавший участие в работе XVI заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству (Сиань, КНР) в 2015 году, «гуманитарное сотрудничество Ульяновской области с КНР активно продолжается, и на сегодняшний день охватывает такие сферы, как туризм, образование, наука, медицина, культура, спорт, работа с молодёжью, проведение научно-исследовательских проектов и укрепление культурных связей» [10].

В 2016 году между Ульяновской областью (в составе ПФО) и провинцией Хунань подписано 21 рамочное соглашение о сотрудничестве, осуществляется подготовка к подписанию ещё 10 проектов таких договорных документов — сообщил заместитель полпреда Президента РФ в ПФО Алексей Сухов. Также он отметил, что рассматривается возможность заключения Меморандума о взаимодействии между Министерством образования и науки Ульяновской области и Департаментом образования провинции Хунань КНР, а также Меморандума о взаимопонимании и дальнейшем укреплении сотрудничества между Министерством физической культуры и спорта Ульяновской области и Управлением физической культуры и спорта провинции Хунань на 2016—2024 годы [11].

Таким образом, в настоящее время активно развиваются всесторонние отношения стратегического партнерства и культурно-гуманитарного взаимодействия России и Китая, цель которых — формировать устойчивый позитивный образ страны-партнера.

Ульяновская область имеет огромный потенциал в данной сфере, который успешно реализуется.

---

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. URL: http://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html.
2. План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 г. URL: http://www.russiatourism.ru/data/File/news_file202012.pdf.
3. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и местными правительствами КНР от 10 ноября 1997 г. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/a66dfb77d1f91eb743256c8a0047bc22.
4. Подробнее см. материалы сайта МИД РФ: Российско-китайское региональное и приграничное сотрудничество (справочная информация). URL: http://archive.mid.ru//BDOMP/bl-raz.nsf/7b27b40957ce8e5743256a2c00350999/551532686a89598943256c7d00699440; О российско-китайском региональном и приграничном сотрудничестве (справочная информация). URL: http://www.mid.ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/363276/pop_up?_101_INSTANCE_WhKWb5DVBqKA_viewMode=tv&_101_INSTANCE_WhKWb5DVBqKA_qrIndex=0 и др.
5. Подробнее см.: Инвестиционные послания Губернатора Ульяновской области. URL: http://ulgov.ru/page/index/permlink/id/11183/?util=print; http://ulgov.ru/page/index/permlink/id/8196/?util=print; http://ulgov.ru/page/index/permlink/id/12729/?util=print и др.
6. «Красный маршрут» — соглашение между региональным агентством «Ульяновсктуризм» и крупной туристической компанией КНР «Хуамин Солюкс Интернэшнл Трэвел», которое представляет собой культурно-познавательный восьмидневный гранд-тур с посещением двух столиц России и Родины В. И. Ленина по маршруту Москва — Санкт-Петербург — Ульяновск. Подробнее см.: URL: http://ulgov.ru/news/regional/2014.01.31/32224; http://ulgov.ru/news/regional/2016.03.24/42537 и др.
7. Ульяновская область продолжает развивать сотрудничество с Китайской Народной Республикой в сфере студенческих обменов. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2015.09.23/40475.

8. В Китае презентован потенциал вузов Ульяновской области. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2014.12.12/36800.
9. Молодёжные футбольные команды из Китая будут тренироваться в Ульяновской области. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2016.02.18/42241.
10. Губернатор Сергей Морозов: «Мы ведём переговоры с «Волга-Днепр» об открытии прямого авиасообщения с КНР». URL: http://ulgov.ru/news/important/2015.10.09/40669.
11. Ульяновская область подпишет несколько соглашений с КНР. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2016.03.19/42492.

Д. С. Точеный, Н. Г. Точеная

КТО ЖЕ УБИЛ А. С. ПУШКИНА? СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ «ПРОКУРОРАМ» И «ЗАЩИТНИКАМ» (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

О трагической смерти «солнца нашей поэзии» написаны тысячи работ, но они не приблизили нас к ответу о главном виновнике этого печального события.

Ключевые слова: убийство, П. Е. Щеголев, Николай I, Бенкендорф, Уваров, Герцен, Огарев, Дантес, Сальери, Н. Я. Эйдельман, Э. Багрицкий, А. Ахматова, Р. Г. Скрынников, Л. Аринштейн, Д. С. Мережковский, А. Блок.

D. S. Tochenyi, N. G. Tochenaya

WHO KILLED PUSHKIN? FLOOR IS GIVEN TO THE PROSECUTORS AND DEFENDERS (HISTORIOGRAPHICAL NOTES)

There are thousands of works about the tragic death of "the sun of Russian poetry". But they have not brought us closer to the answer about the main culprit of the sad event.

Key words: murder, P. E. Shchegolev, Nikolas I, Benkendorf, Uvarov, Herzen, Ogarev, Dantes, Salieri, N. J. Eidelman, E. Bagritsky, A. Ahmatova, R. G. Skrynnikov, L. Arinshtein, D. S. Merezhkovsky, A. Blok.

На необычные трудности, возникающие перед исследователями последних дней жизни великого поэта, сетовали многие выдающиеся литературоведы. «Что делать! — жаловался в середине XIX века первый его биограф П. В. Анненков. Он (Пушкин) в столице, женат, уважаем — и потом вдруг убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. Есть кое-какие факты, но плавают они в пошлости» [1].

В 1916 году П. Е. Щеголев, более чем яркая звезда пушкиноведения, констатировал с долей сожаления: «Количественно литература о дуэли и смерти поэта велика, но качественное ее значение прямо ничтожно. Кажется, ни об одном периоде жизни поэта нет такого множества рассказов, воспоминаний современников, писем, но материалов документального характера в этом обилии крайне мало, а критические исследования имеющихся материалов просто отсутствуют в пушкинской литературе» [2].

Спустя несколько десятилетий мысль П. Е. Щеголева развил Н. Я. Эйдельман: «Каждый пишущий и читающий о Пушкине, углубляясь в дьявольские хитросплетения интриги, ищет ответа на главнейший и простейший вопрос: так от чего же погиб Пушкин. Ищет и затрудняется. Во-первых, сюжет крайне деликатный, где даже крупнейшие специалисты порою сбивались на бытовые мелочи, невольно отдавали дань сплетням, допускали этические просчеты. Во-вторых, проблема фактов: многих подробностей мы не знаем, важнейшие слова были в свое время не записаны, а только произнесены. Отсюда обилие необоснованных, искусственных гипотез: в то же время фактов не так уж мало, в них легко утонуть, крайне трудно вовремя отвлечься для необходимых обобщений. В-третьих, постоянная опасность, подстерегающая любого исследователя, а историка нравов, человеческих отношений в особенности: речь идет об измерении прошедшего мерками другой эпохи, позднейшими психологическими нормами» [3].

Причины гибели А. С. Пушкина анализировали мемуаристы, писатели, журналисты, драматурги, политики, медики, психологи, философы, филологи. В большинстве случаев они называли пофамильно виновников смерти великого поэта, высказывали самые различные версии событий, приведших в итоге гениального художника слова к трагическому концу. В целом на протяжении почти 180 последних лет авторы воспоминаний, обществоведы, специалисты-пушкинисты разделились на три основных направления. Представители первого именовали главным злодеем Николая I, выразители взглядов второго кляли на чем свет стоит окружение им-

ператора, сторонники третьего не жалели отрицательных эпитетов применительно к светскому обществу.

Кажется, что среди отечественных историков (и среди широкой публики тоже) до сих пор преобладало мнение, что к роковому выстрелу, оборвавшему жизнь лучшего поэта России, причастен в той или иной степени Николай I — мучитель нашего многострадального народа. Одним из первых облик этого палача, сжившего со света автора «Евгения Онегина», нарисовал А. И. Герцен: «Император вернул Пушкина из ссылки через несколько дней после того, как были повешены по его приказу герои 14 декабря. Своей милостью он хотел погубить его в общественном мнении, а знаками своего расположения — покорить его. Продолжая комедию, Николай произвел Пушкина в камер-юнкеры. В 1837 году Пушкин был убит одним из чужеземных наемных убийц, которые подобно наемникам средневековья или швейцарцам наших дней готовы предложить свою шпагу к услугам любого деспотизма. Он пал в расцвете сил. Царь лишил народ права похоронить своего поэта. Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех толкает в могилу неумолимый рок» [4].

Заклеймил преступление Николая I и друг А. И. Герцена — известный публицист и революционер Н. П. Огарев:

Он зло, и низостно, и больно
Поэту душу уязвил,
Когда коварными устами
Ему он милость подарил
И замешал между рабами
Поэта с вольными мечтами [5].

В конце XIX века историк литературы А. Д. Скабичевский тоже нанес яркий мазок в карикатурный портрет инквизитора Николая I. Он подчеркнул, что французский подданный Ж. Дантес, убивший А. С. Пушкина, состоял «под особенным покровительством императора» [6]. Ничуть не сомневался в черных замыслах царя и профессор истории, энциклопедически образованный П. Н. Милюков. Разоблачая Николая I, этот общественный деятель заключил: «Он был, в сущности, единственным лицом, которое могло бы предупредить развязку, если бы хотело. Император ничего для этого не сделал. Он, напротив, считал, что «дерзкое» письмо Пушкина к Геккерну сделало Дантеса правым в сем деле» [7].

Советские историки, обязанные в соответствии с коммунистической идеологией беспощадно разоблачать самодержавие, без обиняков называли царя убийцей великого поэта. Так, М. Н. Покровский, самый маститый служитель богини Клио в 20-е годы XX века, заявил, что император-развратник уничтожил А. С. Пушкина, чтобы овладеть его красавицей-женой [8]. В период доминирования культа личности Сталина у отечественных обществоведов прочно утвердилось мнение, что национальную политическую гордость при дворе окружала обстановка неуважения, зависти и недоброжелательства, что там назрел заговор против А. С. Пушкина. И руководил кучкой аристократов-мерзавцев сам Николай I. «Александр Сергеевич, — писал в 1936 году один из ведущих идеологов ВКП(б) В. Кирпотин, — чувствовал себя затравленным. Его обступила стена врагов. Царь насильно держал поэта в этом пекле, не выпуская его из Петербурга, требуя его участия в придворной и светской жизни. Доведенный до крайности, Пушкин решил любой ценой добиться какого бы то ни было выхода из создавшегося положения. Он попытался в последний раз найти управу на своих врагов у царя. Он сообщил Николаю о ведущейся интриге, по-видимому, дав ему понять, что распускаемые сплетни чернят и самого царя. Николай приказал ему молчать. Тогда Пушкин решил сразиться хоть с одним из своих врагов не на жизнь, а на смерть» [9].

Тезисы В. Кирпотина механически (порой, правда, с элементами художественной фантазии) перепевались не только до распада тоталитарной системы, но иногда и после. Профессор высшей партийной школы Э. Н. Бурджалов в 1940 году осудил невиданно жестокое отношение к А. С. Пушкину: «Царь и поэт неизбежно должны были разойтись в разные стороны. Свободолюбивый поэт не мог примириться с существующим порядком. Он не находил выхода из кошмара николаевской реакции. Самодержавие следило за каждым шагом поэта, против него возбуждали следствия, ему делали выговоры. Пушкин чувствовал себя одиноким в среде тогдашнего дворянства. Гениальный русский поэт, восславивший свободу, пал в результате той травли, которую организовало против него высшее общество России во главе с самим царем» [10].

Раскрывая безнравственный облик Николая I, некоторые литературоведы пытались доказать, что император сыграл зловещую роль не только в организации дуэли, но и принял все меры к умерщвлению раненого поэта. И. Сергиевский

выразил убеждение в том, что рана, нанесенная Пушкину, была не смертельна, хотя и опасна. Если бы в то время были приняты нужные меры, жизнь поэта, может быть, удалось бы спасти. Но затеянный против него заговор продолжал действовать с прежней неуклонностью. Начинается ряд моральных пыток, преследующих одну цель: довести Пушкина до могилы. Приходит письмо от царя, в котором обессиленному страданиями поэту предлагается немедленно, пока он жив, принять все меры, чтобы не был разглашен подлинный смысл случившегося. Получив это приказание, Пушкин велел вынуть из ящика стола и у себя на глазах сжечь какой-то документ, который, очевидно, мог бы пролить свет на многие обстоятельства, предшествовавшие дуэли.

Поэту строго было рекомендовано воздержаться от каких бы то ни было обвинений по адресу истинных виновников катастрофы. Его, человека неверующего, давнего врага всяческой обрядности, заставили позвать священника и выполнить комедию исповеди и причастия. Да и лечили Пушкина не слишком усердно. Не были применены некоторые медицинские мероприятия, диктовавшиеся наукой того времени. Кто знает — не получил ли пользовавший его лейб-медик Арендт соответствующих внушений свыше, хотя и высказанных в достаточно завуалированной форме. Все эти меры приводят к желанному для властей результату: 29 января (10 февраля по н. ст.) 1837 года, в 2 часа 45 минут пополудни, одного из величайших гениев не стало [11].

Вопрос о том, правильно ли лечили А. С. Пушкина после ранения, также привлек внимание Б. Мейлаха. После долгих размышлений над соответствующими документами и статьями светил медицинской науки он пришел в 1975 году к следующему безапелляционному заключению: «Николай I был, несомненно, заинтересован в скорейшей смерти раненого поэта. Имелись серьезные отступления от врачебной этики, сознательно или бессознательно допущенные под воздействием хитроумно-иезуитской тактики коварнейшего из российских самодержцев» [12].

В завершающий период существования СССР литературоведы отказались от соблазна проведения параллелей между историческими сюжетами Сальери — Моцарт и Николай I — Пушкин: достоверных фактов на этот счет никто так и не смог обнаружить. Все осталось на уровне ярких, но необоснованных предположений. Однако ненависть к императору не ослабевала. Вот как прокомментировал в 1989 году В. В. Кунин последнюю встречу императора и великого поэта: «Пушкину дана личная аудиенция. Николай I, как бы теперь не камуфлировали это различными логическими построениями, не прочь был избавиться от поэта. Независимых людей при дворах не выносят — их иногда только терпят. Царь сделал очередной тактический ход. Он успокоил Пушкина, взял с него слово «не драться» и «в случае чего» повелел обратиться прямо к нему. Уже в который раз в жизни Пушкина царская милость оказывалась горче наказания» [13]. Итак, государь взял слово у Пушкина «не драться» на дуэли без его разрешения. Так что же здесь дурного можно усмотреть? В чем можно обвинить императора?

А вот еще один пример недобросовестной интерпретации документа. В 1848 году Николай I поделился с М. Корфом воспоминаниями о великом поэте: «Я впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного и покрытого ранами от известной болезни.

— Что сделали бы Вы, если 14 декабря были в Петербурге? — спросил я его между прочим.

— Стал бы в ряды мятежников, — отвечал он. На вопрос мой, переменился ли образ его мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я его отпущу на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14 декабря, но очень долго колебался с прямым ответом и только после долгого молчания протянул руку, с обещанием — сделаться другим. И что же? Вслед за тем он, без моего позволения и ведома, ускакал на Кавказ! К счастью, там было кому за ним присмотреть, Паскевич не охотник шутить».

И вот какой вывод сделал Н. Я. Эйдельман по прочтении этого сообщения: «Поражает неприязнь, злость и, пожалуй, даже отвращение, с которым говорил о Пушкине царь с его странным знакомым. Создается впечатление, что с годами Николай I все больше и больше недоволен Пушкиным и посылает ему, так сказать, посмертный выговор» [14]. Нам представляется, что Н. Я. Эйдельман, рисуя портрет императора, сгущает краски. (К тому же Пушкин на Кавказе явно рисковал жизнью, пытаясь убить хотя бы одного турка. Паскевич запретил ему участвовать в военных действиях.)

После распада Советского Союза, как известно, произошло переосмысление многих исторических проблем, даны совершенно иные оценки деятельности ряду государственных деятелей России. Меньше повезло Николаю I.

Большинство исследователей по-прежнему рассматривают этого императора как прямого, а в лучшем случае косвенного убийцу гениального поэта.

Ободовская И. и М. Дементьев на исходе второго тысячелетия продолжали в своих научных трудах бичевать российского царя, сумевшего задушить простодушного автора «Евгения Онегина». «Чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение, — полагают они, — Николай I вызвал Пушкина из ссылки и обещал ему быть его цензором. Пушкин поверил в «милости» царя, в его желание либеральных реформ. Однако вскоре понял, что эти надежды неосновательны. Николай I, прекрасно понимая оппозиционную сущность Пушкина и продолжая внешне разыгрывать «покровителя» поэта, по существу, преследовал, угнетал его как человека и писателя. Пушкин неоднократно пытался вырваться из Петербурга, но каждый раз это вызывало недовольство Николая I, стремившегося удержать поэта в столице под надзором. Окружавшая Пушкина обстановка в конце концов привела к гибели» [15].

Благому Д. Николай I представляется в облике коварнейшего змея-обольстителя: «Четыре месяца, проведенные молодыми Пушкиными в Царском Селе, были едва ли не самыми счастливыми, самыми безоблачными. Но в те же счастливейшие дни произошла встреча Пушкиных во время прогулок с царской четой. Она превратила так трудно завоевываемое счастье в жизненную дорогу поэта не только в уныние, но и роковой погибельный путь». И когда царь назначил ему годовое приличное жалование, то Александр Сергеевич по наивности «не подозревал во что обернется ему новая милость царя» [16].

Яркой догадке Д. Благого о «роковой роли императорской четы» в судьбе поэта несколько иное толкование дал Е. Стеценко. Потрясающее открытие озарило его. Оказывается, последняя дуэль Пушкина была продуманной и спланированной акцией, проведенной Николаем I и Александрой Федоровной. «Анализируя все свидетельства, дошедшие до наших дней, — заявил в 2011 году этот литературовед, — мы невольно заметим, как все высказанное соединится в четкое и последовательное повествование, и тогда у нас не будет сомнений в обвинении обоим Геккернам: злодейское, подлое, преднамеренное убийство Александра Сергеевича Пушкина под видом честного поединка! Известно, что убийца русского поэта по весьма сомнительным причинам был освобожден от сдачи экзамена по уставу службы, военному судопроизводству и русскому языку; после чего барон Дантес, по сути сказать, нищий и вышедший из неименитого рода, зачисляется в Кавалергардский полк! Есть также исторические данные, что до поступления на службу он был представлен российской императрице Александре Федоровне, а полку его представил сам император Николай I» [17].

Со всем пылом страсти обличали Николая I не только историки, литературоведы, но и художники слова. М. Цветаева, размышляя о целесообразности слома монументов в царской России, категорично заявила: «Единственный памятник, который следовало, несомненно, сбить, это памятник императору, убийце Пушкина. Или, щадя работу Клодта, сделать надпись: «Памятник, воздвигнутый убийце Пушкина». Разъясняя более детально свою позицию, она написала: «Николай I Пушкина ласкал, как опасного зверя, который вот-вот разорвет. Николай I посадил Пушкина в клетку, а клетку позолотил (мундир камер-юнкера, открытый доступ в архив. В итоге вместо жизни — смерть)» [18]. Поэтесса А. Ахматова, как и М. Цветаева, не раз поминала Николая I недобрым словом. В частности, она отметила, что император сыграл в жизни А. С. Пушкина крайне неприглядную роль (обманул его ужасным и беспощадным образом накануне дуэли) [19].

Искренние чувства миллионов простых советских людей к извергу-императору точно воспроизвел Э. Багрицкий:

Наемника безжалостную руку,
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвои
Следит упорно, — взведены ль курки.
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые скользкие зрачки [20].

Трактовка Николая I как отпетого негодяя утвердилась, естественно, и в учебных пособиях. И. В. Кузнецов и В. И. Лебедев в книге для учителей создали портрет тирана, уничтожающего без колебаний всех носителей вольномыслия: «Царь преследовал не только создание тайных кружков и организаций, но и всякое стремление к свободе. Жертвами его репрессий стали гениальные русские поэты А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, талантливые поэты Полежаев, Печерин и другие» [21]. Весьма незатейливая легенда о Николае I как средоточии всего российского зла настойчиво внушалась авторами учебников по истории и литературе для восьмиклассников [22].

Кажется, ненависть и презрение к этому императору захлестнули в XX веке не только Российское государство, но и перелились через

его границы. Е. Лецкий, один из ярких публицистов первой волны эмиграции, рассматривал его как исчадие ада: «С мастерством утонченного гения инквизиции Николай Павлович приближал к себе Пушкина, оказывая ему внимание, платя долги, заранее учитывая чувства благородной признательности со стороны поэта. Одновременно тот же царь не снимал с него камер-юнкерского мундира, ни на минуту не спуская с него жандармских глаз, не разрешая выехать за границу, с цензорской подозрительностью следил за каждой строкой его творений и, «рыцарски» склоняясь перед красотой его жены, не давал своего монаршего соизволения на переезд Пушкиных в деревню из ненавистного Петербурга. Царь и боялся Пушкина, его острого слова и чуткой мысли, и не любил — во всяком случае, не умел — ценить его дарования» [23].

Разумеется, по логике обвинителей Николая I, у этого мерзавца должны быть подручные. Правой рукой преступника-императора стал шеф жандармов и начальник III отделения Канцелярии его величества А. Х. Бенкендорф. По разным причинам в глазах части российского общества он стал олицетворением едва ли не вселенского зла — нечто средним между И. Лойолой и М. Скуратовым. Секундант А. С. Пушкина К. К. Данзас одним из первых высказался о неблаговидной роли этого злодея: «На стороне барона Геккерна и Дантеса был, между прочим, и покойный граф Бенкендорф, не любивший Пушкина. Одним этим нерасположением и можно объяснить, что дуэль не была остановлена полицией. Жандармы были посланы в Екатерингоф будто бы по ошибке, думая, что дуэль должна происходить там, а она была за Черной речкой, около Комендантской дачи» [24].

В конце XIX века отрицательную характеристику А. Х. Бенкендорфу дал один из авторов «Энциклопедического словаря»: «Предание и некоторые историки приписывают шефу жандармов в деле декабристов весьма некрасивую роль. Чрезмерная цензурная строгость Бенкендорфа и чрезвычайно суровое отношение его ко всем, кто казался ему политически опасным, тяжелым бременем ложились на духовное развитие русского общества. С упорством и нетерпимостью узкого во взглядах и неумного человека, Бенкендорф старался во всех самостоятельных стремлениях отдельных лиц и всего русского общества найти и уничтожить зародыши ужасного будущего. При этом он мало стеснялся соображениями человечности и даже законом. Несомненна его косвенная виновность в смерти Пушкина» [25].

Гадкую сущность начальника III отделения и его мерзопакостное, ядовитое отношение к великому поэту раскрыл Н. Я. Эйдельман: «Бенкендорф искренне не понимал, что нужно этому Пушкину, но четко и ясно понимал, что нужно ему, генералу, и высшей власти. Поэтому, когда Пушкин отклонялся от правильного пути к добру, генерал писал ему вежливые письма, после которых не хотелось жить и дышать» [26].

Анисимов Е. В. и А. Б. Каменский выявили, пользуясь методикой Н. Я. Эйдельмана, еще одну отвратительную сторону работы А. Х. Бенкендорфа и его вездесущих шпионов-доносчиков, задушивших в своих сетях замечательного поэта: «От всевидящего ока тайной полиции укрыться было невозможно никому. В этом была причина трагедии А. С. Пушкина, отчаянно боровшегося в николаевские годы за неприкосновенность своего внутреннего мира и семьи. Между тем тайных агентов III отделения и жандармов интересовали не только задуманные политические преступления. Они вскрывали частные письма, просматривали книги, которые читают люди. Весной 1934 года Пушкин узнал, что его письмо к жене было распечатано на почте, скопировано и из III отделения доставлено царю» [27].

Брезгливое отношение к шефу жандармов продемонстрировали и другие пушкиноведы. И. Ободовская и М. Дементьев считали, что Бенкендорф «враждебно относится к поэту, письма его к нему были холодно-официальными, зачастую очень резкими» [28]. Д. Благой назвал начальника III отделения «волком в овечьей шкуре» [29]. Но самый бескомпромиссный приговор этому изощренному лицемеру и кровопийце вынес Р. Г. Скрынников: «Поведение Бенкендорфа после кончины Пушкина подтвердило, что шеф жандармов был самым опасным и вероломным врагом поэта» [30].

Кажется, что с Р. Г. Скрынниковым спорить невозможно: действительно, шеф жандармов представлялся многим каким-то мифологическим чудовищем, напоминающим стоглавую гидру. Но, нет, Ю. М. Лотман нашел монстра еще пострашнее. По его мнению, таковым являлся президент академии наук и министр просвещения: «Среди наиболее непримиримых врагов поэта в середине 1830-х годов должен быть назван С. С. Уваров. Конфликт его с Пушкиным не был случайным. Он не щадил никаких средств, чтобы угодить барину (Николаю I). Уваров давал понять императору, что меры, принимаемые Бенкендорфом для обуздания литературы, недостаточны… Соперничество между

Уваровом и Бенкендорфом, между ведомствами идейного руководства и полицейского надзора за литературой, — приводил новые аргументы Ю. М. Лотман, — необходимо учитывать для понимания одного из самых острых конфликтов Пушкина с правительством. Уваров добился, чтобы журнал Пушкина «Современник» проходил кроме цензуры Бенкендорфа еще и обычную, и сознательно давал Пушкину наиболее глупых и трусливых цензоров. Положение Пушкина как литератора делалось невыносимым. Уваров медленно и систематически затягивал на его горле петлю» [31].

Бенкендорф А. Х. и С. С. Уваров являлись для части населения теми фигурами, которые воплощали в себе жадную толпу, стоящую у трона и палаческим образом терзающую гениального поэта. Злодеев-вельмож, имеющих конкретные имена и фамилии, подпирала относительно безликая родовитая знать, или высшее общество, о гнусной роли которого в судьбе А. С. Пушкина с возмущением написал М. Ю. Лермонтов:

Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид.
Восстал он против мнений света
Один, как прежде, и убит.

Точка зрения Михаила Юрьевича находила сторонников и в XIX, и XX веках. Например, она очень понравилась И. Ободовской и М. Дементьеву. «Пушкин, — с предельной простотой сформулировали они свою позицию в 1985 году, — пал жертвою клеветы и ненависти великосветского общества» [32]. Соглашаясь с таким заключением в целом, некоторые публицисты и литературоведы считают необходимым конкретизировать долю участия отдельных представителей знати в убийстве поэта. Пушкинисты успешно выявили несколько подозрительных субъектов света, символизирующих его темные силы.

Аринин В. абсолютно уверен, что один из основных центров высшего общества, объединявших врагов поэта, возглавила «поистине красивейшая из женщин». Именно эта прелестница с таким искусством, таким коварством и жестокостью, на что способна лишь злая женщина, провела интригу против поэта. Пушкин пал жертвою заговора. Дантес был просто исполнителем. Вдохновительницей же заговора являлась, вероятнее всего, женщина. И я ее считаю тоже убийцей поэта. Это Идалия Полетика». Обвиняя ее, В. Аринин приводит, по его мнению, «неопровержимые» факты: «Она была безумно влюблена в Дантеса, подчиненного своего мужа. Тем не менее поощряла его ухаживания за Пушкиной. И более того, изо всех сил старалась свести Наталию Николаевну с Дантесом. Какое-то извращенное сладострастие и жажда мести переполняли ее. Она объединила вокруг себя всех, кто не любил Пушкина». В. Аринин также высказал предположение, что И. Полетика имела прямое отношение к изготовлению и отправке А. С. Пушкину провокационного «документа» — «диплома Ордена Рогоносцев». Столь же любопытно утверждение этого пушкиниста, к сожалению, не подкрепленное никакими аргументами, что И. Полетика была связана с помощником Бенкендорфа, начальником штаба Корпуса жандармов Дубельтом [33].

Тыркова-Вильямс А. нашла другой светский салон, источавший ядовитые пары, очень вредные для поэта. Она вспомнила о догадке Александра II по поводу роли М. Д. Нессельроде, жены министра иностранных дел: «Насколько у этой знатной дамы, которая по положению мужа могла причинять немало зла, была недобрая репутация, можно судить по тому, что император Александр II раз за обедом в Зимнем дворце сказал:

— Мы же знаем теперь автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина. Это Нессельроде.

В этих случайно брошенных словах — указание на ту враждебную официально-светскую атмосферу, где Пушкин задыхался» [34].

Знакомство с биографической литературой о Пушкине приводит едва ли не каждого читателя к бесспорному постулату: высшее общество в первой половине XIX века — это клубок смертоносных змей, скорпионов, тарантулов и прочей нечестии. По нашему мнению, там обитали и настоящие оборотни. Вот, например, Н. Н. Пушкина, которую великий поэт трогательно и восторженно называл часто мадонной. Но некоторые публицисты и литературоведы вскрыли ее подноготную и дали ей совсем другую оценку. А. И. Герцен сказал о том, что Наталья Николаевна сыграла печальную роль в судьбе своего мужа: она «стала причиной его гибели» [35]. Используя сталинскую лексику, советский критик В. В. Ермилов отнес пушкинскую мадонну к категории врагов народа: «Агентура правительства проникала повсюду, она проникла даже в семью Гончаровых. Используя светское легкомыслие Натальи Николаевны, придворная камарилья сделала из жены поэта свое орудие, она подослала своего агента, космополитического проходимца без роду и племени, француза по происхождению, ставшего голландцем по подданству» [36].

Современники-пушкинисты, к нашему удовлетворению, не склонны к употреблению крепких политических выражений по отношению к мадонне, но тем не менее не отвергают мысли о виновности ее в гибели Александра Сергеевича. Е. Рябцев пишет с оттенком грусти, что только после ранения своего супруга она прозрела: «Наконец-то Натали поняла, что случилось. Ее любовь к Дантесу, как к «сказочному» принцу, оказалась смертельной для мужа» [37]. Сходную позицию в оценке ее поведения занимает Ю. Дружников. Анализируя работы выдающихся биографов поэта, он пишет: «Щеголев и Вересаев, собрав огромный материал, прямо обвиняют в смерти Пушкина его жену, и их аргументы очень весомы» [38].

Мы никогда бы не поверили, что обаятельная, чертовски милая, изумительно красивая (мать четверых детей, славных малышек-лапушек) Наталья Николаевна решится на «мокруху» — убийство своего мужа, который в ней души не чаял. Но нельзя не верить целой плеяде пушкинистов, заклеймивших эту жестокосердную гурию. Впрочем, чего не бывает. Возможно в нее вселился бес, подосланный Николаем I, Бенкендорфом, Уваровым или неизвестной нам бандой заговорщиков из числа представителей светского общества. Тем более, что не одна Наталья Николаевна сумела прикинуться бедной овечкой. Бдительные пушкинисты, основательно пошерстив ближайшее окружение поэта, обнаружили там таких мухоморов, что разум отказывается верить.

Например, более полутора веков биографы рассматривали К. К. Данзаса как человека, вполне лояльно относившегося к поэту. А вот Л. Гроссман посмотрел «глубже». «Последние совещания о своей дуэли, — изложил он свои доводы, — поэт имел с лицейским товарищем Данзасом, который никогда не был его другом. Когда в 1820 году Пушкин был близок к самоубийству, рядом были такие друзья, как Чаадаев и Николай Раевский. Он мог с ними обсудить вопрос о жизни и смерти. Теперь ему пришлось обратиться к школьному соученику, внутренне совершенно чуждому. Пушкин один только раз упомянул имя Данзаса в лицейских годовщинах и лишь для того, чтобы отметить, что он был «последним» в их классе. Последним он оказался и в рядах друзей. Он не пытался, как в свое время Липранди, Соболевский, Нащокин, Жуковский и Соллогуб, расстроить поединок или по крайней мере смягчить его условия. Вместе с де Аршиаком он занялся организацией дуэли со смертельным исходом. Расстояние между барьерами — всего десять шагов, что само по себе делало смерть почти неминуемой. Ее неизбежность гарантировал жестокий четвертый пункт составленных секундантами правил: в случаи безрезультатности первого обмена выстрелами дуэль возобновлялась на тех же беспощадных условиях.

Непростительная беспечность Данзаса начала сказываться в полной мере с первого же момента мучительного и грозного ранения Пушкина: ни врача, ни кареты для спокойной доставки тяжелораненого, ни хотя бы бинта или тампона для первой помощи (такая забота входила в круг обязанностей секунданта). Данзасу пришлось пойти на компромисс, не свободный от некоторого унижения, и, скрыв это обстоятельство от Пушкина, принять «любезность» его противников, предложивших карету Геккерна для перевозки истекающего кровью поэта» [39].

Ну да Бог с ним, с Данзасом. Возможно, что он не был сокровенным другом и товарищем поэта и проявил, видимо, некоторую халатность при проведении дуэли. Но как могла А. Тыркова-Вильямс зачислить В. А. Жуковского в число жестоких недругов А. С. Пушкина, виновников его гибели? «В критический момент своей жизни, — подчеркнула она, — задумав выйти в отставку, великий поэт дал Жуковскому себя переспорить, простодушно поверил, что для житейских дел у его старшего друга больше здравого смысла, чем у него самого. Эта уступка оказалась роковой» [40].

В определении виновников, которые лишили жизни поэта, некоторые деятели российской культуры порой высказывали совершенно необычные предположения. Они были туманными, не совсем понятными и даже заумными. «Между тем жизнь Пушкина, — с оттенком мистики размышлял А. Блок, — склоняясь к закату, все больше наполнялась преградами, которые ставились на его пути. Слабел Пушкин — слабела с ним и культура его поры: единственной культурной эпохи в России прошлого века. Над смертным одром Пушкина раздавался младенческий лепет Белинского. Этот лепет казался нам совершенно противоположным, совершенно враждебным голосу Бенкендорфа. Он кажется нам таковым до сих пор. Было бы слишком больно всем нам, если бы оказалось, что это не так. И, если это даже совсем не так, будем все-таки думать, что это совсем не так. Во второй половине то, что слышалось в младенческом лепете Белинского, Писарев орал уже во всю глотку. От дальнейших сопоставлений я воздержусь, ибо довести картину до ясности пока

невозможно; может быть, за паутиной времени откроется совсем не то, что прочно хранится в мыслях, противоположным моим; надо пережить еще какие-то события; приговор по этому делу — в руках будущего историка России. Пушкина убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. Поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем» [41].

Мережковский Д. пришел к заключению, что врагами поэта являлись не только какие-то конкретные личности, но и злобно-агрессивной стала вся страна. «Смерть Пушкина, — рассуждал он, — не простая случайность. Драма с женою, очаровательной Натали, ее милыми родственниками — не что иное, как в усиленном и сосредоточенном виде драма всей его жизни — борьба гения с варварским отечеством. Пуля Дантеса завершила то, к чему вела Пушкина русская действительность. Он погиб, потому что ему некуда было дальше идти, некуда расти. С каждым шагом вперед к просветлению поэт становился все более одиноким и враждебным тогдашнему среднему русскому человеку. Для него Пушкин весь был непонятен, чужд, даже страшен» [42].

Таким образом, отечественные деятели культуры в подавляющей части убеждены в том, что поэта окружал сонм видимых, а может, и незримых врагов, которые в конечном счете и сгубили его. И лишь только некоторые думали иначе. Предоставим слово известному философу В. С. Соловьеву: «По мнению самого Пушкина, повторяемому большинством критиков и историков литературы, «свет» был к нему враждебен и даже преследовал его. Та злая судьба, от которой будто бы погиб поэт, воплощается здесь в «обществе», «свете», «толпе» — вообще в той пресловутой среде, роковое предназначение которой только в том, кажется, и состоит, чтобы «заедать» людей. Пушкина будто бы не признавали и преследовали! Но что же, собственно, не признавали в нем, что было предметом вражды и гонений? Его художественное творчество? Едва ли, однако, во всемирной литературе найдется другой пример великого писателя, который так рано, как Пушкин, стал общепризнанным и популярным в своей среде. А говорить о гонениях, которым будто бы подвергался наш поэт, можно только для красоты слога.

Если несколько лет невольного, но привольного житья в Кишиневе, Одессе и собственном Михайловском — есть гонение и бедствие, то как же мы назовем бессрочное изгнание Данте с Родины, тюрьму Камоэнса, объявленное сумасшествие Тасса, нищету Шиллера, остракизм Байрона, каторгу Достоевского и т. д. Внешние условия Пушкина, несмотря на цензуру, были исключительно счастливыми. Когда говорят о вражде светской и литературной среды к Пушкину, то забывают о его многочисленных и верных друзьях в этой самой среде. Но почему же «свет» более представлялся тогда Уваровым или Бенкендорфом, чем Карамзиным, Вяземским и т. д.? И кто были представителями русской литературы: Жуковский, Гоголь, Баратынский, Плетнев или же Булгарин? Едва ли когда-нибудь был в России писатель, окруженный таким блестящим и плотным кругом людей, понимающих и сочувствующих» [43].

А может быть, в непривычных сентенциях В. С. Соловьева есть доля — и немалая — здравомыслящих суждений? И все-таки А. С. Пушкина окружали или контактировали с ним не только «звери алчные, пиявицы ненасытные», каннибалы и оборотни? Н. М. Смирнов, занимавший должности калужского, санкт-петербургского губернатора и хорошо знавший великого поэта, отметил в своих воспоминаниях: «Государь (Николай I. — *Авт.*) принял его (Пушкина А. С. — *Авт.*) как отец сына, все ему простил, все забыл, обещал покровительство свое и быть единственным цензором всех его сочинений. С тех пор Пушкин посылал государю через Бенкендорфа все свои сочинения в рукописи и по возврате оных отдавал прямо в печать. Государь означал карандашом места, которые не пропускал. Государь был самый снисходительный цензор и пропускал многие места, которые обыкновенная цензура, к которой Пушкин обращался за отсутствием государя, не пропускала» [44].

В 1880 году на открытии памятника А. С. Пушкину выступил составитель и издатель «Русского архива» П. И. Бартенев, который совершенно неожиданно для присутствующих с похвалой отозвался о Николае I: «Господа! Празднуя память великого поэта, помянем добрым словом государя, который освободил его из ссылки, из-под тройного надзора местного губернатора, местного предводителя и соседнего архимандрита и который, как ни тяжело иной раз бывало положение Пушкина, умел усладить последние часы его жизни. Искренняя ему благодарность от беспристрастного потомства» [45]. Еще более высокую оценку императору дал уже упомянутый нами В. С. Соловьев: «Сердечно полюбивший поэта, гордившийся своим Пушкиным, государь знал его необузданный характер и боялся за него. С нежной заботливостью следил он за поступками и после первой

несостоявшейся дуэли (с Дантесом. — *Авт.*) призвал его и потребовал от него честного слова, что в случае необходимости новой дуэли он прежде всего даст об этом знать ему, государю. Но в деле ложной чести была забыта первая обязанность честности. Если бы Пушкин исполнил данное им слово, Россия не потеряла бы своей лучшей славы, и великодушному государю не пришлось бы оплакивать вместе с гибелью поэта и свое рыцарское доверие человека» [46].

Конечно, советские литературоведы никак не могли позволить дружеского или даже нейтрального жеста применительно к злодею-императору. Но тем не менее на это отважился В. Е. Вацуро, и можно расценить такой поступок почти как подвиг: «Условия «договора» Пушкина с правительством не были ни простыми, ни легкими. Николай I не «обманул» его, «умнейшего человека России», и, вероятно, не пытался обмануть» [47].

С началом горбачевской перестройки произошло невиданное: Н. Скатов увидел в императоре не солдафона, не законченного негодяя и душителя свободы, а человека, многие черты которого вызывают симпатии. «Многое в политике Николая, — писал он, — после начала его царствования привлекло к нему многих — и в России, и в Европе. Ставшие почти символическими обозначениями самых мрачных сторон русской жизни — административного и духовного мракобесия (и потому же пушкинских эпиграмм) — Аракчеев и архимандрит Фотий были отстранены. Ставшие почти символическими образами гонителей и погромщиков русского просвещения Рунич и Магницкий, кстати, особенно рьяно преследовавшие еще лицейских пушкинских учителей Куницына и Галича, были, соответственно, первый сослан, второй отдан под суд; оба оказались еще и жуликами-казнокрадами. С другой стороны, возвращался из опалы всегда вызывающий одобрение Пушкина основатель лицея Сперанский. Быстрая и решительная поддержка новым царем борьбы за освобождение Греции, многие годы волновавшей Пушкина, снискала Николаю громкую славу рыцаря Европы, как назвал его Генрих Гейне. И вплоть до 1830 года его как героя-освободителя угнетенных национальностей прославляли, по выражению Маркса, «на всех языках в стихах и прозе» [48].

После распада СССР стало допустимым говорить о том, что Николай I не только терпел вольнодумство поэта, но и заботился о нем. На эту сторону поведения императора обратил внимание Р. Г. Скрынников: «Не следует думать, что Николай I лицемерил, когда высказывал свое расположение Пушкину, давал ему деньги взаймы и платил долги, ограждал от преследований по поводу «возмутительных» сочинений. Наибольшее сближение этих двух людей падает на время Польского восстания, когда поэт предложил монарху использовать его перо и выдвинул проект издания правительственной газеты» [49].

Очень возвышенную оценку отношений императора и поэта дал Л. Выскочков. В своей книге о Николае I он рассказал о том, что царь весьма доброжелательно относился к Пушкину, слегка ухаживая за его женой, и старался предотвратить его дуэль с Дантесом [50].

Аринштейн Л. даже вступил в спор с теми, кто утверждал, что поэт оказался под железной пятой самодержавия, что он, конечно, мог только ненавидеть императора: «Разночинная интеллигенция считала неприличным печатать, будто Пушкин мог сказать что-то одобрительное по отношению к Николаю Павловичу. Прямые высказывания поэта на этот счет («В надежде славы и добра. Гляжу вперед я без боязни», «Он бодро, честно правит нами» и др.) просто игнорировались. Начинавшей идеологизироваться разночинной интеллигенции был так необходим образ Великого поэта — борца с Самодержавием» [51]. Свою точку зрения А. Аринштейн подтвердил анализом серии пушкинских стихотворений, посвященных императору. Мало того, что в них поэт не раз признается в глубоком уважении Николаю I, но и прямо, к ужасу Герцена, Огарева и других оппозиционеров, заявил: «Царю хвалу свободную слагаю: я смело чувства выражаю. Его я просто полюбил».

В 1834 году А. С. Пушкин и вовсе сошел с ума, он написал стихотворение «К Н.». Точную историю его сотворения воссоздал Л. Аринштейн. В одном из вечеров в Аничкове дворце было многолюдно, все ждали появления императора. Однако время шло, загремела музыка, закипели танцы, а государь, к удивлению всех, не выходил. Задержался он надолго. И когда он, наконец, показался, многих поразило его одухотворенное лицо. Особенно оно оставило сильное впечатление в душе Пушкина. Оказывается, Николай I увлекся чтением «Илиады». Родились первые поэтические строки:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали».

Н. В. Гоголь назвал это стихотворение, посвященное российскому императору, «величайшей одой» [52].

Исследователи, обнаружившие, что Николай I относился к великому поэту скорее не как записной злодей, но как требовательный, внимательный и добрый опекун, не считают и его окружение скопищем подлецов и подонков, мечтавших убить, отравить, задушить Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Белинского и др. Скажем кратко: конечно, Бенкендорф, Уваров, Полетика, супруги Нессельроде не питали скорее всего симпатий к А. С Пушкину, возможно, не любили и не читали его стихов, но ведь и вреда, как известно, особенного ему не нанесли.

Не существует убедительных доказательств, что «царская камарилья», «бездушный свет» оказались палачами «Свободы, Гения и Славы» [53]. Все это домыслы. Отсутствие же таковых аргументов, подтверждающих привычную версию о виновности императора, его подчиненных и представителей высшего общества, повергло некоторых советских литературоведов в состоянии растерянности. Сложилась парадоксальная ситуация в оценке причин гибели поэта. С одной стороны, налицо роковой выстрел и смерть А. С. Пушкина, а с другой — нет ответа на вечный вопрос: «Кто виноват?» Выйти из этого явно безнадежного положения все-таки попытался Н. Я. Эйдельман, один из самых талантливых пушкинистов коммунистической эпохи: «Пушкин не видел в Николае I некоего «злого гения». Нет! Весь ужас ситуации был в том, что никто — ни царь, ни Бенкендорф, ни другие отнюдь не имели сознательной цели погубить поэта. Они делали все это в основном «непроизвольно», губили просто самим фактом своего социального существования» [54]. К сожалению, Н. Я. Эйдельман не раскрыл своего тезиса о причинах гибели великого поэта. Так что вопрос о главном виновнике трагической смерти А. С. Пушкина не снимается с повестки дня.

(*Продолжение следует*)

1. *Эйдельман Н. Я.* Статьи о Пушкине. М., 2004. С. 368.
2. *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 24.
3. *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 369.
4. *Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России // Собр. соч. Т. 3. М., 1975. С. 424—425.
5. *Огарев Н. П.* Избранное. М., 1977. С. 26.
6. *Скабичевский А. Д.* Пушкин // Библиотека Флорентия Павленкова: Карамзин, Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Достоевский. Челябинск, 1994. С. 168.
7. *Милюков П.* Живой Пушкин. М., 1997. С. 271.
8. *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Избр. произв. Т. 3. М., 1968. С. 123.
9. *Кирпотин В.* Жизнь и смерть Пушкина // Пролетарский путь. 1937. 10 февр.
10. *Бурджалов Э. Н.* История СССР. Ч. 2. М., 1940. С. 310—311.
11. *Сергиевский И.* А. С. Пушкин. М., 1949. С. 108—109.
12. *Мейлах Б.* Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975. С. 187—188.
13. *Кунин В. В.* 4 ноября 1836 года — 10 января 1837 года // Последний год жизни Пушкина. М., 1989. С. 327.
14. *Эйдельман Н.* Указ. соч. С. 205—206.
15. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1999. С. 298.
16. *Благой Д.* Погибельное счастье // *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1999. С. 37—38.
17. *Стеценко Е.* Просчет барона Геккерна. Краснодар, 2011. С. 5—6.
18. *Цветаева М.* Мой Пушкин. М., 1981. С. 128, 199.
19. *Ахматова А.* Гибель поэта // Вопр. литературы. 1973. № 3. С. 216.
20. Цит. по: *Сарнов Б.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2005. С. 118.
21. *Кузнецов И. В., Лебедев В. И.* История СССР. М., 1958. С. 327.
22. Русская литература. М., 1975. С. 121; *Федосов И. А.* История СССР. XIX век. М., 1986. С. 96.
23. *Ляцкий Е.* Пушкин и его историческая мысль // Заветы Пушкина. Из наследия первой эмиграции. М., 1998. С. 195.
24. *Кунин В. В.* Константин Карлович Данзас // Друзья Пушкина. Т. 2. М., 1984. С. 544; *Стеценко Е.* Указ соч. С. 276.
25. Автор статьи «Бенкендорфы» выступает под инициалами С. Ч. См.: Русский биографический словарь : в 20 т. Т. 2. М., 1998. С. 316, 318, 319.
26. Цит. по: *Шикман А.* Кто есть кто в российской истории. М., 2003. С. 53.
27. *Анисимов Е. В., Каменский А. Б.* История России. 1682—1861. М., 1996. С. 427.
28. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1999. С. 298—299.
29. *Благой Д.* Указ. соч. С. 31.
30. *Скрынников Р.* Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 312.
31. *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1982. С. 218—219.
32. *Ободовская И., Дементьев М.* Наталия Николаевна Гончарова. М., 1985. С. 281.
33. *Аринин В.* Неразгаданные тайны Пушкина. М., 1998. С. 139, 144, 145.
34. *Тыркова-Вильямс А.* Пушкин. Т. 2. М., 1998. С. 441.
35. *Герцен А. И.* Указ. соч. С. 425.
36. См.: *Дружников Ю.* Дуэль с пушкинистами. Псков, 2004. С. 76.

37. *Рябцев Е.* 113 прелестниц Пушкина. Ростов н/Д., 1999. С. 431.

38. *Дружников Ю.* Указ. соч. С. 102.

39. *Гроссман Л.* Пушкин. Т. 2. М., 1960. С. 499.

40. *Тыркова-Вильямс А.* Пушкин. Т. 2. М., 1998. С. 422.

41. *Блок А.* О назначении поэта // Собр. соч. Т. 2. М.-Л., 1962. С. 166—167.

42. *Мережковский Д. С.* А. С. Пушкин // А. С. Пушкин. Антология. Т. 1. СПб., 2000. С. 196.

43. *Соловьев В. С.* Судьба Пушкина // Пушкин. Антология. М., 2000. С. 281, 282, 284.

44. *Смирнов Н. М.* Из «памятных записок» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985. С. 274.

45. А. С. Пушкин. Антология. Т. 1. СПб., 2000. С. 653 (примеч. к тому).

46. *Соловьев В. С.* Памяти императора Николая I // Соч. Т. 2. М., 1989. С. 608.

47. *Вацуро В. Е.* Пушкин в сознании современников // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974. С. 17.

48. *Скатов Н.* Русский гений. М., 1987. С. 273; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. М., 1959. С. 512.

49. *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 310.

50. *Выскочков Л.* Николай I. М., 2006. С. 421—427. (Жизнь замечательных людей).

51. *Аринштейн Л.* Пушкин. Непричесанная биография. М., 2011. С. 158.

52. Там же. С. 155.

53. *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. Т. 1. М., 1957. С. 7.

54. *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 397.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Н. Г. Еняшина, А. О. Седова

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ВАЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО СПЕЦИАЛИСТА

В данной статье рассматривается проблема и актуальность формирования креативности у молодых специалистов в целях повышения их конкурентоспособности. Особое внимание уделяется условиям развития креативности у студентов в процессе их обучения в образовательном учреждении.

Ключевые слова: креативность, конкурентоспособность, молодой специалист, конкурентоспособный специалист.

N. G. Enyashina, A. O. Sedova

CREATIVITY AS AN IMPORTANT QUALITY OF A COMPETITIVE SPECIALIST

This article explores the problem and the relevance of formation of young specialists' creativity to increase their competitiveness. Much attention is also given to conditions of the development of students' creativity in the process of their studying in the educational institutions.

Key words: creativity, competitiveness, young professional, competitive specialist.

В современном обществе наблюдается серьезная конкуренция на рынке труда. Самым главным становится обучение и воспитание не только компетентного и ответственного специалиста, но и человека, который способен быстро реагировать на изменения в нашей стране и во всем мире, развиваться, совершенствоваться. Качествами, которыми должен обладать человек, чтобы достигнуть успеха в современном обществе, становятся: конкурентоспособность, компетентность, креативность, обладание большим объемом знаний, информации и постоянное их обновление.

На сегодняшнем этапе креативная и конкурентоспособная личность становится востребованной для общества. Ведь креативность имеет ценность во всех жизненных областях, где мы можем наблюдать конкуренцию. Например, это политика, бизнес, культура, наука. Сегодня, если ты креативен, то ты уже имеешь преимущество в мире: ты более интересный собеседник, ты отличаешься от других, ты умеешь находить выход из самых различных непредвиденных ситуаций. Поэтому развитие креативности является важным фактором прогресса человечества. А особенно это очень важно для молодежи, ведь именно ей предстоит немало сделать для процветания нашей страны.

Современное профессиональное образование имеет своей целью подготовку квалифицированного, компетентного, гибкого, мобильного и конкурентоспособного специалиста.

В современном обществе возрастает потребность формирования в разных учебных заведениях такой личности, которая обладает творческим потенциалом, мотивацией к творческому поиску, достаточным уровнем развития интеллектуальных умений, гибкостью, самостоятельностью, всеми теми качествами, необходимыми для развития инновационных способностей личности.

Большое внимание к развитию креативности у молодых специалистов уделяют современные руководители и работодатели. Они требуют от своих коллег и подчиненных творческого подхода, находчивости, разносторонности, ори-

гинального новаторства, иными словами — креативности. Следовательно, это очень важная составляющая конкурентоспособного специалиста, которая свидетельствует о наличии у него тех самых инновационных способностей, характеризуется его независимостью, открытостью новому опыту, чувствительностью к проблемам, высокой потребностью в творчестве и реализации своих творческих возможностей.

Действительно, сейчас современная жизнь диктует человеку особые условия: необходимо быть уверенным в себе, конкурентоспособным, активным, целеустремленным, иметь нестандартный подход к делу, быть креативным. Именно поэтому в системе образования должно уделяться больше внимания развитию творческих способностей и креативности. Ведь способность мыслить творчески делает молодого человека более раскрепощенным, жизнерадостным, стойким к стрессовым ситуациям, помогает справиться со многими личностными, эмоциональными и поведенческими проблемами, способствует личностному росту и раскрытию.

Чтобы идти в ногу со временем и мыслить так, как мыслят сегодня интеллектуалы высокого уровня, предпочтительно пройти тренинг на развитие креативности и креативных способностей. В процессе тренинга люди явно начинают видеть некоторые моменты своего стандартного видения и мышления и перестраиваться на новый и очень увлекательный ход мышления и развития. Некоторые уже рождаются с новым мышлением, и им необходима только правильная поддержка. Они легко проходят диагностику креативности, приходя в высшие учебные заведения, и успешно реализуют любую задачу собственной жизни. Но есть и те, кому еще необходимо развить креативное мышление и креативность для того, чтобы стать интересной личностью, не быть отстающим и добиться желаемых результатов.

Конкурентоспособность — это обладание человеком профессией и личностными характеристиками, которые дают ему преимущества при борьбе на рынке труда за вакантное рабочее место.

Следовательно, конкурентоспособный специалист — это специалист, который способен достигать поставленные цели в различных ситуациях за счет владения методами решения большого класса профессиональных задач и наличия определенных личностных качеств [3].

Конкурентоспособность специалиста складывается из конкурентных преимуществ. Конкурентные преимущества — профессиональные и личностные особенности специалиста, которые соответствуют требованиям работодателя, отличают специалиста с выгодной стороны в сравнении с конкурентом.

В своих исследованиях доктор психологических наук В. А. Кручинин выделяет наиболее значимые конкурентные преимущества личности, которые необходимо формировать у молодого специалиста в целях повышения конкурентоспособности на рынке труда. К ним относятся:

1. Коммуникабельность (умение находить общий язык с разными людьми, открытость, искренность, легкость в общении, грамотная речь, готовность к сотрудничеству и т. д.);

2. Целеустремленность (адекватность, ясность, осознанность истинных целей, умение формулировать долгосрочные и ближние цели, здоровые амбиции и т. д.);

3. Креативность (способность видеть и использовать новые или необычные деловые возможности, идеи, творческий подход к выполняемой деятельности, нетрадиционные подходы к решению проблем);

4. Работоспособность и трудолюбие (искреннее желание работать, готовность к большому объему работы, усидчивость, желание зарабатывать, отсутствие лени, активность);

5. Рискованность (активная жизненная позиция, предпочтение ситуации «вызова» или умеренного риска; способность оценивать риск, предпринимать действия, чтобы уменьшить риск или контролировать результаты);

6. Ответственность и независимость (исполнительность, пунктуальность, способность принимать на себя всю ответственность к принятию ответственных решений, самостоятельность, опора лишь на свои силы перед лицом препятствий или в случае неудачи);

7. Стрессоустойчивость (способность преодолевать трудности, выдерживать тяжелые эмоциональные нагрузки, способность к саморегуляции, умение держать себя в руках, соблюдать психическую экологичность и т. д.);

8. Уверенность в себе и лидерские качества (адекватная самооценка, вера в свои способности, способность вести за собой людей, умение отстаивать свое мнение, убеждать и отказывать и т. д.);

9. Рефлексивность (самопознание, внимательность, склонность к анализу сложившейся ситуации, ее причин и последствий, собственного поведения и поведения других людей);

10. Культурно-нравственные качества (честность, бесконфликтность, воспитанность, интел-

лигентность, оптимистичность, гибкость, надежность, образованность, толерантность и т. д.);

11. Способность к саморазвитию (обучаемость, стремление к самообразованию, самореализации, повышению квалификации);

12. Нацеленность на конечный результат (стремление к качественному конечному результату, находить пути делать вещи лучше, быстрее, дешевле; стремиться достичь совершенства, улучшить стандарты эффективности) [4].

Как можно заметить, автор одним из первых выделил креативность как важное преимущество и качество конкурентоспособного специалиста.

Креативность — способность к творчеству, созданию непосредственно нового, нестандартному мышлению, генерированию полезных и оригинальных идей [1].

В современном мире большое внимание к развитию креативности у молодых специалистов уделяют современные руководители и работодатели. Они требуют от своих коллег и подчиненных творческого подхода, находчивости, разносторонности, оригинального новаторства, иными словами — креативности. Следовательно, это очень важная составляющая конкурентоспособного специалиста.

Сложная настоящая жизнь постоянно требует от человека не решения тривиальных, шаблонных задач, простых алгоритмических действий, а гибких, нестандартных подходов к анализу стремительно меняющейся действительности, то есть обладания креативностью. Следовательно, особенно острым становится вопрос, связанный с подготовкой кадров, которые способны находить пути выхода из кризисных ситуаций, обладать сформированными и развитыми творческими характеристиками личности, владеют методами и средствами активизации творческого мышления.

Действительно, сейчас современная жизнь диктует человеку особые условия: необходимо быть уверенным в себе, активным, целеустремленным, иметь нестандартный подход к делу. Именно поэтому в системе образования должно уделяться больше внимания развитию творческих способностей и креативности.

К сожалению, многие учебные заведения не уделяют достаточного внимания формированию умения правильно «подать себя», проявить свои таланты, способности и навыки на рынке труда. Поэтому необходимо заниматься этим в процессе обучения студентов, это действительно важно и нужно в настоящее время. Ведь способность мыслить творчески делает молодого человека более раскрепощенным, стойким к стрессовым ситуациям, помогает справиться со многими проблемами, способствует личностному росту и раскрытию талантов [2].

Развитие креативности является сугубо индивидуальным для каждого студента. Считается, что задатки креативности присущи каждому человеку, но влияние среды, в которой он находится, учится, воспитывается, наличие множества запретов, социальные шаблоны могут вызывать блокирование творческих способностей. Соответственно, необходимо раскрывать и развивать творческие способности, освобождать человека от психологических комплексов. Развивать творческое мышление означает формирование и совершенствование мыслительных операций: анализа, синтеза, сравнения и обобщения, классификации, планирования. Большое значение имеет умение абстрагироваться от того, что уже известно и прежде имело положительный результат [7].

Для студентов наибольшую актуальность приобретает развитие таких качеств, как гибкость и быстрота, наличие которых позволяет студентам легче осваивать дисциплины, а также является необходимой составляющей их будущей профессиональной деятельности. Решение творческих задач дает возможность вырабатывать у студентов такие качества, как компетентность, эмпатию, умение устанавливать контакты и без потерь разрешать возможные конфликтные ситуации в профессиональной деятельности, умение быстро реагировать на изменяющиеся условия и находить адекватные пути выхода из тех или иных профессиональных или жизненных ситуаций [5].

Развитие креативности у студентов действительно благотворно влияет на их творчество и становление личности будущего профессионала. Как правило, креативные студенты активны, стремятся участвовать в различных мероприятиях, принимают участие в семинарах, социально-ориентированных проектах и форумах, стараются получить разнообразные знания, умения и навыки, отдавая себе отчет в том, что в будущем это составит их конкурентное преимущество.

В современном обществе в различных отраслях профессиональной деятельности креативность выступает как один из ведущих факторов успешности человека. В перечнях требований к кандидатам на самые разные должности нередко встречаются креативность и творческое мышление. Креативность становится тем качеством, который обеспечивает возможность

адаптироваться личности к быстро меняющимся условиям жизни и является залогом успеха человека в профессиональной деятельности. Креативность выступает важным фактором развития личности, определяющим ее готовность изменяться и отказываться от стереотипов.

Таким образом, креативность является одной из важных характеристик самоактуализции личности и действительно значима для молодого специалиста, так как ему необходимо отвечать актуальным и потенциальным запросам современного рынка труда. В связи с этим от учебных заведений и учреждений дополнительного образования в настоящее время требуется создание новых механизмов, обеспечивающих качество образовательных услуг с позиции требований профессиональной деятельности; обеспечение подготовки конкурентоспособного специалиста, владеющего комплексом компетенций, которые отвечают требованиям современного рынка труда. В связи с этим исследование конкурентоспособности как свойства личности, динамики его развития в процессе профессионального становления приобретает особую значимость.

Для обеспечения конкурентоспособности молодых специалистов данному вопросу необходимо уделить особое внимание при их подготовке к будущей профессиональной деятельности. Творческая личность становится востребованной обществом на всех ступенях ее развития. Будущий специалист должен овладеть знаниями и навыками решения творческих задач, у которых нет готовой постановки, неизвестен способ решения, нет образцов для решения аналогичных задач и результат решения может иметь несколько вариантов. Креативность в современном обществе становится все более востребованным качеством на рынке труда.

Нами было проведено исследование, посвященное психодиагностике креативных способностей человека. Для своего исследования мы выбрали методику Элиса Пола Торренса. Тест позволяет не только оценить уровни развития вербального, образного и звукового творческого мышления, но и получить представление о качественном своеобразии этих отдельных структур креативности у разных людей. Тест состоит из двух частей: вербальной (7 субтестов) и фигурной батареи (3 субтеста).

Для нашего исследования мы выбрали второй субтест фигурной батареи тестов креативного мышления Э. П. Торренса под названием «Незавершенные фигуры». Все десять фигур различаются между собой, но навязывают определенные устойчивые образы. Ответы на задания даются в виде рисунков и подписей к ним.

Оценивание шло по нескольким критериям:

«Беглость» — характеризует творческую продуктивность человека.

«Оригинальность» — самый значимый показатель креативности. Степень оригинальности свидетельствует о самобытности, уникальности, специфичности творческого мышления тестируемого.

«Абстрактность названия» — выражает способность выделять главное, способность понимать суть проблемы, что связано с мыслительными процессами синтеза и обобщения.

«Сопротивление замыканию» — отображает «способность длительное время оставаться открытым новизне и разнообразию идей, достаточно долго откладывать принятие окончательного решения для того, чтобы совершить мыслительный скачок и создать оригинальную идею».

«Разработанность» — отражает способность детально разрабатывать придуманные идеи [6].

Исследование проводилось с группой студентов (50 человек в возраст от 18 до 21 года) факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета. По результатам исследования низкий показатель имеют 35 % испытуемых, средний (в норме) — 40 %, высокий — 25 % испытуемых.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что достаточный процент испытуемых имеет неудовлетворительный показатель, т. е. слабо развитый уровень креативности и креативного мышления.

Современное общество заинтересовано в создании условий для развития творческого потенциала каждого учащегося. Путь к этому — повышение уровня образования, разработка и внедрение в учебный процесс новых методов развития креативности, отношение к индивидуальности каждого молодого человека как к ценности. Уже сегодня в учебной и других видах деятельности используются активные методы обучения, ролевые и деловые игры, тренинги развития креативности.

Развитие креативности будущих специалистов является фактором повышения их конкурентоспособности на рынке труда. Анализ литературных источников показал, что креативный специалист обладает важнейшими для успешного осуществления профессиональной деятельности личностными качествами: адекватной самооценкой; уверенностью в себе; гибкостью и беглостью мышления; развитым воображением;

умением пойти на риск; способностью продуктивно и быстро применять приобретенные знания, умения и навыки; выдавать множество разнообразных оригинальных уместных идей; отклоняться от традиционных схем; критично оценивать свою деятельность. Мы считаем, что развитие креативности — это важная задача любого образовательного учреждения.

1. *Богоявленская Д. Б.* Проблемы диагностики креативности // Журн. практического психолога. 2007. № 33. С. 133—148.
2. *Грицай Е. Ю.* Образование и креативный потенциал // Школа здоровья. 2007. № 4. С. 49—53.
3. *Катане И.* Новое видение конкурентоспособности личности в педагогике // Материалы Четвертой Балтийской конф. по гуманной педагогике «Этот путь идем вместе с Любовью» (Латвия, Смилтене, 2010). Смилтене, 2010.
4. *Котикова Д. С.* Конкурентные преимущества молодого специалиста на современном рынке труда // Психологическая наука и практика: проблемы и перспективы. Н. Новгород : ННГАСУ, 2010. С. 166—171.
5. *Кохановская Д. Р.* Развитие креативности студентов университета при изучении дисциплины «Информационные технологии» // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2013. № 2, ч. 2, февраль. С. 140—146.
6. *Щебланова Е. И.* Теория и тесты творческого мышления Е. П. Торренса // Психологическая диагностика. 2004. № 11. С. 3—20.
7. *Яремчук Н.* Педагогическое творчество как составляющая профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы // Вестн. Львовского ун-та. Сер. Педагогика. Львов, 2009. Вып. 25 (Ч. 1). С. 242—249.

З. В. Машарский

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИГАДНОЙ РАБОТЫ КАБИННОГО ЭКИПАЖА ВОЗДУШНОГО СУДНА

От качества работы кабинного экипажа зависит безопасность полетов и безопасность пассажиров. Качество взаимодействия, совместимость экипажа, психофизологические особенности являются необходимыми условиями обеспечения высокой эффективности работы кабинного экипажа. Главную роль в формировании благоприятного психологического климата внутри экипажа играет командир воздушного судна.

Ключевые слова: кабинный экипаж, синергизм, совместимость, командир воздушного судна, лидер.

Z. V. Masharskiy

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE TEAM OF AIRCRAFT CABIN CREW

The quality of cabin crew work influences the safety and security of passengers. The quality of crew interaction and compatibility, psycho-physiological features are necessary to ensure high work efficiency of cabin crew. The main role in the formation of a favorable psychological climate inside the crew plays the commander of the aircraft.

Key words: cabin crew, synergy, compatibility, aircraft commander, leader.

При организации воздушных перевозок вопросы бригадной работы становятся все более и более важными. Знания о работе в составах бригад накапливались в течение десятилетий, что привело к значительному прогрессу в понимании бригадной работы. В настоящее время больше стало известно о совместимости характеров членов бригады, руководстве бригадой, взаимоотношениях между членами бригады, принятии решений на уровне бригады, компетентности членов бригады и бригадной работе в целом. В целях повышения уровня безопасности полетов и авиационной безопасности летному и кабинному экипажам необходимо общаться, сотрудничать и работать единой бригадой. В этом заключается роль оптимизации работы экипажа в кабине.

Индивидуальные, бригадные, целевые и рабочие характеристики соответствующим образом влияют на процесс выполнения бригадной работы, который, в свою очередь, влияет на качество работы бригады. От работы бригады требуется более чем просто работа одного человека; даже квалифицированный кабинный экипаж может работать неудовлетворительно в составе бригады. Когда члены экипажа хорошо работают вместе, то подразумевается, что они дополняют действия друг друга. При этом качество работы совместно работающих людей в составе бригады выше качества проделанной работы каждого отдельного человека. Хорошая работа в команде основана на концепции «синергизма» («synergy» — технический термин из мира медицины, который означает «работа вместе»). «Синергизм» — это концепция взаимодействия, когда объединенные усилия группы людей превышают сумму индивидуальных усилий. Коллективная работа может считаться успешной, если результат коллективной деятельности лучше, чем сумма результатов деятельности отдельных членов экипажа, — это и есть процесс под названием «синергизм».

Синергизм возникает в результате взаимодействия членов экипажа, каждый из которых уполномочен и поощряется к эффективному участию в решении общих задач. Маловероятно, что удастся достичь взаимодействия, если все члены экипажа не вполне понимают свои роли в группе и как эти роли могут меняться в зависимости от обстоятельств, в которых выполняются действия и принимаются решения [1].

Соответственно, хорошее взаимодействие в группе, высокая степень осознания ситуации и точное понимание процесса принятия решения всеми членами экипажа — необходимые усло-

вия достижения синергизма и эффективной работы всей команды.

Условиями для «синергизма» являются:

1. Общая (совместная) цель;
2. Чёткая экипажная структура;
3. Чёткое распределение задач;
4. Дух команды;
5. Хорошее руководство.

Структура организации работы кабинного экипажа при наличии четко определенных ролей и обязанностей каждого члена экипажа должна привести к более высокому уровню взаимодействия. На борту воздушного судна командир корабля является командиром экипажа. Старший бортпроводник кабинного экипажа сообщает командиру корабля о возникновении любой проблемы эксплуатационного или коммерческого характера. Командир корабля информирует старшего бортпроводника об оперативных и технических проблемах, а тот, в свою очередь, сообщает об этом остальным членам кабинного экипажа.

Для организации взаимодействия между членами кабинного экипажа необходимо соблюдать следующие условия:

— распределение задач (т. е. кто и за что отвечает): старший член экипажа распределяет обязанности и роли членов кабинного экипажа согласно «Технологии работы бортпроводников», где говорится о том, что должен делать каждый член кабинного экипажа, в какое время кто и за что конкретно отвечает;

— распределение власти и передача функций руководства, поскольку в каждой бригаде должен быть руководитель;

— отношения должны быть дружественными и профессиональными.

В последнее время повышенное внимание привлекают аспекты определения качества работы бригады. К критическим аспектам бригадной работы относятся: оценка процесса работы бригады (отношения и координация), результаты ее работы и компетенции каждого отдельного члена экипажа или бригады в целом. К инструментам, которые можно использовать для оценки качества работы бригады с точки зрения выполнения процесса, относятся:

— анализ критических инцидентов;

— оценка квалификации;

— анализ взаимоотношений.

Характеристики бригадной работы, как, например, сплоченность коллектива и компетентность членов бригады, также влияют на ее качество. На сплоченность коллектива оказывают влияние такие факторы, как приверженность делу и стандарты бригады для достижения приемлемого качества работы. Сплоченность в большей степени влияет на работу бригады в реальных условиях, а желание выполнить задачи оказывается наиболее важным компонентом сплоченности коллектива [2].

Следует отметить, что большую роль на качество и эффективность бригадной работы влияет совместимость членов кабинного экипажа.

Критерии оценки совместимости экипажа:

— результат деятельности;

— интеллектуально-энергетические затраты ее участников;

— удовлетворенность членов экипажа этой деятельностью.

Совместимость надо рассматривать как трехуровневое понятие.

В основе лежит первый уровень — психофизиологический. Члены экипажа имеют различные психофизиологические особенности, которые включают индивидуальный темп работы, зависящий от особенности темперамента; степень физического развития и выносливости; устойчивость качества деятельности в напряженной обстановке; уровень профессиональных способностей и подготовленности; натренированность двигательных навыков и умений.

Второй уровень — личностный, включает общность интересов, потребностей, мотивации поступков, отношения к деятельности, коллегам и жизни; сходство моральных и деловых качеств, определенных особенностей характера (честолюбия, стремления к истине и др.), общекультурного и интеллектуального развития.

Третий уровень — коммуникативный (социальный), различия в особенностях общения.

В зависимости от совпадения трех данных факторов мы можем говорить об устойчивости коллектива к деструктивным воздействиям, воздействиям стрессогенных факторов.

Далеко не каждый вид совместной деятельности требует психофизиологической совместимости ее членов. Где деятельность более индивидуальна, там достаточно только социального (коммуникативного). Требования к деятельности в летном экипаже требует совмещения всех трех уровней.

Можно выделить следующие типы поведения людей при совместной работе:

— люди, которые могут решать задачу, лишь подчиняя себе других членов группы;

— индивидуалисты, пытающиеся решить задачу в одиночку;

— приспосабливающиеся к группе, легко подчиняющиеся;

— коллективисты, которые стараются решить задачу совместными усилиями, не только принимают предложения других членов экипажа, но и сами выступают с инициативой.

Помимо всего прочего, для эффективности и действенности работы бригады кабинного экипажа требуется руководитель.

Роль руководителя состоит из следующих компонентов:

— четкое заявление об ожидаемых результатах;

— координация и контроль;

— расчет объема работы и времени ее выполнения;

— предотвращение и разрешение конфликтов;

— умение слушать и выполнять предложения членов бригады;

— четкое обеспечение и сохранение стандартов безопасности и обслуживания;

— принятие решений.

Хороший лидер также:

— создаёт атмосферу, которая способствует взаимодействию членов команды;

— выслушивает результат и предложения членов команды;

— мотивирует команду путём признания заслуг и способностью хвалить, когда необходимо;

— берёт инициативу и помогает членам команды закончить задание в случае сложной ситуации;

— остаётся спокойным в конфликтной ситуации, способен быть объективным и предлагать решения конфликта;

— имеет способность различать «что верно, а не кто прав»;

— умеет решать проблемы путём сбора информации, определения проблемы, поиска решения;

— информирует членов команды в случае изменения плана;

— обладает чувством юмора.

Иногда руководство соотносится с признанной должностью на служебной лестнице в организации, обеспечивающей полномочия руководителя. Статус командира корабля и старшего члена кабинного экипажа определяется авиакомпанией. Руководитель также определяется характеристиками личных качеств, отношением к работе и пониманием им различных ценностей. Руководство иногда осуществляется человеком, который не занимает должность руководителя, но делает это ввиду особой компетенции, требующейся в данной ситуации (т. е. осуществляется ситуационное руководство).

Хороший руководитель имеет соответствующие технические знания, обладает способностями к эффективному общению с различной аудиторией в разнообразных обстоятельствах, координирует работу и управляет действиями бригады, успешно разрешает конфликты, умеет слушать своих подчиненных. Руководитель также оказывает помощь членам бригады, координируя их работу и передавая им соответствующие их уровню полномочия по решению проблем с целью предоставить свободу при выполнении работы. Очень важно, чтобы в рамках организационной политики оговаривалась компетенция таких руководителей, имелись инструменты для их эффективного отбора и программы обучения, помогающие им постоянно совершенствоваться [3].

Подводя итог, можно сказать, что главная цель бригадной работы — высокое качество принимаемых решений в течение всего полета. В этом контексте тщательное предполетное планирование не только устанавливает надежные критерии для принятия решений в полете, но и помогает членам экипажа эффективно выполнять свои конкретные обязанности. Понимание плана позволяет членам экипажа принимать участие в принятии решений в полете. В дальнейшем важно, чтобы командир воздушного судна регулярно корректировал понимание плана членами экипажа, сообщая о любых его изменениях по ходу выполнения полета. Это особенно важно в нештатных и аварийных ситуациях, когда условия, влияющие на безопасность полета, меняются очень быстро. В этих условиях регулярное обновление представлений о состоянии полета позволяет каждому члену экипажа сохранять достаточное понимание ситуации и быть в курсе текущих задач, чтобы эффективно участвовать в процессе принятия решений. Участие всех членов экипажа в процессе принятия решений не означает, что все решения должны приниматься методом голосования. Степень участия подчиненных членов экипажа в известной мере зависит от контекста (условий) и типа деятельности (поведения), лежащей в основе механизма принятия решения.

1. *Козлов В. В.* Человеческий фактор: история, теория и практика в авиации. М., 2002. С. 112—125.

2. *Козлов В. В.* Человеческий фактор в условиях перехода к управлению безопасностью полетов. М., 2007. С. 74—83.

3. *Овчаров В. Е.* Человеческий фактор в авиационных происшествиях (методические материалы). М., 2005.

И. А. Михайлина, Э. Р. Мухамметжанов, Р. Р. Мухамметжанов

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ДЕТЯМ-СИРОТАМ И ДЕТЯМ, ОСТАВШИМСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается такое явление, как социальное сиротство. Перечисляется законодательно установленная помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в Российской Федерации и Ульяновской области. Раскрывается роль волонтерской деятельности в психологическом развитии детей, проживающих в учреждениях интернатного типа, описывается волонтерская деятельность студентов Ульяновского государственного университета.

Ключевые слова: социальное сиротство, дети-сироты, волонтерская деятельность.

I. A. Mikhailina, E. R. Mukhammetzhanov, R. R. Mukhammetzhanov

ORGANISATION OF ASSISTANCE TO CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE IN ULYANOVSK REGION: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS AND PROSPECTS

The article dicusses the phenomenon of social orphanhood. It mentions the statutory assistance to children-orphans and children without parental care in the Russian Federation and Ulyanovsk region. It also reveals the role of volunteerism in the psychological development of children living in residential care and volunteer activity of UlSU students.

Key words: social orphanhood, children-orphans, volunteerism.

Сиротство — это социальное явление, характеризующее образ жизни детей, оставшихся без попечения родителей. Длительное время к сиротам относились дети, потерявшие родителей вследствие их смерти. Однако в XX веке во многих странах мира социально-экономические и нравственные процессы в обществе обусловили появление социального сиротства, выражающегося в устранении родителей от обязанностей по отношению к своим детям. Социальные сироты — это дети, имеющие родителей, которые лишены родительских прав, страдают тяжёлыми хроническими заболеваниями, в том числе психическими, алкоголизмом, наркоманией и др. Выделяется большая группа детей-сирот, от которых по различным причинам отказались родители (наиболее часто отказываются одинокие матери, родившие детей вне брака, а также родители, у которых дети родились с нарушениями в психофизическом развитии). Некоторые дети сами покидают свои неблагополучные семьи по причине плохого и даже жестокого обращения с ними [1].

Оказание помощи детям, по разным причинам оставшимся без попечения родителей («физическим» сиротам и социальным сиротам), — важнейшее направление социальной политики государства. По данным Министерства образования и науки России, сиротство остаётся актуальной проблемой современности [5].

Таблица 1

Темп роста (снижения) численности детей, оставшихся без попечения родителей (на конец отчётного года, в % к предыдущему году) [1]

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	104,5	95,5	98,2	98,4	78,7	97,2
Ульяновская область	126,1	91,4	100,2	97,1	78,1	97,0

В соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1996 года № 159-з «О дополнитель-

ных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» органы опеки и попечительства РФ берут на себя обязательства по социальной защите таких детей. Большинство сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, передаются в учреждения интернатного типа: дома ребенка, детские дома, детские дома-школы, школы-интернаты для детей-сирот, школы-интернаты общего типа, школы-интернаты для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Совершенствование российского законодательства оказало положительное влияние на сокращение числа детей-сирот. За последние 3 года общая численность детей-сирот снизилась на 3,5 %. Так, в 2014 году их число сократилось на 9 тысяч, составив 621 тысячу 774 человека [5].

Таблица 2

Темп роста (снижения) численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в образовательных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, % [5]

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	94,0	97,2	94,1	86,4	74,5
Ульяновская область	95,3	92,4	89,4	90,9	83,0

С целью сокращения численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Ульяновской области проводится большая работа по профилактике сиротства и актуализации семейных ценностей. На основании законов Ульяновской области, в том числе закона «О мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Ульяновской области» (с изменениями на 3 июня 2015 г.), организована работа по социальной защите и созданию комфортных условий для жизни такой категории детей. В целях создания благоприятных условий для воспитания и социальной адаптации детей реализуется система сопровождения приёмных родителей и детей, включающая подготовку кандидатов путём обучения в школе замещающих родителей. Кроме того, действует комплекс мер социальной поддержки усыновителей, приёмных родителей, опекунов, принявших на воспитание в семью сирот. В соответствии с законами Ульяновской области «О ежемесячной выплате на содержание ребенка в семье опекуна (попечителя) и приемной семье в Ульяновской области», «О размере вознаграждения, причитающегося приемному родителю, и льготах, предоставляемых приемной семье, в Ульяновской области» усыновителям полается единовременная выплата в размере 100 тысяч рублей за каждого ребёнка, вознаграждение приёмным родителям с учётом различных надбавок в размере 7,8 тысячи рублей на каждого ребёнка, ежемесячное пособие на содержание ребёнка в опекунских или приемных семьях в размере 6,8 тысячи рублей и оказываются другие меры поддержки.

Но наряду с экономическими проблемами детей-сирот существует проблема формирования коммуникативных и других социально значимых качеств у детей-сирот в детских учреждениях, к которой должно быть привлечено внимание всей общественности. И именно волонтёрская деятельность способствует оказанию помощи в социальной адаптации таких детей.

В рамках общественно полезной деятельности авторами данной статьи разработан инновационный долгосрочный благотворительный проект «Мир миру детства». В ходе его реализации группа студентов специальности «Социальная работа» под руководством кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности Ульяновского государственного университета сотрудничают со следующими областными социально-реабилитационными учреждениями: ОГКУ СРЦН для несовершеннолетних «Алые паруса», СРЦН для несовершеннолетних «Причал надежды», ОГКУСО СРЦН для детей-сирот «Открытый дом», ОГКОУ СКДД «Дом детства» и ОГКОУ детский дом «Соловьиная роща».

Педагогические коллективы данных учреждений приложили немало усилий для решения задач по успешной адаптации воспитанников к новым условиям проживания — в социально-реабилитационных центрах и детских домах, работают над созданием благоприятного для детей психологического климата. Несмотря на это, исследователи и психологи давно констатируют, что дети-сироты «являются жертвами длительного пребывания на полном государственном обеспечении в искусственно благополучных условиях интернатов. Своеобразная закрытость их социального пространства, ограниченность социальных контактов и зауженная сфера реализации усвоенных социальных норм и обретения опыта, формирование единственной социально-ролевой позиции — позиции сироты — дают знать о себе долгие годы» [4].

Организуя работу в областных детских социальных учреждениях, участники проекта ис-

ходили из того, что один из самых важных критериев эмоционального благополучия детей в стенах детского дома — знание эффективных способов общения с детьми; применяя их, общение с детьми надо строить не по типу «воздействие», а по типу «взаимодействие». Наблюдения показали, что социальные сироты в основном замкнуты, конфликтны, имеют низкую самооценку, для них характерно нарушение доверия к окружающим людям. Дети-сироты, как правило, не имеют навыков конструктивного взаимодействия, поэтому эмоциональный фон общения не вполне благоприятный для развития в коллективе. Воспитанникам детских домов и реабилитационных центров для полноценного развития не хватает родительского тепла, дружеского общения со старшими братьями и сестрами, позитивного участия в их жизни бабушек и дедушек. Из этого следует, что для организации волонтерского выезда в детский дом необходимы не только время и средства, но и знания, навыки общения с такими детьми, нужен достаточный опыт организации мероприятий различного характера в детских коллективах, необходимо объединение умений и навыков добровольцев различного возраста: силы и энергии молодого поколения, жизненного опыта и заботливого отношения старшего поколения. Разновозрастное волонтёрское движение может способствовать решению социально значимой проблемы формирования необходимых коммуникативных и других социальных навыков у детей, созданию благоприятного эмоционального фона для их развития. В отличие от других волонтёрских инициатив, реализация данного проекта — это не эпизодические выезды в детские социальные учреждения, а система добровольческой помощи, способствующей социальной адаптации и эмоциональному развитию детей, оказавшихся в социальных учреждениях. В этом заключается новизна данного проекта студентов и преподавателей УлГУ.

Образовательными целями долгосрочного благотворительного проекта «Мир миру детства» являются расширение знаний детей о таких понятиях, как дружба, сотрудничество, взаимопомощь; усвоение детьми умений оценивать чувства и поступки сверстников в совместных играх и занятиях, формирование умения мотивировать, объяснять свои суждения, развитие речи детей. Цели проекта — это развитие социальных эмоций: сочувствия, сопереживания, доброжелательных отношений, способности понимать эмоциональное состояние другого человека и адекватно выражать свои чувства; развитие мыслительной активности, воображения и творческих способностей. Воспитательными целями проекта являются воспитание культуры общения, дружеских взаимоотношений, желания поддерживать других в повседневной жизни и сотрудничать в ходе различной деятельности.

Задачи, формы и сроки реализации проекта:

1) реализация модуля «Подари детям радость» (интерактивные театрализованные культурно-развлекательные и игровые мероприятия) — 2014—2015 гг.;

2) реализация модуля «Учимся дружить и сотрудничать» (социально-адаптивный тренинг) — 2015—2016 гг.;

3) реализация модуля «Творим, выдумываем, пробуем» (мастер-классы по различным направлениям творческой, спортивно-оздоровительной, игровой деятельности: изготовление поделок из разных материалов, вышивание, фокусы, моделирование одежды для кукол и самих детей, шахматы, техническое конструирование, ремонт и т. д. — по интересам детей) — 2016—2017 гг.

Наблюдение в ходе реализации первого модуля проекта позволяет сделать вывод, что интерактивные театрализованные культурно-развлекательные и игровые мероприятия помогают детям почувствовать себя успешными в творческой игре, проявить себя в новом качестве, получить новый опыт общения. Вводная и промежуточная социометрия, проведенные в ходе реализации второго модуля показали, что реализация программы тренинга снижает уровень возникновения таких негативных явлений, как конфликтность, агрессивность, в основе которых лежит лишение семьи, потеря ощущения самоценности, отсутствие или потеря жизненных перспектив.

В ходе реализации благотворительного проекта «Мир миру детства» участникам проекта удалось доставить детям-сиротам радость общения со взрослыми, которые в некоторых ситуациях стали олицетворением «хороших» членов их семей — родственников, старших братьев и сестёр, бабушек и дедушек. Дети ждут приезда волонтёров, хотят участвовать в интересных интерактивных мероприятиях. Руководство учреждений со всей серьёзностью относится к сотрудничеству с кафедрой педагогики профессионального образования и социальной деятельности Ульяновского государственного университета, что является залогом успеха общего дела. В перспективе участники проекта планируют организовать областную школу волонтёров «Мир миру детства».

Анализ документов и статистических данных, знакомство с деятельностью коллективов областных детских социальных учреждений, опыт реализации благотворительного проекта «Мир миру детства» позволяют сделать вывод о том, что изучение данного вопроса представляется весьма актуальным. Несмотря на то, что в Ульяновской области достаточно хорошо развита социальная помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, существует необходимость проблему компенсации семейного воспитания решать активнее и эффективнее, используя общественные ресурсы и потенциал. Детские социальные учреждения по договору о сотрудничестве должны быть открытыми для разновозрастных волонтёрских отрядов, которые реализуют программы, способствующие созданию благоприятных условий, приближенных к семейному воспитанию.

1. *Бим-Бад Б. М.* Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 259.
2. Закон Российской Федерации от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».
3. Закон Ульяновской области «О мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Ульяновской области» (с изм. на 3 июня 2015 г.).
4. *Новикова Г. А.* Проблемы социального сиротства. Пермь, 1995. С. 16—22.
5. Официальная статистика // Население. Семья, материнство и детство. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru.
6. Промежуточные результаты экспертно-аналитического мероприятия «Анализ исполнения поручений Президента Российской Федерации и реализации законодательства Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». URL: audit.gov.ru.

А. А. Ощепков, В. Б. Салахова

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ МОЛОДЕЖИ, СКЛОННОЙ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ[1]

В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования жизненных ситуаций молодежи, склонной к девиантному поведению, с целью проверки гипотезы о наличии особенностей у личности, склонной к девиантному поведению, связанных с ситуациями, через которые проходит ее жизненный путь. В рамках выполнения поставленных перед исследованием задач было проведено сравнение типов и видов жизненных ситуаций, а также среднего времени ретроспекции и антиципации у не склонной и склонной к девиантному поведению молодежи. Результаты сравнительного анализа различных выборок молодежи приводятся в выводах, среди которых наиболее значимым представляется меньшее время антиципации событий у молодежи, склонной к девиантному поведению, объясняемое менее ясной жизненной перспективой и, как следствие, меньшим уровнем осмысленности собственной жизнедеятельности.

Ключевые слова: девиантное поведение, молодежь, жизненные ситуации, психологическая автобиография, диспозиции личности.

A. A. Oshchepkov, V. B. Salakhova

FEATURES OF LIFE SITUATIONS OF YOUTH PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR

The article consideres the results of empirical research of life situations of youth prone to deviant behavior. This is neseccary to check the hypothesis about the existence of features interrelations connected to life situations, through which life path of youth go. In the framework of executing study tasks set it was undertaken a comparison of types and kinds of life situations and also time of retrospection and anticipation of youths prone and non-prone to deviant behavior. The results of comparative analysis of different samples of youths are given in the conclusion, among which the most significant is about fewer time of anticipation of youths prone to deviant behavior which is explained as a fewer level of life activity meaningfulness.

Key words: deviant behavior, youth, life situations, psychological autobiography, personal dispositions.

Постановка проблемы

Современное общество ставит множество проблем социального и психологического плана, одной из наиболее острых среди которых является проявление девиантного поведения в различных формах. Поэтому изучение феномена девиантного поведения настоятельно требует внимания ученых к проявлениям его во всевозможных формах и на различных этапах развития человека, однако особенно важно его изучение в период формирования, а именно в молодом возрасте. При этом необходимо и теоретическое осмысление феномена девиантного поведения, и эмпирическая проверка особенностей его проявления в различных условиях. В теоретическом аспекте в настоящее время невозможно понять поведение вне рассмотрения взаимосвязи личностных и ситуационных факторов, поскольку между человеком и условиями его жизни существует неразрывная связь.

Традиция изучения психики человека во взаимосвязи личностных и ситуационных факторов была заложена, несомненно, К. Левиным в его теории поля [5] и развита многими видными учеными. Существует два основных подхода к пониманию ситуации: 1) понимание ситуации как внешних условий протекания жизнедеятельности на ее определенном этапе [6]; 2) понимание ситуации как системы субъективных и объективных элементов, объединяющихся в жизнедеятельности [12]. Проблема соотношения личностных и ситуационных переменных в настоящее время решается обращением к категории поведения, которое является функцией

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Исследование особенностей и динамики показателей ценностно-смысловой сферы осужденных, получающих высшее профессиональное образование», проект № 15-36-01329/15.

взаимодействия личности и ситуации. Личностные особенности могут быть представлены как условные возможности, реализующиеся в актах поведения в конкретной ситуации [2].

В современных научных исследованиях изучение ситуативного фактора в основном связано с решением проблемы совладания с трудными жизненными ситуациями. Проблеме формирования зависимого поведения в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями посвящена работа И. В. Романовой [10]. Оптимистичность как личностный ресурс совладания с критическими жизненными ситуациями исследуется В. В. Пономаревым [7]. В. А. Кислицына и А. А. Царева разрабатывают проблему формирования готовности студентов к трудным жизненным ситуациям [3]. Разрешению внутриличностного конфликта в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями посвящена работа И. В. Кочкаревой [4]. Однако в данных работах указывается, что для построения целостного представления о совладании с трудными жизненными ситуациями необходимо анализировать разные параметры: особенности и тип ситуации, субъективное восприятие и интерпретацию событий, личностные черты, что наиболее выраженно представлено в работе Е. В. Битюцкой [1]. В этом плане мы снова приходим к необходимости анализировать во взаимодействии ситуационные и личностные факторы, что, по мнению Е. В. Битюцкой, необходимо развивать в рамках комплексного подхода, рассматривающего несколько факторов-детерминант, а одной из наиболее представительных концепций в данном направлении, по мнению В. А. Кислицыной и А. А. Царевой, выступает концепция саморегуляции А. О. Прохорова, определяющего саморегуляцию как процесс управления человеком собственными психологическими и физиологическими состояниями для достижения равновесия между организмом и средой [9]. Однако, по нашему мнению, позиция А. О. Прохорова акцентирована в большей степени на психические состояния, что, несомненно, является оригинальным научным подходом к рассматриваемой проблеме. Отметим, что разработка проблемы взаимодействия личностных и ситуационных факторов также обогатилась бы через акцентирование поведенческого аспекта, а именно проявление различных форм поведения во взаимосвязи с личностными и ситуационными детерминантами.

Поэтому рассмотрение проявления поведения во взаимосвязи личностных и ситуационных факторов возможно в рамках диспозиционной концепции регуляции социального поведения В. А. Ядова [13]. В рамках данной концепции поведение представлено различными уровнями, регулируемыми системой диспозиций, формируемых в ситуациях различных уровней сложности. В этом плане различные формы поведения выражаются благодаря особенностям системы диспозиций, которые вырабатываются в различных ситуациях социального взаимодействия с социальным окружением [8]. Нами была предложена гипотеза, согласно которой личность, склонная к девиантному поведению, обладает определенными особенностями, связанными с жизненными ситуациями, через которые проходит жизненный путь такого человека.

С учетом вышесказанного перед исследованием были поставлены следующие задачи:

1. Провести эмпирическое исследование типов и видов жизненных ситуаций у молодежи, склонной к девиантному поведению.

2. Проанализировать особенности ситуаций у молодежи, склонной к девиантному поведению.

3. Разработать выводы, позволяющие проинтерпретировать выявляемые особенности жизненных ситуаций у молодежи, склонной к девиантному поведению.

Методики, выборка

Эмпирическая часть исследования была выполнена на базе Димитровградского инженерно-технологического института — филиала Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт» (г. Димитровград Ульяновской области). В качестве респондентов выступали студенты 3—4 курсов, 19—22 лет, всего 98 человек. Для диагностики внутренней картины жизненного пути была использована Методика «Психологическая автобиография» Л. Ф. Бурлачука и Е. Ю. Коржовой [2], которая позволяет исследовать радостные и грустные события, происходившие в жизни испытуемого, оказавшие критическое влияние на его жизненный путь, а также будущие события, антиципация которых также оказывает значительное влияние на жизнь человека. Кроме того, была использована Шкала склонности к нарушению общепринятых норм и правил Методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор — А. Н. Орел), являющейся стандартизированным тест-опросником, предназначенным для измерения склонности к реализации различных форм девиантного поведения [11]. С целью удобства изложения материала в дальнейшем будут использоваться следующие аббревиатуры: МНДП — молодежь, не склонная к

девиантному поведению, МСДП — молодежь, склонная к девиантному поведению.

Результаты и их обсуждение

С целью анализа компонентов внутренней картины жизненного пути молодежи, склонной к девиантному поведению, и молодежи, не склонной к девиантному поведению, нами было проведено сравнение среднегрупповых значений типов событий психологической автобиографии с использованием статистического t-критерия Стьюдента. В результате были обнаружены статистически значимые различия значений типов событий, связанных с личностно-психологическими изменениями ($t_{эмп}$ = 2,2390 при $\rho \leq 0,01$) и изменением социальной среды ($t_{эмп}$ = 2,6730 при $\rho \leq 0,01$) (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение среднегрупповых значений типов событий внутренней картины жизненного пути молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению

№ п/п	Типы событий	Среднегрупповые значения		$t_{эмп}$
		МНДП	МСДП	
1.	Биологические	4,2110	3,1510	0,1610
2.	Личностно-психологические	8,2330	14,5520	**2,2390****
3.	Изменения физической среды	4,0120	6,9910	0,9810
4.	Изменения социальной среды	9,1230	4,2250	**2,6730****

** — значимые различия при $\rho \leq 0,01$.

Более высокие показатели внутренней картины жизненного пути, связанные с личностно-психологическими изменениями, свидетельствуют о большем влиянии жизненных ситуаций, связанных с личностным определением у молодежи, склонной к девиантному поведению (определение жизненного пути, выбор свободного времяпрепровождения — досуга). Более низкие показатели внутренней картины жизненного пути, связанные с изменениями социальной среды, у молодежи, склонной к девиантному поведению, свидетельствуют о более слабом восприятии событий, происходящих с ними при взаимодействии с социальной средой, — будь то повышение социального статуса, достижение социального признания и др. Согласно исследованиям, проведенным Е. Ю. Коржовой, более низкие значения по типу событий, связанных с изменениями социальной среды, определяются более высокой степенью социальной дезадаптированности и склонностью к соматическим заболеваниям. Все это говорит в пользу особого восприятия молодежью, склонной к девиантному поведению, своего жизненного пути, которое детерминирует их направленность на отклонения в поведении.

Дальнейший анализ был посвящен сравнению видов событий компонентов внутренней картины жизненного пути молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению, с использованием статистического t-критерия Стьюдента. В результате были обнаружены статистически значимые различия значений видов событий «родительская семья» ($t_{эмп}$ = 3,3120 при $\rho \leq 0,01$), «брак» ($t_{эмп}$ = 2,3190 при $\rho \leq 0,05$), «Я» ($t_{эмп}$ = 3,3540 при $\rho \leq 0,01$), «работа» ($t_{эмп}$ = 2,1470 при $\rho \leq 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение среднегрупповых значений видов событий внутренней картины жизненного пути молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению

№ п/п	Типы событий	Среднегрупповые значения		$t_{эмп}$
		МНДП	МСДП	
1.	Родительская семья	8,53140	5,0120	**3,3120****
2.	Брак	5,5430	1,5770	**2,3190***
3.	Дети	8,1950	6,2560	0,8320
4.	Место жительства	4,1120	2,5520	0,5410
5.	Здоровье	2,5650	0	1,8710
6.	Я	0	3,5870	**3,3540****
7.	Общество	2,1120	0	1,8710
8.	Межличностные отношения	5,0000	5,0000	0
9.	Материальное положение	0	0	0
10.	Учеба, повышение квалификации	8,8330	12,6510	1,8840
11.	Работа	6,9750	2,1140	**2,1470***
12.	Природа	0	1,3330	0,4840

* — значимые различия при $\rho \leq 0,05$;
** — значимые различия при $\rho \leq 0,01$.

Данные различия свидетельствуют о том, что молодежь, склонная к девиантному поведению, имеет менее радостное восприятие событий, связанных с родительской семьей. Основ-

ными формами событий, которые называются молодыми людьми, склонными к девиантному поведению, являются ссоры родителей, уход одного из родителей из семьи, что становится основными причинами деформации нормального развития и переориентации на отклонение от нормативного пути. Неблагополучные взаимоотношения в родительской семье обязательно отражаются и на отношении молодых людей к браку, о чем свидетельствуют более низкие показатели вида событий «брак» у молодежи, склонной к девиантному поведению. Общая девиантная направленность молодежи также сказывается и на менее позитивном отношении к работе. Однако стоит отметить более высокие показатели у молодежи, склонной к девиантному поведению, по виду событий «Я», что скорее всего связано с поиском идентичности и желанием самоутвердиться и объясняет более высокие значения личностно-психологических типов событий.

Далее наш анализ был посвящен сравнению среднегрупповых значений среднего времени ретроспекции, антиципации жизненных событий у молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению, с использованием статистического t-критерия Стьюдента. В результате было обнаружено статистически значимое различие значений среднего времени антиципации ($t_{эмп}$ = 2,6370 при $\rho \leq 0,01$) (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение среднегрупповых значений среднего времени ретроспекции, антиципации жизненных событий молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению

№ п/п	Типы событий	Среднегрупповые значения		$t_{эмп}$
		МНДП	МСДП	
1.	Среднее время ретроспекции, дней	1865	1214	0,9324
2.	Среднее время антиципации, дней	730	430	**1,9626***

* — значимые различия при $\rho \leq 0,05$.

Статистически значимое различие среднего времени антиципации молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению, свидетельствует о том, что степень потенциальности у молодежи, не склонной к девиантному поведению, более высокая. Это означает, что молодые люди, не склонные к девиантному поведению, более значительно ориентированы на перспективу, они строят жизненные планы, будущее для них более ясное. Также это свидетельствует о том, что молодежь, не склонная к девиантному поведению, в большей степени предвидит последствия своего поведения. В свою очередь, данные результаты позволяют характеризовать молодежь, склонную к девиантному поведению, с меньшей ориентацией на перспективу, что также влияет на снижение уровня осмысленности своей жизнедеятельности, выступая существенным фактором ориентации на девиации в поведении.

Выводы

1. Учитывая вышесказанное, можно заключить, что молодые люди, склонные к девиантному поведению, обладают рядом особенных характеристик внутренней картины жизненного пути. Так, у молодежи, склонной к девиантному поведению, развивается социально-психологическая дезадаптация, о чем свидетельствуют более низкие показатели значимости событий, связанных с изменениями социальной среды. Также у молодежи, склонной к девиантному поведению, во внутренней картине жизненных событий отражается менее радостное восприятие родительской семьи, свидетельствующее о развитии в неблагополучной семье. Далее, отношения, складывающиеся в родительской семье, переносятся на восприятие отношений с брачным партнером, что продолжает детерминировать неблагополучные отношения у молодых людей, склонных к девиантному поведению, в их собственных семьях. И в целом сравнительно меньшее значение времени антиципации будущих событий жизни означает то, что молодые люди, склонные к девиантному поведению, не видят ясной жизненной перспективы, не предвидят последствий своей деятельности, что может благоприятствовать их отклонениям в поведении от социальных норм.

2. Выявленные особенности значимости типов и видов жизненных ситуаций подтверждают гипотезу о взаимосвязи личностных и ситуационных факторов во взаимосвязи с направленностью на девиантное поведение. Это дополнительно свидетельствует о важности направленности жизненного пути на формирование личности человека и складывание его дальнейшей судьбы. Важность влияния социального окружения на развитие нормативной личности еще раз подтверждает необходимость развития спланированного превентивного подхода к социализации молодых людей.

1. *Битюцкая Е. В.* Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 100—111.
2. *Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ситуаций. М. : Российское педагогическое агентство, 1998. 263 с.
3. *Кислицына В. А., Царева А. А.* Проблема формирования готовности студентов к трудным жизненным ситауциям // Современные подходы к повышению качества образования : сб. методических ст. Ишим, 2014. С. 55—60.
4. *Кочкарева И. В.* Разрешение внутриличностного конфликта в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями // Омский науч. вестн. Психологические и педагогические науки. 2012. № 4(111). С. 192—194.
5. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб. : Речь, 2000. 368 с.
6. *Магнуссон Д.* Ситуационный анализ: эмпирические исследования соотношений выходов и ситуаций // Психологический журн. 1983. № 2. С. 29—54.
7. *Пономарев В. В.* Оптимистичность как личностный ресурс совладания с критическими жизненными ситуациями // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2009. Сер. 12. Вып. 1, ч. 1. С. 50—54.
8. *Ощепков А. А.* Экспериментальное исследование социально-педагогической коррекции агрессивного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения // Вестн. Димитровградского инженерно-технологич. ин-та. 2014. № 3. С. 132—141.
9. *Прохоров А. О.* Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М. : ПЕРЗ СЭ, 2005. 352 с.
10. *Романова И. В.* Проблема формирования зависимого поведения в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями // Социально-психологическое сопровождение лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию: проблемы и перспективы : сб. материалов науч.-практич. интернет-конф. 2013. С. 64—68.
11. *Шапарь В. Б.* Практическая психология. Психодиагностика групп и коллективов. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. 448 с.
12. *Шибутани Т.* Социальная психология. Ростов н/Д. : Феникс, 1999. 544 с.
13. *Ядов В. А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Т. В. Пфау, Е. Д. Семенова

ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОЕЙ И ЧУЖИМ ЭТНИЧЕСКИМ ГРУППАМ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХАКАССКОЙ, ТУВИНСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ)

В статье изложены результаты исследования этнических установок молодых представителей трех этнических групп, совместно проживающих в Республике Хакасия. Показаны результаты сравнительного анализа этнических стереотипов, особенностей этнической идентичности, степени выраженности этноцентризма, этнической толерантности у представителей тувинской, хакасской и русской этнических групп.

Ключевые слова: молодые представители этнических групп, этнические установки, этническая идентичность, этноцентризм, этническая толерантность.

T. V. Pfau, E. D. Semenova

ETHNIC ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE OF DIFFERENT ETHNIC GROUPS IN RELATION TO THEIR OWN AND OTHERS' ETHNIC GROUPS (ON THE EXAMPLE OF REPRESENTATIVES OF THE KHAKASS, TUVAN AND RUSSIAN NATIONALITIES)

The article presents the results of the study of ethnic units of young representatives of the three ethnic groups living together in the Republic of Khakassia. It also shows the results of the comparative analysis of ethnic stereotypes, especially of ethnic identity, the severity of ethnocentrism, ethnic tolerance among representatives of Tuva, Khakass and Russian ethnic groups.

Key words: young representatives of ethnic groups, ethnic attitudes, ethnic identity, ethnocentrism, ethnic tolerance.

Изучение социальных установок проводилось и проводится в самых разных контекстах, наиболее распространенным из которых является область межэтнических взаимоотношений. Актуальность исследования межэтнических установок обусловлена прежде всего тем фактом, что отслеживание состояния взаимоотношений между различными этнокультурными группами, образующими общество, составляет, наряду с политическими и экономическими аспектами взаимоотношений этих групп, важнейший элемент концепции национальной политики государства. В современной психологической науке накоплен достаточно большой опыт изучения межэтнических установок. Наибольшее количество работ по данной проблематике было выполнено психологами из стран, принимающих большое количество мигрантов, — США и Канады. Геополитические процессы последних десятилетий привели к активизации внимания к этим вопросам со стороны ученых из стран Западной Европы и России [1].

Под социальной установкой в социальной психологии понимается «определенная диспозиция индивида, в соответствии с которой тенденции его мыслей, чувств и возможных действий организованы с учетом социального объекта» [2, с. 138]. Этим понятием определяется один из самых важных психологических механизмов включения индивида в социальную систему, аттитюд функционирует одновременно и как элемент психологической структуры личности, и как элемент социальной структуры. Если процесс социализации объясняет, каким образом личность усваивает социальный опыт и вместе с тем активно воспроизводит его, то формирование социальных установок личности отвечает на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках [2]. Этнические установки — это установки, имеющие место тогда, когда человек, действуя в любой сфере — профессиональной, политической, культурной и др., осознает, оценивает и

поступает как личность, включенная в этническую группу. Межэтнические установки — это установки на взаимодействие (отрицательное или положительное со всеми нюансами) с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде. Этнические и межэтнические установки аккумулируют предшествующий жизненный опыт, причем не только свой, но и окружающих. В процессе межэтнических взаимодействий они выполняют компенсирующую функцию в познавательном процессе, минимизируя риск. Говоря об истоках национального самосознания, необходимо прежде всего иметь в виду, что все нити, идущие вглубь к истокам, органически связаны с этничностью. Рост национального самосознания может идти как по пути роста идентификации членов этнической общности с ней, их сплочения, так и по пути игнорирования интересов других народов и затем выродиться в концепцию национальной исключительности, что недалеко уже до национального эгоизма [3].

Ключевым понятием для понимания того, как и почему формируются негативные межэтнические установки, является этноцентризм. Основы теории этноцентризма были заложены У. Самнером еще в 1906 году. Ученый также выдвинул гипотезу о том, что ингруппа обычно оценивается более позитивно, чем аутгруппа. Данная этноцентричная тенденция к ингрупповому фаворитизму была позднее обнаружена во многих обществах, что привело к утверждению о том, что эта тенденция является характерной универсальной чертой межгруппового взаимодействия. Концепция этноцентризма также достаточно широко используется в качестве синонима общей антипатии к аутгруппам. В таком понимании она очень близка к понятию «толерантность» [1].

Таким образом, при изучении межэтнических отношений особое внимание уделяется изучению личности, включенной в этническую группу, иерархии деятельностей, мотивированных личностными потребностями, социальных установок, ориентаций, этнических стереотипов, национального самосознания, этнических границ, социальной и культурной дистанции, этнического статуса.

Целью исследования было изучение этнических установок представителей разных этнических групп по отношению к своей и чужим этническим группам. Были использованы: Методика исследования этнической идентичности и стереотипов («Приписывание качеств») (Стефаненко Т. Г.), Методика З. В. Сикевич «Этнические установки»; методы математической статистики — статистический пакет SPSS Statistics 10.0: однофакторный дисперсионный анализ.

В исследовании приняли участие молодые представители трех этнических групп (хакасы, тувинцы, русские) в количестве 60 человек. Все испытуемые проживают в г. Абакане. 1 группа: 20 человек — представителей хакасской национальности (девушки — 80 %, парни — 20 %), средний возраст по группе — 22,4 года. 2 группа: 20 человек — представителей тувинской национальности (девушки — 60 %, парни — 40 %), средний возраст по группе — 23,6 года. 3 группа: 20 человек — представителей русской национальности (девушки — 75 %, парни — 25 %), средний возраст по группе — 21,8 года.

Изучение этнических установок представителей разных этнических групп мы начали с изучения особенностей этнической идентичности и этнических стереотипов (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика этнической идентичности и этнических стереотипов в зависимости от этнической группы (средние значения)

Факторы	Показатели среднего значения (показатели выраженности этнической идентичности и этнических стереотипов)			p (уровень значимости различий)		
	Хакасская этническая группа (1)	Тувинская этническая группа (2)	Русская этническая группа (3)	1—2 группы	2—3 группы	1—3 группы
Оценка своей этнической группы	6,5	8,2	7,25	0,001*		
Оценка чужой этнической группы	4	7,6	6,9	0,001*		
Оценка Я-образа	4,05	10	7	0,003*		

Уровень значимости различий: * — $p < 0,001$.

Результаты исследования показали, что представители тувинской национальности в наибольшей степени, по сравнению с молодыми людьми хакасской национальности, склонны к формированию положительных этнических установок и стереотипов по отношению к своему этносу ($p < 0,001$). Согласно исследованию Гудикунста, выраженность социальной идентичности влияет на ожидаемую приемлемость и неприемлемость «чужих» сильнее, чем личностная идентичность. Социальная идентичность основана на разделяемых членами группы представлениях и убеждениях. У. Мак-Гири и его коллеги установили, что этничность (как групповое членство) возникает в сознании индивидов как часть спонтанной самоконцепции в том случае, когда члены этнической группы резко отличаются от социального окружения. Это согласуется с положением М. Бревера, что принадлежность к определенному этносу более важна для групп меньшинств, чем для этнического большинства [5].

Из таблицы 1 мы можем видеть, что «Оценка Я-образа» имеет значительную зависимость от фактора «этническая группа» ($p < 0,003$). Представители тувинской этнической группы оценивают себя выше, чем представители хакасской этнической группы. Это означает, что тувинцы лучше и охотнее соотносят себя с представителями своего этноса. В отличие от них молодые люди хакасской национальности плохо соотносят себя со своим этносом.

В оценке чужой этнической группы представители тувинской национальной группы в большей степени склонны к формированию стереотипов ($p < 0,001$), в отличие от молодых людей хакасской национальности. У тувинцев быстро формируются социальные установки и этнические стереотипы (как положительные, так и отрицательные). И, наоборот, представители хакасской этнической группы не склонны к стереотипизации чужих этнических групп.

Изучение этнических установок представителей разных этнических групп было проведено более углубленно, при этом были рассмотрены такие факторы, как этноцентризм, противоречивое самосознание и этническая толерантность (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика этнических установок молодых представителей хакасской, тувинской и русской национальностей (средние значения)

Факторы	Показатели среднего значения			p (уровень значимости различий)		
	Хакасская этническая группа (1)	Тувинская этническая группа (2)	Русская этническая группа (3)	1—2 группы	2—3 группы	1—3 группы
Этноцентризм	1,75	6,25	9			0,001*
Противоречивое самосознание	5,15	2	4	0,004*		
Этническая толерантность	7	6,15	5			0,002*

Уровень значимости различий: * — $p < 0,001$.

Если этноцентризм[1] — это восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры, то согласно нашему исследованию можно сказать, что именно молодые люди русской национальности склонны использовать стандарты своей группы для оценки молодых людей хакасской национальности, располагая свою группу на вершине иерархии и рассматривая представителей хакасской национальности как нижестоящих. Представители тувинской этнической группы в среднем оцениваются на достаточно высокий уровень этноцентризма, что скорее всего является следствием отчужденности этноса от других. Для них свой этнос является эталонным и более привлекательным, нежели остальные, что мы можем видеть в таблице 2.

По фактору «противоречивое самосознание» имеются значимые различия ($p = 0,004$) между этническими группами хакасов и тувинцев. По данным исследования можно видеть,

[1] Этноцентризм — это такое «видение вещей, при котором своя группа оказывается в центре всего, а все другие соизмеряются с ней или оцениваются со ссылкой на нее» [5].

что представители хакасской национальности имеют высокий уровень противоречивого самосознания. Представители тувинской этнической группы по данному фактору имеют низкий уровень противоречивого самосознания, следовательно, обладают высокой степенью осознания себя как часть своего этноса, высокой степенью этнической идентичности и самосознания.

Из исследования была выявлена зависимость фактора «этническая толерантность» от принадлежности к определенной этнической группе, получены статистически значимые различия между группами хакасов и русских (p = 0,002). Молодые представители хакасской этнической группы по фактору «этническая толерантность» имеют высокую степень этнической толерантности. Это означает, что представители хакасской группы спокойно уживаются с другими народами и предпочитают сотрудничать, нежели соперничать. Хакасская этническая группа склонна проявлять терпимость к представителям других народов, чужой культуре и традициям, а также способна проявлять терпимость к образу жизней представителей других этнических общностей, их поведению, традициям, национальным обычаям. В отличие от них молодым представителям русского этноса трудно проявлять терпимость по отношению к представителям других народов, они испытывают неприятные ощущения в случаях соприкосновения с культурой других народов, что также выражается в высокой степени этноцентризма.

Выводы:

1. Молодые представители тувинской этнической группы оценивают свой этнос выше, чем представители хакасской этнической группы. Это показывает, что у представителей тувинской этнической группы имеется большая предрасположенность к формированию положительных этнических установок по отношению к своему этносу, нежели у молодых представителей хакасской этнической группы.

2. Представители тувинской этнической группы более склонны к формированию этнических стереотипов и этнических установок по отношению к другим этносам, чем представители хакасской этнической группы, у которых эта тенденция занижена. Это означает, что представители хакасской этнической группы менее склонны к формированию социальных установок и этнических стереотипов по отношению к другим народам.

3. «Оценка Я-образа», которая проявляется в соотнесении себя и своей этнической группы (степень принадлежности к своей этнической группе), имеет значительную зависимость от фактора «этническая группа». Из исследования видно, что представители тувинской этнической группы оценивают себя выше, чем представители хакасской этнической группы. Это означает, что представители тувинского этноса охотнее соотносят себя со своей этнической группой и обладают высокой степенью этнической идентичности, чем представители хакасской этнической группы, у которых оценка Я-образа занижена, что подразумевает под собой низкую степень этнической идентичности.

4. Представители русской этнической группы обладают более высокой степенью этноцентризма, в отличие от представителей хакасской этнической группы. Это также указывает на то, что для молодых представителей русского этноса своя группа оказывается в центре всего, а все другие соизмеряются с ней или оцениваются со ссылкой на нее.

5. Для представителей хакасской национальности характерно в наибольшей степени выраженное противоречивое самосознание, что доказывает их низкую степень удовлетворенности своей этнической принадлежностью. В отличие от них, представители тувинской национальности обладают высокой степенью удовлетворенности от своей этнической принадлежности.

6. Представители хакасской этнической группы склонны к проявлению высокой степени этнической толерантности, в отличие от представителей русской этнической группы. В отличие от них, представителям русского этноса трудно проявлять терпимость по отношению к представителям других народов, также они испытывают неприятные ощущения в случаях соприкосновения с культурой других народов. Это можно объяснить тем, что представители русской национальности относятся к представителям доминирующего большинства в Республике Хакасия.

1. http://geolike.ru/page/gl_6473.htm.
2. *Белинская Е. П., Тихомадрицкая О. А.* Социальная психология личности : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 138—139.
3. *Набиуллина А. В.* Основные подходы и методология изучения межэтнических отношений // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 5—1. С. 3—5. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-i-metodologiya-izucheniya-mezhetnicheskih-otnosheniy (дата обращения: 31.03.2016).
4. Gudykunst et al., 1988.

Р. И. Хайрудинова, Э. Р. Агаджанова, М. А. Сербина

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ[1]

Анализируются задачи и возможности дополнительного образования детей в социальной адаптации школьников с ограниченными возможностями здоровья. Показано, что психологическая работа с семьей является значимым фактором развития адаптационных ресурсов детей. Предложено описание системы психологической работы с семьей ребенка, имеющего ограниченные возможности здоровья, в условиях учреждения дополнительного образования. Выделены направления и определено основное содержание диагностической, консультационной, просветительской и коррекционной работы психолога с семьей.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, семья, дети с ограниченными возможностями здоровья, ресурсы адаптации.

R. I. Khairudinova, E. R. Agadzhanova, M. A. Serbina

FAMILY PSYCHOLOGICAL SERVICES IN ESTABLISHMENT OF ADDITIONAL EDUCATION AS A FACTOR OF IMPROVEMENT OF ADAPTIVE RESOURCES OF CHILDREN WITH DISABILITIES

The authors analyze the challenges and opportunities of additional education of children in the social adaptation of students with disabilities. It is shown that psychological work with the family is a significant factor in the development of adaptive resources of children. The authors propose the description of psychological work system with a family of a child with disabilities in conditions of institutions of further education. They alao allocate directions and identify the main content of diagnostic, consultative, educational and correctional work of a psychologist with the family.

Key words: psychological support, family, children with disabilities, resources, adaptation.

В современном российском образовании сегодня остро стоит вопрос о приоритетном значении доступности всех видов образовательных услуг, обучения и воспитания для детей с ограниченными возможностями здоровья, о содействии их социализации и развитии. Об этом свидетельствует законодательное закрепление вопросов, связанных с обеспечением надлежащих условий для обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии в нормативных документах системы образования России.

Закон «Об образовании» утверждает государственные гарантии на получение образования лицам с отклонениями в развитии и гарантирует им воспитание и обучение, социальную адаптацию и интеграцию в общество. **В решении коллегии Министерства образования и науки Российской Федерации** «О повышении роли системы дополнительного образования в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья» говорится, что **основная задача**, стоящая перед государством и обществом в целом в отношении детей данной категории, — **создание надлежащих условий и оказание помощи в их социальной реабилитации и адаптации, в подготовке к полноценной жизни в обществе.**

Коллегия, в частности, решила обратить особое внимание на:

— интеграцию детей с ограниченными возможностями здоровья в среду здоровых сверстников;

— допрофессиональную подготовку детей с ограниченными возможностями здоровья в целях обеспечения их социальной незащищенности;

— систему мер по активизации работы с детьми с ограниченными возможностями здоро-

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-06-00143.

вья в учреждениях дополнительного образования детей;

— усиление взаимодействия образовательных учреждений с семьями детей с ограниченными возможностями здоровья;

— активное вовлечение детей с ограниченными возможностями здоровья в подготовку и проведение массовых мероприятий с учащимися, участие в конкурсах, смотрах, фестивалях, соревнованиях, олимпиадах и других формах дополнительного образования [1].

Таким образом, подчеркивается значимость системы дополнительного образования в социализации и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья, их творческом развитии и включении в жизнь общества.

Дети с ограниченными возможностями здоровья — особая категория детей, требующая к себе повышенного внимания, заботы и понимания. Обучение и воспитания такого ребенка во многом затрудняется по причине того, что с ранних лет он воспринимает окружающий мир в большей степени как агрессивную, враждебную среду, что порождает его стремление «спрятаться», уйти в сторону. Дополнительное образование представляет возможности для организации социально-позитивной деятельности обучающихся, которая ориентирована в первую очередь на создание ситуации успеха для воспитанника.

Одной из острых проблем реализации инклюзии в учреждениях дополнительного образования является вхождение детей с нарушениями в развитии в систему сложившихся в среде отношений, преодоление негативных установок и неоправданных ожиданий у них по отношению к своей деятельности, к позиции взрослых и сверстников, нередко имеющих место при выборе направления дополнительного образования. Успешность социальной интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательную среду учреждения дополнительного образования во многом определяется активностью всех участников образовательного процесса, включая педагогов, самих детей и их родителей [2].

Опыт нашей работы в учреждении дополнительного образования показывает, что включение детей с теми или иными нарушениями развития в общую образовательную среду вызывает трудности взаимодействия участников данного процесса, являясь стрессовым фактором как для ребенка с ограничениями здоровья, так и для его родителей.

Мы глубоко убеждены, что успешность «безболезненного» вхождения ребенка в инклюзивную среду во многом определяется позицией его окружения к данному процессу. Семья является ближайшим социальным окружением для ребенка и начальной ступенью социализации. В зависимости от того, как относятся к ребенку с ограниченными возможностями в семье, как содействуют его социализации и вхождению в мир окружающих людей, будет зависеть дальнейшая его жизнь в социуме. Исследования показывают значительную настороженность родителей по отношению к включению ребенка в инклюзивную образовательную среду. Так, по данным Е. Р. Ярской-Смирновой и И. И. Лошаковой, мнения родителей в отношении организации интегративной образовательной среды зависит от характера нарушений в развитии детей: около 70 % родителей считают возможным обучение здоровых детей и детей с поражением опорно-двигательного аппарата и лишь 36 % родителей относятся положительно к совместному обучению детей с нарушениями речи, слуха и зрения [3]. В то же время эффективность инклюзивного образования для социальной адаптации ребенка с ограниченными возможностями здоровья во многом определяется доверием родителей к образовательной среде, включенностью семьи в эту среду.

Снять настороженность родителей может грамотная организация психолого-педагогического сопровождения, направленного на формирование у них новых форм мышления, развития гуманистических ценностей и идеалов, расширение адаптационных возможностей родителей. Исследования Н. В. Калининой [4, 5] показывают, что социальная адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья взаимосвязана с уровнем развития адаптационных ресурсов у их родителей, а поведение детей в трудных ситуациях имеет значимые взаимосвязи с используемыми родителями стратегиями преодоления трудностей. В связи с этим большая роль в решении проблемы адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательной среде учреждений дополнительного образования отводится психологической работе с родителями.

Оказание эффективной психолого-педагогической помощи семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья, — сложный процесс, а имеющаяся на сегодня методическая база явно недостаточна. Она в большей степени направлена на организацию сопровождения детей в среде школы. Для уч-

реждений дополнительного образования пока не выстроен целостный, достаточно проработанный методологический подход к определению содержания, форм и методов психологической работы с семьей. Анализ литературы по данной проблеме показал, что семья, воспитывающая ребенка с ограниченными возможностями здоровья, вследствие психологической нагрузки структурно деформируется, она беспомощна, ее положение можно охарактеризовать как внутренний (психологический) и внешний (социальный) тупик. Члены такой семьи часто имеют личностные нарушения, так как находятся в длительно действующей психотравмирующей ситуации. Вся семья в целом нуждается в психологическом сопровождении [6].

Мы предприняли попытку выделения наиболее значимых компонентов системы психологической работы с родителями детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательной среде учреждения дополнительного образования детей, реализующего программы инклюзивного образования. Такая работа представляет собой систему взаимосвязанных направлений и видов деятельности психолога:

1. Диагностика — направлена на выявление особенностей детско-родительских отношений, личностных особенностей, эмоционального состояния, самооценки, механизмов психологической защиты, терминальных ценностей родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. В качестве диагностического инструментария применяются анкетирование, опросники, проективные методики. Результаты обсуждаются с родителями индивидуально, что позволяет им осознать достижения и проблемы, сформулировать запросы о психологической помощи, наметить точки личностного роста.

2. Психологическое просвещение — это приобщение родителей детей с ограниченными возможностями здоровья к психологическим знаниям. Основной смысл психологического просвещения родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, заключается в том, чтобы знакомить их с основными закономерностями и условиями благоприятного психического развития ребенка; формировать потребность в психологических знаниях, желание использовать их для построения конструктивного взаимодействия с детьми и образовательной средой. Формы психологического просвещения могут быть самыми разными: лекции, беседы, семинары, выставки, подборка литературы.

3. Консультирование. Одним из важных этапов в оказании помощи родителям является индивидуальная консультативная работа — психологическое консультирование. Первым этапом психологического консультирования идёт установление контакта с родителем, «настройка» на совместную работу. Главная задача — услышать родителя, понять, как видится проблема ему самому, как он воспринимает ребёнка и сложившуюся ситуацию. На основе жалоб родителей формулируется предположительная психологическая проблема. Чаще всего за помощью родители обращаются по следующим вопросам: проблемы, возникающие в процессе обучения, воспитания или лечения ребёнка; взаимоотношения ребенка с матерью (его непослушание, агрессивность); отношения ребенка с другими детьми в семье; отношения ребенка с учителем в школе или в объединении дополнительного образования (родители жалуются, что педагог недооценивает, занижает возможности их ребенка); отношения между матерью и отцом ребенка. Отметим, что в нашем опыте примерно треть семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии, неполные, что приводит к формулированию еще одной консультационной проблеме — усталости, неудовлетворенности своим семейным статусом со стороны матерей, что приводит к подсознательному отвержению ребенка, злости и компенсаторным механизмам гиперопеки. Для решения этих проблем используются техники, основанные на рефлексии родителями своего поведения, на развитии и наработке ресурсов для преодоления негативных эмоциональных состояний.

4. Психологическая коррекция, на наш взгляд, должна быть направлена на изменения когнитивной, эмоциональной, поведенческой сфер личности родителя. Основные задачи психокоррекционной работы: помочь родителям принять себя и своих детей, такими, какие они есть; раскрыть собственные творческие возможности; изменить взгляд на свою проблему — воспринимать ее не как «страдание», а как «особое предназначение»; вооружить родителей различными способами коммуникации; научить конструктивно помогать и поддерживать друг друга; помочь избавиться от чувства обособленности и брошенности в своем горе; помочь в формировании адекватной оценки психологического состояния детей; снять тревогу и страх отвержения; сформировать адекватное представление об общественных процессах и месте «особых» людей в структуре общества; помочь избавиться от комплекса вины и непол-

ноценности себя и своей семьи. Основным результатом изменения личности родителя с помощью психокоррекции на когнитивном уровне является осознание связи между психогенными факторами и возникновением и сохранением невротических расстройств (родители осознают возникающие проблемы); на эмоциональном — отработка чувств и эмоций, получение эмоциональной поддержки, формирование эмпатии; на поведенческом — приобретение навыков конструктивного взаимодействия.

Немаловажную роль в системе психологической поддержки родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, играет вовлечение родителей в переживание ситуаций успеха, в сопереживание успешности их ребенка при позитивной оценке его достижений. В условиях учреждения дополнительного образования с учётом новых педагогических технологий можно реализовать множество интересных проектов, которые помогут добиться положительных результатов. Мы считаем важным отражать все успехи ребенка с ограниченными возможностями здоровья на специально созданных экранах успеха и приобщать родителей к участию в представлении успешных проектов их ребенка.

Опыт психолого-педагогического сопровождения участников инклюзивного образования в условиях учреждения дополнительного образования детей позволил нам выделить наиболее значимые компоненты системы психологической работы с родителями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья. Эффективному решению задач социализации ребенка с ограниченными возможностями здоровья способствует работа психолога, направленная на выстраивание сотрудничества с семьей в достижении ребенком успехов в интересной для него деятельности, на помощь родителям в применении психологических знаний и умений во взаимодействии со своими детьми дома и принятии ребёнка таким, какой он есть — во всех его проявлениях. Важным является направление усилий психолога на гармонизацию семейных взаимоотношений; на установление детско-родительских отношений; на обучение родителей адекватному оцениванию возможностей ребенка (как физических, так и психологических); на решение личных проблем родителей (чувство неполноценности, вины). Значимым для достижения эффективности является обучение родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, элементарным методам психологической коррекции (аутогенной тренировке, элементам игротерапии, сказкотерапии и т. п.) и развитие готовности к оказанию детям помощи в осознании своих интересов и способностей, в выборе профиля занятий ребенка, ведущего к социализации.

1. *Малофеев Н. Н.* Специальное образование в России и за рубежом : в 2 ч. Ч. 1. Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии. М. : Печатный двор, 1996. 182 с.
2. Обучение и воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья : методические рекомендации. Издательский дом «Новый учебник», 2005. (Б-ка Федеральной программы развития образования).
3. *Ярская-Смирнова Е. Р., Лошакова И. И.* Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социс. 2003. № 5. С. 100—106.
4. *Калинина Н. В.* Формирование стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций у детей в контексте семейного взаимодействия // Фундаментальные исследования. 2013. № 8 (ч. 2). С. 468—472. URL: www.rae.ru/fs/?section=content &op =show_article&article_id=10001155.
5. *Калинина Н. В.* Взаимосвязь стратегий преодолевающего поведения и адаптации подростков в инклюзивной образовательной среде // Симбирский науч. вестн. 2015. № 4(22). С. 13—16.
6. *Шипицына Л. М.* Необучаемый ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Речь, 2005. 477 с.

О. В. Шабанова, А. А. Потапова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ВУЗЕ

Статья посвящена проблемам профессионально-личностного развития социальных работников в вузе, изучению роли тренинга в учебном процессе, преимуществам применения социально-психологического тренинга как формы обучения для подготовки социальных работников.

Ключевые слова: социальная работа, профессиональная подготовка, профессионально-личностное развитие, социально-психологический тренинг.

O. V. Shabanova, A. A. Potapova

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL COACHING AS THE FORM OF EDUCATION IN THE COURSE OF VOCATIONAL TRAINING OF SOCIAL WORKERS IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

This article is devoted to the problems of professional and personal development of social workers in higher education institutions. It studies the role of coaching in an educational process. This article also reveals the advantages of application of social and psychological coaching as the form of education for social workers training.

Key words: social work, vocational training, professional and personal development, social and psychological coaching.

Профессионально-личностное развитие — процесс глубокий и многогранный. Становление человека как личности и как профессионала происходит на протяжении жизни, и, безусловно, это двуединый процесс: без личности нет профессионала, а без самореализации в собственной профессии и личность раскрывается не полностью.

Тема профессионально-личностного развития социальных работников в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов социальной сферы в вузе всегда являлась актуальной. Ведь от того, насколько сильно человек нацелен на рост в своей профессии, на самореализацию, зависит то, как он будет работать в дальнейшем, как будет развивать себя и направление своей деятельности, будет ли удовлетворен своей жизнью. А это уже связано с развитием социальной сферы и общества в целом.

Таким образом, неоспорима актуальность проблемы всестороннего и непрерывного профессионально-личностного развития специалиста социальной работы. Однако в данном вопросе существует множество противоречий. Одним из них является противоречие между сложившимися качествами личности и объективными требованиями, нормами, стандартами профессиональной деятельности, обусловливающей дальнейшее развитие личности через интеграцию в эту деятельность. Одним из способов преодоления данного противоречия в процессе профессиональной подготовки социальных работников в вузе является применение социально-психологического тренинга.

Тренинг сегодня стал самой распространенной интерактивной технологией среди методов игрового обучения. В отличие от теоретических схем, предлагаемых в лекционных курсах, имеющих, как правило, мало вариантов, в процессе тренинга у его участников формируются наиболее продуктивные приемы и способы взаимодействия, основанные на индивидуальных особенностях человека и его коммуникативной компетентности. Высокая образовательная результативность тренинга определяется также тем, что тренинг, будучи построенным на моделировании реальных ситуаций, требует от его участников активной включенности в процесс общения и мобилизации интеллектуального и аналитического потенциала. Тренинговые занятия представляют собой форму активного обучения и применяются для формирования межличностной составляющей профессиональной деятельности путем развития психодинами-

ческих свойств индивида и формирования социальных навыков.

Существенной особенностью тренинга является также то, что он позволяет «проигрывать» процесс взаимодействия людей при поиске и воплощении в практику принятых решений, выбранных действий и поступков. Активизирующий эффект тренинга обусловлен также созданием особой учебно-экспериментальной обстановки, обеспечивающей понимание участниками того, какие индивидуальные и групповые психологические события развертываются в процессах межличностного общения, интенсивной обратной связи и формированием практических умений, необходимых при достижении цели [4].

Тренинг в учебном процессе является обязательным, а не добровольным, и если он будет проводиться формально, без создания особой атмосферы, то не будет эффективным.

Обучение с помощью тренингов существенно отличается от традиционных методов обучения (уроков, лекций, семинаров) не только по форме проведения, но и по основным принципам. При обычном обучении человека учат давать правильные ответы, и только правильные. При тренинге же к ошибкам относятся снисходительно, они рассматриваются как необходимая часть процесса обучения.

Тренинг, включенный в учебный процесс, имеет ряд особенностей. Он проводится, как правило, в обычной аудитории и длится 90 минут (два академических часа) один раз в неделю. Посещение занятий обязательно. Члены группы хорошо знакомы между собой, обычно они много общаются вне тренинга, в процессе учебы и в неформальной обстановке. Все это затрудняет использование стандартных методик и требует специальной подготовки.

Участие в социально-психологическом тренинге особенно важно для людей, профессии которых предполагают интенсивное общение, а также для тех, кто испытывает трудности в сфере человеческих контактов. Поскольку подобные трудности характерны для многих молодых людей, учащиеся — будущие работники социальной сферы особенно нуждаются в проведении такого тренинга [2].

Общие цели социально-психологического тренинга, которые помогают развивать профессиональные качества и навыки, следующие:

- исследование психологических проблем участников группы и оказание помощи в их решении;
- улучшение субъективного самочувствия и укрепление психического здоровья;
- изучение психологических закономерностей, механизмов и эффективных способов межличностного взаимодействия для создания основы более эффективного и гармоничного общения с людьми;
- развитие самосознания и самоисследование участников для коррекции или предупреждения эмоциональных нарушений на основе внутренних и поведенческих изменений;
- содействие процессу личностного развития, реализации творческого потенциала, достижению оптимального уровня жизнедеятельности и ощущения счастья и успеха.

Также необходимо помнить и о преимуществах групповой формы работы:

1. Групповой опыт противодействует отчуждению, помогает решению межличностных проблем;
2. Группа отражает общество в миниатюре, делает очевидными такие скрытые факторы, как давление партнеров, социальное влияние и конформизм;
3. Имеется возможность получения обратной связи и поддержки от людей со сходными проблемами;
4. В группе человек может обучаться новым умениям, экспериментировать с различными стилями отношений среди равных партнеров;
5. В группе участники могут идентифицировать себя с другими, «сыграть» роль другого человека для лучшего понимания его и себя и для знакомства с новыми эффективными способами поведения, применяемыми кем-то;
6. Взаимодействие в группе создает напряжение, которое помогает прояснить психологические проблемы каждого;
7. Группа облегчает процессы самораскрытия, самоисследования и самопознания;
8. Групповая форма предпочтительней и в экономическом плане: участникам дешевле работа в тренинге, чем индивидуальная терапия (и для многих тренинговая работа гораздо более эффективна) [7].

В процессе профессиональной подготовки социальных работников широко используются социально-психологические тренинги в рамках различных дисциплин: «Введение в профессию», «Креативные технологии в социальной работе», «Технологии социальной работы», «Психология социальной работы» и др. Одной из дисциплин, которая по своему содержанию позволяет использовать социально-психологический тренинг, является дисциплина «Профессионально-личностное развитие». В рамках этой дисциплины с будущими социальными ра-

ботниками был проведен тренинг, который был направлен на то, чтобы участники смогли сконцентрироваться на тех целях, которых они хотят достигнуть, понять, что у них есть и чего им не хватает для получения желаемого результата.

Подбор упражнений для тренинга нами осуществлялся исходя из целей, которые достигаются при их исполнении. Так, нами были отобраны следующие упражнения:

1. «Паутина успеха» (цель — создать атмосферу доверия и безопасности в группе);
2. «Без маски» (цель — снятие эмоциональной и поведенческой закрепощенности, формирование навыков искренних высказываний для анализа сущности «Я»);
3. Рисование на тему «Успех» (цель — способствовать осознанию своего отношения к вопросам успеха);
4. «Все равно ты молодец…» — вербальная разминка (цель — способствовать получению каждым участником признания, одобрения со стороны группы как подтверждения права на успех);
5. «Самоанализ» (цель — способствовать осознанию каждым участником того, какие качества ему помогают добиваться успеха, а какие мешают);
6. «Что меня сформировало» (цель — сделать акцент на положительном жизненном опыте участников, способствующем их личностному развитию);
7. «Эпитафия» (цель — повысить у игроков готовность осознанно выстраивать свои жизненные и профессиональные перспективы, выделяя и логически связывая основные (ключевые) события собственной жизни);
8. «Чемодан в дорогу» (цель — актуализация жизненных целей и повышение мотивации к их достижению, а также осознание своих сильных и слабых сторон);
9. «Мой герб» (цель — осознание личных целей и их приоритетности).

Последним пунктом проведения тренинга была рефлексия. Участники тренинга отвечали на следующие вопросы:

- Что нового вы узнали и поняли на тренинге о себе, о других, об успехе?
- Какие изменения появились в ваших мыслях, чувствах, поведении?
- Над чем вы задумались?
- Что хотели бы изменить?

По результатам данного обсуждения можно сделать вывод о том, что цели, на достижение которых были направлены выполняемые упражнения, достигнуты. А именно большинство участников четко определили для себя:

— что вкладывают в понятие «успех» на данный момент;

— какие качества помогают в достижении успеха, а какие мешают в этом;

— какие из указанных качеств уже есть, а какие нуждаются в развитии;

— необходимость актуализации жизненных целей, а также их приоритетности.

Безусловно, одного тренинга недостаточно для достижения поставленной нами цели. Данный тренинг являлся частью разработанной и реализованной программы по профессионально-личностному развитию социальных работников в вузе, которая была реализована при участии студентов направления «Социальная работа» Ульяновского государственного университета. Однако без него полученная положительная динамика не была бы столь очевидной, а именно значительное увеличение количества респондентов с мотивом стремления к достижению успеха (45,5 % после завершения эксперимента по сравнению с результатом до его начала — 13,6 %), а также достижению преобладания внутренней мотивации (ВМ) по сравнению с внешней отрицательной мотивацией (ВОМ) после окончания эксперимента (ВМ = 45,5 % > ВОМ = 18,2 %).

Таким образом, для достижения высокого уровня профессионализма в профессиональной деятельности специалисту по социальной работе необходимо обладать стартовыми возможностями, способностями, знаниями, умениями, навыками, компетентностью и высокой мотивацией. Очень важно, чтобы профессионал обладал не только мастерством, но и отличался высокой эффективностью и стабильностью результатов деятельности, что достигается использованием различных форм и методов обучения в процессе профессиональной подготовки. Социально-психологический тренинг — это та форма работы, которая позволяет эффективно отработать навыки профессиональной деятельности, создавая эмоционально безопасную среду в обучении студентов, давая возможность получения активной обратной связи и формирования навыка рефлексии.

1. *Вачков И. В.* Основы технологии группового тренинга. Психотехники. М. : Ось-89, 1999. 256 с.
2. *Рамендик Д. М.* Тренинг личностного роста : учеб. пособие. М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2007. 176 с. (Профессиональное образование).

3. *Рудестам К.* Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М. : Прогресс, 1993. 368 с.
4. *Панфилова А. П.* Инновационные педагогические технологии: Активное обучение : учеб. пособие для студ. вузов. М. : Изд. центр «Академия», 2009. 192 с.
5. Внутренняя и внешняя мотивация // Портал «Все учебники». URL: http://vse-uchebniki.com/teoriya-upravleniya-besplatno/vnutrennyaya-vneshnyaya-motivatsiya.html.
6. Мотивация: Википедия. Свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CC%EE%F2%E8%E2%E0%F6%E8%FF.
7. Психологические особенности тренинговой группы: Психология. URL: http://pcyhologia.ru/treningi/86-psihologicheskie-osobennosti-treningovoy-gruppy.html.
8. *Шабанова О. В.* Основы профессиональной подготовки социальных работников в сфере формирования креативной компетентности : учебно-методическое пособие. Ульяновск : Изд-во Качалина А. В., 2014. 107 с.

№ 2(24) 2016 СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПЛОЩАДКИ: НАУКА И ПРАКТИКА

И. С. Белик

РОЛЬ ДИАГНОСТИКИ КАК СРЕДСТВА ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИКА

В данной статье рассматриваются вопросы психолого-педагогической диагностики учащихся. Раскрываются преимущества компьютерной диагностики в условиях информатизации сферы образования.

Ключевые слова: психолого-педагогическая диагностика, информатизация образования, методы диагностики.

I. S. Belik

DIAGNOSTICS AS MEANS OF STUDYING THE STUDENT'S DEVELOPMENT LEVEL

This article deals with the psychological and pedagogical diagnosis of pupils. It reveals the advantages of computer diagnostics in the conditions of informatization of education.

Key words: psychological and pedagogical diagnostics, informatization of education, methods of diagnostics.

Давно стало крылатым высказывание Л. С. Выготского о том, что «педагогика должна ориентироваться не на вчерашний, а на завтрашний день детского развития», т. е. обучение должно осуществляться в зоне ближайшего развития ребёнка. Для того чтобы оказывать эффективное педагогическое воздействие на детей, необходимо иметь научные знания об их индивидуальных особенностях, объективность которых зависит от того, насколько объективными, научно обоснованными методами они получены. Специфика психолого-педагогического обследования заключается в системном анализе явлений детского развития. Это изучение социальной ситуации развития ребенка, рассмотрение иерархии деятельности и психологических новообразований в сфере сознания и личности ребенка. Перед современным образованием встаёт глобальная проблема выравнивания возможностей детей с различными особенностями, создания условий для дальнейшего гуманного подхода к их развитию.

На современном этапе развития общества в любой научной сфере прямо или косвенно используют достижения информационно-коммуникационных технологий. К настоящему времени нельзя отрицать наличия в сфере образования требуемых технических и программных средств [2].

По данным научного Центра здоровья детей РАМН, сегодня 85 % детей рождаются с недостатками развития и неблагополучным состоянием здоровья, из них не менее 30 % нуждаются в комплексной реабилитации. Количество детей, которым требуется коррекционно-педагогическая помощь, достигает в дошкольном возрасте 25 %, а по некоторым данным — 30—45 %; в школьном возрасте 20—30 % детей нужна специальная психолого-педагогическая помощь, а свыше 60 % детей относятся к группе риска. Несмотря на то, что для многих из этих детей не требуются особые образовательные условия, отсутствие своевременной коррекционно-развивающей помощи может привести к их дезадаптации. Поэтому очень важно своевременно выявлять не только детей с выраженными нарушениями развития, но и детей с минимальными отклонениями от нормативного развития [3].

Основные задачи психолого-педагогической диагностики:

— определить уровни развития ребенка;

— обнаружить изменения основных характеристик и признаков личности в лучшую или худшую сторону;

— увидеть норму и отклонение (ориентируясь на эталон);

— проанализировать полученные факты;

— установить причины изменений;

— выработать план дальнейшей коррекционной работы по результатам диагностики.

Проведение любой диагностики всегда связано с вопросами: С какой целью она проводится? Как будут использованы ее результаты? Данные диагностики позволяют педагогам и родителям следить за ходом развития ребенка и осуществлять индивидуальный подход, в этом заключается позитивная роль диагностики.

Правильный выбор апробированных диагностических методик, сочетание различных методов диагностики со специально организованным наблюдением и анализом продуктов деятельности и творчества детей будут способствовать повышению эффективности диагностического процесса, предупреждению ошибок при выявлении причин трудностей в обучении и определении уровня познавательного и личностного развития ребенка.

Рассмотрим основные методы психолого-педагогического исследования.

Выбор методик изучения не должен быть случайным — его необходимо делать в соответствии с установленными критериями и показателями. Работая с диагностическими методиками, педагог должен придерживаться следующих правил:

1. Содержание диагностической методики должно предполагать ожидаемый результат;

2. Диагностика должна быть достаточно информативной и создавать широкое поле исследовательской деятельности;

3. Результаты диагностического исследования должны анализироваться компетентными людьми;

4. Любые результаты исследования должны служить не во вред, а во благо;

5. По результатам диагностического исследования должна проводиться систематическая коррекционная работа;

6. Необходимость педагогической диагностики должна разъясняться учащимся и их родителям [4].

Наблюдение — основной, наиболее распространенный эмпирический метод изучения человека. Под наблюдением понимается целенаправленное, организованное и определенным образом фиксируемое восприятие исследуемого объекта. Результаты фиксации данных наблюдения называются описанием поведения объекта. Метод наблюдения дает возможность изучить участие ребенка в конкретном виде деятельности без вмешательства в естественный процесс данной деятельности.

Классификация видов наблюдения:

— по времени проведения: непрерывные и дискретные;

— по объему: широкие и узкоспециальные;

— по типу связи наблюдателя и наблюдаемых: не включённые (открытые) и включенные (скрытые).

Эксперимент — один из основных (наряду с наблюдением) методов научного познания вообще, психологического исследования в частности. Отличается от наблюдения активным вмешательством в ситуацию со стороны исследователя, осуществляющего планомерное манипулирование одной или несколькими переменными (факторами) и регистрацию сопутствующих изменений в поведении изучаемого объекта. Эксперимент — научно поставленный опыт, связанный с наблюдением исследуемых явлений в создаваемых и контролируемых исследователем условиях, может быть лабораторным и естественным [5].

Беседа — эмпирический метод получения сведений (информации) об ученике в общении с ним, в результате его ответов на целенаправленные вопросы. Диалог между двумя людьми, в ходе которого один человек выявляет психологические особенности другого, называется методом беседы. Психолого-педагогическая беседа как метод исследования отличается целенаправленными попытками исследователя проникнуть во внутренний мир субъектов учебного процесса, выявить причины тех или иных поступков.

Анкетирование — эмпирический социально-психологический метод получения информации на основании ответов на специально подготовленные, отвечающие основной задаче исследования вопросы, составляющие анкету. Анкетирование — метод массового сбора материала с помощью специально разработанных опросников, называемых анкетами. Анкеты дают возможность выявить степень влияния коллектива на личность и личности на коллектив, позиции детей в коллективе и степень их значимости в нем.

Опросник дает возможность изучить мотивацию действий учащихся, интересов конкрет-

ного ребенка или группы, класса в целом, уровень тревожности учащихся класса.

Тестирование — метод, в котором используются «стандартизированные» вопросы, утверждения, картинки, схемы, кинофрагменты, задачи (тесты), имеющие определенную шкалу значений. Тестирование позволяет с известной вероятностью оценить уровень развития у испытуемых требуемых им для той или иной деятельности личностных качеств. Тест — стандартизованный метод исследования, предназначенный для точных количественных и определенных качественных оценок индивидуально-психологических особенностей и поведения человека путем сравнения этих оценок с некоторыми, заранее заданными стандартами — нормами теста [5]. От других способов обследования тестирование отличается точностью, простотой, доступностью, возможностью автоматизации [1].

Тесты можно классифицировать в зависимости от того, какой признак взят за основание деления. Наиболее значительными представляются следующие три основания для классификации: форма, содержание и цель психологического тестирования.

По форме тесты могут быть индивидуальные и групповые; устные и письменные; бланковые, предметные, аппаратурные и компьютерные; вербальные и невербальные (практические). По содержанию тесты обычно делятся на четыре класса, или направления: тесты интеллекта, тесты способностей, тесты достижений и тесты личности.

Правильная оценка и интерпретация результатов психологического тестирования должны основываться на знании того, для какой цели они используются.

Внедрение информационных технологий, необходимость которых продиктована реализацией Российского проекта «Информатизация ОУ», должно обеспечить более высокий результат образования при минимальной затрате временного ресурса.

Скачок в психодиагностике произошел благодаря использованию компьютерного тестирования, которое дает возможность изучать процессуальные стороны деятельности, моделируемой тестом, и помогает выявить индивидуальные стратегии в решении заданий, анализирует трудности, испытываемые человеком при выполнении предложенных заданий.

Компьютерные тесты предполагают сбор тестовой информации в режиме диалога испытуемого с компьютером. Однако тесты, предполагающие компьютерную обработку информации, собранной на бланках, не являются компьютерными.

При компьютерном тестировании больше возможностей соблюдения достоверности теста, т. е. обеспечения защиты его результатов от сознательных фальсификаций (лжи, неискренности испытуемого) или непреднамеренных мотивационных искажений. Также повышается надежность тестирования — стабильность результатов тестовых испытаний, устойчивость теста по отношению к разнообразным источникам помех (шумовых, случайных факторов обследования).

Скрытые возможности человека при компьютерном тестировании могут быть улучшены и раскрыты полнее. В таких тестах моделируется процесс обучения или развития, анализируются усилия, затраченные на обучение, оцениваются успехи, что позволяет сделать заключение об интеллектуальных возможностях испытуемого.

Преимуществом компьютерной психодиагностики является возможность, с одной стороны, после проведения тестирования напечатать протокол исследования и психодиагностическое заключение для истории болезни или другой документации, а с другой стороны, поместить эти данные в компьютерный банк данных для последующего их использования, в частности, как справочного материала для статистического анализа и т. д.

При компьютерной психодиагностике значительно понижается вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором: психоэмоциональным состоянием экспериментатора, большей или меньшей его заинтересованностью в результатах исследования и т. п. Гарантируемая при компьютерной психодиагностике абсолютная беспристрастность имеет особое значение в ситуациях экспертизы.

Современный преподаватель должен владеть приемами психолого-педагогической диагностики, что приводит к поиску и разработке новых технологий обучения, которые должны быть направлены на реализацию личностно ориентированного подхода в обучении. Сущность такого подхода состоит в гуманизации педагогического процесса, уважительном отношении к личности, создании условий для выявления и развития его индивидуальных возможностей и способностей.

Информатизация образования — процесс обеспечения сферы образования теорией и практикой разработки и использования современных, новых информационных технологий, ориентированных на реализацию психолого-педагогических целей обучения и воспитания, — принадлежит к

числу важнейших направлений процесса информатизации современного общества.

Компьютерные диагностические программы могут использоваться для выявления уровня общих способностей детей; творческих способностей детей; оценки уровня развития психических и психофизиологических свойств личности (памяти, внимания, восприятия, умственной работоспособности, интеллекта, эмоционального состояния, нервно-психического статуса, параметров морфофункциональной системы (моторики, быстроты движения и т. д.)); определения уровня готовности детей к поступлению в детский сад; уровня психофизиологической и социальной готовности к поступлению детей в школу (физического развития, заболеваемости, физической подготовленности, основных физиометрических параметров растущего организма, факторов риска); экспресс-диагностики утомляемости ребёнка в процессе компьютерных занятий; ранней диагностики отклонения детей от нормального развития.

1. *Айсмонтас Б. Б.* Педагогическая психология. URL: http://www.ido.rudn.ru/psychology/pedagogical_psychology/2.html.
2. *Беляков Е. В.* Понятие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их роль в образовательном процессе. URL: http://belyk5.narod.ru/IKT_new.htm.
3. *Григорьев С. Г., Гриншкун В. В.* Информатизация образования. Фундаментальные основы : учеб. для студентов педагогических вузов и слушателей системы повышения квалификации педагогов. М., 2015.
4. *Гуревич К. М.* Психологическая диагностика : учеб. пособие. М., 2012.
5. Использование и разработка компьютерных тестов в педагогической диагностике. URL: http://www.openclass.ru/blogs/35894.

М. В. Мойсеенко

О РОЛИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье рассматривается роль компетентностного подхода в системе школьного образования. Представлена структура ключевых компетентностей и обозначены существенные черты компетентностного подхода.

Ключевые слова: компетентностный подход, ключевые компетентности, уровень образованности.

M. V. Moiseenko

ON THE ROLE OF KEY COMPETENCE IN CONTEMPORARY PRIMARY EDUCATION

This article examines the role of the competency approach in the school system. It presents the structure of the key competences and indicates essential features of the competency approach.

Key words: competence approach, key competencies, level of education.

С начала 90-х годов XX века началось развитие России из закрытого в открытое общество, что стимулировало рост международного сотрудничества не только на федеральном, но и региональном и даже международном уровне, и нашло свое отражение в создании совместных предприятий с зарубежным партнерами, открытии отделений зарубежных университетов, участии в международных проектах. Это коснулось всех слоев населения и возрастных групп, что отразилось на образовательном процессе в учебных заведениях и обусловило изменение требований, предъявляемых к учащимся в младшей и средней школе [1, с. 291—295].

В меняющемся мире система образования должна формировать такие новые качества ученика, как инициативность, инновационность, мобильность, гибкость, динамизм и конструктивность.

Учащийся и в дальнейшем будущий профессионал должен обладать стремлением к самообразованию на протяжении всей жизни, владеть новыми технологиями и понимать возможности их использования, уметь принимать самостоятельные решения, адаптироваться в социальной и будущей профессиональной сфере, разрешать проблемы и работать в команде, быть готовым к перегрузкам, стрессовым ситуациям и уметь быстро из них выходить.

В связи с происходящей в настоящее время сменой образовательной парадигмы возникает необходимость реализации в системе школьного образования компетентностного подхода. Понятие компетентности включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую. Оно также включает результаты обучения (знания и умения), систему ценностных ориентаций и привычки.

Все ключевые компетентности имеют следующие характерные признаки:

— Ключевые компетентности многофункциональны. Компетентности относятся к ключевым, если овладение ими позволяет решать различные проблемы в повседневной, профессиональной или социальной жизни. Ими необходимо овладеть для достижения различных важных целей и решения различных сложных задач в различных ситуациях.

— Ключевые компетентности надпредметны и междисциплинарны, они применимы в различных ситуациях, не только в школе, но и в семье.

— Ключевые компетентности требуют значительного интеллектуального развития: абстрактного мышления, саморефлексии, определения своей собственной позиции, самооценки, критического мышления и др.

— Ключевые компетентности многомерны, т. е. они включают различные умственные процессы и интеллектуальные умения (аналитические, критические, коммуникативные и др.), ноу-хау, а также здравый смысл.

Существенно, что все компетентности требуют различных типов действия:

— действовать автономно и рефлексивно;

— использовать различные средства интерактивно;

— входить в социально-гетерогенные группы и функционировать в них [3, с. 56—74].

В структуре ключевых компетентностей, на наш взгляд, должны быть представлены:

— компетентность в сфере самостоятельной познавательной деятельности, основанная на усвоении способов приобретения знаний из различных источников информации, в том числе внеклассных;

— компетентность в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение ролей гражданина, потребителя);

— компетентность в сфере социально-трудовой деятельности (оценивать собственные возможности, ориентироваться в нормах и этике трудовых взаимоотношений, иметь навыки самоорганизации);

— компетентность в бытовой сфере (включая аспекты собственного здоровья, семейного бытия и прочее);

— компетентность в сфере культурно-досуговой деятельности (включая выбор путей и способов использования свободного времени, культурно и духовно обогащающих личность).

Предлагаемый подход к определению ключевых компетентностей соответствует опыту тех стран, в которых в последние десятилетия произошла переориентация содержания образования на освоение ключевых компетентностей, а это практически все развитые страны. Вместе с тем указанный выше подход соответствует и традиционным ценностям российского образования (ориентация на понимание научной картины мира, на духовность, на социальную активность).

По мнению О. Е. Лебедева [2, с. 3—8], можно выделить некоторые существенные черты этого подхода. Компетентностный подход — это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов.

К числу таких принципов относятся следующие положения:

— Смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся.

— Содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем.

— Смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования.

— Оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых учащимися на определённом этапе обучения.

С позиций компетентностного подхода уровень образованности определяется способностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний. Компетентностный подход не отрицает значения знаний, но он акцентирует внимание на способности использовать полученные знания. При таком подходе цели образования описываются в терминах, отражающих новые возможности обучаемых, рост их личностного потенциала. Основным непосредственным результатом образовательной деятельности становится формирование ключевых компетентностей. Компетентность обозначает уровень образованности, а также способность действовать в ситуации неопределённости. Под ключевыми компетентностями понимается способность учащихся самостоятельно действовать в ситуации неопределённости при решении актуальных для них проблем.

В заключение хотелось бы заметить, что, к сожалению, очень часто компетентностный подход находит свое применение в вузах и старших классах школы, но совершенно не придается ему значения на ранних этапах, в то время как компетентностный подход соответствует не только целям младшего школьного образования, но и объективным потребностям учащихся. Вместе с тем он соответствует и направлениям творческих поисков учителей. Эти поиски связаны с реализацией идей проблемного обучения, педагогики сотрудничества, личностно ориентированного образования, которые отражают попытки решить проблему мотивации учебной деятельности учеников, создать модель «учения с увлечением». Компетентностный подход также позволяет избежать конфликтов между учащимися и педагогами. Несомненно, организация процесса обучения на основе компетентностного подхода требует применения новых технологий, активных форм обучения и самообразования, активизирующих познавательную,

творческую и социальную деятельность обучающихся, ориентирующих учеников на самостоятельный поиск и усвоение необходимых знаний и прививающих им соответствующие умения.

1. *Гарагуля Ю. В.* Компетентностная модель подготовки будущего учителя математики // Интернет-журнал «Эйдос». 2011. 25 февр. URL: http://www.eidos.ru/journal/2011/0222-5.htm.
2. *Лебедев О. Е.* Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2014. № 5. С. 3—12.
3. Стратегия модернизации содержания общего образования : материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М. : Мир книги, 2012. 104 с.

М. Е. Петров

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассматривается вопрос об особенностях различных видов деятельности у детей с нарушениями интеллекта, зависимости деятельности этих детей от различных внешних факторов, а также пути решения этих проблем.

Ключевые слова: высшие психические функции, мотивация, деятельность.

M. E. Petrov

ACTIVITY FEATURES OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

The article discusses the features of the various activities of children with intellectual disabilities. It traces the dependence of the activity of these children from a variety of external factors. It also tries to find the solutions to these problems.

Key words: higher mental functions, motivation, activity.

Общее психическое недоразвитие при умственной отсталости обусловливает качественное своеобразие целей, мотивов и средств деятельности. Школьники, особенно младших лет обучения, не всегда могут подчинить свои действия поставленной перед ними цели. Выполняя относительно сложное задание, они, как правило, не осмысливают его полностью, не намечают общего плана реализации. Дети начинают действовать, не учитывая всех содержащихся в инструкции условий и требований. Предложенная им задача оказывается подмененной другой, обычно сходной, но упрощенной.

Наблюдаются нарушения целенаправленности деятельности, проявляющиеся в неправильной ориентировке в задании, в ошибочном и фрагментарном его выполнении, в неадекватном отношении к возникающим трудностям, в некритичности к получаемым результатам: ученики приступают к выполнению задания без должной предварительной ориентировки в нем, без его анализа, без активной мыслительной работы над планом и выбором средств достижения намеченной цели. В ходе деятельности способы действия ученика не изменяются даже в тех случаях, когда они оказываются явно ошибочными, не приводящими к нужному результату. Кроме того, дети склонны переносить в неизменном виде элементы прошлого опыта на решение новой задачи.

Встречаясь с трудностями, школьники «соскальзывают» с правильных действий на ошибочные («соскальзывание» в данном контексте обозначает такое явление, когда ребенок как бы не удерживается в русле сложного для него задания и заменяет его более простым, тем самым непроизвольно облегчая свою умственную деятельность). Ученики недостаточно критичны к результатам своей деятельности.

Выполняя задание, дети обычно руководствуются близкими мотивами, направленными на осуществление отдельных операций и действий, а не задачей в целом, что не способствует достижению далеких целей. То обстоятельство, что работа будет оценена (получит оценку), не всегда влияет на деятельность учащихся.

Деятельность умственно отсталых младших школьников в значительной степени зависит от окружающей их ситуации. Дети часто бывают импульсивными, слабо регулируют свое поведение. Наряду со многими фактами, свидетельствующими о кратковременности мотивов их деятельности, встречаются отдельные примеры того, что аффективно окрашенные, хотя и неосознанные мотивы деятельности могут сохраняться и реализоваться детьми в течение довольно длительного срока. Успешность воспитания и обучения ребенка в значительной мере обеспечивается созданием устойчивой мотивации, которая адекватна поставленной задаче [1].

У учащихся старших классов мотивы деятельности, особенно имеющей практическую основу, характеризуются значительной устойчивостью.

Специфическим для умственно отсталых детей является снижение точности выполнения задания при усложнении его условий, что во

многом обусловлено своеобразием их умственной работоспособности, которая представляет собой наиболее сложный вид человеческой деятельности. Умственная работоспособность измеряется количеством и качеством работы, выполненной за определенный отрезок времени. Ее основными показателями являются темп (длительность латентных периодов ответов или скорость реагирования) и качество работы (количество допущенных ошибок) за единицу времени.

К тому же психические процессы характеризуются «функциональной ригидностью», что затрудняет возможность перестройки способов умственного действия, актуализации уже имеющихся знаний и проявляется в стереотипности ответов.

Говоря о причинах низкой работоспособности детей со сниженным интеллектом, исследователи обычно указывают на понижение у них скорости простой реакции при наличии отвлекающих факторов. Информативной является реакция выбора, например, по одному какому-то признаку — величине или цвету объектов. Она отражает особенности протекающих процессов, их замедленность.

У детей с общим психическим недоразвитием наблюдается выраженное запаздывание в становлении всех ведущих видов деятельности (выделяют следующие виды ведущей деятельности: непосредственное эмоциональное общение младенца (до 1 года), предметно-манипулятивная деятельность ребенка раннего возраста (1—3 года), ролевая игра дошкольника (3—7 лет), учебная деятельность младшего школьника (6—12 лет). Кроме того, они качественно и структурно обеднены по сравнению с уровнем развития тех же видов деятельности у нормально развивающихся сверстников.

Уже на первом году жизни у умственно отсталых детей наблюдаются признаки средней и тяжелой степени нарушения в становлении ведущей деятельности данного периода — непосредственного эмоционального общения со взрослым: интерес к взрослому неустойчив или совсем отсутствует, коммуникативные средства общения этого периода (улыбка, голосовые реакции, двигательные реакции) также обеднены или практически отсутствуют. Учитывая, что только при полном насыщении ведущей деятельности происходит естественный переход к следующему этапу развития, можно предположить, что вся система ведущих активностей умственно отсталого ребенка будет развиваться с выраженным своеобразием с точки зрения возрастной динамики и качества каждой из них.

Простейшая предметно-манипулятивная практическая деятельность является наиболее легко осваиваемой детьми дошкольного возраста. Именно эта деятельность, как правило, обеспечивает переживание успеха и обладает наибольшей побудительной силой для ребенка. Однако у умственно отсталых детей даже она вызывает серьезные затруднения, и элементы самообслуживания, принятия пищи далеко не всегда осуществляются ими должным образом [2].

Все отрабатываемые действия должны ежедневно выполняться ими под руководством взрослого и с его активной помощью в форме совместной деятельности, показа, сопровождаемых речью. Решающее значение имеют регулярность таких повторений и положительный эмоциональный фон, создаваемый путем одобрения, подчеркивания важности и успешности деятельности ребенка.

Для нормально развивающихся детей в дошкольный период жизни ведущим видом деятельности является игра. Для умственно отсталых дошкольников игра таковой роли не играет.

Наиболее сложной и вместе с тем развивающей ребенка является сюжетно-ролевая игра. Ею умственно отсталые дошкольники самостоятельно не овладевают. Без специального обучения дети остаются на этапе простейших манипуляций с игрушками. Лишь в конце дошкольного детства у воспитанников специальных детских садов можно наблюдать отдельные элементы сюжетно-ролевой игры, которые длительный срок формируются воспитателем на занятиях. Так, дети под руководством и с помощью взрослого играют в магазин, выполняя роли продавца, кассира, покупателей, или обыгрывают ситуацию хождения в гости, становясь хозяевами или гостями, сервируют стол, рассаживают гостей, угощают их чаем и печеньем и т. п. Однако по собственной инициативе они таких игр не организуют.

Для умственно отсталых дошкольников характерны игровые действия, не наполненные каким-либо содержанием, отражающим реальную жизнь. Так, мальчик многократно катает пустую игрушечную машинку из одного угла комнаты в другой, издавая при этом звуки, которые должны обозначать шум мотора. Его движения и звуковое сопровождение стереотипны и не реализуют какого-либо замысла.

Или девочка «кормит» куклу: держит ее на руках и без устали тычет ложной в нос и глаза, не обращая внимания на то, что не попадает в рот. Таким образом, она лишь весьма относительно воспроизводит ситуацию, которая не

входит ни в какой сюжет, но представляет собой одно хорошо знакомое действие.

В отдельных случаях дети объединяются по 2—3 человека. Например, один мальчик катит машинку и издает звуки, а другой идет за ним следом. Такое объединение бывает кратковременным. У детей тут же возникает конфликт, и они начинают отнимать друг у друга игрушку.

Если оказывается, что умственно отсталый ребенок играет с нормально развивающимися детьми, то он всегда выполняет только подсобные роли, и это даже в тех случаях, когда его товарищи младше на год и более. Его партнеры организуют несложную сюжетную игру, а он, по их указаниям, что-то приносит, уносит, держит.

Из продуктивных видов деятельности наиболее изучена изобразительная деятельность умственно отсталых детей, которая формируется замедленно и своеобразно. Их рисунки имеют многие характерные черты, делающие их диагностичными. Лишенные специального обучения в детском саду или в семье, они долго остаются на уровне простых каракулей и лишь к концу дошкольного детства переходят к предметным и в какой-то мере сюжетным рисункам, выполняя их весьма несовершенно. В этих рисунках находят свое отражение недифференцированность зрительного восприятия, низкий уровень мышления и памяти и, конечно, несовершенство двигательной сферы. Дети рисуют людей-головоногов, птиц, имеющих по четыре лапки, «прозрачные» дома и т. п., выполняя все это нечеткими, кривыми линиями. Однако дети относятся к результатам своей деятельности эмоционально, высоко их оценивают и с удовольствием демонстрируют окружающим [4].

Совсем иная картина наблюдается в тех случаях, когда дошкольников специально обучают рисованию. У большинства имеют место значительные успехи, ярко свидетельствующие о наличии положительных потенциальных возможностей и о важности раннего коррекционного воздействия.

В связи с низким уровнем развития тонкой моторики большое значение имеет использование конструктивной деятельности в качестве общеразвивающего и коррекционного средства. Имеющиеся данные показывают, что без специального обучения специфические конструктивные действия у умственно отсталых дошкольников фактически отсутствуют — дети облизывают, кусают, потряхивают, стучат строительным материалом. По мнению исследователей, наиболее эффективным является развитие сюжетного конструирования, когда процесс конструирования подчинен игровой цели. В такой ситуации одновременно развивается не только моторика, но и высшие, опосредованные формы психической деятельности: произвольная память, элементарное планирование, пространственное мышление.

К концу дошкольного возраста у умственно отсталых детей не формируется психологическая готовность к школьному обучению, которая представляет собой систему мотивационно-волевых, познавательных и социальных предпосылок, необходимых для перехода ребенка к следующей ведущей деятельности — учебной.

Поскольку психическое недоразвитие при умственной отсталости носит системный характер, к концу дошкольного возраста дети данной категории оказываются совершенно неготовыми к получению образования, если они были лишены специальной системы помощи, которая может быть реализована как в условиях специальных образовательных учреждений VIII вида, так и в рамках включенного (интегративного) образования — в зависимости от конкретных, имеющихся в данном регионе кадровых, социально-психологических и методических условий.

Умственно отсталые дошкольники совершенно недостаточно направлены на школьное обучение. Если они живут в неблагополучных семьях, то к 7 годам мало что знают о школе и совершенно не готовы поступить в нее. Если посещают специальный детский сад или живут в заботливых семьях, где прилагаются усилия к тому, чтобы продвинуть их в плане общего развития, то у них оказываются сформированными некоторые, необходимые для школы умения и интересы. Однако в силу недостаточности интеллектуальной и личностной сферы они мало интересуются предстоящим поступлением в школу. А если и говорят об этой перспективе, то лишь эпизодически, в связи с возникшим разговором окружающих или по случайным ассоциациям. Перспектива школьного обучения не присутствует в жизни этих детей [3].

Между тем поступление ребенка в школу — важное событие, к которому он должен быть подготовлен. К числу основных компонентов личностной готовности ребенка к школьному обучению, без которых нельзя рассчитывать на успех, является его мотивационная готовность. Она формируется у умственно отсталых детей замедленно и с определенными трудностями.

Следует заметить, что многие из таких детей приходят в специальную школу из массовой, где у них постоянно возникали стойкие неудачи в учебе, складывались неблагоприятные взаи-

моотношения с учителями и со сверстниками. Это, несомненно, способствует появлению у детей отрицательного отношения к школе и учению. Иногда сами родители вольно или невольно формируют такое отношение, чрезмерно завышая или занижая требования к ребенку.

Развитие отношения к учению у младших школьников протекает замедленно. Оно характеризуется неустойчивостью, изменяется под влиянием ситуации успеха или неуспеха, смены обстановки, степени контроля со стороны педагога.

На первом году пребывания ребенка в школе отношение к учению выступает как эмоционально окрашенные реакции на посещение школы. В младших классах отрицательное отношение к учению может быть обусловлено трудностями в овладении знаниями, в старших — отсутствием интереса к познавательной деятельности. Однако в старших классах обычно имеет место избирательное отношение к школьным предметам. Чаще всего самыми любимыми оказываются уроки труда.

Среди факторов, способствующих формированию положительного отношения к учению, большое значение имеет педагогическая оценка, которая выполняет ориентирующую и стимулирующую функции. Младшие умственно отсталые школьники далеко не всегда понимают достоинство оценки, не умеют адекватно оценить свою работу и работу товарища. При безразличном или отрицательном отношении к оценке она не может являться стимулом учения.

В развитии положительного отношения детей к учению значительную роль играет авторитет учителя, его доброжелательность, умение работать с коллективом. Существенное значение имеют также индивидуальные особенности учащихся — их работоспособность, потребность в успехе, осознание и переживание его.

С учетом этих параметров выделены группы учащихся, по-разному относящихся к учению:

дети с положительным устойчиво продуктивным отношением;

дети с неустойчиво продуктивным отношением;

дети с малопродуктивным отношением;

дети с индифферентным отношением.

В жизни поступившего в школу умственно отсталого ребенка игровая деятельность продолжает занимать первостепенное место. К этому времени он приобретает определенный жизненный опыт, некоторые умения и навыки самообслуживания, научается выполнять многие предметно-практические действия, в том числе и игровые, в которых, однако, далеко не всегда находит отражение реальная действительность [3].

В целом образовательные перспективы этих детей во многом определяются глубиной имеющегося недоразвития, его структурой, своевременностью начатой коррекционно-педагогической работы. Особенно большое значение имеет правильно организованное, коррекционно-направленное специальное обучение и воспитание, адекватное возможностям ребенка и опирающееся на зону его ближайшего развития.

Указывая на возможности положительной динамики умственного повреждения ребенка, Л. С. Выготский говорил о двух зонах развития. Актуальная зона характеризуется теми заданиями, которые ребенок может выполнять самостоятельно. Она показывает его обученность, дает сведения о состоянии его познавательной деятельности на определенном этапе жизни. Зона ближайшего развития определяется заданиями, с которыми ребенок не может справиться сам, но делает это с помощью взрослого. Этот показатель дает возможность установить, какие задачи будут доступны ребенку в недалеком будущем, т. е. какого продвижения от него можно ожидать [2].

Продвижение умственно отсталых детей происходит неравномерно. Активность познавательной деятельности сменяется периодами, в течение которых как бы подготавливаются возможности, необходимые для последующего положительного сдвига. Наибольшие успехи можно заметить в первые два школьных года, на четвертом-пятом году обучения и в последних классах.

Психическую деятельность ребенка (умственно отсталого) можно в известной мере скорригировать. Его мозг пластичен, что является основой развития. Отечественные психологи утверждают необходимость коррекции дефекта в раннем возрасте, при опоре на сохранные возможности ребенка, при особом внимании к становлению его высших психических функций. Воспитание, обучение и трудовая подготовка для умственно отсталых детей даже более значимы, чем для нормально развивающихся.

Первоначально мотивация достижения у учащихся начальной школы крайне примитивна: ребенок хочет сделать работу лучше и раньше, чем его товарищи. Постепенно мотивация усложняется.

Дети начинают руководствоваться побуждениями, в основе которых лежит понимание полезности работы и ее общественной значимости. Если ведущим мотивом для ученика является стремление достичь в выполняемой работе лучших результатов, то преодолеваются многие

недостатки его деятельности, такие как тенденция к «соскальзыванию», т. е. изменению поставленной цели. Отдельные действия начинают в большей мере, чем это бывает обычно, соотноситься с требованиями задачи. Более эффективной становится помощь, оказываемая взрослым, поскольку у детей появляется потребность в ней. В отдельных случаях учащиеся начинают сами задавать вопросы, помогающие более результативно выполнить предложенное задание.

Для повышения мотивации труда существенное значение имеет его общественная оценка: сознание общественной значимости выполняемой работы или изготовляемой вещи — важный мотив, который изменяет отношение к заданию, положительно влияет на характер, способы выполнения и эффективность действий.

Организованное в стране обучение предполагает коррекцию недостатков психофизического развития умственно отсталого ребенка, сообщение ему определенного круга знаний, выработку практических умений, воспитание положительных черт личности и открывает перспективу самостоятельной трудовой жизни и интеграции в общество.

1. Коррекционная педагогика в начальном образовании : учеб. пособие / под ред. Г. Ф. Кумариной. М., 2001.
2. Обучение и воспитание детей во вспомогательной школе : пособие для учителей и студентов дефектологических ф-тов пед. ин-тов / под ред. В. В. Воронковой. М. : Школа-Пресс, 1994.
3. *Кумарина Г. Ф.* Теоретические основы компенсирующего обучения // Компенсирующее обучение: опыт, проблемы, перспективы. М., 2005.
4. *Шевченко С. Г.* Коррекционно-развивающее обучение: организационно-педагогические аспекты. М., 2001.

Т. А. Филиппова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В СВЕТЕ ВНЕДРЕНИЯ ФГОС И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ПЕДАГОГА

В статье отражены особенности деятельности педагогов начальной школы в период внедрения профессионального стандарта и определены базовые принципы профессиологической модели деятельности учителей начальных классов.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, профессиологическая модель, технология образования.

T. A. Filippova

PRIMARY SCHOOL TEACHERS ACTIVITY DURING THE IMPLEMENTATION OF THE FSES AND TEACHER PROFESSIONAL STANDARDS

This article describes the features of the activity of primary school teachers during the implementation of professional standard. It defines the basic principles professiological model of primary school teachers activity.

Key words: professional standard, professiological model, education technology.

Модернизация общего образования, проводимая в настоящее время в России, предусматривает усиление требований к учителю первой ступени обучения (начальной общей школы). Учителю начальных классов необходимо выбирать наиболее эффективную модель образовательного процесса, владеть различными педагогическими технологиями, проектировать индивидуальный образовательный и воспитательный маршрут каждого ученика.

Готовность учителя к этому шагу затруднена многими противоречиями. С одной стороны, Государственный образовательный стандарт, определяя уровень требований к деятельности учителя начальных классов и соответствующие этим требованиям содержание и методы обучения и контроля, создает объективные предпосылки для расширения возможностей совершенствования деятельности учителя, ее перехода на многомерную структуру профессиональных обязанностей. С другой стороны, современный уровень профессионального образования и повышения квалификации не соответствует этим требованиям. В частности, в Государственных образовательных стандартах отражены требования к педагогическим кадрам начального образования [5, с. 85].

Поэтому актуальной является способность учителя и методических служб к генерированию модели профессиональной деятельности учителя. Особенно это относится к учителю начальных классов, так как, во-первых, именно эта ступень чаще всего первой вступает в этапы модернизации образования, а во-вторых, именно с младших поколений начинается изменение в процессах социализации, вызванное изменениями в технологиях: современные дети на интуитивном уровне осваивают те блага цивилизации, которые взрослые, их воспитывающие, способны освоить с некоторыми усилиями. Учитывать и корректировать связанные с этим процессы может лишь учитель, эффективно владеющий мобильными методами совершенствования технологий образования. Иными словами, перевод стратегических педагогических целей на язык педагогических задач формирует потребность целостного, системного анализа и диагностики содержания и процесса профессиональной деятельности учителя, определения ее перспективных конструктивных особенностей и разработки целостной профессиологической модели деятельности учителя начальных классов.

В новых условиях от учителя требуются формирование способностей высококвалифици-

рованного осуществления учебно-воспитательного процесса в школе, проведения научных исследований, освоения новых технологий и информационных систем, воспитания у учащихся духовности и нравственности, осуществление саморегулирования собственной педагогической деятельности [3, с. 94]. Все эти аспекты могут быть отражены в профессиологической модели деятельности учителя начальных классов.

При определении структуры и содержания профессиональной деятельности учителей необходимо учитывать как её инвариантный, так и вариативный характер. В современных условиях развития отечественного образования чрезвычайно важно понять, как именно должна измениться профессионально-педагогическая деятельность, поскольку современный период развития образования можно квалифицировать как период существенного обновления. Сущность и структура педагогической деятельности — один из актуальнейших вопросов современной педагогической науки и практики.

Профессиональную деятельность учителя по ее характеру можно рассматривать как последовательное решение профессиональных задач. Однако в условиях модернизации отечественного образования перед учителем встают новые по своему содержанию профессиональные задачи. Среди них следует отметить такие, как объективная оценка качества знаний учащихся, освоение новых информационных технологий, воспитание и развитие обучаемых в условиях информационного общества, взаимодействие с родителями, адаптация молодых учителей и организация наставничества.

Включение России в международное образовательное пространство требует учёта лучших образцов опыта подготовки учителей начальных классов. В частности, американские ученые признают, что для того чтобы сделать подготовку и деятельность учителей более эффективной, необходимо создание условий для творческой организации педагогического опыта. В качестве путей осуществления индивидуального подхода предлагается применять индивидуализированные программы обучения, индивидуальное наставничество, обучение, построенное на основе семинаров, способствующее развитию рефлексивного мышления, ведение «дневника рефлексии», создание проблемной модели педагогического процесса и т. п. [6, с. 129].

Привлекает опыт подготовки учителя начальных классов во Франции. Как отмечается в исследованиях (Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, В. А. Ротерберг, М. Ф. Шабаева, Н. Г. Шабло), первое педагогическое условие, связанное с профессионально-педагогической подготовкой и последующей педагогической деятельностью учителя начальных классов, включает в себя следующие направления:

— мотивированность выбора педагогической профессии (будущие студенты университетских институтов отбираются на основании специального собеседования);

— формирование личностных качеств учителя начальных классов с помощью курсов по выбору: интегрированность сознания, глобальность мышления, широкая информированность;

— подготовка учителя к решению современных проблем: школьная адаптация детей различных этнических групп;

— практическая направленность в преподавании психологии и педагогики: будущие учителя овладевают тестовыми заданиями и техникой их расшифровки.

Анализ отечественного и зарубежного опыта подтверждает, что одно из фундаментальных положений современной педагогики состоит в том, что в процессе развития личность становится не только объектом воспитательных воздействий, но и активным субъектом работы над собой, что ее можно развивать и формировать только путем включения в разнообразные виды деятельности и побуждения её к собственной активности в выработке и укреплении у себя положительных свойств и качеств [1, с. 19].

В отечественной педагогической науке постоянно идёт переосмысление функций педагогической деятельности на предмет её соответствия актуальным задачам образования. На практике каждый педагог выстраивает на основе выделенных им приоритетов избранных функций собственную модель педагогической деятельности. К участию в этом процессе прямо или косвенно привлекаются методические службы региона и собственно образовательной организации. Анализ воззрений различных учёных на функцию педагогической деятельности позволяет сделать выводы о том, что функции педагога зависят от характера труда и объекта педагогической деятельности, они разнообразны, имеют тенденцию к изменению в зависимости от изменения условий и целей педагогической деятельности, взаимосвязаны [2, с. 278].

Согласимся с Е. В. Пискуновой, что «преобладание той или иной функции в деятельности педагога указывает на то, что активность учащихся имеет определенный вид, поскольку реализуется определенный метод обучения» [4, с. 87]. На основании проведённого анализа представим на-

ше понимание функций деятельности педагога как совокупности различных процессов профессиональной деятельности, обусловленных *внешними* (нормативные требования, индивидуальные запросы заказчиков образования и др.) и *внутренними* факторами (свойствами и качествами личности педагога), влияющими в конечном итоге на уровень и качество результата образования. Поэтому функция в системном представлении заключает в себе и цель деятельности, и способы ее достижения, и комбинации видов деятельности. Соединённые функции — это система организации деятельностных процессов и как субъективное отношение к отраженному явлению, и как механизм реагирования на окружающую действительность.

Задача измерений реальных функций педагога непроста прежде всего потому, что педагогическая деятельность учителя очень сложная и многофункциональная. Основные ее виды: диагностико-прогностическая, обучающая, развивающая, воспитывающая, управленческая, консультативно-просветительская, а также деятельность по совершенствованию своего профессионального мастерства. Все эти функции как элементы целостной системы деятельности должны быть направлены на единые цели. Однако цели, намечаемые учителем в процессе социально-профессиональной деятельности, дифференцируются в зависимости от концептуальных положений традиционной и личностно ориентированной системы обучения.

Нами установлено, что актуальная профессиологическая модель деятельности учителя начальных классов должна основываться на следующих базовых принципах.

Принцип индивидуальности, который базируется на закономерности, согласно которой в педагогической деятельности учителя начальных классов достигается больший результат, когда более эффективно используется положительный личностный потенциал педагога и ученика.

Принцип развития базируется на педагогической закономерности, согласно которой система профессиональной деятельности учителя начальных классов является частью педагогической системы и как часть системы эффективность ее функционирования ориентирована на развитие личности и коллектива.

Принцип оптимальности базируется на том, что в профессиональной деятельности учителя начальных классов в рамках ФГОС есть универсальные цели, средства, формы, методы обучения, воспитания и развития. Оптимальность — это такое состояние педагогической деятельности, которое является наилучшим для учителя не вообще, а в настоящее время и с учетом всех важнейших обстоятельств, с которыми оно связано.

Принцип вариативности основывается на закономерности: профессиональная деятельность учителя начальных классов будет эффективна, если он признает разнообразие содержания, форм, методов образовательного процесса, умеет выбирать и конструировать любую модель педагогического процесса с учетом цели собственного развития.

Принцип сотрудничества, сотворчества опирается на закономерность: в педагогическом процессе достигается сотворчество там, где большая результативность и более эффективно определяется сотрудничество педагога и ученика. Принцип становится значимым там, где более высокого уровня творческих способностей и профессионального мастерства достиг сам учитель.

Принцип социализации опирается на систему профессиональной деятельности учителя начальных классов — открытую систему, представляющую часть социальной системы. В настоящее время социальная сфера ставит перед системой образования, а следовательно, и перед профессиональной деятельностью учителя следующую цель: формирование нового российского гражданина — высоконравственного, образованного, духовно богатого, трудолюбивого, физически развитого, способного к самообразованию и творчеству, любящего свое Отечество [4, с. 89].

Обозначенные выше идеи и принципы раскрывают существенные характеристики профессиональной деятельности учителя, работающего в режиме личностно ориентированного образования. Они составляют ядро концептуальной модели деятельности учителя начальных классов. Их понимание поможет практическим работникам повысить эффективность и результативность педагогической деятельности. Для реализации этих идей необходимо пересмотреть цели профессиональной деятельности учителя, выяснить, какими знаниями, умениями, способностями, личными качествами должен обладать учитель начальных классов.

Все элементы педагогической системы в процессе генерирования педагогом собственной модели профессиональной деятельности объединяются в структурное целое через взаимное сочетание, взаимное согласование, взаимное дополнение.

1. *Беспалько В. П.* Стандартизация образования: основные идеи и понятия педагогики // Педагогика. 2003. № 5. С. 16—25.
2. *Зимняя И. А.* Педагогическая психология. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. 480 с.
3. *Иванова С. В.* Изменения инструментария мониторинга педагогических компетенций работников образования // Наука Красноярья. 2013. № 3(08). С. 94.
4. *Пискунова Е. В.* Социокультурная обусловленность изменения функций профессионально-педагогической деятельности учителя // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 12. С. 87.
5. Проект стандарта образования педагога. URL: http://img.rg.ru/pril/article/73/89/59/Standart.pdf.
6. *Успенский В. Б., Чернявская А. П.* Введение в психолого-педагогическую деятельность : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2010. 176 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Д. К. Кадрия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ И ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕАЭС

В XXI веке одним из основных инструментов регулирования является правовой механизм, использование которого упорядочивает и регламентирует абсолютно все сферы жизни общества. Относительно культурных ценностей наиболее важным аспектом является правовое регулирование их перемещения. Анализ законодательства Евразийского экономического союза, а также национального законодательства каждой из стран-участниц позволяет сформулировать некоторые рекомендации для совершенствования правового регулирования перемещения культурных ценностей. Прежде всего необходимо учесть, что для достижения результатов, которых уже добился Европейский союз, необходим долгий период активной совместной работы, направленной на унификацию и гармонизацию законодательства государств — участников ЕАЭС.

Ключевые слова: культурные ценности, правовое регулирование, наднациональный уровень, национальный уровень, Евразийский экономический союз, законодательная база, унификация, гармонизация.

D. K. Kadriya

LEGAL REGULATION OF CULTURAL VALUES MOVEMENT: THE PROBLEM OF UNIFICATION AND HARMONIZATION OF EEU LEGISLATION

The legal framework is one of the main instruments of regulation in the 21st century. Its use organizes and regulates all spheres of human life. Concerning cultural values the most important aspect is the legal regulation of their movement. Analysis of the Eurasian Economic Union legislation as well as national legislation of each member-country allows to state some recommendations for improving the legal regulation of cultural values movement. First of all, it has to be taken into account that to achieve results, which have already achieved the European Union we need a long period of active collaboration focused on unification and harmonization of the EEU members legislation.

Key words: cultural values, legal regulation, supranational level, national level, Eurasian Economic Union, legislation framework, unification, harmonization.

После распада СССР на постсоветском пространстве начали формироваться разнообразные интеграционные объединения. Однако только с появлением Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС) можно было утверждать о новом уровне интеграции, которому дали старт Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. За 14 лет существования ЕврАзЭС государства-участники посчитали нужным изменить формат и выйти на новый этап работы. А с 1 января 2015 года согласно Договору о создании Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) образовано новое объединение, которое является крупнейшим по территории в мире. Целью создания ЕАЭС стала необходимость более глубокой интеграции, которая поспособствует повышению конкурентоспособности экономик государств-членов, что, в свою очередь, является залогом стабильного развития и повышения уровня жизни населения.

В состав ЕАЭС с 2015 года входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская

Федерация. Любое интеграционное объединение предполагает унификацию и гармонизацию законодательства во всех сферах, что является залогом успешного функционирования союза. Однако следует отметить, что ЕАЭС — это не только экономический союз, но и культурный, так как объединяет страны с многовековой историей, которые в недавнем прошлом были единым межгосударственным союзом.

Анализ законодательств каждой из стран — участниц ЕАЭС позволяет сделать выводы, что вопросы унификации следует рассматривать через призму:

- различий в понятийном аппарате;
- уровня законодательного регулирования;
- степени проработанности законодательства как в национальном, так и в международном аспекте.

Относительно понятийного аппарата и терминов, введенных в легальный оборот, можно сделать общее заключение о том, что во всех странах существуют различия в употреблении понятий в нормативных правовых актах, регламентирующих перемещение культурных ценностей. Ниже приведена таблица, которая показывает не только отличия в понятийном аппарате, но и различный уровень правового регулирования на национальном уровне. Как видно из таблицы 1, в некоторых странах основным актом, регулирующим перемещение культурных ценностей, является закон, а в других — подзаконный акт.

Таблица 1

Акты национального законодательства стран — государств ЕАЭС, регламентирующие перемещение культурных ценностей и определение понятия «культурные ценности», данное в них

Страна	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация
Акт законодательства	Закон Республики Армения «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 6 декабря 2004 г. ЗР-176-Н	Положение о порядке и условиях выдачи Министерством культуры заключений (разрешительных документов) на вывоз культурных ценностей, ограниченных к вывозу с территории Республики Беларусь по основаниям неэкономического характера	Закон Республики Казахстан от 15 декабря 2006 г. № 207-III ЗРК «О культуре»	Положение о порядке ввоза на территорию Кыргызской Республики и вывоза за ее пределы объектов культурных ценностей	Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»
Определение понятия «культурные ценности»	Предметы и произведения, считающиеся продуктом жизнедеятельности человеческого общества, которые независимо от времени создания имеют важное археологическое, этнографическое, историческое, религиозное, художественное, научное значение	Отсутствует определение	Материальные и нематериальные ценности светского и религиозного характера, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение	Ценности религиозного или светского характера, которые представляют значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки государства	Отсутствует прямое определение

Актом [1] наднационального регулирования утвержден единый перечень культурных ценностей, подлежащих контролю при перемещении через таможенную границу Таможенного союза, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз. Перемещение культур-

ных ценностей осуществляется в соответствии с Положением о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза и вывоза с таможенной территории Таможенного союза культурных ценностей, документов национальных архивных фондов и оригиналов архивных документов.

Культурные ценности, перемещаемые через таможенную границу Таможенного союза, подлежат таможенному декларированию при помещении под таможенную процедуру либо в иных случаях, установленных в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза (далее — ТК ТС). В целом законодательство на наднациональном уровне развивается достаточно динамично с целью достижения унификации и гармонизации в рамках Евразийского экономического союза. Однако, как уже отмечалось выше, существует как минимум три значительных аспекта, которые требуют более детального изучения. Начнем с отличий в понятийном аппарате.

В силу своей природы культурные ценности становятся особым объектом правового регулирования. Необходимость защиты и сохранения культурного наследия связана с желанием созидать, ее можно отнести к естественным потребностям человека. Защита культурных ценностей выражается в планомерной разработке правовых норм международного и национального права, направленных на регулирование экономического оборота культурных ценностей.

В основном нормативные правовые акты о вывозе культурных ценностей регламентируют перемещение старинных, ценных или имеющих особое национальное значение предметов. Каждое государство установило собственное законодательство в соответствии с национальными приоритетами и особенностями. Цель контролирующих служб — надзор над вывозом культурных ценностей и в определенных случаях его ограничение. Разрешение на вывоз в форме лицензии выдается во многих странах, доказательством чего служит активное передвижение предметов искусства по всему миру.

Следует также учитывать тот факт, что условия и формальности зависят прежде всего от страны и ее национального законодательства. Правила вывоза применяются к каждому конкретному случаю к частным лицам, коммерческим и некоммерческим организациям, государственным учреждениям и т. д. Все страны при создании национальной системы экспортного контроля делают акцент на собственных особенностях и приоритетах. Законы о культурном наследии должны охранять культурные ценности и не допускать их незаконного вывоза из страны.

Реестры культурных ценностей национального значения существуют во многих странах и часто выступают в качестве правовой базы при принятии решений в отношении вывоза. В тех странах, где подобных реестров не существует, национальное законодательство устанавливает критерии для оценки значимости культурных предметов. Процедура экспертизы проводится индивидуально для каждой заявки, с учетом этих критериев. Основным инструментом контроля над перемещением культурных ценностей через национальные границы является лицензия на вывоз.

Национальные законодательства по охране культурных ценностей и культурного наследия значительно отличаются друг от друга. Несмотря на наличие в странах ЕС и ЕАЭС общей законодательной базы, регулирующей вывоз культурных ценностей, в некоторых государствах внутренние правила отличаются гораздо большей строгостью, чем законодательство союза, в особенности это относится к национальным законодательствам ЕС. В других же государствах общее законодательство применяется практически в неизменном виде, за исключением введения некоторых дополнительных ограничений на вывоз национальных сокровищ и объектов особого значения.

Основные межстрановые отличия, с которыми можно столкнуться, касаются следующих аспектов:

- срок получения лицензии на вывоз (от нескольких дней до нескольких месяцев);
- необходимость предоставить культурные ценности для осмотра (в некоторых странах это обязательная процедура, в других она требуется только в случае необходимости);
- необходимость платить за экспертизу или другую процедуру;
- наличие реестра культурных ценностей, не подлежащих вывозу;
- наличие законного права оспаривать экспертную оценку или обжаловать отказ в выдаче лицензии на вывоз.

Анализ законодательства ЕС, ЕАЭС, а также национального законодательства каждой из стран союзов позволяет сформулировать некоторые рекомендации для совершенствования правового регулирования перемещения культурных ценностей в ЕАЭС. Прежде всего необходимо учесть, что для достижения результатов ЕС необходим долгий период активной совмест-

ной деятельности, направленный на унификацию и гармонизацию законодательства государств — участников ЕАЭС.

Первый и один из наиболее важных аспектов — урегулирование употребления понятий, связанных с культурными ценностями, в нормативных правовых актах законодательств стран — членов Евразийского экономического союза, а также выработка общего определения, учитывающего национальные интересы и особенности всех государств. Более того, необходимо внедрить четкое определение и разделение между понятиями «культурное наследие» и «культурные ценности». Следующим этапом станет разработка общего списка культурных ценностей, которые будут подпадать под действие правового акта относительно перемещения культурных ценностей. Общий список необходимо сформулировать исходя из положений, содержащихся в национальном законодательстве каждой страны, и выработать перечень категорий. Более того, следуя примеру ЕС, потребуется также проработать разъяснения для каждой категории во избежание спорных ситуаций, связанных как с получением необходимых документов для вывоза, так и трактовкой правовых актов.

Затем необходимо продолжить совместную работу над формированием общего перечня запрещенных к вывозу культурных ценностей, а также общего реестра особо ценных и значимых культурных объектов. Опыт стран ЕС, у которых не существует реестра особо ценных предметов культурного наследия, показывает, что это приводит к ситуациям, в которых необходима оценка каждого конкретного предмета по определенным критериям. Конечно же, реестр не является стопроцентным решением всех спорных ситуаций, однако он значительно сократит объемы работы. А включение в реестр критериев, по которым страны включали в него предметы, позволит при необходимости легко классифицировать новые объекты.

Следующим большим шагом представляется выработка нормативного правового, регулирующего перемещение культурных ценностей в ЕАЭС. Как видно из анализа национальных законодательств государств — членов Евразийского экономического союза, для некоторых из них защита и сохранение культурных ценностей является конституционной обязанностью. Таким образом, создание единого акта по примеру Европейского союза поможет урегулировать максимально большую часть вопросов, связанных с перемещением культурных ценностей, а также их защитой и сохранностью. Представляется странным, что на данный момент регулирование культурных ценностей включено в правовой акт, который регулирует достаточно широкий спектр товаров. Более того, данный правовой акт не является удобным в использовании и ясным в понимании, так как содержит достаточно большое количество отсылочных норм в отношении национального законодательства. Необходимо учесть тот факт, что сохранение и защита культурных ценностей должны стать общим делом для всех стран Евразийского экономического союза.

Из анализа законотворческого опыта Европейского союза можно сделать вывод, что правовые акты регулярно должны обновляться, чтобы соответствовать реалиям современного мира. Также следует учитывать, что внесение слишком большого количества поправок является нецелесообразным (в качестве примера можно привести новые правовые акты ЕС относительно перемещения культурных ценностей, которые были изданы спустя 20 лет именно ввиду слишком большого количества уже внесенных и необходимых для внесения изменений).

Опираясь на опыт Европейского союза, необходимо включить в новый правовой акт все необходимые элементы для того, чтобы избегать увеличения уровня подзаконного регулирования. Более того, требуется конкретное понимание специфики регулирования культурных ценностей, чтобы передать ее в каждом положении нового правового акта, которое на данный момент явно отсутствует. Все необходимые документы и процедуры, связанные с перемещением культурных ценностей, необходимо привести в соответствие с общим подходом. Несмотря на достаточную проработанность законодательства ЕС, огромное количество аспектов, связанных с перемещением, регулируется национальным законодательством стран — членов союза. Данный факт приводит к двойному регулированию, что отрицательно сказывается на обороте культурных ценностей. Особенно ярко это иллюстрируют некоторые страны Европейского союза, в которых на вывоз культурных ценностей зачастую необходимо получать как национальную, так и лицензию ЕС. Высокая доля национального уровня регулирования в общей массе правил означает, что количество спорных ситуаций может во много раз увеличиться, что создает неэффективные механизмы оборота культурных ценностей.

Одним из положительных аспектов опыта Европейского союза является наличие перечня

компетентных в выдаче лицензии органов, а также таможенных органов, уполномоченных производить таможенное оформление в отношении культурных ценностей. По тем или иным причинам государство пытается ограничить количество как компетентных, так и уполномоченных таможенных органов. Главным основанием для этого служит простота и эффективность осуществления таможенного контроля в отношении перемещаемых культурных ценностей.

Следующим немаловажным аспектом регулирования является выработка позиции и положений к ней относительно перемещения культурных ценностей в рамках Евразийского экономического союза. Анализ развития национального законодательства членов Европейского союза показывает, что страны стремятся урегулировать и регламентировать оборот культурных ценностей в рамках интеграционного объединения, что не менее важно. Необходимо выработать единую позицию относительно того, каким образом будет регламентировано внутреннее перемещение культурных ценностей, станет ли это предметом национального либо наднационального правового регулирования. Более того, страны — члены ЕАЭС могут выработать единые правила и документы в отношении друг друга.

Самым важным инструментом регулирования перемещения культурных ценностей является лицензия. Тем самым именно условия ее выдачи и причины отказа должны быть абсолютными для заявителя. Интересным представляется тот факт, что в некоторых странах ЕС нельзя обжаловать решение компетентного органа об отказе в выдаче лицензии. А условия, при которых возможно получить отказ, в законодательстве ЕС и ЕАЭС очень разнятся. Исходя из обозначенных оснований, можно сделать вывод о том, что законодательство ЕАЭС содержит по большей части формальные признаки отказа, в отличие от законодательства ЕС. Однако данный аспект в законодательстве ЕС в большей степени регламентирован национальным законодательством и тем самым требует уточнения для каждого отдельного случая перемещения. Формальность признаков отказа исходит из того, что правовой акт, которым регламентируется оборот культурных ценностей, регулирует и перемещение иных товаров, то есть не имеет целевой направленности. Так же как и виды лицензии варьируются в соответствии с общим пониманием лицензирования товаров, а не конкретного специфичного для культурных ценностей. Огромным преимуществом было бы разработать систему лицензии, которая бы зависела от правового статуса заявителя, а также цели перемещения. В соответствии с этим необходимо также пересмотреть срок предоставления лицензии, который на данный момент не превышает одного года, тогда как в ЕС она может выдаваться на срок до пяти лет.

В целом законодательство должно четко регулировать два направления перемещения — культурный обмен и торговля. При обороте культурных ценностей в рамках культурного обмена не должно возникать никаких трудностей и сложностей. Относительно торговли культурными ценностями следует отметить, что арт-рынок в современных реалиях привлекает преступность как никогда. Незаконная торговля культурными ценностями не только способствует уменьшению поступлений в бюджет, но и во многом становится средством финансирования террористических программ. Европейские страны, а именно самые крупные эмитенты лицензий на перемещение культурных ценностей, обсуждают внедрение уникальной информационной базы, с помощью которой могут в принципе отследить пребывание культурной ценности в том или ином месте. Единая информационная база позволит бороться с незаконным оборотом культурных ценностей.

В целом для устранения всех вышеперечисленных пробелов и достижения унификации и гармонизации в области культурных ценностей необходимо провести детальную оценку проработанности законодательства каждого члена Евразийского экономического союза. Таким образом, необходимо выработать единый подход к проблеме сохранения и защиты культурных ценностей. Учитывая историческое и культурное наследие государств — членов Евразийского экономического союза, правовое регулирование в области перемещения, охраны и защиты культурных ценностей следует перенести на качественно новый и усовершенствованный уровень.

1. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 года № 30 «О мерах нетарифного регулирования» // СПС «КонсультантПлюс».

М. А. Саблина

ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СПЕЦИФИКА РОЛИ

В статье проводится анализ действующего определения понятия «исполнитель». Констатируется невозможность на основании последнего провести грань между исполнителем и другими соучастниками. Оцениваются варианты определений, предлагаемые различными авторами. Вычленяется специфика роли рассматриваемого вида соучастника, которую предлагается положить в основу при изменении редакции ч. 2 ст. 33 Уголовного кодекса.

Ключевые слова: соучастие, соучастник, субъект преступления, исполнитель.

M. A. Sablina

PERPETRATOR: ROLE SPECIFIC

The paper is devoted to the current definition of "perpetrator". It states that it is impossible to distinguish a perpetrator and other accomplices. It examines the definitions proposed by different authors. The article also determines the perpetrator role specific which is offered to accept as a basis while creating a new version of p. 2 art. 33 of the Criminal Code.

Key words: complicity, accomplice, crime committer, perpetrator.

По данным статистики, преступления, совершенные в соучастии, составляют значительную часть общего числа преступных деяний [1]. Комбинация соучастников может быть различной, но одним из них (при состоявшемся соучастии) всегда будет исполнитель.

Легальное определение ключевой фигуры соучастия сводится на текущий момент к перечислению существующих её разновидностей (непосредственный исполнитель, посредственный и соисполнитель), оставляя нераскрытой специфику деятельности, позволяющую отграничить исполнителя от организатора, подстрекателя и пособника.

Если отбросить уточняющие характеристики, исполнителем признаётся лицо, совершившее преступление. Утверждение, бесспорно, верное, но не позволяющее провести границу между рассматриваемым видом соучастника и теми, что указаны в ч. 3—5 ст. 33 Уголовного кодекса (далее — УК), поскольку оно в равной степени справедливо в отношении последних.

Аналогичный вывод можно сделать применительно к понятию «объективная сторона», на предпочтительность использования которого вместо «преступление» указывают многие авторы, отмечая конкретизированность первого [2]. П. Ф. Тельнов писал: «Таким образом, для ответа на вопрос, является ли соучастник исполнителем, необходимо обратиться к законодательной характеристике объективной стороны преступления. Лицо, полностью либо частично выполнившее её, должно признаваться исполнителем» [3].

Восприятие описанного алгоритма ставило бы вопрос об основании привлечения к уголовной ответственности организаторов, подстрекателей и пособников. Если указанные соучастники объективную сторону не выполняют, то не соблюдается требование ст. 8 УК о совершении деяния, содержащего все признаки состава преступления. В связи с этим высказывались предложения о необходимости введения дополнительных норм, способных разрешить указанную проблему. А. В. Шеслер, например, рекомендует дополнить ст. 32 УК частью второй следующего содержания: «Соучастие является основанием уголовной ответственности лиц, совместно совершивших преступление» [4]. Представляется, однако, что данная мера излишняя. Д. И. Джулай справедливо подметил, что «особенность законодательной характеристики состава преступления, совершаемого в соучастии, состоит в том, что его признаки указываются не только в статье Особенной части, но и в Общей части — ст. 33 УК РФ» [5].

Таким образом, поскольку действия, описанные в ч. 3—5 ст. 33 УК являются частью объективной стороны всякого преступления (если оно совершается в соучастии), то оперирование

любым из обозначенных выше понятий (присутствующим в действующей редакции ч. 2 ст. 33 УК или предлагаемым П. Ф. Тельновым и солидарными с ним авторами) не отвечает поставленной цели — вычленению специфической черты роли исполнителя.

Кригер Г. А. и Гришаев П. И. предлагали заменить «преступление» на «действия, описанные в одной из статей Особенной части, в качестве конкретного преступления» [6]. Авторы считали, что подобная конкретика будет способствовать учёту структуры выполненного соучастниками состава и позволит обращать особое внимание на обрисовку законодателем действия (в уголовно-правовом смысле) в каждом отдельном случае [7]. Само замечание о необходимости выявлять соответствие содеянного составу преступления очень верно, поскольку проведение подобных параллелей способствует, в частности, отделению роли исполнителя от других соучастников. Однако представляется, что данную проблему не решить за счёт «разжёвывания» понятия преступления в положениях о соучастии.

Цвиренко О. Л. в качестве альтернативы предлагает заменить «преступление» на «деяние (действие или бездействие), образующее объективную сторону состава преступления, закреплённого в Особенной части УК» [8]. Идентичный по содержанию подход излагал столетием ранее П. П. Пусторослев. Учёный писал: «Чтобы решить, кто из соучастников угол. правонарушения в данном случае является виновником, мы должны определить, какого рода угол. правонарушение находится перед нами, на какой стадии остановилось его осуществление в данном случае и кто из людей виновно учинил такое внешнее действие или бездействие, которое… характеризует эту стадию» [9] (адаптировано).

Арутюнов А. А., считая необходимым конструировать нормы более понятным для простых граждан, а не только специалистов в области права языком, представил такой вариант: действие (бездействие), предусмотренное статьёй Особенной части УК [10].

Абстрагируясь от «плюсов» и «минусов» каждой из предложенных редакций, обратим внимание на элемент, их объединяющий, — в выработанных правоведами вариантах спектр деяний исполнителя ограничен теми, которые указаны в Особенной части УК. Представляется, что такой конкретизации достаточно для отграничения рассматриваемого вида соучастника от организаторов, подстрекателей и пособников, поскольку описание объективной стороны в части, которой её могут выполнить последние, содержится в Общей части УК. Тем не менее полнота исследования требует освещения всех известных точек зрения (по крайней мере наиболее популярных) в отношении изучаемого вопроса. В связи с этим обратимся к доводам учёных, пытавшихся раскрыть специфику роли исполнителя через выявление характерной черты его деятельности.

Значительное влияние на развитие идей о соучастии (в том числе о видах соучастников и их ответственности) оказали представители немецкой юридической школы. Рудольф Гаупт писал, что исполнитель, в отличие от остальных соучастников, *причиняет* преступный результат, в то время как, например, пособник лишь способствует его наступлению [11]. А. Н. Трайнин критиковал подобный подход, отмечая, что, не являясь причиной преступления, нельзя быть и соучастником. Однако здесь принципиальное значение имеет то, что именно следует понимать под причиной.

С одной стороны, первопричиной может выступать умысел, например, организатора, с которым согласуются все последующие действия. В этом смысле вполне уместно упоминание латинского выражения dominus causa, что означает «главная причина — то же, что и причина причин». А. Артемьев называл её causa principalis. Автор писал: «Главнейшая причина есть тот, кто: побуждает другого или к соделанию такого действия, или к небрежению оного» [12] (адаптировано). Н. С. Таганцев считал, что «всякое лицо, содействовавшее физической или психической деятельностью произведению результата, может быть названо его причиной» [13] (адаптировано).

С другой стороны, причиной можно именовать совершение конкретного деяния, описанного в Особенной части УК. При таком понимании теория Р. Гаупта, на первый взгляд, становится справедливой.

Трайнин А. Н. настаивал на том, что специфической чертой деятельности исполнителя является непосредственность совершения преступления [14].

На законодательном уровне указание на данную характеристику впервые появилось в Уголовном уложении 1903 года, где понятие «исполнитель» не использовалось, но среди соучастников наряду с другими выделялись лица, которые *непосредственно* учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении (ст. 51). В Основах уголовного законодательства

СССР и союзных республик и затем в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года лицо, непосредственно совершившее преступление, стало именоваться исполнителем. Согласно действующей редакции уголовного закона последний может реализовывать свои намерения, в частности, посредством сил других лиц, не подлежащих уголовной ответственности. Следовательно, непосредственное совершение не охватывает всех возможных способов деятельности исполнителя, а значит, не может претендовать на признание специфической чертой.

Более того, выше мы установили, что организатор, подстрекатель и пособник также участвуют в выполнении объективной стороны преступления (но для них она закреплена в Общей части УК), соответственно, логично предположить, что они также могут выполнять её как непосредственно, так и посредством. Так, А. П. Козлов отмечал, что и остальные соучастники своими руками (то есть непосредственно) совершают инкриминируемые им преступления, за которые следуют наказания [15]. Таким образом, непосредственное совершение следует рассматривать лишь в качестве возможного вида преступного поведения, причём любого субъекта преступления.

Ряд авторов, давая определение исполнительским деяниям, уточняют, что для привлечения к ответственности достаточно их частичного совершения [16]. Точность такой конкретизации спорна. Говорить об успешной реализации преступного умысла мы можем только в том случае, если была полностью выполнена объективная сторона состава. При этом она может состоять из нескольких действий. Например, изнасилование — это половое сношение с применением насилия. Соответственно, отсутствие первого даёт основание для квалификации содеянного только как покушения на изнасилование. В том случае, если половое сношение осуществлялось одним лицом, а другое удерживало жертву, то преступление, предусмотренное ст. 131 УК, совершено в полном объеме путём выполнения каждым из соисполнителей части объективной стороны. Деяние, в свою очередь, *неделимо.* Оно либо есть, либо его нет. И не обязательно, чтобы все его разновидности были перечислены непосредственно в тексте уголовного закона. Так, насилие может выражаться в удержании, нанесении ударов, связывании и так далее — всё это конкретные действия. И либо лицо связывало жертву, становясь тем самым соисполнителем изнасилования, либо только подавало верёвку, что насилия не образует и необходимо квалифицировать как пособничество. Соответственно, поскольку исполнительскую роль мы определяем через совершение деяний, то указание на полное или частичное их выполнение неуместно.

Думается, что определение того или иного понятия должно отражать сущность последнего. Включение в дефиницию возможных видов или иных уточнений допустимо, но при этом не должна нарушаться стройность всей системы понятийного аппарата. Применительно к ч. 2 ст. 33 УК данное правило не соблюдается. Поскольку любое преступное деяние (в том числе при единоличном совершении) может осуществляться как посредством, так и непосредственно, указание на эти характеристики в комментируемой норме приводит к путанице и ошибкам в квалификации — например, зачастую содеянное субъектом преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, расценивается правоприменителями как соучастие.

Также, закрепляя закрытый перечень чего-либо, необходимо быть уверенным, что он является полным. В отношении видов исполнителя этого сказать нельзя, поскольку согласно действующей редакции закона соисполнителями могут быть признаны только лица, непосредственно участвующие в совершении преступления. В то же время на практике возможны случаи, когда оба или один из них используют для реализации своих намерений те или иные орудия, в том числе одушевлённые (животных, малолетних, невменяемых). Последнее представляет собой посредственное исполнение, однако не исключает возможность и, более того, необходимость вменения группового признака.

В связи с вышеизложенным ч. 2 ст. 33 УК предлагается изложить в следующей редакции: «Исполнителем признаётся лицо, совершившее деяние, предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса».

---

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-03.htm, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-01.htm (дата обращения: 15.04.2016).
2. См., напр.: *Козлов А. П.* Соучастие. Традиции и реальность. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. С. 86; *Кузнецов А.* Квалификация соучастия в преступлении // Советская юстиция. 1965. № 11. С. 7; *Пинчук В. И.* Соучастие в преступлении : учеб. пособие. СПб., 2002. С. 22—23; Уголовное право : учеб. для юридических школ / под ред. И. Т. Голякова. М., 1943. С. 104.
3. *Тельнов П. Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М. : Юридическая лит., 1974. С. 73—74.

4. *Шеслер А. В.* Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex russica. 2015. № 6. С. 30.
5. *Джулай Д. И.* Предупредительная функция уголовной ответственности за преступления, совершенные в соучастии // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. 2013. № 2. С. 211. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы. См., напр.: *Иванчин А. В.* Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex russica. 2015. № 6. С. 22.
6. *Гришаев П. И., Кригер Г. А.* Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 137.
7. См.: *Гришаев П. И., Кригер Г. А.* Указ. соч. С. 137.
8. См.: *Цвиренко О. Л.* Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 29.
9. *Пусторослев П. П.* Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев : Тип. К. Матиссена, 1907. С. 438—439.
10. См.: *Арутюнов А. А.* Соучастие в преступлении. М. : Статут, 2013. С. 178.
11. См. по: *Трайнин А. Н.* Избранные труды / сост., вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 290.
12. См. по: *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России (воспроизводится по изданию Ярославль, 1909). М. : Зерцало, 2003 // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 06.03.2016.
13. *Таганцев С. Н.* Главные течения в истории науки уголовного права в России (воспроизводится по изданию Ярославль, 1909). М. : Зерцало, 2003 // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 06.03.2016.
14. См.: *Трайнин А. Н.* Указ. соч. С. 290. Аналогичное суждение можно встретить в работах многих правоведов XIX—XX вв. См., напр.: *Белогриц-Котляревский Л. С.* Очерк русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев — Харьков : Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1908. С. 176, 180; *Таганцев С. Н.* Указ. соч. // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 05.03.2016.
15. См.: *Козлов А. П.* Указ. соч. С. 85.
16. См.: *Козлов А. П.* Указ. соч. С. 83. См. также: *Тельнов П. Ф.* Указ. соч. С. 73—74; *Цвиренко О. Л.* Указ. соч. С. 29.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Ю. Н. Захарова, С. В. Мартынов, К. А. Мызрова, Е. В. Степанова

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИНТЕРНЕТ-ПРОДАЖ

Одной из современных тенденций в эпоху информационной экономики или экономики знаний является информатизация экономического пространства. В статье авторы рассматривают интернет-продажи как одну из современных тенденций в торговле товаров и предоставлении различных видов услуг. Авторами сделан акцент на анализе особенностей интернет-магазинов как основного источника интернет-продаж.

Ключевые слова: информация, знания, Интернет, интернет-магазины, интернет-продажи.

Y. N. Zakharova, S. V. Martynov, K. A. Myzrova, E. V. Stepanova

FEATURES AND TRENDS OF INTERNET SALES

One of the current trends in the era of information economy or economy of knowledge is the computerization of economic space. The authors consider the Internet sales as one of the modern trends in the trade of goods and the provision of various services. The authors emphasise the analysis of the features of online stores, as the main source of Internet sales.

Key words: information, knowledge, internet, online shopping, online sales.

Основными чертами современного общества являются глобализация мирового экономического пространства и модернизация. Взаимопроникновение и сближение культур, переплетение международных экономических связей, процессы мирового разделения труда приводят к стиранию граней между национальными экономиками и втягиванию их в мировой рынок. С течением времени эта глобализация всё сильнее проявляет себя, втягивая в свою орбиту всё новые страны. Существуют различные стороны подобной интеграции — экономическая, политическая, культурная, информационная. Ход осуществления данных процессов напрямую зависит от информатизации пространства.

В современном обществе информацию рассматривают как один из основных ресурсов его развития, а информационные системы и технологии как одно из средств повышения эффективности работы людей. Информация и знание становятся определяющим экономическим фактором, а также важнейшим национальным ресурсом, который в определенном смысле подобен недрам, воде, лесам и т. п. и который в значительной степени определяет благосостояние государства. Сохранение, развитие и рациональное использование национального информационного ресурса является задачей государственного значения. Существенная роль информационных технологий в развитии общества состоит в ускорении процессов получения, распространения и использования обществом новых знаний.

Еще в недалёком прошлом, вплоть до 1990 года, Национальным научным фондом США было запрещено использовать Интернет в бизнесе, и лишь в дальнейшем крупным частным компаниям был разрешен доступ к использованию Сети. Несколько позже контроль за Сетью перешел в частные руки, что повлекло за собой расширение круга потребителей, а также коммерческих поставщиков услуг Интернета, что позволило миллионам людей по всему миру пользоваться им.

Вскоре, после внедрения интернет-технологий в общественную сеть, Д. Безос в 1994 году создал компанию Amazon, а в июле 1995 года открылся первый в мире интернет-магазин Amazon.

Интернет стал основным источником информации для огромного числа потенциальных

покупателей. Все больше и больше людей, прежде чем совершить какую-либо крупную покупку, ищут в Сети информацию о производителях и продавцах необходимого им товара. Изучив альтернативные предложения продавцов, потребители делают осознанный выбор, который заканчивается сделкой. Компании, делающие ставку на Интернет как основной канал продаж, имеют возможность экономить на строительстве магазинов, содержании продавцов. Для продажи товаров и оказания различных услуг требуется «продающий» сайт, направленный именно на продажи, который должен ясно и прямо информировать будущих покупателей об уникальном торговом предложении, скидках, распродажах, способах покупки.

Понятие «интернет-магазин» можно рассматривать как с технологической позиции, так и с позиции маркетинговых коммуникаций. Интернет-магазин — это интерактивный веб-сайт, рекламирующий товар или услугу, принимающий заказы на покупку, предлагающий пользователю выбор варианта расчета, способа получения заказа и выписывающий счет на оплату.

С технической точки зрения интернет-магазин можно определить как многофункциональный программный модуль, встроенный в веб-сайт и призванный обеспечить продажи продукции фирмы через Интернет.

На сайте интернет-магазина обычно представлен подробный каталог товаров с ценами, на основе которого пользователь формирует свой заказ. Логика интернет-магазина выстраивается по принципам реального торгового зала. В любом интернет-магазине необходимым требованием является наличие структурированного каталога товаров (аналог полок в магазине), системы поиска по ключевым словам (аналог секций в торговом зале), корзины заказов (аналог реальной корзины), разнообразия платежных систем, выбор способов и служб доставки.

Интернет-магазины классифицируют по видам продаж, способам оплаты и по типу и количеству товарных категорий. В зависимости от представляемых товаров в каталоге интернет-магазины делятся на интернет-супермаркеты, интернет-витрины, автоматические магазины, онлайн-аукционы.

Итак, представим основные виды интернет-магазинов в зависимости от представляемых товаров в каталоге:

1. *Интернет-супермаркет*, каталог которого содержит многоуровневое логическое дерево разделов и подразделов, внутри которых находятся списки с карточками товаров. Каталог интернет-супермаркета должен быть хорошо структурированным и очень логичным, если мы хотим, чтобы в таком разнообразии товаров посетители нашли то, что им действительно нужно. Конечной точкой перемещения по каталогу должна стать карточка товара, содержащая его описание, признак наличия в продаже и цену. Список в каталоге сортируется по признаку наличия товара на складе. Актуальные товары находятся в начале списка, снятые с продажи — в конце. Таким образом, устаревшие товары, находясь в каталоге, не мешают клиентам делать покупки, но продолжают работать на этот магазин и приводить на сайт все новых и новых покупателей.

Например, крупнейший в мире интернет-магазин Amazon.com вышел на новый и довольно необычный для онлайн-торговли товарный сегмент — продукты питания. Тестовая версия нового сервиса была запущена в мае 2008 года. Ассортимент был ограничен нескоропортящимися бакалейными продуктами: крупами, макаронами и консервированными супами, но к настоящему времени интернет-магазин предлагает не меньше позиций, чем любой соответствующий офлайн-супермаркет. При этом Amazon готов доставлять заказы в любую точку мира.

2. *Интернет-витрина* может быть размещена на собственном сервере либо на сервере провайдера, на сервере, предоставляющем бесплатные страницы. Торговый автомат может не только выполнять функции витрины, но и принимать заказы и передавать их менеджеру, то есть оформлять заказы и выписывать счета на оплату без присутствия покупателя. Торговый автомат реально торгует и по соотношению затрат к результату наиболее предпочтителен для тестовых проектов с небольшим потоком покупателей. Торговый автомат также можно разместить и на своем сервере, и на сервере провайдера. Однако его создание и администрирование требует навыков и определенной квалификации.

3. *Автоматический магазин* — эффективное и комплексное решение в торговом бизнесе. Он не только выписывает счета, но и отслеживает заказы, принимает электронные платежи и формирует заявки на доставку товаров покупателям. Поскольку автоматический магазин должен иметь постоянную связь с информационной системой компании, то размещать его лучше либо на корпоративном сервере в локальной сети, либо на удаленном сервере с постоянно действующим каналом связи. Интерактивные магазины могут торговать чем угодно.

Наиболее активно развивающимся сегментом отечественной электронной коммерции яв-

ляется сервис по продаже билетов — как на различные виды транспорта, так и на развлекательно-зрелищные мероприятия. Например, в настоящее время в момент оплаты билеты компании «Аэрофлот» оформляются как электронные, что было связано с упрощением нормативно-правовых ограничений на выпуск и обращение электронных билетов в России. Также произведена интеграция с аэропортами назначения, и пассажиру достаточно предъявить распечатанную электронную копию билета и паспорт.

4. *Продажа электронного контента* представляет собой два основных варианта: продажа временного доступа к файлам (например, книги или mp3-файлы); продление подписки — номера пластиковых карточек пользователей (номера шифруются) хранятся для автопродления подписки; возможность управления продлением. В качестве примера можно привести всемирно известный интернет-магазин корпорации Microsoft, осуществляющей продажи программного обеспечения. Также предоставляется сервис Windows Marketplace, в котором реализован ряд таких возможностей, как функция Digital Locker, позволяющая пользователям отслеживать историю своих покупок и хранить информацию о лицензиях на купленное программное обеспечение. В ассортименте Windows Marketplace представлено более 60 тысяч программ, имеется отдельный раздел для плагинов браузера Internet Explorer. Параллельно корпорация планирует использовать магазин для продвижения своего проекта с интернет-паспортом, который пока не прижился в тех масштабах, на которые рассчитывала компания. Для регистрации на Windows Marketplace пользователь должен получить аккаунт в Windows Live, MSN или Microsoft Passport [5].

Еще один пример, связанный с корпорацией Sony, которая наладила продажу электронных версий книг через свой интернет-магазин Sony Connect, причем презентация нового сервиса была совмещена с выходом устройства для чтения электронных книг Sony Reader PRS-500 (2006 год). В Sony Connect продается продукция крупнейших мировых издательств, в том числе Harper Collins и Simon & Schuster, а в перспективе в дополнение к книгам планируется наладить продажу газет и журналов. Компания Sony позаимствовала бизнес-модель у корпорации Apple, которая уже несколько лет удерживает лидерство на рынке музыкального интернет-контента за счет связки iPod + iTunes и намеревается занять позицию лидера в сфере e-book.

5. *Онлайн-аукцион*, или *интернет-аукцион*,— это аукцион, проводящийся посредством сети Интернет, является разновидностью интернет-магазина, так как имеет в своем функционале прием онлайн-платежей. Момент окончания интернет-аукциона заранее назначается самим продавцом при постановке товара на торги. По окончании интернет-аукциона покупатель должен перевести деньги продавцу по безналичному расчёту (реже — наличными, например — при получении товара лично), а продавец обязан выслать товар покупателю по почте, нередко в любую точку страны или мира. Границы возможной пересылки товара указываются самим продавцом заранее. Мировым центром аукционной и всей электронной торговли в течение многих лет остается международная торговая площадка www.eBay.com. Большая часть её клиентов проживает в США, Германии, Великобритании и Южной Корее. Компания по-прежнему остается общепризнанным лидером рынка, и никто из конкурентов не может представить достойной альтернативы eBay. Тарифы на размещение товаров на аукционе варьируются от 5 до 20 центов за предложение. Компания eBay разработала площадку быстрой купли-продажи eBay Express, где осуществляется продажа бывших в употреблении товаров частными лицами.

На сегодняшний день каждая двадцатая книга покупается через Amazon.com. Предпринимательство в сети Интернет — относительно новая сфера предпринимательской деятельности, насчитывающая менее 20 лет развития.

С появлением Сети возник и рынок услуг. Требовалось создавать и разрабатывать сайты, ряд других услуг было удобно оказывать через Сеть, платные сервисы в интернет-торговле стали появляться по мере возникновения спроса на них [1].

Итак, в настоящее время интернет-магазины выполняют все самые важные бизнес-процессы торгового предприятия, в которые входят оформление заказа, выбор товара, доставка товара, гарантийный сервис, отслеживание заказов [2].

Интернет-магазин может осуществлять продажу не только реальных товаров и услуг, но и товаров и услуг в электронном виде, что делает интернет-магазин более выгодным в нынешних условиях, при этом продажа реальных товаров и услуг занимает больше времени и требует большего объема технического оснащения, чем продажа электронных товаров по сети Интернет, что позволяет проводить полный

цикл коммерческой сделки, который может быть выполнен электронным способом [4].

Мультибрендовые интернет-магазины отличаются от брендовых тем, что в них представлен достаточно разнообразный ассортимент разных лейблов. Как правило, в таких интернет-магазинах можно найти всё что угодно. Для покупателя преимущество заключается в том, что нет необходимости пересматривать ассортимент разных магазинов, чтобы найти нужную покупку. Среди этих магазинов выделяют Kohl's, Dillard's, Sportsdirect.

Торговые интернет-площадки отличаются тем, что являются местом, где имеется множество продавцов: частные лица, магазины, которые предлагают свои товары. В таблице 1 представлены преимущества и недостатки интернет-магазина.

Таблица 1

Преимущества и недостатки интернет-магазина [1]

Для владельцев интернет-магазина/клиентов	Преимущества	Недостатки
Для владельцев интернет-магазина	— Отсутствие арендной платы за помещение; — Значительное сокращение расходов на содержание собственного бизнеса; — Ускорение процесса адаптации к изменениям рынка; — Возможность расширения клиентской базы и ассортимента товаров за счет возможности выхода на глобальный рынок; — Небольшой персонал, низкие затраты на арендную плату (по сравнению с обычным магазином); — Возможность контактов с продавцами и покупателями в едином виртуальном пространстве; — Повышение уровня приверженности потребителей торговой марке; — Упрощение регистрации данного вида деятельности	— Проблемы в обеспечении безопасности и надежности информационных систем; — Постоянное наращивание мощностей телекоммуникационного оборудования своего предприятия
Для клиентов интернет-магазина	— Возможность круглосуточного приема заявок клиентов; — Доступность поиска товаров и ознакомление с характеристиками продукции практически в любое время и в любом месте, в котором есть доступ к сети; — Относительная дешевизна товара в Интернете по сравнению с привычными магазинами; — Оформление заказа дистанционным способом; — Возможность приобретения уникальных товаров, которые невозможно приобрести в данной стране (городе); — Отсутствие психологического воздействия со стороны продавца; — Сокращение времени поиска товара	— Знакомство с товаром только по описанию продавца; — Беспокойство по поводу тайны и безопасности сделки; — Дистанционная или электронная оплата

В отличие от ряда стран, где для электронной коммерции установлены специальные правила регулирования и налогообложения (США, Европейский союз), российское законодательство не предусматривает в данном случае специальных норм. Исходя из этого, интернет-торговля регламентируется теми же нормативными актами, что и другие виды торговли в России, а именно Гражданским кодексом Российской Федерации, Законом РФ «О защите прав потребителей», Правилами продажи товаров дистанционным способом.

1. *Артищев М. С.* Анализ мирового и российского опыта предпринимательской деятельности в сети Интернет // Управление экономическими системами : электронный научный журн. 2011. № 34. URL: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=711.
2. *Бочкова Е. В., Пищулина Д. С.* Анализ рынка Интернет-торговли в России и за рубежом и пути его совершенствования // Вестн. Иркутского гос. технич. ун-та. 2014. № 10(93).
3. *Бочкова Е. В., Пищулина Д. С.* Этапы организации и особенности работы интернет-магазина // Актуальные проблемы экономической теории и практики : сб. науч. тр. 2014. Вып. 17.
4. *Валигурский С. Д.* Интернет-магазины как новый формат торговли // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2011. № 6.
5. Образовательный портал — Реклама, Маркетинг, PR. М., 2009. URL: http://www.sostav.ru/news/2009/10/22/issl2/.

О. Ю. Захарычева, Е. В. Куликова

ТЕКУЧЕСТЬ КАДРОВ КАК ОСНОВНОЙ СТОП-ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье рассмотрены вопросы взаимосвязи и взаимовлияния уровня развития организационной культуры и текучести персонала организации в сфере продаж. Представлены актуальные вопросы осуществления алгоритма найма персонала в сфере продаж для снижения уровня его текучести в организации.

Ключевые слова: организационная культура, молодые специалисты, система мотивации, благоприятный климат.

O. Y. Zakharycheva, E. V. Kulikova

STUFF TURNOVER AS THE MAIN FACTOR THAT AFFECTS DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE

This article studies the relationship and influence of the organizational culture level and staff turnover in the sales organizations. This paper presents actual issues of recruitment algorithm that help to reduce the level of staff turnover in sales sphere.

Key words: organizational culture, young professionals, motivation system, favorable climate.

Современный уровень развития предпринимательства в России характеризуется чрезвычайной изменчивостью среды, которая требует поиска новых способов выживания предприятий и осознания того, что процессы реформирования нужно усиливать на микроэкономическом уровне. Важным средством реформирования предприятий может стать механизм формирования организационной культуры, позволяющий при существующих затратах ресурсов получить более высокий результат. В условиях интенсивного развития предпринимательской деятельности в сфере торговли и обострения конкуренции менеджмент торгового предприятия все более активно осваивает новые методы управления, в том числе основанные на принципах формирования организационной культуры.

В настоящее время исследование организационной культуры различных предприятий стало одной из важных составляющих оценки деятельности организации и ее роли в обществе.

Исследования в области формирования и развития организационной культуры проводятся сравнительно недавно, но начиная с восьмидесятых годов прошлого столетия термин «организационная культура» приобретает все большее значение в области управления предпринимательскими структурами [2, с. 2].

Организационная культура продаж выступает в организации как единство взглядов, принципов и норм, поддерживаемых специалистами отдела продаж.

Формирование организационной культуры товарных продаж преследует достижение последующих целей:

— выстраивание долгосрочных и взаимовыгодных отношений с клиентом;

— создание и расширение собственной клиентской базы;

— внедрение высочайших стандартов обслуживания клиентов, обусловленных высокоэффективной организационной культурой;

— выполнение и перевыполнение планов продаж, соответственно, увеличение прибыли в организации.

Организационная структура продаж должна быть направлена как на сотрудников компании, так и на ее клиентов. От работников в сфере продаж требуется максимизация количества сделок, поэтому поощряется высокая активность, склонность к экспериментам и наличие таких черт характера, как обаяние, дружелюбие, юмор, коллективизм, умение быстро принимать решения. Недостатками такой культуры являются погоня за количеством в ущерб качеству, ориентация на достижение краткосрочного успеха, недостаточная преданность компании, неустойчивость к трудностям [1, с. 29]. Выручка в организации зависит от качества продаж. К примеру, на заключение сделки на 10 000 руб-

лей сотрудник прилагает такое же количество усилий и времени, как на заключение сделки на 50 000 рублей. Это означает, что необходимо распределять грамотно своё рабочее время и уметь фильтровать клиентов, учитывая, какую выручку они принесут при заключении сделки. Вторым моментом, отражающим качество продаж, является умение продать свой продукт ключевым клиентам. К этой категории покупателей относятся высокопоставленные лица, крупные холдинги, известные сетевые компании и т. д. Конкуренция за приоритетное внимание таких клиентов крайне высока, только опытные профессионалы своего дела могут действительно заинтересовать и удержать такого покупателя. Создание сплочённой команды, знание своего продукта и качественная работа в нестандартных ситуациях выстраивается в коллективе при минимальной текучести персонала, когда каждый работает на высоком уровне и не теряется время на вхождение в должность и вникание в её специфику новичков; также такой работе способствует правильная, подходящая именно этой команде организационная культура. Как пишет Тони Шей: «Одним из наиболее важных условий отличного обслуживания клиентов является уверенность, что в вашей компании сложилась сервис-ориентированная культура. Это относится не только к департаменту по обслуживанию клиентов, но и к компании в целом. Известно, что несчастный сотрудник, который не верит в ценность предоставления отличного обслуживания, просто не сможет отлично обслуживать клиентов» [4, с. 132].

Существующая культура в организации влияет на обслуживание и отношение к клиентам. Именно взаимоотношения среди самих сотрудников создают своеобразную модель поведения, принятую в коллективе. Такое качество, как клиентоориентированность, может прижиться в той организации, где ее носителями в первую очередь будут руководители, дающие пример менеджерам по продажам.

На сегодняшний день отделы продаж стали основным и наиболее востребованным клиентским каналом. Однако проблема текучести кадров по-прежнему неизбежна в сфере торговли. Какую культуру необходимо формировать и развивать руководителям для создания единого духа в организации?

Основными причинами текучести кадров в сфере продаж являются:

1) Высокий процент среди сотрудников молодых специалистов. Вакансия менеджера по продажам зачастую не требует наличия опыта работы, поэтому в первую очередь на нее откликаются студенты и выпускники. Руководители видят в этом свои преимущества. Ведь сотрудник, кому не привита чья-то организационная культура и не сформирован собственный стиль работы, более пластичен и легкообучаем в процессе работы. Однако многие кандидаты этой категории рассматривают работу в продажах как способ временной подработки и получения записи в трудовой книжке.

2) Неразвитая система мотивация. Заработная плата является одной из причин увольнения сотрудников. По специфике своей работы менеджеры по продажам получают премию как процент от сделок. Поэтому неправильно поставленный план продаж либо новое изменение системы вознаграждения могут негативно сказаться на мотивации сотрудника. Также проблема отсутствия карьерного роста и профессионального развития наблюдается среди менеджеров по продажам. Продажи порой могут доходить до автоматизма, и сотрудники начинают ощущать рабочую рутину.

3) Неблагоприятный социально-психологический климат. По мнению 91 % россиян, неблагоприятный психологический климат в коллективе — веская причина для того, чтобы покинуть компанию. Респонденты подкрепляют свои ответы примерами из жизни: «Я и мои друзья сталкивались с тиранией на работе. Ужасно, когда большую часть времени приходится проводить в угнетённом настроении»; «Как правило, офисные сотрудники и руководители среднего звена в 70—75 % случаев увольняются именно по этой причине, но не называют её официально, поскольку боятся испортить репутацию» [3]. Отсутствие взаимного уважения и доверия заставляет людей занимать оборонительную позицию, защищаться друг от друга. Сокращается частота контактов, возникают коммуникативные барьеры, конфликты, появляется желание покинуть организацию и, как следствие, происходит снижение производительности труда.

Выделенные проблемы текучести кадров в сфере продаж требуют определённого подхода в формировании совокупности мероприятий, которые позволят снизить их актуальность.

Приглашая *молодых специалистов* в сферу продаж, следует максимально представлять им выгоды, особенности и сложности работы и профессии, чтобы претендент был хотя бы теоретически к ним готов и понимал необходимость затрат значительных усилий для достижения успехов.

На стадии поиска и отбора персонала необходимо предоставить соискателю максимально полную и достоверную информацию о вакансии, заработной плате, графике работы. Многие работодатели обещают лёгкие продажи, отсутствие «холодных звонков», большое количество заключенных сделок. На практике все может оказаться совсем по-другому. Чем прозрачнее вы покажете систему работы в сфере продаж для кандидатов, тем меньше вероятности столкнуться с очередным увольнением.

Во избежание ошибок руководителю продаж рекомендуется придерживаться определённого алгоритма при найме новых сотрудников.

Первый этап включает в себя изучение резюме потенциальных кандидатов.

Первоначально желательно составить профиль желаемого кандидата. Для более качественного и тщательного отбора резюме можно определить, что именно является для вашей компании стоп-фактором для приглашения на собеседование. Это может быть возрастная категория, опыт работы, уровень образования, семейное положение и т. д.

Чаще всего руководители продаж ориентированы на более молодых и неопытных специалистов. Практика показывает, что при обращении напрямую в вузы найм персонала происходит более эффективно. При личной встрече со студентами можно доступно рассказать о компании и преимуществе работы в ней, ответить на все интересующие вопросы и получить рекомендации о каждом студенте в деканате. Более заинтересованных выпускников можно пригласить на собеседование.

Второй этап включает в себя блиц-знакомство.

Для более полного создания образа о кандидате необходимо сделать предварительный звонок. При разговоре уточнить актуальность поиска работы и рассказать более детально о вакантной должности. Общение с клиентами — повседневная функция менеджера по продажам. Поэтому в телефонном разговоре следует уделить внимание грамотности речи, умению слушать собеседника, интонации. Только по итогам телефонного разговора необходимо приглашать кандидата на собеседование.

При личной встрече руководителю желательно создать непринужденную обстановку, чтобы соискатель почувствовал себя более открытым и уверенным. Для выявления профессиональных навыков можно использовать различные методики — от решения кейсов до спонтанной продажи любого предмета.

Заключительный этап включает в себя принятие окончательного решения.

Познакомившись с кандидатом, необходимо более подробно изучить все записи, которые остались после встречи с ним. Поспешные действия могут сказаться в дальнейшей работе и привести к текучести, поэтому правильнее всего будет «дать время» подумать как работодателю, так и будущему сотруднику. Альтернативным решением будет начать обучение в организации. За пару рабочих дней работодатель и кандидат смогут решить для себя, подходят они друг другу или нет. На этапе обучения следует уделить внимание «холодным звонкам». Желательно даже прослушать записи вместе с менеджером, найти ошибки и дать рекомендации по их устранению. Проверять почту тоже обязательно. Процесс адаптации у всех происходит по-разному. Чем быстрее менеджер начнёт исправлять свои ошибки и совершенствовать процесс продаж, тем больше шансов у него закрыть вакансию.

Как найти хорошего менеджера по продажам, используя собственные каналы поиска или же обращение к рекрутерам, — личное решение работодателя.

Основными преимуществами при обращении в рекрутинговое агентство являются:

1) Экономия времени.

По индивидуальным требованиям заказчика специалисты составляют предварительный портрет желаемого сотрудника. Подбирая персонал через кадровое агентство, работодатель оплачивает услугу только в случае успешного закрытия вакансии. Многие организации, экономя своё время, предпочитают довериться профессионалам, нежели самостоятельно вести отбор потенциальных менеджеров по продажам.

2) Профессиональный отбор.

Менеджер по продажам — движущая сила любого предприятия. Текучка менеджеров по продажам приносит много проблем руководителям. Сотрудник, который не сможет раскрыть себя в сфере продаж, вынужден будет сменить работу, вследствие чего будет потрачено много сил, времени и денежных средств и приведёт к очередной текучести персонала. Опытные рекрутеры с легкостью смогут выявить такие качества, как активность, целеустремлённость и умение находить общий язык с окружающими. Эти качества являются основополагающими для успешной продажи.

Основными недостатками являются:

1) Неоправданные затраты организации.

Несмотря на высокий профессионализм, никакое агентство не сможет дать полной уве-

ренности в том, что выбранный соискатель останется в организации и будет приносить прибыль. Существует такое понятие, как человеческий фактор, и он порой играет решающую роль.

2) Отсутствие внутреннего рекрутинга.

Данная проблема больше носит индивидуальный характер. Найти подходящего менеджера по продажам можно и внутри организации. Для многих руководителей гораздо проще привлечь своих сотрудников. Даже если они не умеют продавать, то знают хотя бы тонкости вашего продукта, что ускоряет и упрощает процесс обучения. Предложив более привлекательные условия, чем их занимаемая должность, есть возможность получить будущего менеджера по продажам. Более того, если сотрудник не сможет справиться с поставленной задачей, он всегда может вернуться на прежнюю должность, а проводимый эксперимент — бесплатная возможность найти хорошего продажника.

Одной из важных оставляющих удержания ценных сотрудников является развитая *система мотивации*, соответствующая специфике товара компании, принятым технологиям продаж, особенностям рынка функционирования компании и другим важным для компании и её развития характеристикам.

Размер заработной платы — один из поводов сменить место работы. Поэтому руководители продаж должны разработать достойную систему мотивации и стимулирования, чтобы увеличить прибыль в организации и удержать ценных сотрудников.

Чаще всего менеджеры по продажам работают по системе окладной части и процентов от продаж и сделок. Слишком высокий оклад не всегда сможет мотивировать сотрудника на активные продажи, так как у него будет значительная «подушка безопасности», обеспечивающая ему приемлемый для него уровень дохода. Слишком низкий оклад привлечет только неопытных и некомпетентных сотрудников, так как остальные не будут чувствовать определенный уровень безопасности, который должен обеспечивать оклад. При формировании системы оплаты труда специалистов отдела продаж необходимо ориентироваться на среднестатистический оклад в регионе деятельности компании. Планы продаж необходимо составлять так, чтобы они были выполнимыми. Процент с продажи — стандартная надбавка к окладной части у менеджеров по продажам. Для большей мотивации необходимо использовать дополнительные бонусы. Например, за самое большое количество заключенных сделок, за привлечение новых клиентов, за самую крупную продажу в месяце. Начисление бонусов выражается как в материальной форме в виде денежных средств, так и в нематериальной — например, фотография менеджера на Доске почёта или общем мониторе, поход в ресторан, поездка на турбазу. Чем разнообразнее бонусы, тем интереснее работать и продавать.

Создание *благоприятного климата* внутри коллектива — одна из главных задач любого руководителя. Как правило, организации, в которых царит дружеская и позитивная атмосфера, упрощают процесс адаптации для новых сотрудников.

Отношения в коллективе являются основополагающим фактором в становлении культуры в организации. Для успешной и продуктивной работы в сфере продаж необходимо создать дружескую атмосферу среди сотрудников. Не стоит рассматривать каждого менеджера как отдельную единицу, это проводит к соперничеству и даже конфликтам. Создание общего корпоративного плана продаж сблизит менеджеров и уменьшит текучесть. Ведь более опытные сотрудники смогут помогать новичкам, что облегчит процесс адаптации и улучшит их показатели. Также сейчас популярен «team building». Можно не только добавить красок в рабочие будни сотрудников, но и укрепить отношения, используя различные игры на поддержание корпоративного духа. Задачей руководителя является постоянный мониторинг внутренней обстановки в коллективе.

Вывод

Культура организации не может появиться за день. Это трудоёмкий процесс, который требует внимания и сил не только со стороны руководства, но и со стороны сотрудников. Традиции, ценности и устои в коллективе, оттачиваемые годами, позволяют заложить фундамент той культуры, которая создана общими усилиями. Поэтому сплоченный коллектив — один из факторов, который необходим для создания и развития культуры в организации.

В каждой сфере возникают трудности с коллективом. В продажах важны люди и отношения. Когда среди самих сотрудников, руководителей и подчинённых выстроены действительно настоящие дружеские отношения, то такие проблемы, как новый график работы, невыполнение плана продаж и даже заработная плата, будет всегда проще решить.

Однако текучесть кадров постоянно вносит свои коррективы, тормозя процесс развития и укрепления культуры в организации. Когда кол-

лектив постоянно меняется, то отношения становятся всё тоньше и тоньше. Для развития культуры нужно время и надежные преданные сотрудники. Используя вышеперечисленные мероприятия, руководитель должен стремиться в первую очередь к слаженным отношениям в коллективе. Это один из главных шагов к успешным продажам.

1. *Иванова Т. Б., Журавлёва Е. А.* Корпоративная культура и эффективность предприятия : моногр. М. : РУДН, 2011.
2. *Минаева И. В.* Формирование и развитие организационной культуры крупного торгового предприятия : автореф. дис. … канд. экон. наук / С.-Петерб. торгово-экономич. ин-т. СПб., 2006. 20 с.
3. Неблагоприятный психологический климат в коллективе — веская причина для увольнения // Superjob.ru: исследовательский центр рекрутингового портала. 2010. 15 янв. URL: http://www.superjob.ru/community/kollektiv/41084 (дата обращения: 15.03.2016).
4. *Шей Т.* Доставляя счастье. От нуля до миллиарда: история создания выдающейся компании из первых уст : пер. с англ. С. Филина. 4-е изд. М. : Манн, Иванов, Фербер, 2013.

К. А. Мызрова, М. В. Артамонова, И. В. Буянкина, С. В. Мартынов

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИНДУСТРИИ СПОРТА

Одной из современных форм интеграции науки, бизнеса и власти является государственно-частное партнерство. В статье авторы раскрывают особенности реализации проектов государственно-частного партнерства на примере Приволжского федерального округа, в частности Ульяновской области. Для развития государственно-частного партнерства в Приволжском федеральном округе необходима работа в трех основных направлениях: институциональная среда, опыт реализации проектов, инвестиционная привлекательность.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, индустрия спорта, факторы развития государственно-частного партнерства, институциональная среда, реализация проектов, инвестиционная привлекательность.

K. A. Myzrova, M. V. Artamonova, I. V. Buyankina, S. V. Martynov

IMPLEMENTATION OF PROJECTS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN SPORTS INDUSTRY

Public-private partnership is one of the modern forms of integration of science, business and government. The authors reveal the features of projects concerning the public-private partnership on the example of the Volga Federal District, the Ulyanovsk region in particular. To develop public-private partnership in the Volga Federal District it is necessary to work in three main areas: institutional environment, experience in implementing projects, investment attractiveness.

Key words: public-private partnership, sports industry, factors of development of public-private partnership, institutional environment, implementation of projects, investment attractiveness.

В последние годы в России заметно расширились масштабы и формы взаимодействия государства и бизнеса, в частности, в развитии индустрии спорта. Государство пришло к пониманию того, что активное участие бизнеса в ней необходимо. Именно поэтому мы наблюдаем рост количества масштабных проектов, где государство и бизнес объединяют свои усилия и ресурсы для повышения качества и обеспечения предоставляемых услуг населению, а также решения различных задач на взаимовыгодных условиях в данной сфере.

Одной из наиболее востребованных форм интеграции науки, бизнеса и власти является государственно-частное партнерство (ГЧП), которое в настоящий момент завоевывает огромный интерес у публичных органов, отечественных и иностранных компаний, финансирующих и экспертных организаций.

Государственно-частное партнерство в широком аспекте является «правовым механизмом согласования интересов и обеспечения равноправия государства и бизнеса в рамках реализации экономических проектов, направленных на достижение целей государственного управления» [1]. Однако стоит отметить, что «определение стало бы более корректным, если бы не содержало указаний на «равноправие» государства и бизнеса, поскольку равноправие сторон в контрактах ГЧП является небезусловным и неоднозначно трактуется в законодательстве и судебной практике различных стран» [3].

Несмотря на обеспечение государством поддержки в сфере физической культуры и спорта страны, она является несвоевременной и недостаточной; чтобы это разрешить, государство начинает сотрудничать с бизнесом на основе ГЧП.

В России применение ГЧП-механизмов пока сводится к строительству, модернизации и эксплуатации объектов спортивной инфраструктуры. Широкое распространение при реализации ГЧП-проектов в спорте получила схема концессионного соглашения, которая применялась почти во всех реализованных на данный момент проектах [5].

Преимущества данной формы — разделение рисков и высокий уровень частных вложе-

ний. Рассматривая реализацию проектов ГЧП на российском рынке, можно выделить особенность — использование ГЧП для развития спорта высших достижений, т. е. для улучшения позиций России на мировом уровне. Об этом говорит использование партнерской системы на Олимпийских играх в Сочи, а также в Лондоне — официальные партнеры, поставщики и лицензиаты. Достойное проведение спортивных мероприятий такого масштаба невозможно без участия обеих сторон в финансировании и организации.

Для нас интерес представляет уровень развития ГЧП в индустрии спорта на примере Приволжского федерального округа (ПФО) и находящейся в его составе Ульяновской области (УО).

Для определения уровня развития ГЧП в индустрии спорта в ПФО необходимо провести анализ основных факторов, определяющих такое развитие, а именно: развитость институциональной среды в сфере ГЧП; опыт реализации проектов ГЧП в социальной сфере, в которую входит индустрия спорта; инвестиционная привлекательность ПФО.

Проанализировав «Рейтинг регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства» 2015 года, подготовленный Министерством экономического развития Российской Федерации и Центром развития государственно-частного партнерства при поддержке Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, получаем выводы по интересующим основным факторам развития ГЧП в ПФО:

1. Институциональная среда.

Во всех субъектах ПФО принят региональный закон об их участии в ГЧП [4]. Эксперты оценивают региональные законодательства субъектов ПФО как неэффективные (без понижающего коэффициента). Качество нормативно-правовых актов Республики Башкортостан и Самарской области, устанавливающих порядок работы с проектами ГЧП, является высоким.

Для увеличения реализации интересных и важных проектов в УО приняты все базовые решения по созданию институциональной среды для развития ГЧП, что позволит привлечь инвесторов, так как отношения являются юридически оформленными, в них — объединение интересов как частной стороны, так и публичной, они могут инициироваться частным лицом наравне с государственной инициативой. Эти отношения являются срочными, в которых время имеет принципиальное значение. Еще одна сторона нового закона, принятого в Ульяновской области, заключается в том, что частный партнер получает дополнительные гарантии. Таким образом, если до сих пор объект договорного соглашения всегда оставался в собственности государства или муниципалитета, то со вступлением в силу закона о ГЧП частник имеет право получить объект, в который он вложил деньги, в собственность, если объем его инвестиций превышает первоначальную стоимость объекта и объем вложений государства [3].

2. Опыт реализации проектов.

Успешными и качественными концессионными проектами в социальной сфере известна Самарская область.

В Ульяновской области создано специализированное структурное подразделение АО «Корпорация развития Ульяновской области». Корпорация, согласно Распоряжению Правительства Ульяновской области № 387-пр от 9 июля 2015 года, является организацией, уполномоченной в сфере государственно-частного партнерства. Деятельность корпорации направлена на разработку стратегии развития УО до 2030 года в части применения механизмов государственно-частного партнерства; структурирование, разработку, помощь и координацию в реализации проектов, формирование единого регионального информационного центра в сфере ГЧП; привлечение инвестиций и сопровождение инвестиционной деятельности с потенциальными частными партнерами, заинтересованными в реализации проектов в форме.

Ярким примером стал проект ГЧП Ледового дворца «Волга-Спорт-Арена» в Ульяновской области, который признан лучшим в России в 2014 году. Эксперты журнала «Рынок ценных бумаг» присудили премию Investor Awards ульяновскому проекту по созданию спортивных комплексов.

Дворец спорта располагает уникальными возможностями для организации и проведения самых различных мероприятий. Так, в январе-феврале 2016 года был успешно проведен Чемпионат мира по хоккею с мячом.

В 2015 году регион сделал существенный скачок и занял 12 место в федеральном рейтинге развития ГЧП за 2014 год, поднявшись сразу на 60 позиций. Опыт региона по предупреждению рисков при реализации государственно-частного партнерства включен в методические рекомендации для субъектов страны.

3. Инвестиционная привлекательность.

В 2015 году ПФО по количеству частных инвестиций занимает 4 место (23 145 586 тыс. руб. частных инвестиций) среди других федеральных

округов России, а именно среди Центрального федерального округа (102 325 366 тыс. руб.), Северно-Западного федерального округа (4 076 831 тыс. руб.), Уральского федерального округа (5 607 657 тыс. руб.), Дальневосточного федерального округа (4 686 707 тыс. руб.), Южного федерального округа (30 618 740 тыс. руб.), Северо-Кавказского федерального округа (655 460 тыс. руб.), Сибирского федерального округа (29 793 678 тыс. руб.). Также уменьшилось значение инвестиционной привлекательности Республики Татарстан, входящей в состав ПФО. Тем не менее за счет прироста в части реализации проектов и нормативно-правовой базы ей удалось сохранить свои позиции в ТОП-15 рейтинга инвестиционной привлекательности регионов. А Республика Башкортостан, напротив, повысила свою инвестиционную привлекательность по итогам 2014 года и тем самым улучшила свою позицию в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов. Показатели остальных субъектов ПФО по инвестиционной привлекательности остались на уровне 2013 года [4].

Интересно, что в 2014 году ПФО (17 проектов) был на первом месте по реализации проектов в социальной сфере, в которую входит индустрия спорта. Тогда ПФО значительно обогнал по реализации проектов СФО (10 проектов), СЗФО (8 проектов), ЦФО (7 проектов), УФО (6 проектов), ЮФО (5 проектов), СКФО (3 проекта), ДВФО (-) [4].

В Нижегородской области разработан наиболее богатый опыт привлечения частных денег в создание спортивной инфраструктуры. Три физкультурно-оздоровительных комплекса (ФОК) в Павловском, Лукояновском и Краснобаковском районах построены в рамках концессионных соглашений (когда частный партнер обязуется профинансировать, построить, оснастить оборудованием данные спортивные сооружения) между Нижегородской областью и ЗАО «Волга-Спорт», чьей «материнской» компанией является УК «Лидер». Стоимость каждого ФОКа составила порядка 500 млн рублей. Их строительство продолжалось около года. По истечении десятилетнего периода объекты будут переданы области, а до этого момента хозяйственную деятельность на них будет осуществлять частный партнёр.

Проведенное исследование о реализации проектов в индустрии спорта свидетельствует о том, что в России существуют значительные перспективы для применения механизмов ГЧП. Для ускорения данного процесса необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу. Важно повышать эффективность региональных законодательств всех субъектов данного федерального округа. Следуя примерам Республики Башкортостан и Самарской области, у которых качество нормативно-правовых актов является высоким, всем субъектам ПФО необходимо повышать у себя данный показатель.

Несомненную пользу принесет расширение применения новых схем ГЧП, в частности контрактов жизненного цикла. Также приветствуется инициатива частных лиц.

Стоит ожидать значительного роста количества спортивных объектов, построенных с использованием механизмов ГЧП в свете предстоящего чемпионата мира по футболу, который пройдет в России в 2018 году.

1. *Вилисов М. В.* Государственно-частное партнерство: политико-правовой аспект // Власть. 2006. № 7.
2. Деловое обозрение. ГЧП. Механизмы реальные и мнимые. URL: http://www.uldelo.ru/stuff/gchp-mekhanizmy-realnye-i-mnimye.
3. Государственно-частное партнерство. Теория и практика. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. URL: http://www.hse.ru/data/2010/04/22/1216643253/978-5-7598-0707-0.pdf (дата обращения: 10.12.2015).
4. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах РФ. Рейтинг регионов ГЧП-2014. URL: http://www.pppi.ru/sites/all/themes/pppi/img/ratingreg2014.pdf (дата обращения: 23.01.2015).
5. *Сорокин А.* Инвестиции в чемпионов // Российская газета. URL: http://www.rg.ru/2012/07/03/sports.html (дата обращения: 11.12.2015).

В. П. Смолькин, Т. А. Чертушкина

ПОДХОДЫ К РАСЧЕТУ ВЕЛИЧИН ГОСУДАРСТВЕННЫХ НОРМАТИВОВ НА ОДНОГО РЕБЕНКА С ОВЗ (ПО РАЗНЫМ НОЗОЛОГИЯМ)

В статье приводится обзор данных государственной статистики по количеству детей с ограниченными возможностями здоровья и предлагаются подходы к расчету величин государственных нормативов на одного ребенка с ОВЗ (по разным нозологиям) по имеющимся региональным нормативным правовым документам и методикам финансирования детей с ограниченными возможностями здоровья ОВЗ (по разным нозологиям).

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, инвалидность, государственные нормативы, ОВЗ (по разным нозологиям), обучающийся, фонд оплаты труда.

V. P. Smolkin, T. A. Chertushkina

APPROACHES TO CALCULATION THE AMOUNT OF STATE STANDARDS PER ONE CHILD WITH HEALTH LIMITATIONS (ACCORDING TO DIFFERENT NOSOLOGIES)

The article overviews the national statistics on the number of children with disabilities. It suggests the approaches to the calculation the state standards amount per one child with health limitations (according to different nosologies) on the basis of available regional legal documents and methods of funding the children with disabilities (according to different nosologies).

Key words: children with disabilities, disability, national regulations, health limitations (according to different nosologies), student, salary fund.

По данным Федеральной службы государственной статистики, количество детей с ограниченными возможностями в России за последние пять лет выросло на 9,2 %. Согласно статистическим данным, в 2010 году было 495,33 тыс. детей-инвалидов. В 2011 году произошло увеличение до 505,2 тыс. детей, в 2012 году рост продолжился — 510,9 тыс. В 2013 году число достигло 521,6 тыс. человек, а в 2014 году — 540,8 тыс. [1, 2].

В зависимости от степени расстройства функций организма лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид».

К категории детей-инвалидов, в соответствии с действующим в Российской Федерации законодательством, относятся дети до 18 лет, имеющие значительные ограничения жизнедеятельности, приводящие к социальной дезадаптации вследствие нарушений развития и роста ребёнка, способностей к самообслуживанию, передвижению, ориентации, контроля за своим поведением, обучения, общения, трудовой деятельности в будущем, статус которых установлен учреждениями медико-социальной экспертизы.

Образование детей с ограниченными возможностями осуществляется в специализированных школах, которые классифицируются по следующим видам:

I вид — школы для глухих детей;

II вид — школы для слабослышащих детей;

III вид — школы для слепых детей;

IV вид — школы для слабовидящих детей;

V вид — школы для детей с речевыми расстройствами;

VI вид — школы для детей с отклонениями в опорно-двигательном аппарате;

VII вид — школы для детей с задержкой психического развития;

VIII вид — школы для умственно отсталых детей.

Обучение детей-инвалидов в перечисленных типах образовательных организаций осуществляется по специальным программам с использованием специализированного материально-технического обеспечения образовательного процесса.

Пункт 4 статьи 79 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» регламентирует организацию получения образования детей с ОВЗ: «Образование обу-

чающихся с ограниченными возможностями здоровья может быть организовано как совместно с другими обучающимися, так и в отдельных классах, группах или в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность» [5].

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы [3] предусмотрены следующие меры в сфере образования детей с ограниченными возможностями:

— законодательное закрепление обеспечения равного доступа детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья к качественному образованию всех уровней, гарантированной реализации их права на инклюзивное образование по месту жительства, а также соблюдения права родителей на выбор образовательной организации и формы обучения для ребёнка;

— нормативно-правовое регулирование порядка финансирования расходов, необходимых для адресной поддержки инклюзивного обучения и социального обеспечения детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья;

— внедрение эффективного механизма борьбы с дискриминацией в сфере образования для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья в случае нарушения их права на инклюзивное образование.

Статьей 79 закона «Об образовании в РФ» регламентируется организация получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья [5]. Содержание образования и условия организации обучения и воспитания определяются адаптированной образовательной программой, а для инвалидов также в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида.

Также отмечается, что общее образование обучающихся с ограниченными возможностями здоровья осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам. В таких организациях создаются специальные условия для получения образования указанными обучающимися. Под специальными условиями для получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья понимаются условия обучения, воспитания и развития таких обучающихся, включающие в себя использование специальных образовательных программ и методов обучения и воспитания, специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов, специальных технических средств обучения коллективного и индивидуального пользования, предоставление услуг ассистента (помощника), оказывающего обучающимся необходимую техническую помощь, проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий, обеспечение доступа в здания организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и другие условия, без которых невозможно или затруднено освоение образовательных программ обучающимися с ограниченными возможностями здоровья.

Людям с инвалидностями по федеральному закону о социальной помощи гарантируется помощь по разумному и соразмерному школьному образованию. В рамках этой помощи государственные структуры берут на себя оплату образования и жизнеобеспечения. Данная помощь гарантируется инвалидам, как правило, вплоть до 21 года без учета их доходов, капиталов и состояния. Лица, которые обязаны содержать инвалидов по их семейному статусу, лишь тогда привлекаются к оплате, когда их расходы на домашнее хозяйство оказываются для них сокращенными или отсутствуют.

Проведенный анализ региональных нормативных правовых документов и методик финансирования по 8 федеральным округам 87 субъектов Российской Федерации по вопросам финансирования на создание специальных условий получения образования для обучающихся с ОВЗ показал следующие результаты:

1. Всего по РФ насчитывается 72 различных официальных документа, которые регулируют нормативы финансирования на создание специальных условий получения образования для обучающихся с ОВЗ в дошкольном и общем образовании.

2. В пределах каждого субъекта РФ методики расчета разнятся по форме и содержанию, в основном представленная информация освещает размер коэффициента, который вводится в данной области финансирования.

3. Методики расчета в большинстве субъектов РФ для обучающихся с ОВЗ в дошкольном и общем образовании отдельно не выделены и представлены в нормативных документах обеспечения государственных гарантий реализации прав на получение общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования в муниципальных общеобразовательных организациях.

4. Расчет на одного обучающегося, осваивающего образовательную программу дошколь-

ного образования по разным субъектам РФ, осуществляется:

а) *Исходя из ставки заработной платы педагогического работника*, определяемой на соответствующий финансовый год. Норматив расходов на оплату труда с начислениями педагогических работников дошкольных организаций (за исключением реализации образовательных программ дошкольного образования с использованием дистанционных образовательных технологий в дошкольной образовательной организации и при организации обучения на дому) определяется с учетом:

— времени пребывания воспитанников в группе;

— количества дней работы дошкольной организации в неделю (5-дневная рабочая неделя);

— нормы часов учебной нагрузки (объем педагогической работы) педагогического работника в неделю;

— нормативной численности других педагогических работников: музыкальных руководителей, инструкторов по физической культуре, учителей-логопедов (логопедов, учителей-дефектологов), педагогов-психологов и др.;

— должностного оклада (ставка заработной платы) педагогического работника, определяемого на соответствующий финансовый год;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с уплатой страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, обязательное медицинское страхование, обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с присвоением квалификационной категории при аттестации, коэффициента увеличения фонда оплаты труда педагогических работников на величину стимулирующих выплат;

— количества месяцев в году;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с расходами на оплату пособий по временной нетрудоспособности за первые 3 дня за счет работодателя, на оплату труда лиц, заменяющих уходящих в отпуск;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с расходами на оплату труда административно-управленческого персонала, определяемого на соответствующий финансовый год, коэффициента удорожания по местонахождению дошкольной организации (отдельно в сельском населенном пункте);

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда педагогических работников для доведения средней заработной платы педагогических работников дошкольной организации до средней заработной платы в сфере общего образования, определяемого на соответствующий финансовый год;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда педагогических работников, работающих с воспитанниками, нуждающимися в длительном лечении (в том числе с детьми-инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья);

— средней фактической наполняемости групп в зависимости от специализации и возраста обучающихся.

б) *Исходя из нормативных расходов на выполнение нормативного объема работ* для обучающихся воспитанников с ограниченными возможностями здоровья в специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях, определенного на соответствующий финансовый год. Указанный норматив включает в себя:

— нормативные расходы на оплату труда в части, относимой на услугу;

— нормативные расходы на прочие выплаты;

— нормативные расходы на начисления на оплату труда;

— нормативные расходы на услуги связи;

— нормативные расходы на транспортные услуги;

— нормативные расходы на оплату медицинских осмотров;

— нормативные расходы на коммунальные услуги (включая норматив затрат на холодное водоснабжение и водоотведение, норматив затрат на горячее водоснабжение, норматив затрат на отопление, норматив затрат на электроснабжение);

— нормативные расходы на приобретение продуктов для организации питания воспитанников (обучающихся);

— нормативные расходы на прочие услуги (включая расходы на найм жилого помещения при служебных командировках, расходы на установку и монтаж локальных вычислительных сетей, расходы на приобретение периодических изданий);

— нормативные расходы на приобретение предметов снабжения и расходных материалов;

— нормативные расходы на реализацию мер социальной поддержки обучающихся (воспитанников).

в) *Исходя из методики подушевого финансирования*. Нормативы финансирования рассчитываются на одного обучающегося и включают в себя:

— оплату труда работников учреждения с начислениями (фонд оплаты труда рассчитывается исходя из среднего количества часов по учебному плану, нормативной наполняемости классов, количества ставок воспитателей, дополнительных часов на внеклассную и кружковую работу, ставок медицинских работников, психологов, логопедов и прочих специалистов в зависимости от специфики работы учреждения и обучающихся);

— расходы на питание;

— расходы на мягкий и жесткий инвентарь;

— расходы на учебники, учебные пособия и пр.;

— расходы на медикаменты;

— расходы на оплату услуг Интернет;

— прочие текущие расходы.

В норматив финансирования не включаются расходы на содержание имущественного комплекса: налоги, коммунальные платежи, затраты на текущий и капитальный ремонт и пр.

г) *Исходя из определения норматива в ряде субъектов РФ в абсолютном значении* применительно к каждой категории нарушения в развитии. Так, например, Постановлением Правительства Брянской области от 30 декабря 2013 года № 801-п установлены нормативы расходов на реализацию государственного образовательного стандарта общего образования (образовательных программ) муниципальными общеобразовательными организациями, имеющими государственную аккредитацию негосударственными общеобразовательными организациями на 2014—2016 годы. Данный норматив составляет для глухих обучающихся 40 912 тыс. руб. в сельской местности и 51 140 тыс. руб. в городской местности. Кроме того, норматив предусматривает вид и наполняемость классов. Затраты на обеспечение образовательного процесса в рамках базисного учебного плана (расходы на учебники, учебные пособия, технические средства обучения, расходные материалы и хозяйственные нужды, за исключением расходов на содержание зданий и коммунальных расходов, осуществляемых из местных бюджетов), составляют 347 рублей на 1 обучающегося. Размер нормативных расходов в год на дополнительную стоимость образовательной услуги, связанную с обеспечением круглосуточного пребывания (проживания) обучающихся в лицеях, гимназиях, центрах образования, также установлен и составляет 100 000 рублей на 1 обучающегося.

5. Дифференцированное финансирование образования детей с ограниченными возможностями здоровья в зависимости от категории нарушений в развитии (глухие, слабослышащие, слепые, слабовидящие, с тяжелыми нарушениями речи, с нарушениями опорно-двигательного аппарата, с умственной отсталостью, с расстройствами аутистического спектра (РАС), со множественными нарушениями развития) осуществляется в 66 субъектах РФ. Финансирование образования детей с ОВЗ без дифференциации по категориям проходит в 15 субъектах РФ (Ивановская, Тверская, Вологодская, Иркутская, Новосибирская, Курганская, Свердловская, Тюменская, Нижегородская области, Краснодарский край, Забайкальский край, Ставропольский край, Еврейская АО, Чукотский АО, Ханты-Мансийский автономный округ). В 6 субъектах РФ осуществляется финансирование по фактическому состоянию образовательных организаций (Белгородская, Ивановская, Астраханская, Магаданская, Тюменская, Нижегородская области).

6. В отдельных субъектах финансово не обеспечивается создание специальных условий для детей с ОВЗ дошкольного возраста. Это 12 субъектов РФ (Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Брянская, Рязанская, Саратовская области, Республика Ингушетия, Республика Тыва, Чеченская Республика, Республика Крым, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Ненецкий АО). В ряде субъектов осуществляется финансирование не всех категорий детей. Например, финансирование образования детей с расстройствами аутистического спектра и детей со сложной структурой дефекта осуществляют только 29 субъектов (Рязанская, Тульская, Новосибирская, Самарская, Нижегородская, Челябинская, Курганская, Свердловская, Омская, Иркутская, Магаданская, Псковская, Калининградская, Вологодская, Ивановская, Костромская, Ростовская, Волгоградская, Тамбовская, Воронежская области, Краснодарский край, Ставропольский край, Приморский край, Хабаровский край, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Чукотский автономный округ, Чувашская Республика — Чувашия, Республика Хакасия). В 17 субъектах РФ не финансируется создание образовательных условий от двух до восьми категорий нарушений в развитии у детей. Например, Республика Бурятия не финансирует категорию детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, детей

с расстройствами аутистического спектра и детей со сложной структурой дефекта, а Курская область не финансирует такие категории детей, как слепые, слабовидящие, глухие, слабослышащие, детей с тяжелыми нарушениями речи, умственно отсталых, детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и детей со сложной структурой дефекта. Большинство регионов определяет стоимость затрат на создание специальных образовательных условий для детей с ОВЗ в отдельных группах, классах и образовательных организациях, реализующих адаптированные основные общеобразовательные программы. И только два субъекта РФ (Мурманская и Архангельская области) финансируют создание специальных образовательных условий для детей с ОВЗ в инклюзивном образовании. При этом в Архангельской области финансируются только дети с инвалидностью.

Детальный обзор и анализ применяемых методик расчета нормативов и поправочных коэффициентов по таким субъектам РФ, как Волгоградская область, Курганская область, Мурманская область, Оренбургская область, Ульяновская область, Челябинская область, Ярославская область, показал, что методики расчета разнятся по форме, но близки по содержанию.

1. В России за пять лет число детей-инвалидов выросло на 9,2 %. URL: http://www.aif.ru/health/children/v_rossii_za_poslednie_pyat_let_chislo_detey-invalidov_vyroslo_na_9_2.
2. Положение инвалидов / Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities.
3. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы».
4. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об образовании в Российской Федерации».

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. Г. Баранец

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ПОД КОНТРОЛЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье проанализирована политика советской власти по отношению к гуманитарным наукам. Описаны последствия идеологического контроля в сообществе историков.

Ключевые слова: история науки, диалектико-материалистическая концепция истории, советское сообщество историков, «академическое дело».

N. G. Baranets

HISTORICAL SCIENCE UNDER THE CONTROL OF SOVIET POWER

The article analyzes the policy of the Soviet power in relation to the humanities. It also describes the consequences of ideological control in the community of historians.

Key words: history of science, dialectical- materialistic conception of history, Soviet community of historians, "academic case".

Февральская и октябрьская революции 1917 года привели к смене не только правящего режима, но и всей системы общественной жизни. Годы гражданской войны (1918—1920) были мучительны для всего населения и для ученых-гуманитариев в особенности. Не имевшие практической пользы в глазах новой власти, они не могли рассчитывать на её поддержку и побочные заработки. От голода, холода и болезней погибли выдающиеся учёные-академики — филолог и историк А. А. Шахматов (1864—1920), историк Б. А. Тураев (1868—1920), историк А. С. Лаппо-Данилевский (1863—1919), кристаллограф, минералог Е. С. Фёдоров (1853—1919), профессора — ботаник Х. Я. Гоби (1847—1919), геолог А. А. Иностранцев (1843—1919), зоолог В. Л. Бианки (1857—1920) и т. д.

К 1921 году политика «военного коммунизма» и гражданская война привели страну к острому политическому и экономическому кризису. Экономическая разруха, политические выступления заставили советское руководство провести серию реформ. Были расформированы трудовые армии, распущены продотряды как составные элементы «военного коммунизма». Была осуществлена некоторая денационализация предприятий. Мелкие промышленные предприятия, часть средних были возвращены в собственность или сданы в аренду частным лицам и кооперативам. Принятие нэпа благоприятно сказалось на политическом и экономическом положении страны. Политическая ситуация стабилизировалась, прекратились мятежи и восстания. В экономике тоже наблюдалось оживление, восстанавливалось производство. Потребительский рынок наполнился, было покончено с голодом, улучшилась жизнь людей. Концентрация экономики в руках государства, рост централизации в управлении вели к укреплению политической власти.

В экономике произошла либерализация, но в политической области её не было. Разрешение рынка и частного предпринимательства председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин (1870—1924) рассматривал как тактический ход, временное вынужденное отступление, форму перехода к социализму. Он возражал против политической либерализации, против деятельности социалистических партий и свободной прессы. В феврале 1922 года В. И. Ленин запросил, на основании каких законов и правил зарегистрированы в Москве частные издательства, какова их гражданская ответственность. В результате были предприняты шаги,

которые к середине 20-х годов привели к установлению государственной монополии на средства массовой информации, введению цензуры и жесткого идеологического контроля. При нэпе были ликвидированы остатки социалистических партий и групп. По инициативе В. И. Ленина в августе 1922 года XII Всероссийская конференция РКП(б) приняла резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях», где все партии, кроме РКП(б), объявлялись «антисоветскими» и тем самым были поставлены вне закона. Еще весной 1922 года среди меньшевиков были проведены массовые аресты, часть из них были посажены в тюрьмы, часть сосланы на Восток, часть высланы за границу. В июне 1922 года состоялся показательный процесс над видными эсерами, обвиненными в контрреволюционной деятельности.

В этой ситуации советское правительство должно было взять под наблюдение интеллигенцию, чтобы ликвидировать её глухую оппозицию. Были предприняты меры для снижения вредного воздействия чуждой идеологии: закрыты некоторые частные журналы и издательства, распущены философские общества при университетах. Именно «старая интеллигенция» рассматривалась как основное препятствие большевизации общества. 14 декабря 1922 года ЦК РКП(б) издал циркуляр «О работе парторганизаций в вузах и рабфаках», в котором было определено значение высшей школы и пути организации её контроля: *«…значение высшей школы на боевом в настоящее время фронте огромно. Её задачи — дать стране в кратчайшее время красных специалистов по всем отраслям государственного строительства… Партия ныне должна сделать следующий шаг в завоевании высшей школы, в которой до сих пор господствуют еще буржуазный учёный и буржуазная идеология, нередко переходящая даже к прямому наступлению на основы научного марксистского мировоззрения». В качестве первоочередных задач определялось: «Принять активное участие в кампании по проведению нового устава вузов через комячейки студентов и комфракции преподавателей… Принимать, действуя на основе устава вузов, через местные и профсоюзные органы. Активное участие в подборе руководящего состава вузов и рабфаков — их правлений, советов и факультетов»* [1].

Представителей технической интеллигенции решено было использовать, и тех, кто согласился сотрудничать с советской властью, приняли на работу. Гуманитарная интеллигенция вызывала большие подозрения, с ней работа велась в двух направлениях: с одной стороны, тех, кто выразил активное несогласие с политикой советской власти, репрессировали и высылали за границу; с другой — в связи с острой необходимостью распространения идей новой власти были предприняты усилия по созданию новой классово-сознательной гуманитарной интеллигенции.

От старых профессоров, которым разрешено было остаться преподавать по рекомендации В. И. Ленина, требовали знания марксистской литературы и сдачи специального марксистского экзамена. *«Само собой разумеется, что эта картина профессора, переучивающегося «говорить по-марксистски», показалась нам неслыханным и совершенно нереальным новшеством. К осуществлению этого лозунга мы подошли позже всего и только недавно ввели обязательный экзамен по марксизму для лиц, претендующих занять кафедру в наших ФОНах. Ожидали больших затруднений — не встретили никаких. Экзамены держат даже с удовольствием. А некоторые (и даже из очень старых!) вдруг открыли, что они всегда были марксистами»* [2].

Целью власти было добиться трансформации политической и философской позиции представителей высшей школы, что в принципе почти удалось, так как стабилизация внешней и внутренней жизни страны, наличие свободы дискуссий в рамках марксистской парадигмы создавали благоприятный фон. Представители «старой» школы соглашались идти на компромисс и высказывали внешнюю симпатию к марксизму. Им не доверяли преподавание, но не запрещали заниматься исследовательской деятельностью. В 20-е годы было создано множество гуманитарных институтов и комиссий (в 1921 году было создано несколько археографических комиссий при Академии наук, в 1926 году создана Русско-византийская историко-словарная комиссия, в 1928 году — Институт изучения буддийской культуры). Но к началу 30-х годов они были либо закрыты, либо реорганизованы под контролем идеологически подготовленных историков нового поколения.

Для подготовки кадров в 1918 году была создана Коммунистическая академия, в 1919 году — Коммунистический университет имени Свердлова, в 1921 году был образован Институт Красной профессуры (ИКП). Но эти учреждения не могли решить задачу, так как прием в них был жестко лимитирован по классовому принципу. Преобразовывались старые университетские центры: в 1919 году по решению Советского правительства в МГУ, СПбГУ, КазГУ создаются факультеты общественных наук (ФОН), на

которых преподавались все гуманитарные дисциплины. Декретом Совнаркома от 4 марта 1921 года было введено обязательное преподавание минимума по общественным дисциплинам, в качестве базового в него входил курс исторического материализма. Переломным для учёных-гуманитариев стал 1923 год, когда были ужесточены требования к научным сотрудникам второго разряда. Весной 1924 года был утвержден список обязательной марксистской литературы, знание которой было необходимо.

Новая власть создавала новые научные учреждения, в том числе научно-исторические центры: в 1919 году в Ленинграде была учреждена Государственная академия истории материальной культуры, в 1921 в Москве основан Институт истории (в его состав входили не только марксисты, но и старая университетская профессура). В 1926 году при Коммунистической академии организовали Общество историков-марксистов, которое выпускало журнал «Историк-марксист». История стала исследоваться исключительно на основании принципов диалектического материализма, в социально-экономическом ключе, на основании формационного подхода, контуры которого постоянно уточнялись во все более идеологизированных дискуссиях. Центр исследовательской деятельности сотрудников исторических институтов переориентировали на изучение новейшей истории Запада и России.

Качество подготовки историков как специалистов катастрофически падало. Получивший распространение «лабораторно-бригадный» метод обучения, прекращение чтения систематических лекционных курсов, отмена экзаменационных сессий, уход из университета квалифицированных специалистов пагубно сказались на подготовке студентов. В 1926 году, выступая на методической конференции, одна из преподавательниц заявила: *«Если мы сделаем опрос наших историков, то мы увидим, что мы больше понимаем историю, чем знаем её. А понимаем мы её, потому что учили Ленина, а не Милюкова, Ключевского и еще целый ряд историков»* [3].

Главной задачей факультетов общественных наук (ФОНов) была подготовка идеологических кадров, которые смогут распространять марксистские идеи. Сокращались предметы и объем часов, отводимый на всеобщую и отечественную историю. Ю. Ларин, один из идеологов, в 1924 году писал: *«Возьмем преподавание истории… Полагается сейчас более или менее знать первобытную историю, древнюю историю, среднюю историю, новую историю, новейшую историю. Что если от каменного и металлического «доисторического» человека, познакомив вкратце с логикой возникновения товарного хозяйства, с его надстройкой, перейти прямо к истории последних десятилетий?»*. Предлагалось упростить преподавание, исключив ненужную информацию: *«Представим себе, что «от Рождества Христова» прошло не две тысячи лет, а еще двадцать тысяч лет. Неужто и тогда все еще учить об Олеге, Иване Калите и «Соборном уложении царя Алексея»* [4]. Этот подход также распространялся на подготовку специалистов-историков. В 1927 году в журнале «Историк-марксист» было написано, что история развития общественных форм исследует этапы, общие всем народам, независимо от некоторых характерных отличий. В ходе исторического развития каждого из этих народов есть общие черты, поэтому достаточно изучить историю одной страны [5].

Лидер советской исторической науки М. Н. Покровский, определяя задачи института истории при Комакадемии в 1929 году (предварительно ликвидировав институт истории РАНИОН, в котором еще работали ученые, получившие подготовку до революции), сказал: *«Ни западной истории, ни русской истории, ни древней истории, ни средней истории, ни новой истории, ни новейшей истории — ничего нет! …Мы решили таким образом организовать нашу работу в Институте, чтобы она была сосредоточена около основных нескольких крупнейших исторических проблем»* [6]. Имелись в виду история империализма, история эпохи промышленного капитала, история пролетариата в СССР. В результате произошло насаждение узкой специализации историков [7].

Осенью 1928 года состоялось совещание историков и пропагандистов, организованное по инициативе Агитпропа ЦК и принявшее решение покончить с плюрализмом, который еще был на «историческом фронте». М. Н. Покровский выступил за расформирование РАНИОН, который был местом, где сохранялись старые кадры. В 1929 году генеральный секретарь ВКП(б) И. В. Сталин (1878—1953), выступая перед аграрниками-марксистами, призвал ликвидировать разрыв между теорией и практикой, что предполагало уничтожение разнообразия.

На период 1929—1932 годов приходится несколько компаний, направленных против исторического сообщества. В 1929 году началось «Академическое дело», по которому преимущественно проходили историки, этнографы и краеведы. Академика С. Ф. Платонова обвиняли в создании мифического «Всенародного союза

борьбы за возрождение свободной России». По делу, кроме него, были арестованы академики-историки Е. В. Тарле (1874—1955), Н. П. Лихачев (1862—1936), М. К. Любавский (1860—1936); члены-корреспонденты С. В. Рождественский (1868—1934), В. Н. Бенешевич (1874—1938), А. И. Яковлев (1878—1951); профессора А. И. Андреев (1887—1959), Ю. В. Готье (1873—1943), С. В. Бахрушин (1882—1950). В подготовке восстания, связи с иностранными разведками, создании нелегальных кружков обвиняли известных историков С. К. Богоявленского (1871—1947), Б. А. Романова (1889—1957), П. Г. Васенко (1874—1934), В. Г. Дружинина (1859—1937), М. Д. Присёлкова (1881—1941) и др. [8].

В июле 1930 года после XVI съезда ВКП(б), на котором И. В. Сталин и первый секретарь московского комитета ВКП(б) Л. М. Каганович (1893—1991) выступили за исправление линии в национальном вопросе и борьбе с национализмом, началась борьба с великодержавными тенденциями в исторической литературе. В великодержавном национализме обвиняли С. Ф. Платонова, М. К. Любавского, С. В. Бахрушина, В. В. Бартольда. К началу 30-х годов завершился разгром традиции отечественной исторической науки. Большинство старых учёных были вытеснены с профессионального поля, кроме тех, кто принял марксизм и ту проблематику, которая была продиктована партийными функционерами. Была навязана жёсткая схема понимания исторического процесса (исторический материализм), никаких методологических и философско-исторических поисков проводить не было возможности. Сфера деятельности историков была ориентирована на сбор фактов (краеведение, палеография, источниковедение[1]); чем уже была тема, тем меньше внимания она могла привлечь и обеспечивала исследователю отсутствие внимания к своей персоне.

1. КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 300—331.
2. *Покровский М. Н.* Чем был Ленин для нашей высшей школы // Правда. 1924. 27 янв.
3. Цит. по: *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 154.
4. *Ларин Ю.* Советы и интеллигенция. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М. [б. г.]. С. 83—84.
5. Историк-марксист. 1927. Т. 6. С. 202.
6. *Покровский М. Н.* Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 5, 8.
7. *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 148.
8. *Перченок Ф. Ф.* К истории Академии наук: снова имена и судьбы // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М. ; СПб. : Феникс, 1995. С. 141—210.

[1] Так, С. Н. Валк, Б. А. Романов, Н. М. Дружинин, С. Д. Сказкин ушли в чистое источниковедение. Медеевист И. М. Гревс стал специализироваться по истории города и занимался организацией экскурсий. Краеведение стало тихой гаванью для многих историков, занявшихся изучением истории слобод, улиц, местечек и т. п.

Н. Г. Баранец, А. Б. Верёвкин

Э. Я. КОЛЬМАН — ИДЕОЛОГ В МАТЕМАТИКЕ

В статье описана жизнь и деяния Э. Я. Кольмана — идеолога кампании по диалектизации математики 30—40-х годов в СССР. Представлена негативная роль Э. Я. Кольмана, помогавшего властям освободиться от нелояльных профессоров. Проанализированы его математические работы и концепция философии математики.

Ключевые слова: философия математики, социальная история науки, математическое сообщество в СССР, диалектико-материалистическая концепция математики, историческая память.

N. G. Baranets, A. B. Veryovkin

E. Y. KOLMAN — IDEOLOGIST IN MATHEMATICS

The article describes the life and activity of Ernest Kolman — ideologist of the mathematics dialectization campaign in the 1930—40-s in the USSR. It presents the negative role of Kolman who helped the authorities to get rid of disloyal professors. The paper analyzes his maths works and the concept of the philosophy of mathematics.

Key words: philosophy of mathematics, social history of science, mathematics community in the Soviet Union, dialectical-materialist conception of mathematics, historical memory.

Случайные обстоятельства привели Эрнеста Яромировича Кольмана (1892—1979) в Россию, и в смутные революционные годы он сделал эффектную партийную карьеру [1]. Кольман избежал угрожающих жизни испытаний в периоды репрессий, к раскручиванию которых приложил немало стараний. Похоже, что всю жизнь он стремился социально подняться, занять не своё место и выдавал себя за кого-то другого. В материальном благополучии Кольман дожил до эпохи «застоя», почтенным старцем отрёкся от кормивших его идей и скончался в гостеприимной Швеции, немного не дотянув до 90-летнего юбилея.

Недоучившийся студент[1] стал мучителем многих российских учёных, деловито совмещая

[1] Кольман Эрнест Яромирович родился в Праге в семье почтового чиновника. Короткое время учился на факультете машиностроения и электротехники Высшей политехнической школы и посещал лекции на математическом отделении философского факультета Карлова университета. Подрабатывал репетиторством математики. Увлекался танцами, сионизмом, марксизмом и путешествиями. Работал вычислителем при астрономической обсерватории. В 1914 году был призван в австрийскую армию. В России был ранен и пленён, работал переводчиком при лазарете. После Октября вошёл в Комитет военнопленных революционных социал-демократов-интернационалистов и вёл пропаганду среди военнопленных. В 1918 году получил советский паспорт, вступил в РКП(б), познакомился с Троцким, Бухариным, Землячкой и Лениным. В Москве служил в военкомате и райкоме партии, был членом «тройки» ЧК. С 1919 года работал в Коминтерне в Германии. С 1923 года работал в Агитпропе Коминтерна в Москве, был заведующим Губполитпросвета, издательства «Московский рабочий», членом Моссовета. С 1929 — заведующий Агитпропа ЦК ВКП(б). В 1930—32 гг. возглавлял Московское математическое общество. В 1932 году участвовал в Международном конгрессе математиков в Цюрихе, вошёл в дирекцию Института марксизма-ленинизма, заведовал кабинетом Маркса, стал директором Института красной профессуры естествознания, читал лекции по философским проблемам математики. В 1936 году стал завотделом науки МГК ВКП(б), издал книгу *«Предмет и метод современной математики»*. В 1937 году был репрессирован и лишён всех постов, но уже в 1939 году стал завотделом диамата Института философии АН СССР. Во время войны был на партработе в Москве. В 1944 году передан в Чехословакию в аппарат ЦК КПЧ, стал профессором Карлова университета. В 1948 году был арестован за интриги против руководства КПЧ, возвращён в СССР и содержался в московских тюрьмах. В 1952 году был освобождён и выслан в Ульяновск к семье. Вскоре вернулся в Москву, работал в Институте истории естествознания и техники АН СССР. В 1959 году опять послан в Прагу, стал чехословацким академиком. В 1962 году вернулся в Москву, участвовал в методологическом семинаре ГАИШ, написал не принятую в печать книгу *«Проблема бесконечности»*. В 1968 году сочувствовал антигосударственным выступлениям в Чехословакии. В 1970 году был в чехословацкой делегации X Международного философского конгресса в Амстердаме, начал писать мемуары *«Мы не должны были так жить»*, переправленные на Запад в 1975-м. Во время поездки в Швецию в 1976 году попросил политического убежища, вышел из КПЧ и КПСС. Умер в Стокгольме.

партработу с преподаванием и участием в идеологических кампаниях. В 1930—32 гг. ему выпало возглавлять Московское математическое общество. Он руководил Институтом красной профессуры естествознания с 1932 года до закрытия заведения в 1936 году. В 1934 году Кольман получил степень доктора философских наук, затем звание профессора математики. В 1939 году стал старшим научным сотрудником в Институте философии АН, завотделом диалектического материализма, преподавал логику в московском юридическом институте и в педагогическом институте, вёл математические курсы в Энергетическом институте им. Молотова. Войдя в партийную номенклатуру, Кольман легко менял места работы, не удаляясь от структур, связанных с управлением наукой и образованием.

Было бы несправедливо утверждать, что Кольман не имел математических работ. Одну из них хранит российский ресурс Math-Net.Ru [1]. Статья по элементарной комбинаторной топологии вышла в престижном журнале Московского математического общества. В ней нет библиографических ссылок, что в тот период было нормально. Упоминаний её в иных статьях обнаружить не удалось. Для неспециалиста в узкой теме исследования это усложняет оценку её полезности. Первый параграф отдан определениям, но сформулированы они нематематически расплывчато, иллюстрации отсутствуют. Поэтому неясна постановка задачи, трудно оценить степень достоверности её решения. Кольман упоминает, что применяемый им метод использовался Листингом[1]. Возможно, точные определения есть в одной из его неназванных работ, но этот вопрос заслуживает отдельного изучения. Вторую математическую работу Кольмана понять легче, тем более что в ней отсутствуют какие-либо формулы и теоремы [2]. Статья представлена к публикации академиком Лысенко и направлена на опровержение известной работы [3] академика А. Н. Колмогорова[2]. Для скорого достижения цели Кольман с ходу заявляет, что Колмогоров *«в значительной мере следует выводам Мизеса»*. Затем он приводит ряд выдержек, которых *«более чем достаточно, чтобы убедиться в том, что Мизес — махист «чистой линии» и что высказываемые им взгляды на отношение теории к действительности слово в слово совпадают с теми, которые разгромил Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Следовать методологическим взглядам Мизеса не только в значительной, но и в какой бы то ни было мере никому рекомендовать нельзя».*

Отметим, что в работе Колмогорова Рихард Мизес не упоминается. В этом не было необходимости. Колмогоров имел достаточную базу собственных разработок по теории вероятностей, чтобы заимствовать их у немецкого учёного, так и не завершившего свои статистические и вероятностные исследования. Кольман ввёл Мизеса вспомогательной фигурой, позволившей перевести обсуждение от вопросов статистических или биологических, в которых Кольман не разбирался, к истолкованиям мнений Ленина и Энгельса по надуманным поводам, в чём Кольман считал себя мастером. Этот приём из набора картёжных шулеров характеризует методологические принципы научной дискуссии многих «материалистов-диалектиков». Далее Кольман развивает свою гипотезу об идейной подчинённости Колмогорова махисту Мизесу: *«Вполне понятно, что тот, кто вместе с Мизесом полагает, будто теория вероятностей есть теория, проверяемая только законами мышления, кто считает, что научная теория играет по отношению к действительности (называемой махистами миром «опыта») роль одного лишь описания, не в состоянии правильно поставить, а тем более решить вопрос*

---

[1] Листинг Иоганн Бенедикт (1808—1882) — немецкий математик и физик, геттингенский профессор с 1847 года. Заложил начала топологии и первым употребил этот термин.

[2] Колмогоров Андрей Николаевич (1903—1987) — выдающийся советский математик, академик, один из лидеров Московской математической школы. В 1922 году построил ряд Фурье, расходящийся почти всюду. Эта работа принесла ему мировую известность. Первые публикации Колмогорова были посвящены проблемам дескриптивной и метрической теории функций. Не принадлежа ни одному из направлений, участвовал в дискуссиях между формально-аксиоматическим течением Гильберта и интуиционистским Брауэра и Вейля. В 1925 году доказал, что классическая логика погружается в интуиционистскую, и поэтому интуиционизм наследует все возможные противоречия формализма и в этом отношении не имеет никаких преимуществ. Внёс существенный вклад в теорию функций, теорию вероятностей, теорию стационарных случайных процессов, теорию гамильтоновых систем и другие области математики. Построил свою версию аксиоматического обоснования теории вероятностей (1933). В 1930 году стал профессором МГУ, в 1933—39 гг. был ректором Института математики и механики МГУ, многие годы руководил кафедрой теории вероятностей и лабораторией статистических методов. В 1935 году получил степень доктора физико-математических наук, в 1939 году был избран членом АН СССР. В 1941 году Колмогорову и Хинчину за работы по теории вероятностей была присуждена Государственная (Сталинская) премия. Был президентом Московского математического общества (1964—1966, 1973—1985).

о границах применимости теории вероятностей, о границах её познавательного значения для отдельной науки, например, для биологии».

Мнимое разоблачение ошибки Колмогорова вскоре завершается: *«Таким образом, резюмируя, необходимо ещё раз подчеркнуть, что поскольку менделевские законы являются законами биологическими, никакое статистико-математическое доказательство (или опровержение) дать им невозможно. Доказать или опровергнуть закон Менделя как биологическую универсальную закономерность можно только на почве самой биологии, не отбрасывая громадный накопленный цитологический, гистологический, биохимический материал, материал по механике развития и т. д., а критически перерабатывая его, не боясь затронуть самые основы генетики, если этого требуют упрямые факты. Извлечённый из определенной группы случаев наследования менделевский закон расщепления признаков является лишь статистическим правилом, а не универсальным биологическим законом, причем правилом, получение которого существенным образом может зависеть от выбранной нами классификации рассматриваемых признаков. Наконец, нельзя забывать, что статистика в применении к биологии должна занимать лишь подчинённое место. Как этому учит Энгельс и Ленин, чем выше изучаемая форма движения, тем труднее применение к ней математического метода, тем менее эффективным для познания действительности он оказывается. Пытаться по всем этим причинам статистико-математически подтверждать или опровергать менделевские законы явно безнадежно».*

Мнимый ревнитель пролетарской истины Кольман специализировался в огульных нападках на известных учёных. Он регулярно запускал обвинительные статьи в партийные газеты и журналы. Так, в статье с доносным заголовком *«Вредительство в науке»* он зацепил О. Ю. Шмидта[1]: *«Математической мистификации науки вредителями значительную услугу оказывают появляющиеся порою из наших собственных рядов попытки ненаучного, антимарксистского применения математического метода. Так, например, пытаются всерьёз вывести закон развития производительных сил САСШ тем, что отождествляют производительные силы с техникой, мерилом прогресса которой принимают количество запатентованных изобретений, на основании чего математически выводят зависимость между «техникой» и временем, выводят законы движения индекса цен, зарплаты, нормы прибыли и т. д. Такие грубо-эмпирические упражнения, затрагивающие лишь поверхность явлений, действуют ободряюще на тех, кто «математизирует» науку с вредительской целью. Ведь каждая наша ошибка с жадностью подхватывается классовым врагом. Так, например, Н. В. Игнатьев спешит зафиксировать трогательное единство мысли главы буржуазной американской политико-экономической школы и учёного-коммуниста, не упуская в то же время случая выразить глубокую благодарность Кондратьеву, как редактору сборника, содержащего игнатьевскую статью со следующей тирадой «Количественная теория денег, находившая подтверждение и в эмпирических данных (назову здесь хотя бы работу проф. Фишера, а у нас работу О. Шмидта для периода эмиссионного хозяйства), вызывает простотой своих формулировок большой соблазн к статистической моей проверке»* [4].

---

[1] Шмидт Отто Юльевич (1891—1956) — выдающийся учёный и организатор советской науки. Окончил физмат Киевского университета в 1916 году и был оставлен работать приват-доцентом. Студентом под руководством Д. А. Граве написал первые математические работы в области абстрактной теории групп. За одну из них получил золотую медаль. В 1918 стал большевиком и активно участвовал в строительстве социалистического государства. Входил в руководство Народных Комиссариатов продовольствия, финансов, просвещения, в 1921—24 гг. возглавлял Государственное издательство, организовал первое издание Большой Советской Энциклопедии (1926—47), в 1927—30 гг. входил в Президиум Госплана. Был профессором Московского лесотехнического института (1920—1923), затем Московского университета (1923—1951), где в 1929 году организовал на мехмате кафедру Высшей алгебры, которой руководил до 1949 года. Был основателем московской алгебраической школы, автором новой космогонической гипотезы об образовании Земли и планет Солнечной системы. В 1924—30 гг. преподавал в Коммунистической академии. Участвовал в географических исследованиях, принесших ему всемирную известность и, возможно, защитивших в репрессиях 1930-х: в 1927 году ходил в Памирскую экспедицию; в 1929, 1930, 1932, 1933, 1936 гг. возглавлял арктические экспедиции. В 1930 году был назначен директором Арктического института, в 1932 году стал начальником Главсевморпути. В 1933 году был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1935 — академиком, в 1939—42 был вице-президентом Академии наук. В 1937—49 гг. возглавлял Институт теоретической геофизики. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1937 года за руководство организацией дрейфующей станции «Северный полюс-1» О. Ю. Шмидту было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина, а после учреждения знака особого отличия ему была вручена медаль «Золотая Звезда». Правительство СССР наградило его тремя орденами Ленина (1932, 1937, 1953), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1936, 1945), орденом Красной Звезды (1934) и медалями.

Кольман громил старых профессоров и косвенно Н. Н. Лузина[1], которого обвинял в незнании диалектики и не только. Темой его выступлений была «аполитичность» Шмидта и «вредительство» Егорова[2]. Дадим ещё один пример риторики Кольмана. Напомним, что это был 1931 год — шёл первый вал сталинских репрессий и «чисток» государственных учреждений: *«Подмена большевистской политики в науке, подмена борьбы за партийность науки либерализмом тем более преступна, что носителями реакционных теорий являются маститые профессора, как махист Френкель в физике, виталист Гуревич и Берг в биологии, что Савич в психологии, Кольцов в евгенике, Вернадский в геологии, Егоров и Богомолов в математике «выводят» каждый из своей науки реакционнейшие социальные теории. Разве нехарактерно — если взять лишь события последнего месяца — что признанного вождя реакционной московской математической школы, ещё в прошлом году директора математического института, состоявшего церковным старостой, но не желавшего быть членом профсоюза, проф. Егорова московское математическое общество упорно не желало исключить из своего состава. Когда же Егоров заявил, что «не что-либо другое, а навязывание стандартного мировоззрения учёным, является подлинным вредительством», докладчик-коммунист не только сам не дал отпора, но в заключительном слове отвёл предложение сделать из выступления Егорова организационные выводы, объяснив всё «недоразумением». Такова политика некоторых коммунистов, проводимая ими в реакционнейшей профессорской среде, в среде хранителей традиций Цингера, Бугаева, Некрасова, разрабатывавших теорию вероятностей, науку о числе и анализ для доказательства незыблемости «православия, самодержавия, народности», для подкрепления философии Лопатина в среде тех людей, которые вполне последовательно на недавнем съезде отказывались послать приветствие XVI съезду»* [5].

В 1936 году Кольман опубликовал объёмную работу *«Предмет и метод современной математики»* [6], желая дать в ней канон математики и её истории. Книга должна была стать основой понимания философии математики. Ведь автор опирался на сочинение Энгельса *«Диалектика природы»*, впервые опубликованное в 1929 году, и на *«Математические рукописи»* Маркса, обнаруженные Кольманом в сейфе Рязанова, чьё место заведующего кабинетом Маркса он занял в ИМЭЛ. Кольман ознакомился с записками Маркса ещё до их подготовки к публикации группой историков математики под руководством Яновской. В своей книге Кольман синтезировал материалы читанных им в Московском университете курсов по историческим и философским проблемам математики. Историю дисциплины он изложил широко, но без продуманной системы. В столь же хаотическом изложении математических идей и понятий содержались серьёзные ошибки, отчасти отмеченные в рецензии известных математиков А. О. Гельфонда и Л. Г. Шнирельмана. Члены-корреспонденты Академии наук дали на сочинение Кольмана безжалостное заключение: *«в книге неверно передан ряд важнейших вещей из самых различных отделов математики. Трудно указать такую область математики, которая была бы корректно освещена в разбираемой книге. Общие рассуждения о математике в целом отличаются туманностью и не дают ничего ни уму, ни сердцу»* [7].

Однако в замысел книги легла самостоятельная методологическая идея — представить историю математики в развитии её абстракций (числа и фигуры, переменных алгебры и анализа, их операций и функций). Книга начинается с определения математики, претендующего стать стандартом для советской науки: *«Определение Энгельса гласит, что математика — это наука, имеющая своим предметом пространственные формы и количественные отношения действительного мира. Из этого определения ясно, что математика не может считаться только наукой о природе или только наукой общественной, ибо пространственные формы и количественные отношения присущи как естественным, так и общественным процессам»* [8].

Последняя глава книги Кольмана наиболее идеологизирована. Она посвящена кризису оснований математики и описанию основных философских программ математики — логицизма, формализма, конвенционализма, интуициониз-

---

[1] Лузин Николай Николаевич (1883—1950) — советский математик, доктор физико-математических наук (1916), профессор (1916), академик АН СССР (1929). В 1916—1920 гг. вместе с учениками М. Я. Суслиным и П. С. Александровым создал новое направление в математике — дескриптивную теорию функций.

[2] Егоров Дмитрий Фёдорович (1869—1931) — один из лидеров московской математической школы. Доктор чистой математики (1901), профессор (1903), почётный член АН СССР (1929), президент Московского математического общества (1923—1931). Занимался дифференциальной геометрией, теорией интегральных уравнений, вариационным исчислением.

ма, эмпиризма, эффективизма, отнесённых к идеализму и противостоящих истинно верной философии диалектического материализма. Суть философских направлений математики Кольман изложил умело, мастерски подкрепив избранные идеи цитатами из сочинений основоположников течений, показывая своё понимание сложности проблем. Оценки Кольмана демонстративно пристрастны и критичны. Так, одобрив Пуанкаре за его критику логицизма и формализма, Кольман обнаруживает у него *«двойное нутро философии конвенционализма»*. Кольман осудил Пуанкаре за мнение о двух неразделимых источниках аксиом — обобщённом опыте и первичных понятиях, принятых научным сообществом и влияющих на истолкование опытов. Кольман порицает все определения математики, кроме одного энгельсова, объявляя поверхностными мыслителями всех математиков, их придерживающихся: *«Определение Пуанкаре математики как «искусства давать одно и то же имя различным вещам», как две капли воды, похоже на определение Рассела, согласно которому «математика — это совокупность выводов, могущих быть применёнными к чему бы то ни было». Именно благодаря этому своему философскому оппортунизму конвенционализм, «философия удобства», оказался наиболее «удобным» для многочисленного слоя математиков, знакомых с философией лишь крайне поверхностно, именно поэтому он стал наиболее популярным течением современной философии математики, даже до сих пор оказывающим коекакое влияние на образ мышления некоторых из советских математиков»* [9].

Он настойчиво преследовал ярких математиков, в особенности Лузина: *«Известно, что так называемая «Московская математическая школа» — Цингер, Бугаев, Некрасов — проповедовала, будто «арифмология» (теория чисел и непрерывных функций) обосновывает индивидуализм, анализ с его непрерывностью направлен против революционных идей, теория вероятностей подтверждает беспричинность явлений и свободу воли, а вся математика в целом находится в соответствии с принципами философии Лопатина — православием, самодержавием, народностью. Этот черносотенный образ мыслей был полностью донесён до наших дней одним из «столпов» этой школы Лузиным, который придал ему более «современную» фашистскую окраску. Вместе с тем Лузин «исправил» эту идеологию в деталях, заменив открытую проповедь православия более тонким дурманом — субъективным идеализмом и солипсизмом»* [10].

Пропагандируемая Кольманом диалектизация математики осталась нереализованным сервильным проектом: *«С точки зрения марксизма-ленинизма обоснование математики не сводится к замене логической, формалистической, интуиционистской и тому подобных систем аксиом, определений и т. д. какой-то другой диалектико-материалистической системой. Оно не сводится также к несравненно более сложному труду — к построению марксистской истории математики. Оно означает вместе с тем переделку всей математики, регулирование её развития на плановых началах, исходящих из теоретического осмысления практики строительства социализма. Усвоение, критический пересмотр и коренная переработка достижений буржуазной науки — эта задача, поставленная для нашей эпохи Лениным и Сталиным, целиком относится и к математике»* [11].

***

Отечественное математическое сообщество почти отправило в пучину забвения персону Э. Я. Кольмана и стёрло следы его дел. Это проявление защитного механизма вытеснения «неприятного» воспоминания о трагическом периоде жизни советских математиков. Но в исторической памяти должны оставаться не только «герои», но и «антигерои», чей пример становится предостережением для новых поколений учёных.

1. *Кольман Э.* О разбиении круга // Математический сб. 1937. Т. 2(44). Вып. 1. С. 65—77.
2. *Кольман Э.* Возможно ли статистико-математически доказать или опровергнуть менделизм? // Докл. Акад. наук СССР. 1940. Т. 28. Вып. 9. С. 836—840.
3. *Колмогоров А. Н.* Об одном новом подтверждении законов Менделя // Докл. Акад. наук СССР. 1940. Т. 27. Вып. 1. С. 38—42.
4. *Кольман Э.* Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 2. С. 76—77.
5. Там же. С. 78—79.
6. *Кольман Э.* Предмет и метод современной математики. М. : ГСЭИ, 1936. 316 с.
7. *Гельфонд А. О., Шнирельман Л. Г.* Э. Кольман, «Предмет и метод современной математики» // Успехи математических наук. 1938. № 4. С. 336.
8. *Кольман Э.* Предмет и метод современной математики. М. : ГСЭИ, 1936. С. 10.
9. Там же. С. 274.
10. Там же. С. 290.
11. Там же. С. 302.

И. В. Волгин, А. В. Мартыненко

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОК-КУЛЬТУРЫ

В статье исследуются социокультурные, эстетические и мировоззренческие проблемы развития, а также сущностные и актуальные социальные противоречия современной рок-культуры.

Ключевые слова: рок-культура, рок-музыка, молодежные субкультуры, контркультура.

I. V. Volgin, A. V. Martynenko

PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND THE CONTRADICTIONS OF MODERN ROCK CULTURE

This article refers to the social, cultural, aesthetic and philosophical problems of development, as well as essential and urgent social contradictions of modern rock culture.

Key words: rock culture, rock music, youth subculture, counterculture.

В данный момент в культурологии не существует единого толкования понятия «рок-культура». Под ним принято понимать совокупность таких взаимодействующих элементов, как рок-музыка и контркультурные молодежные движения. Рок-культура зародилась в середине XX века и сегодня структурно состоит из множества субкультур, музыкальных жанров, стилей и направлений, которые имеют четкую тенденцию к дальнейшей дифференциации и интеграции.

Феномен рок-культуры в настоящее время весьма мало изучен, несмотря на появление многочисленных трудов различных исследователей и журналистов о рок-культуре и рок-музыке. В основном исследуются отдельные частные проявления рок-культуры. При этом до сих пор нет ни одного целостного культурологического исследования, которое систематизировало бы все аспекты этого многообразного и противоречивого явления современной культуры.

Изучение рок-культуры началось еще в 1960-х годах на Западе с движения «Popular Music Studies», которое ограничивалось анализом поэзии крупных рок-поэтов, таких как Боб Дилан или Пол Саймон. В конце 1970-х британские социологи заинтересовались роком как стилем жизни [1]. Кроме того, появились так называемые «рок-журналисты», которые писали исключительно о рок-культуре и рок-музыке. Однако многие из них сами принадлежали к какой-либо субкультуре, что мешало им объективно оценивать ситуацию в целом, и большинство из них не имело научного опыта работы, что не позволило им выработать единого научного подхода к изучению вопроса.

Исследователь из Осло Ингвар Штайнхольт, автор книги «Рок в резервации», писал по этому поводу следующее: «Идеально было бы, если бы возник какой-то академический жанр, который мог бы все эти проблемы анализировать и решать. Пока, к сожалению, после того, как крупные музыковеды (такие как профессор Филипп Тагг) пытались найти методы для анализа популярной музыки, социологи продолжали быть социологами, а те, кто интересовался текстом, продолжает интересоваться текстами и проблемами рок-поэзии. Комплексное, мультидисциплинарное роковедение только-только становится на ноги» [2].

В современном состоянии рок-культура приобрела всеобъемлющий характер мирового явления, продолжая развиваться в русле противостояния масскульту. По всему миру проходят тысячи рок-фестивалей. Исполнители рок-музыки часто появляются на ведущих телеканалах разных стран и приглашаются в качестве гостей на радиостанции. Выпускаются многочисленные рок-журналы, в которых повествуется о последних новостях в области рок-культуры. Активные музыкальные эксперименты способствуют возникновению новых стилей и направлений, как уникальных, так и пограничных с другими жанрами и стилями современной музыки.

Несмотря на растущую популярность рок-музыки, нельзя не заметить проблемы развития

рок-культуры, порожденные внутренними противоречиями еще на заре ее существования. Эти проблемы можно условно разделить на три взаимосвязанных типа: социокультурные, мировоззренческие и эстетические.

В ряду социокультурных проблем выделяются следующие: проблема отношений доминирующей культуры и рок-культуры; проблема деградации рок-сообщества (алкоголизм, наркомания); проблема идеологических столкновений между представителями рок-культуры.

Проблема отношений доминирующей культуры и рок-культуры имеет исторические корни. Рок-культура зарождалась и изначально развивалась на контркультурных основаниях — через яростное противостояние с доминирующей культурой в лице «истеблишмента», к которому относились прежде всего обустроенная благополучная жизнь массового человека и лицемерие политики. Сегодня элемент противостояния сгладился: если раньше в текстах и поведении рокеров присутствовали прямые выступления «против войны», против отупляющего влияния масскульта, за свободу мысли и свободного выбора образа жизни, то теперь эти черты завуалированы своеобразным эскапизмом в мистику, фантастику, наркотическую «нирвану». Элемент «мы против них» остался, но в нем все чаще отсутствуют смысловая глубина и социальная конкретность. Масштабное противостояние «системе» сегодня выродилось в основном в противостояние поп-индустрии, которая для рокеров и олицетворяет эту ненавистную «систему». В творчестве рок-музыкантов можно часто встретить тексты, изобличающие поп-индустрию. Так, например, в России можно назвать трех исполнителей, затронувших в своем творчестве данную тему, — «ДДТ» («Попса»), «Психея» («Про рэп») и Jane Air («Суперзвезда»). При этом в борьбе со своим непримиримым врагом «попсой» в рок-культуре наметилось два пути: 1) открытое столкновение с поп-индустрией; 2) независимое развитие рок-культуры через творческий поиск — появление новых жанров, стилей, нового звучания, новой альтернативной тематики текстов.

В качестве одной из важных современных идеологических проблем рок-культуры стоит отметить проблему псевдоидеалов. В современном рок-сообществе стали появляться своеобразные «лидеры» — люди старшего поколения (от 25 лет), проникающие в молодежные субкультуры при отсутствии адекватной социокультурной самореализации, присущей своей возрастной среде. Эти люди начинают навязывать своеобразные правила жизни внутри субкультуры. В последнее время на просторах Интернета можно встретить множество различных манифестов, уставов и прочих «монументальных» текстов, принадлежащих якобы к какой-либо субкультуре. Чаще всего они написаны подобными псевдолидерами, которые завоевали свои позиции исключительно по праву «старших» адептов. Обычно их называют «олдырями» от английского слова «old» или «динозаврами». Таким образом, имея некое мнимое превосходство, эти самые «динозавры» имеют влияние на более молодое поколение «тусовки». Подобный контингент фальшивых «гуру» создает атмосферу неадекватного толкования обществом всей субкультуры. В частности, можно привести в пример многочисленные националистически настроенные группы, скрывающиеся под названиями скинхедов, металлистов, а также антирелигиозные явления, маскирующиеся под именем «тру»-готов, имеющих при этом мало отношения к названным субкультурам.

Фетишизация свободы от любых социокультурных ограничений привела к проблеме деградации рок-культуры. Свобода превратилась в своеобразный идол, утративший конкретные критерии, формы и определения. Рок-культура оказалась в кабале у постоянного поиска новых границ свободы. Отсюда — алкоголизм, наркомания и беспорядочные сексуальные отношения, ставшие образом жизни и замкнутым кругом.

Основополагающей мировоззренческой проблемой развития рок-культуры является проблема ее популяризации, которая стала актуальной еще в 1970—80-х годах. Уже тогда началось размежевание рок-сообщества на два фронта — сохранение позиций андеграунда и жажда славы и мирового признания. Второе породило явление псевдорока, который заполонил мировую сцену своей продукцией — по форме «роковой», а в сущности «попсовой».

«...Даже самых до самых упертых рано или поздно доходит, что их любимый «р-р-рок» давным-давно интегрирован в любую из существующих в мире политических систем (кроме разве что исламской, да и в ней уже намечаются сдвиги). Мысль эта невыносима. Но враг необходим — иначе за чью погибель будет вздыматься к небу пластиковый стакан?» [3]. Данная цитата говорит о том, что сегодня противостояние поп-индустрии является скорее неким надуманным принципом самоидентификации рок-культуры, нежели реальной проблемой. Часто представители рок-среды презрительно именуют «попсой» не только примитивную музыку масскульта, но и

все то, что не является рок-музыкой. Иными словами, представители рок-культуры не всегда видят разницу между позитивными явлениями поп-культуры и негативными ее проявлениями, а также узколобо не хотят замечать разницу между поп-музыкой и другими жанрами, не относящимися ни к рок-музыке, ни к поп.

Кроме того, рост популярности творчества отдельных рок-групп позволяет им стать замеченными именитыми лейблами звукозаписи, которые предлагают группам сотрудничество и готовы поднимать их популярность до мировых масштабов. Но для рокомана это будет проявлением «продажности» любимой группы. Рок-музыка является для большинства ее поклонников чем-то элитарным и направленным на очень узкий круг людей. Когда группа попадает на популярные каналы, печатается в популярных СМИ, издается на известных лейблах — она автоматически большинством фанатов переводится в разряд «попсы».

При этом современная рок-музыка в процессе популяризации стала настолько синтетическим продуктом искусства, что в нее могут входить не только жанры и направления рока и металла, но и совершенно иные направления — рэп, электронная музыка, фольклор.

Чрезмерная популяризация привела к размыванию границ рок-музыки. С начала 1990-х годов по всему миру стали появляться группы, которые стремились к более легкому звучанию и упрощению смысловой нагрузки текстов. Особенно ярко это проявилось в России в виде феномена под названием «русский рок». Подобные группы стали быстро набирать популярность среди различных слоев российского общества, в частности благодаря кинематографу (так, например, благодаря фильмам Сергея Бодрова-младшего «Брат», «Брат 2», «Сестры», в которых в качестве саундтреков были использованы песни групп «Би-2», «Агата Кристи», «Наутилус Помпилиус», «Лакмус», «ДДТ» и других). В Европе и США в это же время формируются такие стили, как рэп-кор, брит-поп, поп-метал, дэнс-метал и прочие производные. В целом ярко выраженных негативных последствий данное явление не дало, но некоторые известные лейблы и продюсеры решили воспользоваться этим и создать своего рода псевдостиль в рок-музыке. По всему миру стали появляться группы, которые позиционируют себя как рок-группа, но на деле таковой не являются: они выглядят и ведут себя как рок-музыканты, но музыка либо тесно граничит, либо является тем, что трурокеры именуют «попсой».

Один из таких продуктов — группа «Ранетки», созданная продюсером Сергеем Мельниченко, который до этого работал с Бари Алибасовым в качестве звукорежиссера. Данный проект был выставлен на всеобщий показ как рок-группа, хотя на самом деле они исполняли самый обыкновенный поп. Подобные группы стали появляться по всему миру, собирая вокруг себя миллионы поклонников, прививая им псевдопредставления о рок-культуре.

Фронт музыкантов, который решил функционировать в границах андеграунда, стал развиваться во многих музыкальных направлениях. Но при этом он также испытывает неизбежное влияние популяризации. В сфере тяжелой музыки появилась мода на так называемый «джент». Родоначальником этого стиля можно считать группу Meshuggah. Спустя некоторое время после того, как группа набрала популярность среди поклонников тяжелых жанров, стали появляться группы, подражающие Meshuggah. Со временем появилось название стиля — «джент». Этот стиль сохранил тяжелое звучание и развивает высокую технику исполнения. Целостной субкультуры из этого стиля не получилось. Джент не стремится выйти на мировую арену наряду с другими жанрами. Музыканты чувствуют себя вполне комфортно, пребывая популярными в узких кругах.

Наряду с джентом большую популярность набирают такие стили, как экспериментальный метал, пост-метал, прогрессив-метал. Каждый из этих стилей можно назвать своего рода экспериментом в области тяжелой музыки. Экспериментальный метал может соединять в себе различные жанры и направления, от рэпа и электроники до классики и экстремальных стилей метала. Пост-метал стал логичным продолжением пост-рока, который стал набирать популярность в середине 1990-х годов. Пост-метал всего лишь утяжелил свое звучание, сохранив все традиции пост-рока. Прогрессив-метал стал своего рода альтернативой в тяжелой музыке. Если альтернативный метал и рок давали нечто новое своему слушателю, то «прогрессив» стал связующим звеном между разными стилями, придавая всему этому определенное звучание и исполнение.

Идейное размежевание между приверженцами сближения с популярной музыкой и непримиримым андеграундом ныне приобрело форму некоего эстетического поединка, в ходе которого рождаются новые стили и направления в рок-музыке.

На смену агрессии в музыке пришло осознание необходимости развития музыкального

исполнения и расширения тематики текстов. На этом фоне стали развиваться менее агрессивные жанры, нежели панк, хардкор, тяжелый метал и их производные. Альтернативная музыка обратилась к жизни на улицах рядовых городов, приходя на помощь тем, кто остался вне как рок-культуры, так и популярной музыки. Пост-рок и пост-метал «вспомнили» о вечности и красоте природы, забытой и заслоненной потребительством и техническим прогрессом.

Одной из эстетических проблем восприятия рок-культуры обществом остается эстетика рок-зрелища и поведение представителей рок-сообщества, в частности на концертах и на сцене.

Сегодня концерты тяжелой музыки, как правило, сопровождаются слэмом. Слэм — хаотичные действия публики на музыкальных концертах, при которых люди толкаются и врезаются друг в друга. Обычно слэм возникает на концертах альтернативы и панк-исполнителей. Самые активные действия происходят в образованном толпой круге перед сценой (так называемый «Сёркл пит»).

Хотя слэм воспринимается как положительная реакция аудитории на музыку, он опасен для участников. Считается, что участвующие не стремятся причинить вред друг другу и соблюдают так называемую этику слэма, которая включает в себя определённые правила безопасности. Например, если человек падает, другие участники как можно скорее помогают ему подняться, чтобы его не затоптали. Однако в клубах и на площадках, где проходят концерты, работает охранный персонал, который воспринимает подобные явления как нарушение порядка. Такое отношение часто приводит к столкновениям между участниками рок-концертов и охраной. Часто в таких потасовках участвуют и музыканты, вставая на защиту своих поклонников. Ярким примером может служить концерт группы «Алиса» в Москве в 1993 году. Тогда в слэме принимало участие более 20 тысяч человек. Вооруженная охрана и правоохранительные органы, находящиеся на фестивале, приняли это за массовые беспорядки и принялись унимать толпу агрессивными методами, сопровождая некоторых участников в милицейские участки. Лидер группы «Алиса» Константин Кинчев остановил выступление своей группы и пытался со сцены утихомирить охрану и правоохранительные органы, чтобы те не применяли никаких действий против участников слэма. Но его слова не были услышаны агрессорами, и «Алисе» ничего не оставалось, кроме как покинуть сцену, показав тем самым свое негативное отношение к организаторам фестиваля и действиям охранников правопорядка. Константин Кинчев и другие участники группы «Алиса» не стали применять силу в данном конфликте, в отличие от группы из Санкт-Петербурга «Психея». Группа дважды прославилась своими столкновениями с охраной и правоохранительными органами на концертах.

В мировоззренческом отношении важной проблемой развития рок-культуры являются ее противоречивые отношения с религией. Представители мировых религий, как правило, относятся к любым проявлениям рок-культуры весьма негативно. И тому имеются веские причины. Так, католическая церковь яростно относится к тяжелой музыке в Норвегии, которая славится своим тяготением к мрачным темам сатанизма, оккультизма и прямых оскорблений церкви. Поклонники неоязычества, сатанизма и прочих радикальных субкультур, входящих в состав рок-культуры, часто совершали и продолжают совершать агрессивные и противозаконные действия по отношению к церкви. В частности, «...участники и фанаты норвежской блэк-метал-сцены взяли на себя ответственность за побуждение к вандальным действиям над надгробиями и совершение более 50 поджогов христианских церквей в период 1992—96 гг. Многим зданиям было несколько сотен лет, и они считались важными историко-культурными памятниками. Одним из первых и наиболее заметных был поджог церкви Fantoft, которая была уничтожена, по мнению полиции, лидером BURZUM Варгом Викернесом. Последний был признан виновным в совершении поджогов часовни Holmenkollen, церкви Skjold и церкви Åsane» [4].

Не только католическая церковь выражает свой протест в адрес рок-культуры. Православная церковь также дает понять свое резко негативное отношение к року. Ярче всего это отношение проявилось в статье протоиерея Владимира Боброва «Рок-музыка на службе у Сатаны».

При этом рок-культура породила неожиданное для себя явление христианского рока — разновидности рок-музыки, посвящённой теме христианства. Группы христианского рока исполняют песни о Боге, вере и душе и обычно состоят из христиан. Христианский рок выделяется исключительно по текстам, он не имеет особых музыкальных характеристик и может исполняться на самые различные по технике стили рок-музыки. Выделяют христианский классический рок, христианский метал (уайт-метал), христианский хардкор.

Среди известных современных христианских рок-групп — Skillet, Creed, P.O.D., Pillar, Delirious, Sixpence None the Richer, Crash Test Dummies, 12 Stones, Red, The Letter Black и др.

В России и СССР христианская рок-сцена стала развиваться со времен перестройки не менее чем в США и Британии. Начали появляться группы, чья лирика основана на православном христианстве. К таким относится, например, группа «Чёрный Кофе», «Галактическая Федерация» и позднее творчество рок-групп «Алиса» и «Калинов Мост». Диакон Андрей Кураев известен поддержкой православного христианского рока.

Любопытно, что даже в мусульманских странах, где рок-музыка традиционно считается запретной темой даже для разговора, стали появляться мусульманские рок-группы, поющие на тему мусульманства, используя этнические мотивы и инструменты в своем творчестве. Писатель Майкл Мухаммад Найт (Michael Muhammad Knight) в своем романе о мусульманском доме панков в Баффало, штат Нью-Йорк, ввел в обращение новое понятие — «taqwacore» (таквакор). Это понятие определяет мусульманский рок и субкультуру, которая зародилась на почве этой музыки. Мусульманский рок стал развиваться в стиле панка. Группы, играющие в этом стиле сегодня: The Kominas, Starmust, Sangre de Abaho, The Hell. Мусульманский рок объединяет множество стран между собой одной культурой и одной музыкой — от Азии до южноамериканских стран. Подобные явления расширяют границы восприятия рок-культуры и стирают рамки творчества для музыкантов.

В целом в музыкальном плане рок-музыка становится все более профессиональной и сложной с точки зрения эстетического восприятия. Исполнительское мастерство можно сравнивать с академическим мастерством, поэзия выросла в особый жанр — рок-поэзия. Это дает не только качественное звучание и исполнение, но и более широкий простор для творческого поиска, для создания новых форм, стилей и направлений.

Таким образом, рок-культура сегодня имеет ряд социокультурных, эстетических и мировоззренческих проблем, одни из которых остаются фундаментальными для понимания сущности самой рок-культуры, другие порождены общественными стереотипами и со временем так или иначе разрешаются через взаимодействие рок-культуры с доминирующей культурой. В любом случае рок-культура доказала способность активно развиваться при сохранении своей противоречивой сущности полноценного явления культуры.

1. *Кан А.* Роковедение? Есть такая наука! URL: http://www.bbc.co.uk/russian/society/2011/05/110519_rock_music_science.shtml (дата обращения: 25.05.2012).
2. Роковедение. URL: http://bardclub.net/rokovedenie-est-takaya-nauka (дата обращения: 25.05.2012).
3. Борцам с «попсой» посвящается... Vol. 2 // Dark City. 2010. № 56. С. 46.
4. Поджог церкви в Норвегии может иметь продолжение. URL: http://www.darkside.ru/news/18241 (дата обращения: 15.05.2012).

И. Д. Митина, А. В. Мартыненко, Т. С. Митина

ТИПОЛОГИЯ И ФОРМЫ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ФОНДА ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена принципам и специфике разработки творческих заданий в рамках культурологического образования. Представлены разнообразные типы и формы творческих заданий по теории и истории культуры и искусства.

Ключевые слова: культура, искусство, культурология, образование.

I. D. Mitina, A. V. Martynenko, T. S. Mitina

TYPOLOGY AND FORMS OF CREATIVE TASKS OF ASSESSMENT TOOLS FUND IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRENDS

The article is devoted to the principles and the specifics of the development of creative tasks in the framework of cultural education. It presents a variety of types and forms of creative tasks on the theory and history of culture and art.

Key words: culture, art, culturology, education.

Культура и искусство представлены в системе современного образования рядом специальных художественных дисциплин, изучающих аспекты изобразительного искусства, музыки, литературы, а в рамках интегрированного аспекта представлены курсы мировой художественной культуры, культурологии.

Культурологический образовательный цикл основывается на междисциплинарных связях, интегрированном знании. Задачами культурологического образования являются:

— формирование культурологического мышления;

— установление исторической связи между художественными стилями и направлениями, тенденциями различных эпох;

— побуждение интереса к самостоятельному изучению предметов культурологического цикла;

— воспитание бережного отношения к памятникам культуры, понимание того, что красота, добро, человечность, уважение к культуре других народов могут помочь людям в современном противоречивом мире.

Цель предметов культурологического цикла — сделать доступным для каждого человека общие духовные ценности, открыть перед ним мир культуры и искусства. Формирование эстетического вкуса, способностей к художественному творчеству — одни из составляющих компонентов культурологического образования.

Основные элементы данного культурологического фундамента образования основываются на формировании умений, связанных с осознанием, восприятием, интерпретацией и воплощением пережитого от соприкосновения с искусством в художественном самовыражении и творчестве. Это прежде всего проявляется в эмоциональном, нравственном, личностном плане. Увлеченность миром искусства может проявиться в художественных способностях.

На современном этапе развития образования все больший акцент делается не на знания — умения — навыки, а на формирование социально значимых компетентностей, воспитание способности ориентироваться в море информации и принимать ответственные самостоятельные решения. При этом приоритетным оказывается воспитание личностных качеств, к числу которых относятся адекватная самооценка, способность работать в коллективе, творческие начала — истинные проявления культуры [1, 8].

Творческие задания по теории и истории культуры призваны выявить умение самостоятельно мыслить, способность осознавать социальную значимость культурных ценностей, решать творческие задачи.

Учитывая мировоззренческий характер заданий культурологического профиля, рекомендуется использовать как традиционную тестовую систему проверки, так и творческие коллектив-

ные виды деятельности, рассчитанные на расширение кругозора и активное участие учащихся в современном культурном процессе [8, 7, 1].

На этапе высшего образования учебный курс «Культурология» призван реализовать несколько важных целей: формирование у студентов гуманистического мировоззрения; воспитание высших нравственных качеств, лежащих в основе овладения профессиональным мастерством; развитие умения адекватно воспринимать и оценивать особенности развития культуры в новых социально-экономических условиях. Для достижения этих целей в рамках творческих заданий предусматривается решение определенных учебных задач, связанных с раскрытием истории становления и развития мировой культуры, определением места и роли русской культуры в мировом культурологическом процессе, выявлением структуры и социальных функций культуры, особенностей ее развития в новых исторических условиях [1, 5].

Значительное внимание уделено и решению такой задачи, как определение предмета и задач культурологии как науки, особенности и взаимосвязь различных культурологических теорий. Специальный раздел заданий для студентов посвящен выявлению типов и форм культуры, их взаимосвязи. Предусмотрено также изучение такой актуальной проблемы, как взаимодействие массовой и элитарной культур [1, 7, 6].

Типология творческих заданий культурологической парадигмы

1. Тест культурологической направленности

Различные типы тестовых вопросов являются обязательной основной частью заданий по теории и истории культуры, предполагающей индивидуальное решение. Тестовые задания составляются таким образом, чтобы максимально конкретизировать ответ и, соответственно, сделать оценку оптимально точной и объективной.

Простые тесты закрытого типа (с выбором правильного варианта ответа) предназначены для выявления знаний участников олимпиады по определенной теме. Тесты закрытого типа — это вопросы, требующие одного-двух ответов из 4—6 предложенных вариантов на каждый вопрос. При выполнении такого тестового задания следует выбрать правильный ответ и обвести кружком обозначающую его букву.

Простые тесты закрытого типа являются своеобразной интеллектуальной разминкой для решения последующих, более сложных и многообразных по форме тестовых заданий.

Другие тестовые задания различаются по:

— форме вопроса и требуемых ответов;

— уровню сложности;

— функциям.

Это и вопросы на соответствие, и вопросы, требующие краткого односложного ответа, и вопросы, требующие убрать или добавить слово или выражение.

Как вид тестового задания предлагаются **цитаты** из поэтического источника, культурные символы в виде репродукции, отрывки из первоисточника или текста по истории культуры, которые нужно прочитать/рассмотреть, идентифицировать, осмыслить, сравнить или дать развернутые ответы на предлагаемые вопросы после текста. Этот вид тестового задания эффективен за счет наглядности и конкретности и требует не только эрудиции от участника, но и умения ориентироваться в широком культурном поле.

Тестовые задания в виде таблиц представляют собой сетки таблиц с конкретными рубриками по определенной теме/проблеме и с заполненными отдельными ячейками или целыми рубриками. Предлагается заполнить пустые ячейки таблицы заданной в рубрике информацией. Количество пустых ячеек в таблице не должно быть меньше половины всей таблицы. Форма таблицы дисциплинирует ответ и позволяет наглядно структурировать его в заданном сеткой таблицы порядке.

В тестах, состоящих из двух блоков, необходимо соотнести понятия и их определения, либо памятники культуры и имена творцов, либо характеристики и соответствующие им понятия, имена, направления в искусстве. Такие тесты позволяют продемонстрировать умение ориентироваться в узкоспециализированной области художественной культуры.

Тестовые задания в форме утвердительных предложений, требующие ответа в виде установления истинности данного утверждения, позволяют оценить знание фактов из истории культуры с точки зрения внимания к деталям. Студенту необходимо рядом с предложением вписать слово «верно» или «неверно» в зависимости от истинности или неистинности утверждения.

Тесты в форме кроссвордов позволяют выявить терминологические и фактографические знания студентов по специализированной теме. Задание предлагается в виде соответствующим образом пронумерованных вопросов, требующих ответа в виде определенного слова, и табличной сетки вертикально и горизонтально

расположенных ячеек для вписывания слов-ответов. Вопросы составляются таким образом, чтобы подразумевался однозначный ответ. Задание считается правильно решенным, если вписанные слова совпадут с сеткой по вертикали, горизонтали и количеству ячеек для букв.

Тестовые задания, охватывающие необходимый для изучения обширный материал, предоставляют студентам возможность продемонстрировать имеющийся у них багаж знаний, широту кругозора и владение элементарными логическими операциями по теории и истории культуры в занимательной форме [1, 3].

2. Культурологическая игра — викторина

Викторина — вид игры, заключающийся в ответах на устные или письменные вопросы из различных областей знания. Викторины по теории и истории культуры — это задания на атрибуцию произведений искусства или задания, основанные на атрибуции. Цель викторины — актуализировать знания в занимательной наглядной форме.

Виды викторин, которые могут использоваться при проверке знаний по теории и истории культуры:

— визуальная викторина;

— музыкальная викторина;

— киновикторина.

Визуальная викторина основана на репродукциях и фотографиях произведений изобразительного искусства (живописи, архитектуры, графики, декоративно-прикладного искусства, скульптуры). Вопросы могут требовать либо простой атрибуции произведения искусства (простая викторина на общую эрудицию, указание автора и названия), либо более глубокого уровня знаний, основанных на атрибуции (указание места создания, стиля, эпохи, выявление общего между изображениями и другие варианты вопросов).

Музыкальная викторина задействует слуховую память и требует эрудиции в области музыкальной культуры. В музыкальной викторине необходимо указать композитора, название музыкального произведения и эпоху (век, направление) создания на основе коротких прослушанных фрагментов.

Киновикторина задействует знания в области аудиовизуальной культуры (в особенности кинематографических произведений). В киновикторине необходимо указать названия и режиссеров фильмов, фрагменты которых были продемонстрированы. Могут быть задания и с более высоким уровнем сложности, требующие более глубоких знаний в области кинематографа и истории культуры вообще. Например, в продемонстрированных фрагментах из фильмов с наличием бальной сцены определить эпоху (век, стиль) бала, назвать фамилии актеров и актрис, которых узнали в кадре.

На основе киновикторины может быть сформировано творческое или аналитическое задание. Например, продемонстрировать фрагменты из разных экранизаций одного и того же эпизода определенного литературного произведения и предложить не только идентифицировать произведение, режиссеров экранизаций, но и сравнить режиссерские трактовки с оригиналом, оценить игру актеров, исполняющих одну и ту же роль.

3. Интеллектуальные игровые задания — брейн-ринг

Брейн-ринг — это интеллектуальные задания повышенного уровня сложности, требующие не только эрудиции, широкого кругозора, но и развитых воображения, логического и образного мышления, внимательности, интуиции, умения использовать обширный материал по истории культуры в различных прикладных контекстах.

Вопросы брейн-ринга разнообразны по форме построения. Например, вопросы на знание признаков национальной культуры; требующие перевода с одного языка на другой; построенные на игре слов; заключающие парадокс; требующие бдительности и т. д.

Брейн-ринг может быть реализован как командно, так и индивидуально. В командном решении участники делятся на команды.

Ведущий устно читает вопрос и дает время (1 минуту) на совместный поиск ответа. Команда, первой верно ответившая на вопрос, получает баллы (от 1 до 3 в зависимости от уровня сложности вопроса). Ведущий может сам последовательно переходить от одного уровня к другому, но можно предоставлять такое право участникам. Для этого на доске или через проектор дается таблица, в которой указаны наименования рубрик (разные области культуры или виды искусства), уровни сложности и количество вопросов в каждой рубрике и уровне сложности:

Рубрика/уровень	**1 уровень**	**2 уровень**	**3 уровень**
Искусство			
Обычаи и традиции			
Культурное наследие			
Язык			

Команда выбирает рубрику и уровень. Право первого выбора предоставляется командам по жребию, затем той, которая ответила правильно на вопрос, до тех пор, пока вопросы не закончатся. Победившей считается команда, набравшая наибольшее количество баллов.

Индивидуальное решение организовывается аналогично, только поиск ответа реализуется индивидуально каждым участником.

Выделяются три уровня сложности вопросов брейн-ринга:

1 уровень сложности ориентирован больше на знание фактов; вопросы формулируются в отстраненной форме, чтобы не так легко было сразу догадаться (в отличие от викторины).

Например:

Вопрос: И. Е. Репин и И. К. Айвазовский написали совместно портрет А. С. Пушкина. Как они назвали картину?

Ответ: «Пушкин на берегу моря».

2 уровень подразумевает наличие умения сопоставлять различные факты из истории культуры для поиска правильного ответа; вопросы требуют активного участия воображения.

Например:

Вопрос: Готовясь к переходу в вечный мир, фараоны опасались, что в результате неудачного бальзамирования Бог может не узнать их. Каким образом они исключали этот вариант?

Ответ: изготовляли золотую маску.

3 уровень представляет собой логическую задачу, основанную на знании, работе воображения и абстрактном мышлении.

Например:

Вопрос: Памятник древнерусской письменности «Поучение Владимира Мономаха» начинается такими словами: «Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который до сих дней меня грешного хранил…» Согласитесь, что сани — неудобное место для литературной работы. Почему же именно с этих слов начато послание?

Ответ: Перевозка тела умершего на санях — часть погребального обряда в Древней Руси. Выражение «сидя на санях» в данном случае означает «в конце жизни».

4. Культурологические — творческие интерактивные задания

Творческие задания имеют целью проявить креативные способности студентов, артистизм, умение на практике использовать имеющиеся знания по теме, навыки владения русским литературным языком, обнаружить степень развития художественного вкуса, стиля и воображения [2, 5].

Творческие задания могут быть:

— устные командные (перформанс, театрализованная презентация), например, представить команду в рамках заданной темы; готовится в качестве домашнего задания;

— электронные командные или индивидуальные презентации по узкой заданной теме; готовится в качестве домашнего задания;

— письменные командные или индивидуальные в форме эссе, мини-сочинения, графически оформленные.

В рамках фонда оценочных средств культурологического образования творческие задания решают важные задачи:

— способствовать актуализации знаний студентов, их умению ориентироваться в историческом пространстве художественной культуры, помочь выявить сформированные навыки общения с произведениями искусства и умения применять их на практике;

— выявлять самостоятельные взгляды и оценки студента по отношению к «культурной памяти» человечества, то есть степень художественной зрелости личности;

— способствовать активизации продуктивной художественно-творческой деятельности в области культурного пространства, поиску новых форм освоения культурного наследия (освоение современных источников информации, включая Internet, информационных технологий);

— способствовать присвоению общечеловеческих нравственно-этических ценностей, отраженных в произведениях искусства, преобразованию их в личностно-значимые.

При этом выполнять творческие задания в рамках культурологических дисциплин будет студент, знакомый с выдающимися образцами мировой и отечественной культуры, знающий или чувствующий, что подлинно культурного человека отличает способность рассматривать произведение в его исторической и национальной соотнесенности. Этим определяется специфика заданий, предлагаемых в рамках культурологического образования [1].

1. *Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г.* Культурология. Теория культуры : учеб. пособие для вузов. М., 2004.
2. *Сокольникова Н. М.* История изобразительного искусства : учеб. : в 2 т. М., 2006.
3. *Кривцун О. А.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.

4. *Яковлев Е. Г.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.
5. *Мартыненко А. В., Митина И. Д.* Олимпиада по культуре и искусству : учеб.-методич. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2011. 130 с.
6. *Митина И. Д., Мартыненко А. В., Моисеева М. В.* Анализ и интерпретация произведений культуры в контексте культурологического подхода : учеб. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2013. 362 с.
7. *Митин С. Н., Митина Т. С.* Имидж специалиста гуманитарной сферы : учеб. пособие по курсу лекций «Имиджелогия». Ульяновск : УлГУ, 2013.
8. *Митин С. Н.* Управление педагогическими системами: психотерапевтический подход. М. — Ульяновск : УлГУ, 2002.

И. Д. Митина, Т. С. Митина

СПЕЦИФИКА ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЖИВОПИСИ

Особенность искусства живописи состоит в свойственной ей удивительной способности передавать все многообразие и сложность жизни, всю ее динамичность через изображение одного события или момента в цвете, через образы и колорит. Все эти компоненты являются основой анализа и интерпретации произведений живописи.

Ключевые слова: культура, искусство, живопись, композиция, колорит, цвет.

I. D. Mitina, T. S. Mitina

SPECIFICITY OF APPROACHES TO THE ANALYSIS AND INTERPRETATION OF WORKS OF ART ON THE EXAMPLE OF PAINTING

The peculiarity of the art of painting is typical of its amazing ability to transmit the diversity and complexity of life, its dynamism through the image of a single event or moment in color, through images and coloration. All of these components are the basis for the analysis and interpretation of works of art.

Key words: culture, art, painting, composition, coloration, color.

Искусство — одна из форм общественного сознания, составная часть духовной культуры человечества, специфический род практически-духовного освоения мира. Постичь художественное произведение, прочитать его, присвоить его смысл, получить художественное наслаждение и оценить шедевр — это стать его сотворцом, вступить с ним в общение, в диалог «на равных» с автором.

Изобразительные искусства — те, в которых мир предстает предметно, зримо. Цель их — **изобразить** мир. Важнейшая особенность изобразительного искусства состоит в свойственной ему удивительной способности передавать все многообразие и сложность жизни, всю ее динамичность через изображение одного события или момента.

Изобразительные искусства принято называть пространственными совсем не потому, что они не передают чувства времени, прошлого и будущего, а имеют дело с одним только застывшим «настоящим». Лишенные возможности непосредственно включать время в свою структуру, они выработали определенные способы выражения временных характеристик через пространственный ряд, колорит, сюжет и т. д. [1, 5, 6].

Произведение — художественно-коммуникативное средство такого диалога. В каждом конкретном произведении необходимо вычленить какой-то один уровень и анализировать в данном ключе. Любое произведение искусства допускает вполне самостоятельное его бытование на каждом их этих уровней. При этом в анализируемом произведении может явно выделяться сюжетный уровень, в другом — символический.

Формируя навыки анализа произведений искусства, необходимо выстраивать план анализа с учетом цели и задач:

— начинать от простого описания картины, т. е. того, что на ней в самом деле изображено. Такие описания необычайно помогают сосредотачивать внимание на данном полотне, входить в мир картины;

— сворачивать содержание. Пересказывать изображение, но каждый раз сокращая свой рассказ. В конце концов, рассказ сводится к нескольким скупым фразам, в которых осталось лишь самое главное;

— выстраивать иерархии — соотнести между собой ценности, предложенные художником, ответить на вопрос «Что важнее?» — этот прием полезен на всех уровнях;

— создание «поля» анализа. Часто «открытию» смысла помогает какой-нибудь незначительный факт биографии художника или факт данной культуры. Он переводит наше внимание в иную плоскость, пускает наши мысли по иному

пути, поэтому надо накапливать факты. И, как показывает практика, чем более необычным нам кажется черта личности или событие, тем больше оно содержит в себе для нас творческого;

— созерцательное и двигательное вчувствование (эмпатия). Это актерский прием — попытка представить себя в мире картины, попытаться принять позы действующих лиц, надеть на себя выражение их лиц, погулять по дорожкам пейзажа. На этом пути ждет множество открытий. К этому приему часто прибегают тогда, когда анализ почему-либо зашел в тупик [5, 7].

Для каждого вида искусства формируются навыки анализа произведения, исходя из его специфики.

Живопись, по меткому замечанию художника К. Юона, — «живое письмо или письмо о живом». На первый взгляд это может показаться парадоксальным: ведь живое письмо и письмо о живом не одно и то же. Но в данном случае парадоксальность этого утверждения только кажущаяся. Словами «письмо о живом» художник раскрывает предмет живописи, а «живое письмо» — ее средства. В живописи передается форма предмета, его цвет, освещающий его свет, фактура материала, пространство, в котором находится изображаемый предмет.

Поэтому живопись пользуется такими конкретными изобразительными средствами, как линия, цвет, светотень, воздушная и линейная перспектива и т. д. Эти изобразительные средства позволяют создать на плоскости иллюзию трехмерности, верно передать ощущение объемности предметов окружающего нас мира, сохранить и умножить многокрасочность природы.

В данной статье предлагаются различные методические подходы к анализу живописных произведений, представлены варианты планов, схем, алгоритмов и подходов к анализу и интерпретации произведений живописного искусства. Выбор подхода к анализу произведения связан прежде всего с особенностью самого произведения, а также постановки целей и задач, стоящих в процессе обучения [6, 8].

План анализа и интерпретации произведения живописи

Внимательно рассмотрите произведение живописи. Что изображено на картине? Какими средствами художник выделил главное? Почему именно это кажется главным? Почему именно этот предмет кажется главным?

1. Название — в чем смысл названия картины? Как соотносится название с изображением на картине? Какое настроение пытается передать автор?

2. Изложите в анализе краткие сведения о художнике. Определите, если возможно, какое место данное произведение занимает в его творчестве.

3. Изложите кратко историю его создания (если это важно для анализа).

4. Определите его принадлежность к культурно-исторической эпохе, художественному стилю или направлению.

5. Жанровая принадлежность: исторический, бытовой, батальный, портрет, пейзаж, натюрморт, интерьер.

6. Определите особенности сюжета.

7. Художественный образ. Какие ассоциации вызывает художественный образ и почему?

8. Есть ли в картине предметы, что-либо символизирующие? Носит ли символический характер композиция произведения и отдельные детали?

9. Определите взаимодействия формальных, сюжетных и смысловых уровней произведения.

10. Какими средствами выразительности пользовался художник в изображении предметов?

11. Определите формат (вертикально и горизонтально вытянутый, квадратный, овальный, круглый, соотношение изображения и формата, рама, равновесие, соотношение частей изображения друг с другом и с целым, геометрические схемы, последовательность рассматривания).

12. Определите пространство, перспективу, композицию (композиционная схема, плоскость и глубина, точка зрения, пространственные планы, дистанция между зрителем и произведением, линия горизонта, место зрителя в пространстве картины или вне его, ракурсы).

13. Выделите основные средства выразительности: колорит, рисунок, манера письма.

14. Определите светотеневую моделировку формы. Светотень, объём (объём и плоскость, линия, силуэт, роль светотеневых контрастов в формировании эмоциональной выразительности живописного образа).

15. Как на картине сопоставляются цвета (цветовая композиция)? Цвет, колорит (тональный, локальный, тёплый, холодный колорит, тон, валеры, рефлексы, линейное и живописное начало).

16. Как на картине скомпонованы предметы (предметная композиция)?

17. Определите фактуру поверхности. Мазок (характер мазка, открытая фактура, гладкая фактура), направленность мазков, размер мазка, лессировки и т. д.).

18. Что хотел донести до людей автор своей работы?

19. Где находится данное произведение искусства?

20. Заключение: повтор основных выводов, касающихся образа, смысла произведения. Выразите свои личные впечатления от данного произведения живописи. Какое впечатление оказало это произведение искусства на ваши чувства и настроение [6, 4]?

Специфика искусствоведческого анализа станкового произведения

Для того чтобы абстрагироваться от сюжетно-бытового восприятия, вспомните, что картина — не окно в мир, а плоскость, на которой живописными средствами может быть создана иллюзия пространства. Поэтому сначала проанализируйте:

1. Каков размер картины (монументальный, станковый, миниатюрный)?

2. Каков формат картины: вытянутый по горизонтали или вертикали прямоугольник (возможно, со скруглённым завершением), квадрат, круг (тондо), овал?

3. В какой технике (темпера, масло, акварель и т. д.) и на какой основе (дерево, холст и т. д.) выполнена картина?

4. С какого расстояния она лучше всего воспринимается?

5. Есть ли в картине сюжет? Что изображено? В какой среде располагаются изображённые персонажи, предметы?

6. На основании анализа изображения вы можете сделать вывод о жанре. К какому жанру (портрет, пейзаж, натюрморт, обнажённая натура, бытовой, мифологический, религиозный, исторический, анималистический) принадлежит картина?

7. Как вам кажется, какую задачу решает художник — изобразительную? выразительную? Какова степень условности или натурализма изображения? Тяготеет ли условность к идеализации или к экспрессивному искажению? Как правило, с жанром связана композиция картины.

8. Из каких составляющих складывается композиция? Каково соотношение объекта изображения и фона/пространства на полотне картины?

9. Насколько близко к картинной плоскости размещены объекты изображения?

10. Какой угол зрения выбрал художник — сверху, снизу, вровень с изображенными объектами?

11. Как определена позиция зрителя — вовлекается ли он во взаимодействие с изображенным на картине или ему отводится роль отстраненного созерцателя?

12. Можно ли назвать композицию уравновешенной, статичной или динамичной? Если присутствует движение, как оно направлено?

13. Как построено картинное пространство (плоскостно, неопределенно, выгорожен пространственный слой, создано глубокое пространство)? За счёт чего достигается иллюзия пространственной глубины (различие в размере изображенных фигур, показ объема предметов или архитектуры, с помощью градаций цвета)? Композиция разрабатывается средствами рисунка.

14. Насколько выражено в картине линейное начало? Подчеркнуты или скрадены контуры, отграничивающие отдельные предметы? Какими средствами достигается этот эффект?

15. До какой степени выражен объём объектов? Какими приёмами создаётся иллюзия объёма?

16. Какую роль в картине играет свет? Какой он (ровный, нейтральный; контрастный, лепящий объем; мистический)? Прочитывается ли источник/направление света?

17. Читаются ли силуэты изображенных фигур/объектов? Насколько они выразительны и ценны сами по себе?

18. Насколько детализировано (или, наоборот, обобщено) изображение?

19. Передаётся ли разнообразие фактур изображённых поверхностей (кожа, ткани, металл и т. д.)?

20. Какую роль играет в картине колорит (подчинён рисунку и объёму или, наоборот, подчиняет себе рисунок и сам выстраивает композицию)?

21. Является ли цвет просто окраской объёма или чем-то большим? Является ли он оптически достоверным или экспрессивным?

22. В картине преобладают локальные цвета или тональный колорит?

23. Различимы ли границы цветовых пятен? Совпадают ли они с границами объёмов и предметов?

24. Художник оперирует большими массами цвета или маленькими пятнами-мазками?

25. Как написаны теплые и холодные цвета, пользуется ли художник сочетанием дополнительных цветов? Для чего он это делает? Как переданы наиболее освещенные и затенённые места?

26. Есть ли блики, рефлексы? Как прописаны тени (глухо или прозрачно, цветные ли они)?

27. Можно ли выделить ритмические повторы в использовании какого-либо цвета или сочетания оттенков, можно ли проследить развитие какого-либо цвета? Есть ли доминирующий цвет/сочетание цветов?

28. Какова фактура живописной поверхности — гладкая или пастозная? Различимы ли отдельные мазки? Если да, то какие они — мелкие или длинные, жидкой, густой или почти сухой краской нанесены [3, 5]?

Специфика искусствоведческого анализа — канонический тип (живопись, иконопись, фреска, скульптура, графика, миниатюра, декоративно-прикладное искусство)

При анализе такого типа произведений искусства необходимо учитывать иконографию. **Иконография** — это устойчивая традиция изображения различных лиц и событий, складывающаяся на основе разнообразных источников и организующая их в соответствии с принятыми догматическими, символическими и литургическими толкованиями. Такими источниками могут быть Святое Писание, апокрифы, агиография, предания и легенды, мифы, литургические песнопения.

Иконография отражает содержательную сторону в изображении. Хотя в устойчивые иконографические признаки могут входить элементы, не несущие большого содержательного значения. Например, дерево, изображенное слева: содержание не изменило бы изображение его справа. Однако из иконы в икону оно изображается слева, начиная с первого варианта, и когда образуются списки, этот образ начинает фиксироваться.

Анализ историко-культурной ситуации вначале необходим для того, чтобы уточнить отпечаток, слепок определенного типа мироотношения, свойственного своей эпохе и никакой другой. Используя иконографию для анализа, нельзя упускать из виду ни одной детали, независимо от того, содержательны они или формальны. Иконографические признаки могут отражать движения эпохи опосредованно.

Этот метод очень важен при анализе. Смотря на икону, можно просто любоваться, а можно знать житие, например св. Николая, и понимать, почему что-то изображается именно так, а не иначе. При обращении к канону появляется и видение, и знание. Нельзя смотреть на икону и другие произведения такого типа как на «китайские иероглифы».

При анализе должны проявляться не только чувственные эмоции, но и нравственное понимание. При анализе произведений христианской культуры используется понятие калокагатии — единство красоты и блага. Нравственное не может жить отдельно при анализе [2, 5].

1. Канонический тип при анализе храма, живописи, иконы, предметов декоративно-прикладного искусства, графики следует рассмотреть через общий канон, воплощенный в выбранном произведении. Например, существуют канонические типы изображений «Рождество Христово», или «Шива Натараджа», или «Будда Майтрейя». Важным элементом является краткое изложение сюжета изображения, в идеале это цитирование священных текстов (Евангелие, Упанишады, Трипитака и т. д.).

2. Материальный уровень произведения: техника исполнения, особенности материалов, сохранность. Назначение — для какого храма (если известно).

3. Индексный и иконический уровни произведения. Описание индексно-иконического уровня произведения отличается от описания сюжета предельной конкретностью. Сюжет — это основа возникновения произведения, то, что существовало до него (Евангелие, художественная традиция устойчивых изобразительных типов). На индексно-иконическом уровне отталкиваемся только от произведения, описываем только то, что изображено.

4. Символический уровень произведения — если возможно выделить. Нахождение композиционной формулы (символический уровень) не является обязательным и допустимо только в том случае, если студент уверен в ее наличии и может показать, какими элементами она образуется (магический характер пиктограмм, идеограмм и сакральность восприятия изображения, сакральный характер иероглифических текстов и сакрально-символический, принцип их интерпретации, органическая взаимосвязь сакрального текста и символического типа иллюстрации).

Заключение

Что представляет собой произведение как целостная художественная модель религиозного мироотношения? Каким образом оно инициирует встречу человека с Богом? Как в нем выражено понимание религиозности, свойственное данной конфессии и данному историческому периоду? Специфика знаково-информационного восприятия сакральных текстов в искусстве [5, 6].

Через изображение «остановившихся мгновений» живопись выражают глубоко и всесторонне типичные, характерные черты действительности. Подлинно прекрасные произведения

изобразительного искусства оказывают огромное идейно-эмоциональное воздействие на зрителя. Специфические особенности изобразительного искусства своеобразно раскрываются в каждом отдельном его виде.

Искусство выступает одновременно и как подобное реальной жизни, и как отличное от неё — выдуманное, иллюзорное, как игра воображения, как творение человеческих рук. Художественное произведение возбуждает в одно и то же время глубочайшие переживания, подобные переживаниям реальных событий, и эстетическое наслаждение, проистекающее из его восприятия именно как произведения искусства, как созданной человеком модели жизни [3, 5].

Таким образом, искусство, взятое в целом, есть исторически сложившаяся система различных конкретных способов художественного освоения мира, каждый из которых обладает как общими для всех, так и индивидуально-своеобразными чертами.

1. *Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г.* Культурология. Теория культуры : учеб. пособие для вузов. М., 2004.
2. *Сокольникова Н. М.* История изобразительного искусства : учеб. : в 2 т. М., 2006.
3. *Кривцун О. А.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.
4. *Яковлев Е. Г.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.
5. *Мартыненко А. В., Митина И. Д.* Олимпиада по культуре и искусству : учеб.-методич. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2011. 130 с.
6. *Митина И. Д., Мартыненко А. В., Моисеева М. В.* Анализ и интерпретация произведений культуры в контексте культурологического подхода : учеб. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2013. 362 с.
7. *Митин С. Н., Митина Т. С.* Имидж специалиста гуманитарной сферы : учеб. пособие по курсу лекций «Имиджелогия». Ульяновск : УлГУ, 2013.
8. *Митин С. Н.* Управление педагогическими системами: психотерапевтический подход. М. — Ульяновск : УлГУ, 2002.

№ 2(24) 2016 СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Л. Е. Потанина, Е. Е. Шабалкина

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА НАУКИ В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ»

В статье раскрываются тенденции в развитии науки в «обществе знания» и делается попытка обозначить основные аспекты философского анализа этих изменений. Подчеркивается преобразование базовых характеристик научно-познавательной деятельности, связанных с пониманием целей научного познания, соотношения фундаментальных знаний и их технологического применения, этических измерений науки.

Ключевые слова: общество знания, технонаука, «коммерциализация» науки, субъект-объектные связи, этическая экспертиза, этический комитет.

L. E. Potanina, E. E. Shabalkina

MAIN TRENDS OF THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SCIENCE IN THE «SOCIETY OF KNOWLEDGE»

The article shows the trends in the development of science in the "society of knowledge" and attempts to highlight the main aspects of the philosophical analysis of these changes. It emphasizes the transformation of base characteristics of scientific and cognitive activity associated with the understanding of the scientific knowledge goals. The paper also discusses ratio of the fundamental knowledge and technological application, ethical dimensions of science.

Key words: society of knowledge, technoscience, "commercialization" of science, subject-object relation, ethical review, Ethics Committee.

Сегодня термины «общество знания», «экономика знания», «эпоха знания» в определённом смысле «конкурируют» с концептами постиндустриального и информационного в обществе, выражая специфику современных тенденций в развитии социума. В опубликованном в 2005 году докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» говорится: «Сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться» [1, с. 7]. «Общество знания», таким образом, может быть определено как выражение перспектив общественного развития, образ нового социального горизонта.

Фиксируемые уже сегодня и ожидаемые в ближайшем будущем проявления этого типа общественной организации связаны с осознанием решающей роли знания и постоянно растущей потребности в новых знаниях в любой сфере деятельности. Как следствие, развитие систем производства и передачи знания, включение их в систему рыночного механизма, превращение знания в основной ресурс общественного развития. Переход к этому типу общества связывается с фундаментальными инновациями — информационными, коммуникационными, био- и нанотехнологическими и, безусловно, гуманитарными. Существенные изменения, происходящие в обществе, имеют, безусловно, социально-гуманитарный характер, изменяя форму и содержание социальных отношений. В первую очередь такие изменения затрагивают институт, на который обществом исторически возложена функция производства знания, — науку. Сегодня можно с уверенностью констатировать изменение базовых характеристик научно-познавательной деятельности и насущную потребность их философского осмысления. Наука в этом смысле оказывается на пересечении предметных сфер сразу нескольких философских дисциплин.

Уровень *эпистемологического* анализа затрагивает одну из тенденций в развитии современной науки — технологизацию науки или формирование технонауки. Эта тенденция в основе своей определяется изменениями целей научной деятельности. Интерес к знанию и его

востребованность диктуются не столько характеристиками истинности, объективности, достоверности, а скорее эффектом, который это знание имеет в преобразовании действительности. Традиционная последовательность научное знание → технология, при которой ранее полученное знание находило приложение, применение в технологической форме, изменила свою направленность. Как замечает Б. Г. Юдин, происходит «оборачивание» — познавательная деятельность встраивается в процесс создания востребованной в данный момент технологии» [2, с. 45—58]. Поскольку новые технологии производятся на заказ, таким же «заказным» становится и процесс получения нового знания. Технологии задают вектор развития науки, причем науки определённого типа, не объясняющей, не вскрывающей фундаментальные принципы и законы, а способной к технологизации. Иными словами, направляющими для производства знания оказываются прежде всего полезность и практический результат. Из сфер объяснения мира задачи науки мигрируют в сферу его преобразования и переустройства. И хотя эта тенденция намечена еще в эпоху Научной революции, сегодня она кардинальным образом меняет характеристики познавательного процесса: критерии оценки результата, соотношение фундаментальных и прикладных аспектов, время обратной реакции социума на научные открытия и т. д.

Изменения затрагивают и характеристики включенности науки во внешние социальные сферы. Сегодня наука не только один из лидеров духовного производства, она встраивается в систему рыночных отношений, становится сферой наиболее выгодного вложения капиталов, источником наиболее востребованной продукции, рождает новое предложение «товаров и услуг». Происходит «коммерциализация» науки. И это в свою очередь также существенным образом корректирует характеристики целей и результатов научного познания. Традиционные детерминанты: научный интерес, нормы и принципы научного этоса встают в один ряд с, казалось бы, внешними по отношению к науке факторами — запросы потребителей, возможности рынка. Потребитель, нуждающийся в новых технологиях, стимулирует бизнес, предпринимательство к капиталовложениям в науку. Модель субъектно-объектных связей перестаёт отражать истинную картину научной деятельности, а вернее, требует «подключения» новых субъектов. К таковым можно отнести и СМИ, которые становятся связующим звеном между технонаукой, бизнесом и потребителем, обеспечивая циркуляцию необходимой информации. Учитывая тот факт, что современные СМИ являются не только трансляторами нужд потребителей, но и принимают активное участие в их формировании и актуализации, можно утверждать, что этот социальный институт занимает не последнее место в системе связей науки и общества, выступая опосредованно одним из источников социального заказа.

Связи науки с социальной средой приобретают иные функциональные характеристики, изменяя не только облик науки, но и общество в целом. Желание нового, современного порождает тенденцию увеличения темпов «устаревания» товара или услуги. Нет смысла производить товар, способный служить много лет, он морально придет в негодность гораздо раньше физического износа. Вещный мир, окружающий человека и созданный им, мир товаров и услуг, порождаемый научными технологиями и инициированный массовым спросом, максимально динамичен. Скорость его изменения влияет на темпы научного развития и одновременно определяется ими. Фундаментальный срез научного знания, по-видимому, не испытывает на себе такого темпорального давления. Осмысление новой модели связей «наука — общество» — задача *социально-философского* уровня.

Формула «Спрос рождает предложение» в преломлении к технонауке задаёт особый вектор её интереса к своему потребителю. Это общество предполагает диалог между учёным и гражданином и интерес первого к знаниям, ценностям и потребностям второго. Человек в обществе знания ощущает себя частью единого цикла по созданию знания-технологии, его внедрению, потреблению, формированию потребности в новом знании. Б. Г. Юдин отмечает в качестве современной тенденции неуклонное приближение науки к человеку, к его потребностям, интересам, устремлениям, своеобразное «обволакивание» человека наукой, погружение его в мир, созданный ею [2]. Наука, по выражению Юдина, в известной степени делает человека своим произведением. С конца 60-х годов прошлого века можно наблюдать постепенную переориентацию в научной, информационной, технологической сферах, они становятся соразмерны человеку. Отдельный человек выступает в качестве потребителя даров науки, а его интересы — главными стимулами к НТП. Но при этом чем больше наука претендует на служение человеческим интересам, тем более она должна знать о самом человеке и его интересах. Для

такого узнавания у науки есть проверенный путь — эксперимент. Вторая половина XX века — это время, когда эксперименты с участием человека перестают быть исключительными случаями и оборачиваются серьёзным, часто рискованным вмешательством, опасным для человека и человечества [3]. Наука сегодня способна удовлетворить даже самые «экзотические» запросы общества, определить параметры телесной организации человека, качество его жизни, её продолжительность. Биотехнологии практически стирают границы между естественным и искусственным. Человек оказывается в ситуации, когда прежние представления о себе, о границах собственных возможностей, о жизни и смерти подвергаются существенным изменениям, что требует глубокой *антропологической* рефлексии.

Научные знания становятся мощнейшим инструментом управления человеком собственным существованием. «…Наступает эра покорения человеком самого себя: по отношению к самому человеку складывается тот тип управления, который раньше использовался только по отношению к природным вещам и системам» [4, с. 236]. Наука, влияющая на параметры человеческого бытия, должна согласовывать свою деятельность с ценностными измерениями человеческой жизни. Ценности воспринимаются как существенная характеристика реальности, изучаемой наукой, и самого научного знания. Идеал ценностно-нейтральной науки уходит в прошлое, делая особенно актуальным проблемы этики науки и моральной оценки ее результатов. Следует подчеркнуть, что пределы научного вмешательства в жизненные процессы и состояния человека определяются не только расширяющимися возможностями научно-технического развития. Они закладываются представлениями о том, что есть человек, личность. А значит, наука не только определяет облик человека, но и сама определяется им. В ситуации обращения к человеку наука сталкивается, с одной стороны, с проблемой уникальности объекта исследования, а с другой — с необходимостью введения дополнительных нравственных параметров исследования. Исследователю необходимо иметь в виду, что даже безупречный с точки зрения теории, методологии, технологии эксперимент, затрагивающий человека, его духовный или телесный мир, может не получить реализации по этическим соображениям.

Сегодня инновации, связанные с изменением *аксиологического и этического* статуса научной деятельности, приобрели институциональные формы, привели к возникновению институтов этической экспертизы и этических комитетов. Особую значимость деятельность этих организаций приобрела в сфере биомедицинских исследований, где непосредственное влияние науки на жизнь человека особенно явственно. Первые структуры, осуществляющие этический контроль, возникли в США в 50-х годах XX века и представляли собой неформальные объединения коллег-врачей. Уже в середине 60-х годов эти структуры формализуются, этическая экспертиза для всех биомедицинских исследований признаётся правительством обязательной и финансируется им. Первое упоминание этических комитетов в международных документах встречается в «Хельсинской декларации», принятой в октябре 1975 года. В этом же документе определяются условия независимости деятельности комитетов и сфера их функционирования. В нашей стране правовое оформление структур, осуществляющих этическую экспертизу, происходит в 1993 году в рамках закона «Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан».

Теолог Ричард А. Мак-Кормик выделил факторы, которые раскрывают значимость биоэтических комитетов как социальных институтов. К ним относятся:

1. Сложность биоэтических проблем, которая проявляется в неоднозначности понимания самих биоэтических дилемм и путей их решения. Задача специалистов комитета состоит в изучении проблемы и ее четкой формулировки.

2. Состав комитетов, включающий специалистов из различных сфер человеческой деятельности, позволяет очертить широкий диапазон мнений по проблеме и дать им объективную оценку.

3. Конфликты интересов, возникающие при принятии решений в ситуации биоэтических дилемм, могут проявляться в негативном общественном мнении и сказываться на оценке надежности и эффективности деятельности медицинского или исследовательского учреждения. Этические комитеты позволяют заручиться поддержкой со стороны своих коллег и специалистов других областей и разделить ответственность (нравственную и правовую).

4. Отдельные исследователи и специалисты-медики не всегда обладают достаточной компетенцией для понимания и решения проблем биоэтики. Комитеты, в силу своей монодисциплинарности, позволяют это сделать, предлагая рекомендации решений.

5. Благодаря деятельности биоэтических комитетов реализуется важнейшее право паци-

ента или испытуемого на принятие самостоятельного решения. Комитеты выполняют роль посредника в конфликте интересов, вставая на защиту каждого пациента и его достоинства.

6. Одним из принципов современной биоэтики является принцип справедливости, затрагивающий помимо нравственных и экономические аспекты распределения различных ресурсов. Учитывая объективную ограниченность ресурсов и постоянно растущие требования к их качеству, биоэтические комитеты берут на себя функцию решения вопроса о справедливом распределении материальных, временных и человеческих затрат.

7. Современная научно-исследовательская и медицинская практика часто затрагивает религиозные убеждения различных групп, что требует создания специальной «платформы» для обсуждения теологических расхождений по ряду биоэтических проблем. Такие проблемы выходят за границы компетенции научных и специальных медицинских знаний и требуют участия специалистов. Комитеты по биоэтике выполняют роль таких «платформ» и «предоставляют» специалистов необходимого профиля.

8. Особенность биоэтических проблем такова, что их решение должно учитывать точки зрения самых разных слоёв населения. Решение этих проблем не может быть осуществлено в рамках научного или медицинского заключения или путем ссылки на него. Решение проблем биоэтики требует принятия политических решений на уровне общества в целом и, следовательно, не может быть индивидуальным решением. Коллегиальность решения с учетом различных интересов может быть обеспечена комитетом по биоэтике [5].

Этические проблемы и научные технологии, их порождающие, являются новыми для общества, и для их оценки недостаточно только научных знаний. Общество может осуществлять свою оценку, задействуя имеющуюся систему «вненаучных» ценностей, стандартов, норм, традиций, используя «традиционные» институты общественного мнения, СМИ, экспертных заключений. Через эти механизмы осознаётся значимость, актуальность проблемы и формируется согласованное представление о путях ее решения.

Создание целостной картины реалий и перспектив развития современного общества, понимание тенденций развития науки в «обществе знания» с необходимостью требует от философии своеобразной «трансдисциплинарности», многоуровневой рефлексии, которая возможна через объединение когнитивных возможностей гносеологии, антропологии, социальной философии, этики. В такие переходные периоды особенно актуальным становится вопрос о понимании и прогнозировании процессов изменения, гуманитарной оценки их результатов.

1. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005. С. 7.
2. *Юдин Б. Г.* Наука в обществе знания // Вопр. философии. 2010. № 8. С. 45—58.
3. *Юдин Б. Г.* Этические измерения современной науки // Этика науки. М. : ИФРАН, 2007. С. 99—115.
4. *Гнатик Е. Н.* Генетическая инженерия человека: вызовы, проблемы, риски. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
5. Руководство № 1 по созданию комитетов по биоэтике. Париж, ЮНЕСКО, 2005. 81 с. URL: http://www.libed.ru/knigi-nauka/1021962-1-rukovodstvo-sozdaniyu-komitetov-bioetike-organizaciya-obedinennih-naciy-voprosam-obrazovaniya-nauki-kulturi-ot.php (дата обращения: 08.09.2014).

О. В. Русина

КЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ГЕНЕЗИСА

В статье рассматриваются культурно-мировоззренческие установки западноевропейской культуры, которые повлияли на формирование классического типа рациональности, в частности, в исторической науке.

Ключевые слова: историческое познание, классический тип научной рациональности, западноевропейская философия, Новое время.

O. V. Rusina

CLASSICAL RATIONALITY IN HISTORY SCIENCE: SOCIOCULTURAL DETERMINATION OF ITS ORIGIN

The article examines the cultural and world-view settlements of the West European culture which influenced the formation of the classical type of rationality, particularly in history science.

Key words: historical knowledge, classical type of scientific rationality, West European philosophy, Modern Age.

Развитие научного познания и знания тесно связано с социокультурным контекстом. Ученый в своей научной деятельности часто неосознанно руководствуется мировоззренческими установками, составляющими ядро культуры, к которой принадлежит исследователь. В техногенной цивилизации науке и сформировавшейся на ее основе технологии принадлежит доминирующая роль, причем в европейской культуре Нового времени наука формируется в пространстве парадигмальных установок классического типа рациональности. Особенности научного познания и знания эпохи проистекают из основных мировоззренческих ориентаций европейской социокультуры Нового времени.

Проблема научной рациональности широко исследуется как в отечественной, так и в зарубежной философии науки, при этом, как правило, выделяют исторические типы научной рациональности (классический, неклассический и постнеклассический). Среди исследователей, сделавших попытки осмысления исторических типов научной рациональности в контексте исторической науки, можно назвать имена И. Л. Зубовой, А. В. Лубского. Влияние общества и культуры на научное познание и знание рассматривается в отечественной философии науки, а кроме того, в марксистской концепции и в постпозитивистских моделях науки. Исследование социокультурной обусловленности исторического научного познания и знания — сравнительно малоисследованное поле, обладающее большим потенциалом в общественной практике. В данной работе рассматривается связь социокультурных особенностей европейского региона в период Нового времени и развитие исторического познания, формирование его как научного.

Эпоха Нового времени — это период формирования национальных государств в европейском регионе, которое повлекло за собой изменение всех организационных форм жизни населения. В это время на смену феодальным отношениям приходят капиталистические, усиливается централизация государственного управления, сходят на нет религиозные войны, с великими географическими открытиями усиливается борьба за господство над территориями, происходит встреча с иными, ранее неизвестными культурами, в обществе обостряется борьба за равенство и гражданские права, применение научных достижений в промышленности приводит к промышленному перевороту, изменившему саму социальную структуру.

Глобальные изменения в жизни общества вызвали необходимость создания общей культурно-мировоззренческой парадигмы для объединения региона. Так, исходя из актуальных, насущных потребностей и острых вопросов современной социальной жизни рождается новое понимание исторического смысла для европей-

ской культуры. В основе этой новой общей культурной парадигмы лежат определенные ценностно-мировоззренческие установки, которые воплотились и в науке Нового времени.

Одной из таких главных установок является нацеленность на десакрализацию, освобождение прежде всего от религиозных догм. Эта черта выступает как критика и отрицание предыдущей ступени — средневекового христианского мира, религиозного по своей сути. Место веры занимает теперь всемогущий человеческий разум. В научном познании и знании эта критика выразилась в изгнании понятий смысла и ценности из него. Отрицание ценностно-смысловой компоненты познания приводит исследователей к позиции наивного онтологизма — вере, что предметы существуют сами по себе и не обладают духовным измерением.

Итальянец Джамбаттиста Вико провозглашает отделение земной человеческой истории от истории сакральной, небесной и утверждает действие в истории человечества естественной необходимости, понимаемой как «постоянный и никогда не нарушаемый порядок причин и следствий» [1, с. 376]. Этот естественный порядок или универсальные законы человеческого развития определяют поступательное движение всех народов, наций, движущихся вперед по одному и тому же пути.

История, таким образом, предстает как творение одновременно и человека, и Бога, однако Божественное Провидение подчиняет в конечном счете человеческие страсти и желания. Вико говорит по этому поводу: «…сами люди создали этот Мир Наций… но этот Мир, несомненно, вышел из некоего Ума, часто отличного, а иной раз совершенно противоположного, и всегда — превосходящего частные цели самих людей, тех людей, которые ставили себе эти цели» [1, с. 469]. Таким образом, под Провидением мыслитель понимает некий проект «вечной идеальной истории, поверх которого заметен исторический бег наций в их рождении, прогрессе, упадке и конце» [1, с. X].

Теоретическая модель истории Вико строится на основе идеи цикличности и повторяемости в историческом процессе. Единство мировой истории достигается благодаря тому, что все нации и народы проходят три, одинаковые для всех, стадии своего развития — «век богов», «век героев» и «век людей». Для каждой эпохи характерны свои особенности социальной и экономической жизни, правовых институтов, государственного правления, свои ценностные ориентиры, язык и религия. Развитие человечества идет по восходящей линии, а смена эпох осуществляется путем общественных переворотов, обусловленных социальными конфликтами. Цикл завершается кризисом и распадом общества, который характеризуется деградацией всех сфер социума. После этого следует начало нового цикла.

Решающим в философии Нового времен оказался тезис Рене Декарта: «Cogito ergo sum» («Мыслю, следовательно, существую»). Он послужил основой для удвоения мира, разделения его на того, кто мыслит, его сознание, и то, что окружает мыслящего — мир. Таким образом, происходит разделение мира на субъект и объект и формирование субъект-объектной модели познания, причем субъект понимается как изолированный от объекта. Так, в историческом познании исследователь предстает субъектом, как бы сверху, извне наблюдающим за объектом — историческим процессом. Ученый мыслится как находящийся на определенной дистанции от объекта, он выключен из исторического процесса. Такие взаимоотношения субъекта и объекта познания характерны в целом для классического типа научной рациональности.

Для культуры Нового времени характерно новое по сравнению с периодом Средних веков понимание человека как творца, преобразователя мира. Творческая активность и энергия преобразования направляется вовне, во внешний мир (а не во внутренний) для его изменения, подчинения, покорения. Практическая направленность и прикладной характер становятся доминирующей характеристикой науки Нового времени. Так познание начинает отождествляться с покорением. Нацеленность на инновации и научная рациональность становятся главными ценностями, средствами изменения мира.

Кроме того, устремленность к будущему, воплощенная в идее прогресса, избавленной от религиозного содержания, начинает восприниматься как научно-обоснованный проект. Идея прогресса становится фундаментальной ценностью западной цивилизации. Так, Жан Антуан Кондорсе изображает прогресс как основополагающую тенденцию истории человечества, связанную не с просвещением монархов, а с движением индивидуумов, народов и наций в сторону высшей ступени развития («Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», 1795). Средствами осуществления конечной цели становятся использование техники, научные открытия, совершенствование нравов, политических и правовых институтов. Иными словами, человеческий разум, обладающий воз-

можностью бесконечного совершенствования, выступает гарантом прогрессивного движения человечества.

Кондорсе пишет: «...если мы станем рассматривать результаты этого развития [человеческих способностей] относительно массы индивидов, существующих одновременно в данную эпоху, и если систематически проследим его из поколения в поколение, то получим тогда картину прогресса человеческого разума. Этот прогресс подчинен тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших личных способностей, ибо он является результатом этого развития, наблюдаемого одновременно у большой группы индивидов, соединенных в общество… Эта картина… должна показать далее в видоизменениях, которые претерпел человеческий род, беспрерывно обновляясь в бесконечности веков, путь, по которому он следовал, шаги, которые он сделал, стремясь к истине или счастью. Эти наблюдения над тем, чем человек был, и чем он стал теперь, помогут нам затем найти средства для обеспечения и ускорения новых преуспеяний, на которые человеческая природа позволяет ему еще надеяться» [2, с. 4—5].

Этапы развития разума соответствуют историческим эпохам. Кондорсе выделяет в истории человечества десять периодов — начиная со времени, когда «люди соединены в племена», через «прогресс наук» человечество приходит к эпохе «прогресса человеческого разума» (причем к последней мыслитель относит время с основания Французской республики). В поступательном движении человечества происходит отрицание феодального общества и обосновывается необходимость, разумность и вечность буржуазного строя. В концепции Кондорсе эпоха частной капиталистической собственности предстает как наиболее совершенная в истории и дальнейший прогресс человечества возможен лишь на основе буржуазного правопорядка.

Все вышеперечисленные культурно-мировоззренческие особенности Европы периода Нового времени действуют на фоне рационалистического дискурса, включающего и эмпиризм как его обратную сторону. Разум предстает движущей силой исторического развития, а его смыслом и целью становится человеческая свобода, освобождение, как процесс. На завершающей стадии прогрессивного развития должно восторжествовать «царство разума» в той или иной его форме. В соответствии с принципом тождества бытия и мышления достижение исторических целей воспринималось как действие объективных законов логики истории. Понимание человека как «социального атома» и стремительные успехи естественных наук привели к тому, что они стали образцом и для изменения общественно-гуманитарных наук.

Данные установки, проявившись и в историческом познании, и знании, составили классический тип рациональности, стали основой для построения теоретических моделей истории. Наиболее совершенными из них стали философская система Гегеля, марксистская и позитивистская версии истории.

В результате в конце XIX века Ницше скажет, что Бог умер. Так освобождение всех элементов культуры от сакрального измерения достигло своего пика. Эта точка стала поворотным пунктом осознания границ классического типа рациональности, его исчерпания себя, достижения предела. В науке все более (особенно в социально-гуманитарных науках) становится очевидной несостоятельность его претензий на достижение абсолютного знания. Новым основанием для дальнейшего развития науки становится иное понимание человека и обращение к иррациональному началу, к экзистенциально-личностным и феноменолого-герменевтическим установкам в познании. Так утверждается культурологический подход к истории и неклассический тип рациональности, критическая точка, в которой происходит переосмысление на основе критики прежних установок западной цивилизации, в том числе и в познании.

1. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М. ; Киев : «REFL-book» — «НСА», 1994. 619 с.
2. *Кондорсе Ж. А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1936. 266 с.

Е. Г. Сковикова

МУЗЫКАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. С. СЕРОВОЙ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ[1]

Статья посвящена изучению музыкально-просветительской деятельности В. С. Серовой в селе Судосево Симбирской губернии на рубеже XIX—XX веков, кульминацией которой стало создание крестьянской оперной труппы. Рассматриваются также проблемы репертуара коллектива, вопросы редактирования классической оперы для постановки любительской крестьянской труппой.

Ключевые слова: В. С. Серова, А. Н. Серов, музыкально-просветительская деятельность, музыкальное просвещение, эстетическое воспитание, крестьянская оперная труппа, оперный репертуар, народная песня, театральные представления, гастроли крестьянской оперной труппы.

E. G. Skovikova

MUSICAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF V. S. SEROVA IN SIMBIRSK PROVINCE

The paper studies the musical and educational activity of V. S. Serova in the village Sudosevo (Simbirsk province) at the turn of XIX—XX centuries. The culmination of this activity was the creation of peasant opera company. It also considers the matters of the repertoire, as well as the matters on classical opera edit for staging by the amateur troupe of peasants.

Key words: V. S. Serova, A. N. Serov, musical and educational activity, music education, aesthetic education, peasant opera company, opera repertoire, folk song, theater performances, tours of peasant opera company.

В 2016 году исполняется 170 лет со дня рождения Валентины Семеновны Серовой, которая оставила заметный след в истории русской культуры на рубеже XIX—XX веков. В. С. Серова была первой в России женщиной-композитором и музыкальным критиком.

Валентина Серова (урожденная Бергман) родилась в Москве в 1846 году в семье «самой антимузыкальной, которую можно только себе вообразить», по ее собственному выражению. Но уже в раннем детстве у девочки обнаружились очень хорошие музыкальные способности: абсолютный слух, великолепная память, любовь к импровизации. Когда Валентине исполнилось пятнадцать лет, она успешно выдержала конкурс в Московском отделении Русского музыкального общества и в качестве стипендиантки была направлена в Петербургскую консерваторию.

Став студенткой, юная пианистка была принята в класс великого музыканта — основателя консерватории, педагога и исполнителя А. Г. Рубинштейна. Это событие чрезвычайно обрадовало родителей девушки, которые, как она вспоминала, «гордились этим неимоверно». Однако обучение в консерватории продолжалось недолго: через год ученица вышла замуж за А. Н. Серова — композитора, теоретика, музыкального критика, педагога и оставила консерваторию. Хотя родители сначала были против этого брака и советовали дочери вернуться в консерваторию, позже, познакомившись с зятем поближе, приняли ее выбор.

Валентина Семеновна была единомышленником, верным другом, соратником А. Н. Серова. Обладая, как и муж, кипучей энергией, целеустремленностью, необычайной работоспособностью, упорством в достижении цели, она разделяла его художественные взгляды, эстетические пристрастия, понимание задач, стоящих перед музыкантами. И, самое главное, музыкальная деятельность рассматривалась ими как общественное служение, основное место в которой, наряду с композиторским творчеством, занимала работа по музыкальному просвещению, образованию, развитию народной культуры. Позже В. С. Серова стала одной из основательниц и почётным членом московского Общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений.

[1] Выполнено в рамках научно-исследовательского гранта РГНФ, проект № 15-14-73003 «Рубежи веков в истории культуры Симбирска-Ульяновска (актуальные тенденции прошлого)».

С девятнадцати лет Серова начала публиковать статьи по различным вопросам музыки в периодической печати. Ее работы часто появлялись в журнале «Музыка и театр», который они издавали совместно с мужем в 1867—1868 годах. В номерах этого издания ею было опубликовано одиннадцать ее статей; кроме того, она сотрудничала в журналах «Русская сцена», «Русская музыкальная газета» и др.

С 1880 года В. С. Серова занималась вопросами художественного воспитания в деревне. Ее музыкально-просветительская деятельность в Симбирской губернии началась в 1891 году и первоначально была связана со стремлением помочь жителям края справиться с разразившимся в тот год голодом.

Валентина Семеновна приехала в симбирское селе Судосево (ныне Республика Мордовия), так как ситуация здесь была наиболее сложной и тяжелой. И если на первых порах деятельность Валентины Семеновны Серовой была направлена исключительно на налаживание быта, организацию столовых, яслей, детского приюта-«питомника», как его называли судосевцы, то позже возникла новая цель — открытие школы и подготовка учителей для нее. К слову сказать, в приюте-«питомнике» не только кормили, воспитывали детей-сирот, но и обучали грамоте, рукоделию и музыке. Поскольку идеи просвещения народа интересовали В. С. Серову не меньше, чем бытовые проблемы, она привезла в голодную Симбирскую губернию библиотеку наряду с деньгами и медикаментами. Показателен итог ее деятельности: за десять лет пребывания в Симбирской губернии она открыла 5 школ, 3 библиотеки, подготовила 15 учителей, 21 руководителя хора из крестьян. Но кульминацией просветительской работы Серовой стала организация крестьянской оперной труппы.

Идея создания театра родилась, на первый взгляд, стихийно. Во время вечерних собраний жителей села, на которых обсуждали насущные дела, читали вслух книги, привезенные Серовой, иногда пели, кто-то предложил организовать хор. Дело пошло успешно, и молодежь села загорелась желанием создать театральную труппу, чтобы ставить оперы. В своих статьях и воспоминаниях Серова настойчиво подчеркивала склонность судосевцев к хоровому пению, но самой плодотворной деятельностью в деревне она называла устройство оперных спектаклей.

Безусловно, постановка опер силами крестьян-артистов должна была носить особый характер. В статьях Валентины Семеновны Серовой, опубликованных в журналах «Артист», «Нева», «Русская мысль», изложены методы и принципы ее работы по подготовке оперных спектаклей. Принципиальные положения по этому вопросу изложены ею в статье «Музыка в деревне». Утверждая, что русский народ от природы музыкален, В. С. Серова ссылается на многочисленные примеры этого. В частности, она рассказывает, что деревенские дети «очень быстро научились писать ноты и читать голосом написанные на доске нотные примеры», что они полюбили звуки фисгармонии — «звук органа как будто "окрылял" их», много и хорошо запоминали отрывки из русских опер.

Перенесение классической оперы без каких-либо изменений или сокращений на сцену крестьянского театра было невозможно. Этому препятствовали отсутствие специальной вокальной школы у исполнителей, симфонического оркестра и сложный, порой малопонятный непросвещенному слушателю сюжет. Отсюда основные требования, которые Серова предъявляла к оперному произведению: «1) чтоб сюжет имел глубокое значение, 2) чтоб картины были интересны, 3) чтоб музыка была русская, 4) чтоб характеры были показаны широкими линиями без психологических тонкостей» [1, с. 39—40]. Но так как подобной «особенной» формы деревенской оперы не было, то следовало использовать уже созданные произведения, но, по выражению В. С. Серовой, в «опрощенном варианте». По ее мнению, существовало пять вполне подходящих опер, удовлетворяющих по крайней мере трем требованиям (разумный сюжет, осмысленные картины, вполне русская национальная музыка): «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Рогнеда» и «Вражья сила» А. Н. Серова, «Князь Игорь» А. П. Бородина, «Русалка» А. С. Даргомыжского.

Вопрос «опрощения» оперы В. С. Серова предлагала решать следующим образом. Речитативы, которые «для необразованного слушателя представляются источником неимоверной скуки», следовало заменять их разговорными вариантами. Недостаток солистов — исполнителей главных партий — мог восполняться приглашением певцов из города. Серова подчеркивала, что «от них будет зависеть судьба деревенских оперных спектаклей, в их руках будущее музыкального развития русского народа» [3, с. 40]. Таким образом, подобное предложение полезно, важно и значительно с точки зрения музыкального просвещения. По поводу отсутствия оркестра В. С. Серова высказывала достаточно спорное мнение о том, что «оркестровка — колоритность в музыке и больше ниче-

го», а колорит играет «сравнительно второстепенную роль» [3, с. 41]. Поэтому оркестр может быть легко заменен ансамблями разных составов, например, трио и рояль. Кроме того, вспоминая о крепостных оркестрах, Валентина Семеновна Серова отмечала, что даже создание оркестра не будет делом большой сложности.

Именно на этих принципах строилась работа В. С. Серовой с крестьянской труппой в Судосеве. Она обучала музыкальной грамоте своих актеров, проводила длительные и многочисленные репетиции, спевки и неизменно достигала хороших результатов. Она сама аккомпанировала на рояле в спектаклях, и критики отмечали ее прекрасное как в техническом, так и в выразительном отношении исполнение.

Театральные представления в Судосеве начались в 1895 году. Первым спектаклем крестьянских артистов стала небольшая оперно-драматическая пьеса Серовой «Илья Муромец», сочинение которой было начато еще до приезда в Симбирскую губернию. Настойчивость, энтузиазм руководителя труппы и актеров, неустанно репетировавших около полугода, увенчались успехом. Спектакль очень понравился публике и был показан жителям соседних сел.

После нескольких лет постановочной деятельности, в 1900 году, состоялись гастроли труппы в Симбирске и Пензе. По воспоминаниям Серовой, «все, начиная с верхов и кончая самыми простыми смертными», приветствовали это событие и оказывали горячее содействие в организации гастролей. Правда, произошел досадный инцидент: крестьянской труппе было запрещено выступать на сцене Дворянского собрания. Выступление артистов оказалось под угрозой срыва. Об этом узнали музыкальные и общественные деятели в Пензе, и так как их тоже интересовал вопрос возможности постановки оперы в деревне, то они любезно предложили помощь в организации гастролей в своем городе.

Но спектакль крестьянских артистов в Симбирске все же состоялся, и зрители увидели оперу А. Н. Серова «Рогнеда». Она прошла успешно, хотя постановка в зале Офицерского клуба была разрешена на весьма тяжелых условиях. На спектакле должна была присутствовать в большей части «своя клубная публика» (из 400 билетов в свободную продажу можно было отдать лишь 100). Не допускались декорации и не разрешалось театральное освещение на сцене по соображениям пожарной безопасности. Утром на репетиции собрались все те, ради кого и организовывались гастроли, «вечерний спектакль нас мало интересовал», — вспоминала В. С. Серова [2, с. 77]. Репетиция прошла «блестяще <...> труды были оценены, заслуги всей труппы аттестованы» [2, с. 77]. Тем не менее Серову не вполне удовлетворили результаты гастролей, так как она не имела возможности познакомить учителей и других лиц, от которых зависело народное просвещение и которые им непосредственно занимались, с методами и результатами своей работы, «с деревенским опытом по оперному вопросу», по ее выражению.

Гастроли труппы получили доброжелательные отзывы в местной прессе. Так, «Симбирские губернские ведомости» отмечают внимание публики к крестьянскому спектаклю — «зал был переполнен» — и вполне успешное исполнение «Рогнеды». Автор статьи в газете (Nemo) не высказывает каких-либо критических замечаний в адрес артистов и очень высоко оценивает труд В. С. Серовой. Этот спектакль всколыхнул культурную общественность города и вызвал горячее сочувствие со стороны публики. Один из присутствовавших на представлении зрителей написал стихотворение в честь автора оперы [4]:

Уж много лет с тех пор промчалось,
Когда в осенний день
В пространство вечности умчалась
Серова доблестная тень.
Внезапной смертью слишком рано
Был прерван лучший труд его («Вражья сила»),
Где силы он вложил Титана
И мощь таланта своего!
Но гений смерть не погубила,
И появилась «Вражья сила»
На русской сцене, наконец!

И хотя этот опус не блещет особыми поэтическими достоинствами, тем не менее необходимо отметить, что факт его создания связан с крестьянским театром.

В конце того же 1900 года судосевская труппа представила «Рогнеду» в Пензе. «Публики было много, билеты брали нарасхват, Пенза была заинтересована новизной всей обстановки», — писала «Русская мысль» [1]. Спектакль прошел еще более успешно, чем в Симбирске, появились фотографии, рецензии в столичных газетах и журналах. Отмечалось, в частности, что исполнение столь трудного сочинения было не только удовлетворительным, но и превзошло все ожидания. Столичная пресса публикует также хвалебные отзывы о деятельности и заслугах В. С. Серовой: «Опыт госпожи Серовой делает честь не только ей самой, но и, несомненно, нашему народу и не может не служить великим поощрением для всех, кому доро-

га его судьба, кто желает посвятить хоть небольшую часть своих сил благородному делу просвещения нашей народной массы» [1].

В сложившемся виде труппа состояла из сорока человек. В ней был очень хороший хор и неплохие солисты: Алексей Петровичев («лучший тенор в хоре»), Иван Юленков, Павел Гусев, Федор Решетников, Федор Пожаров (бас), Лидия Першина (сопрано). Много сил и усердия, терпения и любви отдавали оперному делу и руководитель труппы, и актеры. Регулярные репетиции, а в праздники по три раза в день, нередко длились по нескольку часов. «Никогда не надоедали им, актерам, ни моя придирчивость, ни воркотня, ни строгие выговоры, без которых не обходилась ни одна постановка новой пьесы», — вспоминала В. С. Серова [3, с. 39—40]. Подобные усилия приносили прекрасные плоды: за десять лет в крестьянском театре было поставлено шестнадцать спектаклей, среди которых были «Илья Муромец» В. С. Серовой, «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Русалка» А. С. Даргомыжского, «Князь Игорь» А. П. Бородина, «Хованщина» и «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, «Рогнеда» и «Вражья сила» А. Н. Серова и др.

При театре был хор юношей и девушек, в «питомнике» — хор мальчиков. Музыка, которую они исполняли, развивала их способности, память, что помогало им впоследствии легко вливаться в состав театральной труппы. О хорошем уровне музыкальной подготовки свидетельствует следующий эпизод, отмеченный В. С. Серовой: «…на Пасху разучивали хор "Ангел вопияше" в довольно сложной контрапунктической разработке... Певчие быстро усвоили грамоту, пели с большим оживлением и ловко провели все оттенки, отмеченные в пьесе, которая была написана не без претензии на значительную выразительность. Навсегда останется у меня в памяти то увлечение, с которым пели дети эту четырехголосную композицию: все с дирижера глаз не спускали, лихорадочно следя за движениями палочки» [3, с. 38]. Кроме того, детский, юношеский и «взрослый» оперный хоры пели отрывки из русских опер, хоровую музыку Глинки, Даргомыжского и других композиторов.

Развитие оперной деятельности в деревне В. С. Серова связывает с необходимостью возвращения музыки тем, кто способствовал ее рождению. В статье «Музыка в деревне» она пишет: «...отечественная опера процветает, народные сборники все обогащаются новыми напевами, и русский музыкальный стиль уже успел вполне сложиться. Надо принять во внимание, что он сформировался у композиторов благодаря тому, что они внимательно прислушивались к народной песне... Эта простая деревенская песня, очутившись в пышном одеянии, должна снова посетить убогую хату, из которой она вышла» [3, с. 38]. Кроме того, опера позволила бы сделать более разнообразной в жанровом отношении музыкальную культуру деревни, которая, по мнению В. С. Серовой, существовала только в инструментальной форме.

Таким образом, значение деятельности судосевского крестьянского театра чрезвычайно велико. Театральная труппа была важнейшим средством приобщения народа к классическому искусству, развития музыкально-эстетического вкуса и образования в крестьянском сословии. Крестьянские спектакли стали одной из своеобразных форм музыкальной жизни в губернии, связанной с деятельностью любительского оперного театра.

Опыт, накопленный Серовой во время работы в Судосеве, получил позже новое применение: по просьбе внучки писателя С. Т. Аксакова Валентина Семеновна организовала крестьянскую оперную труппу в ее имении в Самарской губернии. Вся жизнь этой яркой личности была отдана служению Музыке: просветительству, образованию, критике, композиторскому творчеству. Музыкально-общественная, просветительская деятельность В. С. Серовой высоко оценивалась ее современниками — представителями художественной общественности: Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, В. Г. Короленко и другими.

1. Васильев. Создатель крестьянской оперы в опале // Ульяновская правда. 1960. 10 февр.
2. Из воспоминаний В. С. Серовой о постановке в г. Симбирске созданной ею труппой оперы «Рогнеда» А. Н. Серова // Русская мысль. 1902. № 11, ноябрь.
3. *Серова В. С.* Музыка в деревне // Артист. 1892.
4. Театр и зрелища // Симбирские губернские вед. 1900. 23 февр.

В. В. Смыслов

БИНАРНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В МЕНТАЛИТЕТЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Предложенная к печати статья — попытка рассмотреть бинарность русской культуры, ее основные параметры и степень ее проявления в менталитете и национальном характере. Автор исследует сущность понятий, позиции различных ученых и мыслителей по проблеме. В работе рассматриваются как положительные, так и отрицательные моменты национального характера, а также факторы, которые способствовали формированию тесной взаимосвязи русской культуры и национального характера и менталитета.

Ключевые слова: русская культура, осевые культуры, национальный характер, бинарность, ментальность, «русская душа», диглоссия.

V. V. Smyslov

BINARINESS OF RUSSIAN CULTURE AND ITS IMPLICATION IN THE MENTALITY AND NATIONAL CHARACTER

This article attempts to examine the binary Russian culture, its main parameters, and the degree of its manifestation in the mentality and national character. The author investigates the essence of concepts, positions of various scholars and thinkers on the problem. He considers both positive and negative aspects of the national character, as well as factors that contributed to the formation of the close relationship of the Russian culture and national character and mentality.

Key words: Russian culture, axial culture, national character, binariness, mentality, "Russian soul", diglossy.

Отечественная культура на протяжении всех веков ее формирования неразрывно связана с историей России. Наше культурное наследие складывалось в процессе становления и развития национального самосознания, постоянно обогащалось собственным и мировым культурным опытом. Оно дало миру вершины художественных достижений, вошло неотъемлемой частью в мировую культуру.

Появление первых воззрений культурологического характера на Руси связывается с Киевской Русью как первым государством у восточных славян, введением письменности, а также с принятием христианства.

Целью предложенной к рассмотрению статьи является изучение и анализ условий формирования русского типа культуры, проявление ее бинарности в менталитете и национальном характере.

Важно учитывать, что русская культура не просто западная в ряду других западных культур, и, следовательно, недостаточно сказать, что развитие Запада в целом впрямую было развитием Руси — России. Безусловно, оставаясь западной, наша культура вместе с тем имеет западность особого рода. Следует применить к русской культуре такую формулу: она представляет собой Восток на Западе. Но это вовсе не означает, что в ней ярко выражены какие-то восточные черты. В то же время нельзя вести речь и о каком-то русском евразийстве, о русской пограничности и промежуточности между Западом и Востоком. Русская культура в своей основе именно западная, но внутри Запада она образует нечто слишком своеобразное, чтобы, безусловно, растворить ее в нем. Национальное своеобразие и нерастворимость, видимо, есть в каждой западной национальной культуре. Это своеобразие заходит так далеко, что русская культура, взятая как целое, не укладывается в типологию и периодизацию западной культуры. У нее во многом свой ритм и своя последовательность эпох и течений.

Особенности формирования российской культуры видятся в таких основных факторах, как:

1) необходимость освоения огромного географического пространства, на котором соединялись и взаимодействовали многочисленные этнические группы и народности;

2) утверждение православия как особой ветви христианства, сосредоточенной на духовности, приверженности устоявшимся традициям;

3) длительная временная изолированность развития от западноевропейских цивилизационных процессов и напряженная борьба за преодоление такой замкнутости;

4) превалирование идеи приоритета государственности над личностными интересами, подчинение интересов личности интересам государства.

Основой культуры того или иного этноса является его ментальность. Русская ментальность — специфический совокупный архетип народа, который возник в результате взаимодействия уникального субъекта (человека) и обстоятельств его жизнедеятельности. Он накладывает существенный отпечаток на характер русской общности и изменяется вместе с ней.

Русский народ является признанным творцом одной из «осевых» культур. В условиях великой «смены всех» и становления российской цивилизации XXI столетия решение «единой и неделимой» проблемы преемственности и обновления культурного наследия стало условием духовного возрождения России. Грандиозность этих проблем обусловлена не только их творческим характером, но и непреходящей уникальностью, устойчивым стереотипом их мистического, иррационального характера. Можно понять представителей Запада, которые останавливаются перед «непостижимыми метафизическими истоками» русской культуры.

Основные объяснения бинарности культуры сводятся к пограничному положению России между Востоком и Западом, Европой и Азией — от «Евразийства» до «Азиопства» [7, с. 187]. При этом многие забывают, что подобной евровосточной бинарностью обладают едва ли не все культуры, формировавшиеся в зоне контакта цивилизаций, — испанская, португальская, греческая, болгарская, сербская, турецкая и другие, принадлежащие Средиземноморью, не говоря уже о латиноамериканских или о христианских культурах Кавказа. Выходит, бинарность русской культуры — явление типичное, поэтому мало что дающее для объяснения уникальности «русского характера» и для выяснения его реального происхождения.

При характеристике России и русского народа быстро стало общим местом указание на их молодость. Молодая Россия и состарившийся, одряхлевший Запад сопрягались и противопоставлялись самыми разными течениями в культуре и общественной мысли. Ощущение русским человеком своей принадлежности к молодому народу не случайно. Очевидно другое: наш народ своим возрастом существенно не отличается от других западных народов. Если же отличия есть, то они всегда в пользу нашей молодости [16, с. 496]. Ощущение русским человеком значимости своего народа нельзя понимать только хронологически. За таким понятием стоит что-то другое, помимо возраста этнической общности.

Противоречивой является не только диалектика русского/российского, но и полярная — от нигилизма до апологии — интерпретация русского народа с точки зрения понимания его как культурно-исторического субъекта, творца духовных ценностей. «Россия, — писал Бердяев, — менее всего страна средних состояний, средней культурности... В низах своих Россия полна дикости и варварства. На вершинах своих Россия сверхкультурна. Историческая задача русского самосознания — различить и разделить русскую сверхкультурность и русскую докультурность, логос культуры в русских вершинах и дикий хаос в русских низинах» [14, с. 301]. Такова элитная версия русской культуры — её отождествление с логосом сверхкультуры в противоположность докультурному хаосу, в сущности, не народа, а человека-массы. Вместе с тем необходимо различать древнерусскую народность и народ России Нового времени — эпохи формирования российской нации — государства.

Наличие у русской культуры своей собственной периодизации и типологизации, не покрываемой общезападной периодизацией и типологизацией, связано вовсе не с какой-то нашей национальной самобытностью и уникальностью Руси. В свое время Русь успешно вошла в одну из таких общностей и успешно развивалась в ее составе. Таким вхождением стало крещение в 989 году. Хорошо известно, что христианство Русь восприняла от Византии. В результате крещения она стала одной из многочисленных и наиболее крупных по населению и территории метрополий Константинопольского патриархата. Русь оказалась в положении, не испытанном ни одной западной национальной культурой. Это положение можно назвать культурным одиночеством. Конечно, оно не было таким же полным, как у Робинзона Крузо на необитаемом острове. Остальные православные культуры после завоевания православных стран не исчезли с лица земли. Однако и развиваться в нормальном ритме они не могли. Древняя Русь «сразу усвоила византийскую технику каменного строительства со сложной системой куполь-

ных и крестовых сводов, а также новую для нее христианскую иконографию, воплощенную средствами мозаики, фрески и иконописи. Это отличает ее развитие от романского Запада, где становление каменного зодчества протекало по иному пути — пути постепенной внутренней эволюции». Находясь в состоянии одиночества, Древняя Русь должна была сделать осознанный выбор между европейской и византийской моделью развития культуры. Эти колебания начались с приходом варягов. Они связаны с русским предвозрождением и влиянием на культуру России европейского Ренессанса.

Возрождение представляет собой чисто городской феномен. Говоря о русском предвозрождении, Д. С. Лихачев также связывает его с городом: «Лучшие токи предвозрожденческого движения захватили собою всю Западную Европу, Византию, но также Псков, Новгород, Москву, Тверь, весь Кавказ и часть Малой Азии. На всем пространстве этой колоссальной территории мы встречаемся с однородными явлениями, вызванными развитием демократической жизни в городах и усиленным культурным общением стран. Многие черты этого предвозрожденческого движения сказались на Руси с большей силой, чем где бы то ни было» [18, с. 11]. И все-таки выбор был сделан в пользу Византии.

Одной из особенностей развития русской средневековой культуры являлось то, что Византия служила для Руси одновременно и античностью, и современной моделью. Лихачев отмечал, что «своя античность» — период домонгольского расцвета древнерусской культуры — при всей ее притягательности для Руси конца XIV — XV веков не могла заменить собой настоящей античности — античности Греции и Рима с их высокой культурой рабовладельческой формации. Если Западная Европа должна была пройти тысячелетний путь средних веков через такие вехи, как Великое переселение народов, формирование варварских государств, становление феодализма и освобождение городов, и если западная культура должна была «пережить» «каролингский ренессанс», романский стиль, готику и завершить ее эпохой Возрождения, то Россия, являясь более молодым государством, избежала столь длительного пути «постепенной внутренней эволюции» и культурно-исторического «созревания», воспользовавшись готовой византийской моделью, служившей и античностью, и современностью» [1, с. 92]. О том, что византинизм предопределил «восточные» приоритеты в историческом выборе пути развития России и ее имманентную оппозицию Западу, говорил и Н. Бердяев в статье, посвященной Леонтьеву: «Россия во всем своем своеобразии и величии держится не национальной скрепой, не русским национальным самоопределением, а византийским православием и самодержавием, объективными церковными и государственными идеями. Эти начала организовали Россию в великий и своеобразный мир — мир Востока, противоположный Западу» [3, с. 133].

Византинизм выступал против любых форм демократических изменений в российском обществе. Западные понятия свободной личности, индивидуализма и демократии оставались для подавляющего большинства российского общества чуждыми и неприемлемыми — «западной заразой», следовательно, вредными, опасными. Об опасностях, грозящих России введением западных ценностей, говорил Леонтьев: «Я осмелюсь даже, не колеблясь, сказать, что никакое польское восстание и никакая пугачевщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция». И это потому, что «русские люди не созданы для свободы. Без страха и насилия у них все прахом пойдет» (цит. по: [4, с. 144]). Он, очевидно, не питал иллюзий в отношении мифа об «особой исторической миссии» России, широко пропагандируемого определенной частью русской интеллигенции XIX века. Говоря о Леонтьеве, Бердяев утверждал, что «он верил не в Россию и не в русский народ, а в византийские начала, церковные и государственные. Если он верил в какую-нибудь миссию, то в миссию византизма, а не России» (цит. по: [4, с. 128]).

Существует много концепций, рассматривающих развитие культуры и истории под углом зрения одного фундаментального фактора, с позиции единого субстанциального основания. И тогда, взятая в своих основах, история культуры предстает как монолог одного-единственного начала, будь то мировой дух или материя. И очень немногие мыслители раскрывают диалогический характер жизни духа и культуры. Среди этих мыслителей следует прежде всего назвать Н. А. Бердяева [5].

В своей концепции «Вызова и Ответа» А. Тойнби также раскрыл диалогическую сущность развития культуры. Если отвлечься от образного стиля изложения, то он дает ключ к пониманию творческой природы и возможной альтернативности культурно-исторического процесса. Развитие культуры осуществляется как серия Ответов, даваемых творческим человеческим

духом на те Вызовы, которые бросает ему природа, общество и внутренняя бесконечность самого человека. При этом всегда возможны различные варианты развития, ибо возможны разные Ответы на один и тот же Вызов. В осознании этого фундаментального обстоятельства и состоит непреходящее значение концепции Тойнби [10, с. 43] Своеобразную концепцию культуры развивал крупнейший русский социолог и культуролог, проживший большую часть своей жизни в эмиграции в США, Питирим Александрович Сорокин (1899—1968). В методологическом плане концепция П. А. Сорокина перекликается с учением о культурно-исторических типах О. Шпенглера и А. Тойнби. Однако теория культурно-исторических типов П. А. Сорокина принципиально отличается от теории О. Шпенглера и А. Тойнби тем, что Сорокин допускал наличие прогресса в общественном развитии. Признавая наличие глубокого кризиса, который в настоящее время переживает западная культура, он оценивал этот кризис не как «Закат Европы», а как необходимую фазу в становлении новой формирующейся цивилизации, объединяющей все человечество.

В соответствии со своими методологическими установками П. Сорокин представлял исторический процесс как процесс развития культуры. По Сорокину, культура в самом широком смысле этого слова есть совокупность всего сотворенного или признанного данным обществом на той или иной стадии его развития. В ходе этого развития общество создает различные культурные системы: познавательные, религиозные, этические, эстетические, правовые и т. д. Главным свойством всех этих культурных систем является тенденция их объединения в систему высших рангов. В результате развития этой тенденции образуются культурные сверхсистемы. Каждая из таких культурных сверхсистем, по словам Сорокина, «обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом «святости», собственными представлениями правого и должного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими правами, законами, кодексом поведения» [Там же].

Киевская Русь как государство существовало с княжения Рюрика (862—879) по княжение Мстислава Рюриковича (1125—1132). Иными словами, период Киевской Руси охватывает вторую половину IX — первую треть XII веков. Основными признаками государственности стали: создание и укрепление централизованной власти, наличие территории и первых границ, определение административного деления и форм власти на местах, установление дани и других источников формирования государства. На ранних этапах развития природа страны накладывала огромный отпечаток на весь ход ее истории. В. О. Ключевский отмечал равнинность, обилие речных путей на Восточно-Европейской равнине, которые облегчили грандиозные процессы колонизации племен, предопределили особенности и разнообразие хозяйственной деятельности народа. Но природа не охраняла общество от чужеродных вторжений.

История русской культуры начинается с ключевого социокультурного события, перевернувшего жизнь древних русичей, изменившего их мировоззрение и поведение, включившего Древнюю Русь в поток мировой истории, — с Крещения Руси. Именно с этого момента для русской культуры начинается «осевое время»: события обретают свой неповторимый смысл; ход времени получает в сознании людей определенную направленность, даже целеустремленность, и начинает рефлексироваться как история; бытие сознается человеком в его противоречиях и антиномиях, в движении; усиливается роль рациональности и рационально преломленного опыта — появляется философское мышление; религия наполняется этическим пафосом и смыслом, и вокруг нравственных оценок жизни и философско-этических учений развертывается духовная борьба. Именно таким образом характеризует понятие «осевого времени» К. Ясперс, обосновавший культурологический подход к осмыслению мировой истории.

Фактически Древняя Русь совершала в этот момент гигантский культурно-исторический скачок, по своему духовному масштабу сопоставимый с теми грандиозными переворотами, которые переживало человечество в целом в период между 800 и 200 гг. до н. э., когда в мировой истории (в Китае, Индии, Иране, Палестине, Греции и др.) складывалось «осевое время».

Однако своеобразие Древней Руси заключалось в том, что, вступая в «осевое время» мировой и собственной истории, древнерусская культура не обретала ярких индивидуальностей ни в поэзии, ни в философии, ни в области религиозно-этических учений, ограничиваясь лишь персонификацией своих правителей и святителей, религиозных учителей и подвижников. В связи с этим Креститель Руси Владимир должен рассматриваться как деятель древнерусской культуры. То же относится и к Ярославу Мудрому, и к Владимиру Мономаху и т. д., хотя

культурные функции древнерусских князей совершенно особые, не связанные с непосредственным созданием ценностей и смыслов культуры, произведений искусства и науки, философской, религиозной и политической мысли. Все они — культурные политики, реформаторы общественной и религиозной жизни народа, руководители масштабных социокультурных процессов, имевших место в Древней Руси и оказавших большое влияние на многие феномены ее культуры, но не сами творцы древнерусской культуры в полном смысле этого слова (писатели, художники, мыслители, религиозные пророки и пр.).

Становление русского централизованного государства (Московского княжества, а затем Московского царства) сопровождалось соответствующим литературным «обрамлением», идеологически и философски обосновывающим необходимость сильной деспотической власти. Среди таких произведений, например, «Послание о Мономаховом венце» митрополита Спиридона-Саввы (1510-е гг.) и созданное на его основе «Сказание о князьях Владимирских». Созданная на рубеже XVI—XVII веков «Повесть о начале Москвы» строит аналогии «Третьего Рима» с первым и вторым, основанными на пролитой крови. Великая спасительная миссия Москвы — в масштабах всей Руси, значимость ее святынь мотивируются «пролитием кровей многих». Впервые в истории русской культуры складывался в общенациональном масштабе феномен официальности применительно к литературе, религии, политической идеологии, морали, правовым нормам и т. д. — фактически ко всей культуре. В Московском царстве утверждается пышный и помпезный стиль, все приемы которого формализовались и застыли в виде жесткого канона, получившего название «второго монументализма».

В центр официальной культуры, включая политическую и религиозную идеологию, философию и богословие, литературу и искусство, был поставлен столичный город как само воплощение официального представительства власти — социальной и духовной. Так, представление Москвы «Третьим Римом» (и последним) означало воплощение вселенской власти и восстановление мировой империи (наподобие Римской или Византийской, но еще более величественной и совершенной); национально-религиозного избранничества, преемственного по отношению к двум предшествующим священным царствам и приблизившегося вплотную к апофеозу христианства в мировом масштабе и Апокалипсису; смысловое единство «осевой» направленности мировой истории (вектор которой знаменует развитие человечества от рождения Христа до конца света и Страшного суда) и ее сущностной повторяемости, вечности (Рим может быть первым, вторым, третьим, но он, даже передвигаясь в пространстве и во времени, остается одним и тем же «вечным городом»). Значимость столичного центра подтверждалась экстраполяцией его семантики на все государство. Не случайно в это время иностранцы называют Русь Московией, а русских — московитами (т. е., по-нашему, москвичами), как будто Русь и Москва тождественны.

Однако консолидация различных явлений культуры под знаком государственного официоза предполагала смысловое противостояние этой культурно-идеологической монополии государства, нараставшей в обществе территориальной, социальной и культурной дифференциации, идейному плюрализму и стилевому многообразию неофициальной культуры (включая литературу и словесность вообще).

Воззрения и идеи культурологического характера «монгольской» Руси можно представить в русле трех основных направлений развития общественного сознания и теоретической мысли. Первое направление традиционно составляли воззрения на культуру христианско-православной церкви. Второе направление находилось в оппозиции к первому, так как выражало свободомыслие — различные еретические воззрения, критику церковной практики, деятельности иерархов церкви. Источниками, в которых отражались культурологические идеи, стали описания побед над монголами, других военных походов. «Поход на Казань», «Оборона Пскова», «Повесть о житии Александра Невского», «Задонщина», «Сказание о мамаевом побоище», «Житие Сергия Радонежского» и другие героико-эпические произведения характеризовали военно-политическую ситуацию на Руси в XIV—XV веках, отношения между Московским государством и другими княжествами, роль православной церкви в духовном и организационном объединении сил русских земель в борьбе против монгол, образ жизни людей. Культурологический характер имели также возвышенный стиль и обращения к былинному эпосу, свойственные этим повествованиям. Формировалась народная баллада.

Когда Московская Русь начала превращаться в империю, подписав тем самым приговор своей собственной национальной культуре? Год можно назвать безошибочно: 1552 — завоевание Казанского ханства и начало присоединения

первых территорий на Северном Кавказе — Карачая, Черкесии, Кабарды, то есть территории, великорусскому этносу никогда ранее не принадлежавшей. А где верхняя граница, позволяющая нам утверждать, что de facto перед нами уже империя? Тоже указать не сложно: 1 октября 1653 года Земский собор в Москве, а 8 января 1654 года Переяславская рада приняли решение о вхождении Украины (Малороссии) в состав Московского государства. То есть ровно столетие, за которое были присоединены также Астраханское ханство (1556), Сибирское ханство Кучума, завоеваны и вновь утеряны территории в Прибалтике, а затем пройдена вся Сибирь (к 1648). Причем эти процессы были достаточно органичны для русской ментальности и для русской политики, ибо рассматривались как продолжение вековой борьбы с татарами и как воссоединение некогда отторгнутых земель. Так реконкиста незаметно переросла в конкисту.

Становление империи de facto еще не гарантирует той же стадии развития соответствующей культурной системы. Общие критерии, позволяющие соотнести эти явления, отсутствуют. Зато это возможно на событийном уровне. И большая система, и входящие в нее малые обладают по отношению друг к другу достаточно высокой автономией. А это значит, что для решения своих задач большая система может опираться на достижения любой из малых, входящих в нее, а не только титульной, ее породившей. Более того, ее действия могут оказаться неприемлемыми для титульной подсистемы, глубоко ей чуждыми и враждебными (что хорошо для Российской империи, отнюдь не обязательно хорошо для Великороссии). С того момента, как был дан толчок к рождению большой системы, джинн из бутылки уже выпущен [10, с. 153].

В постсоветской историографии, посвященной петровским преобразованиям, можно встретить вопрос, ранее немыслимый: «Действительно ли русская средневековая культура во второй половине XVII века переживала кризис?» Кризис, конечно же, был, но нужно задать другой вопрос: а были ли петровские реформы направлены на разрешение именно этого кризиса? Часть исследователей считает, что петровские реформы противоречили национальным традициям русской культуры, что они оказали разрушающее воздействие на такие характерные ее черты, как соборность и высокая духовность, и, таким образом, нанесли вред ее развитию.

Возражающая, пропетровская сторона черпает свою аргументацию не только из кладовых различных европоцентристских теорий. Она опирается на факт удивительной жизненности петровских новообразований: от коллегий, проживших столетие, до Табели о рангах, дожившей до революции и в редуцированной форме неоднократно возрождавшейся в советскую и постсоветскую эпохи; от учебных заведений до Академии наук, чей возраст скоро достигнет трех столетий, и т. п. Такого не могло бы случиться, если бы все эти организмы существовали в исключительно враждебной, чужеродной среде. Отсюда вывод об органичности для России петровских реформ, об их глубоко русском характере.

Русский народ — признанный творец одной из «осевых» культур. В условиях великой «смены вех» и становления российской цивилизации XXI века решение проблемы преемственности с культурным наследием и его обновления стало условием духовного возрождения России.

Грандиозность этих проблем обусловлена непреходящей уникальностью, устойчивым стереотипом их мистического, иррационального характера. Для многих представителей Запада остается загадкой душа русского человека. Для определения характера, души русского человека необходимо рассмотреть сущность понятия «менталитет». В самом широком смысле слова менталитет — это глубинный пласт общественного сознания. Согласно М. А. Боргу: «Это «совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т. е. повторения» [7, с. 189].

Базовыми характеристиками менталитета выступают его коллективность, неосознанность, устойчивость. Так как это понятие выражает повседневный облик коллективного сознания определенной социокультурной общности, его «скрытым» слоем, независимым от собственной жизни индивида, оно предстает реальностью коллективного порядка. Менталитет характеризует неосознанность или неполная осознанность, «на этом уровне удается расслышать такое, о чем нельзя узнать на уровне сознательных высказываний», — пишет А. Я. Гуревич [Там же, с. 190]. Он выступает как способ выражения знаний о мире и человеке в нем, служит в повседневной жизни онтологическим и функциональным объяснением и содержит ответы на вопросы: Что это? Как? Зачем это?

Структура менталитета — это прежде всего устойчивая система скрытых глубинных установок и ценностных ориентаций сознания, его автоматических навыков, которые определяют устойчивые стереотипы сознания.

Существуют причины, которые способствуют формированию менталитета. Таковыми являются: 1) расово-этнические качества общности; 2) естественно-географические условия ее существования; 3) результаты взаимодействия данной общности и социокультурных условий ее проживания. Среди расово-этнических отличий социокультурной общности, воздействующих на менталитет, следует отметить ее численность, темперамент, уровень развития.

Базовыми особенностями менталитета россиян можно считать преобладание моральных составляющих и прежде всего чувства ответственности и совести, а также особое понимание взаимоотношений личности и общества. Это обусловлено рядом причин, прежде всего тем, что «из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить, но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность», — писал И. А. Ильин, поэтому «вопрос: ради чего жить? имеет более важное значение, чем вопрос о хлебе насущном», — утверждал Ф. М. Достоевский [Там же].

Значительным является и влияние религиозного фактора, прежде всего православия как одного из источников российского менталитета. Оказывает влияние на специфику российского менталитета социальная организация общества, которая проявляется в активной роли государства, результатом является доминирование в менталитете россиян, убеждения в необходимости сильной власти. Как уже было сказано выше, русская ментальность накладывает существенный отпечаток на характер русской общности и изменяется вместе с ней. Как писал Розанов: «Если есть нация, есть и культура, потому что культура есть ответ нации, есть аромат ее характера, сердечного строя, ума «Русский дух», как вы его ни хороните или как не высмеиваете, все-таки существует. Это не непременно гений, стихи, стихи, проза, умопомрачительная философия. Нет, это манера жить, т. е. нечто гораздо простейшее и, пожалуй, мудрейшее» [11, с. 82].

Ключевое и знаковое понятие ментальности народа, выражающее эмоционально-психологическую реальность русской души: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Как отмечал З. Фрейд, важнейшими чертами ментальности народа является «сильное предрасположение к амбивалентности».

Важнейшими чертами душевной жизни русского человека является способность чувствовать и мыслить различными, порой взаимоисключающими способами; совмещать порыв к безграничной свободе с великотерпением.

Для русского человека характерны жажда справедливости и недоверие к правовым способам ее достижения, непременная любовь к дальнему и избирательная к ближнему, вера в абсолютное добро без зла и сомнительную ценность относительного добра, пассивное ожидание последнего и пассионарный активизм «решительного боя» за окончательное торжество добра, возвышенность в целях и неразборчивость в их достижениях и т. п.

На взгляд Ю. М. Лотмана, для русской культуры характерна бинарная структура. Бинарный же характер русской души не является ее уникальной особенностью. Он в той или иной мере присущ ментальности и других народов. Главная проблема — в безмерности русского характера.

Флоровский Г. по этому поводу писал: «История русской культуры вся в перебоях, в приступах. Всего меньше в ней непосредственной цельности. Несоизмеримые и разновременные душевные формации как-то совмещаются и срастаются сами собой. Но сросток не есть синтез. Именно синтез не удавался» [Там же, с. 83].

Поэтому постижение глубинных основ российского бытия проходит на интуиции, т. е. идет воспроизводство не рационального, ярко выраженного в западном менталитете, а иррационального архетипа.

По определению некоторых ученых, национальный характер — это совокупность генотипа и культуры.

Так как генотип — это то, что каждый человек получает от природы, то культура — это то, к чему человек приобщается с рождения, поэтому национальный характер, кроме неосознанных культурных архетипов, включает в себя и природные этнопсихологические черты индивидов.

Когда персонаж Достоевского узнает «русскую действительную жизнь», он заключает, что «вся Россия есть игра природы». Согласно Ф. Тютчеву, «умом Россию не понять, // аршином общим не измерить. // У ней особенная стать. // В Россию можно только верить». Б. Паскаль отметил: «Ничто так не согласно с разумом, как его недоверие к себе». В осознании неповторимости, уникальности, невозможности измерить Россию «общим аршином» — ключ к постижению и явного — умом, и сокровенного — верой в Россию.

Как утверждалось ранее, национальный характер русского человека включает в себя не-

осознанные культурные архетипы и природные этнопсихологические черты индивидов.

Период язычества восточнославянских племен не входит в историю культуры. Это предыстория русской культуры, ее исходное состояние, которое продолжалось еще весьма длительное время, не претерпевая существенных изменений, не переживая сколько-нибудь значительных событий.

Со времен, отмеченных постоянными контактами и противоборствами с соседними кочевыми народами, в русской культуре и национальном самосознании глубоко укоренился фактор случайности, непредсказуемости (отсюда знаменитое русское «авось да небось» и другие аналогичные суждения обыденного народного сознания). Этот фактор во многом предопределил свойства русского национального характера — бесшабашность, удаль, отчаянная смелость, безрассудство, стихийность, произвол и т. п., с которыми связана особая мировоззренческая роль загадок в древнейшем русском фольклоре и гаданий в повседневном быту; склонность принимать судьбоносные решения путем бросания жребия и другие характерные особенности менталитета, базирующегося на неустойчивом равновесии взаимоисключающих тенденций, где любое неуправляемое стечение обстоятельств может оказаться решающим. Отсюда берет начало традиция принимать трудные решения в условиях жесткого и подчас жестокого выбора между крайностями, когда «третьего не дано» (да оно и невозможно), при этом сам выбор между взаимоисключающими полюсами подчас нереален или невозможен, или в равной степени губителен для «избирателя», — выбора, происходящего буквально на цивилизационном распутье неподвластных ему сил (судьба, доля, счастье), о реальности и определенности прошлого (традиций, «предания») — по сравнению с ирреальным и неопределенным, драматически вариативным и непредсказуемым будущим. Как правило, мировоззрение, складывающееся с ориентацией на факторы случайности и стихийности, исподволь проникается пессимизмом, фатализмом, неуверенностью (в том числе и в собственно религиозном смысле — как неверие, постоянно искушающее веру).

В таких условиях формировались и другие качества русского народа, ставшие его отличительными особенностями, сросшиеся с национально-культурным менталитетом, — терпенье, пассивность в отношении к обстоятельствам, за которыми тем самым признается ведущая роль в развитии событий, стойкость в перенесении лишений и тягот жизни, выпавших страданий, примирение с утратами и потерями как неизбежными или даже предопределенными свыше, упорство в противостоянии судьбе.

Зависимость от «капризов» суровой природы и климатической неустойчивости, от необузданной агрессивности кочевых народов, составляющих ближайшее окружение, неуверенность в завтрашнем дне (урожай или недород, война или мир, дом или поход в чужие земли, воля или кабала, бунт или покорность, охота или неволя и т. д.) — все это аккумулировалось в народных представлениях о постоянстве изменчивости, об извечной зависимости человека от господствующих над ним обстоятельств.

Как известно, большое влияние на формирование русского культурного архетипа оказало принятие в X веке христианства, которое пришло на Русь из Византии в православной форме. Русский человек всем ходом собственного развития изначально был подготовлен к восприятию православия. Оно включило в себя все общество, но не захватывало человека целиком. Вера руководила лишь религиозно-нравственным бытом русского народа, то есть регулировала церковные праздники, семейные отношения, времяпровождение, при этом обычная будничная жизнь русского человека не затрагивалась ей. Такое положение вещей предоставляло свободный простор самобытному национальному творчеству.

В восточнохристианской культуре земное существование человека не имело ценности, поэтому основной задачей было подготовить человека к смерти, а жизнь рассматривалась как маленький отрезок на пути в вечность. В качестве смысла земного существования признавались духовные стремления к смирению и благочестию, аскетизм и ощущение собственной греховности.

Отсюда в православной культуре появилось пренебрежение к земным благам, так как они скоротечны и ничтожны, отношение к труду не как к творческому процессу, а как к способу самоуничижения. Отсюда — расхожие выражения: «Всех денег не заработаешь, с собой в могилу не заберешь» и т. п.

Вл. Соловьеву была особенно дорога такая черта русского человека, как осознание своей греховности — несовершенства, неполноты достижения идеала.

Неотъемлемая грань и фермент возрождения России — это обновление русской идеи как духовной квинтэссенции не только русского суперэтноса, но и общезначимой всероссийской

идеи как, с одной стороны, самоидентификации России, с другой — её «послания миру». Постижение русской идеи предполагает осознание особенностей структуры объективных факторов становления и эволюции этого феномена, основных уровней и граней, альтернатив сопричастности к ней её субъекта. Как заметил А. де Кюстин, «у народов всегда есть достаточно причин быть такими, какие они есть: и лучший из них тот, который не может быть другим» [8, с. 169].

В конце XIX — начале XX века развернулись дискуссии о российской, или русской, нации. К последней, полагал П. Струве, принадлежат «все, кто участвует в русской культуре» [2, с. 40]. Оба понятия — «русский» и «российский» употреблялись как синонимы и были лишены этнического смысла.

Итак, вот что приводит к «непознаваемости» России, вот разгадка «бинарности русской культуры». То, что принимается за единое целое, в действительности представляет собой две относительно независимые, хотя и тесно связанные между собой — и генетически, и функционально — культурные системы: национальную, православную русскую (великорусскую) и российскую (мега) культуру формирующейся Российской империи — полиэтническую и в значительной степени поликонфессиональную.

Их смешение, объединение или замещение (подстановка национальной единицы на место имперской) в литературе и в повседневном обиходе происходят по многим причинам и на разных уровнях. Вот лишь некоторые из них:

1. В советскую эпоху термин «русский» своей чрезвычайно возросшей функциональностью полностью вытеснил из обихода термин «великорусский», существующий едва ли не в виде реликта, и потеснил термин «российский», который начал возрождаться лишь после распада СССР.

2. Обе культурные системы используют один и тот же язык — русский. Ранее они обе базировались на двух разных диглоссиях (функциональном двуязычии): великорусская — на русско-старославянской, российская — на русско-французской. Это с неизбежностью оказывало влияние и на словарный запас русского языка, и на его структуру.

Советская власть уничтожила обе диглоссии, что нельзя не признать культурной катастрофой. И постепенно произошла определенная унификация языка, точнее, его советизация, формирование «новояза».

3. Обе рассматриваемые культурные системы лежат в разных параллельных плоскостях. В этом случае, как известно, для смотрящего сверху или снизу оба множества сливаются. Мы же предлагаем посмотреть сбоку.

С формальной точки зрения у этих двух культур имеется еще одно важное отличие — вектор действия. У российской он направлен вовне, в первую очередь в Европу. Это — евроориентированная культура, еще в ходе своего формирования ставшая неотъемлемой частью европейской палитры.

Что же касается великорусской культуры, то у нее иное направление. И отнюдь не на Восток, не в Азию. А внутрь себя. Как и у большинства других этнокультур.

Таким образом:

1) Существуют две вполне познаваемые разумом культурные системы, каждая из которых вряд ли выпадает из ряда аналогичных этнических или имперских образований, а их отношение между собой скорее типично, чем уникально.

2) Великорусская этнокультура — лишь одна из многих подсистем (мега) культуры Российской империи. Следовательно, можно принадлежать русской культуре и российской, украинской и российской, грузинской и российской, еврейской и российской. А можно и не принадлежать, оставаясь в границах исключительно этнокультуры своих предков. Это — выбор каждого человека, чаще всего сознательный и самостоятельный. А можно ли принадлежать только российской культуре? Можно и это. Но такой выбор предполагает, по-видимому, очень глубинный космополитизм.

Важно подчеркнуть, что менталитет при выражении национального характера действует спонтанно, не проявляясь в совокупности принципов и привычек, отражающихся в чертах характера (таковы, например, свойственные россиянам чувства справедливости, терпения, жертвенности, готовности на подвиг и др.).

3) Структура менталитета — сложная многоуровневая пирамида механизмов и способов действия, непосредственно связанных с многовековой культурой народа. Базовыми особенностями менталитета россиян являются преобладание моральных составляющих и прежде всего чувства ответственности и совести, а также особое понимание взаимоотношений личности и общества.

1. *Арутюнян А.* Россия и Ренессанс: история русской культуры (было ли в России Возрождение? О влиянии Византии на русскую культуру) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 89—101.

2. *Бабаков В.* Национальные культуры в общественном развитии России // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 29—42.
3. *Бердяев Н. А.* Очерки истории русской религиозной мысли. М., 1995.
4. *Бердяев Н. А.* О культуре; Судьба России // Антология культурологической мысли. М., 1996.
5. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990.
6. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. М., 1994.
7. *Гузевич Д. Ю.* Кентавр, или К вопросу о бинарности русской культуры: становление культуры в России // Звезда. 2001. № 5. С. 186—197.
8. *Иванова Т. В.* Ментальность, культура, искусство // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 168—177. Культура.
9. *Кондаков И.* Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 159—172. О логике исторического развития русской культуры.
10. *Кондаков И. В.* Культурология: история культуры России. М. : Омега-Л : Высш. шк., 2003. 616 с.
11. *Коробейникова Л. А.* Эволюция представлений о культуре в культурологии // Социс. 1996. № 7. С. 79—85.
12. *Кравченко А. И.* Культурология. М. : Акад. проект, 2001. 496 с.
13. Культурология / под ред. А. А. Радугина. М. : Центр, 2005. 304 с.
14. Культурология / под ред. Г. В. Драча. Ростов н/Д. : Феникс, 1995. 576 с.
15. *Мамонтов С. П.* Основы культурологии. М. : РОУ, 1995. 208 с.
16. *Сапронов П. А.* Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры. СПб. : СОЮЗ, 1998. 560 с.
17. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории : сб. М., 1991. С. 106—142.
18. *Торопцев А. А.* Двенадцать подвигов России. М., 2011.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ю. В. Андреева

НОВЫЙ ФОРМАТ МОЛОДЕЖНОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: МЕЖДУ «БЛИЗКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ» И «ДАЛЕКОЙ ПОЛИТИКОЙ»

В фокусе статьи — смыслы и формы, которые приобретает гражданственность в современной молодежной социальности.

Ключевые слова: гражданственность молодежи, гражданское участие, гражданская самоидентификация, молодежный активизм.

Y. V. Andreeva

NEW FORMAT OF YOUTH CITIZENSHIP: BETWEEN "CLOSE EVERYDAY" AND "DISTANT POLICY"

The paper focused on meanings and forms of citizenship for modern youth sociality.

Key words: youth citizenship, citizenship participation, citizenship self-identification, youth activism.

Российские исследования гражданственности, гражданского сознания, гражданских позиций, выбора и прав в контексте молодежных исследований традиционно проводились в русле количественной парадигмы. В этом смысле данная статья не является исключением. Она основана на эмпирическом материале количественного опроса учащихся вузов в двух городах — Ульяновске и Санкт-Петербурге. Данные были собраны в 2013 году, в рамках коллективного проекта «Гражданственность молодежи России: современные смыслы и практики»[1]. Основной целью этой статьи не является сопоставление молодежных групп из двух городов. Логика её содержания основана на исследовании ряда вопросов, которые в ходе теоретического анализа были выделены в качестве индикаторов гражданской активности молодежи:

— имеющегося опыта гражданского участия, как формального (голосование на выборах), так и неформального (безвозмездные активистские практики) плана, а также установок (представлений) относительно возможной мотивации молодежной активности;

— актуальных молодежных практик и пространств участия, репертуара молодежных активностей;

— контекстов молодежных интерпретаций гражданского активизма, позволяющих понять, от чего зависят молодежные включения и практики гражданственности, — здесь основными категориями анализа стали категории *протеста* и *доверия*, а также категория *лояльности* (конвенционализма), понимаемая как способность и готовность принять общепринятый (традиционный) дискурс, придерживаться и транслировать (воспроизводить) его.

Основная идея статьи в том, чтобы выявить, чем является сегодня гражданственность для молодежи, как понимается и интерпретируется самими молодыми, какие смыслы и формы приобретает.

Одним из основных вопросов, которым принято измерять уровень гражданской активности молодежи, для многих количественных проектов традиционно является вопрос об участии в выборах. Молодых ульяновцев и петербуржцев спросили *о том, принимали ли они уча-*

[1] Проект Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, финансирование ЦФИ НИУ ВШЭ, 2013, руководитель — д.с.н., профессор Е. Л. Омельченко.

стие в голосовании на выборах Президента РФ 4 марта 2012 года. Оказалось, что в целом по двум городам проголосовало менее половины всех респондентов: в Ульяновске — 42,1 %, а в Санкт-Петербурге и того меньше — 31,2 %. Соответственно, 55,8 % ульяновской молодежи и 66,8 % петербургских ребят не принимали участия в выборах. Для Санкт-Петербурга, вне зависимости от уровня дохода, число проголосовавших 4 марта 2012 года сконцентрировалось вокруг цифры в 30 %, а количество не голосовавших, также вне зависимости от уровня дохода, оказалось выше 60 %. Но анализ данных позволяет заметить, что фактор участия или неучастия в выборах может быть и изменчивым, в зависимости от уровня дохода наших респондентов. Например, в Ульяновске ситуация иная, чем в Санкт-Петербурге. Здесь среди респондентов с низким уровнем дохода (среди тех, кому не всегда хватает средств на одежду и обувь) процент проголосовавших отличается в большую сторону — их больше 50 %, при этом не принимавших участия в голосовании — 48 %. Среди тех, чей уровень дохода ниже среднего (средств не всегда хватает на бытовую технику), проголосовавших оказалось 42,5 %, а респондентов с этим же уровнем дохода, не ходивших на выборы, — 55,5 %. Среди опрошенных со средним уровнем дохода (средств хватает на все, кроме крупных покупок, например, авто, квартиру) в выборах участвовали 37,3 %, не голосовавших вообще насчитывалось 59,7 %, а проголосовавших высокодоходных респондентов (указали, что их доходов хватает абсолютно на все) оказалось 44,2 %. То есть в Ульяновске чем выше уровень дохода, тем больше вероятность того, что респондент не пойдет на выборы. Этот факт, вероятно, может быть объяснён экономическими причинами: в Ульяновске уровень средней зарплаты в два раза ниже, чем в Санкт-Петербурге. Возможно, поэтому уровень достатка здесь оказался важным с точки зрения участия в выборах.

Интересно, что ни образовательный статус, ни какой-либо другой фактор не показал такой же чувствительности в отношении участия или неучастия молодежи в выборах. В частности, фактор идентификации себя как гражданина, который, казалось бы, имел все ожидаемые шансы отразиться на решении респондентов, проявился весьма незначительно (см. рис. 1). Оценка важности локальной идентичности также, как выяснилось, мало выраженный фактор в случае принятия решения об участии или, напротив, отказа от голосования на выборах. Среди респондентов, ответивших, что для них важно быть жителем Ульяновска, 43,3 % участвовали в мартовских выборах и 41,7 % не ходили голосовать. В Санкт-Петербурге среди ответивших, что для них важно быть жителем Санкт-Петербурга, участвовавших в выборах оказалось 31,3 %, а среди ответивших, что это не важно, — проголосовала треть опрошенных — 30,2 %.

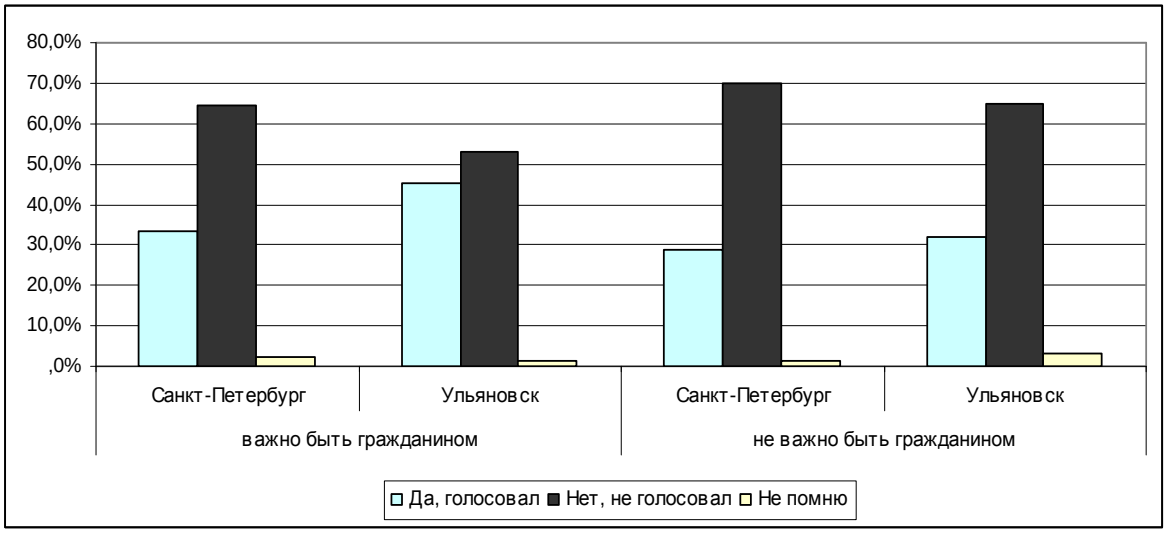

Рис. 1. **Зависимость участия в выборах от гражданской самоидентификации у молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга**

Таким образом, общероссийская гражданская самоидентификация оказалась даже более чувствительным фактором, чем локальная, в случае участия молодежи Санкт-Петербурга и Ульяновска в голосовании.

Для выяснения *причин неучастия молодых ульяновцев и петербуржцев в голосовании на выборах Президента РФ 4 марта 2012 года* респондентам были предложены несколько утверждений, которые наилучшим образом могли бы объяснить их отказ пойти на выборы. Но надо принять во внимание, что большинство опрошенных и в Ульяновске, и в Санкт-Петербурге на момент проведения мартовских выборов 2012 года еще не имели права голосовать в связи с недостижением ими соответствующего возраста — таких оказалось чуть более 60 % в обоих городах.

В остальных случаях альтернативы распределились следующим образом (см. рис. 2). Сразу после альтернативы «не имел(а) права голосовать» самой часто выбираемой причиной оказалась «для меня голосовать или не голосовать — действия одинаково бессмысленные» — здесь процентные показатели сопоставимы, но отличаются в чуть большую сторону в Санкт-Петербурге (15,6 %) по отношению к Ульяновску (12,8 %).

В качестве следующей причины неучастия ульяновской и петербургской молодежи отмечалась альтернатива «я все равно не смогу повлиять на положение дел в стране» — её выбрали 10,2 и 14 % соответственно. Далее следовала альтернатива «я решил не голосовать, потому что на этих выборах не было кандидата, который выражает мои взгляды» (9,3 % — в Ульяновске и 8,8 % — в Санкт-Петербурге). Затем отмечалась альтернатива «у меня другие интересы и проблемы» — её предпочли 9,6 % молодых ульяновцев и 7,1 % петербуржцев.

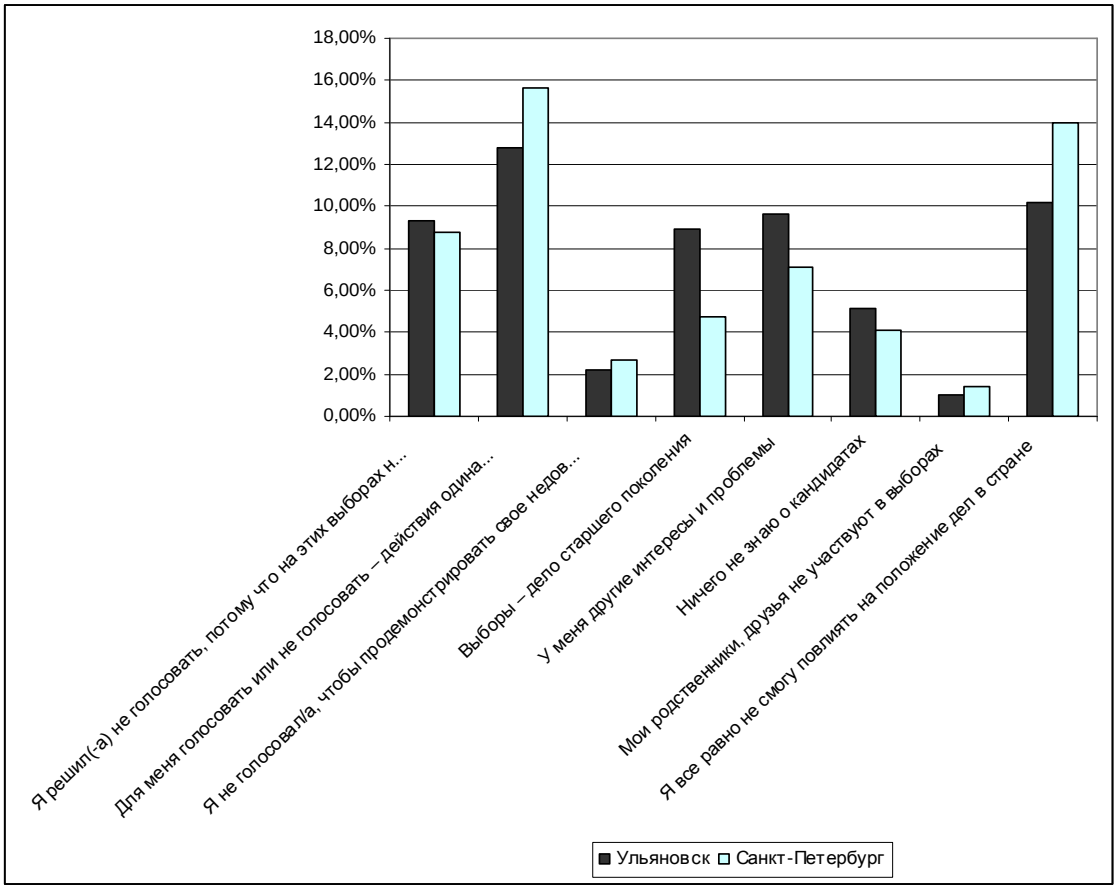

Рис. 2. **Причины неучастия в голосовании на выборах президента РФ 4 марта 2012 года среди молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга**

В целом можно отметить, что полученные результаты укладываются в тенденции, фиксируемые последними массовыми опросами. Исследователи уже не первый год утверждают,

что сам факт голосования на выборах не воспринимается молодыми как важный и значимый вклад в жизнь страны (или своего города), он имеет слабое отношение к гражданской самоидентификации, потому что смыслы участия в выборах у молодых не пересекаются с их пониманием (установками) гражданственности [1].

Данные опроса указывают, что такая своеобразная «общегражданская» молодежная бессубъектность — тенденция, скорее сохраняющаяся из года в год. Гражданственность для молодежи — это нечто совсем иное. С одной стороны, воспринимаемое в терминах долженствования как официозное по своей форме и далекое от их повседневной жизни, но при этом, с другой стороны — как естественное и близкое по содержанию, то, что может быть реализовано в их повседневных практиках, без принуждения. Например, в том, что принято обозначать в литературе как неформальные активности [2].

В связи с этим интересно проследить, *что ульяновской и петербургской молодежи приходилось делать безвозмездно для других людей в 2012—2013 гг.* Весь репертуар безвозмездных активностей молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга представлен на рисунке 3. Как можно заметить, лишь немногие из наших респондентов отметили, что они не занимались ничем похожим — таких оказалось 11 % в Ульяновске и 12 % в Санкт-Петербурге. Большая часть опрошенных указала, что у них имелся подобный опыт. Например, в Санкт-Петербурге 55,3 %, а в Ульяновске 49,8 % респондентов оказывали в 2012—2013 гг. денежную помощь. В Санкт-Петербурге 48,6 % и в Ульяновске 45,1 % учащихся и студентов поддержали нуждающихся вещами и продуктами. 38 % ульяновской молодежи присматривали за чужими детьми, 28 % помогали в уходе за больными. А среди молодых петербуржцев больше распространены практики помощи в поиске работы (30 %) и оказания профессиональных консультаций (23,7 %). Таким образом, примечательно, что почти треть наших респондентов в каждом случае готовы быть причастными и что-то делать для умножения общественного блага.

Вопросы включения или отказа от участия для молодежи тесно связаны с представлениями о мотивации этой деятельности, т. е. о том, что движет активистами, а также самостоятельными поисками ответа на вопрос «Зачем?». Поэтому респондентам был задан вопрос: *почему, по их мнению, люди занимаются активистской деятельностью?* Полученные результаты отражает диаграмма, представленная на рисунке 4.

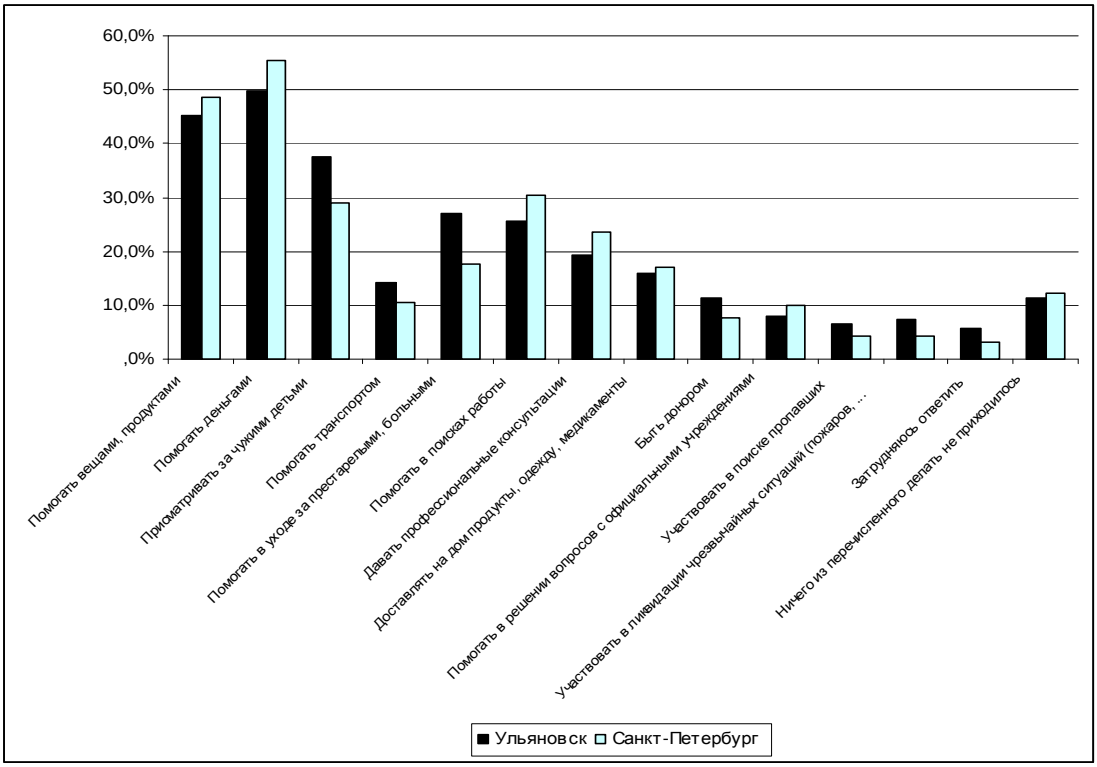

Рис. 3. **Активность безвозмездного характера ульяновской и петербургской молодежи**

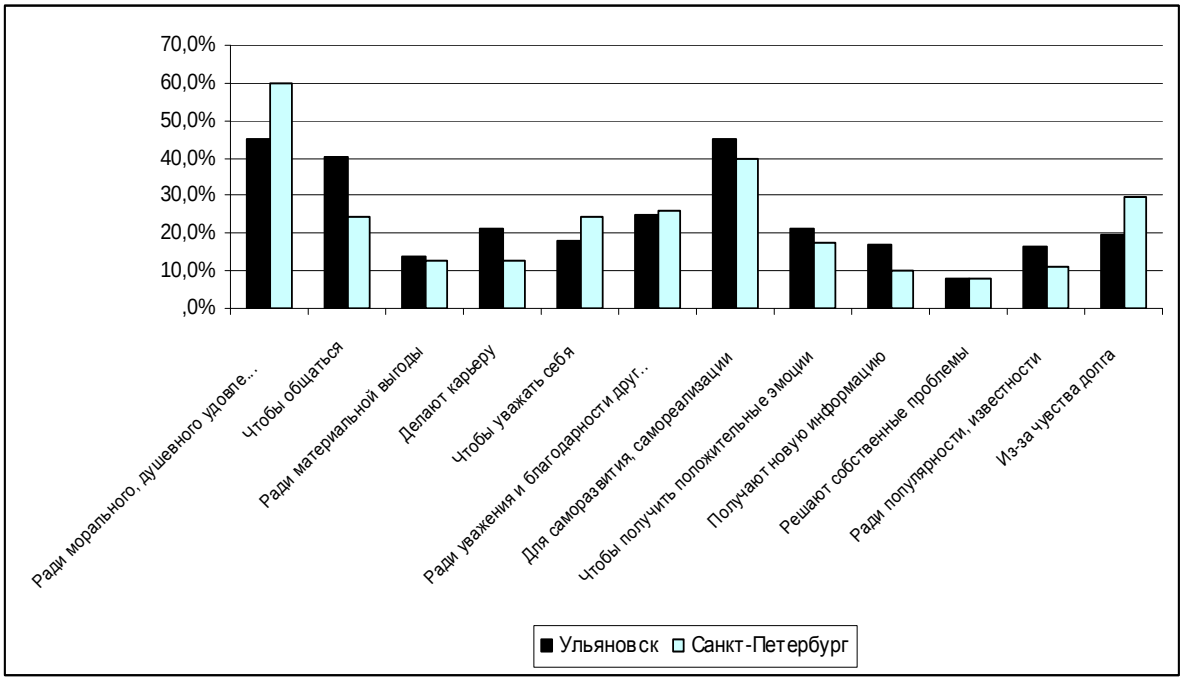

Рис. 4. **Представления ульяновской и петербургской молодежи о причинах того, почему люди занимаются активистской деятельностью**

В Санкт-Петербурге молодежь в большей степени убеждена, что активистами движет моральное и душевное удовлетворение (59,9 %). В Ульяновске гражданский активизм в равной степени молодые объясняют как моральным удовлетворением (45,2 %), так и мотивацией самореализации и саморазвития (45 %). В качестве причины активизма в Ульяновске также высоки позиции мотивации общения (40,3 %), тогда как в Санкт-Петербурге причины активизма объясняют скорее через категорию долга (30 %). Интересно, что прагматические объяснения, как то: «делают карьеру», «ради материальной выгоды», «решают собственные проблемы», не получили значительного количества выборов среди респондентов в обоих городах, процент ответивших подобным образом не превысил 10 %. Однако можно заметить, что эти альтернативы интенсивнее выражены среди ульяновской молодежи, чем среди молодых петербуржцев. Тем не менее и те и другие респонденты склонны скорее объяснять мотивацию активистской деятельности гуманистическими соображениями.

В этой связи обратимся к реальному *участию молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга в различных мероприятиях в 2012—2013 гг.*, которое могло бы быть проинтерпретировано, на наш взгляд, как «активистские практики» молодежи. Картину того, какие виды активностей освоены современной учащейся молодежью Ульяновска и Санкт-Петербурга, демонстрирует диаграмма (см. рис. 5). Здесь респонденты могли выбрать любое количество вариантов, а также предложить свои альтернативы различным способам участия в жизни страны. Для Санкт-Петербурга иерархия различных форм молодежного включения выглядит следующим образом: «хорошо выполняли свою работу» (35,9 %), «платили налоги» (34,8 %), «подписывали петицию/обращение» (31 %), «участвовали в благоустройстве своего района/двора» (23,5 %), «работали волонтером» (22,2 %), «покупали определенные товары и/или отказывались от их приобретения по этическим, политическим, экологическим соображениям» (20,7 %), «выкладывали/перепостили материал общественного и политического содержания в социальных сетях и ЖЖ» (20,1 %).

У ульяновской молодежи гражданские практики, связанные с представлениями о том, как можно участвовать в жизни страны, имеют несколько иную конфигурацию. Здесь первую позицию занимает альтернатива «платили налоги» (40,5 %), а уже затем следует вариант «хорошо выполняли свою работу» (34 %). Следом у ульяновцев идут альтернативы «участвовали в благоустройстве своего района/двора» (26,5 %) и «работали волонтером» (22,9 %). Интересно, что в случае Ульяновска, по сравнению с Санкт-Петербургом, достаточно высокие позиции занимают альтернативы «посещал собрания, по-

священные социальным проблемам области/района/двора» (20,1 %) и «жертвовал деньги на благотворительность» (18,9 %), при этом зафиксировано незначительное количество выборов альтернатив, связанных с подписями петиций и выкладыванием общественно и политически значимой информации в Интернет, как в Санкт-Петербурге.

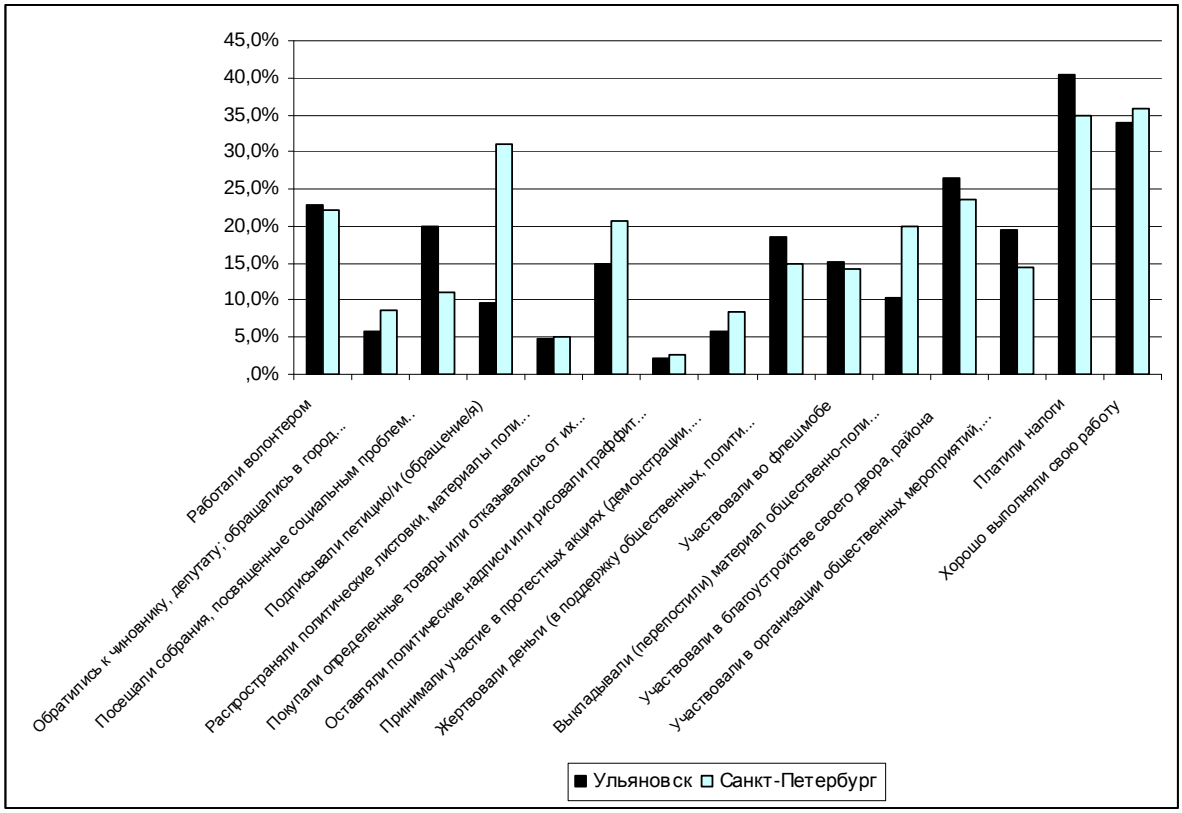

Рис. 5. **Мероприятия, в которых принимала участие ульяновская и петербургская молодежь в 2012—2013 гг.**

В связи с последним замечанием стоит отметить, что *политический контекст* гражданского участия сегодня имеет у молодых горожан в обоих городах своеобразный характер (см. рис. 6).

Его буквальные формы прямого выражения в виде открытых действий — *протеста* — по-прежнему не являются для большей части молодежи приоритетными, даже несмотря на то, что определенная напряженность, безусловно, есть, и порог молодых, готовых к прямому действию и открытому протесту против власти, поднялся по сравнению со «стабильными двухтысячными» и сегодня в своем самом радикальном случае (в частности — в Ульяновске) превышает 10 %. Но даже на фоне увеличения числа молодых, принявших участие в голосовании (как мы рассмотрели ранее, сегодня это почти половина всех опрошенных в обоих городах), а также на фоне повышения уровня готовности части молодежи к прямым протестам (с 3—5 %, зафиксированных в 2000-х, до 10 %, выявленных в нашем опросе), имеет место быть то, что в актуальных социологических исследованиях получило утрированное обозначение «молодежного пофигизма» [3]: когда около половины наших респондентов отметили, что предпочли бы остаться в стороне, случись в ближайшее время митинги или демонстрации, — они не поддержали бы ни сторонников, ни противников нынешней власти (47,5 % — в Санкт-Петербурге и 43 % — в Ульяновске).

В свое время этот феномен был объяснен крайне низким *уровнем доверия молодых к различным институтам и организациям*. Молодежь не верит в их «настоящесть», не видит практических результатов действительной помощи. Сегодня высокий уровень недоверия также подтверждается в первую очередь выбором института или организации, куда молодые ульяновцы и петербуржцы предпочли бы обратиться в случае нарушения их гражданских прав (рис. 7).

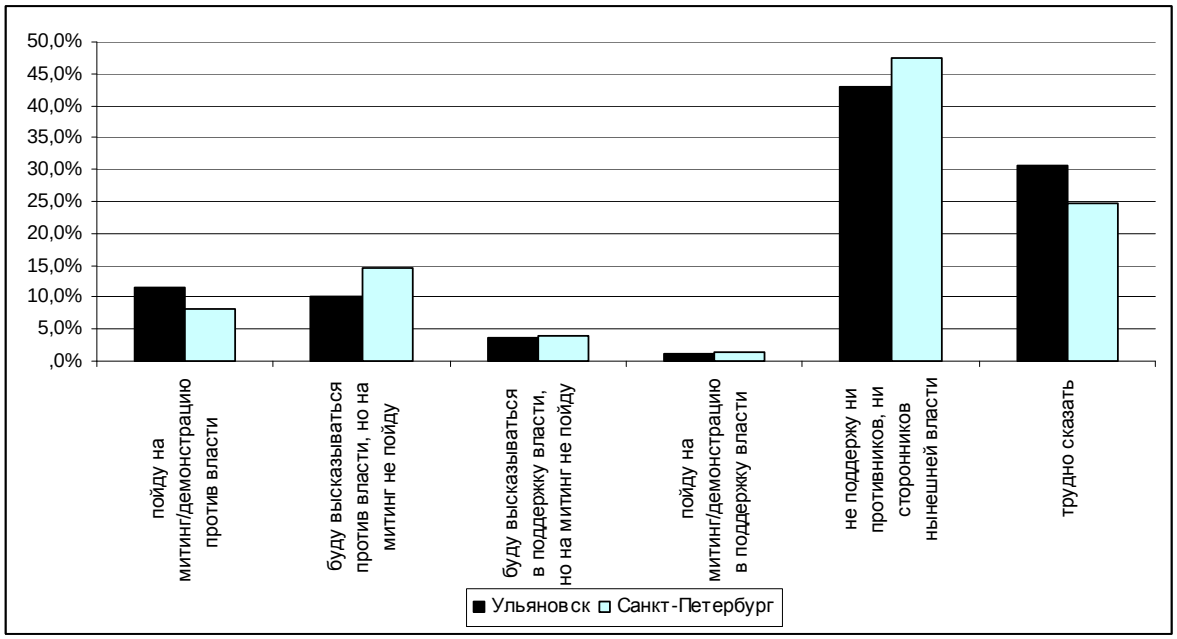

Рис. 6. **Готовность ульяновской и петербургской молодежи к участию в митингах, демонстрациях сторонников или противников власти**

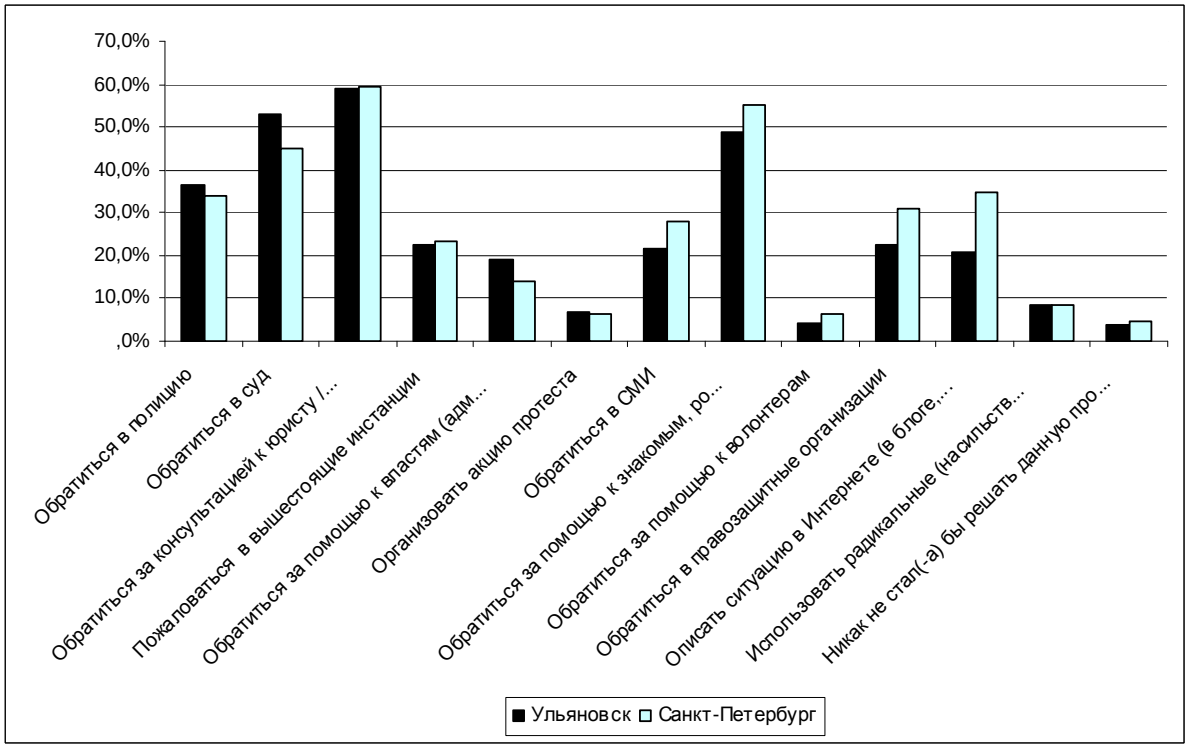

Рис. 7. **Действия ульяновской и петербургской молодежи в случае нарушения ее прав**

Очевидно, что, попав в ситуацию, когда нарушаются их права, респонденты предпочли бы *частным образом* решать свою проблему. Например, воспользоваться профессиональным советом, обратившись за консультацией к юристу или адвокату (59 % — в Ульяновске и 59,4 % — в Санкт-Петербурге). Во вторую очередь опрошенные рассматривали бы возможность обращения к родственникам и знакомым (48,9 % — в Ульяновске и 55,1 % — в Санкт-Петербурге). И

лишь только затем следует ответ «обратиться непосредственно в суд» (52,9 % — в Ульяновске и 42,1 % — в Санкт-Петербурге), «обратиться в полицию» (36,5 % — в Ульяновске и 34 % — в Санкт-Петербурге). Что касается последнего, то при всей своей самоочевидности этот выбор далеко не всегда рассматривается респондентами как единственный. Сегодня в случае нарушения их прав 34,8 % молодых петербуржцев и чуть более 20 % ульяновцев предпочли бы описать свой случай в Интернете (в блогах или социальных сетях), а не обращаться в полицию.

Последнее, так же как и то, что многие предпочли бы подойти к решению своих возможных проблем, скорее неформально, — неудивительно. Данные опроса также показывают, что и средние значения показателей доверия молодежи даже к отдельным институтам не превышают коэффициента 5,8 по десятибалльной шкале, где 9—10 — высокий уровень доверия; 7—8 — средний уровень доверия; 5—6 — уровень ниже среднего; от 3 и ниже — низкий уровень доверия или его отсутствие (см. рис. 8). Как можно заметить, почти во всех случаях, кроме института НКО и мэра, молодежь Петербурга оказывается даже чуть более недоверчивой, чем учащиеся Ульяновска. Менее всего в обоих городах молодежь доверяет полиции, первому каналу ТВ и Правительству РФ.

В ходе исследования респондентам также задавался вопрос о том, *чьи интересы, по их мнению, защищает сегодня наше государство?* Мнения в обоих городах были единодушны (см. рис. 9). В первую очередь государство отстаивает интересы чиновников, богатых людей, олигархов, как указали молодые ульяновцы и петербуржцы. Ульяновская молодежь больше верит в то, что государство выражает интересы малообеспеченных групп (детей-сирот и инвалидов). Примечательно, что учащиеся и в Санкт-Петербурге, и в Ульяновске были единодушны в том, что государство игнорирует интересы жителей провинциальных населенных пунктов.

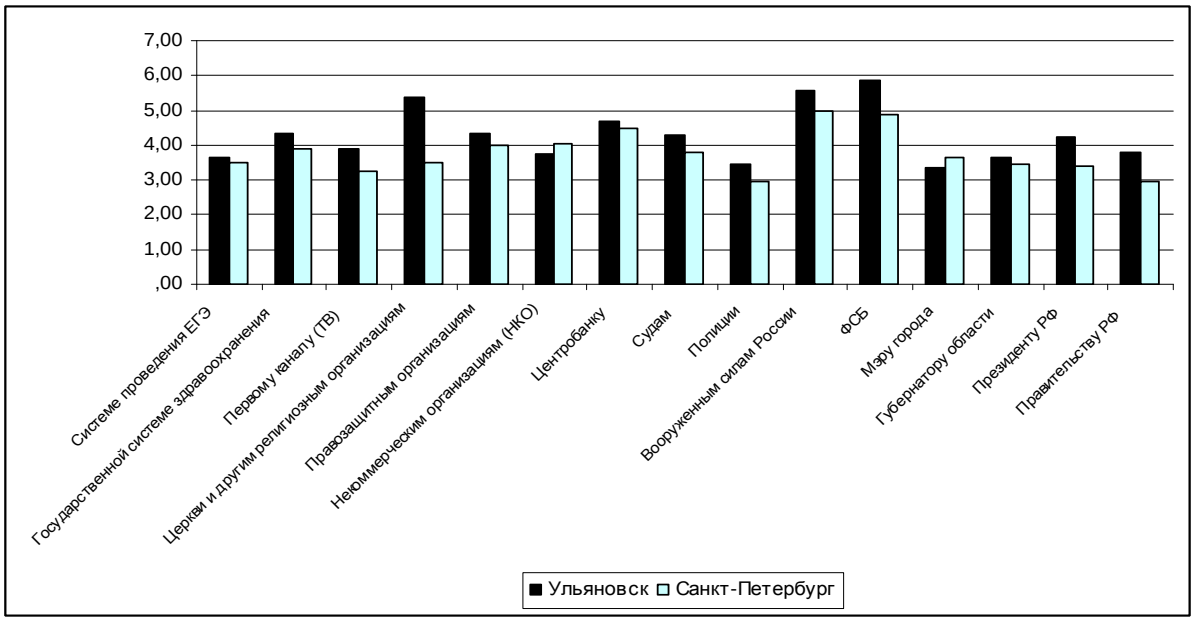

Рис. 8. **Средний уровень доверия ульяновской и петербургской молодежи различным институтам и организациям (указаны средние значения)**

В связи с этим интересно обратить внимание на то, с чем могла бы быть связана молодежная поддержка, то есть *к каким государственным решениям и действиям молодежь Санкт-Петербурга и Ульяновска сегодня относится с наибольшей лояльностью.* Оказалось, что для Санкт-Петербурга самым горячо поддерживаемым действием стало ограничение въезда мигрантов на территорию РФ. Подавляющее число петербургских респондентов высказалось за введение этого режима (73,5 %). В Ульяновске это также один из самых высоких показателей (52,9 %). Но это, пожалуй, единственное из того, что позитивно воспринимается и поддерживается молодежью в обоих городах. Остальные оценки — отрицательные. Более всего моло-

дежь Санкт-Петербурга и Ульяновска недовольна усилением влияния РПЦ (57,7 и 42 % соответственно). Также молодые петербуржцы не поддерживают принятие Государственной Думой новых (последних в 2012—2013 гг.) законов (41,4 %). Последнее актуально также для ульяновской молодежи, здесь процент высказавшихся против подобных государственных инициатив оказался даже выше, чем в Санкт-Петербурге, — не одобрили эти действия 44,1 % опрошенных. Ульяновскую молодежь можно назвать более консервативной, чем опрошенных юношей и девушек в Петербурге, в частности, это демонстрируют показатели отношения молодежи Ульяновска к уголовному наказанию участниц группы Pussy Riot. Решение о наказании одобрили 41,1 % всех опрошенных респондентов из Ульяновска. Среди учащихся-ульяновцев поддержку получили также предложения по введению единой школьной формы (38,9 %) и по введению обязательной регистрации по месту жительства (34,6 %).

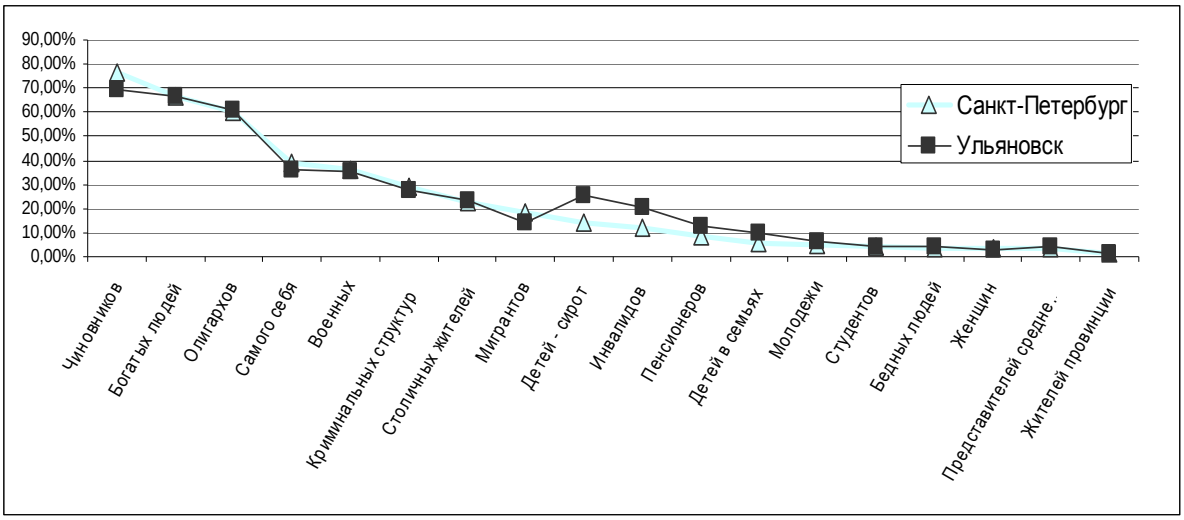

Рис. 9. **Распределение ответов на вопрос «Чьи интересы защищает государство?»**

К сожалению, возможности количественных методов далеко не всегда позволяют изучить глубинные причины зафиксированных молодежных выборов. Мы можем лишь предположить, что во многом тот или иной выбор и связанное с ним согласие или несогласие зависят от индивидуальных интерпретаций и имеющихся установок по поводу того, что справедливо, а что нет.

Серьезную роль, на наш взгляд, играют циркулирующие в молодежной среде дискурсы, которые в изобилии представлены сегодня в публичном пространстве, в первую очередь в разнообразных медиа. В связи с этим мы *поинтересовались, какие темы чаще всего обсуждались молодежью Ульяновска и Санкт-Петербурга, а также с кем и где именно молодым приходилось говорить по поводу этих событий*.

Как оказалось, самая популярная тема 2013 года — это подготовка зимней олимпиады в Сочи — ее обсуждали в Ульяновске более 60 % и 64,5 % в Санкт-Петербурге. Вторые позиции были отданы (примерно в равных долях) темам, связанным с выступлением группы Pussy Riot в храме ХС, наводнением в Крымске, и обсуждению так называемых протестов «За честные выборы». Здесь процент включенных в обсуждение колеблется от 42 до 48 % в Ульяновске и от 60,1 до 48,9 % в Санкт-Петербурге («За честные выборы» — 56,8 %). Достаточно высокий интерес вызвали темы, связанные с обсуждением ситуации по ядерному оружию в Корее (39,9 % — в Ульяновске и 48,2 % — в Санкт-Петербурге), и случай, касающийся смерти Б. Березовского (38,1 и 39,1 %), а также тема, связанная с принятием закона «Димы Яковлева» (36,3 и 39,8 %). Как выяснилось, менее всего молодых интересовали темы принятия закона об иностранных агентах для НКО (21 и 10,8 %) и тема коррупционных скандалов (22,6 и 23,5 %). В Санкт-Петербурге для трети опрошенных актуальной оказалась проблема исторической застройки (38 %).

Анализируя пространства, где концентрируются обсуждения актуальных тем для молодежи, можно с определенностью констатировать, что ключевым оказывается круг друзей-ровесников. В Санкт-Петербурге среди тем, ко-

торые чаще всего обсуждают *с друзьями* (по мере убывания предпочтения): выступление участников группы Pussy Riot (69,5 %), протесты и митинги «За честные выборы» (67 %), строительство олимпийских объектов в Сочи (66,7 %), ситуация с ядерным оружием в Корее (62,5 %). В Ульяновске в среде друзей предпочитают обсуждать те же темы, но не касаясь темы протестов, здесь это тема «домашнего формата», ее обсуждают главным образом среди родных. Также среди *родственников* и в Ульяновске, и в Санкт-Петербурге молодые говорят на темы, связанные с законотворчеством (65,3 и 59,8 %), наводнением в Крымске (62 и 65,4 %); также актуальной для 2013 года была тема покушения на художественного руководителя Большого театра С. Филина (66,9 и 60,3 %).

Важным пространством для разного рода молодежных обсуждений оказывается *интернет-среда*. Данные опроса показывают, что времяпрепровождение в Интернете составляет для молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга сегодня значительную часть их повседневной жизни (см. рис. 10).

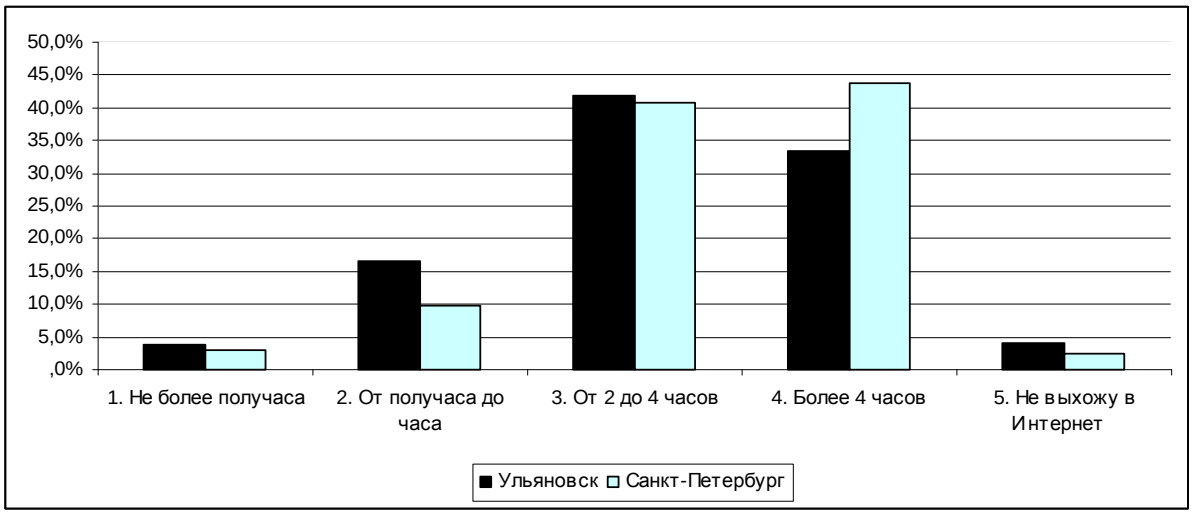

Рис. 10. **Времяпрепровождение в Интернете ульяновской и петербургской молодежи в день**

Для многих ребят социальные связи в сети являются отражением офлайн-коммуникаций, а общение в сети происходит даже шире и интенсивнее, чем в случае личных контактов. Кроме того, это еще и важное пространство для самовыстраивания взрослеющего человека, которому приходится сталкиваться с постоянно обновляющейся информацией и преодолевать всевозможные культурные, стилевые, этнические и другие границы в стремлении к непротиворечивости собственной позиции [4]. Поэтому сегодня интернет-среда также может выступать актуальным пространством для гражданского самовыстраивания молодежи. И можно говорить об интернет-активностях не как о каком-то отдельном виде гражданского активизма, а в контексте общегражданских практик. Для этого обратимся к выяснению того, чем именно молодые заняты в Интернете (см. рис. 11).

Как можно заметить, подавляющее число респондентов (более 80 %) в обоих городах заняты общением в социальных сетях. «Общение» в данном случае, вероятно, стоит понимать достаточно широко, не только буквально, но и в контексте «присутствия в социальной сети», потому что предпочитаемая социальная сеть является для молодежи одновременно и пространством для действия, и наглядной площадкой для опыта, здесь происходит сосредоточение и реализация ряда социальных и культурных возможностей молодых.

Молодые люди выбирают ту или иную социальную сеть по нескольким причинам. В первую очередь потому, что именно технические возможности этой сети позволяют юноше или девушке собрать в одном месте всех знакомых и дают шанс на приобретение новых, — т. е. социальная сеть расширяет социальный капитал молодых. Во-вторых, их предпочтения в выборе определяют возможности сети выполнять «сортировку» кругов общения, что структурирует молодежную социальность. В-третьих, выбор сети во многом зависит от возможности реализовать индивидуальные потребности в позна-

нии, социальном сравнении и т. д. И, в-четвертых, выбираемая сеть дает наилучшие возможности для самопрезентации, то есть социальная сеть выбирается исходя из репутационных перспектив — аспекта, который также является важной характеристикой для накопления социального капитала. Юноши или девушки, формируя свое «онлайн-окружение», которое включает других пользователей, подписчиков, текстовый, музыкальный, видео-, новостной контенты, занимают определенное положение относительно группы «выбранных своих». И это положение зависит от (сконструированного) социального статуса, основанного на культурных предпочтениях (демонстрациях) и идеологических (ценностных) установках. Причем большее значение имеют именно моральные качества, нежели материальное положение [4].

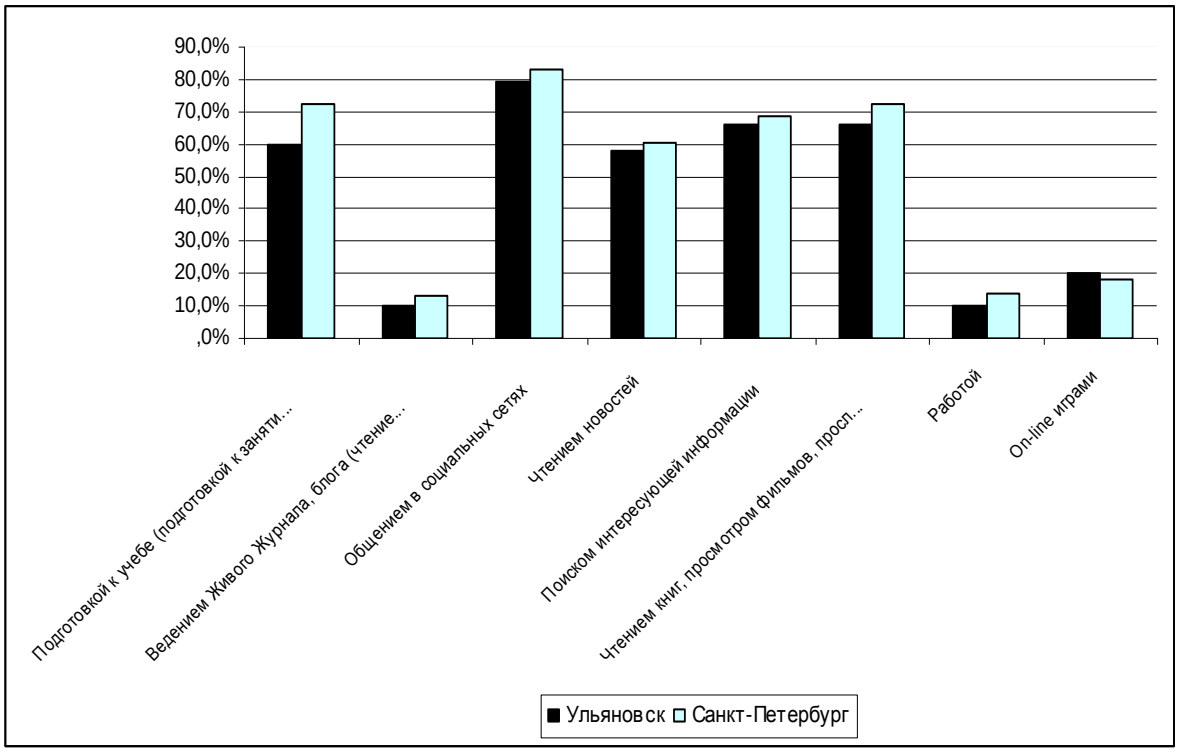

Рис. 11. **Виды интернет-активностей ульяновской и петербургской молодежи**

Но социальные сети — это, конечно, важная, но лишь одна из сторон интернет-возможностей для социального включения молодежи. Существует также и ряд других, например, досугово-развлекательная активность (более 70 % респондентов заняты в Интернете просмотром фильмов, прослушиванием музыки), познавательная активность (около 60 % и более заняты поиском интересующей информации и чтением новостей), организация и подготовка к занятиям (подготовкой к учебе заняты 60—70 % респондентов).

Таким образом, молодежные гражданские активности сегодня нельзя рассматривать исключительно в контексте политического участия. Феномен интерпретации гражданственности через различные формы так называемого молодежного лидерства также отходит на второй план. Формы проявления гражданственности молодежи сегодня могут быть *разнообразными,* но наметилась новая тенденция: прежние стратегии так называемой «пассивной активности» («не люблю сам искать возможности для участия/включения») трансформировались в *индивидуальные* стратегии поиска этих форм для их реализации в *повседневной* жизни.

Новые формы молодежной гражданственности могут быть связаны с разными мотивациями и целями, но в первую очередь с утверждением (декларацией) *гуманистических ценностей*, которые отождествляются у молодежи с поддержкой и взаимопомощью. Также в выстраивании молодежных представлений о гражданственности важен опыт самоопределения и мотивация поиска своего жизненного пути. При этом о широкой солидаризации ради приумно-

жения общественных благ, провозглашения гражданских прав или снижения насилия среди молодежи говорить не приходится. Опыт солидаризации для молодых важен, скорее, для укрепления (подтверждения) своих интересов в какой-либо общности.

Такой подход к объяснению гражданственности и гражданских активностей лежит в плоскости молодежных когниций и интерпретации молодыми социальной нормативности, используемых ими в *повседневных* взаимодействиях, когда происходит *взаимоприспособление* потребностей, желаний и устремлений.

Итак, с одной стороны, реализация гражданских активностей укладывается в логику культурного (вос)производства гуманистических ценностей в таком своеобразном «повседневном» контексте, но с другой стороны, и это важно отметить, мы можем наблюдать сегодня появление новой формы *публичного активизма,* связанного с широким распространением интернет-практик в молодежной среде. Этот новый формат обязует молодых непременно подтверждать свой статус активиста, например, тематическими перепостами в социальных сетях соответствующего новостного контента или участием в открытых всем желающим онлайн-обсуждениях и дискуссиях, касающихся актуальной новости или социальной проблемы. То есть речь может идти о репрезентации гражданственности («репрезентативной гражданственности»), которая в этой связи становится категорией, еще более трудной для распознавания.

1. *Андреева Ю. В.* Нам нужны права, а не обязанности: гражданская активность российской молодежи / в соавт. с И. В. Костериной // Журн. исследований социальной политики. 2009. № 4(3). С. 402.
2. *Андреева Ю. В.* В фокусе — молодежный активизм // Поколения.net: Хроники событий. Ульяновск : УлГУ, 2008. С. 76—80.
3. *Омельченко Е. Л.* От пофигистов до прагматиков: поколения молодежной солидарности постперестроечной России // Неприкосновенный запас. 2008. № 5(61).
4. *Андреева Ю. В.* Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей / в соавт. с Г. А. Сабировой // Журн. социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 72, № 1. С. 170—189.

Н. В. Власова, А. С. Фильченкова

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМЫ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

В статье исследуется, как социальные, экономические, культурные изменения, характерные для современных постиндустриальных обществ, развитие коммуникативных технологий меняют телевидение и его аудиторию, а также традиционные формы их взаимодействия. Коммерциализация российского телевидения, наряду с преобразованиями в экономике, вызвавшими трансформацию социальной структуры общества, изменила условия и образ жизни людей, роль телевидения в их повседневной жизни.

Ключевые слова: реклама, коммерциализация СМИ, телевизионная аудитория, телевизионное потребление.

N. V. Vlasova, A. S. Filchenkova

SOCIAL ASPECTS OF ADVERTISING COMMERCIALIZATION ON TV

There are many factors that influence television and its audience: social, economic and cultural changes of the modern post-industrial societies, the development of communication technologies, as well as traditional forms of their interactions. Commercialization of Russion television, along with changes in the economy, transformed the social structure of society, changed the conditions and lifestyles of people, the role of television in their daily lives.

Key words: advertising, commercialization of media, television audience, TV consumption.

Во второй половине XX века телевидение заняло лидирующее положение в системе средств массовой коммуникации, стало неотъемлемой частью повседневной жизни людей и значимым фактором общественного и культурного развития. Аудитория является важнейшей (наряду с коммуникатором и содержанием) частью телевидения как социального института. Именно во взаимодействии с аудиторией телевидение реализует свои социальные функции и свою символическую власть. Динамика телевидения и аудитории — взаимосвязанные процессы. Социальные, экономические, культурные изменения, характерные для современных постиндустриальных обществ, развитие коммуникативных технологий меняют телевидение и его аудиторию, а также традиционные формы их взаимодействия.

Российская аудитория телевидения претерпела существенные изменения вместе с радикальными трансформациями российского общества и телевидения в конце XX — начале XXI века. Принципиальные изменения телевидения связаны с преобразованием государственной системы печатных и электронных СМИ, сосредоточенной главным образом на идеологических и политических задачах, в медиаиндустрию, оперирующую на рынке и ориентирующуюся на законы рыночного (а не только политического) спроса и предложения. Телевидение из идеологического института превратилось в бизнес-организацию, специфической задачей которой является агрегирование с помощью определенного контента привлекательных для рекламодателей аудиторий с последующей их коммодификацией. Коммерциализация российского телевидения, наряду с преобразованиями в экономике, вызвавшими трансформацию социальной структуры общества, изменила условия и образ жизни людей, роль телевидения в их повседневной жизни; изменилось также содержание, передаваемое по каналам телевидения, телевизионные предпочтения аудитории, формы телесмотрения и многое другое. Эти проблемы объединены исследованием социокультурной динамики российской телевизионной аудитории, что представляется фундаментальной проблемой современной социологии телевидения.

Телевидение как одно из средств массовой информации является наиболее массовым из СМИ, охватывающим и те слои населения, которые остаются за рамками влияния других СМИ. Эта способность телевидения объясняется его спецификой как средства создания, передачи и восприятия информации.

Во-первых, эта специфика заключается в способности электромагнитных колебаний, несущих телевизионный сигнал, проникать в любую точку пространства в зоне действия передатчика. С появлением спутникового телевидения последнее ограничение отпало, еще более усилив позиции ТВ.

Во-вторых, специфика ТВ (в отличие от радио) — в его экранности, то есть в передаче информации посредством движущегося изображения, сопровождаемого звуком. Именно экранность обеспечивает непосредственно-чувственное восприятие телевизионных образов, а значит, и их доступность для самой широкой аудитории. В отличие, например, от радио, телевизионная информация доносится до зрителя в двух плоскостях: вербальной (словесной); невербальной, зрительной [2, с. 78].

Звукозрительный характер телевизионной коммуникации усиливается персонификацией информации, телевидение в большом числе случаев подразумевает личностные контакты автора или ведущего и участников передачи с аудиторией. Персонификация телеинформации уже давно утвердилась во всем мире как принцип вещания, как сущностное отличие телевизионной журналистики от других ее родов.

В-третьих, телевидение способно сообщить в звукозрительной форме о действии в момент его свершения. Одновременность события и его отображения на телевизионном экране (симультантность) является едва ли не самым уникальным свойством телевидения [7].

Превращение средств массовой информации в платформу для рекламного рынка диктует свои требования к программам, и в результате создаётся некий «виртуальный мир» со своими рекламными ценностями, который порождает ложные представления и ожидания, особенно у молодого поколения.

На общероссийском рынке телевидение занимает главенствующее место. По прогнозам специалистов, рынок телевизионной рекламы составит в 2015 году 52 % от всего медиарынка, а в 2016 — 54 % и вырастет с 1,3 до 2 миллиардов долларов. В то же время доходы радио и печати, хоть и вырастут в абсолютных цифрах, в процентном отношении уменьшатся [3].

Если говорить о роли государства и частного капитала в средствах массовой информации, то ситуация в печатных СМИ наиболее близка, несмотря на все особенности российского рынка, к мировым тенденциям. Что же касается электронных СМИ, особенно телевидения, то надо прямо сказать, что в последние годы здесь преобладают далеко не рыночные факторы.

Телевидение сегодня является единственным сегментом медиарынка России, где государство сохраняет доминирующие позиции: 50 % аудитории, 70 % рекламных доходов.

По результатам проведенного исследования было выявлено, что дифференциация российской аудитории телевидения связана с углублением различий в способах организации, формах и стилях телепотребления. Это касается времени, места, продолжительности просмотра, а также особенностей характера и стиля телепросмотра (запланированное или спонтанное, фоновое или сосредоточенное, зэппинг или непрерывный просмотр и пр.). Развитие цифровых технологий приводит к формированию новых форм телепотребления, что способствует дальнейшей дифференциации телеаудитории. Так, по данным опроса 2014 года, каждый шестой владелец домашнего доступа в Интернет в крупных городах России, имея дома телевизор, смотрит телепередачи на мониторе компьютера (через Интернет или ТВ-тюнер). Неравномерность проникновения Интернета, обусловленная социальными и технологическими причинами, оказывается дополнительным фактором дифференциации телеаудитории.

По результатам проведенного опроса, 29 % телезрителей всегда переключают канал, когда начинается реклама. 57 % это делают часто, 13 % — редко и только 1 % не занимаются зэппингом (так профессионалы называют практику переключения каналов).

Почти каждый третий телезритель переключает канал, когда начинается реклама (см. рис. 1).

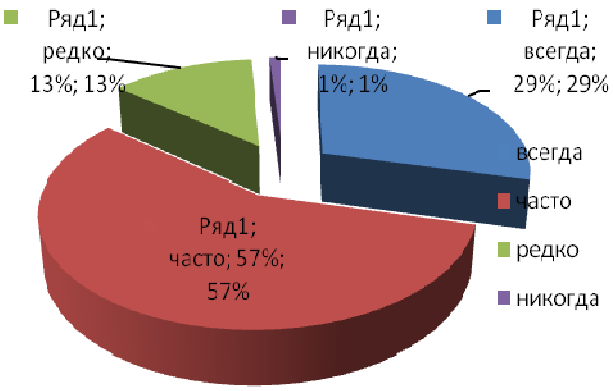

Рис. 1. **Результаты ответов телезрителей на вопрос «Как часто Вы переключаете канал, когда начинается рекламный блок?»**

Несмотря на ярко выраженную нелюбовь масс к телевизионной рекламе, как показывает практика, именно она воздействует на людей больше, чем все остальные виды рекламы. При постановке той или иной задачи нужно проанализировать и оценить эффективность ТВ. Если рынок ограничен городом, областью или даже несколькими городами или областями, нужно искать эффективные каналы коммуникации. Часто при решении точечных задач размещение в прессе, наружной рекламе и радио могут дать хороший результат.

Произошло сокращение объема потенциальной аудитории ТВ и изменилась её социально-групповая структура, что связано с демографическими процессами и преобразованиями 1990-х гг. До конца 1980-х гг. потенциальная аудитория ТВ росла вместе с ростом численности населения и расширением телевизионного вещания. В 1990 году, по данным госстатистики, охват населения телевещанием составил 98 %, то есть практически сравнялся с численностью населения [4]. Но процессы депопуляции в 90-е гг. привели к сокращению величины потенциальной аудитории телевидения: численность населения России с 1994 по 2010 год сократилась на 4,9 млн человек, соответственно, величина потенциальной аудитории телевидения уменьшилась на 2,6 млн человек и составила 141 млн 326 тыс. человек [1]. Несмотря на некоторое сокращение объема, российская аудитория телевидения остается одной из самых крупных национальных телеаудиторий в мире. Но с 2009 года наблюдается также уменьшение реальной (ежедневной) аудитории телевидения (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение объемов телепотребления по половозрастным группам (2012—2014 гг.) (в минутах в сутки на одного представителя в группе) [1]

Группы	2012 г.	2014 г.	2014 – 2012 гг.
Все 4—10 лет	166	135	– 32
Мужчины 11—24 лет	172	148	– 23
Женщины 11—24 лет	165	156	– 10
Мужчины 25—34 лет	174	161	– 13
Женщины 25—34 лет	225	190	– 35
Мужчины 35—54 лет	244	236	– 8
Женщины 35—54 лет	239	250	11
Мужчины 55 лет и старше	282	308	25
Женщины 55 лет и старше	283	329	47

Электронные измерения количества телепросмотров на панельной выборке домохозяйств, которые ведутся в России начиная с 1999 года компанией TNS, позволили зафиксировать, что среднее число людей, ежедневно включенных в телепросмотр, с 2012 по 2014 год сократилось с 75 до 73 % [6]. Основной причиной стали изменения медиасреды и медиапотребления — прежде всего конкуренция со стороны новых информационно- коммуникационных технологий (компьютер, Интернет, мобильные устройства и пр.). Число ежедневных телезрителей более всего сократилось именно в группах населения, которые активнее других осваивают и используют новые медиатехнологии: молодежь от 15 до 35 лет, особенно мужчины этой возрастной группы (см. табл. 1). По данным компании TNS, активные интернет-пользователи смотрят телевизор в среднем на час меньше, чем не-пользователи. Динамика российской аудитории телевидения связана также с изменением ее половозрастной структуры.

В телеаудитории наблюдается «перевес» женщин (даже больший, чем в населении в целом): 59 % женщин и 41 % мужчин [6]. Рост «женского телесмотрения» и увеличение доли женщин в аудитории телевидения объясняется комплексом причин, связанных со стратификационными процессами, изменениями в бюджете времени, организации быта (в частности, массовым распространением бытовой техники, «удвоением» телевизионных приемников в домохозяйствах и ростом фонового телепотребления, совмещенного с выполнением домашних дел) и пр.

Но не менее важной причиной стали изменения в содержании телепрограмм, связанные с коммерциализацией телевидения. Условием успеха коммерческого телевидения является не просто производство массовой аудитории, но и производство определенных (целевых) аудиторий, представляющих интерес для рекламодателей. Женщины, отвечающие, как правило, за ведение домашнего хозяйства и совершающие большинство покупок товаров повседневного спроса, наиболее востребованы рекламодателями. Именно на них и рассчитаны, соответственно, передачи современного российского ТВ — телесериалы, развлекательные ток-шоу, передачи о ремонте, кулинарии, здоровье, моде, концерты популярных исполнителей и всевозможные шоу со «звездами» и др. [5].

Основой для большинства общенациональных рекламных компаний является телевидение — средство передачи сообщения в звуке, красках и движении, способное увязать символы

с товарами, показать применение товаров и реакцию потребителей.

Бесспорные его преимущества — массовая аудитория, экономичность и относительно невысокие затраты на представление продукта в расчете на одного потребителя. Телевидение более комплексно воздействует на органы чувств человека, то есть на его слух, зрение, тогда как газетное объявление — только на зрение [4].

Конечно, телевидение может обеспечить некоторую избирательность в зависимости от времени дня и от программы, но в целом не такую точную, какая требуется. Кроме того, типичное рекламное сообщение имеет продолжительность тридцать секунд, и для закрепления его в сознании надо, чтобы потенциальный клиент смотрел это время телевизор, а сообщение было повторено. Только тогда он успеет записать номер телефона или другую информацию, которая позволила бы ему купить продукт или узнать о нем больше.

Другая связанная с телевидением проблема — это переключение зрителями каналов, особенно когда передача прерывается рекламой. Избежать этого невозможно, и телеканалы пытаются передавать рекламные сообщения (объявления по возможности в одно и то же время). Это означает, что, даже переключая с одного канала на другой, зритель все равно увидит рекламу.

Следующая проблема — слишком большой поток рекламных сообщений. Им посвящено около четвертой части эфирного времени, а иногда даже больше. Если человек длительное время смотрит телевидение, он получает множество таких сообщений и, привыкнув к ним, отвергает их все, как бы отгораживается от них. Поэтому надо разрабатывать такие сообщения, чтобы они привлекали внимание телезрителя и удерживали его длительное время.

1. *Азейнберг М.* Менеджмент рекламы. М. : ИнтелТех, 2013. 432 с.
2. *Коломиец В.* Телерекламный бизнес (информационно-аналитическое обеспечение). М. : Международный институт рекламы, 2011. 364 с.
3. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. Краткий курс. М. : Вильямс, 2012. 689 с.
4. *Полуэхтова И. А.* Динамика российской телеаудитории // Социс. 2010. № 1. С. 66—77.
5. *Серегина Т. К., Титкова Л. М.* Реклама в бизнесе. М. : ИВЦ «Маркетинг», 2014. 514 с.
6. TNS Россия InBrevi. Анализ телевизионной рекламы. URL: http://www.tns-global.ru/services/monitoring/advertising/tv/ (дата обращения: 25.10.2015).
7. Интернет-энциклопедия. URL: http://bse.sci-lib.com/article106417.html (дата обращения: 15.10.2015).

Е. В. Кузьмина (Старкова)

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В Г. УЛЬЯНОВСКЕ (С 1990-Х ДО СЕРЕДИНЫ 2000-Х ГОДОВ) В ИЗЛОЖЕНИИ ЭКСПЕРТОВ[1]

Статья основана на проведенных автором экспертных интервью с представителями радиовещательных компаний в г. Ульяновске и посвящена появлению, становлению и развитию коммерческих радиостанций с 1990-х до середины 2000-х годов в г. Ульяновске, представленных в изложении экспертов — ведущих эфира и директоров. Данные экспертных интервью в некоторых случаях дополняются и количественными показателями — рейтингами радиостанций на обозначенный период времени. Отдельно прослеживается история появления и исчезновения первых местных радиостанций в г. Ульяновске.

Ключевые слова: история регионального радиовещания, эксперты радиовещательных компаний, формат вещания радиостанций.

E. V. Kuzmina (Starkova)

EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF COMMERCIAL RADIO IN ULYANOVSK (FROM THE 1990-S UNTIL THE MID 2000-S) AS SUBMITTED EXPERTS

This article is based on a sequence of expert interviews conducted by author with radio broadcast company representatives. It is dedicated to the appearance, becoming and developing of commercial radio stations since 1990s up to the middle of the first decade of 2000s in Ulyanovsk city as presented by experts — radio anchormen and radio station directors. Expert interview data in certain cases is complemented also by quantity indexes — radio station ratings in a set period of time. Separately, a history of appearance and disappearance of the first local radio stations in Ulyanovsk city is posed.

Key words: history of local radio broadcast, radio broadcast company experts, radio broadcast format.

В нашей стране коммерческое радиовещание появилось в начале 1990-х годов. Регулярное вещание «Европы Плюс» — первой среди коммерческих радиостанций — началось в 1990 году, а другой популярнейшей станции — «Русское радио» — в 1995 году. Позднее они превратились в крупнейшие сети, охватывающие многие регионы страны и работающие с местными компаниями, обеспечивающими их ретрансляцию. Одними из первых в отечественном эфире появились также российско-американские станции «Максимум» и «Радио 7 на семи холмах». Наряду с «Европой Плюс» были созданы и другие российско-французские проекты: «Ностальжи» и «М-радио» [2].

Развитие коммерческих радиостанций в Ульяновске и ульяновской области совпадало с теми процессами, которые происходили в сфере радиовещания в стране в целом. Начало коммерческого вещания в регионе также относится к первой половине 1990-х годов. Первая коммерческая радиостанция появилась в нашем городе в 1993 году и называлась «Пилигрим». В ее штате работало тогда всего пять сотрудников. (Она являлась частью медийного холдинга «Симбирск-эфир», в его составе были также телеканал «Симбирск-эфир», кабельное ТВ, газета «Град Симбирск».)

В числе первых работников коммерческого радиовещания была и Зуля Ахметова — позднее

[1] Осенью 2007 года автором статьи было проведено исследование в форме интервью с экспертами. Эксперты были подобраны таким образом, что представляли все радиостанции, действующие на тот момент в Ульяновске: И. Степанов — главный редактор ЗАО «Телекомпания «Русский проект», И. Пивень — редактор местной радиостанции «2×2», З. Ахметова — ведущая радиостанции «Радио 7», Влад Егоров — программный директор ООО ТРК «Европроект», О. Рябова — директор радиостанций «Дорожное радио» и «Energy».

ведущая радиостанции «Радио 7». Именно во многом со слов этого эксперта, находившегося у истоков коммерческого вещания в нашем регионе, далее и будет излагаться краткая история развития радиовещания в Ульяновске. Директором первой упомянутой выше радиостанции был Сергей Куртасов, звукорежиссером — Александр Суханов. Именно здесь начинали работать очень известные впоследствии в нашем городе и области ведущие, диджеи Марат Зарипов и Наташа Ветрова. Четко определенного формата станции тогда не существовало. То же самое происходило и в масштабе всей страны; многие эксперты отмечают, что в начале 1990-х годов коммерческие радиостанции только начали появляться, между ними в то время не было сильной конкуренции, а у многих — и определенного формата. Тем не менее уже тогда представители наших радиостанций побывали на стажировках за рубежом, в США (в частности, З. Ахметова). Отечественных диджеев поразила дифференциация американских радиостанций по тематике и аудиториям: разговорное радио, радио, транслирующее только определенные музыкальные направления, например, джаз или блюз. Многие из таких узкоформатных радиостанций в нашей стране стали появляться лишь сравнительно недавно, в основном в столичных городах.

Если вернуться к описанию формата первой коммерческой радиостанции в Ульяновске, то сами эксперты характеризуют его как «микс-радио»: на ее волнах звучали и шансон, и отечественные, и западные поп- и рок-композиции. Еще одной особенностью того времени было то, что сотрудники радиостанции сами создавали многие передачи, в частности, программы «Ночь», «Стрелы Амура». Последняя представляла собой знакомства при помощи программы или игры на радио (сейчас передача относилась бы к формату «Love-радио»). В то время не было распространено пользование мобильными телефонами и общение со слушателями проходило посредством отправления почтовых карточек и звонков на домашние стационарные телефоны.

Примерно в середине 90-х годов, по словам эксперта З. Ахметовой, к занятым в сфере радиовещания стало приходить понимание того, что *«эфирное время — это товар»*. «Пилигрим» стал первой радиостанцией, продававшей астрологические прогнозы. Уже тогда проводились различные конкурсы, розыгрыши. Некоторые программы появлялись под прямым влиянием опыта, полученного во время стажировок в США.

Первая коммерческая радиостанция просуществовала несколько лет. Поскольку она являлась частью холдинга, то ее закрытие было связано с реорганизацией его структур. Заметим, что сама станция окупала себя. Затем владельцем ее стала компания «Симбирск-эфир+», *«а у «Симбирск-эфира» было две частоты, 70,25 — в УКВ-диапазоне и 104,2 — в FM-диапазоне. На 104,2 FM была запущена станция «Серебряный дождь». И она, наверное, около полугода вещала в Ульяновске…»* (*З. Ахметова*). То есть речь шла уже о ретрансляции столичной радиостанции. Многие специалисты, работавшие на радиостанции «Пилигрим», ушли с нее, хотя на то время это был не первый состав сотрудников. В числе первых коммерческих радиостанций, появившихся в Ульяновске, были также местная радиостанция «Центр» и «Европа Плюс» («Европа Плюс Ульяновск» начала постоянное вещание 30 апреля 1994 года).

В 1998 году появляется другая местная станция «Симбирский спутник», начавшая свое вещание 31 декабря. К этому времени уже перестала существовать радиостанция «Центр». Идеей своего создания новая станция обязана одному из известных в Ульяновске бизнесменов — А. К. Дырчанкову; он возглавлял компанию, которая владела, кроме радиостанции, магазинами розничной торговли, казино, бистро и пр. «Симбирский спутник» вещал в FM-диапазоне на частоте 103,5 МГц. Среди его специалистов и ведущих были те, кто работал на существовавших ранее радиостанциях «Пилигрим» и «Центр». «Симбирский спутник» был действительно местной радиостанцией (что непосредственно отражено в его названии), сотрудниками определялось не только музыкальное наполнение эфира, но и создавались собственные передачи. В то время местные радиостанции еще не были знакомы с практикой закупки готовых программ, которая весьма широко распространена сегодня. Создавать собственные передачи было дешевле, чем закупать готовые, кроме того, владельцы станции не готовы были идти на такие дополнительные затраты. Редактором, а по сути программным директором этой станции была З. Ахметова.

Заметим, что, по данным исследования «Медиа-пульс», которое проводилось НИЦ «Регион» (автор статьи непосредственно в нем участвовала в качестве аналитика), размер месячной аудитории «Симбирского спутника» в г. Ульяновске осенью 2004 года (октябрь) составлял 12,7 %, как и у «Радио 7 на семи холмах» (для сравнения: рейтинги популярнейших в стране

«Русского радио» и «Европы Плюс» в Ульяновске были значительно выше — 33,8 и 32,0 % соответственно).

«Симбирский спутник» просуществовал несколько лет. В 2003 году он сменил владельцев и был приобретен группой компаний «Максима Х». Какое-то время сохранялось прежнее название радиостанции. «*В 2005 году руководство «Максима Х» принимает решение: две частоты радиостанции «Симбирский спутник» — 67,7 УКВ и 103,5 FM — отдать под ретрансляцию двух радиостанций*» (*З. Ахметова*). Речь идет о двух московских станциях «Энергия» и «Максимум» («Энергия» — на частоте 67,7 МГц УКВ и на частоте 103,5 МГц FM — «Максимум»). Эти преобразования были связаны с тем, что радиостанция вместе с отделом наружной рекламы в 2005 году вошла в состав рекламной группы «MaxEffect», «*все подразделения компании «Максима Х» были объединены в одно рекламное агентство*» (*О. Рябова, директор радиостанций «Энергия» и «Радио «Максимум»*). Прежний редактор З. Ахметова была категорически против такого решения, приводя следующие аргументы: «…*в Ульяновске… нет такого большого процента молодого населения, у нас не миллионный город и город не студенческий, как Москва — 8 млн, и сколько вузов… это даже не Самара. И аргумент был такой: в Самаре слушают радио «Максимум» и радио «Энергия». К сожалению, они меня не услышали…*».

Ольга Рябова, ставшая директором радиостанций «Энергия» и «Радио «Максимум», так в свою очередь поясняет причину смены радиостанций и, соответственно, их форматов: «*Не секрет, что московский продукт, радиостанция — более качественная. Почему? Потому что в Москве гораздо больше денег крутится в радиобизнесе, и там есть возможность делать более дорогие проекты, приглашать более известных и более профессиональных людей для работы на радиостанции. И поэтому бренд говорит сам за себя, естественно, такая радиостанция должна быть более качественная и более популярная. И для того чтобы повысить рейтинги, увеличить аудиторию, было решено провести такой эксперимент. Можно сказать, что, действительно, это был эксперимент, потому что были мысли, если не получится, не найдем свою аудиторию, то в любое время можно вернуться к «Симбирскому спутнику», потому что это полностью наша концепция…*»

В качестве иллюстрации слов экспертов стоит привести данные рейтингов новых на тот момент радиостанций в ноябре 2005 года в г. Ульяновске: «Максимум» — 7,4 %, «Энергия» — 6,7 %. Несмотря на то, что сами показатели рейтингов невысоки (для сравнения: рейтинги «Европы Плюс» и «Русского радио» составляли в то же время 27,1 и 23,0 %), эти радиостанции все же заняли определенную нишу и нашли своего, пусть и относительно немногочисленного слушателя, тем более учитывая, что в то время они совсем недавно появились на ульяновском рынке. Хотя стоит также отметить, что рейтинги любой из этих станций были ниже прежней местной — «Симбирского спутника».

Поскольку речь шла уже о ретрансляции московских станций, а не о собственной местной радиостанции, то большого количества сотрудников не требовалось. Штат прежней радиостанции был сокращен, осталось только по два ведущих на «Энергии» и «Максимуме», которые работали буквально по часу в день. Кроме того, у давно занятых в данной сфере специалистов исчезла мотивация создания собственных программ, самостоятельного наполнения эфира.

Эксперт, заставший еще вещание «Симбирского спутника», а позднее директор радиостанций «Радио «Максимум» и «Энергия», так высказывалась по поводу отличия ретрансляции от организации работы местной радиостанции: «*Работа коллектива ульяновского, местного, заключалась в том, чтобы вести эту ретрансляцию и делать местные включения — это реклама, новости, интерактивные программы и всякие развлекательные программы… «Симбирский спутник» — это было все собственное вещание. Что значит собственное вещание: это собственные программы, собственный музыкальный эфир, все от и до готовится силами местного коллектива, собственного коллектива*» (*О. Рябова*).

Директор этих станций объясняла, почему для ретрансляции были выбраны именно они: прежде чем запустить вещание, представители компании ознакомились с самим продуктом, рейтингами станций. Одним из привлекательных моментов и для аудитории, и для ретрансляторов было существовавшее в то время на «Радио «Максимум» шоу Бачинского и Стиллавина, которые во многом и повышали его рейтинги. Что касается радио «Энергия», то «*это танцевальная музыка клубного формата, которой на тот момент не было в Ульяновске…*» (*О. Рябова*). В то время на разных радиостанциях звучали лишь отдельные передачи, посвященные электронной, клубной музыке, длительностью один-два часа. Для этой станции был выбран именно УКВ-диапазон, так как «*он характеризуется меньшим охватом, потому что меньше приемни-*

ков в УКВ-диапазоне» (*О. Рябова*). При выборе этих радиостанций руководствовались и теми соображениями, что в городе до этого не было радиостанций, ориентированных преимущественно на молодежную аудиторию, как «Энергия» и «Максимум». Но с течением времени последнюю станцию перестали ретранслировать и заменили на другую, и не в последнюю очередь в силу тех причин, которые были предсказаны еще прежним редактором «Симбирского спутника» З. Ахметовой, а именно: недостаточная доля молодежной аудитории среди радиослушателей в Ульяновске. Директор этих станций О. Рябова так высказалась по этому поводу:

— Со временем стало понятно, что радиостанции качественные, у них современная качественная музыка, в том числе и западная… Но город у нас все-таки провинциальный...

— И не очень продвинутый в музыкальных вкусах…

— Да, в этом первая причина. И, во-вторых, все-таки небольшой город. Это значит, бороться за рекламодателя, за заказчика можно в том случае, если аудитория достаточно широка. То есть мы поняли, что нужна радиостанция с более широкой аудиторией, то есть с музыкой, которая рассчитана на массы…

Все эти указанные причины привели к появлению осенью 2007 года в г. Ульяновске новой радиостанции — «Дорожное радио». И затем две радиостанции «Energy» и «Дорожное радио» вошли в медиагруппу «Фабрика безупречной рекламы». Излагая историю развития коммерческого вещания в регионе, невозможно обойти вниманием создание двух других крупнейших местных медиакомпаний: ООО ТРК «Европроект» и ЗАО «Телекомпания «Русский проект».

Телерадиокомпания «Европроект» создана в 1995 году на основе вещающей с 1994 года радиостанции «Европа Плюс Ульяновск» [5]. Как уже было сказано, «Европа Плюс» была одной из первых станций, представляющих сетевое вещание в регионе. По словам В. Егорова, являвшегося программным директором ООО ТРК «Европроект», идея и инициатива ее появления в Ульяновске принадлежит бизнесмену Н. П. Размолодину: «…*просто это было интересно, естественно, это бизнес, во-первых, а во-вторых, это интересный бизнес — музыкальное вещание. Тогда еще не было станций, кроме «Симбирского спутника», все только начиналось, это была неисследованная территория, т. е. перспектива…*» (*В. Егоров*).

ООО ТРК «Европроект» осуществляло ретрансляцию и «Love-радио», у него были весьма высокие рейтинги в г. Ульяновске в 2004 году — 18,6 %, однако в 2005 году оно уже не ретранслировалось. В 2002 году начато вещание радио «Шансон» в УКВ-диапазоне на частоте 73,19 МГц. «Европроект» 2 мая 2006 года (вскоре после того, как в Ульяновске прекратилось вещание «Русского радио», которое осуществлялось той же компанией) начал ретрансляцию «Ретро FM» (на частоте 71,78 МГц). Причиной выбора именно этой станции стало то, что она достаточно популярна в стране, ее слушает обширная аудитория, что в свою очередь выгодно в плане поступлений, получаемых от размещения рекламы.

С точки зрения развития коммерческого радиовещания в Ульяновском регионе интересен до- и послекризисный период (1997—1998 гг.). В это время была организована ЗАО «Телекомпания «Русский проект» как партнер телеканала «2×2 на Волге». Идея создания радиовещательной корпорации принадлежала генеральному директору В. Советкину [6]. Корпорация впоследствии будет объединять целый рад радиостанций и других СМИ. Сначала в 1997 году ею была запущена в FM-диапазоне ретрансляция «Эхо Москвы» — новостной станции. Как отмечают эксперты, у нее были в то время значительные аудитории и высокие рейтинги, но она не представляла большого интереса для рекламодателей и, соответственно, не была выгодна ретрансляторам с точки зрения поступлений от размещения рекламы. А целью данного закрытого общества, естественно, было получение прибыли: «*Хотелось бы немного денег зарабатывать, хотя бы для оплаты передатчиков и аренды*» (*И. Степанов, главный редактор радиостанций холдинга «Русский проект*»). И в 1998 году было принято решение о создании местной станции с собственной концепцией. Причину появления именно такой станции И. Степанов объясняет так: «*Понимаете, у сетевика в регионах есть один минус: слушателям в регионах не интересны те проблемы, события, которые происходят в Москве. А сетевики этим грешат, им нужно захватить московскую аудиторию, для них это приоритет. И поэтому вот как раз минус, в этом они проигрывают. Мы решили делать местную станцию местного наполнения, полностью с местными ведущими, со своими знаниями*».

В то время радиорынок в нашем регионе только начинал складываться, вещало не так много радиостанций, среди них «Симбирский спутник», «Европа Плюс». В последующем «2×2» была единственной местной станцией, которая осталась в Ульяновске, имеющей свою

концепцию, музыкальное и программное наполнение. Специалисты данной станции во время ее становления и позднее регулярно посещали различные семинары, учились тому, как и чем наполнять эфир. В принципе те же процессы становления коммерческого радиовещания происходили и в стране в целом. В середине 2000-х годов у данной радиостанции были высокие рейтинги: если оценивать размер месячной аудитории — 23,7 % населения города на октябрь 2004 года, в этом году ее опережали лишь суперпопулярные и в стране в целом, и в г. Ульяновске «Русское радио» (33,8 %) и «Европа Плюс» (32,0 %). В 2005 году местная станция даже потеснила позиции «Русского радио» (23,0 %) и уступала лишь «Европе Плюс» (27,1 %), рейтинг «2×2» составил 24,3 %. В следующем, 2006 году с исчезновением «Русского радио» в нашем регионе лидерство практически на равных поделили эти две радиостанции: местная «2×2» и сетевая «Европа Плюс» (рейтинг обоих станций в ноябре 2006 года составил около 26 %). В мае 2007 года картина выглядела уже следующим образом: у «Европы плюс» — 30,5 %, у «2×2» — 26,8 %.

В 2003 году началась ретрансляция «Радио 7 на семи холмах» Телекомпанией «Русский проект» (более позднее название этой станции — «Радио 7»[1]). Как поясняет И. Степанов — главный редактор радиостанций ЗАО «Телекомпания «Русский проект»: «*…хотелось другую возрастную категорию захватить, потому что… до этого было радио для всех, в эфире звучали винегреты такие, смесь…*». Данная радиостанция позиционировалась как офисно-семейная, поэтому музыка, ею транслируемая, выполняла роль фона. Это было даже отражено в слогане, который постоянно звучал на ее волнах: «Лучший фон вашей жизни». Соответственно, разрабатывались и местные программы: игры для сотрудников офисов, которые присылали факсы для участия в конкурсах. Была запущена, например, игра «Табакерка» — розыгрыш билетов в театр Табакова, постоянно шла передача «Семейный кинопоход», где разыгрывались билеты в кинотеатры для всей семьи. Рейтинги данной радиостанции в Ульяновске довольно стабильно росли, так, в 2004 году (октябрь) — 12,7 %, в 2005 году (ноябрь) — 13,8 %, в 2006 году (ноябрь) — 15,2 % и, наконец, в апреле 2007 года размер месячной аудитории вырос до 20,1 %.

[1] «Радио 7 на семи холмах» — московская станция, была основана в 1992 году, см. официальный сайт www.radio7.ru.

С 19 мая 2005 года ЗАО «Телекомпания «Русский проект» начало трансляцию программ «Радио «Культура» в городе Ульяновске на частоте 102,5 МГц. В его эфире были программы и местного производства, освещающие культурные события г. Ульяновска.

Итак, на тот период времени в Ульяновске осталась лишь одна местная станция, другие являлись частью сетей и занимались ретрансляцией. Схожая ситуация уже на протяжении ряда лет наблюдалась и по стране в целом: «Основная борьба за слушателя во всех регионах без исключения разыгрывается, конечно, в FM-диапазоне. И тут на первый план выходят уже местные ретрансляторы ведущих столичных музыкальных станций» [4, с. 41]. По мнению всех экспертов, принявших участие в опросе в г. Ульяновске, ретранслировать намного проще и легче, чем самостоятельно создавать станцию, разрабатывать ее концепцию, программное наполнение, искать свое звучание и определять формат. Поэтому среди станций преобладали сетевые. Эксперты высказывались по этому поводу очень схожим образом:

«*По франшизе проще работать, то есть местному вещателю предоставляется фактически готовый продукт, и его задача — поддержать его качественно, то есть не самим с нуля все делать, а просто поддержать. Но для этого тоже требуются умения, навыки и прочее, проводятся специальные обучающие семинары для сотрудников. Но, тем не менее, это просто… Проще, чем собственная станция*» (*В. Егоров, программный директор ООО ТРК «Европроект»*).

Однако и у местных радиостанций есть определенные преимущества перед сетевыми. Одно из важнейших — это «близость» к местному слушателю, его интересам и событиям, происходящим в регионе: «*Самый главный плюс в том, что, когда я включаю радио* «2×2» *и я включаю* «*Европу*»*, то сразу чувствую, что это местное — оно родное, вот минуты через три я включу, там будут названия улиц звучать, каких-то мест, которые я знаю, там, где я был. Когда я включаю «Европу», там в основном для меня звучат какие-то общеизвестные вещи, но когда идет сетевая реклама, для меня, например, жутко, когда они предлагают купить домик на Кипре, еще что-то…*» (*И. Степанов, главный редактор радиостанций ЗАО «Телекомпания «Русский проект»*).

Местная станция, как считает другой эксперт И. Пивень — директор радиостанции «2×2», также быстрее способна реагировать на изменения вкусов и музыкальных предпочтений сво-

ей аудитории: «*Если я чувствую, что моей аудитории нравится какой-то определенный пласт музыки или какое-то направление, наоборот, заинтересовало, то это направление я просто обязан включить в плей-лист, и оно в нем отразится. У сетевика это произойдет не раньше, чем через полгода*».

В целом преимущество местной радиостанции перед сетевой состоит в ориентации прежде всего на местный контекст. В новостях возможно более оперативное, по сравнению с ретрансляторами, освещение важных для жителей города и области событий, например, радио «2×2» информировало о закрытии моста через Волгу и рассказывало о ситуациях, сложившихся в связи с этим, делая прямые включения участников событий в любое время. Это принципиально невозможно при сетевом вещании, где время выхода новостей строго регламентировано. Причем ориентация на местного слушателя и его потребности, интересы проявляется не только в новостных программах, но и в других: *«Клубная музыка… это местные диджеи, это все местный уровень. То есть мы не берем Москву специально, чтобы было приближено к нам»* (*И. Пивень, директор радиостанции «2×2»*).

Таким образом, можно предположить, что местные станции не только создают ощущение близости, принадлежности к определенному местному сообществу, но и даже формируют его, рассказывая, например, о событиях культурной жизни, предоставляя возможности участвовать в конкурсах и розыгрышах и т. д.

Роль радиостанций (и не только региональных) в формировании местных сообществ следует рассмотреть подробнее. Ряд экспертов полагали, что местные новости и передачи на радиостанциях-ретрансляторах создают «*ощущение сообщества вот этого местного…*» (*В. Егоров, программный директор ООО ТРК «Европроект»*). (Причем если радиостанция местная, то ее близость к региональному контексту, учет и отражение локальных интересов, оперативность в освещении важных для жителей города ситуаций предполагаются сами собой.) Для сетевых станций такие передачи служат цели адаптации к определенному региону. В некоторых случаях таким связующим звеном в формировании сообществ являются даже не сами местные новости или другие передачи, а общение с ведущим эфира, диджеем. В основном это происходит тогда, когда его личность широко и давно известна в городе, как, например, в случае с З. Ахметовой. По ее словам, из общения с радиослушателями очевидно, что они обращались к ней уже много лет назад: «*Люди нас узнают, они выросли вместе с нами… и какой-то контакт был налажен еще тогда, потом мы росли, совершенствовались, учились, влюблялись, женились, выходили замуж, все это вместе с нами. То есть это и студенты, тогдашние школьники, тогдашние начинающие коммерсанты, а теперь уже серьезные бизнесмены, сотрудники офисов; это молодые мамы, которые тогда рожали детей, сидели дома, слушали радио, то есть теперь это уже успешные женщины, которые растят своих детей, а кое-кто дождался и внуков. То есть многих из них я и мои коллеги знаем просто по именам*». Такая ситуация, видимо, свойственна лишь относительно небольшим городам, в столичных же наличие таких тесных контактов и формирование подобных сообществ, в центре которых находятся диджей и практики прослушивания радио, было бы трудно представить.

Раскрывая эту тему, необходимо коснуться еще одного ее аспекта — интерактивных программ, передач, при создании которых в большей или меньшей степени в той или иной форме осуществляется общение со слушателями. Такие программы были практически на всех радиостанциях. Но мнения экспертов по поводу их оценки и роли несколько разделились. Некоторые полагали, что есть часть слушателей, которые предпочитают в эфире музыку, «*а не болтовню диджеев*» и людей, звонящих в эфир. Так, например, считал И. Пивень — директор местной радиостанции «2×2»: «*Люди, которые слушают радио, уже избалованы, им уже не интересно слушать, как кто-то передает привет соседу Васе и хочет заказать медляк…*» И, соответственно, отмечают, что на некоторых радиостанциях (не местных) время, выделяемое на такие передачи, сокращалось, и данные эксперты оценивали это позитивно. На местной станции «2×2» время, которое занимали в эфире такие интерактивные передачи, также сократилось — сначала с пяти до четырех, а затем и двух часов в сутки. Другие эксперты полагали, что изменяются скорее формы общения с радиослушателями, особенно на это влияет развитие коммуникационных и информационных технологий, в частности, звонки в эфир иногда заменяются СМС или интернет-заявками или программа представляет собой смонтированные звонки слушателей (они не идут в прямом эфире, а готовятся заранее). Появляются также другие, возможно, более интересные виды передач, в том числе и рекламного характера, например, различные конкурсы и розыгрыши в прямом эфире. Также интерактивное взаимо-

действие работников радиостанции и слушателей осуществлялось, например, на местной станции «2×2» в такой форме: посредством СМС-портала проводились опросы, выявлялись наиболее желательные для звучания в эфире композиции.

В последние десятилетия с появлением коммерческого радиовещания ключевой фигурой на радио стал диджей, спонтанно и раскованно общающийся в эфире со слушателями, пришедший на смену дикторам радио советских времен, читающим заранее завизированные тексты. По поводу роли диджеев или ведущих эфира в период проведения исследования мнения экспертов также несколько различались. Так, например, И. Пивень был убежден, что их работа необходима, и обосновывал это так: «*Если мне нужно послушать музыку, я ставлю диск, если мне нужно общение, хотя бы минимальное, хотя бы одностороннее, чтобы я не был в одиночестве, когда еду на работу, допустим, то я включаю радио. Это человек (диджей), который не дает просто звучать музыке, который должен нести мне заряд положительной энергии, бодрости… как элемент общения и поддержания моего настроения. Если мне плохо, а ему, я слышу — хорошо, значит, я поддерживаю, улучшаю свое настроение…*». Схожую точку зрения о том, что задача диджея (и одновременно требование к его личности) состоит в том, чтобы нести позитивный настрой, хорошие эмоции, высказывали и некоторые другие директора радиостанций и ведущие эфира. Но встречались и другие взгляды: например, директор радиостанции «Дорожное радио» считал, что отсутствие ведущих и их разговоров в прямом эфире на данной станции является ее отличительной чертой и, возможно, преимуществом.

Если подытожить приведенные выше данные и высказывания экспертов, в нашем регионе преобладали не только ретрансляторы, но и радиостанции, направленные на довольно широкую и в то же время достаточно взрослую аудиторию («Радио 7», «Ретро FM», «Авторадио» и др.). В ходе развития местного радиорынка отбирались и в итоге оставались те радиостанции, которые обеспечивали не узкую, а весьма массовую аудиторию с довольно широкими музыкальными вкусами. Ситуация, с одной стороны, легко объяснимая: именно радиостанции, рассчитанные на обширную аудиторию, способны обеспечить массовый охват в условиях среднего по численности города и стабильные поступления от рекламы (не в последнюю очередь это связано и со вкусами самих рекламодателей, которые охотнее размещали рекламу на тех радиостанциях, которые им «ближе»); с другой — парадоксальная, потому что все это усилило их конкуренцию между собой, и их аудитории значительно пересекались. В то же время тогда в регионе практически не осталось радиостанций, ориентированных на более узкие с точки зрения возраста и музыкальных пристрастий аудитории, например, исключительно молодежные (кроме «Energy»). Таким образом, в Ульяновске вещало преимущественно так называемое «хит-радио», и в то время речь еще не шла о появлении «нишевых» радиостанций, разговорного или новостного радио.

1. Индустрия российских СМИ: цифры, факты, проблемы // Журналист. 2002. № 7.
2. Система средств массовой информации России / под ред. Я. Н. Засурского. М. : Аспект Пресс, 2001.
3. Российские СМИ: количественная характеристика // Отечественные записки. 2003. № 4(13). URL: http://www.strana-oz.ru/2003/4/rossiyskie-smi-kolichestvennaya-harakteristika.
4. *Соболев С.* По воле волн // Индустрия рекламы. 2004. № 1—2(51—52). С. 40—44.
5. Официальный сайт «Европроект»: www.evroproekt.ru.
6. Официальный сайт: radio2×2.com.
7. Официальный сайт: www.radio7.ru.

Т. М. Лободюк, Н. В. Власова

ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ СМИ В РОССИИ

Средства массовой информации функционируют по двум направлениям: как испытывающие на себе и также отражающие общие социальные изменения в обществе и как влияющие на общество и вызывающие в нем те или иные изменения. В условиях нарастающей коммерциализации СМИ и сокращения государственного регулирования масс-медиа решающее значение приобретает экономическое регулирование деятельности СМИ, осуществляемое в основном через рыночный механизм.

Ключевые слова: СМИ, коммерциализация СМИ, информационное пространство, масс-медиа.

T. M. Lobodyuk, N. V. Vlasova

COMMERCIALIZATION CHALLENGES OF MEDIA IN RUSSIA

The functioning of mass media is in two ways: reflecting the general social changes in society and affecting and changing society in the certain way. In the context of growing commercialization of the media and reducing government regulation of mass media the economic regulation of the media is crucial. This regulation is carried out mainly through the market mechanism.

Key words: media, media commercialization, information space, mass media.

В настоящее время достаточно трудно представить нашу жизнь без газет, журналов, радио, телевизора и, конечно же, без Интернета. Из этих источников мы получаем необходимую информацию. Человек постоянно испытывает потребность в удовлетворении «информационного голода», так как является существом социальным и жить в отсутствии информации он просто не может. Люди постоянно стремятся получить информацию о происходящих событиях в окружающем их мире. В достижении этой цели нам помогают средства массовой информации (СМИ) [2, с. 41].

СМИ выполняют многообразные функции: информирования населения о событиях, происходящих в стране и мире в целом; образования и социализации; рекламы в самых разных её проявлениях. СМИ оказывают влияние почти на все сферы и институты общества, включая политику, здравоохранение, образование, религию, и являются важнейшими инструментами реализации политического процесса [3, с. 79].

В обществе все большую популярность приобретает мнение о том, что существует некоторая потеря современным обществом, молодежью нравственных ориентиров. Главной причиной этого является коммерциализация СМИ. Естественно, такая точка зрения невозможна в научных исследованиях, поскольку ученые рассматривают явления во взаимосвязи с другими общественными процессами и/или как часть той или иной системы [6, с. 110].

Коммерциализация СМИ — следствие изменений, произошедших в социально-экономической системе российского общества. Государство экономически больше не содержит их, за исключением тех, которые ему принадлежат. Экономическое выживание общественных или коммерческих изданий, телеканалов, радиостанций зависит от того, насколько они адекватно отвечают интересам рынка и его потребителя (покупателя, обывателя). Однако государство с помощью законодательной базы и административных рычагов может регулировать деятельность журналистов, привлекая их к ответственности за нарушения или злоупотребления или поощряя их социальные заслуги. Это называется государственной политикой в сфере массовых коммуникаций.

В свою очередь, общество, все его граждане в рыночных условиях могут своим выбором влиять и влияют на информационные потоки, определяя в них те или иные приоритеты. Информационные процессы в обществе формируются не стихийно, спонтанно, а всегда обусловлены системой существующих отношений и ценностей. И подобно тому, как искусство является формой духовного, культурного самосозна-

ния общества, журналистика является формой его социального самосознания. И это определяет средства массовой информации как социальный институт. Безусловно, в настоящее время СМИ и журналистику в России можно рассматривать как неотъемлемые компоненты глобальной информационной сферы [9]. Журналистика представляет собой профессию и вид профессиональной (творческой) деятельности, на которую опирается социальная система, являющаяся одновременно мощнейшей отраслью современной экономики, — средства массовой информации. Журналистика — это комплекс каналов передачи массовой информации, использующих различные средства коммуникации (печать, радио, телевидение, Интернет) и образующих разнообразные типы изданий и программ (общенациональные и местные, общие и специализированные по аудитории, тематике, сфере экономики, области жизни, характеру социальной позиции, направленности, творческому облику и т. д.), действующих в национальном и глобальном информационном пространстве [7, с. 219].

Особенность средств массовой информации объясняется двумя обстоятельствами: как испытывающие на себе и также отражающие общие социальные изменения в обществе и как влияющие на общество и вызывающие в нем те или иные изменения. Во втором случае можно говорить о конкретной взаимосвязи качественного уровня СМИ с уровнем культуры в том или ином обществе. Если СМИ потакают низменным нравам публики, то служат не просвещению, а падению нравов. Однако категорически обвинять в этом СМИ нельзя, потому что решающую роль играет широта и многообразие СМИ, информационного пространства и информационной среды, которые, в свою очередь, зависят от потребностей и желаний общества.

Если такого многообразия и широты недостаточно, чтобы перевесить негативное воздействие от тех СМИ, которые действительно девальвируют ценности (например, унижают человеческое достоинство, демонстрируют насилие, распространение расовой нетерпимости и т. д.), а государство и общество не предпринимают шагов по оздоровлению своего информационного пространства, то ситуация в самом деле складывается опасная, и СМИ становятся как бы «детонатором» определенных обстоятельств. Но в то же время разрушается только то, что может разрушиться, а что не может — не разрушается. Разрушение — тоже определенная стадия жизни социума, обусловленная объективными социальными причинами.

Современная коммерциализация СМИ — объективный фактор реальности, который чаще всего оценивается с позиций либо «хорошо», либо «плохо». Но подобная абсолютизация оценок уничтожает многогранность и многозначность оцениваемого явления, в котором, действительно, есть как позитивное — рынок дает возможность выбора, так и негативное — давление коммерческих интересов на формирование информационной политики. Первое реализуется наиболее успешно при условии развития гражданского самосознания и прав личности в обществе. Второе становится опасным в условиях сильного крена в сторону прежде всего потребительских потребностей, а не гражданских интересов, именно тогда и проявляются те последствия коммерциализации СМИ, которые заставляют любого неравнодушного культурного человека беспокоиться о нравственном здоровье общества [6, с. 111].

Коммерциализация означает всё большую привязанность СМИ к потребностям рынка. Сейчас общество оказывается в таком положении, когда что-либо предлагающая реклама или коммерческая тема становятся для СМИ намного важнее, нежели актуальные информационные потребности аудитории. Коммерческий интерес в такой ситуации неизбежно вступает в конфликт с информационными функциями СМИ.

В условиях нарастающей коммерциализации СМИ и сокращения государственного регулирования масс-медиа решающее значение приобретает экономическое регулирование деятельности СМИ, осуществляемое в основном через рыночный механизм. Именно давление рынка во многом определяет приоритеты и «правила игры» средств массовой информации, действующих в конкурентной среде: они либо вынуждены считаться с рыночной конъюнктурой, с правилами маркетинга, чтобы обеспечить свое выживание и коммерческий успех, либо полностью строить свою деятельность на коммерческой эксплуатации этой конъюнктуры [1, с. 240].

В условиях новой информационной среды люди гораздо меньше интересуются социальными явлениями и проблемами, воспринимая их как незначительные элементы глобальной мозаики.

Снижение интереса общества к деятельности институтов и организаций гражданского общества предсказывал еще М. Кастельс. Происходящие процессы, по его наблюдениям, трансформировали характер политической жизни. Лидерство стало более персонифицированным, а путь к власти начал пролегать через создание

имиджа, формируемого СМИ. Общество, электорат приобретают черты «публики», формирующей запрос на развлекательную информацию. «В конечном счете, власть, которой располагают сети средств массовой информации, занимает второе место после власти потоков, воплощенной в структуре и языке этих сетей» [4, с. 35].

К сходным выводам пришел и Э. Тоффлер. Информационное общество, согласно его точки зрения, характеризуется недолговечностью ценностей и идеалов, временным характером потребностей, резким увеличением объема научно-технической информации, серьезным повышением разнообразия жизненных явлений, обилием субкультур. Мир вокруг постоянно изменяется с невероятной скоростью, что ставит человека на грань его способностей к адаптации. В результате, человек впадает в особое психологическое состояние — «футурошок» (шок будущего), которое «характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванной страхом перед близким грядущим» [5, с. 98].

Коммерциализация обнаруживает двойственность современной журналистики. С одной стороны, СМИ ориентированы на коммерческий успех, обращены к потребителю информации, участнику рыночных отношений, а с другой — в силу своих социальных функций журналистика должна обращаться (и обращается) к общественному мнению, к гражданину, к личности. Это столкновение заставляет изучать социальные механизмы информационного пространства, в котором происходит взаимное влияние информационной среды и определенных слоев общества, а также исследовать роль общества в процессе формирования информационной политики дня.

В гражданском обществе СМИ должны зависеть не только от законов рынка, но и от общественных ценностей, считают в Русской Православной Церкви. «Сегодня СМИ по разным причинам сами являются коммерческим продуктом и выдают в основном коммерческий продукт, способный привлечь максимальную аудиторию. Их общественная функция теряется, СМИ оказываются зависимы от понятий выгоды, от рейтингов», — заявил председатель Синодального информационного отдела В. Р. Легойда на обучающем семинаре для региональных координаторов грантового конкурса «Православная инициатива — 2011» «Цели и методы адресной поддержки общественно значимых инициатив православного сообщества».

По его словам, в этих условиях, когда «диктат рынка, коммерческой выгоды заменяет собой диктат цензуры со стороны государства, о свободе СМИ особо говорить не приходится».

«Человек становится рабом общества потребления, убедив себя в том, что он его хозяин. Постоянная зависимость от рекламы, от предпочтений потребителя — разве это свобода?», — отметил Владимир Легойда.

По словам председателя Синодального отдела, одна из задач ежегодного конкурса «Православная инициатива», который проводит Координационный комитет, состоит в том, чтобы изменить эту ситуацию, дать возможность развиваться некоммерческой, «сострадательной» журналистике, то есть ценностно ориентированной, говорящей о нуждах и проблемах обычных людей.

При этом В. Р. Легойда считает, что такого рода ценностная гуманитарная проблематика сегодня очень востребована обществом, поскольку многие люди уже успели устать от «информационного шума», слишком большого объема развлекательной информации, которой сегодня наполнены многие СМИ [10].

С экономической же точки зрения нельзя не отметить, что коммерциализация СМИ — это нормальное явление. Они должны быть сильными в экономическом отношении, чтобы давать объективную информацию. Истоки коммерциализации СМИ в том, что информация превращается в товар, выгодно продаваемый аудитории. Большую финансовую поддержку СМИ оказывает рекламный бизнес. Массовость потребляемой информации обусловливает благополучие и рост капитала не только в сфере масс-медиа, но и во многих других промышленных областях. Это сближает и объединяет коммерческие проблемы СМИ с проблемами индустриального процесса в целом и создает веру в приоритетное значение экономических факторов развития информационной деятельности. И поэтому главным условием ее свободы и независимости от разных форм контроля объясняются коммерческие самообеспеченность и самоокупаемость. Однако есть и негативная сторона этого явления. В погоне за вниманием публики в материалы включаются сенсационные сообщения, содержащие шокирующие сведения [8, с. 4]. Тем не менее нужно отметить, что коммерческие телеканалы ориентированы на конкретную аудиторию — создают угодный ей контент, определённую структуру и дополнительные возможности. В этом главное отличие от некоммерческих СМИ, которые пытаются ориентироваться на все возрастные и социальные категории населения.

1. *Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П. и др.* История мировой журналистики. М. ; Ростов н/Д. : Издательский центр «МарТ», 2003. 432 с.
2. *Беспалова В. П., Федоров А. В.* Роль СМИ в изменении общественного мнения. Использование СМИ как идеологического оружия // Рос. академический журн. 2013. № 1. С. 40—42.
3. *Гаджиев К. С.* Политология. Базовый курс : учеб. М. : Изд-во «Юрайт», 2011. 505 с.
4. *Городов О. А.* Информационное право : учеб. М., 2007. 109 с.
5. *Григорян М.* Прикладное религиоведение для журналистов. М. : Права человека, 2009. 254 с.
6. *Красноярова О. В.* Коммерциализация СМИ и изменения в информационной среде // Изв. Иркутской гос. экон. акад. 2006. С. 106—112.
7. *Прохоров Е. П.* Введение в теорию журналистики : учеб. М. : Аспект Пресс, 2009. 351 с.
8. *Шувалов С. С.* Коммерциализация как фактор экономической независимости современных российских СМИ // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2013. № 4. С. 3—8.
9. Образы православия и протестантизма в светских СМИ. URL: http://www.portal-credo.ru/ (дата обращения: 21.10.2015).
10. Экспертный семинар в Синодальном информационном отделе. URL: http://www.patriarchia.ru (дата обращения: 15.10.2015).

Т. А. Рассадина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена анализу современных тенденций формирования гражданского общества в России, внутренних и внешних факторов, влияющих на эти процессы, а также некоторых проблем и ограничений его развития.

Ключевые слова: гражданское общество, взаимодействие власти и гражданского общества, публичная сфера, социальный капитал, некоммерческие организации, социальная база гражданских отношений, гражданская активность.

T. A. Rassadina

SOME ISSUES OF CIVIL SOCIETY FORMATION IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the analysis of modern trends of Russian civil society formation, internal and external factors that influence these processes. It also describes some issues and restrictions of its development.

Key words: civil society, interaction between authorities and civil society, public sphere, social capital, nonprofit organizations, social basis of civil relations, civil activity.

Три десятилетия Россия идет по пути радикального преобразования всех сфер общественной жизни, в условиях новой социально-политической системы строит рынок, учится демократии, создает правовое государство, гражданское общество. Проблематика исследований гражданского общества за эти годы стала весьма обширной в рамках не только политической науки, но и социологической [1].

Очевидно, что гражданское общество как совокупность социальных связей и коммуникаций, институтов и ценностей, главными субъектами которых являются гражданские организации, формируется трудно, непросто утверждаются ценности демократии, отстраиваются демократические механизмы функционирования политической системы. Но есть твердое убеждение и власти (во всяком случае, президентской), и общества, что без его полноценного становления невозможно действенное не только политическое, но и социально-экономическое развитие страны, развитие ее духовной жизни.

Формирование гражданского общества в России принципиально зависит от двух игроков: государства и бизнеса, которые по сути предопределяют и пути развития, и модели его политического участия. Нередко звучат оценки, что в стране формируется квазигражданское общество. Они во многом оправданны. Гражданской консолидации в России не способствует ряд обстоятельств. Среди них:

— глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, подданных, зависимых от политики власти, ожидающих добавки к пенсии, зарплате, льготы и т. п.;

— не просто дифференциация, а где-то и пропасть между богатыми и бедными, центром и регионами, столицей и провинцией, элитой и населением, чиновниками и всеми остальными; сохранение внутренней неприязни между ними;

— проблемы не только в производстве благ, но еще больше в их распределении;

— «экономикоцентричность», а не «социоцентричность» государственной политики;

— слаборазвитый средний класс, представители которого в целом удовлетворены своим положением, эксплицируют не столько гражданские позиции, сколько интерес к вопросам собственного потребления в рамках преобладающих гиперсистем ценностей, а именно прагматической, чувственной, индивидуалистической, которые поддерживаются государством;

— гипертрофированная ориентация на частную жизнь, атомизация общества, которая имеет разные формы проявления, как то личностный, корпоративный, семейный и прочий изоляционизм;

— отсутствие честной конкуренции во всех сферах;

— культ не специалистов, а всевозможных менеджеров, в том числе в государственных, бюджетных организациях, бюрократов, что усиливает бессубъектность основной массы населения в плане влияния на принятие жизненно важных для общества решений;

— эффективность власти в том смысле, что она преследует собственные цели и интересы, зачастую отличные от целей и интересов общества; управление, контроль общества все-таки более важны для нее, чем его благополучие;

— значительная часть активности власти как в центре, так и в регионах направлена на имиджевые мероприятия, на спин-деятельность, спин-контроль, а не на решение актуальных задач общества;

— сложности борьбы с коррупцией; статистика предъявляет данные об уменьшении количества взяток за последний год, но не об увеличении их размера;

— дисфункциональность социальных институтов (к примеру, обращения граждан лично к Президенту в публичном пространстве — пресс-конференциях и прочих форматах — с просьбой помочь приобрести инвалидную коляску — очевидный признак этой ситуации; к тому же случай, имеющий множество аналогов);

— наличие множества ассоциаций граждан в России, которые трудно назвать влиятельными;

— публичная сфера в основном сформирована, но во многом она беспомощна.

В целом наблюдается снижение интереса общества к некоторым элементам демократии, имеющее разные причины, в частности: встраивание многих прав и свобод в повседневную жизнь; сохраняющаяся низкая гражданская и политическая культура; инертность, апатия общества, которая в недавнем времени была связана не только с относительно устойчивым стабильным развитием, с улучшением условий жизни, но и с неспособностью влиять на политическую жизнь общества. Сами российские граждане видят первопричину замедления движения России к демократии в выборе российского правящего класса, который предпочел демократии собственность и власть. Подобной позиции придерживаются две трети россиян. Существенно меньше тех, кто основную вину возлагает на само общество (27 %) [2].

Все это тормозит самоорганизацию гражданского общества.

Гражданское общество может строиться в русле двух парадигм: на его противопоставлении власти, критике ее; на поиске согласия, компромиссном улаживании проблем (так называемая конструктивная позиция). К тому же это строительство может идти снизу, что чаще квалифицируется как естественный процесс, а также сверху. Эти альтернативы порождают состояние бифуркации, которое может привести к разным, не всегда предсказуемым вариантам развития.

Одна из главных особенностей России заключается в том, что строительство демократических институтов и институтов гражданского общества в значительной мере ведется «сверху», что влечет зависимость от властей всех уровней, в связи с этим неэффективно влияние на власть. Так, создание важных, нужных институтов с участием власти (Общероссийский Народный Фронт, Общественная Палата РФ, региональные палаты, в том числе экологические, педагогические и др. (в Ульяновске есть Палата справедливости и народного контроля)) нередко порождает смешанные чувства, сложные отношения у населения.

Конструктивная модель взаимодействия власти и гражданского общества в современных условиях становится преобладающей. Первая модель (критическая) может способствовать разрушению государства изнутри, что в сегодняшних условиях смертельно опасно.

Но самоорганизация — это не только спонтанный процесс движения снизу, это резонансные действия как снизу, так и сверху на основе совпадения потребностей, интересов, целей. Отвергать и игнорировать целенаправленные действия сверху неверно, это важнейший элемент общества.

Несомненно, положительно то, что государство сознательно придает импульс созданию представительных институтов гражданского общества в условиях их отсутствия, предпринимает усилия по их развитию и совершенствованию. Но государство не только способствует развитию гражданского общества, но и периодически проявляет авторитарные способы управления им, например, использует тактику «закручивания гаек». Гражданское общество не является источником спонтанного порядка и гармонии, его развитие связано с преодолением собственных проблем. Государство не должно его поглотить, не должно слиться с ним, оно должно влиять на формирование культуры гражданственности. Этим институтам необходимо действовать в партнерстве, стимулируя и контролируя друг друга. Никакие условия не должны способствовать отказу от ценностей подлин-

ного уважения, справедливости, честности. Критическая функция гражданского общества по отношению к государству должна оставаться.

Проблемы гражданского общества отражаются в сознании рефлексирующего российского социума, что проявляется в глубоком кризисе доверия в обществе как к институтам государства, так и к нарождающимся институтам гражданского общества. Многочисленные, в том числе и опубликованные результаты наших исследований, указывали на это [3].

Резкий скачок доверия высшей власти страны (Президенту прежде всего) за последний год с очевидностью выполняет защитную объединительную функцию в условиях сложной внешнеполитической ситуации при непростом отношении людей к внутриполитическим проблемам, крайне негативном, к таким как обюрокрачивание, коррупция, рост цен, сокращение рабочих мест, уменьшение зарплат, повышение тарифов на услуги ЖКХ, появление новых статей оплаты и прочие.

Здоровое гражданское общество невозможно без «коммуникативной рациональности или публичности» [4, с. 32] как сферы интеракции и коммуникации субъектов, автономных и свободно самоопределяющихся индивидов и негосударственных союзов, формирующихся на добровольных началах. Именно в публичной сфере социума складываются мнения, идеалы, ориентации, которые выступают основой общественной солидарности. Ведущими мотивами таких отношений являются стремления субъектов добиться равенства, открытости, уважения и доверия, а также на этой идейной основе включиться в решение жизненно важных проблем.

В этом контексте повышается целесообразность использования субъектами гражданского общества такого ресурса, как социальный капитал.

Феномен социального капитала как умения налаживать социальные отношения (Ханифан Л. Д., 1916), совокупности актуальных или потенциальных ресурсов, которые используются участниками отношений взаимного знакомства и признания [5], уже несколько десятилетий приковывает внимание исследователей.

Патнэм Р. утверждает, что «социальный капитал начинается от инициатив индивида и поднимается вверх — до государства, а не наоборот» [6, с. 49]. Принадлежность к определенной группе содержит в себе тот или иной аспект социальной структуры, «усиливает определенные действия людей, находящихся в этой структуре» [7, с. 126], а ее нормы взаимодействия и доверия определяют качество и количество социальных взаимоотношений.

Такие сетевые отношения позволяют формировать и поддерживать социальную ткань, ее клеевую основу. Социальный капитал выполняет обязывающие, связывающие, объединяющие, позитивные и негативные функции. Главное — он уменьшает издержки на координацию совместной деятельности, заменяет формальные правила и бюрократические процедуры неформальными нормами, отношениями доверия, усвоенными профессиональными стандартами, этикой общения. Его объём зависит прежде всего от размера социальных сетей, которые он может эффективно мобилизовать. Это — условие расширения социальной базы гражданского общества.

Социальный капитал не является естественной данностью, сконструированной раз и навсегда. Он формируется и постоянно воспроизводится через сети связей, которые являются продуктом постоянной работы, конвертируется в другие виды капиталов. Высок в тех организациях, где люди доверяют друг другу, находятся в тесной зависимости взаимных обязательств. Формируется на разных уровнях социальной реальности (на микроуровне — взаимодействие индивидов; на мезоуровне — отношения организаций; на макроуровне — взаимодействия общностей, групп, институтов). Ф. Фукуяма приравнивает доверие к социальному капиталу [9], основываясь на положении, что доверие и социальный капитал взаимно укрепляют друг друга. Доверие значительно увеличивает возможности взаимодействия людей, усиливает кооперацию. Одновременно способствует развитию личностных самодетерминант, возможности свободно проявлять собственные позиции, автономии общества в условиях поддержки надежными людьми и социальными институтами. Автономия — важный элемент гражданского общества. Автономия социальных субъектов означает признание прав и свобод человека и гражданина в различных сферах, возможность самоорганизации.

Одним из факторов обновления и развития гражданского общества является использование некоммерческих организаций (НКО). Однако в деятельности НКО России масса своих проблем: это их локализация преимущественно в крупных городах; закрытость большинства добровольных объединений; несформированность потребности в коммуникациях и объединении, что задает тенденциозность в конструировании социальных проблем, не позволяет эффективно влиять на принятие решений и др.

Среди преобладающих в России способов лоббирования интересов населения чаще используются негласные, чем легальные и публичные (личные связи с представителями органов власти; договоренности с лицами, от которых зависит принятие нужных решений). Средства массовой информации мало интересуются жизнью гражданских организаций, их больше интересуют бизнес и власть, обладающие ресурсами, к тому же не так много независимых и неподконтрольных власти СМИ в России. Сами руководители НКО больше озабочены материальными ресурсами, нежели результатами работы; зачастую работа в НКО рассматривается как вариант трудоустройства, заработка. Наконец, критериями оценки своей работы руководители НКО чаще считают рост членства и поддержку со стороны власти, чем привлечение инициативных граждан и поддержку населением.

В итоге НКО не транслируют «наверх» информацию о потребностях населения, не контролируют действия органов власти, не влияют на распределение ресурсов, не участвуют в формировании приоритетов государственной политики или делают все это крайне слабо.

Правозащитные организации часто получают средства из иностранных источников и проповедуют идеи, ценности, достаточно привлекательны, — в русле гуманистических идеалов. Нередко за этим привлекательным фасадом — деструктивные для нашей страны намерения, не считывать их наивно. Важно и то, чтобы за этими проблемами не выплеснуть в очередной раз подлинные ростки гражданских позиций. Повторим, в практиках создания гражданского общества в нашей стране очевидно существенное движение сверху.

Социальный капитал — это не просто связи. Это структуры господства, создаваемые людьми свободно, но вполне рационально, которые позволяют их владельцам реализовывать определенные жизненные шансы, достигать целей. Нередко это серьезная компенсация проблем и недостатков социальных акторов (финансовых, материальных, профессиональных и т. п.), способ значительного и не всегда заслуженного повышения статусных позиций. Он может стать фактором усиления и без того критического социального неравенства.

Главным показателем качества «формального» социального капитала является не количество организаций, а вовлеченность населения в их работу, социальная база. В странах с развитым гражданским обществом подобная доля населения составляет 10—15 %. Характерной чертой Российской Федерации, как и всего постсоветского пространства, является разрыв номинального и реального членства в некоммерческих организациях. Членами организаций являются 3—5 % [9, с. 32]. Последние исследования социологов из НИУ ВШЭ демонстрируют, что социальная база гражданских отношений неоднородна [10, с. 30], ее основу образуют порядка 10 % взрослых граждан России.

Средний россиянин предпочитает невысокую социально-политическую активность. Это объективный уровень самоорганизации. Такое состояние характеризуют как проявление «негражданственности». Оно, скорее, является защитным механизмом в условиях уязвимости человека, зависимости от политики центральной и местной властей и ухудшающихся условий жизни. «Негражданственность» важно отличать от «антигражданского» поведения. Последнее характеризуется активным проявлением цинизма и сознательным агрессивным поведением, игнорированием гражданских ценностей.

Оценивать уровень активности непросто. Так, чрезмерно политизированное общество (например, конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века), когда практически все мысли, разговоры людей были о политике, — вряд ли можно квалифицировать как здоровое общество. Есть небезосновательная точка зрения, что гражданское общество в нашей стране в наиболее сформированном виде было в советский период. Всевозможные собрания, коллективные обсуждения, критика (без нее, особенно в перестройку, выступления вообще не воспринимались, а часто и не принимались), выборы «снизу доверху» и пр. были реальными социальными фактами. Общественно-политическая деятельность в советское время называлась общественной работой. В основе своей — это бесплатная работа. Отношение к ней было разное. От великого блага — работа не за деньги во имя целей общества, групп, отдельных граждан вплоть до отношений, которые определялись формулой «если хочешь завалить дело, сделай его общественной работой». Эта работа требует немалого времени, сил. Нельзя не признать нормальным и то, что у людей есть и должны быть другие интересы, разные интересы.

С учетом массы разнообразных проблем в современной России уровень гражданской активности явно недостаточен. В сочетании с неразвитостью НКО невысокая социально-политическая активность слабо способствует развитию институтов гражданского общества.

Политические события последних лет показали, сколь неустойчивым остается процесс де-

мократизации и сколь опасно велика в нем роль отдельной личности. Считаю не лишним вспомнить о том, что в России общинное самоуправление имеет давнюю серьезную и своеобразную традицию. Гражданское общество не может быть привнесено и навязано извне на основе западных моделей, которые также имеют свои проблемы развития. Оно должно формироваться с учетом российской традиционной культуры и эволюционировать. Для формирования новой гражданской ментальности нужны годы, работа поколений.

1. *Бляхман Б. Я.* Гражданское общество: теоретическая конструкция или практическая реальность?.. // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социальная политика и социология. 2005. № 4. С. 32—49; *Василенко Л. А., Вронская М. И.* Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества. М. : Проспект, 2010. 294 с.; *Гаджиев К. С.* Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М. : Знак, 2008. 115 с.; *Галкина Е. В.* Институционализация гражданского общества в контексте современных политических трансформаций. Ставрополь : СГУ, 2010. 170 с.; *Голенкова З. Т.* Гражданское общество в России // Социс. 1997. № 3. С. 25—36; *Горшков М. К.* Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. С. 3—26; *Ирхин Ю. В.* Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 3—24; Круглый стол QUOVADIS. Перспективы становления гражданского общества в России. Ч. 1 // Полис. 2012. № 2. С. 117—140; *Лопарев А. В.* Национальные особенности взаимоотношения государства и гражданского общества в России (историко-политический аспект) // Власть. 2009. № 6. С. 128—132; *Максимова С. Г.* Социальная активность населения и общественные гражданские инициативы // Политика и общество. 2012. № 7. С. 44—49; *Мерсиянова И. В.* Социальное участие и проблема доверия в гражданском обществе // Социальный капитал, социальные сети, социальное участие: к проблеме возрождения местных сообществ в России. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. С. 6—25; *Мотрошилова Н. В.* О современном понятии гражданского общества // Вопр. философии. 2009. № 5. С. 57—62; *Сунгуров А. Ю.* Взаимодействие власти и структур гражданского общества: возможные модели // Гражданский диалог. 2008. № 3. С. 37—40; *Тамбовцев В. Л.* Государство как инициатор развития гражданского общества // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 99—106; *Якимец В. И.* Третий сектор: состояние, проблемы роста и развития, место и роль в общественной жизни России // Школа культурной политики. 2007. № 5. С. 35—39 и др.
2. *Горшков М. К.* Гражданское общество и демократия участия в пореформенной России: Выступление на III съезде некоммерческих организаций России. URL: http://www.youtube.com/watch?v=WggDrM4-mj0. Загл. с экрана.
3. *Рассадина Т. А., Миронова Н. А.* Доверие власти в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) // Власть. 2011. № 7. С. 105—108; *Рассадина Т. А.* Доверие к средствам массовой информации в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1. С. 61—70.
4. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М. : ACADEMIA, 1995. 87 с.
5. *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60—74.
6. *Putnam R. D.* Bowling Alone. The collapse and revival of American community. N. Y. : Simon and Shuster, 2000. 312 p.
7. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121—139.
8. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ Хранитель, 2006. 730 с.
9. *Романенко Л. М.* Гражданское общество в России. М., 2005. 205 с.
10. Воспитание гражданских добродетелей: как изменилось общество России за 10 лет? // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Бюл. I. 2015. № 1(5), март. 61 с.

О. В. Цветкова

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье рассматриваются межнациональные противоречия на Северном Кавказе. Поднимается проблема международного нагорно-карабахского и внутреннего осетино-ингушского конфликта. Обосновано, что межнациональные отношения оказывают влияние на активизацию конфликтогенных факторов и появление новых вызовов и угроз территориальных размежеваний на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: межнациональные противоречия, этнонациональные отношения, нагорно-карабахский конфликт, осетино-ингушский конфликт.

O. V. Tsvetkova

ETHNIC CONFLICT IN THE NORTH CAUCASUS

The article deals with interethnic conflicts in the North Caucasus. It analyses the problem of Nagorno-Karabakh international conflict and the internal Ossetian-Ingush conflict. It proves that international relations have an impact on the activation of the contentious factors and the emergence of new challenges and threats to the territorial divisions in the post-Soviet space.

Key words: interethnic contradictions, ethnic relations, Nagorno-Karabakh conflict, Ossetian-Ingush conflict.

Кавказ рассматривается как один из важнейших геостратегических регионов. В геополитическом отношении Кавказский регион разделен на две части: Северный Кавказ и Закавказье. Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации и включает Предкавказье (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края) и республики Адыгея, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию и Чечню. Территория Закавказья расчленена на три самостоятельных национальных государства — Армения, Азербайджан, Грузия.

Кавказский регион представляет собой огромную многонациональную и многоконфессиональную территорию, где слились интересы многих ведущих государств мира. На Кавказе проживают малочисленные народы, которые имеют друг к другу претензии территориального характера, а межрегиональные конфликты подогреваются этническими противоречиями на данных территориях.

Северный Кавказ имеет чрезвычайно сложную и неоднородную внутреннюю политико-территориальную структуру, на его территории проживает многоэтнический состав населения, где традиционно происходит контакт различных культур и ярко выражена территориальная идентичность.

На протяжении XX века на Северном Кавказе отмечено более сорока территориальных переделов. Каждый из них, решая одну проблему, одновременно порождал другую. Изменения в этнотерриториальном устройстве осуществлялись как в горизонтальном срезе (изменение границ), так и в вертикальном (изменение статуса национально-территориальных образований).

Особенно с распадом СССР наметилась тенденция к политизации этнонациональных отношений, когда этническая самоидентификация большинства народов России приобрела более или менее выраженный политический характер [1].

С одной стороны, само существование республик как формы внутреннего самоопределения местных этнических сообществ обеспечивает условия для этнокультурного развития и для сохранения идентичности проживающих в регионе народов, так же как Ставрополье обеспечивает сохранение и воспроизводство русской культуры и самосознания преобладающего в Ставропольском крае русского населения, а также сохранение местной казачьей социокультурной традиции.

С другой стороны, восприятие республик как «национальных» ведет к ужесточению межгрупповых границ в рамках российского народа, к этнокультурной замкнутости и к попыткам выстраивания иерархии народов, что отрицатель-

но действует на формирование основ гражданского общества.

Региональные особенности Кавказского региона связаны с напряженными межнациональными отношениями. Это подтверждается конфликтами в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии, взаимоотношениями между Грузией и Россией, Азербайджаном и Арменией.

Высокая конфликтогенная обстановка наблюдается в зоне Закавказья, предметом территориального спора является Нагорный Карабах. Основная причина конфликта в том, что местность находится на территории Азербайджана, а исторически сложилось, что на данной территории проживает местное население — армяне. Политическое регулирование конфликта ведется с 1992 года в рамках Минской группы ОБСЕ (сопредседатели — США, Россия и Франция). Руководство Азербайджана настаивает на сохранении своей территориальной целостности, а руководство Армении защищает интересы Карабаха, который не является стороной переговоров.

Конфликт начался в феврале 1988 года. Нагорно-Карабахская автономная область заявила о решении выхода из состава Азербайджанской ССР. В сентябре 1991 года в центре НКАО Степанакерте была создана Нагорно-Карабахская Республика (НКР). Азербайджан этот факт счел незаконным, упразднив автономию Карабаха, существовавшую в советские годы.

Вслед за этим начался вооруженный конфликт, продлившийся до 1994 года, далее стороны подписали соглашение о перемирии. Это привело к потере контроля над Нагорным Карабахом со стороны Азербайджана. За последние 20 лет переговоров Азербайджан стремится сохранить свою территориальную целостность, а Армения защищает интересы Нагорного Карабаха. В настоящий период Нагорно-Карабахская Республика не получила признания со стороны государств — членов ООН, но признается Абхазией и Южной Осетией и непризнанной Приднестровской Молдавской Республикой.

Обратим внимание, что нагорно-карабахский конфликт начался как внутренний, а затем перерос в международный вооруженный конфликт.

Обстановка в Кавказском регионе вызывает серьезные опасения, особенно в последние годы, у Правительства РФ. По мнению министра иностранных дел С. В. Лаврова, «конфликт слишком затянулся и «перезрел», но существует реальная база для достижения договорённостей, необходимо, чтобы эти понимания были переведены на язык конкретных формулировок» [2].

Конфликтная ситуация обострилась 2 апреля 2016 года в связи с сообщениями о широкомасштабном нарушении режима прекращения огня, которое имеет место на линии соприкосновения в зоне нагорно-карабахского конфликта. Реакция российского руководства на эскалацию конфликта в Нагорном Карабахе последовала незамедлительно. Президент В. В. Путин призвал стороны конфликта к незамедлительному прекращению огня и проявлению сдержанности. Сопредседатели Минской группы ОБСЕ призывали стороны прекратить огонь и предпринять все необходимые меры с целью стабилизации ситуации [3].

По мнению эксперта, директора Института стран СНГ В. Жарихина, «признаки возобновления боевых действий были все последние 20 с лишним лет, перемирие не может продолжаться бесконечно долго, оно заключается для того, чтобы создать возможность для политического регулирования, его отсутствие приводит к военному обострению» [4]. Эксперт связал эскалацию конфликта с Минским процессом и напомнил, что Армения находится в военном союзе с Россией. В рамках ОДКБ у обеих стран имеются вполне определенные взаимные обязательства.

С другой точки зрения, аналитики предсказывали возобновление эскалации конфликта и дестабилизацию ситуации в Закавказье. По мнению политолога-востоковеда Г. Меламедова, в разжигании конфликта могла принять участие Турция [5].

Иная точка зрения причин разжигания конфликта сводится к вмешательству США. Директор центра Института международных исследований МГИМО А. Казанцев считает, что «Штаты пытаются оказать давление на Армению, которая неделю назад развернула свой интеграционный вектор в сторону России» [6].

По мнению директора Института социальных и политических исследований Черноморско-Каспийского региона В. Захарова, США не собираются урегулировать нагорно-карабахский конфликт, так как они хотят использовать территорию непризнанной республики при нападении на Иран.

Как отметил политолог, эксперт по Кавказскому региону В. Новиков, «Россия оказывается в уязвимом положении, с одной стороны, она участник минской группы, с другой стороны, член ОДКБ; Россия будет вынуждена оказывать помощь Армении при определенном развитии ситуации» [5].

Осетино-ингушский конфликт осени 1992 года — это первый политико-правовой и воору-

женный конфликт в новейшей истории Российской Федерации. Осетино-ингушский конфликт стал самой острой фазой давно назревавшей и неразрешенной по сей день конфронтации между двумя соседними северокавказскими республиками — субъектами Российской Федерации — по поводу принадлежности Пригородного района и части Владикавказа. В целом этот конфликт стал первым вооруженным внутренним территориальным конфликтом на территории России.

По мнению этнолога А. Тишкова, «по своим пространственно-временным параметрам, интенсивности и последствиям этот конфликт может быть отнесен к категории крупномасштабных, а его природа может быть охарактеризована как глубоко укоренившийся конфликт, к которым специалисты относят межэтнические или любые другие межгрупповые коллизии с трудноразрешимыми и далеко зашедшими претензиями и требованиями конфликтующих сторон» [7].

На разных этапах осетино-ингушского конфликта реализовывался определенный комплекс мер политического урегулирования со стороны федеральных властей Российской Федерации, принимались меры, способствовавшие стабилизации межэтнического взаимодействия.

Представители противоборствующих сторон имели противоположные интересы и интерпретацию конфликтной ситуации. Ингушское руководство и политическая элита охарактеризовали события 1992 года как «этническую чистку ингушей» [8]. Осетинские политические деятели посчитали произошедшее незаконным ингушским воинским формированием и агрессивным нападением на территорию Пригородного района СОАССР, в результате которого пытались незаконно отторгнуть спорные территории [9].

Противоположные оценки противоборствующих сторон поспособствовали вступлению Правительства РФ в роль основного актора политического регулирования данного внутреннего межрегионального конфликта. Уже на начальной стадии поствооруженной фазы конфликта федеральным центром были сформулированы основные контуры политического управления осетино-ингушским конфликтом.

В период 1992—2000 гг. удалось провести структурные изменения, которое предполагали отход от асимметричности конфликта — это прежде всего создание легитимных органов власти в Республике Ингушетия, что повлекло за собой смену лидеров внутри ингушского этнического сообщества и придало действиям вновь избранной политической власти конституционно-правовой статус. Помимо этого, структурные изменения, инициированные системой политического управления конфликтом, запустили механизм конструктивного компромисса между сторонами конфликта.

По сути, причина возникновения межнациональных противостояний на Северном Кавказе — это прекращение существования Советского Союза. Каждый конфликт, возникший на постсоветском пространстве, имеет свою специфику. Нагорно-карабахский и южноосетинский конфликты связаны с воссоединением единых этносов. Абхазский и приднестровский конфликты возникли по причине права на самоопределение и создания независимого государства этнического меньшинства. Осетино-ингушский конфликт связан с восстановлением территориальных прав депортированных народов. Каждый региональный конфликт имеет свою общую особенность — межнациональные отношения.

Таким образом, межнациональные отношения в пограничных регионах оказывают колоссальное влияние на активизацию конфликтогенных факторов и появление новых вызовов и угроз территориальных размежеваний на постсоветском пространстве.

1. *Гаджиев К. С.* Национализм в роли идеологии // Власть. 2012. № 11. С. 4—8.
2. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Азербайджанской Республики Э. М. Мамедъяровым. Москва, 25 мая 2015 г., Россия. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/az//asset_publisher/0TeVwfjLGJmg/content/id/1315670 (дата обращения: 03.04.2016).
3. Министерство иностранных дел России «О заявлении сопредседателей Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху 02-04-2016». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2199369 (дата обращения: 03.04.2016).
4. Аналитик связал конфликт в Нагорном Карабахе с минским процессом России. URL: http://www.mk.ru/politics/2016/04/02/analitik-svyazal-konflikt-v-nagornom-karabakhe-s-minskim-processom.html (дата обращения: 03.04.2016).
5. «Подобные наступления происходят периодически в течение 20 лет». URL: http://www.kommersant.ru/doc/2954948 (дата обращения: 03.04.2016).

6. Андрей Казанцев: Югославия, Ирак, Ливия, Сирия. Теперь Карабах? URL: http://viperson.ru/wind.php?ID=666293&soch=1 (дата обращения: 03.04.2016).
7. *Тишков А.* Осетино-ингушский конфликт. Часть первая. URL: http://www.vvvay.net/publ/analitika/tishkov_v_a_osetino_ingushskij_konflikt_92_chast_pervaja/5-1-0-23 (дата обращения: 03.04.2016).
8. *Шнирельман В. А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.
9. *Федосов Е. В.* Республика Северная Осетия-Алания // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром. М. : Макс Пресс, 2012. 502 с.

О. В. Шабанова, А. Д. Шаброва

Б. Ф. МАЛЕШЕВСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Статья посвящена истории становления и развития пенсионной системы в дореволюционной России. Во второй половине XIX века окончательно сформировалась система пенсионного обеспечения государственных служащих из положений и расчетов Б. Ф. Малешевского, которые в дальнейшем были заимствованы западноевропейскими специалистами в области страхового пенсионного обеспечения и легли в основу пенсионных систем ряда стран.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, социальное развитие общества, пенсионное обеспечение, эмеритальные классы.

O. V. Shabanova, A. D. Shabrova

B. F. MALESHEVSKY AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE PENSION SYSTEM IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The article is devoted to the history of formation and development of the pension system in the pre-revolutionary Russia. The public staff pensions system was formed in the second half of the 19th century. It was originated from the statements and calculations by B. F. Maleshevsky which were further borrowed by many of the Western European experts in the field of insurance and pensions and formed the basis of the pension systems of a great number of countries.

Key words: pre-revolutionary Russia, social development of society, pension system, insurance.

Начало истории пенсионной системы в России не имеет точной даты. Принято считать, что зачатки пенсионной системы впервые проявились во времена правления Петра I. Благодаря его реформам первыми пенсионерами, которые стали получать денежное содержание по выходу в отставку, стали морские офицеры. Хотя сам термин «пенсия» тогда не применялся. Согласно нормам, закреплённым в Морском уставе 1720 года, «премию по старости» могла назначать верховная власть в лице государя императора [2].

Необходимо отметить, что указанный документ впервые закреплял право жён и детей погибшего офицера на денежное содержание при потере кормильца. После смерти венценосного реформатора дальнейшее развитие пенсионной системы России надолго забуксовало. Сказывалась инертность государственной машины и несогласованность в принятии решений различными структурами государственной власти.

Последовавшая череда дворцовых переворотов и постоянная борьба элит за влияние на российское самодержавие не оставляли шансов тому, чтобы пенсионная система Российской империи полноценно развивалась [2].

Экономическое развитие России отставало от экономического развития большинства стран Европы. Наполняемость государственной казны оставляла желать лучшего. На протяжении веков расходная статья бюджета значительно превышала доходы. Закрепощение крестьянства, отсутствие передовых технологий и средств производства были тем тормозом, который на долгие годы стал препятствием полномасштабным социальным реформам в стране. Огромные средства тратились на колонизацию и освоение Сибири и Дальнего Востока. Военная доктрина России включала в себя постоянное перевооружение армии и строительство оборонительных линий по периметру обширных границ государства. На это отвлекались баснословные средства из бюджета. Повсеместно преобладало кустарное производство, которое не отвечало растущим потребностям внутреннего и внешнего рынков. Назрела необходимость реформирования самих основ организации производства в стране. Государственная казна несла расходы по организации и функционированию новых промышленных предприятий. Пенсионная система просто не могла функционировать в госу-

дарстве, где промышленность (основной донор бюджета) находилась в зачаточном состоянии. Во второй половине XVIII века быстрыми темпами формируется капиталистический (промышленно-мануфактурный) уклад российской экономики. С 1769 года в России начинают печатать бумажные деньги, однако безудержная эмиссия привела к девальвации рубля и стремительному обнищанию населения [6]. В начале XIX века, несмотря на усилия Павла I, российский рубль ассигнациями стоил 67 копеек серебром. На этом фоне расходование средств бюджета выглядело так: 88 % выделялось на содержание армии и флота, 11 % ежегодно уходило на содержание двора императора. На социальные нужды (здравоохранение, просвещение и т. п.) выделялось не более 1 % [6].

Социальное развитие общества неразрывно связано с уровнем доходов и распространением бедности. Нельзя рассматривать пенсионную систему в отрыве от макроэкономической системы Российского государства. Поэтому принципы, лежащие в основе создания пенсионной системы, близки с принципами реформирования социальной политики всего государства [4].

В 1827 году в России был принят Устав о пенсиях и единовременных пособиях.

Пенсии были положены лишь крупным чиновникам и лицам, которые являлись крупными армейскими чинами. Пенсионное обеспечение того времени распространялось на весьма ограниченный круг лиц. К этому кругу принадлежали служившие при дворе императора высшие военные и полицейские чины. Размер пенсионного обеспечения или, как его тогда именовали, финансового вспомоществования определялся индивидуально для каждого претендента и проходил процедуру утверждения государем [5].

Только во второй половине XIX века окончательно сформировалась система пенсионного обеспечения государственных служащих. Вышедшие в отставку чиновники получали пенсион из эмеритальных касс. Эмеритальные кассы — это кассы, которые производили страхование пенсий и пособий за счёт взносов (обязательных отчислений) из заработной платы будущих пенсионеров. Из этих же касс производились выплаты пособий вдовам государственных служащих и их детям, оставшимся сиротами. Крестьянство и наёмные работники (пролетариат) право на пенсионное обеспечение не имели. Однако в 1912 году были приняты законы «Об обеспечении рабочих на случай болезни» и «О страховании от несчастных случаев» [4, 6]. Тем самым в России было положено начало пенсионному обеспечению широких слоёв населения страны. В государствах Европы это уже давно стало цивилизованной нормой. Лишь под давлением либеральных партий России и ширящегося забастовочного движения царское правительство пошло на этот шаг. К 1914 году правом на государственное пенсионное обеспечение обладали следующие категории государственных служащих:

— чиновники всех ведомств и всех классных чинов;

— офицеры и прапорщики силовых ведомств (армии, флота, жандармского корпуса, таможни и пограничной стражи);

— учителя (гимназий, начальных и духовных училищ, народных школ и т. п.);

— профессорско-преподавательский состав (институтов, университетов и других высших учебных заведений);

— инженеры и научные работники казенных заводов;

— врачи, фельдшеры и обслуживающий персонал казенных больниц и госпиталей;

— рабочие казенных заводов [5].

Такая эволюция пенсионной системы обусловлена развитием промышленного производства в России на рубеже XIX—XX веков. Всё возрастающие объёмы товарного производства и, как результат, рост числа наёмных рабочих (пролетариата) вызывали необходимость переосмысления и реформирования пенсионной системы государства. Появляются страховые сберегательные и пенсионные кассы, которые требовали вовлечения самых широких масс пролетариата. Пенсионная система России неуклонно эволюционировала, и результаты этих изменений были весьма положительные. Опыт пенсионного обеспечения России привлёк внимание европейских специалистов. В 1892 году на Международном конгрессе железнодорожников, который проходил в Санкт-Петербурге, западные специалисты в области пенсионного обеспечения перенимали опыт у своих российских коллег в части построения пенсионных страховых касс, которые успешно функционировали на государственных железных дорогах России.

В 1895 году в Брюсселе на Международном конгрессе актуариев (специалистов по разработке и внедрению страховых тарифов) реформы, которым подверглось пенсионное обеспечение России, получили самую высокую оценку международного профессионального сообщества. Было отмечено, что проведенная подготовительная работа по составлению таблиц, по которым должны исчисляться пенсии, выполнена на самом высоком уровне. Эту кропотливую ра-

боту по заданию правительства провёл известный математик Болеслав Фомич Малешевский [1]. В 1890 году в Санкт-Петербурге вышел его фундаментальный труд «Теория и практика пенсионных касс». Учёный подготовил и представил подробное сочинение, в котором содержался материал, необходимый для устройства и функционирования пенсионных касс России. В Европе подобного научного труда в тот период ещё не было, и многие из положений и расчетов Б. Ф. Малешевского были заимствованы западноевропейскими специалистами в области страхового пенсионного обеспечения и легли в основу пенсионных систем ряда стран. Работа, которую проделал ученый, была столь сложна и многогранна, что одни современники называли автора гением, а другие именовали умалишенным. Вот как о Малешевском в своих мемуарах вспоминал знаменитый граф С. Ю. Витте: «…Малешевский был человек большого ума и математического образования; по натуре своей он принадлежит к тому классу людей, которые имеют в своём уме нечто особенное, что отличает их от обыденных людей, но что эта особенность их ума, с другой стороны, ставит таких людей на грань между нормальным человеком и сумасшедшим, — это обыкновенное свойство почти всех гениальных людей...» [1].

Болеслав Фомич Малешевский, магистр физико-математических наук, профессор, тайный советник, кавалер орденов Святой Анны 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени, родился в 1844 году в дворянской семье. Его родители имели поместье в Гродненской губернии. Отец мечтал о военной карьере для своего сына. Малешевский поступает в Александровский кадетский корпус и успешно его оканчивает. Однако неординарные способности к точным наукам привели молодого человека в стены Варшавской главной школы (университета), где он в числе лучших выпускников получает степень кандидата математических наук. С математикой будет связана вся его дальнейшая деятельность. Малешевский на основе теории вероятностей разработал и внедрил первые пенсионные кассы в России. Профессору Малешевскому принадлежит огромная заслуга в разработке принципов формирования пенсионных накоплений. В своих трудах он обращал внимание на то, что пенсия — это социальная компенсация тому человеку, который в силу возраста либо иных причин не может получать заработную плату.

Малешевский утверждал, что человек, который ушёл с рынка труда по достижению им преклонного возраста, вправе рассчитывать на социальную компенсацию [3]. Он не говорил о том, что пенсия должна создать условия для достойной жизни человека, но базовые принципы социальной компенсации трудящемуся были заложены именно им. В предисловии к своему монументальному труду «Теория и практика пенсионных касс», который увидел свет в 1890 году, Малешевский писал: «...Если предпринятый нами труд будет способствовать выяснению практической важности затронутых в нём вопросов, приобретающих постепенно возрастающее из года в год значение, и если, таким образом, — путём выяснения важности пенсионных касс и опровержения противоположных мнений, появляющихся ныне даже в печати и свидетельствующих, по нашему мнению, о далеко недостаточном знакомстве с главными основаниями страхового дела, — вопрос об обеспечении будущности служащих и их семейств станет, наконец, на правильную почву, то мы сочтём себя в достаточной степени удовлетворёнными и будем уверены, что наш посильный труд действительно принёс ожидаемую от него долю пользы...» [3].

Необходимо отметить, что пенсионная система России, началом реформирования которой принято считать 1912 год, продолжала формироваться вплоть до 1922 года. Именно тогда она приобрела всеобщий характер в рамках новой системы социального страхования населения. Значительно позже советским правительством были приняты законы «О государственных пенсиях» (в 1956 году) и «О пенсиях и пособиях членам колхозов» (в 1964 году).

Пенсионная система является интересным объектом для изучения. Было написано немало трудов и опубликовано много научных статей, но до сих пор эта тема остаётся актуальной для многих исследователей.

1. *Витте С. Ю.* Воспоминания, мемуары : в 2 т. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. Т. 2. 798 с.
2. *Дегтярев Г. П.* Пенсионное обеспечение государственных служащих в Российской империи в 18—19 веках // Пенсия. 1997. № 10. С. 58—64.
3. *Малешевский Б. Ф.* Теория и практика пенсионных касс : в 5 т. СПб., 1889—1890.
4. *Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. М. : Родник, 1995. 384 с.
5. *Павлов В. А.* История российской политической экономии : пособие для студентов гуманитарных вузов. М. : Аспект Пресс, 1995. 256 с.
6. *Фридман М. И.* Государственное хозяйство и денежное обращение в России (1913—1919). М., 1919. 38 с.

№ 2(24) 2016 СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ФИЛОЛОГИЯ

Т. Н. Васильчикова

ТЕОРИЯ ИНТЕРТЕКСТА В ФИЛОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ[1]

В статье рассматривается проблема формирования теории интертекста в филологии в ее основных исторических этапах и персоналиях. Ставится вопрос различения понятий «автор», «текст», «читатель», «интертекст», «интертекстуальность», «метатекст», «прецедентный текст» в зарубежной и отечественной литературоведческой науке. Делаются выводы о степени изученности и дальнейших перспективах изучения проблемы.

Ключевые слова: интертекстуальность, претекст, интертекст, метатекст, прецедентный текст, М. Бахтин, Ю. Лотман, Ю. Кристева, Р. Барт, М. Фуко.

T. N. Vasilchikova

INTERTEXT THEORY IN PHILOLOGY: MAIN STAGES OF HISTORICAL FORMATION

The article deals with the problem of intertextuality theory in its basic stages and personalities. The author analyses the distinction between the concepts of "author", "text, reader", "intertext", "intertextuality", "metatext", "precedent text" in foreign and domestic literary science. She concludes on the degree of scrutiny and future prospects of the development of the problem.

Key words: intertextuality, praetexta, intertext, metatext, precedent text, M. Bakhtin, Yu. Lotman, Yu. Kristeva, R. Barthes, M. Foucault.

К настоящему времени проблемы интертекста, метатекста, интертекстуальности признаны особо значимыми в гуманитарных науках. Накоплен опыт исторического и теоретического их осмысления, определился состав наиболее значимых исследований, среди авторов которых — имена выдающихся отечественных ученых XIX—XXI вв.

Основу интертекстуальных исследований в отечественной филологической науке заложил А. Н. Веселовский (1838—1906), автор фундаментального труда «Историческая поэтика», создавший оригинальную теорию влияния литературных сюжетов. Ученый впервые установил связь и зависимость между смысловой структурой художественного текста, механизмами памяти человека и культурной традицией [5, с. 51—52].

Другим источником интертекстуальности в филологии стала теория анаграмматического текста, предложенная в качестве научной гипотезы швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857—1913), заложившим основы современной семиологии и структурной лингвистики. Анаграмма получает в его гипотезе новый смысл, связанный с ее особыми смыслопорождающими возможностями. При жизни ученого его гипотеза о роли анаграмм как едва ли не главного принципа индоевропейской поэзии древности и средневековья не получила широкой известности, но с течением времени интерес к ней все более возрастает. Примером могут послужить исследования А. В. Пузырева, И. А. Дементьева и других [Дементьев, 2015; Пузырев, 1995].

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 115041410242 «Проблема разработки современных методологий филологического исследования: на примере исследования форм интертекстуальности и метатекстуальности романа И. А. Гончарова «Обломов».

Анаграмма понимается Ф. де Соссюром как способность языка разделяться на первичные единицы, из которых можно составить новые слова с новым смыслом. Открытое ученым явление позволило получить наглядную модель того, как элементы одного текста, включенные в другой, могут изменять значение последнего. Такое языковое «конструирование» имеет отношение к теории интертекста как способа создания текста из уже имеющихся «чужих цитат». Гипотеза получила известность только в конце 1960-х годов и сразу привлекла французских постструктуралистов, группировавшихся вокруг журнала «Тель Кель» («Tel Quel»). Юлия Кристева отводит этой проблеме специальный раздел в своей книге «Семиотика» (1969) под названием «О семиологии параграмм». Она подтверждает наблюдение Ф. де Соссюра о том, что явление парагрململатизма (намеренное или бессознательное использование анаграмм) в первую очередь наблюдается в рифмованных поэтических текстах. Новым является характерная для постструктурализма настойчивая попытка сближения языковых явлений и социальных процессов. Особое звучание это приобретает в условиях молодежного движения 1968 года, приближавшегося в масштабах к революционному перевороту. Через анализ параграмм постструктуралисты пытаются объяснить и даже смоделировать социальные явления, отводя семиотике ключевую позицию в революционном процессе, который приобретет глобальный характер, так как сможет якобы «соединить» грамматический (монологический) и парагрململатический (протестный, диалогический) процессы. Такое утверждение было чрезмерным, события 1968 года не подтвердили ожиданий.

Процесс формирования современных научных представлений об интертекстуальных функциях художественного текста проходит ряд последующих исторических этапов. Сам термин «интертекстуальность» обязан рождением Юлии Кристевой и впервые прозвучал осенью 1966 года в ее докладе о творчестве М. М. Бахтина на семинаре ее учителя, Ролана Барта, опубликованном весной 1967 года в виде статьи под названием «Бахтин, слово, диалог и роман» [17, с. 5]. Также ей принадлежит предисловие к французскому переводу книги «Проблемы поэтики Достоевского» («Разрушение поэтики», 1970), сборник статей «Semeiotikē. Исследования по семанализу» (1969) и книга «Текст романа» (1970). Исследовательница познакомила западный мир с личностью и научными идеями М. М. Бахтина. К этому времени Ю. Кристева была хорошо знакома с несколькими работами М. М. Бахтина разных лет: «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке», Медведев П. Н. (Бахтин М. М.) «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику». Особое внимание уделено ею работе Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), где впервые формулируется идея художественного диалога культур, которая лежит в основе понятия «интертекстуальность», хотя сам термин ученым не употребляется. Позже он развивает теорию диалогизма слова в работе «Проблемы поэтики Достоевского» (глава V «Слово у Достоевского»):

«Слово по своей природе диалогично», «диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной, художественной) пронизана диалогическими отношениями» [2, с. 212].

Уже М. М. Бахтин подчеркивает, что диалогический характер слова не ограничен настоящим временем, что впоследствии обязательно учитывается в практике интертекстуального анализа. По определению И. П. Ильина:

«Помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге», понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами» [12, с. 164].

В работе «Марксизм и философия языка» (1929) М. М. Бахтин продолжает развивать идеи диалогизма речевого высказывания и вводит два новых аспекта: во-первых, рассматривает диалогичность как свойство не только устного, но и письменного высказывания в тексте, которое выражается, в частности, в делении текста на абзацы, которые он идентифицирует с репликами в диалоге. Во-вторых, ставится вопрос конструкций для передачи чужой речи. Он пишет по этому поводу:

«Продуктивное изучение диалога предполагает более глубокое исследование форм передачи чужой речи, ибо в них отражаются основные и константные тенденции активного восприятия чужой речи» [6, с. 126].

В работе «Проблемы речевых жанров» ученый доказывает, что «всякое понимание живой

речи носит активно-ответный характер», и выделяет две формы отклика на понятую живую речь:

— активно-ответное понимание, которое реализуется немедленно непосредственно в действии (например, исполнение);

— активно-ответное понимание замедленного действия. Жанры сложного культурного общения в большинстве случаев рассчитаны на активно-ответное понимание замедленного действия. На основании концепции активно-ответного характера живого высказывания М. М. Бахтин приходит к выводу об амбивалентности говорящего субъекта: он не только *говорящий субъект, но и отвечает на предшествующие его высказыванию слова, реплики, теории* [4, с. 235—236] (курсив наш. — *Т. В.*).

В свете сказанного предметом филологического исследования должно быть диалогическое взаимодействие двух величин: передаваемой («чужой») речи и передающей («авторской») речи. Это положение теории диалога дает возможность рассмотреть текст в его *горизонтальном и вертикальном значении* — как обращенный к «здесь и сейчас», то есть к собеседникам и слушателям, воспринимающим текст непосредственно и сегодня, так и обращенный к «вчера», к прошлому. Такое понимание текста позволяет увидеть совокупность его смыслов и значений и определить силу и направление его воздействия на слушателя. Вовлеченность субъекта речи в «культурный диалог» — необходимая составляющая теории интертекста, которая разрабатывается М. Бахтиным на протяжении 60-х годов, вбирая такие понятия, как беспрестанно растущая «текстовая цепь», звеном которой является каждое конкретное высказывание; «незавершимый» в принципе диалогический «контекст», «большое время» культуры, которые прочно вошли в современную культуру и методологию гуманитарных наук и изменили их характер. Следствием является и представление о культуре как о безграничном процессе создания и постижения смыслов.

Научные идеи Бахтина, в первую очередь идея культурного диалога, переосмыслены Кристевой, трактующей диалогизм преимущественно как *диалог между текстами*. Дальнейшее развитие идеи диалога получают в работах Р. Барта (1915—1980), который совместно с другими французскими структуралистами в 60—70-е годы XX века разрабатывает новую методологию гуманитарных наук. Собственно, структуралистский период деятельности Барта — 60-е годы. Постструктуралистский, который Г. К. Косиков называет «блестящим», — период 70-х годов. Но уже в 1947—50-х годах Барт публикует во французской газете «Комба» («Combat») серию литературно-методологических статей, в которых пытается «марксизировать экзистенциализм», ищет «третье измерение» художественной формы, которое называет условным термином «письмо». Летом 1955 года он знакомится с «Курсом общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра, идеи которого относительно имманентных процессов в языке, в частности, феномена анаграмм, были учтены в его дальнейших научных поисках. В итоге уже к середине 50-х годов под преимущественным влиянием социального анализа Б. Брехта и семиологии Ф. де Соссюра Барт осознает, что все явления культуры, от идеологического мышления до искусства и философии, могут быть восприняты как система знаков, а их назначение и воздействие можно эксплицировать и рационально объяснить. В середине 60-х годов он пишет работы «Система моды», «Основы семиологии», «Мифологии». Именно он предпринимает первые попытки превратить семиологию из описательной науки в науку «критическую» и, более того, действенную. С этим связано его влияние на теорию и литературную практику левого интеллектуально-художественного авангарда во главе с группой «Тель-Кель» («Tel Quel»), включавшей Филиппа Соллерса, Юлию Кристеву и других. Р. Барт разрабатывает основные положения коннотативной семиотики, применяет их для анализа литературной «формы», которая, как он говорил уже в работе «Нулевая степень письма», должна быть понята как один из многих типов социального «письма», «пропитанного культурными ценностями и интенциями, помимо собственного авторского содержания, которое она «выражает», и потому обладающего «собственной силой смыслового воздействия» [15, с. 10].

Постструктуралисты и деконструктивисты совершают своего рода революцию в литературоведении как науке. В книге «О Расине» (1963) Р. Барт начинает процесс преодоления позитивистских горизонтов, разрушая принципы причинно-следственных связей, лежащие в основе традиционного изучения «истории литературы». Как отмечает Г. К. Косиков, Барт как бы «методологически узаконивал существование всех тех направлений в послевоенном французском литературоведении (экзистенциализм, структурная поэтика и др.), которые, опираясь на данные современных гуманитарных наук, противостояли механической «каузальности» и эмпиризму по-

зитивистских литературно-критических штудий» [15, с. 9]. Сборник «О Расине» вызвал ожесточенные нападки со стороны позитивистской «университетской критики». Ответом Барта стало эссе «Критика и истина» (1966), сыгравшее роль манифеста «новой критики», после появления которого он стал главой этого направления. Итоговое и самое шокирующее положение деконструктивизма о «смерти автора» (Р. Барт) восходит к формуле «смерть субъекта» Мишеля Фуко как следствие невозможности для творящей личности создать принципиально новый текст, поскольку каждый «новый» «растворяется» в явных или неосознанных цитатах из предшествующих текстов. В свете деконструктивистского представления о природе литературного творчества новый текст как понятие «нового слова» в принципе невозможен, так как всякое «новое» возникает в результате повторения уже сказанного и различной комбинации цитат. В созданной в 1969 году книге М. Фуко «Археология знания» («L Archeologie du savoir») ставится вопрос о возможности в принципе определить единицы дискурса. При этом автор ставит под сомнение как материальное, так и дискурсивное единство книг, то есть их персональную неповторимость. Именно рассуждения Фуко о невозможности определить строгие границы художественного текста далее развиваются Р. Бартом и положены им в основу деконструктивизма, отрицающего базовые для традиционного литературоведения понятия «автор», «произведение» и даже «читатель». Естественно, что отсутствие «границ» художественного текста приводит к сомнению относительно объективности существования самого «произведения». Переход к итоговой *«деконструкции понятий»* в теории Фуко логически закономерен:

«Так ли уж нам необходимы такие понятия, как «книга», «произведение», или даже такие общности, как «наука» или «литература? Надо ли оставаться в плену иллюзий, неплодотворных и безосновных?» [26, с. 25].

Влияние деконструктивистских идей М. Фуко отчетливо ощущается в работах Р. Барта «Смерть автора», «Мифология», «Удовольствие от текста», «О Расине». Определение интертекстуальности, данное Бартом в работе «Смерть автора», приобрело в настоящее время хрестоматийную известность:

«…каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» — и стало каноническим в теории постструктурализма [1, с. 391].

Именно от этого итогового вывода деконструктивизма начинается своего рода идейная «развилка» между дальнейшим формированием теории интертекста в отечественной и западной филологии. «Традиционная» филология идет своим путем, учитывая новые возможности изучения художественного произведения, которые открываются с введением понятия «интертекстуальность». Деконструктивистские стратегии уводят в сторону отрицания понятия «автор», а затем и «читатель», размывания понятия «текст» до его полной глобализации, когда мир понимается как гипертекст, в котором все уже было сказано. Среди европейских ученых такой расширительной концепции придерживаются далеко не все, активно от нее отмежевываются сторонники коммуникативно-дискурсивного анализа (нарратологии), так как структуралистское понимание интертекста приводит к обесцениванию акта коммуникации как такового.

В истории отечественной гуманитарной науки теория диалогизма текста М. М. Бахтина находит дальнейшее продолжение в деятельности Тартусской семиотической школы, в первую очередь в исследованиях по семиотике Ю. М. Лотмана (1922—1993): «Текст в тексте», «Статьи по семиотике культуры и искусства», «Семиотика культуры и понятие текста». Если структуралисты отрицают факт персонификации и авторский характер художественного текста, то отечественная семиотическая школа изучает и разрабатывает его специфику. Понятие «текст» занимает в исследованиях Ю. М. Лотмана центральное положение, но трактуется очень широко, применительно к культуре в целом. Определение Лотмана «текст в тексте», собственно, и передает суть явления интертекстуальности как «переклички текстов» в художественном произведении. Ученый касается вопроса двойственности всякого художественного произведения, которое, являясь самостоятельным, включает и дополнительные «чужие» повествования. Именно на этом основан эффект диалога текстов. В отличие от деконструктивистов, отрицающих авторский характер каждого художественного текста, Лотман выделяет *литературный текст* в особую категорию интеллектуального текста, настаивает на его уникальной специфике. Он выделяет создание художественного литературного произведения как «качественно новый этап в усложнении структуры текста». Такой новый текст вступает в сложные отноше-

ния «как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату; обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память». Вследствие этого текст «обнаруживает свойства *интеллектуального устройства*» (курсив наш. — *Т. В.*) и не только передает вложенную в него извне информацию, но и «трансформирует сообщения и выражает новые». При этом усложняется и расширяется социально-коммуникативная функция текста [19, с. 5—6]. Ю. М. Лотман выделяет основные функции такого «интеллектуального текста», ставит вопрос о возможных формах включения «чужого текста» в авторский, что в его интерпретации связано с семиотикой пространственно-временной структуры произведения. Он называет и анализирует такие формы «врезки» чужого текста, как сон, вставные новеллы, документ, разграничивая понятия подлинной реальности и условной реальности художественного мира. В дальнейшем эти теоретические положения развиваются в его комментариях к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [20].

Значительный вклад в теорию интертекстуальности вносит известный отечественный ученый Б. М. Гаспаров. В книге «Язык, память, образ: лингвистика языкового существования» он так же, как Ю. М. Лотман, ставит вопрос цитации «чужого текста» и форм включения его в речь субъекта или в авторский художественный текст. По мнению ученого, наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток «цитации», «черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [7, с. 320]. Ученый вносит в теорию интертекстуальности новые аспекты, важнейшим из них является понятие «коммуникативного фрагмента» как «первичной, непосредственно заданной в сознании единицы языковой деятельности», которая хранится в памяти говорящего и которой он оперирует как готовым блоком при создании и интерпретации высказываний. Процесс смыслопорождения всегда «вращается вокруг наличного языкового произведения, от него исходит и к нему возвращается» [7, с. 122].

Теория культурного диалога и диалогического характера письменного и устного речевого высказывания, разработанная М. М. Бахтиным, категория «текста в тексте» Ю. М. Лотмана, понятие «коммуникативного фрагмента» Б. М. Гаспарова находят дальнейшее осмысление в работах ряда современных отечественных исследователей, таких как Т. В. Шмелева, И. В. Труфанова, рассматривающих метатекст как часть модуса высказывания [25, 28].

В современной филологии разграничиваются понятия «интертекстуальность» и «интертекст». Интертекстуальность понимается учеными единообразно: как диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, способствующее обнаружению глубинных смыслов исходного художественного текста. Но однозначности в трактовке понятия «интертекст» среди филологов не существует, что говорит о продолжающемся характере процесса формирования теоретических представлений. Под «интертекстом» сегодня может пониматься:

1. Любой текст, в котором просвечивается все возможное множество претекстов.

2. В. П. Руднев в «Энциклопедическом словаре культуры XX века» определяет интертекст как «основной вид и способ построения художественного текста», состоящий в том, что «текст строится с обязательным использованием цитат и реминисценций из других текстов» [22, с. 155].

3. Совокупность всех существующих текстов. По определению Н. А. Кузьминой, «история поэтического языка — это история текстов или, иначе говоря, история интертекста» [18].

4. Определенный уровень дискурсивной модели текста. По мнению О. Н. Гришковой, «в дискурсивной модели текста присутствует уровень интертекстов, который важен для адекватного понимания текста» [9, с. 386].

5. М. Л. Гаспаров акцентирует момент повтора в интертексте, трактуя его как «словосочетание, повторенное в поэзии несколько раз, так что новое употребление заставляет вспомнить о старом» [8, с. 9].

6. Ю. С. Степанов определяющим свойством интертекста считает «явление контаминации текстов двух и более авторов» [24, с. 3].

По мнению профессора И. И. Чумак-Жунь, успешное разграничение категорий «интертекстуальность» и «интертекст» возможно при условии их соотнесенности с исходным понятием «текст». Если интертекстуальность — это одно из имманентных свойств текста, которое обнаруживается в различных текстовых знаках (кавычки, цитирование, ссылка и т. д.), то интертекст — это совокупность текстов, содержащих отсылки к общему источнику или друг к другу, то есть имеющих общую пресуппозицию [27, с. 254].

Как можно заключить, теория интертекста до сих пор находится в процессе развития. При всех различиях в трактовке проблемы в основе понимания интертекстуальности вплоть до сегодняшнего дня продолжает оставаться теория

культурного диалога и переклички культур, созданная и развитая М. М. Бахтиным еще в 20-е годы. При этом интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний, так как она представляет собой общее поле анонимных культурных знаков и формул, происхождение которых не всегда легко или даже невозможно проследить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых, по словам Р. Барта, «без кавычек». Из данного положения следует, что в интертексте язык представляет собой «гигантский мнемонический конгломерат», в котором уравниваются отдельные тексты и отсутствует аксиологическая шкала, поскольку значимым является лишь тот факт, что они кем-то когда-то были сказаны [7, с. 320].

В филологических исследованиях двух последних десятилетий продолжает расширяться база теоретических категорий. Так, в теорию интертекста включается новое понятие «прецедентности высказывания». Впервые термин «прецедентный текст» введён в научную практику Ю. Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году. Ученый называет прецедентными тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в речи данной языковой личности» [14, с. 216].

Вслед за Ю. Н. Карауловым свой вклад в теорию прецедентного текста внесли другие отечественные исследователи. Среди них Г. Г. Слышкин, который понимает под «прецедентным текстом» «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной группы» [23, с. 128]. Таким образом, обязательными свойствами такого текста считаются его связность и одинаковая ценность для определенной социальной группы, однако расплывчато само это понятие — под группой можно понимать и семью, и коллектив сотрудников, и людей одной профессии.

Определяя свойства прецедентных текстов, некоторые исследователи, например Н. А. Кузьмина, отмечают их большие «энергетические возможности». Исследовательница рассматривает межтекстовое взаимодействие с позиций «энергообмена» между текстами, различной «энергоемкости» [18, с. 51—53]. В этой связи в лингвистике последних лет утвердились понятия «сильный текст», «ядерный текст». По определению Г. В. Денисовой, «сильные» означает постоянно востребуемые, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [11, с. 297]. Именно «сильные» прецедентные тексты обладают очень значительной энергоемкостью. В. Н. Иноземцева исследует с этой точки зрения заглавия методических работ на английском языке и находит подтверждение, что для носителей английского языка «сильными» являются тексты пьес В. Шекспира, которые они опознают, даже встретив только в названии методического материала [13].

В работах В. В. Красных производится дальнейшее расширение теоретической базы, вводится понятие *прецедентные феномены*, в составе которых разграничиваются *прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания* [16, с. 47].

Можно заключить, что уже к 90-м годам XX века теория интертекста в отечественной науке сформировалась в своих основных позициях. Процесс теоретического осмысления проблемы текста, однако, не только не завершен, но, видимо, в принципе не может завершиться. Но по мере накопления теоретических знаний наступает момент, когда интертекстуальная теория достаточно оформилась, чтобы на ее основе могла возникнуть новая стратегия и тактика филологического анализа. Интертекстуальный анализ литературного произведения в настоящее время имеет равные права со всеми другими формами аналитического изучения художественного текста. Интересные наблюдения в этой связи были сделаны известным отечественным ученым, переводчиком, профессором МГУ Г. К. Косиковым (1944—2010), которому принадлежит пальма первенства в истолковании постструктурализма и деконструктивизма в отечественной филологии и переводе работ Р. Барта на русский язык. Ученый предложил ограничить и конкретизировать сам предмет интертекстовой теории. Со ссылкой на работу французского исследователя Лорана Женни «Стратегия формы» (1976) он советует сузить и конкретизировать сами исходные понятия интертекстовой теории «текст» и «интертекст», размежевав сферы интертекстуальности и интердискурсивности. Особенно важно отметить, что с интертекстуальной теорией Г. К. Косиков связывал возможность появления нового исследовательского направления в отечественном

литературоведении — интертекстуальной поэтики или поэтики интертекста.

Наблюдения Г. К. Косикова подводят своеобразный итог в развитии интертекстуальной теории и намечают дальнейшие перспективы ее развития и использования в целях изучения закономерностей культурного развития, усовершенствования методики филологического анализа. Пространство культуры — это место взаимоориентации и взаимодействия текстов, когда любой из них может быть прочитан как продукт впитывания и трансформации множества других текстов.

1. *Барт Р.* Смерть автора // Ролан Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советская Россия, 1979. 320 с.
3. *Бахтин М. М.* Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
4. *Бахтин М. М.* Проблемы речевых жанров // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с. С. 237—245.
5. *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику // *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. 649 с.
6. *Волошинов В. Н.* (*Бахтин М. М.*) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке и языке. Л. : Прибой, 1930. 188 с.
7. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М., 1996. 351 с.
8. *Гаспаров М. Л.* Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия АН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61, № 4. С. 9.
9. *Гришкова О. Н.* Интертекст в аспекте дискурсивного понимания текста // Русский язык: исторические судьбы и современность : II Междунар. конгресс исследователей русского языка. М. : Изд. МГУ, 2004. С. 386.
10. *Дементьев И. О.* Что (не) написал Соссюр: полвека дискуссий о теории анаграмм // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 17—25 (статья написана в рамках научного исследования «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности» при поддержке научного фонда РГНФ в 2015 году).
11. *Денисова Г. В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. М. : Азбуковник, 2003. 297 с.
12. *Ильин И. П.* Интертекстуальность // Западное литературоведение XX века : энцикл. М. : INTRADA, 2004. С. 164—166.
13. *Иноземцева Н. В.* Прецедентный и интертекст как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике). URL: www.rusnauka.com/23_WP_2009/Philologia/50932.doc.htm (дата обращения: 05.02.2016).
14. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М. : Ком. Книга, 2006. 261 с.
15. *Косиков Г. К.* Текст / Интертекст / Интертекстология // *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова ; пер. с фр. Г. К. Косикова, Б. Н. Нарумова, В. Ю. Лукасик. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 8—42.
16. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
17. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1993. № 4. С. 5.
18. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М. : Едиториал УРСС, 2004. 272 с.
19. *Лотман Ю. М.* Текст в тексте // Уч. зап. Тартусского гос. ун-та, 1981. Вып. 567. С. 3—8.
20. *Лотман Ю. М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучении текста // *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960—1990 гг. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 395—411.
21. *Пузырев А. В.* Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления : дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 1995. 198 с.
22. *Руднев В. П.* Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М. : Аграф, 2003. С. 155.
23. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 128 с.
24. *Степанов Ю. С.* «Интертекст», «Интернет», «интерсубъект». К основаниям сравнительной концептологии // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60, № 1. С. 3.
25. *Труфанова И. В.* Аспекты теории диалога в работах М. М. Бахтина и их развитие в современной лингвистике. URL: sibac.info/2009-07-01-10-21 (дата обращения: 17.02.2016).
26. *Фуко Мишель.* Единицы дискурса // Археология знания : пер с фр. Киев : Ника-центр, 1996 (Сер. OPERA ARARTA. Вып. I). 208 с.
27. *Чумак-Жунь И. И.* Еще раз об интертекстуальности и интертексте: к разграничению понятий в лингвистике // Текст как единица филологической интерпретации : материалы Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. Новосибирск : Изд-во ООО «Немо-Пресс», 2011. С. 252—256.
28. *Шмелева Т. В.* Диалогичность модуса высказывания // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 5. С. 147—156.

Р. Д. Урунова

К ВОПРОСУ О ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМАХ РУССКОГО ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ

В статье освещается вопрос о происхождении предложных форм местоимения 3-го лица с начальным **н**. Критически рассматривается традиционная точка зрения по этому вопросу и путем функционального анализа текстов русских памятников дается новое объяснение.

Ключевые слова: указательные местоимения, предложные формы, падежная парадигма, дейксис, анафора.

R. D. Urunova

PREPOSITIONAL FORMS OF RUSSIAN PERSONAL-DEMONSTRATIVE PRONOUNS

The article highlights the issue of the origin of the forms of 3rd person prepositional pronouns beginning with the letter **n**. It discusses the traditional point of view on this issue and provides a new explanation using the functional texts analysis of Russian monuments.

Key words: demonstrative pronouns, prepositional forms, case paradigm, deixis, anaphora.

В русистике всегда недостаточно внимания уделялось предложным формам лично-указательного местоимения 3-го лица с начальным **н**. Обычно они рассматриваются как отдельные формы, каждая связанная со своей основной беспредложной падежной формой в общей парадигме. Между тем функциональный анализ показывает, что предложные формы, хотя и соотносятся с беспредложными, образуют свою цельную парадигму. И это обстоятельство поднимает вопрос о функциональном качестве этих форм и их статусе в общей местоименной системе, ответ на который может быть получен путем их генетического анализа.

Формы с начальным **н** широко употреблялись уже в самых ранних письменных памятниках русского языка и часто встречаются во всех древнецерковнославянских текстах, что определенно свидетельствует об их древнем происхождении. В их парадигме уже в самые ранние периоды имелись формы всех падежей, кроме номинатива мужского, среднего и женского рода в единственном числе, а также во множественном и двойственном числах. Вся парадигма предложных форм, кроме двойственного числа, была унаследована и активно используется в современном русском языке практически без изменений.

В традиционной исторической русистике генетическим источником предложных форм с начальным **н** считается нейтральное указательное местоимение **и**, вариантами которого они, собственно, и признаются. В качестве базовой интерпретации о причинах развития начального **н** в этих формах принимается мнение известного историка языка П. С. Кузнецова:

«У косвенных падежей местоимения **и** еще в эпоху дописьменную в сочетании с предлогами развилось начальное **н**. В основе этого явления (известного и старославянскому языку) лежат фонетические отношения. Некоторые предлоги, именно **въ**, **къ**, **съ**, в ранний период развития общеславянского языка-основы оканчивались на **n**), т. е. звучали ***vъn, *kъn, *sъn.** В определенную эпоху этот **n** в закрытом слоге теряется. Предлог в сочетании с тем словом, перед которым он стоит, образует в фонетическом отношении единство. Утрата **n** происходит в основном в тех случаях, когда это следующее за предлогом слово начинается на согласный. Если же следующее слово начинается на гласный или на согласный, фонетически сливаясь с которым **n** не образует слоговой границы, то **n** сохраняется, отходя к следующему слогу. Так, например, ***vъn domъ** > **vъ domъ**, ***kъn domu** > **kъ domu**, ***sъn domъmь** > **sъ domъmь**, но ***vъn idơ** > **vъnidơ**, ***sъn idơ** > **sъnidơ**. Местоимение, о котором идет речь, начинается на **j**. Сочетание **nj** еще в общеславянском языке-основе дает один согласный — **n`**,

который вполне может отойти к следующему слогу. В результате этого, например, ***sъn jego** > **sъ n`ego**. Поскольку предлог обычно выступает без конечного **n**, элемент **n`** в таких сочетаниях, как только что приведенное, осознается как входящий в состав местоимения, а поскольку он выступает лишь в тех случаях, когда местоимение сочетается с предлогом, он осознается специально как принадлежность местоимения, сочетающегося с предлогом. В результате легко происходит обобщение — элемент **n`** переносится в сочетания с другими предлогами, таким образом, становятся возможными и сочетания типа **u n`ego** (предлог **oy** никогда не имел в своем составе **n**)» [1, с. 137].

Достаточно стройное, на первый взгляд, рассуждение с функциональной точки зрения оказывается не очень убедительным. Вызывают сомнение главным образом три фактора:

1. Последовательное употребление **n** в формах местоимения 3-го лица после всех без исключения предлогов, тогда как конечным ***n** обладали только три древних предлога. Поскольку в количественном отношении предлоги без конечного ***n** значительно преобладают над предлогами с конечным ***n**, а начальный **н** проявляется во всех без исключения предложных формах, то данное объяснение является неубедительным. Трудно представить, что носовой сонант, обладающий вокализмом чуть в меньшей степени, чем гласные, развился в очень разных фонетических позициях.

2. Полное отсутствие предложных форм 3-го лица без начального **н** во всех без исключения текстах на церковнославянском и древнерусском языках (хотя известны единичные формы в отдельных русских говорах, но их характер и количество указывают на вторичность их происхождения). Вызывает сомнение предположение, что этот звук мог развиться перед всеми предлогами по аналогии всего лишь с тремя вариантами и проявиться с абсолютной регулярностью во всех предложных формах. Исследования показывают, что в аналогичных процессах в языке всегда сохраняются остаточные первичные формы.

3. Полное отсутствие следов этого процесса в сочетаниях предлогов с конечным ***n** с существительными, начинающимися на гласный звук. Те примеры, которые приводятся П. С. Кузнецовым, отражают случаи, когда ***vъn**, ***kъn**, ***sъn** функционируют в качестве приставок, а не предлогов, к тому же с одним глагольным корнем.

Регулярность проявления начального **n** в предложных формах местоимения 3-го лица позволяет предположить, что он является более значимым элементом, нежели протетический звук, развившийся по фонетико-физиологическим причинам [2, с. 51—52]. Анализ предложных форм в функциональном аспекте показал, что этот элемент в звуковом составе предложных форм всегда имел фонематический статус, начиная с самого древнего состояния языка, и сохраняет его до настоящего времени.

Анализ и сопоставление предложных и беспредложных форм с функциональной точки зрения обнаруживает их различную семантику и неодинаковую синтаксическую значимость, что ставит под сомнение их происхождение из одного источника. В формах нейтрального местоимения **и**, признанного в качестве генетического источника форм с **н**, гораздо интенсивнее проявляется указательный компонент, чем в формах других древних местоимений 3-го лица, у которых указание либо сочетается с каким-то более сильным функциональным компонентом, либо вообще утрачивается.

В текстах письменных памятников формы местоимения **и** часто используются в функции определения для обозначения отношения принадлежности: а братъ **его** щекъ и хоривъ · и сестра **и**^{х} лыбедь ту скончаша^{сѧ} · и по сихъ братьи держати · почаша родъ **ихъ** кнѧженье (ПВЛ, Лаврентьевский список). Гораздо реже, но все-таки они употребляются и для выражения объекта, который в таком случае актуализируется путем указания. Объект, обозначенный нейтральным указательным местоимением **и**, может быть выражен как одушевленными, так и неодушевленными формами: 1. И ту видѣхъ жену сѣдѧщю · и въпросихъ **ѥѩ** (Псковский пролог). 2. И оѿпусти **ю** нарек **ю** дъщерью собѣ (ПВЛ, Лаврентьевский список).

Использование нейтрального указательного местоимения в формах именительного и винительного падежей имеет свою особенность: чем древнее тексты, тем больше случаев их употребления в функциях подлежащего и дополнения. Так, например, в текстах Лаврентьевской и Радзивиловской летописей эти формы встречаются относительно часто: 1. И отрядивъ **я** (их, братьев) вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ **я** (ее, Псалтырь), и то ми ся выня: «вскую печалуеши, душе?» (Поучение Вл. Мономаха). 2. ѿ тѣ^{х} аще полонѧникъ ѡбою странꙋ держи^{м} е^{г} · или ѿ рꙋси или ѿ грекъ (Договор Олега с греками). 3. И влѣзоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, повелѣ зажечи **я** (деревлян) отъ дверий, ту изгорѣша вси (ПВЛ,

«Месть Ольги»). 4. И по крщньи возва **ю** (Ольгу) црь (ПВЛ, «Крещение Ольги»). 5. Николи же всѧду на нь · ни вижю **его** (коня) (ПВЛ, «Смерть Олега»).

В этих же текстах формы нейтрального указательного местоимения используются и в функции определения, причем гораздо чаще, чем в объектной функции: 1. А Ольга возъвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ **ихъ** (ПВЛ, «Месть Ольги»). 2. Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Вользѣ, реша: «потеснися к намъ, да выженемъ Ростиславича и волость **ихъ** отъимемъ» (Поучение Владимира Мономаха). 3. Та посла мя Святославъ в ляхы: ходивъ за Глоговы до чешьскаго лѣса, ходивъ в земли **ихъ** 4 мѣсяци (Поучение Владимира Мономаха). Различная функциональная значимость форм местоимения **и** хорошо видна в следующем примере: и паки: яыки своими льстяхуся; суди имъ, боже, да отпадуть от мыслий своихъ, по множеству нечестья **ихъ** изрини **я**, яко прогнѣваша тя, господи (ПВЛ, «Убийство Ярополка»). Этот пример наглядно иллюстрирует тот факт, что архаичные формы винительного падежа использовались для актуализации объекта действия путем указания. Функция определения закрепилась за родительным падежом. Форму родительного падежа нейтрального местоимения **и**, стоящую в постпозиции к определяемому слову, в приведенном примере по функциональному качеству можно считать эквивалентной адъективированной. Определительные формы в родительном падеже используются параллельно с объектными формами и аналогично адъективированным формам остальных личных местоимений.

Предложные формы с начальным **n** в семантическом плане отличаются от нейтральных указательных тем, что в их структуре объектное (часто предметное) значение доминирует над указанием, что определяет анафорический способ их использования. Если формы местоимения **и** можно заменить каким-либо указательным системным вариантом, то подобная замена предложных форм невозможна. В семантическом отношении предложные формы более удобны для выражения предметности и более самостоятельны в синтаксическом плане: 1. И рече Игорь ко братьи своей: «братья! Сего есмы искалѣ, а потягнемь»; и тако пойдоша **к нимъ** (объектное значение: братьям, русичам), положаче на бозѣ упование свое (Киевская летопись по Ипатьевскому списку). 2. И стояша на вежахъ 3 дни, веселяся, а рекуще: «братья наша ходили съ Святославомъ великимъ княземъ, и билися **с ними** (объектное значение: половцами), зряче на Переяславль, а они сами **к нимъ** (объектное значение: к братьям, к русичам) пришли, а в землю **ихъ** (принадлежность, выраженная путем указания: этих) не смѣли **по нихъ** (объектное значение: за половцами) ити; а мы в земли **ихъ** (принадлежность, выраженная путем указания: этих) есмы, и самѣхъ избили, а жены **ихъ** (принадлежность, выраженная путем указания: этих) полонены и дѣти у насъ; а нонѣ пойдемъ **на нихъ** (объектное значение: на половцев) за Донъ и до конца избьемъ **их** (объектное значение: половцев), оже ны будеть ту побѣда, идемъ **по нихъ** (объектное значение: за половцами) у луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣды наши, а возмемъ до конца свою славу и честь» (Суздальская летопись).

Заметная предметность семантики форм с начальным **н** обусловливается, по крайней мере, двумя факторами: 1) объектной позицией в синтаксической конструкции; 2) предлогом, который чаще всего определяет пространственные ориентиры предметного объекта, актуализированного местоимением. Семантика предлога усиливает предметный компонент в семантической структуре местоимения. Учет этих факторов приводит к предположению, что предложные формы отличались от форм нейтрального местоимения по функциональному качеству и не могли выражать чистого указания. Конечно, в некоторых случаях предложные формы с **н** и универсальные формы дублируют друг друга, но это обстоятельство не может служить доказательством их общего происхождения, так как все указательные местоимения могли заменять друг друга в определенных контекстах.

Исследование в функциональном аспекте и сопоставление текстовых вариантов предложных форм с начальным **n** между собой показывает, что по семантике и синтаксическому качеству они близки лично-указательному местоимению **онъ**. Если предположить, что предложные формы восходят не к нейтральному **и**, а к лично-указательному местоимению **онъ**, то логичнее объясняется и наличие **n** в этих формах. Поскольку все предлоги, за очень небольшим исключением, оканчивались на редуцированный гласный **ъ**, а местоименные формы начинались на гласный **о**, то естественно, что вокалические элементы, идентичные по артикуляционному качеству и различающиеся только долготой произношения, оказавшись в контакте, подвергаются стяжению.

Требует объяснения в этом контексте фонетическое отличие основ предложных форм от основ указательного **онъ** — это корневой глас-

ный передней зоны **е** в предложных формах вместо гласного непередней зоны **о** в формах **онъ**. Оно вполне объяснимо, во-первых, проявлением сильнейшей тенденции взаимодействия твердых и мягких типов основ (напр.: себѣ — собѣ, тебѣ — тобѣ и т. д.), которая была характерной для всего класса местоимений «после XIV в., когда происходило обобщение того или иного типа склонения и у имен существительных» [2, с. 362]. Во-вторых, в исторической русистике известно о «взаимодействии различных падежных форм одного и того же местоимения», которым «объясняется установление одного согласного в основе вместо прежних двух, находившихся в чередовании друг к другу» [3, с. 219]. У указательного местоимения **онъ** в формах косвенных падежей единственного и множественного числа чередовались твердый и мягкий **н**: ед. *оного, оному, ономъ* и др.; мн. *онѣхъ, онѣмъ, онѣми* и др.

И особенно обращает на себя внимание тот факт, что формы местоимения **и**, используемые в функции определения, в позиции после предлогов всегда используются без начального **н**. Это характерно как для современного языка (*с его способностями, над его головой, в его карманах* и т. д.), так и для текстов ранних периодов, по крайней мере XIV века: 1) хто будетъ со кн^{з}ѧмъ с великимъ зъ дмитриемъ иванови^{ч}мъ и съ **его** бра^{т}мъ со кн^{з}ѧмъ со кн^{з}ѧмъ с володимеромъ аньдрѣеви^{ч}мъ в любви [...] (Перемирная грамота послов великого князя литовского Ольгерда Гедеминовича с великим князем Дмитрием Ивановичем); 2) дал ꙗсмь ѡцю своѥму арсѣнью [ма]настырь стоѥ бци на ѡлговѣ · въ свободь до **ѥго** ж[и]вота (Жалованная грамота Олега Рязанского); 3) и ѥще ва дали •в**і**• лисици · пани хоньци в **ѥѣ** зѧтеви ивашкови (Продажная Хоньки Васковой на Калеников монастырь). Наличие и отсутствие начального **н** у предложных форм является различительным фонетическим элементом, который дифференцирует сначала функции дополнения и определения у совпадающих субстантивных и адъективированных форм, а позже формы личного и притяжательного местоимений. Таким образом, появление начального сонанта имело не только фонетическую, но и фонологическую значимость.

На наш взгляд, все признаки предложных форм с начальным **н**, описанные выше, обусловлены особой функциональной семантикой, благодаря которой они отличаются от форм нейтрального местоимения **и**. Формы нейтрального местоимения **и** используются для «чистого» указания, они в большей степени являются дейктическими и удобны для выражения в синтаксических конструкциях атрибутивных отношений. Предложные формы с начальным **н** являются анафорическими и используются для выражения объекта. С другими членами синтаксической конструкции они связаны управлением.

Кроме особенностей, указанных выше, следует обратить внимание на то, что в текстах довольно часто встречаются формы с начальным **н**, употребленные как варианты местоимения **онъ**, что также может служить основанием считать их формами одного слова: мьстисла^{в} же поцѧ молитисѧ кнѧземъ роусьскымъ · бра^{т}и своѥи · рекѧ тако оже мы бра^{т}ѥ **симъ** (им, русским, которые с нами) не поможемъ · тъ **си** (они, русские, которые с нами) имоуть придатисѧ **к нимъ** (печенегам, которые против нас; от **они**), тъ онѣмъ (печенегам, которые против нас; от **они**) больши будеть сила (Новгородская летопись). В данном предложении использованы функциональные ряды местоименных форм, которые различаются по денотативному признаку:

1) «наши, русские» — си, симъ;

2) «не наши, печенеги» — к нимъ, онѣмъ.

На парность употребления местоимений **сей** и **онъ** обратил внимание В. В. Колесов, объяснивший это явление тем, что функциональная соотнесенность этих слов «создает противопоставление крайних точек указания» [2, с. 364]: **сей** — наиболее близкий говорящему, **онъ** — наиболее удаленный. В текстах летописей эта функциональная пара встречается довольно часто, и характерно, что беспредложные и предложные варианты противопоставленных местоимений употребляются очень последовательно и, как правило, параллельно: а се нонѣ на на^{с} иду^{т} послашасѧ по всеи земли своеи · а сами поидоша **к симъ** (к нашим, русским) · и ждаша дружины своеꙗ · а **си** (наши, русские) **к ни^{м}** (не нашим, половцам) идуть к вежам **ихъ** (принадлежащих половцам: указательное значение в атрибутивном словосочетании) · **ѡни** (не наши, половцы) же не пустѧчи в вежѣ срѣтоша **ихъ** (нейтральное указание на русских) (Суздальская летопись). Часто пространственная дистантность используется для выражения оценочной семантики. В данном фрагменте «близкие субъекту речи, т. е. наши» обозначаются формами местоимения **си** с предлогами, а «далекие, т. е. не наши» — формами местоимения **они** без начального **о** с предлогом. Образуются следующие местоименные ряды:

1) «наши, русские» — си, к симъ, ихъ;

2) «не наши, половцы» — ѡни, к нимъ, ихъ.

Предложные формы местоимений **си** и **они** в данном контексте являются семантически маркированными и противопоставленными друг другу, хотя грамматически оформлены одинаково. Нейтральная форма **ихъ** используется как универсальная указательная. В данном случае универсальность **ихъ**, в свою очередь, противопоставлена маркированности **си** и **они**.

Процесс слияния парадигм всех лично-указательных местоимений 3-го лица был долгим и поэтапным. Его причиной, очевидно, стала образовавшаяся в языке избыточность указательных местоименных форм 3-го лица, а результатом — новая дублетная парадигма предложных форм со своим особым функциональным качеством. Этот процесс окончательно завершился уже в современном русском языке [2—4].

Остатки парадигм древних местоимений сливаются в единую грамматическую систему нового качества. Новая парадигма унифицируется по образцу личных местоимений 1-го и 2-го лица, хотя все ее варианты генетически восходят к лично-указательным местоимениям, у которых косвенные падежи могли одновременно выполнять две функции: объекта и определения. Отчасти эта функциональная двойственность сохранилась у некоторых форм и в современном языке: ***его*** *выступление* и *вижу* ***его***; ***их*** *работа* и *предупредить* ***их***. По функциональному качеству и по семантике новая парадигма воспринимается носителями языка как личное местоимение 3-го лица. От указательных признаков оно сохраняет способность изменяться по родам и выполнять дейктическую функцию в определенных контекстах. От личных местоимений оно унаследовало анафорические функции субъекта и объекта.

Таким образом, если в современном русском языке парадигма лично-указательного местоимения является единой, включающей и беспредложные, и предложные формы, то в период появления письма это фактически две грамматические парадигмы с разными функциональными возможностями.

	Нейтральное указательное местоимение и		**Лично-указательное местоимение 3-го лица онъ**	
	Беспредложные формы с функцией объекта	**Предложные формы без н с функцией определения**	**Беспредложные формы с функцией объекта**	**Предложные формы с начальным н с функцией объекта**
Ед.				
И.	и, ѥ, ꙗ,	----	онъ, оно, она оного,	----
Р.	ѥго, ѥѣ	въ ѥго, ѥѣ	оноѣ	въ него, неѣ
Д.	ѥму, ѥи	----	оному, онои	къ нему, неи
В.	и, ѥ, ю /ѣ	----	онъ, оно, ону	въ нь, не, ню
Т.	имь, ѥю	----	онѣмь, оною	съ нимь, нею
М.	ѥмь, ѥи	----	ономь, онои	о немь, неи
Мн.				
И.	и, ꙗ, ѣ	---	они, она, оны	---
Р.	ихъ	въ ихъ	онѣхъ	въ нихъ
Д.	имъ	----	онѣмъ	къ нимъ
В.	ꙗ, ѣ/ѩ	----	оны, она, оны	въ нитѣ, ни, нитѣ
Т.	ими	----	онѣми	съ ними
М.	ихъ	----	онѣхъ	о нихъ

1. *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка: морфология. М. : Изд. Моск. ун-та, 1953. 305 с.
2. *Колесов В. В.* История русского языка. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Изд. центр «Академия», 2005. 672 с.
3. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М. : КомКнига, 2006. 512 с.
4. *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М. : Изд-во МГУ, 1990. 296 с.

ИНФОРМАЦИЯ

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

РЕЦЕНЗИЯ
на книгу Е. П. Иванян
«СЕМАНТИКА УМОЛЧАНИЯ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»
(Москва : Изд-во «ФЛИНТА», 2015. 328 с.)

REWIEV
on the book of E. P. Ivanyan
"SEMANTICS OF APOSIOPESIS AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN RUSSIAN LANGUAGE"
(Moscow : "FLINTA" Publisher, 2015. 328 p.)

Рецензируемая работа посвящена феномену умолчания, значение которого, по утверждению автора Елены Павловны Иванян, объединяет в себе прагматические задачи говорящего: заинтересовать, создать адресату условия для сотворчества, сделать речь убедительной и т. д. Монография привлекает внимание уже тем, что впервые в русистике семантика умолчания стала предметом специального изучения и описания. Е. П. Иванян ставит перед собой цель — представить семантику умолчания как функционально-семантическую категорию, имеющую иерархическое строение и средства выражения, относящиеся к разным языковым уровням. Этим определяется весьма логичная структура исследования.

В первой главе «Комплексное описание семантики умолчания в русском языке» автор, обобщая различные точки зрения известных лингвистов (Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, С. М. Кузьминой, Т. М. Николаевой и др.) на природу умолчания, убедительно обосновывает своё понимание этого языкового явления: базовым значением для семантики умолчания Е. П. Иванян считает функционально-семантическую категорию неопределенности.

Опираясь на такой подход, а также на исходную посылку о том, что умолчание — это особое языковое значение, средства выражения которого относятся к разным уровням языка (фонетики, лексики, грамматики), исследователь профессионально отграничивает умолчание от сходных понятий, а именно: апозиопезиса, смыслового пропуска, эллипсиса, эзоповой речи, вуалирования референции, неопределенности, молчания как особого вида коммуникации, лжи, дезинформации, эвфемии, подтекста. Так, например, согласно теории Е. П. Иванян, апозиопезис, будучи «синтаксической формой» выражения умолчания, и смысловой пропуск (изъятие определенных логических звеньев из дискурса) относятся к семантике умолчания как части к целому.

Рассматривая умолчание с позиций функциональной лингвистики, автор справедливо утверждает, что все средства семантики умолчания обладают семантической редукцией признаков. Семантическим инвариантом значения умолчания, по мнению Е. П. Иванян, является трёхсемный комплекс: 1) формальная возможность выбора, 2) неотождествленность и 3) определенная, но неназываемая данность.

Важным и интересным представляется используемый исследователем полевой подход к характеристике совокупности языковых средств выражения семантики умолчания. Ядро средств передачи семантики умолчания, по справедливому утверждению исследователя, составляют неопределенные местоимения, наречия и прономинативы.

Во второй главе «Местоимения как специализированные средства семантики умолчания» дается развернутая характеристика местоимений как способов своеобразного шифрования неприятной для собеседников информации. Особый интерес представляет тщательно проведенный Е. П. Иванян анализ графически выделенных слов в русских романах XIX—XX вв. как средства передачи значения умолчания. Поражает колоссальный объем работы, проделанный автором: статистической обработке на предмет выявления графического выделения подверглись 169 романов 76 писателей!

В третьей главе «Неопределенные местоимения как ядерные средства семантики умолчания» исследователь скрупулезно анализирует факты употребления неопределенных местоимений с разными аффиксами. Несомненной заслугой Е. П. Иванян становится выявление их общего и особенного, что нашло отражение в констатации следующих фактов (с. 297).

Местоимения-прилагательные с разными аффиксами служат для косвенного выражения отрицательной оценки, снижают категоричность высказывания, «уменьшают» пафос высказывания при метафорическом плане. Данная характеристика предопределяет их возможность вхождения в парадигматическое микрополе значения умолчания с компонентом намека.

Общим для неопределенных наречий разных групп является то, что многие из них, применяясь в качестве средства выражения семантики умолчания, развивают автосемантическое значение.

Вызывает одобрение аргументированное обоснование Е. П. Иванян ядра парадигматического микрополя семантики умолчания с компонентом намёка, в которое входят неопределенные местоимения и наречия с аффиксом *кое–*. Исследовательница убедительно показывает, что черты различия в применении неопределенных местоимений с разными аффиксами для выражения семантики умолчания проявляются в том, что слабоопределенные местоимения имеют в своей семантической структуре компонент «неполноты охвата», вследствие чего употребляются в функции мейозиса.

Что касается неопределенных местоимений неизвестности с аффиксом *–то,* то данные языковые единицы, являясь слабым членом местоименной оппозиции, обладают повышенной частотностью применения; способны выполнять все функции, свойственные неопределенным местоимениям других групп при выражении семантики умолчания: являются средством «объективизации» повествования; в сочетании со словами-сигналами ситуации (*вдруг, неожиданно, странно* и т. п.) в художественном тексте участвуют в создании атмосферы таинственности, загадочности, интеллектуального и эмоционального напряжения, выполняют функцию эвфемизмов в дискурсе.

Таким образом, можно выделить ряд несомненных достоинств рецензируемой работы:

во-первых, это непротиворечивая теоретическая концепция автора, учитывающего весь ход развития лингвистических поисков: от понимания умолчания как стилистической (поэтической) фигуры до функционально-семантической категории;

во-вторых, богатый иллюстративный материал (художественные и публицистические тексты, записи устной речи и др.), позволяющий исследователю делать достоверные выводы;

в-третьих, возможность для пытливого языковеда найти в монографии «точки роста»: так, например, перспективным представляется исследование семантики невыразимого, поскольку значение этого языкового функционально-семантического значения, как показал автор, имеет большую зону пересечения с умолчанием.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что монография Е. П. Иванян является весомым вкладом в разработку проблемы семантики умолчания в русском языке.

Р. Д. Урунова, *доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Ульяновского государственного университета*

НАШИ АВТОРЫ

Агаджанова Эмилия Рафаэловна — аспирант; заведующая УИЛ «Психолог» кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; contact@ulsu.ru; тел. 8-904-186-89-79.

Андреева Юлия Витальевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии; Ульяновский государственный университет; yulia.andre@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Артамонова Мария Вячеславовна — студентка, 4 курс, Российско-Германский факультет; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии; Ульяновский государственный университет; n_baranetz@mail.ru; тел. 8(8422)32-21-09.

Белик Ирина Станиславовна — заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель начальных классов; специализированная школа № 2 I—III ступеней имени Д. И. Ульянова с углубленным изучением английского языка (г. Феодосия); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Буянкина Ирина Владимировна — студентка, 4 курс, Российско-Германский факультет; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Васильчикова Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и филологии; Ульяновский государственный университет; vasilchikova5@mail.ru; тел. 8-917-623-69-82.

Верёвкин Андрей Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент; доцент кафедры алгебро-геометрических вычислений; Ульяновский государственный университет; a_verevkin@mail.ru; тел. 8(8422)32-21-09.

Власова Наталья Владимировна — доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; vla-nataly@yandex.ru; тел. 8-937-271-72-35.

Волгин Иван Владимирович — художник по свету, артист вспомогательного состава; «Небольшой театр» (г. Ульяновск); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8-917-063-95-65.

Еняшина Наталья Геннадьевна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; natalya.enyashina@mail.ru; тел. 8-927-633-19-23.

Захарова Юлия Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Захарычева Онорина Юрьевна — студентка, кафедра управления; Ульяновский государственный университет; kafupr605@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Кадрия Джулианна Кадриевна — магистр факультета права кафедры финансового, налогового, таможенного права; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва); k_julianna@mail.ru; тел. 8(916)991-06-71.

Кузьмина (Старкова) Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и культурологии; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Куликова Елена Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления; Ульяновский государственный университет; kafupr605@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Лободюк Татьяна Михайловна — студентка, 4 курс, направление «Социология»; Ульяновский государственный университет; tashka-volk@mail.ru; тел. 8-937-277-99-05.

Мартыненко Алла Валентиновна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии; Ульяновский государственный университет; avalmart@list.ru; тел. 8-908-470-74-76.

Мартынов Сергей Валерьевич — студент, 2 курс, факультет экономики; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Машарский Захар Владимирович — кандидат психологических наук, заведующий отделом исследований в области воздушного транспорта; БелНИИТ «Транстехника» (Республика Беларусь); distm@mail.ru; тел. +375(29)533-84-30.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Митина Татьяна Сергеевна — аспирант кафедры психологии и педагогики, ассистент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; cherrity07@mail.ru; тел. 8-927-809-83-49.

Михайлина Ирина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мойсеенко Марина Васильевна — заместитель директора по воспитательной работе, учитель начальных классов; Специализированная школа № 2 I—III ступеней имени Д. И. Ульянова с углубленным изучением английского языка (г. Феодосия); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мухамметжанов Рафаэль Раисович — студент, 2 курс, специальность «Социальная работа»; eldares2014@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мухамметжанов Эльдар Раисович — студент, 2 курс, специальность «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; eldares2014@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мызрова Ксения Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Ощепков Алексей Александрович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальных и философских наук; Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»; sladkod@yandex.ru; тел. 8-903-339-41-89.

Петров Михаил Евгеньевич — учитель профессионально-трудового обучения высшей квалификационной категории; ГБ(О)С(К)ОУ С(К)О школа-интернат VIII вида № 5 (г. Елец, Липецкая область); klassnuyapapa.petrov2010@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Потанина Любовь Евгеньевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; nezumil@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Потапова Анна Александровна — магистрант по направлению «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; potapova99@yandex.ru; тел. 8(8422)37-63-26.

Пфау Татьяна Вильевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии; Медико-психолого-социальный институт, Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова; pfau.tv@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Рассадина Татьяна Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин; Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Рогашова Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Русина Ольга Викторовна — аспирант кафедры философии; Ульяновский государственный технический университет; SyabukovaOlga@yahoo.com; тел. 8-917-611-94-41.

Саблина Майя Александровна — аспирант кафедры уголовного права и криминалистики; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва); maya.sablina@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; Valentina_nauka@mail.ru; тел. 8-985-555-96-99.

Седова Анастасия Олеговна — студентка, специальность «Организация работы с молодежью»; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Семенова Екатерина Дмитриевна — студентка, 3 курс, направление подготовки «Психология»; Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова; pfau.tv@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Сербина Марина Александровна — аспирант кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; contact@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Сковикова Елена Геннадиевна — кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой музыкально-инструментального искусства; Ульяновский государственный университет; elenaskovikova@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Смолькин Валерий Петрович — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; surap99@mail.ru; тел. 8(8422)32-20-25.

Смыслов Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; v.smyslov-73@mail.ru; тел. 8-962-630-96-49.

Степанова Елена Викторовна — студентка, 3 курс, факультет управления; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Урунова Раиса Джавхаровна — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии; Ульяновский государственный университет; urunova_rd@rambler.ru; тел. 8(8422)48-97-20.

Федулова Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; kafregion@sv.ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Филиппова Татьяна Анатольевна — заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»; Муниципальное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 85» (г. Ульяновск); mou85@uom.mv.ru; тел. 8(8422)58-59-92.

Фильченкова Анна Сергеевна — студентка, 4 курс, направление «Социология»; Ульяновский государственный университет; ane4ka944@mail.ru; тел. 8-902-129-94-35.

Хайрудинова Резеда Иршатовна — аспирант, ведущий психолог кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; contact@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Цветкова Ольга Викторовна — кандидат политических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; tsvetkovaov@mail.ru; тел. 8(9510)94-48-24.

Чертушкина Татьяна Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности, начальник организационно-консультационного отдела Управления довузовского образования; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)41-28-17.

Шабалкина Елена Евгеньевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; shabalkina@inbox.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Шабанова Оксана Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; onlyox@yandex.ru; тел. 8(8422)37-63-26.

Шаброва Анастасия Дмитриевна — магистрант, 2 курс, направление «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; shabrova94@gmail.com; тел. 8(8422)37-63-26.

OUR AUTHORS

Agadzhanova Emilia Rafaelovna — post-graduate student; Head of Scientific Research Laboratory "Psychologist"; Ulyanovsk State University; contact@ulsu.ru; tel. 8-904-186-89-79.

Andreeva Yulia Vitalievna — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of the Public Relations, Advertising and Culturology; Ulyanovsk State University; yulia.andre@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Artamonova Maria Vyacheslavovna — student-researcher; Russian-German Department; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Baranets Natalia Grigorievna — Doctor of Philosophy, Professor; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University; n_baranetz@mail.ru; tel. 8(8422)32-21-09.

Belik Irina Stanislavovna — Vice Director; Primary school teacher; English Language Specialized School № 2 named after D. I. Ulyanov (Feodosiya); kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Buyankina Irina Vladimirovna — student-researcher; Russian-German Department; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Chertushkina Tatyana Aleksandrovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Head of Executive Department of Pre-university Board; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)41-28-17.

Enyashina Natalia Gennadievna — Candidate of Pedagogics, senior lecturer; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; natalya.enyashina@mail.ru; tel. 8-927-633-19-23.

Fedulova Anna Vladimirovna — Candidate of History, associate professor; Chair of Russian History, Area Studies and International Relations; Ulyanovsk State University; kafregion@sv.ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Filchenkova Anna Sergeevna — student-researcher; Specialty "Sociology"; Ulyanovsk State University; ane4ka944@mail.ru; tel. 8-902-129-94-35.

Filippova Tatiana Anatolievna — Vice Director; teacher of the integrated training course "Religious cultures and secular ethics"; secondary school № 85 (Ulyanovsk); mou85@uom.mv.ru; tel. 8(8422)58-59-92.

Kadriya Julianna Kadrievna — magister; Chair of Financial, Tax, Customs Law; Law Department; National Research Institution "Higher School of Economics" (Moscow); k_julianna@mail.ru; tel. 8(916)991-06-71.

Khairudinova Rezeda Irshatovna — post-garduate student, leading psychologist; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; contact@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kulikova Elena Vladimirovna — Candidate of Ecomonics, associate professor; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kafupr605@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kuzmina (Starkova) Elena Vladimirovna — Candidate of Sociology, associate professor; Chair of the Public Relations, Advertising and Culturology; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Lobodyuk Tatiana Mikhailovna — student-researcher; specialty "Sociology"; Ulyanovsk State University; tashka-volk@mail.ru; tel. 8-937-277-99-05.

Martynenko Alla Valentinovna — Candidate of Culturology, associate professor; Chair of Culturology; Ulyanovsk State University; avalmart@list.ru; tel. 8-908-470-74-76.

Martynov Sergey Valerievich — student-researcher; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Masharskiy Zakhar Vladimirovich — Candidate of Psychology; Head of Airline Service Research Department; "Transtechnique" (Transport Research Institute, Republic of Belarus); distm@mail.ru; tel. +375(29)533-84-30.

Mikhailina Irina Aleksandrovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mitina Tatyana Sergeevna — post-graduate student; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; cherrity07@mail.ru; tel. 8-927-809-83-49.

Moyseenko Marina Vasilievna — Vice Director; primary school teacher; English Language Specialized School № 2 named after D. I. Ulyanov (Feodosiya); kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mukhammetzhanov Eldar Raisovich — student-researcher; specialty "Social work"; Ulyanovsk State University; eldares2014@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mukhammetzhanov Rafael Raisovich — student-researcher; specialty "Social work"; Ulyanovsk State University; eldares2014@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Myzrova Ksenia Alekseevna — Candidate of Economics, associate professor; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Oshchepkov Alexey Aleksandrovich — Candidate of Psychology, senior lecturer; Chair of Social Sciences and Philosophy; Dimitrovgrad Engineering Institute of Technology (the branch of the National Nuclear Research University «Moscow Engineering Physics Institute»); sladkod@yandex.ru; tel. 8-903-339-41-89.

Petrov Mikhail Evgenievich — teacher of Labor and Professional Training, Higher Qualifications Category; boarding-school № 5 (Yelets, Lipetsk region); klassnuypapa.petrov2010@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Pfau Tatiana Vilievna — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of Psychology; Medico Psychological Social Institute, Khakassia State University named after N. F. Katanov; pfau.tv@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Potanina Lyubov Evgenievna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Philosophy, Sociology and Politology; Ulyanovsk State University; nezumil@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Potapova Anna Aleksandrovna — Magister; Speciality "Social work"; Ulyanovsk State University; potapova99@yandex.ru; tel. 8(8422)37-63-26.

Rassadina Tatiana Anatolievna — Doctor of Sociology, associate professor; Chair of Humanities and Social Disciplines; Ulyanovsk Higher Civil Aviation School; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Rogashova Elena Anatolievna — Candidate if History, associate professor; Chair of Area Studies and International Relations; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Rusina Olga Viktorovna — post-graduate student; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State Technical University; SyabukovaOlga@yahoo.com; tel. 8-917-611-94-41.

Sablina Maya Aleksandrovna — post-graduate student; Chair of Criminal Law and Criminalistics; National Research University "Higher School of Economics" (Moscow); maya.sablina@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Salakhova Valentina Borisovna — Candidate of Psychology, senior lecturer; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; Valentina_nauka@mail.ru; tel. 8-985-555-96-99.

Sedova Anastasia Olegovna — student-researcher; Speciality "Youth outreach management"; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Semenova Ekaterina Dmitrievna — student-researcher, specialty "Psychology"; Khakassia State University named after N. F. Katanov; pfau.tv@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Serbina Marina Aleksandrovna — post-graduate student; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; contact@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Shabalkina Elena Evgenievna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Phylosophy, Sociology and Political Science; Ulyanovsk State University; shabalkina@inbox.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Shabanova Oksana Vladimirovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; onlyox@yandex.ru; tel. 8(8422)37-63-26.

Shabrova Anastasia Dmitrievna — Magister, Speciality "Social work"; Ulyanovsk State University; shabrova94@gmail.com; tel. 8(8422)37-63-26.

Skovikova Elena Gennadievna — Candidate of Art History, associate professor; Head of Chair of Music Instrumental Art; Ulyanovsk State University; elenaskovikova@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Smolkin Valeriy Petrovich — Candidate of Economics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; surap99@mail.ru; tel. 8(8422)32-20-25.

Smyslov Viktor Vladimirovich — Candidate of History, associate professor; Chair of Culturology; Ulyanovsk State University; v.smyslov-73@mail.ru; tel. 8-962-630-96-49.

Stepanova Elena Viktorovna — student-researcher; Department of Management; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Tsvetkova Olga Viktorovna — Candidate of Political Science, associate professor; Ulyanovsk State University; tsvetko-vaov@mail.ru; tel. 8(9510)94-48-24.

Urunova Raisa Dzhavkharovna — Doctor of Philology, Professor; Chair of Philology; Ulyanovsk State University; urunova_rd@rambler.ru; tel. 8(8422)48-97-20.

Vasilchikova Tatyana Nikolaevna — Doctor of Philology, Professor; Chair of Journalism and Philology; Ulyanovsk State University; vasilchikova5@mail.ru; tel. 8-917-623-69-82.

Verevkin Andrey Borisovich — Candidate of Physics and Mathematics, associate professor; Chair of Algebraic and Geometric Calculations; Ulyanovsk State University; a_verevkin@mail.ru; tel. 8(8422)32-21-09.

Vlasova Natalya Vladimirovna — associate professor; Chair of Philosophy, Sociology and Politology; Ulyanovsk State University; vla-nataly@yandex.ru; tel. 8-937-271-72-35.

Volgin Ivan Vladimirovich — lighting designer, Actor in a Supporting Role; «Nebolshoj theatre» (Ulyanovsk); kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8-917-063-95-65.

Zakharova Yulia Nikolaevna — Candidate of Economics, associate professor; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Zakharycheva Onorina Yurievna — student-researcher; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kafupr605@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

К публикации принимаются научные статьи объемом 0,25—0,5 авторского листа (один авторский лист — 40 тыс. печатных знаков с учетом пробелов, знаков препинания, цифр и т. п.) по научным специальностям, по которым ведется подготовка научных кадров в аспирантуре, и сформировавшимся в вузах научным направлениям (экономика, юриспруденция, психология, педагогика, философия, история, политология, филология).

Статьи представляются в двух экземплярах в машинописном виде (текст должен быть отпечатан на одной стороне листа формата А4, шрифт Times New Roman, размер 14, межстрочный интервал 1,5) и в электронной форме (в формате *.doc).

Библиографический список, оформленный в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания, приводится в конце статьи в порядке упоминания источника. В тексте в квадратных скобках дается порядковый номер источника и страницы цитирования (например: [8, с. 25]).

К статье должны быть приложены сведения:

1) фамилия, имя, отчество автора (авторов);

2) место работы с указанием адреса и телефона организации;

3) должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание;

4) контактная информация (почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты);

5) краткая аннотация статьи (на русском и английском языках);

6) список ключевых слов (на русском и английском языках).

Статьи следует направлять в распечатанном (по адресу: 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42) и в электронном виде (E-mail: Simbvest@mail.ru).

При невыполнении авторами отмеченных требований рукописи для рассмотрения редакционной коллегией не принимаются.

Решение редакционной коллегии о принятии к публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки.

Очередность публикаций статей определяется в зависимости от времени представления статьи и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

Направляя статью в редакцию журнала, автор выражает свое согласие на ее опубликование и размещение в сети Интернет (в том числе на официальном сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru), а также на ее распространение в иных формах.

Статьи в журнале «Симбирский научный вестник» размещаются БЕСПЛАТНО.

Первоочередное право на размещение статей имеют подписчики журнала.

ISSN 2224-1620

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK

№ 2(24)
2016

2016 № 2(24)

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-44563 от 15 апреля 2011 г.)

ISSN 2224-1620

Распространяется на территории Российской Федерации

Подписной индекс Каталога Агентства «Роспечать» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году
Выходит 4 раза в год

Очередной номер журнала можно приобрести в редакции

Редакционная группа
Соловьева Л. Г., Петрова Г. И., Пенькова Н. В.

Адрес редакции
Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен и тираж отпечатан в Издательском центре Ульяновского государственного университета
Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 10.06.2016.
Дата выхода в свет 10.06.2016.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 23,2.
Тираж 2000 экз. Заказ 83

Главный редактор
Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора
Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь
Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

Редакционная коллегия

Арзамаскин Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор
Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, профессор
Дергунова Нина Владимировна — доктор политических наук, профессор
Донина Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор
Еняшина Наталья Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент
Калинина Наталья Валентиновна — доктор психологических наук, профессор
Липатова Надежда Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент
Магомедов Арбахан Курбанович — доктор политических наук, профессор
Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор
Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Бакланов Сергей Борисович — кандидат технических наук, доцент, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Морозов Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Шмелева Наталья Борисовна — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Шустова Инна Юрьевна — доктор педагогических наук, с.н.с., ФГБНУ ИСТО РАН (Москва)

Щелина Тамара Тимофеевна — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета (Арзамас)

© Ульяновский государственный университет, 2016

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы;
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций;
- Рукописи авторам не возвращаются;
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» обязательна.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ 9

Рогашова Е. А., Федулова А. В.
РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ: НА МАТЕРИАЛАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ 9

Точеный Д. С., Точеная Н. Г.
КТО ЖЕ УБИЛ А. С. ПУШКИНА? СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ «ПРОКУРОРАМ» И «ЗАЩИТНИКАМ» (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ) 14

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА 25

Еняшина Н. Г., Седова А. О.
КРЕАТИВНОСТЬ КАК ВАЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО СПЕЦИАЛИСТА 25

Машарский З. В.
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИГАДНОЙ РАБОТЫ КАБИННОГО ЭКИПАЖА ВОЗДУШНОГО СУДНА 30

Михайлина И. А., Мухамметжанов Э. Р., Мухамметжанов Р. Р.
ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ДЕТЯМ-СИРОТАМ И ДЕТЯМ, ОСТАВШИМСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 33

Ощепков А. А., **Салахова В. Б.**
ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ МОЛОДЕЖИ, СКЛОННОЙ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ 37

Пфау Т. В., Семенова Е. Д.
ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОЕЙ И ЧУЖИМ ЭТНИЧЕСКИМ ГРУППАМ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХАКАССКОЙ, ТУВИНСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ) 42

Хайрудинова Р. И., Агаджанова Э. Р., Сербина М. А.
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ 46

Шабанова О. В., Потапова А. А.
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ВУЗЕ 50

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПЛОЩАДКИ: НАУКА И ПРАКТИКА

Белик И. С.
РОЛЬ ДИАГНОСТИКИ КАК СРЕДСТВА ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИКА 54

Мойсеенко М. В.
О РОЛИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 58

Петров М. Е.
ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА 61

Филиппова Т. А.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В СВЕТЕ ВНЕДРЕНИЯ ФГОС И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ПЕДАГОГА 66

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ 70

Кадрия Д. К.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ И ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕАЭС 70

Саблина М. А.
ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СПЕЦИФИКА РОЛИ 75

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ 79

Захарова Ю. Н., Мартынов С. В., Мызрова К. А., Степанова Е. В.
ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИНТЕРНЕТ-ПРОДАЖ 79

Захарычева О. Ю., Куликова Е. В.
ТЕКУЧЕСТЬ КАДРОВ КАК ОСНОВНОЙ СТОП-ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ 83

Мызрова К. А., Артамонова М. В., Буянкина И. В., Мартынов С. В.
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИНДУСТРИИ СПОРТА 88

Смолькин В. П., Чертушкина Т. А.
ПОДХОДЫ К РАСЧЕТУ ВЕЛИЧИН ГОСУДАРСТВЕННЫХ НОРМАТИВОВ НА ОДНОГО РЕБЕНКА С ОВЗ (ПО РАЗНЫМ НОЗОЛОГИЯМ) 91

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ 96

Баранец Н. Г.
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ПОД КОНТРОЛЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 96

Баранец Н. Г., Верёвкин А. Б.
Э. Я. КОЛЬМАН — ИДЕОЛОГ В МАТЕМАТИКЕ 100

Волгин И. В., Мартыненко А. В.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОК-КУЛЬТУРЫ 105

Митина И. Д., Мартыненко А. В., Митина Т. С.
ТИПОЛОГИЯ И ФОРМЫ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ФОНДА ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ 110

Митина И. Д., Митина Т. С.
СПЕЦИФИКА ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЖИВОПИСИ 115

Потанина Л. Е., Шабалкина Е. Е.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА НАУКИ В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ» 120

Русина О. В.
КЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ГЕНЕЗИСА 124

Сковикова Е. Г.
МУЗЫКАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. С. СЕРОВОЙ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ 127

Смыслов В. В.
БИНАРНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В МЕНТАЛИТЕТЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ 131

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ 141

Андреева Ю. В.
НОВЫЙ ФОРМАТ МОЛОДЕЖНОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: МЕЖДУ «БЛИЗКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ» И «ДАЛЕКОЙ ПОЛИТИКОЙ» 141

Власова Н. В., Фильченкова А. С.
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМЫ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ 153

Кузьмина (Старкова) Е. В.
ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В Г. УЛЬЯНОВСКЕ (С 1990-Х ДО СЕРЕДИНЫ 2000-Х ГОДОВ) В ИЗЛОЖЕНИИ ЭКСПЕРТОВ 157

Лободюк Т. М., Власова Н. В.
ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ СМИ В РОССИИ 164

Рассадина Т. А.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 168

Цветкова О. В.
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 173

Шабанова О. В., Шаброва А. Д.
Б. Ф. МАЛЕШЕВСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ 177

ФИЛОЛОГИЯ 180

Васильчикова Т. Н.
ТЕОРИЯ ИНТЕРТЕКСТА В ФИЛОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ 180

Урунова Р. Д.
К ВОПРОСУ О ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМАХ РУССКОГО ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ 187

ИНФОРМАЦИЯ 192

Аннотации научных статей, рецензии, отзывы 192

Урунова Р. Д.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е. П. ИВАНЯН «СЕМАНТИКА УМОЛЧАНИЯ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ» (Москва : Изд-во «ФЛИНТА», 2015. 328 с.) 192

Наши авторы 194

Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» 200

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY 9

Rogashova E. A., Fedulova A. V.
REGIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE HUMANITARIAN SECTOR: ON MATERIALS OF THE ULYANOVSK REGION 9

Tochenyi D. S., Tochenaya N. G.
WHO KILLED PUSHKIN? FLOOR IS GIVEN TO THE PROSECUTORS AND DEFENDERS (HISTORIOGRAPHICAL NOTES) 14

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS 25

Enyashina N. G., Sedova A. O.
CREATIVITY AS AN IMPORTANT QUALITY OF A COMPETITIVE SPECIALIST 25

Masharskiy Z. V.
SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE TEAM OF AIRCRAFT CABIN CREW 30

Mikhailina I. A., Mukhammetzhanov E. R., Mukhammetzhanov R. R.
ORGANISATION OF ASSISTANCE TO CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE IN ULYANOVSK REGION: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS AND PROSPECTS 33

Oshchepkov A. A., Salakhova V. B.
FEATURES OF LIFE SITUATIONS OF YOUTH PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR 37

Pfau T. V., Semenova E. D.
ETHNIC ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE OF DIFFERENT ETHNIC GROUPS IN RELATION TO THEIR OWN AND OTHERS' ETHNIC GROUPS (ON THE EXAMPLE OF REPRESENTATIVES OF THE KHAKASS, TUVAN AND RUSSIAN NATIONALITIES) 42

Khairudinova R. I., Agadzhanova E. R., Serbina M. A.
FAMILY PSYCHOLOGICAL SERVICES IN ESTABLISHMENT OF ADDITIONAL EDUCATION AS A FACTOR OF IMPROVEMENT OF ADAPTIVE RESOURCES OF CHILDREN WITH DISABILITIES 46

Shabanova O. V., Potapova A. A.
SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL COACHING AS THE FORM OF EDUCATION IN THE COURSE OF VOCATIONAL TRAINING OF SOCIAL WORKERS IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION 50

TEACHING PLATFORM: THE SCIENCE AND PRACTICE

Belik I. S.
DIAGNOSTICS AS MEANS OF STUDYING THE STUDENT'S DEVELOPMENT LEVEL 54

Moiseenko M. V.
ON THE ROLE OF KEY COMPETENCE IN CONTEMPORARY PRIMARY EDUCATION 58

Petrov M. E.
ACTIVITY FEATURES OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES 61

Filippova T. A.
PRIMARY SCHOOL TEACHERS ACTIVITY DURING THE IMPLEMENTATION OF THE FSES AND TEACHER PROFESSIONAL STANDARDS 66

JURISPRUDENCE 70

Kadriya D. K.
LEGAL REGULATION OF CULTURAL VALUES MOVEMENT: THE PROBLEM OF UNIFICATION AND HARMONIZATION OF EEU LEGISLATION 70

Sablina M. A.
PERPETRATOR: ROLE SPECIFIC 75

ECONOMICS AND MANAGEMENT 79

Zakharova Y. N., Martynov S. V., Myzrova K. A., Stepanova E. V.
FEATURES AND TRENDS OF INTERNET SALES 79

Zakharycheva O. Y., Kulikova E. V.
STUFF TURNOVER AS THE MAIN FACTOR THAT AFFECTS DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE 83

Myzrova K. A., Artamonova M. V., Buyankina I. V., Martynov S. V.
IMPLEMENTATION OF PROJECTS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN SPORTS INDUSTRY 88

Smolkin V. P., Chertushkina T. A.
APPROACHES TO CALCULATION THE AMOUNT OF STATE STANDARDS PER ONE CHILD WITH HEALTH LIMITATIONS (ACCORDING TO DIFFERENT NOSOLOGIES) 91

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY 96

Baranets N. G.
HISTORICAL SCIENCE UNDER THE CONTROL OF SOVIET POWER 96

Baranets N. G., Veryovkin A. B.
E. Y. KOLMAN — IDEOLOGIST IN MATHEMATICS 100

Volgin I. V., Martynenko A. V.
PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND THE CONTRADICTIONS OF MODERN ROCK CULTURE 105

Mitina I. D., Martynenko A. V., Mitina T. S.
TYPOLOGY AND FORMS OF CREATIVE TASKS OF ASSESSMENT TOOLS FUND IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRENDS 110

Mitina I. D., Mitina T. S.
SPECIFICITY OF APPROACHES TO THE ANALYSIS AND INTERPRETATION OF WORKS OF ART ON THE EXAMPLE OF PAINTING 115

Potanina L. E., Shabalkina E. E.
MAIN TRENDS OF THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SCIENCE IN THE «SOCIETY OF KNOWLEDGE» 120

Rusina O. V.
CLASSICAL RATIONALITY IN HISTORY SCIENCE: SOCIOCULTURAL DETERMINATION OF ITS ORIGIN 124

Skovikova E. G.
MUSICAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF V. S. SEROVA IN SIMBIRSK PROVINCE 127

Smyslov V. V.
BINARINESS OF RUSSIAN CULTURE AND ITS IMPLICATION IN THE MENTALITY AND NATIONAL CHARACTER 131

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE 141

Andreeva Y. V.
NEW FORMAT OF YOUTH CITIZENSHIP: BETWEEN "CLOSE EVERYDAY" AND "DISTANT POLICY" 141

Vlasova N. V., Filchenkova A. S.
SOCIAL ASPECTS OF ADVERTISING COMMERCIALIZATION ON TV 153

Kuzmina (Starkova) E. V.
EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF COMMERCIAL RADIO IN ULYANOVSK (FROM THE 1990-S UNTIL THE MID 2000-S) AS SUBMITTED EXPERTS 157

Lobodyuk T. M., Vlasova N. V.
COMMERCIALIZATION CHALLENGES OF MEDIA IN RUSSIA 164

Rassadina T. A.
SOME ISSUES OF CIVIL SOCIETY FORMATION IN MODERN RUSSIA 168

Tsvetkova O. V.
ETHNIC CONFLICT IN THE NORTH CAUCASUS 173

Shabanova O. V., Shabrova A. D.
B. F. MALESHEVSKY AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE PENSION SYSTEM IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA 177

PHILOLOGY 180

Vasilchikova T. N.
INTERTEXT THEORY IN PHILOLOGY: MAIN STAGES OF HISTORICAL FORMATION 180

Urunova R. D.
PREPOSITIONAL FORMS OF RUSSIAN PERSONAL-DEMONSTRATIVE PRONOUNS 187

INFORMATION 192

Summaries of scientific articles, reviews, responses 192

Urunova R. D.
REWIEV ON THE BOOK OF E. P. IVANYAN "SEMANTICS OF APOSIOPESIS AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN RUSSIAN LANGUAGE" (Moscow : "FLINTA" Publisher, 2015. 328 p.) 192

Our authors 194

Rules of representation and registration of mountig of articles by authors for publication in the «SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK» 200

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Е. А. Рогашова, А. В. Федулова

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ: НА МАТЕРИАЛАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Активизация культурно-гуманитарного взаимодействия России и Китая сегодня является одним из ведущих направлений сотрудничества двух стран. Ульяновская область успешно развивает межрегиональные связи с китайскими провинциями в таких сферах, как образование, туризм и спорт.

Ключевые слова: региональное сотрудничество, гуманитарное взаимодействие, образование, Китайская Народная Республика, Ульяновская область, Российская Федерация.

E. A. Rogashova, A. V. Fedulova

REGIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE HUMANITARIAN SECTOR: ON MATERIALS OF THE ULYANOVSK REGION

Revitalization of cultural and humanitarian cooperation between Russia and China is one of the main directions of cooperation between two countries today. Ulyanovsk region is successfully developing interregional ties with Chinese provinces in such areas as education, tourism and sports.

Key worlds: regional cooperation, humanitarian interaction, education, Chinese Peoples Republic, Ulyanovsk Region, Russian Federation.

В последнее время российско-китайские отношения характеризуются устойчиво высокой динамикой развития, прочной правовой базой и разветвленной организационной структурой двустороннего взаимодействия.

Наиболее значимым документом в истории российско-китайских отношений на современном этапе является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанный Президентом В. В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэминем 16 июля 2001 года в Москве [1]. Главными параметрами новой модели двусторонних отношений являются соответствие коренным национальным интересам, равноправие, взаимовыгодность, стремление сотрудничать во всех сферах, включая гуманитарную.

Новый виток укрепления российско-китайских отношений произошел в 2006—2007 годах, когда отмечались соответственно «Год России в Китае» и «Год Китая в России».

В 2012 году был подписан План действий по развитию российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере до 2020 года [2], предусматривающий проведение масштабных мероприятий: Национальных годов, Годов русского и китайского языков, Годов туризма, Годов дружеского международного обмена (2014—2015 гг.). Их реализация существенно расширила связи в сферах образования, науки, культуры, туризма, спорта, здравоохранения, способствовала укреплению отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Российской Федерацией и КНР.

Новой вехой развития российско-китайских отношений стали 2014—2015 гг., когда отношения России со странами Западной Европы вошли в кризисный период.

Активно развиваются межрегиональные связи. Юридической базой является подписанное 10 ноября 1997 года Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и местными правительствами КНР [3].

Действуют Постоянная рабочая группа по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству и созданный в 1998 году Российско-Китайский Координационный совет по межрегиональному и приграничному сотрудничеству, в который входят представители регионов. Изначально сотрудничество двух стран в рамках данного проекта носило в большей степени характер приграничного регионального сотрудничества [4]. Сейчас подписано более 200 соглашений о сотрудничестве между властями административно-территориальных единиц различного уровня обеих стран.

Ульяновская область взаимодействует с Китаем уже около 20 лет. Первое Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между администрацией Ульяновской области и Народным правительством одной из провинций Китая (Шаньси) было заключено ещё в октябре 1997 года. В целом отношения региона и Китая выстраивались по нарастающей и постепенно [5]. 17 октября 2014 года в посольстве КНР в РФ прошла презентация Ульяновской области. Это была 6-я презентация субъектов РФ, прошедшая в посольстве КНР в РФ.

Сегодня регион активно сотрудничает с четырьмя провинциями Китая (Шаньси, Хунань, Аньхой, Хэбэй), с рядом городов налажены побратимские связи.

Согласно данным УФМС по Ульяновской области, только за 2010—2015 гг. количество китайских граждан, пребывающих на территории Ульяновской области, увеличилось в геометрической прогрессии (см. общую графу «Всего» табл. 1).

Следует отметить, что односторонние миграционные потоки из Китая в Ульяновск незначительны. За последние пять лет вид на жительство получили всего пятеро граждан КНР. Большая часть выданных в 2010—2015 гг. виз являются многократными и предоставляются китайским студентам и участникам других образовательных программ: из 226 виз такого типа 134 связаны с учебой, что составляет 59,2 %.

Таблица 1

Данные миграционного учета пребывания граждан КНР на территории Ульяновской области (выборочные данные)*

Год	По приглашению			По целям					Всего
	Всего	Юридические лица	Частные лица	Туризм	Деловая	Работа	Частная	Служебная	
2010	26	23	2	21	7	22	2	-	108
2011	38	30	8	124	32	20	8	3	267
2012	34	29	5	72	65	21	5	21	269
2013	66	58	8	152	105	22	7	7	419
2014	31	30	1	192	153	38	7	80	619
2015	41	41	-	178	173	25	11	19	576

* Составлено на основании данных, предоставленных УФМС России по Ульяновской области за 2010—2015 гг.

Таким образом, как видно из таблицы, значительная часть граждан Китая приезжает в Ульяновскую область с гуманитарными целями, в том числе такими, как туризм.

Сотрудничество в сфере образования, где в данный момент реализуются 12 межвузовских соглашений, является традиционным для Ульяновской области направлением сотрудничества [7].

По информации профильного ведомства, Ульяновский государственный университет (УлГУ) активно взаимодействует с китайскими коллегами с 2003 года. Сотрудничество идет при серьезной поддержке Министерства образования РФ, которое предоставляет целевые бюджетные места. В 2014 году в УлГУ возобновились курсы китайского языка, которые проводятся волонтерами Хейлунцзянского университета.

В 2010—2015 гг. в УлГУ прошли обучение более 80 студентов из Китая: в 2010 году обу-

чалось 25 студентов из Китая, в 2011 — 14, в 2012 — 17, в 2013 — 13, в 2014 — 6, 2015 — 16.

В основном китайская молодежь выбирает направления «Филология» и «Журналистика», хотя их интересуют и другие специальности, например, «Экономика» и «Связи с общественностью + Журналистика». Перед началом основной части обучения все китайские студенты в течение года проходят подготовительные языковые курсы русского языка. Таким образом, вся программа занимает пять лет. Помимо этого, УлГУ предоставляет возможность закончить магистратуру или аспирантуру. По информации международного отдела УлГУ, таких студентов к 2016 году было уже двое (аспирантура была закончена успешно в 2013 году, а магистратура — в 2015 году). Специалисты отдела отмечают, что скорее всего количество китайских студентов (в основном это девушки) в будущем будет только расти.

Взаимодействие Ульяновского государственного технического университета (УлГТУ) с КНР длится порядка 18 лет, в этом году УлГТУ подписал соглашение об академической мобильности с Технологическим университетом Северного Китая. В рамках достигнутых договоренностей предусматривается организация летних и зимних международных школ по повышению квалификации или частичному обучению, проведение курсов и специализированных программ на иностранных языках, ряд научных мероприятий, а также программа двойных дипломов.

По информации профильного отдела, в УлГТУ за 2010—2015 гг. прошли обучение всего 20 китайских студентов: в 2010 году — 4, в 2011 — 4, в 2012 — 4, в 2013 — 4, в 2014 — 4, в 2015 — 4.

В отличие от УлГУ, здесь большинство студентов-китайцев — юноши, которые поступают на специальности «Приборостроение» и «Машиностроение». Ульяновский государственный технический университет также предоставляет возможность закончить подготовительные курсы (в этом году там обучается 1 студент из Китая) и магистратуру (1 студент в этом году).

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (УлГПУ) осуществляет обучение китайских студентов в рамках соглашения по магистерской программе «Педагогическое образование», профиль «Русский язык как иностранный» на базе китайского бакалавриата. В 2015 году 6 человек получили соответствующие дипломы. Что касается бакалавриата в рамках УлГПУ, то за 2013—2015 гг. обучение в вузе закончили 22 студента-китайца: в 2013 году — 6, в 2014 — 10, в 2015 — 6. Большая часть студентов — это девушки, обучающиеся на внебюджетной основе.

Таблица 2

Динамика количества китайских студентов, обучающихся в вузах Ульяновска*

Вуз	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Аспирантура	Магистратура
УлГУ	25	14	17	13	6	16	+	+
УлГТУ	4	4	4	4	4	4	-	+
УлГПУ	-	-	-	6	10	6	-	+

* Составлено на основании данных, предоставленных профильными отделами вузов.

Следует отметить, что УлГУ активно взаимодействует с Джаньгнаньским, Хейлунцзянским, Хунаньским педагогическими университетами, а также Тяньцзиньским международным институтом культуры. УлГТУ ведет работу с Технологическим университетом и Пекинским университетом почты и телекоммуникаций, УлГПУ — с Чанчуньским институтом Гуанхуа [8].

В этом году заключено соглашение между Ульяновской государственной сельскохозяйственной академией и Китайским государственным институтом пищевой и ферментативной промышленности и Китайско-российским технопарком.

Кроме того, в рамках развития взаимодействия ульяновских вузов и университетов КНР ежегодно подписывается ряд соглашений о студенческих обменах, участии в совместных выставках, конкурсах, форумах.

Что касается такого направления сотрудничества, как туризм, то еще в советское время Ульяновская область была в этой сфере (как родина В. И. Ленина) достаточно привлекательна для КНР. Поэтому неудивительно, что первый совместный инвестиционно-туристический проект России и Китая (проходящий через территорию ПФО) «Красный маршрут» был запущен в 2014 году при активном участии Ульяновской области [6].

Согласно данным УФМС по Ульяновской области, за 2010—2015 гг. динамика количества туристов из КНР на территории области выглядит следующим образом: в 2010 году из 108 поставленных на учет граждан Китая 21 были зарегистрированы как туристы (что составляет 19,4 % от всех прибывших), в 2011 году из 267 — 124 (46,4 %), в 2012 из 269 — 72 (26,7 %), в

2013 из 419 — 152 (36,2 %), в 2014 из 619 — 192 (31,0 %), а в 2015 из 576 — 178 (28,7 %).

Таким образом, исходя из статистических данных, можно отметить, что Ульяновская область для китайских граждан и помимо «Красного маршрута» является достаточно привлекательной в плане туризма.

Однако, несмотря на значительное увеличение количества туристов из КНР за последние годы, процентное соотношение с общим числом китайцев, пребывающих на территории региона, сокращается, что говорит о серьезном расширении и других направлений российско-китайского взаимодействия.

Еще одним направлением гуманитарно-молодежного взаимодействия Ульяновской области и Китая является спорт. Новое направление появилось в связи с подготовкой Чемпионата мира по футболу 2018 года, который должен состояться в России. В рамках соглашения, которое подписали Президент Чунцинского международного туристического агентства «ЦзюБай» Чэн Юаньшэн и руководитель Ульяновского областного ресурсного центра развития туризма и сервиса Юлия Скоромолова, будет реализован международный спортивно-туристический проект «Навстречу чемпионату мира по футболу — 2018». В его рамках будут организованы поездки футбольных молодёжных команд из Китая в Ульяновск на 15 дней [9].

Как отмечал Губернатор области Сергей Морозов, принимавший участие в работе XVI заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству (Сиань, КНР) в 2015 году, «гуманитарное сотрудничество Ульяновской области с КНР активно продолжается, и на сегодняшний день охватывает такие сферы, как туризм, образование, наука, медицина, культура, спорт, работа с молодёжью, проведение научно-исследовательских проектов и укрепление культурных связей» [10].

В 2016 году между Ульяновской областью (в составе ПФО) и провинцией Хунань подписано 21 рамочное соглашение о сотрудничестве, осуществляется подготовка к подписанию ещё 10 проектов таких договорных документов — сообщил заместитель полпреда Президента РФ в ПФО Алексей Сухов. Также он отметил, что рассматривается возможность заключения Меморандума о взаимодействии между Министерством образования и науки Ульяновской области и Департаментом образования провинции Хунань КНР, а также Меморандума о взаимопонимании и дальнейшем укреплении сотрудничества между Министерством физической культуры и спорта Ульяновской области и Управлением физической культуры и спорта провинции Хунань на 2016—2024 годы [11].

Таким образом, в настоящее время активно развиваются всесторонние отношения стратегического партнерства и культурно-гуманитарного взаимодействия России и Китая, цель которых — формировать устойчивый позитивный образ страны-партнера.

Ульяновская область имеет огромный потенциал в данной сфере, который успешно реализуется.

---

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. URL: http://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html.
2. План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 г. URL: http://www.russiatourism.ru/data/File/news_file202012.pdf.
3. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и местными правительствами КНР от 10 ноября 1997 г. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/a66dfb77d1f91eb743256c8a0047bc22.
4. Подробнее см. материалы сайта МИД РФ: Российско-китайское региональное и приграничное сотрудничество (справочная информация). URL: http://archive.mid.ru//BDOMP/bl-raz.nsf/7b27b40957ce8e5743256a2c00350999/551532686a89598943256c7d00699440; О российско-китайском региональном и приграничном сотрудничестве (справочная информация). URL: http://www.mid.ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/363276/pop_up?_101_INSTANCE_WhKWb5DVBqKA_viewMode=tv&_101_INSTANCE_WhKWb5DVBqKA_qrIndex=0 и др.
5. Подробнее см.: Инвестиционные послания Губернатора Ульяновской области. URL: http://ulgov.ru/page/index/permlink/id/11183/?util=print; http://ulgov.ru/page/index/permlink/id/8196/?util=print; http://ulgov.ru/page/index/permlink/id/12729/?util=print и др.
6. «Красный маршрут» — соглашение между региональным агентством «Ульяновсктуризм» и крупной туристической компанией КНР «Хуамин Солюкс Интернэшнл Трэвел», которое представляет собой культурно-познавательный восьмидневный гранд-тур с посещением двух столиц России и Родины В. И. Ленина по маршруту Москва — Санкт-Петербург — Ульяновск. Подробнее см.: URL: http://ulgov.ru/news/regional/2014.01.31/32224; http://ulgov.ru/news/regional/2016.03.24/42537 и др.
7. Ульяновская область продолжает развивать сотрудничество с Китайской Народной Республикой в сфере студенческих обменов. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2015.09.23/40475.

8. В Китае презентован потенциал вузов Ульяновской области. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2014.12.12/36800.
9. Молодёжные футбольные команды из Китая будут тренироваться в Ульяновской области. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2016.02.18/42241.
10. Губернатор Сергей Морозов: «Мы ведём переговоры с «Волга-Днепр» об открытии прямого авиасообщения с КНР». URL: http://ulgov.ru/news/important/2015.10.09/40669.
11. Ульяновская область подпишет несколько соглашений с КНР. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2016.03.19/42492.

Д. С. Точеный, Н. Г. Точеная

КТО ЖЕ УБИЛ А. С. ПУШКИНА? СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ «ПРОКУРОРАМ» И «ЗАЩИТНИКАМ» (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

О трагической смерти «солнца нашей поэзии» написаны тысячи работ, но они не приблизили нас к ответу о главном виновнике этого печального события.

Ключевые слова: убийство, П. Е. Щеголев, Николай I, Бенкендорф, Уваров, Герцен, Огарев, Дантес, Сальери, Н. Я. Эйдельман, Э. Багрицкий, А. Ахматова, Р. Г. Скрынников, Л. Аринштейн, Д. С. Мережковский, А. Блок.

D. S. Tochenyi, N. G. Tochenaya

WHO KILLED PUSHKIN? FLOOR IS GIVEN TO THE PROSECUTORS AND DEFENDERS (HISTORIOGRAPHICAL NOTES)

There are thousands of works about the tragic death of "the sun of Russian poetry". But they have not brought us closer to the answer about the main culprit of the sad event.

Key words: murder, P. E. Shchegolev, Nikolas I, Benkendorf, Uvarov, Herzen, Ogarev, Dantes, Salieri, N. J. Eidelman, E. Bagritsky, A. Ahmatova, R. G. Skrynnikov, L. Arinshtein, D. S. Merezhkovsky, A. Blok.

На необычные трудности, возникающие перед исследователями последних дней жизни великого поэта, сетовали многие выдающиеся литературоведы. «Что делать! — жаловался в середине XIX века первый его биограф П. В. Анненков. Он (Пушкин) в столице, женат, уважаем — и потом вдруг убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. Есть кое-какие факты, но плавают они в пошлости» [1].

В 1916 году П. Е. Щеголев, более чем яркая звезда пушкиноведения, констатировал с долей сожаления: «Количественно литература о дуэли и смерти поэта велика, но качественное ее значение прямо ничтожно. Кажется, ни об одном периоде жизни поэта нет такого множества рассказов, воспоминаний современников, писем, но материалов документального характера в этом обилии крайне мало, а критические исследования имеющихся материалов просто отсутствуют в пушкинской литературе» [2].

Спустя несколько десятилетий мысль П. Е. Щеголева развил Н. Я. Эйдельман: «Каждый пишущий и читающий о Пушкине, углубляясь в дьявольские хитросплетения интриги, ищет ответа на главнейший и простейший вопрос: так от чего же погиб Пушкин. Ищет и затрудняется. Во-первых, сюжет крайне деликатный, где даже крупнейшие специалисты порою сбивались на бытовые мелочи, невольно отдавали дань сплетням, допускали этические просчеты. Во-вторых, проблема фактов: многих подробностей мы не знаем, важнейшие слова были в свое время не записаны, а только произнесены. Отсюда обилие необоснованных, искусственных гипотез: в то же время фактов не так уж мало, в них легко утонуть, крайне трудно вовремя отвлечься для необходимых обобщений. В-третьих, постоянная опасность, подстерегающая любого исследователя, а историка нравов, человеческих отношений в особенности: речь идет об измерении прошедшего мерками другой эпохи, позднейшими психологическими нормами» [3].

Причины гибели А. С. Пушкина анализировали мемуаристы, писатели, журналисты, драматурги, политики, медики, психологи, философы, филологи. В большинстве случаев они называли пофамильно виновников смерти великого поэта, высказывали самые различные версии событий, приведших в итоге гениального художника слова к трагическому концу. В целом на протяжении почти 180 последних лет авторы воспоминаний, обществоведы, специалисты-пушкинисты разделились на три основных направления. Представители первого именовали главным злодеем Николая I, выразители взглядов второго кляли на чем свет стоит окружение им-

ператора, сторонники третьего не жалели отрицательных эпитетов применительно к светскому обществу.

Кажется, что среди отечественных историков (и среди широкой публики тоже) до сих пор преобладало мнение, что к роковому выстрелу, оборвавшему жизнь лучшего поэта России, причастен в той или иной степени Николай I — мучитель нашего многострадального народа. Одним из первых облик этого палача, сжившего со света автора «Евгения Онегина», нарисовал А. И. Герцен: «Император вернул Пушкина из ссылки через несколько дней после того, как были повешены по его приказу герои 14 декабря. Своей милостью он хотел погубить его в общественном мнении, а знаками своего расположения — покорить его. Продолжая комедию, Николай произвел Пушкина в камер-юнкеры. В 1837 году Пушкин был убит одним из чужеземных наемных убийц, которые подобно наемникам средневековья или швейцарцам наших дней готовы предложить свою шпагу к услугам любого деспотизма. Он пал в расцвете сил. Царь лишил народ права похоронить своего поэта. Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех толкает в могилу неумолимый рок» [4].

Заклеймил преступление Николая I и друг А. И. Герцена — известный публицист и революционер Н. П. Огарев:

Он зло, и низостно, и больно
Поэту душу уязвил,
Когда коварными устами
Ему он милость подарил
И замешал между рабами
Поэта с вольными мечтами [5].

В конце XIX века историк литературы А. Д. Скабичевский тоже нанес яркий мазок в карикатурный портрет инквизитора Николая I. Он подчеркнул, что французский подданный Ж. Дантес, убивший А. С. Пушкина, состоял «под особенным покровительством императора» [6]. Ничуть не сомневался в черных замыслах царя и профессор истории, энциклопедически образованный П. Н. Милюков. Разоблачая Николая I, этот общественный деятель заключил: «Он был, в сущности, единственным лицом, которое могло бы предупредить развязку, если бы хотело. Император ничего для этого не сделал. Он, напротив, считал, что «дерзкое» письмо Пушкина к Геккерну сделало Дантеса правым в сем деле» [7].

Советские историки, обязанные в соответствии с коммунистической идеологией беспощадно разоблачать самодержавие, без обиняков называли царя убийцей великого поэта. Так, М. Н. Покровский, самый маститый служитель богини Клио в 20-е годы XX века, заявил, что император-развратник уничтожил А. С. Пушкина, чтобы овладеть его красавицей-женой [8]. В период доминирования культа личности Сталина у отечественных обществоведов прочно утвердилось мнение, что национальную политическую гордость при дворе окружала обстановка неуважения, зависти и недоброжелательства, что там назрел заговор против А. С. Пушкина. И руководил кучкой аристократов-мерзавцев сам Николай I. «Александр Сергеевич, — писал в 1936 году один из ведущих идеологов ВКП(б) В. Кирпотин, — чувствовал себя затравленным. Его обступила стена врагов. Царь насильно держал поэта в этом пекле, не выпуская его из Петербурга, требуя его участия в придворной и светской жизни. Доведенный до крайности, Пушкин решил любой ценой добиться какого бы то ни было выхода из создавшегося положения. Он попытался в последний раз найти управу на своих врагов у царя. Он сообщил Николаю о ведущейся интриге, по-видимому, дав ему понять, что распускаемые сплетни чернят и самого царя. Николай приказал ему молчать. Тогда Пушкин решил сразиться хоть с одним из своих врагов не на жизнь, а на смерть» [9].

Тезисы В. Кирпотина механически (порой, правда, с элементами художественной фантазии) перепевались не только до распада тоталитарной системы, но иногда и после. Профессор высшей партийной школы Э. Н. Бурджалов в 1940 году осудил невиданно жестокое отношение к А. С. Пушкину: «Царь и поэт неизбежно должны были разойтись в разные стороны. Свободолюбивый поэт не мог примириться с существующим порядком. Он не находил выхода из кошмара николаевской реакции. Самодержавие следило за каждым шагом поэта, против него возбуждали следствия, ему делали выговоры. Пушкин чувствовал себя одиноким в среде тогдашнего дворянства. Гениальный русский поэт, восславивший свободу, пал в результате той травли, которую организовало против него высшее общество России во главе с самим царем» [10].

Раскрывая безнравственный облик Николая I, некоторые литературоведы пытались доказать, что император сыграл зловещую роль не только в организации дуэли, но и принял все меры к умерщвлению раненого поэта. И. Сергиевский

выразил убеждение в том, что рана, нанесенная Пушкину, была не смертельна, хотя и опасна. Если бы в то время были приняты нужные меры, жизнь поэта, может быть, удалось бы спасти. Но затеянный против него заговор продолжал действовать с прежней неуклонностью. Начинается ряд моральных пыток, преследующих одну цель: довести Пушкина до могилы. Приходит письмо от царя, в котором обессиленному страданиями поэту предлагается немедленно, пока он жив, принять все меры, чтобы не был разглашен подлинный смысл случившегося. Получив это приказание, Пушкин велел вынуть из ящика стола и у себя на глазах сжечь какой-то документ, который, очевидно, мог бы пролить свет на многие обстоятельства, предшествовавшие дуэли.

Поэту строго было рекомендовано воздержаться от каких бы то ни было обвинений по адресу истинных виновников катастрофы. Его, человека неверующего, давнего врага всяческой обрядности, заставили позвать священника и выполнить комедию исповеди и причастия. Да и лечили Пушкина не слишком усердно. Не были применены некоторые медицинские мероприятия, диктовавшиеся наукой того времени. Кто знает — не получил ли пользовавший его лейб-медик Арендт соответствующих внушений свыше, хотя и высказанных в достаточно завуалированной форме. Все эти меры приводят к желанному для властей результату: 29 января (10 февраля по н. ст.) 1837 года, в 2 часа 45 минут пополудни, одного из величайших гениев не стало [11].

Вопрос о том, правильно ли лечили А. С. Пушкина после ранения, также привлек внимание Б. Мейлаха. После долгих размышлений над соответствующими документами и статьями светил медицинской науки он пришел в 1975 году к следующему безапелляционному заключению: «Николай I был, несомненно, заинтересован в скорейшей смерти раненого поэта. Имелись серьезные отступления от врачебной этики, сознательно или бессознательно допущенные под воздействием хитроумно-иезуитской тактики коварнейшего из российских самодержцев» [12].

В завершающий период существования СССР литературоведы отказались от соблазна проведения параллелей между историческими сюжетами Сальери — Моцарт и Николай I — Пушкин: достоверных фактов на этот счет никто так и не смог обнаружить. Все осталось на уровне ярких, но необоснованных предположений. Однако ненависть к императору не ослабевала. Вот как прокомментировал в 1989 году В. В. Кунин последнюю встречу императора и великого поэта: «Пушкину дана личная аудиенция. Николай I, как бы теперь не камуфлировали это различными логическими построениями, не прочь был избавиться от поэта. Независимых людей при дворах не выносят — их иногда только терпят. Царь сделал очередной тактический ход. Он успокоил Пушкина, взял с него слово «не драться» и «в случае чего» повелел обратиться прямо к нему. Уже в который раз в жизни Пушкина царская милость оказывалась горче наказания» [13]. Итак, государь взял слово у Пушкина «не драться» на дуэли без его разрешения. Так что же здесь дурного можно усмотреть? В чем можно обвинить императора?

А вот еще один пример недобросовестной интерпретации документа. В 1848 году Николай I поделился с М. Корфом воспоминаниями о великом поэте: «Я впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного и покрытого ранами от известной болезни.

— Что сделали бы Вы, если 14 декабря были в Петербурге? — спросил я его между прочим.

— Стал бы в ряды мятежников, — отвечал он. На вопрос мой, переменился ли образ его мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я его отпущу на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14 декабря, но очень долго колебался с прямым ответом и только после долгого молчания протянул руку, с обещанием — сделаться другим. И что же? Вслед за тем он, без моего позволения и ведома, ускакал на Кавказ! К счастью, там было кому за ним присмотреть, Паскевич не охотник шутить».

И вот какой вывод сделал Н. Я. Эйдельман по прочтении этого сообщения: «Поражает неприязнь, злость и, пожалуй, даже отвращение, с которым говорил о Пушкине царь с его странным знакомым. Создается впечатление, что с годами Николай I все больше и больше недоволен Пушкиным и посылает ему, так сказать, посмертный выговор» [14]. Нам представляется, что Н. Я. Эйдельман, рисуя портрет императора, сгущает краски. (К тому же Пушкин на Кавказе явно рисковал жизнью, пытаясь убить хотя бы одного турка. Паскевич запретил ему участвовать в военных действиях.)

После распада Советского Союза, как известно, произошло переосмысление многих исторических проблем, даны совершенно иные оценки деятельности ряду государственных деятелей России. Меньше повезло Николаю I.

Большинство исследователей по-прежнему рассматривают этого императора как прямого, а в лучшем случае косвенного убийцу гениального поэта.

Ободовская И. и М. Дементьев на исходе второго тысячелетия продолжали в своих научных трудах бичевать российского царя, сумевшего задушить простодушного автора «Евгения Онегина». «Чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение, — полагают они, — Николай I вызвал Пушкина из ссылки и обещал ему быть его цензором. Пушкин поверил в «милости» царя, в его желание либеральных реформ. Однако вскоре понял, что эти надежды неосновательны. Николай I, прекрасно понимая оппозиционную сущность Пушкина и продолжая внешне разыгрывать «покровителя» поэта, по существу, преследовал, угнетал его как человека и писателя. Пушкин неоднократно пытался вырваться из Петербурга, но каждый раз это вызывало недовольство Николая I, стремившегося удержать поэта в столице под надзором. Окружавшая Пушкина обстановка в конце концов привела к гибели» [15].

Благому Д. Николай I представляется в облике коварнейшего змея-обольстителя: «Четыре месяца, проведенные молодыми Пушкиными в Царском Селе, были едва ли не самыми счастливыми, самыми безоблачными. Но в те же счастливейшие дни произошла встреча Пушкиных во время прогулок с царской четой. Она превратила так трудно завоевываемое счастье в жизненную дорогу поэта не только в уныние, но и роковой погибельный путь». И когда царь назначил ему годовое приличное жалование, то Александр Сергеевич по наивности «не подозревал во что обернется ему новая милость царя» [16].

Яркой догадке Д. Благого о «роковой роли императорской четы» в судьбе поэта несколько иное толкование дал Е. Стеценко. Потрясающее открытие озарило его. Оказывается, последняя дуэль Пушкина была продуманной и спланированной акцией, проведенной Николаем I и Александрой Федоровной. «Анализируя все свидетельства, дошедшие до наших дней, — заявил в 2011 году этот литературовед, — мы невольно заметим, как все высказанное соединится в четкое и последовательное повествование, и тогда у нас не будет сомнений в обвинении обоим Геккернам: злодейское, подлое, преднамеренное убийство Александра Сергеевича Пушкина под видом честного поединка! Известно, что убийца русского поэта по весьма сомнительным причинам был освобожден от сдачи экзамена по уставу службы, военному судопроизводству и русскому языку; после чего барон Дантес, по сути сказать, нищий и вышедший из неименитого рода, зачисляется в Кавалергардский полк! Есть также исторические данные, что до поступления на службу он был представлен российской императрице Александре Федоровне, а полку его представил сам император Николай I» [17].

Со всем пылом страсти обличали Николая I не только историки, литературоведы, но и художники слова. М. Цветаева, размышляя о целесообразности слома монументов в царской России, категорично заявила: «Единственный памятник, который следовало, несомненно, сбить, это памятник императору, убийце Пушкина. Или, щадя работу Клодта, сделать надпись: «Памятник, воздвигнутый убийце Пушкина». Разъясняя более детально свою позицию, она написала: «Николай I Пушкина ласкал, как опасного зверя, который вот-вот разорвет. Николай I посадил Пушкина в клетку, а клетку позолотил (мундир камер-юнкера, открытый доступ в архив. В итоге вместо жизни — смерть)» [18]. Поэтесса А. Ахматова, как и М. Цветаева, не раз поминала Николая I недобрым словом. В частности, она отметила, что император сыграл в жизни А. С. Пушкина крайне неприглядную роль (обманул его ужасным и беспощадным образом накануне дуэли) [19].

Искренние чувства миллионов простых советских людей к извергу-императору точно воспроизвел Э. Багрицкий:

Наемника безжалостную руку,
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвои
Следит упорно, — взведены ль курки.
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые скользкие зрачки [20].

Трактовка Николая I как отпетого негодяя утвердилась, естественно, и в учебных пособиях. И. В. Кузнецов и В. И. Лебедев в книге для учителей создали портрет тирана, уничтожающего без колебаний всех носителей вольномыслия: «Царь преследовал не только создание тайных кружков и организаций, но и всякое стремление к свободе. Жертвами его репрессий стали гениальные русские поэты А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, талантливые поэты Полежаев, Печерин и другие» [21]. Весьма незатейливая легенда о Николае I как средоточии всего российского зла настойчиво внушалась авторами учебников по истории и литературе для восьмиклассников [22].

Кажется, ненависть и презрение к этому императору захлестнули в XX веке не только Российское государство, но и перелились через

его границы. Е. Лецкий, один из ярких публицистов первой волны эмиграции, рассматривал его как исчадие ада: «С мастерством утонченного гения инквизиции Николай Павлович приближал к себе Пушкина, оказывая ему внимание, платя долги, заранее учитывая чувства благородной признательности со стороны поэта. Одновременно тот же царь не снимал с него камер-юнкерского мундира, ни на минуту не спуская с него жандармских глаз, не разрешая выехать за границу, с цензорской подозрительностью следил за каждой строкой его творений и, «рыцарски» склоняясь перед красотой его жены, не давал своего монаршего соизволения на переезд Пушкиных в деревню из ненавистного Петербурга. Царь и боялся Пушкина, его острого слова и чуткой мысли, и не любил — во всяком случае, не умел — ценить его дарования» [23].

Разумеется, по логике обвинителей Николая I, у этого мерзавца должны быть подручные. Правой рукой преступника-императора стал шеф жандармов и начальник III отделения Канцелярии его величества А. Х. Бенкендорф. По разным причинам в глазах части российского общества он стал олицетворением едва ли не вселенского зла — нечто средним между И. Лойолой и М. Скуратовым. Секундант А. С. Пушкина К. К. Данзас одним из первых высказался о неблаговидной роли этого злодея: «На стороне барона Геккерна и Дантеса был, между прочим, и покойный граф Бенкендорф, не любивший Пушкина. Одним этим нерасположением и можно объяснить, что дуэль не была остановлена полицией. Жандармы были посланы в Екатерингоф будто бы по ошибке, думая, что дуэль должна происходить там, а она была за Черной речкой, около Комендантской дачи» [24].

В конце XIX века отрицательную характеристику А. Х. Бенкендорфу дал один из авторов «Энциклопедического словаря»: «Предание и некоторые историки приписывают шефу жандармов в деле декабристов весьма некрасивую роль. Чрезмерная цензурная строгость Бенкендорфа и чрезвычайно суровое отношение его ко всем, кто казался ему политически опасным, тяжелым бременем ложились на духовное развитие русского общества. С упорством и нетерпимостью узкого во взглядах и неумного человека, Бенкендорф старался во всех самостоятельных стремлениях отдельных лиц и всего русского общества найти и уничтожить зародыши ужасного будущего. При этом он мало стеснялся соображениями человечности и даже законом. Несомненна его косвенная виновность в смерти Пушкина» [25].

Гадкую сущность начальника III отделения и его мерзопакостное, ядовитое отношение к великому поэту раскрыл Н. Я. Эйдельман: «Бенкендорф искренне не понимал, что нужно этому Пушкину, но четко и ясно понимал, что нужно ему, генералу, и высшей власти. Поэтому, когда Пушкин отклонялся от правильного пути к добру, генерал писал ему вежливые письма, после которых не хотелось жить и дышать» [26].

Анисимов Е. В. и А. Б. Каменский выявили, пользуясь методикой Н. Я. Эйдельмана, еще одну отвратительную сторону работы А. Х. Бенкендорфа и его вездесущих шпионов-доносчиков, задушивших в своих сетях замечательного поэта: «От всевидящего ока тайной полиции укрыться было невозможно никому. В этом была причина трагедии А. С. Пушкина, отчаянно боровшегося в николаевские годы за неприкосновенность своего внутреннего мира и семьи. Между тем тайных агентов III отделения и жандармов интересовали не только задуманные политические преступления. Они вскрывали частные письма, просматривали книги, которые читают люди. Весной 1934 года Пушкин узнал, что его письмо к жене было распечатано на почте, скопировано и из III отделения доставлено царю» [27].

Брезгливое отношение к шефу жандармов продемонстрировали и другие пушкиноведы. И. Ободовская и М. Дементьев считали, что Бенкендорф «враждебно относится к поэту, письма его к нему были холодно-официальными, зачастую очень резкими» [28]. Д. Благой назвал начальника III отделения «волком в овечьей шкуре» [29]. Но самый бескомпромиссный приговор этому изощренному лицемеру и кровопийце вынес Р. Г. Скрынников: «Поведение Бенкендорфа после кончины Пушкина подтвердило, что шеф жандармов был самым опасным и вероломным врагом поэта» [30].

Кажется, что с Р. Г. Скрынниковым спорить невозможно: действительно, шеф жандармов представлялся многим каким-то мифологическим чудовищем, напоминающим стоглавую гидру. Но, нет, Ю. М. Лотман нашел монстра еще пострашнее. По его мнению, таковым являлся президент академии наук и министр просвещения: «Среди наиболее непримиримых врагов поэта в середине 1830-х годов должен быть назван С. С. Уваров. Конфликт его с Пушкиным не был случайным. Он не щадил никаких средств, чтобы угодить барину (Николаю I). Уваров давал понять императору, что меры, принимаемые Бенкендорфом для обуздания литературы, недостаточны… Соперничество между

Уваровом и Бенкендорфом, между ведомствами идейного руководства и полицейского надзора за литературой, — приводил новые аргументы Ю. М. Лотман, — необходимо учитывать для понимания одного из самых острых конфликтов Пушкина с правительством. Уваров добился, чтобы журнал Пушкина «Современник» проходил кроме цензуры Бенкендорфа еще и обычную, и сознательно давал Пушкину наиболее глупых и трусливых цензоров. Положение Пушкина как литератора делалось невыносимым. Уваров медленно и систематически затягивал на его горле петлю» [31].

Бенкендорф А. Х. и С. С. Уваров являлись для части населения теми фигурами, которые воплощали в себе жадную толпу, стоящую у трона и палаческим образом терзающую гениального поэта. Злодеев-вельмож, имеющих конкретные имена и фамилии, подпирала относительно безликая родовитая знать, или высшее общество, о гнусной роли которого в судьбе А. С. Пушкина с возмущением написал М. Ю. Лермонтов:

Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид.
Восстал он против мнений света
Один, как прежде, и убит.

Точка зрения Михаила Юрьевича находила сторонников и в XIX, и XX веках. Например, она очень понравилась И. Ободовской и М. Дементьеву. «Пушкин, — с предельной простотой сформулировали они свою позицию в 1985 году, — пал жертвою клеветы и ненависти великосветского общества» [32]. Соглашаясь с таким заключением в целом, некоторые публицисты и литературоведы считают необходимым конкретизировать долю участия отдельных представителей знати в убийстве поэта. Пушкинисты успешно выявили несколько подозрительных субъектов света, символизирующих его темные силы.

Аринин В. абсолютно уверен, что один из основных центров высшего общества, объединявших врагов поэта, возглавила «поистине красивейшая из женщин». Именно эта прелестница с таким искусством, таким коварством и жестокостью, на что способна лишь злая женщина, провела интригу против поэта. Пушкин пал жертвою заговора. Дантес был просто исполнителем. Вдохновительницей же заговора являлась, вероятнее всего, женщина. И я ее считаю тоже убийцей поэта. Это Идалия Полетика». Обвиняя ее, В. Аринин приводит, по его мнению, «неопровержимые» факты: «Она была безумно влюблена в Дантеса, подчиненного своего мужа. Тем не менее поощряла его ухаживания за Пушкиной. И более того, изо всех сил старалась свести Наталию Николаевну с Дантесом. Какое-то извращенное сладострастие и жажда мести переполняли ее. Она объединила вокруг себя всех, кто не любил Пушкина». В. Аринин также высказал предположение, что И. Полетика имела прямое отношение к изготовлению и отправке А. С. Пушкину провокационного «документа» — «диплома Ордена Рогоносцев». Столь же любопытно утверждение этого пушкиниста, к сожалению, не подкрепленное никакими аргументами, что И. Полетика была связана с помощником Бенкендорфа, начальником штаба Корпуса жандармов Дубельтом [33].

Тыркова-Вильямс А. нашла другой светский салон, источавший ядовитые пары, очень вредные для поэта. Она вспомнила о догадке Александра II по поводу роли М. Д. Нессельроде, жены министра иностранных дел: «Насколько у этой знатной дамы, которая по положению мужа могла причинять немало зла, была недобрая репутация, можно судить по тому, что император Александр II раз за обедом в Зимнем дворце сказал:

— Мы же знаем теперь автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина. Это Нессельроде.

В этих случайно брошенных словах — указание на ту враждебную официально-светскую атмосферу, где Пушкин задыхался» [34].

Знакомство с биографической литературой о Пушкине приводит едва ли не каждого читателя к бесспорному постулату: высшее общество в первой половине XIX века — это клубок смертоносных змей, скорпионов, тарантулов и прочей нечестии. По нашему мнению, там обитали и настоящие оборотни. Вот, например, Н. Н. Пушкина, которую великий поэт трогательно и восторженно называл часто мадонной. Но некоторые публицисты и литературоведы вскрыли ее подноготную и дали ей совсем другую оценку. А. И. Герцен сказал о том, что Наталья Николаевна сыграла печальную роль в судьбе своего мужа: она «стала причиной его гибели» [35]. Используя сталинскую лексику, советский критик В. В. Ермилов отнес пушкинскую мадонну к категории врагов народа: «Агентура правительства проникала повсюду, она проникла даже в семью Гончаровых. Используя светское легкомыслие Натальи Николаевны, придворная камарилья сделала из жены поэта свое орудие, она подослала своего агента, космополитического проходимца без роду и племени, француза по происхождению, ставшего голландцем по подданству» [36].

Современники-пушкинисты, к нашему удовлетворению, не склонны к употреблению крепких политических выражений по отношению к мадонне, но тем не менее не отвергают мысли о виновности ее в гибели Александра Сергеевича. Е. Рябцев пишет с оттенком грусти, что только после ранения своего супруга она прозрела: «Наконец-то Натали поняла, что случилось. Ее любовь к Дантесу, как к «сказочному» принцу, оказалась смертельной для мужа» [37]. Сходную позицию в оценке ее поведения занимает Ю. Дружников. Анализируя работы выдающихся биографов поэта, он пишет: «Щеголев и Вересаев, собрав огромный материал, прямо обвиняют в смерти Пушкина его жену, и их аргументы очень весомы» [38].

Мы никогда бы не поверили, что обаятельная, чертовски милая, изумительно красивая (мать четверых детей, славных малышек-лапушек) Наталья Николаевна решится на «мокруху» — убийство своего мужа, который в ней души не чаял. Но нельзя не верить целой плеяде пушкинистов, заклеймивших эту жестокосердную гурию. Впрочем, чего не бывает. Возможно в нее вселился бес, подосланный Николаем I, Бенкендорфом, Уваровым или неизвестной нам бандой заговорщиков из числа представителей светского общества. Тем более, что не одна Наталья Николаевна сумела прикинуться бедной овечкой. Бдительные пушкинисты, основательно пошерстив ближайшее окружение поэта, обнаружили там таких мухоморов, что разум отказывается верить.

Например, более полутора веков биографы рассматривали К. К. Данзаса как человека, вполне лояльно относившегося к поэту. А вот Л. Гроссман посмотрел «глубже». «Последние совещания о своей дуэли, — изложил он свои доводы, — поэт имел с лицейским товарищем Данзасом, который никогда не был его другом. Когда в 1820 году Пушкин был близок к самоубийству, рядом были такие друзья, как Чаадаев и Николай Раевский. Он мог с ними обсудить вопрос о жизни и смерти. Теперь ему пришлось обратиться к школьному соученику, внутренне совершенно чуждому. Пушкин один только раз упомянул имя Данзаса в лицейских годовщинах и лишь для того, чтобы отметить, что он был «последним» в их классе. Последним он оказался и в рядах друзей. Он не пытался, как в свое время Липранди, Соболевский, Нащокин, Жуковский и Соллогуб, расстроить поединок или по крайней мере смягчить его условия. Вместе с де Аршиаком он занялся организацией дуэли со смертельным исходом. Расстояние между барьерами — всего десять шагов, что само по себе делало смерть почти неминуемой. Ее неизбежность гарантировал жестокий четвертый пункт составленных секундантами правил: в случаи безрезультатности первого обмена выстрелами дуэль возобновлялась на тех же беспощадных условиях.

Непростительная беспечность Данзаса начала сказываться в полной мере с первого же момента мучительного и грозного ранения Пушкина: ни врача, ни кареты для спокойной доставки тяжелораненого, ни хотя бы бинта или тампона для первой помощи (такая забота входила в круг обязанностей секунданта). Данзасу пришлось пойти на компромисс, не свободный от некоторого унижения, и, скрыв это обстоятельство от Пушкина, принять «любезность» его противников, предложивших карету Геккерна для перевозки истекающего кровью поэта» [39].

Ну да Бог с ним, с Данзасом. Возможно, что он не был сокровенным другом и товарищем поэта и проявил, видимо, некоторую халатность при проведении дуэли. Но как могла А. Тыркова-Вильямс зачислить В. А. Жуковского в число жестоких недругов А. С. Пушкина, виновников его гибели? «В критический момент своей жизни, — подчеркнула она, — задумав выйти в отставку, великий поэт дал Жуковскому себя переспорить, простодушно поверил, что для житейских дел у его старшего друга больше здравого смысла, чем у него самого. Эта уступка оказалась роковой» [40].

В определении виновников, которые лишили жизни поэта, некоторые деятели российской культуры порой высказывали совершенно необычные предположения. Они были туманными, не совсем понятными и даже заумными. «Между тем жизнь Пушкина, — с оттенком мистики размышлял А. Блок, — склоняясь к закату, все больше наполнялась преградами, которые ставились на его пути. Слабел Пушкин — слабела с ним и культура его поры: единственной культурной эпохи в России прошлого века. Над смертным одром Пушкина раздавался младенческий лепет Белинского. Этот лепет казался нам совершенно противоположным, совершенно враждебным голосу Бенкендорфа. Он кажется нам таковым до сих пор. Было бы слишком больно всем нам, если бы оказалось, что это не так. И, если это даже совсем не так, будем все-таки думать, что это совсем не так. Во второй половине то, что слышалось в младенческом лепете Белинского, Писарев орал уже во всю глотку. От дальнейших сопоставлений я воздержусь, ибо довести картину до ясности пока

невозможно; может быть, за паутиной времени откроется совсем не то, что прочно хранится в мыслях, противоположным моим; надо пережить еще какие-то события; приговор по этому делу — в руках будущего историка России. Пушкина убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. Поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем» [41].

Мережковский Д. пришел к заключению, что врагами поэта являлись не только какие-то конкретные личности, но и злобно-агрессивной стала вся страна. «Смерть Пушкина, — рассуждал он, — не простая случайность. Драма с женою, очаровательной Натали, ее милыми родственниками — не что иное, как в усиленном и сосредоточенном виде драма всей его жизни — борьба гения с варварским отечеством. Пуля Дантеса завершила то, к чему вела Пушкина русская действительность. Он погиб, потому что ему некуда было дальше идти, некуда расти. С каждым шагом вперед к просветлению поэт становился все более одиноким и враждебным тогдашнему среднему русскому человеку. Для него Пушкин весь был непонятен, чужд, даже страшен» [42].

Таким образом, отечественные деятели культуры в подавляющей части убеждены в том, что поэта окружал сонм видимых, а может, и незримых врагов, которые в конечном счете и сгубили его. И лишь только некоторые думали иначе. Предоставим слово известному философу В. С. Соловьеву: «По мнению самого Пушкина, повторяемому большинством критиков и историков литературы, «свет» был к нему враждебен и даже преследовал его. Та злая судьба, от которой будто бы погиб поэт, воплощается здесь в «обществе», «свете», «толпе» — вообще в той пресловутой среде, роковое предназначение которой только в том, кажется, и состоит, чтобы «заедать» людей. Пушкина будто бы не признавали и преследовали! Но что же, собственно, не признавали в нем, что было предметом вражды и гонений? Его художественное творчество? Едва ли, однако, во всемирной литературе найдется другой пример великого писателя, который так рано, как Пушкин, стал общепризнанным и популярным в своей среде. А говорить о гонениях, которым будто бы подвергался наш поэт, можно только для красоты слога.

Если несколько лет невольного, но привольного житья в Кишиневе, Одессе и собственном Михайловском — есть гонение и бедствие, то как же мы назовем бессрочное изгнание Данте с Родины, тюрьму Камоэнса, объявленное сумасшествие Тасса, нищету Шиллера, остракизм Байрона, каторгу Достоевского и т. д. Внешние условия Пушкина, несмотря на цензуру, были исключительно счастливыми. Когда говорят о вражде светской и литературной среды к Пушкину, то забывают о его многочисленных и верных друзьях в этой самой среде. Но почему же «свет» более представлялся тогда Уваровым или Бенкендорфом, чем Карамзиным, Вяземским и т. д.? И кто были представителями русской литературы: Жуковский, Гоголь, Баратынский, Плетнев или же Булгарин? Едва ли когда-нибудь был в России писатель, окруженный таким блестящим и плотным кругом людей, понимающих и сочувствующих» [43].

А может быть, в непривычных сентенциях В. С. Соловьева есть доля — и немалая — здравомыслящих суждений? И все-таки А. С. Пушкина окружали или контактировали с ним не только «звери алчные, пиявицы ненасытные», каннибалы и оборотни? Н. М. Смирнов, занимавший должности калужского, санкт-петербургского губернатора и хорошо знавший великого поэта, отметил в своих воспоминаниях: «Государь (Николай I. — *Авт.*) принял его (Пушкина А. С. — *Авт.*) как отец сына, все ему простил, все забыл, обещал покровительство свое и быть единственным цензором всех его сочинений. С тех пор Пушкин посылал государю через Бенкендорфа все свои сочинения в рукописи и по возврате оных отдавал прямо в печать. Государь означал карандашом места, которые не пропускал. Государь был самый снисходительный цензор и пропускал многие места, которые обыкновенная цензура, к которой Пушкин обращался за отсутствием государя, не пропускала» [44].

В 1880 году на открытии памятника А. С. Пушкину выступил составитель и издатель «Русского архива» П. И. Бартенев, который совершенно неожиданно для присутствующих с похвалой отозвался о Николае I: «Господа! Празднуя память великого поэта, помянем добрым словом государя, который освободил его из ссылки, из-под тройного надзора местного губернатора, местного предводителя и соседнего архимандрита и который, как ни тяжело иной раз бывало положение Пушкина, умел усладить последние часы его жизни. Искренняя ему благодарность от беспристрастного потомства» [45]. Еще более высокую оценку императору дал уже упомянутый нами В. С. Соловьев: «Сердечно полюбивший поэта, гордившийся своим Пушкиным, государь знал его необузданный характер и боялся за него. С нежной заботливостью следил он за поступками и после первой

несостоявшейся дуэли (с Дантесом. — *Авт.*) призвал его и потребовал от него честного слова, что в случае необходимости новой дуэли он прежде всего даст об этом знать ему, государю. Но в деле ложной чести была забыта первая обязанность честности. Если бы Пушкин исполнил данное им слово, Россия не потеряла бы своей лучшей славы, и великодушному государю не пришлось бы оплакивать вместе с гибелью поэта и свое рыцарское доверие человека» [46].

Конечно, советские литературоведы никак не могли позволить дружеского или даже нейтрального жеста применительно к злодею-императору. Но тем не менее на это отважился В. Е. Вацуро, и можно расценить такой поступок почти как подвиг: «Условия «договора» Пушкина с правительством не были ни простыми, ни легкими. Николай I не «обманул» его, «умнейшего человека России», и, вероятно, не пытался обмануть» [47].

С началом горбачевской перестройки произошло невиданное: Н. Скатов увидел в императоре не солдафона, не законченного негодяя и душителя свободы, а человека, многие черты которого вызывают симпатии. «Многое в политике Николая, — писал он, — после начала его царствования привлекло к нему многих — и в России, и в Европе. Ставшие почти символическими обозначениями самых мрачных сторон русской жизни — административного и духовного мракобесия (и потому же пушкинских эпиграмм) — Аракчеев и архимандрит Фотий были отстранены. Ставшие почти символическими образами гонителей и погромщиков русского просвещения Рунич и Магницкий, кстати, особенно рьяно преследовавшие еще лицейских пушкинских учителей Куницына и Галича, были, соответственно, первый сослан, второй отдан под суд; оба оказались еще и жуликами-казнокрадами. С другой стороны, возвращался из опалы всегда вызывающий одобрение Пушкина основатель лицея Сперанский. Быстрая и решительная поддержка новым царем борьбы за освобождение Греции, многие годы волновавшей Пушкина, снискала Николаю громкую славу рыцаря Европы, как назвал его Генрих Гейне. И вплоть до 1830 года его как героя-освободителя угнетенных национальностей прославляли, по выражению Маркса, «на всех языках в стихах и прозе» [48].

После распада СССР стало допустимым говорить о том, что Николай I не только терпел вольнодумство поэта, но и заботился о нем. На эту сторону поведения императора обратил внимание Р. Г. Скрынников: «Не следует думать, что Николай I лицемерил, когда высказывал свое расположение Пушкину, давал ему деньги взаймы и платил долги, ограждал от преследований по поводу «возмутительных» сочинений. Наибольшее сближение этих двух людей падает на время Польского восстания, когда поэт предложил монарху использовать его перо и выдвинул проект издания правительственной газеты» [49].

Очень возвышенную оценку отношений императора и поэта дал Л. Выскочков. В своей книге о Николае I он рассказал о том, что царь весьма доброжелательно относился к Пушкину, слегка ухаживая за его женой, и старался предотвратить его дуэль с Дантесом [50].

Аринштейн Л. даже вступил в спор с теми, кто утверждал, что поэт оказался под железной пятой самодержавия, что он, конечно, мог только ненавидеть императора: «Разночинная интеллигенция считала неприличным печатать, будто Пушкин мог сказать что-то одобрительное по отношению к Николаю Павловичу. Прямые высказывания поэта на этот счет («В надежде славы и добра. Гляжу вперед я без боязни», «Он бодро, честно правит нами» и др.) просто игнорировались. Начинавшей идеологизироваться разночинной интеллигенции был так необходим образ Великого поэта — борца с Самодержавием» [51]. Свою точку зрения А. Аринштейн подтвердил анализом серии пушкинских стихотворений, посвященных императору. Мало того, что в них поэт не раз признается в глубоком уважении Николаю I, но и прямо, к ужасу Герцена, Огарева и других оппозиционеров, заявил: «Царю хвалу свободную слагаю: я смело чувства выражаю. Его я просто полюбил».

В 1834 году А. С. Пушкин и вовсе сошел с ума, он написал стихотворение «К Н.». Точную историю его сотворения воссоздал Л. Аринштейн. В одном из вечеров в Аничкове дворце было многолюдно, все ждали появления императора. Однако время шло, загремела музыка, закипели танцы, а государь, к удивлению всех, не выходил. Задержался он надолго. И когда он, наконец, показался, многих поразило его одухотворенное лицо. Особенно оно оставило сильное впечатление в душе Пушкина. Оказывается, Николай I увлекся чтением «Илиады». Родились первые поэтические строки:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали».

Н. В. Гоголь назвал это стихотворение, посвященное российскому императору, «величайшей одой» [52].

Исследователи, обнаружившие, что Николай I относился к великому поэту скорее не как записной злодей, но как требовательный, внимательный и добрый опекун, не считают и его окружение скопищем подлецов и подонков, мечтавших убить, отравить, задушить Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Белинского и др. Скажем кратко: конечно, Бенкендорф, Уваров, Полетика, супруги Нессельроде не питали скорее всего симпатий к А. С Пушкину, возможно, не любили и не читали его стихов, но ведь и вреда, как известно, особенного ему не нанесли.

Не существует убедительных доказательств, что «царская камарилья», «бездушный свет» оказались палачами «Свободы, Гения и Славы» [53]. Все это домыслы. Отсутствие же таковых аргументов, подтверждающих привычную версию о виновности императора, его подчиненных и представителей высшего общества, повергло некоторых советских литературоведов в состоянии растерянности. Сложилась парадоксальная ситуация в оценке причин гибели поэта. С одной стороны, налицо роковой выстрел и смерть А. С. Пушкина, а с другой — нет ответа на вечный вопрос: «Кто виноват?» Выйти из этого явно безнадежного положения все-таки попытался Н. Я. Эйдельман, один из самых талантливых пушкинистов коммунистической эпохи: «Пушкин не видел в Николае I некоего «злого гения». Нет! Весь ужас ситуации был в том, что никто — ни царь, ни Бенкендорф, ни другие отнюдь не имели сознательной цели погубить поэта. Они делали все это в основном «непроизвольно», губили просто самим фактом своего социального существования» [54]. К сожалению, Н. Я. Эйдельман не раскрыл своего тезиса о причинах гибели великого поэта. Так что вопрос о главном виновнике трагической смерти А. С. Пушкина не снимается с повестки дня.

(*Продолжение следует*)

1. *Эйдельман Н. Я.* Статьи о Пушкине. М., 2004. С. 368.
2. *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 24.
3. *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 369.
4. *Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России // Собр. соч. Т. 3. М., 1975. С. 424—425.
5. *Огарев Н. П.* Избранное. М., 1977. С. 26.
6. *Скабичевский А. Д.* Пушкин // Библиотека Флорентия Павленкова: Карамзин, Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Достоевский. Челябинск, 1994. С. 168.
7. *Милюков П.* Живой Пушкин. М., 1997. С. 271.
8. *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Избр. произв. Т. 3. М., 1968. С. 123.
9. *Кирпотин В.* Жизнь и смерть Пушкина // Пролетарский путь. 1937. 10 февр.
10. *Бурджалов Э. Н.* История СССР. Ч. 2. М., 1940. С. 310—311.
11. *Сергиевский И.* А. С. Пушкин. М., 1949. С. 108—109.
12. *Мейлах Б.* Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975. С. 187—188.
13. *Кунин В. В.* 4 ноября 1836 года — 10 января 1837 года // Последний год жизни Пушкина. М., 1989. С. 327.
14. *Эйдельман Н.* Указ. соч. С. 205—206.
15. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1999. С. 298.
16. *Благой Д.* Погибельное счастье // *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1999. С. 37—38.
17. *Стеценко Е.* Просчет барона Геккерна. Краснодар, 2011. С. 5—6.
18. *Цветаева М.* Мой Пушкин. М., 1981. С. 128, 199.
19. *Ахматова А.* Гибель поэта // Вопр. литературы. 1973. № 3. С. 216.
20. Цит. по: *Сарнов Б.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2005. С. 118.
21. *Кузнецов И. В., Лебедев В. И.* История СССР. М., 1958. С. 327.
22. Русская литература. М., 1975. С. 121; *Федосов И. А.* История СССР. XIX век. М., 1986. С. 96.
23. *Ляцкий Е.* Пушкин и его историческая мысль // Заветы Пушкина. Из наследия первой эмиграции. М., 1998. С. 195.
24. *Кунин В. В.* Константин Карлович Данзас // Друзья Пушкина. Т. 2. М., 1984. С. 544; *Стеценко Е.* Указ соч. С. 276.
25. Автор статьи «Бенкендорфы» выступает под инициалами С. Ч. См.: Русский биографический словарь : в 20 т. Т. 2. М., 1998. С. 316, 318, 319.
26. Цит. по: *Шикман А.* Кто есть кто в российской истории. М., 2003. С. 53.
27. *Анисимов Е. В., Каменский А. Б.* История России. 1682—1861. М., 1996. С. 427.
28. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1999. С. 298—299.
29. *Благой Д.* Указ. соч. С. 31.
30. *Скрынников Р.* Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 312.
31. *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1982. С. 218—219.
32. *Ободовская И., Дементьев М.* Наталия Николаевна Гончарова. М., 1985. С. 281.
33. *Аринин В.* Неразгаданные тайны Пушкина. М., 1998. С. 139, 144, 145.
34. *Тыркова-Вильямс А.* Пушкин. Т. 2. М., 1998. С. 441.
35. *Герцен А. И.* Указ. соч. С. 425.
36. См.: *Дружников Ю.* Дуэль с пушкинистами. Псков, 2004. С. 76.

37. *Рябцев Е.* 113 прелестниц Пушкина. Ростов н/Д., 1999. С. 431.

38. *Дружников Ю.* Указ. соч. С. 102.

39. *Гроссман Л.* Пушкин. Т. 2. М., 1960. С. 499.

40. *Тыркова-Вильямс А.* Пушкин. Т. 2. М., 1998. С. 422.

41. *Блок А.* О назначении поэта // Собр. соч. Т. 2. М.-Л., 1962. С. 166—167.

42. *Мережковский Д. С.* А. С. Пушкин // А. С. Пушкин. Антология. Т. 1. СПб., 2000. С. 196.

43. *Соловьев В. С.* Судьба Пушкина // Пушкин. Антология. М., 2000. С. 281, 282, 284.

44. *Смирнов Н. М.* Из «памятных записок» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985. С. 274.

45. А. С. Пушкин. Антология. Т. 1. СПб., 2000. С. 653 (примеч. к тому).

46. *Соловьев В. С.* Памяти императора Николая I // Соч. Т. 2. М., 1989. С. 608.

47. *Вацуро В. Е.* Пушкин в сознании современников // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974. С. 17.

48. *Скатов Н.* Русский гений. М., 1987. С. 273; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. М., 1959. С. 512.

49. *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 310.

50. *Выскочков Л.* Николай I. М., 2006. С. 421—427. (Жизнь замечательных людей).

51. *Аринштейн Л.* Пушкин. Непричесанная биография. М., 2011. С. 158.

52. Там же. С. 155.

53. *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. Т. 1. М., 1957. С. 7.

54. *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 397.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Н. Г. Еняшина, А. О. Седова

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ВАЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО СПЕЦИАЛИСТА

В данной статье рассматривается проблема и актуальность формирования креативности у молодых специалистов в целях повышения их конкурентоспособности. Особое внимание уделяется условиям развития креативности у студентов в процессе их обучения в образовательном учреждении.

Ключевые слова: креативность, конкурентоспособность, молодой специалист, конкурентоспособный специалист.

N. G. Enyashina, A. O. Sedova

CREATIVITY AS AN IMPORTANT QUALITY OF A COMPETITIVE SPECIALIST

This article explores the problem and the relevance of formation of young specialists' creativity to increase their competitiveness. Much attention is also given to conditions of the development of students' creativity in the process of their studying in the educational institutions.

Key words: creativity, competitiveness, young professional, competitive specialist.

В современном обществе наблюдается серьезная конкуренция на рынке труда. Самым главным становится обучение и воспитание не только компетентного и ответственного специалиста, но и человека, который способен быстро реагировать на изменения в нашей стране и во всем мире, развиваться, совершенствоваться. Качествами, которыми должен обладать человек, чтобы достигнуть успеха в современном обществе, становятся: конкурентоспособность, компетентность, креативность, обладание большим объемом знаний, информации и постоянное их обновление.

На сегодняшнем этапе креативная и конкурентоспособная личность становится востребованной для общества. Ведь креативность имеет ценность во всех жизненных областях, где мы можем наблюдать конкуренцию. Например, это политика, бизнес, культура, наука. Сегодня, если ты креативен, то ты уже имеешь преимущество в мире: ты более интересный собеседник, ты отличаешься от других, ты умеешь находить выход из самых различных непредвиденных ситуаций. Поэтому развитие креативности является важным фактором прогресса человечества. А особенно это очень важно для молодежи, ведь именно ей предстоит немало сделать для процветания нашей страны.

Современное профессиональное образование имеет своей целью подготовку квалифицированного, компетентного, гибкого, мобильного и конкурентоспособного специалиста.

В современном обществе возрастает потребность формирования в разных учебных заведениях такой личности, которая обладает творческим потенциалом, мотивацией к творческому поиску, достаточным уровнем развития интеллектуальных умений, гибкостью, самостоятельностью, всеми теми качествами, необходимыми для развития инновационных способностей личности.

Большое внимание к развитию креативности у молодых специалистов уделяют современные руководители и работодатели. Они требуют от своих коллег и подчиненных творческого подхода, находчивости, разносторонности, ори-

гинального новаторства, иными словами — креативности. Следовательно, это очень важная составляющая конкурентоспособного специалиста, которая свидетельствует о наличии у него тех самых инновационных способностей, характеризуется его независимостью, открытостью новому опыту, чувствительностью к проблемам, высокой потребностью в творчестве и реализации своих творческих возможностей.

Действительно, сейчас современная жизнь диктует человеку особые условия: необходимо быть уверенным в себе, конкурентоспособным, активным, целеустремленным, иметь нестандартный подход к делу, быть креативным. Именно поэтому в системе образования должно уделяться больше внимания развитию творческих способностей и креативности. Ведь способность мыслить творчески делает молодого человека более раскрепощенным, жизнерадостным, стойким к стрессовым ситуациям, помогает справиться со многими личностными, эмоциональными и поведенческими проблемами, способствует личностному росту и раскрытию.

Чтобы идти в ногу со временем и мыслить так, как мыслят сегодня интеллектуалы высокого уровня, предпочтительно пройти тренинг на развитие креативности и креативных способностей. В процессе тренинга люди явно начинают видеть некоторые моменты своего стандартного видения и мышления и перестраиваться на новый и очень увлекательный ход мышления и развития. Некоторые уже рождаются с новым мышлением, и им необходима только правильная поддержка. Они легко проходят диагностику креативности, приходя в высшие учебные заведения, и успешно реализуют любую задачу собственной жизни. Но есть и те, кому еще необходимо развить креативное мышление и креативность для того, чтобы стать интересной личностью, не быть отстающим и добиться желаемых результатов.

Конкурентоспособность — это обладание человеком профессией и личностными характеристиками, которые дают ему преимущества при борьбе на рынке труда за вакантное рабочее место.

Следовательно, конкурентоспособный специалист — это специалист, который способен достигать поставленные цели в различных ситуациях за счет владения методами решения большого класса профессиональных задач и наличия определенных личностных качеств [3].

Конкурентоспособность специалиста складывается из конкурентных преимуществ. Конкурентные преимущества — профессиональные и личностные особенности специалиста, которые соответствуют требованиям работодателя, отличают специалиста с выгодной стороны в сравнении с конкурентом.

В своих исследованиях доктор психологических наук В. А. Кручинин выделяет наиболее значимые конкурентные преимущества личности, которые необходимо формировать у молодого специалиста в целях повышения конкурентоспособности на рынке труда. К ним относятся:

1. Коммуникабельность (умение находить общий язык с разными людьми, открытость, искренность, легкость в общении, грамотная речь, готовность к сотрудничеству и т. д.);

2. Целеустремленность (адекватность, ясность, осознанность истинных целей, умение формулировать долгосрочные и ближние цели, здоровые амбиции и т. д.);

3. Креативность (способность видеть и использовать новые или необычные деловые возможности, идеи, творческий подход к выполняемой деятельности, нетрадиционные подходы к решению проблем);

4. Работоспособность и трудолюбие (искреннее желание работать, готовность к большому объему работы, усидчивость, желание зарабатывать, отсутствие лени, активность);

5. Рискованность (активная жизненная позиция, предпочтение ситуации «вызова» или умеренного риска; способность оценивать риск, предпринимать действия, чтобы уменьшить риск или контролировать результаты);

6. Ответственность и независимость (исполнительность, пунктуальность, способность принимать на себя всю ответственность к принятию ответственных решений, самостоятельность, опора лишь на свои силы перед лицом препятствий или в случае неудачи);

7. Стрессоустойчивость (способность преодолевать трудности, выдерживать тяжелые эмоциональные нагрузки, способность к саморегуляции, умение держать себя в руках, соблюдать психическую экологичность и т. д.);

8. Уверенность в себе и лидерские качества (адекватная самооценка, вера в свои способности, способность вести за собой людей, умение отстаивать свое мнение, убеждать и отказывать и т. д.);

9. Рефлексивность (самопознание, внимательность, склонность к анализу сложившейся ситуации, ее причин и последствий, собственного поведения и поведения других людей);

10. Культурно-нравственные качества (честность, бесконфликтность, воспитанность, интел-

лигентность, оптимистичность, гибкость, надежность, образованность, толерантность и т. д.);

11. Способность к саморазвитию (обучаемость, стремление к самообразованию, самореализации, повышению квалификации);

12. Нацеленность на конечный результат (стремление к качественному конечному результату, находить пути делать вещи лучше, быстрее, дешевле; стремиться достичь совершенства, улучшить стандарты эффективности) [4].

Как можно заметить, автор одним из первых выделил креативность как важное преимущество и качество конкурентоспособного специалиста.

Креативность — способность к творчеству, созданию непосредственно нового, нестандартному мышлению, генерированию полезных и оригинальных идей [1].

В современном мире большое внимание к развитию креативности у молодых специалистов уделяют современные руководители и работодатели. Они требуют от своих коллег и подчиненных творческого подхода, находчивости, разносторонности, оригинального новаторства, иными словами — креативности. Следовательно, это очень важная составляющая конкурентоспособного специалиста.

Сложная настоящая жизнь постоянно требует от человека не решения тривиальных, шаблонных задач, простых алгоритмических действий, а гибких, нестандартных подходов к анализу стремительно меняющейся действительности, то есть обладания креативностью. Следовательно, особенно острым становится вопрос, связанный с подготовкой кадров, которые способны находить пути выхода из кризисных ситуаций, обладать сформированными и развитыми творческими характеристиками личности, владеют методами и средствами активизации творческого мышления.

Действительно, сейчас современная жизнь диктует человеку особые условия: необходимо быть уверенным в себе, активным, целеустремленным, иметь нестандартный подход к делу. Именно поэтому в системе образования должно уделяться больше внимания развитию творческих способностей и креативности.

К сожалению, многие учебные заведения не уделяют достаточного внимания формированию умения правильно «подать себя», проявить свои таланты, способности и навыки на рынке труда. Поэтому необходимо заниматься этим в процессе обучения студентов, это действительно важно и нужно в настоящее время. Ведь способность мыслить творчески делает молодого человека более раскрепощенным, стойким к стрессовым ситуациям, помогает справиться со многими проблемами, способствует личностному росту и раскрытию талантов [2].

Развитие креативности является сугубо индивидуальным для каждого студента. Считается, что задатки креативности присущи каждому человеку, но влияние среды, в которой он находится, учится, воспитывается, наличие множества запретов, социальные шаблоны могут вызывать блокирование творческих способностей. Соответственно, необходимо раскрывать и развивать творческие способности, освобождать человека от психологических комплексов. Развивать творческое мышление означает формирование и совершенствование мыслительных операций: анализа, синтеза, сравнения и обобщения, классификации, планирования. Большое значение имеет умение абстрагироваться от того, что уже известно и прежде имело положительный результат [7].

Для студентов наибольшую актуальность приобретает развитие таких качеств, как гибкость и быстрота, наличие которых позволяет студентам легче осваивать дисциплины, а также является необходимой составляющей их будущей профессиональной деятельности. Решение творческих задач дает возможность вырабатывать у студентов такие качества, как компетентность, эмпатию, умение устанавливать контакты и без потерь разрешать возможные конфликтные ситуации в профессиональной деятельности, умение быстро реагировать на изменяющиеся условия и находить адекватные пути выхода из тех или иных профессиональных или жизненных ситуаций [5].

Развитие креативности у студентов действительно благотворно влияет на их творчество и становление личности будущего профессионала. Как правило, креативные студенты активны, стремятся участвовать в различных мероприятиях, принимают участие в семинарах, социально-ориентированных проектах и форумах, стараются получить разнообразные знания, умения и навыки, отдавая себе отчет в том, что в будущем это составит их конкурентное преимущество.

В современном обществе в различных отраслях профессиональной деятельности креативность выступает как один из ведущих факторов успешности человека. В перечнях требований к кандидатам на самые разные должности нередко встречаются креативность и творческое мышление. Креативность становится тем качеством, который обеспечивает возможность

адаптироваться личности к быстро меняющимся условиям жизни и является залогом успеха человека в профессиональной деятельности. Креативность выступает важным фактором развития личности, определяющим ее готовность изменяться и отказываться от стереотипов.

Таким образом, креативность является одной из важных характеристик самоактуализции личности и действительно значима для молодого специалиста, так как ему необходимо отвечать актуальным и потенциальным запросам современного рынка труда. В связи с этим от учебных заведений и учреждений дополнительного образования в настоящее время требуется создание новых механизмов, обеспечивающих качество образовательных услуг с позиции требований профессиональной деятельности; обеспечение подготовки конкурентоспособного специалиста, владеющего комплексом компетенций, которые отвечают требованиям современного рынка труда. В связи с этим исследование конкурентоспособности как свойства личности, динамики его развития в процессе профессионального становления приобретает особую значимость.

Для обеспечения конкурентоспособности молодых специалистов данному вопросу необходимо уделить особое внимание при их подготовке к будущей профессиональной деятельности. Творческая личность становится востребованной обществом на всех ступенях ее развития. Будущий специалист должен овладеть знаниями и навыками решения творческих задач, у которых нет готовой постановки, неизвестен способ решения, нет образцов для решения аналогичных задач и результат решения может иметь несколько вариантов. Креативность в современном обществе становится все более востребованным качеством на рынке труда.

Нами было проведено исследование, посвященное психодиагностике креативных способностей человека. Для своего исследования мы выбрали методику Элиса Пола Торренса. Тест позволяет не только оценить уровни развития вербального, образного и звукового творческого мышления, но и получить представление о качественном своеобразии этих отдельных структур креативности у разных людей. Тест состоит из двух частей: вербальной (7 субтестов) и фигурной батареи (3 субтеста).

Для нашего исследования мы выбрали второй субтест фигурной батареи тестов креативного мышления Э. П. Торренса под названием «Незавершенные фигуры». Все десять фигур различаются между собой, но навязывают определенные устойчивые образы. Ответы на задания даются в виде рисунков и подписей к ним.

Оценивание шло по нескольким критериям:

«Беглость» — характеризует творческую продуктивность человека.

«Оригинальность» — самый значимый показатель креативности. Степень оригинальности свидетельствует о самобытности, уникальности, специфичности творческого мышления тестируемого.

«Абстрактность названия» — выражает способность выделять главное, способность понимать суть проблемы, что связано с мыслительными процессами синтеза и обобщения.

«Сопротивление замыканию» — отображает «способность длительное время оставаться открытым новизне и разнообразию идей, достаточно долго откладывать принятие окончательного решения для того, чтобы совершить мыслительный скачок и создать оригинальную идею».

«Разработанность» — отражает способность детально разрабатывать придуманные идеи [6].

Исследование проводилось с группой студентов (50 человек в возраст от 18 до 21 года) факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета. По результатам исследования низкий показатель имеют 35 % испытуемых, средний (в норме) — 40 %, высокий — 25 % испытуемых.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что достаточный процент испытуемых имеет неудовлетворительный показатель, т. е. слабо развитый уровень креативности и креативного мышления.

Современное общество заинтересовано в создании условий для развития творческого потенциала каждого учащегося. Путь к этому — повышение уровня образования, разработка и внедрение в учебный процесс новых методов развития креативности, отношение к индивидуальности каждого молодого человека как к ценности. Уже сегодня в учебной и других видах деятельности используются активные методы обучения, ролевые и деловые игры, тренинги развития креативности.

Развитие креативности будущих специалистов является фактором повышения их конкурентоспособности на рынке труда. Анализ литературных источников показал, что креативный специалист обладает важнейшими для успешного осуществления профессиональной деятельности личностными качествами: адекватной самооценкой; уверенностью в себе; гибкостью и беглостью мышления; развитым воображением;

умением пойти на риск; способностью продуктивно и быстро применять приобретенные знания, умения и навыки; выдавать множество разнообразных оригинальных уместных идей; отклоняться от традиционных схем; критично оценивать свою деятельность. Мы считаем, что развитие креативности — это важная задача любого образовательного учреждения.

1. *Богоявленская Д. Б.* Проблемы диагностики креативности // Журн. практического психолога. 2007. № 33. С. 133—148.
2. *Грицай Е. Ю.* Образование и креативный потенциал // Школа здоровья. 2007. № 4. С. 49—53.
3. *Катане И.* Новое видение конкурентоспособности личности в педагогике // Материалы Четвертой Балтийской конф. по гуманной педагогике «Этот путь идем вместе с Любовью» (Латвия, Смилтене, 2010). Смилтене, 2010.
4. *Котикова Д. С.* Конкурентные преимущества молодого специалиста на современном рынке труда // Психологическая наука и практика: проблемы и перспективы. Н. Новгород : ННГАСУ, 2010. С. 166—171.
5. *Кохановская Д. Р.* Развитие креативности студентов университета при изучении дисциплины «Информационные технологии» // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2013. № 2, ч. 2, февраль. С. 140—146.
6. *Щебланова Е. И.* Теория и тесты творческого мышления Е. П. Торренса // Психологическая диагностика. 2004. № 11. С. 3—20.
7. *Яремчук Н.* Педагогическое творчество как составляющая профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы // Вестн. Львовского ун-та. Сер. Педагогика. Львов, 2009. Вып. 25 (Ч. 1). С. 242—249.

З. В. Машарский

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИГАДНОЙ РАБОТЫ КАБИННОГО ЭКИПАЖА ВОЗДУШНОГО СУДНА

От качества работы кабинного экипажа зависит безопасность полетов и безопасность пассажиров. Качество взаимодействия, совместимость экипажа, психофизологические особенности являются необходимыми условиями обеспечения высокой эффективности работы кабинного экипажа. Главную роль в формировании благоприятного психологического климата внутри экипажа играет командир воздушного судна.

Ключевые слова: кабинный экипаж, синергизм, совместимость, командир воздушного судна, лидер.

Z. V. Masharskiy

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE TEAM OF AIRCRAFT CABIN CREW

The quality of cabin crew work influences the safety and security of passengers. The quality of crew interaction and compatibility, psycho-physiological features are necessary to ensure high work efficiency of cabin crew. The main role in the formation of a favorable psychological climate inside the crew plays the commander of the aircraft.

Key words: cabin crew, synergy, compatibility, aircraft commander, leader.

При организации воздушных перевозок вопросы бригадной работы становятся все более и более важными. Знания о работе в составах бригад накапливались в течение десятилетий, что привело к значительному прогрессу в понимании бригадной работы. В настоящее время больше стало известно о совместимости характеров членов бригады, руководстве бригадой, взаимоотношениях между членами бригады, принятии решений на уровне бригады, компетентности членов бригады и бригадной работе в целом. В целях повышения уровня безопасности полетов и авиационной безопасности летному и кабинному экипажам необходимо общаться, сотрудничать и работать единой бригадой. В этом заключается роль оптимизации работы экипажа в кабине.

Индивидуальные, бригадные, целевые и рабочие характеристики соответствующим образом влияют на процесс выполнения бригадной работы, который, в свою очередь, влияет на качество работы бригады. От работы бригады требуется более чем просто работа одного человека; даже квалифицированный кабинный экипаж может работать неудовлетворительно в составе бригады. Когда члены экипажа хорошо работают вместе, то подразумевается, что они дополняют действия друг друга. При этом качество работы совместно работающих людей в составе бригады выше качества проделанной работы каждого отдельного человека. Хорошая работа в команде основана на концепции «синергизма» («synergy» — технический термин из мира медицины, который означает «работа вместе»). «Синергизм» — это концепция взаимодействия, когда объединенные усилия группы людей превышают сумму индивидуальных усилий. Коллективная работа может считаться успешной, если результат коллективной деятельности лучше, чем сумма результатов деятельности отдельных членов экипажа, — это и есть процесс под названием «синергизм».

Синергизм возникает в результате взаимодействия членов экипажа, каждый из которых уполномочен и поощряется к эффективному участию в решении общих задач. Маловероятно, что удастся достичь взаимодействия, если все члены экипажа не вполне понимают свои роли в группе и как эти роли могут меняться в зависимости от обстоятельств, в которых выполняются действия и принимаются решения [1].

Соответственно, хорошее взаимодействие в группе, высокая степень осознания ситуации и точное понимание процесса принятия решения всеми членами экипажа — необходимые усло-

вия достижения синергизма и эффективной работы всей команды.

Условиями для «синергизма» являются:

1. Общая (совместная) цель;
2. Чёткая экипажная структура;
3. Чёткое распределение задач;
4. Дух команды;
5. Хорошее руководство.

Структура организации работы кабинного экипажа при наличии четко определенных ролей и обязанностей каждого члена экипажа должна привести к более высокому уровню взаимодействия. На борту воздушного судна командир корабля является командиром экипажа. Старший бортпроводник кабинного экипажа сообщает командиру корабля о возникновении любой проблемы эксплуатационного или коммерческого характера. Командир корабля информирует старшего бортпроводника об оперативных и технических проблемах, а тот, в свою очередь, сообщает об этом остальным членам кабинного экипажа.

Для организации взаимодействия между членами кабинного экипажа необходимо соблюдать следующие условия:

— распределение задач (т. е. кто и за что отвечает): старший член экипажа распределяет обязанности и роли членов кабинного экипажа согласно «Технологии работы бортпроводников», где говорится о том, что должен делать каждый член кабинного экипажа, в какое время кто и за что конкретно отвечает;

— распределение власти и передача функций руководства, поскольку в каждой бригаде должен быть руководитель;

— отношения должны быть дружественными и профессиональными.

В последнее время повышенное внимание привлекают аспекты определения качества работы бригады. К критическим аспектам бригадной работы относятся: оценка процесса работы бригады (отношения и координация), результаты ее работы и компетенции каждого отдельного члена экипажа или бригады в целом. К инструментам, которые можно использовать для оценки качества работы бригады с точки зрения выполнения процесса, относятся:

— анализ критических инцидентов;

— оценка квалификации;

— анализ взаимоотношений.

Характеристики бригадной работы, как, например, сплоченность коллектива и компетентность членов бригады, также влияют на ее качество. На сплоченность коллектива оказывают влияние такие факторы, как приверженность делу и стандарты бригады для достижения приемлемого качества работы. Сплоченность в большей степени влияет на работу бригады в реальных условиях, а желание выполнить задачи оказывается наиболее важным компонентом сплоченности коллектива [2].

Следует отметить, что большую роль на качество и эффективность бригадной работы влияет совместимость членов кабинного экипажа.

Критерии оценки совместимости экипажа:

— результат деятельности;

— интеллектуально-энергетические затраты ее участников;

— удовлетворенность членов экипажа этой деятельностью.

Совместимость надо рассматривать как трехуровневое понятие.

В основе лежит первый уровень — психофизиологический. Члены экипажа имеют различные психофизиологические особенности, которые включают индивидуальный темп работы, зависящий от особенности темперамента; степень физического развития и выносливости; устойчивость качества деятельности в напряженной обстановке; уровень профессиональных способностей и подготовленности; натренированность двигательных навыков и умений.

Второй уровень — личностный, включает общность интересов, потребностей, мотивации поступков, отношения к деятельности, коллегам и жизни; сходство моральных и деловых качеств, определенных особенностей характера (честолюбия, стремления к истине и др.), общекультурного и интеллектуального развития.

Третий уровень — коммуникативный (социальный), различия в особенностях общения.

В зависимости от совпадения трех данных факторов мы можем говорить об устойчивости коллектива к деструктивным воздействиям, воздействиям стрессогенных факторов.

Далеко не каждый вид совместной деятельности требует психофизиологической совместимости ее членов. Где деятельность более индивидуальна, там достаточно только социального (коммуникативного). Требования к деятельности в летном экипаже требует совмещения всех трех уровней.

Можно выделить следующие типы поведения людей при совместной работе:

— люди, которые могут решать задачу, лишь подчиняя себе других членов группы;

— индивидуалисты, пытающиеся решить задачу в одиночку;

— приспосабливающиеся к группе, легко подчиняющиеся;

— коллективисты, которые стараются решить задачу совместными усилиями, не только принимают предложения других членов экипажа, но и сами выступают с инициативой.

Помимо всего прочего, для эффективности и действенности работы бригады кабинного экипажа требуется руководитель.

Роль руководителя состоит из следующих компонентов:

— четкое заявление об ожидаемых результатах;

— координация и контроль;

— расчет объема работы и времени ее выполнения;

— предотвращение и разрешение конфликтов;

— умение слушать и выполнять предложения членов бригады;

— четкое обеспечение и сохранение стандартов безопасности и обслуживания;

— принятие решений.

Хороший лидер также:

— создаёт атмосферу, которая способствует взаимодействию членов команды;

— выслушивает результат и предложения членов команды;

— мотивирует команду путём признания заслуг и способностью хвалить, когда необходимо;

— берёт инициативу и помогает членам команды закончить задание в случае сложной ситуации;

— остаётся спокойным в конфликтной ситуации, способен быть объективным и предлагать решения конфликта;

— имеет способность различать «что верно, а не кто прав»;

— умеет решать проблемы путём сбора информации, определения проблемы, поиска решения;

— информирует членов команды в случае изменения плана;

— обладает чувством юмора.

Иногда руководство соотносится с признанной должностью на служебной лестнице в организации, обеспечивающей полномочия руководителя. Статус командира корабля и старшего члена кабинного экипажа определяется авиакомпанией. Руководитель также определяется характеристиками личных качеств, отношением к работе и пониманием им различных ценностей. Руководство иногда осуществляется человеком, который не занимает должность руководителя, но делает это ввиду особой компетенции, требующейся в данной ситуации (т. е. осуществляется ситуационное руководство).

Хороший руководитель имеет соответствующие технические знания, обладает способностями к эффективному общению с различной аудиторией в разнообразных обстоятельствах, координирует работу и управляет действиями бригады, успешно разрешает конфликты, умеет слушать своих подчиненных. Руководитель также оказывает помощь членам бригады, координируя их работу и передавая им соответствующие их уровню полномочия по решению проблем с целью предоставить свободу при выполнении работы. Очень важно, чтобы в рамках организационной политики оговаривалась компетенция таких руководителей, имелись инструменты для их эффективного отбора и программы обучения, помогающие им постоянно совершенствоваться [3].

Подводя итог, можно сказать, что главная цель бригадной работы — высокое качество принимаемых решений в течение всего полета. В этом контексте тщательное предполетное планирование не только устанавливает надежные критерии для принятия решений в полете, но и помогает членам экипажа эффективно выполнять свои конкретные обязанности. Понимание плана позволяет членам экипажа принимать участие в принятии решений в полете. В дальнейшем важно, чтобы командир воздушного судна регулярно корректировал понимание плана членами экипажа, сообщая о любых его изменениях по ходу выполнения полета. Это особенно важно в нештатных и аварийных ситуациях, когда условия, влияющие на безопасность полета, меняются очень быстро. В этих условиях регулярное обновление представлений о состоянии полета позволяет каждому члену экипажа сохранять достаточное понимание ситуации и быть в курсе текущих задач, чтобы эффективно участвовать в процессе принятия решений. Участие всех членов экипажа в процессе принятия решений не означает, что все решения должны приниматься методом голосования. Степень участия подчиненных членов экипажа в известной мере зависит от контекста (условий) и типа деятельности (поведения), лежащей в основе механизма принятия решения.

1. *Козлов В. В.* Человеческий фактор: история, теория и практика в авиации. М., 2002. С. 112—125.

2. *Козлов В. В.* Человеческий фактор в условиях перехода к управлению безопасностью полетов. М., 2007. С. 74—83.

3. *Овчаров В. Е.* Человеческий фактор в авиационных происшествиях (методические материалы). М., 2005.

И. А. Михайлина, Э. Р. Мухамметжанов, Р. Р. Мухамметжанов

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ДЕТЯМ-СИРОТАМ И ДЕТЯМ, ОСТАВШИМСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается такое явление, как социальное сиротство. Перечисляется законодательно установленная помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в Российской Федерации и Ульяновской области. Раскрывается роль волонтерской деятельности в психологическом развитии детей, проживающих в учреждениях интернатного типа, описывается волонтерская деятельность студентов Ульяновского государственного университета.

Ключевые слова: социальное сиротство, дети-сироты, волонтерская деятельность.

I. A. Mikhailina, E. R. Mukhammetzhanov, R. R. Mukhammetzhanov

ORGANISATION OF ASSISTANCE TO CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE IN ULYANOVSK REGION: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS AND PROSPECTS

The article dicusses the phenomenon of social orphanhood. It mentions the statutory assistance to children-orphans and children without parental care in the Russian Federation and Ulyanovsk region. It also reveals the role of volunteerism in the psychological development of children living in residential care and volunteer activity of UlSU students.

Key words: social orphanhood, children-orphans, volunteerism.

Сиротство — это социальное явление, характеризующее образ жизни детей, оставшихся без попечения родителей. Длительное время к сиротам относились дети, потерявшие родителей вследствие их смерти. Однако в XX веке во многих странах мира социально-экономические и нравственные процессы в обществе обусловили появление социального сиротства, выражающегося в устранении родителей от обязанностей по отношению к своим детям. Социальные сироты — это дети, имеющие родителей, которые лишены родительских прав, страдают тяжёлыми хроническими заболеваниями, в том числе психическими, алкоголизмом, наркоманией и др. Выделяется большая группа детей-сирот, от которых по различным причинам отказались родители (наиболее часто отказываются одинокие матери, родившие детей вне брака, а также родители, у которых дети родились с нарушениями в психофизическом развитии). Некоторые дети сами покидают свои неблагополучные семьи по причине плохого и даже жестокого обращения с ними [1].

Оказание помощи детям, по разным причинам оставшимся без попечения родителей («физическим» сиротам и социальным сиротам), — важнейшее направление социальной политики государства. По данным Министерства образования и науки России, сиротство остаётся актуальной проблемой современности [5].

Таблица 1

Темп роста (снижения) численности детей, оставшихся без попечения родителей (на конец отчётного года, в % к предыдущему году) [1]

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	104,5	95,5	98,2	98,4	78,7	97,2
Ульяновская область	126,1	91,4	100,2	97,1	78,1	97,0

В соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1996 года № 159-з «О дополнитель-

ных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» органы опеки и попечительства РФ берут на себя обязательства по социальной защите таких детей. Большинство сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, передаются в учреждения интернатного типа: дома ребенка, детские дома, детские дома-школы, школы-интернаты для детей-сирот, школы-интернаты общего типа, школы-интернаты для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Совершенствование российского законодательства оказало положительное влияние на сокращение числа детей-сирот. За последние 3 года общая численность детей-сирот снизилась на 3,5 %. Так, в 2014 году их число сократилось на 9 тысяч, составив 621 тысячу 774 человека [5].

Таблица 2

Темп роста (снижения) численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в образовательных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, % [5]

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	94,0	97,2	94,1	86,4	74,5
Ульяновская область	95,3	92,4	89,4	90,9	83,0

С целью сокращения численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Ульяновской области проводится большая работа по профилактике сиротства и актуализации семейных ценностей. На основании законов Ульяновской области, в том числе закона «О мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Ульяновской области» (с изменениями на 3 июня 2015 г.), организована работа по социальной защите и созданию комфортных условий для жизни такой категории детей. В целях создания благоприятных условий для воспитания и социальной адаптации детей реализуется система сопровождения приёмных родителей и детей, включающая подготовку кандидатов путём обучения в школе замещающих родителей. Кроме того, действует комплекс мер социальной поддержки усыновителей, приёмных родителей, опекунов, принявших на воспитание в семью сирот. В соответствии с законами Ульяновской области «О ежемесячной выплате на содержание ребенка в семье опекуна (попечителя) и приемной семье в Ульяновской области», «О размере вознаграждения, причитающегося приемному родителю, и льготах, предоставляемых приемной семье, в Ульяновской области» усыновителям полается единовременная выплата в размере 100 тысяч рублей за каждого ребёнка, вознаграждение приёмным родителям с учётом различных надбавок в размере 7,8 тысячи рублей на каждого ребёнка, ежемесячное пособие на содержание ребёнка в опекунских или приемных семьях в размере 6,8 тысячи рублей и оказываются другие меры поддержки.

Но наряду с экономическими проблемами детей-сирот существует проблема формирования коммуникативных и других социально значимых качеств у детей-сирот в детских учреждениях, к которой должно быть привлечено внимание всей общественности. И именно волонтёрская деятельность способствует оказанию помощи в социальной адаптации таких детей.

В рамках общественно полезной деятельности авторами данной статьи разработан инновационный долгосрочный благотворительный проект «Мир миру детства». В ходе его реализации группа студентов специальности «Социальная работа» под руководством кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности Ульяновского государственного университета сотрудничают со следующими областными социально-реабилитационными учреждениями: ОГКУ СРЦН для несовершеннолетних «Алые паруса», СРЦН для несовершеннолетних «Причал надежды», ОГКУСО СРЦН для детей-сирот «Открытый дом», ОГКОУ СКДД «Дом детства» и ОГКОУ детский дом «Соловьиная роща».

Педагогические коллективы данных учреждений приложили немало усилий для решения задач по успешной адаптации воспитанников к новым условиям проживания — в социально-реабилитационных центрах и детских домах, работают над созданием благоприятного для детей психологического климата. Несмотря на это, исследователи и психологи давно констатируют, что дети-сироты «являются жертвами длительного пребывания на полном государственном обеспечении в искусственно благополучных условиях интернатов. Своеобразная закрытость их социального пространства, ограниченность социальных контактов и зауженная сфера реализации усвоенных социальных норм и обретения опыта, формирование единственной социально-ролевой позиции — позиции сироты — дают знать о себе долгие годы» [4].

Организуя работу в областных детских социальных учреждениях, участники проекта ис-

ходили из того, что один из самых важных критериев эмоционального благополучия детей в стенах детского дома — знание эффективных способов общения с детьми; применяя их, общение с детьми надо строить не по типу «воздействие», а по типу «взаимодействие». Наблюдения показали, что социальные сироты в основном замкнуты, конфликтны, имеют низкую самооценку, для них характерно нарушение доверия к окружающим людям. Дети-сироты, как правило, не имеют навыков конструктивного взаимодействия, поэтому эмоциональный фон общения не вполне благоприятный для развития в коллективе. Воспитанникам детских домов и реабилитационных центров для полноценного развития не хватает родительского тепла, дружеского общения со старшими братьями и сестрами, позитивного участия в их жизни бабушек и дедушек. Из этого следует, что для организации волонтерского выезда в детский дом необходимы не только время и средства, но и знания, навыки общения с такими детьми, нужен достаточный опыт организации мероприятий различного характера в детских коллективах, необходимо объединение умений и навыков добровольцев различного возраста: силы и энергии молодого поколения, жизненного опыта и заботливого отношения старшего поколения. Разновозрастное волонтёрское движение может способствовать решению социально значимой проблемы формирования необходимых коммуникативных и других социальных навыков у детей, созданию благоприятного эмоционального фона для их развития. В отличие от других волонтёрских инициатив, реализация данного проекта — это не эпизодические выезды в детские социальные учреждения, а система добровольческой помощи, способствующей социальной адаптации и эмоциональному развитию детей, оказавшихся в социальных учреждениях. В этом заключается новизна данного проекта студентов и преподавателей УлГУ.

Образовательными целями долгосрочного благотворительного проекта «Мир миру детства» являются расширение знаний детей о таких понятиях, как дружба, сотрудничество, взаимопомощь; усвоение детьми умений оценивать чувства и поступки сверстников в совместных играх и занятиях, формирование умения мотивировать, объяснять свои суждения, развитие речи детей. Цели проекта — это развитие социальных эмоций: сочувствия, сопереживания, доброжелательных отношений, способности понимать эмоциональное состояние другого человека и адекватно выражать свои чувства; развитие мыслительной активности, воображения и творческих способностей. Воспитательными целями проекта являются воспитание культуры общения, дружеских взаимоотношений, желания поддерживать других в повседневной жизни и сотрудничать в ходе различной деятельности.

Задачи, формы и сроки реализации проекта:

1) реализация модуля «Подари детям радость» (интерактивные театрализованные культурно-развлекательные и игровые мероприятия) — 2014—2015 гг.;

2) реализация модуля «Учимся дружить и сотрудничать» (социально-адаптивный тренинг) — 2015—2016 гг.;

3) реализация модуля «Творим, выдумываем, пробуем» (мастер-классы по различным направлениям творческой, спортивно-оздоровительной, игровой деятельности: изготовление поделок из разных материалов, вышивание, фокусы, моделирование одежды для кукол и самих детей, шахматы, техническое конструирование, ремонт и т. д. — по интересам детей) — 2016—2017 гг.

Наблюдение в ходе реализации первого модуля проекта позволяет сделать вывод, что интерактивные театрализованные культурно-развлекательные и игровые мероприятия помогают детям почувствовать себя успешными в творческой игре, проявить себя в новом качестве, получить новый опыт общения. Вводная и промежуточная социометрия, проведенные в ходе реализации второго модуля показали, что реализация программы тренинга снижает уровень возникновения таких негативных явлений, как конфликтность, агрессивность, в основе которых лежит лишение семьи, потеря ощущения самоценности, отсутствие или потеря жизненных перспектив.

В ходе реализации благотворительного проекта «Мир миру детства» участникам проекта удалось доставить детям-сиротам радость общения со взрослыми, которые в некоторых ситуациях стали олицетворением «хороших» членов их семей — родственников, старших братьев и сестёр, бабушек и дедушек. Дети ждут приезда волонтёров, хотят участвовать в интересных интерактивных мероприятиях. Руководство учреждений со всей серьёзностью относится к сотрудничеству с кафедрой педагогики профессионального образования и социальной деятельности Ульяновского государственного университета, что является залогом успеха общего дела. В перспективе участники проекта планируют организовать областную школу волонтёров «Мир миру детства».

Анализ документов и статистических данных, знакомство с деятельностью коллективов областных детских социальных учреждений, опыт реализации благотворительного проекта «Мир миру детства» позволяют сделать вывод о том, что изучение данного вопроса представляется весьма актуальным. Несмотря на то, что в Ульяновской области достаточно хорошо развита социальная помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, существует необходимость проблему компенсации семейного воспитания решать активнее и эффективнее, используя общественные ресурсы и потенциал. Детские социальные учреждения по договору о сотрудничестве должны быть открытыми для разновозрастных волонтёрских отрядов, которые реализуют программы, способствующие созданию благоприятных условий, приближенных к семейному воспитанию.

1. *Бим-Бад Б. М.* Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 259.
2. Закон Российской Федерации от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».
3. Закон Ульяновской области «О мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Ульяновской области» (с изм. на 3 июня 2015 г.).
4. *Новикова Г. А.* Проблемы социального сиротства. Пермь, 1995. С. 16—22.
5. Официальная статистика // Население. Семья, материнство и детство. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru.
6. Промежуточные результаты экспертно-аналитического мероприятия «Анализ исполнения поручений Президента Российской Федерации и реализации законодательства Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». URL: audit.gov.ru.

А. А. Ощепков, В. Б. Салахова

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ МОЛОДЕЖИ, СКЛОННОЙ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ[1]

В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования жизненных ситуаций молодежи, склонной к девиантному поведению, с целью проверки гипотезы о наличии особенностей у личности, склонной к девиантному поведению, связанных с ситуациями, через которые проходит ее жизненный путь. В рамках выполнения поставленных перед исследованием задач было проведено сравнение типов и видов жизненных ситуаций, а также среднего времени ретроспекции и антиципации у не склонной и склонной к девиантному поведению молодежи. Результаты сравнительного анализа различных выборок молодежи приводятся в выводах, среди которых наиболее значимым представляется меньшее время антиципации событий у молодежи, склонной к девиантному поведению, объясняемое менее ясной жизненной перспективой и, как следствие, меньшим уровнем осмысленности собственной жизнедеятельности.

Ключевые слова: девиантное поведение, молодежь, жизненные ситуации, психологическая автобиография, диспозиции личности.

A. A. Oshchepkov, V. B. Salakhova

FEATURES OF LIFE SITUATIONS OF YOUTH PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR

The article consideres the results of empirical research of life situations of youth prone to deviant behavior. This is neseccary to check the hypothesis about the existence of features interrelations connected to life situations, through which life path of youth go. In the framework of executing study tasks set it was undertaken a comparison of types and kinds of life situations and also time of retrospection and anticipation of youths prone and non-prone to deviant behavior. The results of comparative analysis of different samples of youths are given in the conclusion, among which the most significant is about fewer time of anticipation of youths prone to deviant behavior which is explained as a fewer level of life activity meaningfulness.

Key words: deviant behavior, youth, life situations, psychological autobiography, personal dispositions.

Постановка проблемы

Современное общество ставит множество проблем социального и психологического плана, одной из наиболее острых среди которых является проявление девиантного поведения в различных формах. Поэтому изучение феномена девиантного поведения настоятельно требует внимания ученых к проявлениям его во всевозможных формах и на различных этапах развития человека, однако особенно важно его изучение в период формирования, а именно в молодом возрасте. При этом необходимо и теоретическое осмысление феномена девиантного поведения, и эмпирическая проверка особенностей его проявления в различных условиях. В теоретическом аспекте в настоящее время невозможно понять поведение вне рассмотрения взаимосвязи личностных и ситуационных факторов, поскольку между человеком и условиями его жизни существует неразрывная связь.

Традиция изучения психики человека во взаимосвязи личностных и ситуационных факторов была заложена, несомненно, К. Левиным в его теории поля [5] и развита многими видными учеными. Существует два основных подхода к пониманию ситуации: 1) понимание ситуации как внешних условий протекания жизнедеятельности на ее определенном этапе [6]; 2) понимание ситуации как системы субъективных и объективных элементов, объединяющихся в жизнедеятельности [12]. Проблема соотношения личностных и ситуационных переменных в настоящее время решается обращением к категории поведения, которое является функцией

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Исследование особенностей и динамики показателей ценностно-смысловой сферы осужденных, получающих высшее профессиональное образование», проект № 15-36-01329/15.

взаимодействия личности и ситуации. Личностные особенности могут быть представлены как условные возможности, реализующиеся в актах поведения в конкретной ситуации [2].

В современных научных исследованиях изучение ситуативного фактора в основном связано с решением проблемы совладания с трудными жизненными ситуациями. Проблеме формирования зависимого поведения в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями посвящена работа И. В. Романовой [10]. Оптимистичность как личностный ресурс совладания с критическими жизненными ситуациями исследуется В. В. Пономаревым [7]. В. А. Кислицына и А. А. Царева разрабатывают проблему формирования готовности студентов к трудным жизненным ситуациям [3]. Разрешению внутриличностного конфликта в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями посвящена работа И. В. Кочкаревой [4]. Однако в данных работах указывается, что для построения целостного представления о совладании с трудными жизненными ситуациями необходимо анализировать разные параметры: особенности и тип ситуации, субъективное восприятие и интерпретацию событий, личностные черты, что наиболее выраженно представлено в работе Е. В. Битюцкой [1]. В этом плане мы снова приходим к необходимости анализировать во взаимодействии ситуационные и личностные факторы, что, по мнению Е. В. Битюцкой, необходимо развивать в рамках комплексного подхода, рассматривающего несколько факторов-детерминант, а одной из наиболее представительных концепций в данном направлении, по мнению В. А. Кислицыной и А. А. Царевой, выступает концепция саморегуляции А. О. Прохорова, определяющего саморегуляцию как процесс управления человеком собственными психологическими и физиологическими состояниями для достижения равновесия между организмом и средой [9]. Однако, по нашему мнению, позиция А. О. Прохорова акцентирована в большей степени на психические состояния, что, несомненно, является оригинальным научным подходом к рассматриваемой проблеме. Отметим, что разработка проблемы взаимодействия личностных и ситуационных факторов также обогатилась бы через акцентирование поведенческого аспекта, а именно проявление различных форм поведения во взаимосвязи с личностными и ситуационными детерминантами.

Поэтому рассмотрение проявления поведения во взаимосвязи личностных и ситуационных факторов возможно в рамках диспозиционной концепции регуляции социального поведения В. А. Ядова [13]. В рамках данной концепции поведение представлено различными уровнями, регулируемыми системой диспозиций, формируемых в ситуациях различных уровней сложности. В этом плане различные формы поведения выражаются благодаря особенностям системы диспозиций, которые вырабатываются в различных ситуациях социального взаимодействия с социальным окружением [8]. Нами была предложена гипотеза, согласно которой личность, склонная к девиантному поведению, обладает определенными особенностями, связанными с жизненными ситуациями, через которые проходит жизненный путь такого человека.

С учетом вышесказанного перед исследованием были поставлены следующие задачи:

1. Провести эмпирическое исследование типов и видов жизненных ситуаций у молодежи, склонной к девиантному поведению.

2. Проанализировать особенности ситуаций у молодежи, склонной к девиантному поведению.

3. Разработать выводы, позволяющие проинтерпретировать выявляемые особенности жизненных ситуаций у молодежи, склонной к девиантному поведению.

Методики, выборка

Эмпирическая часть исследования была выполнена на базе Димитровградского инженерно-технологического института — филиала Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт» (г. Димитровград Ульяновской области). В качестве респондентов выступали студенты 3—4 курсов, 19—22 лет, всего 98 человек. Для диагностики внутренней картины жизненного пути была использована Методика «Психологическая автобиография» Л. Ф. Бурлачука и Е. Ю. Коржовой [2], которая позволяет исследовать радостные и грустные события, происходившие в жизни испытуемого, оказавшие критическое влияние на его жизненный путь, а также будущие события, антиципация которых также оказывает значительное влияние на жизнь человека. Кроме того, была использована Шкала склонности к нарушению общепринятых норм и правил Методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор — А. Н. Орел), являющейся стандартизированным тест-опросником, предназначенным для измерения склонности к реализации различных форм девиантного поведения [11]. С целью удобства изложения материала в дальнейшем будут использоваться следующие аббревиатуры: МНДП — молодежь, не склонная к

девиантному поведению, МСДП — молодежь, склонная к девиантному поведению.

Результаты и их обсуждение

С целью анализа компонентов внутренней картины жизненного пути молодежи, склонной к девиантному поведению, и молодежи, не склонной к девиантному поведению, нами было проведено сравнение среднегрупповых значений типов событий психологической автобиографии с использованием статистического t-критерия Стьюдента. В результате были обнаружены статистически значимые различия значений типов событий, связанных с личностно-психологическими изменениями ($t_{эмп}$ = 2,2390 при $\rho \leq 0,01$) и изменением социальной среды ($t_{эмп}$ = 2,6730 при $\rho \leq 0,01$) (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение среднегрупповых значений типов событий внутренней картины жизненного пути молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению

№ п/п	Типы событий	Среднегрупповые значения		$t_{эмп}$
		МНДП	МСДП	
1.	Биологические	4,2110	3,1510	0,1610
2.	Личностно-психологические	8,2330	14,5520	**2,2390****
3.	Изменения физической среды	4,0120	6,9910	0,9810
4.	Изменения социальной среды	9,1230	4,2250	**2,6730****

** — значимые различия при $\rho \leq 0,01$.

Более высокие показатели внутренней картины жизненного пути, связанные с личностно-психологическими изменениями, свидетельствуют о большем влиянии жизненных ситуаций, связанных с личностным определением у молодежи, склонной к девиантному поведению (определение жизненного пути, выбор свободного времяпрепровождения — досуга). Более низкие показатели внутренней картины жизненного пути, связанные с изменениями социальной среды, у молодежи, склонной к девиантному поведению, свидетельствуют о более слабом восприятии событий, происходящих с ними при взаимодействии с социальной средой, — будь то повышение социального статуса, достижение социального признания и др. Согласно исследованиям, проведенным Е. Ю. Коржовой, более низкие значения по типу событий, связанных с изменениями социальной среды, определяются более высокой степенью социальной дезадаптированности и склонностью к соматическим заболеваниям. Все это говорит в пользу особого восприятия молодежью, склонной к девиантному поведению, своего жизненного пути, которое детерминирует их направленность на отклонения в поведении.

Дальнейший анализ был посвящен сравнению видов событий компонентов внутренней картины жизненного пути молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению, с использованием статистического t-критерия Стьюдента. В результате были обнаружены статистически значимые различия значений видов событий «родительская семья» ($t_{эмп}$ = 3,3120 при $\rho \leq 0,01$), «брак» ($t_{эмп}$ = 2,3190 при $\rho \leq 0,05$), «Я» ($t_{эмп}$ = 3,3540 при $\rho \leq 0,01$), «работа» ($t_{эмп}$ = 2,1470 при $\rho \leq 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение среднегрупповых значений видов событий внутренней картины жизненного пути молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению

№ п/п	Типы событий	Среднегрупповые значения		$t_{эмп}$
		МНДП	МСДП	
1.	Родительская семья	8,53140	5,0120	**3,3120****
2.	Брак	5,5430	1,5770	**2,3190***
3.	Дети	8,1950	6,2560	0,8320
4.	Место жительства	4,1120	2,5520	0,5410
5.	Здоровье	2,5650	0	1,8710
6.	Я	0	3,5870	**3,3540****
7.	Общество	2,1120	0	1,8710
8.	Межличностные отношения	5,0000	5,0000	0
9.	Материальное положение	0	0	0
10.	Учеба, повышение квалификации	8,8330	12,6510	1,8840
11.	Работа	6,9750	2,1140	**2,1470***
12.	Природа	0	1,3330	0,4840

* — значимые различия при $\rho \leq 0,05$;
** — значимые различия при $\rho \leq 0,01$.

Данные различия свидетельствуют о том, что молодежь, склонная к девиантному поведению, имеет менее радостное восприятие событий, связанных с родительской семьей. Основ-

ными формами событий, которые называются молодыми людьми, склонными к девиантному поведению, являются ссоры родителей, уход одного из родителей из семьи, что становится основными причинами деформации нормального развития и переориентации на отклонение от нормативного пути. Неблагополучные взаимоотношения в родительской семье обязательно отражаются и на отношении молодых людей к браку, о чем свидетельствуют более низкие показатели вида событий «брак» у молодежи, склонной к девиантному поведению. Общая девиантная направленность молодежи также сказывается и на менее позитивном отношении к работе. Однако стоит отметить более высокие показатели у молодежи, склонной к девиантному поведению, по виду событий «Я», что скорее всего связано с поиском идентичности и желанием самоутвердиться и объясняет более высокие значения личностно-психологических типов событий.

Далее наш анализ был посвящен сравнению среднегрупповых значений среднего времени ретроспекции, антиципации жизненных событий у молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению, с использованием статистического t-критерия Стьюдента. В результате было обнаружено статистически значимое различие значений среднего времени антиципации ($t_{эмп}$ = 2,6370 при $\rho \leq 0,01$) (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение среднегрупповых значений среднего времени ретроспекции, антиципации жизненных событий молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению

№ п/п	Типы событий	Среднегрупповые значения		$t_{эмп}$
		МНДП	МСДП	
1.	Среднее время ретроспекции, дней	1865	1214	0,9324
2.	Среднее время антиципации, дней	730	430	**1,9626***

* — значимые различия при $\rho \leq 0,05$.

Статистически значимое различие среднего времени антиципации молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению, свидетельствует о том, что степень потенциальности у молодежи, не склонной к девиантному поведению, более высокая. Это означает, что молодые люди, не склонные к девиантному поведению, более значительно ориентированы на перспективу, они строят жизненные планы, будущее для них более ясное. Также это свидетельствует о том, что молодежь, не склонная к девиантному поведению, в большей степени предвидит последствия своего поведения. В свою очередь, данные результаты позволяют характеризовать молодежь, склонную к девиантному поведению, с меньшей ориентацией на перспективу, что также влияет на снижение уровня осмысленности своей жизнедеятельности, выступая существенным фактором ориентации на девиации в поведении.

Выводы

1. Учитывая вышесказанное, можно заключить, что молодые люди, склонные к девиантному поведению, обладают рядом особенных характеристик внутренней картины жизненного пути. Так, у молодежи, склонной к девиантному поведению, развивается социально-психологическая дезадаптация, о чем свидетельствуют более низкие показатели значимости событий, связанных с изменениями социальной среды. Также у молодежи, склонной к девиантному поведению, во внутренней картине жизненных событий отражается менее радостное восприятие родительской семьи, свидетельствующее о развитии в неблагополучной семье. Далее, отношения, складывающиеся в родительской семье, переносятся на восприятие отношений с брачным партнером, что продолжает детерминировать неблагополучные отношения у молодых людей, склонных к девиантному поведению, в их собственных семьях. И в целом сравнительно меньшее значение времени антиципации будущих событий жизни означает то, что молодые люди, склонные к девиантному поведению, не видят ясной жизненной перспективы, не предвидят последствий своей деятельности, что может благоприятствовать их отклонениям в поведении от социальных норм.

2. Выявленные особенности значимости типов и видов жизненных ситуаций подтверждают гипотезу о взаимосвязи личностных и ситуационных факторов во взаимосвязи с направленностью на девиантное поведение. Это дополнительно свидетельствует о важности направленности жизненного пути на формирование личности человека и складывание его дальнейшей судьбы. Важность влияния социального окружения на развитие нормативной личности еще раз подтверждает необходимость развития спланированного превентивного подхода к социализации молодых людей.

1. *Битюцкая Е. В.* Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 100—111.
2. *Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ситуаций. М. : Российское педагогическое агентство, 1998. 263 с.
3. *Кислицына В. А., Царева А. А.* Проблема формирования готовности студентов к трудным жизненным ситауциям // Современные подходы к повышению качества образования : сб. методических ст. Ишим, 2014. С. 55—60.
4. *Кочкарева И. В.* Разрешение внутриличностного конфликта в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями // Омский науч. вестн. Психологические и педагогические науки. 2012. № 4(111). С. 192—194.
5. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб. : Речь, 2000. 368 с.
6. *Магнуссон Д.* Ситуационный анализ: эмпирические исследования соотношений выходов и ситуаций // Психологический журн. 1983. № 2. С. 29—54.
7. *Пономарев В. В.* Оптимистичность как личностный ресурс совладания с критическими жизненными ситуациями // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2009. Сер. 12. Вып. 1, ч. 1. С. 50—54.
8. *Ощепков А. А.* Экспериментальное исследование социально-педагогической коррекции агрессивного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения // Вестн. Димитровградского инженерно-технологич. ин-та. 2014. № 3. С. 132—141.
9. *Прохоров А. О.* Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М. : ПЕРЗ СЭ, 2005. 352 с.
10. *Романова И. В.* Проблема формирования зависимого поведения в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями // Социально-психологическое сопровождение лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию: проблемы и перспективы : сб. материалов науч.-практич. интернет-конф. 2013. С. 64—68.
11. *Шапарь В. Б.* Практическая психология. Психодиагностика групп и коллективов. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. 448 с.
12. *Шибутани Т.* Социальная психология. Ростов н/Д. : Феникс, 1999. 544 с.
13. *Ядов В. А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Т. В. Пфау, Е. Д. Семенова

ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОЕЙ И ЧУЖИМ ЭТНИЧЕСКИМ ГРУППАМ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХАКАССКОЙ, ТУВИНСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ)

В статье изложены результаты исследования этнических установок молодых представителей трех этнических групп, совместно проживающих в Республике Хакасия. Показаны результаты сравнительного анализа этнических стереотипов, особенностей этнической идентичности, степени выраженности этноцентризма, этнической толерантности у представителей тувинской, хакасской и русской этнических групп.

Ключевые слова: молодые представители этнических групп, этнические установки, этническая идентичность, этноцентризм, этническая толерантность.

T. V. Pfau, E. D. Semenova

ETHNIC ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE OF DIFFERENT ETHNIC GROUPS IN RELATION TO THEIR OWN AND OTHERS' ETHNIC GROUPS (ON THE EXAMPLE OF REPRESENTATIVES OF THE KHAKASS, TUVAN AND RUSSIAN NATIONALITIES)

The article presents the results of the study of ethnic units of young representatives of the three ethnic groups living together in the Republic of Khakassia. It also shows the results of the comparative analysis of ethnic stereotypes, especially of ethnic identity, the severity of ethnocentrism, ethnic tolerance among representatives of Tuva, Khakass and Russian ethnic groups.

Key words: young representatives of ethnic groups, ethnic attitudes, ethnic identity, ethnocentrism, ethnic tolerance.

Изучение социальных установок проводилось и проводится в самых разных контекстах, наиболее распространенным из которых является область межэтнических взаимоотношений. Актуальность исследования межэтнических установок обусловлена прежде всего тем фактом, что отслеживание состояния взаимоотношений между различными этнокультурными группами, образующими общество, составляет, наряду с политическими и экономическими аспектами взаимоотношений этих групп, важнейший элемент концепции национальной политики государства. В современной психологической науке накоплен достаточно большой опыт изучения межэтнических установок. Наибольшее количество работ по данной проблематике было выполнено психологами из стран, принимающих большое количество мигрантов, — США и Канады. Геополитические процессы последних десятилетий привели к активизации внимания к этим вопросам со стороны ученых из стран Западной Европы и России [1].

Под социальной установкой в социальной психологии понимается «определенная диспозиция индивида, в соответствии с которой тенденции его мыслей, чувств и возможных действий организованы с учетом социального объекта» [2, с. 138]. Этим понятием определяется один из самых важных психологических механизмов включения индивида в социальную систему, аттитюд функционирует одновременно и как элемент психологической структуры личности, и как элемент социальной структуры. Если процесс социализации объясняет, каким образом личность усваивает социальный опыт и вместе с тем активно воспроизводит его, то формирование социальных установок личности отвечает на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках [2]. Этнические установки — это установки, имеющие место тогда, когда человек, действуя в любой сфере — профессиональной, политической, культурной и др., осознает, оценивает и

поступает как личность, включенная в этническую группу. Межэтнические установки — это установки на взаимодействие (отрицательное или положительное со всеми нюансами) с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде. Этнические и межэтнические установки аккумулируют предшествующий жизненный опыт, причем не только свой, но и окружающих. В процессе межэтнических взаимодействий они выполняют компенсирующую функцию в познавательном процессе, минимизируя риск. Говоря об истоках национального самосознания, необходимо прежде всего иметь в виду, что все нити, идущие вглубь к истокам, органически связаны с этничностью. Рост национального самосознания может идти как по пути роста идентификации членов этнической общности с ней, их сплочения, так и по пути игнорирования интересов других народов и затем выродиться в концепцию национальной исключительности, что недалеко уже до национального эгоизма [3].

Ключевым понятием для понимания того, как и почему формируются негативные межэтнические установки, является этноцентризм. Основы теории этноцентризма были заложены У. Самнером еще в 1906 году. Ученый также выдвинул гипотезу о том, что ингруппа обычно оценивается более позитивно, чем аутгруппа. Данная этноцентричная тенденция к ингрупповому фаворитизму была позднее обнаружена во многих обществах, что привело к утверждению о том, что эта тенденция является характерной универсальной чертой межгруппового взаимодействия. Концепция этноцентризма также достаточно широко используется в качестве синонима общей антипатии к аутгруппам. В таком понимании она очень близка к понятию «толерантность» [1].

Таким образом, при изучении межэтнических отношений особое внимание уделяется изучению личности, включенной в этническую группу, иерархии деятельностей, мотивированных личностными потребностями, социальных установок, ориентаций, этнических стереотипов, национального самосознания, этнических границ, социальной и культурной дистанции, этнического статуса.

Целью исследования было изучение этнических установок представителей разных этнических групп по отношению к своей и чужим этническим группам. Были использованы: Методика исследования этнической идентичности и стереотипов («Приписывание качеств») (Стефаненко Т. Г.), Методика З. В. Сикевич «Этнические установки»; методы математической статистики — статистический пакет SPSS Statistics 10.0: однофакторный дисперсионный анализ.

В исследовании приняли участие молодые представители трех этнических групп (хакасы, тувинцы, русские) в количестве 60 человек. Все испытуемые проживают в г. Абакане. 1 группа: 20 человек — представителей хакасской национальности (девушки — 80 %, парни — 20 %), средний возраст по группе — 22,4 года. 2 группа: 20 человек — представителей тувинской национальности (девушки — 60 %, парни — 40 %), средний возраст по группе — 23,6 года. 3 группа: 20 человек — представителей русской национальности (девушки — 75 %, парни — 25 %), средний возраст по группе — 21,8 года.

Изучение этнических установок представителей разных этнических групп мы начали с изучения особенностей этнической идентичности и этнических стереотипов (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика этнической идентичности и этнических стереотипов в зависимости от этнической группы (средние значения)

Факторы	Показатели среднего значения (показатели выраженности этнической идентичности и этнических стереотипов)			p (уровень значимости различий)		
	Хакасская этническая группа (1)	Тувинская этническая группа (2)	Русская этническая группа (3)	1—2 группы	2—3 группы	1—3 группы
Оценка своей этнической группы	6,5	8,2	7,25	0,001*		
Оценка чужой этнической группы	4	7,6	6,9	0,001*		
Оценка Я-образа	4,05	10	7	0,003*		

Уровень значимости различий: * — $p < 0,001$.

Результаты исследования показали, что представители тувинской национальности в наибольшей степени, по сравнению с молодыми людьми хакасской национальности, склонны к формированию положительных этнических установок и стереотипов по отношению к своему этносу ($p < 0,001$). Согласно исследованию Гудикунста, выраженность социальной идентичности влияет на ожидаемую приемлемость и неприемлемость «чужих» сильнее, чем личностная идентичность. Социальная идентичность основана на разделяемых членами группы представлениях и убеждениях. У. Мак-Гири и его коллеги установили, что этничность (как групповое членство) возникает в сознании индивидов как часть спонтанной самоконцепции в том случае, когда члены этнической группы резко отличаются от социального окружения. Это согласуется с положением М. Бревера, что принадлежность к определенному этносу более важна для групп меньшинств, чем для этнического большинства [5].

Из таблицы 1 мы можем видеть, что «Оценка Я-образа» имеет значительную зависимость от фактора «этническая группа» ($p < 0,003$). Представители тувинской этнической группы оценивают себя выше, чем представители хакасской этнической группы. Это означает, что тувинцы лучше и охотнее соотносят себя с представителями своего этноса. В отличие от них молодые люди хакасской национальности плохо соотносят себя со своим этносом.

В оценке чужой этнической группы представители тувинской национальной группы в большей степени склонны к формированию стереотипов ($p < 0,001$), в отличие от молодых людей хакасской национальности. У тувинцев быстро формируются социальные установки и этнические стереотипы (как положительные, так и отрицательные). И, наоборот, представители хакасской этнической группы не склонны к стереотипизации чужих этнических групп.

Изучение этнических установок представителей разных этнических групп было проведено более углубленно, при этом были рассмотрены такие факторы, как этноцентризм, противоречивое самосознание и этническая толерантность (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика этнических установок молодых представителей хакасской, тувинской и русской национальностей (средние значения)

Факторы	Показатели среднего значения			p (уровень значимости различий)		
	Хакасская этническая группа (1)	Тувинская этническая группа (2)	Русская этническая группа (3)	1—2 группы	2—3 группы	1—3 группы
Этноцентризм	1,75	6,25	9			0,001*
Противоречивое самосознание	5,15	2	4	0,004*		
Этническая толерантность	7	6,15	5			0,002*

Уровень значимости различий: * — $p < 0,001$.

Если этноцентризм[1] — это восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры, то согласно нашему исследованию можно сказать, что именно молодые люди русской национальности склонны использовать стандарты своей группы для оценки молодых людей хакасской национальности, располагая свою группу на вершине иерархии и рассматривая представителей хакасской национальности как нижестоящих. Представители тувинской этнической группы в среднем оцениваются на достаточно высокий уровень этноцентризма, что скорее всего является следствием отчужденности этноса от других. Для них свой этнос является эталонным и более привлекательным, нежели остальные, что мы можем видеть в таблице 2.

По фактору «противоречивое самосознание» имеются значимые различия ($p = 0,004$) между этническими группами хакасов и тувинцев. По данным исследования можно видеть,

[1] Этноцентризм — это такое «видение вещей, при котором своя группа оказывается в центре всего, а все другие соизмеряются с ней или оцениваются со ссылкой на нее» [5].

что представители хакасской национальности имеют высокий уровень противоречивого самосознания. Представители тувинской этнической группы по данному фактору имеют низкий уровень противоречивого самосознания, следовательно, обладают высокой степенью осознания себя как часть своего этноса, высокой степенью этнической идентичности и самосознания.

Из исследования была выявлена зависимость фактора «этническая толерантность» от принадлежности к определенной этнической группе, получены статистически значимые различия между группами хакасов и русских (p = 0,002). Молодые представители хакасской этнической группы по фактору «этническая толерантность» имеют высокую степень этнической толерантности. Это означает, что представители хакасской группы спокойно уживаются с другими народами и предпочитают сотрудничать, нежели соперничать. Хакасская этническая группа склонна проявлять терпимость к представителям других народов, чужой культуре и традициям, а также способна проявлять терпимость к образу жизней представителей других этнических общностей, их поведению, традициям, национальным обычаям. В отличие от них молодым представителям русского этноса трудно проявлять терпимость по отношению к представителям других народов, они испытывают неприятные ощущения в случаях соприкосновения с культурой других народов, что также выражается в высокой степени этноцентризма.

Выводы:

1. Молодые представители тувинской этнической группы оценивают свой этнос выше, чем представители хакасской этнической группы. Это показывает, что у представителей тувинской этнической группы имеется большая предрасположенность к формированию положительных этнических установок по отношению к своему этносу, нежели у молодых представителей хакасской этнической группы.

2. Представители тувинской этнической группы более склонны к формированию этнических стереотипов и этнических установок по отношению к другим этносам, чем представители хакасской этнической группы, у которых эта тенденция занижена. Это означает, что представители хакасской этнической группы менее склонны к формированию социальных установок и этнических стереотипов по отношению к другим народам.

3. «Оценка Я-образа», которая проявляется в соотнесении себя и своей этнической группы (степень принадлежности к своей этнической группе), имеет значительную зависимость от фактора «этническая группа». Из исследования видно, что представители тувинской этнической группы оценивают себя выше, чем представители хакасской этнической группы. Это означает, что представители тувинского этноса охотнее соотносят себя со своей этнической группой и обладают высокой степенью этнической идентичности, чем представители хакасской этнической группы, у которых оценка Я-образа занижена, что подразумевает под собой низкую степень этнической идентичности.

4. Представители русской этнической группы обладают более высокой степенью этноцентризма, в отличие от представителей хакасской этнической группы. Это также указывает на то, что для молодых представителей русского этноса своя группа оказывается в центре всего, а все другие соизмеряются с ней или оцениваются со ссылкой на нее.

5. Для представителей хакасской национальности характерно в наибольшей степени выраженное противоречивое самосознание, что доказывает их низкую степень удовлетворенности своей этнической принадлежностью. В отличие от них, представители тувинской национальности обладают высокой степенью удовлетворенности от своей этнической принадлежности.

6. Представители хакасской этнической группы склонны к проявлению высокой степени этнической толерантности, в отличие от представителей русской этнической группы. В отличие от них, представителям русского этноса трудно проявлять терпимость по отношению к представителям других народов, также они испытывают неприятные ощущения в случаях соприкосновения с культурой других народов. Это можно объяснить тем, что представители русской национальности относятся к представителям доминирующего большинства в Республике Хакасия.

1. http://geolike.ru/page/gl_6473.htm.
2. *Белинская Е. П., Тихомадрицкая О. А.* Социальная психология личности : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 138—139.
3. *Набиуллина А. В.* Основные подходы и методология изучения межэтнических отношений // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 5—1. С. 3—5. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-i-metodologiya-izucheniya-mezhetnicheskih-otnosheniy (дата обращения: 31.03.2016).
4. Gudykunst et al., 1988.

Р. И. Хайрудинова, Э. Р. Агаджанова, М. А. Сербина

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ[1]

Анализируются задачи и возможности дополнительного образования детей в социальной адаптации школьников с ограниченными возможностями здоровья. Показано, что психологическая работа с семьей является значимым фактором развития адаптационных ресурсов детей. Предложено описание системы психологической работы с семьей ребенка, имеющего ограниченные возможности здоровья, в условиях учреждения дополнительного образования. Выделены направления и определено основное содержание диагностической, консультационной, просветительской и коррекционной работы психолога с семьей.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, семья, дети с ограниченными возможностями здоровья, ресурсы адаптации.

R. I. Khairudinova, E. R. Agadzhanova, M. A. Serbina

FAMILY PSYCHOLOGICAL SERVICES IN ESTABLISHMENT OF ADDITIONAL EDUCATION AS A FACTOR OF IMPROVEMENT OF ADAPTIVE RESOURCES OF CHILDREN WITH DISABILITIES

The authors analyze the challenges and opportunities of additional education of children in the social adaptation of students with disabilities. It is shown that psychological work with the family is a significant factor in the development of adaptive resources of children. The authors propose the description of psychological work system with a family of a child with disabilities in conditions of institutions of further education. They alao allocate directions and identify the main content of diagnostic, consultative, educational and correctional work of a psychologist with the family.

Key words: psychological support, family, children with disabilities, resources, adaptation.

В современном российском образовании сегодня остро стоит вопрос о приоритетном значении доступности всех видов образовательных услуг, обучения и воспитания для детей с ограниченными возможностями здоровья, о содействии их социализации и развитии. Об этом свидетельствует законодательное закрепление вопросов, связанных с обеспечением надлежащих условий для обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии в нормативных документах системы образования России.

Закон «Об образовании» утверждает государственные гарантии на получение образования лицам с отклонениями в развитии и гарантирует им воспитание и обучение, социальную адаптацию и интеграцию в общество. **В решении коллегии Министерства образования и науки Российской Федерации** «О повышении роли системы дополнительного образования в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья» говорится, что **основная задача**, стоящая перед государством и обществом в целом в отношении детей данной категории, — **создание надлежащих условий и оказание помощи в их социальной реабилитации и адаптации, в подготовке к полноценной жизни в обществе.**

Коллегия, в частности, решила обратить особое внимание на:

— интеграцию детей с ограниченными возможностями здоровья в среду здоровых сверстников;

— допрофессиональную подготовку детей с ограниченными возможностями здоровья в целях обеспечения их социальной незащищенности;

— систему мер по активизации работы с детьми с ограниченными возможностями здоро-

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-06-00143.

вья в учреждениях дополнительного образования детей;

— усиление взаимодействия образовательных учреждений с семьями детей с ограниченными возможностями здоровья;

— активное вовлечение детей с ограниченными возможностями здоровья в подготовку и проведение массовых мероприятий с учащимися, участие в конкурсах, смотрах, фестивалях, соревнованиях, олимпиадах и других формах дополнительного образования [1].

Таким образом, подчеркивается значимость системы дополнительного образования в социализации и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья, их творческом развитии и включении в жизнь общества.

Дети с ограниченными возможностями здоровья — особая категория детей, требующая к себе повышенного внимания, заботы и понимания. Обучение и воспитания такого ребенка во многом затрудняется по причине того, что с ранних лет он воспринимает окружающий мир в большей степени как агрессивную, враждебную среду, что порождает его стремление «спрятаться», уйти в сторону. Дополнительное образование представляет возможности для организации социально-позитивной деятельности обучающихся, которая ориентирована в первую очередь на создание ситуации успеха для воспитанника.

Одной из острых проблем реализации инклюзии в учреждениях дополнительного образования является вхождение детей с нарушениями в развитии в систему сложившихся в среде отношений, преодоление негативных установок и неоправданных ожиданий у них по отношению к своей деятельности, к позиции взрослых и сверстников, нередко имеющих место при выборе направления дополнительного образования. Успешность социальной интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательную среду учреждения дополнительного образования во многом определяется активностью всех участников образовательного процесса, включая педагогов, самих детей и их родителей [2].

Опыт нашей работы в учреждении дополнительного образования показывает, что включение детей с теми или иными нарушениями развития в общую образовательную среду вызывает трудности взаимодействия участников данного процесса, являясь стрессовым фактором как для ребенка с ограничениями здоровья, так и для его родителей.

Мы глубоко убеждены, что успешность «безболезненного» вхождения ребенка в инклюзивную среду во многом определяется позицией его окружения к данному процессу. Семья является ближайшим социальным окружением для ребенка и начальной ступенью социализации. В зависимости от того, как относятся к ребенку с ограниченными возможностями в семье, как содействуют его социализации и вхождению в мир окружающих людей, будет зависеть дальнейшая его жизнь в социуме. Исследования показывают значительную настороженность родителей по отношению к включению ребенка в инклюзивную образовательную среду. Так, по данным Е. Р. Ярской-Смирновой и И. И. Лошаковой, мнения родителей в отношении организации интегративной образовательной среды зависит от характера нарушений в развитии детей: около 70 % родителей считают возможным обучение здоровых детей и детей с поражением опорно-двигательного аппарата и лишь 36 % родителей относятся положительно к совместному обучению детей с нарушениями речи, слуха и зрения [3]. В то же время эффективность инклюзивного образования для социальной адаптации ребенка с ограниченными возможностями здоровья во многом определяется доверием родителей к образовательной среде, включенностью семьи в эту среду.

Снять настороженность родителей может грамотная организация психолого-педагогического сопровождения, направленного на формирование у них новых форм мышления, развития гуманистических ценностей и идеалов, расширение адаптационных возможностей родителей. Исследования Н. В. Калининой [4, 5] показывают, что социальная адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья взаимосвязана с уровнем развития адаптационных ресурсов у их родителей, а поведение детей в трудных ситуациях имеет значимые взаимосвязи с используемыми родителями стратегиями преодоления трудностей. В связи с этим большая роль в решении проблемы адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательной среде учреждений дополнительного образования отводится психологической работе с родителями.

Оказание эффективной психолого-педагогической помощи семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья, — сложный процесс, а имеющаяся на сегодня методическая база явно недостаточна. Она в большей степени направлена на организацию сопровождения детей в среде школы. Для уч-

реждений дополнительного образования пока не выстроен целостный, достаточно проработанный методологический подход к определению содержания, форм и методов психологической работы с семьей. Анализ литературы по данной проблеме показал, что семья, воспитывающая ребенка с ограниченными возможностями здоровья, вследствие психологической нагрузки структурно деформируется, она беспомощна, ее положение можно охарактеризовать как внутренний (психологический) и внешний (социальный) тупик. Члены такой семьи часто имеют личностные нарушения, так как находятся в длительно действующей психотравмирующей ситуации. Вся семья в целом нуждается в психологическом сопровождении [6].

Мы предприняли попытку выделения наиболее значимых компонентов системы психологической работы с родителями детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательной среде учреждения дополнительного образования детей, реализующего программы инклюзивного образования. Такая работа представляет собой систему взаимосвязанных направлений и видов деятельности психолога:

1. Диагностика — направлена на выявление особенностей детско-родительских отношений, личностных особенностей, эмоционального состояния, самооценки, механизмов психологической защиты, терминальных ценностей родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. В качестве диагностического инструментария применяются анкетирование, опросники, проективные методики. Результаты обсуждаются с родителями индивидуально, что позволяет им осознать достижения и проблемы, сформулировать запросы о психологической помощи, наметить точки личностного роста.

2. Психологическое просвещение — это приобщение родителей детей с ограниченными возможностями здоровья к психологическим знаниям. Основной смысл психологического просвещения родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, заключается в том, чтобы знакомить их с основными закономерностями и условиями благоприятного психического развития ребенка; формировать потребность в психологических знаниях, желание использовать их для построения конструктивного взаимодействия с детьми и образовательной средой. Формы психологического просвещения могут быть самыми разными: лекции, беседы, семинары, выставки, подборка литературы.

3. Консультирование. Одним из важных этапов в оказании помощи родителям является индивидуальная консультативная работа — психологическое консультирование. Первым этапом психологического консультирования идёт установление контакта с родителем, «настройка» на совместную работу. Главная задача — услышать родителя, понять, как видится проблема ему самому, как он воспринимает ребёнка и сложившуюся ситуацию. На основе жалоб родителей формулируется предположительная психологическая проблема. Чаще всего за помощью родители обращаются по следующим вопросам: проблемы, возникающие в процессе обучения, воспитания или лечения ребёнка; взаимоотношения ребенка с матерью (его непослушание, агрессивность); отношения ребенка с другими детьми в семье; отношения ребенка с учителем в школе или в объединении дополнительного образования (родители жалуются, что педагог недооценивает, занижает возможности их ребенка); отношения между матерью и отцом ребенка. Отметим, что в нашем опыте примерно треть семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии, неполные, что приводит к формулированию еще одной консультационной проблеме — усталости, неудовлетворенности своим семейным статусом со стороны матерей, что приводит к подсознательному отвержению ребенка, злости и компенсаторным механизмам гиперопеки. Для решения этих проблем используются техники, основанные на рефлексии родителями своего поведения, на развитии и наработке ресурсов для преодоления негативных эмоциональных состояний.

4. Психологическая коррекция, на наш взгляд, должна быть направлена на изменения когнитивной, эмоциональной, поведенческой сфер личности родителя. Основные задачи психокоррекционной работы: помочь родителям принять себя и своих детей, такими, какие они есть; раскрыть собственные творческие возможности; изменить взгляд на свою проблему — воспринимать ее не как «страдание», а как «особое предназначение»; вооружить родителей различными способами коммуникации; научить конструктивно помогать и поддерживать друг друга; помочь избавиться от чувства обособленности и брошенности в своем горе; помочь в формировании адекватной оценки психологического состояния детей; снять тревогу и страх отвержения; сформировать адекватное представление об общественных процессах и месте «особых» людей в структуре общества; помочь избавиться от комплекса вины и непол-

ноценности себя и своей семьи. Основным результатом изменения личности родителя с помощью психокоррекции на когнитивном уровне является осознание связи между психогенными факторами и возникновением и сохранением невротических расстройств (родители осознают возникающие проблемы); на эмоциональном — отработка чувств и эмоций, получение эмоциональной поддержки, формирование эмпатии; на поведенческом — приобретение навыков конструктивного взаимодействия.

Немаловажную роль в системе психологической поддержки родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, играет вовлечение родителей в переживание ситуаций успеха, в сопереживание успешности их ребенка при позитивной оценке его достижений. В условиях учреждения дополнительного образования с учётом новых педагогических технологий можно реализовать множество интересных проектов, которые помогут добиться положительных результатов. Мы считаем важным отражать все успехи ребенка с ограниченными возможностями здоровья на специально созданных экранах успеха и приобщать родителей к участию в представлении успешных проектов их ребенка.

Опыт психолого-педагогического сопровождения участников инклюзивного образования в условиях учреждения дополнительного образования детей позволил нам выделить наиболее значимые компоненты системы психологической работы с родителями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья. Эффективному решению задач социализации ребенка с ограниченными возможностями здоровья способствует работа психолога, направленная на выстраивание сотрудничества с семьей в достижении ребенком успехов в интересной для него деятельности, на помощь родителям в применении психологических знаний и умений во взаимодействии со своими детьми дома и принятии ребёнка таким, какой он есть — во всех его проявлениях. Важным является направление усилий психолога на гармонизацию семейных взаимоотношений; на установление детско-родительских отношений; на обучение родителей адекватному оцениванию возможностей ребенка (как физических, так и психологических); на решение личных проблем родителей (чувство неполноценности, вины). Значимым для достижения эффективности является обучение родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, элементарным методам психологической коррекции (аутогенной тренировке, элементам игротерапии, сказкотерапии и т. п.) и развитие готовности к оказанию детям помощи в осознании своих интересов и способностей, в выборе профиля занятий ребенка, ведущего к социализации.

1. *Малофеев Н. Н.* Специальное образование в России и за рубежом : в 2 ч. Ч. 1. Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии. М. : Печатный двор, 1996. 182 с.
2. Обучение и воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья : методические рекомендации. Издательский дом «Новый учебник», 2005. (Б-ка Федеральной программы развития образования).
3. *Ярская-Смирнова Е. Р., Лошакова И. И.* Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социс. 2003. № 5. С. 100—106.
4. *Калинина Н. В.* Формирование стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций у детей в контексте семейного взаимодействия // Фундаментальные исследования. 2013. № 8 (ч. 2). С. 468—472. URL: www.rae.ru/fs/?section=content &op =show_article&article_id=10001155.
5. *Калинина Н. В.* Взаимосвязь стратегий преодолевающего поведения и адаптации подростков в инклюзивной образовательной среде // Симбирский науч. вестн. 2015. № 4(22). С. 13—16.
6. *Шипицына Л. М.* Необучаемый ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Речь, 2005. 477 с.

О. В. Шабанова, А. А. Потапова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ВУЗЕ

Статья посвящена проблемам профессионально-личностного развития социальных работников в вузе, изучению роли тренинга в учебном процессе, преимуществам применения социально-психологического тренинга как формы обучения для подготовки социальных работников.

Ключевые слова: социальная работа, профессиональная подготовка, профессионально-личностное развитие, социально-психологический тренинг.

O. V. Shabanova, A. A. Potapova

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL COACHING AS THE FORM OF EDUCATION IN THE COURSE OF VOCATIONAL TRAINING OF SOCIAL WORKERS IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

This article is devoted to the problems of professional and personal development of social workers in higher education institutions. It studies the role of coaching in an educational process. This article also reveals the advantages of application of social and psychological coaching as the form of education for social workers training.

Key words: social work, vocational training, professional and personal development, social and psychological coaching.

Профессионально-личностное развитие — процесс глубокий и многогранный. Становление человека как личности и как профессионала происходит на протяжении жизни, и, безусловно, это двуединый процесс: без личности нет профессионала, а без самореализации в собственной профессии и личность раскрывается не полностью.

Тема профессионально-личностного развития социальных работников в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов социальной сферы в вузе всегда являлась актуальной. Ведь от того, насколько сильно человек нацелен на рост в своей профессии, на самореализацию, зависит то, как он будет работать в дальнейшем, как будет развивать себя и направление своей деятельности, будет ли удовлетворен своей жизнью. А это уже связано с развитием социальной сферы и общества в целом.

Таким образом, неоспорима актуальность проблемы всестороннего и непрерывного профессионально-личностного развития специалиста социальной работы. Однако в данном вопросе существует множество противоречий. Одним из них является противоречие между сложившимися качествами личности и объективными требованиями, нормами, стандартами профессиональной деятельности, обусловливающей дальнейшее развитие личности через интеграцию в эту деятельность. Одним из способов преодоления данного противоречия в процессе профессиональной подготовки социальных работников в вузе является применение социально-психологического тренинга.

Тренинг сегодня стал самой распространенной интерактивной технологией среди методов игрового обучения. В отличие от теоретических схем, предлагаемых в лекционных курсах, имеющих, как правило, мало вариантов, в процессе тренинга у его участников формируются наиболее продуктивные приемы и способы взаимодействия, основанные на индивидуальных особенностях человека и его коммуникативной компетентности. Высокая образовательная результативность тренинга определяется также тем, что тренинг, будучи построенным на моделировании реальных ситуаций, требует от его участников активной включенности в процесс общения и мобилизации интеллектуального и аналитического потенциала. Тренинговые занятия представляют собой форму активного обучения и применяются для формирования межличностной составляющей профессиональной деятельности путем развития психодинами-

ческих свойств индивида и формирования социальных навыков.

Существенной особенностью тренинга является также то, что он позволяет «проигрывать» процесс взаимодействия людей при поиске и воплощении в практику принятых решений, выбранных действий и поступков. Активизирующий эффект тренинга обусловлен также созданием особой учебно-экспериментальной обстановки, обеспечивающей понимание участниками того, какие индивидуальные и групповые психологические события развертываются в процессах межличностного общения, интенсивной обратной связи и формированием практических умений, необходимых при достижении цели [4].

Тренинг в учебном процессе является обязательным, а не добровольным, и если он будет проводиться формально, без создания особой атмосферы, то не будет эффективным.

Обучение с помощью тренингов существенно отличается от традиционных методов обучения (уроков, лекций, семинаров) не только по форме проведения, но и по основным принципам. При обычном обучении человека учат давать правильные ответы, и только правильные. При тренинге же к ошибкам относятся снисходительно, они рассматриваются как необходимая часть процесса обучения.

Тренинг, включенный в учебный процесс, имеет ряд особенностей. Он проводится, как правило, в обычной аудитории и длится 90 минут (два академических часа) один раз в неделю. Посещение занятий обязательно. Члены группы хорошо знакомы между собой, обычно они много общаются вне тренинга, в процессе учебы и в неформальной обстановке. Все это затрудняет использование стандартных методик и требует специальной подготовки.

Участие в социально-психологическом тренинге особенно важно для людей, профессии которых предполагают интенсивное общение, а также для тех, кто испытывает трудности в сфере человеческих контактов. Поскольку подобные трудности характерны для многих молодых людей, учащиеся — будущие работники социальной сферы особенно нуждаются в проведении такого тренинга [2].

Общие цели социально-психологического тренинга, которые помогают развивать профессиональные качества и навыки, следующие:

- исследование психологических проблем участников группы и оказание помощи в их решении;
- улучшение субъективного самочувствия и укрепление психического здоровья;
- изучение психологических закономерностей, механизмов и эффективных способов межличностного взаимодействия для создания основы более эффективного и гармоничного общения с людьми;
- развитие самосознания и самоисследование участников для коррекции или предупреждения эмоциональных нарушений на основе внутренних и поведенческих изменений;
- содействие процессу личностного развития, реализации творческого потенциала, достижению оптимального уровня жизнедеятельности и ощущения счастья и успеха.

Также необходимо помнить и о преимуществах групповой формы работы:

1. Групповой опыт противодействует отчуждению, помогает решению межличностных проблем;
2. Группа отражает общество в миниатюре, делает очевидными такие скрытые факторы, как давление партнеров, социальное влияние и конформизм;
3. Имеется возможность получения обратной связи и поддержки от людей со сходными проблемами;
4. В группе человек может обучаться новым умениям, экспериментировать с различными стилями отношений среди равных партнеров;
5. В группе участники могут идентифицировать себя с другими, «сыграть» роль другого человека для лучшего понимания его и себя и для знакомства с новыми эффективными способами поведения, применяемыми кем-то;
6. Взаимодействие в группе создает напряжение, которое помогает прояснить психологические проблемы каждого;
7. Группа облегчает процессы самораскрытия, самоисследования и самопознания;
8. Групповая форма предпочтительней и в экономическом плане: участникам дешевле работа в тренинге, чем индивидуальная терапия (и для многих тренинговая работа гораздо более эффективна) [7].

В процессе профессиональной подготовки социальных работников широко используются социально-психологические тренинги в рамках различных дисциплин: «Введение в профессию», «Креативные технологии в социальной работе», «Технологии социальной работы», «Психология социальной работы» и др. Одной из дисциплин, которая по своему содержанию позволяет использовать социально-психологический тренинг, является дисциплина «Профессионально-личностное развитие». В рамках этой дисциплины с будущими социальными ра-

ботниками был проведен тренинг, который был направлен на то, чтобы участники смогли сконцентрироваться на тех целях, которых они хотят достигнуть, понять, что у них есть и чего им не хватает для получения желаемого результата.

Подбор упражнений для тренинга нами осуществлялся исходя из целей, которые достигаются при их исполнении. Так, нами были отобраны следующие упражнения:

1. «Паутина успеха» (цель — создать атмосферу доверия и безопасности в группе);
2. «Без маски» (цель — снятие эмоциональной и поведенческой закрепощенности, формирование навыков искренних высказываний для анализа сущности «Я»);
3. Рисование на тему «Успех» (цель — способствовать осознанию своего отношения к вопросам успеха);
4. «Все равно ты молодец…» — вербальная разминка (цель — способствовать получению каждым участником признания, одобрения со стороны группы как подтверждения права на успех);
5. «Самоанализ» (цель — способствовать осознанию каждым участником того, какие качества ему помогают добиваться успеха, а какие мешают);
6. «Что меня сформировало» (цель — сделать акцент на положительном жизненном опыте участников, способствующем их личностному развитию);
7. «Эпитафия» (цель — повысить у игроков готовность осознанно выстраивать свои жизненные и профессиональные перспективы, выделяя и логически связывая основные (ключевые) события собственной жизни);
8. «Чемодан в дорогу» (цель — актуализация жизненных целей и повышение мотивации к их достижению, а также осознание своих сильных и слабых сторон);
9. «Мой герб» (цель — осознание личных целей и их приоритетности).

Последним пунктом проведения тренинга была рефлексия. Участники тренинга отвечали на следующие вопросы:

- Что нового вы узнали и поняли на тренинге о себе, о других, об успехе?
- Какие изменения появились в ваших мыслях, чувствах, поведении?
- Над чем вы задумались?
- Что хотели бы изменить?

По результатам данного обсуждения можно сделать вывод о том, что цели, на достижение которых были направлены выполняемые упражнения, достигнуты. А именно большинство участников четко определили для себя:

— что вкладывают в понятие «успех» на данный момент;

— какие качества помогают в достижении успеха, а какие мешают в этом;

— какие из указанных качеств уже есть, а какие нуждаются в развитии;

— необходимость актуализации жизненных целей, а также их приоритетности.

Безусловно, одного тренинга недостаточно для достижения поставленной нами цели. Данный тренинг являлся частью разработанной и реализованной программы по профессионально-личностному развитию социальных работников в вузе, которая была реализована при участии студентов направления «Социальная работа» Ульяновского государственного университета. Однако без него полученная положительная динамика не была бы столь очевидной, а именно значительное увеличение количества респондентов с мотивом стремления к достижению успеха (45,5 % после завершения эксперимента по сравнению с результатом до его начала — 13,6 %), а также достижению преобладания внутренней мотивации (ВМ) по сравнению с внешней отрицательной мотивацией (ВОМ) после окончания эксперимента (ВМ = 45,5 % > ВОМ = 18,2 %).

Таким образом, для достижения высокого уровня профессионализма в профессиональной деятельности специалисту по социальной работе необходимо обладать стартовыми возможностями, способностями, знаниями, умениями, навыками, компетентностью и высокой мотивацией. Очень важно, чтобы профессионал обладал не только мастерством, но и отличался высокой эффективностью и стабильностью результатов деятельности, что достигается использованием различных форм и методов обучения в процессе профессиональной подготовки. Социально-психологический тренинг — это та форма работы, которая позволяет эффективно отработать навыки профессиональной деятельности, создавая эмоционально безопасную среду в обучении студентов, давая возможность получения активной обратной связи и формирования навыка рефлексии.

1. *Вачков И. В.* Основы технологии группового тренинга. Психотехники. М. : Ось-89, 1999. 256 с.
2. *Рамендик Д. М.* Тренинг личностного роста : учеб. пособие. М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2007. 176 с. (Профессиональное образование).

3. *Рудестам К.* Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М. : Прогресс, 1993. 368 с.
4. *Панфилова А. П.* Инновационные педагогические технологии: Активное обучение : учеб. пособие для студ. вузов. М. : Изд. центр «Академия», 2009. 192 с.
5. Внутренняя и внешняя мотивация // Портал «Все учебники». URL: http://vse-uchebniki.com/teoriya-upravleniya-besplatno/vnutrennyaya-vneshnyaya-motivatsiya.html.
6. Мотивация: Википедия. Свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CC%EE%F2%E8%E2%E0%F6%E8%FF.
7. Психологические особенности тренинговой группы: Психология. URL: http://pcyhologia.ru/treningi/86-psihologicheskie-osobennosti-treningovoy-gruppy.html.
8. *Шабанова О. В.* Основы профессиональной подготовки социальных работников в сфере формирования креативной компетентности : учебно-методическое пособие. Ульяновск : Изд-во Качалина А. В., 2014. 107 с.

№ 2(24) 2016 СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПЛОЩАДКИ: НАУКА И ПРАКТИКА

И. С. Белик

РОЛЬ ДИАГНОСТИКИ КАК СРЕДСТВА ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИКА

В данной статье рассматриваются вопросы психолого-педагогической диагностики учащихся. Раскрываются преимущества компьютерной диагностики в условиях информатизации сферы образования.

Ключевые слова: психолого-педагогическая диагностика, информатизация образования, методы диагностики.

I. S. Belik

DIAGNOSTICS AS MEANS OF STUDYING THE STUDENT'S DEVELOPMENT LEVEL

This article deals with the psychological and pedagogical diagnosis of pupils. It reveals the advantages of computer diagnostics in the conditions of informatization of education.

Key words: psychological and pedagogical diagnostics, informatization of education, methods of diagnostics.

Давно стало крылатым высказывание Л. С. Выготского о том, что «педагогика должна ориентироваться не на вчерашний, а на завтрашний день детского развития», т. е. обучение должно осуществляться в зоне ближайшего развития ребёнка. Для того чтобы оказывать эффективное педагогическое воздействие на детей, необходимо иметь научные знания об их индивидуальных особенностях, объективность которых зависит от того, насколько объективными, научно обоснованными методами они получены. Специфика психолого-педагогического обследования заключается в системном анализе явлений детского развития. Это изучение социальной ситуации развития ребенка, рассмотрение иерархии деятельности и психологических новообразований в сфере сознания и личности ребенка. Перед современным образованием встаёт глобальная проблема выравнивания возможностей детей с различными особенностями, создания условий для дальнейшего гуманного подхода к их развитию.

На современном этапе развития общества в любой научной сфере прямо или косвенно используют достижения информационно-коммуникационных технологий. К настоящему времени нельзя отрицать наличия в сфере образования требуемых технических и программных средств [2].

По данным научного Центра здоровья детей РАМН, сегодня 85 % детей рождаются с недостатками развития и неблагополучным состоянием здоровья, из них не менее 30 % нуждаются в комплексной реабилитации. Количество детей, которым требуется коррекционно-педагогическая помощь, достигает в дошкольном возрасте 25 %, а по некоторым данным — 30—45 %; в школьном возрасте 20—30 % детей нужна специальная психолого-педагогическая помощь, а свыше 60 % детей относятся к группе риска. Несмотря на то, что для многих из этих детей не требуются особые образовательные условия, отсутствие своевременной коррекционно-развивающей помощи может привести к их дезадаптации. Поэтому очень важно своевременно выявлять не только детей с выраженными нарушениями развития, но и детей с минимальными отклонениями от нормативного развития [3].

Основные задачи психолого-педагогической диагностики:

— определить уровни развития ребенка;

— обнаружить изменения основных характеристик и признаков личности в лучшую или худшую сторону;

— увидеть норму и отклонение (ориентируясь на эталон);

— проанализировать полученные факты;

— установить причины изменений;

— выработать план дальнейшей коррекционной работы по результатам диагностики.

Проведение любой диагностики всегда связано с вопросами: С какой целью она проводится? Как будут использованы ее результаты? Данные диагностики позволяют педагогам и родителям следить за ходом развития ребенка и осуществлять индивидуальный подход, в этом заключается позитивная роль диагностики.

Правильный выбор апробированных диагностических методик, сочетание различных методов диагностики со специально организованным наблюдением и анализом продуктов деятельности и творчества детей будут способствовать повышению эффективности диагностического процесса, предупреждению ошибок при выявлении причин трудностей в обучении и определении уровня познавательного и личностного развития ребенка.

Рассмотрим основные методы психолого-педагогического исследования.

Выбор методик изучения не должен быть случайным — его необходимо делать в соответствии с установленными критериями и показателями. Работая с диагностическими методиками, педагог должен придерживаться следующих правил:

1. Содержание диагностической методики должно предполагать ожидаемый результат;

2. Диагностика должна быть достаточно информативной и создавать широкое поле исследовательской деятельности;

3. Результаты диагностического исследования должны анализироваться компетентными людьми;

4. Любые результаты исследования должны служить не во вред, а во благо;

5. По результатам диагностического исследования должна проводиться систематическая коррекционная работа;

6. Необходимость педагогической диагностики должна разъясняться учащимся и их родителям [4].

Наблюдение — основной, наиболее распространенный эмпирический метод изучения человека. Под наблюдением понимается целенаправленное, организованное и определенным образом фиксируемое восприятие исследуемого объекта. Результаты фиксации данных наблюдения называются описанием поведения объекта. Метод наблюдения дает возможность изучить участие ребенка в конкретном виде деятельности без вмешательства в естественный процесс данной деятельности.

Классификация видов наблюдения:

— по времени проведения: непрерывные и дискретные;

— по объему: широкие и узкоспециальные;

— по типу связи наблюдателя и наблюдаемых: не включённые (открытые) и включенные (скрытые).

Эксперимент — один из основных (наряду с наблюдением) методов научного познания вообще, психологического исследования в частности. Отличается от наблюдения активным вмешательством в ситуацию со стороны исследователя, осуществляющего планомерное манипулирование одной или несколькими переменными (факторами) и регистрацию сопутствующих изменений в поведении изучаемого объекта. Эксперимент — научно поставленный опыт, связанный с наблюдением исследуемых явлений в создаваемых и контролируемых исследователем условиях, может быть лабораторным и естественным [5].

Беседа — эмпирический метод получения сведений (информации) об ученике в общении с ним, в результате его ответов на целенаправленные вопросы. Диалог между двумя людьми, в ходе которого один человек выявляет психологические особенности другого, называется методом беседы. Психолого-педагогическая беседа как метод исследования отличается целенаправленными попытками исследователя проникнуть во внутренний мир субъектов учебного процесса, выявить причины тех или иных поступков.

Анкетирование — эмпирический социально-психологический метод получения информации на основании ответов на специально подготовленные, отвечающие основной задаче исследования вопросы, составляющие анкету. Анкетирование — метод массового сбора материала с помощью специально разработанных опросников, называемых анкетами. Анкеты дают возможность выявить степень влияния коллектива на личность и личности на коллектив, позиции детей в коллективе и степень их значимости в нем.

Опросник дает возможность изучить мотивацию действий учащихся, интересов конкрет-

ного ребенка или группы, класса в целом, уровень тревожности учащихся класса.

Тестирование — метод, в котором используются «стандартизированные» вопросы, утверждения, картинки, схемы, кинофрагменты, задачи (тесты), имеющие определенную шкалу значений. Тестирование позволяет с известной вероятностью оценить уровень развития у испытуемых требуемых им для той или иной деятельности личностных качеств. Тест — стандартизованный метод исследования, предназначенный для точных количественных и определенных качественных оценок индивидуально-психологических особенностей и поведения человека путем сравнения этих оценок с некоторыми, заранее заданными стандартами — нормами теста [5]. От других способов обследования тестирование отличается точностью, простотой, доступностью, возможностью автоматизации [1].

Тесты можно классифицировать в зависимости от того, какой признак взят за основание деления. Наиболее значительными представляются следующие три основания для классификации: форма, содержание и цель психологического тестирования.

По форме тесты могут быть индивидуальные и групповые; устные и письменные; бланковые, предметные, аппаратурные и компьютерные; вербальные и невербальные (практические). По содержанию тесты обычно делятся на четыре класса, или направления: тесты интеллекта, тесты способностей, тесты достижений и тесты личности.

Правильная оценка и интерпретация результатов психологического тестирования должны основываться на знании того, для какой цели они используются.

Внедрение информационных технологий, необходимость которых продиктована реализацией Российского проекта «Информатизация ОУ», должно обеспечить более высокий результат образования при минимальной затрате временного ресурса.

Скачок в психодиагностике произошел благодаря использованию компьютерного тестирования, которое дает возможность изучать процессуальные стороны деятельности, моделируемой тестом, и помогает выявить индивидуальные стратегии в решении заданий, анализирует трудности, испытываемые человеком при выполнении предложенных заданий.

Компьютерные тесты предполагают сбор тестовой информации в режиме диалога испытуемого с компьютером. Однако тесты, предполагающие компьютерную обработку информации, собранной на бланках, не являются компьютерными.

При компьютерном тестировании больше возможностей соблюдения достоверности теста, т. е. обеспечения защиты его результатов от сознательных фальсификаций (лжи, неискренности испытуемого) или непреднамеренных мотивационных искажений. Также повышается надежность тестирования — стабильность результатов тестовых испытаний, устойчивость теста по отношению к разнообразным источникам помех (шумовых, случайных факторов обследования).

Скрытые возможности человека при компьютерном тестировании могут быть улучшены и раскрыты полнее. В таких тестах моделируется процесс обучения или развития, анализируются усилия, затраченные на обучение, оцениваются успехи, что позволяет сделать заключение об интеллектуальных возможностях испытуемого.

Преимуществом компьютерной психодиагностики является возможность, с одной стороны, после проведения тестирования напечатать протокол исследования и психодиагностическое заключение для истории болезни или другой документации, а с другой стороны, поместить эти данные в компьютерный банк данных для последующего их использования, в частности, как справочного материала для статистического анализа и т. д.

При компьютерной психодиагностике значительно понижается вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором: психоэмоциональным состоянием экспериментатора, большей или меньшей его заинтересованностью в результатах исследования и т. п. Гарантируемая при компьютерной психодиагностике абсолютная беспристрастность имеет особое значение в ситуациях экспертизы.

Современный преподаватель должен владеть приемами психолого-педагогической диагностики, что приводит к поиску и разработке новых технологий обучения, которые должны быть направлены на реализацию личностно ориентированного подхода в обучении. Сущность такого подхода состоит в гуманизации педагогического процесса, уважительном отношении к личности, создании условий для выявления и развития его индивидуальных возможностей и способностей.

Информатизация образования — процесс обеспечения сферы образования теорией и практикой разработки и использования современных, новых информационных технологий, ориентированных на реализацию психолого-педагогических целей обучения и воспитания, — принадлежит к

числу важнейших направлений процесса информатизации современного общества.

Компьютерные диагностические программы могут использоваться для выявления уровня общих способностей детей; творческих способностей детей; оценки уровня развития психических и психофизиологических свойств личности (памяти, внимания, восприятия, умственной работоспособности, интеллекта, эмоционального состояния, нервно-психического статуса, параметров морфофункциональной системы (моторики, быстроты движения и т. д.)); определения уровня готовности детей к поступлению в детский сад; уровня психофизиологической и социальной готовности к поступлению детей в школу (физического развития, заболеваемости, физической подготовленности, основных физиометрических параметров растущего организма, факторов риска); экспресс-диагностики утомляемости ребёнка в процессе компьютерных занятий; ранней диагностики отклонения детей от нормального развития.

1. *Айсмонтас Б. Б.* Педагогическая психология. URL: http://www.ido.rudn.ru/psychology/pedagogical_psychology/2.html.
2. *Беляков Е. В.* Понятие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их роль в образовательном процессе. URL: http://belyk5.narod.ru/IKT_new.htm.
3. *Григорьев С. Г., Гриншкун В. В.* Информатизация образования. Фундаментальные основы : учеб. для студентов педагогических вузов и слушателей системы повышения квалификации педагогов. М., 2015.
4. *Гуревич К. М.* Психологическая диагностика : учеб. пособие. М., 2012.
5. Использование и разработка компьютерных тестов в педагогической диагностике. URL: http://www.openclass.ru/blogs/35894.

М. В. Мойсеенко

О РОЛИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье рассматривается роль компетентностного подхода в системе школьного образования. Представлена структура ключевых компетентностей и обозначены существенные черты компетентностного подхода.

Ключевые слова: компетентностный подход, ключевые компетентности, уровень образованности.

M. V. Moiseenko

ON THE ROLE OF KEY COMPETENCE IN CONTEMPORARY PRIMARY EDUCATION

This article examines the role of the competency approach in the school system. It presents the structure of the key competences and indicates essential features of the competency approach.

Key words: competence approach, key competencies, level of education.

С начала 90-х годов XX века началось развитие России из закрытого в открытое общество, что стимулировало рост международного сотрудничества не только на федеральном, но и региональном и даже международном уровне, и нашло свое отражение в создании совместных предприятий с зарубежным партнерами, открытии отделений зарубежных университетов, участии в международных проектах. Это коснулось всех слоев населения и возрастных групп, что отразилось на образовательном процессе в учебных заведениях и обусловило изменение требований, предъявляемых к учащимся в младшей и средней школе [1, с. 291—295].

В меняющемся мире система образования должна формировать такие новые качества ученика, как инициативность, инновационность, мобильность, гибкость, динамизм и конструктивность.

Учащийся и в дальнейшем будущий профессионал должен обладать стремлением к самообразованию на протяжении всей жизни, владеть новыми технологиями и понимать возможности их использования, уметь принимать самостоятельные решения, адаптироваться в социальной и будущей профессиональной сфере, разрешать проблемы и работать в команде, быть готовым к перегрузкам, стрессовым ситуациям и уметь быстро из них выходить.

В связи с происходящей в настоящее время сменой образовательной парадигмы возникает необходимость реализации в системе школьного образования компетентностного подхода. Понятие компетентности включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую. Оно также включает результаты обучения (знания и умения), систему ценностных ориентаций и привычки.

Все ключевые компетентности имеют следующие характерные признаки:

— Ключевые компетентности многофункциональны. Компетентности относятся к ключевым, если овладение ими позволяет решать различные проблемы в повседневной, профессиональной или социальной жизни. Ими необходимо овладеть для достижения различных важных целей и решения различных сложных задач в различных ситуациях.

— Ключевые компетентности надпредметны и междисциплинарны, они применимы в различных ситуациях, не только в школе, но и в семье.

— Ключевые компетентности требуют значительного интеллектуального развития: абстрактного мышления, саморефлексии, определения своей собственной позиции, самооценки, критического мышления и др.

— Ключевые компетентности многомерны, т. е. они включают различные умственные процессы и интеллектуальные умения (аналитические, критические, коммуникативные и др.), ноу-хау, а также здравый смысл.

Существенно, что все компетентности требуют различных типов действия:

— действовать автономно и рефлексивно;

— использовать различные средства интерактивно;

— входить в социально-гетерогенные группы и функционировать в них [3, с. 56—74].

В структуре ключевых компетентностей, на наш взгляд, должны быть представлены:

— компетентность в сфере самостоятельной познавательной деятельности, основанная на усвоении способов приобретения знаний из различных источников информации, в том числе внеклассных;

— компетентность в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение ролей гражданина, потребителя);

— компетентность в сфере социально-трудовой деятельности (оценивать собственные возможности, ориентироваться в нормах и этике трудовых взаимоотношений, иметь навыки самоорганизации);

— компетентность в бытовой сфере (включая аспекты собственного здоровья, семейного бытия и прочее);

— компетентность в сфере культурно-досуговой деятельности (включая выбор путей и способов использования свободного времени, культурно и духовно обогащающих личность).

Предлагаемый подход к определению ключевых компетентностей соответствует опыту тех стран, в которых в последние десятилетия произошла переориентация содержания образования на освоение ключевых компетентностей, а это практически все развитые страны. Вместе с тем указанный выше подход соответствует и традиционным ценностям российского образования (ориентация на понимание научной картины мира, на духовность, на социальную активность).

По мнению О. Е. Лебедева [2, с. 3—8], можно выделить некоторые существенные черты этого подхода. Компетентностный подход — это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов.

К числу таких принципов относятся следующие положения:

— Смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся.

— Содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем.

— Смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования.

— Оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых учащимися на определённом этапе обучения.

С позиций компетентностного подхода уровень образованности определяется способностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний. Компетентностный подход не отрицает значения знаний, но он акцентирует внимание на способности использовать полученные знания. При таком подходе цели образования описываются в терминах, отражающих новые возможности обучаемых, рост их личностного потенциала. Основным непосредственным результатом образовательной деятельности становится формирование ключевых компетентностей. Компетентность обозначает уровень образованности, а также способность действовать в ситуации неопределённости. Под ключевыми компетентностями понимается способность учащихся самостоятельно действовать в ситуации неопределённости при решении актуальных для них проблем.

В заключение хотелось бы заметить, что, к сожалению, очень часто компетентностный подход находит свое применение в вузах и старших классах школы, но совершенно не придается ему значения на ранних этапах, в то время как компетентностный подход соответствует не только целям младшего школьного образования, но и объективным потребностям учащихся. Вместе с тем он соответствует и направлениям творческих поисков учителей. Эти поиски связаны с реализацией идей проблемного обучения, педагогики сотрудничества, личностно ориентированного образования, которые отражают попытки решить проблему мотивации учебной деятельности учеников, создать модель «учения с увлечением». Компетентностный подход также позволяет избежать конфликтов между учащимися и педагогами. Несомненно, организация процесса обучения на основе компетентностного подхода требует применения новых технологий, активных форм обучения и самообразования, активизирующих познавательную,

творческую и социальную деятельность обучающихся, ориентирующих учеников на самостоятельный поиск и усвоение необходимых знаний и прививающих им соответствующие умения.

1. *Гарагуля Ю. В.* Компетентностная модель подготовки будущего учителя математики // Интернет-журнал «Эйдос». 2011. 25 февр. URL: http://www.eidos.ru/journal/2011/0222-5.htm.
2. *Лебедев О. Е.* Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2014. № 5. С. 3—12.
3. Стратегия модернизации содержания общего образования : материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М. : Мир книги, 2012. 104 с.

М. Е. Петров

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассматривается вопрос об особенностях различных видов деятельности у детей с нарушениями интеллекта, зависимости деятельности этих детей от различных внешних факторов, а также пути решения этих проблем.

Ключевые слова: высшие психические функции, мотивация, деятельность.

M. E. Petrov

ACTIVITY FEATURES OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

The article discusses the features of the various activities of children with intellectual disabilities. It traces the dependence of the activity of these children from a variety of external factors. It also tries to find the solutions to these problems.

Key words: higher mental functions, motivation, activity.

Общее психическое недоразвитие при умственной отсталости обусловливает качественное своеобразие целей, мотивов и средств деятельности. Школьники, особенно младших лет обучения, не всегда могут подчинить свои действия поставленной перед ними цели. Выполняя относительно сложное задание, они, как правило, не осмысливают его полностью, не намечают общего плана реализации. Дети начинают действовать, не учитывая всех содержащихся в инструкции условий и требований. Предложенная им задача оказывается подмененной другой, обычно сходной, но упрощенной.

Наблюдаются нарушения целенаправленности деятельности, проявляющиеся в неправильной ориентировке в задании, в ошибочном и фрагментарном его выполнении, в неадекватном отношении к возникающим трудностям, в некритичности к получаемым результатам: ученики приступают к выполнению задания без должной предварительной ориентировки в нем, без его анализа, без активной мыслительной работы над планом и выбором средств достижения намеченной цели. В ходе деятельности способы действия ученика не изменяются даже в тех случаях, когда они оказываются явно ошибочными, не приводящими к нужному результату. Кроме того, дети склонны переносить в неизменном виде элементы прошлого опыта на решение новой задачи.

Встречаясь с трудностями, школьники «соскальзывают» с правильных действий на ошибочные («соскальзывание» в данном контексте обозначает такое явление, когда ребенок как бы не удерживается в русле сложного для него задания и заменяет его более простым, тем самым непроизвольно облегчая свою умственную деятельность). Ученики недостаточно критичны к результатам своей деятельности.

Выполняя задание, дети обычно руководствуются близкими мотивами, направленными на осуществление отдельных операций и действий, а не задачей в целом, что не способствует достижению далеких целей. То обстоятельство, что работа будет оценена (получит оценку), не всегда влияет на деятельность учащихся.

Деятельность умственно отсталых младших школьников в значительной степени зависит от окружающей их ситуации. Дети часто бывают импульсивными, слабо регулируют свое поведение. Наряду со многими фактами, свидетельствующими о кратковременности мотивов их деятельности, встречаются отдельные примеры того, что аффективно окрашенные, хотя и неосознанные мотивы деятельности могут сохраняться и реализоваться детьми в течение довольно длительного срока. Успешность воспитания и обучения ребенка в значительной мере обеспечивается созданием устойчивой мотивации, которая адекватна поставленной задаче [1].

У учащихся старших классов мотивы деятельности, особенно имеющей практическую основу, характеризуются значительной устойчивостью.

Специфическим для умственно отсталых детей является снижение точности выполнения задания при усложнении его условий, что во

многом обусловлено своеобразием их умственной работоспособности, которая представляет собой наиболее сложный вид человеческой деятельности. Умственная работоспособность измеряется количеством и качеством работы, выполненной за определенный отрезок времени. Ее основными показателями являются темп (длительность латентных периодов ответов или скорость реагирования) и качество работы (количество допущенных ошибок) за единицу времени.

К тому же психические процессы характеризуются «функциональной ригидностью», что затрудняет возможность перестройки способов умственного действия, актуализации уже имеющихся знаний и проявляется в стереотипности ответов.

Говоря о причинах низкой работоспособности детей со сниженным интеллектом, исследователи обычно указывают на понижение у них скорости простой реакции при наличии отвлекающих факторов. Информативной является реакция выбора, например, по одному какому-то признаку — величине или цвету объектов. Она отражает особенности протекающих процессов, их замедленность.

У детей с общим психическим недоразвитием наблюдается выраженное запаздывание в становлении всех ведущих видов деятельности (выделяют следующие виды ведущей деятельности: непосредственное эмоциональное общение младенца (до 1 года), предметно-манипулятивная деятельность ребенка раннего возраста (1—3 года), ролевая игра дошкольника (3—7 лет), учебная деятельность младшего школьника (6—12 лет). Кроме того, они качественно и структурно обеднены по сравнению с уровнем развития тех же видов деятельности у нормально развивающихся сверстников.

Уже на первом году жизни у умственно отсталых детей наблюдаются признаки средней и тяжелой степени нарушения в становлении ведущей деятельности данного периода — непосредственного эмоционального общения со взрослым: интерес к взрослому неустойчив или совсем отсутствует, коммуникативные средства общения этого периода (улыбка, голосовые реакции, двигательные реакции) также обеднены или практически отсутствуют. Учитывая, что только при полном насыщении ведущей деятельности происходит естественный переход к следующему этапу развития, можно предположить, что вся система ведущих активностей умственно отсталого ребенка будет развиваться с выраженным своеобразием с точки зрения возрастной динамики и качества каждой из них.

Простейшая предметно-манипулятивная практическая деятельность является наиболее легко осваиваемой детьми дошкольного возраста. Именно эта деятельность, как правило, обеспечивает переживание успеха и обладает наибольшей побудительной силой для ребенка. Однако у умственно отсталых детей даже она вызывает серьезные затруднения, и элементы самообслуживания, принятия пищи далеко не всегда осуществляются ими должным образом [2].

Все отрабатываемые действия должны ежедневно выполняться ими под руководством взрослого и с его активной помощью в форме совместной деятельности, показа, сопровождаемых речью. Решающее значение имеют регулярность таких повторений и положительный эмоциональный фон, создаваемый путем одобрения, подчеркивания важности и успешности деятельности ребенка.

Для нормально развивающихся детей в дошкольный период жизни ведущим видом деятельности является игра. Для умственно отсталых дошкольников игра таковой роли не играет.

Наиболее сложной и вместе с тем развивающей ребенка является сюжетно-ролевая игра. Ею умственно отсталые дошкольники самостоятельно не овладевают. Без специального обучения дети остаются на этапе простейших манипуляций с игрушками. Лишь в конце дошкольного детства у воспитанников специальных детских садов можно наблюдать отдельные элементы сюжетно-ролевой игры, которые длительный срок формируются воспитателем на занятиях. Так, дети под руководством и с помощью взрослого играют в магазин, выполняя роли продавца, кассира, покупателей, или обыгрывают ситуацию хождения в гости, становясь хозяевами или гостями, сервируют стол, рассаживают гостей, угощают их чаем и печеньем и т. п. Однако по собственной инициативе они таких игр не организуют.

Для умственно отсталых дошкольников характерны игровые действия, не наполненные каким-либо содержанием, отражающим реальную жизнь. Так, мальчик многократно катает пустую игрушечную машинку из одного угла комнаты в другой, издавая при этом звуки, которые должны обозначать шум мотора. Его движения и звуковое сопровождение стереотипны и не реализуют какого-либо замысла.

Или девочка «кормит» куклу: держит ее на руках и без устали тычет ложной в нос и глаза, не обращая внимания на то, что не попадает в рот. Таким образом, она лишь весьма относительно воспроизводит ситуацию, которая не

входит ни в какой сюжет, но представляет собой одно хорошо знакомое действие.

В отдельных случаях дети объединяются по 2—3 человека. Например, один мальчик катит машинку и издает звуки, а другой идет за ним следом. Такое объединение бывает кратковременным. У детей тут же возникает конфликт, и они начинают отнимать друг у друга игрушку.

Если оказывается, что умственно отсталый ребенок играет с нормально развивающимися детьми, то он всегда выполняет только подсобные роли, и это даже в тех случаях, когда его товарищи младше на год и более. Его партнеры организуют несложную сюжетную игру, а он, по их указаниям, что-то приносит, уносит, держит.

Из продуктивных видов деятельности наиболее изучена изобразительная деятельность умственно отсталых детей, которая формируется замедленно и своеобразно. Их рисунки имеют многие характерные черты, делающие их диагностичными. Лишенные специального обучения в детском саду или в семье, они долго остаются на уровне простых каракулей и лишь к концу дошкольного детства переходят к предметным и в какой-то мере сюжетным рисункам, выполняя их весьма несовершенно. В этих рисунках находят свое отражение недифференцированность зрительного восприятия, низкий уровень мышления и памяти и, конечно, несовершенство двигательной сферы. Дети рисуют людей-головоногов, птиц, имеющих по четыре лапки, «прозрачные» дома и т. п., выполняя все это нечеткими, кривыми линиями. Однако дети относятся к результатам своей деятельности эмоционально, высоко их оценивают и с удовольствием демонстрируют окружающим [4].

Совсем иная картина наблюдается в тех случаях, когда дошкольников специально обучают рисованию. У большинства имеют место значительные успехи, ярко свидетельствующие о наличии положительных потенциальных возможностей и о важности раннего коррекционного воздействия.

В связи с низким уровнем развития тонкой моторики большое значение имеет использование конструктивной деятельности в качестве общеразвивающего и коррекционного средства. Имеющиеся данные показывают, что без специального обучения специфические конструктивные действия у умственно отсталых дошкольников фактически отсутствуют — дети облизывают, кусают, потряхивают, стучат строительным материалом. По мнению исследователей, наиболее эффективным является развитие сюжетного конструирования, когда процесс конструирования подчинен игровой цели. В такой ситуации одновременно развивается не только моторика, но и высшие, опосредованные формы психической деятельности: произвольная память, элементарное планирование, пространственное мышление.

К концу дошкольного возраста у умственно отсталых детей не формируется психологическая готовность к школьному обучению, которая представляет собой систему мотивационно-волевых, познавательных и социальных предпосылок, необходимых для перехода ребенка к следующей ведущей деятельности — учебной.

Поскольку психическое недоразвитие при умственной отсталости носит системный характер, к концу дошкольного возраста дети данной категории оказываются совершенно неготовыми к получению образования, если они были лишены специальной системы помощи, которая может быть реализована как в условиях специальных образовательных учреждений VIII вида, так и в рамках включенного (интегративного) образования — в зависимости от конкретных, имеющихся в данном регионе кадровых, социально-психологических и методических условий.

Умственно отсталые дошкольники совершенно недостаточно направлены на школьное обучение. Если они живут в неблагополучных семьях, то к 7 годам мало что знают о школе и совершенно не готовы поступить в нее. Если посещают специальный детский сад или живут в заботливых семьях, где прилагаются усилия к тому, чтобы продвинуть их в плане общего развития, то у них оказываются сформированными некоторые, необходимые для школы умения и интересы. Однако в силу недостаточности интеллектуальной и личностной сферы они мало интересуются предстоящим поступлением в школу. А если и говорят об этой перспективе, то лишь эпизодически, в связи с возникшим разговором окружающих или по случайным ассоциациям. Перспектива школьного обучения не присутствует в жизни этих детей [3].

Между тем поступление ребенка в школу — важное событие, к которому он должен быть подготовлен. К числу основных компонентов личностной готовности ребенка к школьному обучению, без которых нельзя рассчитывать на успех, является его мотивационная готовность. Она формируется у умственно отсталых детей замедленно и с определенными трудностями.

Следует заметить, что многие из таких детей приходят в специальную школу из массовой, где у них постоянно возникали стойкие неудачи в учебе, складывались неблагоприятные взаи-

моотношения с учителями и со сверстниками. Это, несомненно, способствует появлению у детей отрицательного отношения к школе и учению. Иногда сами родители вольно или невольно формируют такое отношение, чрезмерно завышая или занижая требования к ребенку.

Развитие отношения к учению у младших школьников протекает замедленно. Оно характеризуется неустойчивостью, изменяется под влиянием ситуации успеха или неуспеха, смены обстановки, степени контроля со стороны педагога.

На первом году пребывания ребенка в школе отношение к учению выступает как эмоционально окрашенные реакции на посещение школы. В младших классах отрицательное отношение к учению может быть обусловлено трудностями в овладении знаниями, в старших — отсутствием интереса к познавательной деятельности. Однако в старших классах обычно имеет место избирательное отношение к школьным предметам. Чаще всего самыми любимыми оказываются уроки труда.

Среди факторов, способствующих формированию положительного отношения к учению, большое значение имеет педагогическая оценка, которая выполняет ориентирующую и стимулирующую функции. Младшие умственно отсталые школьники далеко не всегда понимают достоинство оценки, не умеют адекватно оценить свою работу и работу товарища. При безразличном или отрицательном отношении к оценке она не может являться стимулом учения.

В развитии положительного отношения детей к учению значительную роль играет авторитет учителя, его доброжелательность, умение работать с коллективом. Существенное значение имеют также индивидуальные особенности учащихся — их работоспособность, потребность в успехе, осознание и переживание его.

С учетом этих параметров выделены группы учащихся, по-разному относящихся к учению:

дети с положительным устойчиво продуктивным отношением;

дети с неустойчиво продуктивным отношением;

дети с малопродуктивным отношением;

дети с индифферентным отношением.

В жизни поступившего в школу умственно отсталого ребенка игровая деятельность продолжает занимать первостепенное место. К этому времени он приобретает определенный жизненный опыт, некоторые умения и навыки самообслуживания, научается выполнять многие предметно-практические действия, в том числе и игровые, в которых, однако, далеко не всегда находит отражение реальная действительность [3].

В целом образовательные перспективы этих детей во многом определяются глубиной имеющегося недоразвития, его структурой, своевременностью начатой коррекционно-педагогической работы. Особенно большое значение имеет правильно организованное, коррекционно-направленное специальное обучение и воспитание, адекватное возможностям ребенка и опирающееся на зону его ближайшего развития.

Указывая на возможности положительной динамики умственного повреждения ребенка, Л. С. Выготский говорил о двух зонах развития. Актуальная зона характеризуется теми заданиями, которые ребенок может выполнять самостоятельно. Она показывает его обученность, дает сведения о состоянии его познавательной деятельности на определенном этапе жизни. Зона ближайшего развития определяется заданиями, с которыми ребенок не может справиться сам, но делает это с помощью взрослого. Этот показатель дает возможность установить, какие задачи будут доступны ребенку в недалеком будущем, т. е. какого продвижения от него можно ожидать [2].

Продвижение умственно отсталых детей происходит неравномерно. Активность познавательной деятельности сменяется периодами, в течение которых как бы подготавливаются возможности, необходимые для последующего положительного сдвига. Наибольшие успехи можно заметить в первые два школьных года, на четвертом-пятом году обучения и в последних классах.

Психическую деятельность ребенка (умственно отсталого) можно в известной мере скорригировать. Его мозг пластичен, что является основой развития. Отечественные психологи утверждают необходимость коррекции дефекта в раннем возрасте, при опоре на сохранные возможности ребенка, при особом внимании к становлению его высших психических функций. Воспитание, обучение и трудовая подготовка для умственно отсталых детей даже более значимы, чем для нормально развивающихся.

Первоначально мотивация достижения у учащихся начальной школы крайне примитивна: ребенок хочет сделать работу лучше и раньше, чем его товарищи. Постепенно мотивация усложняется.

Дети начинают руководствоваться побуждениями, в основе которых лежит понимание полезности работы и ее общественной значимости. Если ведущим мотивом для ученика является стремление достичь в выполняемой работе лучших результатов, то преодолеваются многие

недостатки его деятельности, такие как тенденция к «соскальзыванию», т. е. изменению поставленной цели. Отдельные действия начинают в большей мере, чем это бывает обычно, соотноситься с требованиями задачи. Более эффективной становится помощь, оказываемая взрослым, поскольку у детей появляется потребность в ней. В отдельных случаях учащиеся начинают сами задавать вопросы, помогающие более результативно выполнить предложенное задание.

Для повышения мотивации труда существенное значение имеет его общественная оценка: сознание общественной значимости выполняемой работы или изготовляемой вещи — важный мотив, который изменяет отношение к заданию, положительно влияет на характер, способы выполнения и эффективность действий.

Организованное в стране обучение предполагает коррекцию недостатков психофизического развития умственно отсталого ребенка, сообщение ему определенного круга знаний, выработку практических умений, воспитание положительных черт личности и открывает перспективу самостоятельной трудовой жизни и интеграции в общество.

1. Коррекционная педагогика в начальном образовании : учеб. пособие / под ред. Г. Ф. Кумариной. М., 2001.
2. Обучение и воспитание детей во вспомогательной школе : пособие для учителей и студентов дефектологических ф-тов пед. ин-тов / под ред. В. В. Воронковой. М. : Школа-Пресс, 1994.
3. *Кумарина Г. Ф.* Теоретические основы компенсирующего обучения // Компенсирующее обучение: опыт, проблемы, перспективы. М., 2005.
4. *Шевченко С. Г.* Коррекционно-развивающее обучение: организационно-педагогические аспекты. М., 2001.

Т. А. Филиппова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В СВЕТЕ ВНЕДРЕНИЯ ФГОС И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ПЕДАГОГА

В статье отражены особенности деятельности педагогов начальной школы в период внедрения профессионального стандарта и определены базовые принципы профессиологической модели деятельности учителей начальных классов.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, профессиологическая модель, технология образования.

T. A. Filippova

PRIMARY SCHOOL TEACHERS ACTIVITY DURING THE IMPLEMENTATION OF THE FSES AND TEACHER PROFESSIONAL STANDARDS

This article describes the features of the activity of primary school teachers during the implementation of professional standard. It defines the basic principles professiological model of primary school teachers activity.

Key words: professional standard, professiological model, education technology.

Модернизация общего образования, проводимая в настоящее время в России, предусматривает усиление требований к учителю первой ступени обучения (начальной общей школы). Учителю начальных классов необходимо выбирать наиболее эффективную модель образовательного процесса, владеть различными педагогическими технологиями, проектировать индивидуальный образовательный и воспитательный маршрут каждого ученика.

Готовность учителя к этому шагу затруднена многими противоречиями. С одной стороны, Государственный образовательный стандарт, определяя уровень требований к деятельности учителя начальных классов и соответствующие этим требованиям содержание и методы обучения и контроля, создает объективные предпосылки для расширения возможностей совершенствования деятельности учителя, ее перехода на многомерную структуру профессиональных обязанностей. С другой стороны, современный уровень профессионального образования и повышения квалификации не соответствует этим требованиям. В частности, в Государственных образовательных стандартах отражены требования к педагогическим кадрам начального образования [5, с. 85].

Поэтому актуальной является способность учителя и методических служб к генерированию модели профессиональной деятельности учителя. Особенно это относится к учителю начальных классов, так как, во-первых, именно эта ступень чаще всего первой вступает в этапы модернизации образования, а во-вторых, именно с младших поколений начинается изменение в процессах социализации, вызванное изменениями в технологиях: современные дети на интуитивном уровне осваивают те блага цивилизации, которые взрослые, их воспитывающие, способны освоить с некоторыми усилиями. Учитывать и корректировать связанные с этим процессы может лишь учитель, эффективно владеющий мобильными методами совершенствования технологий образования. Иными словами, перевод стратегических педагогических целей на язык педагогических задач формирует потребность целостного, системного анализа и диагностики содержания и процесса профессиональной деятельности учителя, определения ее перспективных конструктивных особенностей и разработки целостной профессиологической модели деятельности учителя начальных классов.

В новых условиях от учителя требуются формирование способностей высококвалифици-

рованного осуществления учебно-воспитательного процесса в школе, проведения научных исследований, освоения новых технологий и информационных систем, воспитания у учащихся духовности и нравственности, осуществление саморегулирования собственной педагогической деятельности [3, с. 94]. Все эти аспекты могут быть отражены в профессиологической модели деятельности учителя начальных классов.

При определении структуры и содержания профессиональной деятельности учителей необходимо учитывать как её инвариантный, так и вариативный характер. В современных условиях развития отечественного образования чрезвычайно важно понять, как именно должна измениться профессионально-педагогическая деятельность, поскольку современный период развития образования можно квалифицировать как период существенного обновления. Сущность и структура педагогической деятельности — один из актуальнейших вопросов современной педагогической науки и практики.

Профессиональную деятельность учителя по ее характеру можно рассматривать как последовательное решение профессиональных задач. Однако в условиях модернизации отечественного образования перед учителем встают новые по своему содержанию профессиональные задачи. Среди них следует отметить такие, как объективная оценка качества знаний учащихся, освоение новых информационных технологий, воспитание и развитие обучаемых в условиях информационного общества, взаимодействие с родителями, адаптация молодых учителей и организация наставничества.

Включение России в международное образовательное пространство требует учёта лучших образцов опыта подготовки учителей начальных классов. В частности, американские ученые признают, что для того чтобы сделать подготовку и деятельность учителей более эффективной, необходимо создание условий для творческой организации педагогического опыта. В качестве путей осуществления индивидуального подхода предлагается применять индивидуализированные программы обучения, индивидуальное наставничество, обучение, построенное на основе семинаров, способствующее развитию рефлексивного мышления, ведение «дневника рефлексии», создание проблемной модели педагогического процесса и т. п. [6, с. 129].

Привлекает опыт подготовки учителя начальных классов во Франции. Как отмечается в исследованиях (Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, В. А. Ротерберг, М. Ф. Шабаева, Н. Г. Шабло), первое педагогическое условие, связанное с профессионально-педагогической подготовкой и последующей педагогической деятельностью учителя начальных классов, включает в себя следующие направления:

— мотивированность выбора педагогической профессии (будущие студенты университетских институтов отбираются на основании специального собеседования);

— формирование личностных качеств учителя начальных классов с помощью курсов по выбору: интегрированность сознания, глобальность мышления, широкая информированность;

— подготовка учителя к решению современных проблем: школьная адаптация детей различных этнических групп;

— практическая направленность в преподавании психологии и педагогики: будущие учителя овладевают тестовыми заданиями и техникой их расшифровки.

Анализ отечественного и зарубежного опыта подтверждает, что одно из фундаментальных положений современной педагогики состоит в том, что в процессе развития личность становится не только объектом воспитательных воздействий, но и активным субъектом работы над собой, что ее можно развивать и формировать только путем включения в разнообразные виды деятельности и побуждения её к собственной активности в выработке и укреплении у себя положительных свойств и качеств [1, с. 19].

В отечественной педагогической науке постоянно идёт переосмысление функций педагогической деятельности на предмет её соответствия актуальным задачам образования. На практике каждый педагог выстраивает на основе выделенных им приоритетов избранных функций собственную модель педагогической деятельности. К участию в этом процессе прямо или косвенно привлекаются методические службы региона и собственно образовательной организации. Анализ воззрений различных учёных на функцию педагогической деятельности позволяет сделать выводы о том, что функции педагога зависят от характера труда и объекта педагогической деятельности, они разнообразны, имеют тенденцию к изменению в зависимости от изменения условий и целей педагогической деятельности, взаимосвязаны [2, с. 278].

Согласимся с Е. В. Пискуновой, что «преобладание той или иной функции в деятельности педагога указывает на то, что активность учащихся имеет определенный вид, поскольку реализуется определенный метод обучения» [4, с. 87]. На основании проведённого анализа представим на-

ше понимание функций деятельности педагога как совокупности различных процессов профессиональной деятельности, обусловленных *внешними* (нормативные требования, индивидуальные запросы заказчиков образования и др.) и *внутренними* факторами (свойствами и качествами личности педагога), влияющими в конечном итоге на уровень и качество результата образования. Поэтому функция в системном представлении заключает в себе и цель деятельности, и способы ее достижения, и комбинации видов деятельности. Соединённые функции — это система организации деятельностных процессов и как субъективное отношение к отраженному явлению, и как механизм реагирования на окружающую действительность.

Задача измерений реальных функций педагога непроста прежде всего потому, что педагогическая деятельность учителя очень сложная и многофункциональная. Основные ее виды: диагностико-прогностическая, обучающая, развивающая, воспитывающая, управленческая, консультативно-просветительская, а также деятельность по совершенствованию своего профессионального мастерства. Все эти функции как элементы целостной системы деятельности должны быть направлены на единые цели. Однако цели, намечаемые учителем в процессе социально-профессиональной деятельности, дифференцируются в зависимости от концептуальных положений традиционной и личностно ориентированной системы обучения.

Нами установлено, что актуальная профессиологическая модель деятельности учителя начальных классов должна основываться на следующих базовых принципах.

Принцип индивидуальности, который базируется на закономерности, согласно которой в педагогической деятельности учителя начальных классов достигается больший результат, когда более эффективно используется положительный личностный потенциал педагога и ученика.

Принцип развития базируется на педагогической закономерности, согласно которой система профессиональной деятельности учителя начальных классов является частью педагогической системы и как часть системы эффективность ее функционирования ориентирована на развитие личности и коллектива.

Принцип оптимальности базируется на том, что в профессиональной деятельности учителя начальных классов в рамках ФГОС есть универсальные цели, средства, формы, методы обучения, воспитания и развития. Оптимальность — это такое состояние педагогической деятельности, которое является наилучшим для учителя не вообще, а в настоящее время и с учетом всех важнейших обстоятельств, с которыми оно связано.

Принцип вариативности основывается на закономерности: профессиональная деятельность учителя начальных классов будет эффективна, если он признает разнообразие содержания, форм, методов образовательного процесса, умеет выбирать и конструировать любую модель педагогического процесса с учетом цели собственного развития.

Принцип сотрудничества, сотворчества опирается на закономерность: в педагогическом процессе достигается сотворчество там, где большая результативность и более эффективно определяется сотрудничество педагога и ученика. Принцип становится значимым там, где более высокого уровня творческих способностей и профессионального мастерства достиг сам учитель.

Принцип социализации опирается на систему профессиональной деятельности учителя начальных классов — открытую систему, представляющую часть социальной системы. В настоящее время социальная сфера ставит перед системой образования, а следовательно, и перед профессиональной деятельностью учителя следующую цель: формирование нового российского гражданина — высоконравственного, образованного, духовно богатого, трудолюбивого, физически развитого, способного к самообразованию и творчеству, любящего свое Отечество [4, с. 89].

Обозначенные выше идеи и принципы раскрывают существенные характеристики профессиональной деятельности учителя, работающего в режиме личностно ориентированного образования. Они составляют ядро концептуальной модели деятельности учителя начальных классов. Их понимание поможет практическим работникам повысить эффективность и результативность педагогической деятельности. Для реализации этих идей необходимо пересмотреть цели профессиональной деятельности учителя, выяснить, какими знаниями, умениями, способностями, личными качествами должен обладать учитель начальных классов.

Все элементы педагогической системы в процессе генерирования педагогом собственной модели профессиональной деятельности объединяются в структурное целое через взаимное сочетание, взаимное согласование, взаимное дополнение.

1. *Беспалько В. П.* Стандартизация образования: основные идеи и понятия педагогики // Педагогика. 2003. № 5. С. 16—25.
2. *Зимняя И. А.* Педагогическая психология. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. 480 с.
3. *Иванова С. В.* Изменения инструментария мониторинга педагогических компетенций работников образования // Наука Красноярья. 2013. № 3(08). С. 94.
4. *Пискунова Е. В.* Социокультурная обусловленность изменения функций профессионально-педагогической деятельности учителя // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 12. С. 87.
5. Проект стандарта образования педагога. URL: http://img.rg.ru/pril/article/73/89/59/Standart.pdf.
6. *Успенский В. Б., Чернявская А. П.* Введение в психолого-педагогическую деятельность : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2010. 176 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Д. К. Кадрия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ И ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕАЭС

В XXI веке одним из основных инструментов регулирования является правовой механизм, использование которого упорядочивает и регламентирует абсолютно все сферы жизни общества. Относительно культурных ценностей наиболее важным аспектом является правовое регулирование их перемещения. Анализ законодательства Евразийского экономического союза, а также национального законодательства каждой из стран-участниц позволяет сформулировать некоторые рекомендации для совершенствования правового регулирования перемещения культурных ценностей. Прежде всего необходимо учесть, что для достижения результатов, которых уже добился Европейский союз, необходим долгий период активной совместной работы, направленной на унификацию и гармонизацию законодательства государств — участников ЕАЭС.

Ключевые слова: культурные ценности, правовое регулирование, наднациональный уровень, национальный уровень, Евразийский экономический союз, законодательная база, унификация, гармонизация.

D. K. Kadriya

LEGAL REGULATION OF CULTURAL VALUES MOVEMENT: THE PROBLEM OF UNIFICATION AND HARMONIZATION OF EEU LEGISLATION

The legal framework is one of the main instruments of regulation in the 21st century. Its use organizes and regulates all spheres of human life. Concerning cultural values the most important aspect is the legal regulation of their movement. Analysis of the Eurasian Economic Union legislation as well as national legislation of each member-country allows to state some recommendations for improving the legal regulation of cultural values movement. First of all, it has to be taken into account that to achieve results, which have already achieved the European Union we need a long period of active collaboration focused on unification and harmonization of the EEU members legislation.

Key words: cultural values, legal regulation, supranational level, national level, Eurasian Economic Union, legislation framework, unification, harmonization.

После распада СССР на постсоветском пространстве начали формироваться разнообразные интеграционные объединения. Однако только с появлением Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС) можно было утверждать о новом уровне интеграции, которому дали старт Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. За 14 лет существования ЕврАзЭС государства-участники посчитали нужным изменить формат и выйти на новый этап работы. А с 1 января 2015 года согласно Договору о создании Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) образовано новое объединение, которое является крупнейшим по территории в мире. Целью создания ЕАЭС стала необходимость более глубокой интеграции, которая поспособствует повышению конкурентоспособности экономик государств-членов, что, в свою очередь, является залогом стабильного развития и повышения уровня жизни населения.

В состав ЕАЭС с 2015 года входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская

Федерация. Любое интеграционное объединение предполагает унификацию и гармонизацию законодательства во всех сферах, что является залогом успешного функционирования союза. Однако следует отметить, что ЕАЭС — это не только экономический союз, но и культурный, так как объединяет страны с многовековой историей, которые в недавнем прошлом были единым межгосударственным союзом.

Анализ законодательств каждой из стран — участниц ЕАЭС позволяет сделать выводы, что вопросы унификации следует рассматривать через призму:

- различий в понятийном аппарате;
- уровня законодательного регулирования;
- степени проработанности законодательства как в национальном, так и в международном аспекте.

Относительно понятийного аппарата и терминов, введенных в легальный оборот, можно сделать общее заключение о том, что во всех странах существуют различия в употреблении понятий в нормативных правовых актах, регламентирующих перемещение культурных ценностей. Ниже приведена таблица, которая показывает не только отличия в понятийном аппарате, но и различный уровень правового регулирования на национальном уровне. Как видно из таблицы 1, в некоторых странах основным актом, регулирующим перемещение культурных ценностей, является закон, а в других — подзаконный акт.

Таблица 1

Акты национального законодательства стран — государств ЕАЭС, регламентирующие перемещение культурных ценностей и определение понятия «культурные ценности», данное в них

Страна	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация
Акт законодательства	Закон Республики Армения «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 6 декабря 2004 г. ЗР-176-Н	Положение о порядке и условиях выдачи Министерством культуры заключений (разрешительных документов) на вывоз культурных ценностей, ограниченных к вывозу с территории Республики Беларусь по основаниям неэкономического характера	Закон Республики Казахстан от 15 декабря 2006 г. № 207-III ЗРК «О культуре»	Положение о порядке ввоза на территорию Кыргызской Республики и вывоза за ее пределы объектов культурных ценностей	Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»
Определение понятия «культурные ценности»	Предметы и произведения, считающиеся продуктом жизнедеятельности человеческого общества, которые независимо от времени создания имеют важное археологическое, этнографическое, историческое, религиозное, художественное, научное значение	Отсутствует определение	Материальные и нематериальные ценности светского и религиозного характера, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение	Ценности религиозного или светского характера, которые представляют значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки государства	Отсутствует прямое определение

Актом [1] наднационального регулирования утвержден единый перечень культурных ценностей, подлежащих контролю при перемещении через таможенную границу Таможенного союза, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз. Перемещение культур-

ных ценностей осуществляется в соответствии с Положением о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза и вывоза с таможенной территории Таможенного союза культурных ценностей, документов национальных архивных фондов и оригиналов архивных документов.

Культурные ценности, перемещаемые через таможенную границу Таможенного союза, подлежат таможенному декларированию при помещении под таможенную процедуру либо в иных случаях, установленных в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза (далее — ТК ТС). В целом законодательство на наднациональном уровне развивается достаточно динамично с целью достижения унификации и гармонизации в рамках Евразийского экономического союза. Однако, как уже отмечалось выше, существует как минимум три значительных аспекта, которые требуют более детального изучения. Начнем с отличий в понятийном аппарате.

В силу своей природы культурные ценности становятся особым объектом правового регулирования. Необходимость защиты и сохранения культурного наследия связана с желанием созидать, ее можно отнести к естественным потребностям человека. Защита культурных ценностей выражается в планомерной разработке правовых норм международного и национального права, направленных на регулирование экономического оборота культурных ценностей.

В основном нормативные правовые акты о вывозе культурных ценностей регламентируют перемещение старинных, ценных или имеющих особое национальное значение предметов. Каждое государство установило собственное законодательство в соответствии с национальными приоритетами и особенностями. Цель контролирующих служб — надзор над вывозом культурных ценностей и в определенных случаях его ограничение. Разрешение на вывоз в форме лицензии выдается во многих странах, доказательством чего служит активное передвижение предметов искусства по всему миру.

Следует также учитывать тот факт, что условия и формальности зависят прежде всего от страны и ее национального законодательства. Правила вывоза применяются к каждому конкретному случаю к частным лицам, коммерческим и некоммерческим организациям, государственным учреждениям и т. д. Все страны при создании национальной системы экспортного контроля делают акцент на собственных особенностях и приоритетах. Законы о культурном наследии должны охранять культурные ценности и не допускать их незаконного вывоза из страны.

Реестры культурных ценностей национального значения существуют во многих странах и часто выступают в качестве правовой базы при принятии решений в отношении вывоза. В тех странах, где подобных реестров не существует, национальное законодательство устанавливает критерии для оценки значимости культурных предметов. Процедура экспертизы проводится индивидуально для каждой заявки, с учетом этих критериев. Основным инструментом контроля над перемещением культурных ценностей через национальные границы является лицензия на вывоз.

Национальные законодательства по охране культурных ценностей и культурного наследия значительно отличаются друг от друга. Несмотря на наличие в странах ЕС и ЕАЭС общей законодательной базы, регулирующей вывоз культурных ценностей, в некоторых государствах внутренние правила отличаются гораздо большей строгостью, чем законодательство союза, в особенности это относится к национальным законодательствам ЕС. В других же государствах общее законодательство применяется практически в неизменном виде, за исключением введения некоторых дополнительных ограничений на вывоз национальных сокровищ и объектов особого значения.

Основные межстрановые отличия, с которыми можно столкнуться, касаются следующих аспектов:

- срок получения лицензии на вывоз (от нескольких дней до нескольких месяцев);
- необходимость предоставить культурные ценности для осмотра (в некоторых странах это обязательная процедура, в других она требуется только в случае необходимости);
- необходимость платить за экспертизу или другую процедуру;
- наличие реестра культурных ценностей, не подлежащих вывозу;
- наличие законного права оспаривать экспертную оценку или обжаловать отказ в выдаче лицензии на вывоз.

Анализ законодательства ЕС, ЕАЭС, а также национального законодательства каждой из стран союзов позволяет сформулировать некоторые рекомендации для совершенствования правового регулирования перемещения культурных ценностей в ЕАЭС. Прежде всего необходимо учесть, что для достижения результатов ЕС необходим долгий период активной совмест-

ной деятельности, направленный на унификацию и гармонизацию законодательства государств — участников ЕАЭС.

Первый и один из наиболее важных аспектов — урегулирование употребления понятий, связанных с культурными ценностями, в нормативных правовых актах законодательств стран — членов Евразийского экономического союза, а также выработка общего определения, учитывающего национальные интересы и особенности всех государств. Более того, необходимо внедрить четкое определение и разделение между понятиями «культурное наследие» и «культурные ценности». Следующим этапом станет разработка общего списка культурных ценностей, которые будут подпадать под действие правового акта относительно перемещения культурных ценностей. Общий список необходимо сформулировать исходя из положений, содержащихся в национальном законодательстве каждой страны, и выработать перечень категорий. Более того, следуя примеру ЕС, потребуется также проработать разъяснения для каждой категории во избежание спорных ситуаций, связанных как с получением необходимых документов для вывоза, так и трактовкой правовых актов.

Затем необходимо продолжить совместную работу над формированием общего перечня запрещенных к вывозу культурных ценностей, а также общего реестра особо ценных и значимых культурных объектов. Опыт стран ЕС, у которых не существует реестра особо ценных предметов культурного наследия, показывает, что это приводит к ситуациям, в которых необходима оценка каждого конкретного предмета по определенным критериям. Конечно же, реестр не является стопроцентным решением всех спорных ситуаций, однако он значительно сократит объемы работы. А включение в реестр критериев, по которым страны включали в него предметы, позволит при необходимости легко классифицировать новые объекты.

Следующим большим шагом представляется выработка нормативного правового, регулирующего перемещение культурных ценностей в ЕАЭС. Как видно из анализа национальных законодательств государств — членов Евразийского экономического союза, для некоторых из них защита и сохранение культурных ценностей является конституционной обязанностью. Таким образом, создание единого акта по примеру Европейского союза поможет урегулировать максимально большую часть вопросов, связанных с перемещением культурных ценностей, а также их защитой и сохранностью. Представляется странным, что на данный момент регулирование культурных ценностей включено в правовой акт, который регулирует достаточно широкий спектр товаров. Более того, данный правовой акт не является удобным в использовании и ясным в понимании, так как содержит достаточно большое количество отсылочных норм в отношении национального законодательства. Необходимо учесть тот факт, что сохранение и защита культурных ценностей должны стать общим делом для всех стран Евразийского экономического союза.

Из анализа законотворческого опыта Европейского союза можно сделать вывод, что правовые акты регулярно должны обновляться, чтобы соответствовать реалиям современного мира. Также следует учитывать, что внесение слишком большого количества поправок является нецелесообразным (в качестве примера можно привести новые правовые акты ЕС относительно перемещения культурных ценностей, которые были изданы спустя 20 лет именно ввиду слишком большого количества уже внесенных и необходимых для внесения изменений).

Опираясь на опыт Европейского союза, необходимо включить в новый правовой акт все необходимые элементы для того, чтобы избегать увеличения уровня подзаконного регулирования. Более того, требуется конкретное понимание специфики регулирования культурных ценностей, чтобы передать ее в каждом положении нового правового акта, которое на данный момент явно отсутствует. Все необходимые документы и процедуры, связанные с перемещением культурных ценностей, необходимо привести в соответствие с общим подходом. Несмотря на достаточную проработанность законодательства ЕС, огромное количество аспектов, связанных с перемещением, регулируется национальным законодательством стран — членов союза. Данный факт приводит к двойному регулированию, что отрицательно сказывается на обороте культурных ценностей. Особенно ярко это иллюстрируют некоторые страны Европейского союза, в которых на вывоз культурных ценностей зачастую необходимо получать как национальную, так и лицензию ЕС. Высокая доля национального уровня регулирования в общей массе правил означает, что количество спорных ситуаций может во много раз увеличиться, что создает неэффективные механизмы оборота культурных ценностей.

Одним из положительных аспектов опыта Европейского союза является наличие перечня

компетентных в выдаче лицензии органов, а также таможенных органов, уполномоченных производить таможенное оформление в отношении культурных ценностей. По тем или иным причинам государство пытается ограничить количество как компетентных, так и уполномоченных таможенных органов. Главным основанием для этого служит простота и эффективность осуществления таможенного контроля в отношении перемещаемых культурных ценностей.

Следующим немаловажным аспектом регулирования является выработка позиции и положений к ней относительно перемещения культурных ценностей в рамках Евразийского экономического союза. Анализ развития национального законодательства членов Европейского союза показывает, что страны стремятся урегулировать и регламентировать оборот культурных ценностей в рамках интеграционного объединения, что не менее важно. Необходимо выработать единую позицию относительно того, каким образом будет регламентировано внутреннее перемещение культурных ценностей, станет ли это предметом национального либо наднационального правового регулирования. Более того, страны — члены ЕАЭС могут выработать единые правила и документы в отношении друг друга.

Самым важным инструментом регулирования перемещения культурных ценностей является лицензия. Тем самым именно условия ее выдачи и причины отказа должны быть абсолютными для заявителя. Интересным представляется тот факт, что в некоторых странах ЕС нельзя обжаловать решение компетентного органа об отказе в выдаче лицензии. А условия, при которых возможно получить отказ, в законодательстве ЕС и ЕАЭС очень разнятся. Исходя из обозначенных оснований, можно сделать вывод о том, что законодательство ЕАЭС содержит по большей части формальные признаки отказа, в отличие от законодательства ЕС. Однако данный аспект в законодательстве ЕС в большей степени регламентирован национальным законодательством и тем самым требует уточнения для каждого отдельного случая перемещения. Формальность признаков отказа исходит из того, что правовой акт, которым регламентируется оборот культурных ценностей, регулирует и перемещение иных товаров, то есть не имеет целевой направленности. Так же как и виды лицензии варьируются в соответствии с общим пониманием лицензирования товаров, а не конкретного специфичного для культурных ценностей. Огромным преимуществом было бы разработать систему лицензии, которая бы зависела от правового статуса заявителя, а также цели перемещения. В соответствии с этим необходимо также пересмотреть срок предоставления лицензии, который на данный момент не превышает одного года, тогда как в ЕС она может выдаваться на срок до пяти лет.

В целом законодательство должно четко регулировать два направления перемещения — культурный обмен и торговля. При обороте культурных ценностей в рамках культурного обмена не должно возникать никаких трудностей и сложностей. Относительно торговли культурными ценностями следует отметить, что арт-рынок в современных реалиях привлекает преступность как никогда. Незаконная торговля культурными ценностями не только способствует уменьшению поступлений в бюджет, но и во многом становится средством финансирования террористических программ. Европейские страны, а именно самые крупные эмитенты лицензий на перемещение культурных ценностей, обсуждают внедрение уникальной информационной базы, с помощью которой могут в принципе отследить пребывание культурной ценности в том или ином месте. Единая информационная база позволит бороться с незаконным оборотом культурных ценностей.

В целом для устранения всех вышеперечисленных пробелов и достижения унификации и гармонизации в области культурных ценностей необходимо провести детальную оценку проработанности законодательства каждого члена Евразийского экономического союза. Таким образом, необходимо выработать единый подход к проблеме сохранения и защиты культурных ценностей. Учитывая историческое и культурное наследие государств — членов Евразийского экономического союза, правовое регулирование в области перемещения, охраны и защиты культурных ценностей следует перенести на качественно новый и усовершенствованный уровень.

1. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 года № 30 «О мерах нетарифного регулирования» // СПС «КонсультантПлюс».

М. А. Саблина

ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СПЕЦИФИКА РОЛИ

В статье проводится анализ действующего определения понятия «исполнитель». Констатируется невозможность на основании последнего провести грань между исполнителем и другими соучастниками. Оцениваются варианты определений, предлагаемые различными авторами. Вычленяется специфика роли рассматриваемого вида соучастника, которую предлагается положить в основу при изменении редакции ч. 2 ст. 33 Уголовного кодекса.

Ключевые слова: соучастие, соучастник, субъект преступления, исполнитель.

M. A. Sablina

PERPETRATOR: ROLE SPECIFIC

The paper is devoted to the current definition of "perpetrator". It states that it is impossible to distinguish a perpetrator and other accomplices. It examines the definitions proposed by different authors. The article also determines the perpetrator role specific which is offered to accept as a basis while creating a new version of p. 2 art. 33 of the Criminal Code.

Key words: complicity, accomplice, crime committer, perpetrator.

По данным статистики, преступления, совершенные в соучастии, составляют значительную часть общего числа преступных деяний [1]. Комбинация соучастников может быть различной, но одним из них (при состоявшемся соучастии) всегда будет исполнитель.

Легальное определение ключевой фигуры соучастия сводится на текущий момент к перечислению существующих её разновидностей (непосредственный исполнитель, посредственный и соисполнитель), оставляя нераскрытой специфику деятельности, позволяющую отграничить исполнителя от организатора, подстрекателя и пособника.

Если отбросить уточняющие характеристики, исполнителем признаётся лицо, совершившее преступление. Утверждение, бесспорно, верное, но не позволяющее провести границу между рассматриваемым видом соучастника и теми, что указаны в ч. 3—5 ст. 33 Уголовного кодекса (далее — УК), поскольку оно в равной степени справедливо в отношении последних.

Аналогичный вывод можно сделать применительно к понятию «объективная сторона», на предпочтительность использования которого вместо «преступление» указывают многие авторы, отмечая конкретизированность первого [2]. П. Ф. Тельнов писал: «Таким образом, для ответа на вопрос, является ли соучастник исполнителем, необходимо обратиться к законодательной характеристике объективной стороны преступления. Лицо, полностью либо частично выполнившее её, должно признаваться исполнителем» [3].

Восприятие описанного алгоритма ставило бы вопрос об основании привлечения к уголовной ответственности организаторов, подстрекателей и пособников. Если указанные соучастники объективную сторону не выполняют, то не соблюдается требование ст. 8 УК о совершении деяния, содержащего все признаки состава преступления. В связи с этим высказывались предложения о необходимости введения дополнительных норм, способных разрешить указанную проблему. А. В. Шеслер, например, рекомендует дополнить ст. 32 УК частью второй следующего содержания: «Соучастие является основанием уголовной ответственности лиц, совместно совершивших преступление» [4]. Представляется, однако, что данная мера излишняя. Д. И. Джулай справедливо подметил, что «особенность законодательной характеристики состава преступления, совершаемого в соучастии, состоит в том, что его признаки указываются не только в статье Особенной части, но и в Общей части — ст. 33 УК РФ» [5].

Таким образом, поскольку действия, описанные в ч. 3—5 ст. 33 УК являются частью объективной стороны всякого преступления (если оно совершается в соучастии), то оперирование

любым из обозначенных выше понятий (присутствующим в действующей редакции ч. 2 ст. 33 УК или предлагаемым П. Ф. Тельновым и солидарными с ним авторами) не отвечает поставленной цели — вычленению специфической черты роли исполнителя.

Кригер Г. А. и Гришаев П. И. предлагали заменить «преступление» на «действия, описанные в одной из статей Особенной части, в качестве конкретного преступления» [6]. Авторы считали, что подобная конкретика будет способствовать учёту структуры выполненного соучастниками состава и позволит обращать особое внимание на обрисовку законодателем действия (в уголовно-правовом смысле) в каждом отдельном случае [7]. Само замечание о необходимости выявлять соответствие содеянного составу преступления очень верно, поскольку проведение подобных параллелей способствует, в частности, отделению роли исполнителя от других соучастников. Однако представляется, что данную проблему не решить за счёт «разжёвывания» понятия преступления в положениях о соучастии.

Цвиренко О. Л. в качестве альтернативы предлагает заменить «преступление» на «деяние (действие или бездействие), образующее объективную сторону состава преступления, закреплённого в Особенной части УК» [8]. Идентичный по содержанию подход излагал столетием ранее П. П. Пусторослев. Учёный писал: «Чтобы решить, кто из соучастников угол. правонарушения в данном случае является виновником, мы должны определить, какого рода угол. правонарушение находится перед нами, на какой стадии остановилось его осуществление в данном случае и кто из людей виновно учинил такое внешнее действие или бездействие, которое… характеризует эту стадию» [9] (адаптировано).

Арутюнов А. А., считая необходимым конструировать нормы более понятным для простых граждан, а не только специалистов в области права языком, представил такой вариант: действие (бездействие), предусмотренное статьёй Особенной части УК [10].

Абстрагируясь от «плюсов» и «минусов» каждой из предложенных редакций, обратим внимание на элемент, их объединяющий, — в выработанных правоведами вариантах спектр деяний исполнителя ограничен теми, которые указаны в Особенной части УК. Представляется, что такой конкретизации достаточно для отграничения рассматриваемого вида соучастника от организаторов, подстрекателей и пособников, поскольку описание объективной стороны в части, которой её могут выполнить последние, содержится в Общей части УК. Тем не менее полнота исследования требует освещения всех известных точек зрения (по крайней мере наиболее популярных) в отношении изучаемого вопроса. В связи с этим обратимся к доводам учёных, пытавшихся раскрыть специфику роли исполнителя через выявление характерной черты его деятельности.

Значительное влияние на развитие идей о соучастии (в том числе о видах соучастников и их ответственности) оказали представители немецкой юридической школы. Рудольф Гаупт писал, что исполнитель, в отличие от остальных соучастников, *причиняет* преступный результат, в то время как, например, пособник лишь способствует его наступлению [11]. А. Н. Трайнин критиковал подобный подход, отмечая, что, не являясь причиной преступления, нельзя быть и соучастником. Однако здесь принципиальное значение имеет то, что именно следует понимать под причиной.

С одной стороны, первопричиной может выступать умысел, например, организатора, с которым согласуются все последующие действия. В этом смысле вполне уместно упоминание латинского выражения dominus causa, что означает «главная причина — то же, что и причина причин». А. Артемьев называл её causa principalis. Автор писал: «Главнейшая причина есть тот, кто: побуждает другого или к соделанию такого действия, или к небрежению оного» [12] (адаптировано). Н. С. Таганцев считал, что «всякое лицо, содействовавшее физической или психической деятельностью произведению результата, может быть названо его причиной» [13] (адаптировано).

С другой стороны, причиной можно именовать совершение конкретного деяния, описанного в Особенной части УК. При таком понимании теория Р. Гаупта, на первый взгляд, становится справедливой.

Трайнин А. Н. настаивал на том, что специфической чертой деятельности исполнителя является непосредственность совершения преступления [14].

На законодательном уровне указание на данную характеристику впервые появилось в Уголовном уложении 1903 года, где понятие «исполнитель» не использовалось, но среди соучастников наряду с другими выделялись лица, которые *непосредственно* учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении (ст. 51). В Основах уголовного законодательства

СССР и союзных республик и затем в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года лицо, непосредственно совершившее преступление, стало именоваться исполнителем. Согласно действующей редакции уголовного закона последний может реализовывать свои намерения, в частности, посредством сил других лиц, не подлежащих уголовной ответственности. Следовательно, непосредственное совершение не охватывает всех возможных способов деятельности исполнителя, а значит, не может претендовать на признание специфической чертой.

Более того, выше мы установили, что организатор, подстрекатель и пособник также участвуют в выполнении объективной стороны преступления (но для них она закреплена в Общей части УК), соответственно, логично предположить, что они также могут выполнять её как непосредственно, так и посредством. Так, А. П. Козлов отмечал, что и остальные соучастники своими руками (то есть непосредственно) совершают инкриминируемые им преступления, за которые следуют наказания [15]. Таким образом, непосредственное совершение следует рассматривать лишь в качестве возможного вида преступного поведения, причём любого субъекта преступления.

Ряд авторов, давая определение исполнительским деяниям, уточняют, что для привлечения к ответственности достаточно их частичного совершения [16]. Точность такой конкретизации спорна. Говорить об успешной реализации преступного умысла мы можем только в том случае, если была полностью выполнена объективная сторона состава. При этом она может состоять из нескольких действий. Например, изнасилование — это половое сношение с применением насилия. Соответственно, отсутствие первого даёт основание для квалификации содеянного только как покушения на изнасилование. В том случае, если половое сношение осуществлялось одним лицом, а другое удерживало жертву, то преступление, предусмотренное ст. 131 УК, совершено в полном объеме путём выполнения каждым из соисполнителей части объективной стороны. Деяние, в свою очередь, *неделимо.* Оно либо есть, либо его нет. И не обязательно, чтобы все его разновидности были перечислены непосредственно в тексте уголовного закона. Так, насилие может выражаться в удержании, нанесении ударов, связывании и так далее — всё это конкретные действия. И либо лицо связывало жертву, становясь тем самым соисполнителем изнасилования, либо только подавало верёвку, что насилия не образует и необходимо квалифицировать как пособничество. Соответственно, поскольку исполнительскую роль мы определяем через совершение деяний, то указание на полное или частичное их выполнение неуместно.

Думается, что определение того или иного понятия должно отражать сущность последнего. Включение в дефиницию возможных видов или иных уточнений допустимо, но при этом не должна нарушаться стройность всей системы понятийного аппарата. Применительно к ч. 2 ст. 33 УК данное правило не соблюдается. Поскольку любое преступное деяние (в том числе при единоличном совершении) может осуществляться как посредством, так и непосредственно, указание на эти характеристики в комментируемой норме приводит к путанице и ошибкам в квалификации — например, зачастую содеянное субъектом преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, расценивается правоприменителями как соучастие.

Также, закрепляя закрытый перечень чего-либо, необходимо быть уверенным, что он является полным. В отношении видов исполнителя этого сказать нельзя, поскольку согласно действующей редакции закона соисполнителями могут быть признаны только лица, непосредственно участвующие в совершении преступления. В то же время на практике возможны случаи, когда оба или один из них используют для реализации своих намерений те или иные орудия, в том числе одушевлённые (животных, малолетних, невменяемых). Последнее представляет собой посредственное исполнение, однако не исключает возможность и, более того, необходимость вменения группового признака.

В связи с вышеизложенным ч. 2 ст. 33 УК предлагается изложить в следующей редакции: «Исполнителем признаётся лицо, совершившее деяние, предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса».

---

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-03.htm, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-01.htm (дата обращения: 15.04.2016).
2. См., напр.: *Козлов А. П.* Соучастие. Традиции и реальность. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. С. 86; *Кузнецов А.* Квалификация соучастия в преступлении // Советская юстиция. 1965. № 11. С. 7; *Пинчук В. И.* Соучастие в преступлении : учеб. пособие. СПб., 2002. С. 22—23; Уголовное право : учеб. для юридических школ / под ред. И. Т. Голякова. М., 1943. С. 104.
3. *Тельнов П. Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М. : Юридическая лит., 1974. С. 73—74.

4. *Шеслер А. В.* Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex russica. 2015. № 6. С. 30.
5. *Джулай Д. И.* Предупредительная функция уголовной ответственности за преступления, совершенные в соучастии // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. 2013. № 2. С. 211. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы. См., напр.: *Иванчин А. В.* Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex russica. 2015. № 6. С. 22.
6. *Гришаев П. И., Кригер Г. А.* Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 137.
7. См.: *Гришаев П. И., Кригер Г. А.* Указ. соч. С. 137.
8. См.: *Цвиренко О. Л.* Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 29.
9. *Пусторослев П. П.* Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев : Тип. К. Матиссена, 1907. С. 438—439.
10. См.: *Арутюнов А. А.* Соучастие в преступлении. М. : Статут, 2013. С. 178.
11. См. по: *Трайнин А. Н.* Избранные труды / сост., вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 290.
12. См. по: *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России (воспроизводится по изданию Ярославль, 1909). М. : Зерцало, 2003 // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 06.03.2016.
13. *Таганцев С. Н.* Главные течения в истории науки уголовного права в России (воспроизводится по изданию Ярославль, 1909). М. : Зерцало, 2003 // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 06.03.2016.
14. См.: *Трайнин А. Н.* Указ. соч. С. 290. Аналогичное суждение можно встретить в работах многих правоведов XIX—XX вв. См., напр.: *Белогриц-Котляревский Л. С.* Очерк русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев — Харьков : Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1908. С. 176, 180; *Таганцев С. Н.* Указ. соч. // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 05.03.2016.
15. См.: *Козлов А. П.* Указ. соч. С. 85.
16. См.: *Козлов А. П.* Указ. соч. С. 83. См. также: *Тельнов П. Ф.* Указ. соч. С. 73—74; *Цвиренко О. Л.* Указ. соч. С. 29.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Ю. Н. Захарова, С. В. Мартынов, К. А. Мызрова, Е. В. Степанова

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИНТЕРНЕТ-ПРОДАЖ

Одной из современных тенденций в эпоху информационной экономики или экономики знаний является информатизация экономического пространства. В статье авторы рассматривают интернет-продажи как одну из современных тенденций в торговле товаров и предоставлении различных видов услуг. Авторами сделан акцент на анализе особенностей интернет-магазинов как основного источника интернет-продаж.

Ключевые слова: информация, знания, Интернет, интернет-магазины, интернет-продажи.

Y. N. Zakharova, S. V. Martynov, K. A. Myzrova, E. V. Stepanova

FEATURES AND TRENDS OF INTERNET SALES

One of the current trends in the era of information economy or economy of knowledge is the computerization of economic space. The authors consider the Internet sales as one of the modern trends in the trade of goods and the provision of various services. The authors emphasise the analysis of the features of online stores, as the main source of Internet sales.

Key words: information, knowledge, internet, online shopping, online sales.

Основными чертами современного общества являются глобализация мирового экономического пространства и модернизация. Взаимопроникновение и сближение культур, переплетение международных экономических связей, процессы мирового разделения труда приводят к стиранию граней между национальными экономиками и втягиванию их в мировой рынок. С течением времени эта глобализация всё сильнее проявляет себя, втягивая в свою орбиту всё новые страны. Существуют различные стороны подобной интеграции — экономическая, политическая, культурная, информационная. Ход осуществления данных процессов напрямую зависит от информатизации пространства.

В современном обществе информацию рассматривают как один из основных ресурсов его развития, а информационные системы и технологии как одно из средств повышения эффективности работы людей. Информация и знание становятся определяющим экономическим фактором, а также важнейшим национальным ресурсом, который в определенном смысле подобен недрам, воде, лесам и т. п. и который в значительной степени определяет благосостояние государства. Сохранение, развитие и рациональное использование национального информационного ресурса является задачей государственного значения. Существенная роль информационных технологий в развитии общества состоит в ускорении процессов получения, распространения и использования обществом новых знаний.

Еще в недалёком прошлом, вплоть до 1990 года, Национальным научным фондом США было запрещено использовать Интернет в бизнесе, и лишь в дальнейшем крупным частным компаниям был разрешен доступ к использованию Сети. Несколько позже контроль за Сетью перешел в частные руки, что повлекло за собой расширение круга потребителей, а также коммерческих поставщиков услуг Интернета, что позволило миллионам людей по всему миру пользоваться им.

Вскоре, после внедрения интернет-технологий в общественную сеть, Д. Безос в 1994 году создал компанию Amazon, а в июле 1995 года открылся первый в мире интернет-магазин Amazon.

Интернет стал основным источником информации для огромного числа потенциальных

покупателей. Все больше и больше людей, прежде чем совершить какую-либо крупную покупку, ищут в Сети информацию о производителях и продавцах необходимого им товара. Изучив альтернативные предложения продавцов, потребители делают осознанный выбор, который заканчивается сделкой. Компании, делающие ставку на Интернет как основной канал продаж, имеют возможность экономить на строительстве магазинов, содержании продавцов. Для продажи товаров и оказания различных услуг требуется «продающий» сайт, направленный именно на продажи, который должен ясно и прямо информировать будущих покупателей об уникальном торговом предложении, скидках, распродажах, способах покупки.

Понятие «интернет-магазин» можно рассматривать как с технологической позиции, так и с позиции маркетинговых коммуникаций. Интернет-магазин — это интерактивный веб-сайт, рекламирующий товар или услугу, принимающий заказы на покупку, предлагающий пользователю выбор варианта расчета, способа получения заказа и выписывающий счет на оплату.

С технической точки зрения интернет-магазин можно определить как многофункциональный программный модуль, встроенный в веб-сайт и призванный обеспечить продажи продукции фирмы через Интернет.

На сайте интернет-магазина обычно представлен подробный каталог товаров с ценами, на основе которого пользователь формирует свой заказ. Логика интернет-магазина выстраивается по принципам реального торгового зала. В любом интернет-магазине необходимым требованием является наличие структурированного каталога товаров (аналог полок в магазине), системы поиска по ключевым словам (аналог секций в торговом зале), корзины заказов (аналог реальной корзины), разнообразия платежных систем, выбор способов и служб доставки.

Интернет-магазины классифицируют по видам продаж, способам оплаты и по типу и количеству товарных категорий. В зависимости от представляемых товаров в каталоге интернет-магазины делятся на интернет-супермаркеты, интернет-витрины, автоматические магазины, онлайн-аукционы.

Итак, представим основные виды интернет-магазинов в зависимости от представляемых товаров в каталоге:

1. *Интернет-супермаркет*, каталог которого содержит многоуровневое логическое дерево разделов и подразделов, внутри которых находятся списки с карточками товаров. Каталог интернет-супермаркета должен быть хорошо структурированным и очень логичным, если мы хотим, чтобы в таком разнообразии товаров посетители нашли то, что им действительно нужно. Конечной точкой перемещения по каталогу должна стать карточка товара, содержащая его описание, признак наличия в продаже и цену. Список в каталоге сортируется по признаку наличия товара на складе. Актуальные товары находятся в начале списка, снятые с продажи — в конце. Таким образом, устаревшие товары, находясь в каталоге, не мешают клиентам делать покупки, но продолжают работать на этот магазин и приводить на сайт все новых и новых покупателей.

Например, крупнейший в мире интернет-магазин Amazon.com вышел на новый и довольно необычный для онлайн-торговли товарный сегмент — продукты питания. Тестовая версия нового сервиса была запущена в мае 2008 года. Ассортимент был ограничен нескоропортящимися бакалейными продуктами: крупами, макаронами и консервированными супами, но к настоящему времени интернет-магазин предлагает не меньше позиций, чем любой соответствующий офлайн-супермаркет. При этом Amazon готов доставлять заказы в любую точку мира.

2. *Интернет-витрина* может быть размещена на собственном сервере либо на сервере провайдера, на сервере, предоставляющем бесплатные страницы. Торговый автомат может не только выполнять функции витрины, но и принимать заказы и передавать их менеджеру, то есть оформлять заказы и выписывать счета на оплату без присутствия покупателя. Торговый автомат реально торгует и по соотношению затрат к результату наиболее предпочтителен для тестовых проектов с небольшим потоком покупателей. Торговый автомат также можно разместить и на своем сервере, и на сервере провайдера. Однако его создание и администрирование требует навыков и определенной квалификации.

3. *Автоматический магазин* — эффективное и комплексное решение в торговом бизнесе. Он не только выписывает счета, но и отслеживает заказы, принимает электронные платежи и формирует заявки на доставку товаров покупателям. Поскольку автоматический магазин должен иметь постоянную связь с информационной системой компании, то размещать его лучше либо на корпоративном сервере в локальной сети, либо на удаленном сервере с постоянно действующим каналом связи. Интерактивные магазины могут торговать чем угодно.

Наиболее активно развивающимся сегментом отечественной электронной коммерции яв-

ляется сервис по продаже билетов — как на различные виды транспорта, так и на развлекательно-зрелищные мероприятия. Например, в настоящее время в момент оплаты билеты компании «Аэрофлот» оформляются как электронные, что было связано с упрощением нормативно-правовых ограничений на выпуск и обращение электронных билетов в России. Также произведена интеграция с аэропортами назначения, и пассажиру достаточно предъявить распечатанную электронную копию билета и паспорт.

4. *Продажа электронного контента* представляет собой два основных варианта: продажа временного доступа к файлам (например, книги или mp3-файлы); продление подписки — номера пластиковых карточек пользователей (номера шифруются) хранятся для автопродления подписки; возможность управления продлением. В качестве примера можно привести всемирно известный интернет-магазин корпорации Microsoft, осуществляющей продажи программного обеспечения. Также предоставляется сервис Windows Marketplace, в котором реализован ряд таких возможностей, как функция Digital Locker, позволяющая пользователям отслеживать историю своих покупок и хранить информацию о лицензиях на купленное программное обеспечение. В ассортименте Windows Marketplace представлено более 60 тысяч программ, имеется отдельный раздел для плагинов браузера Internet Explorer. Параллельно корпорация планирует использовать магазин для продвижения своего проекта с интернет-паспортом, который пока не прижился в тех масштабах, на которые рассчитывала компания. Для регистрации на Windows Marketplace пользователь должен получить аккаунт в Windows Live, MSN или Microsoft Passport [5].

Еще один пример, связанный с корпорацией Sony, которая наладила продажу электронных версий книг через свой интернет-магазин Sony Connect, причем презентация нового сервиса была совмещена с выходом устройства для чтения электронных книг Sony Reader PRS-500 (2006 год). В Sony Connect продается продукция крупнейших мировых издательств, в том числе Harper Collins и Simon & Schuster, а в перспективе в дополнение к книгам планируется наладить продажу газет и журналов. Компания Sony позаимствовала бизнес-модель у корпорации Apple, которая уже несколько лет удерживает лидерство на рынке музыкального интернет-контента за счет связки iPod + iTunes и намеревается занять позицию лидера в сфере e-book.

5. *Онлайн-аукцион*, или *интернет-аукцион*,— это аукцион, проводящийся посредством сети Интернет, является разновидностью интернет-магазина, так как имеет в своем функционале прием онлайн-платежей. Момент окончания интернет-аукциона заранее назначается самим продавцом при постановке товара на торги. По окончании интернет-аукциона покупатель должен перевести деньги продавцу по безналичному расчёту (реже — наличными, например — при получении товара лично), а продавец обязан выслать товар покупателю по почте, нередко в любую точку страны или мира. Границы возможной пересылки товара указываются самим продавцом заранее. Мировым центром аукционной и всей электронной торговли в течение многих лет остается международная торговая площадка www.eBay.com. Большая часть её клиентов проживает в США, Германии, Великобритании и Южной Корее. Компания по-прежнему остается общепризнанным лидером рынка, и никто из конкурентов не может представить достойной альтернативы eBay. Тарифы на размещение товаров на аукционе варьируются от 5 до 20 центов за предложение. Компания eBay разработала площадку быстрой купли-продажи eBay Express, где осуществляется продажа бывших в употреблении товаров частными лицами.

На сегодняшний день каждая двадцатая книга покупается через Amazon.com. Предпринимательство в сети Интернет — относительно новая сфера предпринимательской деятельности, насчитывающая менее 20 лет развития.

С появлением Сети возник и рынок услуг. Требовалось создавать и разрабатывать сайты, ряд других услуг было удобно оказывать через Сеть, платные сервисы в интернет-торговле стали появляться по мере возникновения спроса на них [1].

Итак, в настоящее время интернет-магазины выполняют все самые важные бизнес-процессы торгового предприятия, в которые входят оформление заказа, выбор товара, доставка товара, гарантийный сервис, отслеживание заказов [2].

Интернет-магазин может осуществлять продажу не только реальных товаров и услуг, но и товаров и услуг в электронном виде, что делает интернет-магазин более выгодным в нынешних условиях, при этом продажа реальных товаров и услуг занимает больше времени и требует большего объема технического оснащения, чем продажа электронных товаров по сети Интернет, что позволяет проводить полный

цикл коммерческой сделки, который может быть выполнен электронным способом [4].

Мультибрендовые интернет-магазины отличаются от брендовых тем, что в них представлен достаточно разнообразный ассортимент разных лейблов. Как правило, в таких интернет-магазинах можно найти всё что угодно. Для покупателя преимущество заключается в том, что нет необходимости пересматривать ассортимент разных магазинов, чтобы найти нужную покупку. Среди этих магазинов выделяют Kohl's, Dillard's, Sportsdirect.

Торговые интернет-площадки отличаются тем, что являются местом, где имеется множество продавцов: частные лица, магазины, которые предлагают свои товары. В таблице 1 представлены преимущества и недостатки интернет-магазина.

Таблица 1

Преимущества и недостатки интернет-магазина [1]

Для владельцев интернет-магазина/клиентов	Преимущества	Недостатки
Для владельцев интернет-магазина	— Отсутствие арендной платы за помещение; — Значительное сокращение расходов на содержание собственного бизнеса; — Ускорение процесса адаптации к изменениям рынка; — Возможность расширения клиентской базы и ассортимента товаров за счет возможности выхода на глобальный рынок; — Небольшой персонал, низкие затраты на арендную плату (по сравнению с обычным магазином); — Возможность контактов с продавцами и покупателями в едином виртуальном пространстве; — Повышение уровня приверженности потребителей торговой марке; — Упрощение регистрации данного вида деятельности	— Проблемы в обеспечении безопасности и надежности информационных систем; — Постоянное наращивание мощностей телекоммуникационного оборудования своего предприятия
Для клиентов интернет-магазина	— Возможность круглосуточного приема заявок клиентов; — Доступность поиска товаров и ознакомление с характеристиками продукции практически в любое время и в любом месте, в котором есть доступ к сети; — Относительная дешевизна товара в Интернете по сравнению с привычными магазинами; — Оформление заказа дистанционным способом; — Возможность приобретения уникальных товаров, которые невозможно приобрести в данной стране (городе); — Отсутствие психологического воздействия со стороны продавца; — Сокращение времени поиска товара	— Знакомство с товаром только по описанию продавца; — Беспокойство по поводу тайны и безопасности сделки; — Дистанционная или электронная оплата

В отличие от ряда стран, где для электронной коммерции установлены специальные правила регулирования и налогообложения (США, Европейский союз), российское законодательство не предусматривает в данном случае специальных норм. Исходя из этого, интернет-торговля регламентируется теми же нормативными актами, что и другие виды торговли в России, а именно Гражданским кодексом Российской Федерации, Законом РФ «О защите прав потребителей», Правилами продажи товаров дистанционным способом.

1. *Артищев М. С.* Анализ мирового и российского опыта предпринимательской деятельности в сети Интернет // Управление экономическими системами : электронный научный журн. 2011. № 34. URL: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=711.
2. *Бочкова Е. В., Пищулина Д. С.* Анализ рынка Интернет-торговли в России и за рубежом и пути его совершенствования // Вестн. Иркутского гос. технич. ун-та. 2014. № 10(93).
3. *Бочкова Е. В., Пищулина Д. С.* Этапы организации и особенности работы интернет-магазина // Актуальные проблемы экономической теории и практики : сб. науч. тр. 2014. Вып. 17.
4. *Валигурский С. Д.* Интернет-магазины как новый формат торговли // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2011. № 6.
5. Образовательный портал — Реклама, Маркетинг, PR. М., 2009. URL: http://www.sostav.ru/news/2009/10/22/issl2/.

О. Ю. Захарычева, Е. В. Куликова

ТЕКУЧЕСТЬ КАДРОВ КАК ОСНОВНОЙ СТОП-ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье рассмотрены вопросы взаимосвязи и взаимовлияния уровня развития организационной культуры и текучести персонала организации в сфере продаж. Представлены актуальные вопросы осуществления алгоритма найма персонала в сфере продаж для снижения уровня его текучести в организации.

Ключевые слова: организационная культура, молодые специалисты, система мотивации, благоприятный климат.

O. Y. Zakharycheva, E. V. Kulikova

STUFF TURNOVER AS THE MAIN FACTOR THAT AFFECTS DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE

This article studies the relationship and influence of the organizational culture level and staff turnover in the sales organizations. This paper presents actual issues of recruitment algorithm that help to reduce the level of staff turnover in sales sphere.

Key words: organizational culture, young professionals, motivation system, favorable climate.

Современный уровень развития предпринимательства в России характеризуется чрезвычайной изменчивостью среды, которая требует поиска новых способов выживания предприятий и осознания того, что процессы реформирования нужно усиливать на микроэкономическом уровне. Важным средством реформирования предприятий может стать механизм формирования организационной культуры, позволяющий при существующих затратах ресурсов получить более высокий результат. В условиях интенсивного развития предпринимательской деятельности в сфере торговли и обострения конкуренции менеджмент торгового предприятия все более активно осваивает новые методы управления, в том числе основанные на принципах формирования организационной культуры.

В настоящее время исследование организационной культуры различных предприятий стало одной из важных составляющих оценки деятельности организации и ее роли в обществе.

Исследования в области формирования и развития организационной культуры проводятся сравнительно недавно, но начиная с восьмидесятых годов прошлого столетия термин «организационная культура» приобретает все большее значение в области управления предпринимательскими структурами [2, с. 2].

Организационная культура продаж выступает в организации как единство взглядов, принципов и норм, поддерживаемых специалистами отдела продаж.

Формирование организационной культуры товарных продаж преследует достижение последующих целей:

— выстраивание долгосрочных и взаимовыгодных отношений с клиентом;

— создание и расширение собственной клиентской базы;

— внедрение высочайших стандартов обслуживания клиентов, обусловленных высокоэффективной организационной культурой;

— выполнение и перевыполнение планов продаж, соответственно, увеличение прибыли в организации.

Организационная структура продаж должна быть направлена как на сотрудников компании, так и на ее клиентов. От работников в сфере продаж требуется максимизация количества сделок, поэтому поощряется высокая активность, склонность к экспериментам и наличие таких черт характера, как обаяние, дружелюбие, юмор, коллективизм, умение быстро принимать решения. Недостатками такой культуры являются погоня за количеством в ущерб качеству, ориентация на достижение краткосрочного успеха, недостаточная преданность компании, неустойчивость к трудностям [1, с. 29]. Выручка в организации зависит от качества продаж. К примеру, на заключение сделки на 10 000 руб-

лей сотрудник прилагает такое же количество усилий и времени, как на заключение сделки на 50 000 рублей. Это означает, что необходимо распределять грамотно своё рабочее время и уметь фильтровать клиентов, учитывая, какую выручку они принесут при заключении сделки. Вторым моментом, отражающим качество продаж, является умение продать свой продукт ключевым клиентам. К этой категории покупателей относятся высокопоставленные лица, крупные холдинги, известные сетевые компании и т. д. Конкуренция за приоритетное внимание таких клиентов крайне высока, только опытные профессионалы своего дела могут действительно заинтересовать и удержать такого покупателя. Создание сплочённой команды, знание своего продукта и качественная работа в нестандартных ситуациях выстраивается в коллективе при минимальной текучести персонала, когда каждый работает на высоком уровне и не теряется время на вхождение в должность и вникание в её специфику новичков; также такой работе способствует правильная, подходящая именно этой команде организационная культура. Как пишет Тони Шей: «Одним из наиболее важных условий отличного обслуживания клиентов является уверенность, что в вашей компании сложилась сервис-ориентированная культура. Это относится не только к департаменту по обслуживанию клиентов, но и к компании в целом. Известно, что несчастный сотрудник, который не верит в ценность предоставления отличного обслуживания, просто не сможет отлично обслуживать клиентов» [4, с. 132].

Существующая культура в организации влияет на обслуживание и отношение к клиентам. Именно взаимоотношения среди самих сотрудников создают своеобразную модель поведения, принятую в коллективе. Такое качество, как клиентоориентированность, может прижиться в той организации, где ее носителями в первую очередь будут руководители, дающие пример менеджерам по продажам.

На сегодняшний день отделы продаж стали основным и наиболее востребованным клиентским каналом. Однако проблема текучести кадров по-прежнему неизбежна в сфере торговли. Какую культуру необходимо формировать и развивать руководителям для создания единого духа в организации?

Основными причинами текучести кадров в сфере продаж являются:

1) Высокий процент среди сотрудников молодых специалистов. Вакансия менеджера по продажам зачастую не требует наличия опыта работы, поэтому в первую очередь на нее откликаются студенты и выпускники. Руководители видят в этом свои преимущества. Ведь сотрудник, кому не привита чья-то организационная культура и не сформирован собственный стиль работы, более пластичен и легкообучаем в процессе работы. Однако многие кандидаты этой категории рассматривают работу в продажах как способ временной подработки и получения записи в трудовой книжке.

2) Неразвитая система мотивация. Заработная плата является одной из причин увольнения сотрудников. По специфике своей работы менеджеры по продажам получают премию как процент от сделок. Поэтому неправильно поставленный план продаж либо новое изменение системы вознаграждения могут негативно сказаться на мотивации сотрудника. Также проблема отсутствия карьерного роста и профессионального развития наблюдается среди менеджеров по продажам. Продажи порой могут доходить до автоматизма, и сотрудники начинают ощущать рабочую рутину.

3) Неблагоприятный социально-психологический климат. По мнению 91 % россиян, неблагоприятный психологический климат в коллективе — веская причина для того, чтобы покинуть компанию. Респонденты подкрепляют свои ответы примерами из жизни: «Я и мои друзья сталкивались с тиранией на работе. Ужасно, когда большую часть времени приходится проводить в угнетённом настроении»; «Как правило, офисные сотрудники и руководители среднего звена в 70—75 % случаев увольняются именно по этой причине, но не называют её официально, поскольку боятся испортить репутацию» [3]. Отсутствие взаимного уважения и доверия заставляет людей занимать оборонительную позицию, защищаться друг от друга. Сокращается частота контактов, возникают коммуникативные барьеры, конфликты, появляется желание покинуть организацию и, как следствие, происходит снижение производительности труда.

Выделенные проблемы текучести кадров в сфере продаж требуют определённого подхода в формировании совокупности мероприятий, которые позволят снизить их актуальность.

Приглашая *молодых специалистов* в сферу продаж, следует максимально представлять им выгоды, особенности и сложности работы и профессии, чтобы претендент был хотя бы теоретически к ним готов и понимал необходимость затрат значительных усилий для достижения успехов.

На стадии поиска и отбора персонала необходимо предоставить соискателю максимально полную и достоверную информацию о вакансии, заработной плате, графике работы. Многие работодатели обещают лёгкие продажи, отсутствие «холодных звонков», большое количество заключенных сделок. На практике все может оказаться совсем по-другому. Чем прозрачнее вы покажете систему работы в сфере продаж для кандидатов, тем меньше вероятности столкнуться с очередным увольнением.

Во избежание ошибок руководителю продаж рекомендуется придерживаться определённого алгоритма при найме новых сотрудников.

Первый этап включает в себя изучение резюме потенциальных кандидатов.

Первоначально желательно составить профиль желаемого кандидата. Для более качественного и тщательного отбора резюме можно определить, что именно является для вашей компании стоп-фактором для приглашения на собеседование. Это может быть возрастная категория, опыт работы, уровень образования, семейное положение и т. д.

Чаще всего руководители продаж ориентированы на более молодых и неопытных специалистов. Практика показывает, что при обращении напрямую в вузы найм персонала происходит более эффективно. При личной встрече со студентами можно доступно рассказать о компании и преимуществе работы в ней, ответить на все интересующие вопросы и получить рекомендации о каждом студенте в деканате. Более заинтересованных выпускников можно пригласить на собеседование.

Второй этап включает в себя блиц-знакомство.

Для более полного создания образа о кандидате необходимо сделать предварительный звонок. При разговоре уточнить актуальность поиска работы и рассказать более детально о вакантной должности. Общение с клиентами — повседневная функция менеджера по продажам. Поэтому в телефонном разговоре следует уделить внимание грамотности речи, умению слушать собеседника, интонации. Только по итогам телефонного разговора необходимо приглашать кандидата на собеседование.

При личной встрече руководителю желательно создать непринужденную обстановку, чтобы соискатель почувствовал себя более открытым и уверенным. Для выявления профессиональных навыков можно использовать различные методики — от решения кейсов до спонтанной продажи любого предмета.

Заключительный этап включает в себя принятие окончательного решения.

Познакомившись с кандидатом, необходимо более подробно изучить все записи, которые остались после встречи с ним. Поспешные действия могут сказаться в дальнейшей работе и привести к текучести, поэтому правильнее всего будет «дать время» подумать как работодателю, так и будущему сотруднику. Альтернативным решением будет начать обучение в организации. За пару рабочих дней работодатель и кандидат смогут решить для себя, подходят они друг другу или нет. На этапе обучения следует уделить внимание «холодным звонкам». Желательно даже прослушать записи вместе с менеджером, найти ошибки и дать рекомендации по их устранению. Проверять почту тоже обязательно. Процесс адаптации у всех происходит по-разному. Чем быстрее менеджер начнёт исправлять свои ошибки и совершенствовать процесс продаж, тем больше шансов у него закрыть вакансию.

Как найти хорошего менеджера по продажам, используя собственные каналы поиска или же обращение к рекрутерам, — личное решение работодателя.

Основными преимуществами при обращении в рекрутинговое агентство являются:

1) Экономия времени.

По индивидуальным требованиям заказчика специалисты составляют предварительный портрет желаемого сотрудника. Подбирая персонал через кадровое агентство, работодатель оплачивает услугу только в случае успешного закрытия вакансии. Многие организации, экономя своё время, предпочитают довериться профессионалам, нежели самостоятельно вести отбор потенциальных менеджеров по продажам.

2) Профессиональный отбор.

Менеджер по продажам — движущая сила любого предприятия. Текучка менеджеров по продажам приносит много проблем руководителям. Сотрудник, который не сможет раскрыть себя в сфере продаж, вынужден будет сменить работу, вследствие чего будет потрачено много сил, времени и денежных средств и приведёт к очередной текучести персонала. Опытные рекрутеры с легкостью смогут выявить такие качества, как активность, целеустремлённость и умение находить общий язык с окружающими. Эти качества являются основополагающими для успешной продажи.

Основными недостатками являются:

1) Неоправданные затраты организации.

Несмотря на высокий профессионализм, никакое агентство не сможет дать полной уве-

ренности в том, что выбранный соискатель останется в организации и будет приносить прибыль. Существует такое понятие, как человеческий фактор, и он порой играет решающую роль.

2) Отсутствие внутреннего рекрутинга.

Данная проблема больше носит индивидуальный характер. Найти подходящего менеджера по продажам можно и внутри организации. Для многих руководителей гораздо проще привлечь своих сотрудников. Даже если они не умеют продавать, то знают хотя бы тонкости вашего продукта, что ускоряет и упрощает процесс обучения. Предложив более привлекательные условия, чем их занимаемая должность, есть возможность получить будущего менеджера по продажам. Более того, если сотрудник не сможет справиться с поставленной задачей, он всегда может вернуться на прежнюю должность, а проводимый эксперимент — бесплатная возможность найти хорошего продажника.

Одной из важных оставляющих удержания ценных сотрудников является развитая *система мотивации*, соответствующая специфике товара компании, принятым технологиям продаж, особенностям рынка функционирования компании и другим важным для компании и её развития характеристикам.

Размер заработной платы — один из поводов сменить место работы. Поэтому руководители продаж должны разработать достойную систему мотивации и стимулирования, чтобы увеличить прибыль в организации и удержать ценных сотрудников.

Чаще всего менеджеры по продажам работают по системе окладной части и процентов от продаж и сделок. Слишком высокий оклад не всегда сможет мотивировать сотрудника на активные продажи, так как у него будет значительная «подушка безопасности», обеспечивающая ему приемлемый для него уровень дохода. Слишком низкий оклад привлечет только неопытных и некомпетентных сотрудников, так как остальные не будут чувствовать определенный уровень безопасности, который должен обеспечивать оклад. При формировании системы оплаты труда специалистов отдела продаж необходимо ориентироваться на среднестатистический оклад в регионе деятельности компании. Планы продаж необходимо составлять так, чтобы они были выполнимыми. Процент с продажи — стандартная надбавка к окладной части у менеджеров по продажам. Для большей мотивации необходимо использовать дополнительные бонусы. Например, за самое большое количество заключенных сделок, за привлечение новых клиентов, за самую крупную продажу в месяце. Начисление бонусов выражается как в материальной форме в виде денежных средств, так и в нематериальной — например, фотография менеджера на Доске почёта или общем мониторе, поход в ресторан, поездка на турбазу. Чем разнообразнее бонусы, тем интереснее работать и продавать.

Создание *благоприятного климата* внутри коллектива — одна из главных задач любого руководителя. Как правило, организации, в которых царит дружеская и позитивная атмосфера, упрощают процесс адаптации для новых сотрудников.

Отношения в коллективе являются основополагающим фактором в становлении культуры в организации. Для успешной и продуктивной работы в сфере продаж необходимо создать дружескую атмосферу среди сотрудников. Не стоит рассматривать каждого менеджера как отдельную единицу, это проводит к соперничеству и даже конфликтам. Создание общего корпоративного плана продаж сблизит менеджеров и уменьшит текучесть. Ведь более опытные сотрудники смогут помогать новичкам, что облегчит процесс адаптации и улучшит их показатели. Также сейчас популярен «team building». Можно не только добавить красок в рабочие будни сотрудников, но и укрепить отношения, используя различные игры на поддержание корпоративного духа. Задачей руководителя является постоянный мониторинг внутренней обстановки в коллективе.

Вывод

Культура организации не может появиться за день. Это трудоёмкий процесс, который требует внимания и сил не только со стороны руководства, но и со стороны сотрудников. Традиции, ценности и устои в коллективе, оттачиваемые годами, позволяют заложить фундамент той культуры, которая создана общими усилиями. Поэтому сплоченный коллектив — один из факторов, который необходим для создания и развития культуры в организации.

В каждой сфере возникают трудности с коллективом. В продажах важны люди и отношения. Когда среди самих сотрудников, руководителей и подчинённых выстроены действительно настоящие дружеские отношения, то такие проблемы, как новый график работы, невыполнение плана продаж и даже заработная плата, будет всегда проще решить.

Однако текучесть кадров постоянно вносит свои коррективы, тормозя процесс развития и укрепления культуры в организации. Когда кол-

лектив постоянно меняется, то отношения становятся всё тоньше и тоньше. Для развития культуры нужно время и надежные преданные сотрудники. Используя вышеперечисленные мероприятия, руководитель должен стремиться в первую очередь к слаженным отношениям в коллективе. Это один из главных шагов к успешным продажам.

1. *Иванова Т. Б., Журавлёва Е. А.* Корпоративная культура и эффективность предприятия : моногр. М. : РУДН, 2011.
2. *Минаева И. В.* Формирование и развитие организационной культуры крупного торгового предприятия : автореф. дис. … канд. экон. наук / С.-Петерб. торгово-экономич. ин-т. СПб., 2006. 20 с.
3. Неблагоприятный психологический климат в коллективе — веская причина для увольнения // Superjob.ru: исследовательский центр рекрутингового портала. 2010. 15 янв. URL: http://www.superjob.ru/community/kollektiv/41084 (дата обращения: 15.03.2016).
4. *Шей Т.* Доставляя счастье. От нуля до миллиарда: история создания выдающейся компании из первых уст : пер. с англ. С. Филина. 4-е изд. М. : Манн, Иванов, Фербер, 2013.

К. А. Мызрова, М. В. Артамонова, И. В. Буянкина, С. В. Мартынов

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИНДУСТРИИ СПОРТА

Одной из современных форм интеграции науки, бизнеса и власти является государственно-частное партнерство. В статье авторы раскрывают особенности реализации проектов государственно-частного партнерства на примере Приволжского федерального округа, в частности Ульяновской области. Для развития государственно-частного партнерства в Приволжском федеральном округе необходима работа в трех основных направлениях: институциональная среда, опыт реализации проектов, инвестиционная привлекательность.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, индустрия спорта, факторы развития государственно-частного партнерства, институциональная среда, реализация проектов, инвестиционная привлекательность.

K. A. Myzrova, M. V. Artamonova, I. V. Buyankina, S. V. Martynov

IMPLEMENTATION OF PROJECTS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN SPORTS INDUSTRY

Public-private partnership is one of the modern forms of integration of science, business and government. The authors reveal the features of projects concerning the public-private partnership on the example of the Volga Federal District, the Ulyanovsk region in particular. To develop public-private partnership in the Volga Federal District it is necessary to work in three main areas: institutional environment, experience in implementing projects, investment attractiveness.

Key words: public-private partnership, sports industry, factors of development of public-private partnership, institutional environment, implementation of projects, investment attractiveness.

В последние годы в России заметно расширились масштабы и формы взаимодействия государства и бизнеса, в частности, в развитии индустрии спорта. Государство пришло к пониманию того, что активное участие бизнеса в ней необходимо. Именно поэтому мы наблюдаем рост количества масштабных проектов, где государство и бизнес объединяют свои усилия и ресурсы для повышения качества и обеспечения предоставляемых услуг населению, а также решения различных задач на взаимовыгодных условиях в данной сфере.

Одной из наиболее востребованных форм интеграции науки, бизнеса и власти является государственно-частное партнерство (ГЧП), которое в настоящий момент завоевывает огромный интерес у публичных органов, отечественных и иностранных компаний, финансирующих и экспертных организаций.

Государственно-частное партнерство в широком аспекте является «правовым механизмом согласования интересов и обеспечения равноправия государства и бизнеса в рамках реализации экономических проектов, направленных на достижение целей государственного управления» [1]. Однако стоит отметить, что «определение стало бы более корректным, если бы не содержало указаний на «равноправие» государства и бизнеса, поскольку равноправие сторон в контрактах ГЧП является небезусловным и неоднозначно трактуется в законодательстве и судебной практике различных стран» [3].

Несмотря на обеспечение государством поддержки в сфере физической культуры и спорта страны, она является несвоевременной и недостаточной; чтобы это разрешить, государство начинает сотрудничать с бизнесом на основе ГЧП.

В России применение ГЧП-механизмов пока сводится к строительству, модернизации и эксплуатации объектов спортивной инфраструктуры. Широкое распространение при реализации ГЧП-проектов в спорте получила схема концессионного соглашения, которая применялась почти во всех реализованных на данный момент проектах [5].

Преимущества данной формы — разделение рисков и высокий уровень частных вложе-

ний. Рассматривая реализацию проектов ГЧП на российском рынке, можно выделить особенность — использование ГЧП для развития спорта высших достижений, т. е. для улучшения позиций России на мировом уровне. Об этом говорит использование партнерской системы на Олимпийских играх в Сочи, а также в Лондоне — официальные партнеры, поставщики и лицензиаты. Достойное проведение спортивных мероприятий такого масштаба невозможно без участия обеих сторон в финансировании и организации.

Для нас интерес представляет уровень развития ГЧП в индустрии спорта на примере Приволжского федерального округа (ПФО) и находящейся в его составе Ульяновской области (УО).

Для определения уровня развития ГЧП в индустрии спорта в ПФО необходимо провести анализ основных факторов, определяющих такое развитие, а именно: развитость институциональной среды в сфере ГЧП; опыт реализации проектов ГЧП в социальной сфере, в которую входит индустрия спорта; инвестиционная привлекательность ПФО.

Проанализировав «Рейтинг регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства» 2015 года, подготовленный Министерством экономического развития Российской Федерации и Центром развития государственно-частного партнерства при поддержке Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, получаем выводы по интересующим основным факторам развития ГЧП в ПФО:

1. Институциональная среда.

Во всех субъектах ПФО принят региональный закон об их участии в ГЧП [4]. Эксперты оценивают региональные законодательства субъектов ПФО как неэффективные (без понижающего коэффициента). Качество нормативно-правовых актов Республики Башкортостан и Самарской области, устанавливающих порядок работы с проектами ГЧП, является высоким.

Для увеличения реализации интересных и важных проектов в УО приняты все базовые решения по созданию институциональной среды для развития ГЧП, что позволит привлечь инвесторов, так как отношения являются юридически оформленными, в них — объединение интересов как частной стороны, так и публичной, они могут инициироваться частным лицом наравне с государственной инициативой. Эти отношения являются срочными, в которых время имеет принципиальное значение. Еще одна сторона нового закона, принятого в Ульяновской области, заключается в том, что частный партнер получает дополнительные гарантии. Таким образом, если до сих пор объект договорного соглашения всегда оставался в собственности государства или муниципалитета, то со вступлением в силу закона о ГЧП частник имеет право получить объект, в который он вложил деньги, в собственность, если объем его инвестиций превышает первоначальную стоимость объекта и объем вложений государства [3].

2. Опыт реализации проектов.

Успешными и качественными концессионными проектами в социальной сфере известна Самарская область.

В Ульяновской области создано специализированное структурное подразделение АО «Корпорация развития Ульяновской области». Корпорация, согласно Распоряжению Правительства Ульяновской области № 387-пр от 9 июля 2015 года, является организацией, уполномоченной в сфере государственно-частного партнерства. Деятельность корпорации направлена на разработку стратегии развития УО до 2030 года в части применения механизмов государственно-частного партнерства; структурирование, разработку, помощь и координацию в реализации проектов, формирование единого регионального информационного центра в сфере ГЧП; привлечение инвестиций и сопровождение инвестиционной деятельности с потенциальными частными партнерами, заинтересованными в реализации проектов в форме.

Ярким примером стал проект ГЧП Ледового дворца «Волга-Спорт-Арена» в Ульяновской области, который признан лучшим в России в 2014 году. Эксперты журнала «Рынок ценных бумаг» присудили премию Investor Awards ульяновскому проекту по созданию спортивных комплексов.

Дворец спорта располагает уникальными возможностями для организации и проведения самых различных мероприятий. Так, в январе-феврале 2016 года был успешно проведен Чемпионат мира по хоккею с мячом.

В 2015 году регион сделал существенный скачок и занял 12 место в федеральном рейтинге развития ГЧП за 2014 год, поднявшись сразу на 60 позиций. Опыт региона по предупреждению рисков при реализации государственно-частного партнерства включен в методические рекомендации для субъектов страны.

3. Инвестиционная привлекательность.

В 2015 году ПФО по количеству частных инвестиций занимает 4 место (23 145 586 тыс. руб. частных инвестиций) среди других федеральных

округов России, а именно среди Центрального федерального округа (102 325 366 тыс. руб.), Северно-Западного федерального округа (4 076 831 тыс. руб.), Уральского федерального округа (5 607 657 тыс. руб.), Дальневосточного федерального округа (4 686 707 тыс. руб.), Южного федерального округа (30 618 740 тыс. руб.), Северо-Кавказского федерального округа (655 460 тыс. руб.), Сибирского федерального округа (29 793 678 тыс. руб.). Также уменьшилось значение инвестиционной привлекательности Республики Татарстан, входящей в состав ПФО. Тем не менее за счет прироста в части реализации проектов и нормативно-правовой базы ей удалось сохранить свои позиции в ТОП-15 рейтинга инвестиционной привлекательности регионов. А Республика Башкортостан, напротив, повысила свою инвестиционную привлекательность по итогам 2014 года и тем самым улучшила свою позицию в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов. Показатели остальных субъектов ПФО по инвестиционной привлекательности остались на уровне 2013 года [4].

Интересно, что в 2014 году ПФО (17 проектов) был на первом месте по реализации проектов в социальной сфере, в которую входит индустрия спорта. Тогда ПФО значительно обогнал по реализации проектов СФО (10 проектов), СЗФО (8 проектов), ЦФО (7 проектов), УФО (6 проектов), ЮФО (5 проектов), СКФО (3 проекта), ДВФО (-) [4].

В Нижегородской области разработан наиболее богатый опыт привлечения частных денег в создание спортивной инфраструктуры. Три физкультурно-оздоровительных комплекса (ФОК) в Павловском, Лукояновском и Краснобаковском районах построены в рамках концессионных соглашений (когда частный партнер обязуется профинансировать, построить, оснастить оборудованием данные спортивные сооружения) между Нижегородской областью и ЗАО «Волга-Спорт», чьей «материнской» компанией является УК «Лидер». Стоимость каждого ФОКа составила порядка 500 млн рублей. Их строительство продолжалось около года. По истечении десятилетнего периода объекты будут переданы области, а до этого момента хозяйственную деятельность на них будет осуществлять частный партнёр.

Проведенное исследование о реализации проектов в индустрии спорта свидетельствует о том, что в России существуют значительные перспективы для применения механизмов ГЧП. Для ускорения данного процесса необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу. Важно повышать эффективность региональных законодательств всех субъектов данного федерального округа. Следуя примерам Республики Башкортостан и Самарской области, у которых качество нормативно-правовых актов является высоким, всем субъектам ПФО необходимо повышать у себя данный показатель.

Несомненную пользу принесет расширение применения новых схем ГЧП, в частности контрактов жизненного цикла. Также приветствуется инициатива частных лиц.

Стоит ожидать значительного роста количества спортивных объектов, построенных с использованием механизмов ГЧП в свете предстоящего чемпионата мира по футболу, который пройдет в России в 2018 году.

1. *Вилисов М. В.* Государственно-частное партнерство: политико-правовой аспект // Власть. 2006. № 7.
2. Деловое обозрение. ГЧП. Механизмы реальные и мнимые. URL: http://www.uldelo.ru/stuff/gchp-mekhanizmy-realnye-i-mnimye.
3. Государственно-частное партнерство. Теория и практика. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. URL: http://www.hse.ru/data/2010/04/22/1216643253/978-5-7598-0707-0.pdf (дата обращения: 10.12.2015).
4. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах РФ. Рейтинг регионов ГЧП-2014. URL: http://www.pppi.ru/sites/all/themes/pppi/img/ratingreg2014.pdf (дата обращения: 23.01.2015).
5. *Сорокин А.* Инвестиции в чемпионов // Российская газета. URL: http://www.rg.ru/2012/07/03/sports.html (дата обращения: 11.12.2015).

В. П. Смолькин, Т. А. Чертушкина

ПОДХОДЫ К РАСЧЕТУ ВЕЛИЧИН ГОСУДАРСТВЕННЫХ НОРМАТИВОВ НА ОДНОГО РЕБЕНКА С ОВЗ (ПО РАЗНЫМ НОЗОЛОГИЯМ)

В статье приводится обзор данных государственной статистики по количеству детей с ограниченными возможностями здоровья и предлагаются подходы к расчету величин государственных нормативов на одного ребенка с ОВЗ (по разным нозологиям) по имеющимся региональным нормативным правовым документам и методикам финансирования детей с ограниченными возможностями здоровья ОВЗ (по разным нозологиям).

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, инвалидность, государственные нормативы, ОВЗ (по разным нозологиям), обучающийся, фонд оплаты труда.

V. P. Smolkin, T. A. Chertushkina

APPROACHES TO CALCULATION THE AMOUNT OF STATE STANDARDS PER ONE CHILD WITH HEALTH LIMITATIONS (ACCORDING TO DIFFERENT NOSOLOGIES)

The article overviews the national statistics on the number of children with disabilities. It suggests the approaches to the calculation the state standards amount per one child with health limitations (according to different nosologies) on the basis of available regional legal documents and methods of funding the children with disabilities (according to different nosologies).

Key words: children with disabilities, disability, national regulations, health limitations (according to different nosologies), student, salary fund.

По данным Федеральной службы государственной статистики, количество детей с ограниченными возможностями в России за последние пять лет выросло на 9,2 %. Согласно статистическим данным, в 2010 году было 495,33 тыс. детей-инвалидов. В 2011 году произошло увеличение до 505,2 тыс. детей, в 2012 году рост продолжился — 510,9 тыс. В 2013 году число достигло 521,6 тыс. человек, а в 2014 году — 540,8 тыс. [1, 2].

В зависимости от степени расстройства функций организма лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид».

К категории детей-инвалидов, в соответствии с действующим в Российской Федерации законодательством, относятся дети до 18 лет, имеющие значительные ограничения жизнедеятельности, приводящие к социальной дезадаптации вследствие нарушений развития и роста ребёнка, способностей к самообслуживанию, передвижению, ориентации, контроля за своим поведением, обучения, общения, трудовой деятельности в будущем, статус которых установлен учреждениями медико-социальной экспертизы.

Образование детей с ограниченными возможностями осуществляется в специализированных школах, которые классифицируются по следующим видам:

I вид — школы для глухих детей;

II вид — школы для слабослышащих детей;

III вид — школы для слепых детей;

IV вид — школы для слабовидящих детей;

V вид — школы для детей с речевыми расстройствами;

VI вид — школы для детей с отклонениями в опорно-двигательном аппарате;

VII вид — школы для детей с задержкой психического развития;

VIII вид — школы для умственно отсталых детей.

Обучение детей-инвалидов в перечисленных типах образовательных организаций осуществляется по специальным программам с использованием специализированного материально-технического обеспечения образовательного процесса.

Пункт 4 статьи 79 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» регламентирует организацию получения образования детей с ОВЗ: «Образование обу-

чающихся с ограниченными возможностями здоровья может быть организовано как совместно с другими обучающимися, так и в отдельных классах, группах или в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность» [5].

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы [3] предусмотрены следующие меры в сфере образования детей с ограниченными возможностями:

— законодательное закрепление обеспечения равного доступа детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья к качественному образованию всех уровней, гарантированной реализации их права на инклюзивное образование по месту жительства, а также соблюдения права родителей на выбор образовательной организации и формы обучения для ребёнка;

— нормативно-правовое регулирование порядка финансирования расходов, необходимых для адресной поддержки инклюзивного обучения и социального обеспечения детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья;

— внедрение эффективного механизма борьбы с дискриминацией в сфере образования для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья в случае нарушения их права на инклюзивное образование.

Статьей 79 закона «Об образовании в РФ» регламентируется организация получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья [5]. Содержание образования и условия организации обучения и воспитания определяются адаптированной образовательной программой, а для инвалидов также в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида.

Также отмечается, что общее образование обучающихся с ограниченными возможностями здоровья осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам. В таких организациях создаются специальные условия для получения образования указанными обучающимися. Под специальными условиями для получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья понимаются условия обучения, воспитания и развития таких обучающихся, включающие в себя использование специальных образовательных программ и методов обучения и воспитания, специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов, специальных технических средств обучения коллективного и индивидуального пользования, предоставление услуг ассистента (помощника), оказывающего обучающимся необходимую техническую помощь, проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий, обеспечение доступа в здания организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и другие условия, без которых невозможно или затруднено освоение образовательных программ обучающимися с ограниченными возможностями здоровья.

Людям с инвалидностями по федеральному закону о социальной помощи гарантируется помощь по разумному и соразмерному школьному образованию. В рамках этой помощи государственные структуры берут на себя оплату образования и жизнеобеспечения. Данная помощь гарантируется инвалидам, как правило, вплоть до 21 года без учета их доходов, капиталов и состояния. Лица, которые обязаны содержать инвалидов по их семейному статусу, лишь тогда привлекаются к оплате, когда их расходы на домашнее хозяйство оказываются для них сокращенными или отсутствуют.

Проведенный анализ региональных нормативных правовых документов и методик финансирования по 8 федеральным округам 87 субъектов Российской Федерации по вопросам финансирования на создание специальных условий получения образования для обучающихся с ОВЗ показал следующие результаты:

1. Всего по РФ насчитывается 72 различных официальных документа, которые регулируют нормативы финансирования на создание специальных условий получения образования для обучающихся с ОВЗ в дошкольном и общем образовании.

2. В пределах каждого субъекта РФ методики расчета разнятся по форме и содержанию, в основном представленная информация освещает размер коэффициента, который вводится в данной области финансирования.

3. Методики расчета в большинстве субъектов РФ для обучающихся с ОВЗ в дошкольном и общем образовании отдельно не выделены и представлены в нормативных документах обеспечения государственных гарантий реализации прав на получение общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования в муниципальных общеобразовательных организациях.

4. Расчет на одного обучающегося, осваивающего образовательную программу дошколь-

ного образования по разным субъектам РФ, осуществляется:

а) *Исходя из ставки заработной платы педагогического работника*, определяемой на соответствующий финансовый год. Норматив расходов на оплату труда с начислениями педагогических работников дошкольных организаций (за исключением реализации образовательных программ дошкольного образования с использованием дистанционных образовательных технологий в дошкольной образовательной организации и при организации обучения на дому) определяется с учетом:

— времени пребывания воспитанников в группе;

— количества дней работы дошкольной организации в неделю (5-дневная рабочая неделя);

— нормы часов учебной нагрузки (объем педагогической работы) педагогического работника в неделю;

— нормативной численности других педагогических работников: музыкальных руководителей, инструкторов по физической культуре, учителей-логопедов (логопедов, учителей-дефектологов), педагогов-психологов и др.;

— должностного оклада (ставка заработной платы) педагогического работника, определяемого на соответствующий финансовый год;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с уплатой страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, обязательное медицинское страхование, обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с присвоением квалификационной категории при аттестации, коэффициента увеличения фонда оплаты труда педагогических работников на величину стимулирующих выплат;

— количества месяцев в году;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с расходами на оплату пособий по временной нетрудоспособности за первые 3 дня за счет работодателя, на оплату труда лиц, заменяющих уходящих в отпуск;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с расходами на оплату труда административно-управленческого персонала, определяемого на соответствующий финансовый год, коэффициента удорожания по местонахождению дошкольной организации (отдельно в сельском населенном пункте);

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда педагогических работников для доведения средней заработной платы педагогических работников дошкольной организации до средней заработной платы в сфере общего образования, определяемого на соответствующий финансовый год;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда педагогических работников, работающих с воспитанниками, нуждающимися в длительном лечении (в том числе с детьми-инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья);

— средней фактической наполняемости групп в зависимости от специализации и возраста обучающихся.

б) *Исходя из нормативных расходов на выполнение нормативного объема работ* для обучающихся воспитанников с ограниченными возможностями здоровья в специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях, определенного на соответствующий финансовый год. Указанный норматив включает в себя:

— нормативные расходы на оплату труда в части, относимой на услугу;

— нормативные расходы на прочие выплаты;

— нормативные расходы на начисления на оплату труда;

— нормативные расходы на услуги связи;

— нормативные расходы на транспортные услуги;

— нормативные расходы на оплату медицинских осмотров;

— нормативные расходы на коммунальные услуги (включая норматив затрат на холодное водоснабжение и водоотведение, норматив затрат на горячее водоснабжение, норматив затрат на отопление, норматив затрат на электроснабжение);

— нормативные расходы на приобретение продуктов для организации питания воспитанников (обучающихся);

— нормативные расходы на прочие услуги (включая расходы на найм жилого помещения при служебных командировках, расходы на установку и монтаж локальных вычислительных сетей, расходы на приобретение периодических изданий);

— нормативные расходы на приобретение предметов снабжения и расходных материалов;

— нормативные расходы на реализацию мер социальной поддержки обучающихся (воспитанников).

в) *Исходя из методики подушевого финансирования*. Нормативы финансирования рассчитываются на одного обучающегося и включают в себя:

— оплату труда работников учреждения с начислениями (фонд оплаты труда рассчитывается исходя из среднего количества часов по учебному плану, нормативной наполняемости классов, количества ставок воспитателей, дополнительных часов на внеклассную и кружковую работу, ставок медицинских работников, психологов, логопедов и прочих специалистов в зависимости от специфики работы учреждения и обучающихся);

— расходы на питание;

— расходы на мягкий и жесткий инвентарь;

— расходы на учебники, учебные пособия и пр.;

— расходы на медикаменты;

— расходы на оплату услуг Интернет;

— прочие текущие расходы.

В норматив финансирования не включаются расходы на содержание имущественного комплекса: налоги, коммунальные платежи, затраты на текущий и капитальный ремонт и пр.

г) *Исходя из определения норматива в ряде субъектов РФ в абсолютном значении* применительно к каждой категории нарушения в развитии. Так, например, Постановлением Правительства Брянской области от 30 декабря 2013 года № 801-п установлены нормативы расходов на реализацию государственного образовательного стандарта общего образования (образовательных программ) муниципальными общеобразовательными организациями, имеющими государственную аккредитацию негосударственными общеобразовательными организациями на 2014—2016 годы. Данный норматив составляет для глухих обучающихся 40 912 тыс. руб. в сельской местности и 51 140 тыс. руб. в городской местности. Кроме того, норматив предусматривает вид и наполняемость классов. Затраты на обеспечение образовательного процесса в рамках базисного учебного плана (расходы на учебники, учебные пособия, технические средства обучения, расходные материалы и хозяйственные нужды, за исключением расходов на содержание зданий и коммунальных расходов, осуществляемых из местных бюджетов), составляют 347 рублей на 1 обучающегося. Размер нормативных расходов в год на дополнительную стоимость образовательной услуги, связанную с обеспечением круглосуточного пребывания (проживания) обучающихся в лицеях, гимназиях, центрах образования, также установлен и составляет 100 000 рублей на 1 обучающегося.

5. Дифференцированное финансирование образования детей с ограниченными возможностями здоровья в зависимости от категории нарушений в развитии (глухие, слабослышащие, слепые, слабовидящие, с тяжелыми нарушениями речи, с нарушениями опорно-двигательного аппарата, с умственной отсталостью, с расстройствами аутистического спектра (РАС), со множественными нарушениями развития) осуществляется в 66 субъектах РФ. Финансирование образования детей с ОВЗ без дифференциации по категориям проходит в 15 субъектах РФ (Ивановская, Тверская, Вологодская, Иркутская, Новосибирская, Курганская, Свердловская, Тюменская, Нижегородская области, Краснодарский край, Забайкальский край, Ставропольский край, Еврейская АО, Чукотский АО, Ханты-Мансийский автономный округ). В 6 субъектах РФ осуществляется финансирование по фактическому состоянию образовательных организаций (Белгородская, Ивановская, Астраханская, Магаданская, Тюменская, Нижегородская области).

6. В отдельных субъектах финансово не обеспечивается создание специальных условий для детей с ОВЗ дошкольного возраста. Это 12 субъектов РФ (Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Брянская, Рязанская, Саратовская области, Республика Ингушетия, Республика Тыва, Чеченская Республика, Республика Крым, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Ненецкий АО). В ряде субъектов осуществляется финансирование не всех категорий детей. Например, финансирование образования детей с расстройствами аутистического спектра и детей со сложной структурой дефекта осуществляют только 29 субъектов (Рязанская, Тульская, Новосибирская, Самарская, Нижегородская, Челябинская, Курганская, Свердловская, Омская, Иркутская, Магаданская, Псковская, Калининградская, Вологодская, Ивановская, Костромская, Ростовская, Волгоградская, Тамбовская, Воронежская области, Краснодарский край, Ставропольский край, Приморский край, Хабаровский край, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Чукотский автономный округ, Чувашская Республика — Чувашия, Республика Хакасия). В 17 субъектах РФ не финансируется создание образовательных условий от двух до восьми категорий нарушений в развитии у детей. Например, Республика Бурятия не финансирует категорию детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, детей

с расстройствами аутистического спектра и детей со сложной структурой дефекта, а Курская область не финансирует такие категории детей, как слепые, слабовидящие, глухие, слабослышащие, детей с тяжелыми нарушениями речи, умственно отсталых, детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и детей со сложной структурой дефекта. Большинство регионов определяет стоимость затрат на создание специальных образовательных условий для детей с ОВЗ в отдельных группах, классах и образовательных организациях, реализующих адаптированные основные общеобразовательные программы. И только два субъекта РФ (Мурманская и Архангельская области) финансируют создание специальных образовательных условий для детей с ОВЗ в инклюзивном образовании. При этом в Архангельской области финансируются только дети с инвалидностью.

Детальный обзор и анализ применяемых методик расчета нормативов и поправочных коэффициентов по таким субъектам РФ, как Волгоградская область, Курганская область, Мурманская область, Оренбургская область, Ульяновская область, Челябинская область, Ярославская область, показал, что методики расчета разнятся по форме, но близки по содержанию.

1. В России за пять лет число детей-инвалидов выросло на 9,2 %. URL: http://www.aif.ru/health/children/v_rossii_za_poslednie_pyat_let_chislo_detey-invalidov_vyroslo_na_9_2.
2. Положение инвалидов / Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities.
3. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы».
4. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об образовании в Российской Федерации».

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. Г. Баранец

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ПОД КОНТРОЛЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье проанализирована политика советской власти по отношению к гуманитарным наукам. Описаны последствия идеологического контроля в сообществе историков.

Ключевые слова: история науки, диалектико-материалистическая концепция истории, советское сообщество историков, «академическое дело».

N. G. Baranets

HISTORICAL SCIENCE UNDER THE CONTROL OF SOVIET POWER

The article analyzes the policy of the Soviet power in relation to the humanities. It also describes the consequences of ideological control in the community of historians.

Key words: history of science, dialectical- materialistic conception of history, Soviet community of historians, "academic case".

Февральская и октябрьская революции 1917 года привели к смене не только правящего режима, но и всей системы общественной жизни. Годы гражданской войны (1918—1920) были мучительны для всего населения и для ученых-гуманитариев в особенности. Не имевшие практической пользы в глазах новой власти, они не могли рассчитывать на её поддержку и побочные заработки. От голода, холода и болезней погибли выдающиеся учёные-академики — филолог и историк А. А. Шахматов (1864—1920), историк Б. А. Тураев (1868—1920), историк А. С. Лаппо-Данилевский (1863—1919), кристаллограф, минералог Е. С. Фёдоров (1853—1919), профессора — ботаник Х. Я. Гоби (1847—1919), геолог А. А. Иностранцев (1843—1919), зоолог В. Л. Бианки (1857—1920) и т. д.

К 1921 году политика «военного коммунизма» и гражданская война привели страну к острому политическому и экономическому кризису. Экономическая разруха, политические выступления заставили советское руководство провести серию реформ. Были расформированы трудовые армии, распущены продотряды как составные элементы «военного коммунизма». Была осуществлена некоторая денационализация предприятий. Мелкие промышленные предприятия, часть средних были возвращены в собственность или сданы в аренду частным лицам и кооперативам. Принятие нэпа благоприятно сказалось на политическом и экономическом положении страны. Политическая ситуация стабилизировалась, прекратились мятежи и восстания. В экономике тоже наблюдалось оживление, восстанавливалось производство. Потребительский рынок наполнился, было покончено с голодом, улучшилась жизнь людей. Концентрация экономики в руках государства, рост централизации в управлении вели к укреплению политической власти.

В экономике произошла либерализация, но в политической области её не было. Разрешение рынка и частного предпринимательства председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин (1870—1924) рассматривал как тактический ход, временное вынужденное отступление, форму перехода к социализму. Он возражал против политической либерализации, против деятельности социалистических партий и свободной прессы. В феврале 1922 года В. И. Ленин запросил, на основании каких законов и правил зарегистрированы в Москве частные издательства, какова их гражданская ответственность. В результате были предприняты шаги,

которые к середине 20-х годов привели к установлению государственной монополии на средства массовой информации, введению цензуры и жесткого идеологического контроля. При нэпе были ликвидированы остатки социалистических партий и групп. По инициативе В. И. Ленина в августе 1922 года XII Всероссийская конференция РКП(б) приняла резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях», где все партии, кроме РКП(б), объявлялись «антисоветскими» и тем самым были поставлены вне закона. Еще весной 1922 года среди меньшевиков были проведены массовые аресты, часть из них были посажены в тюрьмы, часть сосланы на Восток, часть высланы за границу. В июне 1922 года состоялся показательный процесс над видными эсерами, обвиненными в контрреволюционной деятельности.

В этой ситуации советское правительство должно было взять под наблюдение интеллигенцию, чтобы ликвидировать её глухую оппозицию. Были предприняты меры для снижения вредного воздействия чуждой идеологии: закрыты некоторые частные журналы и издательства, распущены философские общества при университетах. Именно «старая интеллигенция» рассматривалась как основное препятствие большевизации общества. 14 декабря 1922 года ЦК РКП(б) издал циркуляр «О работе парторганизаций в вузах и рабфаках», в котором было определено значение высшей школы и пути организации её контроля: *«…значение высшей школы на боевом в настоящее время фронте огромно. Её задачи — дать стране в кратчайшее время красных специалистов по всем отраслям государственного строительства… Партия ныне должна сделать следующий шаг в завоевании высшей школы, в которой до сих пор господствуют еще буржуазный учёный и буржуазная идеология, нередко переходящая даже к прямому наступлению на основы научного марксистского мировоззрения». В качестве первоочередных задач определялось: «Принять активное участие в кампании по проведению нового устава вузов через комячейки студентов и комфракции преподавателей… Принимать, действуя на основе устава вузов, через местные и профсоюзные органы. Активное участие в подборе руководящего состава вузов и рабфаков — их правлений, советов и факультетов»* [1].

Представителей технической интеллигенции решено было использовать, и тех, кто согласился сотрудничать с советской властью, приняли на работу. Гуманитарная интеллигенция вызывала большие подозрения, с ней работа велась в двух направлениях: с одной стороны, тех, кто выразил активное несогласие с политикой советской власти, репрессировали и высылали за границу; с другой — в связи с острой необходимостью распространения идей новой власти были предприняты усилия по созданию новой классово-сознательной гуманитарной интеллигенции.

От старых профессоров, которым разрешено было остаться преподавать по рекомендации В. И. Ленина, требовали знания марксистской литературы и сдачи специального марксистского экзамена. *«Само собой разумеется, что эта картина профессора, переучивающегося «говорить по-марксистски», показалась нам неслыханным и совершенно нереальным новшеством. К осуществлению этого лозунга мы подошли позже всего и только недавно ввели обязательный экзамен по марксизму для лиц, претендующих занять кафедру в наших ФОНах. Ожидали больших затруднений — не встретили никаких. Экзамены держат даже с удовольствием. А некоторые (и даже из очень старых!) вдруг открыли, что они всегда были марксистами»* [2].

Целью власти было добиться трансформации политической и философской позиции представителей высшей школы, что в принципе почти удалось, так как стабилизация внешней и внутренней жизни страны, наличие свободы дискуссий в рамках марксистской парадигмы создавали благоприятный фон. Представители «старой» школы соглашались идти на компромисс и высказывали внешнюю симпатию к марксизму. Им не доверяли преподавание, но не запрещали заниматься исследовательской деятельностью. В 20-е годы было создано множество гуманитарных институтов и комиссий (в 1921 году было создано несколько археографических комиссий при Академии наук, в 1926 году создана Русско-византийская историко-словарная комиссия, в 1928 году — Институт изучения буддийской культуры). Но к началу 30-х годов они были либо закрыты, либо реорганизованы под контролем идеологически подготовленных историков нового поколения.

Для подготовки кадров в 1918 году была создана Коммунистическая академия, в 1919 году — Коммунистический университет имени Свердлова, в 1921 году был образован Институт Красной профессуры (ИКП). Но эти учреждения не могли решить задачу, так как прием в них был жестко лимитирован по классовому принципу. Преобразовывались старые университетские центры: в 1919 году по решению Советского правительства в МГУ, СПбГУ, КазГУ создаются факультеты общественных наук (ФОН), на

которых преподавались все гуманитарные дисциплины. Декретом Совнаркома от 4 марта 1921 года было введено обязательное преподавание минимума по общественным дисциплинам, в качестве базового в него входил курс исторического материализма. Переломным для учёных-гуманитариев стал 1923 год, когда были ужесточены требования к научным сотрудникам второго разряда. Весной 1924 года был утвержден список обязательной марксистской литературы, знание которой было необходимо.

Новая власть создавала новые научные учреждения, в том числе научно-исторические центры: в 1919 году в Ленинграде была учреждена Государственная академия истории материальной культуры, в 1921 в Москве основан Институт истории (в его состав входили не только марксисты, но и старая университетская профессура). В 1926 году при Коммунистической академии организовали Общество историков-марксистов, которое выпускало журнал «Историк-марксист». История стала исследоваться исключительно на основании принципов диалектического материализма, в социально-экономическом ключе, на основании формационного подхода, контуры которого постоянно уточнялись во все более идеологизированных дискуссиях. Центр исследовательской деятельности сотрудников исторических институтов переориентировали на изучение новейшей истории Запада и России.

Качество подготовки историков как специалистов катастрофически падало. Получивший распространение «лабораторно-бригадный» метод обучения, прекращение чтения систематических лекционных курсов, отмена экзаменационных сессий, уход из университета квалифицированных специалистов пагубно сказались на подготовке студентов. В 1926 году, выступая на методической конференции, одна из преподавательниц заявила: *«Если мы сделаем опрос наших историков, то мы увидим, что мы больше понимаем историю, чем знаем её. А понимаем мы её, потому что учили Ленина, а не Милюкова, Ключевского и еще целый ряд историков»* [3].

Главной задачей факультетов общественных наук (ФОНов) была подготовка идеологических кадров, которые смогут распространять марксистские идеи. Сокращались предметы и объем часов, отводимый на всеобщую и отечественную историю. Ю. Ларин, один из идеологов, в 1924 году писал: *«Возьмем преподавание истории… Полагается сейчас более или менее знать первобытную историю, древнюю историю, среднюю историю, новую историю, новейшую историю. Что если от каменного и металлического «доисторического» человека, познакомив вкратце с логикой возникновения товарного хозяйства, с его надстройкой, перейти прямо к истории последних десятилетий?»*. Предлагалось упростить преподавание, исключив ненужную информацию: *«Представим себе, что «от Рождества Христова» прошло не две тысячи лет, а еще двадцать тысяч лет. Неужто и тогда все еще учить об Олеге, Иване Калите и «Соборном уложении царя Алексея»* [4]. Этот подход также распространялся на подготовку специалистов-историков. В 1927 году в журнале «Историк-марксист» было написано, что история развития общественных форм исследует этапы, общие всем народам, независимо от некоторых характерных отличий. В ходе исторического развития каждого из этих народов есть общие черты, поэтому достаточно изучить историю одной страны [5].

Лидер советской исторической науки М. Н. Покровский, определяя задачи института истории при Комакадемии в 1929 году (предварительно ликвидировав институт истории РАНИОН, в котором еще работали ученые, получившие подготовку до революции), сказал: *«Ни западной истории, ни русской истории, ни древней истории, ни средней истории, ни новой истории, ни новейшей истории — ничего нет! …Мы решили таким образом организовать нашу работу в Институте, чтобы она была сосредоточена около основных нескольких крупнейших исторических проблем»* [6]. Имелись в виду история империализма, история эпохи промышленного капитала, история пролетариата в СССР. В результате произошло насаждение узкой специализации историков [7].

Осенью 1928 года состоялось совещание историков и пропагандистов, организованное по инициативе Агитпропа ЦК и принявшее решение покончить с плюрализмом, который еще был на «историческом фронте». М. Н. Покровский выступил за расформирование РАНИОН, который был местом, где сохранялись старые кадры. В 1929 году генеральный секретарь ВКП(б) И. В. Сталин (1878—1953), выступая перед аграрниками-марксистами, призвал ликвидировать разрыв между теорией и практикой, что предполагало уничтожение разнообразия.

На период 1929—1932 годов приходится несколько компаний, направленных против исторического сообщества. В 1929 году началось «Академическое дело», по которому преимущественно проходили историки, этнографы и краеведы. Академика С. Ф. Платонова обвиняли в создании мифического «Всенародного союза

борьбы за возрождение свободной России». По делу, кроме него, были арестованы академики-историки Е. В. Тарле (1874—1955), Н. П. Лихачев (1862—1936), М. К. Любавский (1860—1936); члены-корреспонденты С. В. Рождественский (1868—1934), В. Н. Бенешевич (1874—1938), А. И. Яковлев (1878—1951); профессора А. И. Андреев (1887—1959), Ю. В. Готье (1873—1943), С. В. Бахрушин (1882—1950). В подготовке восстания, связи с иностранными разведками, создании нелегальных кружков обвиняли известных историков С. К. Богоявленского (1871—1947), Б. А. Романова (1889—1957), П. Г. Васенко (1874—1934), В. Г. Дружинина (1859—1937), М. Д. Присёлкова (1881—1941) и др. [8].

В июле 1930 года после XVI съезда ВКП(б), на котором И. В. Сталин и первый секретарь московского комитета ВКП(б) Л. М. Каганович (1893—1991) выступили за исправление линии в национальном вопросе и борьбе с национализмом, началась борьба с великодержавными тенденциями в исторической литературе. В великодержавном национализме обвиняли С. Ф. Платонова, М. К. Любавского, С. В. Бахрушина, В. В. Бартольда. К началу 30-х годов завершился разгром традиции отечественной исторической науки. Большинство старых учёных были вытеснены с профессионального поля, кроме тех, кто принял марксизм и ту проблематику, которая была продиктована партийными функционерами. Была навязана жёсткая схема понимания исторического процесса (исторический материализм), никаких методологических и философско-исторических поисков проводить не было возможности. Сфера деятельности историков была ориентирована на сбор фактов (краеведение, палеография, источниковедение[1]); чем уже была тема, тем меньше внимания она могла привлечь и обеспечивала исследователю отсутствие внимания к своей персоне.

1. КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 300—331.
2. *Покровский М. Н.* Чем был Ленин для нашей высшей школы // Правда. 1924. 27 янв.
3. Цит. по: *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 154.
4. *Ларин Ю.* Советы и интеллигенция. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М. [б. г.]. С. 83—84.
5. Историк-марксист. 1927. Т. 6. С. 202.
6. *Покровский М. Н.* Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 5, 8.
7. *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 148.
8. *Перченок Ф. Ф.* К истории Академии наук: снова имена и судьбы // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М. ; СПб. : Феникс, 1995. С. 141—210.

[1] Так, С. Н. Валк, Б. А. Романов, Н. М. Дружинин, С. Д. Сказкин ушли в чистое источниковедение. Медеевист И. М. Гревс стал специализироваться по истории города и занимался организацией экскурсий. Краеведение стало тихой гаванью для многих историков, занявшихся изучением истории слобод, улиц, местечек и т. п.

Н. Г. Баранец, А. Б. Верёвкин

Э. Я. КОЛЬМАН — ИДЕОЛОГ В МАТЕМАТИКЕ

В статье описана жизнь и деяния Э. Я. Кольмана — идеолога кампании по диалектизации математики 30—40-х годов в СССР. Представлена негативная роль Э. Я. Кольмана, помогавшего властям освободиться от нелояльных профессоров. Проанализированы его математические работы и концепция философии математики.

Ключевые слова: философия математики, социальная история науки, математическое сообщество в СССР, диалектико-материалистическая концепция математики, историческая память.

N. G. Baranets, A. B. Veryovkin

E. Y. KOLMAN — IDEOLOGIST IN MATHEMATICS

The article describes the life and activity of Ernest Kolman — ideologist of the mathematics dialectization campaign in the 1930—40-s in the USSR. It presents the negative role of Kolman who helped the authorities to get rid of disloyal professors. The paper analyzes his maths works and the concept of the philosophy of mathematics.

Key words: philosophy of mathematics, social history of science, mathematics community in the Soviet Union, dialectical-materialist conception of mathematics, historical memory.

Случайные обстоятельства привели Эрнеста Яромировича Кольмана (1892—1979) в Россию, и в смутные революционные годы он сделал эффектную партийную карьеру [1]. Кольман избежал угрожающих жизни испытаний в периоды репрессий, к раскручиванию которых приложил немало стараний. Похоже, что всю жизнь он стремился социально подняться, занять не своё место и выдавал себя за кого-то другого. В материальном благополучии Кольман дожил до эпохи «застоя», почтенным старцем отрёкся от кормивших его идей и скончался в гостеприимной Швеции, немного не дотянув до 90-летнего юбилея.

Недоучившийся студент[1] стал мучителем многих российских учёных, деловито совмещая

[1] Кольман Эрнест Яромирович родился в Праге в семье почтового чиновника. Короткое время учился на факультете машиностроения и электротехники Высшей политехнической школы и посещал лекции на математическом отделении философского факультета Карлова университета. Подрабатывал репетиторством математики. Увлекался танцами, сионизмом, марксизмом и путешествиями. Работал вычислителем при астрономической обсерватории. В 1914 году был призван в австрийскую армию. В России был ранен и пленён, работал переводчиком при лазарете. После Октября вошёл в Комитет военнопленных революционных социал-демократов-интернационалистов и вёл пропаганду среди военнопленных. В 1918 году получил советский паспорт, вступил в РКП(б), познакомился с Троцким, Бухариным, Землячкой и Лениным. В Москве служил в военкомате и райкоме партии, был членом «тройки» ЧК. С 1919 года работал в Коминтерне в Германии. С 1923 года работал в Агитпропе Коминтерна в Москве, был заведующим Губполитпросвета, издательства «Московский рабочий», членом Моссовета. С 1929 — заведующий Агитпропа ЦК ВКП(б). В 1930—32 гг. возглавлял Московское математическое общество. В 1932 году участвовал в Международном конгрессе математиков в Цюрихе, вошёл в дирекцию Института марксизма-ленинизма, заведовал кабинетом Маркса, стал директором Института красной профессуры естествознания, читал лекции по философским проблемам математики. В 1936 году стал завотделом науки МГК ВКП(б), издал книгу *«Предмет и метод современной математики»*. В 1937 году был репрессирован и лишён всех постов, но уже в 1939 году стал завотделом диамата Института философии АН СССР. Во время войны был на партработе в Москве. В 1944 году передан в Чехословакию в аппарат ЦК КПЧ, стал профессором Карлова университета. В 1948 году был арестован за интриги против руководства КПЧ, возвращён в СССР и содержался в московских тюрьмах. В 1952 году был освобождён и выслан в Ульяновск к семье. Вскоре вернулся в Москву, работал в Институте истории естествознания и техники АН СССР. В 1959 году опять послан в Прагу, стал чехословацким академиком. В 1962 году вернулся в Москву, участвовал в методологическом семинаре ГАИШ, написал не принятую в печать книгу *«Проблема бесконечности»*. В 1968 году сочувствовал антигосударственным выступлениям в Чехословакии. В 1970 году был в чехословацкой делегации X Международного философского конгресса в Амстердаме, начал писать мемуары *«Мы не должны были так жить»*, переправленные на Запад в 1975-м. Во время поездки в Швецию в 1976 году попросил политического убежища, вышел из КПЧ и КПСС. Умер в Стокгольме.

партработу с преподаванием и участием в идеологических кампаниях. В 1930—32 гг. ему выпало возглавлять Московское математическое общество. Он руководил Институтом красной профессуры естествознания с 1932 года до закрытия заведения в 1936 году. В 1934 году Кольман получил степень доктора философских наук, затем звание профессора математики. В 1939 году стал старшим научным сотрудником в Институте философии АН, завотделом диалектического материализма, преподавал логику в московском юридическом институте и в педагогическом институте, вёл математические курсы в Энергетическом институте им. Молотова. Войдя в партийную номенклатуру, Кольман легко менял места работы, не удаляясь от структур, связанных с управлением наукой и образованием.

Было бы несправедливо утверждать, что Кольман не имел математических работ. Одну из них хранит российский ресурс Math-Net.Ru [1]. Статья по элементарной комбинаторной топологии вышла в престижном журнале Московского математического общества. В ней нет библиографических ссылок, что в тот период было нормально. Упоминаний её в иных статьях обнаружить не удалось. Для неспециалиста в узкой теме исследования это усложняет оценку её полезности. Первый параграф отдан определениям, но сформулированы они нематематически расплывчато, иллюстрации отсутствуют. Поэтому неясна постановка задачи, трудно оценить степень достоверности её решения. Кольман упоминает, что применяемый им метод использовался Листингом[1]. Возможно, точные определения есть в одной из его неназванных работ, но этот вопрос заслуживает отдельного изучения. Вторую математическую работу Кольмана понять легче, тем более что в ней отсутствуют какие-либо формулы и теоремы [2]. Статья представлена к публикации академиком Лысенко и направлена на опровержение известной работы [3] академика А. Н. Колмогорова[2]. Для скорого достижения цели Кольман с ходу заявляет, что Колмогоров *«в значительной мере следует выводам Мизеса»*. Затем он приводит ряд выдержек, которых *«более чем достаточно, чтобы убедиться в том, что Мизес — махист «чистой линии» и что высказываемые им взгляды на отношение теории к действительности слово в слово совпадают с теми, которые разгромил Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Следовать методологическим взглядам Мизеса не только в значительной, но и в какой бы то ни было мере никому рекомендовать нельзя».*

Отметим, что в работе Колмогорова Рихард Мизес не упоминается. В этом не было необходимости. Колмогоров имел достаточную базу собственных разработок по теории вероятностей, чтобы заимствовать их у немецкого учёного, так и не завершившего свои статистические и вероятностные исследования. Кольман ввёл Мизеса вспомогательной фигурой, позволившей перевести обсуждение от вопросов статистических или биологических, в которых Кольман не разбирался, к истолкованиям мнений Ленина и Энгельса по надуманным поводам, в чём Кольман считал себя мастером. Этот приём из набора картёжных шулеров характеризует методологические принципы научной дискуссии многих «материалистов-диалектиков». Далее Кольман развивает свою гипотезу об идейной подчинённости Колмогорова махисту Мизесу: *«Вполне понятно, что тот, кто вместе с Мизесом полагает, будто теория вероятностей есть теория, проверяемая только законами мышления, кто считает, что научная теория играет по отношению к действительности (называемой махистами миром «опыта») роль одного лишь описания, не в состоянии правильно поставить, а тем более решить вопрос*

---

[1] Листинг Иоганн Бенедикт (1808—1882) — немецкий математик и физик, геттингенский профессор с 1847 года. Заложил начала топологии и первым употребил этот термин.

[2] Колмогоров Андрей Николаевич (1903—1987) — выдающийся советский математик, академик, один из лидеров Московской математической школы. В 1922 году построил ряд Фурье, расходящийся почти всюду. Эта работа принесла ему мировую известность. Первые публикации Колмогорова были посвящены проблемам дескриптивной и метрической теории функций. Не принадлежа ни одному из направлений, участвовал в дискуссиях между формально-аксиоматическим течением Гильберта и интуиционистским Брауэра и Вейля. В 1925 году доказал, что классическая логика погружается в интуиционистскую, и поэтому интуиционизм наследует все возможные противоречия формализма и в этом отношении не имеет никаких преимуществ. Внёс существенный вклад в теорию функций, теорию вероятностей, теорию стационарных случайных процессов, теорию гамильтоновых систем и другие области математики. Построил свою версию аксиоматического обоснования теории вероятностей (1933). В 1930 году стал профессором МГУ, в 1933—39 гг. был ректором Института математики и механики МГУ, многие годы руководил кафедрой теории вероятностей и лабораторией статистических методов. В 1935 году получил степень доктора физико-математических наук, в 1939 году был избран членом АН СССР. В 1941 году Колмогорову и Хинчину за работы по теории вероятностей была присуждена Государственная (Сталинская) премия. Был президентом Московского математического общества (1964—1966, 1973—1985).

о границах применимости теории вероятностей, о границах её познавательного значения для отдельной науки, например, для биологии».

Мнимое разоблачение ошибки Колмогорова вскоре завершается: *«Таким образом, резюмируя, необходимо ещё раз подчеркнуть, что поскольку менделевские законы являются законами биологическими, никакое статистико-математическое доказательство (или опровержение) дать им невозможно. Доказать или опровергнуть закон Менделя как биологическую универсальную закономерность можно только на почве самой биологии, не отбрасывая громадный накопленный цитологический, гистологический, биохимический материал, материал по механике развития и т. д., а критически перерабатывая его, не боясь затронуть самые основы генетики, если этого требуют упрямые факты. Извлечённый из определенной группы случаев наследования менделевский закон расщепления признаков является лишь статистическим правилом, а не универсальным биологическим законом, причем правилом, получение которого существенным образом может зависеть от выбранной нами классификации рассматриваемых признаков. Наконец, нельзя забывать, что статистика в применении к биологии должна занимать лишь подчинённое место. Как этому учит Энгельс и Ленин, чем выше изучаемая форма движения, тем труднее применение к ней математического метода, тем менее эффективным для познания действительности он оказывается. Пытаться по всем этим причинам статистико-математически подтверждать или опровергать менделевские законы явно безнадежно».*

Мнимый ревнитель пролетарской истины Кольман специализировался в огульных нападках на известных учёных. Он регулярно запускал обвинительные статьи в партийные газеты и журналы. Так, в статье с доносным заголовком *«Вредительство в науке»* он зацепил О. Ю. Шмидта[1]: *«Математической мистификации науки вредителями значительную услугу оказывают появляющиеся порою из наших собственных рядов попытки ненаучного, антимарксистского применения математического метода. Так, например, пытаются всерьёз вывести закон развития производительных сил САСШ тем, что отождествляют производительные силы с техникой, мерилом прогресса которой принимают количество запатентованных изобретений, на основании чего математически выводят зависимость между «техникой» и временем, выводят законы движения индекса цен, зарплаты, нормы прибыли и т. д. Такие грубо-эмпирические упражнения, затрагивающие лишь поверхность явлений, действуют ободряюще на тех, кто «математизирует» науку с вредительской целью. Ведь каждая наша ошибка с жадностью подхватывается классовым врагом. Так, например, Н. В. Игнатьев спешит зафиксировать трогательное единство мысли главы буржуазной американской политико-экономической школы и учёного-коммуниста, не упуская в то же время случая выразить глубокую благодарность Кондратьеву, как редактору сборника, содержащего игнатьевскую статью со следующей тирадой «Количественная теория денег, находившая подтверждение и в эмпирических данных (назову здесь хотя бы работу проф. Фишера, а у нас работу О. Шмидта для периода эмиссионного хозяйства), вызывает простотой своих формулировок большой соблазн к статистической моей проверке»* [4].

---

[1] Шмидт Отто Юльевич (1891—1956) — выдающийся учёный и организатор советской науки. Окончил физмат Киевского университета в 1916 году и был оставлен работать приват-доцентом. Студентом под руководством Д. А. Граве написал первые математические работы в области абстрактной теории групп. За одну из них получил золотую медаль. В 1918 стал большевиком и активно участвовал в строительстве социалистического государства. Входил в руководство Народных Комиссариатов продовольствия, финансов, просвещения, в 1921—24 гг. возглавлял Государственное издательство, организовал первое издание Большой Советской Энциклопедии (1926—47), в 1927—30 гг. входил в Президиум Госплана. Был профессором Московского лесотехнического института (1920—1923), затем Московского университета (1923—1951), где в 1929 году организовал на мехмате кафедру Высшей алгебры, которой руководил до 1949 года. Был основателем московской алгебраической школы, автором новой космогонической гипотезы об образовании Земли и планет Солнечной системы. В 1924—30 гг. преподавал в Коммунистической академии. Участвовал в географических исследованиях, принесших ему всемирную известность и, возможно, защитивших в репрессиях 1930-х: в 1927 году ходил в Памирскую экспедицию; в 1929, 1930, 1932, 1933, 1936 гг. возглавлял арктические экспедиции. В 1930 году был назначен директором Арктического института, в 1932 году стал начальником Главсевморпути. В 1933 году был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1935 — академиком, в 1939—42 был вице-президентом Академии наук. В 1937—49 гг. возглавлял Институт теоретической геофизики. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1937 года за руководство организацией дрейфующей станции «Северный полюс-1» О. Ю. Шмидту было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина, а после учреждения знака особого отличия ему была вручена медаль «Золотая Звезда». Правительство СССР наградило его тремя орденами Ленина (1932, 1937, 1953), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1936, 1945), орденом Красной Звезды (1934) и медалями.

Кольман громил старых профессоров и косвенно Н. Н. Лузина[1], которого обвинял в незнании диалектики и не только. Темой его выступлений была «аполитичность» Шмидта и «вредительство» Егорова[2]. Дадим ещё один пример риторики Кольмана. Напомним, что это был 1931 год — шёл первый вал сталинских репрессий и «чисток» государственных учреждений: *«Подмена большевистской политики в науке, подмена борьбы за партийность науки либерализмом тем более преступна, что носителями реакционных теорий являются маститые профессора, как махист Френкель в физике, виталист Гуревич и Берг в биологии, что Савич в психологии, Кольцов в евгенике, Вернадский в геологии, Егоров и Богомолов в математике «выводят» каждый из своей науки реакционнейшие социальные теории. Разве нехарактерно — если взять лишь события последнего месяца — что признанного вождя реакционной московской математической школы, ещё в прошлом году директора математического института, состоявшего церковным старостой, но не желавшего быть членом профсоюза, проф. Егорова московское математическое общество упорно не желало исключить из своего состава. Когда же Егоров заявил, что «не что-либо другое, а навязывание стандартного мировоззрения учёным, является подлинным вредительством», докладчик-коммунист не только сам не дал отпора, но в заключительном слове отвёл предложение сделать из выступления Егорова организационные выводы, объяснив всё «недоразумением». Такова политика некоторых коммунистов, проводимая ими в реакционнейшей профессорской среде, в среде хранителей традиций Цингера, Бугаева, Некрасова, разрабатывавших теорию вероятностей, науку о числе и анализ для доказательства незыблемости «православия, самодержавия, народности», для подкрепления философии Лопатина в среде тех людей, которые вполне последовательно на недавнем съезде отказывались послать приветствие XVI съезду»* [5].

В 1936 году Кольман опубликовал объёмную работу *«Предмет и метод современной математики»* [6], желая дать в ней канон математики и её истории. Книга должна была стать основой понимания философии математики. Ведь автор опирался на сочинение Энгельса *«Диалектика природы»*, впервые опубликованное в 1929 году, и на *«Математические рукописи»* Маркса, обнаруженные Кольманом в сейфе Рязанова, чьё место заведующего кабинетом Маркса он занял в ИМЭЛ. Кольман ознакомился с записками Маркса ещё до их подготовки к публикации группой историков математики под руководством Яновской. В своей книге Кольман синтезировал материалы читанных им в Московском университете курсов по историческим и философским проблемам математики. Историю дисциплины он изложил широко, но без продуманной системы. В столь же хаотическом изложении математических идей и понятий содержались серьёзные ошибки, отчасти отмеченные в рецензии известных математиков А. О. Гельфонда и Л. Г. Шнирельмана. Члены-корреспонденты Академии наук дали на сочинение Кольмана безжалостное заключение: *«в книге неверно передан ряд важнейших вещей из самых различных отделов математики. Трудно указать такую область математики, которая была бы корректно освещена в разбираемой книге. Общие рассуждения о математике в целом отличаются туманностью и не дают ничего ни уму, ни сердцу»* [7].

Однако в замысел книги легла самостоятельная методологическая идея — представить историю математики в развитии её абстракций (числа и фигуры, переменных алгебры и анализа, их операций и функций). Книга начинается с определения математики, претендующего стать стандартом для советской науки: *«Определение Энгельса гласит, что математика — это наука, имеющая своим предметом пространственные формы и количественные отношения действительного мира. Из этого определения ясно, что математика не может считаться только наукой о природе или только наукой общественной, ибо пространственные формы и количественные отношения присущи как естественным, так и общественным процессам»* [8].

Последняя глава книги Кольмана наиболее идеологизирована. Она посвящена кризису оснований математики и описанию основных философских программ математики — логицизма, формализма, конвенционализма, интуициониз-

---

[1] Лузин Николай Николаевич (1883—1950) — советский математик, доктор физико-математических наук (1916), профессор (1916), академик АН СССР (1929). В 1916—1920 гг. вместе с учениками М. Я. Суслиным и П. С. Александровым создал новое направление в математике — дескриптивную теорию функций.

[2] Егоров Дмитрий Фёдорович (1869—1931) — один из лидеров московской математической школы. Доктор чистой математики (1901), профессор (1903), почётный член АН СССР (1929), президент Московского математического общества (1923—1931). Занимался дифференциальной геометрией, теорией интегральных уравнений, вариационным исчислением.

ма, эмпиризма, эффективизма, отнесённых к идеализму и противостоящих истинно верной философии диалектического материализма. Суть философских направлений математики Кольман изложил умело, мастерски подкрепив избранные идеи цитатами из сочинений основоположников течений, показывая своё понимание сложности проблем. Оценки Кольмана демонстративно пристрастны и критичны. Так, одобрив Пуанкаре за его критику логицизма и формализма, Кольман обнаруживает у него *«двойное нутро философии конвенционализма»*. Кольман осудил Пуанкаре за мнение о двух неразделимых источниках аксиом — обобщённом опыте и первичных понятиях, принятых научным сообществом и влияющих на истолкование опытов. Кольман порицает все определения математики, кроме одного энгельсова, объявляя поверхностными мыслителями всех математиков, их придерживающихся: *«Определение Пуанкаре математики как «искусства давать одно и то же имя различным вещам», как две капли воды, похоже на определение Рассела, согласно которому «математика — это совокупность выводов, могущих быть применёнными к чему бы то ни было». Именно благодаря этому своему философскому оппортунизму конвенционализм, «философия удобства», оказался наиболее «удобным» для многочисленного слоя математиков, знакомых с философией лишь крайне поверхностно, именно поэтому он стал наиболее популярным течением современной философии математики, даже до сих пор оказывающим коекакое влияние на образ мышления некоторых из советских математиков»* [9].

Он настойчиво преследовал ярких математиков, в особенности Лузина: *«Известно, что так называемая «Московская математическая школа» — Цингер, Бугаев, Некрасов — проповедовала, будто «арифмология» (теория чисел и непрерывных функций) обосновывает индивидуализм, анализ с его непрерывностью направлен против революционных идей, теория вероятностей подтверждает беспричинность явлений и свободу воли, а вся математика в целом находится в соответствии с принципами философии Лопатина — православием, самодержавием, народностью. Этот черносотенный образ мыслей был полностью донесён до наших дней одним из «столпов» этой школы Лузиным, который придал ему более «современную» фашистскую окраску. Вместе с тем Лузин «исправил» эту идеологию в деталях, заменив открытую проповедь православия более тонким дурманом — субъективным идеализмом и солипсизмом»* [10].

Пропагандируемая Кольманом диалектизация математики осталась нереализованным сервильным проектом: *«С точки зрения марксизма-ленинизма обоснование математики не сводится к замене логической, формалистической, интуиционистской и тому подобных систем аксиом, определений и т. д. какой-то другой диалектико-материалистической системой. Оно не сводится также к несравненно более сложному труду — к построению марксистской истории математики. Оно означает вместе с тем переделку всей математики, регулирование её развития на плановых началах, исходящих из теоретического осмысления практики строительства социализма. Усвоение, критический пересмотр и коренная переработка достижений буржуазной науки — эта задача, поставленная для нашей эпохи Лениным и Сталиным, целиком относится и к математике»* [11].

***

Отечественное математическое сообщество почти отправило в пучину забвения персону Э. Я. Кольмана и стёрло следы его дел. Это проявление защитного механизма вытеснения «неприятного» воспоминания о трагическом периоде жизни советских математиков. Но в исторической памяти должны оставаться не только «герои», но и «антигерои», чей пример становится предостережением для новых поколений учёных.

1. *Кольман Э.* О разбиении круга // Математический сб. 1937. Т. 2(44). Вып. 1. С. 65—77.
2. *Кольман Э.* Возможно ли статистико-математически доказать или опровергнуть менделизм? // Докл. Акад. наук СССР. 1940. Т. 28. Вып. 9. С. 836—840.
3. *Колмогоров А. Н.* Об одном новом подтверждении законов Менделя // Докл. Акад. наук СССР. 1940. Т. 27. Вып. 1. С. 38—42.
4. *Кольман Э.* Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 2. С. 76—77.
5. Там же. С. 78—79.
6. *Кольман Э.* Предмет и метод современной математики. М. : ГСЭИ, 1936. 316 с.
7. *Гельфонд А. О., Шнирельман Л. Г.* Э. Кольман, «Предмет и метод современной математики» // Успехи математических наук. 1938. № 4. С. 336.
8. *Кольман Э.* Предмет и метод современной математики. М. : ГСЭИ, 1936. С. 10.
9. Там же. С. 274.
10. Там же. С. 290.
11. Там же. С. 302.

И. В. Волгин, А. В. Мартыненко

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОК-КУЛЬТУРЫ

В статье исследуются социокультурные, эстетические и мировоззренческие проблемы развития, а также сущностные и актуальные социальные противоречия современной рок-культуры.

Ключевые слова: рок-культура, рок-музыка, молодежные субкультуры, контркультура.

I. V. Volgin, A. V. Martynenko

PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND THE CONTRADICTIONS OF MODERN ROCK CULTURE

This article refers to the social, cultural, aesthetic and philosophical problems of development, as well as essential and urgent social contradictions of modern rock culture.

Key words: rock culture, rock music, youth subculture, counterculture.

В данный момент в культурологии не существует единого толкования понятия «рок-культура». Под ним принято понимать совокупность таких взаимодействующих элементов, как рок-музыка и контркультурные молодежные движения. Рок-культура зародилась в середине XX века и сегодня структурно состоит из множества субкультур, музыкальных жанров, стилей и направлений, которые имеют четкую тенденцию к дальнейшей дифференциации и интеграции.

Феномен рок-культуры в настоящее время весьма мало изучен, несмотря на появление многочисленных трудов различных исследователей и журналистов о рок-культуре и рок-музыке. В основном исследуются отдельные частные проявления рок-культуры. При этом до сих пор нет ни одного целостного культурологического исследования, которое систематизировало бы все аспекты этого многообразного и противоречивого явления современной культуры.

Изучение рок-культуры началось еще в 1960-х годах на Западе с движения «Popular Music Studies», которое ограничивалось анализом поэзии крупных рок-поэтов, таких как Боб Дилан или Пол Саймон. В конце 1970-х британские социологи заинтересовались роком как стилем жизни [1]. Кроме того, появились так называемые «рок-журналисты», которые писали исключительно о рок-культуре и рок-музыке. Однако многие из них сами принадлежали к какой-либо субкультуре, что мешало им объективно оценивать ситуацию в целом, и большинство из них не имело научного опыта работы, что не позволило им выработать единого научного подхода к изучению вопроса.

Исследователь из Осло Ингвар Штайнхольт, автор книги «Рок в резервации», писал по этому поводу следующее: «Идеально было бы, если бы возник какой-то академический жанр, который мог бы все эти проблемы анализировать и решать. Пока, к сожалению, после того, как крупные музыковеды (такие как профессор Филипп Тагг) пытались найти методы для анализа популярной музыки, социологи продолжали быть социологами, а те, кто интересовался текстом, продолжает интересоваться текстами и проблемами рок-поэзии. Комплексное, мультидисциплинарное роковедение только-только становится на ноги» [2].

В современном состоянии рок-культура приобрела всеобъемлющий характер мирового явления, продолжая развиваться в русле противостояния масскульту. По всему миру проходят тысячи рок-фестивалей. Исполнители рок-музыки часто появляются на ведущих телеканалах разных стран и приглашаются в качестве гостей на радиостанции. Выпускаются многочисленные рок-журналы, в которых повествуется о последних новостях в области рок-культуры. Активные музыкальные эксперименты способствуют возникновению новых стилей и направлений, как уникальных, так и пограничных с другими жанрами и стилями современной музыки.

Несмотря на растущую популярность рок-музыки, нельзя не заметить проблемы развития

рок-культуры, порожденные внутренними противоречиями еще на заре ее существования. Эти проблемы можно условно разделить на три взаимосвязанных типа: социокультурные, мировоззренческие и эстетические.

В ряду социокультурных проблем выделяются следующие: проблема отношений доминирующей культуры и рок-культуры; проблема деградации рок-сообщества (алкоголизм, наркомания); проблема идеологических столкновений между представителями рок-культуры.

Проблема отношений доминирующей культуры и рок-культуры имеет исторические корни. Рок-культура зарождалась и изначально развивалась на контркультурных основаниях — через яростное противостояние с доминирующей культурой в лице «истеблишмента», к которому относились прежде всего обустроенная благополучная жизнь массового человека и лицемерие политики. Сегодня элемент противостояния сгладился: если раньше в текстах и поведении рокеров присутствовали прямые выступления «против войны», против отупляющего влияния масскульта, за свободу мысли и свободного выбора образа жизни, то теперь эти черты завуалированы своеобразным эскапизмом в мистику, фантастику, наркотическую «нирвану». Элемент «мы против них» остался, но в нем все чаще отсутствуют смысловая глубина и социальная конкретность. Масштабное противостояние «системе» сегодня выродилось в основном в противостояние поп-индустрии, которая для рокеров и олицетворяет эту ненавистную «систему». В творчестве рок-музыкантов можно часто встретить тексты, изобличающие поп-индустрию. Так, например, в России можно назвать трех исполнителей, затронувших в своем творчестве данную тему, — «ДДТ» («Попса»), «Психея» («Про рэп») и Jane Air («Суперзвезда»). При этом в борьбе со своим непримиримым врагом «попсой» в рок-культуре наметилось два пути: 1) открытое столкновение с поп-индустрией; 2) независимое развитие рок-культуры через творческий поиск — появление новых жанров, стилей, нового звучания, новой альтернативной тематики текстов.

В качестве одной из важных современных идеологических проблем рок-культуры стоит отметить проблему псевдоидеалов. В современном рок-сообществе стали появляться своеобразные «лидеры» — люди старшего поколения (от 25 лет), проникающие в молодежные субкультуры при отсутствии адекватной социокультурной самореализации, присущей своей возрастной среде. Эти люди начинают навязывать своеобразные правила жизни внутри субкультуры. В последнее время на просторах Интернета можно встретить множество различных манифестов, уставов и прочих «монументальных» текстов, принадлежащих якобы к какой-либо субкультуре. Чаще всего они написаны подобными псевдолидерами, которые завоевали свои позиции исключительно по праву «старших» адептов. Обычно их называют «олдырями» от английского слова «old» или «динозаврами». Таким образом, имея некое мнимое превосходство, эти самые «динозавры» имеют влияние на более молодое поколение «тусовки». Подобный контингент фальшивых «гуру» создает атмосферу неадекватного толкования обществом всей субкультуры. В частности, можно привести в пример многочисленные националистически настроенные группы, скрывающиеся под названиями скинхедов, металлистов, а также антирелигиозные явления, маскирующиеся под именем «тру»-готов, имеющих при этом мало отношения к названным субкультурам.

Фетишизация свободы от любых социокультурных ограничений привела к проблеме деградации рок-культуры. Свобода превратилась в своеобразный идол, утративший конкретные критерии, формы и определения. Рок-культура оказалась в кабале у постоянного поиска новых границ свободы. Отсюда — алкоголизм, наркомания и беспорядочные сексуальные отношения, ставшие образом жизни и замкнутым кругом.

Основополагающей мировоззренческой проблемой развития рок-культуры является проблема ее популяризации, которая стала актуальной еще в 1970—80-х годах. Уже тогда началось размежевание рок-сообщества на два фронта — сохранение позиций андеграунда и жажда славы и мирового признания. Второе породило явление псевдорока, который заполонил мировую сцену своей продукцией — по форме «роковой», а в сущности «попсовой».

«...Даже самых до самых упертых рано или поздно доходит, что их любимый «р-р-рок» давным-давно интегрирован в любую из существующих в мире политических систем (кроме разве что исламской, да и в ней уже намечаются сдвиги). Мысль эта невыносима. Но враг необходим — иначе за чью погибель будет вздыматься к небу пластиковый стакан?» [3]. Данная цитата говорит о том, что сегодня противостояние поп-индустрии является скорее неким надуманным принципом самоидентификации рок-культуры, нежели реальной проблемой. Часто представители рок-среды презрительно именуют «попсой» не только примитивную музыку масскульта, но и

все то, что не является рок-музыкой. Иными словами, представители рок-культуры не всегда видят разницу между позитивными явлениями поп-культуры и негативными ее проявлениями, а также узколобо не хотят замечать разницу между поп-музыкой и другими жанрами, не относящимися ни к рок-музыке, ни к поп.

Кроме того, рост популярности творчества отдельных рок-групп позволяет им стать замеченными именитыми лейблами звукозаписи, которые предлагают группам сотрудничество и готовы поднимать их популярность до мировых масштабов. Но для рокомана это будет проявлением «продажности» любимой группы. Рок-музыка является для большинства ее поклонников чем-то элитарным и направленным на очень узкий круг людей. Когда группа попадает на популярные каналы, печатается в популярных СМИ, издается на известных лейблах — она автоматически большинством фанатов переводится в разряд «попсы».

При этом современная рок-музыка в процессе популяризации стала настолько синтетическим продуктом искусства, что в нее могут входить не только жанры и направления рока и металла, но и совершенно иные направления — рэп, электронная музыка, фольклор.

Чрезмерная популяризация привела к размыванию границ рок-музыки. С начала 1990-х годов по всему миру стали появляться группы, которые стремились к более легкому звучанию и упрощению смысловой нагрузки текстов. Особенно ярко это проявилось в России в виде феномена под названием «русский рок». Подобные группы стали быстро набирать популярность среди различных слоев российского общества, в частности благодаря кинематографу (так, например, благодаря фильмам Сергея Бодрова-младшего «Брат», «Брат 2», «Сестры», в которых в качестве саундтреков были использованы песни групп «Би-2», «Агата Кристи», «Наутилус Помпилиус», «Лакмус», «ДДТ» и других). В Европе и США в это же время формируются такие стили, как рэп-кор, брит-поп, поп-метал, дэнс-метал и прочие производные. В целом ярко выраженных негативных последствий данное явление не дало, но некоторые известные лейблы и продюсеры решили воспользоваться этим и создать своего рода псевдостиль в рок-музыке. По всему миру стали появляться группы, которые позиционируют себя как рок-группа, но на деле таковой не являются: они выглядят и ведут себя как рок-музыканты, но музыка либо тесно граничит, либо является тем, что трурокеры именуют «попсой».

Один из таких продуктов — группа «Ранетки», созданная продюсером Сергеем Мельниченко, который до этого работал с Бари Алибасовым в качестве звукорежиссера. Данный проект был выставлен на всеобщий показ как рок-группа, хотя на самом деле они исполняли самый обыкновенный поп. Подобные группы стали появляться по всему миру, собирая вокруг себя миллионы поклонников, прививая им псевдопредставления о рок-культуре.

Фронт музыкантов, который решил функционировать в границах андеграунда, стал развиваться во многих музыкальных направлениях. Но при этом он также испытывает неизбежное влияние популяризации. В сфере тяжелой музыки появилась мода на так называемый «джент». Родоначальником этого стиля можно считать группу Meshuggah. Спустя некоторое время после того, как группа набрала популярность среди поклонников тяжелых жанров, стали появляться группы, подражающие Meshuggah. Со временем появилось название стиля — «джент». Этот стиль сохранил тяжелое звучание и развивает высокую технику исполнения. Целостной субкультуры из этого стиля не получилось. Джент не стремится выйти на мировую арену наряду с другими жанрами. Музыканты чувствуют себя вполне комфортно, пребывая популярными в узких кругах.

Наряду с джентом большую популярность набирают такие стили, как экспериментальный метал, пост-метал, прогрессив-метал. Каждый из этих стилей можно назвать своего рода экспериментом в области тяжелой музыки. Экспериментальный метал может соединять в себе различные жанры и направления, от рэпа и электроники до классики и экстремальных стилей метала. Пост-метал стал логичным продолжением пост-рока, который стал набирать популярность в середине 1990-х годов. Пост-метал всего лишь утяжелил свое звучание, сохранив все традиции пост-рока. Прогрессив-метал стал своего рода альтернативой в тяжелой музыке. Если альтернативный метал и рок давали нечто новое своему слушателю, то «прогрессив» стал связующим звеном между разными стилями, придавая всему этому определенное звучание и исполнение.

Идейное размежевание между приверженцами сближения с популярной музыкой и непримиримым андеграундом ныне приобрело форму некоего эстетического поединка, в ходе которого рождаются новые стили и направления в рок-музыке.

На смену агрессии в музыке пришло осознание необходимости развития музыкального

исполнения и расширения тематики текстов. На этом фоне стали развиваться менее агрессивные жанры, нежели панк, хардкор, тяжелый метал и их производные. Альтернативная музыка обратилась к жизни на улицах рядовых городов, приходя на помощь тем, кто остался вне как рок-культуры, так и популярной музыки. Пост-рок и пост-метал «вспомнили» о вечности и красоте природы, забытой и заслоненной потребительством и техническим прогрессом.

Одной из эстетических проблем восприятия рок-культуры обществом остается эстетика рок-зрелища и поведение представителей рок-сообщества, в частности на концертах и на сцене.

Сегодня концерты тяжелой музыки, как правило, сопровождаются слэмом. Слэм — хаотичные действия публики на музыкальных концертах, при которых люди толкаются и врезаются друг в друга. Обычно слэм возникает на концертах альтернативы и панк-исполнителей. Самые активные действия происходят в образованном толпой круге перед сценой (так называемый «Сёркл пит»).

Хотя слэм воспринимается как положительная реакция аудитории на музыку, он опасен для участников. Считается, что участвующие не стремятся причинить вред друг другу и соблюдают так называемую этику слэма, которая включает в себя определённые правила безопасности. Например, если человек падает, другие участники как можно скорее помогают ему подняться, чтобы его не затоптали. Однако в клубах и на площадках, где проходят концерты, работает охранный персонал, который воспринимает подобные явления как нарушение порядка. Такое отношение часто приводит к столкновениям между участниками рок-концертов и охраной. Часто в таких потасовках участвуют и музыканты, вставая на защиту своих поклонников. Ярким примером может служить концерт группы «Алиса» в Москве в 1993 году. Тогда в слэме принимало участие более 20 тысяч человек. Вооруженная охрана и правоохранительные органы, находящиеся на фестивале, приняли это за массовые беспорядки и принялись унимать толпу агрессивными методами, сопровождая некоторых участников в милицейские участки. Лидер группы «Алиса» Константин Кинчев остановил выступление своей группы и пытался со сцены утихомирить охрану и правоохранительные органы, чтобы те не применяли никаких действий против участников слэма. Но его слова не были услышаны агрессорами, и «Алисе» ничего не оставалось, кроме как покинуть сцену, показав тем самым свое негативное отношение к организаторам фестиваля и действиям охранников правопорядка. Константин Кинчев и другие участники группы «Алиса» не стали применять силу в данном конфликте, в отличие от группы из Санкт-Петербурга «Психея». Группа дважды прославилась своими столкновениями с охраной и правоохранительными органами на концертах.

В мировоззренческом отношении важной проблемой развития рок-культуры являются ее противоречивые отношения с религией. Представители мировых религий, как правило, относятся к любым проявлениям рок-культуры весьма негативно. И тому имеются веские причины. Так, католическая церковь яростно относится к тяжелой музыке в Норвегии, которая славится своим тяготением к мрачным темам сатанизма, оккультизма и прямых оскорблений церкви. Поклонники неоязычества, сатанизма и прочих радикальных субкультур, входящих в состав рок-культуры, часто совершали и продолжают совершать агрессивные и противозаконные действия по отношению к церкви. В частности, «...участники и фанаты норвежской блэк-метал-сцены взяли на себя ответственность за побуждение к вандальным действиям над надгробиями и совершение более 50 поджогов христианских церквей в период 1992—96 гг. Многим зданиям было несколько сотен лет, и они считались важными историко-культурными памятниками. Одним из первых и наиболее заметных был поджог церкви Fantoft, которая была уничтожена, по мнению полиции, лидером BURZUM Варгом Викернесом. Последний был признан виновным в совершении поджогов часовни Holmenkollen, церкви Skjold и церкви Åsane» [4].

Не только католическая церковь выражает свой протест в адрес рок-культуры. Православная церковь также дает понять свое резко негативное отношение к року. Ярче всего это отношение проявилось в статье протоиерея Владимира Боброва «Рок-музыка на службе у Сатаны».

При этом рок-культура породила неожиданное для себя явление христианского рока — разновидности рок-музыки, посвящённой теме христианства. Группы христианского рока исполняют песни о Боге, вере и душе и обычно состоят из христиан. Христианский рок выделяется исключительно по текстам, он не имеет особых музыкальных характеристик и может исполняться на самые различные по технике стили рок-музыки. Выделяют христианский классический рок, христианский метал (уайт-метал), христианский хардкор.

Среди известных современных христианских рок-групп — Skillet, Creed, P.O.D., Pillar, Delirious, Sixpence None the Richer, Crash Test Dummies, 12 Stones, Red, The Letter Black и др.

В России и СССР христианская рок-сцена стала развиваться со времен перестройки не менее чем в США и Британии. Начали появляться группы, чья лирика основана на православном христианстве. К таким относится, например, группа «Чёрный Кофе», «Галактическая Федерация» и позднее творчество рок-групп «Алиса» и «Калинов Мост». Диакон Андрей Кураев известен поддержкой православного христианского рока.

Любопытно, что даже в мусульманских странах, где рок-музыка традиционно считается запретной темой даже для разговора, стали появляться мусульманские рок-группы, поющие на тему мусульманства, используя этнические мотивы и инструменты в своем творчестве. Писатель Майкл Мухаммад Найт (Michael Muhammad Knight) в своем романе о мусульманском доме панков в Баффало, штат Нью-Йорк, ввел в обращение новое понятие — «taqwacore» (таквакор). Это понятие определяет мусульманский рок и субкультуру, которая зародилась на почве этой музыки. Мусульманский рок стал развиваться в стиле панка. Группы, играющие в этом стиле сегодня: The Kominas, Starmust, Sangre de Abaho, The Hell. Мусульманский рок объединяет множество стран между собой одной культурой и одной музыкой — от Азии до южноамериканских стран. Подобные явления расширяют границы восприятия рок-культуры и стирают рамки творчества для музыкантов.

В целом в музыкальном плане рок-музыка становится все более профессиональной и сложной с точки зрения эстетического восприятия. Исполнительское мастерство можно сравнивать с академическим мастерством, поэзия выросла в особый жанр — рок-поэзия. Это дает не только качественное звучание и исполнение, но и более широкий простор для творческого поиска, для создания новых форм, стилей и направлений.

Таким образом, рок-культура сегодня имеет ряд социокультурных, эстетических и мировоззренческих проблем, одни из которых остаются фундаментальными для понимания сущности самой рок-культуры, другие порождены общественными стереотипами и со временем так или иначе разрешаются через взаимодействие рок-культуры с доминирующей культурой. В любом случае рок-культура доказала способность активно развиваться при сохранении своей противоречивой сущности полноценного явления культуры.

1. *Кан А.* Роковедение? Есть такая наука! URL: http://www.bbc.co.uk/russian/society/2011/05/110519_rock_music_science.shtml (дата обращения: 25.05.2012).
2. Роковедение. URL: http://bardclub.net/rokovedenie-est-takaya-nauka (дата обращения: 25.05.2012).
3. Борцам с «попсой» посвящается... Vol. 2 // Dark City. 2010. № 56. С. 46.
4. Поджог церкви в Норвегии может иметь продолжение. URL: http://www.darkside.ru/news/18241 (дата обращения: 15.05.2012).

И. Д. Митина, А. В. Мартыненко, Т. С. Митина

ТИПОЛОГИЯ И ФОРМЫ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ФОНДА ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена принципам и специфике разработки творческих заданий в рамках культурологического образования. Представлены разнообразные типы и формы творческих заданий по теории и истории культуры и искусства.

Ключевые слова: культура, искусство, культурология, образование.

I. D. Mitina, A. V. Martynenko, T. S. Mitina

TYPOLOGY AND FORMS OF CREATIVE TASKS OF ASSESSMENT TOOLS FUND IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRENDS

The article is devoted to the principles and the specifics of the development of creative tasks in the framework of cultural education. It presents a variety of types and forms of creative tasks on the theory and history of culture and art.

Key words: culture, art, culturology, education.

Культура и искусство представлены в системе современного образования рядом специальных художественных дисциплин, изучающих аспекты изобразительного искусства, музыки, литературы, а в рамках интегрированного аспекта представлены курсы мировой художественной культуры, культурологии.

Культурологический образовательный цикл основывается на междисциплинарных связях, интегрированном знании. Задачами культурологического образования являются:

— формирование культурологического мышления;

— установление исторической связи между художественными стилями и направлениями, тенденциями различных эпох;

— побуждение интереса к самостоятельному изучению предметов культурологического цикла;

— воспитание бережного отношения к памятникам культуры, понимание того, что красота, добро, человечность, уважение к культуре других народов могут помочь людям в современном противоречивом мире.

Цель предметов культурологического цикла — сделать доступным для каждого человека общие духовные ценности, открыть перед ним мир культуры и искусства. Формирование эстетического вкуса, способностей к художественному творчеству — одни из составляющих компонентов культурологического образования.

Основные элементы данного культурологического фундамента образования основываются на формировании умений, связанных с осознанием, восприятием, интерпретацией и воплощением пережитого от соприкосновения с искусством в художественном самовыражении и творчестве. Это прежде всего проявляется в эмоциональном, нравственном, личностном плане. Увлеченность миром искусства может проявиться в художественных способностях.

На современном этапе развития образования все больший акцент делается не на знания — умения — навыки, а на формирование социально значимых компетентностей, воспитание способности ориентироваться в море информации и принимать ответственные самостоятельные решения. При этом приоритетным оказывается воспитание личностных качеств, к числу которых относятся адекватная самооценка, способность работать в коллективе, творческие начала — истинные проявления культуры [1, 8].

Творческие задания по теории и истории культуры призваны выявить умение самостоятельно мыслить, способность осознавать социальную значимость культурных ценностей, решать творческие задачи.

Учитывая мировоззренческий характер заданий культурологического профиля, рекомендуется использовать как традиционную тестовую систему проверки, так и творческие коллектив-

ные виды деятельности, рассчитанные на расширение кругозора и активное участие учащихся в современном культурном процессе [8, 7, 1].

На этапе высшего образования учебный курс «Культурология» призван реализовать несколько важных целей: формирование у студентов гуманистического мировоззрения; воспитание высших нравственных качеств, лежащих в основе овладения профессиональным мастерством; развитие умения адекватно воспринимать и оценивать особенности развития культуры в новых социально-экономических условиях. Для достижения этих целей в рамках творческих заданий предусматривается решение определенных учебных задач, связанных с раскрытием истории становления и развития мировой культуры, определением места и роли русской культуры в мировом культурологическом процессе, выявлением структуры и социальных функций культуры, особенностей ее развития в новых исторических условиях [1, 5].

Значительное внимание уделено и решению такой задачи, как определение предмета и задач культурологии как науки, особенности и взаимосвязь различных культурологических теорий. Специальный раздел заданий для студентов посвящен выявлению типов и форм культуры, их взаимосвязи. Предусмотрено также изучение такой актуальной проблемы, как взаимодействие массовой и элитарной культур [1, 7, 6].

Типология творческих заданий культурологической парадигмы

1. Тест культурологической направленности

Различные типы тестовых вопросов являются обязательной основной частью заданий по теории и истории культуры, предполагающей индивидуальное решение. Тестовые задания составляются таким образом, чтобы максимально конкретизировать ответ и, соответственно, сделать оценку оптимально точной и объективной.

Простые тесты закрытого типа (с выбором правильного варианта ответа) предназначены для выявления знаний участников олимпиады по определенной теме. Тесты закрытого типа — это вопросы, требующие одного-двух ответов из 4—6 предложенных вариантов на каждый вопрос. При выполнении такого тестового задания следует выбрать правильный ответ и обвести кружком обозначающую его букву.

Простые тесты закрытого типа являются своеобразной интеллектуальной разминкой для решения последующих, более сложных и многообразных по форме тестовых заданий.

Другие тестовые задания различаются по:

— форме вопроса и требуемых ответов;

— уровню сложности;

— функциям.

Это и вопросы на соответствие, и вопросы, требующие краткого односложного ответа, и вопросы, требующие убрать или добавить слово или выражение.

Как вид тестового задания предлагаются **цитаты** из поэтического источника, культурные символы в виде репродукции, отрывки из первоисточника или текста по истории культуры, которые нужно прочитать/рассмотреть, идентифицировать, осмыслить, сравнить или дать развернутые ответы на предлагаемые вопросы после текста. Этот вид тестового задания эффективен за счет наглядности и конкретности и требует не только эрудиции от участника, но и умения ориентироваться в широком культурном поле.

Тестовые задания в виде таблиц представляют собой сетки таблиц с конкретными рубриками по определенной теме/проблеме и с заполненными отдельными ячейками или целыми рубриками. Предлагается заполнить пустые ячейки таблицы заданной в рубрике информацией. Количество пустых ячеек в таблице не должно быть меньше половины всей таблицы. Форма таблицы дисциплинирует ответ и позволяет наглядно структурировать его в заданном сеткой таблицы порядке.

В тестах, состоящих из двух блоков, необходимо соотнести понятия и их определения, либо памятники культуры и имена творцов, либо характеристики и соответствующие им понятия, имена, направления в искусстве. Такие тесты позволяют продемонстрировать умение ориентироваться в узкоспециализированной области художественной культуры.

Тестовые задания в форме утвердительных предложений, требующие ответа в виде установления истинности данного утверждения, позволяют оценить знание фактов из истории культуры с точки зрения внимания к деталям. Студенту необходимо рядом с предложением вписать слово «верно» или «неверно» в зависимости от истинности или неистинности утверждения.

Тесты в форме кроссвордов позволяют выявить терминологические и фактографические знания студентов по специализированной теме. Задание предлагается в виде соответствующим образом пронумерованных вопросов, требующих ответа в виде определенного слова, и табличной сетки вертикально и горизонтально

расположенных ячеек для вписывания слов-ответов. Вопросы составляются таким образом, чтобы подразумевался однозначный ответ. Задание считается правильно решенным, если вписанные слова совпадут с сеткой по вертикали, горизонтали и количеству ячеек для букв.

Тестовые задания, охватывающие необходимый для изучения обширный материал, предоставляют студентам возможность продемонстрировать имеющийся у них багаж знаний, широту кругозора и владение элементарными логическими операциями по теории и истории культуры в занимательной форме [1, 3].

2. Культурологическая игра — викторина

Викторина — вид игры, заключающийся в ответах на устные или письменные вопросы из различных областей знания. Викторины по теории и истории культуры — это задания на атрибуцию произведений искусства или задания, основанные на атрибуции. Цель викторины — актуализировать знания в занимательной наглядной форме.

Виды викторин, которые могут использоваться при проверке знаний по теории и истории культуры:

— визуальная викторина;

— музыкальная викторина;

— киновикторина.

Визуальная викторина основана на репродукциях и фотографиях произведений изобразительного искусства (живописи, архитектуры, графики, декоративно-прикладного искусства, скульптуры). Вопросы могут требовать либо простой атрибуции произведения искусства (простая викторина на общую эрудицию, указание автора и названия), либо более глубокого уровня знаний, основанных на атрибуции (указание места создания, стиля, эпохи, выявление общего между изображениями и другие варианты вопросов).

Музыкальная викторина задействует слуховую память и требует эрудиции в области музыкальной культуры. В музыкальной викторине необходимо указать композитора, название музыкального произведения и эпоху (век, направление) создания на основе коротких прослушанных фрагментов.

Киновикторина задействует знания в области аудиовизуальной культуры (в особенности кинематографических произведений). В киновикторине необходимо указать названия и режиссеров фильмов, фрагменты которых были продемонстрированы. Могут быть задания и с более высоким уровнем сложности, требующие более глубоких знаний в области кинематографа и истории культуры вообще. Например, в продемонстрированных фрагментах из фильмов с наличием бальной сцены определить эпоху (век, стиль) бала, назвать фамилии актеров и актрис, которых узнали в кадре.

На основе киновикторины может быть сформировано творческое или аналитическое задание. Например, продемонстрировать фрагменты из разных экранизаций одного и того же эпизода определенного литературного произведения и предложить не только идентифицировать произведение, режиссеров экранизаций, но и сравнить режиссерские трактовки с оригиналом, оценить игру актеров, исполняющих одну и ту же роль.

3. Интеллектуальные игровые задания — брейн-ринг

Брейн-ринг — это интеллектуальные задания повышенного уровня сложности, требующие не только эрудиции, широкого кругозора, но и развитых воображения, логического и образного мышления, внимательности, интуиции, умения использовать обширный материал по истории культуры в различных прикладных контекстах.

Вопросы брейн-ринга разнообразны по форме построения. Например, вопросы на знание признаков национальной культуры; требующие перевода с одного языка на другой; построенные на игре слов; заключающие парадокс; требующие бдительности и т. д.

Брейн-ринг может быть реализован как командно, так и индивидуально. В командном решении участники делятся на команды.

Ведущий устно читает вопрос и дает время (1 минуту) на совместный поиск ответа. Команда, первой верно ответившая на вопрос, получает баллы (от 1 до 3 в зависимости от уровня сложности вопроса). Ведущий может сам последовательно переходить от одного уровня к другому, но можно предоставлять такое право участникам. Для этого на доске или через проектор дается таблица, в которой указаны наименования рубрик (разные области культуры или виды искусства), уровни сложности и количество вопросов в каждой рубрике и уровне сложности:

Рубрика/уровень	**1 уровень**	**2 уровень**	**3 уровень**
Искусство			
Обычаи и традиции			
Культурное наследие			
Язык			

Команда выбирает рубрику и уровень. Право первого выбора предоставляется командам по жребию, затем той, которая ответила правильно на вопрос, до тех пор, пока вопросы не закончатся. Победившей считается команда, набравшая наибольшее количество баллов.

Индивидуальное решение организовывается аналогично, только поиск ответа реализуется индивидуально каждым участником.

Выделяются три уровня сложности вопросов брейн-ринга:

1 уровень сложности ориентирован больше на знание фактов; вопросы формулируются в отстраненной форме, чтобы не так легко было сразу догадаться (в отличие от викторины).

Например:

Вопрос: И. Е. Репин и И. К. Айвазовский написали совместно портрет А. С. Пушкина. Как они назвали картину?

Ответ: «Пушкин на берегу моря».

2 уровень подразумевает наличие умения сопоставлять различные факты из истории культуры для поиска правильного ответа; вопросы требуют активного участия воображения.

Например:

Вопрос: Готовясь к переходу в вечный мир, фараоны опасались, что в результате неудачного бальзамирования Бог может не узнать их. Каким образом они исключали этот вариант?

Ответ: изготовляли золотую маску.

3 уровень представляет собой логическую задачу, основанную на знании, работе воображения и абстрактном мышлении.

Например:

Вопрос: Памятник древнерусской письменности «Поучение Владимира Мономаха» начинается такими словами: «Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который до сих дней меня грешного хранил…» Согласитесь, что сани — неудобное место для литературной работы. Почему же именно с этих слов начато послание?

Ответ: Перевозка тела умершего на санях — часть погребального обряда в Древней Руси. Выражение «сидя на санях» в данном случае означает «в конце жизни».

4. Культурологические — творческие интерактивные задания

Творческие задания имеют целью проявить креативные способности студентов, артистизм, умение на практике использовать имеющиеся знания по теме, навыки владения русским литературным языком, обнаружить степень развития художественного вкуса, стиля и воображения [2, 5].

Творческие задания могут быть:

— устные командные (перформанс, театрализованная презентация), например, представить команду в рамках заданной темы; готовится в качестве домашнего задания;

— электронные командные или индивидуальные презентации по узкой заданной теме; готовится в качестве домашнего задания;

— письменные командные или индивидуальные в форме эссе, мини-сочинения, графически оформленные.

В рамках фонда оценочных средств культурологического образования творческие задания решают важные задачи:

— способствовать актуализации знаний студентов, их умению ориентироваться в историческом пространстве художественной культуры, помочь выявить сформированные навыки общения с произведениями искусства и умения применять их на практике;

— выявлять самостоятельные взгляды и оценки студента по отношению к «культурной памяти» человечества, то есть степень художественной зрелости личности;

— способствовать активизации продуктивной художественно-творческой деятельности в области культурного пространства, поиску новых форм освоения культурного наследия (освоение современных источников информации, включая Internet, информационных технологий);

— способствовать присвоению общечеловеческих нравственно-этических ценностей, отраженных в произведениях искусства, преобразованию их в личностно-значимые.

При этом выполнять творческие задания в рамках культурологических дисциплин будет студент, знакомый с выдающимися образцами мировой и отечественной культуры, знающий или чувствующий, что подлинно культурного человека отличает способность рассматривать произведение в его исторической и национальной соотнесенности. Этим определяется специфика заданий, предлагаемых в рамках культурологического образования [1].

1. *Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г.* Культурология. Теория культуры : учеб. пособие для вузов. М., 2004.
2. *Сокольникова Н. М.* История изобразительного искусства : учеб. : в 2 т. М., 2006.
3. *Кривцун О. А.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.

4. *Яковлев Е. Г.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.
5. *Мартыненко А. В., Митина И. Д.* Олимпиада по культуре и искусству : учеб.-методич. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2011. 130 с.
6. *Митина И. Д., Мартыненко А. В., Моисеева М. В.* Анализ и интерпретация произведений культуры в контексте культурологического подхода : учеб. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2013. 362 с.
7. *Митин С. Н., Митина Т. С.* Имидж специалиста гуманитарной сферы : учеб. пособие по курсу лекций «Имиджелогия». Ульяновск : УлГУ, 2013.
8. *Митин С. Н.* Управление педагогическими системами: психотерапевтический подход. М. — Ульяновск : УлГУ, 2002.

И. Д. Митина, Т. С. Митина

СПЕЦИФИКА ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЖИВОПИСИ

Особенность искусства живописи состоит в свойственной ей удивительной способности передавать все многообразие и сложность жизни, всю ее динамичность через изображение одного события или момента в цвете, через образы и колорит. Все эти компоненты являются основой анализа и интерпретации произведений живописи.

Ключевые слова: культура, искусство, живопись, композиция, колорит, цвет.

I. D. Mitina, T. S. Mitina

SPECIFICITY OF APPROACHES TO THE ANALYSIS AND INTERPRETATION OF WORKS OF ART ON THE EXAMPLE OF PAINTING

The peculiarity of the art of painting is typical of its amazing ability to transmit the diversity and complexity of life, its dynamism through the image of a single event or moment in color, through images and coloration. All of these components are the basis for the analysis and interpretation of works of art.

Key words: culture, art, painting, composition, coloration, color.

Искусство — одна из форм общественного сознания, составная часть духовной культуры человечества, специфический род практически-духовного освоения мира. Постичь художественное произведение, прочитать его, присвоить его смысл, получить художественное наслаждение и оценить шедевр — это стать его сотворцом, вступить с ним в общение, в диалог «на равных» с автором.

Изобразительные искусства — те, в которых мир предстает предметно, зримо. Цель их — **изобразить** мир. Важнейшая особенность изобразительного искусства состоит в свойственной ему удивительной способности передавать все многообразие и сложность жизни, всю ее динамичность через изображение одного события или момента.

Изобразительные искусства принято называть пространственными совсем не потому, что они не передают чувства времени, прошлого и будущего, а имеют дело с одним только застывшим «настоящим». Лишенные возможности непосредственно включать время в свою структуру, они выработали определенные способы выражения временных характеристик через пространственный ряд, колорит, сюжет и т. д. [1, 5, 6].

Произведение — художественно-коммуникативное средство такого диалога. В каждом конкретном произведении необходимо вычленить какой-то один уровень и анализировать в данном ключе. Любое произведение искусства допускает вполне самостоятельное его бытование на каждом их этих уровней. При этом в анализируемом произведении может явно выделяться сюжетный уровень, в другом — символический.

Формируя навыки анализа произведений искусства, необходимо выстраивать план анализа с учетом цели и задач:

— начинать от простого описания картины, т. е. того, что на ней в самом деле изображено. Такие описания необычайно помогают сосредотачивать внимание на данном полотне, входить в мир картины;

— сворачивать содержание. Пересказывать изображение, но каждый раз сокращая свой рассказ. В конце концов, рассказ сводится к нескольким скупым фразам, в которых осталось лишь самое главное;

— выстраивать иерархии — соотнести между собой ценности, предложенные художником, ответить на вопрос «Что важнее?» — этот прием полезен на всех уровнях;

— создание «поля» анализа. Часто «открытию» смысла помогает какой-нибудь незначительный факт биографии художника или факт данной культуры. Он переводит наше внимание в иную плоскость, пускает наши мысли по иному

пути, поэтому надо накапливать факты. И, как показывает практика, чем более необычным нам кажется черта личности или событие, тем больше оно содержит в себе для нас творческого;

— созерцательное и двигательное вчувствование (эмпатия). Это актерский прием — попытка представить себя в мире картины, попытаться принять позы действующих лиц, надеть на себя выражение их лиц, погулять по дорожкам пейзажа. На этом пути ждет множество открытий. К этому приему часто прибегают тогда, когда анализ почему-либо зашел в тупик [5, 7].

Для каждого вида искусства формируются навыки анализа произведения, исходя из его специфики.

Живопись, по меткому замечанию художника К. Юона, — «живое письмо или письмо о живом». На первый взгляд это может показаться парадоксальным: ведь живое письмо и письмо о живом не одно и то же. Но в данном случае парадоксальность этого утверждения только кажущаяся. Словами «письмо о живом» художник раскрывает предмет живописи, а «живое письмо» — ее средства. В живописи передается форма предмета, его цвет, освещающий его свет, фактура материала, пространство, в котором находится изображаемый предмет.

Поэтому живопись пользуется такими конкретными изобразительными средствами, как линия, цвет, светотень, воздушная и линейная перспектива и т. д. Эти изобразительные средства позволяют создать на плоскости иллюзию трехмерности, верно передать ощущение объемности предметов окружающего нас мира, сохранить и умножить многокрасочность природы.

В данной статье предлагаются различные методические подходы к анализу живописных произведений, представлены варианты планов, схем, алгоритмов и подходов к анализу и интерпретации произведений живописного искусства. Выбор подхода к анализу произведения связан прежде всего с особенностью самого произведения, а также постановки целей и задач, стоящих в процессе обучения [6, 8].

План анализа и интерпретации произведения живописи

Внимательно рассмотрите произведение живописи. Что изображено на картине? Какими средствами художник выделил главное? Почему именно это кажется главным? Почему именно этот предмет кажется главным?

1. Название — в чем смысл названия картины? Как соотносится название с изображением на картине? Какое настроение пытается передать автор?

2. Изложите в анализе краткие сведения о художнике. Определите, если возможно, какое место данное произведение занимает в его творчестве.

3. Изложите кратко историю его создания (если это важно для анализа).

4. Определите его принадлежность к культурно-исторической эпохе, художественному стилю или направлению.

5. Жанровая принадлежность: исторический, бытовой, батальный, портрет, пейзаж, натюрморт, интерьер.

6. Определите особенности сюжета.

7. Художественный образ. Какие ассоциации вызывает художественный образ и почему?

8. Есть ли в картине предметы, что-либо символизирующие? Носит ли символический характер композиция произведения и отдельные детали?

9. Определите взаимодействия формальных, сюжетных и смысловых уровней произведения.

10. Какими средствами выразительности пользовался художник в изображении предметов?

11. Определите формат (вертикально и горизонтально вытянутый, квадратный, овальный, круглый, соотношение изображения и формата, рама, равновесие, соотношение частей изображения друг с другом и с целым, геометрические схемы, последовательность рассматривания).

12. Определите пространство, перспективу, композицию (композиционная схема, плоскость и глубина, точка зрения, пространственные планы, дистанция между зрителем и произведением, линия горизонта, место зрителя в пространстве картины или вне его, ракурсы).

13. Выделите основные средства выразительности: колорит, рисунок, манера письма.

14. Определите светотеневую моделировку формы. Светотень, объём (объём и плоскость, линия, силуэт, роль светотеневых контрастов в формировании эмоциональной выразительности живописного образа).

15. Как на картине сопоставляются цвета (цветовая композиция)? Цвет, колорит (тональный, локальный, тёплый, холодный колорит, тон, валеры, рефлексы, линейное и живописное начало).

16. Как на картине скомпонованы предметы (предметная композиция)?

17. Определите фактуру поверхности. Мазок (характер мазка, открытая фактура, гладкая фактура), направленность мазков, размер мазка, лессировки и т. д.).

18. Что хотел донести до людей автор своей работы?

19. Где находится данное произведение искусства?

20. Заключение: повтор основных выводов, касающихся образа, смысла произведения. Выразите свои личные впечатления от данного произведения живописи. Какое впечатление оказало это произведение искусства на ваши чувства и настроение [6, 4]?

Специфика искусствоведческого анализа станкового произведения

Для того чтобы абстрагироваться от сюжетно-бытового восприятия, вспомните, что картина — не окно в мир, а плоскость, на которой живописными средствами может быть создана иллюзия пространства. Поэтому сначала проанализируйте:

1. Каков размер картины (монументальный, станковый, миниатюрный)?

2. Каков формат картины: вытянутый по горизонтали или вертикали прямоугольник (возможно, со скруглённым завершением), квадрат, круг (тондо), овал?

3. В какой технике (темпера, масло, акварель и т. д.) и на какой основе (дерево, холст и т. д.) выполнена картина?

4. С какого расстояния она лучше всего воспринимается?

5. Есть ли в картине сюжет? Что изображено? В какой среде располагаются изображённые персонажи, предметы?

6. На основании анализа изображения вы можете сделать вывод о жанре. К какому жанру (портрет, пейзаж, натюрморт, обнажённая натура, бытовой, мифологический, религиозный, исторический, анималистический) принадлежит картина?

7. Как вам кажется, какую задачу решает художник — изобразительную? выразительную? Какова степень условности или натурализма изображения? Тяготеет ли условность к идеализации или к экспрессивному искажению? Как правило, с жанром связана композиция картины.

8. Из каких составляющих складывается композиция? Каково соотношение объекта изображения и фона/пространства на полотне картины?

9. Насколько близко к картинной плоскости размещены объекты изображения?

10. Какой угол зрения выбрал художник — сверху, снизу, вровень с изображенными объектами?

11. Как определена позиция зрителя — вовлекается ли он во взаимодействие с изображенным на картине или ему отводится роль отстраненного созерцателя?

12. Можно ли назвать композицию уравновешенной, статичной или динамичной? Если присутствует движение, как оно направлено?

13. Как построено картинное пространство (плоскостно, неопределенно, выгорожен пространственный слой, создано глубокое пространство)? За счёт чего достигается иллюзия пространственной глубины (различие в размере изображенных фигур, показ объема предметов или архитектуры, с помощью градаций цвета)? Композиция разрабатывается средствами рисунка.

14. Насколько выражено в картине линейное начало? Подчеркнуты или скрадены контуры, отграничивающие отдельные предметы? Какими средствами достигается этот эффект?

15. До какой степени выражен объём объектов? Какими приёмами создаётся иллюзия объёма?

16. Какую роль в картине играет свет? Какой он (ровный, нейтральный; контрастный, лепящий объем; мистический)? Прочитывается ли источник/направление света?

17. Читаются ли силуэты изображенных фигур/объектов? Насколько они выразительны и ценны сами по себе?

18. Насколько детализировано (или, наоборот, обобщено) изображение?

19. Передаётся ли разнообразие фактур изображённых поверхностей (кожа, ткани, металл и т. д.)?

20. Какую роль играет в картине колорит (подчинён рисунку и объёму или, наоборот, подчиняет себе рисунок и сам выстраивает композицию)?

21. Является ли цвет просто окраской объёма или чем-то большим? Является ли он оптически достоверным или экспрессивным?

22. В картине преобладают локальные цвета или тональный колорит?

23. Различимы ли границы цветовых пятен? Совпадают ли они с границами объёмов и предметов?

24. Художник оперирует большими массами цвета или маленькими пятнами-мазками?

25. Как написаны теплые и холодные цвета, пользуется ли художник сочетанием дополнительных цветов? Для чего он это делает? Как переданы наиболее освещенные и затенённые места?

26. Есть ли блики, рефлексы? Как прописаны тени (глухо или прозрачно, цветные ли они)?

27. Можно ли выделить ритмические повторы в использовании какого-либо цвета или сочетания оттенков, можно ли проследить развитие какого-либо цвета? Есть ли доминирующий цвет/сочетание цветов?

28. Какова фактура живописной поверхности — гладкая или пастозная? Различимы ли отдельные мазки? Если да, то какие они — мелкие или длинные, жидкой, густой или почти сухой краской нанесены [3, 5]?

Специфика искусствоведческого анализа — канонический тип (живопись, иконопись, фреска, скульптура, графика, миниатюра, декоративно-прикладное искусство)

При анализе такого типа произведений искусства необходимо учитывать иконографию. **Иконография** — это устойчивая традиция изображения различных лиц и событий, складывающаяся на основе разнообразных источников и организующая их в соответствии с принятыми догматическими, символическими и литургическими толкованиями. Такими источниками могут быть Святое Писание, апокрифы, агиография, предания и легенды, мифы, литургические песнопения.

Иконография отражает содержательную сторону в изображении. Хотя в устойчивые иконографические признаки могут входить элементы, не несущие большого содержательного значения. Например, дерево, изображенное слева: содержание не изменило бы изображение его справа. Однако из иконы в икону оно изображается слева, начиная с первого варианта, и когда образуются списки, этот образ начинает фиксироваться.

Анализ историко-культурной ситуации вначале необходим для того, чтобы уточнить отпечаток, слепок определенного типа мироотношения, свойственного своей эпохе и никакой другой. Используя иконографию для анализа, нельзя упускать из виду ни одной детали, независимо от того, содержательны они или формальны. Иконографические признаки могут отражать движения эпохи опосредованно.

Этот метод очень важен при анализе. Смотря на икону, можно просто любоваться, а можно знать житие, например св. Николая, и понимать, почему что-то изображается именно так, а не иначе. При обращении к канону появляется и видение, и знание. Нельзя смотреть на икону и другие произведения такого типа как на «китайские иероглифы».

При анализе должны проявляться не только чувственные эмоции, но и нравственное понимание. При анализе произведений христианской культуры используется понятие калокагатии — единство красоты и блага. Нравственное не может жить отдельно при анализе [2, 5].

1. Канонический тип при анализе храма, живописи, иконы, предметов декоративно-прикладного искусства, графики следует рассмотреть через общий канон, воплощенный в выбранном произведении. Например, существуют канонические типы изображений «Рождество Христово», или «Шива Натараджа», или «Будда Майтрейя». Важным элементом является краткое изложение сюжета изображения, в идеале это цитирование священных текстов (Евангелие, Упанишады, Трипитака и т. д.).

2. Материальный уровень произведения: техника исполнения, особенности материалов, сохранность. Назначение — для какого храма (если известно).

3. Индексный и иконический уровни произведения. Описание индексно-иконического уровня произведения отличается от описания сюжета предельной конкретностью. Сюжет — это основа возникновения произведения, то, что существовало до него (Евангелие, художественная традиция устойчивых изобразительных типов). На индексно-иконическом уровне отталкиваемся только от произведения, описываем только то, что изображено.

4. Символический уровень произведения — если возможно выделить. Нахождение композиционной формулы (символический уровень) не является обязательным и допустимо только в том случае, если студент уверен в ее наличии и может показать, какими элементами она образуется (магический характер пиктограмм, идеограмм и сакральность восприятия изображения, сакральный характер иероглифических текстов и сакрально-символический, принцип их интерпретации, органическая взаимосвязь сакрального текста и символического типа иллюстрации).

Заключение

Что представляет собой произведение как целостная художественная модель религиозного мироотношения? Каким образом оно инициирует встречу человека с Богом? Как в нем выражено понимание религиозности, свойственное данной конфессии и данному историческому периоду? Специфика знаково-информационного восприятия сакральных текстов в искусстве [5, 6].

Через изображение «остановившихся мгновений» живопись выражают глубоко и всесторонне типичные, характерные черты действительности. Подлинно прекрасные произведения

изобразительного искусства оказывают огромное идейно-эмоциональное воздействие на зрителя. Специфические особенности изобразительного искусства своеобразно раскрываются в каждом отдельном его виде.

Искусство выступает одновременно и как подобное реальной жизни, и как отличное от неё — выдуманное, иллюзорное, как игра воображения, как творение человеческих рук. Художественное произведение возбуждает в одно и то же время глубочайшие переживания, подобные переживаниям реальных событий, и эстетическое наслаждение, проистекающее из его восприятия именно как произведения искусства, как созданной человеком модели жизни [3, 5].

Таким образом, искусство, взятое в целом, есть исторически сложившаяся система различных конкретных способов художественного освоения мира, каждый из которых обладает как общими для всех, так и индивидуально-своеобразными чертами.

1. *Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г.* Культурология. Теория культуры : учеб. пособие для вузов. М., 2004.
2. *Сокольникова Н. М.* История изобразительного искусства : учеб. : в 2 т. М., 2006.
3. *Кривцун О. А.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.
4. *Яковлев Е. Г.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.
5. *Мартыненко А. В., Митина И. Д.* Олимпиада по культуре и искусству : учеб.-методич. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2011. 130 с.
6. *Митина И. Д., Мартыненко А. В., Моисеева М. В.* Анализ и интерпретация произведений культуры в контексте культурологического подхода : учеб. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2013. 362 с.
7. *Митин С. Н., Митина Т. С.* Имидж специалиста гуманитарной сферы : учеб. пособие по курсу лекций «Имиджелогия». Ульяновск : УлГУ, 2013.
8. *Митин С. Н.* Управление педагогическими системами: психотерапевтический подход. М. — Ульяновск : УлГУ, 2002.

№ 2(24) 2016 СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Л. Е. Потанина, Е. Е. Шабалкина

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА НАУКИ В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ»

В статье раскрываются тенденции в развитии науки в «обществе знания» и делается попытка обозначить основные аспекты философского анализа этих изменений. Подчеркивается преобразование базовых характеристик научно-познавательной деятельности, связанных с пониманием целей научного познания, соотношения фундаментальных знаний и их технологического применения, этических измерений науки.

Ключевые слова: общество знания, технонаука, «коммерциализация» науки, субъект-объектные связи, этическая экспертиза, этический комитет.

L. E. Potanina, E. E. Shabalkina

MAIN TRENDS OF THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SCIENCE IN THE «SOCIETY OF KNOWLEDGE»

The article shows the trends in the development of science in the "society of knowledge" and attempts to highlight the main aspects of the philosophical analysis of these changes. It emphasizes the transformation of base characteristics of scientific and cognitive activity associated with the understanding of the scientific knowledge goals. The paper also discusses ratio of the fundamental knowledge and technological application, ethical dimensions of science.

Key words: society of knowledge, technoscience, "commercialization" of science, subject-object relation, ethical review, Ethics Committee.

Сегодня термины «общество знания», «экономика знания», «эпоха знания» в определённом смысле «конкурируют» с концептами постиндустриального и информационного в обществе, выражая специфику современных тенденций в развитии социума. В опубликованном в 2005 году докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» говорится: «Сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться» [1, с. 7]. «Общество знания», таким образом, может быть определено как выражение перспектив общественного развития, образ нового социального горизонта.

Фиксируемые уже сегодня и ожидаемые в ближайшем будущем проявления этого типа общественной организации связаны с осознанием решающей роли знания и постоянно растущей потребности в новых знаниях в любой сфере деятельности. Как следствие, развитие систем производства и передачи знания, включение их в систему рыночного механизма, превращение знания в основной ресурс общественного развития. Переход к этому типу общества связывается с фундаментальными инновациями — информационными, коммуникационными, био- и нанотехнологическими и, безусловно, гуманитарными. Существенные изменения, происходящие в обществе, имеют, безусловно, социально-гуманитарный характер, изменяя форму и содержание социальных отношений. В первую очередь такие изменения затрагивают институт, на который обществом исторически возложена функция производства знания, — науку. Сегодня можно с уверенностью констатировать изменение базовых характеристик научно-познавательной деятельности и насущную потребность их философского осмысления. Наука в этом смысле оказывается на пересечении предметных сфер сразу нескольких философских дисциплин.

Уровень *эпистемологического* анализа затрагивает одну из тенденций в развитии современной науки — технологизацию науки или формирование технонауки. Эта тенденция в основе своей определяется изменениями целей научной деятельности. Интерес к знанию и его

востребованность диктуются не столько характеристиками истинности, объективности, достоверности, а скорее эффектом, который это знание имеет в преобразовании действительности. Традиционная последовательность научное знание → технология, при которой ранее полученное знание находило приложение, применение в технологической форме, изменила свою направленность. Как замечает Б. Г. Юдин, происходит «оборачивание» — познавательная деятельность встраивается в процесс создания востребованной в данный момент технологии» [2, с. 45—58]. Поскольку новые технологии производятся на заказ, таким же «заказным» становится и процесс получения нового знания. Технологии задают вектор развития науки, причем науки определённого типа, не объясняющей, не вскрывающей фундаментальные принципы и законы, а способной к технологизации. Иными словами, направляющими для производства знания оказываются прежде всего полезность и практический результат. Из сфер объяснения мира задачи науки мигрируют в сферу его преобразования и переустройства. И хотя эта тенденция намечена еще в эпоху Научной революции, сегодня она кардинальным образом меняет характеристики познавательного процесса: критерии оценки результата, соотношение фундаментальных и прикладных аспектов, время обратной реакции социума на научные открытия и т. д.

Изменения затрагивают и характеристики включенности науки во внешние социальные сферы. Сегодня наука не только один из лидеров духовного производства, она встраивается в систему рыночных отношений, становится сферой наиболее выгодного вложения капиталов, источником наиболее востребованной продукции, рождает новое предложение «товаров и услуг». Происходит «коммерциализация» науки. И это в свою очередь также существенным образом корректирует характеристики целей и результатов научного познания. Традиционные детерминанты: научный интерес, нормы и принципы научного этоса встают в один ряд с, казалось бы, внешними по отношению к науке факторами — запросы потребителей, возможности рынка. Потребитель, нуждающийся в новых технологиях, стимулирует бизнес, предпринимательство к капиталовложениям в науку. Модель субъектно-объектных связей перестаёт отражать истинную картину научной деятельности, а вернее, требует «подключения» новых субъектов. К таковым можно отнести и СМИ, которые становятся связующим звеном между технонаукой, бизнесом и потребителем, обеспечивая циркуляцию необходимой информации. Учитывая тот факт, что современные СМИ являются не только трансляторами нужд потребителей, но и принимают активное участие в их формировании и актуализации, можно утверждать, что этот социальный институт занимает не последнее место в системе связей науки и общества, выступая опосредованно одним из источников социального заказа.

Связи науки с социальной средой приобретают иные функциональные характеристики, изменяя не только облик науки, но и общество в целом. Желание нового, современного порождает тенденцию увеличения темпов «устаревания» товара или услуги. Нет смысла производить товар, способный служить много лет, он морально придет в негодность гораздо раньше физического износа. Вещный мир, окружающий человека и созданный им, мир товаров и услуг, порождаемый научными технологиями и инициированный массовым спросом, максимально динамичен. Скорость его изменения влияет на темпы научного развития и одновременно определяется ими. Фундаментальный срез научного знания, по-видимому, не испытывает на себе такого темпорального давления. Осмысление новой модели связей «наука — общество» — задача *социально-философского* уровня.

Формула «Спрос рождает предложение» в преломлении к технонауке задаёт особый вектор её интереса к своему потребителю. Это общество предполагает диалог между учёным и гражданином и интерес первого к знаниям, ценностям и потребностям второго. Человек в обществе знания ощущает себя частью единого цикла по созданию знания-технологии, его внедрению, потреблению, формированию потребности в новом знании. Б. Г. Юдин отмечает в качестве современной тенденции неуклонное приближение науки к человеку, к его потребностям, интересам, устремлениям, своеобразное «обволакивание» человека наукой, погружение его в мир, созданный ею [2]. Наука, по выражению Юдина, в известной степени делает человека своим произведением. С конца 60-х годов прошлого века можно наблюдать постепенную переориентацию в научной, информационной, технологической сферах, они становятся соразмерны человеку. Отдельный человек выступает в качестве потребителя даров науки, а его интересы — главными стимулами к НТП. Но при этом чем больше наука претендует на служение человеческим интересам, тем более она должна знать о самом человеке и его интересах. Для

такого узнавания у науки есть проверенный путь — эксперимент. Вторая половина XX века — это время, когда эксперименты с участием человека перестают быть исключительными случаями и оборачиваются серьёзным, часто рискованным вмешательством, опасным для человека и человечества [3]. Наука сегодня способна удовлетворить даже самые «экзотические» запросы общества, определить параметры телесной организации человека, качество его жизни, её продолжительность. Биотехнологии практически стирают границы между естественным и искусственным. Человек оказывается в ситуации, когда прежние представления о себе, о границах собственных возможностей, о жизни и смерти подвергаются существенным изменениям, что требует глубокой *антропологической* рефлексии.

Научные знания становятся мощнейшим инструментом управления человеком собственным существованием. «…Наступает эра покорения человеком самого себя: по отношению к самому человеку складывается тот тип управления, который раньше использовался только по отношению к природным вещам и системам» [4, с. 236]. Наука, влияющая на параметры человеческого бытия, должна согласовывать свою деятельность с ценностными измерениями человеческой жизни. Ценности воспринимаются как существенная характеристика реальности, изучаемой наукой, и самого научного знания. Идеал ценностно-нейтральной науки уходит в прошлое, делая особенно актуальным проблемы этики науки и моральной оценки ее результатов. Следует подчеркнуть, что пределы научного вмешательства в жизненные процессы и состояния человека определяются не только расширяющимися возможностями научно-технического развития. Они закладываются представлениями о том, что есть человек, личность. А значит, наука не только определяет облик человека, но и сама определяется им. В ситуации обращения к человеку наука сталкивается, с одной стороны, с проблемой уникальности объекта исследования, а с другой — с необходимостью введения дополнительных нравственных параметров исследования. Исследователю необходимо иметь в виду, что даже безупречный с точки зрения теории, методологии, технологии эксперимент, затрагивающий человека, его духовный или телесный мир, может не получить реализации по этическим соображениям.

Сегодня инновации, связанные с изменением *аксиологического и этического* статуса научной деятельности, приобрели институциональные формы, привели к возникновению институтов этической экспертизы и этических комитетов. Особую значимость деятельность этих организаций приобрела в сфере биомедицинских исследований, где непосредственное влияние науки на жизнь человека особенно явственно. Первые структуры, осуществляющие этический контроль, возникли в США в 50-х годах XX века и представляли собой неформальные объединения коллег-врачей. Уже в середине 60-х годов эти структуры формализуются, этическая экспертиза для всех биомедицинских исследований признаётся правительством обязательной и финансируется им. Первое упоминание этических комитетов в международных документах встречается в «Хельсинской декларации», принятой в октябре 1975 года. В этом же документе определяются условия независимости деятельности комитетов и сфера их функционирования. В нашей стране правовое оформление структур, осуществляющих этическую экспертизу, происходит в 1993 году в рамках закона «Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан».

Теолог Ричард А. Мак-Кормик выделил факторы, которые раскрывают значимость биоэтических комитетов как социальных институтов. К ним относятся:

1. Сложность биоэтических проблем, которая проявляется в неоднозначности понимания самих биоэтических дилемм и путей их решения. Задача специалистов комитета состоит в изучении проблемы и ее четкой формулировки.

2. Состав комитетов, включающий специалистов из различных сфер человеческой деятельности, позволяет очертить широкий диапазон мнений по проблеме и дать им объективную оценку.

3. Конфликты интересов, возникающие при принятии решений в ситуации биоэтических дилемм, могут проявляться в негативном общественном мнении и сказываться на оценке надежности и эффективности деятельности медицинского или исследовательского учреждения. Этические комитеты позволяют заручиться поддержкой со стороны своих коллег и специалистов других областей и разделить ответственность (нравственную и правовую).

4. Отдельные исследователи и специалисты-медики не всегда обладают достаточной компетенцией для понимания и решения проблем биоэтики. Комитеты, в силу своей монодисциплинарности, позволяют это сделать, предлагая рекомендации решений.

5. Благодаря деятельности биоэтических комитетов реализуется важнейшее право паци-

ента или испытуемого на принятие самостоятельного решения. Комитеты выполняют роль посредника в конфликте интересов, вставая на защиту каждого пациента и его достоинства.

6. Одним из принципов современной биоэтики является принцип справедливости, затрагивающий помимо нравственных и экономические аспекты распределения различных ресурсов. Учитывая объективную ограниченность ресурсов и постоянно растущие требования к их качеству, биоэтические комитеты берут на себя функцию решения вопроса о справедливом распределении материальных, временных и человеческих затрат.

7. Современная научно-исследовательская и медицинская практика часто затрагивает религиозные убеждения различных групп, что требует создания специальной «платформы» для обсуждения теологических расхождений по ряду биоэтических проблем. Такие проблемы выходят за границы компетенции научных и специальных медицинских знаний и требуют участия специалистов. Комитеты по биоэтике выполняют роль таких «платформ» и «предоставляют» специалистов необходимого профиля.

8. Особенность биоэтических проблем такова, что их решение должно учитывать точки зрения самых разных слоёв населения. Решение этих проблем не может быть осуществлено в рамках научного или медицинского заключения или путем ссылки на него. Решение проблем биоэтики требует принятия политических решений на уровне общества в целом и, следовательно, не может быть индивидуальным решением. Коллегиальность решения с учетом различных интересов может быть обеспечена комитетом по биоэтике [5].

Этические проблемы и научные технологии, их порождающие, являются новыми для общества, и для их оценки недостаточно только научных знаний. Общество может осуществлять свою оценку, задействуя имеющуюся систему «вненаучных» ценностей, стандартов, норм, традиций, используя «традиционные» институты общественного мнения, СМИ, экспертных заключений. Через эти механизмы осознаётся значимость, актуальность проблемы и формируется согласованное представление о путях ее решения.

Создание целостной картины реалий и перспектив развития современного общества, понимание тенденций развития науки в «обществе знания» с необходимостью требует от философии своеобразной «трансдисциплинарности», многоуровневой рефлексии, которая возможна через объединение когнитивных возможностей гносеологии, антропологии, социальной философии, этики. В такие переходные периоды особенно актуальным становится вопрос о понимании и прогнозировании процессов изменения, гуманитарной оценки их результатов.

1. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005. С. 7.
2. *Юдин Б. Г.* Наука в обществе знания // Вопр. философии. 2010. № 8. С. 45—58.
3. *Юдин Б. Г.* Этические измерения современной науки // Этика науки. М. : ИФРАН, 2007. С. 99—115.
4. *Гнатик Е. Н.* Генетическая инженерия человека: вызовы, проблемы, риски. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
5. Руководство № 1 по созданию комитетов по биоэтике. Париж, ЮНЕСКО, 2005. 81 с. URL: http://www.libed.ru/knigi-nauka/1021962-1-rukovodstvo-sozdaniyu-komitetov-bioetike-organizaciya-obedinennih-naciy-voprosam-obrazovaniya-nauki-kulturi-ot.php (дата обращения: 08.09.2014).

О. В. Русина

КЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ГЕНЕЗИСА

В статье рассматриваются культурно-мировоззренческие установки западноевропейской культуры, которые повлияли на формирование классического типа рациональности, в частности, в исторической науке.

Ключевые слова: историческое познание, классический тип научной рациональности, западноевропейская философия, Новое время.

O. V. Rusina

CLASSICAL RATIONALITY IN HISTORY SCIENCE: SOCIOCULTURAL DETERMINATION OF ITS ORIGIN

The article examines the cultural and world-view settlements of the West European culture which influenced the formation of the classical type of rationality, particularly in history science.

Key words: historical knowledge, classical type of scientific rationality, West European philosophy, Modern Age.

Развитие научного познания и знания тесно связано с социокультурным контекстом. Ученый в своей научной деятельности часто неосознанно руководствуется мировоззренческими установками, составляющими ядро культуры, к которой принадлежит исследователь. В техногенной цивилизации науке и сформировавшейся на ее основе технологии принадлежит доминирующая роль, причем в европейской культуре Нового времени наука формируется в пространстве парадигмальных установок классического типа рациональности. Особенности научного познания и знания эпохи проистекают из основных мировоззренческих ориентаций европейской социокультуры Нового времени.

Проблема научной рациональности широко исследуется как в отечественной, так и в зарубежной философии науки, при этом, как правило, выделяют исторические типы научной рациональности (классический, неклассический и постнеклассический). Среди исследователей, сделавших попытки осмысления исторических типов научной рациональности в контексте исторической науки, можно назвать имена И. Л. Зубовой, А. В. Лубского. Влияние общества и культуры на научное познание и знание рассматривается в отечественной философии науки, а кроме того, в марксистской концепции и в постпозитивистских моделях науки. Исследование социокультурной обусловленности исторического научного познания и знания — сравнительно малоисследованное поле, обладающее большим потенциалом в общественной практике. В данной работе рассматривается связь социокультурных особенностей европейского региона в период Нового времени и развитие исторического познания, формирование его как научного.

Эпоха Нового времени — это период формирования национальных государств в европейском регионе, которое повлекло за собой изменение всех организационных форм жизни населения. В это время на смену феодальным отношениям приходят капиталистические, усиливается централизация государственного управления, сходят на нет религиозные войны, с великими географическими открытиями усиливается борьба за господство над территориями, происходит встреча с иными, ранее неизвестными культурами, в обществе обостряется борьба за равенство и гражданские права, применение научных достижений в промышленности приводит к промышленному перевороту, изменившему саму социальную структуру.

Глобальные изменения в жизни общества вызвали необходимость создания общей культурно-мировоззренческой парадигмы для объединения региона. Так, исходя из актуальных, насущных потребностей и острых вопросов современной социальной жизни рождается новое понимание исторического смысла для европей-

ской культуры. В основе этой новой общей культурной парадигмы лежат определенные ценностно-мировоззренческие установки, которые воплотились и в науке Нового времени.

Одной из таких главных установок является нацеленность на десакрализацию, освобождение прежде всего от религиозных догм. Эта черта выступает как критика и отрицание предыдущей ступени — средневекового христианского мира, религиозного по своей сути. Место веры занимает теперь всемогущий человеческий разум. В научном познании и знании эта критика выразилась в изгнании понятий смысла и ценности из него. Отрицание ценностно-смысловой компоненты познания приводит исследователей к позиции наивного онтологизма — вере, что предметы существуют сами по себе и не обладают духовным измерением.

Итальянец Джамбаттиста Вико провозглашает отделение земной человеческой истории от истории сакральной, небесной и утверждает действие в истории человечества естественной необходимости, понимаемой как «постоянный и никогда не нарушаемый порядок причин и следствий» [1, с. 376]. Этот естественный порядок или универсальные законы человеческого развития определяют поступательное движение всех народов, наций, движущихся вперед по одному и тому же пути.

История, таким образом, предстает как творение одновременно и человека, и Бога, однако Божественное Провидение подчиняет в конечном счете человеческие страсти и желания. Вико говорит по этому поводу: «…сами люди создали этот Мир Наций… но этот Мир, несомненно, вышел из некоего Ума, часто отличного, а иной раз совершенно противоположного, и всегда — превосходящего частные цели самих людей, тех людей, которые ставили себе эти цели» [1, с. 469]. Таким образом, под Провидением мыслитель понимает некий проект «вечной идеальной истории, поверх которого заметен исторический бег наций в их рождении, прогрессе, упадке и конце» [1, с. X].

Теоретическая модель истории Вико строится на основе идеи цикличности и повторяемости в историческом процессе. Единство мировой истории достигается благодаря тому, что все нации и народы проходят три, одинаковые для всех, стадии своего развития — «век богов», «век героев» и «век людей». Для каждой эпохи характерны свои особенности социальной и экономической жизни, правовых институтов, государственного правления, свои ценностные ориентиры, язык и религия. Развитие человечества идет по восходящей линии, а смена эпох осуществляется путем общественных переворотов, обусловленных социальными конфликтами. Цикл завершается кризисом и распадом общества, который характеризуется деградацией всех сфер социума. После этого следует начало нового цикла.

Решающим в философии Нового времен оказался тезис Рене Декарта: «Cogito ergo sum» («Мыслю, следовательно, существую»). Он послужил основой для удвоения мира, разделения его на того, кто мыслит, его сознание, и то, что окружает мыслящего — мир. Таким образом, происходит разделение мира на субъект и объект и формирование субъект-объектной модели познания, причем субъект понимается как изолированный от объекта. Так, в историческом познании исследователь предстает субъектом, как бы сверху, извне наблюдающим за объектом — историческим процессом. Ученый мыслится как находящийся на определенной дистанции от объекта, он выключен из исторического процесса. Такие взаимоотношения субъекта и объекта познания характерны в целом для классического типа научной рациональности.

Для культуры Нового времени характерно новое по сравнению с периодом Средних веков понимание человека как творца, преобразователя мира. Творческая активность и энергия преобразования направляется вовне, во внешний мир (а не во внутренний) для его изменения, подчинения, покорения. Практическая направленность и прикладной характер становятся доминирующей характеристикой науки Нового времени. Так познание начинает отождествляться с покорением. Нацеленность на инновации и научная рациональность становятся главными ценностями, средствами изменения мира.

Кроме того, устремленность к будущему, воплощенная в идее прогресса, избавленной от религиозного содержания, начинает восприниматься как научно-обоснованный проект. Идея прогресса становится фундаментальной ценностью западной цивилизации. Так, Жан Антуан Кондорсе изображает прогресс как основополагающую тенденцию истории человечества, связанную не с просвещением монархов, а с движением индивидуумов, народов и наций в сторону высшей ступени развития («Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», 1795). Средствами осуществления конечной цели становятся использование техники, научные открытия, совершенствование нравов, политических и правовых институтов. Иными словами, человеческий разум, обладающий воз-

можностью бесконечного совершенствования, выступает гарантом прогрессивного движения человечества.

Кондорсе пишет: «...если мы станем рассматривать результаты этого развития [человеческих способностей] относительно массы индивидов, существующих одновременно в данную эпоху, и если систематически проследим его из поколения в поколение, то получим тогда картину прогресса человеческого разума. Этот прогресс подчинен тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших личных способностей, ибо он является результатом этого развития, наблюдаемого одновременно у большой группы индивидов, соединенных в общество… Эта картина… должна показать далее в видоизменениях, которые претерпел человеческий род, беспрерывно обновляясь в бесконечности веков, путь, по которому он следовал, шаги, которые он сделал, стремясь к истине или счастью. Эти наблюдения над тем, чем человек был, и чем он стал теперь, помогут нам затем найти средства для обеспечения и ускорения новых преуспеяний, на которые человеческая природа позволяет ему еще надеяться» [2, с. 4—5].

Этапы развития разума соответствуют историческим эпохам. Кондорсе выделяет в истории человечества десять периодов — начиная со времени, когда «люди соединены в племена», через «прогресс наук» человечество приходит к эпохе «прогресса человеческого разума» (причем к последней мыслитель относит время с основания Французской республики). В поступательном движении человечества происходит отрицание феодального общества и обосновывается необходимость, разумность и вечность буржуазного строя. В концепции Кондорсе эпоха частной капиталистической собственности предстает как наиболее совершенная в истории и дальнейший прогресс человечества возможен лишь на основе буржуазного правопорядка.

Все вышеперечисленные культурно-мировоззренческие особенности Европы периода Нового времени действуют на фоне рационалистического дискурса, включающего и эмпиризм как его обратную сторону. Разум предстает движущей силой исторического развития, а его смыслом и целью становится человеческая свобода, освобождение, как процесс. На завершающей стадии прогрессивного развития должно восторжествовать «царство разума» в той или иной его форме. В соответствии с принципом тождества бытия и мышления достижение исторических целей воспринималось как действие объективных законов логики истории. Понимание человека как «социального атома» и стремительные успехи естественных наук привели к тому, что они стали образцом и для изменения общественно-гуманитарных наук.

Данные установки, проявившись и в историческом познании, и знании, составили классический тип рациональности, стали основой для построения теоретических моделей истории. Наиболее совершенными из них стали философская система Гегеля, марксистская и позитивистская версии истории.

В результате в конце XIX века Ницше скажет, что Бог умер. Так освобождение всех элементов культуры от сакрального измерения достигло своего пика. Эта точка стала поворотным пунктом осознания границ классического типа рациональности, его исчерпания себя, достижения предела. В науке все более (особенно в социально-гуманитарных науках) становится очевидной несостоятельность его претензий на достижение абсолютного знания. Новым основанием для дальнейшего развития науки становится иное понимание человека и обращение к иррациональному началу, к экзистенциально-личностным и феноменолого-герменевтическим установкам в познании. Так утверждается культурологический подход к истории и неклассический тип рациональности, критическая точка, в которой происходит переосмысление на основе критики прежних установок западной цивилизации, в том числе и в познании.

1. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М. ; Киев : «REFL-book» — «НСА», 1994. 619 с.
2. *Кондорсе Ж. А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1936. 266 с.

Е. Г. Сковикова

МУЗЫКАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. С. СЕРОВОЙ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ[1]

Статья посвящена изучению музыкально-просветительской деятельности В. С. Серовой в селе Судосево Симбирской губернии на рубеже XIX—XX веков, кульминацией которой стало создание крестьянской оперной труппы. Рассматриваются также проблемы репертуара коллектива, вопросы редактирования классической оперы для постановки любительской крестьянской труппой.

Ключевые слова: В. С. Серова, А. Н. Серов, музыкально-просветительская деятельность, музыкальное просвещение, эстетическое воспитание, крестьянская оперная труппа, оперный репертуар, народная песня, театральные представления, гастроли крестьянской оперной труппы.

E. G. Skovikova

MUSICAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF V. S. SEROVA IN SIMBIRSK PROVINCE

The paper studies the musical and educational activity of V. S. Serova in the village Sudosevo (Simbirsk province) at the turn of XIX—XX centuries. The culmination of this activity was the creation of peasant opera company. It also considers the matters of the repertoire, as well as the matters on classical opera edit for staging by the amateur troupe of peasants.

Key words: V. S. Serova, A. N. Serov, musical and educational activity, music education, aesthetic education, peasant opera company, opera repertoire, folk song, theater performances, tours of peasant opera company.

В 2016 году исполняется 170 лет со дня рождения Валентины Семеновны Серовой, которая оставила заметный след в истории русской культуры на рубеже XIX—XX веков. В. С. Серова была первой в России женщиной-композитором и музыкальным критиком.

Валентина Серова (урожденная Бергман) родилась в Москве в 1846 году в семье «самой антимузыкальной, которую можно только себе вообразить», по ее собственному выражению. Но уже в раннем детстве у девочки обнаружились очень хорошие музыкальные способности: абсолютный слух, великолепная память, любовь к импровизации. Когда Валентине исполнилось пятнадцать лет, она успешно выдержала конкурс в Московском отделении Русского музыкального общества и в качестве стипендиантки была направлена в Петербургскую консерваторию.

Став студенткой, юная пианистка была принята в класс великого музыканта — основателя консерватории, педагога и исполнителя А. Г. Рубинштейна. Это событие чрезвычайно обрадовало родителей девушки, которые, как она вспоминала, «гордились этим неимоверно». Однако обучение в консерватории продолжалось недолго: через год ученица вышла замуж за А. Н. Серова — композитора, теоретика, музыкального критика, педагога и оставила консерваторию. Хотя родители сначала были против этого брака и советовали дочери вернуться в консерваторию, позже, познакомившись с зятем поближе, приняли ее выбор.

Валентина Семеновна была единомышленником, верным другом, соратником А. Н. Серова. Обладая, как и муж, кипучей энергией, целеустремленностью, необычайной работоспособностью, упорством в достижении цели, она разделяла его художественные взгляды, эстетические пристрастия, понимание задач, стоящих перед музыкантами. И, самое главное, музыкальная деятельность рассматривалась ими как общественное служение, основное место в которой, наряду с композиторским творчеством, занимала работа по музыкальному просвещению, образованию, развитию народной культуры. Позже В. С. Серова стала одной из основательниц и почётным членом московского Общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений.

[1] Выполнено в рамках научно-исследовательского гранта РГНФ, проект № 15-14-73003 «Рубежи веков в истории культуры Симбирска-Ульяновска (актуальные тенденции прошлого)».

С девятнадцати лет Серова начала публиковать статьи по различным вопросам музыки в периодической печати. Ее работы часто появлялись в журнале «Музыка и театр», который они издавали совместно с мужем в 1867—1868 годах. В номерах этого издания ею было опубликовано одиннадцать ее статей; кроме того, она сотрудничала в журналах «Русская сцена», «Русская музыкальная газета» и др.

С 1880 года В. С. Серова занималась вопросами художественного воспитания в деревне. Ее музыкально-просветительская деятельность в Симбирской губернии началась в 1891 году и первоначально была связана со стремлением помочь жителям края справиться с разразившимся в тот год голодом.

Валентина Семеновна приехала в симбирское селе Судосево (ныне Республика Мордовия), так как ситуация здесь была наиболее сложной и тяжелой. И если на первых порах деятельность Валентины Семеновны Серовой была направлена исключительно на налаживание быта, организацию столовых, яслей, детского приюта-«питомника», как его называли судосевцы, то позже возникла новая цель — открытие школы и подготовка учителей для нее. К слову сказать, в приюте-«питомнике» не только кормили, воспитывали детей-сирот, но и обучали грамоте, рукоделию и музыке. Поскольку идеи просвещения народа интересовали В. С. Серову не меньше, чем бытовые проблемы, она привезла в голодную Симбирскую губернию библиотеку наряду с деньгами и медикаментами. Показателен итог ее деятельности: за десять лет пребывания в Симбирской губернии она открыла 5 школ, 3 библиотеки, подготовила 15 учителей, 21 руководителя хора из крестьян. Но кульминацией просветительской работы Серовой стала организация крестьянской оперной труппы.

Идея создания театра родилась, на первый взгляд, стихийно. Во время вечерних собраний жителей села, на которых обсуждали насущные дела, читали вслух книги, привезенные Серовой, иногда пели, кто-то предложил организовать хор. Дело пошло успешно, и молодежь села загорелась желанием создать театральную труппу, чтобы ставить оперы. В своих статьях и воспоминаниях Серова настойчиво подчеркивала склонность судосевцев к хоровому пению, но самой плодотворной деятельностью в деревне она называла устройство оперных спектаклей.

Безусловно, постановка опер силами крестьян-артистов должна была носить особый характер. В статьях Валентины Семеновны Серовой, опубликованных в журналах «Артист», «Нева», «Русская мысль», изложены методы и принципы ее работы по подготовке оперных спектаклей. Принципиальные положения по этому вопросу изложены ею в статье «Музыка в деревне». Утверждая, что русский народ от природы музыкален, В. С. Серова ссылается на многочисленные примеры этого. В частности, она рассказывает, что деревенские дети «очень быстро научились писать ноты и читать голосом написанные на доске нотные примеры», что они полюбили звуки фисгармонии — «звук органа как будто "окрылял" их», много и хорошо запоминали отрывки из русских опер.

Перенесение классической оперы без каких-либо изменений или сокращений на сцену крестьянского театра было невозможно. Этому препятствовали отсутствие специальной вокальной школы у исполнителей, симфонического оркестра и сложный, порой малопонятный непросвещенному слушателю сюжет. Отсюда основные требования, которые Серова предъявляла к оперному произведению: «1) чтоб сюжет имел глубокое значение, 2) чтоб картины были интересны, 3) чтоб музыка была русская, 4) чтоб характеры были показаны широкими линиями без психологических тонкостей» [1, с. 39—40]. Но так как подобной «особенной» формы деревенской оперы не было, то следовало использовать уже созданные произведения, но, по выражению В. С. Серовой, в «опрощенном варианте». По ее мнению, существовало пять вполне подходящих опер, удовлетворяющих по крайней мере трем требованиям (разумный сюжет, осмысленные картины, вполне русская национальная музыка): «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Рогнеда» и «Вражья сила» А. Н. Серова, «Князь Игорь» А. П. Бородина, «Русалка» А. С. Даргомыжского.

Вопрос «опрощения» оперы В. С. Серова предлагала решать следующим образом. Речитативы, которые «для необразованного слушателя представляются источником неимоверной скуки», следовало заменять их разговорными вариантами. Недостаток солистов — исполнителей главных партий — мог восполняться приглашением певцов из города. Серова подчеркивала, что «от них будет зависеть судьба деревенских оперных спектаклей, в их руках будущее музыкального развития русского народа» [3, с. 40]. Таким образом, подобное предложение полезно, важно и значительно с точки зрения музыкального просвещения. По поводу отсутствия оркестра В. С. Серова высказывала достаточно спорное мнение о том, что «оркестровка — колоритность в музыке и больше ниче-

го», а колорит играет «сравнительно второстепенную роль» [3, с. 41]. Поэтому оркестр может быть легко заменен ансамблями разных составов, например, трио и рояль. Кроме того, вспоминая о крепостных оркестрах, Валентина Семеновна Серова отмечала, что даже создание оркестра не будет делом большой сложности.

Именно на этих принципах строилась работа В. С. Серовой с крестьянской труппой в Судосеве. Она обучала музыкальной грамоте своих актеров, проводила длительные и многочисленные репетиции, спевки и неизменно достигала хороших результатов. Она сама аккомпанировала на рояле в спектаклях, и критики отмечали ее прекрасное как в техническом, так и в выразительном отношении исполнение.

Театральные представления в Судосеве начались в 1895 году. Первым спектаклем крестьянских артистов стала небольшая оперно-драматическая пьеса Серовой «Илья Муромец», сочинение которой было начато еще до приезда в Симбирскую губернию. Настойчивость, энтузиазм руководителя труппы и актеров, неустанно репетировавших около полугода, увенчались успехом. Спектакль очень понравился публике и был показан жителям соседних сел.

После нескольких лет постановочной деятельности, в 1900 году, состоялись гастроли труппы в Симбирске и Пензе. По воспоминаниям Серовой, «все, начиная с верхов и кончая самыми простыми смертными», приветствовали это событие и оказывали горячее содействие в организации гастролей. Правда, произошел досадный инцидент: крестьянской труппе было запрещено выступать на сцене Дворянского собрания. Выступление артистов оказалось под угрозой срыва. Об этом узнали музыкальные и общественные деятели в Пензе, и так как их тоже интересовал вопрос возможности постановки оперы в деревне, то они любезно предложили помощь в организации гастролей в своем городе.

Но спектакль крестьянских артистов в Симбирске все же состоялся, и зрители увидели оперу А. Н. Серова «Рогнеда». Она прошла успешно, хотя постановка в зале Офицерского клуба была разрешена на весьма тяжелых условиях. На спектакле должна была присутствовать в большей части «своя клубная публика» (из 400 билетов в свободную продажу можно было отдать лишь 100). Не допускались декорации и не разрешалось театральное освещение на сцене по соображениям пожарной безопасности. Утром на репетиции собрались все те, ради кого и организовывались гастроли, «вечерний спектакль нас мало интересовал», — вспоминала В. С. Серова [2, с. 77]. Репетиция прошла «блестяще <...> труды были оценены, заслуги всей труппы аттестованы» [2, с. 77]. Тем не менее Серову не вполне удовлетворили результаты гастролей, так как она не имела возможности познакомить учителей и других лиц, от которых зависело народное просвещение и которые им непосредственно занимались, с методами и результатами своей работы, «с деревенским опытом по оперному вопросу», по ее выражению.

Гастроли труппы получили доброжелательные отзывы в местной прессе. Так, «Симбирские губернские ведомости» отмечают внимание публики к крестьянскому спектаклю — «зал был переполнен» — и вполне успешное исполнение «Рогнеды». Автор статьи в газете (Nemo) не высказывает каких-либо критических замечаний в адрес артистов и очень высоко оценивает труд В. С. Серовой. Этот спектакль всколыхнул культурную общественность города и вызвал горячее сочувствие со стороны публики. Один из присутствовавших на представлении зрителей написал стихотворение в честь автора оперы [4]:

Уж много лет с тех пор промчалось,
Когда в осенний день
В пространство вечности умчалась
Серова доблестная тень.
Внезапной смертью слишком рано
Был прерван лучший труд его («Вражья сила»),
Где силы он вложил Титана
И мощь таланта своего!
Но гений смерть не погубила,
И появилась «Вражья сила»
На русской сцене, наконец!

И хотя этот опус не блещет особыми поэтическими достоинствами, тем не менее необходимо отметить, что факт его создания связан с крестьянским театром.

В конце того же 1900 года судосевская труппа представила «Рогнеду» в Пензе. «Публики было много, билеты брали нарасхват, Пенза была заинтересована новизной всей обстановки», — писала «Русская мысль» [1]. Спектакль прошел еще более успешно, чем в Симбирске, появились фотографии, рецензии в столичных газетах и журналах. Отмечалось, в частности, что исполнение столь трудного сочинения было не только удовлетворительным, но и превзошло все ожидания. Столичная пресса публикует также хвалебные отзывы о деятельности и заслугах В. С. Серовой: «Опыт госпожи Серовой делает честь не только ей самой, но и, несомненно, нашему народу и не может не служить великим поощрением для всех, кому доро-

га его судьба, кто желает посвятить хоть небольшую часть своих сил благородному делу просвещения нашей народной массы» [1].

В сложившемся виде труппа состояла из сорока человек. В ней был очень хороший хор и неплохие солисты: Алексей Петровичев («лучший тенор в хоре»), Иван Юленков, Павел Гусев, Федор Решетников, Федор Пожаров (бас), Лидия Першина (сопрано). Много сил и усердия, терпения и любви отдавали оперному делу и руководитель труппы, и актеры. Регулярные репетиции, а в праздники по три раза в день, нередко длились по нескольку часов. «Никогда не надоедали им, актерам, ни моя придирчивость, ни воркотня, ни строгие выговоры, без которых не обходилась ни одна постановка новой пьесы», — вспоминала В. С. Серова [3, с. 39—40]. Подобные усилия приносили прекрасные плоды: за десять лет в крестьянском театре было поставлено шестнадцать спектаклей, среди которых были «Илья Муромец» В. С. Серовой, «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Русалка» А. С. Даргомыжского, «Князь Игорь» А. П. Бородина, «Хованщина» и «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, «Рогнеда» и «Вражья сила» А. Н. Серова и др.

При театре был хор юношей и девушек, в «питомнике» — хор мальчиков. Музыка, которую они исполняли, развивала их способности, память, что помогало им впоследствии легко вливаться в состав театральной труппы. О хорошем уровне музыкальной подготовки свидетельствует следующий эпизод, отмеченный В. С. Серовой: «…на Пасху разучивали хор "Ангел вопияше" в довольно сложной контрапунктической разработке... Певчие быстро усвоили грамоту, пели с большим оживлением и ловко провели все оттенки, отмеченные в пьесе, которая была написана не без претензии на значительную выразительность. Навсегда останется у меня в памяти то увлечение, с которым пели дети эту четырехголосную композицию: все с дирижера глаз не спускали, лихорадочно следя за движениями палочки» [3, с. 38]. Кроме того, детский, юношеский и «взрослый» оперный хоры пели отрывки из русских опер, хоровую музыку Глинки, Даргомыжского и других композиторов.

Развитие оперной деятельности в деревне В. С. Серова связывает с необходимостью возвращения музыки тем, кто способствовал ее рождению. В статье «Музыка в деревне» она пишет: «...отечественная опера процветает, народные сборники все обогащаются новыми напевами, и русский музыкальный стиль уже успел вполне сложиться. Надо принять во внимание, что он сформировался у композиторов благодаря тому, что они внимательно прислушивались к народной песне... Эта простая деревенская песня, очутившись в пышном одеянии, должна снова посетить убогую хату, из которой она вышла» [3, с. 38]. Кроме того, опера позволила бы сделать более разнообразной в жанровом отношении музыкальную культуру деревни, которая, по мнению В. С. Серовой, существовала только в инструментальной форме.

Таким образом, значение деятельности судосевского крестьянского театра чрезвычайно велико. Театральная труппа была важнейшим средством приобщения народа к классическому искусству, развития музыкально-эстетического вкуса и образования в крестьянском сословии. Крестьянские спектакли стали одной из своеобразных форм музыкальной жизни в губернии, связанной с деятельностью любительского оперного театра.

Опыт, накопленный Серовой во время работы в Судосеве, получил позже новое применение: по просьбе внучки писателя С. Т. Аксакова Валентина Семеновна организовала крестьянскую оперную труппу в ее имении в Самарской губернии. Вся жизнь этой яркой личности была отдана служению Музыке: просветительству, образованию, критике, композиторскому творчеству. Музыкально-общественная, просветительская деятельность В. С. Серовой высоко оценивалась ее современниками — представителями художественной общественности: Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, В. Г. Короленко и другими.

1. Васильев. Создатель крестьянской оперы в опале // Ульяновская правда. 1960. 10 февр.
2. Из воспоминаний В. С. Серовой о постановке в г. Симбирске созданной ею труппой оперы «Рогнеда» А. Н. Серова // Русская мысль. 1902. № 11, ноябрь.
3. *Серова В. С.* Музыка в деревне // Артист. 1892.
4. Театр и зрелища // Симбирские губернские вед. 1900. 23 февр.

В. В. Смыслов

БИНАРНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В МЕНТАЛИТЕТЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Предложенная к печати статья — попытка рассмотреть бинарность русской культуры, ее основные параметры и степень ее проявления в менталитете и национальном характере. Автор исследует сущность понятий, позиции различных ученых и мыслителей по проблеме. В работе рассматриваются как положительные, так и отрицательные моменты национального характера, а также факторы, которые способствовали формированию тесной взаимосвязи русской культуры и национального характера и менталитета.

Ключевые слова: русская культура, осевые культуры, национальный характер, бинарность, ментальность, «русская душа», диглоссия.

V. V. Smyslov

BINARINESS OF RUSSIAN CULTURE AND ITS IMPLICATION IN THE MENTALITY AND NATIONAL CHARACTER

This article attempts to examine the binary Russian culture, its main parameters, and the degree of its manifestation in the mentality and national character. The author investigates the essence of concepts, positions of various scholars and thinkers on the problem. He considers both positive and negative aspects of the national character, as well as factors that contributed to the formation of the close relationship of the Russian culture and national character and mentality.

Key words: Russian culture, axial culture, national character, binariness, mentality, "Russian soul", diglossy.

Отечественная культура на протяжении всех веков ее формирования неразрывно связана с историей России. Наше культурное наследие складывалось в процессе становления и развития национального самосознания, постоянно обогащалось собственным и мировым культурным опытом. Оно дало миру вершины художественных достижений, вошло неотъемлемой частью в мировую культуру.

Появление первых воззрений культурологического характера на Руси связывается с Киевской Русью как первым государством у восточных славян, введением письменности, а также с принятием христианства.

Целью предложенной к рассмотрению статьи является изучение и анализ условий формирования русского типа культуры, проявление ее бинарности в менталитете и национальном характере.

Важно учитывать, что русская культура не просто западная в ряду других западных культур, и, следовательно, недостаточно сказать, что развитие Запада в целом впрямую было развитием Руси — России. Безусловно, оставаясь западной, наша культура вместе с тем имеет западность особого рода. Следует применить к русской культуре такую формулу: она представляет собой Восток на Западе. Но это вовсе не означает, что в ней ярко выражены какие-то восточные черты. В то же время нельзя вести речь и о каком-то русском евразийстве, о русской пограничности и промежуточности между Западом и Востоком. Русская культура в своей основе именно западная, но внутри Запада она образует нечто слишком своеобразное, чтобы, безусловно, растворить ее в нем. Национальное своеобразие и нерастворимость, видимо, есть в каждой западной национальной культуре. Это своеобразие заходит так далеко, что русская культура, взятая как целое, не укладывается в типологию и периодизацию западной культуры. У нее во многом свой ритм и своя последовательность эпох и течений.

Особенности формирования российской культуры видятся в таких основных факторах, как:

1) необходимость освоения огромного географического пространства, на котором соединялись и взаимодействовали многочисленные этнические группы и народности;

2) утверждение православия как особой ветви христианства, сосредоточенной на духовности, приверженности устоявшимся традициям;

3) длительная временная изолированность развития от западноевропейских цивилизационных процессов и напряженная борьба за преодоление такой замкнутости;

4) превалирование идеи приоритета государственности над личностными интересами, подчинение интересов личности интересам государства.

Основой культуры того или иного этноса является его ментальность. Русская ментальность — специфический совокупный архетип народа, который возник в результате взаимодействия уникального субъекта (человека) и обстоятельств его жизнедеятельности. Он накладывает существенный отпечаток на характер русской общности и изменяется вместе с ней.

Русский народ является признанным творцом одной из «осевых» культур. В условиях великой «смены всех» и становления российской цивилизации XXI столетия решение «единой и неделимой» проблемы преемственности и обновления культурного наследия стало условием духовного возрождения России. Грандиозность этих проблем обусловлена не только их творческим характером, но и непреходящей уникальностью, устойчивым стереотипом их мистического, иррационального характера. Можно понять представителей Запада, которые останавливаются перед «непостижимыми метафизическими истоками» русской культуры.

Основные объяснения бинарности культуры сводятся к пограничному положению России между Востоком и Западом, Европой и Азией — от «Евразийства» до «Азиопства» [7, с. 187]. При этом многие забывают, что подобной евровосточной бинарностью обладают едва ли не все культуры, формировавшиеся в зоне контакта цивилизаций, — испанская, португальская, греческая, болгарская, сербская, турецкая и другие, принадлежащие Средиземноморью, не говоря уже о латиноамериканских или о христианских культурах Кавказа. Выходит, бинарность русской культуры — явление типичное, поэтому мало что дающее для объяснения уникальности «русского характера» и для выяснения его реального происхождения.

При характеристике России и русского народа быстро стало общим местом указание на их молодость. Молодая Россия и состарившийся, одряхлевший Запад сопрягались и противопоставлялись самыми разными течениями в культуре и общественной мысли. Ощущение русским человеком своей принадлежности к молодому народу не случайно. Очевидно другое: наш народ своим возрастом существенно не отличается от других западных народов. Если же отличия есть, то они всегда в пользу нашей молодости [16, с. 496]. Ощущение русским человеком значимости своего народа нельзя понимать только хронологически. За таким понятием стоит что-то другое, помимо возраста этнической общности.

Противоречивой является не только диалектика русского/российского, но и полярная — от нигилизма до апологии — интерпретация русского народа с точки зрения понимания его как культурно-исторического субъекта, творца духовных ценностей. «Россия, — писал Бердяев, — менее всего страна средних состояний, средней культурности... В низах своих Россия полна дикости и варварства. На вершинах своих Россия сверхкультурна. Историческая задача русского самосознания — различить и разделить русскую сверхкультурность и русскую докультурность, логос культуры в русских вершинах и дикий хаос в русских низинах» [14, с. 301]. Такова элитная версия русской культуры — её отождествление с логосом сверхкультуры в противоположность докультурному хаосу, в сущности, не народа, а человека-массы. Вместе с тем необходимо различать древнерусскую народность и народ России Нового времени — эпохи формирования российской нации — государства.

Наличие у русской культуры своей собственной периодизации и типологизации, не покрываемой общезападной периодизацией и типологизацией, связано вовсе не с какой-то нашей национальной самобытностью и уникальностью Руси. В свое время Русь успешно вошла в одну из таких общностей и успешно развивалась в ее составе. Таким вхождением стало крещение в 989 году. Хорошо известно, что христианство Русь восприняла от Византии. В результате крещения она стала одной из многочисленных и наиболее крупных по населению и территории метрополий Константинопольского патриархата. Русь оказалась в положении, не испытанном ни одной западной национальной культурой. Это положение можно назвать культурным одиночеством. Конечно, оно не было таким же полным, как у Робинзона Крузо на необитаемом острове. Остальные православные культуры после завоевания православных стран не исчезли с лица земли. Однако и развиваться в нормальном ритме они не могли. Древняя Русь «сразу усвоила византийскую технику каменного строительства со сложной системой куполь-

ных и крестовых сводов, а также новую для нее христианскую иконографию, воплощенную средствами мозаики, фрески и иконописи. Это отличает ее развитие от романского Запада, где становление каменного зодчества протекало по иному пути — пути постепенной внутренней эволюции». Находясь в состоянии одиночества, Древняя Русь должна была сделать осознанный выбор между европейской и византийской моделью развития культуры. Эти колебания начались с приходом варягов. Они связаны с русским предвозрождением и влиянием на культуру России европейского Ренессанса.

Возрождение представляет собой чисто городской феномен. Говоря о русском предвозрождении, Д. С. Лихачев также связывает его с городом: «Лучшие токи предвозрожденческого движения захватили собою всю Западную Европу, Византию, но также Псков, Новгород, Москву, Тверь, весь Кавказ и часть Малой Азии. На всем пространстве этой колоссальной территории мы встречаемся с однородными явлениями, вызванными развитием демократической жизни в городах и усиленным культурным общением стран. Многие черты этого предвозрожденческого движения сказались на Руси с большей силой, чем где бы то ни было» [18, с. 11]. И все-таки выбор был сделан в пользу Византии.

Одной из особенностей развития русской средневековой культуры являлось то, что Византия служила для Руси одновременно и античностью, и современной моделью. Лихачев отмечал, что «своя античность» — период домонгольского расцвета древнерусской культуры — при всей ее притягательности для Руси конца XIV — XV веков не могла заменить собой настоящей античности — античности Греции и Рима с их высокой культурой рабовладельческой формации. Если Западная Европа должна была пройти тысячелетний путь средних веков через такие вехи, как Великое переселение народов, формирование варварских государств, становление феодализма и освобождение городов, и если западная культура должна была «пережить» «каролингский ренессанс», романский стиль, готику и завершить ее эпохой Возрождения, то Россия, являясь более молодым государством, избежала столь длительного пути «постепенной внутренней эволюции» и культурно-исторического «созревания», воспользовавшись готовой византийской моделью, служившей и античностью, и современностью» [1, с. 92]. О том, что византинизм предопределил «восточные» приоритеты в историческом выборе пути развития России и ее имманентную оппозицию Западу, говорил и Н. Бердяев в статье, посвященной Леонтьеву: «Россия во всем своем своеобразии и величии держится не национальной скрепой, не русским национальным самоопределением, а византийским православием и самодержавием, объективными церковными и государственными идеями. Эти начала организовали Россию в великий и своеобразный мир — мир Востока, противоположный Западу» [3, с. 133].

Византинизм выступал против любых форм демократических изменений в российском обществе. Западные понятия свободной личности, индивидуализма и демократии оставались для подавляющего большинства российского общества чуждыми и неприемлемыми — «западной заразой», следовательно, вредными, опасными. Об опасностях, грозящих России введением западных ценностей, говорил Леонтьев: «Я осмелюсь даже, не колеблясь, сказать, что никакое польское восстание и никакая пугачевщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция». И это потому, что «русские люди не созданы для свободы. Без страха и насилия у них все прахом пойдет» (цит. по: [4, с. 144]). Он, очевидно, не питал иллюзий в отношении мифа об «особой исторической миссии» России, широко пропагандируемого определенной частью русской интеллигенции XIX века. Говоря о Леонтьеве, Бердяев утверждал, что «он верил не в Россию и не в русский народ, а в византийские начала, церковные и государственные. Если он верил в какую-нибудь миссию, то в миссию византизма, а не России» (цит. по: [4, с. 128]).

Существует много концепций, рассматривающих развитие культуры и истории под углом зрения одного фундаментального фактора, с позиции единого субстанциального основания. И тогда, взятая в своих основах, история культуры предстает как монолог одного-единственного начала, будь то мировой дух или материя. И очень немногие мыслители раскрывают диалогический характер жизни духа и культуры. Среди этих мыслителей следует прежде всего назвать Н. А. Бердяева [5].

В своей концепции «Вызова и Ответа» А. Тойнби также раскрыл диалогическую сущность развития культуры. Если отвлечься от образного стиля изложения, то он дает ключ к пониманию творческой природы и возможной альтернативности культурно-исторического процесса. Развитие культуры осуществляется как серия Ответов, даваемых творческим человеческим

духом на те Вызовы, которые бросает ему природа, общество и внутренняя бесконечность самого человека. При этом всегда возможны различные варианты развития, ибо возможны разные Ответы на один и тот же Вызов. В осознании этого фундаментального обстоятельства и состоит непреходящее значение концепции Тойнби [10, с. 43] Своеобразную концепцию культуры развивал крупнейший русский социолог и культуролог, проживший большую часть своей жизни в эмиграции в США, Питирим Александрович Сорокин (1899—1968). В методологическом плане концепция П. А. Сорокина перекликается с учением о культурно-исторических типах О. Шпенглера и А. Тойнби. Однако теория культурно-исторических типов П. А. Сорокина принципиально отличается от теории О. Шпенглера и А. Тойнби тем, что Сорокин допускал наличие прогресса в общественном развитии. Признавая наличие глубокого кризиса, который в настоящее время переживает западная культура, он оценивал этот кризис не как «Закат Европы», а как необходимую фазу в становлении новой формирующейся цивилизации, объединяющей все человечество.

В соответствии со своими методологическими установками П. Сорокин представлял исторический процесс как процесс развития культуры. По Сорокину, культура в самом широком смысле этого слова есть совокупность всего сотворенного или признанного данным обществом на той или иной стадии его развития. В ходе этого развития общество создает различные культурные системы: познавательные, религиозные, этические, эстетические, правовые и т. д. Главным свойством всех этих культурных систем является тенденция их объединения в систему высших рангов. В результате развития этой тенденции образуются культурные сверхсистемы. Каждая из таких культурных сверхсистем, по словам Сорокина, «обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом «святости», собственными представлениями правого и должного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими правами, законами, кодексом поведения» [Там же].

Киевская Русь как государство существовало с княжения Рюрика (862—879) по княжение Мстислава Рюриковича (1125—1132). Иными словами, период Киевской Руси охватывает вторую половину IX — первую треть XII веков. Основными признаками государственности стали: создание и укрепление централизованной власти, наличие территории и первых границ, определение административного деления и форм власти на местах, установление дани и других источников формирования государства. На ранних этапах развития природа страны накладывала огромный отпечаток на весь ход ее истории. В. О. Ключевский отмечал равнинность, обилие речных путей на Восточно-Европейской равнине, которые облегчили грандиозные процессы колонизации племен, предопределили особенности и разнообразие хозяйственной деятельности народа. Но природа не охраняла общество от чужеродных вторжений.

История русской культуры начинается с ключевого социокультурного события, перевернувшего жизнь древних русичей, изменившего их мировоззрение и поведение, включившего Древнюю Русь в поток мировой истории, — с Крещения Руси. Именно с этого момента для русской культуры начинается «осевое время»: события обретают свой неповторимый смысл; ход времени получает в сознании людей определенную направленность, даже целеустремленность, и начинает рефлексироваться как история; бытие сознается человеком в его противоречиях и антиномиях, в движении; усиливается роль рациональности и рационально преломленного опыта — появляется философское мышление; религия наполняется этическим пафосом и смыслом, и вокруг нравственных оценок жизни и философско-этических учений развертывается духовная борьба. Именно таким образом характеризует понятие «осевого времени» К. Ясперс, обосновавший культурологический подход к осмыслению мировой истории.

Фактически Древняя Русь совершала в этот момент гигантский культурно-исторический скачок, по своему духовному масштабу сопоставимый с теми грандиозными переворотами, которые переживало человечество в целом в период между 800 и 200 гг. до н. э., когда в мировой истории (в Китае, Индии, Иране, Палестине, Греции и др.) складывалось «осевое время».

Однако своеобразие Древней Руси заключалось в том, что, вступая в «осевое время» мировой и собственной истории, древнерусская культура не обретала ярких индивидуальностей ни в поэзии, ни в философии, ни в области религиозно-этических учений, ограничиваясь лишь персонификацией своих правителей и святителей, религиозных учителей и подвижников. В связи с этим Креститель Руси Владимир должен рассматриваться как деятель древнерусской культуры. То же относится и к Ярославу Мудрому, и к Владимиру Мономаху и т. д., хотя

культурные функции древнерусских князей совершенно особые, не связанные с непосредственным созданием ценностей и смыслов культуры, произведений искусства и науки, философской, религиозной и политической мысли. Все они — культурные политики, реформаторы общественной и религиозной жизни народа, руководители масштабных социокультурных процессов, имевших место в Древней Руси и оказавших большое влияние на многие феномены ее культуры, но не сами творцы древнерусской культуры в полном смысле этого слова (писатели, художники, мыслители, религиозные пророки и пр.).

Становление русского централизованного государства (Московского княжества, а затем Московского царства) сопровождалось соответствующим литературным «обрамлением», идеологически и философски обосновывающим необходимость сильной деспотической власти. Среди таких произведений, например, «Послание о Мономаховом венце» митрополита Спиридона-Саввы (1510-е гг.) и созданное на его основе «Сказание о князьях Владимирских». Созданная на рубеже XVI—XVII веков «Повесть о начале Москвы» строит аналогии «Третьего Рима» с первым и вторым, основанными на пролитой крови. Великая спасительная миссия Москвы — в масштабах всей Руси, значимость ее святынь мотивируются «пролитием кровей многих». Впервые в истории русской культуры складывался в общенациональном масштабе феномен официальности применительно к литературе, религии, политической идеологии, морали, правовым нормам и т. д. — фактически ко всей культуре. В Московском царстве утверждается пышный и помпезный стиль, все приемы которого формализовались и застыли в виде жесткого канона, получившего название «второго монументализма».

В центр официальной культуры, включая политическую и религиозную идеологию, философию и богословие, литературу и искусство, был поставлен столичный город как само воплощение официального представительства власти — социальной и духовной. Так, представление Москвы «Третьим Римом» (и последним) означало воплощение вселенской власти и восстановление мировой империи (наподобие Римской или Византийской, но еще более величественной и совершенной); национально-религиозного избранничества, преемственного по отношению к двум предшествующим священным царствам и приблизившегося вплотную к апофеозу христианства в мировом масштабе и Апокалипсису; смысловое единство «осевой» направленности мировой истории (вектор которой знаменует развитие человечества от рождения Христа до конца света и Страшного суда) и ее сущностной повторяемости, вечности (Рим может быть первым, вторым, третьим, но он, даже передвигаясь в пространстве и во времени, остается одним и тем же «вечным городом»). Значимость столичного центра подтверждалась экстраполяцией его семантики на все государство. Не случайно в это время иностранцы называют Русь Московией, а русских — московитами (т. е., по-нашему, москвичами), как будто Русь и Москва тождественны.

Однако консолидация различных явлений культуры под знаком государственного официоза предполагала смысловое противостояние этой культурно-идеологической монополии государства, нараставшей в обществе территориальной, социальной и культурной дифференциации, идейному плюрализму и стилевому многообразию неофициальной культуры (включая литературу и словесность вообще).

Воззрения и идеи культурологического характера «монгольской» Руси можно представить в русле трех основных направлений развития общественного сознания и теоретической мысли. Первое направление традиционно составляли воззрения на культуру христианско-православной церкви. Второе направление находилось в оппозиции к первому, так как выражало свободомыслие — различные еретические воззрения, критику церковной практики, деятельности иерархов церкви. Источниками, в которых отражались культурологические идеи, стали описания побед над монголами, других военных походов. «Поход на Казань», «Оборона Пскова», «Повесть о житии Александра Невского», «Задонщина», «Сказание о мамаевом побоище», «Житие Сергия Радонежского» и другие героико-эпические произведения характеризовали военно-политическую ситуацию на Руси в XIV—XV веках, отношения между Московским государством и другими княжествами, роль православной церкви в духовном и организационном объединении сил русских земель в борьбе против монгол, образ жизни людей. Культурологический характер имели также возвышенный стиль и обращения к былинному эпосу, свойственные этим повествованиям. Формировалась народная баллада.

Когда Московская Русь начала превращаться в империю, подписав тем самым приговор своей собственной национальной культуре? Год можно назвать безошибочно: 1552 — завоевание Казанского ханства и начало присоединения

первых территорий на Северном Кавказе — Карачая, Черкесии, Кабарды, то есть территории, великорусскому этносу никогда ранее не принадлежавшей. А где верхняя граница, позволяющая нам утверждать, что de facto перед нами уже империя? Тоже указать не сложно: 1 октября 1653 года Земский собор в Москве, а 8 января 1654 года Переяславская рада приняли решение о вхождении Украины (Малороссии) в состав Московского государства. То есть ровно столетие, за которое были присоединены также Астраханское ханство (1556), Сибирское ханство Кучума, завоеваны и вновь утеряны территории в Прибалтике, а затем пройдена вся Сибирь (к 1648). Причем эти процессы были достаточно органичны для русской ментальности и для русской политики, ибо рассматривались как продолжение вековой борьбы с татарами и как воссоединение некогда отторгнутых земель. Так реконкиста незаметно переросла в конкисту.

Становление империи de facto еще не гарантирует той же стадии развития соответствующей культурной системы. Общие критерии, позволяющие соотнести эти явления, отсутствуют. Зато это возможно на событийном уровне. И большая система, и входящие в нее малые обладают по отношению друг к другу достаточно высокой автономией. А это значит, что для решения своих задач большая система может опираться на достижения любой из малых, входящих в нее, а не только титульной, ее породившей. Более того, ее действия могут оказаться неприемлемыми для титульной подсистемы, глубоко ей чуждыми и враждебными (что хорошо для Российской империи, отнюдь не обязательно хорошо для Великороссии). С того момента, как был дан толчок к рождению большой системы, джинн из бутылки уже выпущен [10, с. 153].

В постсоветской историографии, посвященной петровским преобразованиям, можно встретить вопрос, ранее немыслимый: «Действительно ли русская средневековая культура во второй половине XVII века переживала кризис?» Кризис, конечно же, был, но нужно задать другой вопрос: а были ли петровские реформы направлены на разрешение именно этого кризиса? Часть исследователей считает, что петровские реформы противоречили национальным традициям русской культуры, что они оказали разрушающее воздействие на такие характерные ее черты, как соборность и высокая духовность, и, таким образом, нанесли вред ее развитию.

Возражающая, пропетровская сторона черпает свою аргументацию не только из кладовых различных европоцентристских теорий. Она опирается на факт удивительной жизненности петровских новообразований: от коллегий, проживших столетие, до Табели о рангах, дожившей до революции и в редуцированной форме неоднократно возрождавшейся в советскую и постсоветскую эпохи; от учебных заведений до Академии наук, чей возраст скоро достигнет трех столетий, и т. п. Такого не могло бы случиться, если бы все эти организмы существовали в исключительно враждебной, чужеродной среде. Отсюда вывод об органичности для России петровских реформ, об их глубоко русском характере.

Русский народ — признанный творец одной из «осевых» культур. В условиях великой «смены вех» и становления российской цивилизации XXI века решение проблемы преемственности с культурным наследием и его обновления стало условием духовного возрождения России.

Грандиозность этих проблем обусловлена непреходящей уникальностью, устойчивым стереотипом их мистического, иррационального характера. Для многих представителей Запада остается загадкой душа русского человека. Для определения характера, души русского человека необходимо рассмотреть сущность понятия «менталитет». В самом широком смысле слова менталитет — это глубинный пласт общественного сознания. Согласно М. А. Боргу: «Это «совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т. е. повторения» [7, с. 189].

Базовыми характеристиками менталитета выступают его коллективность, неосознанность, устойчивость. Так как это понятие выражает повседневный облик коллективного сознания определенной социокультурной общности, его «скрытым» слоем, независимым от собственной жизни индивида, оно предстает реальностью коллективного порядка. Менталитет характеризует неосознанность или неполная осознанность, «на этом уровне удается расслышать такое, о чем нельзя узнать на уровне сознательных высказываний», — пишет А. Я. Гуревич [Там же, с. 190]. Он выступает как способ выражения знаний о мире и человеке в нем, служит в повседневной жизни онтологическим и функциональным объяснением и содержит ответы на вопросы: Что это? Как? Зачем это?

Структура менталитета — это прежде всего устойчивая система скрытых глубинных установок и ценностных ориентаций сознания, его автоматических навыков, которые определяют устойчивые стереотипы сознания.

Существуют причины, которые способствуют формированию менталитета. Таковыми являются: 1) расово-этнические качества общности; 2) естественно-географические условия ее существования; 3) результаты взаимодействия данной общности и социокультурных условий ее проживания. Среди расово-этнических отличий социокультурной общности, воздействующих на менталитет, следует отметить ее численность, темперамент, уровень развития.

Базовыми особенностями менталитета россиян можно считать преобладание моральных составляющих и прежде всего чувства ответственности и совести, а также особое понимание взаимоотношений личности и общества. Это обусловлено рядом причин, прежде всего тем, что «из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить, но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность», — писал И. А. Ильин, поэтому «вопрос: ради чего жить? имеет более важное значение, чем вопрос о хлебе насущном», — утверждал Ф. М. Достоевский [Там же].

Значительным является и влияние религиозного фактора, прежде всего православия как одного из источников российского менталитета. Оказывает влияние на специфику российского менталитета социальная организация общества, которая проявляется в активной роли государства, результатом является доминирование в менталитете россиян, убеждения в необходимости сильной власти. Как уже было сказано выше, русская ментальность накладывает существенный отпечаток на характер русской общности и изменяется вместе с ней. Как писал Розанов: «Если есть нация, есть и культура, потому что культура есть ответ нации, есть аромат ее характера, сердечного строя, ума «Русский дух», как вы его ни хороните или как не высмеиваете, все-таки существует. Это не непременно гений, стихи, стихи, проза, умопомрачительная философия. Нет, это манера жить, т. е. нечто гораздо простейшее и, пожалуй, мудрейшее» [11, с. 82].

Ключевое и знаковое понятие ментальности народа, выражающее эмоционально-психологическую реальность русской души: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Как отмечал З. Фрейд, важнейшими чертами ментальности народа является «сильное предрасположение к амбивалентности».

Важнейшими чертами душевной жизни русского человека является способность чувствовать и мыслить различными, порой взаимоисключающими способами; совмещать порыв к безграничной свободе с великотерпением.

Для русского человека характерны жажда справедливости и недоверие к правовым способам ее достижения, непременная любовь к дальнему и избирательная к ближнему, вера в абсолютное добро без зла и сомнительную ценность относительного добра, пассивное ожидание последнего и пассионарный активизм «решительного боя» за окончательное торжество добра, возвышенность в целях и неразборчивость в их достижениях и т. п.

На взгляд Ю. М. Лотмана, для русской культуры характерна бинарная структура. Бинарный же характер русской души не является ее уникальной особенностью. Он в той или иной мере присущ ментальности и других народов. Главная проблема — в безмерности русского характера.

Флоровский Г. по этому поводу писал: «История русской культуры вся в перебоях, в приступах. Всего меньше в ней непосредственной цельности. Несоизмеримые и разновременные душевные формации как-то совмещаются и срастаются сами собой. Но сросток не есть синтез. Именно синтез не удавался» [Там же, с. 83].

Поэтому постижение глубинных основ российского бытия проходит на интуиции, т. е. идет воспроизводство не рационального, ярко выраженного в западном менталитете, а иррационального архетипа.

По определению некоторых ученых, национальный характер — это совокупность генотипа и культуры.

Так как генотип — это то, что каждый человек получает от природы, то культура — это то, к чему человек приобщается с рождения, поэтому национальный характер, кроме неосознанных культурных архетипов, включает в себя и природные этнопсихологические черты индивидов.

Когда персонаж Достоевского узнает «русскую действительную жизнь», он заключает, что «вся Россия есть игра природы». Согласно Ф. Тютчеву, «умом Россию не понять, // аршином общим не измерить. // У ней особенная стать. // В Россию можно только верить». Б. Паскаль отметил: «Ничто так не согласно с разумом, как его недоверие к себе». В осознании неповторимости, уникальности, невозможности измерить Россию «общим аршином» — ключ к постижению и явного — умом, и сокровенного — верой в Россию.

Как утверждалось ранее, национальный характер русского человека включает в себя не-

осознанные культурные архетипы и природные этнопсихологические черты индивидов.

Период язычества восточнославянских племен не входит в историю культуры. Это предыстория русской культуры, ее исходное состояние, которое продолжалось еще весьма длительное время, не претерпевая существенных изменений, не переживая сколько-нибудь значительных событий.

Со времен, отмеченных постоянными контактами и противоборствами с соседними кочевыми народами, в русской культуре и национальном самосознании глубоко укоренился фактор случайности, непредсказуемости (отсюда знаменитое русское «авось да небось» и другие аналогичные суждения обыденного народного сознания). Этот фактор во многом предопределил свойства русского национального характера — бесшабашность, удаль, отчаянная смелость, безрассудство, стихийность, произвол и т. п., с которыми связана особая мировоззренческая роль загадок в древнейшем русском фольклоре и гаданий в повседневном быту; склонность принимать судьбоносные решения путем бросания жребия и другие характерные особенности менталитета, базирующегося на неустойчивом равновесии взаимоисключающих тенденций, где любое неуправляемое стечение обстоятельств может оказаться решающим. Отсюда берет начало традиция принимать трудные решения в условиях жесткого и подчас жестокого выбора между крайностями, когда «третьего не дано» (да оно и невозможно), при этом сам выбор между взаимоисключающими полюсами подчас нереален или невозможен, или в равной степени губителен для «избирателя», — выбора, происходящего буквально на цивилизационном распутье неподвластных ему сил (судьба, доля, счастье), о реальности и определенности прошлого (традиций, «предания») — по сравнению с ирреальным и неопределенным, драматически вариативным и непредсказуемым будущим. Как правило, мировоззрение, складывающееся с ориентацией на факторы случайности и стихийности, исподволь проникается пессимизмом, фатализмом, неуверенностью (в том числе и в собственно религиозном смысле — как неверие, постоянно искушающее веру).

В таких условиях формировались и другие качества русского народа, ставшие его отличительными особенностями, сросшиеся с национально-культурным менталитетом, — терпенье, пассивность в отношении к обстоятельствам, за которыми тем самым признается ведущая роль в развитии событий, стойкость в перенесении лишений и тягот жизни, выпавших страданий, примирение с утратами и потерями как неизбежными или даже предопределенными свыше, упорство в противостоянии судьбе.

Зависимость от «капризов» суровой природы и климатической неустойчивости, от необузданной агрессивности кочевых народов, составляющих ближайшее окружение, неуверенность в завтрашнем дне (урожай или недород, война или мир, дом или поход в чужие земли, воля или кабала, бунт или покорность, охота или неволя и т. д.) — все это аккумулировалось в народных представлениях о постоянстве изменчивости, об извечной зависимости человека от господствующих над ним обстоятельств.

Как известно, большое влияние на формирование русского культурного архетипа оказало принятие в X веке христианства, которое пришло на Русь из Византии в православной форме. Русский человек всем ходом собственного развития изначально был подготовлен к восприятию православия. Оно включило в себя все общество, но не захватывало человека целиком. Вера руководила лишь религиозно-нравственным бытом русского народа, то есть регулировала церковные праздники, семейные отношения, времяпровождение, при этом обычная будничная жизнь русского человека не затрагивалась ей. Такое положение вещей предоставляло свободный простор самобытному национальному творчеству.

В восточнохристианской культуре земное существование человека не имело ценности, поэтому основной задачей было подготовить человека к смерти, а жизнь рассматривалась как маленький отрезок на пути в вечность. В качестве смысла земного существования признавались духовные стремления к смирению и благочестию, аскетизм и ощущение собственной греховности.

Отсюда в православной культуре появилось пренебрежение к земным благам, так как они скоротечны и ничтожны, отношение к труду не как к творческому процессу, а как к способу самоуничижения. Отсюда — расхожие выражения: «Всех денег не заработаешь, с собой в могилу не заберешь» и т. п.

Вл. Соловьеву была особенно дорога такая черта русского человека, как осознание своей греховности — несовершенства, неполноты достижения идеала.

Неотъемлемая грань и фермент возрождения России — это обновление русской идеи как духовной квинтэссенции не только русского суперэтноса, но и общезначимой всероссийской

идеи как, с одной стороны, самоидентификации России, с другой — её «послания миру». Постижение русской идеи предполагает осознание особенностей структуры объективных факторов становления и эволюции этого феномена, основных уровней и граней, альтернатив сопричастности к ней её субъекта. Как заметил А. де Кюстин, «у народов всегда есть достаточно причин быть такими, какие они есть: и лучший из них тот, который не может быть другим» [8, с. 169].

В конце XIX — начале XX века развернулись дискуссии о российской, или русской, нации. К последней, полагал П. Струве, принадлежат «все, кто участвует в русской культуре» [2, с. 40]. Оба понятия — «русский» и «российский» употреблялись как синонимы и были лишены этнического смысла.

Итак, вот что приводит к «непознаваемости» России, вот разгадка «бинарности русской культуры». То, что принимается за единое целое, в действительности представляет собой две относительно независимые, хотя и тесно связанные между собой — и генетически, и функционально — культурные системы: национальную, православную русскую (великорусскую) и российскую (мега) культуру формирующейся Российской империи — полиэтническую и в значительной степени поликонфессиональную.

Их смешение, объединение или замещение (подстановка национальной единицы на место имперской) в литературе и в повседневном обиходе происходят по многим причинам и на разных уровнях. Вот лишь некоторые из них:

1. В советскую эпоху термин «русский» своей чрезвычайно возросшей функциональностью полностью вытеснил из обихода термин «великорусский», существующий едва ли не в виде реликта, и потеснил термин «российский», который начал возрождаться лишь после распада СССР.

2. Обе культурные системы используют один и тот же язык — русский. Ранее они обе базировались на двух разных диглоссиях (функциональном двуязычии): великорусская — на русско-старославянской, российская — на русско-французской. Это с неизбежностью оказывало влияние и на словарный запас русского языка, и на его структуру.

Советская власть уничтожила обе диглоссии, что нельзя не признать культурной катастрофой. И постепенно произошла определенная унификация языка, точнее, его советизация, формирование «новояза».

3. Обе рассматриваемые культурные системы лежат в разных параллельных плоскостях. В этом случае, как известно, для смотрящего сверху или снизу оба множества сливаются. Мы же предлагаем посмотреть сбоку.

С формальной точки зрения у этих двух культур имеется еще одно важное отличие — вектор действия. У российской он направлен вовне, в первую очередь в Европу. Это — евроориентированная культура, еще в ходе своего формирования ставшая неотъемлемой частью европейской палитры.

Что же касается великорусской культуры, то у нее иное направление. И отнюдь не на Восток, не в Азию. А внутрь себя. Как и у большинства других этнокультур.

Таким образом:

1) Существуют две вполне познаваемые разумом культурные системы, каждая из которых вряд ли выпадает из ряда аналогичных этнических или имперских образований, а их отношение между собой скорее типично, чем уникально.

2) Великорусская этнокультура — лишь одна из многих подсистем (мега) культуры Российской империи. Следовательно, можно принадлежать русской культуре и российской, украинской и российской, грузинской и российской, еврейской и российской. А можно и не принадлежать, оставаясь в границах исключительно этнокультуры своих предков. Это — выбор каждого человека, чаще всего сознательный и самостоятельный. А можно ли принадлежать только российской культуре? Можно и это. Но такой выбор предполагает, по-видимому, очень глубинный космополитизм.

Важно подчеркнуть, что менталитет при выражении национального характера действует спонтанно, не проявляясь в совокупности принципов и привычек, отражающихся в чертах характера (таковы, например, свойственные россиянам чувства справедливости, терпения, жертвенности, готовности на подвиг и др.).

3) Структура менталитета — сложная многоуровневая пирамида механизмов и способов действия, непосредственно связанных с многовековой культурой народа. Базовыми особенностями менталитета россиян являются преобладание моральных составляющих и прежде всего чувства ответственности и совести, а также особое понимание взаимоотношений личности и общества.

1. *Арутюнян А.* Россия и Ренессанс: история русской культуры (было ли в России Возрождение? О влиянии Византии на русскую культуру) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 89—101.

2. *Бабаков В.* Национальные культуры в общественном развитии России // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 29—42.
3. *Бердяев Н. А.* Очерки истории русской религиозной мысли. М., 1995.
4. *Бердяев Н. А.* О культуре; Судьба России // Антология культурологической мысли. М., 1996.
5. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990.
6. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. М., 1994.
7. *Гузевич Д. Ю.* Кентавр, или К вопросу о бинарности русской культуры: становление культуры в России // Звезда. 2001. № 5. С. 186—197.
8. *Иванова Т. В.* Ментальность, культура, искусство // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 168—177. Культура.
9. *Кондаков И.* Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 159—172. О логике исторического развития русской культуры.
10. *Кондаков И. В.* Культурология: история культуры России. М. : Омега-Л : Высш. шк., 2003. 616 с.
11. *Коробейникова Л. А.* Эволюция представлений о культуре в культурологии // Социс. 1996. № 7. С. 79—85.
12. *Кравченко А. И.* Культурология. М. : Акад. проект, 2001. 496 с.
13. Культурология / под ред. А. А. Радугина. М. : Центр, 2005. 304 с.
14. Культурология / под ред. Г. В. Драча. Ростов н/Д. : Феникс, 1995. 576 с.
15. *Мамонтов С. П.* Основы культурологии. М. : РОУ, 1995. 208 с.
16. *Сапронов П. А.* Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры. СПб. : СОЮЗ, 1998. 560 с.
17. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории : сб. М., 1991. С. 106—142.
18. *Торопцев А. А.* Двенадцать подвигов России. М., 2011.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ю. В. Андреева

НОВЫЙ ФОРМАТ МОЛОДЕЖНОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: МЕЖДУ «БЛИЗКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ» И «ДАЛЕКОЙ ПОЛИТИКОЙ»

В фокусе статьи — смыслы и формы, которые приобретает гражданственность в современной молодежной социальности.

Ключевые слова: гражданственность молодежи, гражданское участие, гражданская самоидентификация, молодежный активизм.

Y. V. Andreeva

NEW FORMAT OF YOUTH CITIZENSHIP: BETWEEN "CLOSE EVERYDAY" AND "DISTANT POLICY"

The paper focused on meanings and forms of citizenship for modern youth sociality.

Key words: youth citizenship, citizenship participation, citizenship self-identification, youth activism.

Российские исследования гражданственности, гражданского сознания, гражданских позиций, выбора и прав в контексте молодежных исследований традиционно проводились в русле количественной парадигмы. В этом смысле данная статья не является исключением. Она основана на эмпирическом материале количественного опроса учащихся вузов в двух городах — Ульяновске и Санкт-Петербурге. Данные были собраны в 2013 году, в рамках коллективного проекта «Гражданственность молодежи России: современные смыслы и практики»[1]. Основной целью этой статьи не является сопоставление молодежных групп из двух городов. Логика её содержания основана на исследовании ряда вопросов, которые в ходе теоретического анализа были выделены в качестве индикаторов гражданской активности молодежи:

— имеющегося опыта гражданского участия, как формального (голосование на выборах), так и неформального (безвозмездные активистские практики) плана, а также установок (представлений) относительно возможной мотивации молодежной активности;

— актуальных молодежных практик и пространств участия, репертуара молодежных активностей;

— контекстов молодежных интерпретаций гражданского активизма, позволяющих понять, от чего зависят молодежные включения и практики гражданственности, — здесь основными категориями анализа стали категории *протеста* и *доверия*, а также категория *лояльности* (конвенционализма), понимаемая как способность и готовность принять общепринятый (традиционный) дискурс, придерживаться и транслировать (воспроизводить) его.

Основная идея статьи в том, чтобы выявить, чем является сегодня гражданственность для молодежи, как понимается и интерпретируется самими молодыми, какие смыслы и формы приобретает.

Одним из основных вопросов, которым принято измерять уровень гражданской активности молодежи, для многих количественных проектов традиционно является вопрос об участии в выборах. Молодых ульяновцев и петербуржцев спросили *о том, принимали ли они уча-*

[1] Проект Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, финансирование ЦФИ НИУ ВШЭ, 2013, руководитель — д.с.н., профессор Е. Л. Омельченко.

стие в голосовании на выборах Президента РФ 4 марта 2012 года. Оказалось, что в целом по двум городам проголосовало менее половины всех респондентов: в Ульяновске — 42,1 %, а в Санкт-Петербурге и того меньше — 31,2 %. Соответственно, 55,8 % ульяновской молодежи и 66,8 % петербургских ребят не принимали участия в выборах. Для Санкт-Петербурга, вне зависимости от уровня дохода, число проголосовавших 4 марта 2012 года сконцентрировалось вокруг цифры в 30 %, а количество не голосовавших, также вне зависимости от уровня дохода, оказалось выше 60 %. Но анализ данных позволяет заметить, что фактор участия или неучастия в выборах может быть и изменчивым, в зависимости от уровня дохода наших респондентов. Например, в Ульяновске ситуация иная, чем в Санкт-Петербурге. Здесь среди респондентов с низким уровнем дохода (среди тех, кому не всегда хватает средств на одежду и обувь) процент проголосовавших отличается в большую сторону — их больше 50 %, при этом не принимавших участия в голосовании — 48 %. Среди тех, чей уровень дохода ниже среднего (средств не всегда хватает на бытовую технику), проголосовавших оказалось 42,5 %, а респондентов с этим же уровнем дохода, не ходивших на выборы, — 55,5 %. Среди опрошенных со средним уровнем дохода (средств хватает на все, кроме крупных покупок, например, авто, квартиру) в выборах участвовали 37,3 %, не голосовавших вообще насчитывалось 59,7 %, а проголосовавших высокодоходных респондентов (указали, что их доходов хватает абсолютно на все) оказалось 44,2 %. То есть в Ульяновске чем выше уровень дохода, тем больше вероятность того, что респондент не пойдет на выборы. Этот факт, вероятно, может быть объяснён экономическими причинами: в Ульяновске уровень средней зарплаты в два раза ниже, чем в Санкт-Петербурге. Возможно, поэтому уровень достатка здесь оказался важным с точки зрения участия в выборах.

Интересно, что ни образовательный статус, ни какой-либо другой фактор не показал такой же чувствительности в отношении участия или неучастия молодежи в выборах. В частности, фактор идентификации себя как гражданина, который, казалось бы, имел все ожидаемые шансы отразиться на решении респондентов, проявился весьма незначительно (см. рис. 1). Оценка важности локальной идентичности также, как выяснилось, мало выраженный фактор в случае принятия решения об участии или, напротив, отказа от голосования на выборах. Среди респондентов, ответивших, что для них важно быть жителем Ульяновска, 43,3 % участвовали в мартовских выборах и 41,7 % не ходили голосовать. В Санкт-Петербурге среди ответивших, что для них важно быть жителем Санкт-Петербурга, участвовавших в выборах оказалось 31,3 %, а среди ответивших, что это не важно, — проголосовала треть опрошенных — 30,2 %.

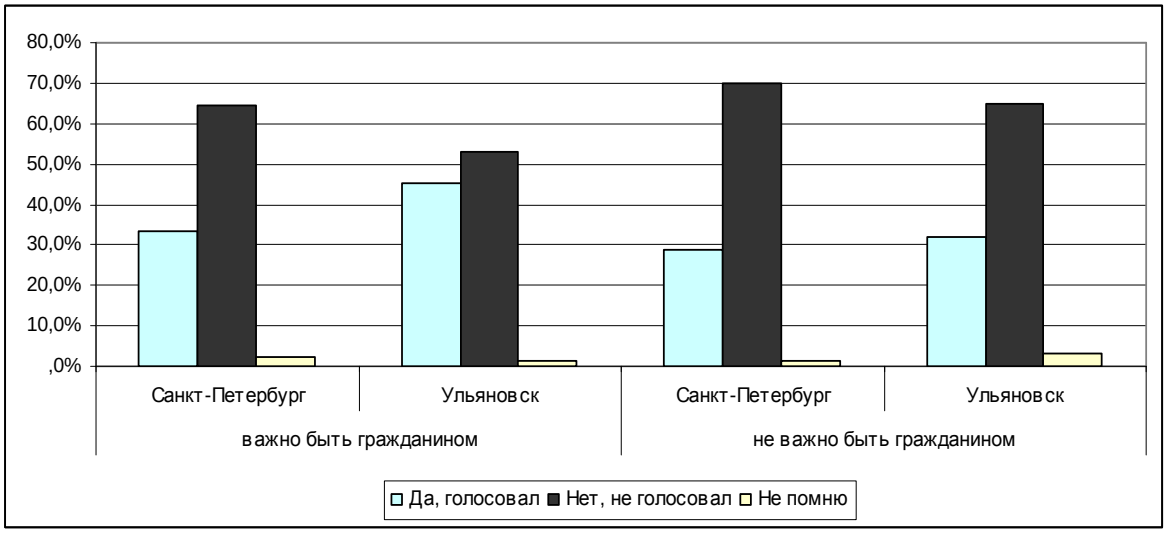

Рис. 1. **Зависимость участия в выборах от гражданской самоидентификации у молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга**

Таким образом, общероссийская гражданская самоидентификация оказалась даже более чувствительным фактором, чем локальная, в случае участия молодежи Санкт-Петербурга и Ульяновска в голосовании.

Для выяснения *причин неучастия молодых ульяновцев и петербуржцев в голосовании на выборах Президента РФ 4 марта 2012 года* респондентам были предложены несколько утверждений, которые наилучшим образом могли бы объяснить их отказ пойти на выборы. Но надо принять во внимание, что большинство опрошенных и в Ульяновске, и в Санкт-Петербурге на момент проведения мартовских выборов 2012 года еще не имели права голосовать в связи с недостижением ими соответствующего возраста — таких оказалось чуть более 60 % в обоих городах.

В остальных случаях альтернативы распределились следующим образом (см. рис. 2). Сразу после альтернативы «не имел(а) права голосовать» самой часто выбираемой причиной оказалась «для меня голосовать или не голосовать — действия одинаково бессмысленные» — здесь процентные показатели сопоставимы, но отличаются в чуть большую сторону в Санкт-Петербурге (15,6 %) по отношению к Ульяновску (12,8 %).

В качестве следующей причины неучастия ульяновской и петербургской молодежи отмечалась альтернатива «я все равно не смогу повлиять на положение дел в стране» — её выбрали 10,2 и 14 % соответственно. Далее следовала альтернатива «я решил не голосовать, потому что на этих выборах не было кандидата, который выражает мои взгляды» (9,3 % — в Ульяновске и 8,8 % — в Санкт-Петербурге). Затем отмечалась альтернатива «у меня другие интересы и проблемы» — её предпочли 9,6 % молодых ульяновцев и 7,1 % петербуржцев.

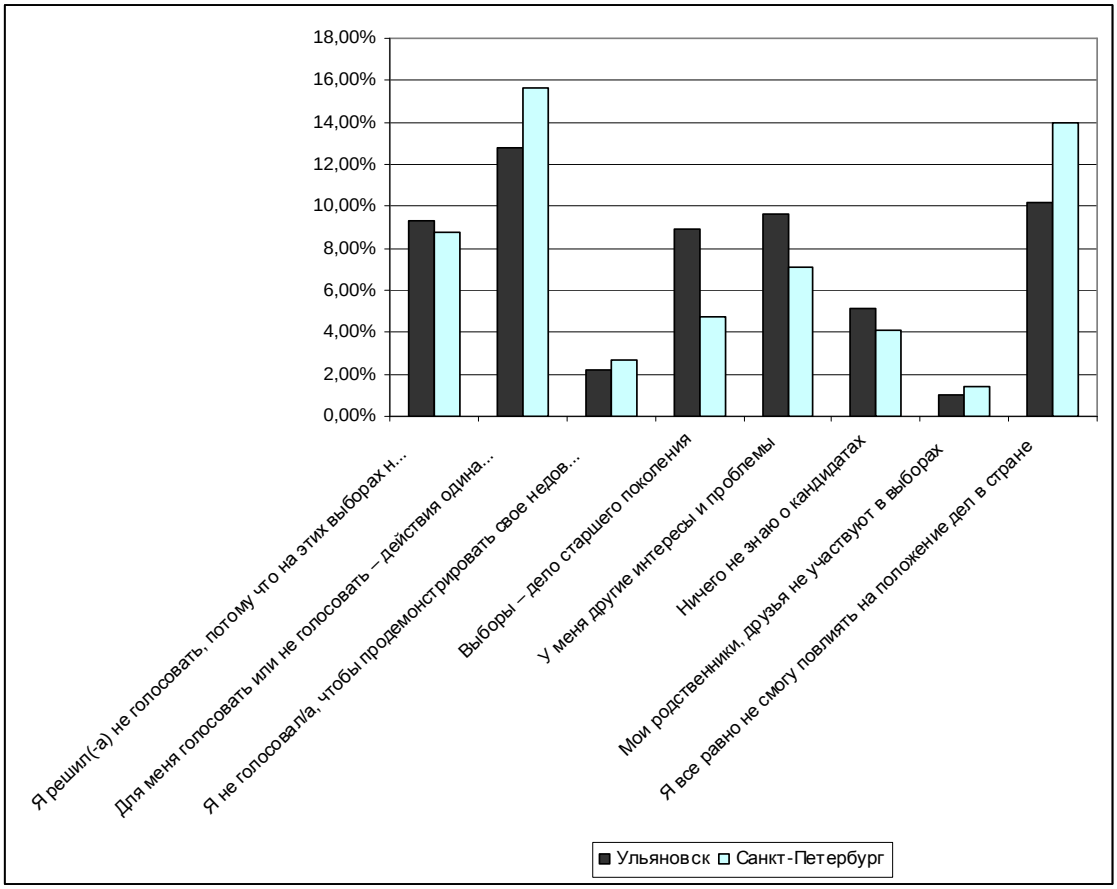

Рис. 2. **Причины неучастия в голосовании на выборах президента РФ 4 марта 2012 года среди молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга**

В целом можно отметить, что полученные результаты укладываются в тенденции, фиксируемые последними массовыми опросами. Исследователи уже не первый год утверждают,

что сам факт голосования на выборах не воспринимается молодыми как важный и значимый вклад в жизнь страны (или своего города), он имеет слабое отношение к гражданской самоидентификации, потому что смыслы участия в выборах у молодых не пересекаются с их пониманием (установками) гражданственности [1].

Данные опроса указывают, что такая своеобразная «общегражданская» молодежная бессубъектность — тенденция, скорее сохраняющаяся из года в год. Гражданственность для молодежи — это нечто совсем иное. С одной стороны, воспринимаемое в терминах долженствования как официозное по своей форме и далекое от их повседневной жизни, но при этом, с другой стороны — как естественное и близкое по содержанию, то, что может быть реализовано в их повседневных практиках, без принуждения. Например, в том, что принято обозначать в литературе как неформальные активности [2].

В связи с этим интересно проследить, *что ульяновской и петербургской молодежи приходилось делать безвозмездно для других людей в 2012—2013 гг.* Весь репертуар безвозмездных активностей молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга представлен на рисунке 3. Как можно заметить, лишь немногие из наших респондентов отметили, что они не занимались ничем похожим — таких оказалось 11 % в Ульяновске и 12 % в Санкт-Петербурге. Большая часть опрошенных указала, что у них имелся подобный опыт. Например, в Санкт-Петербурге 55,3 %, а в Ульяновске 49,8 % респондентов оказывали в 2012—2013 гг. денежную помощь. В Санкт-Петербурге 48,6 % и в Ульяновске 45,1 % учащихся и студентов поддержали нуждающихся вещами и продуктами. 38 % ульяновской молодежи присматривали за чужими детьми, 28 % помогали в уходе за больными. А среди молодых петербуржцев больше распространены практики помощи в поиске работы (30 %) и оказания профессиональных консультаций (23,7 %). Таким образом, примечательно, что почти треть наших респондентов в каждом случае готовы быть причастными и что-то делать для умножения общественного блага.

Вопросы включения или отказа от участия для молодежи тесно связаны с представлениями о мотивации этой деятельности, т. е. о том, что движет активистами, а также самостоятельными поисками ответа на вопрос «Зачем?». Поэтому респондентам был задан вопрос: *почему, по их мнению, люди занимаются активистской деятельностью?* Полученные результаты отражает диаграмма, представленная на рисунке 4.

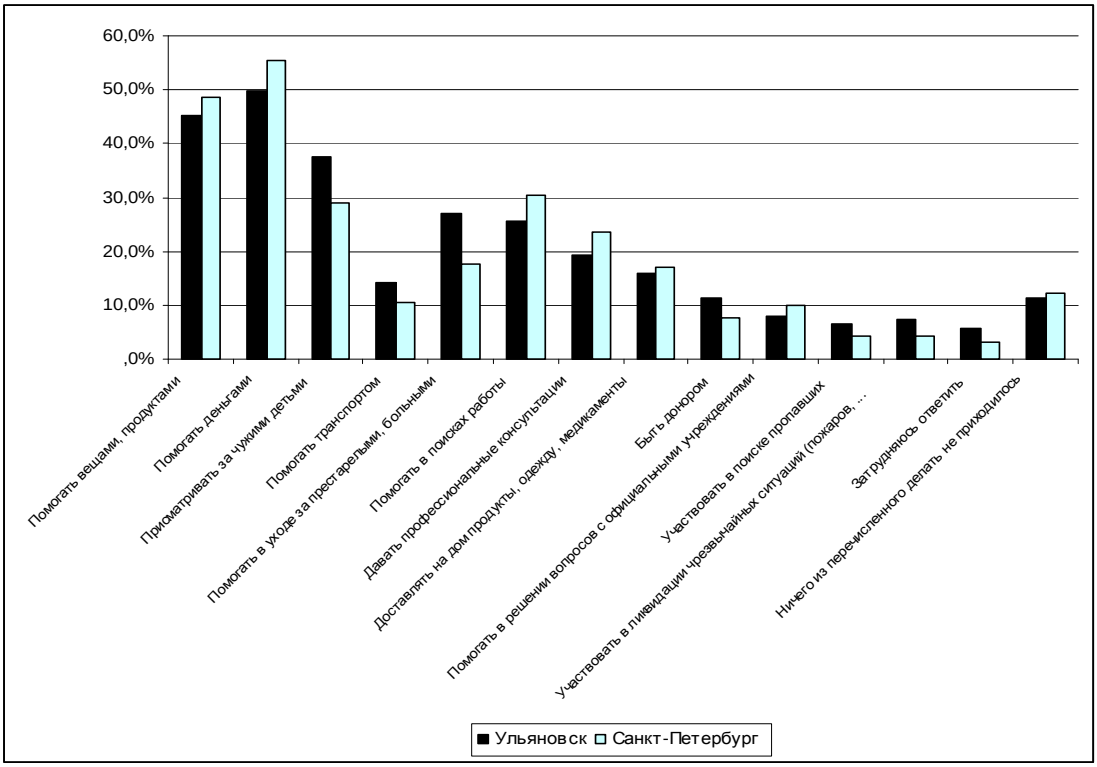

Рис. 3. **Активность безвозмездного характера ульяновской и петербургской молодежи**

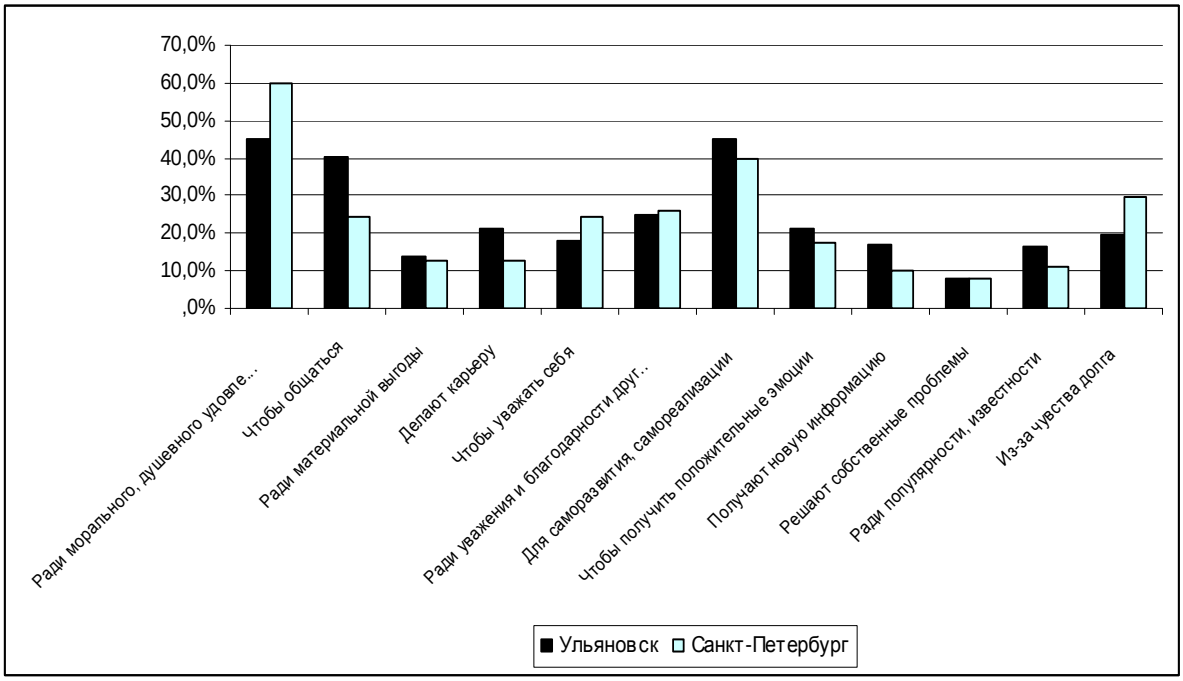

Рис. 4. **Представления ульяновской и петербургской молодежи о причинах того, почему люди занимаются активистской деятельностью**

В Санкт-Петербурге молодежь в большей степени убеждена, что активистами движет моральное и душевное удовлетворение (59,9 %). В Ульяновске гражданский активизм в равной степени молодые объясняют как моральным удовлетворением (45,2 %), так и мотивацией самореализации и саморазвития (45 %). В качестве причины активизма в Ульяновске также высоки позиции мотивации общения (40,3 %), тогда как в Санкт-Петербурге причины активизма объясняют скорее через категорию долга (30 %). Интересно, что прагматические объяснения, как то: «делают карьеру», «ради материальной выгоды», «решают собственные проблемы», не получили значительного количества выборов среди респондентов в обоих городах, процент ответивших подобным образом не превысил 10 %. Однако можно заметить, что эти альтернативы интенсивнее выражены среди ульяновской молодежи, чем среди молодых петербуржцев. Тем не менее и те и другие респонденты склонны скорее объяснять мотивацию активистской деятельности гуманистическими соображениями.

В этой связи обратимся к реальному *участию молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга в различных мероприятиях в 2012—2013 гг.*, которое могло бы быть проинтерпретировано, на наш взгляд, как «активистские практики» молодежи. Картину того, какие виды активностей освоены современной учащейся молодежью Ульяновска и Санкт-Петербурга, демонстрирует диаграмма (см. рис. 5). Здесь респонденты могли выбрать любое количество вариантов, а также предложить свои альтернативы различным способам участия в жизни страны. Для Санкт-Петербурга иерархия различных форм молодежного включения выглядит следующим образом: «хорошо выполняли свою работу» (35,9 %), «платили налоги» (34,8 %), «подписывали петицию/обращение» (31 %), «участвовали в благоустройстве своего района/двора» (23,5 %), «работали волонтером» (22,2 %), «покупали определенные товары и/или отказывались от их приобретения по этическим, политическим, экологическим соображениям» (20,7 %), «выкладывали/перепостили материал общественного и политического содержания в социальных сетях и ЖЖ» (20,1 %).

У ульяновской молодежи гражданские практики, связанные с представлениями о том, как можно участвовать в жизни страны, имеют несколько иную конфигурацию. Здесь первую позицию занимает альтернатива «платили налоги» (40,5 %), а уже затем следует вариант «хорошо выполняли свою работу» (34 %). Следом у ульяновцев идут альтернативы «участвовали в благоустройстве своего района/двора» (26,5 %) и «работали волонтером» (22,9 %). Интересно, что в случае Ульяновска, по сравнению с Санкт-Петербургом, достаточно высокие позиции занимают альтернативы «посещал собрания, по-

священные социальным проблемам области/района/двора» (20,1 %) и «жертвовал деньги на благотворительность» (18,9 %), при этом зафиксировано незначительное количество выборов альтернатив, связанных с подписями петиций и выкладыванием общественно и политически значимой информации в Интернет, как в Санкт-Петербурге.

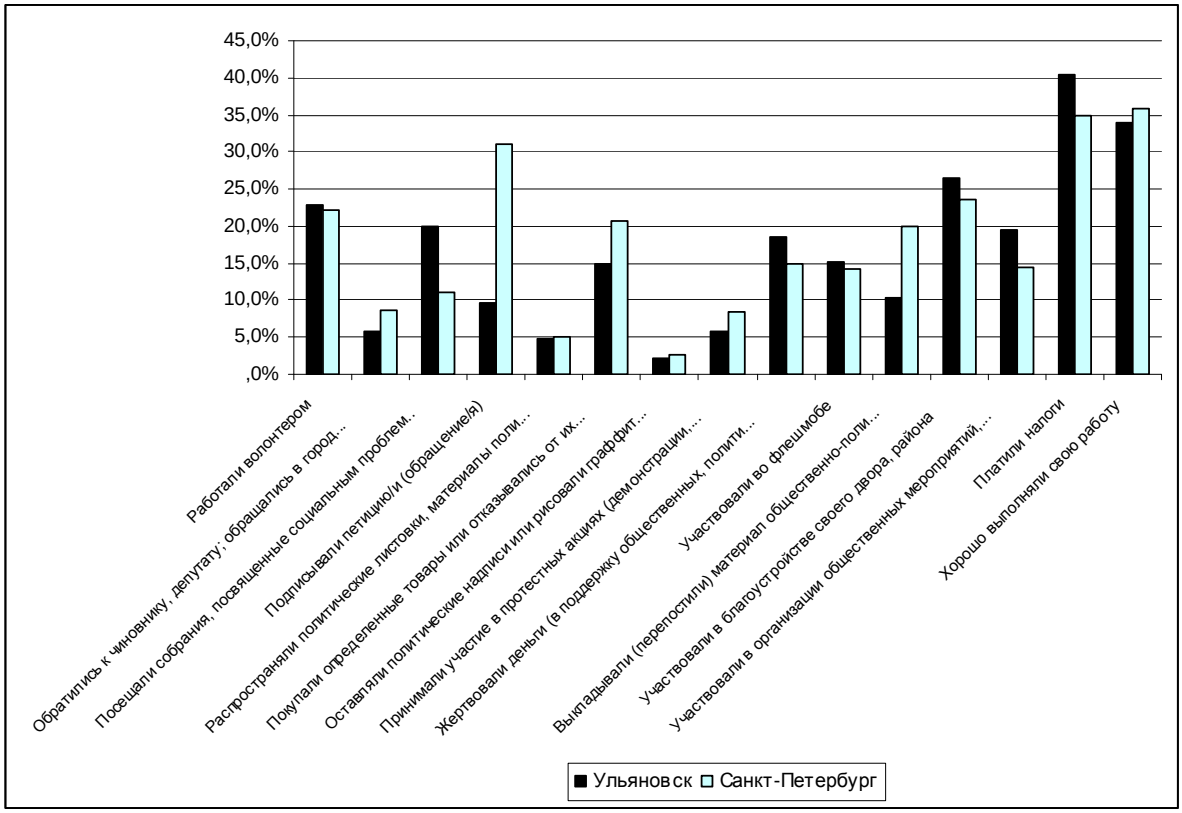

Рис. 5. **Мероприятия, в которых принимала участие ульяновская и петербургская молодежь в 2012—2013 гг.**

В связи с последним замечанием стоит отметить, что *политический контекст* гражданского участия сегодня имеет у молодых горожан в обоих городах своеобразный характер (см. рис. 6).

Его буквальные формы прямого выражения в виде открытых действий — *протеста* — по-прежнему не являются для большей части молодежи приоритетными, даже несмотря на то, что определенная напряженность, безусловно, есть, и порог молодых, готовых к прямому действию и открытому протесту против власти, поднялся по сравнению со «стабильными двухтысячными» и сегодня в своем самом радикальном случае (в частности — в Ульяновске) превышает 10 %. Но даже на фоне увеличения числа молодых, принявших участие в голосовании (как мы рассмотрели ранее, сегодня это почти половина всех опрошенных в обоих городах), а также на фоне повышения уровня готовности части молодежи к прямым протестам (с 3—5 %, зафиксированных в 2000-х, до 10 %, выявленных в нашем опросе), имеет место быть то, что в актуальных социологических исследованиях получило утрированное обозначение «молодежного пофигизма» [3]: когда около половины наших респондентов отметили, что предпочли бы остаться в стороне, случись в ближайшее время митинги или демонстрации, — они не поддержали бы ни сторонников, ни противников нынешней власти (47,5 % — в Санкт-Петербурге и 43 % — в Ульяновске).

В свое время этот феномен был объяснен крайне низким *уровнем доверия молодых к различным институтам и организациям*. Молодежь не верит в их «настоящесть», не видит практических результатов действительной помощи. Сегодня высокий уровень недоверия также подтверждается в первую очередь выбором института или организации, куда молодые ульяновцы и петербуржцы предпочли бы обратиться в случае нарушения их гражданских прав (рис. 7).

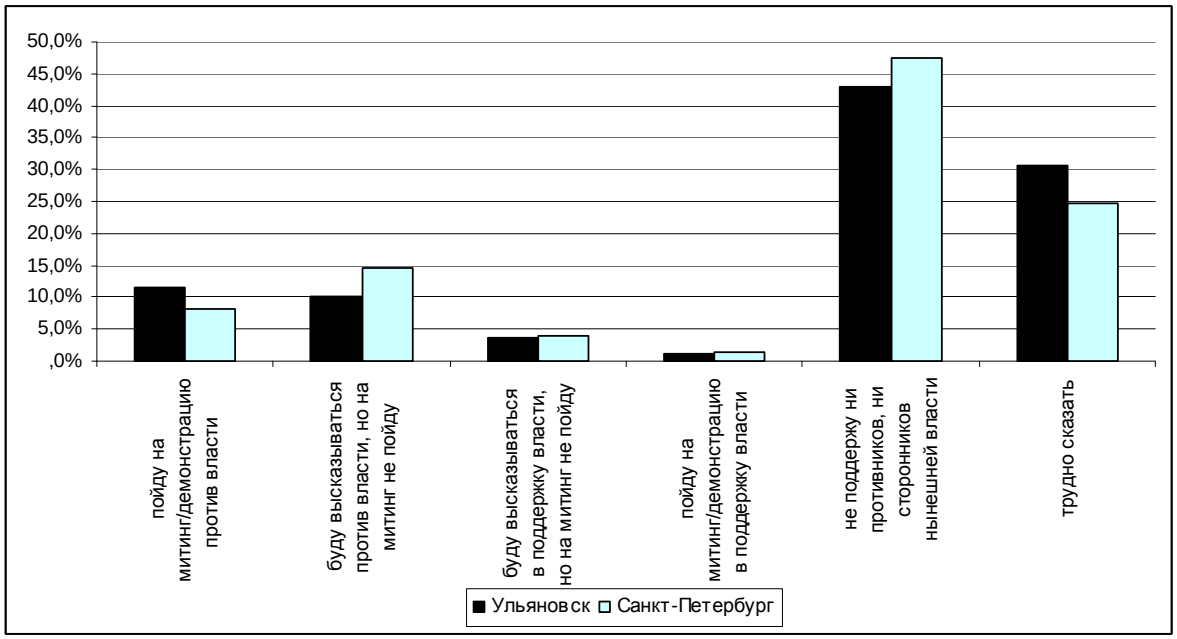

Рис. 6. **Готовность ульяновской и петербургской молодежи к участию в митингах, демонстрациях сторонников или противников власти**

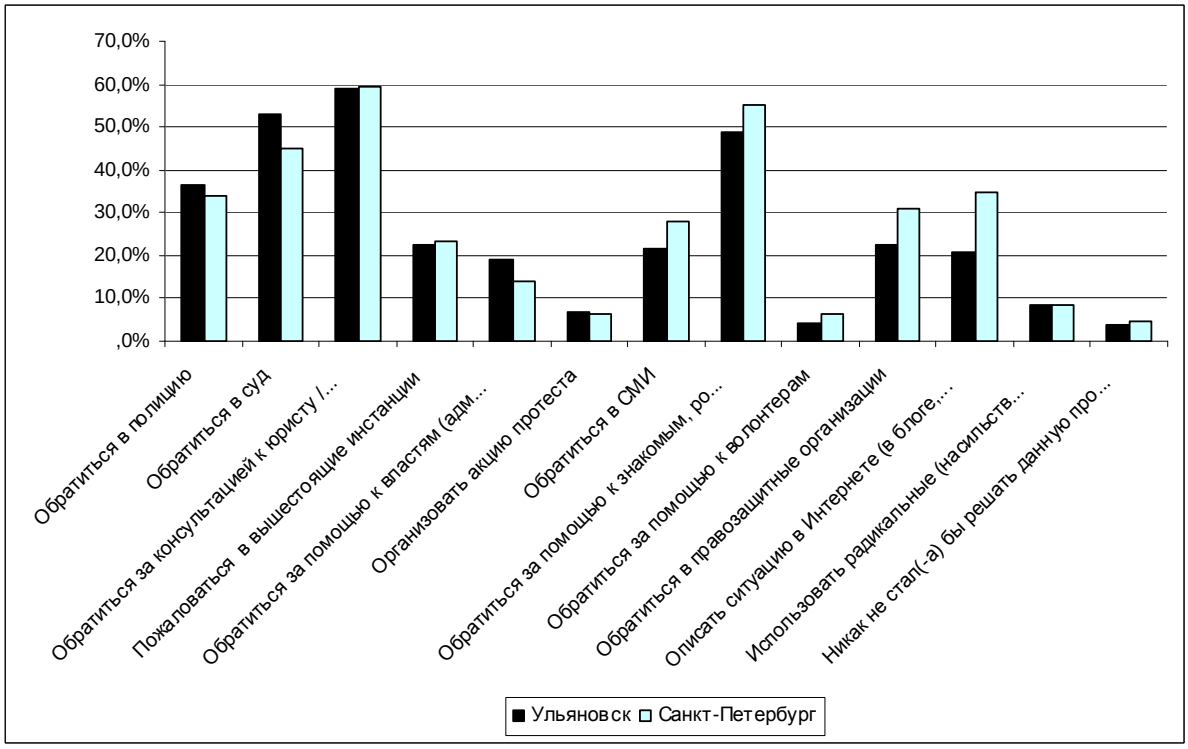

Рис. 7. **Действия ульяновской и петербургской молодежи в случае нарушения ее прав**

Очевидно, что, попав в ситуацию, когда нарушаются их права, респонденты предпочли бы *частным образом* решать свою проблему. Например, воспользоваться профессиональным советом, обратившись за консультацией к юристу или адвокату (59 % — в Ульяновске и 59,4 % — в Санкт-Петербурге). Во вторую очередь опрошенные рассматривали бы возможность обращения к родственникам и знакомым (48,9 % — в Ульяновске и 55,1 % — в Санкт-Петербурге). И

лишь только затем следует ответ «обратиться непосредственно в суд» (52,9 % — в Ульяновске и 42,1 % — в Санкт-Петербурге), «обратиться в полицию» (36,5 % — в Ульяновске и 34 % — в Санкт-Петербурге). Что касается последнего, то при всей своей самоочевидности этот выбор далеко не всегда рассматривается респондентами как единственный. Сегодня в случае нарушения их прав 34,8 % молодых петербуржцев и чуть более 20 % ульяновцев предпочли бы описать свой случай в Интернете (в блогах или социальных сетях), а не обращаться в полицию.

Последнее, так же как и то, что многие предпочли бы подойти к решению своих возможных проблем, скорее неформально, — неудивительно. Данные опроса также показывают, что и средние значения показателей доверия молодежи даже к отдельным институтам не превышают коэффициента 5,8 по десятибалльной шкале, где 9—10 — высокий уровень доверия; 7—8 — средний уровень доверия; 5—6 — уровень ниже среднего; от 3 и ниже — низкий уровень доверия или его отсутствие (см. рис. 8). Как можно заметить, почти во всех случаях, кроме института НКО и мэра, молодежь Петербурга оказывается даже чуть более недоверчивой, чем учащиеся Ульяновска. Менее всего в обоих городах молодежь доверяет полиции, первому каналу ТВ и Правительству РФ.

В ходе исследования респондентам также задавался вопрос о том, *чьи интересы, по их мнению, защищает сегодня наше государство?* Мнения в обоих городах были единодушны (см. рис. 9). В первую очередь государство отстаивает интересы чиновников, богатых людей, олигархов, как указали молодые ульяновцы и петербуржцы. Ульяновская молодежь больше верит в то, что государство выражает интересы малообеспеченных групп (детей-сирот и инвалидов). Примечательно, что учащиеся и в Санкт-Петербурге, и в Ульяновске были единодушны в том, что государство игнорирует интересы жителей провинциальных населенных пунктов.

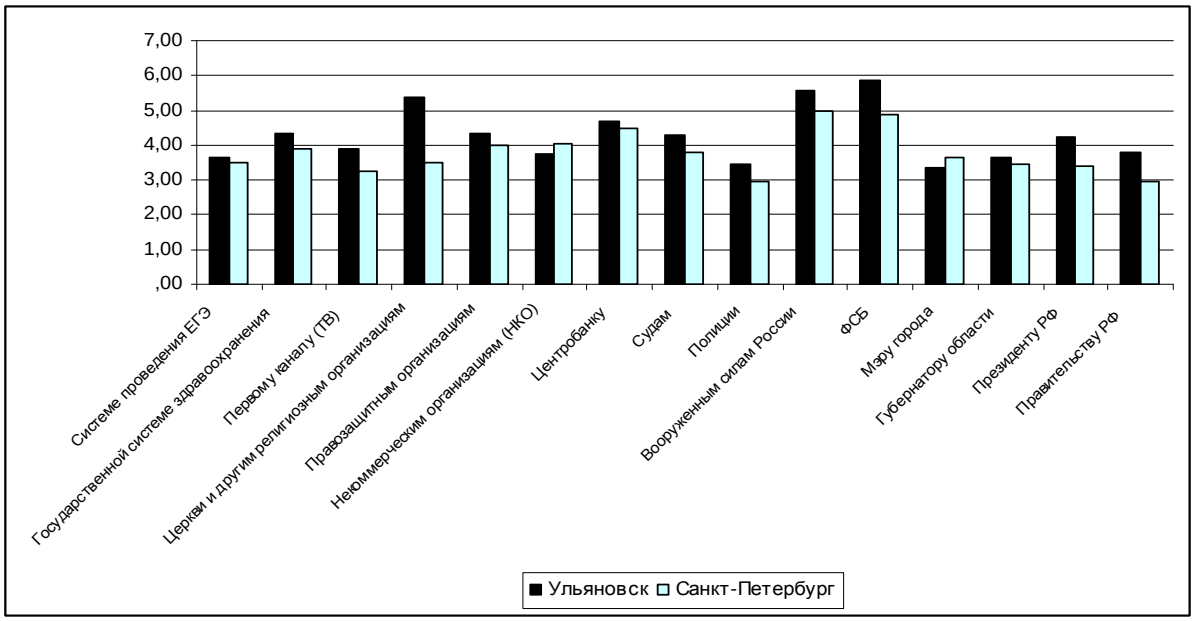

Рис. 8. **Средний уровень доверия ульяновской и петербургской молодежи различным институтам и организациям (указаны средние значения)**

В связи с этим интересно обратить внимание на то, с чем могла бы быть связана молодежная поддержка, то есть *к каким государственным решениям и действиям молодежь Санкт-Петербурга и Ульяновска сегодня относится с наибольшей лояльностью.* Оказалось, что для Санкт-Петербурга самым горячо поддерживаемым действием стало ограничение въезда мигрантов на территорию РФ. Подавляющее число петербургских респондентов высказалось за введение этого режима (73,5 %). В Ульяновске это также один из самых высоких показателей (52,9 %). Но это, пожалуй, единственное из того, что позитивно воспринимается и поддерживается молодежью в обоих городах. Остальные оценки — отрицательные. Более всего моло-

дежь Санкт-Петербурга и Ульяновска недовольна усилением влияния РПЦ (57,7 и 42 % соответственно). Также молодые петербуржцы не поддерживают принятие Государственной Думой новых (последних в 2012—2013 гг.) законов (41,4 %). Последнее актуально также для ульяновской молодежи, здесь процент высказавшихся против подобных государственных инициатив оказался даже выше, чем в Санкт-Петербурге, — не одобрили эти действия 44,1 % опрошенных. Ульяновскую молодежь можно назвать более консервативной, чем опрошенных юношей и девушек в Петербурге, в частности, это демонстрируют показатели отношения молодежи Ульяновска к уголовному наказанию участниц группы Pussy Riot. Решение о наказании одобрили 41,1 % всех опрошенных респондентов из Ульяновска. Среди учащихся-ульяновцев поддержку получили также предложения по введению единой школьной формы (38,9 %) и по введению обязательной регистрации по месту жительства (34,6 %).

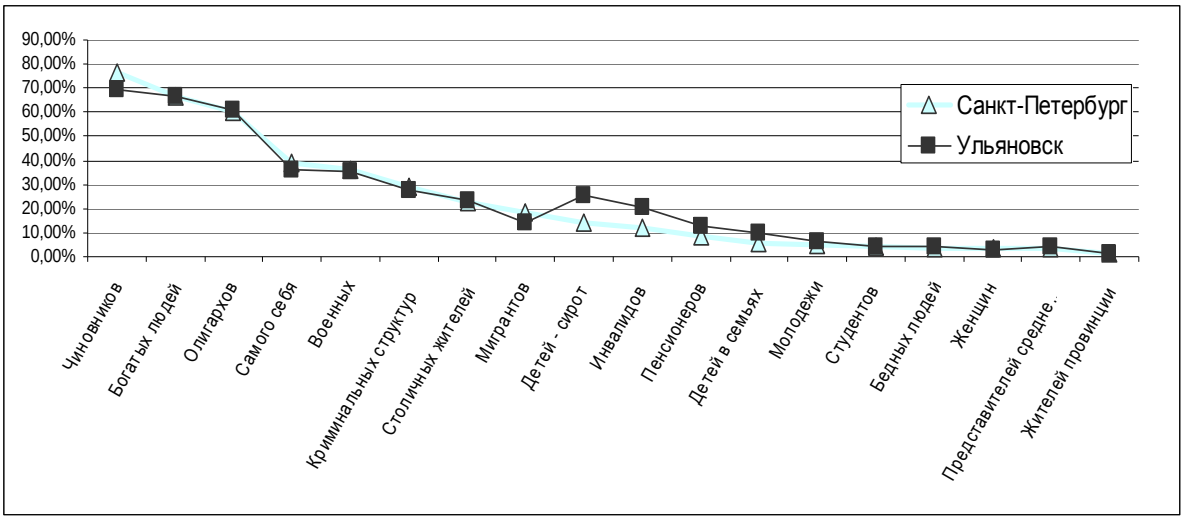

Рис. 9. **Распределение ответов на вопрос «Чьи интересы защищает государство?»**

К сожалению, возможности количественных методов далеко не всегда позволяют изучить глубинные причины зафиксированных молодежных выборов. Мы можем лишь предположить, что во многом тот или иной выбор и связанное с ним согласие или несогласие зависят от индивидуальных интерпретаций и имеющихся установок по поводу того, что справедливо, а что нет.

Серьезную роль, на наш взгляд, играют циркулирующие в молодежной среде дискурсы, которые в изобилии представлены сегодня в публичном пространстве, в первую очередь в разнообразных медиа. В связи с этим мы *поинтересовались, какие темы чаще всего обсуждались молодежью Ульяновска и Санкт-Петербурга, а также с кем и где именно молодым приходилось говорить по поводу этих событий*.

Как оказалось, самая популярная тема 2013 года — это подготовка зимней олимпиады в Сочи — ее обсуждали в Ульяновске более 60 % и 64,5 % в Санкт-Петербурге. Вторые позиции были отданы (примерно в равных долях) темам, связанным с выступлением группы Pussy Riot в храме ХС, наводнением в Крымске, и обсуждению так называемых протестов «За честные выборы». Здесь процент включенных в обсуждение колеблется от 42 до 48 % в Ульяновске и от 60,1 до 48,9 % в Санкт-Петербурге («За честные выборы» — 56,8 %). Достаточно высокий интерес вызвали темы, связанные с обсуждением ситуации по ядерному оружию в Корее (39,9 % — в Ульяновске и 48,2 % — в Санкт-Петербурге), и случай, касающийся смерти Б. Березовского (38,1 и 39,1 %), а также тема, связанная с принятием закона «Димы Яковлева» (36,3 и 39,8 %). Как выяснилось, менее всего молодых интересовали темы принятия закона об иностранных агентах для НКО (21 и 10,8 %) и тема коррупционных скандалов (22,6 и 23,5 %). В Санкт-Петербурге для трети опрошенных актуальной оказалась проблема исторической застройки (38 %).

Анализируя пространства, где концентрируются обсуждения актуальных тем для молодежи, можно с определенностью констатировать, что ключевым оказывается круг друзей-ровесников. В Санкт-Петербурге среди тем, ко-

торые чаще всего обсуждают *с друзьями* (по мере убывания предпочтения): выступление участников группы Pussy Riot (69,5 %), протесты и митинги «За честные выборы» (67 %), строительство олимпийских объектов в Сочи (66,7 %), ситуация с ядерным оружием в Корее (62,5 %). В Ульяновске в среде друзей предпочитают обсуждать те же темы, но не касаясь темы протестов, здесь это тема «домашнего формата», ее обсуждают главным образом среди родных. Также среди *родственников* и в Ульяновске, и в Санкт-Петербурге молодые говорят на темы, связанные с законотворчеством (65,3 и 59,8 %), наводнением в Крымске (62 и 65,4 %); также актуальной для 2013 года была тема покушения на художественного руководителя Большого театра С. Филина (66,9 и 60,3 %).

Важным пространством для разного рода молодежных обсуждений оказывается *интернет-среда*. Данные опроса показывают, что времяпрепровождение в Интернете составляет для молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга сегодня значительную часть их повседневной жизни (см. рис. 10).

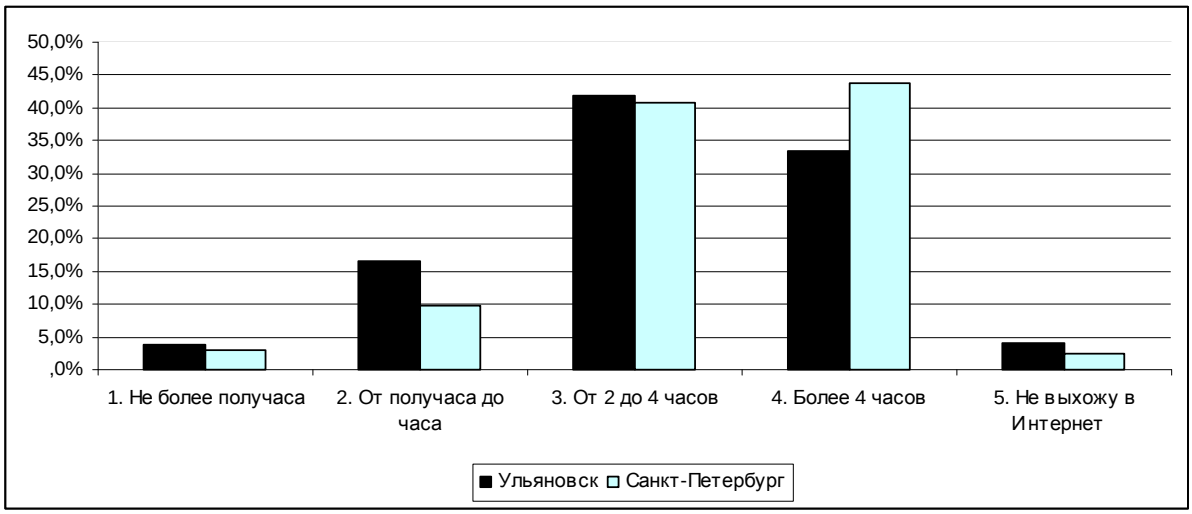

Рис. 10. **Времяпрепровождение в Интернете ульяновской и петербургской молодежи в день**

Для многих ребят социальные связи в сети являются отражением офлайн-коммуникаций, а общение в сети происходит даже шире и интенсивнее, чем в случае личных контактов. Кроме того, это еще и важное пространство для самовыстраивания взрослеющего человека, которому приходится сталкиваться с постоянно обновляющейся информацией и преодолевать всевозможные культурные, стилевые, этнические и другие границы в стремлении к непротиворечивости собственной позиции [4]. Поэтому сегодня интернет-среда также может выступать актуальным пространством для гражданского самовыстраивания молодежи. И можно говорить об интернет-активностях не как о каком-то отдельном виде гражданского активизма, а в контексте общегражданских практик. Для этого обратимся к выяснению того, чем именно молодые заняты в Интернете (см. рис. 11).

Как можно заметить, подавляющее число респондентов (более 80 %) в обоих городах заняты общением в социальных сетях. «Общение» в данном случае, вероятно, стоит понимать достаточно широко, не только буквально, но и в контексте «присутствия в социальной сети», потому что предпочитаемая социальная сеть является для молодежи одновременно и пространством для действия, и наглядной площадкой для опыта, здесь происходит сосредоточение и реализация ряда социальных и культурных возможностей молодых.

Молодые люди выбирают ту или иную социальную сеть по нескольким причинам. В первую очередь потому, что именно технические возможности этой сети позволяют юноше или девушке собрать в одном месте всех знакомых и дают шанс на приобретение новых, — т. е. социальная сеть расширяет социальный капитал молодых. Во-вторых, их предпочтения в выборе определяют возможности сети выполнять «сортировку» кругов общения, что структурирует молодежную социальность. В-третьих, выбор сети во многом зависит от возможности реализовать индивидуальные потребности в позна-

нии, социальном сравнении и т. д. И, в-четвертых, выбираемая сеть дает наилучшие возможности для самопрезентации, то есть социальная сеть выбирается исходя из репутационных перспектив — аспекта, который также является важной характеристикой для накопления социального капитала. Юноши или девушки, формируя свое «онлайн-окружение», которое включает других пользователей, подписчиков, текстовый, музыкальный, видео-, новостной контенты, занимают определенное положение относительно группы «выбранных своих». И это положение зависит от (сконструированного) социального статуса, основанного на культурных предпочтениях (демонстрациях) и идеологических (ценностных) установках. Причем большее значение имеют именно моральные качества, нежели материальное положение [4].

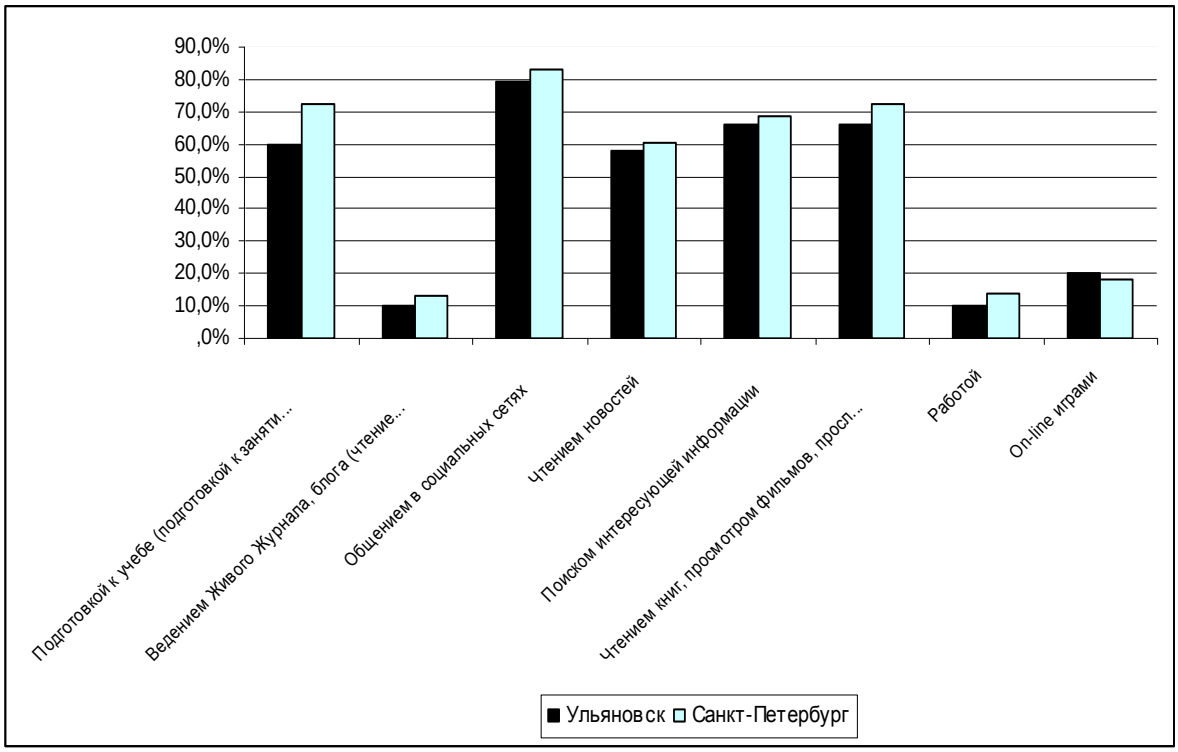

Рис. 11. **Виды интернет-активностей ульяновской и петербургской молодежи**

Но социальные сети — это, конечно, важная, но лишь одна из сторон интернет-возможностей для социального включения молодежи. Существует также и ряд других, например, досугово-развлекательная активность (более 70 % респондентов заняты в Интернете просмотром фильмов, прослушиванием музыки), познавательная активность (около 60 % и более заняты поиском интересующей информации и чтением новостей), организация и подготовка к занятиям (подготовкой к учебе заняты 60—70 % респондентов).

Таким образом, молодежные гражданские активности сегодня нельзя рассматривать исключительно в контексте политического участия. Феномен интерпретации гражданственности через различные формы так называемого молодежного лидерства также отходит на второй план. Формы проявления гражданственности молодежи сегодня могут быть *разнообразными,* но наметилась новая тенденция: прежние стратегии так называемой «пассивной активности» («не люблю сам искать возможности для участия/включения») трансформировались в *индивидуальные* стратегии поиска этих форм для их реализации в *повседневной* жизни.

Новые формы молодежной гражданственности могут быть связаны с разными мотивациями и целями, но в первую очередь с утверждением (декларацией) *гуманистических ценностей*, которые отождествляются у молодежи с поддержкой и взаимопомощью. Также в выстраивании молодежных представлений о гражданственности важен опыт самоопределения и мотивация поиска своего жизненного пути. При этом о широкой солидаризации ради приумно-

жения общественных благ, провозглашения гражданских прав или снижения насилия среди молодежи говорить не приходится. Опыт солидаризации для молодых важен, скорее, для укрепления (подтверждения) своих интересов в какой-либо общности.

Такой подход к объяснению гражданственности и гражданских активностей лежит в плоскости молодежных когниций и интерпретации молодыми социальной нормативности, используемых ими в *повседневных* взаимодействиях, когда происходит *взаимоприспособление* потребностей, желаний и устремлений.

Итак, с одной стороны, реализация гражданских активностей укладывается в логику культурного (вос)производства гуманистических ценностей в таком своеобразном «повседневном» контексте, но с другой стороны, и это важно отметить, мы можем наблюдать сегодня появление новой формы *публичного активизма,* связанного с широким распространением интернет-практик в молодежной среде. Этот новый формат обязует молодых непременно подтверждать свой статус активиста, например, тематическими перепостами в социальных сетях соответствующего новостного контента или участием в открытых всем желающим онлайн-обсуждениях и дискуссиях, касающихся актуальной новости или социальной проблемы. То есть речь может идти о репрезентации гражданственности («репрезентативной гражданственности»), которая в этой связи становится категорией, еще более трудной для распознавания.

1. *Андреева Ю. В.* Нам нужны права, а не обязанности: гражданская активность российской молодежи / в соавт. с И. В. Костериной // Журн. исследований социальной политики. 2009. № 4(3). С. 402.
2. *Андреева Ю. В.* В фокусе — молодежный активизм // Поколения.net: Хроники событий. Ульяновск : УлГУ, 2008. С. 76—80.
3. *Омельченко Е. Л.* От пофигистов до прагматиков: поколения молодежной солидарности постперестроечной России // Неприкосновенный запас. 2008. № 5(61).
4. *Андреева Ю. В.* Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей / в соавт. с Г. А. Сабировой // Журн. социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 72, № 1. С. 170—189.

Н. В. Власова, А. С. Фильченкова

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМЫ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

В статье исследуется, как социальные, экономические, культурные изменения, характерные для современных постиндустриальных обществ, развитие коммуникативных технологий меняют телевидение и его аудиторию, а также традиционные формы их взаимодействия. Коммерциализация российского телевидения, наряду с преобразованиями в экономике, вызвавшими трансформацию социальной структуры общества, изменила условия и образ жизни людей, роль телевидения в их повседневной жизни.

Ключевые слова: реклама, коммерциализация СМИ, телевизионная аудитория, телевизионное потребление.

N. V. Vlasova, A. S. Filchenkova

SOCIAL ASPECTS OF ADVERTISING COMMERCIALIZATION ON TV

There are many factors that influence television and its audience: social, economic and cultural changes of the modern post-industrial societies, the development of communication technologies, as well as traditional forms of their interactions. Commercialization of Russion television, along with changes in the economy, transformed the social structure of society, changed the conditions and lifestyles of people, the role of television in their daily lives.

Key words: advertising, commercialization of media, television audience, TV consumption.

Во второй половине XX века телевидение заняло лидирующее положение в системе средств массовой коммуникации, стало неотъемлемой частью повседневной жизни людей и значимым фактором общественного и культурного развития. Аудитория является важнейшей (наряду с коммуникатором и содержанием) частью телевидения как социального института. Именно во взаимодействии с аудиторией телевидение реализует свои социальные функции и свою символическую власть. Динамика телевидения и аудитории — взаимосвязанные процессы. Социальные, экономические, культурные изменения, характерные для современных постиндустриальных обществ, развитие коммуникативных технологий меняют телевидение и его аудиторию, а также традиционные формы их взаимодействия.

Российская аудитория телевидения претерпела существенные изменения вместе с радикальными трансформациями российского общества и телевидения в конце XX — начале XXI века. Принципиальные изменения телевидения связаны с преобразованием государственной системы печатных и электронных СМИ, сосредоточенной главным образом на идеологических и политических задачах, в медиаиндустрию, оперирующую на рынке и ориентирующуюся на законы рыночного (а не только политического) спроса и предложения. Телевидение из идеологического института превратилось в бизнес-организацию, специфической задачей которой является агрегирование с помощью определенного контента привлекательных для рекламодателей аудиторий с последующей их коммодификацией. Коммерциализация российского телевидения, наряду с преобразованиями в экономике, вызвавшими трансформацию социальной структуры общества, изменила условия и образ жизни людей, роль телевидения в их повседневной жизни; изменилось также содержание, передаваемое по каналам телевидения, телевизионные предпочтения аудитории, формы телесмотрения и многое другое. Эти проблемы объединены исследованием социокультурной динамики российской телевизионной аудитории, что представляется фундаментальной проблемой современной социологии телевидения.

Телевидение как одно из средств массовой информации является наиболее массовым из СМИ, охватывающим и те слои населения, которые остаются за рамками влияния других СМИ. Эта способность телевидения объясняется его спецификой как средства создания, передачи и восприятия информации.

Во-первых, эта специфика заключается в способности электромагнитных колебаний, несущих телевизионный сигнал, проникать в любую точку пространства в зоне действия передатчика. С появлением спутникового телевидения последнее ограничение отпало, еще более усилив позиции ТВ.

Во-вторых, специфика ТВ (в отличие от радио) — в его экранности, то есть в передаче информации посредством движущегося изображения, сопровождаемого звуком. Именно экранность обеспечивает непосредственно-чувственное восприятие телевизионных образов, а значит, и их доступность для самой широкой аудитории. В отличие, например, от радио, телевизионная информация доносится до зрителя в двух плоскостях: вербальной (словесной); невербальной, зрительной [2, с. 78].

Звукозрительный характер телевизионной коммуникации усиливается персонификацией информации, телевидение в большом числе случаев подразумевает личностные контакты автора или ведущего и участников передачи с аудиторией. Персонификация телеинформации уже давно утвердилась во всем мире как принцип вещания, как сущностное отличие телевизионной журналистики от других ее родов.

В-третьих, телевидение способно сообщить в звукозрительной форме о действии в момент его свершения. Одновременность события и его отображения на телевизионном экране (симультантность) является едва ли не самым уникальным свойством телевидения [7].

Превращение средств массовой информации в платформу для рекламного рынка диктует свои требования к программам, и в результате создаётся некий «виртуальный мир» со своими рекламными ценностями, который порождает ложные представления и ожидания, особенно у молодого поколения.

На общероссийском рынке телевидение занимает главенствующее место. По прогнозам специалистов, рынок телевизионной рекламы составит в 2015 году 52 % от всего медиарынка, а в 2016 — 54 % и вырастет с 1,3 до 2 миллиардов долларов. В то же время доходы радио и печати, хоть и вырастут в абсолютных цифрах, в процентном отношении уменьшатся [3].

Если говорить о роли государства и частного капитала в средствах массовой информации, то ситуация в печатных СМИ наиболее близка, несмотря на все особенности российского рынка, к мировым тенденциям. Что же касается электронных СМИ, особенно телевидения, то надо прямо сказать, что в последние годы здесь преобладают далеко не рыночные факторы.

Телевидение сегодня является единственным сегментом медиарынка России, где государство сохраняет доминирующие позиции: 50 % аудитории, 70 % рекламных доходов.

По результатам проведенного исследования было выявлено, что дифференциация российской аудитории телевидения связана с углублением различий в способах организации, формах и стилях телепотребления. Это касается времени, места, продолжительности просмотра, а также особенностей характера и стиля телепросмотра (запланированное или спонтанное, фоновое или сосредоточенное, зэппинг или непрерывный просмотр и пр.). Развитие цифровых технологий приводит к формированию новых форм телепотребления, что способствует дальнейшей дифференциации телеаудитории. Так, по данным опроса 2014 года, каждый шестой владелец домашнего доступа в Интернет в крупных городах России, имея дома телевизор, смотрит телепередачи на мониторе компьютера (через Интернет или ТВ-тюнер). Неравномерность проникновения Интернета, обусловленная социальными и технологическими причинами, оказывается дополнительным фактором дифференциации телеаудитории.

По результатам проведенного опроса, 29 % телезрителей всегда переключают канал, когда начинается реклама. 57 % это делают часто, 13 % — редко и только 1 % не занимаются зэппингом (так профессионалы называют практику переключения каналов).

Почти каждый третий телезритель переключает канал, когда начинается реклама (см. рис. 1).

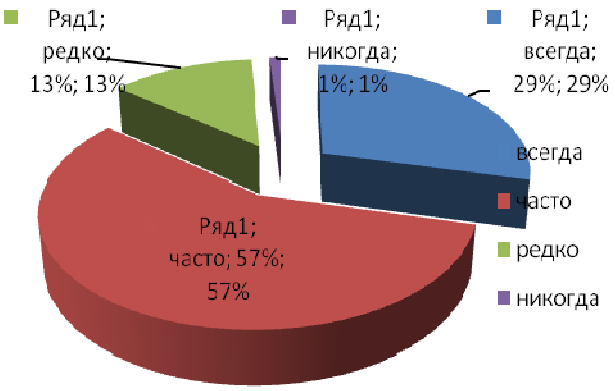

Рис. 1. **Результаты ответов телезрителей на вопрос «Как часто Вы переключаете канал, когда начинается рекламный блок?»**

Несмотря на ярко выраженную нелюбовь масс к телевизионной рекламе, как показывает практика, именно она воздействует на людей больше, чем все остальные виды рекламы. При постановке той или иной задачи нужно проанализировать и оценить эффективность ТВ. Если рынок ограничен городом, областью или даже несколькими городами или областями, нужно искать эффективные каналы коммуникации. Часто при решении точечных задач размещение в прессе, наружной рекламе и радио могут дать хороший результат.

Произошло сокращение объема потенциальной аудитории ТВ и изменилась её социально-групповая структура, что связано с демографическими процессами и преобразованиями 1990-х гг. До конца 1980-х гг. потенциальная аудитория ТВ росла вместе с ростом численности населения и расширением телевизионного вещания. В 1990 году, по данным госстатистики, охват населения телевещанием составил 98 %, то есть практически сравнялся с численностью населения [4]. Но процессы депопуляции в 90-е гг. привели к сокращению величины потенциальной аудитории телевидения: численность населения России с 1994 по 2010 год сократилась на 4,9 млн человек, соответственно, величина потенциальной аудитории телевидения уменьшилась на 2,6 млн человек и составила 141 млн 326 тыс. человек [1]. Несмотря на некоторое сокращение объема, российская аудитория телевидения остается одной из самых крупных национальных телеаудиторий в мире. Но с 2009 года наблюдается также уменьшение реальной (ежедневной) аудитории телевидения (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение объемов телепотребления по половозрастным группам (2012—2014 гг.) (в минутах в сутки на одного представителя в группе) [1]

Группы	2012 г.	2014 г.	2014 – 2012 гг.
Все 4—10 лет	166	135	– 32
Мужчины 11—24 лет	172	148	– 23
Женщины 11—24 лет	165	156	– 10
Мужчины 25—34 лет	174	161	– 13
Женщины 25—34 лет	225	190	– 35
Мужчины 35—54 лет	244	236	– 8
Женщины 35—54 лет	239	250	11
Мужчины 55 лет и старше	282	308	25
Женщины 55 лет и старше	283	329	47

Электронные измерения количества телепросмотров на панельной выборке домохозяйств, которые ведутся в России начиная с 1999 года компанией TNS, позволили зафиксировать, что среднее число людей, ежедневно включенных в телепросмотр, с 2012 по 2014 год сократилось с 75 до 73 % [6]. Основной причиной стали изменения медиасреды и медиапотребления — прежде всего конкуренция со стороны новых информационно- коммуникационных технологий (компьютер, Интернет, мобильные устройства и пр.). Число ежедневных телезрителей более всего сократилось именно в группах населения, которые активнее других осваивают и используют новые медиатехнологии: молодежь от 15 до 35 лет, особенно мужчины этой возрастной группы (см. табл. 1). По данным компании TNS, активные интернет-пользователи смотрят телевизор в среднем на час меньше, чем не-пользователи. Динамика российской аудитории телевидения связана также с изменением ее половозрастной структуры.

В телеаудитории наблюдается «перевес» женщин (даже больший, чем в населении в целом): 59 % женщин и 41 % мужчин [6]. Рост «женского телесмотрения» и увеличение доли женщин в аудитории телевидения объясняется комплексом причин, связанных со стратификационными процессами, изменениями в бюджете времени, организации быта (в частности, массовым распространением бытовой техники, «удвоением» телевизионных приемников в домохозяйствах и ростом фонового телепотребления, совмещенного с выполнением домашних дел) и пр.

Но не менее важной причиной стали изменения в содержании телепрограмм, связанные с коммерциализацией телевидения. Условием успеха коммерческого телевидения является не просто производство массовой аудитории, но и производство определенных (целевых) аудиторий, представляющих интерес для рекламодателей. Женщины, отвечающие, как правило, за ведение домашнего хозяйства и совершающие большинство покупок товаров повседневного спроса, наиболее востребованы рекламодателями. Именно на них и рассчитаны, соответственно, передачи современного российского ТВ — телесериалы, развлекательные ток-шоу, передачи о ремонте, кулинарии, здоровье, моде, концерты популярных исполнителей и всевозможные шоу со «звездами» и др. [5].

Основой для большинства общенациональных рекламных компаний является телевидение — средство передачи сообщения в звуке, красках и движении, способное увязать символы

с товарами, показать применение товаров и реакцию потребителей.

Бесспорные его преимущества — массовая аудитория, экономичность и относительно невысокие затраты на представление продукта в расчете на одного потребителя. Телевидение более комплексно воздействует на органы чувств человека, то есть на его слух, зрение, тогда как газетное объявление — только на зрение [4].

Конечно, телевидение может обеспечить некоторую избирательность в зависимости от времени дня и от программы, но в целом не такую точную, какая требуется. Кроме того, типичное рекламное сообщение имеет продолжительность тридцать секунд, и для закрепления его в сознании надо, чтобы потенциальный клиент смотрел это время телевизор, а сообщение было повторено. Только тогда он успеет записать номер телефона или другую информацию, которая позволила бы ему купить продукт или узнать о нем больше.

Другая связанная с телевидением проблема — это переключение зрителями каналов, особенно когда передача прерывается рекламой. Избежать этого невозможно, и телеканалы пытаются передавать рекламные сообщения (объявления по возможности в одно и то же время). Это означает, что, даже переключая с одного канала на другой, зритель все равно увидит рекламу.

Следующая проблема — слишком большой поток рекламных сообщений. Им посвящено около четвертой части эфирного времени, а иногда даже больше. Если человек длительное время смотрит телевидение, он получает множество таких сообщений и, привыкнув к ним, отвергает их все, как бы отгораживается от них. Поэтому надо разрабатывать такие сообщения, чтобы они привлекали внимание телезрителя и удерживали его длительное время.

1. *Азейнберг М.* Менеджмент рекламы. М. : ИнтелТех, 2013. 432 с.
2. *Коломиец В.* Телерекламный бизнес (информационно-аналитическое обеспечение). М. : Международный институт рекламы, 2011. 364 с.
3. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. Краткий курс. М. : Вильямс, 2012. 689 с.
4. *Полуэхтова И. А.* Динамика российской телеаудитории // Социс. 2010. № 1. С. 66—77.
5. *Серегина Т. К., Титкова Л. М.* Реклама в бизнесе. М. : ИВЦ «Маркетинг», 2014. 514 с.
6. TNS Россия InBrevi. Анализ телевизионной рекламы. URL: http://www.tns-global.ru/services/monitoring/advertising/tv/ (дата обращения: 25.10.2015).
7. Интернет-энциклопедия. URL: http://bse.sci-lib.com/article106417.html (дата обращения: 15.10.2015).

Е. В. Кузьмина (Старкова)

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В Г. УЛЬЯНОВСКЕ (С 1990-Х ДО СЕРЕДИНЫ 2000-Х ГОДОВ) В ИЗЛОЖЕНИИ ЭКСПЕРТОВ[1]

Статья основана на проведенных автором экспертных интервью с представителями радиовещательных компаний в г. Ульяновске и посвящена появлению, становлению и развитию коммерческих радиостанций с 1990-х до середины 2000-х годов в г. Ульяновске, представленных в изложении экспертов — ведущих эфира и директоров. Данные экспертных интервью в некоторых случаях дополняются и количественными показателями — рейтингами радиостанций на обозначенный период времени. Отдельно прослеживается история появления и исчезновения первых местных радиостанций в г. Ульяновске.

Ключевые слова: история регионального радиовещания, эксперты радиовещательных компаний, формат вещания радиостанций.

E. V. Kuzmina (Starkova)

EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF COMMERCIAL RADIO IN ULYANOVSK (FROM THE 1990-S UNTIL THE MID 2000-S) AS SUBMITTED EXPERTS

This article is based on a sequence of expert interviews conducted by author with radio broadcast company representatives. It is dedicated to the appearance, becoming and developing of commercial radio stations since 1990s up to the middle of the first decade of 2000s in Ulyanovsk city as presented by experts — radio anchormen and radio station directors. Expert interview data in certain cases is complemented also by quantity indexes — radio station ratings in a set period of time. Separately, a history of appearance and disappearance of the first local radio stations in Ulyanovsk city is posed.

Key words: history of local radio broadcast, radio broadcast company experts, radio broadcast format.

В нашей стране коммерческое радиовещание появилось в начале 1990-х годов. Регулярное вещание «Европы Плюс» — первой среди коммерческих радиостанций — началось в 1990 году, а другой популярнейшей станции — «Русское радио» — в 1995 году. Позднее они превратились в крупнейшие сети, охватывающие многие регионы страны и работающие с местными компаниями, обеспечивающими их ретрансляцию. Одними из первых в отечественном эфире появились также российско-американские станции «Максимум» и «Радио 7 на семи холмах». Наряду с «Европой Плюс» были созданы и другие российско-французские проекты: «Ностальжи» и «М-радио» [2].

Развитие коммерческих радиостанций в Ульяновске и ульяновской области совпадало с теми процессами, которые происходили в сфере радиовещания в стране в целом. Начало коммерческого вещания в регионе также относится к первой половине 1990-х годов. Первая коммерческая радиостанция появилась в нашем городе в 1993 году и называлась «Пилигрим». В ее штате работало тогда всего пять сотрудников. (Она являлась частью медийного холдинга «Симбирск-эфир», в его составе были также телеканал «Симбирск-эфир», кабельное ТВ, газета «Град Симбирск».)

В числе первых работников коммерческого радиовещания была и Зуля Ахметова — позднее

[1] Осенью 2007 года автором статьи было проведено исследование в форме интервью с экспертами. Эксперты были подобраны таким образом, что представляли все радиостанции, действующие на тот момент в Ульяновске: И. Степанов — главный редактор ЗАО «Телекомпания «Русский проект», И. Пивень — редактор местной радиостанции «2×2», З. Ахметова — ведущая радиостанции «Радио 7», Влад Егоров — программный директор ООО ТРК «Европроект», О. Рябова — директор радиостанций «Дорожное радио» и «Energy».

ведущая радиостанции «Радио 7». Именно во многом со слов этого эксперта, находившегося у истоков коммерческого вещания в нашем регионе, далее и будет излагаться краткая история развития радиовещания в Ульяновске. Директором первой упомянутой выше радиостанции был Сергей Куртасов, звукорежиссером — Александр Суханов. Именно здесь начинали работать очень известные впоследствии в нашем городе и области ведущие, диджеи Марат Зарипов и Наташа Ветрова. Четко определенного формата станции тогда не существовало. То же самое происходило и в масштабе всей страны; многие эксперты отмечают, что в начале 1990-х годов коммерческие радиостанции только начали появляться, между ними в то время не было сильной конкуренции, а у многих — и определенного формата. Тем не менее уже тогда представители наших радиостанций побывали на стажировках за рубежом, в США (в частности, З. Ахметова). Отечественных диджеев поразила дифференциация американских радиостанций по тематике и аудиториям: разговорное радио, радио, транслирующее только определенные музыкальные направления, например, джаз или блюз. Многие из таких узкоформатных радиостанций в нашей стране стали появляться лишь сравнительно недавно, в основном в столичных городах.

Если вернуться к описанию формата первой коммерческой радиостанции в Ульяновске, то сами эксперты характеризуют его как «микс-радио»: на ее волнах звучали и шансон, и отечественные, и западные поп- и рок-композиции. Еще одной особенностью того времени было то, что сотрудники радиостанции сами создавали многие передачи, в частности, программы «Ночь», «Стрелы Амура». Последняя представляла собой знакомства при помощи программы или игры на радио (сейчас передача относилась бы к формату «Love-радио»). В то время не было распространено пользование мобильными телефонами и общение со слушателями проходило посредством отправления почтовых карточек и звонков на домашние стационарные телефоны.

Примерно в середине 90-х годов, по словам эксперта З. Ахметовой, к занятым в сфере радиовещания стало приходить понимание того, что *«эфирное время — это товар»*. «Пилигрим» стал первой радиостанцией, продававшей астрологические прогнозы. Уже тогда проводились различные конкурсы, розыгрыши. Некоторые программы появлялись под прямым влиянием опыта, полученного во время стажировок в США.

Первая коммерческая радиостанция просуществовала несколько лет. Поскольку она являлась частью холдинга, то ее закрытие было связано с реорганизацией его структур. Заметим, что сама станция окупала себя. Затем владельцем ее стала компания «Симбирск-эфир+», *«а у «Симбирск-эфира» было две частоты, 70,25 — в УКВ-диапазоне и 104,2 — в FM-диапазоне. На 104,2 FM была запущена станция «Серебряный дождь». И она, наверное, около полугода вещала в Ульяновске…»* (*З. Ахметова*). То есть речь шла уже о ретрансляции столичной радиостанции. Многие специалисты, работавшие на радиостанции «Пилигрим», ушли с нее, хотя на то время это был не первый состав сотрудников. В числе первых коммерческих радиостанций, появившихся в Ульяновске, были также местная радиостанция «Центр» и «Европа Плюс» («Европа Плюс Ульяновск» начала постоянное вещание 30 апреля 1994 года).

В 1998 году появляется другая местная станция «Симбирский спутник», начавшая свое вещание 31 декабря. К этому времени уже перестала существовать радиостанция «Центр». Идеей своего создания новая станция обязана одному из известных в Ульяновске бизнесменов — А. К. Дырчанкову; он возглавлял компанию, которая владела, кроме радиостанции, магазинами розничной торговли, казино, бистро и пр. «Симбирский спутник» вещал в FM-диапазоне на частоте 103,5 МГц. Среди его специалистов и ведущих были те, кто работал на существовавших ранее радиостанциях «Пилигрим» и «Центр». «Симбирский спутник» был действительно местной радиостанцией (что непосредственно отражено в его названии), сотрудниками определялось не только музыкальное наполнение эфира, но и создавались собственные передачи. В то время местные радиостанции еще не были знакомы с практикой закупки готовых программ, которая весьма широко распространена сегодня. Создавать собственные передачи было дешевле, чем закупать готовые, кроме того, владельцы станции не готовы были идти на такие дополнительные затраты. Редактором, а по сути программным директором этой станции была З. Ахметова.

Заметим, что, по данным исследования «Медиа-пульс», которое проводилось НИЦ «Регион» (автор статьи непосредственно в нем участвовала в качестве аналитика), размер месячной аудитории «Симбирского спутника» в г. Ульяновске осенью 2004 года (октябрь) составлял 12,7 %, как и у «Радио 7 на семи холмах» (для сравнения: рейтинги популярнейших в стране

«Русского радио» и «Европы Плюс» в Ульяновске были значительно выше — 33,8 и 32,0 % соответственно).

«Симбирский спутник» просуществовал несколько лет. В 2003 году он сменил владельцев и был приобретен группой компаний «Максима Х». Какое-то время сохранялось прежнее название радиостанции. «*В 2005 году руководство «Максима Х» принимает решение: две частоты радиостанции «Симбирский спутник» — 67,7 УКВ и 103,5 FM — отдать под ретрансляцию двух радиостанций*» (*З. Ахметова*). Речь идет о двух московских станциях «Энергия» и «Максимум» («Энергия» — на частоте 67,7 МГц УКВ и на частоте 103,5 МГц FM — «Максимум»). Эти преобразования были связаны с тем, что радиостанция вместе с отделом наружной рекламы в 2005 году вошла в состав рекламной группы «MaxEffect», «*все подразделения компании «Максима Х» были объединены в одно рекламное агентство*» (*О. Рябова, директор радиостанций «Энергия» и «Радио «Максимум»*). Прежний редактор З. Ахметова была категорически против такого решения, приводя следующие аргументы: «…*в Ульяновске… нет такого большого процента молодого населения, у нас не миллионный город и город не студенческий, как Москва — 8 млн, и сколько вузов… это даже не Самара. И аргумент был такой: в Самаре слушают радио «Максимум» и радио «Энергия». К сожалению, они меня не услышали…*».

Ольга Рябова, ставшая директором радиостанций «Энергия» и «Радио «Максимум», так в свою очередь поясняет причину смены радиостанций и, соответственно, их форматов: «*Не секрет, что московский продукт, радиостанция — более качественная. Почему? Потому что в Москве гораздо больше денег крутится в радиобизнесе, и там есть возможность делать более дорогие проекты, приглашать более известных и более профессиональных людей для работы на радиостанции. И поэтому бренд говорит сам за себя, естественно, такая радиостанция должна быть более качественная и более популярная. И для того чтобы повысить рейтинги, увеличить аудиторию, было решено провести такой эксперимент. Можно сказать, что, действительно, это был эксперимент, потому что были мысли, если не получится, не найдем свою аудиторию, то в любое время можно вернуться к «Симбирскому спутнику», потому что это полностью наша концепция…*»

В качестве иллюстрации слов экспертов стоит привести данные рейтингов новых на тот момент радиостанций в ноябре 2005 года в г. Ульяновске: «Максимум» — 7,4 %, «Энергия» — 6,7 %. Несмотря на то, что сами показатели рейтингов невысоки (для сравнения: рейтинги «Европы Плюс» и «Русского радио» составляли в то же время 27,1 и 23,0 %), эти радиостанции все же заняли определенную нишу и нашли своего, пусть и относительно немногочисленного слушателя, тем более учитывая, что в то время они совсем недавно появились на ульяновском рынке. Хотя стоит также отметить, что рейтинги любой из этих станций были ниже прежней местной — «Симбирского спутника».

Поскольку речь шла уже о ретрансляции московских станций, а не о собственной местной радиостанции, то большого количества сотрудников не требовалось. Штат прежней радиостанции был сокращен, осталось только по два ведущих на «Энергии» и «Максимуме», которые работали буквально по часу в день. Кроме того, у давно занятых в данной сфере специалистов исчезла мотивация создания собственных программ, самостоятельного наполнения эфира.

Эксперт, заставший еще вещание «Симбирского спутника», а позднее директор радиостанций «Радио «Максимум» и «Энергия», так высказывалась по поводу отличия ретрансляции от организации работы местной радиостанции: «*Работа коллектива ульяновского, местного, заключалась в том, чтобы вести эту ретрансляцию и делать местные включения — это реклама, новости, интерактивные программы и всякие развлекательные программы… «Симбирский спутник» — это было все собственное вещание. Что значит собственное вещание: это собственные программы, собственный музыкальный эфир, все от и до готовится силами местного коллектива, собственного коллектива*» (*О. Рябова*).

Директор этих станций объясняла, почему для ретрансляции были выбраны именно они: прежде чем запустить вещание, представители компании ознакомились с самим продуктом, рейтингами станций. Одним из привлекательных моментов и для аудитории, и для ретрансляторов было существовавшее в то время на «Радио «Максимум» шоу Бачинского и Стиллавина, которые во многом и повышали его рейтинги. Что касается радио «Энергия», то «*это танцевальная музыка клубного формата, которой на тот момент не было в Ульяновске…*» (*О. Рябова*). В то время на разных радиостанциях звучали лишь отдельные передачи, посвященные электронной, клубной музыке, длительностью один-два часа. Для этой станции был выбран именно УКВ-диапазон, так как «*он характеризуется меньшим охватом, потому что меньше приемни-*

ков в УКВ-диапазоне» (*О. Рябова*). При выборе этих радиостанций руководствовались и теми соображениями, что в городе до этого не было радиостанций, ориентированных преимущественно на молодежную аудиторию, как «Энергия» и «Максимум». Но с течением времени последнюю станцию перестали ретранслировать и заменили на другую, и не в последнюю очередь в силу тех причин, которые были предсказаны еще прежним редактором «Симбирского спутника» З. Ахметовой, а именно: недостаточная доля молодежной аудитории среди радиослушателей в Ульяновске. Директор этих станций О. Рябова так высказалась по этому поводу:

— Со временем стало понятно, что радиостанции качественные, у них современная качественная музыка, в том числе и западная… Но город у нас все-таки провинциальный...

— И не очень продвинутый в музыкальных вкусах…

— Да, в этом первая причина. И, во-вторых, все-таки небольшой город. Это значит, бороться за рекламодателя, за заказчика можно в том случае, если аудитория достаточно широка. То есть мы поняли, что нужна радиостанция с более широкой аудиторией, то есть с музыкой, которая рассчитана на массы…

Все эти указанные причины привели к появлению осенью 2007 года в г. Ульяновске новой радиостанции — «Дорожное радио». И затем две радиостанции «Energy» и «Дорожное радио» вошли в медиагруппу «Фабрика безупречной рекламы». Излагая историю развития коммерческого вещания в регионе, невозможно обойти вниманием создание двух других крупнейших местных медиакомпаний: ООО ТРК «Европроект» и ЗАО «Телекомпания «Русский проект».

Телерадиокомпания «Европроект» создана в 1995 году на основе вещающей с 1994 года радиостанции «Европа Плюс Ульяновск» [5]. Как уже было сказано, «Европа Плюс» была одной из первых станций, представляющих сетевое вещание в регионе. По словам В. Егорова, являвшегося программным директором ООО ТРК «Европроект», идея и инициатива ее появления в Ульяновске принадлежит бизнесмену Н. П. Размолодину: «…*просто это было интересно, естественно, это бизнес, во-первых, а во-вторых, это интересный бизнес — музыкальное вещание. Тогда еще не было станций, кроме «Симбирского спутника», все только начиналось, это была неисследованная территория, т. е. перспектива…*» (*В. Егоров*).

ООО ТРК «Европроект» осуществляло ретрансляцию и «Love-радио», у него были весьма высокие рейтинги в г. Ульяновске в 2004 году — 18,6 %, однако в 2005 году оно уже не ретранслировалось. В 2002 году начато вещание радио «Шансон» в УКВ-диапазоне на частоте 73,19 МГц. «Европроект» 2 мая 2006 года (вскоре после того, как в Ульяновске прекратилось вещание «Русского радио», которое осуществлялось той же компанией) начал ретрансляцию «Ретро FM» (на частоте 71,78 МГц). Причиной выбора именно этой станции стало то, что она достаточно популярна в стране, ее слушает обширная аудитория, что в свою очередь выгодно в плане поступлений, получаемых от размещения рекламы.

С точки зрения развития коммерческого радиовещания в Ульяновском регионе интересен до- и послекризисный период (1997—1998 гг.). В это время была организована ЗАО «Телекомпания «Русский проект» как партнер телеканала «2×2 на Волге». Идея создания радиовещательной корпорации принадлежала генеральному директору В. Советкину [6]. Корпорация впоследствии будет объединять целый рад радиостанций и других СМИ. Сначала в 1997 году ею была запущена в FM-диапазоне ретрансляция «Эхо Москвы» — новостной станции. Как отмечают эксперты, у нее были в то время значительные аудитории и высокие рейтинги, но она не представляла большого интереса для рекламодателей и, соответственно, не была выгодна ретрансляторам с точки зрения поступлений от размещения рекламы. А целью данного закрытого общества, естественно, было получение прибыли: «*Хотелось бы немного денег зарабатывать, хотя бы для оплаты передатчиков и аренды*» (*И. Степанов, главный редактор радиостанций холдинга «Русский проект*»). И в 1998 году было принято решение о создании местной станции с собственной концепцией. Причину появления именно такой станции И. Степанов объясняет так: «*Понимаете, у сетевика в регионах есть один минус: слушателям в регионах не интересны те проблемы, события, которые происходят в Москве. А сетевики этим грешат, им нужно захватить московскую аудиторию, для них это приоритет. И поэтому вот как раз минус, в этом они проигрывают. Мы решили делать местную станцию местного наполнения, полностью с местными ведущими, со своими знаниями*».

В то время радиорынок в нашем регионе только начинал складываться, вещало не так много радиостанций, среди них «Симбирский спутник», «Европа Плюс». В последующем «2×2» была единственной местной станцией, которая осталась в Ульяновске, имеющей свою

концепцию, музыкальное и программное наполнение. Специалисты данной станции во время ее становления и позднее регулярно посещали различные семинары, учились тому, как и чем наполнять эфир. В принципе те же процессы становления коммерческого радиовещания происходили и в стране в целом. В середине 2000-х годов у данной радиостанции были высокие рейтинги: если оценивать размер месячной аудитории — 23,7 % населения города на октябрь 2004 года, в этом году ее опережали лишь суперпопулярные и в стране в целом, и в г. Ульяновске «Русское радио» (33,8 %) и «Европа Плюс» (32,0 %). В 2005 году местная станция даже потеснила позиции «Русского радио» (23,0 %) и уступала лишь «Европе Плюс» (27,1 %), рейтинг «2×2» составил 24,3 %. В следующем, 2006 году с исчезновением «Русского радио» в нашем регионе лидерство практически на равных поделили эти две радиостанции: местная «2×2» и сетевая «Европа Плюс» (рейтинг обоих станций в ноябре 2006 года составил около 26 %). В мае 2007 года картина выглядела уже следующим образом: у «Европы плюс» — 30,5 %, у «2×2» — 26,8 %.

В 2003 году началась ретрансляция «Радио 7 на семи холмах» Телекомпанией «Русский проект» (более позднее название этой станции — «Радио 7»[1]). Как поясняет И. Степанов — главный редактор радиостанций ЗАО «Телекомпания «Русский проект»: «*…хотелось другую возрастную категорию захватить, потому что… до этого было радио для всех, в эфире звучали винегреты такие, смесь…*». Данная радиостанция позиционировалась как офисно-семейная, поэтому музыка, ею транслируемая, выполняла роль фона. Это было даже отражено в слогане, который постоянно звучал на ее волнах: «Лучший фон вашей жизни». Соответственно, разрабатывались и местные программы: игры для сотрудников офисов, которые присылали факсы для участия в конкурсах. Была запущена, например, игра «Табакерка» — розыгрыш билетов в театр Табакова, постоянно шла передача «Семейный кинопоход», где разыгрывались билеты в кинотеатры для всей семьи. Рейтинги данной радиостанции в Ульяновске довольно стабильно росли, так, в 2004 году (октябрь) — 12,7 %, в 2005 году (ноябрь) — 13,8 %, в 2006 году (ноябрь) — 15,2 % и, наконец, в апреле 2007 года размер месячной аудитории вырос до 20,1 %.

[1] «Радио 7 на семи холмах» — московская станция, была основана в 1992 году, см. официальный сайт www.radio7.ru.

С 19 мая 2005 года ЗАО «Телекомпания «Русский проект» начало трансляцию программ «Радио «Культура» в городе Ульяновске на частоте 102,5 МГц. В его эфире были программы и местного производства, освещающие культурные события г. Ульяновска.

Итак, на тот период времени в Ульяновске осталась лишь одна местная станция, другие являлись частью сетей и занимались ретрансляцией. Схожая ситуация уже на протяжении ряда лет наблюдалась и по стране в целом: «Основная борьба за слушателя во всех регионах без исключения разыгрывается, конечно, в FM-диапазоне. И тут на первый план выходят уже местные ретрансляторы ведущих столичных музыкальных станций» [4, с. 41]. По мнению всех экспертов, принявших участие в опросе в г. Ульяновске, ретранслировать намного проще и легче, чем самостоятельно создавать станцию, разрабатывать ее концепцию, программное наполнение, искать свое звучание и определять формат. Поэтому среди станций преобладали сетевые. Эксперты высказывались по этому поводу очень схожим образом:

«*По франшизе проще работать, то есть местному вещателю предоставляется фактически готовый продукт, и его задача — поддержать его качественно, то есть не самим с нуля все делать, а просто поддержать. Но для этого тоже требуются умения, навыки и прочее, проводятся специальные обучающие семинары для сотрудников. Но, тем не менее, это просто… Проще, чем собственная станция*» (*В. Егоров, программный директор ООО ТРК «Европроект»*).

Однако и у местных радиостанций есть определенные преимущества перед сетевыми. Одно из важнейших — это «близость» к местному слушателю, его интересам и событиям, происходящим в регионе: «*Самый главный плюс в том, что, когда я включаю радио* «2×2» *и я включаю* «*Европу*»*, то сразу чувствую, что это местное — оно родное, вот минуты через три я включу, там будут названия улиц звучать, каких-то мест, которые я знаю, там, где я был. Когда я включаю «Европу», там в основном для меня звучат какие-то общеизвестные вещи, но когда идет сетевая реклама, для меня, например, жутко, когда они предлагают купить домик на Кипре, еще что-то…*» (*И. Степанов, главный редактор радиостанций ЗАО «Телекомпания «Русский проект»*).

Местная станция, как считает другой эксперт И. Пивень — директор радиостанции «2×2», также быстрее способна реагировать на изменения вкусов и музыкальных предпочтений сво-

ей аудитории: «*Если я чувствую, что моей аудитории нравится какой-то определенный пласт музыки или какое-то направление, наоборот, заинтересовало, то это направление я просто обязан включить в плей-лист, и оно в нем отразится. У сетевика это произойдет не раньше, чем через полгода*».

В целом преимущество местной радиостанции перед сетевой состоит в ориентации прежде всего на местный контекст. В новостях возможно более оперативное, по сравнению с ретрансляторами, освещение важных для жителей города и области событий, например, радио «2×2» информировало о закрытии моста через Волгу и рассказывало о ситуациях, сложившихся в связи с этим, делая прямые включения участников событий в любое время. Это принципиально невозможно при сетевом вещании, где время выхода новостей строго регламентировано. Причем ориентация на местного слушателя и его потребности, интересы проявляется не только в новостных программах, но и в других: *«Клубная музыка… это местные диджеи, это все местный уровень. То есть мы не берем Москву специально, чтобы было приближено к нам»* (*И. Пивень, директор радиостанции «2×2»*).

Таким образом, можно предположить, что местные станции не только создают ощущение близости, принадлежности к определенному местному сообществу, но и даже формируют его, рассказывая, например, о событиях культурной жизни, предоставляя возможности участвовать в конкурсах и розыгрышах и т. д.

Роль радиостанций (и не только региональных) в формировании местных сообществ следует рассмотреть подробнее. Ряд экспертов полагали, что местные новости и передачи на радиостанциях-ретрансляторах создают «*ощущение сообщества вот этого местного…*» (*В. Егоров, программный директор ООО ТРК «Европроект»*). (Причем если радиостанция местная, то ее близость к региональному контексту, учет и отражение локальных интересов, оперативность в освещении важных для жителей города ситуаций предполагаются сами собой.) Для сетевых станций такие передачи служат цели адаптации к определенному региону. В некоторых случаях таким связующим звеном в формировании сообществ являются даже не сами местные новости или другие передачи, а общение с ведущим эфира, диджеем. В основном это происходит тогда, когда его личность широко и давно известна в городе, как, например, в случае с З. Ахметовой. По ее словам, из общения с радиослушателями очевидно, что они обращались к ней уже много лет назад: «*Люди нас узнают, они выросли вместе с нами… и какой-то контакт был налажен еще тогда, потом мы росли, совершенствовались, учились, влюблялись, женились, выходили замуж, все это вместе с нами. То есть это и студенты, тогдашние школьники, тогдашние начинающие коммерсанты, а теперь уже серьезные бизнесмены, сотрудники офисов; это молодые мамы, которые тогда рожали детей, сидели дома, слушали радио, то есть теперь это уже успешные женщины, которые растят своих детей, а кое-кто дождался и внуков. То есть многих из них я и мои коллеги знаем просто по именам*». Такая ситуация, видимо, свойственна лишь относительно небольшим городам, в столичных же наличие таких тесных контактов и формирование подобных сообществ, в центре которых находятся диджей и практики прослушивания радио, было бы трудно представить.

Раскрывая эту тему, необходимо коснуться еще одного ее аспекта — интерактивных программ, передач, при создании которых в большей или меньшей степени в той или иной форме осуществляется общение со слушателями. Такие программы были практически на всех радиостанциях. Но мнения экспертов по поводу их оценки и роли несколько разделились. Некоторые полагали, что есть часть слушателей, которые предпочитают в эфире музыку, «*а не болтовню диджеев*» и людей, звонящих в эфир. Так, например, считал И. Пивень — директор местной радиостанции «2×2»: «*Люди, которые слушают радио, уже избалованы, им уже не интересно слушать, как кто-то передает привет соседу Васе и хочет заказать медляк…*» И, соответственно, отмечают, что на некоторых радиостанциях (не местных) время, выделяемое на такие передачи, сокращалось, и данные эксперты оценивали это позитивно. На местной станции «2×2» время, которое занимали в эфире такие интерактивные передачи, также сократилось — сначала с пяти до четырех, а затем и двух часов в сутки. Другие эксперты полагали, что изменяются скорее формы общения с радиослушателями, особенно на это влияет развитие коммуникационных и информационных технологий, в частности, звонки в эфир иногда заменяются СМС или интернет-заявками или программа представляет собой смонтированные звонки слушателей (они не идут в прямом эфире, а готовятся заранее). Появляются также другие, возможно, более интересные виды передач, в том числе и рекламного характера, например, различные конкурсы и розыгрыши в прямом эфире. Также интерактивное взаимо-

действие работников радиостанции и слушателей осуществлялось, например, на местной станции «2×2» в такой форме: посредством СМС-портала проводились опросы, выявлялись наиболее желательные для звучания в эфире композиции.

В последние десятилетия с появлением коммерческого радиовещания ключевой фигурой на радио стал диджей, спонтанно и раскованно общающийся в эфире со слушателями, пришедший на смену дикторам радио советских времен, читающим заранее завизированные тексты. По поводу роли диджеев или ведущих эфира в период проведения исследования мнения экспертов также несколько различались. Так, например, И. Пивень был убежден, что их работа необходима, и обосновывал это так: «*Если мне нужно послушать музыку, я ставлю диск, если мне нужно общение, хотя бы минимальное, хотя бы одностороннее, чтобы я не был в одиночестве, когда еду на работу, допустим, то я включаю радио. Это человек (диджей), который не дает просто звучать музыке, который должен нести мне заряд положительной энергии, бодрости… как элемент общения и поддержания моего настроения. Если мне плохо, а ему, я слышу — хорошо, значит, я поддерживаю, улучшаю свое настроение…*». Схожую точку зрения о том, что задача диджея (и одновременно требование к его личности) состоит в том, чтобы нести позитивный настрой, хорошие эмоции, высказывали и некоторые другие директора радиостанций и ведущие эфира. Но встречались и другие взгляды: например, директор радиостанции «Дорожное радио» считал, что отсутствие ведущих и их разговоров в прямом эфире на данной станции является ее отличительной чертой и, возможно, преимуществом.

Если подытожить приведенные выше данные и высказывания экспертов, в нашем регионе преобладали не только ретрансляторы, но и радиостанции, направленные на довольно широкую и в то же время достаточно взрослую аудиторию («Радио 7», «Ретро FM», «Авторадио» и др.). В ходе развития местного радиорынка отбирались и в итоге оставались те радиостанции, которые обеспечивали не узкую, а весьма массовую аудиторию с довольно широкими музыкальными вкусами. Ситуация, с одной стороны, легко объяснимая: именно радиостанции, рассчитанные на обширную аудиторию, способны обеспечить массовый охват в условиях среднего по численности города и стабильные поступления от рекламы (не в последнюю очередь это связано и со вкусами самих рекламодателей, которые охотнее размещали рекламу на тех радиостанциях, которые им «ближе»); с другой — парадоксальная, потому что все это усилило их конкуренцию между собой, и их аудитории значительно пересекались. В то же время тогда в регионе практически не осталось радиостанций, ориентированных на более узкие с точки зрения возраста и музыкальных пристрастий аудитории, например, исключительно молодежные (кроме «Energy»). Таким образом, в Ульяновске вещало преимущественно так называемое «хит-радио», и в то время речь еще не шла о появлении «нишевых» радиостанций, разговорного или новостного радио.

1. Индустрия российских СМИ: цифры, факты, проблемы // Журналист. 2002. № 7.
2. Система средств массовой информации России / под ред. Я. Н. Засурского. М. : Аспект Пресс, 2001.
3. Российские СМИ: количественная характеристика // Отечественные записки. 2003. № 4(13). URL: http://www.strana-oz.ru/2003/4/rossiyskie-smi-kolichestvennaya-harakteristika.
4. *Соболев С.* По воле волн // Индустрия рекламы. 2004. № 1—2(51—52). С. 40—44.
5. Официальный сайт «Европроект»: www.evroproekt.ru.
6. Официальный сайт: radio2×2.com.
7. Официальный сайт: www.radio7.ru.

Т. М. Лободюк, Н. В. Власова

ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ СМИ В РОССИИ

Средства массовой информации функционируют по двум направлениям: как испытывающие на себе и также отражающие общие социальные изменения в обществе и как влияющие на общество и вызывающие в нем те или иные изменения. В условиях нарастающей коммерциализации СМИ и сокращения государственного регулирования масс-медиа решающее значение приобретает экономическое регулирование деятельности СМИ, осуществляемое в основном через рыночный механизм.

Ключевые слова: СМИ, коммерциализация СМИ, информационное пространство, масс-медиа.

T. M. Lobodyuk, N. V. Vlasova

COMMERCIALIZATION CHALLENGES OF MEDIA IN RUSSIA

The functioning of mass media is in two ways: reflecting the general social changes in society and affecting and changing society in the certain way. In the context of growing commercialization of the media and reducing government regulation of mass media the economic regulation of the media is crucial. This regulation is carried out mainly through the market mechanism.

Key words: media, media commercialization, information space, mass media.

В настоящее время достаточно трудно представить нашу жизнь без газет, журналов, радио, телевизора и, конечно же, без Интернета. Из этих источников мы получаем необходимую информацию. Человек постоянно испытывает потребность в удовлетворении «информационного голода», так как является существом социальным и жить в отсутствии информации он просто не может. Люди постоянно стремятся получить информацию о происходящих событиях в окружающем их мире. В достижении этой цели нам помогают средства массовой информации (СМИ) [2, с. 41].

СМИ выполняют многообразные функции: информирования населения о событиях, происходящих в стране и мире в целом; образования и социализации; рекламы в самых разных её проявлениях. СМИ оказывают влияние почти на все сферы и институты общества, включая политику, здравоохранение, образование, религию, и являются важнейшими инструментами реализации политического процесса [3, с. 79].

В обществе все большую популярность приобретает мнение о том, что существует некоторая потеря современным обществом, молодежью нравственных ориентиров. Главной причиной этого является коммерциализация СМИ. Естественно, такая точка зрения невозможна в научных исследованиях, поскольку ученые рассматривают явления во взаимосвязи с другими общественными процессами и/или как часть той или иной системы [6, с. 110].

Коммерциализация СМИ — следствие изменений, произошедших в социально-экономической системе российского общества. Государство экономически больше не содержит их, за исключением тех, которые ему принадлежат. Экономическое выживание общественных или коммерческих изданий, телеканалов, радиостанций зависит от того, насколько они адекватно отвечают интересам рынка и его потребителя (покупателя, обывателя). Однако государство с помощью законодательной базы и административных рычагов может регулировать деятельность журналистов, привлекая их к ответственности за нарушения или злоупотребления или поощряя их социальные заслуги. Это называется государственной политикой в сфере массовых коммуникаций.

В свою очередь, общество, все его граждане в рыночных условиях могут своим выбором влиять и влияют на информационные потоки, определяя в них те или иные приоритеты. Информационные процессы в обществе формируются не стихийно, спонтанно, а всегда обусловлены системой существующих отношений и ценностей. И подобно тому, как искусство является формой духовного, культурного самосозна-

ния общества, журналистика является формой его социального самосознания. И это определяет средства массовой информации как социальный институт. Безусловно, в настоящее время СМИ и журналистику в России можно рассматривать как неотъемлемые компоненты глобальной информационной сферы [9]. Журналистика представляет собой профессию и вид профессиональной (творческой) деятельности, на которую опирается социальная система, являющаяся одновременно мощнейшей отраслью современной экономики, — средства массовой информации. Журналистика — это комплекс каналов передачи массовой информации, использующих различные средства коммуникации (печать, радио, телевидение, Интернет) и образующих разнообразные типы изданий и программ (общенациональные и местные, общие и специализированные по аудитории, тематике, сфере экономики, области жизни, характеру социальной позиции, направленности, творческому облику и т. д.), действующих в национальном и глобальном информационном пространстве [7, с. 219].

Особенность средств массовой информации объясняется двумя обстоятельствами: как испытывающие на себе и также отражающие общие социальные изменения в обществе и как влияющие на общество и вызывающие в нем те или иные изменения. Во втором случае можно говорить о конкретной взаимосвязи качественного уровня СМИ с уровнем культуры в том или ином обществе. Если СМИ потакают низменным нравам публики, то служат не просвещению, а падению нравов. Однако категорически обвинять в этом СМИ нельзя, потому что решающую роль играет широта и многообразие СМИ, информационного пространства и информационной среды, которые, в свою очередь, зависят от потребностей и желаний общества.

Если такого многообразия и широты недостаточно, чтобы перевесить негативное воздействие от тех СМИ, которые действительно девальвируют ценности (например, унижают человеческое достоинство, демонстрируют насилие, распространение расовой нетерпимости и т. д.), а государство и общество не предпринимают шагов по оздоровлению своего информационного пространства, то ситуация в самом деле складывается опасная, и СМИ становятся как бы «детонатором» определенных обстоятельств. Но в то же время разрушается только то, что может разрушиться, а что не может — не разрушается. Разрушение — тоже определенная стадия жизни социума, обусловленная объективными социальными причинами.

Современная коммерциализация СМИ — объективный фактор реальности, который чаще всего оценивается с позиций либо «хорошо», либо «плохо». Но подобная абсолютизация оценок уничтожает многогранность и многозначность оцениваемого явления, в котором, действительно, есть как позитивное — рынок дает возможность выбора, так и негативное — давление коммерческих интересов на формирование информационной политики. Первое реализуется наиболее успешно при условии развития гражданского самосознания и прав личности в обществе. Второе становится опасным в условиях сильного крена в сторону прежде всего потребительских потребностей, а не гражданских интересов, именно тогда и проявляются те последствия коммерциализации СМИ, которые заставляют любого неравнодушного культурного человека беспокоиться о нравственном здоровье общества [6, с. 111].

Коммерциализация означает всё большую привязанность СМИ к потребностям рынка. Сейчас общество оказывается в таком положении, когда что-либо предлагающая реклама или коммерческая тема становятся для СМИ намного важнее, нежели актуальные информационные потребности аудитории. Коммерческий интерес в такой ситуации неизбежно вступает в конфликт с информационными функциями СМИ.

В условиях нарастающей коммерциализации СМИ и сокращения государственного регулирования масс-медиа решающее значение приобретает экономическое регулирование деятельности СМИ, осуществляемое в основном через рыночный механизм. Именно давление рынка во многом определяет приоритеты и «правила игры» средств массовой информации, действующих в конкурентной среде: они либо вынуждены считаться с рыночной конъюнктурой, с правилами маркетинга, чтобы обеспечить свое выживание и коммерческий успех, либо полностью строить свою деятельность на коммерческой эксплуатации этой конъюнктуры [1, с. 240].

В условиях новой информационной среды люди гораздо меньше интересуются социальными явлениями и проблемами, воспринимая их как незначительные элементы глобальной мозаики.

Снижение интереса общества к деятельности институтов и организаций гражданского общества предсказывал еще М. Кастельс. Происходящие процессы, по его наблюдениям, трансформировали характер политической жизни. Лидерство стало более персонифицированным, а путь к власти начал пролегать через создание

имиджа, формируемого СМИ. Общество, электорат приобретают черты «публики», формирующей запрос на развлекательную информацию. «В конечном счете, власть, которой располагают сети средств массовой информации, занимает второе место после власти потоков, воплощенной в структуре и языке этих сетей» [4, с. 35].

К сходным выводам пришел и Э. Тоффлер. Информационное общество, согласно его точки зрения, характеризуется недолговечностью ценностей и идеалов, временным характером потребностей, резким увеличением объема научно-технической информации, серьезным повышением разнообразия жизненных явлений, обилием субкультур. Мир вокруг постоянно изменяется с невероятной скоростью, что ставит человека на грань его способностей к адаптации. В результате, человек впадает в особое психологическое состояние — «футурошок» (шок будущего), которое «характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванной страхом перед близким грядущим» [5, с. 98].

Коммерциализация обнаруживает двойственность современной журналистики. С одной стороны, СМИ ориентированы на коммерческий успех, обращены к потребителю информации, участнику рыночных отношений, а с другой — в силу своих социальных функций журналистика должна обращаться (и обращается) к общественному мнению, к гражданину, к личности. Это столкновение заставляет изучать социальные механизмы информационного пространства, в котором происходит взаимное влияние информационной среды и определенных слоев общества, а также исследовать роль общества в процессе формирования информационной политики дня.

В гражданском обществе СМИ должны зависеть не только от законов рынка, но и от общественных ценностей, считают в Русской Православной Церкви. «Сегодня СМИ по разным причинам сами являются коммерческим продуктом и выдают в основном коммерческий продукт, способный привлечь максимальную аудиторию. Их общественная функция теряется, СМИ оказываются зависимы от понятий выгоды, от рейтингов», — заявил председатель Синодального информационного отдела В. Р. Легойда на обучающем семинаре для региональных координаторов грантового конкурса «Православная инициатива — 2011» «Цели и методы адресной поддержки общественно значимых инициатив православного сообщества».

По его словам, в этих условиях, когда «диктат рынка, коммерческой выгоды заменяет собой диктат цензуры со стороны государства, о свободе СМИ особо говорить не приходится».

«Человек становится рабом общества потребления, убедив себя в том, что он его хозяин. Постоянная зависимость от рекламы, от предпочтений потребителя — разве это свобода?», — отметил Владимир Легойда.

По словам председателя Синодального отдела, одна из задач ежегодного конкурса «Православная инициатива», который проводит Координационный комитет, состоит в том, чтобы изменить эту ситуацию, дать возможность развиваться некоммерческой, «сострадательной» журналистике, то есть ценностно ориентированной, говорящей о нуждах и проблемах обычных людей.

При этом В. Р. Легойда считает, что такого рода ценностная гуманитарная проблематика сегодня очень востребована обществом, поскольку многие люди уже успели устать от «информационного шума», слишком большого объема развлекательной информации, которой сегодня наполнены многие СМИ [10].

С экономической же точки зрения нельзя не отметить, что коммерциализация СМИ — это нормальное явление. Они должны быть сильными в экономическом отношении, чтобы давать объективную информацию. Истоки коммерциализации СМИ в том, что информация превращается в товар, выгодно продаваемый аудитории. Большую финансовую поддержку СМИ оказывает рекламный бизнес. Массовость потребляемой информации обусловливает благополучие и рост капитала не только в сфере масс-медиа, но и во многих других промышленных областях. Это сближает и объединяет коммерческие проблемы СМИ с проблемами индустриального процесса в целом и создает веру в приоритетное значение экономических факторов развития информационной деятельности. И поэтому главным условием ее свободы и независимости от разных форм контроля объясняются коммерческие самообеспеченность и самоокупаемость. Однако есть и негативная сторона этого явления. В погоне за вниманием публики в материалы включаются сенсационные сообщения, содержащие шокирующие сведения [8, с. 4]. Тем не менее нужно отметить, что коммерческие телеканалы ориентированы на конкретную аудиторию — создают угодный ей контент, определённую структуру и дополнительные возможности. В этом главное отличие от некоммерческих СМИ, которые пытаются ориентироваться на все возрастные и социальные категории населения.

1. *Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П. и др.* История мировой журналистики. М. ; Ростов н/Д. : Издательский центр «МарТ», 2003. 432 с.
2. *Беспалова В. П., Федоров А. В.* Роль СМИ в изменении общественного мнения. Использование СМИ как идеологического оружия // Рос. академический журн. 2013. № 1. С. 40—42.
3. *Гаджиев К. С.* Политология. Базовый курс : учеб. М. : Изд-во «Юрайт», 2011. 505 с.
4. *Городов О. А.* Информационное право : учеб. М., 2007. 109 с.
5. *Григорян М.* Прикладное религиоведение для журналистов. М. : Права человека, 2009. 254 с.
6. *Красноярова О. В.* Коммерциализация СМИ и изменения в информационной среде // Изв. Иркутской гос. экон. акад. 2006. С. 106—112.
7. *Прохоров Е. П.* Введение в теорию журналистики : учеб. М. : Аспект Пресс, 2009. 351 с.
8. *Шувалов С. С.* Коммерциализация как фактор экономической независимости современных российских СМИ // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2013. № 4. С. 3—8.
9. Образы православия и протестантизма в светских СМИ. URL: http://www.portal-credo.ru/ (дата обращения: 21.10.2015).
10. Экспертный семинар в Синодальном информационном отделе. URL: http://www.patriarchia.ru (дата обращения: 15.10.2015).

Т. А. Рассадина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена анализу современных тенденций формирования гражданского общества в России, внутренних и внешних факторов, влияющих на эти процессы, а также некоторых проблем и ограничений его развития.

Ключевые слова: гражданское общество, взаимодействие власти и гражданского общества, публичная сфера, социальный капитал, некоммерческие организации, социальная база гражданских отношений, гражданская активность.

T. A. Rassadina

SOME ISSUES OF CIVIL SOCIETY FORMATION IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the analysis of modern trends of Russian civil society formation, internal and external factors that influence these processes. It also describes some issues and restrictions of its development.

Key words: civil society, interaction between authorities and civil society, public sphere, social capital, nonprofit organizations, social basis of civil relations, civil activity.

Три десятилетия Россия идет по пути радикального преобразования всех сфер общественной жизни, в условиях новой социально-политической системы строит рынок, учится демократии, создает правовое государство, гражданское общество. Проблематика исследований гражданского общества за эти годы стала весьма обширной в рамках не только политической науки, но и социологической [1].

Очевидно, что гражданское общество как совокупность социальных связей и коммуникаций, институтов и ценностей, главными субъектами которых являются гражданские организации, формируется трудно, непросто утверждаются ценности демократии, отстраиваются демократические механизмы функционирования политической системы. Но есть твердое убеждение и власти (во всяком случае, президентской), и общества, что без его полноценного становления невозможно действенное не только политическое, но и социально-экономическое развитие страны, развитие ее духовной жизни.

Формирование гражданского общества в России принципиально зависит от двух игроков: государства и бизнеса, которые по сути предопределяют и пути развития, и модели его политического участия. Нередко звучат оценки, что в стране формируется квазигражданское общество. Они во многом оправданны. Гражданской консолидации в России не способствует ряд обстоятельств. Среди них:

— глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, подданных, зависимых от политики власти, ожидающих добавки к пенсии, зарплате, льготы и т. п.;

— не просто дифференциация, а где-то и пропасть между богатыми и бедными, центром и регионами, столицей и провинцией, элитой и населением, чиновниками и всеми остальными; сохранение внутренней неприязни между ними;

— проблемы не только в производстве благ, но еще больше в их распределении;

— «экономикоцентричность», а не «социоцентричность» государственной политики;

— слаборазвитый средний класс, представители которого в целом удовлетворены своим положением, эксплицируют не столько гражданские позиции, сколько интерес к вопросам собственного потребления в рамках преобладающих гиперсистем ценностей, а именно прагматической, чувственной, индивидуалистической, которые поддерживаются государством;

— гипертрофированная ориентация на частную жизнь, атомизация общества, которая имеет разные формы проявления, как то личностный, корпоративный, семейный и прочий изоляционизм;

— отсутствие честной конкуренции во всех сферах;

— культ не специалистов, а всевозможных менеджеров, в том числе в государственных, бюджетных организациях, бюрократов, что усиливает бессубъектность основной массы населения в плане влияния на принятие жизненно важных для общества решений;

— эффективность власти в том смысле, что она преследует собственные цели и интересы, зачастую отличные от целей и интересов общества; управление, контроль общества все-таки более важны для нее, чем его благополучие;

— значительная часть активности власти как в центре, так и в регионах направлена на имиджевые мероприятия, на спин-деятельность, спин-контроль, а не на решение актуальных задач общества;

— сложности борьбы с коррупцией; статистика предъявляет данные об уменьшении количества взяток за последний год, но не об увеличении их размера;

— дисфункциональность социальных институтов (к примеру, обращения граждан лично к Президенту в публичном пространстве — пресс-конференциях и прочих форматах — с просьбой помочь приобрести инвалидную коляску — очевидный признак этой ситуации; к тому же случай, имеющий множество аналогов);

— наличие множества ассоциаций граждан в России, которые трудно назвать влиятельными;

— публичная сфера в основном сформирована, но во многом она беспомощна.

В целом наблюдается снижение интереса общества к некоторым элементам демократии, имеющее разные причины, в частности: встраивание многих прав и свобод в повседневную жизнь; сохраняющаяся низкая гражданская и политическая культура; инертность, апатия общества, которая в недавнем времени была связана не только с относительно устойчивым стабильным развитием, с улучшением условий жизни, но и с неспособностью влиять на политическую жизнь общества. Сами российские граждане видят первопричину замедления движения России к демократии в выборе российского правящего класса, который предпочел демократии собственность и власть. Подобной позиции придерживаются две трети россиян. Существенно меньше тех, кто основную вину возлагает на само общество (27 %) [2].

Все это тормозит самоорганизацию гражданского общества.

Гражданское общество может строиться в русле двух парадигм: на его противопоставлении власти, критике ее; на поиске согласия, компромиссном улаживании проблем (так называемая конструктивная позиция). К тому же это строительство может идти снизу, что чаще квалифицируется как естественный процесс, а также сверху. Эти альтернативы порождают состояние бифуркации, которое может привести к разным, не всегда предсказуемым вариантам развития.

Одна из главных особенностей России заключается в том, что строительство демократических институтов и институтов гражданского общества в значительной мере ведется «сверху», что влечет зависимость от властей всех уровней, в связи с этим неэффективно влияние на власть. Так, создание важных, нужных институтов с участием власти (Общероссийский Народный Фронт, Общественная Палата РФ, региональные палаты, в том числе экологические, педагогические и др. (в Ульяновске есть Палата справедливости и народного контроля)) нередко порождает смешанные чувства, сложные отношения у населения.

Конструктивная модель взаимодействия власти и гражданского общества в современных условиях становится преобладающей. Первая модель (критическая) может способствовать разрушению государства изнутри, что в сегодняшних условиях смертельно опасно.

Но самоорганизация — это не только спонтанный процесс движения снизу, это резонансные действия как снизу, так и сверху на основе совпадения потребностей, интересов, целей. Отвергать и игнорировать целенаправленные действия сверху неверно, это важнейший элемент общества.

Несомненно, положительно то, что государство сознательно придает импульс созданию представительных институтов гражданского общества в условиях их отсутствия, предпринимает усилия по их развитию и совершенствованию. Но государство не только способствует развитию гражданского общества, но и периодически проявляет авторитарные способы управления им, например, использует тактику «закручивания гаек». Гражданское общество не является источником спонтанного порядка и гармонии, его развитие связано с преодолением собственных проблем. Государство не должно его поглотить, не должно слиться с ним, оно должно влиять на формирование культуры гражданственности. Этим институтам необходимо действовать в партнерстве, стимулируя и контролируя друг друга. Никакие условия не должны способствовать отказу от ценностей подлин-

ного уважения, справедливости, честности. Критическая функция гражданского общества по отношению к государству должна оставаться.

Проблемы гражданского общества отражаются в сознании рефлексирующего российского социума, что проявляется в глубоком кризисе доверия в обществе как к институтам государства, так и к нарождающимся институтам гражданского общества. Многочисленные, в том числе и опубликованные результаты наших исследований, указывали на это [3].

Резкий скачок доверия высшей власти страны (Президенту прежде всего) за последний год с очевидностью выполняет защитную объединительную функцию в условиях сложной внешнеполитической ситуации при непростом отношении людей к внутриполитическим проблемам, крайне негативном, к таким как обюрокрачивание, коррупция, рост цен, сокращение рабочих мест, уменьшение зарплат, повышение тарифов на услуги ЖКХ, появление новых статей оплаты и прочие.

Здоровое гражданское общество невозможно без «коммуникативной рациональности или публичности» [4, с. 32] как сферы интеракции и коммуникации субъектов, автономных и свободно самоопределяющихся индивидов и негосударственных союзов, формирующихся на добровольных началах. Именно в публичной сфере социума складываются мнения, идеалы, ориентации, которые выступают основой общественной солидарности. Ведущими мотивами таких отношений являются стремления субъектов добиться равенства, открытости, уважения и доверия, а также на этой идейной основе включиться в решение жизненно важных проблем.

В этом контексте повышается целесообразность использования субъектами гражданского общества такого ресурса, как социальный капитал.

Феномен социального капитала как умения налаживать социальные отношения (Ханифан Л. Д., 1916), совокупности актуальных или потенциальных ресурсов, которые используются участниками отношений взаимного знакомства и признания [5], уже несколько десятилетий приковывает внимание исследователей.

Патнэм Р. утверждает, что «социальный капитал начинается от инициатив индивида и поднимается вверх — до государства, а не наоборот» [6, с. 49]. Принадлежность к определенной группе содержит в себе тот или иной аспект социальной структуры, «усиливает определенные действия людей, находящихся в этой структуре» [7, с. 126], а ее нормы взаимодействия и доверия определяют качество и количество социальных взаимоотношений.

Такие сетевые отношения позволяют формировать и поддерживать социальную ткань, ее клеевую основу. Социальный капитал выполняет обязывающие, связывающие, объединяющие, позитивные и негативные функции. Главное — он уменьшает издержки на координацию совместной деятельности, заменяет формальные правила и бюрократические процедуры неформальными нормами, отношениями доверия, усвоенными профессиональными стандартами, этикой общения. Его объём зависит прежде всего от размера социальных сетей, которые он может эффективно мобилизовать. Это — условие расширения социальной базы гражданского общества.

Социальный капитал не является естественной данностью, сконструированной раз и навсегда. Он формируется и постоянно воспроизводится через сети связей, которые являются продуктом постоянной работы, конвертируется в другие виды капиталов. Высок в тех организациях, где люди доверяют друг другу, находятся в тесной зависимости взаимных обязательств. Формируется на разных уровнях социальной реальности (на микроуровне — взаимодействие индивидов; на мезоуровне — отношения организаций; на макроуровне — взаимодействия общностей, групп, институтов). Ф. Фукуяма приравнивает доверие к социальному капиталу [9], основываясь на положении, что доверие и социальный капитал взаимно укрепляют друг друга. Доверие значительно увеличивает возможности взаимодействия людей, усиливает кооперацию. Одновременно способствует развитию личностных самодетерминант, возможности свободно проявлять собственные позиции, автономии общества в условиях поддержки надежными людьми и социальными институтами. Автономия — важный элемент гражданского общества. Автономия социальных субъектов означает признание прав и свобод человека и гражданина в различных сферах, возможность самоорганизации.

Одним из факторов обновления и развития гражданского общества является использование некоммерческих организаций (НКО). Однако в деятельности НКО России масса своих проблем: это их локализация преимущественно в крупных городах; закрытость большинства добровольных объединений; несформированность потребности в коммуникациях и объединении, что задает тенденциозность в конструировании социальных проблем, не позволяет эффективно влиять на принятие решений и др.

Среди преобладающих в России способов лоббирования интересов населения чаще используются негласные, чем легальные и публичные (личные связи с представителями органов власти; договоренности с лицами, от которых зависит принятие нужных решений). Средства массовой информации мало интересуются жизнью гражданских организаций, их больше интересуют бизнес и власть, обладающие ресурсами, к тому же не так много независимых и неподконтрольных власти СМИ в России. Сами руководители НКО больше озабочены материальными ресурсами, нежели результатами работы; зачастую работа в НКО рассматривается как вариант трудоустройства, заработка. Наконец, критериями оценки своей работы руководители НКО чаще считают рост членства и поддержку со стороны власти, чем привлечение инициативных граждан и поддержку населением.

В итоге НКО не транслируют «наверх» информацию о потребностях населения, не контролируют действия органов власти, не влияют на распределение ресурсов, не участвуют в формировании приоритетов государственной политики или делают все это крайне слабо.

Правозащитные организации часто получают средства из иностранных источников и проповедуют идеи, ценности, достаточно привлекательны, — в русле гуманистических идеалов. Нередко за этим привлекательным фасадом — деструктивные для нашей страны намерения, не считывать их наивно. Важно и то, чтобы за этими проблемами не выплеснуть в очередной раз подлинные ростки гражданских позиций. Повторим, в практиках создания гражданского общества в нашей стране очевидно существенное движение сверху.

Социальный капитал — это не просто связи. Это структуры господства, создаваемые людьми свободно, но вполне рационально, которые позволяют их владельцам реализовывать определенные жизненные шансы, достигать целей. Нередко это серьезная компенсация проблем и недостатков социальных акторов (финансовых, материальных, профессиональных и т. п.), способ значительного и не всегда заслуженного повышения статусных позиций. Он может стать фактором усиления и без того критического социального неравенства.

Главным показателем качества «формального» социального капитала является не количество организаций, а вовлеченность населения в их работу, социальная база. В странах с развитым гражданским обществом подобная доля населения составляет 10—15 %. Характерной чертой Российской Федерации, как и всего постсоветского пространства, является разрыв номинального и реального членства в некоммерческих организациях. Членами организаций являются 3—5 % [9, с. 32]. Последние исследования социологов из НИУ ВШЭ демонстрируют, что социальная база гражданских отношений неоднородна [10, с. 30], ее основу образуют порядка 10 % взрослых граждан России.

Средний россиянин предпочитает невысокую социально-политическую активность. Это объективный уровень самоорганизации. Такое состояние характеризуют как проявление «негражданственности». Оно, скорее, является защитным механизмом в условиях уязвимости человека, зависимости от политики центральной и местной властей и ухудшающихся условий жизни. «Негражданственность» важно отличать от «антигражданского» поведения. Последнее характеризуется активным проявлением цинизма и сознательным агрессивным поведением, игнорированием гражданских ценностей.

Оценивать уровень активности непросто. Так, чрезмерно политизированное общество (например, конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века), когда практически все мысли, разговоры людей были о политике, — вряд ли можно квалифицировать как здоровое общество. Есть небезосновательная точка зрения, что гражданское общество в нашей стране в наиболее сформированном виде было в советский период. Всевозможные собрания, коллективные обсуждения, критика (без нее, особенно в перестройку, выступления вообще не воспринимались, а часто и не принимались), выборы «снизу доверху» и пр. были реальными социальными фактами. Общественно-политическая деятельность в советское время называлась общественной работой. В основе своей — это бесплатная работа. Отношение к ней было разное. От великого блага — работа не за деньги во имя целей общества, групп, отдельных граждан вплоть до отношений, которые определялись формулой «если хочешь завалить дело, сделай его общественной работой». Эта работа требует немалого времени, сил. Нельзя не признать нормальным и то, что у людей есть и должны быть другие интересы, разные интересы.

С учетом массы разнообразных проблем в современной России уровень гражданской активности явно недостаточен. В сочетании с неразвитостью НКО невысокая социально-политическая активность слабо способствует развитию институтов гражданского общества.

Политические события последних лет показали, сколь неустойчивым остается процесс де-

мократизации и сколь опасно велика в нем роль отдельной личности. Считаю не лишним вспомнить о том, что в России общинное самоуправление имеет давнюю серьезную и своеобразную традицию. Гражданское общество не может быть привнесено и навязано извне на основе западных моделей, которые также имеют свои проблемы развития. Оно должно формироваться с учетом российской традиционной культуры и эволюционировать. Для формирования новой гражданской ментальности нужны годы, работа поколений.

1. *Бляхман Б. Я.* Гражданское общество: теоретическая конструкция или практическая реальность?.. // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социальная политика и социология. 2005. № 4. С. 32—49; *Василенко Л. А., Вронская М. И.* Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества. М. : Проспект, 2010. 294 с.; *Гаджиев К. С.* Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М. : Знак, 2008. 115 с.; *Галкина Е. В.* Институционализация гражданского общества в контексте современных политических трансформаций. Ставрополь : СГУ, 2010. 170 с.; *Голенкова З. Т.* Гражданское общество в России // Социс. 1997. № 3. С. 25—36; *Горшков М. К.* Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. С. 3—26; *Ирхин Ю. В.* Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 3—24; Круглый стол QUOVADIS. Перспективы становления гражданского общества в России. Ч. 1 // Полис. 2012. № 2. С. 117—140; *Лопарев А. В.* Национальные особенности взаимоотношения государства и гражданского общества в России (историко-политический аспект) // Власть. 2009. № 6. С. 128—132; *Максимова С. Г.* Социальная активность населения и общественные гражданские инициативы // Политика и общество. 2012. № 7. С. 44—49; *Мерсиянова И. В.* Социальное участие и проблема доверия в гражданском обществе // Социальный капитал, социальные сети, социальное участие: к проблеме возрождения местных сообществ в России. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. С. 6—25; *Мотрошилова Н. В.* О современном понятии гражданского общества // Вопр. философии. 2009. № 5. С. 57—62; *Сунгуров А. Ю.* Взаимодействие власти и структур гражданского общества: возможные модели // Гражданский диалог. 2008. № 3. С. 37—40; *Тамбовцев В. Л.* Государство как инициатор развития гражданского общества // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 99—106; *Якимец В. И.* Третий сектор: состояние, проблемы роста и развития, место и роль в общественной жизни России // Школа культурной политики. 2007. № 5. С. 35—39 и др.
2. *Горшков М. К.* Гражданское общество и демократия участия в пореформенной России: Выступление на III съезде некоммерческих организаций России. URL: http://www.youtube.com/watch?v=WggDrM4-mj0. Загл. с экрана.
3. *Рассадина Т. А., Миронова Н. А.* Доверие власти в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) // Власть. 2011. № 7. С. 105—108; *Рассадина Т. А.* Доверие к средствам массовой информации в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1. С. 61—70.
4. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М. : ACADEMIA, 1995. 87 с.
5. *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60—74.
6. *Putnam R. D.* Bowling Alone. The collapse and revival of American community. N. Y. : Simon and Shuster, 2000. 312 p.
7. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121—139.
8. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ Хранитель, 2006. 730 с.
9. *Романенко Л. М.* Гражданское общество в России. М., 2005. 205 с.
10. Воспитание гражданских добродетелей: как изменилось общество России за 10 лет? // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Бюл. I. 2015. № 1(5), март. 61 с.

О. В. Цветкова

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье рассматриваются межнациональные противоречия на Северном Кавказе. Поднимается проблема международного нагорно-карабахского и внутреннего осетино-ингушского конфликта. Обосновано, что межнациональные отношения оказывают влияние на активизацию конфликтогенных факторов и появление новых вызовов и угроз территориальных размежеваний на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: межнациональные противоречия, этнонациональные отношения, нагорно-карабахский конфликт, осетино-ингушский конфликт.

O. V. Tsvetkova

ETHNIC CONFLICT IN THE NORTH CAUCASUS

The article deals with interethnic conflicts in the North Caucasus. It analyses the problem of Nagorno-Karabakh international conflict and the internal Ossetian-Ingush conflict. It proves that international relations have an impact on the activation of the contentious factors and the emergence of new challenges and threats to the territorial divisions in the post-Soviet space.

Key words: interethnic contradictions, ethnic relations, Nagorno-Karabakh conflict, Ossetian-Ingush conflict.

Кавказ рассматривается как один из важнейших геостратегических регионов. В геополитическом отношении Кавказский регион разделен на две части: Северный Кавказ и Закавказье. Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации и включает Предкавказье (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края) и республики Адыгея, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию и Чечню. Территория Закавказья расчленена на три самостоятельных национальных государства — Армения, Азербайджан, Грузия.

Кавказский регион представляет собой огромную многонациональную и многоконфессиональную территорию, где слились интересы многих ведущих государств мира. На Кавказе проживают малочисленные народы, которые имеют друг к другу претензии территориального характера, а межрегиональные конфликты подогреваются этническими противоречиями на данных территориях.

Северный Кавказ имеет чрезвычайно сложную и неоднородную внутреннюю политико-территориальную структуру, на его территории проживает многоэтнический состав населения, где традиционно происходит контакт различных культур и ярко выражена территориальная идентичность.

На протяжении XX века на Северном Кавказе отмечено более сорока территориальных переделов. Каждый из них, решая одну проблему, одновременно порождал другую. Изменения в этнотерриториальном устройстве осуществлялись как в горизонтальном срезе (изменение границ), так и в вертикальном (изменение статуса национально-территориальных образований).

Особенно с распадом СССР наметилась тенденция к политизации этнонациональных отношений, когда этническая самоидентификация большинства народов России приобрела более или менее выраженный политический характер [1].

С одной стороны, само существование республик как формы внутреннего самоопределения местных этнических сообществ обеспечивает условия для этнокультурного развития и для сохранения идентичности проживающих в регионе народов, так же как Ставрополье обеспечивает сохранение и воспроизводство русской культуры и самосознания преобладающего в Ставропольском крае русского населения, а также сохранение местной казачьей социокультурной традиции.

С другой стороны, восприятие республик как «национальных» ведет к ужесточению межгрупповых границ в рамках российского народа, к этнокультурной замкнутости и к попыткам выстраивания иерархии народов, что отрицатель-

но действует на формирование основ гражданского общества.

Региональные особенности Кавказского региона связаны с напряженными межнациональными отношениями. Это подтверждается конфликтами в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии, взаимоотношениями между Грузией и Россией, Азербайджаном и Арменией.

Высокая конфликтогенная обстановка наблюдается в зоне Закавказья, предметом территориального спора является Нагорный Карабах. Основная причина конфликта в том, что местность находится на территории Азербайджана, а исторически сложилось, что на данной территории проживает местное население — армяне. Политическое регулирование конфликта ведется с 1992 года в рамках Минской группы ОБСЕ (сопредседатели — США, Россия и Франция). Руководство Азербайджана настаивает на сохранении своей территориальной целостности, а руководство Армении защищает интересы Карабаха, который не является стороной переговоров.

Конфликт начался в феврале 1988 года. Нагорно-Карабахская автономная область заявила о решении выхода из состава Азербайджанской ССР. В сентябре 1991 года в центре НКАО Степанакерте была создана Нагорно-Карабахская Республика (НКР). Азербайджан этот факт счел незаконным, упразднив автономию Карабаха, существовавшую в советские годы.

Вслед за этим начался вооруженный конфликт, продлившийся до 1994 года, далее стороны подписали соглашение о перемирии. Это привело к потере контроля над Нагорным Карабахом со стороны Азербайджана. За последние 20 лет переговоров Азербайджан стремится сохранить свою территориальную целостность, а Армения защищает интересы Нагорного Карабаха. В настоящий период Нагорно-Карабахская Республика не получила признания со стороны государств — членов ООН, но признается Абхазией и Южной Осетией и непризнанной Приднестровской Молдавской Республикой.

Обратим внимание, что нагорно-карабахский конфликт начался как внутренний, а затем перерос в международный вооруженный конфликт.

Обстановка в Кавказском регионе вызывает серьезные опасения, особенно в последние годы, у Правительства РФ. По мнению министра иностранных дел С. В. Лаврова, «конфликт слишком затянулся и «перезрел», но существует реальная база для достижения договорённостей, необходимо, чтобы эти понимания были переведены на язык конкретных формулировок» [2].

Конфликтная ситуация обострилась 2 апреля 2016 года в связи с сообщениями о широкомасштабном нарушении режима прекращения огня, которое имеет место на линии соприкосновения в зоне нагорно-карабахского конфликта. Реакция российского руководства на эскалацию конфликта в Нагорном Карабахе последовала незамедлительно. Президент В. В. Путин призвал стороны конфликта к незамедлительному прекращению огня и проявлению сдержанности. Сопредседатели Минской группы ОБСЕ призывали стороны прекратить огонь и предпринять все необходимые меры с целью стабилизации ситуации [3].

По мнению эксперта, директора Института стран СНГ В. Жарихина, «признаки возобновления боевых действий были все последние 20 с лишним лет, перемирие не может продолжаться бесконечно долго, оно заключается для того, чтобы создать возможность для политического регулирования, его отсутствие приводит к военному обострению» [4]. Эксперт связал эскалацию конфликта с Минским процессом и напомнил, что Армения находится в военном союзе с Россией. В рамках ОДКБ у обеих стран имеются вполне определенные взаимные обязательства.

С другой точки зрения, аналитики предсказывали возобновление эскалации конфликта и дестабилизацию ситуации в Закавказье. По мнению политолога-востоковеда Г. Меламедова, в разжигании конфликта могла принять участие Турция [5].

Иная точка зрения причин разжигания конфликта сводится к вмешательству США. Директор центра Института международных исследований МГИМО А. Казанцев считает, что «Штаты пытаются оказать давление на Армению, которая неделю назад развернула свой интеграционный вектор в сторону России» [6].

По мнению директора Института социальных и политических исследований Черноморско-Каспийского региона В. Захарова, США не собираются урегулировать нагорно-карабахский конфликт, так как они хотят использовать территорию непризнанной республики при нападении на Иран.

Как отметил политолог, эксперт по Кавказскому региону В. Новиков, «Россия оказывается в уязвимом положении, с одной стороны, она участник минской группы, с другой стороны, член ОДКБ; Россия будет вынуждена оказывать помощь Армении при определенном развитии ситуации» [5].

Осетино-ингушский конфликт осени 1992 года — это первый политико-правовой и воору-

женный конфликт в новейшей истории Российской Федерации. Осетино-ингушский конфликт стал самой острой фазой давно назревавшей и неразрешенной по сей день конфронтации между двумя соседними северокавказскими республиками — субъектами Российской Федерации — по поводу принадлежности Пригородного района и части Владикавказа. В целом этот конфликт стал первым вооруженным внутренним территориальным конфликтом на территории России.

По мнению этнолога А. Тишкова, «по своим пространственно-временным параметрам, интенсивности и последствиям этот конфликт может быть отнесен к категории крупномасштабных, а его природа может быть охарактеризована как глубоко укоренившийся конфликт, к которым специалисты относят межэтнические или любые другие межгрупповые коллизии с трудноразрешимыми и далеко зашедшими претензиями и требованиями конфликтующих сторон» [7].

На разных этапах осетино-ингушского конфликта реализовывался определенный комплекс мер политического урегулирования со стороны федеральных властей Российской Федерации, принимались меры, способствовавшие стабилизации межэтнического взаимодействия.

Представители противоборствующих сторон имели противоположные интересы и интерпретацию конфликтной ситуации. Ингушское руководство и политическая элита охарактеризовали события 1992 года как «этническую чистку ингушей» [8]. Осетинские политические деятели посчитали произошедшее незаконным ингушским воинским формированием и агрессивным нападением на территорию Пригородного района СОАССР, в результате которого пытались незаконно отторгнуть спорные территории [9].

Противоположные оценки противоборствующих сторон поспособствовали вступлению Правительства РФ в роль основного актора политического регулирования данного внутреннего межрегионального конфликта. Уже на начальной стадии поствооруженной фазы конфликта федеральным центром были сформулированы основные контуры политического управления осетино-ингушским конфликтом.

В период 1992—2000 гг. удалось провести структурные изменения, которое предполагали отход от асимметричности конфликта — это прежде всего создание легитимных органов власти в Республике Ингушетия, что повлекло за собой смену лидеров внутри ингушского этнического сообщества и придало действиям вновь избранной политической власти конституционно-правовой статус. Помимо этого, структурные изменения, инициированные системой политического управления конфликтом, запустили механизм конструктивного компромисса между сторонами конфликта.

По сути, причина возникновения межнациональных противостояний на Северном Кавказе — это прекращение существования Советского Союза. Каждый конфликт, возникший на постсоветском пространстве, имеет свою специфику. Нагорно-карабахский и южноосетинский конфликты связаны с воссоединением единых этносов. Абхазский и приднестровский конфликты возникли по причине права на самоопределение и создания независимого государства этнического меньшинства. Осетино-ингушский конфликт связан с восстановлением территориальных прав депортированных народов. Каждый региональный конфликт имеет свою общую особенность — межнациональные отношения.

Таким образом, межнациональные отношения в пограничных регионах оказывают колоссальное влияние на активизацию конфликтогенных факторов и появление новых вызовов и угроз территориальных размежеваний на постсоветском пространстве.

1. *Гаджиев К. С.* Национализм в роли идеологии // Власть. 2012. № 11. С. 4—8.
2. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Азербайджанской Республики Э. М. Мамедъяровым. Москва, 25 мая 2015 г., Россия. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/az//asset_publisher/0TeVwfjLGJmg/content/id/1315670 (дата обращения: 03.04.2016).
3. Министерство иностранных дел России «О заявлении сопредседателей Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху 02-04-2016». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2199369 (дата обращения: 03.04.2016).
4. Аналитик связал конфликт в Нагорном Карабахе с минским процессом России. URL: http://www.mk.ru/politics/2016/04/02/analitik-svyazal-konflikt-v-nagornom-karabakhe-s-minskim-processom.html (дата обращения: 03.04.2016).
5. «Подобные наступления происходят периодически в течение 20 лет». URL: http://www.kommersant.ru/doc/2954948 (дата обращения: 03.04.2016).

6. Андрей Казанцев: Югославия, Ирак, Ливия, Сирия. Теперь Карабах? URL: http://viperson.ru/wind.php?ID=666293&soch=1 (дата обращения: 03.04.2016).
7. *Тишков А.* Осетино-ингушский конфликт. Часть первая. URL: http://www.vvvay.net/publ/analitika/tishkov_v_a_osetino_ingushskij_konflikt_92_chast_pervaja/5-1-0-23 (дата обращения: 03.04.2016).
8. *Шнирельман В. А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.
9. *Федосов Е. В.* Республика Северная Осетия-Алания // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром. М. : Макс Пресс, 2012. 502 с.

О. В. Шабанова, А. Д. Шаброва

Б. Ф. МАЛЕШЕВСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Статья посвящена истории становления и развития пенсионной системы в дореволюционной России. Во второй половине XIX века окончательно сформировалась система пенсионного обеспечения государственных служащих из положений и расчетов Б. Ф. Малешевского, которые в дальнейшем были заимствованы западноевропейскими специалистами в области страхового пенсионного обеспечения и легли в основу пенсионных систем ряда стран.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, социальное развитие общества, пенсионное обеспечение, эмеритальные классы.

O. V. Shabanova, A. D. Shabrova

B. F. MALESHEVSKY AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE PENSION SYSTEM IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The article is devoted to the history of formation and development of the pension system in the pre-revolutionary Russia. The public staff pensions system was formed in the second half of the 19th century. It was originated from the statements and calculations by B. F. Maleshevsky which were further borrowed by many of the Western European experts in the field of insurance and pensions and formed the basis of the pension systems of a great number of countries.

Key words: pre-revolutionary Russia, social development of society, pension system, insurance.

Начало истории пенсионной системы в России не имеет точной даты. Принято считать, что зачатки пенсионной системы впервые проявились во времена правления Петра I. Благодаря его реформам первыми пенсионерами, которые стали получать денежное содержание по выходу в отставку, стали морские офицеры. Хотя сам термин «пенсия» тогда не применялся. Согласно нормам, закреплённым в Морском уставе 1720 года, «премию по старости» могла назначать верховная власть в лице государя императора [2].

Необходимо отметить, что указанный документ впервые закреплял право жён и детей погибшего офицера на денежное содержание при потере кормильца. После смерти венценосного реформатора дальнейшее развитие пенсионной системы России надолго забуксовало. Сказывалась инертность государственной машины и несогласованность в принятии решений различными структурами государственной власти.

Последовавшая череда дворцовых переворотов и постоянная борьба элит за влияние на российское самодержавие не оставляли шансов тому, чтобы пенсионная система Российской империи полноценно развивалась [2].

Экономическое развитие России отставало от экономического развития большинства стран Европы. Наполняемость государственной казны оставляла желать лучшего. На протяжении веков расходная статья бюджета значительно превышала доходы. Закрепощение крестьянства, отсутствие передовых технологий и средств производства были тем тормозом, который на долгие годы стал препятствием полномасштабным социальным реформам в стране. Огромные средства тратились на колонизацию и освоение Сибири и Дальнего Востока. Военная доктрина России включала в себя постоянное перевооружение армии и строительство оборонительных линий по периметру обширных границ государства. На это отвлекались баснословные средства из бюджета. Повсеместно преобладало кустарное производство, которое не отвечало растущим потребностям внутреннего и внешнего рынков. Назрела необходимость реформирования самих основ организации производства в стране. Государственная казна несла расходы по организации и функционированию новых промышленных предприятий. Пенсионная система просто не могла функционировать в госу-

дарстве, где промышленность (основной донор бюджета) находилась в зачаточном состоянии. Во второй половине XVIII века быстрыми темпами формируется капиталистический (промышленно-мануфактурный) уклад российской экономики. С 1769 года в России начинают печатать бумажные деньги, однако безудержная эмиссия привела к девальвации рубля и стремительному обнищанию населения [6]. В начале XIX века, несмотря на усилия Павла I, российский рубль ассигнациями стоил 67 копеек серебром. На этом фоне расходование средств бюджета выглядело так: 88 % выделялось на содержание армии и флота, 11 % ежегодно уходило на содержание двора императора. На социальные нужды (здравоохранение, просвещение и т. п.) выделялось не более 1 % [6].

Социальное развитие общества неразрывно связано с уровнем доходов и распространением бедности. Нельзя рассматривать пенсионную систему в отрыве от макроэкономической системы Российского государства. Поэтому принципы, лежащие в основе создания пенсионной системы, близки с принципами реформирования социальной политики всего государства [4].

В 1827 году в России был принят Устав о пенсиях и единовременных пособиях.

Пенсии были положены лишь крупным чиновникам и лицам, которые являлись крупными армейскими чинами. Пенсионное обеспечение того времени распространялось на весьма ограниченный круг лиц. К этому кругу принадлежали служившие при дворе императора высшие военные и полицейские чины. Размер пенсионного обеспечения или, как его тогда именовали, финансового вспомоществования определялся индивидуально для каждого претендента и проходил процедуру утверждения государем [5].

Только во второй половине XIX века окончательно сформировалась система пенсионного обеспечения государственных служащих. Вышедшие в отставку чиновники получали пенсион из эмеритальных касс. Эмеритальные кассы — это кассы, которые производили страхование пенсий и пособий за счёт взносов (обязательных отчислений) из заработной платы будущих пенсионеров. Из этих же касс производились выплаты пособий вдовам государственных служащих и их детям, оставшимся сиротами. Крестьянство и наёмные работники (пролетариат) право на пенсионное обеспечение не имели. Однако в 1912 году были приняты законы «Об обеспечении рабочих на случай болезни» и «О страховании от несчастных случаев» [4, 6]. Тем самым в России было положено начало пенсионному обеспечению широких слоёв населения страны. В государствах Европы это уже давно стало цивилизованной нормой. Лишь под давлением либеральных партий России и ширящегося забастовочного движения царское правительство пошло на этот шаг. К 1914 году правом на государственное пенсионное обеспечение обладали следующие категории государственных служащих:

— чиновники всех ведомств и всех классных чинов;

— офицеры и прапорщики силовых ведомств (армии, флота, жандармского корпуса, таможни и пограничной стражи);

— учителя (гимназий, начальных и духовных училищ, народных школ и т. п.);

— профессорско-преподавательский состав (институтов, университетов и других высших учебных заведений);

— инженеры и научные работники казенных заводов;

— врачи, фельдшеры и обслуживающий персонал казенных больниц и госпиталей;

— рабочие казенных заводов [5].

Такая эволюция пенсионной системы обусловлена развитием промышленного производства в России на рубеже XIX—XX веков. Всё возрастающие объёмы товарного производства и, как результат, рост числа наёмных рабочих (пролетариата) вызывали необходимость переосмысления и реформирования пенсионной системы государства. Появляются страховые сберегательные и пенсионные кассы, которые требовали вовлечения самых широких масс пролетариата. Пенсионная система России неуклонно эволюционировала, и результаты этих изменений были весьма положительные. Опыт пенсионного обеспечения России привлёк внимание европейских специалистов. В 1892 году на Международном конгрессе железнодорожников, который проходил в Санкт-Петербурге, западные специалисты в области пенсионного обеспечения перенимали опыт у своих российских коллег в части построения пенсионных страховых касс, которые успешно функционировали на государственных железных дорогах России.

В 1895 году в Брюсселе на Международном конгрессе актуариев (специалистов по разработке и внедрению страховых тарифов) реформы, которым подверглось пенсионное обеспечение России, получили самую высокую оценку международного профессионального сообщества. Было отмечено, что проведенная подготовительная работа по составлению таблиц, по которым должны исчисляться пенсии, выполнена на самом высоком уровне. Эту кропотливую ра-

боту по заданию правительства провёл известный математик Болеслав Фомич Малешевский [1]. В 1890 году в Санкт-Петербурге вышел его фундаментальный труд «Теория и практика пенсионных касс». Учёный подготовил и представил подробное сочинение, в котором содержался материал, необходимый для устройства и функционирования пенсионных касс России. В Европе подобного научного труда в тот период ещё не было, и многие из положений и расчетов Б. Ф. Малешевского были заимствованы западноевропейскими специалистами в области страхового пенсионного обеспечения и легли в основу пенсионных систем ряда стран. Работа, которую проделал ученый, была столь сложна и многогранна, что одни современники называли автора гением, а другие именовали умалишенным. Вот как о Малешевском в своих мемуарах вспоминал знаменитый граф С. Ю. Витте: «…Малешевский был человек большого ума и математического образования; по натуре своей он принадлежит к тому классу людей, которые имеют в своём уме нечто особенное, что отличает их от обыденных людей, но что эта особенность их ума, с другой стороны, ставит таких людей на грань между нормальным человеком и сумасшедшим, — это обыкновенное свойство почти всех гениальных людей...» [1].

Болеслав Фомич Малешевский, магистр физико-математических наук, профессор, тайный советник, кавалер орденов Святой Анны 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени, родился в 1844 году в дворянской семье. Его родители имели поместье в Гродненской губернии. Отец мечтал о военной карьере для своего сына. Малешевский поступает в Александровский кадетский корпус и успешно его оканчивает. Однако неординарные способности к точным наукам привели молодого человека в стены Варшавской главной школы (университета), где он в числе лучших выпускников получает степень кандидата математических наук. С математикой будет связана вся его дальнейшая деятельность. Малешевский на основе теории вероятностей разработал и внедрил первые пенсионные кассы в России. Профессору Малешевскому принадлежит огромная заслуга в разработке принципов формирования пенсионных накоплений. В своих трудах он обращал внимание на то, что пенсия — это социальная компенсация тому человеку, который в силу возраста либо иных причин не может получать заработную плату.

Малешевский утверждал, что человек, который ушёл с рынка труда по достижению им преклонного возраста, вправе рассчитывать на социальную компенсацию [3]. Он не говорил о том, что пенсия должна создать условия для достойной жизни человека, но базовые принципы социальной компенсации трудящемуся были заложены именно им. В предисловии к своему монументальному труду «Теория и практика пенсионных касс», который увидел свет в 1890 году, Малешевский писал: «...Если предпринятый нами труд будет способствовать выяснению практической важности затронутых в нём вопросов, приобретающих постепенно возрастающее из года в год значение, и если, таким образом, — путём выяснения важности пенсионных касс и опровержения противоположных мнений, появляющихся ныне даже в печати и свидетельствующих, по нашему мнению, о далеко недостаточном знакомстве с главными основаниями страхового дела, — вопрос об обеспечении будущности служащих и их семейств станет, наконец, на правильную почву, то мы сочтём себя в достаточной степени удовлетворёнными и будем уверены, что наш посильный труд действительно принёс ожидаемую от него долю пользы...» [3].

Необходимо отметить, что пенсионная система России, началом реформирования которой принято считать 1912 год, продолжала формироваться вплоть до 1922 года. Именно тогда она приобрела всеобщий характер в рамках новой системы социального страхования населения. Значительно позже советским правительством были приняты законы «О государственных пенсиях» (в 1956 году) и «О пенсиях и пособиях членам колхозов» (в 1964 году).

Пенсионная система является интересным объектом для изучения. Было написано немало трудов и опубликовано много научных статей, но до сих пор эта тема остаётся актуальной для многих исследователей.

1. *Витте С. Ю.* Воспоминания, мемуары : в 2 т. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. Т. 2. 798 с.
2. *Дегтярев Г. П.* Пенсионное обеспечение государственных служащих в Российской империи в 18—19 веках // Пенсия. 1997. № 10. С. 58—64.
3. *Малешевский Б. Ф.* Теория и практика пенсионных касс : в 5 т. СПб., 1889—1890.
4. *Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. М. : Родник, 1995. 384 с.
5. *Павлов В. А.* История российской политической экономии : пособие для студентов гуманитарных вузов. М. : Аспект Пресс, 1995. 256 с.
6. *Фридман М. И.* Государственное хозяйство и денежное обращение в России (1913—1919). М., 1919. 38 с.

№ 2(24) 2016 СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ФИЛОЛОГИЯ

Т. Н. Васильчикова

ТЕОРИЯ ИНТЕРТЕКСТА В ФИЛОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ[1]

В статье рассматривается проблема формирования теории интертекста в филологии в ее основных исторических этапах и персоналиях. Ставится вопрос различения понятий «автор», «текст», «читатель», «интертекст», «интертекстуальность», «метатекст», «прецедентный текст» в зарубежной и отечественной литературоведческой науке. Делаются выводы о степени изученности и дальнейших перспективах изучения проблемы.

Ключевые слова: интертекстуальность, претекст, интертекст, метатекст, прецедентный текст, М. Бахтин, Ю. Лотман, Ю. Кристева, Р. Барт, М. Фуко.

T. N. Vasilchikova

INTERTEXT THEORY IN PHILOLOGY: MAIN STAGES OF HISTORICAL FORMATION

The article deals with the problem of intertextuality theory in its basic stages and personalities. The author analyses the distinction between the concepts of "author", "text, reader", "intertext", "intertextuality", "metatext", "precedent text" in foreign and domestic literary science. She concludes on the degree of scrutiny and future prospects of the development of the problem.

Key words: intertextuality, praetexta, intertext, metatext, precedent text, M. Bakhtin, Yu. Lotman, Yu. Kristeva, R. Barthes, M. Foucault.

К настоящему времени проблемы интертекста, метатекста, интертекстуальности признаны особо значимыми в гуманитарных науках. Накоплен опыт исторического и теоретического их осмысления, определился состав наиболее значимых исследований, среди авторов которых — имена выдающихся отечественных ученых XIX—XXI вв.

Основу интертекстуальных исследований в отечественной филологической науке заложил А. Н. Веселовский (1838—1906), автор фундаментального труда «Историческая поэтика», создавший оригинальную теорию влияния литературных сюжетов. Ученый впервые установил связь и зависимость между смысловой структурой художественного текста, механизмами памяти человека и культурной традицией [5, с. 51—52].

Другим источником интертекстуальности в филологии стала теория анаграмматического текста, предложенная в качестве научной гипотезы швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857—1913), заложившим основы современной семиологии и структурной лингвистики. Анаграмма получает в его гипотезе новый смысл, связанный с ее особыми смыслопорождающими возможностями. При жизни ученого его гипотеза о роли анаграмм как едва ли не главного принципа индоевропейской поэзии древности и средневековья не получила широкой известности, но с течением времени интерес к ней все более возрастает. Примером могут послужить исследования А. В. Пузырева, И. А. Дементьева и других [Дементьев, 2015; Пузырев, 1995].

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 115041410242 «Проблема разработки современных методологий филологического исследования: на примере исследования форм интертекстуальности и метатекстуальности романа И. А. Гончарова «Обломов».

Анаграмма понимается Ф. де Соссюром как способность языка разделяться на первичные единицы, из которых можно составить новые слова с новым смыслом. Открытое ученым явление позволило получить наглядную модель того, как элементы одного текста, включенные в другой, могут изменять значение последнего. Такое языковое «конструирование» имеет отношение к теории интертекста как способа создания текста из уже имеющихся «чужих цитат». Гипотеза получила известность только в конце 1960-х годов и сразу привлекла французских постструктуралистов, группировавшихся вокруг журнала «Тель Кель» («Tel Quel»). Юлия Кристева отводит этой проблеме специальный раздел в своей книге «Семиотика» (1969) под названием «О семиологии параграмм». Она подтверждает наблюдение Ф. де Соссюра о том, что явление парагрململатизма (намеренное или бессознательное использование анаграмм) в первую очередь наблюдается в рифмованных поэтических текстах. Новым является характерная для постструктурализма настойчивая попытка сближения языковых явлений и социальных процессов. Особое звучание это приобретает в условиях молодежного движения 1968 года, приближавшегося в масштабах к революционному перевороту. Через анализ параграмм постструктуралисты пытаются объяснить и даже смоделировать социальные явления, отводя семиотике ключевую позицию в революционном процессе, который приобретет глобальный характер, так как сможет якобы «соединить» грамматический (монологический) и парагрململатический (протестный, диалогический) процессы. Такое утверждение было чрезмерным, события 1968 года не подтвердили ожиданий.

Процесс формирования современных научных представлений об интертекстуальных функциях художественного текста проходит ряд последующих исторических этапов. Сам термин «интертекстуальность» обязан рождением Юлии Кристевой и впервые прозвучал осенью 1966 года в ее докладе о творчестве М. М. Бахтина на семинаре ее учителя, Ролана Барта, опубликованном весной 1967 года в виде статьи под названием «Бахтин, слово, диалог и роман» [17, с. 5]. Также ей принадлежит предисловие к французскому переводу книги «Проблемы поэтики Достоевского» («Разрушение поэтики», 1970), сборник статей «Semeiotikē. Исследования по семанализу» (1969) и книга «Текст романа» (1970). Исследовательница познакомила западный мир с личностью и научными идеями М. М. Бахтина. К этому времени Ю. Кристева была хорошо знакома с несколькими работами М. М. Бахтина разных лет: «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке», Медведев П. Н. (Бахтин М. М.) «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику». Особое внимание уделено ею работе Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), где впервые формулируется идея художественного диалога культур, которая лежит в основе понятия «интертекстуальность», хотя сам термин ученым не употребляется. Позже он развивает теорию диалогизма слова в работе «Проблемы поэтики Достоевского» (глава V «Слово у Достоевского»):

«Слово по своей природе диалогично», «диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной, художественной) пронизана диалогическими отношениями» [2, с. 212].

Уже М. М. Бахтин подчеркивает, что диалогический характер слова не ограничен настоящим временем, что впоследствии обязательно учитывается в практике интертекстуального анализа. По определению И. П. Ильина:

«Помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге», понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами» [12, с. 164].

В работе «Марксизм и философия языка» (1929) М. М. Бахтин продолжает развивать идеи диалогизма речевого высказывания и вводит два новых аспекта: во-первых, рассматривает диалогичность как свойство не только устного, но и письменного высказывания в тексте, которое выражается, в частности, в делении текста на абзацы, которые он идентифицирует с репликами в диалоге. Во-вторых, ставится вопрос конструкций для передачи чужой речи. Он пишет по этому поводу:

«Продуктивное изучение диалога предполагает более глубокое исследование форм передачи чужой речи, ибо в них отражаются основные и константные тенденции активного восприятия чужой речи» [6, с. 126].

В работе «Проблемы речевых жанров» ученый доказывает, что «всякое понимание живой

речи носит активно-ответный характер», и выделяет две формы отклика на понятую живую речь:

— активно-ответное понимание, которое реализуется немедленно непосредственно в действии (например, исполнение);

— активно-ответное понимание замедленного действия. Жанры сложного культурного общения в большинстве случаев рассчитаны на активно-ответное понимание замедленного действия. На основании концепции активно-ответного характера живого высказывания М. М. Бахтин приходит к выводу об амбивалентности говорящего субъекта: он не только *говорящий субъект, но и отвечает на предшествующие его высказыванию слова, реплики, теории* [4, с. 235—236] (курсив наш. — *Т. В.*).

В свете сказанного предметом филологического исследования должно быть диалогическое взаимодействие двух величин: передаваемой («чужой») речи и передающей («авторской») речи. Это положение теории диалога дает возможность рассмотреть текст в его *горизонтальном и вертикальном значении* — как обращенный к «здесь и сейчас», то есть к собеседникам и слушателям, воспринимающим текст непосредственно и сегодня, так и обращенный к «вчера», к прошлому. Такое понимание текста позволяет увидеть совокупность его смыслов и значений и определить силу и направление его воздействия на слушателя. Вовлеченность субъекта речи в «культурный диалог» — необходимая составляющая теории интертекста, которая разрабатывается М. Бахтиным на протяжении 60-х годов, вбирая такие понятия, как беспрестанно растущая «текстовая цепь», звеном которой является каждое конкретное высказывание; «незавершимый» в принципе диалогический «контекст», «большое время» культуры, которые прочно вошли в современную культуру и методологию гуманитарных наук и изменили их характер. Следствием является и представление о культуре как о безграничном процессе создания и постижения смыслов.

Научные идеи Бахтина, в первую очередь идея культурного диалога, переосмыслены Кристевой, трактующей диалогизм преимущественно как *диалог между текстами*. Дальнейшее развитие идеи диалога получают в работах Р. Барта (1915—1980), который совместно с другими французскими структуралистами в 60—70-е годы XX века разрабатывает новую методологию гуманитарных наук. Собственно, структуралистский период деятельности Барта — 60-е годы. Постструктуралистский, который Г. К. Косиков называет «блестящим», — период 70-х годов. Но уже в 1947—50-х годах Барт публикует во французской газете «Комба» («Combat») серию литературно-методологических статей, в которых пытается «марксизировать экзистенциализм», ищет «третье измерение» художественной формы, которое называет условным термином «письмо». Летом 1955 года он знакомится с «Курсом общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра, идеи которого относительно имманентных процессов в языке, в частности, феномена анаграмм, были учтены в его дальнейших научных поисках. В итоге уже к середине 50-х годов под преимущественным влиянием социального анализа Б. Брехта и семиологии Ф. де Соссюра Барт осознает, что все явления культуры, от идеологического мышления до искусства и философии, могут быть восприняты как система знаков, а их назначение и воздействие можно эксплицировать и рационально объяснить. В середине 60-х годов он пишет работы «Система моды», «Основы семиологии», «Мифологии». Именно он предпринимает первые попытки превратить семиологию из описательной науки в науку «критическую» и, более того, действенную. С этим связано его влияние на теорию и литературную практику левого интеллектуально-художественного авангарда во главе с группой «Тель-Кель» («Tel Quel»), включавшей Филиппа Соллерса, Юлию Кристеву и других. Р. Барт разрабатывает основные положения коннотативной семиотики, применяет их для анализа литературной «формы», которая, как он говорил уже в работе «Нулевая степень письма», должна быть понята как один из многих типов социального «письма», «пропитанного культурными ценностями и интенциями, помимо собственного авторского содержания, которое она «выражает», и потому обладающего «собственной силой смыслового воздействия» [15, с. 10].

Постструктуралисты и деконструктивисты совершают своего рода революцию в литературоведении как науке. В книге «О Расине» (1963) Р. Барт начинает процесс преодоления позитивистских горизонтов, разрушая принципы причинно-следственных связей, лежащие в основе традиционного изучения «истории литературы». Как отмечает Г. К. Косиков, Барт как бы «методологически узаконивал существование всех тех направлений в послевоенном французском литературоведении (экзистенциализм, структурная поэтика и др.), которые, опираясь на данные современных гуманитарных наук, противостояли механической «каузальности» и эмпиризму по-

зитивистских литературно-критических штудий» [15, с. 9]. Сборник «О Расине» вызвал ожесточенные нападки со стороны позитивистской «университетской критики». Ответом Барта стало эссе «Критика и истина» (1966), сыгравшее роль манифеста «новой критики», после появления которого он стал главой этого направления. Итоговое и самое шокирующее положение деконструктивизма о «смерти автора» (Р. Барт) восходит к формуле «смерть субъекта» Мишеля Фуко как следствие невозможности для творящей личности создать принципиально новый текст, поскольку каждый «новый» «растворяется» в явных или неосознанных цитатах из предшествующих текстов. В свете деконструктивистского представления о природе литературного творчества новый текст как понятие «нового слова» в принципе невозможен, так как всякое «новое» возникает в результате повторения уже сказанного и различной комбинации цитат. В созданной в 1969 году книге М. Фуко «Археология знания» («L Archeologie du savoir») ставится вопрос о возможности в принципе определить единицы дискурса. При этом автор ставит под сомнение как материальное, так и дискурсивное единство книг, то есть их персональную неповторимость. Именно рассуждения Фуко о невозможности определить строгие границы художественного текста далее развиваются Р. Бартом и положены им в основу деконструктивизма, отрицающего базовые для традиционного литературоведения понятия «автор», «произведение» и даже «читатель». Естественно, что отсутствие «границ» художественного текста приводит к сомнению относительно объективности существования самого «произведения». Переход к итоговой *«деконструкции понятий»* в теории Фуко логически закономерен:

«Так ли уж нам необходимы такие понятия, как «книга», «произведение», или даже такие общности, как «наука» или «литература? Надо ли оставаться в плену иллюзий, неплодотворных и безосновных?» [26, с. 25].

Влияние деконструктивистских идей М. Фуко отчетливо ощущается в работах Р. Барта «Смерть автора», «Мифология», «Удовольствие от текста», «О Расине». Определение интертекстуальности, данное Бартом в работе «Смерть автора», приобрело в настоящее время хрестоматийную известность:

«…каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» — и стало каноническим в теории постструктурализма [1, с. 391].

Именно от этого итогового вывода деконструктивизма начинается своего рода идейная «развилка» между дальнейшим формированием теории интертекста в отечественной и западной филологии. «Традиционная» филология идет своим путем, учитывая новые возможности изучения художественного произведения, которые открываются с введением понятия «интертекстуальность». Деконструктивистские стратегии уводят в сторону отрицания понятия «автор», а затем и «читатель», размывания понятия «текст» до его полной глобализации, когда мир понимается как гипертекст, в котором все уже было сказано. Среди европейских ученых такой расширительной концепции придерживаются далеко не все, активно от нее отмежевываются сторонники коммуникативно-дискурсивного анализа (нарратологии), так как структуралистское понимание интертекста приводит к обесцениванию акта коммуникации как такового.

В истории отечественной гуманитарной науки теория диалогизма текста М. М. Бахтина находит дальнейшее продолжение в деятельности Тартусской семиотической школы, в первую очередь в исследованиях по семиотике Ю. М. Лотмана (1922—1993): «Текст в тексте», «Статьи по семиотике культуры и искусства», «Семиотика культуры и понятие текста». Если структуралисты отрицают факт персонификации и авторский характер художественного текста, то отечественная семиотическая школа изучает и разрабатывает его специфику. Понятие «текст» занимает в исследованиях Ю. М. Лотмана центральное положение, но трактуется очень широко, применительно к культуре в целом. Определение Лотмана «текст в тексте», собственно, и передает суть явления интертекстуальности как «переклички текстов» в художественном произведении. Ученый касается вопроса двойственности всякого художественного произведения, которое, являясь самостоятельным, включает и дополнительные «чужие» повествования. Именно на этом основан эффект диалога текстов. В отличие от деконструктивистов, отрицающих авторский характер каждого художественного текста, Лотман выделяет *литературный текст* в особую категорию интеллектуального текста, настаивает на его уникальной специфике. Он выделяет создание художественного литературного произведения как «качественно новый этап в усложнении структуры текста». Такой новый текст вступает в сложные отноше-

ния «как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату; обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память». Вследствие этого текст «обнаруживает свойства *интеллектуального устройства*» (курсив наш. — *Т. В.*) и не только передает вложенную в него извне информацию, но и «трансформирует сообщения и выражает новые». При этом усложняется и расширяется социально-коммуникативная функция текста [19, с. 5—6]. Ю. М. Лотман выделяет основные функции такого «интеллектуального текста», ставит вопрос о возможных формах включения «чужого текста» в авторский, что в его интерпретации связано с семиотикой пространственно-временной структуры произведения. Он называет и анализирует такие формы «врезки» чужого текста, как сон, вставные новеллы, документ, разграничивая понятия подлинной реальности и условной реальности художественного мира. В дальнейшем эти теоретические положения развиваются в его комментариях к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [20].

Значительный вклад в теорию интертекстуальности вносит известный отечественный ученый Б. М. Гаспаров. В книге «Язык, память, образ: лингвистика языкового существования» он так же, как Ю. М. Лотман, ставит вопрос цитации «чужого текста» и форм включения его в речь субъекта или в авторский художественный текст. По мнению ученого, наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток «цитации», «черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [7, с. 320]. Ученый вносит в теорию интертекстуальности новые аспекты, важнейшим из них является понятие «коммуникативного фрагмента» как «первичной, непосредственно заданной в сознании единицы языковой деятельности», которая хранится в памяти говорящего и которой он оперирует как готовым блоком при создании и интерпретации высказываний. Процесс смыслопорождения всегда «вращается вокруг наличного языкового произведения, от него исходит и к нему возвращается» [7, с. 122].

Теория культурного диалога и диалогического характера письменного и устного речевого высказывания, разработанная М. М. Бахтиным, категория «текста в тексте» Ю. М. Лотмана, понятие «коммуникативного фрагмента» Б. М. Гаспарова находят дальнейшее осмысление в работах ряда современных отечественных исследователей, таких как Т. В. Шмелева, И. В. Труфанова, рассматривающих метатекст как часть модуса высказывания [25, 28].

В современной филологии разграничиваются понятия «интертекстуальность» и «интертекст». Интертекстуальность понимается учеными единообразно: как диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, способствующее обнаружению глубинных смыслов исходного художественного текста. Но однозначности в трактовке понятия «интертекст» среди филологов не существует, что говорит о продолжающемся характере процесса формирования теоретических представлений. Под «интертекстом» сегодня может пониматься:

1. Любой текст, в котором просвечивается все возможное множество претекстов.

2. В. П. Руднев в «Энциклопедическом словаре культуры XX века» определяет интертекст как «основной вид и способ построения художественного текста», состоящий в том, что «текст строится с обязательным использованием цитат и реминисценций из других текстов» [22, с. 155].

3. Совокупность всех существующих текстов. По определению Н. А. Кузьминой, «история поэтического языка — это история текстов или, иначе говоря, история интертекста» [18].

4. Определенный уровень дискурсивной модели текста. По мнению О. Н. Гришковой, «в дискурсивной модели текста присутствует уровень интертекстов, который важен для адекватного понимания текста» [9, с. 386].

5. М. Л. Гаспаров акцентирует момент повтора в интертексте, трактуя его как «словосочетание, повторенное в поэзии несколько раз, так что новое употребление заставляет вспомнить о старом» [8, с. 9].

6. Ю. С. Степанов определяющим свойством интертекста считает «явление контаминации текстов двух и более авторов» [24, с. 3].

По мнению профессора И. И. Чумак-Жунь, успешное разграничение категорий «интертекстуальность» и «интертекст» возможно при условии их соотнесенности с исходным понятием «текст». Если интертекстуальность — это одно из имманентных свойств текста, которое обнаруживается в различных текстовых знаках (кавычки, цитирование, ссылка и т. д.), то интертекст — это совокупность текстов, содержащих отсылки к общему источнику или друг к другу, то есть имеющих общую пресуппозицию [27, с. 254].

Как можно заключить, теория интертекста до сих пор находится в процессе развития. При всех различиях в трактовке проблемы в основе понимания интертекстуальности вплоть до сегодняшнего дня продолжает оставаться теория

культурного диалога и переклички культур, созданная и развитая М. М. Бахтиным еще в 20-е годы. При этом интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний, так как она представляет собой общее поле анонимных культурных знаков и формул, происхождение которых не всегда легко или даже невозможно проследить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых, по словам Р. Барта, «без кавычек». Из данного положения следует, что в интертексте язык представляет собой «гигантский мнемонический конгломерат», в котором уравниваются отдельные тексты и отсутствует аксиологическая шкала, поскольку значимым является лишь тот факт, что они кем-то когда-то были сказаны [7, с. 320].

В филологических исследованиях двух последних десятилетий продолжает расширяться база теоретических категорий. Так, в теорию интертекста включается новое понятие «прецедентности высказывания». Впервые термин «прецедентный текст» введён в научную практику Ю. Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году. Ученый называет прецедентными тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в речи данной языковой личности» [14, с. 216].

Вслед за Ю. Н. Карауловым свой вклад в теорию прецедентного текста внесли другие отечественные исследователи. Среди них Г. Г. Слышкин, который понимает под «прецедентным текстом» «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной группы» [23, с. 128]. Таким образом, обязательными свойствами такого текста считаются его связность и одинаковая ценность для определенной социальной группы, однако расплывчато само это понятие — под группой можно понимать и семью, и коллектив сотрудников, и людей одной профессии.

Определяя свойства прецедентных текстов, некоторые исследователи, например Н. А. Кузьмина, отмечают их большие «энергетические возможности». Исследовательница рассматривает межтекстовое взаимодействие с позиций «энергообмена» между текстами, различной «энергоемкости» [18, с. 51—53]. В этой связи в лингвистике последних лет утвердились понятия «сильный текст», «ядерный текст». По определению Г. В. Денисовой, «сильные» означает постоянно востребуемые, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [11, с. 297]. Именно «сильные» прецедентные тексты обладают очень значительной энергоемкостью. В. Н. Иноземцева исследует с этой точки зрения заглавия методических работ на английском языке и находит подтверждение, что для носителей английского языка «сильными» являются тексты пьес В. Шекспира, которые они опознают, даже встретив только в названии методического материала [13].

В работах В. В. Красных производится дальнейшее расширение теоретической базы, вводится понятие *прецедентные феномены*, в составе которых разграничиваются *прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания* [16, с. 47].

Можно заключить, что уже к 90-м годам XX века теория интертекста в отечественной науке сформировалась в своих основных позициях. Процесс теоретического осмысления проблемы текста, однако, не только не завершен, но, видимо, в принципе не может завершиться. Но по мере накопления теоретических знаний наступает момент, когда интертекстуальная теория достаточно оформилась, чтобы на ее основе могла возникнуть новая стратегия и тактика филологического анализа. Интертекстуальный анализ литературного произведения в настоящее время имеет равные права со всеми другими формами аналитического изучения художественного текста. Интересные наблюдения в этой связи были сделаны известным отечественным ученым, переводчиком, профессором МГУ Г. К. Косиковым (1944—2010), которому принадлежит пальма первенства в истолковании постструктурализма и деконструктивизма в отечественной филологии и переводе работ Р. Барта на русский язык. Ученый предложил ограничить и конкретизировать сам предмет интертекстовой теории. Со ссылкой на работу французского исследователя Лорана Женни «Стратегия формы» (1976) он советует сузить и конкретизировать сами исходные понятия интертекстовой теории «текст» и «интертекст», размежевав сферы интертекстуальности и интердискурсивности. Особенно важно отметить, что с интертекстуальной теорией Г. К. Косиков связывал возможность появления нового исследовательского направления в отечественном

литературоведении — интертекстуальной поэтики или поэтики интертекста.

Наблюдения Г. К. Косикова подводят своеобразный итог в развитии интертекстуальной теории и намечают дальнейшие перспективы ее развития и использования в целях изучения закономерностей культурного развития, усовершенствования методики филологического анализа. Пространство культуры — это место взаимоориентации и взаимодействия текстов, когда любой из них может быть прочитан как продукт впитывания и трансформации множества других текстов.

1. *Барт Р.* Смерть автора // Ролан Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советская Россия, 1979. 320 с.
3. *Бахтин М. М.* Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
4. *Бахтин М. М.* Проблемы речевых жанров // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с. С. 237—245.
5. *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику // *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. 649 с.
6. *Волошинов В. Н.* (*Бахтин М. М.*) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке и языке. Л. : Прибой, 1930. 188 с.
7. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М., 1996. 351 с.
8. *Гаспаров М. Л.* Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия АН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61, № 4. С. 9.
9. *Гришкова О. Н.* Интертекст в аспекте дискурсивного понимания текста // Русский язык: исторические судьбы и современность : II Междунар. конгресс исследователей русского языка. М. : Изд. МГУ, 2004. С. 386.
10. *Дементьев И. О.* Что (не) написал Соссюр: полвека дискуссий о теории анаграмм // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 17—25 (статья написана в рамках научного исследования «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности» при поддержке научного фонда РГНФ в 2015 году).
11. *Денисова Г. В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. М. : Азбуковник, 2003. 297 с.
12. *Ильин И. П.* Интертекстуальность // Западное литературоведение XX века : энцикл. М. : INTRADA, 2004. С. 164—166.
13. *Иноземцева Н. В.* Прецедентный и интертекст как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике). URL: www.rusnauka.com/23_WP_2009/Philologia/50932.doc.htm (дата обращения: 05.02.2016).
14. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М. : Ком. Книга, 2006. 261 с.
15. *Косиков Г. К.* Текст / Интертекст / Интертекстология // *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова ; пер. с фр. Г. К. Косикова, Б. Н. Нарумова, В. Ю. Лукасик. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 8—42.
16. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
17. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1993. № 4. С. 5.
18. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М. : Едиториал УРСС, 2004. 272 с.
19. *Лотман Ю. М.* Текст в тексте // Уч. зап. Тартусского гос. ун-та, 1981. Вып. 567. С. 3—8.
20. *Лотман Ю. М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучении текста // *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960—1990 гг. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 395—411.
21. *Пузырев А. В.* Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления : дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 1995. 198 с.
22. *Руднев В. П.* Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М. : Аграф, 2003. С. 155.
23. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 128 с.
24. *Степанов Ю. С.* «Интертекст», «Интернет», «интерсубъект». К основаниям сравнительной концептологии // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60, № 1. С. 3.
25. *Труфанова И. В.* Аспекты теории диалога в работах М. М. Бахтина и их развитие в современной лингвистике. URL: sibac.info/2009-07-01-10-21 (дата обращения: 17.02.2016).
26. *Фуко Мишель.* Единицы дискурса // Археология знания : пер с фр. Киев : Ника-центр, 1996 (Сер. OPERA ARARTA. Вып. I). 208 с.
27. *Чумак-Жунь И. И.* Еще раз об интертекстуальности и интертексте: к разграничению понятий в лингвистике // Текст как единица филологической интерпретации : материалы Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. Новосибирск : Изд-во ООО «Немо-Пресс», 2011. С. 252—256.
28. *Шмелева Т. В.* Диалогичность модуса высказывания // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 5. С. 147—156.

Р. Д. Урунова

К ВОПРОСУ О ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМАХ РУССКОГО ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ

В статье освещается вопрос о происхождении предложных форм местоимения 3-го лица с начальным **н**. Критически рассматривается традиционная точка зрения по этому вопросу и путем функционального анализа текстов русских памятников дается новое объяснение.

Ключевые слова: указательные местоимения, предложные формы, падежная парадигма, дейксис, анафора.

R. D. Urunova

PREPOSITIONAL FORMS OF RUSSIAN PERSONAL-DEMONSTRATIVE PRONOUNS

The article highlights the issue of the origin of the forms of 3rd person prepositional pronouns beginning with the letter **n**. It discusses the traditional point of view on this issue and provides a new explanation using the functional texts analysis of Russian monuments.

Key words: demonstrative pronouns, prepositional forms, case paradigm, deixis, anaphora.

В русистике всегда недостаточно внимания уделялось предложным формам лично-указательного местоимения 3-го лица с начальным **н**. Обычно они рассматриваются как отдельные формы, каждая связанная со своей основной беспредложной падежной формой в общей парадигме. Между тем функциональный анализ показывает, что предложные формы, хотя и соотносятся с беспредложными, образуют свою цельную парадигму. И это обстоятельство поднимает вопрос о функциональном качестве этих форм и их статусе в общей местоименной системе, ответ на который может быть получен путем их генетического анализа.

Формы с начальным **н** широко употреблялись уже в самых ранних письменных памятниках русского языка и часто встречаются во всех древнецерковнославянских текстах, что определенно свидетельствует об их древнем происхождении. В их парадигме уже в самые ранние периоды имелись формы всех падежей, кроме номинатива мужского, среднего и женского рода в единственном числе, а также во множественном и двойственном числах. Вся парадигма предложных форм, кроме двойственного числа, была унаследована и активно используется в современном русском языке практически без изменений.

В традиционной исторической русистике генетическим источником предложных форм с начальным **н** считается нейтральное указательное местоимение **и**, вариантами которого они, собственно, и признаются. В качестве базовой интерпретации о причинах развития начального **н** в этих формах принимается мнение известного историка языка П. С. Кузнецова:

«У косвенных падежей местоимения **и** еще в эпоху дописьменную в сочетании с предлогами развилось начальное **н**. В основе этого явления (известного и старославянскому языку) лежат фонетические отношения. Некоторые предлоги, именно **въ**, **къ**, **съ**, в ранний период развития общеславянского языка-основы оканчивались на **n**), т. е. звучали ***vъn, *kъn, *sъn.** В определенную эпоху этот **n** в закрытом слоге теряется. Предлог в сочетании с тем словом, перед которым он стоит, образует в фонетическом отношении единство. Утрата **n** происходит в основном в тех случаях, когда это следующее за предлогом слово начинается на согласный. Если же следующее слово начинается на гласный или на согласный, фонетически сливаясь с которым **n** не образует слоговой границы, то **n** сохраняется, отходя к следующему слогу. Так, например, ***vъn domъ** > **vъ domъ**, ***kъn domu** > **kъ domu**, ***sъn domъmь** > **sъ domъmь**, но ***vъn idơ** > **vъnidơ**, ***sъn idơ** > **sъnidơ**. Местоимение, о котором идет речь, начинается на **j**. Сочетание **nj** еще в общеславянском языке-основе дает один согласный — **n`**,

который вполне может отойти к следующему слогу. В результате этого, например, ***sъn jego** > **sъ n`ego**. Поскольку предлог обычно выступает без конечного **n**, элемент **n`** в таких сочетаниях, как только что приведенное, осознается как входящий в состав местоимения, а поскольку он выступает лишь в тех случаях, когда местоимение сочетается с предлогом, он осознается специально как принадлежность местоимения, сочетающегося с предлогом. В результате легко происходит обобщение — элемент **n`** переносится в сочетания с другими предлогами, таким образом, становятся возможными и сочетания типа **u n`ego** (предлог **oy** никогда не имел в своем составе **n**)» [1, с. 137].

Достаточно стройное, на первый взгляд, рассуждение с функциональной точки зрения оказывается не очень убедительным. Вызывают сомнение главным образом три фактора:

1. Последовательное употребление **n** в формах местоимения 3-го лица после всех без исключения предлогов, тогда как конечным ***n** обладали только три древних предлога. Поскольку в количественном отношении предлоги без конечного ***n** значительно преобладают над предлогами с конечным ***n**, а начальный **н** проявляется во всех без исключения предложных формах, то данное объяснение является неубедительным. Трудно представить, что носовой сонант, обладающий вокализмом чуть в меньшей степени, чем гласные, развился в очень разных фонетических позициях.

2. Полное отсутствие предложных форм 3-го лица без начального **н** во всех без исключения текстах на церковнославянском и древнерусском языках (хотя известны единичные формы в отдельных русских говорах, но их характер и количество указывают на вторичность их происхождения). Вызывает сомнение предположение, что этот звук мог развиться перед всеми предлогами по аналогии всего лишь с тремя вариантами и проявиться с абсолютной регулярностью во всех предложных формах. Исследования показывают, что в аналогичных процессах в языке всегда сохраняются остаточные первичные формы.

3. Полное отсутствие следов этого процесса в сочетаниях предлогов с конечным ***n** с существительными, начинающимися на гласный звук. Те примеры, которые приводятся П. С. Кузнецовым, отражают случаи, когда ***vъn**, ***kъn**, ***sъn** функционируют в качестве приставок, а не предлогов, к тому же с одним глагольным корнем.

Регулярность проявления начального **n** в предложных формах местоимения 3-го лица позволяет предположить, что он является более значимым элементом, нежели протетический звук, развившийся по фонетико-физиологическим причинам [2, с. 51—52]. Анализ предложных форм в функциональном аспекте показал, что этот элемент в звуковом составе предложных форм всегда имел фонематический статус, начиная с самого древнего состояния языка, и сохраняет его до настоящего времени.

Анализ и сопоставление предложных и беспредложных форм с функциональной точки зрения обнаруживает их различную семантику и неодинаковую синтаксическую значимость, что ставит под сомнение их происхождение из одного источника. В формах нейтрального местоимения **и**, признанного в качестве генетического источника форм с **н**, гораздо интенсивнее проявляется указательный компонент, чем в формах других древних местоимений 3-го лица, у которых указание либо сочетается с каким-то более сильным функциональным компонентом, либо вообще утрачивается.

В текстах письменных памятников формы местоимения **и** часто используются в функции определения для обозначения отношения принадлежности: а братъ **его** щекъ и хоривъ · и сестра **и**^{х} лыбедь ту скончаша^{сѧ} · и по сихъ братьи держати · почаша родъ **ихъ** кнѧженье (ПВЛ, Лаврентьевский список). Гораздо реже, но все-таки они употребляются и для выражения объекта, который в таком случае актуализируется путем указания. Объект, обозначенный нейтральным указательным местоимением **и**, может быть выражен как одушевленными, так и неодушевленными формами: 1. И ту видѣхъ жену сѣдѧщю · и въпросихъ **ѥѩ** (Псковский пролог). 2. И оѿпусти **ю** нарек **ю** дъщерью собѣ (ПВЛ, Лаврентьевский список).

Использование нейтрального указательного местоимения в формах именительного и винительного падежей имеет свою особенность: чем древнее тексты, тем больше случаев их употребления в функциях подлежащего и дополнения. Так, например, в текстах Лаврентьевской и Радзивиловской летописей эти формы встречаются относительно часто: 1. И отрядивъ **я** (их, братьев) вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ **я** (ее, Псалтырь), и то ми ся выня: «вскую печалуеши, душе?» (Поучение Вл. Мономаха). 2. ѿ тѣ^{х} аще полонѧникъ ѡбою странꙋ держи^{м} е^{г} · или ѿ рꙋси или ѿ грекъ (Договор Олега с греками). 3. И влѣзоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, повелѣ зажечи **я** (деревлян) отъ дверий, ту изгорѣша вси (ПВЛ,

«Месть Ольги»). 4. И по крщньи возва **ю** (Ольгу) црь (ПВЛ, «Крещение Ольги»). 5. Николи же всѧду на нь · ни вижю **его** (коня) (ПВЛ, «Смерть Олега»).

В этих же текстах формы нейтрального указательного местоимения используются и в функции определения, причем гораздо чаще, чем в объектной функции: 1. А Ольга возъвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ **ихъ** (ПВЛ, «Месть Ольги»). 2. Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Вользѣ, реша: «потеснися к намъ, да выженемъ Ростиславича и волость **ихъ** отъимемъ» (Поучение Владимира Мономаха). 3. Та посла мя Святославъ в ляхы: ходивъ за Глоговы до чешьскаго лѣса, ходивъ в земли **ихъ** 4 мѣсяци (Поучение Владимира Мономаха). Различная функциональная значимость форм местоимения **и** хорошо видна в следующем примере: и паки: яыки своими льстяхуся; суди имъ, боже, да отпадуть от мыслий своихъ, по множеству нечестья **ихъ** изрини **я**, яко прогнѣваша тя, господи (ПВЛ, «Убийство Ярополка»). Этот пример наглядно иллюстрирует тот факт, что архаичные формы винительного падежа использовались для актуализации объекта действия путем указания. Функция определения закрепилась за родительным падежом. Форму родительного падежа нейтрального местоимения **и**, стоящую в постпозиции к определяемому слову, в приведенном примере по функциональному качеству можно считать эквивалентной адъективированной. Определительные формы в родительном падеже используются параллельно с объектными формами и аналогично адъективированным формам остальных личных местоимений.

Предложные формы с начальным **n** в семантическом плане отличаются от нейтральных указательных тем, что в их структуре объектное (часто предметное) значение доминирует над указанием, что определяет анафорический способ их использования. Если формы местоимения **и** можно заменить каким-либо указательным системным вариантом, то подобная замена предложных форм невозможна. В семантическом отношении предложные формы более удобны для выражения предметности и более самостоятельны в синтаксическом плане: 1. И рече Игорь ко братьи своей: «братья! Сего есмы искалѣ, а потягнемь»; и тако пойдоша **к нимъ** (объектное значение: братьям, русичам), положаче на бозѣ упование свое (Киевская летопись по Ипатьевскому списку). 2. И стояша на вежахъ 3 дни, веселяся, а рекуще: «братья наша ходили съ Святославомъ великимъ княземъ, и билися **с ними** (объектное значение: половцами), зряче на Переяславль, а они сами **к нимъ** (объектное значение: к братьям, к русичам) пришли, а в землю **ихъ** (принадлежность, выраженная путем указания: этих) не смѣли **по нихъ** (объектное значение: за половцами) ити; а мы в земли **ихъ** (принадлежность, выраженная путем указания: этих) есмы, и самѣхъ избили, а жены **ихъ** (принадлежность, выраженная путем указания: этих) полонены и дѣти у насъ; а нонѣ пойдемъ **на нихъ** (объектное значение: на половцев) за Донъ и до конца избьемъ **их** (объектное значение: половцев), оже ны будеть ту побѣда, идемъ **по нихъ** (объектное значение: за половцами) у луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣды наши, а возмемъ до конца свою славу и честь» (Суздальская летопись).

Заметная предметность семантики форм с начальным **н** обусловливается, по крайней мере, двумя факторами: 1) объектной позицией в синтаксической конструкции; 2) предлогом, который чаще всего определяет пространственные ориентиры предметного объекта, актуализированного местоимением. Семантика предлога усиливает предметный компонент в семантической структуре местоимения. Учет этих факторов приводит к предположению, что предложные формы отличались от форм нейтрального местоимения по функциональному качеству и не могли выражать чистого указания. Конечно, в некоторых случаях предложные формы с **н** и универсальные формы дублируют друг друга, но это обстоятельство не может служить доказательством их общего происхождения, так как все указательные местоимения могли заменять друг друга в определенных контекстах.

Исследование в функциональном аспекте и сопоставление текстовых вариантов предложных форм с начальным **n** между собой показывает, что по семантике и синтаксическому качеству они близки лично-указательному местоимению **онъ**. Если предположить, что предложные формы восходят не к нейтральному **и**, а к лично-указательному местоимению **онъ**, то логичнее объясняется и наличие **n** в этих формах. Поскольку все предлоги, за очень небольшим исключением, оканчивались на редуцированный гласный **ъ**, а местоименные формы начинались на гласный **о**, то естественно, что вокалические элементы, идентичные по артикуляционному качеству и различающиеся только долготой произношения, оказавшись в контакте, подвергаются стяжению.

Требует объяснения в этом контексте фонетическое отличие основ предложных форм от основ указательного **онъ** — это корневой глас-

ный передней зоны **е** в предложных формах вместо гласного непередней зоны **о** в формах **онъ**. Оно вполне объяснимо, во-первых, проявлением сильнейшей тенденции взаимодействия твердых и мягких типов основ (напр.: себѣ — собѣ, тебѣ — тобѣ и т. д.), которая была характерной для всего класса местоимений «после XIV в., когда происходило обобщение того или иного типа склонения и у имен существительных» [2, с. 362]. Во-вторых, в исторической русистике известно о «взаимодействии различных падежных форм одного и того же местоимения», которым «объясняется установление одного согласного в основе вместо прежних двух, находившихся в чередовании друг к другу» [3, с. 219]. У указательного местоимения **онъ** в формах косвенных падежей единственного и множественного числа чередовались твердый и мягкий **н**: ед. *оного, оному, ономъ* и др.; мн. *онѣхъ, онѣмъ, онѣми* и др.

И особенно обращает на себя внимание тот факт, что формы местоимения **и**, используемые в функции определения, в позиции после предлогов всегда используются без начального **н**. Это характерно как для современного языка (*с его способностями, над его головой, в его карманах* и т. д.), так и для текстов ранних периодов, по крайней мере XIV века: 1) хто будетъ со кн^{з}ѧмъ с великимъ зъ дмитриемъ иванови^{ч}мъ и съ **его** бра^{т}мъ со кн^{з}ѧмъ со кн^{з}ѧмъ с володимеромъ аньдрѣеви^{ч}мъ в любви [...] (Перемирная грамота послов великого князя литовского Ольгерда Гедеминовича с великим князем Дмитрием Ивановичем); 2) дал ꙗсмь ѡцю своѥму арсѣнью [ма]настырь стоѥ бци на ѡлговѣ · въ свободь до **ѥго** ж[и]вота (Жалованная грамота Олега Рязанского); 3) и ѥще ва дали •в**і**• лисици · пани хоньци в **ѥѣ** зѧтеви ивашкови (Продажная Хоньки Васковой на Калеников монастырь). Наличие и отсутствие начального **н** у предложных форм является различительным фонетическим элементом, который дифференцирует сначала функции дополнения и определения у совпадающих субстантивных и адъективированных форм, а позже формы личного и притяжательного местоимений. Таким образом, появление начального сонанта имело не только фонетическую, но и фонологическую значимость.

На наш взгляд, все признаки предложных форм с начальным **н**, описанные выше, обусловлены особой функциональной семантикой, благодаря которой они отличаются от форм нейтрального местоимения **и**. Формы нейтрального местоимения **и** используются для «чистого» указания, они в большей степени являются дейктическими и удобны для выражения в синтаксических конструкциях атрибутивных отношений. Предложные формы с начальным **н** являются анафорическими и используются для выражения объекта. С другими членами синтаксической конструкции они связаны управлением.

Кроме особенностей, указанных выше, следует обратить внимание на то, что в текстах довольно часто встречаются формы с начальным **н**, употребленные как варианты местоимения **онъ**, что также может служить основанием считать их формами одного слова: мьстисла^{в} же поцѧ молитисѧ кнѧземъ роусьскымъ · бра^{т}и своѥи · рекѧ тако оже мы бра^{т}ѥ **симъ** (им, русским, которые с нами) не поможемъ · тъ **си** (они, русские, которые с нами) имоуть придатисѧ **к нимъ** (печенегам, которые против нас; от **они**), тъ онѣмъ (печенегам, которые против нас; от **они**) больши будеть сила (Новгородская летопись). В данном предложении использованы функциональные ряды местоименных форм, которые различаются по денотативному признаку:

1) «наши, русские» — си, симъ;

2) «не наши, печенеги» — к нимъ, онѣмъ.

На парность употребления местоимений **сей** и **онъ** обратил внимание В. В. Колесов, объяснивший это явление тем, что функциональная соотнесенность этих слов «создает противопоставление крайних точек указания» [2, с. 364]: **сей** — наиболее близкий говорящему, **онъ** — наиболее удаленный. В текстах летописей эта функциональная пара встречается довольно часто, и характерно, что беспредложные и предложные варианты противопоставленных местоимений употребляются очень последовательно и, как правило, параллельно: а се нонѣ на на^{с} иду^{т} послашасѧ по всеи земли своеи · а сами поидоша **к симъ** (к нашим, русским) · и ждаша дружины своеꙗ · а **си** (наши, русские) **к ни^{м}** (не нашим, половцам) идуть к вежам **ихъ** (принадлежащих половцам: указательное значение в атрибутивном словосочетании) · **ѡни** (не наши, половцы) же не пустѧчи в вежѣ срѣтоша **ихъ** (нейтральное указание на русских) (Суздальская летопись). Часто пространственная дистантность используется для выражения оценочной семантики. В данном фрагменте «близкие субъекту речи, т. е. наши» обозначаются формами местоимения **си** с предлогами, а «далекие, т. е. не наши» — формами местоимения **они** без начального **о** с предлогом. Образуются следующие местоименные ряды:

1) «наши, русские» — си, к симъ, ихъ;

2) «не наши, половцы» — ѡни, к нимъ, ихъ.

Предложные формы местоимений **си** и **они** в данном контексте являются семантически маркированными и противопоставленными друг другу, хотя грамматически оформлены одинаково. Нейтральная форма **ихъ** используется как универсальная указательная. В данном случае универсальность **ихъ**, в свою очередь, противопоставлена маркированности **си** и **они**.

Процесс слияния парадигм всех лично-указательных местоимений 3-го лица был долгим и поэтапным. Его причиной, очевидно, стала образовавшаяся в языке избыточность указательных местоименных форм 3-го лица, а результатом — новая дублетная парадигма предложных форм со своим особым функциональным качеством. Этот процесс окончательно завершился уже в современном русском языке [2—4].

Остатки парадигм древних местоимений сливаются в единую грамматическую систему нового качества. Новая парадигма унифицируется по образцу личных местоимений 1-го и 2-го лица, хотя все ее варианты генетически восходят к лично-указательным местоимениям, у которых косвенные падежи могли одновременно выполнять две функции: объекта и определения. Отчасти эта функциональная двойственность сохранилась у некоторых форм и в современном языке: ***его*** *выступление* и *вижу* ***его***; ***их*** *работа* и *предупредить* ***их***. По функциональному качеству и по семантике новая парадигма воспринимается носителями языка как личное местоимение 3-го лица. От указательных признаков оно сохраняет способность изменяться по родам и выполнять дейктическую функцию в определенных контекстах. От личных местоимений оно унаследовало анафорические функции субъекта и объекта.

Таким образом, если в современном русском языке парадигма лично-указательного местоимения является единой, включающей и беспредложные, и предложные формы, то в период появления письма это фактически две грамматические парадигмы с разными функциональными возможностями.

	Нейтральное указательное местоимение и		**Лично-указательное местоимение 3-го лица онъ**	
	Беспредложные формы с функцией объекта	**Предложные формы без н с функцией определения**	**Беспредложные формы с функцией объекта**	**Предложные формы с начальным н с функцией объекта**
Ед.				
И.	и, ѥ, ꙗ,	----	онъ, оно, она оного,	----
Р.	ѥго, ѥѣ	въ ѥго, ѥѣ	оноѣ	въ него, неѣ
Д.	ѥму, ѥи	----	оному, онои	къ нему, неи
В.	и, ѥ, ю /ѣ	----	онъ, оно, ону	въ нь, не, ню
Т.	имь, ѥю	----	онѣмь, оною	съ нимь, нею
М.	ѥмь, ѥи	----	ономь, онои	о немь, неи
Мн.				
И.	и, ꙗ, ѣ	---	они, она, оны	---
Р.	ихъ	въ ихъ	онѣхъ	въ нихъ
Д.	имъ	----	онѣмъ	къ нимъ
В.	ꙗ, ѣ/ѩ	----	оны, она, оны	въ нитѣ, ни, нитѣ
Т.	ими	----	онѣми	съ ними
М.	ихъ	----	онѣхъ	о нихъ

1. *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка: морфология. М. : Изд. Моск. ун-та, 1953. 305 с.
2. *Колесов В. В.* История русского языка. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Изд. центр «Академия», 2005. 672 с.
3. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М. : КомКнига, 2006. 512 с.
4. *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М. : Изд-во МГУ, 1990. 296 с.

ИНФОРМАЦИЯ

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

РЕЦЕНЗИЯ
на книгу Е. П. Иванян
«СЕМАНТИКА УМОЛЧАНИЯ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»
(Москва : Изд-во «ФЛИНТА», 2015. 328 с.)

REWIEV
on the book of E. P. Ivanyan
"SEMANTICS OF APOSIOPESIS AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN RUSSIAN LANGUAGE"
(Moscow : "FLINTA" Publisher, 2015. 328 p.)

Рецензируемая работа посвящена феномену умолчания, значение которого, по утверждению автора Елены Павловны Иванян, объединяет в себе прагматические задачи говорящего: заинтересовать, создать адресату условия для сотворчества, сделать речь убедительной и т. д. Монография привлекает внимание уже тем, что впервые в русистике семантика умолчания стала предметом специального изучения и описания. Е. П. Иванян ставит перед собой цель — представить семантику умолчания как функционально-семантическую категорию, имеющую иерархическое строение и средства выражения, относящиеся к разным языковым уровням. Этим определяется весьма логичная структура исследования.

В первой главе «Комплексное описание семантики умолчания в русском языке» автор, обобщая различные точки зрения известных лингвистов (Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, С. М. Кузьминой, Т. М. Николаевой и др.) на природу умолчания, убедительно обосновывает своё понимание этого языкового явления: базовым значением для семантики умолчания Е. П. Иванян считает функционально-семантическую категорию неопределенности.

Опираясь на такой подход, а также на исходную посылку о том, что умолчание — это особое языковое значение, средства выражения которого относятся к разным уровням языка (фонетики, лексики, грамматики), исследователь профессионально отграничивает умолчание от сходных понятий, а именно: апозиопезиса, смыслового пропуска, эллипсиса, эзоповой речи, вуалирования референции, неопределенности, молчания как особого вида коммуникации, лжи, дезинформации, эвфемии, подтекста. Так, например, согласно теории Е. П. Иванян, апозиопезис, будучи «синтаксической формой» выражения умолчания, и смысловой пропуск (изъятие определенных логических звеньев из дискурса) относятся к семантике умолчания как части к целому.

Рассматривая умолчание с позиций функциональной лингвистики, автор справедливо утверждает, что все средства семантики умолчания обладают семантической редукцией признаков. Семантическим инвариантом значения умолчания, по мнению Е. П. Иванян, является трёхсемный комплекс: 1) формальная возможность выбора, 2) неотождествленность и 3) определенная, но неназываемая данность.

Важным и интересным представляется используемый исследователем полевой подход к характеристике совокупности языковых средств выражения семантики умолчания. Ядро средств передачи семантики умолчания, по справедливому утверждению исследователя, составляют неопределенные местоимения, наречия и прономинативы.

Во второй главе «Местоимения как специализированные средства семантики умолчания» дается развернутая характеристика местоимений как способов своеобразного шифрования неприятной для собеседников информации. Особый интерес представляет тщательно проведенный Е. П. Иванян анализ графически выделенных слов в русских романах XIX—XX вв. как средства передачи значения умолчания. Поражает колоссальный объем работы, проделанный автором: статистической обработке на предмет выявления графического выделения подверглись 169 романов 76 писателей!

В третьей главе «Неопределенные местоимения как ядерные средства семантики умолчания» исследователь скрупулезно анализирует факты употребления неопределенных местоимений с разными аффиксами. Несомненной заслугой Е. П. Иванян становится выявление их общего и особенного, что нашло отражение в констатации следующих фактов (с. 297).

Местоимения-прилагательные с разными аффиксами служат для косвенного выражения отрицательной оценки, снижают категоричность высказывания, «уменьшают» пафос высказывания при метафорическом плане. Данная характеристика предопределяет их возможность вхождения в парадигматическое микрополе значения умолчания с компонентом намека.

Общим для неопределенных наречий разных групп является то, что многие из них, применяясь в качестве средства выражения семантики умолчания, развивают автосемантическое значение.

Вызывает одобрение аргументированное обоснование Е. П. Иванян ядра парадигматического микрополя семантики умолчания с компонентом намёка, в которое входят неопределенные местоимения и наречия с аффиксом *кое–*. Исследовательница убедительно показывает, что черты различия в применении неопределенных местоимений с разными аффиксами для выражения семантики умолчания проявляются в том, что слабоопределенные местоимения имеют в своей семантической структуре компонент «неполноты охвата», вследствие чего употребляются в функции мейозиса.

Что касается неопределенных местоимений неизвестности с аффиксом *–то,* то данные языковые единицы, являясь слабым членом местоименной оппозиции, обладают повышенной частотностью применения; способны выполнять все функции, свойственные неопределенным местоимениям других групп при выражении семантики умолчания: являются средством «объективизации» повествования; в сочетании со словами-сигналами ситуации (*вдруг, неожиданно, странно* и т. п.) в художественном тексте участвуют в создании атмосферы таинственности, загадочности, интеллектуального и эмоционального напряжения, выполняют функцию эвфемизмов в дискурсе.

Таким образом, можно выделить ряд несомненных достоинств рецензируемой работы:

во-первых, это непротиворечивая теоретическая концепция автора, учитывающего весь ход развития лингвистических поисков: от понимания умолчания как стилистической (поэтической) фигуры до функционально-семантической категории;

во-вторых, богатый иллюстративный материал (художественные и публицистические тексты, записи устной речи и др.), позволяющий исследователю делать достоверные выводы;

в-третьих, возможность для пытливого языковеда найти в монографии «точки роста»: так, например, перспективным представляется исследование семантики невыразимого, поскольку значение этого языкового функционально-семантического значения, как показал автор, имеет большую зону пересечения с умолчанием.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что монография Е. П. Иванян является весомым вкладом в разработку проблемы семантики умолчания в русском языке.

Р. Д. Урунова, *доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Ульяновского государственного университета*

НАШИ АВТОРЫ

Агаджанова Эмилия Рафаэловна — аспирант; заведующая УИЛ «Психолог» кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; contact@ulsu.ru; тел. 8-904-186-89-79.

Андреева Юлия Витальевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии; Ульяновский государственный университет; yulia.andre@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Артамонова Мария Вячеславовна — студентка, 4 курс, Российско-Германский факультет; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии; Ульяновский государственный университет; n_baranetz@mail.ru; тел. 8(8422)32-21-09.

Белик Ирина Станиславовна — заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель начальных классов; специализированная школа № 2 I—III ступеней имени Д. И. Ульянова с углубленным изучением английского языка (г. Феодосия); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Буянкина Ирина Владимировна — студентка, 4 курс, Российско-Германский факультет; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Васильчикова Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и филологии; Ульяновский государственный университет; vasilchikova5@mail.ru; тел. 8-917-623-69-82.

Верёвкин Андрей Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент; доцент кафедры алгебро-геометрических вычислений; Ульяновский государственный университет; a_verevkin@mail.ru; тел. 8(8422)32-21-09.

Власова Наталья Владимировна — доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; vla-nataly@yandex.ru; тел. 8-937-271-72-35.

Волгин Иван Владимирович — художник по свету, артист вспомогательного состава; «Небольшой театр» (г. Ульяновск); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8-917-063-95-65.

Еняшина Наталья Геннадьевна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; natalya.enyashina@mail.ru; тел. 8-927-633-19-23.

Захарова Юлия Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Захарычева Онорина Юрьевна — студентка, кафедра управления; Ульяновский государственный университет; kafupr605@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Кадрия Джулианна Кадриевна — магистр факультета права кафедры финансового, налогового, таможенного права; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва); k_julianna@mail.ru; тел. 8(916)991-06-71.

Кузьмина (Старкова) Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и культурологии; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Куликова Елена Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления; Ульяновский государственный университет; kafupr605@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Лободюк Татьяна Михайловна — студентка, 4 курс, направление «Социология»; Ульяновский государственный университет; tashka-volk@mail.ru; тел. 8-937-277-99-05.

Мартыненко Алла Валентиновна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии; Ульяновский государственный университет; avalmart@list.ru; тел. 8-908-470-74-76.

Мартынов Сергей Валерьевич — студент, 2 курс, факультет экономики; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Машарский Захар Владимирович — кандидат психологических наук, заведующий отделом исследований в области воздушного транспорта; БелНИИТ «Транстехника» (Республика Беларусь); distm@mail.ru; тел. +375(29)533-84-30.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Митина Татьяна Сергеевна — аспирант кафедры психологии и педагогики, ассистент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; cherrity07@mail.ru; тел. 8-927-809-83-49.

Михайлина Ирина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мойсеенко Марина Васильевна — заместитель директора по воспитательной работе, учитель начальных классов; Специализированная школа № 2 I—III ступеней имени Д. И. Ульянова с углубленным изучением английского языка (г. Феодосия); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мухамметжанов Рафаэль Раисович — студент, 2 курс, специальность «Социальная работа»; eldares2014@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мухамметжанов Эльдар Раисович — студент, 2 курс, специальность «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; eldares2014@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мызрова Ксения Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Ощепков Алексей Александрович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальных и философских наук; Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»; sladkod@yandex.ru; тел. 8-903-339-41-89.

Петров Михаил Евгеньевич — учитель профессионально-трудового обучения высшей квалификационной категории; ГБ(О)С(К)ОУ С(К)О школа-интернат VIII вида № 5 (г. Елец, Липецкая область); klassnuyapapa.petrov2010@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Потанина Любовь Евгеньевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; nezumil@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Потапова Анна Александровна — магистрант по направлению «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; potapova99@yandex.ru; тел. 8(8422)37-63-26.

Пфау Татьяна Вильевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии; Медико-психолого-социальный институт, Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова; pfau.tv@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Рассадина Татьяна Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин; Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Рогашова Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Русина Ольга Викторовна — аспирант кафедры философии; Ульяновский государственный технический университет; SyabukovaOlga@yahoo.com; тел. 8-917-611-94-41.

Саблина Майя Александровна — аспирант кафедры уголовного права и криминалистики; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва); maya.sablina@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; Valentina_nauka@mail.ru; тел. 8-985-555-96-99.

Седова Анастасия Олеговна — студентка, специальность «Организация работы с молодежью»; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Семенова Екатерина Дмитриевна — студентка, 3 курс, направление подготовки «Психология»; Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова; pfau.tv@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Сербина Марина Александровна — аспирант кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; contact@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Сковикова Елена Геннадиевна — кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой музыкально-инструментального искусства; Ульяновский государственный университет; elenaskovikova@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Смолькин Валерий Петрович — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; surap99@mail.ru; тел. 8(8422)32-20-25.

Смыслов Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; v.smyslov-73@mail.ru; тел. 8-962-630-96-49.

Степанова Елена Викторовна — студентка, 3 курс, факультет управления; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Урунова Раиса Джавхаровна — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии; Ульяновский государственный университет; urunova_rd@rambler.ru; тел. 8(8422)48-97-20.

Федулова Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; kafregion@sv.ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Филиппова Татьяна Анатольевна — заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»; Муниципальное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 85» (г. Ульяновск); mou85@uom.mv.ru; тел. 8(8422)58-59-92.

Фильченкова Анна Сергеевна — студентка, 4 курс, направление «Социология»; Ульяновский государственный университет; ane4ka944@mail.ru; тел. 8-902-129-94-35.

Хайрудинова Резеда Иршатовна — аспирант, ведущий психолог кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; contact@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Цветкова Ольга Викторовна — кандидат политических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; tsvetkovaov@mail.ru; тел. 8(9510)94-48-24.

Чертушкина Татьяна Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности, начальник организационно-консультационного отдела Управления довузовского образования; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)41-28-17.

Шабалкина Елена Евгеньевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; shabalkina@inbox.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Шабанова Оксана Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; onlyox@yandex.ru; тел. 8(8422)37-63-26.

Шаброва Анастасия Дмитриевна — магистрант, 2 курс, направление «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; shabrova94@gmail.com; тел. 8(8422)37-63-26.

OUR AUTHORS

Agadzhanova Emilia Rafaelovna — post-graduate student; Head of Scientific Research Laboratory "Psychologist"; Ulyanovsk State University; contact@ulsu.ru; tel. 8-904-186-89-79.

Andreeva Yulia Vitalievna — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of the Public Relations, Advertising and Culturology; Ulyanovsk State University; yulia.andre@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Artamonova Maria Vyacheslavovna — student-researcher; Russian-German Department; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Baranets Natalia Grigorievna — Doctor of Philosophy, Professor; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University; n_baranetz@mail.ru; tel. 8(8422)32-21-09.

Belik Irina Stanislavovna — Vice Director; Primary school teacher; English Language Specialized School № 2 named after D. I. Ulyanov (Feodosiya); kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Buyankina Irina Vladimirovna — student-researcher; Russian-German Department; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Chertushkina Tatyana Aleksandrovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Head of Executive Department of Pre-university Board; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)41-28-17.

Enyashina Natalia Gennadievna — Candidate of Pedagogics, senior lecturer; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; natalya.enyashina@mail.ru; tel. 8-927-633-19-23.

Fedulova Anna Vladimirovna — Candidate of History, associate professor; Chair of Russian History, Area Studies and International Relations; Ulyanovsk State University; kafregion@sv.ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Filchenkova Anna Sergeevna — student-researcher; Specialty "Sociology"; Ulyanovsk State University; ane4ka944@mail.ru; tel. 8-902-129-94-35.

Filippova Tatiana Anatolievna — Vice Director; teacher of the integrated training course "Religious cultures and secular ethics"; secondary school № 85 (Ulyanovsk); mou85@uom.mv.ru; tel. 8(8422)58-59-92.

Kadriya Julianna Kadrievna — magister; Chair of Financial, Tax, Customs Law; Law Department; National Research Institution "Higher School of Economics" (Moscow); k_julianna@mail.ru; tel. 8(916)991-06-71.

Khairudinova Rezeda Irshatovna — post-garduate student, leading psychologist; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; contact@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kulikova Elena Vladimirovna — Candidate of Ecomonics, associate professor; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kafupr605@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kuzmina (Starkova) Elena Vladimirovna — Candidate of Sociology, associate professor; Chair of the Public Relations, Advertising and Culturology; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Lobodyuk Tatiana Mikhailovna — student-researcher; specialty "Sociology"; Ulyanovsk State University; tashka-volk@mail.ru; tel. 8-937-277-99-05.

Martynenko Alla Valentinovna — Candidate of Culturology, associate professor; Chair of Culturology; Ulyanovsk State University; avalmart@list.ru; tel. 8-908-470-74-76.

Martynov Sergey Valerievich — student-researcher; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Masharskiy Zakhar Vladimirovich — Candidate of Psychology; Head of Airline Service Research Department; "Transtechnique" (Transport Research Institute, Republic of Belarus); distm@mail.ru; tel. +375(29)533-84-30.

Mikhailina Irina Aleksandrovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mitina Tatyana Sergeevna — post-graduate student; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; cherrity07@mail.ru; tel. 8-927-809-83-49.

Moyseenko Marina Vasilievna — Vice Director; primary school teacher; English Language Specialized School № 2 named after D. I. Ulyanov (Feodosiya); kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mukhammetzhanov Eldar Raisovich — student-researcher; specialty "Social work"; Ulyanovsk State University; eldares2014@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mukhammetzhanov Rafael Raisovich — student-researcher; specialty "Social work"; Ulyanovsk State University; eldares2014@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Myzrova Ksenia Alekseevna — Candidate of Economics, associate professor; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Oshchepkov Alexey Aleksandrovich — Candidate of Psychology, senior lecturer; Chair of Social Sciences and Philosophy; Dimitrovgrad Engineering Institute of Technology (the branch of the National Nuclear Research University «Moscow Engineering Physics Institute»); sladkod@yandex.ru; tel. 8-903-339-41-89.

Petrov Mikhail Evgenievich — teacher of Labor and Professional Training, Higher Qualifications Category; boarding-school № 5 (Yelets, Lipetsk region); klassnuypapa.petrov2010@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Pfau Tatiana Vilievna — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of Psychology; Medico Psychological Social Institute, Khakassia State University named after N. F. Katanov; pfau.tv@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Potanina Lyubov Evgenievna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Philosophy, Sociology and Politology; Ulyanovsk State University; nezumil@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Potapova Anna Aleksandrovna — Magister; Speciality "Social work"; Ulyanovsk State University; potapova99@yandex.ru; tel. 8(8422)37-63-26.

Rassadina Tatiana Anatolievna — Doctor of Sociology, associate professor; Chair of Humanities and Social Disciplines; Ulyanovsk Higher Civil Aviation School; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Rogashova Elena Anatolievna — Candidate if History, associate professor; Chair of Area Studies and International Relations; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Rusina Olga Viktorovna — post-graduate student; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State Technical University; SyabukovaOlga@yahoo.com; tel. 8-917-611-94-41.

Sablina Maya Aleksandrovna — post-graduate student; Chair of Criminal Law and Criminalistics; National Research University "Higher School of Economics" (Moscow); maya.sablina@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Salakhova Valentina Borisovna — Candidate of Psychology, senior lecturer; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; Valentina_nauka@mail.ru; tel. 8-985-555-96-99.

Sedova Anastasia Olegovna — student-researcher; Speciality "Youth outreach management"; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Semenova Ekaterina Dmitrievna — student-researcher, specialty "Psychology"; Khakassia State University named after N. F. Katanov; pfau.tv@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Serbina Marina Aleksandrovna — post-graduate student; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; contact@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Shabalkina Elena Evgenievna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Phylosophy, Sociology and Political Science; Ulyanovsk State University; shabalkina@inbox.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Shabanova Oksana Vladimirovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; onlyox@yandex.ru; tel. 8(8422)37-63-26.

Shabrova Anastasia Dmitrievna — Magister, Speciality "Social work"; Ulyanovsk State University; shabrova94@gmail.com; tel. 8(8422)37-63-26.

Skovikova Elena Gennadievna — Candidate of Art History, associate professor; Head of Chair of Music Instrumental Art; Ulyanovsk State University; elenaskovikova@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Smolkin Valeriy Petrovich — Candidate of Economics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; surap99@mail.ru; tel. 8(8422)32-20-25.

Smyslov Viktor Vladimirovich — Candidate of History, associate professor; Chair of Culturology; Ulyanovsk State University; v.smyslov-73@mail.ru; tel. 8-962-630-96-49.

Stepanova Elena Viktorovna — student-researcher; Department of Management; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Tsvetkova Olga Viktorovna — Candidate of Political Science, associate professor; Ulyanovsk State University; tsvetko-vaov@mail.ru; tel. 8(9510)94-48-24.

Urunova Raisa Dzhavkharovna — Doctor of Philology, Professor; Chair of Philology; Ulyanovsk State University; urunova_rd@rambler.ru; tel. 8(8422)48-97-20.

Vasilchikova Tatyana Nikolaevna — Doctor of Philology, Professor; Chair of Journalism and Philology; Ulyanovsk State University; vasilchikova5@mail.ru; tel. 8-917-623-69-82.

Verevkin Andrey Borisovich — Candidate of Physics and Mathematics, associate professor; Chair of Algebraic and Geometric Calculations; Ulyanovsk State University; a_verevkin@mail.ru; tel. 8(8422)32-21-09.

Vlasova Natalya Vladimirovna — associate professor; Chair of Philosophy, Sociology and Politology; Ulyanovsk State University; vla-nataly@yandex.ru; tel. 8-937-271-72-35.

Volgin Ivan Vladimirovich — lighting designer, Actor in a Supporting Role; «Nebolshoj theatre» (Ulyanovsk); kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8-917-063-95-65.

Zakharova Yulia Nikolaevna — Candidate of Economics, associate professor; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Zakharycheva Onorina Yurievna — student-researcher; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kafupr605@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

К публикации принимаются научные статьи объемом 0,25—0,5 авторского листа (один авторский лист — 40 тыс. печатных знаков с учетом пробелов, знаков препинания, цифр и т. п.) по научным специальностям, по которым ведется подготовка научных кадров в аспирантуре, и сформировавшимся в вузах научным направлениям (экономика, юриспруденция, психология, педагогика, философия, история, политология, филология).

Статьи представляются в двух экземплярах в машинописном виде (текст должен быть отпечатан на одной стороне листа формата А4, шрифт Times New Roman, размер 14, межстрочный интервал 1,5) и в электронной форме (в формате *.doc).

Библиографический список, оформленный в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания, приводится в конце статьи в порядке упоминания источника. В тексте в квадратных скобках дается порядковый номер источника и страницы цитирования (например: [8, с. 25]).

К статье должны быть приложены сведения:

1) фамилия, имя, отчество автора (авторов);

2) место работы с указанием адреса и телефона организации;

3) должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание;

4) контактная информация (почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты);

5) краткая аннотация статьи (на русском и английском языках);

6) список ключевых слов (на русском и английском языках).

Статьи следует направлять в распечатанном (по адресу: 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42) и в электронном виде (E-mail: Simbvest@mail.ru).

При невыполнении авторами отмеченных требований рукописи для рассмотрения редакционной коллегией не принимаются.

Решение редакционной коллегии о принятии к публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки.

Очередность публикаций статей определяется в зависимости от времени представления статьи и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

Направляя статью в редакцию журнала, автор выражает свое согласие на ее опубликование и размещение в сети Интернет (в том числе на официальном сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru), а также на ее распространение в иных формах.

Статьи в журнале «Симбирский научный вестник» размещаются БЕСПЛАТНО.

Первоочередное право на размещение статей имеют подписчики журнала.

ISSN 2224-1620

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK

№ 2(24)
2016

2016 № 2(24)

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-44563 от 15 апреля 2011 г.)

ISSN 2224-1620

Распространяется на территории Российской Федерации

Подписной индекс Каталога Агентства «Роспечать» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году
Выходит 4 раза в год

Очередной номер журнала можно приобрести в редакции

Редакционная группа
Соловьева Л. Г., Петрова Г. И., Пенькова Н. В.

Адрес редакции
Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен и тираж отпечатан в Издательском центре Ульяновского государственного университета
Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 10.06.2016.
Дата выхода в свет 10.06.2016.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 23,2.
Тираж 2000 экз. Заказ 83

Главный редактор
Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора
Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь
Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

Редакционная коллегия

Арзамаскин Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор
Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, профессор
Дергунова Нина Владимировна — доктор политических наук, профессор
Донина Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор
Еняшина Наталья Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент
Калинина Наталья Валентиновна — доктор психологических наук, профессор
Липатова Надежда Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент
Магомедов Арбахан Курбанович — доктор политических наук, профессор
Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор
Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Бакланов Сергей Борисович — кандидат технических наук, доцент, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Морозов Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Шмелева Наталья Борисовна — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Шустова Инна Юрьевна — доктор педагогических наук, с.н.с., ФГБНУ ИСТО РАН (Москва)

Щелина Тамара Тимофеевна — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета (Арзамас)

© Ульяновский государственный университет, 2016

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы;
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций;
- Рукописи авторам не возвращаются;
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» обязательна.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ 9

Рогашова Е. А., Федулова А. В.
РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ: НА МАТЕРИАЛАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ 9

Точеный Д. С., Точеная Н. Г.
КТО ЖЕ УБИЛ А. С. ПУШКИНА? СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ «ПРОКУРОРАМ» И «ЗАЩИТНИКАМ» (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ) 14

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА 25

Еняшина Н. Г., Седова А. О.
КРЕАТИВНОСТЬ КАК ВАЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО СПЕЦИАЛИСТА 25

Машарский З. В.
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИГАДНОЙ РАБОТЫ КАБИННОГО ЭКИПАЖА ВОЗДУШНОГО СУДНА 30

Михайлина И. А., Мухамметжанов Э. Р., Мухамметжанов Р. Р.
ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ДЕТЯМ-СИРОТАМ И ДЕТЯМ, ОСТАВШИМСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 33

Ощепков А. А., **Салахова В. Б.**
ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ МОЛОДЕЖИ, СКЛОННОЙ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ 37

Пфау Т. В., Семенова Е. Д.
ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОЕЙ И ЧУЖИМ ЭТНИЧЕСКИМ ГРУППАМ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХАКАССКОЙ, ТУВИНСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ) 42

Хайрудинова Р. И., Агаджанова Э. Р., Сербина М. А.
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ 46

Шабанова О. В., Потапова А. А.
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ВУЗЕ 50

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПЛОЩАДКИ: НАУКА И ПРАКТИКА

Белик И. С.
РОЛЬ ДИАГНОСТИКИ КАК СРЕДСТВА ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИКА 54

Мойсеенко М. В.
О РОЛИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 58

Петров М. Е.
ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА 61

Филиппова Т. А.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В СВЕТЕ ВНЕДРЕНИЯ ФГОС И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ПЕДАГОГА 66

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ 70

Кадрия Д. К.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ И ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕАЭС 70

Саблина М. А.
ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СПЕЦИФИКА РОЛИ 75

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ 79

Захарова Ю. Н., Мартынов С. В., Мызрова К. А., Степанова Е. В.
ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИНТЕРНЕТ-ПРОДАЖ 79

Захарычева О. Ю., Куликова Е. В.
ТЕКУЧЕСТЬ КАДРОВ КАК ОСНОВНОЙ СТОП-ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ 83

Мызрова К. А., Артамонова М. В., Буянкина И. В., Мартынов С. В.
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИНДУСТРИИ СПОРТА 88

Смолькин В. П., Чертушкина Т. А.
ПОДХОДЫ К РАСЧЕТУ ВЕЛИЧИН ГОСУДАРСТВЕННЫХ НОРМАТИВОВ НА ОДНОГО РЕБЕНКА С ОВЗ (ПО РАЗНЫМ НОЗОЛОГИЯМ) 91

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ 96

Баранец Н. Г.
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ПОД КОНТРОЛЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 96

Баранец Н. Г., Верёвкин А. Б.
Э. Я. КОЛЬМАН — ИДЕОЛОГ В МАТЕМАТИКЕ 100

Волгин И. В., Мартыненко А. В.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОК-КУЛЬТУРЫ 105

Митина И. Д., Мартыненко А. В., Митина Т. С.
ТИПОЛОГИЯ И ФОРМЫ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ФОНДА ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ 110

Митина И. Д., Митина Т. С.
СПЕЦИФИКА ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЖИВОПИСИ 115

Потанина Л. Е., Шабалкина Е. Е.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА НАУКИ В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ» 120

Русина О. В.
КЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ГЕНЕЗИСА 124

Сковикова Е. Г.
МУЗЫКАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. С. СЕРОВОЙ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ 127

Смыслов В. В.
БИНАРНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В МЕНТАЛИТЕТЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ 131

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ 141

Андреева Ю. В.
НОВЫЙ ФОРМАТ МОЛОДЕЖНОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: МЕЖДУ «БЛИЗКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ» И «ДАЛЕКОЙ ПОЛИТИКОЙ» 141

Власова Н. В., Фильченкова А. С.
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМЫ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ 153

Кузьмина (Старкова) Е. В.
ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В Г. УЛЬЯНОВСКЕ (С 1990-Х ДО СЕРЕДИНЫ 2000-Х ГОДОВ) В ИЗЛОЖЕНИИ ЭКСПЕРТОВ 157

Лободюк Т. М., Власова Н. В.
ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ СМИ В РОССИИ 164

Рассадина Т. А.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 168

Цветкова О. В.
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 173

Шабанова О. В., Шаброва А. Д.
Б. Ф. МАЛЕШЕВСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ 177

ФИЛОЛОГИЯ 180

Васильчикова Т. Н.
ТЕОРИЯ ИНТЕРТЕКСТА В ФИЛОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ 180

Урунова Р. Д.
К ВОПРОСУ О ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМАХ РУССКОГО ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ 187

ИНФОРМАЦИЯ 192

Аннотации научных статей, рецензии, отзывы 192

Урунова Р. Д.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е. П. ИВАНЯН «СЕМАНТИКА УМОЛЧАНИЯ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ» (Москва : Изд-во «ФЛИНТА», 2015. 328 с.) 192

Наши авторы 194

Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» 200

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY 9

Rogashova E. A., Fedulova A. V.
REGIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE HUMANITARIAN SECTOR: ON MATERIALS OF THE ULYANOVSK REGION 9

Tochenyi D. S., Tochenaya N. G.
WHO KILLED PUSHKIN? FLOOR IS GIVEN TO THE PROSECUTORS AND DEFENDERS (HISTORIOGRAPHICAL NOTES) 14

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS 25

Enyashina N. G., Sedova A. O.
CREATIVITY AS AN IMPORTANT QUALITY OF A COMPETITIVE SPECIALIST 25

Masharskiy Z. V.
SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE TEAM OF AIRCRAFT CABIN CREW 30

Mikhailina I. A., Mukhammetzhanov E. R., Mukhammetzhanov R. R.
ORGANISATION OF ASSISTANCE TO CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE IN ULYANOVSK REGION: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS AND PROSPECTS 33

Oshchepkov A. A., Salakhova V. B.
FEATURES OF LIFE SITUATIONS OF YOUTH PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR 37

Pfau T. V., Semenova E. D.
ETHNIC ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE OF DIFFERENT ETHNIC GROUPS IN RELATION TO THEIR OWN AND OTHERS' ETHNIC GROUPS (ON THE EXAMPLE OF REPRESENTATIVES OF THE KHAKASS, TUVAN AND RUSSIAN NATIONALITIES) 42

Khairudinova R. I., Agadzhanova E. R., Serbina M. A.
FAMILY PSYCHOLOGICAL SERVICES IN ESTABLISHMENT OF ADDITIONAL EDUCATION AS A FACTOR OF IMPROVEMENT OF ADAPTIVE RESOURCES OF CHILDREN WITH DISABILITIES 46

Shabanova O. V., Potapova A. A.
SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL COACHING AS THE FORM OF EDUCATION IN THE COURSE OF VOCATIONAL TRAINING OF SOCIAL WORKERS IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION 50

TEACHING PLATFORM: THE SCIENCE AND PRACTICE

Belik I. S.
DIAGNOSTICS AS MEANS OF STUDYING THE STUDENT'S DEVELOPMENT LEVEL 54

Moiseenko M. V.
ON THE ROLE OF KEY COMPETENCE IN CONTEMPORARY PRIMARY EDUCATION 58

Petrov M. E.
ACTIVITY FEATURES OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES 61

Filippova T. A.
PRIMARY SCHOOL TEACHERS ACTIVITY DURING THE IMPLEMENTATION OF THE FSES AND TEACHER PROFESSIONAL STANDARDS 66

JURISPRUDENCE 70

Kadriya D. K.
LEGAL REGULATION OF CULTURAL VALUES MOVEMENT: THE PROBLEM OF UNIFICATION AND HARMONIZATION OF EEU LEGISLATION 70

Sablina M. A.
PERPETRATOR: ROLE SPECIFIC 75

ECONOMICS AND MANAGEMENT 79

Zakharova Y. N., Martynov S. V., Myzrova K. A., Stepanova E. V.
FEATURES AND TRENDS OF INTERNET SALES 79

Zakharycheva O. Y., Kulikova E. V.
STUFF TURNOVER AS THE MAIN FACTOR THAT AFFECTS DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE 83

Myzrova K. A., Artamonova M. V., Buyankina I. V., Martynov S. V.
IMPLEMENTATION OF PROJECTS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN SPORTS INDUSTRY 88

Smolkin V. P., Chertushkina T. A.
APPROACHES TO CALCULATION THE AMOUNT OF STATE STANDARDS PER ONE CHILD WITH HEALTH LIMITATIONS (ACCORDING TO DIFFERENT NOSOLOGIES) 91

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY 96

Baranets N. G.
HISTORICAL SCIENCE UNDER THE CONTROL OF SOVIET POWER 96

Baranets N. G., Veryovkin A. B.
E. Y. KOLMAN — IDEOLOGIST IN MATHEMATICS 100

Volgin I. V., Martynenko A. V.
PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND THE CONTRADICTIONS OF MODERN ROCK CULTURE 105

Mitina I. D., Martynenko A. V., Mitina T. S.
TYPOLOGY AND FORMS OF CREATIVE TASKS OF ASSESSMENT TOOLS FUND IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRENDS 110

Mitina I. D., Mitina T. S.
SPECIFICITY OF APPROACHES TO THE ANALYSIS AND INTERPRETATION OF WORKS OF ART ON THE EXAMPLE OF PAINTING 115

Potanina L. E., Shabalkina E. E.
MAIN TRENDS OF THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SCIENCE IN THE «SOCIETY OF KNOWLEDGE» 120

Rusina O. V.
CLASSICAL RATIONALITY IN HISTORY SCIENCE: SOCIOCULTURAL DETERMINATION OF ITS ORIGIN 124

Skovikova E. G.
MUSICAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF V. S. SEROVA IN SIMBIRSK PROVINCE 127

Smyslov V. V.
BINARINESS OF RUSSIAN CULTURE AND ITS IMPLICATION IN THE MENTALITY AND NATIONAL CHARACTER 131

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE 141

Andreeva Y. V.
NEW FORMAT OF YOUTH CITIZENSHIP: BETWEEN "CLOSE EVERYDAY" AND "DISTANT POLICY" 141

Vlasova N. V., Filchenkova A. S.
SOCIAL ASPECTS OF ADVERTISING COMMERCIALIZATION ON TV 153

Kuzmina (Starkova) E. V.
EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF COMMERCIAL RADIO IN ULYANOVSK (FROM THE 1990-S UNTIL THE MID 2000-S) AS SUBMITTED EXPERTS 157

Lobodyuk T. M., Vlasova N. V.
COMMERCIALIZATION CHALLENGES OF MEDIA IN RUSSIA 164

Rassadina T. A.
SOME ISSUES OF CIVIL SOCIETY FORMATION IN MODERN RUSSIA 168

Tsvetkova O. V.
ETHNIC CONFLICT IN THE NORTH CAUCASUS 173

Shabanova O. V., Shabrova A. D.
B. F. MALESHEVSKY AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE PENSION SYSTEM IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA 177

PHILOLOGY 180

Vasilchikova T. N.
INTERTEXT THEORY IN PHILOLOGY: MAIN STAGES OF HISTORICAL FORMATION 180

Urunova R. D.
PREPOSITIONAL FORMS OF RUSSIAN PERSONAL-DEMONSTRATIVE PRONOUNS 187

INFORMATION 192

Summaries of scientific articles, reviews, responses 192

Urunova R. D.
REWIEV ON THE BOOK OF E. P. IVANYAN "SEMANTICS OF APOSIOPESIS AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN RUSSIAN LANGUAGE" (Moscow : "FLINTA" Publisher, 2015. 328 p.) 192

Our authors 194

Rules of representation and registration of mountig of articles by authors for publication in the «SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK» 200

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Е. А. Рогашова, А. В. Федулова

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ: НА МАТЕРИАЛАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Активизация культурно-гуманитарного взаимодействия России и Китая сегодня является одним из ведущих направлений сотрудничества двух стран. Ульяновская область успешно развивает межрегиональные связи с китайскими провинциями в таких сферах, как образование, туризм и спорт.

Ключевые слова: региональное сотрудничество, гуманитарное взаимодействие, образование, Китайская Народная Республика, Ульяновская область, Российская Федерация.

E. A. Rogashova, A. V. Fedulova

REGIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE HUMANITARIAN SECTOR: ON MATERIALS OF THE ULYANOVSK REGION

Revitalization of cultural and humanitarian cooperation between Russia and China is one of the main directions of cooperation between two countries today. Ulyanovsk region is successfully developing interregional ties with Chinese provinces in such areas as education, tourism and sports.

Key worlds: regional cooperation, humanitarian interaction, education, Chinese Peoples Republic, Ulyanovsk Region, Russian Federation.

В последнее время российско-китайские отношения характеризуются устойчиво высокой динамикой развития, прочной правовой базой и разветвленной организационной структурой двустороннего взаимодействия.

Наиболее значимым документом в истории российско-китайских отношений на современном этапе является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанный Президентом В. В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэминем 16 июля 2001 года в Москве [1]. Главными параметрами новой модели двусторонних отношений являются соответствие коренным национальным интересам, равноправие, взаимовыгодность, стремление сотрудничать во всех сферах, включая гуманитарную.

Новый виток укрепления российско-китайских отношений произошел в 2006—2007 годах, когда отмечались соответственно «Год России в Китае» и «Год Китая в России».

В 2012 году был подписан План действий по развитию российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере до 2020 года [2], предусматривающий проведение масштабных мероприятий: Национальных годов, Годов русского и китайского языков, Годов туризма, Годов дружеского международного обмена (2014—2015 гг.). Их реализация существенно расширила связи в сферах образования, науки, культуры, туризма, спорта, здравоохранения, способствовала укреплению отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Российской Федерацией и КНР.

Новой вехой развития российско-китайских отношений стали 2014—2015 гг., когда отношения России со странами Западной Европы вошли в кризисный период.

Активно развиваются межрегиональные связи. Юридической базой является подписанное 10 ноября 1997 года Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и местными правительствами КНР [3].

Действуют Постоянная рабочая группа по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству и созданный в 1998 году Российско-Китайский Координационный совет по межрегиональному и приграничному сотрудничеству, в который входят представители регионов. Изначально сотрудничество двух стран в рамках данного проекта носило в большей степени характер приграничного регионального сотрудничества [4]. Сейчас подписано более 200 соглашений о сотрудничестве между властями административно-территориальных единиц различного уровня обеих стран.

Ульяновская область взаимодействует с Китаем уже около 20 лет. Первое Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между администрацией Ульяновской области и Народным правительством одной из провинций Китая (Шаньси) было заключено ещё в октябре 1997 года. В целом отношения региона и Китая выстраивались по нарастающей и постепенно [5]. 17 октября 2014 года в посольстве КНР в РФ прошла презентация Ульяновской области. Это была 6-я презентация субъектов РФ, прошедшая в посольстве КНР в РФ.

Сегодня регион активно сотрудничает с четырьмя провинциями Китая (Шаньси, Хунань, Аньхой, Хэбэй), с рядом городов налажены побратимские связи.

Согласно данным УФМС по Ульяновской области, только за 2010—2015 гг. количество китайских граждан, пребывающих на территории Ульяновской области, увеличилось в геометрической прогрессии (см. общую графу «Всего» табл. 1).

Следует отметить, что односторонние миграционные потоки из Китая в Ульяновск незначительны. За последние пять лет вид на жительство получили всего пятеро граждан КНР. Большая часть выданных в 2010—2015 гг. виз являются многократными и предоставляются китайским студентам и участникам других образовательных программ: из 226 виз такого типа 134 связаны с учебой, что составляет 59,2 %.

Таблица 1

Данные миграционного учета пребывания граждан КНР на территории Ульяновской области (выборочные данные)*

Год	По приглашению			По целям					Всего
	Всего	Юридические лица	Частные лица	Туризм	Деловая	Работа	Частная	Служебная	
2010	26	23	2	21	7	22	2	-	108
2011	38	30	8	124	32	20	8	3	267
2012	34	29	5	72	65	21	5	21	269
2013	66	58	8	152	105	22	7	7	419
2014	31	30	1	192	153	38	7	80	619
2015	41	41	-	178	173	25	11	19	576

* Составлено на основании данных, предоставленных УФМС России по Ульяновской области за 2010—2015 гг.

Таким образом, как видно из таблицы, значительная часть граждан Китая приезжает в Ульяновскую область с гуманитарными целями, в том числе такими, как туризм.

Сотрудничество в сфере образования, где в данный момент реализуются 12 межвузовских соглашений, является традиционным для Ульяновской области направлением сотрудничества [7].

По информации профильного ведомства, Ульяновский государственный университет (УлГУ) активно взаимодействует с китайскими коллегами с 2003 года. Сотрудничество идет при серьезной поддержке Министерства образования РФ, которое предоставляет целевые бюджетные места. В 2014 году в УлГУ возобновились курсы китайского языка, которые проводятся волонтерами Хейлунцзянского университета.

В 2010—2015 гг. в УлГУ прошли обучение более 80 студентов из Китая: в 2010 году обу-

чалось 25 студентов из Китая, в 2011 — 14, в 2012 — 17, в 2013 — 13, в 2014 — 6, 2015 — 16.

В основном китайская молодежь выбирает направления «Филология» и «Журналистика», хотя их интересуют и другие специальности, например, «Экономика» и «Связи с общественностью + Журналистика». Перед началом основной части обучения все китайские студенты в течение года проходят подготовительные языковые курсы русского языка. Таким образом, вся программа занимает пять лет. Помимо этого, УлГУ предоставляет возможность закончить магистратуру или аспирантуру. По информации международного отдела УлГУ, таких студентов к 2016 году было уже двое (аспирантура была закончена успешно в 2013 году, а магистратура — в 2015 году). Специалисты отдела отмечают, что скорее всего количество китайских студентов (в основном это девушки) в будущем будет только расти.

Взаимодействие Ульяновского государственного технического университета (УлГТУ) с КНР длится порядка 18 лет, в этом году УлГТУ подписал соглашение об академической мобильности с Технологическим университетом Северного Китая. В рамках достигнутых договоренностей предусматривается организация летних и зимних международных школ по повышению квалификации или частичному обучению, проведение курсов и специализированных программ на иностранных языках, ряд научных мероприятий, а также программа двойных дипломов.

По информации профильного отдела, в УлГТУ за 2010—2015 гг. прошли обучение всего 20 китайских студентов: в 2010 году — 4, в 2011 — 4, в 2012 — 4, в 2013 — 4, в 2014 — 4, в 2015 — 4.

В отличие от УлГУ, здесь большинство студентов-китайцев — юноши, которые поступают на специальности «Приборостроение» и «Машиностроение». Ульяновский государственный технический университет также предоставляет возможность закончить подготовительные курсы (в этом году там обучается 1 студент из Китая) и магистратуру (1 студент в этом году).

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (УлГПУ) осуществляет обучение китайских студентов в рамках соглашения по магистерской программе «Педагогическое образование», профиль «Русский язык как иностранный» на базе китайского бакалавриата. В 2015 году 6 человек получили соответствующие дипломы. Что касается бакалавриата в рамках УлГПУ, то за 2013—2015 гг. обучение в вузе закончили 22 студента-китайца: в 2013 году — 6, в 2014 — 10, в 2015 — 6. Большая часть студентов — это девушки, обучающиеся на внебюджетной основе.

Таблица 2

Динамика количества китайских студентов, обучающихся в вузах Ульяновска*

Вуз	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Аспирантура	Магистратура
УлГУ	25	14	17	13	6	16	+	+
УлГТУ	4	4	4	4	4	4	-	+
УлГПУ	-	-	-	6	10	6	-	+

* Составлено на основании данных, предоставленных профильными отделами вузов.

Следует отметить, что УлГУ активно взаимодействует с Джаньгнаньским, Хейлунцзянским, Хунаньским педагогическими университетами, а также Тяньцзиньским международным институтом культуры. УлГТУ ведет работу с Технологическим университетом и Пекинским университетом почты и телекоммуникаций, УлГПУ — с Чанчуньским институтом Гуанхуа [8].

В этом году заключено соглашение между Ульяновской государственной сельскохозяйственной академией и Китайским государственным институтом пищевой и ферментативной промышленности и Китайско-российским технопарком.

Кроме того, в рамках развития взаимодействия ульяновских вузов и университетов КНР ежегодно подписывается ряд соглашений о студенческих обменах, участии в совместных выставках, конкурсах, форумах.

Что касается такого направления сотрудничества, как туризм, то еще в советское время Ульяновская область была в этой сфере (как родина В. И. Ленина) достаточно привлекательна для КНР. Поэтому неудивительно, что первый совместный инвестиционно-туристический проект России и Китая (проходящий через территорию ПФО) «Красный маршрут» был запущен в 2014 году при активном участии Ульяновской области [6].

Согласно данным УФМС по Ульяновской области, за 2010—2015 гг. динамика количества туристов из КНР на территории области выглядит следующим образом: в 2010 году из 108 поставленных на учет граждан Китая 21 были зарегистрированы как туристы (что составляет 19,4 % от всех прибывших), в 2011 году из 267 — 124 (46,4 %), в 2012 из 269 — 72 (26,7 %), в

2013 из 419 — 152 (36,2 %), в 2014 из 619 — 192 (31,0 %), а в 2015 из 576 — 178 (28,7 %).

Таким образом, исходя из статистических данных, можно отметить, что Ульяновская область для китайских граждан и помимо «Красного маршрута» является достаточно привлекательной в плане туризма.

Однако, несмотря на значительное увеличение количества туристов из КНР за последние годы, процентное соотношение с общим числом китайцев, пребывающих на территории региона, сокращается, что говорит о серьезном расширении и других направлений российско-китайского взаимодействия.

Еще одним направлением гуманитарно-молодежного взаимодействия Ульяновской области и Китая является спорт. Новое направление появилось в связи с подготовкой Чемпионата мира по футболу 2018 года, который должен состояться в России. В рамках соглашения, которое подписали Президент Чунцинского международного туристического агентства «ЦзюБай» Чэн Юаньшэн и руководитель Ульяновского областного ресурсного центра развития туризма и сервиса Юлия Скоромолова, будет реализован международный спортивно-туристический проект «Навстречу чемпионату мира по футболу — 2018». В его рамках будут организованы поездки футбольных молодёжных команд из Китая в Ульяновск на 15 дней [9].

Как отмечал Губернатор области Сергей Морозов, принимавший участие в работе XVI заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству (Сиань, КНР) в 2015 году, «гуманитарное сотрудничество Ульяновской области с КНР активно продолжается, и на сегодняшний день охватывает такие сферы, как туризм, образование, наука, медицина, культура, спорт, работа с молодёжью, проведение научно-исследовательских проектов и укрепление культурных связей» [10].

В 2016 году между Ульяновской областью (в составе ПФО) и провинцией Хунань подписано 21 рамочное соглашение о сотрудничестве, осуществляется подготовка к подписанию ещё 10 проектов таких договорных документов — сообщил заместитель полпреда Президента РФ в ПФО Алексей Сухов. Также он отметил, что рассматривается возможность заключения Меморандума о взаимодействии между Министерством образования и науки Ульяновской области и Департаментом образования провинции Хунань КНР, а также Меморандума о взаимопонимании и дальнейшем укреплении сотрудничества между Министерством физической культуры и спорта Ульяновской области и Управлением физической культуры и спорта провинции Хунань на 2016—2024 годы [11].

Таким образом, в настоящее время активно развиваются всесторонние отношения стратегического партнерства и культурно-гуманитарного взаимодействия России и Китая, цель которых — формировать устойчивый позитивный образ страны-партнера.

Ульяновская область имеет огромный потенциал в данной сфере, который успешно реализуется.

---

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. URL: http://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html.
2. План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 г. URL: http://www.russiatourism.ru/data/File/news_file202012.pdf.
3. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и местными правительствами КНР от 10 ноября 1997 г. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/a66dfb77d1f91eb743256c8a0047bc22.
4. Подробнее см. материалы сайта МИД РФ: Российско-китайское региональное и приграничное сотрудничество (справочная информация). URL: http://archive.mid.ru//BDOMP/bl-raz.nsf/7b27b40957ce8e5743256a2c00350999/551532686a89598943256c7d00699440; О российско-китайском региональном и приграничном сотрудничестве (справочная информация). URL: http://www.mid.ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/363276/pop_up?_101_INSTANCE_WhKWb5DVBqKA_viewMode=tv&_101_INSTANCE_WhKWb5DVBqKA_qrIndex=0 и др.
5. Подробнее см.: Инвестиционные послания Губернатора Ульяновской области. URL: http://ulgov.ru/page/index/permlink/id/11183/?util=print; http://ulgov.ru/page/index/permlink/id/8196/?util=print; http://ulgov.ru/page/index/permlink/id/12729/?util=print и др.
6. «Красный маршрут» — соглашение между региональным агентством «Ульяновсктуризм» и крупной туристической компанией КНР «Хуамин Солюкс Интернэшнл Трэвел», которое представляет собой культурно-познавательный восьмидневный гранд-тур с посещением двух столиц России и Родины В. И. Ленина по маршруту Москва — Санкт-Петербург — Ульяновск. Подробнее см.: URL: http://ulgov.ru/news/regional/2014.01.31/32224; http://ulgov.ru/news/regional/2016.03.24/42537 и др.
7. Ульяновская область продолжает развивать сотрудничество с Китайской Народной Республикой в сфере студенческих обменов. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2015.09.23/40475.

8. В Китае презентован потенциал вузов Ульяновской области. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2014.12.12/36800.
9. Молодёжные футбольные команды из Китая будут тренироваться в Ульяновской области. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2016.02.18/42241.
10. Губернатор Сергей Морозов: «Мы ведём переговоры с «Волга-Днепр» об открытии прямого авиасообщения с КНР». URL: http://ulgov.ru/news/important/2015.10.09/40669.
11. Ульяновская область подпишет несколько соглашений с КНР. URL: http://ulgov.ru/news/regional/2016.03.19/42492.

Д. С. Точеный, Н. Г. Точеная

КТО ЖЕ УБИЛ А. С. ПУШКИНА? СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ «ПРОКУРОРАМ» И «ЗАЩИТНИКАМ» (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

О трагической смерти «солнца нашей поэзии» написаны тысячи работ, но они не приблизили нас к ответу о главном виновнике этого печального события.

Ключевые слова: убийство, П. Е. Щеголев, Николай I, Бенкендорф, Уваров, Герцен, Огарев, Дантес, Сальери, Н. Я. Эйдельман, Э. Багрицкий, А. Ахматова, Р. Г. Скрынников, Л. Аринштейн, Д. С. Мережковский, А. Блок.

D. S. Tochenyi, N. G. Tochenaya

WHO KILLED PUSHKIN? FLOOR IS GIVEN TO THE PROSECUTORS AND DEFENDERS (HISTORIOGRAPHICAL NOTES)

There are thousands of works about the tragic death of "the sun of Russian poetry". But they have not brought us closer to the answer about the main culprit of the sad event.

Key words: murder, P. E. Shchegolev, Nikolas I, Benkendorf, Uvarov, Herzen, Ogarev, Dantes, Salieri, N. J. Eidelman, E. Bagritsky, A. Ahmatova, R. G. Skrynnikov, L. Arinshtein, D. S. Merezhkovsky, A. Blok.

На необычные трудности, возникающие перед исследователями последних дней жизни великого поэта, сетовали многие выдающиеся литературоведы. «Что делать! — жаловался в середине XIX века первый его биограф П. В. Анненков. Он (Пушкин) в столице, женат, уважаем — и потом вдруг убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. Есть кое-какие факты, но плавают они в пошлости» [1].

В 1916 году П. Е. Щеголев, более чем яркая звезда пушкиноведения, констатировал с долей сожаления: «Количественно литература о дуэли и смерти поэта велика, но качественное ее значение прямо ничтожно. Кажется, ни об одном периоде жизни поэта нет такого множества рассказов, воспоминаний современников, писем, но материалов документального характера в этом обилии крайне мало, а критические исследования имеющихся материалов просто отсутствуют в пушкинской литературе» [2].

Спустя несколько десятилетий мысль П. Е. Щеголева развил Н. Я. Эйдельман: «Каждый пишущий и читающий о Пушкине, углубляясь в дьявольские хитросплетения интриги, ищет ответа на главнейший и простейший вопрос: так от чего же погиб Пушкин. Ищет и затрудняется. Во-первых, сюжет крайне деликатный, где даже крупнейшие специалисты порою сбивались на бытовые мелочи, невольно отдавали дань сплетням, допускали этические просчеты. Во-вторых, проблема фактов: многих подробностей мы не знаем, важнейшие слова были в свое время не записаны, а только произнесены. Отсюда обилие необоснованных, искусственных гипотез: в то же время фактов не так уж мало, в них легко утонуть, крайне трудно вовремя отвлечься для необходимых обобщений. В-третьих, постоянная опасность, подстерегающая любого исследователя, а историка нравов, человеческих отношений в особенности: речь идет об измерении прошедшего мерками другой эпохи, позднейшими психологическими нормами» [3].

Причины гибели А. С. Пушкина анализировали мемуаристы, писатели, журналисты, драматурги, политики, медики, психологи, философы, филологи. В большинстве случаев они называли пофамильно виновников смерти великого поэта, высказывали самые различные версии событий, приведших в итоге гениального художника слова к трагическому концу. В целом на протяжении почти 180 последних лет авторы воспоминаний, обществоведы, специалисты-пушкинисты разделились на три основных направления. Представители первого именовали главным злодеем Николая I, выразители взглядов второго кляли на чем свет стоит окружение им-

ператора, сторонники третьего не жалели отрицательных эпитетов применительно к светскому обществу.

Кажется, что среди отечественных историков (и среди широкой публики тоже) до сих пор преобладало мнение, что к роковому выстрелу, оборвавшему жизнь лучшего поэта России, причастен в той или иной степени Николай I — мучитель нашего многострадального народа. Одним из первых облик этого палача, сжившего со света автора «Евгения Онегина», нарисовал А. И. Герцен: «Император вернул Пушкина из ссылки через несколько дней после того, как были повешены по его приказу герои 14 декабря. Своей милостью он хотел погубить его в общественном мнении, а знаками своего расположения — покорить его. Продолжая комедию, Николай произвел Пушкина в камер-юнкеры. В 1837 году Пушкин был убит одним из чужеземных наемных убийц, которые подобно наемникам средневековья или швейцарцам наших дней готовы предложить свою шпагу к услугам любого деспотизма. Он пал в расцвете сил. Царь лишил народ права похоронить своего поэта. Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех толкает в могилу неумолимый рок» [4].

Заклеймил преступление Николая I и друг А. И. Герцена — известный публицист и революционер Н. П. Огарев:

Он зло, и низостно, и больно
Поэту душу уязвил,
Когда коварными устами
Ему он милость подарил
И замешал между рабами
Поэта с вольными мечтами [5].

В конце XIX века историк литературы А. Д. Скабичевский тоже нанес яркий мазок в карикатурный портрет инквизитора Николая I. Он подчеркнул, что французский подданный Ж. Дантес, убивший А. С. Пушкина, состоял «под особенным покровительством императора» [6]. Ничуть не сомневался в черных замыслах царя и профессор истории, энциклопедически образованный П. Н. Милюков. Разоблачая Николая I, этот общественный деятель заключил: «Он был, в сущности, единственным лицом, которое могло бы предупредить развязку, если бы хотело. Император ничего для этого не сделал. Он, напротив, считал, что «дерзкое» письмо Пушкина к Геккерну сделало Дантеса правым в сем деле» [7].

Советские историки, обязанные в соответствии с коммунистической идеологией беспощадно разоблачать самодержавие, без обиняков называли царя убийцей великого поэта. Так, М. Н. Покровский, самый маститый служитель богини Клио в 20-е годы XX века, заявил, что император-развратник уничтожил А. С. Пушкина, чтобы овладеть его красавицей-женой [8]. В период доминирования культа личности Сталина у отечественных обществоведов прочно утвердилось мнение, что национальную политическую гордость при дворе окружала обстановка неуважения, зависти и недоброжелательства, что там назрел заговор против А. С. Пушкина. И руководил кучкой аристократов-мерзавцев сам Николай I. «Александр Сергеевич, — писал в 1936 году один из ведущих идеологов ВКП(б) В. Кирпотин, — чувствовал себя затравленным. Его обступила стена врагов. Царь насильно держал поэта в этом пекле, не выпуская его из Петербурга, требуя его участия в придворной и светской жизни. Доведенный до крайности, Пушкин решил любой ценой добиться какого бы то ни было выхода из создавшегося положения. Он попытался в последний раз найти управу на своих врагов у царя. Он сообщил Николаю о ведущейся интриге, по-видимому, дав ему понять, что распускаемые сплетни чернят и самого царя. Николай приказал ему молчать. Тогда Пушкин решил сразиться хоть с одним из своих врагов не на жизнь, а на смерть» [9].

Тезисы В. Кирпотина механически (порой, правда, с элементами художественной фантазии) перепевались не только до распада тоталитарной системы, но иногда и после. Профессор высшей партийной школы Э. Н. Бурджалов в 1940 году осудил невиданно жестокое отношение к А. С. Пушкину: «Царь и поэт неизбежно должны были разойтись в разные стороны. Свободолюбивый поэт не мог примириться с существующим порядком. Он не находил выхода из кошмара николаевской реакции. Самодержавие следило за каждым шагом поэта, против него возбуждали следствия, ему делали выговоры. Пушкин чувствовал себя одиноким в среде тогдашнего дворянства. Гениальный русский поэт, восславивший свободу, пал в результате той травли, которую организовало против него высшее общество России во главе с самим царем» [10].

Раскрывая безнравственный облик Николая I, некоторые литературоведы пытались доказать, что император сыграл зловещую роль не только в организации дуэли, но и принял все меры к умерщвлению раненого поэта. И. Сергиевский

выразил убеждение в том, что рана, нанесенная Пушкину, была не смертельна, хотя и опасна. Если бы в то время были приняты нужные меры, жизнь поэта, может быть, удалось бы спасти. Но затеянный против него заговор продолжал действовать с прежней неуклонностью. Начинается ряд моральных пыток, преследующих одну цель: довести Пушкина до могилы. Приходит письмо от царя, в котором обессиленному страданиями поэту предлагается немедленно, пока он жив, принять все меры, чтобы не был разглашен подлинный смысл случившегося. Получив это приказание, Пушкин велел вынуть из ящика стола и у себя на глазах сжечь какой-то документ, который, очевидно, мог бы пролить свет на многие обстоятельства, предшествовавшие дуэли.

Поэту строго было рекомендовано воздержаться от каких бы то ни было обвинений по адресу истинных виновников катастрофы. Его, человека неверующего, давнего врага всяческой обрядности, заставили позвать священника и выполнить комедию исповеди и причастия. Да и лечили Пушкина не слишком усердно. Не были применены некоторые медицинские мероприятия, диктовавшиеся наукой того времени. Кто знает — не получил ли пользовавший его лейб-медик Арендт соответствующих внушений свыше, хотя и высказанных в достаточно завуалированной форме. Все эти меры приводят к желанному для властей результату: 29 января (10 февраля по н. ст.) 1837 года, в 2 часа 45 минут пополудни, одного из величайших гениев не стало [11].

Вопрос о том, правильно ли лечили А. С. Пушкина после ранения, также привлек внимание Б. Мейлаха. После долгих размышлений над соответствующими документами и статьями светил медицинской науки он пришел в 1975 году к следующему безапелляционному заключению: «Николай I был, несомненно, заинтересован в скорейшей смерти раненого поэта. Имелись серьезные отступления от врачебной этики, сознательно или бессознательно допущенные под воздействием хитроумно-иезуитской тактики коварнейшего из российских самодержцев» [12].

В завершающий период существования СССР литературоведы отказались от соблазна проведения параллелей между историческими сюжетами Сальери — Моцарт и Николай I — Пушкин: достоверных фактов на этот счет никто так и не смог обнаружить. Все осталось на уровне ярких, но необоснованных предположений. Однако ненависть к императору не ослабевала. Вот как прокомментировал в 1989 году В. В. Кунин последнюю встречу императора и великого поэта: «Пушкину дана личная аудиенция. Николай I, как бы теперь не камуфлировали это различными логическими построениями, не прочь был избавиться от поэта. Независимых людей при дворах не выносят — их иногда только терпят. Царь сделал очередной тактический ход. Он успокоил Пушкина, взял с него слово «не драться» и «в случае чего» повелел обратиться прямо к нему. Уже в который раз в жизни Пушкина царская милость оказывалась горче наказания» [13]. Итак, государь взял слово у Пушкина «не драться» на дуэли без его разрешения. Так что же здесь дурного можно усмотреть? В чем можно обвинить императора?

А вот еще один пример недобросовестной интерпретации документа. В 1848 году Николай I поделился с М. Корфом воспоминаниями о великом поэте: «Я впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного и покрытого ранами от известной болезни.

— Что сделали бы Вы, если 14 декабря были в Петербурге? — спросил я его между прочим.

— Стал бы в ряды мятежников, — отвечал он. На вопрос мой, переменился ли образ его мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я его отпущу на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14 декабря, но очень долго колебался с прямым ответом и только после долгого молчания протянул руку, с обещанием — сделаться другим. И что же? Вслед за тем он, без моего позволения и ведома, ускакал на Кавказ! К счастью, там было кому за ним присмотреть, Паскевич не охотник шутить».

И вот какой вывод сделал Н. Я. Эйдельман по прочтении этого сообщения: «Поражает неприязнь, злость и, пожалуй, даже отвращение, с которым говорил о Пушкине царь с его странным знакомым. Создается впечатление, что с годами Николай I все больше и больше недоволен Пушкиным и посылает ему, так сказать, посмертный выговор» [14]. Нам представляется, что Н. Я. Эйдельман, рисуя портрет императора, сгущает краски. (К тому же Пушкин на Кавказе явно рисковал жизнью, пытаясь убить хотя бы одного турка. Паскевич запретил ему участвовать в военных действиях.)

После распада Советского Союза, как известно, произошло переосмысление многих исторических проблем, даны совершенно иные оценки деятельности ряду государственных деятелей России. Меньше повезло Николаю I.

Большинство исследователей по-прежнему рассматривают этого императора как прямого, а в лучшем случае косвенного убийцу гениального поэта.

Ободовская И. и М. Дементьев на исходе второго тысячелетия продолжали в своих научных трудах бичевать российского царя, сумевшего задушить простодушного автора «Евгения Онегина». «Чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение, — полагают они, — Николай I вызвал Пушкина из ссылки и обещал ему быть его цензором. Пушкин поверил в «милости» царя, в его желание либеральных реформ. Однако вскоре понял, что эти надежды неосновательны. Николай I, прекрасно понимая оппозиционную сущность Пушкина и продолжая внешне разыгрывать «покровителя» поэта, по существу, преследовал, угнетал его как человека и писателя. Пушкин неоднократно пытался вырваться из Петербурга, но каждый раз это вызывало недовольство Николая I, стремившегося удержать поэта в столице под надзором. Окружавшая Пушкина обстановка в конце концов привела к гибели» [15].

Благому Д. Николай I представляется в облике коварнейшего змея-обольстителя: «Четыре месяца, проведенные молодыми Пушкиными в Царском Селе, были едва ли не самыми счастливыми, самыми безоблачными. Но в те же счастливейшие дни произошла встреча Пушкиных во время прогулок с царской четой. Она превратила так трудно завоевываемое счастье в жизненную дорогу поэта не только в уныние, но и роковой погибельный путь». И когда царь назначил ему годовое приличное жалование, то Александр Сергеевич по наивности «не подозревал во что обернется ему новая милость царя» [16].

Яркой догадке Д. Благого о «роковой роли императорской четы» в судьбе поэта несколько иное толкование дал Е. Стеценко. Потрясающее открытие озарило его. Оказывается, последняя дуэль Пушкина была продуманной и спланированной акцией, проведенной Николаем I и Александрой Федоровной. «Анализируя все свидетельства, дошедшие до наших дней, — заявил в 2011 году этот литературовед, — мы невольно заметим, как все высказанное соединится в четкое и последовательное повествование, и тогда у нас не будет сомнений в обвинении обоим Геккернам: злодейское, подлое, преднамеренное убийство Александра Сергеевича Пушкина под видом честного поединка! Известно, что убийца русского поэта по весьма сомнительным причинам был освобожден от сдачи экзамена по уставу службы, военному судопроизводству и русскому языку; после чего барон Дантес, по сути сказать, нищий и вышедший из неименитого рода, зачисляется в Кавалергардский полк! Есть также исторические данные, что до поступления на службу он был представлен российской императрице Александре Федоровне, а полку его представил сам император Николай I» [17].

Со всем пылом страсти обличали Николая I не только историки, литературоведы, но и художники слова. М. Цветаева, размышляя о целесообразности слома монументов в царской России, категорично заявила: «Единственный памятник, который следовало, несомненно, сбить, это памятник императору, убийце Пушкина. Или, щадя работу Клодта, сделать надпись: «Памятник, воздвигнутый убийце Пушкина». Разъясняя более детально свою позицию, она написала: «Николай I Пушкина ласкал, как опасного зверя, который вот-вот разорвет. Николай I посадил Пушкина в клетку, а клетку позолотил (мундир камер-юнкера, открытый доступ в архив. В итоге вместо жизни — смерть)» [18]. Поэтесса А. Ахматова, как и М. Цветаева, не раз поминала Николая I недобрым словом. В частности, она отметила, что император сыграл в жизни А. С. Пушкина крайне неприглядную роль (обманул его ужасным и беспощадным образом накануне дуэли) [19].

Искренние чувства миллионов простых советских людей к извергу-императору точно воспроизвел Э. Багрицкий:

Наемника безжалостную руку,
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвои
Следит упорно, — взведены ль курки.
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые скользкие зрачки [20].

Трактовка Николая I как отпетого негодяя утвердилась, естественно, и в учебных пособиях. И. В. Кузнецов и В. И. Лебедев в книге для учителей создали портрет тирана, уничтожающего без колебаний всех носителей вольномыслия: «Царь преследовал не только создание тайных кружков и организаций, но и всякое стремление к свободе. Жертвами его репрессий стали гениальные русские поэты А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, талантливые поэты Полежаев, Печерин и другие» [21]. Весьма незатейливая легенда о Николае I как средоточии всего российского зла настойчиво внушалась авторами учебников по истории и литературе для восьмиклассников [22].

Кажется, ненависть и презрение к этому императору захлестнули в XX веке не только Российское государство, но и перелились через

его границы. Е. Лецкий, один из ярких публицистов первой волны эмиграции, рассматривал его как исчадие ада: «С мастерством утонченного гения инквизиции Николай Павлович приближал к себе Пушкина, оказывая ему внимание, платя долги, заранее учитывая чувства благородной признательности со стороны поэта. Одновременно тот же царь не снимал с него камер-юнкерского мундира, ни на минуту не спуская с него жандармских глаз, не разрешая выехать за границу, с цензорской подозрительностью следил за каждой строкой его творений и, «рыцарски» склоняясь перед красотой его жены, не давал своего монаршего соизволения на переезд Пушкиных в деревню из ненавистного Петербурга. Царь и боялся Пушкина, его острого слова и чуткой мысли, и не любил — во всяком случае, не умел — ценить его дарования» [23].

Разумеется, по логике обвинителей Николая I, у этого мерзавца должны быть подручные. Правой рукой преступника-императора стал шеф жандармов и начальник III отделения Канцелярии его величества А. Х. Бенкендорф. По разным причинам в глазах части российского общества он стал олицетворением едва ли не вселенского зла — нечто средним между И. Лойолой и М. Скуратовым. Секундант А. С. Пушкина К. К. Данзас одним из первых высказался о неблаговидной роли этого злодея: «На стороне барона Геккерна и Дантеса был, между прочим, и покойный граф Бенкендорф, не любивший Пушкина. Одним этим нерасположением и можно объяснить, что дуэль не была остановлена полицией. Жандармы были посланы в Екатерингоф будто бы по ошибке, думая, что дуэль должна происходить там, а она была за Черной речкой, около Комендантской дачи» [24].

В конце XIX века отрицательную характеристику А. Х. Бенкендорфу дал один из авторов «Энциклопедического словаря»: «Предание и некоторые историки приписывают шефу жандармов в деле декабристов весьма некрасивую роль. Чрезмерная цензурная строгость Бенкендорфа и чрезвычайно суровое отношение его ко всем, кто казался ему политически опасным, тяжелым бременем ложились на духовное развитие русского общества. С упорством и нетерпимостью узкого во взглядах и неумного человека, Бенкендорф старался во всех самостоятельных стремлениях отдельных лиц и всего русского общества найти и уничтожить зародыши ужасного будущего. При этом он мало стеснялся соображениями человечности и даже законом. Несомненна его косвенная виновность в смерти Пушкина» [25].

Гадкую сущность начальника III отделения и его мерзопакостное, ядовитое отношение к великому поэту раскрыл Н. Я. Эйдельман: «Бенкендорф искренне не понимал, что нужно этому Пушкину, но четко и ясно понимал, что нужно ему, генералу, и высшей власти. Поэтому, когда Пушкин отклонялся от правильного пути к добру, генерал писал ему вежливые письма, после которых не хотелось жить и дышать» [26].

Анисимов Е. В. и А. Б. Каменский выявили, пользуясь методикой Н. Я. Эйдельмана, еще одну отвратительную сторону работы А. Х. Бенкендорфа и его вездесущих шпионов-доносчиков, задушивших в своих сетях замечательного поэта: «От всевидящего ока тайной полиции укрыться было невозможно никому. В этом была причина трагедии А. С. Пушкина, отчаянно боровшегося в николаевские годы за неприкосновенность своего внутреннего мира и семьи. Между тем тайных агентов III отделения и жандармов интересовали не только задуманные политические преступления. Они вскрывали частные письма, просматривали книги, которые читают люди. Весной 1934 года Пушкин узнал, что его письмо к жене было распечатано на почте, скопировано и из III отделения доставлено царю» [27].

Брезгливое отношение к шефу жандармов продемонстрировали и другие пушкиноведы. И. Ободовская и М. Дементьев считали, что Бенкендорф «враждебно относится к поэту, письма его к нему были холодно-официальными, зачастую очень резкими» [28]. Д. Благой назвал начальника III отделения «волком в овечьей шкуре» [29]. Но самый бескомпромиссный приговор этому изощренному лицемеру и кровопийце вынес Р. Г. Скрынников: «Поведение Бенкендорфа после кончины Пушкина подтвердило, что шеф жандармов был самым опасным и вероломным врагом поэта» [30].

Кажется, что с Р. Г. Скрынниковым спорить невозможно: действительно, шеф жандармов представлялся многим каким-то мифологическим чудовищем, напоминающим стоглавую гидру. Но, нет, Ю. М. Лотман нашел монстра еще пострашнее. По его мнению, таковым являлся президент академии наук и министр просвещения: «Среди наиболее непримиримых врагов поэта в середине 1830-х годов должен быть назван С. С. Уваров. Конфликт его с Пушкиным не был случайным. Он не щадил никаких средств, чтобы угодить барину (Николаю I). Уваров давал понять императору, что меры, принимаемые Бенкендорфом для обуздания литературы, недостаточны… Соперничество между

Уваровом и Бенкендорфом, между ведомствами идейного руководства и полицейского надзора за литературой, — приводил новые аргументы Ю. М. Лотман, — необходимо учитывать для понимания одного из самых острых конфликтов Пушкина с правительством. Уваров добился, чтобы журнал Пушкина «Современник» проходил кроме цензуры Бенкендорфа еще и обычную, и сознательно давал Пушкину наиболее глупых и трусливых цензоров. Положение Пушкина как литератора делалось невыносимым. Уваров медленно и систематически затягивал на его горле петлю» [31].

Бенкендорф А. Х. и С. С. Уваров являлись для части населения теми фигурами, которые воплощали в себе жадную толпу, стоящую у трона и палаческим образом терзающую гениального поэта. Злодеев-вельмож, имеющих конкретные имена и фамилии, подпирала относительно безликая родовитая знать, или высшее общество, о гнусной роли которого в судьбе А. С. Пушкина с возмущением написал М. Ю. Лермонтов:

Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид.
Восстал он против мнений света
Один, как прежде, и убит.

Точка зрения Михаила Юрьевича находила сторонников и в XIX, и XX веках. Например, она очень понравилась И. Ободовской и М. Дементьеву. «Пушкин, — с предельной простотой сформулировали они свою позицию в 1985 году, — пал жертвою клеветы и ненависти великосветского общества» [32]. Соглашаясь с таким заключением в целом, некоторые публицисты и литературоведы считают необходимым конкретизировать долю участия отдельных представителей знати в убийстве поэта. Пушкинисты успешно выявили несколько подозрительных субъектов света, символизирующих его темные силы.

Аринин В. абсолютно уверен, что один из основных центров высшего общества, объединявших врагов поэта, возглавила «поистине красивейшая из женщин». Именно эта прелестница с таким искусством, таким коварством и жестокостью, на что способна лишь злая женщина, провела интригу против поэта. Пушкин пал жертвою заговора. Дантес был просто исполнителем. Вдохновительницей же заговора являлась, вероятнее всего, женщина. И я ее считаю тоже убийцей поэта. Это Идалия Полетика». Обвиняя ее, В. Аринин приводит, по его мнению, «неопровержимые» факты: «Она была безумно влюблена в Дантеса, подчиненного своего мужа. Тем не менее поощряла его ухаживания за Пушкиной. И более того, изо всех сил старалась свести Наталию Николаевну с Дантесом. Какое-то извращенное сладострастие и жажда мести переполняли ее. Она объединила вокруг себя всех, кто не любил Пушкина». В. Аринин также высказал предположение, что И. Полетика имела прямое отношение к изготовлению и отправке А. С. Пушкину провокационного «документа» — «диплома Ордена Рогоносцев». Столь же любопытно утверждение этого пушкиниста, к сожалению, не подкрепленное никакими аргументами, что И. Полетика была связана с помощником Бенкендорфа, начальником штаба Корпуса жандармов Дубельтом [33].

Тыркова-Вильямс А. нашла другой светский салон, источавший ядовитые пары, очень вредные для поэта. Она вспомнила о догадке Александра II по поводу роли М. Д. Нессельроде, жены министра иностранных дел: «Насколько у этой знатной дамы, которая по положению мужа могла причинять немало зла, была недобрая репутация, можно судить по тому, что император Александр II раз за обедом в Зимнем дворце сказал:

— Мы же знаем теперь автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина. Это Нессельроде.

В этих случайно брошенных словах — указание на ту враждебную официально-светскую атмосферу, где Пушкин задыхался» [34].

Знакомство с биографической литературой о Пушкине приводит едва ли не каждого читателя к бесспорному постулату: высшее общество в первой половине XIX века — это клубок смертоносных змей, скорпионов, тарантулов и прочей нечестии. По нашему мнению, там обитали и настоящие оборотни. Вот, например, Н. Н. Пушкина, которую великий поэт трогательно и восторженно называл часто мадонной. Но некоторые публицисты и литературоведы вскрыли ее подноготную и дали ей совсем другую оценку. А. И. Герцен сказал о том, что Наталья Николаевна сыграла печальную роль в судьбе своего мужа: она «стала причиной его гибели» [35]. Используя сталинскую лексику, советский критик В. В. Ермилов отнес пушкинскую мадонну к категории врагов народа: «Агентура правительства проникала повсюду, она проникла даже в семью Гончаровых. Используя светское легкомыслие Натальи Николаевны, придворная камарилья сделала из жены поэта свое орудие, она подослала своего агента, космополитического проходимца без роду и племени, француза по происхождению, ставшего голландцем по подданству» [36].

Современники-пушкинисты, к нашему удовлетворению, не склонны к употреблению крепких политических выражений по отношению к мадонне, но тем не менее не отвергают мысли о виновности ее в гибели Александра Сергеевича. Е. Рябцев пишет с оттенком грусти, что только после ранения своего супруга она прозрела: «Наконец-то Натали поняла, что случилось. Ее любовь к Дантесу, как к «сказочному» принцу, оказалась смертельной для мужа» [37]. Сходную позицию в оценке ее поведения занимает Ю. Дружников. Анализируя работы выдающихся биографов поэта, он пишет: «Щеголев и Вересаев, собрав огромный материал, прямо обвиняют в смерти Пушкина его жену, и их аргументы очень весомы» [38].

Мы никогда бы не поверили, что обаятельная, чертовски милая, изумительно красивая (мать четверых детей, славных малышек-лапушек) Наталья Николаевна решится на «мокруху» — убийство своего мужа, который в ней души не чаял. Но нельзя не верить целой плеяде пушкинистов, заклеймивших эту жестокосердную гурию. Впрочем, чего не бывает. Возможно в нее вселился бес, подосланный Николаем I, Бенкендорфом, Уваровым или неизвестной нам бандой заговорщиков из числа представителей светского общества. Тем более, что не одна Наталья Николаевна сумела прикинуться бедной овечкой. Бдительные пушкинисты, основательно пошерстив ближайшее окружение поэта, обнаружили там таких мухоморов, что разум отказывается верить.

Например, более полутора веков биографы рассматривали К. К. Данзаса как человека, вполне лояльно относившегося к поэту. А вот Л. Гроссман посмотрел «глубже». «Последние совещания о своей дуэли, — изложил он свои доводы, — поэт имел с лицейским товарищем Данзасом, который никогда не был его другом. Когда в 1820 году Пушкин был близок к самоубийству, рядом были такие друзья, как Чаадаев и Николай Раевский. Он мог с ними обсудить вопрос о жизни и смерти. Теперь ему пришлось обратиться к школьному соученику, внутренне совершенно чуждому. Пушкин один только раз упомянул имя Данзаса в лицейских годовщинах и лишь для того, чтобы отметить, что он был «последним» в их классе. Последним он оказался и в рядах друзей. Он не пытался, как в свое время Липранди, Соболевский, Нащокин, Жуковский и Соллогуб, расстроить поединок или по крайней мере смягчить его условия. Вместе с де Аршиаком он занялся организацией дуэли со смертельным исходом. Расстояние между барьерами — всего десять шагов, что само по себе делало смерть почти неминуемой. Ее неизбежность гарантировал жестокий четвертый пункт составленных секундантами правил: в случаи безрезультатности первого обмена выстрелами дуэль возобновлялась на тех же беспощадных условиях.

Непростительная беспечность Данзаса начала сказываться в полной мере с первого же момента мучительного и грозного ранения Пушкина: ни врача, ни кареты для спокойной доставки тяжелораненого, ни хотя бы бинта или тампона для первой помощи (такая забота входила в круг обязанностей секунданта). Данзасу пришлось пойти на компромисс, не свободный от некоторого унижения, и, скрыв это обстоятельство от Пушкина, принять «любезность» его противников, предложивших карету Геккерна для перевозки истекающего кровью поэта» [39].

Ну да Бог с ним, с Данзасом. Возможно, что он не был сокровенным другом и товарищем поэта и проявил, видимо, некоторую халатность при проведении дуэли. Но как могла А. Тыркова-Вильямс зачислить В. А. Жуковского в число жестоких недругов А. С. Пушкина, виновников его гибели? «В критический момент своей жизни, — подчеркнула она, — задумав выйти в отставку, великий поэт дал Жуковскому себя переспорить, простодушно поверил, что для житейских дел у его старшего друга больше здравого смысла, чем у него самого. Эта уступка оказалась роковой» [40].

В определении виновников, которые лишили жизни поэта, некоторые деятели российской культуры порой высказывали совершенно необычные предположения. Они были туманными, не совсем понятными и даже заумными. «Между тем жизнь Пушкина, — с оттенком мистики размышлял А. Блок, — склоняясь к закату, все больше наполнялась преградами, которые ставились на его пути. Слабел Пушкин — слабела с ним и культура его поры: единственной культурной эпохи в России прошлого века. Над смертным одром Пушкина раздавался младенческий лепет Белинского. Этот лепет казался нам совершенно противоположным, совершенно враждебным голосу Бенкендорфа. Он кажется нам таковым до сих пор. Было бы слишком больно всем нам, если бы оказалось, что это не так. И, если это даже совсем не так, будем все-таки думать, что это совсем не так. Во второй половине то, что слышалось в младенческом лепете Белинского, Писарев орал уже во всю глотку. От дальнейших сопоставлений я воздержусь, ибо довести картину до ясности пока

невозможно; может быть, за паутиной времени откроется совсем не то, что прочно хранится в мыслях, противоположным моим; надо пережить еще какие-то события; приговор по этому делу — в руках будущего историка России. Пушкина убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. Поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем» [41].

Мережковский Д. пришел к заключению, что врагами поэта являлись не только какие-то конкретные личности, но и злобно-агрессивной стала вся страна. «Смерть Пушкина, — рассуждал он, — не простая случайность. Драма с женою, очаровательной Натали, ее милыми родственниками — не что иное, как в усиленном и сосредоточенном виде драма всей его жизни — борьба гения с варварским отечеством. Пуля Дантеса завершила то, к чему вела Пушкина русская действительность. Он погиб, потому что ему некуда было дальше идти, некуда расти. С каждым шагом вперед к просветлению поэт становился все более одиноким и враждебным тогдашнему среднему русскому человеку. Для него Пушкин весь был непонятен, чужд, даже страшен» [42].

Таким образом, отечественные деятели культуры в подавляющей части убеждены в том, что поэта окружал сонм видимых, а может, и незримых врагов, которые в конечном счете и сгубили его. И лишь только некоторые думали иначе. Предоставим слово известному философу В. С. Соловьеву: «По мнению самого Пушкина, повторяемому большинством критиков и историков литературы, «свет» был к нему враждебен и даже преследовал его. Та злая судьба, от которой будто бы погиб поэт, воплощается здесь в «обществе», «свете», «толпе» — вообще в той пресловутой среде, роковое предназначение которой только в том, кажется, и состоит, чтобы «заедать» людей. Пушкина будто бы не признавали и преследовали! Но что же, собственно, не признавали в нем, что было предметом вражды и гонений? Его художественное творчество? Едва ли, однако, во всемирной литературе найдется другой пример великого писателя, который так рано, как Пушкин, стал общепризнанным и популярным в своей среде. А говорить о гонениях, которым будто бы подвергался наш поэт, можно только для красоты слога.

Если несколько лет невольного, но привольного житья в Кишиневе, Одессе и собственном Михайловском — есть гонение и бедствие, то как же мы назовем бессрочное изгнание Данте с Родины, тюрьму Камоэнса, объявленное сумасшествие Тасса, нищету Шиллера, остракизм Байрона, каторгу Достоевского и т. д. Внешние условия Пушкина, несмотря на цензуру, были исключительно счастливыми. Когда говорят о вражде светской и литературной среды к Пушкину, то забывают о его многочисленных и верных друзьях в этой самой среде. Но почему же «свет» более представлялся тогда Уваровым или Бенкендорфом, чем Карамзиным, Вяземским и т. д.? И кто были представителями русской литературы: Жуковский, Гоголь, Баратынский, Плетнев или же Булгарин? Едва ли когда-нибудь был в России писатель, окруженный таким блестящим и плотным кругом людей, понимающих и сочувствующих» [43].

А может быть, в непривычных сентенциях В. С. Соловьева есть доля — и немалая — здравомыслящих суждений? И все-таки А. С. Пушкина окружали или контактировали с ним не только «звери алчные, пиявицы ненасытные», каннибалы и оборотни? Н. М. Смирнов, занимавший должности калужского, санкт-петербургского губернатора и хорошо знавший великого поэта, отметил в своих воспоминаниях: «Государь (Николай I. — *Авт.*) принял его (Пушкина А. С. — *Авт.*) как отец сына, все ему простил, все забыл, обещал покровительство свое и быть единственным цензором всех его сочинений. С тех пор Пушкин посылал государю через Бенкендорфа все свои сочинения в рукописи и по возврате оных отдавал прямо в печать. Государь означал карандашом места, которые не пропускал. Государь был самый снисходительный цензор и пропускал многие места, которые обыкновенная цензура, к которой Пушкин обращался за отсутствием государя, не пропускала» [44].

В 1880 году на открытии памятника А. С. Пушкину выступил составитель и издатель «Русского архива» П. И. Бартенев, который совершенно неожиданно для присутствующих с похвалой отозвался о Николае I: «Господа! Празднуя память великого поэта, помянем добрым словом государя, который освободил его из ссылки, из-под тройного надзора местного губернатора, местного предводителя и соседнего архимандрита и который, как ни тяжело иной раз бывало положение Пушкина, умел усладить последние часы его жизни. Искренняя ему благодарность от беспристрастного потомства» [45]. Еще более высокую оценку императору дал уже упомянутый нами В. С. Соловьев: «Сердечно полюбивший поэта, гордившийся своим Пушкиным, государь знал его необузданный характер и боялся за него. С нежной заботливостью следил он за поступками и после первой

несостоявшейся дуэли (с Дантесом. — *Авт.*) призвал его и потребовал от него честного слова, что в случае необходимости новой дуэли он прежде всего даст об этом знать ему, государю. Но в деле ложной чести была забыта первая обязанность честности. Если бы Пушкин исполнил данное им слово, Россия не потеряла бы своей лучшей славы, и великодушному государю не пришлось бы оплакивать вместе с гибелью поэта и свое рыцарское доверие человека» [46].

Конечно, советские литературоведы никак не могли позволить дружеского или даже нейтрального жеста применительно к злодею-императору. Но тем не менее на это отважился В. Е. Вацуро, и можно расценить такой поступок почти как подвиг: «Условия «договора» Пушкина с правительством не были ни простыми, ни легкими. Николай I не «обманул» его, «умнейшего человека России», и, вероятно, не пытался обмануть» [47].

С началом горбачевской перестройки произошло невиданное: Н. Скатов увидел в императоре не солдафона, не законченного негодяя и душителя свободы, а человека, многие черты которого вызывают симпатии. «Многое в политике Николая, — писал он, — после начала его царствования привлекло к нему многих — и в России, и в Европе. Ставшие почти символическими обозначениями самых мрачных сторон русской жизни — административного и духовного мракобесия (и потому же пушкинских эпиграмм) — Аракчеев и архимандрит Фотий были отстранены. Ставшие почти символическими образами гонителей и погромщиков русского просвещения Рунич и Магницкий, кстати, особенно рьяно преследовавшие еще лицейских пушкинских учителей Куницына и Галича, были, соответственно, первый сослан, второй отдан под суд; оба оказались еще и жуликами-казнокрадами. С другой стороны, возвращался из опалы всегда вызывающий одобрение Пушкина основатель лицея Сперанский. Быстрая и решительная поддержка новым царем борьбы за освобождение Греции, многие годы волновавшей Пушкина, снискала Николаю громкую славу рыцаря Европы, как назвал его Генрих Гейне. И вплоть до 1830 года его как героя-освободителя угнетенных национальностей прославляли, по выражению Маркса, «на всех языках в стихах и прозе» [48].

После распада СССР стало допустимым говорить о том, что Николай I не только терпел вольнодумство поэта, но и заботился о нем. На эту сторону поведения императора обратил внимание Р. Г. Скрынников: «Не следует думать, что Николай I лицемерил, когда высказывал свое расположение Пушкину, давал ему деньги взаймы и платил долги, ограждал от преследований по поводу «возмутительных» сочинений. Наибольшее сближение этих двух людей падает на время Польского восстания, когда поэт предложил монарху использовать его перо и выдвинул проект издания правительственной газеты» [49].

Очень возвышенную оценку отношений императора и поэта дал Л. Выскочков. В своей книге о Николае I он рассказал о том, что царь весьма доброжелательно относился к Пушкину, слегка ухаживая за его женой, и старался предотвратить его дуэль с Дантесом [50].

Аринштейн Л. даже вступил в спор с теми, кто утверждал, что поэт оказался под железной пятой самодержавия, что он, конечно, мог только ненавидеть императора: «Разночинная интеллигенция считала неприличным печатать, будто Пушкин мог сказать что-то одобрительное по отношению к Николаю Павловичу. Прямые высказывания поэта на этот счет («В надежде славы и добра. Гляжу вперед я без боязни», «Он бодро, честно правит нами» и др.) просто игнорировались. Начинавшей идеологизироваться разночинной интеллигенции был так необходим образ Великого поэта — борца с Самодержавием» [51]. Свою точку зрения А. Аринштейн подтвердил анализом серии пушкинских стихотворений, посвященных императору. Мало того, что в них поэт не раз признается в глубоком уважении Николаю I, но и прямо, к ужасу Герцена, Огарева и других оппозиционеров, заявил: «Царю хвалу свободную слагаю: я смело чувства выражаю. Его я просто полюбил».

В 1834 году А. С. Пушкин и вовсе сошел с ума, он написал стихотворение «К Н.». Точную историю его сотворения воссоздал Л. Аринштейн. В одном из вечеров в Аничкове дворце было многолюдно, все ждали появления императора. Однако время шло, загремела музыка, закипели танцы, а государь, к удивлению всех, не выходил. Задержался он надолго. И когда он, наконец, показался, многих поразило его одухотворенное лицо. Особенно оно оставило сильное впечатление в душе Пушкина. Оказывается, Николай I увлекся чтением «Илиады». Родились первые поэтические строки:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали».

Н. В. Гоголь назвал это стихотворение, посвященное российскому императору, «величайшей одой» [52].

Исследователи, обнаружившие, что Николай I относился к великому поэту скорее не как записной злодей, но как требовательный, внимательный и добрый опекун, не считают и его окружение скопищем подлецов и подонков, мечтавших убить, отравить, задушить Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Белинского и др. Скажем кратко: конечно, Бенкендорф, Уваров, Полетика, супруги Нессельроде не питали скорее всего симпатий к А. С Пушкину, возможно, не любили и не читали его стихов, но ведь и вреда, как известно, особенного ему не нанесли.

Не существует убедительных доказательств, что «царская камарилья», «бездушный свет» оказались палачами «Свободы, Гения и Славы» [53]. Все это домыслы. Отсутствие же таковых аргументов, подтверждающих привычную версию о виновности императора, его подчиненных и представителей высшего общества, повергло некоторых советских литературоведов в состоянии растерянности. Сложилась парадоксальная ситуация в оценке причин гибели поэта. С одной стороны, налицо роковой выстрел и смерть А. С. Пушкина, а с другой — нет ответа на вечный вопрос: «Кто виноват?» Выйти из этого явно безнадежного положения все-таки попытался Н. Я. Эйдельман, один из самых талантливых пушкинистов коммунистической эпохи: «Пушкин не видел в Николае I некоего «злого гения». Нет! Весь ужас ситуации был в том, что никто — ни царь, ни Бенкендорф, ни другие отнюдь не имели сознательной цели погубить поэта. Они делали все это в основном «непроизвольно», губили просто самим фактом своего социального существования» [54]. К сожалению, Н. Я. Эйдельман не раскрыл своего тезиса о причинах гибели великого поэта. Так что вопрос о главном виновнике трагической смерти А. С. Пушкина не снимается с повестки дня.

(*Продолжение следует*)

1. *Эйдельман Н. Я.* Статьи о Пушкине. М., 2004. С. 368.
2. *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 24.
3. *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 369.
4. *Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России // Собр. соч. Т. 3. М., 1975. С. 424—425.
5. *Огарев Н. П.* Избранное. М., 1977. С. 26.
6. *Скабичевский А. Д.* Пушкин // Библиотека Флорентия Павленкова: Карамзин, Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Достоевский. Челябинск, 1994. С. 168.
7. *Милюков П.* Живой Пушкин. М., 1997. С. 271.
8. *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Избр. произв. Т. 3. М., 1968. С. 123.
9. *Кирпотин В.* Жизнь и смерть Пушкина // Пролетарский путь. 1937. 10 февр.
10. *Бурджалов Э. Н.* История СССР. Ч. 2. М., 1940. С. 310—311.
11. *Сергиевский И.* А. С. Пушкин. М., 1949. С. 108—109.
12. *Мейлах Б.* Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975. С. 187—188.
13. *Кунин В. В.* 4 ноября 1836 года — 10 января 1837 года // Последний год жизни Пушкина. М., 1989. С. 327.
14. *Эйдельман Н.* Указ. соч. С. 205—206.
15. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1999. С. 298.
16. *Благой Д.* Погибельное счастье // *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1999. С. 37—38.
17. *Стеценко Е.* Просчет барона Геккерна. Краснодар, 2011. С. 5—6.
18. *Цветаева М.* Мой Пушкин. М., 1981. С. 128, 199.
19. *Ахматова А.* Гибель поэта // Вопр. литературы. 1973. № 3. С. 216.
20. Цит. по: *Сарнов Б.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2005. С. 118.
21. *Кузнецов И. В., Лебедев В. И.* История СССР. М., 1958. С. 327.
22. Русская литература. М., 1975. С. 121; *Федосов И. А.* История СССР. XIX век. М., 1986. С. 96.
23. *Ляцкий Е.* Пушкин и его историческая мысль // Заветы Пушкина. Из наследия первой эмиграции. М., 1998. С. 195.
24. *Кунин В. В.* Константин Карлович Данзас // Друзья Пушкина. Т. 2. М., 1984. С. 544; *Стеценко Е.* Указ соч. С. 276.
25. Автор статьи «Бенкендорфы» выступает под инициалами С. Ч. См.: Русский биографический словарь : в 20 т. Т. 2. М., 1998. С. 316, 318, 319.
26. Цит. по: *Шикман А.* Кто есть кто в российской истории. М., 2003. С. 53.
27. *Анисимов Е. В., Каменский А. Б.* История России. 1682—1861. М., 1996. С. 427.
28. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1999. С. 298—299.
29. *Благой Д.* Указ. соч. С. 31.
30. *Скрынников Р.* Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 312.
31. *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1982. С. 218—219.
32. *Ободовская И., Дементьев М.* Наталия Николаевна Гончарова. М., 1985. С. 281.
33. *Аринин В.* Неразгаданные тайны Пушкина. М., 1998. С. 139, 144, 145.
34. *Тыркова-Вильямс А.* Пушкин. Т. 2. М., 1998. С. 441.
35. *Герцен А. И.* Указ. соч. С. 425.
36. См.: *Дружников Ю.* Дуэль с пушкинистами. Псков, 2004. С. 76.

37. *Рябцев Е.* 113 прелестниц Пушкина. Ростов н/Д., 1999. С. 431.

38. *Дружников Ю.* Указ. соч. С. 102.

39. *Гроссман Л.* Пушкин. Т. 2. М., 1960. С. 499.

40. *Тыркова-Вильямс А.* Пушкин. Т. 2. М., 1998. С. 422.

41. *Блок А.* О назначении поэта // Собр. соч. Т. 2. М.-Л., 1962. С. 166—167.

42. *Мережковский Д. С.* А. С. Пушкин // А. С. Пушкин. Антология. Т. 1. СПб., 2000. С. 196.

43. *Соловьев В. С.* Судьба Пушкина // Пушкин. Антология. М., 2000. С. 281, 282, 284.

44. *Смирнов Н. М.* Из «памятных записок» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985. С. 274.

45. А. С. Пушкин. Антология. Т. 1. СПб., 2000. С. 653 (примеч. к тому).

46. *Соловьев В. С.* Памяти императора Николая I // Соч. Т. 2. М., 1989. С. 608.

47. *Вацуро В. Е.* Пушкин в сознании современников // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974. С. 17.

48. *Скатов Н.* Русский гений. М., 1987. С. 273; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. М., 1959. С. 512.

49. *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 310.

50. *Выскочков Л.* Николай I. М., 2006. С. 421—427. (Жизнь замечательных людей).

51. *Аринштейн Л.* Пушкин. Непричесанная биография. М., 2011. С. 158.

52. Там же. С. 155.

53. *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. Т. 1. М., 1957. С. 7.

54. *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 397.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Н. Г. Еняшина, А. О. Седова

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ВАЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО СПЕЦИАЛИСТА

В данной статье рассматривается проблема и актуальность формирования креативности у молодых специалистов в целях повышения их конкурентоспособности. Особое внимание уделяется условиям развития креативности у студентов в процессе их обучения в образовательном учреждении.

Ключевые слова: креативность, конкурентоспособность, молодой специалист, конкурентоспособный специалист.

N. G. Enyashina, A. O. Sedova

CREATIVITY AS AN IMPORTANT QUALITY OF A COMPETITIVE SPECIALIST

This article explores the problem and the relevance of formation of young specialists' creativity to increase their competitiveness. Much attention is also given to conditions of the development of students' creativity in the process of their studying in the educational institutions.

Key words: creativity, competitiveness, young professional, competitive specialist.

В современном обществе наблюдается серьезная конкуренция на рынке труда. Самым главным становится обучение и воспитание не только компетентного и ответственного специалиста, но и человека, который способен быстро реагировать на изменения в нашей стране и во всем мире, развиваться, совершенствоваться. Качествами, которыми должен обладать человек, чтобы достигнуть успеха в современном обществе, становятся: конкурентоспособность, компетентность, креативность, обладание большим объемом знаний, информации и постоянное их обновление.

На сегодняшнем этапе креативная и конкурентоспособная личность становится востребованной для общества. Ведь креативность имеет ценность во всех жизненных областях, где мы можем наблюдать конкуренцию. Например, это политика, бизнес, культура, наука. Сегодня, если ты креативен, то ты уже имеешь преимущество в мире: ты более интересный собеседник, ты отличаешься от других, ты умеешь находить выход из самых различных непредвиденных ситуаций. Поэтому развитие креативности является важным фактором прогресса человечества. А особенно это очень важно для молодежи, ведь именно ей предстоит немало сделать для процветания нашей страны.

Современное профессиональное образование имеет своей целью подготовку квалифицированного, компетентного, гибкого, мобильного и конкурентоспособного специалиста.

В современном обществе возрастает потребность формирования в разных учебных заведениях такой личности, которая обладает творческим потенциалом, мотивацией к творческому поиску, достаточным уровнем развития интеллектуальных умений, гибкостью, самостоятельностью, всеми теми качествами, необходимыми для развития инновационных способностей личности.

Большое внимание к развитию креативности у молодых специалистов уделяют современные руководители и работодатели. Они требуют от своих коллег и подчиненных творческого подхода, находчивости, разносторонности, ори-

гинального новаторства, иными словами — креативности. Следовательно, это очень важная составляющая конкурентоспособного специалиста, которая свидетельствует о наличии у него тех самых инновационных способностей, характеризуется его независимостью, открытостью новому опыту, чувствительностью к проблемам, высокой потребностью в творчестве и реализации своих творческих возможностей.

Действительно, сейчас современная жизнь диктует человеку особые условия: необходимо быть уверенным в себе, конкурентоспособным, активным, целеустремленным, иметь нестандартный подход к делу, быть креативным. Именно поэтому в системе образования должно уделяться больше внимания развитию творческих способностей и креативности. Ведь способность мыслить творчески делает молодого человека более раскрепощенным, жизнерадостным, стойким к стрессовым ситуациям, помогает справиться со многими личностными, эмоциональными и поведенческими проблемами, способствует личностному росту и раскрытию.

Чтобы идти в ногу со временем и мыслить так, как мыслят сегодня интеллектуалы высокого уровня, предпочтительно пройти тренинг на развитие креативности и креативных способностей. В процессе тренинга люди явно начинают видеть некоторые моменты своего стандартного видения и мышления и перестраиваться на новый и очень увлекательный ход мышления и развития. Некоторые уже рождаются с новым мышлением, и им необходима только правильная поддержка. Они легко проходят диагностику креативности, приходя в высшие учебные заведения, и успешно реализуют любую задачу собственной жизни. Но есть и те, кому еще необходимо развить креативное мышление и креативность для того, чтобы стать интересной личностью, не быть отстающим и добиться желаемых результатов.

Конкурентоспособность — это обладание человеком профессией и личностными характеристиками, которые дают ему преимущества при борьбе на рынке труда за вакантное рабочее место.

Следовательно, конкурентоспособный специалист — это специалист, который способен достигать поставленные цели в различных ситуациях за счет владения методами решения большого класса профессиональных задач и наличия определенных личностных качеств [3].

Конкурентоспособность специалиста складывается из конкурентных преимуществ. Конкурентные преимущества — профессиональные и личностные особенности специалиста, которые соответствуют требованиям работодателя, отличают специалиста с выгодной стороны в сравнении с конкурентом.

В своих исследованиях доктор психологических наук В. А. Кручинин выделяет наиболее значимые конкурентные преимущества личности, которые необходимо формировать у молодого специалиста в целях повышения конкурентоспособности на рынке труда. К ним относятся:

1. Коммуникабельность (умение находить общий язык с разными людьми, открытость, искренность, легкость в общении, грамотная речь, готовность к сотрудничеству и т. д.);

2. Целеустремленность (адекватность, ясность, осознанность истинных целей, умение формулировать долгосрочные и ближние цели, здоровые амбиции и т. д.);

3. Креативность (способность видеть и использовать новые или необычные деловые возможности, идеи, творческий подход к выполняемой деятельности, нетрадиционные подходы к решению проблем);

4. Работоспособность и трудолюбие (искреннее желание работать, готовность к большому объему работы, усидчивость, желание зарабатывать, отсутствие лени, активность);

5. Рискованность (активная жизненная позиция, предпочтение ситуации «вызова» или умеренного риска; способность оценивать риск, предпринимать действия, чтобы уменьшить риск или контролировать результаты);

6. Ответственность и независимость (исполнительность, пунктуальность, способность принимать на себя всю ответственность к принятию ответственных решений, самостоятельность, опора лишь на свои силы перед лицом препятствий или в случае неудачи);

7. Стрессоустойчивость (способность преодолевать трудности, выдерживать тяжелые эмоциональные нагрузки, способность к саморегуляции, умение держать себя в руках, соблюдать психическую экологичность и т. д.);

8. Уверенность в себе и лидерские качества (адекватная самооценка, вера в свои способности, способность вести за собой людей, умение отстаивать свое мнение, убеждать и отказывать и т. д.);

9. Рефлексивность (самопознание, внимательность, склонность к анализу сложившейся ситуации, ее причин и последствий, собственного поведения и поведения других людей);

10. Культурно-нравственные качества (честность, бесконфликтность, воспитанность, интел-

лигентность, оптимистичность, гибкость, надежность, образованность, толерантность и т. д.);

11. Способность к саморазвитию (обучаемость, стремление к самообразованию, самореализации, повышению квалификации);

12. Нацеленность на конечный результат (стремление к качественному конечному результату, находить пути делать вещи лучше, быстрее, дешевле; стремиться достичь совершенства, улучшить стандарты эффективности) [4].

Как можно заметить, автор одним из первых выделил креативность как важное преимущество и качество конкурентоспособного специалиста.

Креативность — способность к творчеству, созданию непосредственно нового, нестандартному мышлению, генерированию полезных и оригинальных идей [1].

В современном мире большое внимание к развитию креативности у молодых специалистов уделяют современные руководители и работодатели. Они требуют от своих коллег и подчиненных творческого подхода, находчивости, разносторонности, оригинального новаторства, иными словами — креативности. Следовательно, это очень важная составляющая конкурентоспособного специалиста.

Сложная настоящая жизнь постоянно требует от человека не решения тривиальных, шаблонных задач, простых алгоритмических действий, а гибких, нестандартных подходов к анализу стремительно меняющейся действительности, то есть обладания креативностью. Следовательно, особенно острым становится вопрос, связанный с подготовкой кадров, которые способны находить пути выхода из кризисных ситуаций, обладать сформированными и развитыми творческими характеристиками личности, владеют методами и средствами активизации творческого мышления.

Действительно, сейчас современная жизнь диктует человеку особые условия: необходимо быть уверенным в себе, активным, целеустремленным, иметь нестандартный подход к делу. Именно поэтому в системе образования должно уделяться больше внимания развитию творческих способностей и креативности.

К сожалению, многие учебные заведения не уделяют достаточного внимания формированию умения правильно «подать себя», проявить свои таланты, способности и навыки на рынке труда. Поэтому необходимо заниматься этим в процессе обучения студентов, это действительно важно и нужно в настоящее время. Ведь способность мыслить творчески делает молодого человека более раскрепощенным, стойким к стрессовым ситуациям, помогает справиться со многими проблемами, способствует личностному росту и раскрытию талантов [2].

Развитие креативности является сугубо индивидуальным для каждого студента. Считается, что задатки креативности присущи каждому человеку, но влияние среды, в которой он находится, учится, воспитывается, наличие множества запретов, социальные шаблоны могут вызывать блокирование творческих способностей. Соответственно, необходимо раскрывать и развивать творческие способности, освобождать человека от психологических комплексов. Развивать творческое мышление означает формирование и совершенствование мыслительных операций: анализа, синтеза, сравнения и обобщения, классификации, планирования. Большое значение имеет умение абстрагироваться от того, что уже известно и прежде имело положительный результат [7].

Для студентов наибольшую актуальность приобретает развитие таких качеств, как гибкость и быстрота, наличие которых позволяет студентам легче осваивать дисциплины, а также является необходимой составляющей их будущей профессиональной деятельности. Решение творческих задач дает возможность вырабатывать у студентов такие качества, как компетентность, эмпатию, умение устанавливать контакты и без потерь разрешать возможные конфликтные ситуации в профессиональной деятельности, умение быстро реагировать на изменяющиеся условия и находить адекватные пути выхода из тех или иных профессиональных или жизненных ситуаций [5].

Развитие креативности у студентов действительно благотворно влияет на их творчество и становление личности будущего профессионала. Как правило, креативные студенты активны, стремятся участвовать в различных мероприятиях, принимают участие в семинарах, социально-ориентированных проектах и форумах, стараются получить разнообразные знания, умения и навыки, отдавая себе отчет в том, что в будущем это составит их конкурентное преимущество.

В современном обществе в различных отраслях профессиональной деятельности креативность выступает как один из ведущих факторов успешности человека. В перечнях требований к кандидатам на самые разные должности нередко встречаются креативность и творческое мышление. Креативность становится тем качеством, который обеспечивает возможность

адаптироваться личности к быстро меняющимся условиям жизни и является залогом успеха человека в профессиональной деятельности. Креативность выступает важным фактором развития личности, определяющим ее готовность изменяться и отказываться от стереотипов.

Таким образом, креативность является одной из важных характеристик самоактуализции личности и действительно значима для молодого специалиста, так как ему необходимо отвечать актуальным и потенциальным запросам современного рынка труда. В связи с этим от учебных заведений и учреждений дополнительного образования в настоящее время требуется создание новых механизмов, обеспечивающих качество образовательных услуг с позиции требований профессиональной деятельности; обеспечение подготовки конкурентоспособного специалиста, владеющего комплексом компетенций, которые отвечают требованиям современного рынка труда. В связи с этим исследование конкурентоспособности как свойства личности, динамики его развития в процессе профессионального становления приобретает особую значимость.

Для обеспечения конкурентоспособности молодых специалистов данному вопросу необходимо уделить особое внимание при их подготовке к будущей профессиональной деятельности. Творческая личность становится востребованной обществом на всех ступенях ее развития. Будущий специалист должен овладеть знаниями и навыками решения творческих задач, у которых нет готовой постановки, неизвестен способ решения, нет образцов для решения аналогичных задач и результат решения может иметь несколько вариантов. Креативность в современном обществе становится все более востребованным качеством на рынке труда.

Нами было проведено исследование, посвященное психодиагностике креативных способностей человека. Для своего исследования мы выбрали методику Элиса Пола Торренса. Тест позволяет не только оценить уровни развития вербального, образного и звукового творческого мышления, но и получить представление о качественном своеобразии этих отдельных структур креативности у разных людей. Тест состоит из двух частей: вербальной (7 субтестов) и фигурной батареи (3 субтеста).

Для нашего исследования мы выбрали второй субтест фигурной батареи тестов креативного мышления Э. П. Торренса под названием «Незавершенные фигуры». Все десять фигур различаются между собой, но навязывают определенные устойчивые образы. Ответы на задания даются в виде рисунков и подписей к ним.

Оценивание шло по нескольким критериям:

«Беглость» — характеризует творческую продуктивность человека.

«Оригинальность» — самый значимый показатель креативности. Степень оригинальности свидетельствует о самобытности, уникальности, специфичности творческого мышления тестируемого.

«Абстрактность названия» — выражает способность выделять главное, способность понимать суть проблемы, что связано с мыслительными процессами синтеза и обобщения.

«Сопротивление замыканию» — отображает «способность длительное время оставаться открытым новизне и разнообразию идей, достаточно долго откладывать принятие окончательного решения для того, чтобы совершить мыслительный скачок и создать оригинальную идею».

«Разработанность» — отражает способность детально разрабатывать придуманные идеи [6].

Исследование проводилось с группой студентов (50 человек в возраст от 18 до 21 года) факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета. По результатам исследования низкий показатель имеют 35 % испытуемых, средний (в норме) — 40 %, высокий — 25 % испытуемых.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что достаточный процент испытуемых имеет неудовлетворительный показатель, т. е. слабо развитый уровень креативности и креативного мышления.

Современное общество заинтересовано в создании условий для развития творческого потенциала каждого учащегося. Путь к этому — повышение уровня образования, разработка и внедрение в учебный процесс новых методов развития креативности, отношение к индивидуальности каждого молодого человека как к ценности. Уже сегодня в учебной и других видах деятельности используются активные методы обучения, ролевые и деловые игры, тренинги развития креативности.

Развитие креативности будущих специалистов является фактором повышения их конкурентоспособности на рынке труда. Анализ литературных источников показал, что креативный специалист обладает важнейшими для успешного осуществления профессиональной деятельности личностными качествами: адекватной самооценкой; уверенностью в себе; гибкостью и беглостью мышления; развитым воображением;

умением пойти на риск; способностью продуктивно и быстро применять приобретенные знания, умения и навыки; выдавать множество разнообразных оригинальных уместных идей; отклоняться от традиционных схем; критично оценивать свою деятельность. Мы считаем, что развитие креативности — это важная задача любого образовательного учреждения.

1. *Богоявленская Д. Б.* Проблемы диагностики креативности // Журн. практического психолога. 2007. № 33. С. 133—148.
2. *Грицай Е. Ю.* Образование и креативный потенциал // Школа здоровья. 2007. № 4. С. 49—53.
3. *Катане И.* Новое видение конкурентоспособности личности в педагогике // Материалы Четвертой Балтийской конф. по гуманной педагогике «Этот путь идем вместе с Любовью» (Латвия, Смилтене, 2010). Смилтене, 2010.
4. *Котикова Д. С.* Конкурентные преимущества молодого специалиста на современном рынке труда // Психологическая наука и практика: проблемы и перспективы. Н. Новгород : ННГАСУ, 2010. С. 166—171.
5. *Кохановская Д. Р.* Развитие креативности студентов университета при изучении дисциплины «Информационные технологии» // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2013. № 2, ч. 2, февраль. С. 140—146.
6. *Щебланова Е. И.* Теория и тесты творческого мышления Е. П. Торренса // Психологическая диагностика. 2004. № 11. С. 3—20.
7. *Яремчук Н.* Педагогическое творчество как составляющая профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы // Вестн. Львовского ун-та. Сер. Педагогика. Львов, 2009. Вып. 25 (Ч. 1). С. 242—249.

З. В. Машарский

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИГАДНОЙ РАБОТЫ КАБИННОГО ЭКИПАЖА ВОЗДУШНОГО СУДНА

От качества работы кабинного экипажа зависит безопасность полетов и безопасность пассажиров. Качество взаимодействия, совместимость экипажа, психофизологические особенности являются необходимыми условиями обеспечения высокой эффективности работы кабинного экипажа. Главную роль в формировании благоприятного психологического климата внутри экипажа играет командир воздушного судна.

Ключевые слова: кабинный экипаж, синергизм, совместимость, командир воздушного судна, лидер.

Z. V. Masharskiy

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE TEAM OF AIRCRAFT CABIN CREW

The quality of cabin crew work influences the safety and security of passengers. The quality of crew interaction and compatibility, psycho-physiological features are necessary to ensure high work efficiency of cabin crew. The main role in the formation of a favorable psychological climate inside the crew plays the commander of the aircraft.

Key words: cabin crew, synergy, compatibility, aircraft commander, leader.

При организации воздушных перевозок вопросы бригадной работы становятся все более и более важными. Знания о работе в составах бригад накапливались в течение десятилетий, что привело к значительному прогрессу в понимании бригадной работы. В настоящее время больше стало известно о совместимости характеров членов бригады, руководстве бригадой, взаимоотношениях между членами бригады, принятии решений на уровне бригады, компетентности членов бригады и бригадной работе в целом. В целях повышения уровня безопасности полетов и авиационной безопасности летному и кабинному экипажам необходимо общаться, сотрудничать и работать единой бригадой. В этом заключается роль оптимизации работы экипажа в кабине.

Индивидуальные, бригадные, целевые и рабочие характеристики соответствующим образом влияют на процесс выполнения бригадной работы, который, в свою очередь, влияет на качество работы бригады. От работы бригады требуется более чем просто работа одного человека; даже квалифицированный кабинный экипаж может работать неудовлетворительно в составе бригады. Когда члены экипажа хорошо работают вместе, то подразумевается, что они дополняют действия друг друга. При этом качество работы совместно работающих людей в составе бригады выше качества проделанной работы каждого отдельного человека. Хорошая работа в команде основана на концепции «синергизма» («synergy» — технический термин из мира медицины, который означает «работа вместе»). «Синергизм» — это концепция взаимодействия, когда объединенные усилия группы людей превышают сумму индивидуальных усилий. Коллективная работа может считаться успешной, если результат коллективной деятельности лучше, чем сумма результатов деятельности отдельных членов экипажа, — это и есть процесс под названием «синергизм».

Синергизм возникает в результате взаимодействия членов экипажа, каждый из которых уполномочен и поощряется к эффективному участию в решении общих задач. Маловероятно, что удастся достичь взаимодействия, если все члены экипажа не вполне понимают свои роли в группе и как эти роли могут меняться в зависимости от обстоятельств, в которых выполняются действия и принимаются решения [1].

Соответственно, хорошее взаимодействие в группе, высокая степень осознания ситуации и точное понимание процесса принятия решения всеми членами экипажа — необходимые усло-

вия достижения синергизма и эффективной работы всей команды.

Условиями для «синергизма» являются:

1. Общая (совместная) цель;
2. Чёткая экипажная структура;
3. Чёткое распределение задач;
4. Дух команды;
5. Хорошее руководство.

Структура организации работы кабинного экипажа при наличии четко определенных ролей и обязанностей каждого члена экипажа должна привести к более высокому уровню взаимодействия. На борту воздушного судна командир корабля является командиром экипажа. Старший бортпроводник кабинного экипажа сообщает командиру корабля о возникновении любой проблемы эксплуатационного или коммерческого характера. Командир корабля информирует старшего бортпроводника об оперативных и технических проблемах, а тот, в свою очередь, сообщает об этом остальным членам кабинного экипажа.

Для организации взаимодействия между членами кабинного экипажа необходимо соблюдать следующие условия:

— распределение задач (т. е. кто и за что отвечает): старший член экипажа распределяет обязанности и роли членов кабинного экипажа согласно «Технологии работы бортпроводников», где говорится о том, что должен делать каждый член кабинного экипажа, в какое время кто и за что конкретно отвечает;

— распределение власти и передача функций руководства, поскольку в каждой бригаде должен быть руководитель;

— отношения должны быть дружественными и профессиональными.

В последнее время повышенное внимание привлекают аспекты определения качества работы бригады. К критическим аспектам бригадной работы относятся: оценка процесса работы бригады (отношения и координация), результаты ее работы и компетенции каждого отдельного члена экипажа или бригады в целом. К инструментам, которые можно использовать для оценки качества работы бригады с точки зрения выполнения процесса, относятся:

— анализ критических инцидентов;

— оценка квалификации;

— анализ взаимоотношений.

Характеристики бригадной работы, как, например, сплоченность коллектива и компетентность членов бригады, также влияют на ее качество. На сплоченность коллектива оказывают влияние такие факторы, как приверженность делу и стандарты бригады для достижения приемлемого качества работы. Сплоченность в большей степени влияет на работу бригады в реальных условиях, а желание выполнить задачи оказывается наиболее важным компонентом сплоченности коллектива [2].

Следует отметить, что большую роль на качество и эффективность бригадной работы влияет совместимость членов кабинного экипажа.

Критерии оценки совместимости экипажа:

— результат деятельности;

— интеллектуально-энергетические затраты ее участников;

— удовлетворенность членов экипажа этой деятельностью.

Совместимость надо рассматривать как трехуровневое понятие.

В основе лежит первый уровень — психофизиологический. Члены экипажа имеют различные психофизиологические особенности, которые включают индивидуальный темп работы, зависящий от особенности темперамента; степень физического развития и выносливости; устойчивость качества деятельности в напряженной обстановке; уровень профессиональных способностей и подготовленности; натренированность двигательных навыков и умений.

Второй уровень — личностный, включает общность интересов, потребностей, мотивации поступков, отношения к деятельности, коллегам и жизни; сходство моральных и деловых качеств, определенных особенностей характера (честолюбия, стремления к истине и др.), общекультурного и интеллектуального развития.

Третий уровень — коммуникативный (социальный), различия в особенностях общения.

В зависимости от совпадения трех данных факторов мы можем говорить об устойчивости коллектива к деструктивным воздействиям, воздействиям стрессогенных факторов.

Далеко не каждый вид совместной деятельности требует психофизиологической совместимости ее членов. Где деятельность более индивидуальна, там достаточно только социального (коммуникативного). Требования к деятельности в летном экипаже требует совмещения всех трех уровней.

Можно выделить следующие типы поведения людей при совместной работе:

— люди, которые могут решать задачу, лишь подчиняя себе других членов группы;

— индивидуалисты, пытающиеся решить задачу в одиночку;

— приспосабливающиеся к группе, легко подчиняющиеся;

— коллективисты, которые стараются решить задачу совместными усилиями, не только принимают предложения других членов экипажа, но и сами выступают с инициативой.

Помимо всего прочего, для эффективности и действенности работы бригады кабинного экипажа требуется руководитель.

Роль руководителя состоит из следующих компонентов:

— четкое заявление об ожидаемых результатах;

— координация и контроль;

— расчет объема работы и времени ее выполнения;

— предотвращение и разрешение конфликтов;

— умение слушать и выполнять предложения членов бригады;

— четкое обеспечение и сохранение стандартов безопасности и обслуживания;

— принятие решений.

Хороший лидер также:

— создаёт атмосферу, которая способствует взаимодействию членов команды;

— выслушивает результат и предложения членов команды;

— мотивирует команду путём признания заслуг и способностью хвалить, когда необходимо;

— берёт инициативу и помогает членам команды закончить задание в случае сложной ситуации;

— остаётся спокойным в конфликтной ситуации, способен быть объективным и предлагать решения конфликта;

— имеет способность различать «что верно, а не кто прав»;

— умеет решать проблемы путём сбора информации, определения проблемы, поиска решения;

— информирует членов команды в случае изменения плана;

— обладает чувством юмора.

Иногда руководство соотносится с признанной должностью на служебной лестнице в организации, обеспечивающей полномочия руководителя. Статус командира корабля и старшего члена кабинного экипажа определяется авиакомпанией. Руководитель также определяется характеристиками личных качеств, отношением к работе и пониманием им различных ценностей. Руководство иногда осуществляется человеком, который не занимает должность руководителя, но делает это ввиду особой компетенции, требующейся в данной ситуации (т. е. осуществляется ситуационное руководство).

Хороший руководитель имеет соответствующие технические знания, обладает способностями к эффективному общению с различной аудиторией в разнообразных обстоятельствах, координирует работу и управляет действиями бригады, успешно разрешает конфликты, умеет слушать своих подчиненных. Руководитель также оказывает помощь членам бригады, координируя их работу и передавая им соответствующие их уровню полномочия по решению проблем с целью предоставить свободу при выполнении работы. Очень важно, чтобы в рамках организационной политики оговаривалась компетенция таких руководителей, имелись инструменты для их эффективного отбора и программы обучения, помогающие им постоянно совершенствоваться [3].

Подводя итог, можно сказать, что главная цель бригадной работы — высокое качество принимаемых решений в течение всего полета. В этом контексте тщательное предполетное планирование не только устанавливает надежные критерии для принятия решений в полете, но и помогает членам экипажа эффективно выполнять свои конкретные обязанности. Понимание плана позволяет членам экипажа принимать участие в принятии решений в полете. В дальнейшем важно, чтобы командир воздушного судна регулярно корректировал понимание плана членами экипажа, сообщая о любых его изменениях по ходу выполнения полета. Это особенно важно в нештатных и аварийных ситуациях, когда условия, влияющие на безопасность полета, меняются очень быстро. В этих условиях регулярное обновление представлений о состоянии полета позволяет каждому члену экипажа сохранять достаточное понимание ситуации и быть в курсе текущих задач, чтобы эффективно участвовать в процессе принятия решений. Участие всех членов экипажа в процессе принятия решений не означает, что все решения должны приниматься методом голосования. Степень участия подчиненных членов экипажа в известной мере зависит от контекста (условий) и типа деятельности (поведения), лежащей в основе механизма принятия решения.

1. *Козлов В. В.* Человеческий фактор: история, теория и практика в авиации. М., 2002. С. 112—125.

2. *Козлов В. В.* Человеческий фактор в условиях перехода к управлению безопасностью полетов. М., 2007. С. 74—83.

3. *Овчаров В. Е.* Человеческий фактор в авиационных происшествиях (методические материалы). М., 2005.

И. А. Михайлина, Э. Р. Мухамметжанов, Р. Р. Мухамметжанов

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ДЕТЯМ-СИРОТАМ И ДЕТЯМ, ОСТАВШИМСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается такое явление, как социальное сиротство. Перечисляется законодательно установленная помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в Российской Федерации и Ульяновской области. Раскрывается роль волонтерской деятельности в психологическом развитии детей, проживающих в учреждениях интернатного типа, описывается волонтерская деятельность студентов Ульяновского государственного университета.

Ключевые слова: социальное сиротство, дети-сироты, волонтерская деятельность.

I. A. Mikhailina, E. R. Mukhammetzhanov, R. R. Mukhammetzhanov

ORGANISATION OF ASSISTANCE TO CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE IN ULYANOVSK REGION: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS AND PROSPECTS

The article dicusses the phenomenon of social orphanhood. It mentions the statutory assistance to children-orphans and children without parental care in the Russian Federation and Ulyanovsk region. It also reveals the role of volunteerism in the psychological development of children living in residential care and volunteer activity of UlSU students.

Key words: social orphanhood, children-orphans, volunteerism.

Сиротство — это социальное явление, характеризующее образ жизни детей, оставшихся без попечения родителей. Длительное время к сиротам относились дети, потерявшие родителей вследствие их смерти. Однако в XX веке во многих странах мира социально-экономические и нравственные процессы в обществе обусловили появление социального сиротства, выражающегося в устранении родителей от обязанностей по отношению к своим детям. Социальные сироты — это дети, имеющие родителей, которые лишены родительских прав, страдают тяжёлыми хроническими заболеваниями, в том числе психическими, алкоголизмом, наркоманией и др. Выделяется большая группа детей-сирот, от которых по различным причинам отказались родители (наиболее часто отказываются одинокие матери, родившие детей вне брака, а также родители, у которых дети родились с нарушениями в психофизическом развитии). Некоторые дети сами покидают свои неблагополучные семьи по причине плохого и даже жестокого обращения с ними [1].

Оказание помощи детям, по разным причинам оставшимся без попечения родителей («физическим» сиротам и социальным сиротам), — важнейшее направление социальной политики государства. По данным Министерства образования и науки России, сиротство остаётся актуальной проблемой современности [5].

Таблица 1

Темп роста (снижения) численности детей, оставшихся без попечения родителей (на конец отчётного года, в % к предыдущему году) [1]

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	104,5	95,5	98,2	98,4	78,7	97,2
Ульяновская область	126,1	91,4	100,2	97,1	78,1	97,0

В соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1996 года № 159-з «О дополнитель-

ных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» органы опеки и попечительства РФ берут на себя обязательства по социальной защите таких детей. Большинство сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, передаются в учреждения интернатного типа: дома ребенка, детские дома, детские дома-школы, школы-интернаты для детей-сирот, школы-интернаты общего типа, школы-интернаты для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Совершенствование российского законодательства оказало положительное влияние на сокращение числа детей-сирот. За последние 3 года общая численность детей-сирот снизилась на 3,5 %. Так, в 2014 году их число сократилось на 9 тысяч, составив 621 тысячу 774 человека [5].

Таблица 2

Темп роста (снижения) численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в образовательных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, % [5]

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	94,0	97,2	94,1	86,4	74,5
Ульяновская область	95,3	92,4	89,4	90,9	83,0

С целью сокращения численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Ульяновской области проводится большая работа по профилактике сиротства и актуализации семейных ценностей. На основании законов Ульяновской области, в том числе закона «О мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Ульяновской области» (с изменениями на 3 июня 2015 г.), организована работа по социальной защите и созданию комфортных условий для жизни такой категории детей. В целях создания благоприятных условий для воспитания и социальной адаптации детей реализуется система сопровождения приёмных родителей и детей, включающая подготовку кандидатов путём обучения в школе замещающих родителей. Кроме того, действует комплекс мер социальной поддержки усыновителей, приёмных родителей, опекунов, принявших на воспитание в семью сирот. В соответствии с законами Ульяновской области «О ежемесячной выплате на содержание ребенка в семье опекуна (попечителя) и приемной семье в Ульяновской области», «О размере вознаграждения, причитающегося приемному родителю, и льготах, предоставляемых приемной семье, в Ульяновской области» усыновителям полается единовременная выплата в размере 100 тысяч рублей за каждого ребёнка, вознаграждение приёмным родителям с учётом различных надбавок в размере 7,8 тысячи рублей на каждого ребёнка, ежемесячное пособие на содержание ребёнка в опекунских или приемных семьях в размере 6,8 тысячи рублей и оказываются другие меры поддержки.

Но наряду с экономическими проблемами детей-сирот существует проблема формирования коммуникативных и других социально значимых качеств у детей-сирот в детских учреждениях, к которой должно быть привлечено внимание всей общественности. И именно волонтёрская деятельность способствует оказанию помощи в социальной адаптации таких детей.

В рамках общественно полезной деятельности авторами данной статьи разработан инновационный долгосрочный благотворительный проект «Мир миру детства». В ходе его реализации группа студентов специальности «Социальная работа» под руководством кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности Ульяновского государственного университета сотрудничают со следующими областными социально-реабилитационными учреждениями: ОГКУ СРЦН для несовершеннолетних «Алые паруса», СРЦН для несовершеннолетних «Причал надежды», ОГКУСО СРЦН для детей-сирот «Открытый дом», ОГКОУ СКДД «Дом детства» и ОГКОУ детский дом «Соловьиная роща».

Педагогические коллективы данных учреждений приложили немало усилий для решения задач по успешной адаптации воспитанников к новым условиям проживания — в социально-реабилитационных центрах и детских домах, работают над созданием благоприятного для детей психологического климата. Несмотря на это, исследователи и психологи давно констатируют, что дети-сироты «являются жертвами длительного пребывания на полном государственном обеспечении в искусственно благополучных условиях интернатов. Своеобразная закрытость их социального пространства, ограниченность социальных контактов и зауженная сфера реализации усвоенных социальных норм и обретения опыта, формирование единственной социально-ролевой позиции — позиции сироты — дают знать о себе долгие годы» [4].

Организуя работу в областных детских социальных учреждениях, участники проекта ис-

ходили из того, что один из самых важных критериев эмоционального благополучия детей в стенах детского дома — знание эффективных способов общения с детьми; применяя их, общение с детьми надо строить не по типу «воздействие», а по типу «взаимодействие». Наблюдения показали, что социальные сироты в основном замкнуты, конфликтны, имеют низкую самооценку, для них характерно нарушение доверия к окружающим людям. Дети-сироты, как правило, не имеют навыков конструктивного взаимодействия, поэтому эмоциональный фон общения не вполне благоприятный для развития в коллективе. Воспитанникам детских домов и реабилитационных центров для полноценного развития не хватает родительского тепла, дружеского общения со старшими братьями и сестрами, позитивного участия в их жизни бабушек и дедушек. Из этого следует, что для организации волонтерского выезда в детский дом необходимы не только время и средства, но и знания, навыки общения с такими детьми, нужен достаточный опыт организации мероприятий различного характера в детских коллективах, необходимо объединение умений и навыков добровольцев различного возраста: силы и энергии молодого поколения, жизненного опыта и заботливого отношения старшего поколения. Разновозрастное волонтёрское движение может способствовать решению социально значимой проблемы формирования необходимых коммуникативных и других социальных навыков у детей, созданию благоприятного эмоционального фона для их развития. В отличие от других волонтёрских инициатив, реализация данного проекта — это не эпизодические выезды в детские социальные учреждения, а система добровольческой помощи, способствующей социальной адаптации и эмоциональному развитию детей, оказавшихся в социальных учреждениях. В этом заключается новизна данного проекта студентов и преподавателей УлГУ.

Образовательными целями долгосрочного благотворительного проекта «Мир миру детства» являются расширение знаний детей о таких понятиях, как дружба, сотрудничество, взаимопомощь; усвоение детьми умений оценивать чувства и поступки сверстников в совместных играх и занятиях, формирование умения мотивировать, объяснять свои суждения, развитие речи детей. Цели проекта — это развитие социальных эмоций: сочувствия, сопереживания, доброжелательных отношений, способности понимать эмоциональное состояние другого человека и адекватно выражать свои чувства; развитие мыслительной активности, воображения и творческих способностей. Воспитательными целями проекта являются воспитание культуры общения, дружеских взаимоотношений, желания поддерживать других в повседневной жизни и сотрудничать в ходе различной деятельности.

Задачи, формы и сроки реализации проекта:

1) реализация модуля «Подари детям радость» (интерактивные театрализованные культурно-развлекательные и игровые мероприятия) — 2014—2015 гг.;

2) реализация модуля «Учимся дружить и сотрудничать» (социально-адаптивный тренинг) — 2015—2016 гг.;

3) реализация модуля «Творим, выдумываем, пробуем» (мастер-классы по различным направлениям творческой, спортивно-оздоровительной, игровой деятельности: изготовление поделок из разных материалов, вышивание, фокусы, моделирование одежды для кукол и самих детей, шахматы, техническое конструирование, ремонт и т. д. — по интересам детей) — 2016—2017 гг.

Наблюдение в ходе реализации первого модуля проекта позволяет сделать вывод, что интерактивные театрализованные культурно-развлекательные и игровые мероприятия помогают детям почувствовать себя успешными в творческой игре, проявить себя в новом качестве, получить новый опыт общения. Вводная и промежуточная социометрия, проведенные в ходе реализации второго модуля показали, что реализация программы тренинга снижает уровень возникновения таких негативных явлений, как конфликтность, агрессивность, в основе которых лежит лишение семьи, потеря ощущения самоценности, отсутствие или потеря жизненных перспектив.

В ходе реализации благотворительного проекта «Мир миру детства» участникам проекта удалось доставить детям-сиротам радость общения со взрослыми, которые в некоторых ситуациях стали олицетворением «хороших» членов их семей — родственников, старших братьев и сестёр, бабушек и дедушек. Дети ждут приезда волонтёров, хотят участвовать в интересных интерактивных мероприятиях. Руководство учреждений со всей серьёзностью относится к сотрудничеству с кафедрой педагогики профессионального образования и социальной деятельности Ульяновского государственного университета, что является залогом успеха общего дела. В перспективе участники проекта планируют организовать областную школу волонтёров «Мир миру детства».

Анализ документов и статистических данных, знакомство с деятельностью коллективов областных детских социальных учреждений, опыт реализации благотворительного проекта «Мир миру детства» позволяют сделать вывод о том, что изучение данного вопроса представляется весьма актуальным. Несмотря на то, что в Ульяновской области достаточно хорошо развита социальная помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, существует необходимость проблему компенсации семейного воспитания решать активнее и эффективнее, используя общественные ресурсы и потенциал. Детские социальные учреждения по договору о сотрудничестве должны быть открытыми для разновозрастных волонтёрских отрядов, которые реализуют программы, способствующие созданию благоприятных условий, приближенных к семейному воспитанию.

1. *Бим-Бад Б. М.* Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 259.
2. Закон Российской Федерации от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».
3. Закон Ульяновской области «О мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Ульяновской области» (с изм. на 3 июня 2015 г.).
4. *Новикова Г. А.* Проблемы социального сиротства. Пермь, 1995. С. 16—22.
5. Официальная статистика // Население. Семья, материнство и детство. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru.
6. Промежуточные результаты экспертно-аналитического мероприятия «Анализ исполнения поручений Президента Российской Федерации и реализации законодательства Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». URL: audit.gov.ru.

А. А. Ощепков, В. Б. Салахова

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ МОЛОДЕЖИ, СКЛОННОЙ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ[1]

В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования жизненных ситуаций молодежи, склонной к девиантному поведению, с целью проверки гипотезы о наличии особенностей у личности, склонной к девиантному поведению, связанных с ситуациями, через которые проходит ее жизненный путь. В рамках выполнения поставленных перед исследованием задач было проведено сравнение типов и видов жизненных ситуаций, а также среднего времени ретроспекции и антиципации у не склонной и склонной к девиантному поведению молодежи. Результаты сравнительного анализа различных выборок молодежи приводятся в выводах, среди которых наиболее значимым представляется меньшее время антиципации событий у молодежи, склонной к девиантному поведению, объясняемое менее ясной жизненной перспективой и, как следствие, меньшим уровнем осмысленности собственной жизнедеятельности.

Ключевые слова: девиантное поведение, молодежь, жизненные ситуации, психологическая автобиография, диспозиции личности.

A. A. Oshchepkov, V. B. Salakhova

FEATURES OF LIFE SITUATIONS OF YOUTH PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR

The article consideres the results of empirical research of life situations of youth prone to deviant behavior. This is neseccary to check the hypothesis about the existence of features interrelations connected to life situations, through which life path of youth go. In the framework of executing study tasks set it was undertaken a comparison of types and kinds of life situations and also time of retrospection and anticipation of youths prone and non-prone to deviant behavior. The results of comparative analysis of different samples of youths are given in the conclusion, among which the most significant is about fewer time of anticipation of youths prone to deviant behavior which is explained as a fewer level of life activity meaningfulness.

Key words: deviant behavior, youth, life situations, psychological autobiography, personal dispositions.

Постановка проблемы

Современное общество ставит множество проблем социального и психологического плана, одной из наиболее острых среди которых является проявление девиантного поведения в различных формах. Поэтому изучение феномена девиантного поведения настоятельно требует внимания ученых к проявлениям его во всевозможных формах и на различных этапах развития человека, однако особенно важно его изучение в период формирования, а именно в молодом возрасте. При этом необходимо и теоретическое осмысление феномена девиантного поведения, и эмпирическая проверка особенностей его проявления в различных условиях. В теоретическом аспекте в настоящее время невозможно понять поведение вне рассмотрения взаимосвязи личностных и ситуационных факторов, поскольку между человеком и условиями его жизни существует неразрывная связь.

Традиция изучения психики человека во взаимосвязи личностных и ситуационных факторов была заложена, несомненно, К. Левиным в его теории поля [5] и развита многими видными учеными. Существует два основных подхода к пониманию ситуации: 1) понимание ситуации как внешних условий протекания жизнедеятельности на ее определенном этапе [6]; 2) понимание ситуации как системы субъективных и объективных элементов, объединяющихся в жизнедеятельности [12]. Проблема соотношения личностных и ситуационных переменных в настоящее время решается обращением к категории поведения, которое является функцией

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Исследование особенностей и динамики показателей ценностно-смысловой сферы осужденных, получающих высшее профессиональное образование», проект № 15-36-01329/15.

взаимодействия личности и ситуации. Личностные особенности могут быть представлены как условные возможности, реализующиеся в актах поведения в конкретной ситуации [2].

В современных научных исследованиях изучение ситуативного фактора в основном связано с решением проблемы совладания с трудными жизненными ситуациями. Проблеме формирования зависимого поведения в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями посвящена работа И. В. Романовой [10]. Оптимистичность как личностный ресурс совладания с критическими жизненными ситуациями исследуется В. В. Пономаревым [7]. В. А. Кислицына и А. А. Царева разрабатывают проблему формирования готовности студентов к трудным жизненным ситуациям [3]. Разрешению внутриличностного конфликта в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями посвящена работа И. В. Кочкаревой [4]. Однако в данных работах указывается, что для построения целостного представления о совладании с трудными жизненными ситуациями необходимо анализировать разные параметры: особенности и тип ситуации, субъективное восприятие и интерпретацию событий, личностные черты, что наиболее выраженно представлено в работе Е. В. Битюцкой [1]. В этом плане мы снова приходим к необходимости анализировать во взаимодействии ситуационные и личностные факторы, что, по мнению Е. В. Битюцкой, необходимо развивать в рамках комплексного подхода, рассматривающего несколько факторов-детерминант, а одной из наиболее представительных концепций в данном направлении, по мнению В. А. Кислицыной и А. А. Царевой, выступает концепция саморегуляции А. О. Прохорова, определяющего саморегуляцию как процесс управления человеком собственными психологическими и физиологическими состояниями для достижения равновесия между организмом и средой [9]. Однако, по нашему мнению, позиция А. О. Прохорова акцентирована в большей степени на психические состояния, что, несомненно, является оригинальным научным подходом к рассматриваемой проблеме. Отметим, что разработка проблемы взаимодействия личностных и ситуационных факторов также обогатилась бы через акцентирование поведенческого аспекта, а именно проявление различных форм поведения во взаимосвязи с личностными и ситуационными детерминантами.

Поэтому рассмотрение проявления поведения во взаимосвязи личностных и ситуационных факторов возможно в рамках диспозиционной концепции регуляции социального поведения В. А. Ядова [13]. В рамках данной концепции поведение представлено различными уровнями, регулируемыми системой диспозиций, формируемых в ситуациях различных уровней сложности. В этом плане различные формы поведения выражаются благодаря особенностям системы диспозиций, которые вырабатываются в различных ситуациях социального взаимодействия с социальным окружением [8]. Нами была предложена гипотеза, согласно которой личность, склонная к девиантному поведению, обладает определенными особенностями, связанными с жизненными ситуациями, через которые проходит жизненный путь такого человека.

С учетом вышесказанного перед исследованием были поставлены следующие задачи:

1. Провести эмпирическое исследование типов и видов жизненных ситуаций у молодежи, склонной к девиантному поведению.

2. Проанализировать особенности ситуаций у молодежи, склонной к девиантному поведению.

3. Разработать выводы, позволяющие проинтерпретировать выявляемые особенности жизненных ситуаций у молодежи, склонной к девиантному поведению.

Методики, выборка

Эмпирическая часть исследования была выполнена на базе Димитровградского инженерно-технологического института — филиала Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт» (г. Димитровград Ульяновской области). В качестве респондентов выступали студенты 3—4 курсов, 19—22 лет, всего 98 человек. Для диагностики внутренней картины жизненного пути была использована Методика «Психологическая автобиография» Л. Ф. Бурлачука и Е. Ю. Коржовой [2], которая позволяет исследовать радостные и грустные события, происходившие в жизни испытуемого, оказавшие критическое влияние на его жизненный путь, а также будущие события, антиципация которых также оказывает значительное влияние на жизнь человека. Кроме того, была использована Шкала склонности к нарушению общепринятых норм и правил Методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор — А. Н. Орел), являющейся стандартизированным тест-опросником, предназначенным для измерения склонности к реализации различных форм девиантного поведения [11]. С целью удобства изложения материала в дальнейшем будут использоваться следующие аббревиатуры: МНДП — молодежь, не склонная к

девиантному поведению, МСДП — молодежь, склонная к девиантному поведению.

Результаты и их обсуждение

С целью анализа компонентов внутренней картины жизненного пути молодежи, склонной к девиантному поведению, и молодежи, не склонной к девиантному поведению, нами было проведено сравнение среднегрупповых значений типов событий психологической автобиографии с использованием статистического t-критерия Стьюдента. В результате были обнаружены статистически значимые различия значений типов событий, связанных с личностно-психологическими изменениями ($t_{эмп}$ = 2,2390 при $\rho \leq 0,01$) и изменением социальной среды ($t_{эмп}$ = 2,6730 при $\rho \leq 0,01$) (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение среднегрупповых значений типов событий внутренней картины жизненного пути молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению

№ п/п	Типы событий	Среднегрупповые значения		$t_{эмп}$
		МНДП	МСДП	
1.	Биологические	4,2110	3,1510	0,1610
2.	Личностно-психологические	8,2330	14,5520	**2,2390****
3.	Изменения физической среды	4,0120	6,9910	0,9810
4.	Изменения социальной среды	9,1230	4,2250	**2,6730****

** — значимые различия при $\rho \leq 0,01$.

Более высокие показатели внутренней картины жизненного пути, связанные с личностно-психологическими изменениями, свидетельствуют о большем влиянии жизненных ситуаций, связанных с личностным определением у молодежи, склонной к девиантному поведению (определение жизненного пути, выбор свободного времяпрепровождения — досуга). Более низкие показатели внутренней картины жизненного пути, связанные с изменениями социальной среды, у молодежи, склонной к девиантному поведению, свидетельствуют о более слабом восприятии событий, происходящих с ними при взаимодействии с социальной средой, — будь то повышение социального статуса, достижение социального признания и др. Согласно исследованиям, проведенным Е. Ю. Коржовой, более низкие значения по типу событий, связанных с изменениями социальной среды, определяются более высокой степенью социальной дезадаптированности и склонностью к соматическим заболеваниям. Все это говорит в пользу особого восприятия молодежью, склонной к девиантному поведению, своего жизненного пути, которое детерминирует их направленность на отклонения в поведении.

Дальнейший анализ был посвящен сравнению видов событий компонентов внутренней картины жизненного пути молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению, с использованием статистического t-критерия Стьюдента. В результате были обнаружены статистически значимые различия значений видов событий «родительская семья» ($t_{эмп}$ = 3,3120 при $\rho \leq 0,01$), «брак» ($t_{эмп}$ = 2,3190 при $\rho \leq 0,05$), «Я» ($t_{эмп}$ = 3,3540 при $\rho \leq 0,01$), «работа» ($t_{эмп}$ = 2,1470 при $\rho \leq 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение среднегрупповых значений видов событий внутренней картины жизненного пути молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению

№ п/п	Типы событий	Среднегрупповые значения		$t_{эмп}$
		МНДП	МСДП	
1.	Родительская семья	8,53140	5,0120	**3,3120****
2.	Брак	5,5430	1,5770	**2,3190***
3.	Дети	8,1950	6,2560	0,8320
4.	Место жительства	4,1120	2,5520	0,5410
5.	Здоровье	2,5650	0	1,8710
6.	Я	0	3,5870	**3,3540****
7.	Общество	2,1120	0	1,8710
8.	Межличностные отношения	5,0000	5,0000	0
9.	Материальное положение	0	0	0
10.	Учеба, повышение квалификации	8,8330	12,6510	1,8840
11.	Работа	6,9750	2,1140	**2,1470***
12.	Природа	0	1,3330	0,4840

* — значимые различия при $\rho \leq 0,05$;
** — значимые различия при $\rho \leq 0,01$.

Данные различия свидетельствуют о том, что молодежь, склонная к девиантному поведению, имеет менее радостное восприятие событий, связанных с родительской семьей. Основ-

ными формами событий, которые называются молодыми людьми, склонными к девиантному поведению, являются ссоры родителей, уход одного из родителей из семьи, что становится основными причинами деформации нормального развития и переориентации на отклонение от нормативного пути. Неблагополучные взаимоотношения в родительской семье обязательно отражаются и на отношении молодых людей к браку, о чем свидетельствуют более низкие показатели вида событий «брак» у молодежи, склонной к девиантному поведению. Общая девиантная направленность молодежи также сказывается и на менее позитивном отношении к работе. Однако стоит отметить более высокие показатели у молодежи, склонной к девиантному поведению, по виду событий «Я», что скорее всего связано с поиском идентичности и желанием самоутвердиться и объясняет более высокие значения личностно-психологических типов событий.

Далее наш анализ был посвящен сравнению среднегрупповых значений среднего времени ретроспекции, антиципации жизненных событий у молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению, с использованием статистического t-критерия Стьюдента. В результате было обнаружено статистически значимое различие значений среднего времени антиципации ($t_{эмп}$ = 2,6370 при $\rho \leq 0,01$) (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение среднегрупповых значений среднего времени ретроспекции, антиципации жизненных событий молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению

№ п/п	Типы событий	Среднегрупповые значения		$t_{эмп}$
		МНДП	МСДП	
1.	Среднее время ретроспекции, дней	1865	1214	0,9324
2.	Среднее время антиципации, дней	730	430	**1,9626***

* — значимые различия при $\rho \leq 0,05$.

Статистически значимое различие среднего времени антиципации молодежи, не склонной к девиантному поведению, и молодежи, склонной к девиантному поведению, свидетельствует о том, что степень потенциальности у молодежи, не склонной к девиантному поведению, более высокая. Это означает, что молодые люди, не склонные к девиантному поведению, более значительно ориентированы на перспективу, они строят жизненные планы, будущее для них более ясное. Также это свидетельствует о том, что молодежь, не склонная к девиантному поведению, в большей степени предвидит последствия своего поведения. В свою очередь, данные результаты позволяют характеризовать молодежь, склонную к девиантному поведению, с меньшей ориентацией на перспективу, что также влияет на снижение уровня осмысленности своей жизнедеятельности, выступая существенным фактором ориентации на девиации в поведении.

Выводы

1. Учитывая вышесказанное, можно заключить, что молодые люди, склонные к девиантному поведению, обладают рядом особенных характеристик внутренней картины жизненного пути. Так, у молодежи, склонной к девиантному поведению, развивается социально-психологическая дезадаптация, о чем свидетельствуют более низкие показатели значимости событий, связанных с изменениями социальной среды. Также у молодежи, склонной к девиантному поведению, во внутренней картине жизненных событий отражается менее радостное восприятие родительской семьи, свидетельствующее о развитии в неблагополучной семье. Далее, отношения, складывающиеся в родительской семье, переносятся на восприятие отношений с брачным партнером, что продолжает детерминировать неблагополучные отношения у молодых людей, склонных к девиантному поведению, в их собственных семьях. И в целом сравнительно меньшее значение времени антиципации будущих событий жизни означает то, что молодые люди, склонные к девиантному поведению, не видят ясной жизненной перспективы, не предвидят последствий своей деятельности, что может благоприятствовать их отклонениям в поведении от социальных норм.

2. Выявленные особенности значимости типов и видов жизненных ситуаций подтверждают гипотезу о взаимосвязи личностных и ситуационных факторов во взаимосвязи с направленностью на девиантное поведение. Это дополнительно свидетельствует о важности направленности жизненного пути на формирование личности человека и складывание его дальнейшей судьбы. Важность влияния социального окружения на развитие нормативной личности еще раз подтверждает необходимость развития спланированного превентивного подхода к социализации молодых людей.

1. *Битюцкая Е. В.* Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 100—111.
2. *Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ситуаций. М. : Российское педагогическое агентство, 1998. 263 с.
3. *Кислицына В. А., Царева А. А.* Проблема формирования готовности студентов к трудным жизненным ситауциям // Современные подходы к повышению качества образования : сб. методических ст. Ишим, 2014. С. 55—60.
4. *Кочкарева И. В.* Разрешение внутриличностного конфликта в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями // Омский науч. вестн. Психологические и педагогические науки. 2012. № 4(111). С. 192—194.
5. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб. : Речь, 2000. 368 с.
6. *Магнуссон Д.* Ситуационный анализ: эмпирические исследования соотношений выходов и ситуаций // Психологический журн. 1983. № 2. С. 29—54.
7. *Пономарев В. В.* Оптимистичность как личностный ресурс совладания с критическими жизненными ситуациями // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2009. Сер. 12. Вып. 1, ч. 1. С. 50—54.
8. *Ощепков А. А.* Экспериментальное исследование социально-педагогической коррекции агрессивного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения // Вестн. Димитровградского инженерно-технологич. ин-та. 2014. № 3. С. 132—141.
9. *Прохоров А. О.* Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М. : ПЕРЗ СЭ, 2005. 352 с.
10. *Романова И. В.* Проблема формирования зависимого поведения в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями // Социально-психологическое сопровождение лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию: проблемы и перспективы : сб. материалов науч.-практич. интернет-конф. 2013. С. 64—68.
11. *Шапарь В. Б.* Практическая психология. Психодиагностика групп и коллективов. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. 448 с.
12. *Шибутани Т.* Социальная психология. Ростов н/Д. : Феникс, 1999. 544 с.
13. *Ядов В. А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Т. В. Пфау, Е. Д. Семенова

ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОЕЙ И ЧУЖИМ ЭТНИЧЕСКИМ ГРУППАМ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХАКАССКОЙ, ТУВИНСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ)

В статье изложены результаты исследования этнических установок молодых представителей трех этнических групп, совместно проживающих в Республике Хакасия. Показаны результаты сравнительного анализа этнических стереотипов, особенностей этнической идентичности, степени выраженности этноцентризма, этнической толерантности у представителей тувинской, хакасской и русской этнических групп.

Ключевые слова: молодые представители этнических групп, этнические установки, этническая идентичность, этноцентризм, этническая толерантность.

T. V. Pfau, E. D. Semenova

ETHNIC ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE OF DIFFERENT ETHNIC GROUPS IN RELATION TO THEIR OWN AND OTHERS' ETHNIC GROUPS (ON THE EXAMPLE OF REPRESENTATIVES OF THE KHAKASS, TUVAN AND RUSSIAN NATIONALITIES)

The article presents the results of the study of ethnic units of young representatives of the three ethnic groups living together in the Republic of Khakassia. It also shows the results of the comparative analysis of ethnic stereotypes, especially of ethnic identity, the severity of ethnocentrism, ethnic tolerance among representatives of Tuva, Khakass and Russian ethnic groups.

Key words: young representatives of ethnic groups, ethnic attitudes, ethnic identity, ethnocentrism, ethnic tolerance.

Изучение социальных установок проводилось и проводится в самых разных контекстах, наиболее распространенным из которых является область межэтнических взаимоотношений. Актуальность исследования межэтнических установок обусловлена прежде всего тем фактом, что отслеживание состояния взаимоотношений между различными этнокультурными группами, образующими общество, составляет, наряду с политическими и экономическими аспектами взаимоотношений этих групп, важнейший элемент концепции национальной политики государства. В современной психологической науке накоплен достаточно большой опыт изучения межэтнических установок. Наибольшее количество работ по данной проблематике было выполнено психологами из стран, принимающих большое количество мигрантов, — США и Канады. Геополитические процессы последних десятилетий привели к активизации внимания к этим вопросам со стороны ученых из стран Западной Европы и России [1].

Под социальной установкой в социальной психологии понимается «определенная диспозиция индивида, в соответствии с которой тенденции его мыслей, чувств и возможных действий организованы с учетом социального объекта» [2, с. 138]. Этим понятием определяется один из самых важных психологических механизмов включения индивида в социальную систему, аттитюд функционирует одновременно и как элемент психологической структуры личности, и как элемент социальной структуры. Если процесс социализации объясняет, каким образом личность усваивает социальный опыт и вместе с тем активно воспроизводит его, то формирование социальных установок личности отвечает на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках [2]. Этнические установки — это установки, имеющие место тогда, когда человек, действуя в любой сфере — профессиональной, политической, культурной и др., осознает, оценивает и

поступает как личность, включенная в этническую группу. Межэтнические установки — это установки на взаимодействие (отрицательное или положительное со всеми нюансами) с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде. Этнические и межэтнические установки аккумулируют предшествующий жизненный опыт, причем не только свой, но и окружающих. В процессе межэтнических взаимодействий они выполняют компенсирующую функцию в познавательном процессе, минимизируя риск. Говоря об истоках национального самосознания, необходимо прежде всего иметь в виду, что все нити, идущие вглубь к истокам, органически связаны с этничностью. Рост национального самосознания может идти как по пути роста идентификации членов этнической общности с ней, их сплочения, так и по пути игнорирования интересов других народов и затем выродиться в концепцию национальной исключительности, что недалеко уже до национального эгоизма [3].

Ключевым понятием для понимания того, как и почему формируются негативные межэтнические установки, является этноцентризм. Основы теории этноцентризма были заложены У. Самнером еще в 1906 году. Ученый также выдвинул гипотезу о том, что ингруппа обычно оценивается более позитивно, чем аутгруппа. Данная этноцентричная тенденция к ингрупповому фаворитизму была позднее обнаружена во многих обществах, что привело к утверждению о том, что эта тенденция является характерной универсальной чертой межгруппового взаимодействия. Концепция этноцентризма также достаточно широко используется в качестве синонима общей антипатии к аутгруппам. В таком понимании она очень близка к понятию «толерантность» [1].

Таким образом, при изучении межэтнических отношений особое внимание уделяется изучению личности, включенной в этническую группу, иерархии деятельностей, мотивированных личностными потребностями, социальных установок, ориентаций, этнических стереотипов, национального самосознания, этнических границ, социальной и культурной дистанции, этнического статуса.

Целью исследования было изучение этнических установок представителей разных этнических групп по отношению к своей и чужим этническим группам. Были использованы: Методика исследования этнической идентичности и стереотипов («Приписывание качеств») (Стефаненко Т. Г.), Методика З. В. Сикевич «Этнические установки»; методы математической статистики — статистический пакет SPSS Statistics 10.0: однофакторный дисперсионный анализ.

В исследовании приняли участие молодые представители трех этнических групп (хакасы, тувинцы, русские) в количестве 60 человек. Все испытуемые проживают в г. Абакане. 1 группа: 20 человек — представителей хакасской национальности (девушки — 80 %, парни — 20 %), средний возраст по группе — 22,4 года. 2 группа: 20 человек — представителей тувинской национальности (девушки — 60 %, парни — 40 %), средний возраст по группе — 23,6 года. 3 группа: 20 человек — представителей русской национальности (девушки — 75 %, парни — 25 %), средний возраст по группе — 21,8 года.

Изучение этнических установок представителей разных этнических групп мы начали с изучения особенностей этнической идентичности и этнических стереотипов (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика этнической идентичности и этнических стереотипов в зависимости от этнической группы (средние значения)

Факторы	Показатели среднего значения (показатели выраженности этнической идентичности и этнических стереотипов)			p (уровень значимости различий)		
	Хакасская этническая группа (1)	Тувинская этническая группа (2)	Русская этническая группа (3)	1—2 группы	2—3 группы	1—3 группы
Оценка своей этнической группы	6,5	8,2	7,25	0,001*		
Оценка чужой этнической группы	4	7,6	6,9	0,001*		
Оценка Я-образа	4,05	10	7	0,003*		

Уровень значимости различий: * — $p < 0,001$.

Результаты исследования показали, что представители тувинской национальности в наибольшей степени, по сравнению с молодыми людьми хакасской национальности, склонны к формированию положительных этнических установок и стереотипов по отношению к своему этносу ($p < 0,001$). Согласно исследованию Гудикунста, выраженность социальной идентичности влияет на ожидаемую приемлемость и неприемлемость «чужих» сильнее, чем личностная идентичность. Социальная идентичность основана на разделяемых членами группы представлениях и убеждениях. У. Мак-Гири и его коллеги установили, что этничность (как групповое членство) возникает в сознании индивидов как часть спонтанной самоконцепции в том случае, когда члены этнической группы резко отличаются от социального окружения. Это согласуется с положением М. Бревера, что принадлежность к определенному этносу более важна для групп меньшинств, чем для этнического большинства [5].

Из таблицы 1 мы можем видеть, что «Оценка Я-образа» имеет значительную зависимость от фактора «этническая группа» ($p < 0,003$). Представители тувинской этнической группы оценивают себя выше, чем представители хакасской этнической группы. Это означает, что тувинцы лучше и охотнее соотносят себя с представителями своего этноса. В отличие от них молодые люди хакасской национальности плохо соотносят себя со своим этносом.

В оценке чужой этнической группы представители тувинской национальной группы в большей степени склонны к формированию стереотипов ($p < 0,001$), в отличие от молодых людей хакасской национальности. У тувинцев быстро формируются социальные установки и этнические стереотипы (как положительные, так и отрицательные). И, наоборот, представители хакасской этнической группы не склонны к стереотипизации чужих этнических групп.

Изучение этнических установок представителей разных этнических групп было проведено более углубленно, при этом были рассмотрены такие факторы, как этноцентризм, противоречивое самосознание и этническая толерантность (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика этнических установок молодых представителей хакасской, тувинской и русской национальностей (средние значения)

Факторы	Показатели среднего значения			p (уровень значимости различий)		
	Хакасская этническая группа (1)	Тувинская этническая группа (2)	Русская этническая группа (3)	1—2 группы	2—3 группы	1—3 группы
Этноцентризм	1,75	6,25	9			0,001*
Противоречивое самосознание	5,15	2	4	0,004*		
Этническая толерантность	7	6,15	5			0,002*

Уровень значимости различий: * — $p < 0,001$.

Если этноцентризм[1] — это восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры, то согласно нашему исследованию можно сказать, что именно молодые люди русской национальности склонны использовать стандарты своей группы для оценки молодых людей хакасской национальности, располагая свою группу на вершине иерархии и рассматривая представителей хакасской национальности как нижестоящих. Представители тувинской этнической группы в среднем оцениваются на достаточно высокий уровень этноцентризма, что скорее всего является следствием отчужденности этноса от других. Для них свой этнос является эталонным и более привлекательным, нежели остальные, что мы можем видеть в таблице 2.

По фактору «противоречивое самосознание» имеются значимые различия ($p = 0,004$) между этническими группами хакасов и тувинцев. По данным исследования можно видеть,

[1] Этноцентризм — это такое «видение вещей, при котором своя группа оказывается в центре всего, а все другие соизмеряются с ней или оцениваются со ссылкой на нее» [5].

что представители хакасской национальности имеют высокий уровень противоречивого самосознания. Представители тувинской этнической группы по данному фактору имеют низкий уровень противоречивого самосознания, следовательно, обладают высокой степенью осознания себя как часть своего этноса, высокой степенью этнической идентичности и самосознания.

Из исследования была выявлена зависимость фактора «этническая толерантность» от принадлежности к определенной этнической группе, получены статистически значимые различия между группами хакасов и русских (p = 0,002). Молодые представители хакасской этнической группы по фактору «этническая толерантность» имеют высокую степень этнической толерантности. Это означает, что представители хакасской группы спокойно уживаются с другими народами и предпочитают сотрудничать, нежели соперничать. Хакасская этническая группа склонна проявлять терпимость к представителям других народов, чужой культуре и традициям, а также способна проявлять терпимость к образу жизней представителей других этнических общностей, их поведению, традициям, национальным обычаям. В отличие от них молодым представителям русского этноса трудно проявлять терпимость по отношению к представителям других народов, они испытывают неприятные ощущения в случаях соприкосновения с культурой других народов, что также выражается в высокой степени этноцентризма.

Выводы:

1. Молодые представители тувинской этнической группы оценивают свой этнос выше, чем представители хакасской этнической группы. Это показывает, что у представителей тувинской этнической группы имеется большая предрасположенность к формированию положительных этнических установок по отношению к своему этносу, нежели у молодых представителей хакасской этнической группы.

2. Представители тувинской этнической группы более склонны к формированию этнических стереотипов и этнических установок по отношению к другим этносам, чем представители хакасской этнической группы, у которых эта тенденция занижена. Это означает, что представители хакасской этнической группы менее склонны к формированию социальных установок и этнических стереотипов по отношению к другим народам.

3. «Оценка Я-образа», которая проявляется в соотнесении себя и своей этнической группы (степень принадлежности к своей этнической группе), имеет значительную зависимость от фактора «этническая группа». Из исследования видно, что представители тувинской этнической группы оценивают себя выше, чем представители хакасской этнической группы. Это означает, что представители тувинского этноса охотнее соотносят себя со своей этнической группой и обладают высокой степенью этнической идентичности, чем представители хакасской этнической группы, у которых оценка Я-образа занижена, что подразумевает под собой низкую степень этнической идентичности.

4. Представители русской этнической группы обладают более высокой степенью этноцентризма, в отличие от представителей хакасской этнической группы. Это также указывает на то, что для молодых представителей русского этноса своя группа оказывается в центре всего, а все другие соизмеряются с ней или оцениваются со ссылкой на нее.

5. Для представителей хакасской национальности характерно в наибольшей степени выраженное противоречивое самосознание, что доказывает их низкую степень удовлетворенности своей этнической принадлежностью. В отличие от них, представители тувинской национальности обладают высокой степенью удовлетворенности от своей этнической принадлежности.

6. Представители хакасской этнической группы склонны к проявлению высокой степени этнической толерантности, в отличие от представителей русской этнической группы. В отличие от них, представителям русского этноса трудно проявлять терпимость по отношению к представителям других народов, также они испытывают неприятные ощущения в случаях соприкосновения с культурой других народов. Это можно объяснить тем, что представители русской национальности относятся к представителям доминирующего большинства в Республике Хакасия.

1. http://geolike.ru/page/gl_6473.htm.
2. *Белинская Е. П., Тихомадрицкая О. А.* Социальная психология личности : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 138—139.
3. *Набиуллина А. В.* Основные подходы и методология изучения межэтнических отношений // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 5—1. С. 3—5. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-i-metodologiya-izucheniya-mezhetnicheskih-otnosheniy (дата обращения: 31.03.2016).
4. Gudykunst et al., 1988.

Р. И. Хайрудинова, Э. Р. Агаджанова, М. А. Сербина

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ[1]

Анализируются задачи и возможности дополнительного образования детей в социальной адаптации школьников с ограниченными возможностями здоровья. Показано, что психологическая работа с семьей является значимым фактором развития адаптационных ресурсов детей. Предложено описание системы психологической работы с семьей ребенка, имеющего ограниченные возможности здоровья, в условиях учреждения дополнительного образования. Выделены направления и определено основное содержание диагностической, консультационной, просветительской и коррекционной работы психолога с семьей.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, семья, дети с ограниченными возможностями здоровья, ресурсы адаптации.

R. I. Khairudinova, E. R. Agadzhanova, M. A. Serbina

FAMILY PSYCHOLOGICAL SERVICES IN ESTABLISHMENT OF ADDITIONAL EDUCATION AS A FACTOR OF IMPROVEMENT OF ADAPTIVE RESOURCES OF CHILDREN WITH DISABILITIES

The authors analyze the challenges and opportunities of additional education of children in the social adaptation of students with disabilities. It is shown that psychological work with the family is a significant factor in the development of adaptive resources of children. The authors propose the description of psychological work system with a family of a child with disabilities in conditions of institutions of further education. They alao allocate directions and identify the main content of diagnostic, consultative, educational and correctional work of a psychologist with the family.

Key words: psychological support, family, children with disabilities, resources, adaptation.

В современном российском образовании сегодня остро стоит вопрос о приоритетном значении доступности всех видов образовательных услуг, обучения и воспитания для детей с ограниченными возможностями здоровья, о содействии их социализации и развитии. Об этом свидетельствует законодательное закрепление вопросов, связанных с обеспечением надлежащих условий для обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии в нормативных документах системы образования России.

Закон «Об образовании» утверждает государственные гарантии на получение образования лицам с отклонениями в развитии и гарантирует им воспитание и обучение, социальную адаптацию и интеграцию в общество. **В решении коллегии Министерства образования и науки Российской Федерации** «О повышении роли системы дополнительного образования в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья» говорится, что **основная задача**, стоящая перед государством и обществом в целом в отношении детей данной категории, — **создание надлежащих условий и оказание помощи в их социальной реабилитации и адаптации, в подготовке к полноценной жизни в обществе.**

Коллегия, в частности, решила обратить особое внимание на:

— интеграцию детей с ограниченными возможностями здоровья в среду здоровых сверстников;

— допрофессиональную подготовку детей с ограниченными возможностями здоровья в целях обеспечения их социальной незащищенности;

— систему мер по активизации работы с детьми с ограниченными возможностями здоро-

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-06-00143.

вья в учреждениях дополнительного образования детей;

— усиление взаимодействия образовательных учреждений с семьями детей с ограниченными возможностями здоровья;

— активное вовлечение детей с ограниченными возможностями здоровья в подготовку и проведение массовых мероприятий с учащимися, участие в конкурсах, смотрах, фестивалях, соревнованиях, олимпиадах и других формах дополнительного образования [1].

Таким образом, подчеркивается значимость системы дополнительного образования в социализации и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья, их творческом развитии и включении в жизнь общества.

Дети с ограниченными возможностями здоровья — особая категория детей, требующая к себе повышенного внимания, заботы и понимания. Обучение и воспитания такого ребенка во многом затрудняется по причине того, что с ранних лет он воспринимает окружающий мир в большей степени как агрессивную, враждебную среду, что порождает его стремление «спрятаться», уйти в сторону. Дополнительное образование представляет возможности для организации социально-позитивной деятельности обучающихся, которая ориентирована в первую очередь на создание ситуации успеха для воспитанника.

Одной из острых проблем реализации инклюзии в учреждениях дополнительного образования является вхождение детей с нарушениями в развитии в систему сложившихся в среде отношений, преодоление негативных установок и неоправданных ожиданий у них по отношению к своей деятельности, к позиции взрослых и сверстников, нередко имеющих место при выборе направления дополнительного образования. Успешность социальной интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательную среду учреждения дополнительного образования во многом определяется активностью всех участников образовательного процесса, включая педагогов, самих детей и их родителей [2].

Опыт нашей работы в учреждении дополнительного образования показывает, что включение детей с теми или иными нарушениями развития в общую образовательную среду вызывает трудности взаимодействия участников данного процесса, являясь стрессовым фактором как для ребенка с ограничениями здоровья, так и для его родителей.

Мы глубоко убеждены, что успешность «безболезненного» вхождения ребенка в инклюзивную среду во многом определяется позицией его окружения к данному процессу. Семья является ближайшим социальным окружением для ребенка и начальной ступенью социализации. В зависимости от того, как относятся к ребенку с ограниченными возможностями в семье, как содействуют его социализации и вхождению в мир окружающих людей, будет зависеть дальнейшая его жизнь в социуме. Исследования показывают значительную настороженность родителей по отношению к включению ребенка в инклюзивную образовательную среду. Так, по данным Е. Р. Ярской-Смирновой и И. И. Лошаковой, мнения родителей в отношении организации интегративной образовательной среды зависит от характера нарушений в развитии детей: около 70 % родителей считают возможным обучение здоровых детей и детей с поражением опорно-двигательного аппарата и лишь 36 % родителей относятся положительно к совместному обучению детей с нарушениями речи, слуха и зрения [3]. В то же время эффективность инклюзивного образования для социальной адаптации ребенка с ограниченными возможностями здоровья во многом определяется доверием родителей к образовательной среде, включенностью семьи в эту среду.

Снять настороженность родителей может грамотная организация психолого-педагогического сопровождения, направленного на формирование у них новых форм мышления, развития гуманистических ценностей и идеалов, расширение адаптационных возможностей родителей. Исследования Н. В. Калининой [4, 5] показывают, что социальная адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья взаимосвязана с уровнем развития адаптационных ресурсов у их родителей, а поведение детей в трудных ситуациях имеет значимые взаимосвязи с используемыми родителями стратегиями преодоления трудностей. В связи с этим большая роль в решении проблемы адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательной среде учреждений дополнительного образования отводится психологической работе с родителями.

Оказание эффективной психолого-педагогической помощи семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья, — сложный процесс, а имеющаяся на сегодня методическая база явно недостаточна. Она в большей степени направлена на организацию сопровождения детей в среде школы. Для уч-

реждений дополнительного образования пока не выстроен целостный, достаточно проработанный методологический подход к определению содержания, форм и методов психологической работы с семьей. Анализ литературы по данной проблеме показал, что семья, воспитывающая ребенка с ограниченными возможностями здоровья, вследствие психологической нагрузки структурно деформируется, она беспомощна, ее положение можно охарактеризовать как внутренний (психологический) и внешний (социальный) тупик. Члены такой семьи часто имеют личностные нарушения, так как находятся в длительно действующей психотравмирующей ситуации. Вся семья в целом нуждается в психологическом сопровождении [6].

Мы предприняли попытку выделения наиболее значимых компонентов системы психологической работы с родителями детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательной среде учреждения дополнительного образования детей, реализующего программы инклюзивного образования. Такая работа представляет собой систему взаимосвязанных направлений и видов деятельности психолога:

1. Диагностика — направлена на выявление особенностей детско-родительских отношений, личностных особенностей, эмоционального состояния, самооценки, механизмов психологической защиты, терминальных ценностей родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. В качестве диагностического инструментария применяются анкетирование, опросники, проективные методики. Результаты обсуждаются с родителями индивидуально, что позволяет им осознать достижения и проблемы, сформулировать запросы о психологической помощи, наметить точки личностного роста.

2. Психологическое просвещение — это приобщение родителей детей с ограниченными возможностями здоровья к психологическим знаниям. Основной смысл психологического просвещения родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, заключается в том, чтобы знакомить их с основными закономерностями и условиями благоприятного психического развития ребенка; формировать потребность в психологических знаниях, желание использовать их для построения конструктивного взаимодействия с детьми и образовательной средой. Формы психологического просвещения могут быть самыми разными: лекции, беседы, семинары, выставки, подборка литературы.

3. Консультирование. Одним из важных этапов в оказании помощи родителям является индивидуальная консультативная работа — психологическое консультирование. Первым этапом психологического консультирования идёт установление контакта с родителем, «настройка» на совместную работу. Главная задача — услышать родителя, понять, как видится проблема ему самому, как он воспринимает ребёнка и сложившуюся ситуацию. На основе жалоб родителей формулируется предположительная психологическая проблема. Чаще всего за помощью родители обращаются по следующим вопросам: проблемы, возникающие в процессе обучения, воспитания или лечения ребёнка; взаимоотношения ребенка с матерью (его непослушание, агрессивность); отношения ребенка с другими детьми в семье; отношения ребенка с учителем в школе или в объединении дополнительного образования (родители жалуются, что педагог недооценивает, занижает возможности их ребенка); отношения между матерью и отцом ребенка. Отметим, что в нашем опыте примерно треть семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии, неполные, что приводит к формулированию еще одной консультационной проблеме — усталости, неудовлетворенности своим семейным статусом со стороны матерей, что приводит к подсознательному отвержению ребенка, злости и компенсаторным механизмам гиперопеки. Для решения этих проблем используются техники, основанные на рефлексии родителями своего поведения, на развитии и наработке ресурсов для преодоления негативных эмоциональных состояний.

4. Психологическая коррекция, на наш взгляд, должна быть направлена на изменения когнитивной, эмоциональной, поведенческой сфер личности родителя. Основные задачи психокоррекционной работы: помочь родителям принять себя и своих детей, такими, какие они есть; раскрыть собственные творческие возможности; изменить взгляд на свою проблему — воспринимать ее не как «страдание», а как «особое предназначение»; вооружить родителей различными способами коммуникации; научить конструктивно помогать и поддерживать друг друга; помочь избавиться от чувства обособленности и брошенности в своем горе; помочь в формировании адекватной оценки психологического состояния детей; снять тревогу и страх отвержения; сформировать адекватное представление об общественных процессах и месте «особых» людей в структуре общества; помочь избавиться от комплекса вины и непол-

ноценности себя и своей семьи. Основным результатом изменения личности родителя с помощью психокоррекции на когнитивном уровне является осознание связи между психогенными факторами и возникновением и сохранением невротических расстройств (родители осознают возникающие проблемы); на эмоциональном — отработка чувств и эмоций, получение эмоциональной поддержки, формирование эмпатии; на поведенческом — приобретение навыков конструктивного взаимодействия.

Немаловажную роль в системе психологической поддержки родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, играет вовлечение родителей в переживание ситуаций успеха, в сопереживание успешности их ребенка при позитивной оценке его достижений. В условиях учреждения дополнительного образования с учётом новых педагогических технологий можно реализовать множество интересных проектов, которые помогут добиться положительных результатов. Мы считаем важным отражать все успехи ребенка с ограниченными возможностями здоровья на специально созданных экранах успеха и приобщать родителей к участию в представлении успешных проектов их ребенка.

Опыт психолого-педагогического сопровождения участников инклюзивного образования в условиях учреждения дополнительного образования детей позволил нам выделить наиболее значимые компоненты системы психологической работы с родителями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья. Эффективному решению задач социализации ребенка с ограниченными возможностями здоровья способствует работа психолога, направленная на выстраивание сотрудничества с семьей в достижении ребенком успехов в интересной для него деятельности, на помощь родителям в применении психологических знаний и умений во взаимодействии со своими детьми дома и принятии ребёнка таким, какой он есть — во всех его проявлениях. Важным является направление усилий психолога на гармонизацию семейных взаимоотношений; на установление детско-родительских отношений; на обучение родителей адекватному оцениванию возможностей ребенка (как физических, так и психологических); на решение личных проблем родителей (чувство неполноценности, вины). Значимым для достижения эффективности является обучение родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, элементарным методам психологической коррекции (аутогенной тренировке, элементам игротерапии, сказкотерапии и т. п.) и развитие готовности к оказанию детям помощи в осознании своих интересов и способностей, в выборе профиля занятий ребенка, ведущего к социализации.

1. *Малофеев Н. Н.* Специальное образование в России и за рубежом : в 2 ч. Ч. 1. Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии. М. : Печатный двор, 1996. 182 с.
2. Обучение и воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья : методические рекомендации. Издательский дом «Новый учебник», 2005. (Б-ка Федеральной программы развития образования).
3. *Ярская-Смирнова Е. Р., Лошакова И. И.* Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социс. 2003. № 5. С. 100—106.
4. *Калинина Н. В.* Формирование стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций у детей в контексте семейного взаимодействия // Фундаментальные исследования. 2013. № 8 (ч. 2). С. 468—472. URL: www.rae.ru/fs/?section=content &op =show_article&article_id=10001155.
5. *Калинина Н. В.* Взаимосвязь стратегий преодолевающего поведения и адаптации подростков в инклюзивной образовательной среде // Симбирский науч. вестн. 2015. № 4(22). С. 13—16.
6. *Шипицына Л. М.* Необучаемый ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Речь, 2005. 477 с.

О. В. Шабанова, А. А. Потапова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ВУЗЕ

Статья посвящена проблемам профессионально-личностного развития социальных работников в вузе, изучению роли тренинга в учебном процессе, преимуществам применения социально-психологического тренинга как формы обучения для подготовки социальных работников.

Ключевые слова: социальная работа, профессиональная подготовка, профессионально-личностное развитие, социально-психологический тренинг.

O. V. Shabanova, A. A. Potapova

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL COACHING AS THE FORM OF EDUCATION IN THE COURSE OF VOCATIONAL TRAINING OF SOCIAL WORKERS IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

This article is devoted to the problems of professional and personal development of social workers in higher education institutions. It studies the role of coaching in an educational process. This article also reveals the advantages of application of social and psychological coaching as the form of education for social workers training.

Key words: social work, vocational training, professional and personal development, social and psychological coaching.

Профессионально-личностное развитие — процесс глубокий и многогранный. Становление человека как личности и как профессионала происходит на протяжении жизни, и, безусловно, это двуединый процесс: без личности нет профессионала, а без самореализации в собственной профессии и личность раскрывается не полностью.

Тема профессионально-личностного развития социальных работников в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов социальной сферы в вузе всегда являлась актуальной. Ведь от того, насколько сильно человек нацелен на рост в своей профессии, на самореализацию, зависит то, как он будет работать в дальнейшем, как будет развивать себя и направление своей деятельности, будет ли удовлетворен своей жизнью. А это уже связано с развитием социальной сферы и общества в целом.

Таким образом, неоспорима актуальность проблемы всестороннего и непрерывного профессионально-личностного развития специалиста социальной работы. Однако в данном вопросе существует множество противоречий. Одним из них является противоречие между сложившимися качествами личности и объективными требованиями, нормами, стандартами профессиональной деятельности, обусловливающей дальнейшее развитие личности через интеграцию в эту деятельность. Одним из способов преодоления данного противоречия в процессе профессиональной подготовки социальных работников в вузе является применение социально-психологического тренинга.

Тренинг сегодня стал самой распространенной интерактивной технологией среди методов игрового обучения. В отличие от теоретических схем, предлагаемых в лекционных курсах, имеющих, как правило, мало вариантов, в процессе тренинга у его участников формируются наиболее продуктивные приемы и способы взаимодействия, основанные на индивидуальных особенностях человека и его коммуникативной компетентности. Высокая образовательная результативность тренинга определяется также тем, что тренинг, будучи построенным на моделировании реальных ситуаций, требует от его участников активной включенности в процесс общения и мобилизации интеллектуального и аналитического потенциала. Тренинговые занятия представляют собой форму активного обучения и применяются для формирования межличностной составляющей профессиональной деятельности путем развития психодинами-

ческих свойств индивида и формирования социальных навыков.

Существенной особенностью тренинга является также то, что он позволяет «проигрывать» процесс взаимодействия людей при поиске и воплощении в практику принятых решений, выбранных действий и поступков. Активизирующий эффект тренинга обусловлен также созданием особой учебно-экспериментальной обстановки, обеспечивающей понимание участниками того, какие индивидуальные и групповые психологические события развертываются в процессах межличностного общения, интенсивной обратной связи и формированием практических умений, необходимых при достижении цели [4].

Тренинг в учебном процессе является обязательным, а не добровольным, и если он будет проводиться формально, без создания особой атмосферы, то не будет эффективным.

Обучение с помощью тренингов существенно отличается от традиционных методов обучения (уроков, лекций, семинаров) не только по форме проведения, но и по основным принципам. При обычном обучении человека учат давать правильные ответы, и только правильные. При тренинге же к ошибкам относятся снисходительно, они рассматриваются как необходимая часть процесса обучения.

Тренинг, включенный в учебный процесс, имеет ряд особенностей. Он проводится, как правило, в обычной аудитории и длится 90 минут (два академических часа) один раз в неделю. Посещение занятий обязательно. Члены группы хорошо знакомы между собой, обычно они много общаются вне тренинга, в процессе учебы и в неформальной обстановке. Все это затрудняет использование стандартных методик и требует специальной подготовки.

Участие в социально-психологическом тренинге особенно важно для людей, профессии которых предполагают интенсивное общение, а также для тех, кто испытывает трудности в сфере человеческих контактов. Поскольку подобные трудности характерны для многих молодых людей, учащиеся — будущие работники социальной сферы особенно нуждаются в проведении такого тренинга [2].

Общие цели социально-психологического тренинга, которые помогают развивать профессиональные качества и навыки, следующие:

- исследование психологических проблем участников группы и оказание помощи в их решении;
- улучшение субъективного самочувствия и укрепление психического здоровья;
- изучение психологических закономерностей, механизмов и эффективных способов межличностного взаимодействия для создания основы более эффективного и гармоничного общения с людьми;
- развитие самосознания и самоисследование участников для коррекции или предупреждения эмоциональных нарушений на основе внутренних и поведенческих изменений;
- содействие процессу личностного развития, реализации творческого потенциала, достижению оптимального уровня жизнедеятельности и ощущения счастья и успеха.

Также необходимо помнить и о преимуществах групповой формы работы:

1. Групповой опыт противодействует отчуждению, помогает решению межличностных проблем;
2. Группа отражает общество в миниатюре, делает очевидными такие скрытые факторы, как давление партнеров, социальное влияние и конформизм;
3. Имеется возможность получения обратной связи и поддержки от людей со сходными проблемами;
4. В группе человек может обучаться новым умениям, экспериментировать с различными стилями отношений среди равных партнеров;
5. В группе участники могут идентифицировать себя с другими, «сыграть» роль другого человека для лучшего понимания его и себя и для знакомства с новыми эффективными способами поведения, применяемыми кем-то;
6. Взаимодействие в группе создает напряжение, которое помогает прояснить психологические проблемы каждого;
7. Группа облегчает процессы самораскрытия, самоисследования и самопознания;
8. Групповая форма предпочтительней и в экономическом плане: участникам дешевле работа в тренинге, чем индивидуальная терапия (и для многих тренинговая работа гораздо более эффективна) [7].

В процессе профессиональной подготовки социальных работников широко используются социально-психологические тренинги в рамках различных дисциплин: «Введение в профессию», «Креативные технологии в социальной работе», «Технологии социальной работы», «Психология социальной работы» и др. Одной из дисциплин, которая по своему содержанию позволяет использовать социально-психологический тренинг, является дисциплина «Профессионально-личностное развитие». В рамках этой дисциплины с будущими социальными ра-

ботниками был проведен тренинг, который был направлен на то, чтобы участники смогли сконцентрироваться на тех целях, которых они хотят достигнуть, понять, что у них есть и чего им не хватает для получения желаемого результата.

Подбор упражнений для тренинга нами осуществлялся исходя из целей, которые достигаются при их исполнении. Так, нами были отобраны следующие упражнения:

1. «Паутина успеха» (цель — создать атмосферу доверия и безопасности в группе);
2. «Без маски» (цель — снятие эмоциональной и поведенческой закрепощенности, формирование навыков искренних высказываний для анализа сущности «Я»);
3. Рисование на тему «Успех» (цель — способствовать осознанию своего отношения к вопросам успеха);
4. «Все равно ты молодец…» — вербальная разминка (цель — способствовать получению каждым участником признания, одобрения со стороны группы как подтверждения права на успех);
5. «Самоанализ» (цель — способствовать осознанию каждым участником того, какие качества ему помогают добиваться успеха, а какие мешают);
6. «Что меня сформировало» (цель — сделать акцент на положительном жизненном опыте участников, способствующем их личностному развитию);
7. «Эпитафия» (цель — повысить у игроков готовность осознанно выстраивать свои жизненные и профессиональные перспективы, выделяя и логически связывая основные (ключевые) события собственной жизни);
8. «Чемодан в дорогу» (цель — актуализация жизненных целей и повышение мотивации к их достижению, а также осознание своих сильных и слабых сторон);
9. «Мой герб» (цель — осознание личных целей и их приоритетности).

Последним пунктом проведения тренинга была рефлексия. Участники тренинга отвечали на следующие вопросы:

- Что нового вы узнали и поняли на тренинге о себе, о других, об успехе?
- Какие изменения появились в ваших мыслях, чувствах, поведении?
- Над чем вы задумались?
- Что хотели бы изменить?

По результатам данного обсуждения можно сделать вывод о том, что цели, на достижение которых были направлены выполняемые упражнения, достигнуты. А именно большинство участников четко определили для себя:

— что вкладывают в понятие «успех» на данный момент;

— какие качества помогают в достижении успеха, а какие мешают в этом;

— какие из указанных качеств уже есть, а какие нуждаются в развитии;

— необходимость актуализации жизненных целей, а также их приоритетности.

Безусловно, одного тренинга недостаточно для достижения поставленной нами цели. Данный тренинг являлся частью разработанной и реализованной программы по профессионально-личностному развитию социальных работников в вузе, которая была реализована при участии студентов направления «Социальная работа» Ульяновского государственного университета. Однако без него полученная положительная динамика не была бы столь очевидной, а именно значительное увеличение количества респондентов с мотивом стремления к достижению успеха (45,5 % после завершения эксперимента по сравнению с результатом до его начала — 13,6 %), а также достижению преобладания внутренней мотивации (ВМ) по сравнению с внешней отрицательной мотивацией (ВОМ) после окончания эксперимента (ВМ = 45,5 % > ВОМ = 18,2 %).

Таким образом, для достижения высокого уровня профессионализма в профессиональной деятельности специалисту по социальной работе необходимо обладать стартовыми возможностями, способностями, знаниями, умениями, навыками, компетентностью и высокой мотивацией. Очень важно, чтобы профессионал обладал не только мастерством, но и отличался высокой эффективностью и стабильностью результатов деятельности, что достигается использованием различных форм и методов обучения в процессе профессиональной подготовки. Социально-психологический тренинг — это та форма работы, которая позволяет эффективно отработать навыки профессиональной деятельности, создавая эмоционально безопасную среду в обучении студентов, давая возможность получения активной обратной связи и формирования навыка рефлексии.

1. *Вачков И. В.* Основы технологии группового тренинга. Психотехники. М. : Ось-89, 1999. 256 с.
2. *Рамендик Д. М.* Тренинг личностного роста : учеб. пособие. М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2007. 176 с. (Профессиональное образование).

3. *Рудестам К.* Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М. : Прогресс, 1993. 368 с.
4. *Панфилова А. П.* Инновационные педагогические технологии: Активное обучение : учеб. пособие для студ. вузов. М. : Изд. центр «Академия», 2009. 192 с.
5. Внутренняя и внешняя мотивация // Портал «Все учебники». URL: http://vse-uchebniki.com/teoriya-upravleniya-besplatno/vnutrennyaya-vneshnyaya-motivatsiya.html.
6. Мотивация: Википедия. Свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CC%EE%F2%E8%E2%E0%F6%E8%FF.
7. Психологические особенности тренинговой группы: Психология. URL: http://pcyhologia.ru/treningi/86-psihologicheskie-osobennosti-treningovoy-gruppy.html.
8. *Шабанова О. В.* Основы профессиональной подготовки социальных работников в сфере формирования креативной компетентности : учебно-методическое пособие. Ульяновск : Изд-во Качалина А. В., 2014. 107 с.

№ 2(24) 2016 СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПЛОЩАДКИ: НАУКА И ПРАКТИКА

И. С. Белик

РОЛЬ ДИАГНОСТИКИ КАК СРЕДСТВА ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИКА

В данной статье рассматриваются вопросы психолого-педагогической диагностики учащихся. Раскрываются преимущества компьютерной диагностики в условиях информатизации сферы образования.

Ключевые слова: психолого-педагогическая диагностика, информатизация образования, методы диагностики.

I. S. Belik

DIAGNOSTICS AS MEANS OF STUDYING THE STUDENT'S DEVELOPMENT LEVEL

This article deals with the psychological and pedagogical diagnosis of pupils. It reveals the advantages of computer diagnostics in the conditions of informatization of education.

Key words: psychological and pedagogical diagnostics, informatization of education, methods of diagnostics.

Давно стало крылатым высказывание Л. С. Выготского о том, что «педагогика должна ориентироваться не на вчерашний, а на завтрашний день детского развития», т. е. обучение должно осуществляться в зоне ближайшего развития ребёнка. Для того чтобы оказывать эффективное педагогическое воздействие на детей, необходимо иметь научные знания об их индивидуальных особенностях, объективность которых зависит от того, насколько объективными, научно обоснованными методами они получены. Специфика психолого-педагогического обследования заключается в системном анализе явлений детского развития. Это изучение социальной ситуации развития ребенка, рассмотрение иерархии деятельности и психологических новообразований в сфере сознания и личности ребенка. Перед современным образованием встаёт глобальная проблема выравнивания возможностей детей с различными особенностями, создания условий для дальнейшего гуманного подхода к их развитию.

На современном этапе развития общества в любой научной сфере прямо или косвенно используют достижения информационно-коммуникационных технологий. К настоящему времени нельзя отрицать наличия в сфере образования требуемых технических и программных средств [2].

По данным научного Центра здоровья детей РАМН, сегодня 85 % детей рождаются с недостатками развития и неблагополучным состоянием здоровья, из них не менее 30 % нуждаются в комплексной реабилитации. Количество детей, которым требуется коррекционно-педагогическая помощь, достигает в дошкольном возрасте 25 %, а по некоторым данным — 30—45 %; в школьном возрасте 20—30 % детей нужна специальная психолого-педагогическая помощь, а свыше 60 % детей относятся к группе риска. Несмотря на то, что для многих из этих детей не требуются особые образовательные условия, отсутствие своевременной коррекционно-развивающей помощи может привести к их дезадаптации. Поэтому очень важно своевременно выявлять не только детей с выраженными нарушениями развития, но и детей с минимальными отклонениями от нормативного развития [3].

Основные задачи психолого-педагогической диагностики:

— определить уровни развития ребенка;

— обнаружить изменения основных характеристик и признаков личности в лучшую или худшую сторону;

— увидеть норму и отклонение (ориентируясь на эталон);

— проанализировать полученные факты;

— установить причины изменений;

— выработать план дальнейшей коррекционной работы по результатам диагностики.

Проведение любой диагностики всегда связано с вопросами: С какой целью она проводится? Как будут использованы ее результаты? Данные диагностики позволяют педагогам и родителям следить за ходом развития ребенка и осуществлять индивидуальный подход, в этом заключается позитивная роль диагностики.

Правильный выбор апробированных диагностических методик, сочетание различных методов диагностики со специально организованным наблюдением и анализом продуктов деятельности и творчества детей будут способствовать повышению эффективности диагностического процесса, предупреждению ошибок при выявлении причин трудностей в обучении и определении уровня познавательного и личностного развития ребенка.

Рассмотрим основные методы психолого-педагогического исследования.

Выбор методик изучения не должен быть случайным — его необходимо делать в соответствии с установленными критериями и показателями. Работая с диагностическими методиками, педагог должен придерживаться следующих правил:

1. Содержание диагностической методики должно предполагать ожидаемый результат;

2. Диагностика должна быть достаточно информативной и создавать широкое поле исследовательской деятельности;

3. Результаты диагностического исследования должны анализироваться компетентными людьми;

4. Любые результаты исследования должны служить не во вред, а во благо;

5. По результатам диагностического исследования должна проводиться систематическая коррекционная работа;

6. Необходимость педагогической диагностики должна разъясняться учащимся и их родителям [4].

Наблюдение — основной, наиболее распространенный эмпирический метод изучения человека. Под наблюдением понимается целенаправленное, организованное и определенным образом фиксируемое восприятие исследуемого объекта. Результаты фиксации данных наблюдения называются описанием поведения объекта. Метод наблюдения дает возможность изучить участие ребенка в конкретном виде деятельности без вмешательства в естественный процесс данной деятельности.

Классификация видов наблюдения:

— по времени проведения: непрерывные и дискретные;

— по объему: широкие и узкоспециальные;

— по типу связи наблюдателя и наблюдаемых: не включённые (открытые) и включенные (скрытые).

Эксперимент — один из основных (наряду с наблюдением) методов научного познания вообще, психологического исследования в частности. Отличается от наблюдения активным вмешательством в ситуацию со стороны исследователя, осуществляющего планомерное манипулирование одной или несколькими переменными (факторами) и регистрацию сопутствующих изменений в поведении изучаемого объекта. Эксперимент — научно поставленный опыт, связанный с наблюдением исследуемых явлений в создаваемых и контролируемых исследователем условиях, может быть лабораторным и естественным [5].

Беседа — эмпирический метод получения сведений (информации) об ученике в общении с ним, в результате его ответов на целенаправленные вопросы. Диалог между двумя людьми, в ходе которого один человек выявляет психологические особенности другого, называется методом беседы. Психолого-педагогическая беседа как метод исследования отличается целенаправленными попытками исследователя проникнуть во внутренний мир субъектов учебного процесса, выявить причины тех или иных поступков.

Анкетирование — эмпирический социально-психологический метод получения информации на основании ответов на специально подготовленные, отвечающие основной задаче исследования вопросы, составляющие анкету. Анкетирование — метод массового сбора материала с помощью специально разработанных опросников, называемых анкетами. Анкеты дают возможность выявить степень влияния коллектива на личность и личности на коллектив, позиции детей в коллективе и степень их значимости в нем.

Опросник дает возможность изучить мотивацию действий учащихся, интересов конкрет-

ного ребенка или группы, класса в целом, уровень тревожности учащихся класса.

Тестирование — метод, в котором используются «стандартизированные» вопросы, утверждения, картинки, схемы, кинофрагменты, задачи (тесты), имеющие определенную шкалу значений. Тестирование позволяет с известной вероятностью оценить уровень развития у испытуемых требуемых им для той или иной деятельности личностных качеств. Тест — стандартизованный метод исследования, предназначенный для точных количественных и определенных качественных оценок индивидуально-психологических особенностей и поведения человека путем сравнения этих оценок с некоторыми, заранее заданными стандартами — нормами теста [5]. От других способов обследования тестирование отличается точностью, простотой, доступностью, возможностью автоматизации [1].

Тесты можно классифицировать в зависимости от того, какой признак взят за основание деления. Наиболее значительными представляются следующие три основания для классификации: форма, содержание и цель психологического тестирования.

По форме тесты могут быть индивидуальные и групповые; устные и письменные; бланковые, предметные, аппаратурные и компьютерные; вербальные и невербальные (практические). По содержанию тесты обычно делятся на четыре класса, или направления: тесты интеллекта, тесты способностей, тесты достижений и тесты личности.

Правильная оценка и интерпретация результатов психологического тестирования должны основываться на знании того, для какой цели они используются.

Внедрение информационных технологий, необходимость которых продиктована реализацией Российского проекта «Информатизация ОУ», должно обеспечить более высокий результат образования при минимальной затрате временного ресурса.

Скачок в психодиагностике произошел благодаря использованию компьютерного тестирования, которое дает возможность изучать процессуальные стороны деятельности, моделируемой тестом, и помогает выявить индивидуальные стратегии в решении заданий, анализирует трудности, испытываемые человеком при выполнении предложенных заданий.

Компьютерные тесты предполагают сбор тестовой информации в режиме диалога испытуемого с компьютером. Однако тесты, предполагающие компьютерную обработку информации, собранной на бланках, не являются компьютерными.

При компьютерном тестировании больше возможностей соблюдения достоверности теста, т. е. обеспечения защиты его результатов от сознательных фальсификаций (лжи, неискренности испытуемого) или непреднамеренных мотивационных искажений. Также повышается надежность тестирования — стабильность результатов тестовых испытаний, устойчивость теста по отношению к разнообразным источникам помех (шумовых, случайных факторов обследования).

Скрытые возможности человека при компьютерном тестировании могут быть улучшены и раскрыты полнее. В таких тестах моделируется процесс обучения или развития, анализируются усилия, затраченные на обучение, оцениваются успехи, что позволяет сделать заключение об интеллектуальных возможностях испытуемого.

Преимуществом компьютерной психодиагностики является возможность, с одной стороны, после проведения тестирования напечатать протокол исследования и психодиагностическое заключение для истории болезни или другой документации, а с другой стороны, поместить эти данные в компьютерный банк данных для последующего их использования, в частности, как справочного материала для статистического анализа и т. д.

При компьютерной психодиагностике значительно понижается вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором: психоэмоциональным состоянием экспериментатора, большей или меньшей его заинтересованностью в результатах исследования и т. п. Гарантируемая при компьютерной психодиагностике абсолютная беспристрастность имеет особое значение в ситуациях экспертизы.

Современный преподаватель должен владеть приемами психолого-педагогической диагностики, что приводит к поиску и разработке новых технологий обучения, которые должны быть направлены на реализацию личностно ориентированного подхода в обучении. Сущность такого подхода состоит в гуманизации педагогического процесса, уважительном отношении к личности, создании условий для выявления и развития его индивидуальных возможностей и способностей.

Информатизация образования — процесс обеспечения сферы образования теорией и практикой разработки и использования современных, новых информационных технологий, ориентированных на реализацию психолого-педагогических целей обучения и воспитания, — принадлежит к

числу важнейших направлений процесса информатизации современного общества.

Компьютерные диагностические программы могут использоваться для выявления уровня общих способностей детей; творческих способностей детей; оценки уровня развития психических и психофизиологических свойств личности (памяти, внимания, восприятия, умственной работоспособности, интеллекта, эмоционального состояния, нервно-психического статуса, параметров морфофункциональной системы (моторики, быстроты движения и т. д.)); определения уровня готовности детей к поступлению в детский сад; уровня психофизиологической и социальной готовности к поступлению детей в школу (физического развития, заболеваемости, физической подготовленности, основных физиометрических параметров растущего организма, факторов риска); экспресс-диагностики утомляемости ребёнка в процессе компьютерных занятий; ранней диагностики отклонения детей от нормального развития.

1. *Айсмонтас Б. Б.* Педагогическая психология. URL: http://www.ido.rudn.ru/psychology/pedagogical_psychology/2.html.
2. *Беляков Е. В.* Понятие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их роль в образовательном процессе. URL: http://belyk5.narod.ru/IKT_new.htm.
3. *Григорьев С. Г., Гриншкун В. В.* Информатизация образования. Фундаментальные основы : учеб. для студентов педагогических вузов и слушателей системы повышения квалификации педагогов. М., 2015.
4. *Гуревич К. М.* Психологическая диагностика : учеб. пособие. М., 2012.
5. Использование и разработка компьютерных тестов в педагогической диагностике. URL: http://www.openclass.ru/blogs/35894.

М. В. Мойсеенко

О РОЛИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье рассматривается роль компетентностного подхода в системе школьного образования. Представлена структура ключевых компетентностей и обозначены существенные черты компетентностного подхода.

Ключевые слова: компетентностный подход, ключевые компетентности, уровень образованности.

M. V. Moiseenko

ON THE ROLE OF KEY COMPETENCE IN CONTEMPORARY PRIMARY EDUCATION

This article examines the role of the competency approach in the school system. It presents the structure of the key competences and indicates essential features of the competency approach.

Key words: competence approach, key competencies, level of education.

С начала 90-х годов XX века началось развитие России из закрытого в открытое общество, что стимулировало рост международного сотрудничества не только на федеральном, но и региональном и даже международном уровне, и нашло свое отражение в создании совместных предприятий с зарубежным партнерами, открытии отделений зарубежных университетов, участии в международных проектах. Это коснулось всех слоев населения и возрастных групп, что отразилось на образовательном процессе в учебных заведениях и обусловило изменение требований, предъявляемых к учащимся в младшей и средней школе [1, с. 291—295].

В меняющемся мире система образования должна формировать такие новые качества ученика, как инициативность, инновационность, мобильность, гибкость, динамизм и конструктивность.

Учащийся и в дальнейшем будущий профессионал должен обладать стремлением к самообразованию на протяжении всей жизни, владеть новыми технологиями и понимать возможности их использования, уметь принимать самостоятельные решения, адаптироваться в социальной и будущей профессиональной сфере, разрешать проблемы и работать в команде, быть готовым к перегрузкам, стрессовым ситуациям и уметь быстро из них выходить.

В связи с происходящей в настоящее время сменой образовательной парадигмы возникает необходимость реализации в системе школьного образования компетентностного подхода. Понятие компетентности включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую. Оно также включает результаты обучения (знания и умения), систему ценностных ориентаций и привычки.

Все ключевые компетентности имеют следующие характерные признаки:

— Ключевые компетентности многофункциональны. Компетентности относятся к ключевым, если овладение ими позволяет решать различные проблемы в повседневной, профессиональной или социальной жизни. Ими необходимо овладеть для достижения различных важных целей и решения различных сложных задач в различных ситуациях.

— Ключевые компетентности надпредметны и междисциплинарны, они применимы в различных ситуациях, не только в школе, но и в семье.

— Ключевые компетентности требуют значительного интеллектуального развития: абстрактного мышления, саморефлексии, определения своей собственной позиции, самооценки, критического мышления и др.

— Ключевые компетентности многомерны, т. е. они включают различные умственные процессы и интеллектуальные умения (аналитические, критические, коммуникативные и др.), ноу-хау, а также здравый смысл.

Существенно, что все компетентности требуют различных типов действия:

— действовать автономно и рефлексивно;

— использовать различные средства интерактивно;

— входить в социально-гетерогенные группы и функционировать в них [3, с. 56—74].

В структуре ключевых компетентностей, на наш взгляд, должны быть представлены:

— компетентность в сфере самостоятельной познавательной деятельности, основанная на усвоении способов приобретения знаний из различных источников информации, в том числе внеклассных;

— компетентность в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение ролей гражданина, потребителя);

— компетентность в сфере социально-трудовой деятельности (оценивать собственные возможности, ориентироваться в нормах и этике трудовых взаимоотношений, иметь навыки самоорганизации);

— компетентность в бытовой сфере (включая аспекты собственного здоровья, семейного бытия и прочее);

— компетентность в сфере культурно-досуговой деятельности (включая выбор путей и способов использования свободного времени, культурно и духовно обогащающих личность).

Предлагаемый подход к определению ключевых компетентностей соответствует опыту тех стран, в которых в последние десятилетия произошла переориентация содержания образования на освоение ключевых компетентностей, а это практически все развитые страны. Вместе с тем указанный выше подход соответствует и традиционным ценностям российского образования (ориентация на понимание научной картины мира, на духовность, на социальную активность).

По мнению О. Е. Лебедева [2, с. 3—8], можно выделить некоторые существенные черты этого подхода. Компетентностный подход — это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов.

К числу таких принципов относятся следующие положения:

— Смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся.

— Содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем.

— Смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования.

— Оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых учащимися на определённом этапе обучения.

С позиций компетентностного подхода уровень образованности определяется способностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний. Компетентностный подход не отрицает значения знаний, но он акцентирует внимание на способности использовать полученные знания. При таком подходе цели образования описываются в терминах, отражающих новые возможности обучаемых, рост их личностного потенциала. Основным непосредственным результатом образовательной деятельности становится формирование ключевых компетентностей. Компетентность обозначает уровень образованности, а также способность действовать в ситуации неопределённости. Под ключевыми компетентностями понимается способность учащихся самостоятельно действовать в ситуации неопределённости при решении актуальных для них проблем.

В заключение хотелось бы заметить, что, к сожалению, очень часто компетентностный подход находит свое применение в вузах и старших классах школы, но совершенно не придается ему значения на ранних этапах, в то время как компетентностный подход соответствует не только целям младшего школьного образования, но и объективным потребностям учащихся. Вместе с тем он соответствует и направлениям творческих поисков учителей. Эти поиски связаны с реализацией идей проблемного обучения, педагогики сотрудничества, личностно ориентированного образования, которые отражают попытки решить проблему мотивации учебной деятельности учеников, создать модель «учения с увлечением». Компетентностный подход также позволяет избежать конфликтов между учащимися и педагогами. Несомненно, организация процесса обучения на основе компетентностного подхода требует применения новых технологий, активных форм обучения и самообразования, активизирующих познавательную,

творческую и социальную деятельность обучающихся, ориентирующих учеников на самостоятельный поиск и усвоение необходимых знаний и прививающих им соответствующие умения.

1. *Гарагуля Ю. В.* Компетентностная модель подготовки будущего учителя математики // Интернет-журнал «Эйдос». 2011. 25 февр. URL: http://www.eidos.ru/journal/2011/0222-5.htm.
2. *Лебедев О. Е.* Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2014. № 5. С. 3—12.
3. Стратегия модернизации содержания общего образования : материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М. : Мир книги, 2012. 104 с.

М. Е. Петров

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассматривается вопрос об особенностях различных видов деятельности у детей с нарушениями интеллекта, зависимости деятельности этих детей от различных внешних факторов, а также пути решения этих проблем.

Ключевые слова: высшие психические функции, мотивация, деятельность.

M. E. Petrov

ACTIVITY FEATURES OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

The article discusses the features of the various activities of children with intellectual disabilities. It traces the dependence of the activity of these children from a variety of external factors. It also tries to find the solutions to these problems.

Key words: higher mental functions, motivation, activity.

Общее психическое недоразвитие при умственной отсталости обусловливает качественное своеобразие целей, мотивов и средств деятельности. Школьники, особенно младших лет обучения, не всегда могут подчинить свои действия поставленной перед ними цели. Выполняя относительно сложное задание, они, как правило, не осмысливают его полностью, не намечают общего плана реализации. Дети начинают действовать, не учитывая всех содержащихся в инструкции условий и требований. Предложенная им задача оказывается подмененной другой, обычно сходной, но упрощенной.

Наблюдаются нарушения целенаправленности деятельности, проявляющиеся в неправильной ориентировке в задании, в ошибочном и фрагментарном его выполнении, в неадекватном отношении к возникающим трудностям, в некритичности к получаемым результатам: ученики приступают к выполнению задания без должной предварительной ориентировки в нем, без его анализа, без активной мыслительной работы над планом и выбором средств достижения намеченной цели. В ходе деятельности способы действия ученика не изменяются даже в тех случаях, когда они оказываются явно ошибочными, не приводящими к нужному результату. Кроме того, дети склонны переносить в неизменном виде элементы прошлого опыта на решение новой задачи.

Встречаясь с трудностями, школьники «соскальзывают» с правильных действий на ошибочные («соскальзывание» в данном контексте обозначает такое явление, когда ребенок как бы не удерживается в русле сложного для него задания и заменяет его более простым, тем самым непроизвольно облегчая свою умственную деятельность). Ученики недостаточно критичны к результатам своей деятельности.

Выполняя задание, дети обычно руководствуются близкими мотивами, направленными на осуществление отдельных операций и действий, а не задачей в целом, что не способствует достижению далеких целей. То обстоятельство, что работа будет оценена (получит оценку), не всегда влияет на деятельность учащихся.

Деятельность умственно отсталых младших школьников в значительной степени зависит от окружающей их ситуации. Дети часто бывают импульсивными, слабо регулируют свое поведение. Наряду со многими фактами, свидетельствующими о кратковременности мотивов их деятельности, встречаются отдельные примеры того, что аффективно окрашенные, хотя и неосознанные мотивы деятельности могут сохраняться и реализоваться детьми в течение довольно длительного срока. Успешность воспитания и обучения ребенка в значительной мере обеспечивается созданием устойчивой мотивации, которая адекватна поставленной задаче [1].

У учащихся старших классов мотивы деятельности, особенно имеющей практическую основу, характеризуются значительной устойчивостью.

Специфическим для умственно отсталых детей является снижение точности выполнения задания при усложнении его условий, что во

многом обусловлено своеобразием их умственной работоспособности, которая представляет собой наиболее сложный вид человеческой деятельности. Умственная работоспособность измеряется количеством и качеством работы, выполненной за определенный отрезок времени. Ее основными показателями являются темп (длительность латентных периодов ответов или скорость реагирования) и качество работы (количество допущенных ошибок) за единицу времени.

К тому же психические процессы характеризуются «функциональной ригидностью», что затрудняет возможность перестройки способов умственного действия, актуализации уже имеющихся знаний и проявляется в стереотипности ответов.

Говоря о причинах низкой работоспособности детей со сниженным интеллектом, исследователи обычно указывают на понижение у них скорости простой реакции при наличии отвлекающих факторов. Информативной является реакция выбора, например, по одному какому-то признаку — величине или цвету объектов. Она отражает особенности протекающих процессов, их замедленность.

У детей с общим психическим недоразвитием наблюдается выраженное запаздывание в становлении всех ведущих видов деятельности (выделяют следующие виды ведущей деятельности: непосредственное эмоциональное общение младенца (до 1 года), предметно-манипулятивная деятельность ребенка раннего возраста (1—3 года), ролевая игра дошкольника (3—7 лет), учебная деятельность младшего школьника (6—12 лет). Кроме того, они качественно и структурно обеднены по сравнению с уровнем развития тех же видов деятельности у нормально развивающихся сверстников.

Уже на первом году жизни у умственно отсталых детей наблюдаются признаки средней и тяжелой степени нарушения в становлении ведущей деятельности данного периода — непосредственного эмоционального общения со взрослым: интерес к взрослому неустойчив или совсем отсутствует, коммуникативные средства общения этого периода (улыбка, голосовые реакции, двигательные реакции) также обеднены или практически отсутствуют. Учитывая, что только при полном насыщении ведущей деятельности происходит естественный переход к следующему этапу развития, можно предположить, что вся система ведущих активностей умственно отсталого ребенка будет развиваться с выраженным своеобразием с точки зрения возрастной динамики и качества каждой из них.

Простейшая предметно-манипулятивная практическая деятельность является наиболее легко осваиваемой детьми дошкольного возраста. Именно эта деятельность, как правило, обеспечивает переживание успеха и обладает наибольшей побудительной силой для ребенка. Однако у умственно отсталых детей даже она вызывает серьезные затруднения, и элементы самообслуживания, принятия пищи далеко не всегда осуществляются ими должным образом [2].

Все отрабатываемые действия должны ежедневно выполняться ими под руководством взрослого и с его активной помощью в форме совместной деятельности, показа, сопровождаемых речью. Решающее значение имеют регулярность таких повторений и положительный эмоциональный фон, создаваемый путем одобрения, подчеркивания важности и успешности деятельности ребенка.

Для нормально развивающихся детей в дошкольный период жизни ведущим видом деятельности является игра. Для умственно отсталых дошкольников игра таковой роли не играет.

Наиболее сложной и вместе с тем развивающей ребенка является сюжетно-ролевая игра. Ею умственно отсталые дошкольники самостоятельно не овладевают. Без специального обучения дети остаются на этапе простейших манипуляций с игрушками. Лишь в конце дошкольного детства у воспитанников специальных детских садов можно наблюдать отдельные элементы сюжетно-ролевой игры, которые длительный срок формируются воспитателем на занятиях. Так, дети под руководством и с помощью взрослого играют в магазин, выполняя роли продавца, кассира, покупателей, или обыгрывают ситуацию хождения в гости, становясь хозяевами или гостями, сервируют стол, рассаживают гостей, угощают их чаем и печеньем и т. п. Однако по собственной инициативе они таких игр не организуют.

Для умственно отсталых дошкольников характерны игровые действия, не наполненные каким-либо содержанием, отражающим реальную жизнь. Так, мальчик многократно катает пустую игрушечную машинку из одного угла комнаты в другой, издавая при этом звуки, которые должны обозначать шум мотора. Его движения и звуковое сопровождение стереотипны и не реализуют какого-либо замысла.

Или девочка «кормит» куклу: держит ее на руках и без устали тычет ложной в нос и глаза, не обращая внимания на то, что не попадает в рот. Таким образом, она лишь весьма относительно воспроизводит ситуацию, которая не

входит ни в какой сюжет, но представляет собой одно хорошо знакомое действие.

В отдельных случаях дети объединяются по 2—3 человека. Например, один мальчик катит машинку и издает звуки, а другой идет за ним следом. Такое объединение бывает кратковременным. У детей тут же возникает конфликт, и они начинают отнимать друг у друга игрушку.

Если оказывается, что умственно отсталый ребенок играет с нормально развивающимися детьми, то он всегда выполняет только подсобные роли, и это даже в тех случаях, когда его товарищи младше на год и более. Его партнеры организуют несложную сюжетную игру, а он, по их указаниям, что-то приносит, уносит, держит.

Из продуктивных видов деятельности наиболее изучена изобразительная деятельность умственно отсталых детей, которая формируется замедленно и своеобразно. Их рисунки имеют многие характерные черты, делающие их диагностичными. Лишенные специального обучения в детском саду или в семье, они долго остаются на уровне простых каракулей и лишь к концу дошкольного детства переходят к предметным и в какой-то мере сюжетным рисункам, выполняя их весьма несовершенно. В этих рисунках находят свое отражение недифференцированность зрительного восприятия, низкий уровень мышления и памяти и, конечно, несовершенство двигательной сферы. Дети рисуют людей-головоногов, птиц, имеющих по четыре лапки, «прозрачные» дома и т. п., выполняя все это нечеткими, кривыми линиями. Однако дети относятся к результатам своей деятельности эмоционально, высоко их оценивают и с удовольствием демонстрируют окружающим [4].

Совсем иная картина наблюдается в тех случаях, когда дошкольников специально обучают рисованию. У большинства имеют место значительные успехи, ярко свидетельствующие о наличии положительных потенциальных возможностей и о важности раннего коррекционного воздействия.

В связи с низким уровнем развития тонкой моторики большое значение имеет использование конструктивной деятельности в качестве общеразвивающего и коррекционного средства. Имеющиеся данные показывают, что без специального обучения специфические конструктивные действия у умственно отсталых дошкольников фактически отсутствуют — дети облизывают, кусают, потряхивают, стучат строительным материалом. По мнению исследователей, наиболее эффективным является развитие сюжетного конструирования, когда процесс конструирования подчинен игровой цели. В такой ситуации одновременно развивается не только моторика, но и высшие, опосредованные формы психической деятельности: произвольная память, элементарное планирование, пространственное мышление.

К концу дошкольного возраста у умственно отсталых детей не формируется психологическая готовность к школьному обучению, которая представляет собой систему мотивационно-волевых, познавательных и социальных предпосылок, необходимых для перехода ребенка к следующей ведущей деятельности — учебной.

Поскольку психическое недоразвитие при умственной отсталости носит системный характер, к концу дошкольного возраста дети данной категории оказываются совершенно неготовыми к получению образования, если они были лишены специальной системы помощи, которая может быть реализована как в условиях специальных образовательных учреждений VIII вида, так и в рамках включенного (интегративного) образования — в зависимости от конкретных, имеющихся в данном регионе кадровых, социально-психологических и методических условий.

Умственно отсталые дошкольники совершенно недостаточно направлены на школьное обучение. Если они живут в неблагополучных семьях, то к 7 годам мало что знают о школе и совершенно не готовы поступить в нее. Если посещают специальный детский сад или живут в заботливых семьях, где прилагаются усилия к тому, чтобы продвинуть их в плане общего развития, то у них оказываются сформированными некоторые, необходимые для школы умения и интересы. Однако в силу недостаточности интеллектуальной и личностной сферы они мало интересуются предстоящим поступлением в школу. А если и говорят об этой перспективе, то лишь эпизодически, в связи с возникшим разговором окружающих или по случайным ассоциациям. Перспектива школьного обучения не присутствует в жизни этих детей [3].

Между тем поступление ребенка в школу — важное событие, к которому он должен быть подготовлен. К числу основных компонентов личностной готовности ребенка к школьному обучению, без которых нельзя рассчитывать на успех, является его мотивационная готовность. Она формируется у умственно отсталых детей замедленно и с определенными трудностями.

Следует заметить, что многие из таких детей приходят в специальную школу из массовой, где у них постоянно возникали стойкие неудачи в учебе, складывались неблагоприятные взаи-

моотношения с учителями и со сверстниками. Это, несомненно, способствует появлению у детей отрицательного отношения к школе и учению. Иногда сами родители вольно или невольно формируют такое отношение, чрезмерно завышая или занижая требования к ребенку.

Развитие отношения к учению у младших школьников протекает замедленно. Оно характеризуется неустойчивостью, изменяется под влиянием ситуации успеха или неуспеха, смены обстановки, степени контроля со стороны педагога.

На первом году пребывания ребенка в школе отношение к учению выступает как эмоционально окрашенные реакции на посещение школы. В младших классах отрицательное отношение к учению может быть обусловлено трудностями в овладении знаниями, в старших — отсутствием интереса к познавательной деятельности. Однако в старших классах обычно имеет место избирательное отношение к школьным предметам. Чаще всего самыми любимыми оказываются уроки труда.

Среди факторов, способствующих формированию положительного отношения к учению, большое значение имеет педагогическая оценка, которая выполняет ориентирующую и стимулирующую функции. Младшие умственно отсталые школьники далеко не всегда понимают достоинство оценки, не умеют адекватно оценить свою работу и работу товарища. При безразличном или отрицательном отношении к оценке она не может являться стимулом учения.

В развитии положительного отношения детей к учению значительную роль играет авторитет учителя, его доброжелательность, умение работать с коллективом. Существенное значение имеют также индивидуальные особенности учащихся — их работоспособность, потребность в успехе, осознание и переживание его.

С учетом этих параметров выделены группы учащихся, по-разному относящихся к учению:

дети с положительным устойчиво продуктивным отношением;

дети с неустойчиво продуктивным отношением;

дети с малопродуктивным отношением;

дети с индифферентным отношением.

В жизни поступившего в школу умственно отсталого ребенка игровая деятельность продолжает занимать первостепенное место. К этому времени он приобретает определенный жизненный опыт, некоторые умения и навыки самообслуживания, научается выполнять многие предметно-практические действия, в том числе и игровые, в которых, однако, далеко не всегда находит отражение реальная действительность [3].

В целом образовательные перспективы этих детей во многом определяются глубиной имеющегося недоразвития, его структурой, своевременностью начатой коррекционно-педагогической работы. Особенно большое значение имеет правильно организованное, коррекционно-направленное специальное обучение и воспитание, адекватное возможностям ребенка и опирающееся на зону его ближайшего развития.

Указывая на возможности положительной динамики умственного повреждения ребенка, Л. С. Выготский говорил о двух зонах развития. Актуальная зона характеризуется теми заданиями, которые ребенок может выполнять самостоятельно. Она показывает его обученность, дает сведения о состоянии его познавательной деятельности на определенном этапе жизни. Зона ближайшего развития определяется заданиями, с которыми ребенок не может справиться сам, но делает это с помощью взрослого. Этот показатель дает возможность установить, какие задачи будут доступны ребенку в недалеком будущем, т. е. какого продвижения от него можно ожидать [2].

Продвижение умственно отсталых детей происходит неравномерно. Активность познавательной деятельности сменяется периодами, в течение которых как бы подготавливаются возможности, необходимые для последующего положительного сдвига. Наибольшие успехи можно заметить в первые два школьных года, на четвертом-пятом году обучения и в последних классах.

Психическую деятельность ребенка (умственно отсталого) можно в известной мере скорригировать. Его мозг пластичен, что является основой развития. Отечественные психологи утверждают необходимость коррекции дефекта в раннем возрасте, при опоре на сохранные возможности ребенка, при особом внимании к становлению его высших психических функций. Воспитание, обучение и трудовая подготовка для умственно отсталых детей даже более значимы, чем для нормально развивающихся.

Первоначально мотивация достижения у учащихся начальной школы крайне примитивна: ребенок хочет сделать работу лучше и раньше, чем его товарищи. Постепенно мотивация усложняется.

Дети начинают руководствоваться побуждениями, в основе которых лежит понимание полезности работы и ее общественной значимости. Если ведущим мотивом для ученика является стремление достичь в выполняемой работе лучших результатов, то преодолеваются многие

недостатки его деятельности, такие как тенденция к «соскальзыванию», т. е. изменению поставленной цели. Отдельные действия начинают в большей мере, чем это бывает обычно, соотноситься с требованиями задачи. Более эффективной становится помощь, оказываемая взрослым, поскольку у детей появляется потребность в ней. В отдельных случаях учащиеся начинают сами задавать вопросы, помогающие более результативно выполнить предложенное задание.

Для повышения мотивации труда существенное значение имеет его общественная оценка: сознание общественной значимости выполняемой работы или изготовляемой вещи — важный мотив, который изменяет отношение к заданию, положительно влияет на характер, способы выполнения и эффективность действий.

Организованное в стране обучение предполагает коррекцию недостатков психофизического развития умственно отсталого ребенка, сообщение ему определенного круга знаний, выработку практических умений, воспитание положительных черт личности и открывает перспективу самостоятельной трудовой жизни и интеграции в общество.

1. Коррекционная педагогика в начальном образовании : учеб. пособие / под ред. Г. Ф. Кумариной. М., 2001.
2. Обучение и воспитание детей во вспомогательной школе : пособие для учителей и студентов дефектологических ф-тов пед. ин-тов / под ред. В. В. Воронковой. М. : Школа-Пресс, 1994.
3. *Кумарина Г. Ф.* Теоретические основы компенсирующего обучения // Компенсирующее обучение: опыт, проблемы, перспективы. М., 2005.
4. *Шевченко С. Г.* Коррекционно-развивающее обучение: организационно-педагогические аспекты. М., 2001.

Т. А. Филиппова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В СВЕТЕ ВНЕДРЕНИЯ ФГОС И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ПЕДАГОГА

В статье отражены особенности деятельности педагогов начальной школы в период внедрения профессионального стандарта и определены базовые принципы профессиологической модели деятельности учителей начальных классов.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, профессиологическая модель, технология образования.

T. A. Filippova

PRIMARY SCHOOL TEACHERS ACTIVITY DURING THE IMPLEMENTATION OF THE FSES AND TEACHER PROFESSIONAL STANDARDS

This article describes the features of the activity of primary school teachers during the implementation of professional standard. It defines the basic principles professiological model of primary school teachers activity.

Key words: professional standard, professiological model, education technology.

Модернизация общего образования, проводимая в настоящее время в России, предусматривает усиление требований к учителю первой ступени обучения (начальной общей школы). Учителю начальных классов необходимо выбирать наиболее эффективную модель образовательного процесса, владеть различными педагогическими технологиями, проектировать индивидуальный образовательный и воспитательный маршрут каждого ученика.

Готовность учителя к этому шагу затруднена многими противоречиями. С одной стороны, Государственный образовательный стандарт, определяя уровень требований к деятельности учителя начальных классов и соответствующие этим требованиям содержание и методы обучения и контроля, создает объективные предпосылки для расширения возможностей совершенствования деятельности учителя, ее перехода на многомерную структуру профессиональных обязанностей. С другой стороны, современный уровень профессионального образования и повышения квалификации не соответствует этим требованиям. В частности, в Государственных образовательных стандартах отражены требования к педагогическим кадрам начального образования [5, с. 85].

Поэтому актуальной является способность учителя и методических служб к генерированию модели профессиональной деятельности учителя. Особенно это относится к учителю начальных классов, так как, во-первых, именно эта ступень чаще всего первой вступает в этапы модернизации образования, а во-вторых, именно с младших поколений начинается изменение в процессах социализации, вызванное изменениями в технологиях: современные дети на интуитивном уровне осваивают те блага цивилизации, которые взрослые, их воспитывающие, способны освоить с некоторыми усилиями. Учитывать и корректировать связанные с этим процессы может лишь учитель, эффективно владеющий мобильными методами совершенствования технологий образования. Иными словами, перевод стратегических педагогических целей на язык педагогических задач формирует потребность целостного, системного анализа и диагностики содержания и процесса профессиональной деятельности учителя, определения ее перспективных конструктивных особенностей и разработки целостной профессиологической модели деятельности учителя начальных классов.

В новых условиях от учителя требуются формирование способностей высококвалифици-

рованного осуществления учебно-воспитательного процесса в школе, проведения научных исследований, освоения новых технологий и информационных систем, воспитания у учащихся духовности и нравственности, осуществление саморегулирования собственной педагогической деятельности [3, с. 94]. Все эти аспекты могут быть отражены в профессиологической модели деятельности учителя начальных классов.

При определении структуры и содержания профессиональной деятельности учителей необходимо учитывать как её инвариантный, так и вариативный характер. В современных условиях развития отечественного образования чрезвычайно важно понять, как именно должна измениться профессионально-педагогическая деятельность, поскольку современный период развития образования можно квалифицировать как период существенного обновления. Сущность и структура педагогической деятельности — один из актуальнейших вопросов современной педагогической науки и практики.

Профессиональную деятельность учителя по ее характеру можно рассматривать как последовательное решение профессиональных задач. Однако в условиях модернизации отечественного образования перед учителем встают новые по своему содержанию профессиональные задачи. Среди них следует отметить такие, как объективная оценка качества знаний учащихся, освоение новых информационных технологий, воспитание и развитие обучаемых в условиях информационного общества, взаимодействие с родителями, адаптация молодых учителей и организация наставничества.

Включение России в международное образовательное пространство требует учёта лучших образцов опыта подготовки учителей начальных классов. В частности, американские ученые признают, что для того чтобы сделать подготовку и деятельность учителей более эффективной, необходимо создание условий для творческой организации педагогического опыта. В качестве путей осуществления индивидуального подхода предлагается применять индивидуализированные программы обучения, индивидуальное наставничество, обучение, построенное на основе семинаров, способствующее развитию рефлексивного мышления, ведение «дневника рефлексии», создание проблемной модели педагогического процесса и т. п. [6, с. 129].

Привлекает опыт подготовки учителя начальных классов во Франции. Как отмечается в исследованиях (Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, В. А. Ротерберг, М. Ф. Шабаева, Н. Г. Шабло), первое педагогическое условие, связанное с профессионально-педагогической подготовкой и последующей педагогической деятельностью учителя начальных классов, включает в себя следующие направления:

— мотивированность выбора педагогической профессии (будущие студенты университетских институтов отбираются на основании специального собеседования);

— формирование личностных качеств учителя начальных классов с помощью курсов по выбору: интегрированность сознания, глобальность мышления, широкая информированность;

— подготовка учителя к решению современных проблем: школьная адаптация детей различных этнических групп;

— практическая направленность в преподавании психологии и педагогики: будущие учителя овладевают тестовыми заданиями и техникой их расшифровки.

Анализ отечественного и зарубежного опыта подтверждает, что одно из фундаментальных положений современной педагогики состоит в том, что в процессе развития личность становится не только объектом воспитательных воздействий, но и активным субъектом работы над собой, что ее можно развивать и формировать только путем включения в разнообразные виды деятельности и побуждения её к собственной активности в выработке и укреплении у себя положительных свойств и качеств [1, с. 19].

В отечественной педагогической науке постоянно идёт переосмысление функций педагогической деятельности на предмет её соответствия актуальным задачам образования. На практике каждый педагог выстраивает на основе выделенных им приоритетов избранных функций собственную модель педагогической деятельности. К участию в этом процессе прямо или косвенно привлекаются методические службы региона и собственно образовательной организации. Анализ воззрений различных учёных на функцию педагогической деятельности позволяет сделать выводы о том, что функции педагога зависят от характера труда и объекта педагогической деятельности, они разнообразны, имеют тенденцию к изменению в зависимости от изменения условий и целей педагогической деятельности, взаимосвязаны [2, с. 278].

Согласимся с Е. В. Пискуновой, что «преобладание той или иной функции в деятельности педагога указывает на то, что активность учащихся имеет определенный вид, поскольку реализуется определенный метод обучения» [4, с. 87]. На основании проведённого анализа представим на-

ше понимание функций деятельности педагога как совокупности различных процессов профессиональной деятельности, обусловленных *внешними* (нормативные требования, индивидуальные запросы заказчиков образования и др.) и *внутренними* факторами (свойствами и качествами личности педагога), влияющими в конечном итоге на уровень и качество результата образования. Поэтому функция в системном представлении заключает в себе и цель деятельности, и способы ее достижения, и комбинации видов деятельности. Соединённые функции — это система организации деятельностных процессов и как субъективное отношение к отраженному явлению, и как механизм реагирования на окружающую действительность.

Задача измерений реальных функций педагога непроста прежде всего потому, что педагогическая деятельность учителя очень сложная и многофункциональная. Основные ее виды: диагностико-прогностическая, обучающая, развивающая, воспитывающая, управленческая, консультативно-просветительская, а также деятельность по совершенствованию своего профессионального мастерства. Все эти функции как элементы целостной системы деятельности должны быть направлены на единые цели. Однако цели, намечаемые учителем в процессе социально-профессиональной деятельности, дифференцируются в зависимости от концептуальных положений традиционной и личностно ориентированной системы обучения.

Нами установлено, что актуальная профессиологическая модель деятельности учителя начальных классов должна основываться на следующих базовых принципах.

Принцип индивидуальности, который базируется на закономерности, согласно которой в педагогической деятельности учителя начальных классов достигается больший результат, когда более эффективно используется положительный личностный потенциал педагога и ученика.

Принцип развития базируется на педагогической закономерности, согласно которой система профессиональной деятельности учителя начальных классов является частью педагогической системы и как часть системы эффективность ее функционирования ориентирована на развитие личности и коллектива.

Принцип оптимальности базируется на том, что в профессиональной деятельности учителя начальных классов в рамках ФГОС есть универсальные цели, средства, формы, методы обучения, воспитания и развития. Оптимальность — это такое состояние педагогической деятельности, которое является наилучшим для учителя не вообще, а в настоящее время и с учетом всех важнейших обстоятельств, с которыми оно связано.

Принцип вариативности основывается на закономерности: профессиональная деятельность учителя начальных классов будет эффективна, если он признает разнообразие содержания, форм, методов образовательного процесса, умеет выбирать и конструировать любую модель педагогического процесса с учетом цели собственного развития.

Принцип сотрудничества, сотворчества опирается на закономерность: в педагогическом процессе достигается сотворчество там, где большая результативность и более эффективно определяется сотрудничество педагога и ученика. Принцип становится значимым там, где более высокого уровня творческих способностей и профессионального мастерства достиг сам учитель.

Принцип социализации опирается на систему профессиональной деятельности учителя начальных классов — открытую систему, представляющую часть социальной системы. В настоящее время социальная сфера ставит перед системой образования, а следовательно, и перед профессиональной деятельностью учителя следующую цель: формирование нового российского гражданина — высоконравственного, образованного, духовно богатого, трудолюбивого, физически развитого, способного к самообразованию и творчеству, любящего свое Отечество [4, с. 89].

Обозначенные выше идеи и принципы раскрывают существенные характеристики профессиональной деятельности учителя, работающего в режиме личностно ориентированного образования. Они составляют ядро концептуальной модели деятельности учителя начальных классов. Их понимание поможет практическим работникам повысить эффективность и результативность педагогической деятельности. Для реализации этих идей необходимо пересмотреть цели профессиональной деятельности учителя, выяснить, какими знаниями, умениями, способностями, личными качествами должен обладать учитель начальных классов.

Все элементы педагогической системы в процессе генерирования педагогом собственной модели профессиональной деятельности объединяются в структурное целое через взаимное сочетание, взаимное согласование, взаимное дополнение.

1. *Беспалько В. П.* Стандартизация образования: основные идеи и понятия педагогики // Педагогика. 2003. № 5. С. 16—25.
2. *Зимняя И. А.* Педагогическая психология. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. 480 с.
3. *Иванова С. В.* Изменения инструментария мониторинга педагогических компетенций работников образования // Наука Красноярья. 2013. № 3(08). С. 94.
4. *Пискунова Е. В.* Социокультурная обусловленность изменения функций профессионально-педагогической деятельности учителя // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 12. С. 87.
5. Проект стандарта образования педагога. URL: http://img.rg.ru/pril/article/73/89/59/Standart.pdf.
6. *Успенский В. Б., Чернявская А. П.* Введение в психолого-педагогическую деятельность : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2010. 176 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Д. К. Кадрия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ И ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕАЭС

В XXI веке одним из основных инструментов регулирования является правовой механизм, использование которого упорядочивает и регламентирует абсолютно все сферы жизни общества. Относительно культурных ценностей наиболее важным аспектом является правовое регулирование их перемещения. Анализ законодательства Евразийского экономического союза, а также национального законодательства каждой из стран-участниц позволяет сформулировать некоторые рекомендации для совершенствования правового регулирования перемещения культурных ценностей. Прежде всего необходимо учесть, что для достижения результатов, которых уже добился Европейский союз, необходим долгий период активной совместной работы, направленной на унификацию и гармонизацию законодательства государств — участников ЕАЭС.

Ключевые слова: культурные ценности, правовое регулирование, наднациональный уровень, национальный уровень, Евразийский экономический союз, законодательная база, унификация, гармонизация.

D. K. Kadriya

LEGAL REGULATION OF CULTURAL VALUES MOVEMENT: THE PROBLEM OF UNIFICATION AND HARMONIZATION OF EEU LEGISLATION

The legal framework is one of the main instruments of regulation in the 21st century. Its use organizes and regulates all spheres of human life. Concerning cultural values the most important aspect is the legal regulation of their movement. Analysis of the Eurasian Economic Union legislation as well as national legislation of each member-country allows to state some recommendations for improving the legal regulation of cultural values movement. First of all, it has to be taken into account that to achieve results, which have already achieved the European Union we need a long period of active collaboration focused on unification and harmonization of the EEU members legislation.

Key words: cultural values, legal regulation, supranational level, national level, Eurasian Economic Union, legislation framework, unification, harmonization.

После распада СССР на постсоветском пространстве начали формироваться разнообразные интеграционные объединения. Однако только с появлением Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС) можно было утверждать о новом уровне интеграции, которому дали старт Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. За 14 лет существования ЕврАзЭС государства-участники посчитали нужным изменить формат и выйти на новый этап работы. А с 1 января 2015 года согласно Договору о создании Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) образовано новое объединение, которое является крупнейшим по территории в мире. Целью создания ЕАЭС стала необходимость более глубокой интеграции, которая поспособствует повышению конкурентоспособности экономик государств-членов, что, в свою очередь, является залогом стабильного развития и повышения уровня жизни населения.

В состав ЕАЭС с 2015 года входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская

Федерация. Любое интеграционное объединение предполагает унификацию и гармонизацию законодательства во всех сферах, что является залогом успешного функционирования союза. Однако следует отметить, что ЕАЭС — это не только экономический союз, но и культурный, так как объединяет страны с многовековой историей, которые в недавнем прошлом были единым межгосударственным союзом.

Анализ законодательств каждой из стран — участниц ЕАЭС позволяет сделать выводы, что вопросы унификации следует рассматривать через призму:

- различий в понятийном аппарате;
- уровня законодательного регулирования;
- степени проработанности законодательства как в национальном, так и в международном аспекте.

Относительно понятийного аппарата и терминов, введенных в легальный оборот, можно сделать общее заключение о том, что во всех странах существуют различия в употреблении понятий в нормативных правовых актах, регламентирующих перемещение культурных ценностей. Ниже приведена таблица, которая показывает не только отличия в понятийном аппарате, но и различный уровень правового регулирования на национальном уровне. Как видно из таблицы 1, в некоторых странах основным актом, регулирующим перемещение культурных ценностей, является закон, а в других — подзаконный акт.

Таблица 1

Акты национального законодательства стран — государств ЕАЭС, регламентирующие перемещение культурных ценностей и определение понятия «культурные ценности», данное в них

Страна	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация
Акт законодательства	Закон Республики Армения «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 6 декабря 2004 г. ЗР-176-Н	Положение о порядке и условиях выдачи Министерством культуры заключений (разрешительных документов) на вывоз культурных ценностей, ограниченных к вывозу с территории Республики Беларусь по основаниям неэкономического характера	Закон Республики Казахстан от 15 декабря 2006 г. № 207-III ЗРК «О культуре»	Положение о порядке ввоза на территорию Кыргызской Республики и вывоза за ее пределы объектов культурных ценностей	Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»
Определение понятия «культурные ценности»	Предметы и произведения, считающиеся продуктом жизнедеятельности человеческого общества, которые независимо от времени создания имеют важное археологическое, этнографическое, историческое, религиозное, художественное, научное значение	Отсутствует определение	Материальные и нематериальные ценности светского и религиозного характера, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение	Ценности религиозного или светского характера, которые представляют значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки государства	Отсутствует прямое определение

Актом [1] наднационального регулирования утвержден единый перечень культурных ценностей, подлежащих контролю при перемещении через таможенную границу Таможенного союза, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз. Перемещение культур-

ных ценностей осуществляется в соответствии с Положением о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза и вывоза с таможенной территории Таможенного союза культурных ценностей, документов национальных архивных фондов и оригиналов архивных документов.

Культурные ценности, перемещаемые через таможенную границу Таможенного союза, подлежат таможенному декларированию при помещении под таможенную процедуру либо в иных случаях, установленных в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза (далее — ТК ТС). В целом законодательство на наднациональном уровне развивается достаточно динамично с целью достижения унификации и гармонизации в рамках Евразийского экономического союза. Однако, как уже отмечалось выше, существует как минимум три значительных аспекта, которые требуют более детального изучения. Начнем с отличий в понятийном аппарате.

В силу своей природы культурные ценности становятся особым объектом правового регулирования. Необходимость защиты и сохранения культурного наследия связана с желанием созидать, ее можно отнести к естественным потребностям человека. Защита культурных ценностей выражается в планомерной разработке правовых норм международного и национального права, направленных на регулирование экономического оборота культурных ценностей.

В основном нормативные правовые акты о вывозе культурных ценностей регламентируют перемещение старинных, ценных или имеющих особое национальное значение предметов. Каждое государство установило собственное законодательство в соответствии с национальными приоритетами и особенностями. Цель контролирующих служб — надзор над вывозом культурных ценностей и в определенных случаях его ограничение. Разрешение на вывоз в форме лицензии выдается во многих странах, доказательством чего служит активное передвижение предметов искусства по всему миру.

Следует также учитывать тот факт, что условия и формальности зависят прежде всего от страны и ее национального законодательства. Правила вывоза применяются к каждому конкретному случаю к частным лицам, коммерческим и некоммерческим организациям, государственным учреждениям и т. д. Все страны при создании национальной системы экспортного контроля делают акцент на собственных особенностях и приоритетах. Законы о культурном наследии должны охранять культурные ценности и не допускать их незаконного вывоза из страны.

Реестры культурных ценностей национального значения существуют во многих странах и часто выступают в качестве правовой базы при принятии решений в отношении вывоза. В тех странах, где подобных реестров не существует, национальное законодательство устанавливает критерии для оценки значимости культурных предметов. Процедура экспертизы проводится индивидуально для каждой заявки, с учетом этих критериев. Основным инструментом контроля над перемещением культурных ценностей через национальные границы является лицензия на вывоз.

Национальные законодательства по охране культурных ценностей и культурного наследия значительно отличаются друг от друга. Несмотря на наличие в странах ЕС и ЕАЭС общей законодательной базы, регулирующей вывоз культурных ценностей, в некоторых государствах внутренние правила отличаются гораздо большей строгостью, чем законодательство союза, в особенности это относится к национальным законодательствам ЕС. В других же государствах общее законодательство применяется практически в неизменном виде, за исключением введения некоторых дополнительных ограничений на вывоз национальных сокровищ и объектов особого значения.

Основные межстрановые отличия, с которыми можно столкнуться, касаются следующих аспектов:

- срок получения лицензии на вывоз (от нескольких дней до нескольких месяцев);
- необходимость предоставить культурные ценности для осмотра (в некоторых странах это обязательная процедура, в других она требуется только в случае необходимости);
- необходимость платить за экспертизу или другую процедуру;
- наличие реестра культурных ценностей, не подлежащих вывозу;
- наличие законного права оспаривать экспертную оценку или обжаловать отказ в выдаче лицензии на вывоз.

Анализ законодательства ЕС, ЕАЭС, а также национального законодательства каждой из стран союзов позволяет сформулировать некоторые рекомендации для совершенствования правового регулирования перемещения культурных ценностей в ЕАЭС. Прежде всего необходимо учесть, что для достижения результатов ЕС необходим долгий период активной совмест-

ной деятельности, направленный на унификацию и гармонизацию законодательства государств — участников ЕАЭС.

Первый и один из наиболее важных аспектов — урегулирование употребления понятий, связанных с культурными ценностями, в нормативных правовых актах законодательств стран — членов Евразийского экономического союза, а также выработка общего определения, учитывающего национальные интересы и особенности всех государств. Более того, необходимо внедрить четкое определение и разделение между понятиями «культурное наследие» и «культурные ценности». Следующим этапом станет разработка общего списка культурных ценностей, которые будут подпадать под действие правового акта относительно перемещения культурных ценностей. Общий список необходимо сформулировать исходя из положений, содержащихся в национальном законодательстве каждой страны, и выработать перечень категорий. Более того, следуя примеру ЕС, потребуется также проработать разъяснения для каждой категории во избежание спорных ситуаций, связанных как с получением необходимых документов для вывоза, так и трактовкой правовых актов.

Затем необходимо продолжить совместную работу над формированием общего перечня запрещенных к вывозу культурных ценностей, а также общего реестра особо ценных и значимых культурных объектов. Опыт стран ЕС, у которых не существует реестра особо ценных предметов культурного наследия, показывает, что это приводит к ситуациям, в которых необходима оценка каждого конкретного предмета по определенным критериям. Конечно же, реестр не является стопроцентным решением всех спорных ситуаций, однако он значительно сократит объемы работы. А включение в реестр критериев, по которым страны включали в него предметы, позволит при необходимости легко классифицировать новые объекты.

Следующим большим шагом представляется выработка нормативного правового, регулирующего перемещение культурных ценностей в ЕАЭС. Как видно из анализа национальных законодательств государств — членов Евразийского экономического союза, для некоторых из них защита и сохранение культурных ценностей является конституционной обязанностью. Таким образом, создание единого акта по примеру Европейского союза поможет урегулировать максимально большую часть вопросов, связанных с перемещением культурных ценностей, а также их защитой и сохранностью. Представляется странным, что на данный момент регулирование культурных ценностей включено в правовой акт, который регулирует достаточно широкий спектр товаров. Более того, данный правовой акт не является удобным в использовании и ясным в понимании, так как содержит достаточно большое количество отсылочных норм в отношении национального законодательства. Необходимо учесть тот факт, что сохранение и защита культурных ценностей должны стать общим делом для всех стран Евразийского экономического союза.

Из анализа законотворческого опыта Европейского союза можно сделать вывод, что правовые акты регулярно должны обновляться, чтобы соответствовать реалиям современного мира. Также следует учитывать, что внесение слишком большого количества поправок является нецелесообразным (в качестве примера можно привести новые правовые акты ЕС относительно перемещения культурных ценностей, которые были изданы спустя 20 лет именно ввиду слишком большого количества уже внесенных и необходимых для внесения изменений).

Опираясь на опыт Европейского союза, необходимо включить в новый правовой акт все необходимые элементы для того, чтобы избегать увеличения уровня подзаконного регулирования. Более того, требуется конкретное понимание специфики регулирования культурных ценностей, чтобы передать ее в каждом положении нового правового акта, которое на данный момент явно отсутствует. Все необходимые документы и процедуры, связанные с перемещением культурных ценностей, необходимо привести в соответствие с общим подходом. Несмотря на достаточную проработанность законодательства ЕС, огромное количество аспектов, связанных с перемещением, регулируется национальным законодательством стран — членов союза. Данный факт приводит к двойному регулированию, что отрицательно сказывается на обороте культурных ценностей. Особенно ярко это иллюстрируют некоторые страны Европейского союза, в которых на вывоз культурных ценностей зачастую необходимо получать как национальную, так и лицензию ЕС. Высокая доля национального уровня регулирования в общей массе правил означает, что количество спорных ситуаций может во много раз увеличиться, что создает неэффективные механизмы оборота культурных ценностей.

Одним из положительных аспектов опыта Европейского союза является наличие перечня

компетентных в выдаче лицензии органов, а также таможенных органов, уполномоченных производить таможенное оформление в отношении культурных ценностей. По тем или иным причинам государство пытается ограничить количество как компетентных, так и уполномоченных таможенных органов. Главным основанием для этого служит простота и эффективность осуществления таможенного контроля в отношении перемещаемых культурных ценностей.

Следующим немаловажным аспектом регулирования является выработка позиции и положений к ней относительно перемещения культурных ценностей в рамках Евразийского экономического союза. Анализ развития национального законодательства членов Европейского союза показывает, что страны стремятся урегулировать и регламентировать оборот культурных ценностей в рамках интеграционного объединения, что не менее важно. Необходимо выработать единую позицию относительно того, каким образом будет регламентировано внутреннее перемещение культурных ценностей, станет ли это предметом национального либо наднационального правового регулирования. Более того, страны — члены ЕАЭС могут выработать единые правила и документы в отношении друг друга.

Самым важным инструментом регулирования перемещения культурных ценностей является лицензия. Тем самым именно условия ее выдачи и причины отказа должны быть абсолютными для заявителя. Интересным представляется тот факт, что в некоторых странах ЕС нельзя обжаловать решение компетентного органа об отказе в выдаче лицензии. А условия, при которых возможно получить отказ, в законодательстве ЕС и ЕАЭС очень разнятся. Исходя из обозначенных оснований, можно сделать вывод о том, что законодательство ЕАЭС содержит по большей части формальные признаки отказа, в отличие от законодательства ЕС. Однако данный аспект в законодательстве ЕС в большей степени регламентирован национальным законодательством и тем самым требует уточнения для каждого отдельного случая перемещения. Формальность признаков отказа исходит из того, что правовой акт, которым регламентируется оборот культурных ценностей, регулирует и перемещение иных товаров, то есть не имеет целевой направленности. Так же как и виды лицензии варьируются в соответствии с общим пониманием лицензирования товаров, а не конкретного специфичного для культурных ценностей. Огромным преимуществом было бы разработать систему лицензии, которая бы зависела от правового статуса заявителя, а также цели перемещения. В соответствии с этим необходимо также пересмотреть срок предоставления лицензии, который на данный момент не превышает одного года, тогда как в ЕС она может выдаваться на срок до пяти лет.

В целом законодательство должно четко регулировать два направления перемещения — культурный обмен и торговля. При обороте культурных ценностей в рамках культурного обмена не должно возникать никаких трудностей и сложностей. Относительно торговли культурными ценностями следует отметить, что арт-рынок в современных реалиях привлекает преступность как никогда. Незаконная торговля культурными ценностями не только способствует уменьшению поступлений в бюджет, но и во многом становится средством финансирования террористических программ. Европейские страны, а именно самые крупные эмитенты лицензий на перемещение культурных ценностей, обсуждают внедрение уникальной информационной базы, с помощью которой могут в принципе отследить пребывание культурной ценности в том или ином месте. Единая информационная база позволит бороться с незаконным оборотом культурных ценностей.

В целом для устранения всех вышеперечисленных пробелов и достижения унификации и гармонизации в области культурных ценностей необходимо провести детальную оценку проработанности законодательства каждого члена Евразийского экономического союза. Таким образом, необходимо выработать единый подход к проблеме сохранения и защиты культурных ценностей. Учитывая историческое и культурное наследие государств — членов Евразийского экономического союза, правовое регулирование в области перемещения, охраны и защиты культурных ценностей следует перенести на качественно новый и усовершенствованный уровень.

1. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 года № 30 «О мерах нетарифного регулирования» // СПС «КонсультантПлюс».

М. А. Саблина

ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СПЕЦИФИКА РОЛИ

В статье проводится анализ действующего определения понятия «исполнитель». Констатируется невозможность на основании последнего провести грань между исполнителем и другими соучастниками. Оцениваются варианты определений, предлагаемые различными авторами. Вычленяется специфика роли рассматриваемого вида соучастника, которую предлагается положить в основу при изменении редакции ч. 2 ст. 33 Уголовного кодекса.

Ключевые слова: соучастие, соучастник, субъект преступления, исполнитель.

M. A. Sablina

PERPETRATOR: ROLE SPECIFIC

The paper is devoted to the current definition of "perpetrator". It states that it is impossible to distinguish a perpetrator and other accomplices. It examines the definitions proposed by different authors. The article also determines the perpetrator role specific which is offered to accept as a basis while creating a new version of p. 2 art. 33 of the Criminal Code.

Key words: complicity, accomplice, crime committer, perpetrator.

По данным статистики, преступления, совершенные в соучастии, составляют значительную часть общего числа преступных деяний [1]. Комбинация соучастников может быть различной, но одним из них (при состоявшемся соучастии) всегда будет исполнитель.

Легальное определение ключевой фигуры соучастия сводится на текущий момент к перечислению существующих её разновидностей (непосредственный исполнитель, посредственный и соисполнитель), оставляя нераскрытой специфику деятельности, позволяющую отграничить исполнителя от организатора, подстрекателя и пособника.

Если отбросить уточняющие характеристики, исполнителем признаётся лицо, совершившее преступление. Утверждение, бесспорно, верное, но не позволяющее провести границу между рассматриваемым видом соучастника и теми, что указаны в ч. 3—5 ст. 33 Уголовного кодекса (далее — УК), поскольку оно в равной степени справедливо в отношении последних.

Аналогичный вывод можно сделать применительно к понятию «объективная сторона», на предпочтительность использования которого вместо «преступление» указывают многие авторы, отмечая конкретизированность первого [2]. П. Ф. Тельнов писал: «Таким образом, для ответа на вопрос, является ли соучастник исполнителем, необходимо обратиться к законодательной характеристике объективной стороны преступления. Лицо, полностью либо частично выполнившее её, должно признаваться исполнителем» [3].

Восприятие описанного алгоритма ставило бы вопрос об основании привлечения к уголовной ответственности организаторов, подстрекателей и пособников. Если указанные соучастники объективную сторону не выполняют, то не соблюдается требование ст. 8 УК о совершении деяния, содержащего все признаки состава преступления. В связи с этим высказывались предложения о необходимости введения дополнительных норм, способных разрешить указанную проблему. А. В. Шеслер, например, рекомендует дополнить ст. 32 УК частью второй следующего содержания: «Соучастие является основанием уголовной ответственности лиц, совместно совершивших преступление» [4]. Представляется, однако, что данная мера излишняя. Д. И. Джулай справедливо подметил, что «особенность законодательной характеристики состава преступления, совершаемого в соучастии, состоит в том, что его признаки указываются не только в статье Особенной части, но и в Общей части — ст. 33 УК РФ» [5].

Таким образом, поскольку действия, описанные в ч. 3—5 ст. 33 УК являются частью объективной стороны всякого преступления (если оно совершается в соучастии), то оперирование

любым из обозначенных выше понятий (присутствующим в действующей редакции ч. 2 ст. 33 УК или предлагаемым П. Ф. Тельновым и солидарными с ним авторами) не отвечает поставленной цели — вычленению специфической черты роли исполнителя.

Кригер Г. А. и Гришаев П. И. предлагали заменить «преступление» на «действия, описанные в одной из статей Особенной части, в качестве конкретного преступления» [6]. Авторы считали, что подобная конкретика будет способствовать учёту структуры выполненного соучастниками состава и позволит обращать особое внимание на обрисовку законодателем действия (в уголовно-правовом смысле) в каждом отдельном случае [7]. Само замечание о необходимости выявлять соответствие содеянного составу преступления очень верно, поскольку проведение подобных параллелей способствует, в частности, отделению роли исполнителя от других соучастников. Однако представляется, что данную проблему не решить за счёт «разжёвывания» понятия преступления в положениях о соучастии.

Цвиренко О. Л. в качестве альтернативы предлагает заменить «преступление» на «деяние (действие или бездействие), образующее объективную сторону состава преступления, закреплённого в Особенной части УК» [8]. Идентичный по содержанию подход излагал столетием ранее П. П. Пусторослев. Учёный писал: «Чтобы решить, кто из соучастников угол. правонарушения в данном случае является виновником, мы должны определить, какого рода угол. правонарушение находится перед нами, на какой стадии остановилось его осуществление в данном случае и кто из людей виновно учинил такое внешнее действие или бездействие, которое… характеризует эту стадию» [9] (адаптировано).

Арутюнов А. А., считая необходимым конструировать нормы более понятным для простых граждан, а не только специалистов в области права языком, представил такой вариант: действие (бездействие), предусмотренное статьёй Особенной части УК [10].

Абстрагируясь от «плюсов» и «минусов» каждой из предложенных редакций, обратим внимание на элемент, их объединяющий, — в выработанных правоведами вариантах спектр деяний исполнителя ограничен теми, которые указаны в Особенной части УК. Представляется, что такой конкретизации достаточно для отграничения рассматриваемого вида соучастника от организаторов, подстрекателей и пособников, поскольку описание объективной стороны в части, которой её могут выполнить последние, содержится в Общей части УК. Тем не менее полнота исследования требует освещения всех известных точек зрения (по крайней мере наиболее популярных) в отношении изучаемого вопроса. В связи с этим обратимся к доводам учёных, пытавшихся раскрыть специфику роли исполнителя через выявление характерной черты его деятельности.

Значительное влияние на развитие идей о соучастии (в том числе о видах соучастников и их ответственности) оказали представители немецкой юридической школы. Рудольф Гаупт писал, что исполнитель, в отличие от остальных соучастников, *причиняет* преступный результат, в то время как, например, пособник лишь способствует его наступлению [11]. А. Н. Трайнин критиковал подобный подход, отмечая, что, не являясь причиной преступления, нельзя быть и соучастником. Однако здесь принципиальное значение имеет то, что именно следует понимать под причиной.

С одной стороны, первопричиной может выступать умысел, например, организатора, с которым согласуются все последующие действия. В этом смысле вполне уместно упоминание латинского выражения dominus causa, что означает «главная причина — то же, что и причина причин». А. Артемьев называл её causa principalis. Автор писал: «Главнейшая причина есть тот, кто: побуждает другого или к соделанию такого действия, или к небрежению оного» [12] (адаптировано). Н. С. Таганцев считал, что «всякое лицо, содействовавшее физической или психической деятельностью произведению результата, может быть названо его причиной» [13] (адаптировано).

С другой стороны, причиной можно именовать совершение конкретного деяния, описанного в Особенной части УК. При таком понимании теория Р. Гаупта, на первый взгляд, становится справедливой.

Трайнин А. Н. настаивал на том, что специфической чертой деятельности исполнителя является непосредственность совершения преступления [14].

На законодательном уровне указание на данную характеристику впервые появилось в Уголовном уложении 1903 года, где понятие «исполнитель» не использовалось, но среди соучастников наряду с другими выделялись лица, которые *непосредственно* учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении (ст. 51). В Основах уголовного законодательства

СССР и союзных республик и затем в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года лицо, непосредственно совершившее преступление, стало именоваться исполнителем. Согласно действующей редакции уголовного закона последний может реализовывать свои намерения, в частности, посредством сил других лиц, не подлежащих уголовной ответственности. Следовательно, непосредственное совершение не охватывает всех возможных способов деятельности исполнителя, а значит, не может претендовать на признание специфической чертой.

Более того, выше мы установили, что организатор, подстрекатель и пособник также участвуют в выполнении объективной стороны преступления (но для них она закреплена в Общей части УК), соответственно, логично предположить, что они также могут выполнять её как непосредственно, так и посредством. Так, А. П. Козлов отмечал, что и остальные соучастники своими руками (то есть непосредственно) совершают инкриминируемые им преступления, за которые следуют наказания [15]. Таким образом, непосредственное совершение следует рассматривать лишь в качестве возможного вида преступного поведения, причём любого субъекта преступления.

Ряд авторов, давая определение исполнительским деяниям, уточняют, что для привлечения к ответственности достаточно их частичного совершения [16]. Точность такой конкретизации спорна. Говорить об успешной реализации преступного умысла мы можем только в том случае, если была полностью выполнена объективная сторона состава. При этом она может состоять из нескольких действий. Например, изнасилование — это половое сношение с применением насилия. Соответственно, отсутствие первого даёт основание для квалификации содеянного только как покушения на изнасилование. В том случае, если половое сношение осуществлялось одним лицом, а другое удерживало жертву, то преступление, предусмотренное ст. 131 УК, совершено в полном объеме путём выполнения каждым из соисполнителей части объективной стороны. Деяние, в свою очередь, *неделимо.* Оно либо есть, либо его нет. И не обязательно, чтобы все его разновидности были перечислены непосредственно в тексте уголовного закона. Так, насилие может выражаться в удержании, нанесении ударов, связывании и так далее — всё это конкретные действия. И либо лицо связывало жертву, становясь тем самым соисполнителем изнасилования, либо только подавало верёвку, что насилия не образует и необходимо квалифицировать как пособничество. Соответственно, поскольку исполнительскую роль мы определяем через совершение деяний, то указание на полное или частичное их выполнение неуместно.

Думается, что определение того или иного понятия должно отражать сущность последнего. Включение в дефиницию возможных видов или иных уточнений допустимо, но при этом не должна нарушаться стройность всей системы понятийного аппарата. Применительно к ч. 2 ст. 33 УК данное правило не соблюдается. Поскольку любое преступное деяние (в том числе при единоличном совершении) может осуществляться как посредством, так и непосредственно, указание на эти характеристики в комментируемой норме приводит к путанице и ошибкам в квалификации — например, зачастую содеянное субъектом преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, расценивается правоприменителями как соучастие.

Также, закрепляя закрытый перечень чего-либо, необходимо быть уверенным, что он является полным. В отношении видов исполнителя этого сказать нельзя, поскольку согласно действующей редакции закона соисполнителями могут быть признаны только лица, непосредственно участвующие в совершении преступления. В то же время на практике возможны случаи, когда оба или один из них используют для реализации своих намерений те или иные орудия, в том числе одушевлённые (животных, малолетних, невменяемых). Последнее представляет собой посредственное исполнение, однако не исключает возможность и, более того, необходимость вменения группового признака.

В связи с вышеизложенным ч. 2 ст. 33 УК предлагается изложить в следующей редакции: «Исполнителем признаётся лицо, совершившее деяние, предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса».

---

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-03.htm, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-01.htm (дата обращения: 15.04.2016).
2. См., напр.: *Козлов А. П.* Соучастие. Традиции и реальность. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. С. 86; *Кузнецов А.* Квалификация соучастия в преступлении // Советская юстиция. 1965. № 11. С. 7; *Пинчук В. И.* Соучастие в преступлении : учеб. пособие. СПб., 2002. С. 22—23; Уголовное право : учеб. для юридических школ / под ред. И. Т. Голякова. М., 1943. С. 104.
3. *Тельнов П. Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М. : Юридическая лит., 1974. С. 73—74.

4. *Шеслер А. В.* Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex russica. 2015. № 6. С. 30.
5. *Джулай Д. И.* Предупредительная функция уголовной ответственности за преступления, совершенные в соучастии // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. 2013. № 2. С. 211. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы. См., напр.: *Иванчин А. В.* Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex russica. 2015. № 6. С. 22.
6. *Гришаев П. И., Кригер Г. А.* Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 137.
7. См.: *Гришаев П. И., Кригер Г. А.* Указ. соч. С. 137.
8. См.: *Цвиренко О. Л.* Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 29.
9. *Пусторослев П. П.* Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев : Тип. К. Матиссена, 1907. С. 438—439.
10. См.: *Арутюнов А. А.* Соучастие в преступлении. М. : Статут, 2013. С. 178.
11. См. по: *Трайнин А. Н.* Избранные труды / сост., вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 290.
12. См. по: *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России (воспроизводится по изданию Ярославль, 1909). М. : Зерцало, 2003 // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 06.03.2016.
13. *Таганцев С. Н.* Главные течения в истории науки уголовного права в России (воспроизводится по изданию Ярославль, 1909). М. : Зерцало, 2003 // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 06.03.2016.
14. См.: *Трайнин А. Н.* Указ. соч. С. 290. Аналогичное суждение можно встретить в работах многих правоведов XIX—XX вв. См., напр.: *Белогриц-Котляревский Л. С.* Очерк русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев — Харьков : Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1908. С. 176, 180; *Таганцев С. Н.* Указ. соч. // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 05.03.2016.
15. См.: *Козлов А. П.* Указ. соч. С. 85.
16. См.: *Козлов А. П.* Указ. соч. С. 83. См. также: *Тельнов П. Ф.* Указ. соч. С. 73—74; *Цвиренко О. Л.* Указ. соч. С. 29.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Ю. Н. Захарова, С. В. Мартынов, К. А. Мызрова, Е. В. Степанова

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИНТЕРНЕТ-ПРОДАЖ

Одной из современных тенденций в эпоху информационной экономики или экономики знаний является информатизация экономического пространства. В статье авторы рассматривают интернет-продажи как одну из современных тенденций в торговле товаров и предоставлении различных видов услуг. Авторами сделан акцент на анализе особенностей интернет-магазинов как основного источника интернет-продаж.

Ключевые слова: информация, знания, Интернет, интернет-магазины, интернет-продажи.

Y. N. Zakharova, S. V. Martynov, K. A. Myzrova, E. V. Stepanova

FEATURES AND TRENDS OF INTERNET SALES

One of the current trends in the era of information economy or economy of knowledge is the computerization of economic space. The authors consider the Internet sales as one of the modern trends in the trade of goods and the provision of various services. The authors emphasise the analysis of the features of online stores, as the main source of Internet sales.

Key words: information, knowledge, internet, online shopping, online sales.

Основными чертами современного общества являются глобализация мирового экономического пространства и модернизация. Взаимопроникновение и сближение культур, переплетение международных экономических связей, процессы мирового разделения труда приводят к стиранию граней между национальными экономиками и втягиванию их в мировой рынок. С течением времени эта глобализация всё сильнее проявляет себя, втягивая в свою орбиту всё новые страны. Существуют различные стороны подобной интеграции — экономическая, политическая, культурная, информационная. Ход осуществления данных процессов напрямую зависит от информатизации пространства.

В современном обществе информацию рассматривают как один из основных ресурсов его развития, а информационные системы и технологии как одно из средств повышения эффективности работы людей. Информация и знание становятся определяющим экономическим фактором, а также важнейшим национальным ресурсом, который в определенном смысле подобен недрам, воде, лесам и т. п. и который в значительной степени определяет благосостояние государства. Сохранение, развитие и рациональное использование национального информационного ресурса является задачей государственного значения. Существенная роль информационных технологий в развитии общества состоит в ускорении процессов получения, распространения и использования обществом новых знаний.

Еще в недалёком прошлом, вплоть до 1990 года, Национальным научным фондом США было запрещено использовать Интернет в бизнесе, и лишь в дальнейшем крупным частным компаниям был разрешен доступ к использованию Сети. Несколько позже контроль за Сетью перешел в частные руки, что повлекло за собой расширение круга потребителей, а также коммерческих поставщиков услуг Интернета, что позволило миллионам людей по всему миру пользоваться им.

Вскоре, после внедрения интернет-технологий в общественную сеть, Д. Безос в 1994 году создал компанию Amazon, а в июле 1995 года открылся первый в мире интернет-магазин Amazon.

Интернет стал основным источником информации для огромного числа потенциальных

покупателей. Все больше и больше людей, прежде чем совершить какую-либо крупную покупку, ищут в Сети информацию о производителях и продавцах необходимого им товара. Изучив альтернативные предложения продавцов, потребители делают осознанный выбор, который заканчивается сделкой. Компании, делающие ставку на Интернет как основной канал продаж, имеют возможность экономить на строительстве магазинов, содержании продавцов. Для продажи товаров и оказания различных услуг требуется «продающий» сайт, направленный именно на продажи, который должен ясно и прямо информировать будущих покупателей об уникальном торговом предложении, скидках, распродажах, способах покупки.

Понятие «интернет-магазин» можно рассматривать как с технологической позиции, так и с позиции маркетинговых коммуникаций. Интернет-магазин — это интерактивный веб-сайт, рекламирующий товар или услугу, принимающий заказы на покупку, предлагающий пользователю выбор варианта расчета, способа получения заказа и выписывающий счет на оплату.

С технической точки зрения интернет-магазин можно определить как многофункциональный программный модуль, встроенный в веб-сайт и призванный обеспечить продажи продукции фирмы через Интернет.

На сайте интернет-магазина обычно представлен подробный каталог товаров с ценами, на основе которого пользователь формирует свой заказ. Логика интернет-магазина выстраивается по принципам реального торгового зала. В любом интернет-магазине необходимым требованием является наличие структурированного каталога товаров (аналог полок в магазине), системы поиска по ключевым словам (аналог секций в торговом зале), корзины заказов (аналог реальной корзины), разнообразия платежных систем, выбор способов и служб доставки.

Интернет-магазины классифицируют по видам продаж, способам оплаты и по типу и количеству товарных категорий. В зависимости от представляемых товаров в каталоге интернет-магазины делятся на интернет-супермаркеты, интернет-витрины, автоматические магазины, онлайн-аукционы.

Итак, представим основные виды интернет-магазинов в зависимости от представляемых товаров в каталоге:

1. *Интернет-супермаркет*, каталог которого содержит многоуровневое логическое дерево разделов и подразделов, внутри которых находятся списки с карточками товаров. Каталог интернет-супермаркета должен быть хорошо структурированным и очень логичным, если мы хотим, чтобы в таком разнообразии товаров посетители нашли то, что им действительно нужно. Конечной точкой перемещения по каталогу должна стать карточка товара, содержащая его описание, признак наличия в продаже и цену. Список в каталоге сортируется по признаку наличия товара на складе. Актуальные товары находятся в начале списка, снятые с продажи — в конце. Таким образом, устаревшие товары, находясь в каталоге, не мешают клиентам делать покупки, но продолжают работать на этот магазин и приводить на сайт все новых и новых покупателей.

Например, крупнейший в мире интернет-магазин Amazon.com вышел на новый и довольно необычный для онлайн-торговли товарный сегмент — продукты питания. Тестовая версия нового сервиса была запущена в мае 2008 года. Ассортимент был ограничен нескоропортящимися бакалейными продуктами: крупами, макаронами и консервированными супами, но к настоящему времени интернет-магазин предлагает не меньше позиций, чем любой соответствующий офлайн-супермаркет. При этом Amazon готов доставлять заказы в любую точку мира.

2. *Интернет-витрина* может быть размещена на собственном сервере либо на сервере провайдера, на сервере, предоставляющем бесплатные страницы. Торговый автомат может не только выполнять функции витрины, но и принимать заказы и передавать их менеджеру, то есть оформлять заказы и выписывать счета на оплату без присутствия покупателя. Торговый автомат реально торгует и по соотношению затрат к результату наиболее предпочтителен для тестовых проектов с небольшим потоком покупателей. Торговый автомат также можно разместить и на своем сервере, и на сервере провайдера. Однако его создание и администрирование требует навыков и определенной квалификации.

3. *Автоматический магазин* — эффективное и комплексное решение в торговом бизнесе. Он не только выписывает счета, но и отслеживает заказы, принимает электронные платежи и формирует заявки на доставку товаров покупателям. Поскольку автоматический магазин должен иметь постоянную связь с информационной системой компании, то размещать его лучше либо на корпоративном сервере в локальной сети, либо на удаленном сервере с постоянно действующим каналом связи. Интерактивные магазины могут торговать чем угодно.

Наиболее активно развивающимся сегментом отечественной электронной коммерции яв-

ляется сервис по продаже билетов — как на различные виды транспорта, так и на развлекательно-зрелищные мероприятия. Например, в настоящее время в момент оплаты билеты компании «Аэрофлот» оформляются как электронные, что было связано с упрощением нормативно-правовых ограничений на выпуск и обращение электронных билетов в России. Также произведена интеграция с аэропортами назначения, и пассажиру достаточно предъявить распечатанную электронную копию билета и паспорт.

4. *Продажа электронного контента* представляет собой два основных варианта: продажа временного доступа к файлам (например, книги или mp3-файлы); продление подписки — номера пластиковых карточек пользователей (номера шифруются) хранятся для автопродления подписки; возможность управления продлением. В качестве примера можно привести всемирно известный интернет-магазин корпорации Microsoft, осуществляющей продажи программного обеспечения. Также предоставляется сервис Windows Marketplace, в котором реализован ряд таких возможностей, как функция Digital Locker, позволяющая пользователям отслеживать историю своих покупок и хранить информацию о лицензиях на купленное программное обеспечение. В ассортименте Windows Marketplace представлено более 60 тысяч программ, имеется отдельный раздел для плагинов браузера Internet Explorer. Параллельно корпорация планирует использовать магазин для продвижения своего проекта с интернет-паспортом, который пока не прижился в тех масштабах, на которые рассчитывала компания. Для регистрации на Windows Marketplace пользователь должен получить аккаунт в Windows Live, MSN или Microsoft Passport [5].

Еще один пример, связанный с корпорацией Sony, которая наладила продажу электронных версий книг через свой интернет-магазин Sony Connect, причем презентация нового сервиса была совмещена с выходом устройства для чтения электронных книг Sony Reader PRS-500 (2006 год). В Sony Connect продается продукция крупнейших мировых издательств, в том числе Harper Collins и Simon & Schuster, а в перспективе в дополнение к книгам планируется наладить продажу газет и журналов. Компания Sony позаимствовала бизнес-модель у корпорации Apple, которая уже несколько лет удерживает лидерство на рынке музыкального интернет-контента за счет связки iPod + iTunes и намеревается занять позицию лидера в сфере e-book.

5. *Онлайн-аукцион*, или *интернет-аукцион*,— это аукцион, проводящийся посредством сети Интернет, является разновидностью интернет-магазина, так как имеет в своем функционале прием онлайн-платежей. Момент окончания интернет-аукциона заранее назначается самим продавцом при постановке товара на торги. По окончании интернет-аукциона покупатель должен перевести деньги продавцу по безналичному расчёту (реже — наличными, например — при получении товара лично), а продавец обязан выслать товар покупателю по почте, нередко в любую точку страны или мира. Границы возможной пересылки товара указываются самим продавцом заранее. Мировым центром аукционной и всей электронной торговли в течение многих лет остается международная торговая площадка www.eBay.com. Большая часть её клиентов проживает в США, Германии, Великобритании и Южной Корее. Компания по-прежнему остается общепризнанным лидером рынка, и никто из конкурентов не может представить достойной альтернативы eBay. Тарифы на размещение товаров на аукционе варьируются от 5 до 20 центов за предложение. Компания eBay разработала площадку быстрой купли-продажи eBay Express, где осуществляется продажа бывших в употреблении товаров частными лицами.

На сегодняшний день каждая двадцатая книга покупается через Amazon.com. Предпринимательство в сети Интернет — относительно новая сфера предпринимательской деятельности, насчитывающая менее 20 лет развития.

С появлением Сети возник и рынок услуг. Требовалось создавать и разрабатывать сайты, ряд других услуг было удобно оказывать через Сеть, платные сервисы в интернет-торговле стали появляться по мере возникновения спроса на них [1].

Итак, в настоящее время интернет-магазины выполняют все самые важные бизнес-процессы торгового предприятия, в которые входят оформление заказа, выбор товара, доставка товара, гарантийный сервис, отслеживание заказов [2].

Интернет-магазин может осуществлять продажу не только реальных товаров и услуг, но и товаров и услуг в электронном виде, что делает интернет-магазин более выгодным в нынешних условиях, при этом продажа реальных товаров и услуг занимает больше времени и требует большего объема технического оснащения, чем продажа электронных товаров по сети Интернет, что позволяет проводить полный

цикл коммерческой сделки, который может быть выполнен электронным способом [4].

Мультибрендовые интернет-магазины отличаются от брендовых тем, что в них представлен достаточно разнообразный ассортимент разных лейблов. Как правило, в таких интернет-магазинах можно найти всё что угодно. Для покупателя преимущество заключается в том, что нет необходимости пересматривать ассортимент разных магазинов, чтобы найти нужную покупку. Среди этих магазинов выделяют Kohl's, Dillard's, Sportsdirect.

Торговые интернет-площадки отличаются тем, что являются местом, где имеется множество продавцов: частные лица, магазины, которые предлагают свои товары. В таблице 1 представлены преимущества и недостатки интернет-магазина.

Таблица 1

Преимущества и недостатки интернет-магазина [1]

Для владельцев интернет-магазина/клиентов	Преимущества	Недостатки
Для владельцев интернет-магазина	— Отсутствие арендной платы за помещение; — Значительное сокращение расходов на содержание собственного бизнеса; — Ускорение процесса адаптации к изменениям рынка; — Возможность расширения клиентской базы и ассортимента товаров за счет возможности выхода на глобальный рынок; — Небольшой персонал, низкие затраты на арендную плату (по сравнению с обычным магазином); — Возможность контактов с продавцами и покупателями в едином виртуальном пространстве; — Повышение уровня приверженности потребителей торговой марке; — Упрощение регистрации данного вида деятельности	— Проблемы в обеспечении безопасности и надежности информационных систем; — Постоянное наращивание мощностей телекоммуникационного оборудования своего предприятия
Для клиентов интернет-магазина	— Возможность круглосуточного приема заявок клиентов; — Доступность поиска товаров и ознакомление с характеристиками продукции практически в любое время и в любом месте, в котором есть доступ к сети; — Относительная дешевизна товара в Интернете по сравнению с привычными магазинами; — Оформление заказа дистанционным способом; — Возможность приобретения уникальных товаров, которые невозможно приобрести в данной стране (городе); — Отсутствие психологического воздействия со стороны продавца; — Сокращение времени поиска товара	— Знакомство с товаром только по описанию продавца; — Беспокойство по поводу тайны и безопасности сделки; — Дистанционная или электронная оплата

В отличие от ряда стран, где для электронной коммерции установлены специальные правила регулирования и налогообложения (США, Европейский союз), российское законодательство не предусматривает в данном случае специальных норм. Исходя из этого, интернет-торговля регламентируется теми же нормативными актами, что и другие виды торговли в России, а именно Гражданским кодексом Российской Федерации, Законом РФ «О защите прав потребителей», Правилами продажи товаров дистанционным способом.

1. *Артищев М. С.* Анализ мирового и российского опыта предпринимательской деятельности в сети Интернет // Управление экономическими системами : электронный научный журн. 2011. № 34. URL: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=711.
2. *Бочкова Е. В., Пищулина Д. С.* Анализ рынка Интернет-торговли в России и за рубежом и пути его совершенствования // Вестн. Иркутского гос. технич. ун-та. 2014. № 10(93).
3. *Бочкова Е. В., Пищулина Д. С.* Этапы организации и особенности работы интернет-магазина // Актуальные проблемы экономической теории и практики : сб. науч. тр. 2014. Вып. 17.
4. *Валигурский С. Д.* Интернет-магазины как новый формат торговли // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2011. № 6.
5. Образовательный портал — Реклама, Маркетинг, PR. М., 2009. URL: http://www.sostav.ru/news/2009/10/22/issl2/.

О. Ю. Захарычева, Е. В. Куликова

ТЕКУЧЕСТЬ КАДРОВ КАК ОСНОВНОЙ СТОП-ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье рассмотрены вопросы взаимосвязи и взаимовлияния уровня развития организационной культуры и текучести персонала организации в сфере продаж. Представлены актуальные вопросы осуществления алгоритма найма персонала в сфере продаж для снижения уровня его текучести в организации.

Ключевые слова: организационная культура, молодые специалисты, система мотивации, благоприятный климат.

O. Y. Zakharycheva, E. V. Kulikova

STUFF TURNOVER AS THE MAIN FACTOR THAT AFFECTS DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE

This article studies the relationship and influence of the organizational culture level and staff turnover in the sales organizations. This paper presents actual issues of recruitment algorithm that help to reduce the level of staff turnover in sales sphere.

Key words: organizational culture, young professionals, motivation system, favorable climate.

Современный уровень развития предпринимательства в России характеризуется чрезвычайной изменчивостью среды, которая требует поиска новых способов выживания предприятий и осознания того, что процессы реформирования нужно усиливать на микроэкономическом уровне. Важным средством реформирования предприятий может стать механизм формирования организационной культуры, позволяющий при существующих затратах ресурсов получить более высокий результат. В условиях интенсивного развития предпринимательской деятельности в сфере торговли и обострения конкуренции менеджмент торгового предприятия все более активно осваивает новые методы управления, в том числе основанные на принципах формирования организационной культуры.

В настоящее время исследование организационной культуры различных предприятий стало одной из важных составляющих оценки деятельности организации и ее роли в обществе.

Исследования в области формирования и развития организационной культуры проводятся сравнительно недавно, но начиная с восьмидесятых годов прошлого столетия термин «организационная культура» приобретает все большее значение в области управления предпринимательскими структурами [2, с. 2].

Организационная культура продаж выступает в организации как единство взглядов, принципов и норм, поддерживаемых специалистами отдела продаж.

Формирование организационной культуры товарных продаж преследует достижение последующих целей:

— выстраивание долгосрочных и взаимовыгодных отношений с клиентом;

— создание и расширение собственной клиентской базы;

— внедрение высочайших стандартов обслуживания клиентов, обусловленных высокоэффективной организационной культурой;

— выполнение и перевыполнение планов продаж, соответственно, увеличение прибыли в организации.

Организационная структура продаж должна быть направлена как на сотрудников компании, так и на ее клиентов. От работников в сфере продаж требуется максимизация количества сделок, поэтому поощряется высокая активность, склонность к экспериментам и наличие таких черт характера, как обаяние, дружелюбие, юмор, коллективизм, умение быстро принимать решения. Недостатками такой культуры являются погоня за количеством в ущерб качеству, ориентация на достижение краткосрочного успеха, недостаточная преданность компании, неустойчивость к трудностям [1, с. 29]. Выручка в организации зависит от качества продаж. К примеру, на заключение сделки на 10 000 руб-

лей сотрудник прилагает такое же количество усилий и времени, как на заключение сделки на 50 000 рублей. Это означает, что необходимо распределять грамотно своё рабочее время и уметь фильтровать клиентов, учитывая, какую выручку они принесут при заключении сделки. Вторым моментом, отражающим качество продаж, является умение продать свой продукт ключевым клиентам. К этой категории покупателей относятся высокопоставленные лица, крупные холдинги, известные сетевые компании и т. д. Конкуренция за приоритетное внимание таких клиентов крайне высока, только опытные профессионалы своего дела могут действительно заинтересовать и удержать такого покупателя. Создание сплочённой команды, знание своего продукта и качественная работа в нестандартных ситуациях выстраивается в коллективе при минимальной текучести персонала, когда каждый работает на высоком уровне и не теряется время на вхождение в должность и вникание в её специфику новичков; также такой работе способствует правильная, подходящая именно этой команде организационная культура. Как пишет Тони Шей: «Одним из наиболее важных условий отличного обслуживания клиентов является уверенность, что в вашей компании сложилась сервис-ориентированная культура. Это относится не только к департаменту по обслуживанию клиентов, но и к компании в целом. Известно, что несчастный сотрудник, который не верит в ценность предоставления отличного обслуживания, просто не сможет отлично обслуживать клиентов» [4, с. 132].

Существующая культура в организации влияет на обслуживание и отношение к клиентам. Именно взаимоотношения среди самих сотрудников создают своеобразную модель поведения, принятую в коллективе. Такое качество, как клиентоориентированность, может прижиться в той организации, где ее носителями в первую очередь будут руководители, дающие пример менеджерам по продажам.

На сегодняшний день отделы продаж стали основным и наиболее востребованным клиентским каналом. Однако проблема текучести кадров по-прежнему неизбежна в сфере торговли. Какую культуру необходимо формировать и развивать руководителям для создания единого духа в организации?

Основными причинами текучести кадров в сфере продаж являются:

1) Высокий процент среди сотрудников молодых специалистов. Вакансия менеджера по продажам зачастую не требует наличия опыта работы, поэтому в первую очередь на нее откликаются студенты и выпускники. Руководители видят в этом свои преимущества. Ведь сотрудник, кому не привита чья-то организационная культура и не сформирован собственный стиль работы, более пластичен и легкообучаем в процессе работы. Однако многие кандидаты этой категории рассматривают работу в продажах как способ временной подработки и получения записи в трудовой книжке.

2) Неразвитая система мотивация. Заработная плата является одной из причин увольнения сотрудников. По специфике своей работы менеджеры по продажам получают премию как процент от сделок. Поэтому неправильно поставленный план продаж либо новое изменение системы вознаграждения могут негативно сказаться на мотивации сотрудника. Также проблема отсутствия карьерного роста и профессионального развития наблюдается среди менеджеров по продажам. Продажи порой могут доходить до автоматизма, и сотрудники начинают ощущать рабочую рутину.

3) Неблагоприятный социально-психологический климат. По мнению 91 % россиян, неблагоприятный психологический климат в коллективе — веская причина для того, чтобы покинуть компанию. Респонденты подкрепляют свои ответы примерами из жизни: «Я и мои друзья сталкивались с тиранией на работе. Ужасно, когда большую часть времени приходится проводить в угнетённом настроении»; «Как правило, офисные сотрудники и руководители среднего звена в 70—75 % случаев увольняются именно по этой причине, но не называют её официально, поскольку боятся испортить репутацию» [3]. Отсутствие взаимного уважения и доверия заставляет людей занимать оборонительную позицию, защищаться друг от друга. Сокращается частота контактов, возникают коммуникативные барьеры, конфликты, появляется желание покинуть организацию и, как следствие, происходит снижение производительности труда.

Выделенные проблемы текучести кадров в сфере продаж требуют определённого подхода в формировании совокупности мероприятий, которые позволят снизить их актуальность.

Приглашая *молодых специалистов* в сферу продаж, следует максимально представлять им выгоды, особенности и сложности работы и профессии, чтобы претендент был хотя бы теоретически к ним готов и понимал необходимость затрат значительных усилий для достижения успехов.

На стадии поиска и отбора персонала необходимо предоставить соискателю максимально полную и достоверную информацию о вакансии, заработной плате, графике работы. Многие работодатели обещают лёгкие продажи, отсутствие «холодных звонков», большое количество заключенных сделок. На практике все может оказаться совсем по-другому. Чем прозрачнее вы покажете систему работы в сфере продаж для кандидатов, тем меньше вероятности столкнуться с очередным увольнением.

Во избежание ошибок руководителю продаж рекомендуется придерживаться определённого алгоритма при найме новых сотрудников.

Первый этап включает в себя изучение резюме потенциальных кандидатов.

Первоначально желательно составить профиль желаемого кандидата. Для более качественного и тщательного отбора резюме можно определить, что именно является для вашей компании стоп-фактором для приглашения на собеседование. Это может быть возрастная категория, опыт работы, уровень образования, семейное положение и т. д.

Чаще всего руководители продаж ориентированы на более молодых и неопытных специалистов. Практика показывает, что при обращении напрямую в вузы найм персонала происходит более эффективно. При личной встрече со студентами можно доступно рассказать о компании и преимуществе работы в ней, ответить на все интересующие вопросы и получить рекомендации о каждом студенте в деканате. Более заинтересованных выпускников можно пригласить на собеседование.

Второй этап включает в себя блиц-знакомство.

Для более полного создания образа о кандидате необходимо сделать предварительный звонок. При разговоре уточнить актуальность поиска работы и рассказать более детально о вакантной должности. Общение с клиентами — повседневная функция менеджера по продажам. Поэтому в телефонном разговоре следует уделить внимание грамотности речи, умению слушать собеседника, интонации. Только по итогам телефонного разговора необходимо приглашать кандидата на собеседование.

При личной встрече руководителю желательно создать непринужденную обстановку, чтобы соискатель почувствовал себя более открытым и уверенным. Для выявления профессиональных навыков можно использовать различные методики — от решения кейсов до спонтанной продажи любого предмета.

Заключительный этап включает в себя принятие окончательного решения.

Познакомившись с кандидатом, необходимо более подробно изучить все записи, которые остались после встречи с ним. Поспешные действия могут сказаться в дальнейшей работе и привести к текучести, поэтому правильнее всего будет «дать время» подумать как работодателю, так и будущему сотруднику. Альтернативным решением будет начать обучение в организации. За пару рабочих дней работодатель и кандидат смогут решить для себя, подходят они друг другу или нет. На этапе обучения следует уделить внимание «холодным звонкам». Желательно даже прослушать записи вместе с менеджером, найти ошибки и дать рекомендации по их устранению. Проверять почту тоже обязательно. Процесс адаптации у всех происходит по-разному. Чем быстрее менеджер начнёт исправлять свои ошибки и совершенствовать процесс продаж, тем больше шансов у него закрыть вакансию.

Как найти хорошего менеджера по продажам, используя собственные каналы поиска или же обращение к рекрутерам, — личное решение работодателя.

Основными преимуществами при обращении в рекрутинговое агентство являются:

1) Экономия времени.

По индивидуальным требованиям заказчика специалисты составляют предварительный портрет желаемого сотрудника. Подбирая персонал через кадровое агентство, работодатель оплачивает услугу только в случае успешного закрытия вакансии. Многие организации, экономя своё время, предпочитают довериться профессионалам, нежели самостоятельно вести отбор потенциальных менеджеров по продажам.

2) Профессиональный отбор.

Менеджер по продажам — движущая сила любого предприятия. Текучка менеджеров по продажам приносит много проблем руководителям. Сотрудник, который не сможет раскрыть себя в сфере продаж, вынужден будет сменить работу, вследствие чего будет потрачено много сил, времени и денежных средств и приведёт к очередной текучести персонала. Опытные рекрутеры с легкостью смогут выявить такие качества, как активность, целеустремлённость и умение находить общий язык с окружающими. Эти качества являются основополагающими для успешной продажи.

Основными недостатками являются:

1) Неоправданные затраты организации.

Несмотря на высокий профессионализм, никакое агентство не сможет дать полной уве-

ренности в том, что выбранный соискатель останется в организации и будет приносить прибыль. Существует такое понятие, как человеческий фактор, и он порой играет решающую роль.

2) Отсутствие внутреннего рекрутинга.

Данная проблема больше носит индивидуальный характер. Найти подходящего менеджера по продажам можно и внутри организации. Для многих руководителей гораздо проще привлечь своих сотрудников. Даже если они не умеют продавать, то знают хотя бы тонкости вашего продукта, что ускоряет и упрощает процесс обучения. Предложив более привлекательные условия, чем их занимаемая должность, есть возможность получить будущего менеджера по продажам. Более того, если сотрудник не сможет справиться с поставленной задачей, он всегда может вернуться на прежнюю должность, а проводимый эксперимент — бесплатная возможность найти хорошего продажника.

Одной из важных оставляющих удержания ценных сотрудников является развитая *система мотивации*, соответствующая специфике товара компании, принятым технологиям продаж, особенностям рынка функционирования компании и другим важным для компании и её развития характеристикам.

Размер заработной платы — один из поводов сменить место работы. Поэтому руководители продаж должны разработать достойную систему мотивации и стимулирования, чтобы увеличить прибыль в организации и удержать ценных сотрудников.

Чаще всего менеджеры по продажам работают по системе окладной части и процентов от продаж и сделок. Слишком высокий оклад не всегда сможет мотивировать сотрудника на активные продажи, так как у него будет значительная «подушка безопасности», обеспечивающая ему приемлемый для него уровень дохода. Слишком низкий оклад привлечет только неопытных и некомпетентных сотрудников, так как остальные не будут чувствовать определенный уровень безопасности, который должен обеспечивать оклад. При формировании системы оплаты труда специалистов отдела продаж необходимо ориентироваться на среднестатистический оклад в регионе деятельности компании. Планы продаж необходимо составлять так, чтобы они были выполнимыми. Процент с продажи — стандартная надбавка к окладной части у менеджеров по продажам. Для большей мотивации необходимо использовать дополнительные бонусы. Например, за самое большое количество заключенных сделок, за привлечение новых клиентов, за самую крупную продажу в месяце. Начисление бонусов выражается как в материальной форме в виде денежных средств, так и в нематериальной — например, фотография менеджера на Доске почёта или общем мониторе, поход в ресторан, поездка на турбазу. Чем разнообразнее бонусы, тем интереснее работать и продавать.

Создание *благоприятного климата* внутри коллектива — одна из главных задач любого руководителя. Как правило, организации, в которых царит дружеская и позитивная атмосфера, упрощают процесс адаптации для новых сотрудников.

Отношения в коллективе являются основополагающим фактором в становлении культуры в организации. Для успешной и продуктивной работы в сфере продаж необходимо создать дружескую атмосферу среди сотрудников. Не стоит рассматривать каждого менеджера как отдельную единицу, это проводит к соперничеству и даже конфликтам. Создание общего корпоративного плана продаж сблизит менеджеров и уменьшит текучесть. Ведь более опытные сотрудники смогут помогать новичкам, что облегчит процесс адаптации и улучшит их показатели. Также сейчас популярен «team building». Можно не только добавить красок в рабочие будни сотрудников, но и укрепить отношения, используя различные игры на поддержание корпоративного духа. Задачей руководителя является постоянный мониторинг внутренней обстановки в коллективе.

Вывод

Культура организации не может появиться за день. Это трудоёмкий процесс, который требует внимания и сил не только со стороны руководства, но и со стороны сотрудников. Традиции, ценности и устои в коллективе, оттачиваемые годами, позволяют заложить фундамент той культуры, которая создана общими усилиями. Поэтому сплоченный коллектив — один из факторов, который необходим для создания и развития культуры в организации.

В каждой сфере возникают трудности с коллективом. В продажах важны люди и отношения. Когда среди самих сотрудников, руководителей и подчинённых выстроены действительно настоящие дружеские отношения, то такие проблемы, как новый график работы, невыполнение плана продаж и даже заработная плата, будет всегда проще решить.

Однако текучесть кадров постоянно вносит свои коррективы, тормозя процесс развития и укрепления культуры в организации. Когда кол-

лектив постоянно меняется, то отношения становятся всё тоньше и тоньше. Для развития культуры нужно время и надежные преданные сотрудники. Используя вышеперечисленные мероприятия, руководитель должен стремиться в первую очередь к слаженным отношениям в коллективе. Это один из главных шагов к успешным продажам.

1. *Иванова Т. Б., Журавлёва Е. А.* Корпоративная культура и эффективность предприятия : моногр. М. : РУДН, 2011.
2. *Минаева И. В.* Формирование и развитие организационной культуры крупного торгового предприятия : автореф. дис. … канд. экон. наук / С.-Петерб. торгово-экономич. ин-т. СПб., 2006. 20 с.
3. Неблагоприятный психологический климат в коллективе — веская причина для увольнения // Superjob.ru: исследовательский центр рекрутингового портала. 2010. 15 янв. URL: http://www.superjob.ru/community/kollektiv/41084 (дата обращения: 15.03.2016).
4. *Шей Т.* Доставляя счастье. От нуля до миллиарда: история создания выдающейся компании из первых уст : пер. с англ. С. Филина. 4-е изд. М. : Манн, Иванов, Фербер, 2013.

К. А. Мызрова, М. В. Артамонова, И. В. Буянкина, С. В. Мартынов

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИНДУСТРИИ СПОРТА

Одной из современных форм интеграции науки, бизнеса и власти является государственно-частное партнерство. В статье авторы раскрывают особенности реализации проектов государственно-частного партнерства на примере Приволжского федерального округа, в частности Ульяновской области. Для развития государственно-частного партнерства в Приволжском федеральном округе необходима работа в трех основных направлениях: институциональная среда, опыт реализации проектов, инвестиционная привлекательность.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, индустрия спорта, факторы развития государственно-частного партнерства, институциональная среда, реализация проектов, инвестиционная привлекательность.

K. A. Myzrova, M. V. Artamonova, I. V. Buyankina, S. V. Martynov

IMPLEMENTATION OF PROJECTS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN SPORTS INDUSTRY

Public-private partnership is one of the modern forms of integration of science, business and government. The authors reveal the features of projects concerning the public-private partnership on the example of the Volga Federal District, the Ulyanovsk region in particular. To develop public-private partnership in the Volga Federal District it is necessary to work in three main areas: institutional environment, experience in implementing projects, investment attractiveness.

Key words: public-private partnership, sports industry, factors of development of public-private partnership, institutional environment, implementation of projects, investment attractiveness.

В последние годы в России заметно расширились масштабы и формы взаимодействия государства и бизнеса, в частности, в развитии индустрии спорта. Государство пришло к пониманию того, что активное участие бизнеса в ней необходимо. Именно поэтому мы наблюдаем рост количества масштабных проектов, где государство и бизнес объединяют свои усилия и ресурсы для повышения качества и обеспечения предоставляемых услуг населению, а также решения различных задач на взаимовыгодных условиях в данной сфере.

Одной из наиболее востребованных форм интеграции науки, бизнеса и власти является государственно-частное партнерство (ГЧП), которое в настоящий момент завоевывает огромный интерес у публичных органов, отечественных и иностранных компаний, финансирующих и экспертных организаций.

Государственно-частное партнерство в широком аспекте является «правовым механизмом согласования интересов и обеспечения равноправия государства и бизнеса в рамках реализации экономических проектов, направленных на достижение целей государственного управления» [1]. Однако стоит отметить, что «определение стало бы более корректным, если бы не содержало указаний на «равноправие» государства и бизнеса, поскольку равноправие сторон в контрактах ГЧП является небезусловным и неоднозначно трактуется в законодательстве и судебной практике различных стран» [3].

Несмотря на обеспечение государством поддержки в сфере физической культуры и спорта страны, она является несвоевременной и недостаточной; чтобы это разрешить, государство начинает сотрудничать с бизнесом на основе ГЧП.

В России применение ГЧП-механизмов пока сводится к строительству, модернизации и эксплуатации объектов спортивной инфраструктуры. Широкое распространение при реализации ГЧП-проектов в спорте получила схема концессионного соглашения, которая применялась почти во всех реализованных на данный момент проектах [5].

Преимущества данной формы — разделение рисков и высокий уровень частных вложе-

ний. Рассматривая реализацию проектов ГЧП на российском рынке, можно выделить особенность — использование ГЧП для развития спорта высших достижений, т. е. для улучшения позиций России на мировом уровне. Об этом говорит использование партнерской системы на Олимпийских играх в Сочи, а также в Лондоне — официальные партнеры, поставщики и лицензиаты. Достойное проведение спортивных мероприятий такого масштаба невозможно без участия обеих сторон в финансировании и организации.

Для нас интерес представляет уровень развития ГЧП в индустрии спорта на примере Приволжского федерального округа (ПФО) и находящейся в его составе Ульяновской области (УО).

Для определения уровня развития ГЧП в индустрии спорта в ПФО необходимо провести анализ основных факторов, определяющих такое развитие, а именно: развитость институциональной среды в сфере ГЧП; опыт реализации проектов ГЧП в социальной сфере, в которую входит индустрия спорта; инвестиционная привлекательность ПФО.

Проанализировав «Рейтинг регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства» 2015 года, подготовленный Министерством экономического развития Российской Федерации и Центром развития государственно-частного партнерства при поддержке Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, получаем выводы по интересующим основным факторам развития ГЧП в ПФО:

1. Институциональная среда.

Во всех субъектах ПФО принят региональный закон об их участии в ГЧП [4]. Эксперты оценивают региональные законодательства субъектов ПФО как неэффективные (без понижающего коэффициента). Качество нормативно-правовых актов Республики Башкортостан и Самарской области, устанавливающих порядок работы с проектами ГЧП, является высоким.

Для увеличения реализации интересных и важных проектов в УО приняты все базовые решения по созданию институциональной среды для развития ГЧП, что позволит привлечь инвесторов, так как отношения являются юридически оформленными, в них — объединение интересов как частной стороны, так и публичной, они могут инициироваться частным лицом наравне с государственной инициативой. Эти отношения являются срочными, в которых время имеет принципиальное значение. Еще одна сторона нового закона, принятого в Ульяновской области, заключается в том, что частный партнер получает дополнительные гарантии. Таким образом, если до сих пор объект договорного соглашения всегда оставался в собственности государства или муниципалитета, то со вступлением в силу закона о ГЧП частник имеет право получить объект, в который он вложил деньги, в собственность, если объем его инвестиций превышает первоначальную стоимость объекта и объем вложений государства [3].

2. Опыт реализации проектов.

Успешными и качественными концессионными проектами в социальной сфере известна Самарская область.

В Ульяновской области создано специализированное структурное подразделение АО «Корпорация развития Ульяновской области». Корпорация, согласно Распоряжению Правительства Ульяновской области № 387-пр от 9 июля 2015 года, является организацией, уполномоченной в сфере государственно-частного партнерства. Деятельность корпорации направлена на разработку стратегии развития УО до 2030 года в части применения механизмов государственно-частного партнерства; структурирование, разработку, помощь и координацию в реализации проектов, формирование единого регионального информационного центра в сфере ГЧП; привлечение инвестиций и сопровождение инвестиционной деятельности с потенциальными частными партнерами, заинтересованными в реализации проектов в форме.

Ярким примером стал проект ГЧП Ледового дворца «Волга-Спорт-Арена» в Ульяновской области, который признан лучшим в России в 2014 году. Эксперты журнала «Рынок ценных бумаг» присудили премию Investor Awards ульяновскому проекту по созданию спортивных комплексов.

Дворец спорта располагает уникальными возможностями для организации и проведения самых различных мероприятий. Так, в январе-феврале 2016 года был успешно проведен Чемпионат мира по хоккею с мячом.

В 2015 году регион сделал существенный скачок и занял 12 место в федеральном рейтинге развития ГЧП за 2014 год, поднявшись сразу на 60 позиций. Опыт региона по предупреждению рисков при реализации государственно-частного партнерства включен в методические рекомендации для субъектов страны.

3. Инвестиционная привлекательность.

В 2015 году ПФО по количеству частных инвестиций занимает 4 место (23 145 586 тыс. руб. частных инвестиций) среди других федеральных

округов России, а именно среди Центрального федерального округа (102 325 366 тыс. руб.), Северно-Западного федерального округа (4 076 831 тыс. руб.), Уральского федерального округа (5 607 657 тыс. руб.), Дальневосточного федерального округа (4 686 707 тыс. руб.), Южного федерального округа (30 618 740 тыс. руб.), Северо-Кавказского федерального округа (655 460 тыс. руб.), Сибирского федерального округа (29 793 678 тыс. руб.). Также уменьшилось значение инвестиционной привлекательности Республики Татарстан, входящей в состав ПФО. Тем не менее за счет прироста в части реализации проектов и нормативно-правовой базы ей удалось сохранить свои позиции в ТОП-15 рейтинга инвестиционной привлекательности регионов. А Республика Башкортостан, напротив, повысила свою инвестиционную привлекательность по итогам 2014 года и тем самым улучшила свою позицию в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов. Показатели остальных субъектов ПФО по инвестиционной привлекательности остались на уровне 2013 года [4].

Интересно, что в 2014 году ПФО (17 проектов) был на первом месте по реализации проектов в социальной сфере, в которую входит индустрия спорта. Тогда ПФО значительно обогнал по реализации проектов СФО (10 проектов), СЗФО (8 проектов), ЦФО (7 проектов), УФО (6 проектов), ЮФО (5 проектов), СКФО (3 проекта), ДВФО (-) [4].

В Нижегородской области разработан наиболее богатый опыт привлечения частных денег в создание спортивной инфраструктуры. Три физкультурно-оздоровительных комплекса (ФОК) в Павловском, Лукояновском и Краснобаковском районах построены в рамках концессионных соглашений (когда частный партнер обязуется профинансировать, построить, оснастить оборудованием данные спортивные сооружения) между Нижегородской областью и ЗАО «Волга-Спорт», чьей «материнской» компанией является УК «Лидер». Стоимость каждого ФОКа составила порядка 500 млн рублей. Их строительство продолжалось около года. По истечении десятилетнего периода объекты будут переданы области, а до этого момента хозяйственную деятельность на них будет осуществлять частный партнёр.

Проведенное исследование о реализации проектов в индустрии спорта свидетельствует о том, что в России существуют значительные перспективы для применения механизмов ГЧП. Для ускорения данного процесса необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу. Важно повышать эффективность региональных законодательств всех субъектов данного федерального округа. Следуя примерам Республики Башкортостан и Самарской области, у которых качество нормативно-правовых актов является высоким, всем субъектам ПФО необходимо повышать у себя данный показатель.

Несомненную пользу принесет расширение применения новых схем ГЧП, в частности контрактов жизненного цикла. Также приветствуется инициатива частных лиц.

Стоит ожидать значительного роста количества спортивных объектов, построенных с использованием механизмов ГЧП в свете предстоящего чемпионата мира по футболу, который пройдет в России в 2018 году.

1. *Вилисов М. В.* Государственно-частное партнерство: политико-правовой аспект // Власть. 2006. № 7.
2. Деловое обозрение. ГЧП. Механизмы реальные и мнимые. URL: http://www.uldelo.ru/stuff/gchp-mekhanizmy-realnye-i-mnimye.
3. Государственно-частное партнерство. Теория и практика. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. URL: http://www.hse.ru/data/2010/04/22/1216643253/978-5-7598-0707-0.pdf (дата обращения: 10.12.2015).
4. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах РФ. Рейтинг регионов ГЧП-2014. URL: http://www.pppi.ru/sites/all/themes/pppi/img/ratingreg2014.pdf (дата обращения: 23.01.2015).
5. *Сорокин А.* Инвестиции в чемпионов // Российская газета. URL: http://www.rg.ru/2012/07/03/sports.html (дата обращения: 11.12.2015).

В. П. Смолькин, Т. А. Чертушкина

ПОДХОДЫ К РАСЧЕТУ ВЕЛИЧИН ГОСУДАРСТВЕННЫХ НОРМАТИВОВ НА ОДНОГО РЕБЕНКА С ОВЗ (ПО РАЗНЫМ НОЗОЛОГИЯМ)

В статье приводится обзор данных государственной статистики по количеству детей с ограниченными возможностями здоровья и предлагаются подходы к расчету величин государственных нормативов на одного ребенка с ОВЗ (по разным нозологиям) по имеющимся региональным нормативным правовым документам и методикам финансирования детей с ограниченными возможностями здоровья ОВЗ (по разным нозологиям).

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, инвалидность, государственные нормативы, ОВЗ (по разным нозологиям), обучающийся, фонд оплаты труда.

V. P. Smolkin, T. A. Chertushkina

APPROACHES TO CALCULATION THE AMOUNT OF STATE STANDARDS PER ONE CHILD WITH HEALTH LIMITATIONS (ACCORDING TO DIFFERENT NOSOLOGIES)

The article overviews the national statistics on the number of children with disabilities. It suggests the approaches to the calculation the state standards amount per one child with health limitations (according to different nosologies) on the basis of available regional legal documents and methods of funding the children with disabilities (according to different nosologies).

Key words: children with disabilities, disability, national regulations, health limitations (according to different nosologies), student, salary fund.

По данным Федеральной службы государственной статистики, количество детей с ограниченными возможностями в России за последние пять лет выросло на 9,2 %. Согласно статистическим данным, в 2010 году было 495,33 тыс. детей-инвалидов. В 2011 году произошло увеличение до 505,2 тыс. детей, в 2012 году рост продолжился — 510,9 тыс. В 2013 году число достигло 521,6 тыс. человек, а в 2014 году — 540,8 тыс. [1, 2].

В зависимости от степени расстройства функций организма лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид».

К категории детей-инвалидов, в соответствии с действующим в Российской Федерации законодательством, относятся дети до 18 лет, имеющие значительные ограничения жизнедеятельности, приводящие к социальной дезадаптации вследствие нарушений развития и роста ребёнка, способностей к самообслуживанию, передвижению, ориентации, контроля за своим поведением, обучения, общения, трудовой деятельности в будущем, статус которых установлен учреждениями медико-социальной экспертизы.

Образование детей с ограниченными возможностями осуществляется в специализированных школах, которые классифицируются по следующим видам:

I вид — школы для глухих детей;

II вид — школы для слабослышащих детей;

III вид — школы для слепых детей;

IV вид — школы для слабовидящих детей;

V вид — школы для детей с речевыми расстройствами;

VI вид — школы для детей с отклонениями в опорно-двигательном аппарате;

VII вид — школы для детей с задержкой психического развития;

VIII вид — школы для умственно отсталых детей.

Обучение детей-инвалидов в перечисленных типах образовательных организаций осуществляется по специальным программам с использованием специализированного материально-технического обеспечения образовательного процесса.

Пункт 4 статьи 79 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» регламентирует организацию получения образования детей с ОВЗ: «Образование обу-

чающихся с ограниченными возможностями здоровья может быть организовано как совместно с другими обучающимися, так и в отдельных классах, группах или в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность» [5].

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы [3] предусмотрены следующие меры в сфере образования детей с ограниченными возможностями:

— законодательное закрепление обеспечения равного доступа детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья к качественному образованию всех уровней, гарантированной реализации их права на инклюзивное образование по месту жительства, а также соблюдения права родителей на выбор образовательной организации и формы обучения для ребёнка;

— нормативно-правовое регулирование порядка финансирования расходов, необходимых для адресной поддержки инклюзивного обучения и социального обеспечения детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья;

— внедрение эффективного механизма борьбы с дискриминацией в сфере образования для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья в случае нарушения их права на инклюзивное образование.

Статьей 79 закона «Об образовании в РФ» регламентируется организация получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья [5]. Содержание образования и условия организации обучения и воспитания определяются адаптированной образовательной программой, а для инвалидов также в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида.

Также отмечается, что общее образование обучающихся с ограниченными возможностями здоровья осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам. В таких организациях создаются специальные условия для получения образования указанными обучающимися. Под специальными условиями для получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья понимаются условия обучения, воспитания и развития таких обучающихся, включающие в себя использование специальных образовательных программ и методов обучения и воспитания, специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов, специальных технических средств обучения коллективного и индивидуального пользования, предоставление услуг ассистента (помощника), оказывающего обучающимся необходимую техническую помощь, проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий, обеспечение доступа в здания организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и другие условия, без которых невозможно или затруднено освоение образовательных программ обучающимися с ограниченными возможностями здоровья.

Людям с инвалидностями по федеральному закону о социальной помощи гарантируется помощь по разумному и соразмерному школьному образованию. В рамках этой помощи государственные структуры берут на себя оплату образования и жизнеобеспечения. Данная помощь гарантируется инвалидам, как правило, вплоть до 21 года без учета их доходов, капиталов и состояния. Лица, которые обязаны содержать инвалидов по их семейному статусу, лишь тогда привлекаются к оплате, когда их расходы на домашнее хозяйство оказываются для них сокращенными или отсутствуют.

Проведенный анализ региональных нормативных правовых документов и методик финансирования по 8 федеральным округам 87 субъектов Российской Федерации по вопросам финансирования на создание специальных условий получения образования для обучающихся с ОВЗ показал следующие результаты:

1. Всего по РФ насчитывается 72 различных официальных документа, которые регулируют нормативы финансирования на создание специальных условий получения образования для обучающихся с ОВЗ в дошкольном и общем образовании.

2. В пределах каждого субъекта РФ методики расчета разнятся по форме и содержанию, в основном представленная информация освещает размер коэффициента, который вводится в данной области финансирования.

3. Методики расчета в большинстве субъектов РФ для обучающихся с ОВЗ в дошкольном и общем образовании отдельно не выделены и представлены в нормативных документах обеспечения государственных гарантий реализации прав на получение общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования в муниципальных общеобразовательных организациях.

4. Расчет на одного обучающегося, осваивающего образовательную программу дошколь-

ного образования по разным субъектам РФ, осуществляется:

а) *Исходя из ставки заработной платы педагогического работника*, определяемой на соответствующий финансовый год. Норматив расходов на оплату труда с начислениями педагогических работников дошкольных организаций (за исключением реализации образовательных программ дошкольного образования с использованием дистанционных образовательных технологий в дошкольной образовательной организации и при организации обучения на дому) определяется с учетом:

— времени пребывания воспитанников в группе;

— количества дней работы дошкольной организации в неделю (5-дневная рабочая неделя);

— нормы часов учебной нагрузки (объем педагогической работы) педагогического работника в неделю;

— нормативной численности других педагогических работников: музыкальных руководителей, инструкторов по физической культуре, учителей-логопедов (логопедов, учителей-дефектологов), педагогов-психологов и др.;

— должностного оклада (ставка заработной платы) педагогического работника, определяемого на соответствующий финансовый год;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с уплатой страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, обязательное медицинское страхование, обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с присвоением квалификационной категории при аттестации, коэффициента увеличения фонда оплаты труда педагогических работников на величину стимулирующих выплат;

— количества месяцев в году;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с расходами на оплату пособий по временной нетрудоспособности за первые 3 дня за счет работодателя, на оплату труда лиц, заменяющих уходящих в отпуск;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда, связанного с расходами на оплату труда административно-управленческого персонала, определяемого на соответствующий финансовый год, коэффициента удорожания по местонахождению дошкольной организации (отдельно в сельском населенном пункте);

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда педагогических работников для доведения средней заработной платы педагогических работников дошкольной организации до средней заработной платы в сфере общего образования, определяемого на соответствующий финансовый год;

— коэффициента увеличения фонда оплаты труда педагогических работников, работающих с воспитанниками, нуждающимися в длительном лечении (в том числе с детьми-инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья);

— средней фактической наполняемости групп в зависимости от специализации и возраста обучающихся.

б) *Исходя из нормативных расходов на выполнение нормативного объема работ* для обучающихся воспитанников с ограниченными возможностями здоровья в специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях, определенного на соответствующий финансовый год. Указанный норматив включает в себя:

— нормативные расходы на оплату труда в части, относимой на услугу;

— нормативные расходы на прочие выплаты;

— нормативные расходы на начисления на оплату труда;

— нормативные расходы на услуги связи;

— нормативные расходы на транспортные услуги;

— нормативные расходы на оплату медицинских осмотров;

— нормативные расходы на коммунальные услуги (включая норматив затрат на холодное водоснабжение и водоотведение, норматив затрат на горячее водоснабжение, норматив затрат на отопление, норматив затрат на электроснабжение);

— нормативные расходы на приобретение продуктов для организации питания воспитанников (обучающихся);

— нормативные расходы на прочие услуги (включая расходы на найм жилого помещения при служебных командировках, расходы на установку и монтаж локальных вычислительных сетей, расходы на приобретение периодических изданий);

— нормативные расходы на приобретение предметов снабжения и расходных материалов;

— нормативные расходы на реализацию мер социальной поддержки обучающихся (воспитанников).

в) *Исходя из методики подушевого финансирования*. Нормативы финансирования рассчитываются на одного обучающегося и включают в себя:

— оплату труда работников учреждения с начислениями (фонд оплаты труда рассчитывается исходя из среднего количества часов по учебному плану, нормативной наполняемости классов, количества ставок воспитателей, дополнительных часов на внеклассную и кружковую работу, ставок медицинских работников, психологов, логопедов и прочих специалистов в зависимости от специфики работы учреждения и обучающихся);

— расходы на питание;

— расходы на мягкий и жесткий инвентарь;

— расходы на учебники, учебные пособия и пр.;

— расходы на медикаменты;

— расходы на оплату услуг Интернет;

— прочие текущие расходы.

В норматив финансирования не включаются расходы на содержание имущественного комплекса: налоги, коммунальные платежи, затраты на текущий и капитальный ремонт и пр.

г) *Исходя из определения норматива в ряде субъектов РФ в абсолютном значении* применительно к каждой категории нарушения в развитии. Так, например, Постановлением Правительства Брянской области от 30 декабря 2013 года № 801-п установлены нормативы расходов на реализацию государственного образовательного стандарта общего образования (образовательных программ) муниципальными общеобразовательными организациями, имеющими государственную аккредитацию негосударственными общеобразовательными организациями на 2014—2016 годы. Данный норматив составляет для глухих обучающихся 40 912 тыс. руб. в сельской местности и 51 140 тыс. руб. в городской местности. Кроме того, норматив предусматривает вид и наполняемость классов. Затраты на обеспечение образовательного процесса в рамках базисного учебного плана (расходы на учебники, учебные пособия, технические средства обучения, расходные материалы и хозяйственные нужды, за исключением расходов на содержание зданий и коммунальных расходов, осуществляемых из местных бюджетов), составляют 347 рублей на 1 обучающегося. Размер нормативных расходов в год на дополнительную стоимость образовательной услуги, связанную с обеспечением круглосуточного пребывания (проживания) обучающихся в лицеях, гимназиях, центрах образования, также установлен и составляет 100 000 рублей на 1 обучающегося.

5. Дифференцированное финансирование образования детей с ограниченными возможностями здоровья в зависимости от категории нарушений в развитии (глухие, слабослышащие, слепые, слабовидящие, с тяжелыми нарушениями речи, с нарушениями опорно-двигательного аппарата, с умственной отсталостью, с расстройствами аутистического спектра (РАС), со множественными нарушениями развития) осуществляется в 66 субъектах РФ. Финансирование образования детей с ОВЗ без дифференциации по категориям проходит в 15 субъектах РФ (Ивановская, Тверская, Вологодская, Иркутская, Новосибирская, Курганская, Свердловская, Тюменская, Нижегородская области, Краснодарский край, Забайкальский край, Ставропольский край, Еврейская АО, Чукотский АО, Ханты-Мансийский автономный округ). В 6 субъектах РФ осуществляется финансирование по фактическому состоянию образовательных организаций (Белгородская, Ивановская, Астраханская, Магаданская, Тюменская, Нижегородская области).

6. В отдельных субъектах финансово не обеспечивается создание специальных условий для детей с ОВЗ дошкольного возраста. Это 12 субъектов РФ (Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Брянская, Рязанская, Саратовская области, Республика Ингушетия, Республика Тыва, Чеченская Республика, Республика Крым, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Ненецкий АО). В ряде субъектов осуществляется финансирование не всех категорий детей. Например, финансирование образования детей с расстройствами аутистического спектра и детей со сложной структурой дефекта осуществляют только 29 субъектов (Рязанская, Тульская, Новосибирская, Самарская, Нижегородская, Челябинская, Курганская, Свердловская, Омская, Иркутская, Магаданская, Псковская, Калининградская, Вологодская, Ивановская, Костромская, Ростовская, Волгоградская, Тамбовская, Воронежская области, Краснодарский край, Ставропольский край, Приморский край, Хабаровский край, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Чукотский автономный округ, Чувашская Республика — Чувашия, Республика Хакасия). В 17 субъектах РФ не финансируется создание образовательных условий от двух до восьми категорий нарушений в развитии у детей. Например, Республика Бурятия не финансирует категорию детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, детей

с расстройствами аутистического спектра и детей со сложной структурой дефекта, а Курская область не финансирует такие категории детей, как слепые, слабовидящие, глухие, слабослышащие, детей с тяжелыми нарушениями речи, умственно отсталых, детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и детей со сложной структурой дефекта. Большинство регионов определяет стоимость затрат на создание специальных образовательных условий для детей с ОВЗ в отдельных группах, классах и образовательных организациях, реализующих адаптированные основные общеобразовательные программы. И только два субъекта РФ (Мурманская и Архангельская области) финансируют создание специальных образовательных условий для детей с ОВЗ в инклюзивном образовании. При этом в Архангельской области финансируются только дети с инвалидностью.

Детальный обзор и анализ применяемых методик расчета нормативов и поправочных коэффициентов по таким субъектам РФ, как Волгоградская область, Курганская область, Мурманская область, Оренбургская область, Ульяновская область, Челябинская область, Ярославская область, показал, что методики расчета разнятся по форме, но близки по содержанию.

1. В России за пять лет число детей-инвалидов выросло на 9,2 %. URL: http://www.aif.ru/health/children/v_rossii_za_poslednie_pyat_let_chislo_detey-invalidov_vyroslo_na_9_2.
2. Положение инвалидов / Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities.
3. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы».
4. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об образовании в Российской Федерации».

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. Г. Баранец

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ПОД КОНТРОЛЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье проанализирована политика советской власти по отношению к гуманитарным наукам. Описаны последствия идеологического контроля в сообществе историков.

Ключевые слова: история науки, диалектико-материалистическая концепция истории, советское сообщество историков, «академическое дело».

N. G. Baranets

HISTORICAL SCIENCE UNDER THE CONTROL OF SOVIET POWER

The article analyzes the policy of the Soviet power in relation to the humanities. It also describes the consequences of ideological control in the community of historians.

Key words: history of science, dialectical- materialistic conception of history, Soviet community of historians, "academic case".

Февральская и октябрьская революции 1917 года привели к смене не только правящего режима, но и всей системы общественной жизни. Годы гражданской войны (1918—1920) были мучительны для всего населения и для ученых-гуманитариев в особенности. Не имевшие практической пользы в глазах новой власти, они не могли рассчитывать на её поддержку и побочные заработки. От голода, холода и болезней погибли выдающиеся учёные-академики — филолог и историк А. А. Шахматов (1864—1920), историк Б. А. Тураев (1868—1920), историк А. С. Лаппо-Данилевский (1863—1919), кристаллограф, минералог Е. С. Фёдоров (1853—1919), профессора — ботаник Х. Я. Гоби (1847—1919), геолог А. А. Иностранцев (1843—1919), зоолог В. Л. Бианки (1857—1920) и т. д.

К 1921 году политика «военного коммунизма» и гражданская война привели страну к острому политическому и экономическому кризису. Экономическая разруха, политические выступления заставили советское руководство провести серию реформ. Были расформированы трудовые армии, распущены продотряды как составные элементы «военного коммунизма». Была осуществлена некоторая денационализация предприятий. Мелкие промышленные предприятия, часть средних были возвращены в собственность или сданы в аренду частным лицам и кооперативам. Принятие нэпа благоприятно сказалось на политическом и экономическом положении страны. Политическая ситуация стабилизировалась, прекратились мятежи и восстания. В экономике тоже наблюдалось оживление, восстанавливалось производство. Потребительский рынок наполнился, было покончено с голодом, улучшилась жизнь людей. Концентрация экономики в руках государства, рост централизации в управлении вели к укреплению политической власти.

В экономике произошла либерализация, но в политической области её не было. Разрешение рынка и частного предпринимательства председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин (1870—1924) рассматривал как тактический ход, временное вынужденное отступление, форму перехода к социализму. Он возражал против политической либерализации, против деятельности социалистических партий и свободной прессы. В феврале 1922 года В. И. Ленин запросил, на основании каких законов и правил зарегистрированы в Москве частные издательства, какова их гражданская ответственность. В результате были предприняты шаги,

которые к середине 20-х годов привели к установлению государственной монополии на средства массовой информации, введению цензуры и жесткого идеологического контроля. При нэпе были ликвидированы остатки социалистических партий и групп. По инициативе В. И. Ленина в августе 1922 года XII Всероссийская конференция РКП(б) приняла резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях», где все партии, кроме РКП(б), объявлялись «антисоветскими» и тем самым были поставлены вне закона. Еще весной 1922 года среди меньшевиков были проведены массовые аресты, часть из них были посажены в тюрьмы, часть сосланы на Восток, часть высланы за границу. В июне 1922 года состоялся показательный процесс над видными эсерами, обвиненными в контрреволюционной деятельности.

В этой ситуации советское правительство должно было взять под наблюдение интеллигенцию, чтобы ликвидировать её глухую оппозицию. Были предприняты меры для снижения вредного воздействия чуждой идеологии: закрыты некоторые частные журналы и издательства, распущены философские общества при университетах. Именно «старая интеллигенция» рассматривалась как основное препятствие большевизации общества. 14 декабря 1922 года ЦК РКП(б) издал циркуляр «О работе парторганизаций в вузах и рабфаках», в котором было определено значение высшей школы и пути организации её контроля: *«…значение высшей школы на боевом в настоящее время фронте огромно. Её задачи — дать стране в кратчайшее время красных специалистов по всем отраслям государственного строительства… Партия ныне должна сделать следующий шаг в завоевании высшей школы, в которой до сих пор господствуют еще буржуазный учёный и буржуазная идеология, нередко переходящая даже к прямому наступлению на основы научного марксистского мировоззрения». В качестве первоочередных задач определялось: «Принять активное участие в кампании по проведению нового устава вузов через комячейки студентов и комфракции преподавателей… Принимать, действуя на основе устава вузов, через местные и профсоюзные органы. Активное участие в подборе руководящего состава вузов и рабфаков — их правлений, советов и факультетов»* [1].

Представителей технической интеллигенции решено было использовать, и тех, кто согласился сотрудничать с советской властью, приняли на работу. Гуманитарная интеллигенция вызывала большие подозрения, с ней работа велась в двух направлениях: с одной стороны, тех, кто выразил активное несогласие с политикой советской власти, репрессировали и высылали за границу; с другой — в связи с острой необходимостью распространения идей новой власти были предприняты усилия по созданию новой классово-сознательной гуманитарной интеллигенции.

От старых профессоров, которым разрешено было остаться преподавать по рекомендации В. И. Ленина, требовали знания марксистской литературы и сдачи специального марксистского экзамена. *«Само собой разумеется, что эта картина профессора, переучивающегося «говорить по-марксистски», показалась нам неслыханным и совершенно нереальным новшеством. К осуществлению этого лозунга мы подошли позже всего и только недавно ввели обязательный экзамен по марксизму для лиц, претендующих занять кафедру в наших ФОНах. Ожидали больших затруднений — не встретили никаких. Экзамены держат даже с удовольствием. А некоторые (и даже из очень старых!) вдруг открыли, что они всегда были марксистами»* [2].

Целью власти было добиться трансформации политической и философской позиции представителей высшей школы, что в принципе почти удалось, так как стабилизация внешней и внутренней жизни страны, наличие свободы дискуссий в рамках марксистской парадигмы создавали благоприятный фон. Представители «старой» школы соглашались идти на компромисс и высказывали внешнюю симпатию к марксизму. Им не доверяли преподавание, но не запрещали заниматься исследовательской деятельностью. В 20-е годы было создано множество гуманитарных институтов и комиссий (в 1921 году было создано несколько археографических комиссий при Академии наук, в 1926 году создана Русско-византийская историко-словарная комиссия, в 1928 году — Институт изучения буддийской культуры). Но к началу 30-х годов они были либо закрыты, либо реорганизованы под контролем идеологически подготовленных историков нового поколения.

Для подготовки кадров в 1918 году была создана Коммунистическая академия, в 1919 году — Коммунистический университет имени Свердлова, в 1921 году был образован Институт Красной профессуры (ИКП). Но эти учреждения не могли решить задачу, так как прием в них был жестко лимитирован по классовому принципу. Преобразовывались старые университетские центры: в 1919 году по решению Советского правительства в МГУ, СПбГУ, КазГУ создаются факультеты общественных наук (ФОН), на

которых преподавались все гуманитарные дисциплины. Декретом Совнаркома от 4 марта 1921 года было введено обязательное преподавание минимума по общественным дисциплинам, в качестве базового в него входил курс исторического материализма. Переломным для учёных-гуманитариев стал 1923 год, когда были ужесточены требования к научным сотрудникам второго разряда. Весной 1924 года был утвержден список обязательной марксистской литературы, знание которой было необходимо.

Новая власть создавала новые научные учреждения, в том числе научно-исторические центры: в 1919 году в Ленинграде была учреждена Государственная академия истории материальной культуры, в 1921 в Москве основан Институт истории (в его состав входили не только марксисты, но и старая университетская профессура). В 1926 году при Коммунистической академии организовали Общество историков-марксистов, которое выпускало журнал «Историк-марксист». История стала исследоваться исключительно на основании принципов диалектического материализма, в социально-экономическом ключе, на основании формационного подхода, контуры которого постоянно уточнялись во все более идеологизированных дискуссиях. Центр исследовательской деятельности сотрудников исторических институтов переориентировали на изучение новейшей истории Запада и России.

Качество подготовки историков как специалистов катастрофически падало. Получивший распространение «лабораторно-бригадный» метод обучения, прекращение чтения систематических лекционных курсов, отмена экзаменационных сессий, уход из университета квалифицированных специалистов пагубно сказались на подготовке студентов. В 1926 году, выступая на методической конференции, одна из преподавательниц заявила: *«Если мы сделаем опрос наших историков, то мы увидим, что мы больше понимаем историю, чем знаем её. А понимаем мы её, потому что учили Ленина, а не Милюкова, Ключевского и еще целый ряд историков»* [3].

Главной задачей факультетов общественных наук (ФОНов) была подготовка идеологических кадров, которые смогут распространять марксистские идеи. Сокращались предметы и объем часов, отводимый на всеобщую и отечественную историю. Ю. Ларин, один из идеологов, в 1924 году писал: *«Возьмем преподавание истории… Полагается сейчас более или менее знать первобытную историю, древнюю историю, среднюю историю, новую историю, новейшую историю. Что если от каменного и металлического «доисторического» человека, познакомив вкратце с логикой возникновения товарного хозяйства, с его надстройкой, перейти прямо к истории последних десятилетий?»*. Предлагалось упростить преподавание, исключив ненужную информацию: *«Представим себе, что «от Рождества Христова» прошло не две тысячи лет, а еще двадцать тысяч лет. Неужто и тогда все еще учить об Олеге, Иване Калите и «Соборном уложении царя Алексея»* [4]. Этот подход также распространялся на подготовку специалистов-историков. В 1927 году в журнале «Историк-марксист» было написано, что история развития общественных форм исследует этапы, общие всем народам, независимо от некоторых характерных отличий. В ходе исторического развития каждого из этих народов есть общие черты, поэтому достаточно изучить историю одной страны [5].

Лидер советской исторической науки М. Н. Покровский, определяя задачи института истории при Комакадемии в 1929 году (предварительно ликвидировав институт истории РАНИОН, в котором еще работали ученые, получившие подготовку до революции), сказал: *«Ни западной истории, ни русской истории, ни древней истории, ни средней истории, ни новой истории, ни новейшей истории — ничего нет! …Мы решили таким образом организовать нашу работу в Институте, чтобы она была сосредоточена около основных нескольких крупнейших исторических проблем»* [6]. Имелись в виду история империализма, история эпохи промышленного капитала, история пролетариата в СССР. В результате произошло насаждение узкой специализации историков [7].

Осенью 1928 года состоялось совещание историков и пропагандистов, организованное по инициативе Агитпропа ЦК и принявшее решение покончить с плюрализмом, который еще был на «историческом фронте». М. Н. Покровский выступил за расформирование РАНИОН, который был местом, где сохранялись старые кадры. В 1929 году генеральный секретарь ВКП(б) И. В. Сталин (1878—1953), выступая перед аграрниками-марксистами, призвал ликвидировать разрыв между теорией и практикой, что предполагало уничтожение разнообразия.

На период 1929—1932 годов приходится несколько компаний, направленных против исторического сообщества. В 1929 году началось «Академическое дело», по которому преимущественно проходили историки, этнографы и краеведы. Академика С. Ф. Платонова обвиняли в создании мифического «Всенародного союза

борьбы за возрождение свободной России». По делу, кроме него, были арестованы академики-историки Е. В. Тарле (1874—1955), Н. П. Лихачев (1862—1936), М. К. Любавский (1860—1936); члены-корреспонденты С. В. Рождественский (1868—1934), В. Н. Бенешевич (1874—1938), А. И. Яковлев (1878—1951); профессора А. И. Андреев (1887—1959), Ю. В. Готье (1873—1943), С. В. Бахрушин (1882—1950). В подготовке восстания, связи с иностранными разведками, создании нелегальных кружков обвиняли известных историков С. К. Богоявленского (1871—1947), Б. А. Романова (1889—1957), П. Г. Васенко (1874—1934), В. Г. Дружинина (1859—1937), М. Д. Присёлкова (1881—1941) и др. [8].

В июле 1930 года после XVI съезда ВКП(б), на котором И. В. Сталин и первый секретарь московского комитета ВКП(б) Л. М. Каганович (1893—1991) выступили за исправление линии в национальном вопросе и борьбе с национализмом, началась борьба с великодержавными тенденциями в исторической литературе. В великодержавном национализме обвиняли С. Ф. Платонова, М. К. Любавского, С. В. Бахрушина, В. В. Бартольда. К началу 30-х годов завершился разгром традиции отечественной исторической науки. Большинство старых учёных были вытеснены с профессионального поля, кроме тех, кто принял марксизм и ту проблематику, которая была продиктована партийными функционерами. Была навязана жёсткая схема понимания исторического процесса (исторический материализм), никаких методологических и философско-исторических поисков проводить не было возможности. Сфера деятельности историков была ориентирована на сбор фактов (краеведение, палеография, источниковедение[1]); чем уже была тема, тем меньше внимания она могла привлечь и обеспечивала исследователю отсутствие внимания к своей персоне.

1. КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 300—331.
2. *Покровский М. Н.* Чем был Ленин для нашей высшей школы // Правда. 1924. 27 янв.
3. Цит. по: *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 154.
4. *Ларин Ю.* Советы и интеллигенция. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М. [б. г.]. С. 83—84.
5. Историк-марксист. 1927. Т. 6. С. 202.
6. *Покровский М. Н.* Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 5, 8.
7. *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 148.
8. *Перченок Ф. Ф.* К истории Академии наук: снова имена и судьбы // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М. ; СПб. : Феникс, 1995. С. 141—210.

[1] Так, С. Н. Валк, Б. А. Романов, Н. М. Дружинин, С. Д. Сказкин ушли в чистое источниковедение. Медеевист И. М. Гревс стал специализироваться по истории города и занимался организацией экскурсий. Краеведение стало тихой гаванью для многих историков, занявшихся изучением истории слобод, улиц, местечек и т. п.

Н. Г. Баранец, А. Б. Верёвкин

Э. Я. КОЛЬМАН — ИДЕОЛОГ В МАТЕМАТИКЕ

В статье описана жизнь и деяния Э. Я. Кольмана — идеолога кампании по диалектизации математики 30—40-х годов в СССР. Представлена негативная роль Э. Я. Кольмана, помогавшего властям освободиться от нелояльных профессоров. Проанализированы его математические работы и концепция философии математики.

Ключевые слова: философия математики, социальная история науки, математическое сообщество в СССР, диалектико-материалистическая концепция математики, историческая память.

N. G. Baranets, A. B. Veryovkin

E. Y. KOLMAN — IDEOLOGIST IN MATHEMATICS

The article describes the life and activity of Ernest Kolman — ideologist of the mathematics dialectization campaign in the 1930—40-s in the USSR. It presents the negative role of Kolman who helped the authorities to get rid of disloyal professors. The paper analyzes his maths works and the concept of the philosophy of mathematics.

Key words: philosophy of mathematics, social history of science, mathematics community in the Soviet Union, dialectical-materialist conception of mathematics, historical memory.

Случайные обстоятельства привели Эрнеста Яромировича Кольмана (1892—1979) в Россию, и в смутные революционные годы он сделал эффектную партийную карьеру [1]. Кольман избежал угрожающих жизни испытаний в периоды репрессий, к раскручиванию которых приложил немало стараний. Похоже, что всю жизнь он стремился социально подняться, занять не своё место и выдавал себя за кого-то другого. В материальном благополучии Кольман дожил до эпохи «застоя», почтенным старцем отрёкся от кормивших его идей и скончался в гостеприимной Швеции, немного не дотянув до 90-летнего юбилея.

Недоучившийся студент[1] стал мучителем многих российских учёных, деловито совмещая

[1] Кольман Эрнест Яромирович родился в Праге в семье почтового чиновника. Короткое время учился на факультете машиностроения и электротехники Высшей политехнической школы и посещал лекции на математическом отделении философского факультета Карлова университета. Подрабатывал репетиторством математики. Увлекался танцами, сионизмом, марксизмом и путешествиями. Работал вычислителем при астрономической обсерватории. В 1914 году был призван в австрийскую армию. В России был ранен и пленён, работал переводчиком при лазарете. После Октября вошёл в Комитет военнопленных революционных социал-демократов-интернационалистов и вёл пропаганду среди военнопленных. В 1918 году получил советский паспорт, вступил в РКП(б), познакомился с Троцким, Бухариным, Землячкой и Лениным. В Москве служил в военкомате и райкоме партии, был членом «тройки» ЧК. С 1919 года работал в Коминтерне в Германии. С 1923 года работал в Агитпропе Коминтерна в Москве, был заведующим Губполитпросвета, издательства «Московский рабочий», членом Моссовета. С 1929 — заведующий Агитпропа ЦК ВКП(б). В 1930—32 гг. возглавлял Московское математическое общество. В 1932 году участвовал в Международном конгрессе математиков в Цюрихе, вошёл в дирекцию Института марксизма-ленинизма, заведовал кабинетом Маркса, стал директором Института красной профессуры естествознания, читал лекции по философским проблемам математики. В 1936 году стал завотделом науки МГК ВКП(б), издал книгу *«Предмет и метод современной математики»*. В 1937 году был репрессирован и лишён всех постов, но уже в 1939 году стал завотделом диамата Института философии АН СССР. Во время войны был на партработе в Москве. В 1944 году передан в Чехословакию в аппарат ЦК КПЧ, стал профессором Карлова университета. В 1948 году был арестован за интриги против руководства КПЧ, возвращён в СССР и содержался в московских тюрьмах. В 1952 году был освобождён и выслан в Ульяновск к семье. Вскоре вернулся в Москву, работал в Институте истории естествознания и техники АН СССР. В 1959 году опять послан в Прагу, стал чехословацким академиком. В 1962 году вернулся в Москву, участвовал в методологическом семинаре ГАИШ, написал не принятую в печать книгу *«Проблема бесконечности»*. В 1968 году сочувствовал антигосударственным выступлениям в Чехословакии. В 1970 году был в чехословацкой делегации X Международного философского конгресса в Амстердаме, начал писать мемуары *«Мы не должны были так жить»*, переправленные на Запад в 1975-м. Во время поездки в Швецию в 1976 году попросил политического убежища, вышел из КПЧ и КПСС. Умер в Стокгольме.

партработу с преподаванием и участием в идеологических кампаниях. В 1930—32 гг. ему выпало возглавлять Московское математическое общество. Он руководил Институтом красной профессуры естествознания с 1932 года до закрытия заведения в 1936 году. В 1934 году Кольман получил степень доктора философских наук, затем звание профессора математики. В 1939 году стал старшим научным сотрудником в Институте философии АН, завотделом диалектического материализма, преподавал логику в московском юридическом институте и в педагогическом институте, вёл математические курсы в Энергетическом институте им. Молотова. Войдя в партийную номенклатуру, Кольман легко менял места работы, не удаляясь от структур, связанных с управлением наукой и образованием.

Было бы несправедливо утверждать, что Кольман не имел математических работ. Одну из них хранит российский ресурс Math-Net.Ru [1]. Статья по элементарной комбинаторной топологии вышла в престижном журнале Московского математического общества. В ней нет библиографических ссылок, что в тот период было нормально. Упоминаний её в иных статьях обнаружить не удалось. Для неспециалиста в узкой теме исследования это усложняет оценку её полезности. Первый параграф отдан определениям, но сформулированы они нематематически расплывчато, иллюстрации отсутствуют. Поэтому неясна постановка задачи, трудно оценить степень достоверности её решения. Кольман упоминает, что применяемый им метод использовался Листингом[1]. Возможно, точные определения есть в одной из его неназванных работ, но этот вопрос заслуживает отдельного изучения. Вторую математическую работу Кольмана понять легче, тем более что в ней отсутствуют какие-либо формулы и теоремы [2]. Статья представлена к публикации академиком Лысенко и направлена на опровержение известной работы [3] академика А. Н. Колмогорова[2]. Для скорого достижения цели Кольман с ходу заявляет, что Колмогоров *«в значительной мере следует выводам Мизеса»*. Затем он приводит ряд выдержек, которых *«более чем достаточно, чтобы убедиться в том, что Мизес — махист «чистой линии» и что высказываемые им взгляды на отношение теории к действительности слово в слово совпадают с теми, которые разгромил Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Следовать методологическим взглядам Мизеса не только в значительной, но и в какой бы то ни было мере никому рекомендовать нельзя».*

Отметим, что в работе Колмогорова Рихард Мизес не упоминается. В этом не было необходимости. Колмогоров имел достаточную базу собственных разработок по теории вероятностей, чтобы заимствовать их у немецкого учёного, так и не завершившего свои статистические и вероятностные исследования. Кольман ввёл Мизеса вспомогательной фигурой, позволившей перевести обсуждение от вопросов статистических или биологических, в которых Кольман не разбирался, к истолкованиям мнений Ленина и Энгельса по надуманным поводам, в чём Кольман считал себя мастером. Этот приём из набора картёжных шулеров характеризует методологические принципы научной дискуссии многих «материалистов-диалектиков». Далее Кольман развивает свою гипотезу об идейной подчинённости Колмогорова махисту Мизесу: *«Вполне понятно, что тот, кто вместе с Мизесом полагает, будто теория вероятностей есть теория, проверяемая только законами мышления, кто считает, что научная теория играет по отношению к действительности (называемой махистами миром «опыта») роль одного лишь описания, не в состоянии правильно поставить, а тем более решить вопрос*

---

[1] Листинг Иоганн Бенедикт (1808—1882) — немецкий математик и физик, геттингенский профессор с 1847 года. Заложил начала топологии и первым употребил этот термин.

[2] Колмогоров Андрей Николаевич (1903—1987) — выдающийся советский математик, академик, один из лидеров Московской математической школы. В 1922 году построил ряд Фурье, расходящийся почти всюду. Эта работа принесла ему мировую известность. Первые публикации Колмогорова были посвящены проблемам дескриптивной и метрической теории функций. Не принадлежа ни одному из направлений, участвовал в дискуссиях между формально-аксиоматическим течением Гильберта и интуиционистским Брауэра и Вейля. В 1925 году доказал, что классическая логика погружается в интуиционистскую, и поэтому интуиционизм наследует все возможные противоречия формализма и в этом отношении не имеет никаких преимуществ. Внёс существенный вклад в теорию функций, теорию вероятностей, теорию стационарных случайных процессов, теорию гамильтоновых систем и другие области математики. Построил свою версию аксиоматического обоснования теории вероятностей (1933). В 1930 году стал профессором МГУ, в 1933—39 гг. был ректором Института математики и механики МГУ, многие годы руководил кафедрой теории вероятностей и лабораторией статистических методов. В 1935 году получил степень доктора физико-математических наук, в 1939 году был избран членом АН СССР. В 1941 году Колмогорову и Хинчину за работы по теории вероятностей была присуждена Государственная (Сталинская) премия. Был президентом Московского математического общества (1964—1966, 1973—1985).

о границах применимости теории вероятностей, о границах её познавательного значения для отдельной науки, например, для биологии».

Мнимое разоблачение ошибки Колмогорова вскоре завершается: *«Таким образом, резюмируя, необходимо ещё раз подчеркнуть, что поскольку менделевские законы являются законами биологическими, никакое статистико-математическое доказательство (или опровержение) дать им невозможно. Доказать или опровергнуть закон Менделя как биологическую универсальную закономерность можно только на почве самой биологии, не отбрасывая громадный накопленный цитологический, гистологический, биохимический материал, материал по механике развития и т. д., а критически перерабатывая его, не боясь затронуть самые основы генетики, если этого требуют упрямые факты. Извлечённый из определенной группы случаев наследования менделевский закон расщепления признаков является лишь статистическим правилом, а не универсальным биологическим законом, причем правилом, получение которого существенным образом может зависеть от выбранной нами классификации рассматриваемых признаков. Наконец, нельзя забывать, что статистика в применении к биологии должна занимать лишь подчинённое место. Как этому учит Энгельс и Ленин, чем выше изучаемая форма движения, тем труднее применение к ней математического метода, тем менее эффективным для познания действительности он оказывается. Пытаться по всем этим причинам статистико-математически подтверждать или опровергать менделевские законы явно безнадежно».*

Мнимый ревнитель пролетарской истины Кольман специализировался в огульных нападках на известных учёных. Он регулярно запускал обвинительные статьи в партийные газеты и журналы. Так, в статье с доносным заголовком *«Вредительство в науке»* он зацепил О. Ю. Шмидта[1]: *«Математической мистификации науки вредителями значительную услугу оказывают появляющиеся порою из наших собственных рядов попытки ненаучного, антимарксистского применения математического метода. Так, например, пытаются всерьёз вывести закон развития производительных сил САСШ тем, что отождествляют производительные силы с техникой, мерилом прогресса которой принимают количество запатентованных изобретений, на основании чего математически выводят зависимость между «техникой» и временем, выводят законы движения индекса цен, зарплаты, нормы прибыли и т. д. Такие грубо-эмпирические упражнения, затрагивающие лишь поверхность явлений, действуют ободряюще на тех, кто «математизирует» науку с вредительской целью. Ведь каждая наша ошибка с жадностью подхватывается классовым врагом. Так, например, Н. В. Игнатьев спешит зафиксировать трогательное единство мысли главы буржуазной американской политико-экономической школы и учёного-коммуниста, не упуская в то же время случая выразить глубокую благодарность Кондратьеву, как редактору сборника, содержащего игнатьевскую статью со следующей тирадой «Количественная теория денег, находившая подтверждение и в эмпирических данных (назову здесь хотя бы работу проф. Фишера, а у нас работу О. Шмидта для периода эмиссионного хозяйства), вызывает простотой своих формулировок большой соблазн к статистической моей проверке»* [4].

---

[1] Шмидт Отто Юльевич (1891—1956) — выдающийся учёный и организатор советской науки. Окончил физмат Киевского университета в 1916 году и был оставлен работать приват-доцентом. Студентом под руководством Д. А. Граве написал первые математические работы в области абстрактной теории групп. За одну из них получил золотую медаль. В 1918 стал большевиком и активно участвовал в строительстве социалистического государства. Входил в руководство Народных Комиссариатов продовольствия, финансов, просвещения, в 1921—24 гг. возглавлял Государственное издательство, организовал первое издание Большой Советской Энциклопедии (1926—47), в 1927—30 гг. входил в Президиум Госплана. Был профессором Московского лесотехнического института (1920—1923), затем Московского университета (1923—1951), где в 1929 году организовал на мехмате кафедру Высшей алгебры, которой руководил до 1949 года. Был основателем московской алгебраической школы, автором новой космогонической гипотезы об образовании Земли и планет Солнечной системы. В 1924—30 гг. преподавал в Коммунистической академии. Участвовал в географических исследованиях, принесших ему всемирную известность и, возможно, защитивших в репрессиях 1930-х: в 1927 году ходил в Памирскую экспедицию; в 1929, 1930, 1932, 1933, 1936 гг. возглавлял арктические экспедиции. В 1930 году был назначен директором Арктического института, в 1932 году стал начальником Главсевморпути. В 1933 году был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1935 — академиком, в 1939—42 был вице-президентом Академии наук. В 1937—49 гг. возглавлял Институт теоретической геофизики. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1937 года за руководство организацией дрейфующей станции «Северный полюс-1» О. Ю. Шмидту было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина, а после учреждения знака особого отличия ему была вручена медаль «Золотая Звезда». Правительство СССР наградило его тремя орденами Ленина (1932, 1937, 1953), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1936, 1945), орденом Красной Звезды (1934) и медалями.

Кольман громил старых профессоров и косвенно Н. Н. Лузина[1], которого обвинял в незнании диалектики и не только. Темой его выступлений была «аполитичность» Шмидта и «вредительство» Егорова[2]. Дадим ещё один пример риторики Кольмана. Напомним, что это был 1931 год — шёл первый вал сталинских репрессий и «чисток» государственных учреждений: *«Подмена большевистской политики в науке, подмена борьбы за партийность науки либерализмом тем более преступна, что носителями реакционных теорий являются маститые профессора, как махист Френкель в физике, виталист Гуревич и Берг в биологии, что Савич в психологии, Кольцов в евгенике, Вернадский в геологии, Егоров и Богомолов в математике «выводят» каждый из своей науки реакционнейшие социальные теории. Разве нехарактерно — если взять лишь события последнего месяца — что признанного вождя реакционной московской математической школы, ещё в прошлом году директора математического института, состоявшего церковным старостой, но не желавшего быть членом профсоюза, проф. Егорова московское математическое общество упорно не желало исключить из своего состава. Когда же Егоров заявил, что «не что-либо другое, а навязывание стандартного мировоззрения учёным, является подлинным вредительством», докладчик-коммунист не только сам не дал отпора, но в заключительном слове отвёл предложение сделать из выступления Егорова организационные выводы, объяснив всё «недоразумением». Такова политика некоторых коммунистов, проводимая ими в реакционнейшей профессорской среде, в среде хранителей традиций Цингера, Бугаева, Некрасова, разрабатывавших теорию вероятностей, науку о числе и анализ для доказательства незыблемости «православия, самодержавия, народности», для подкрепления философии Лопатина в среде тех людей, которые вполне последовательно на недавнем съезде отказывались послать приветствие XVI съезду»* [5].

В 1936 году Кольман опубликовал объёмную работу *«Предмет и метод современной математики»* [6], желая дать в ней канон математики и её истории. Книга должна была стать основой понимания философии математики. Ведь автор опирался на сочинение Энгельса *«Диалектика природы»*, впервые опубликованное в 1929 году, и на *«Математические рукописи»* Маркса, обнаруженные Кольманом в сейфе Рязанова, чьё место заведующего кабинетом Маркса он занял в ИМЭЛ. Кольман ознакомился с записками Маркса ещё до их подготовки к публикации группой историков математики под руководством Яновской. В своей книге Кольман синтезировал материалы читанных им в Московском университете курсов по историческим и философским проблемам математики. Историю дисциплины он изложил широко, но без продуманной системы. В столь же хаотическом изложении математических идей и понятий содержались серьёзные ошибки, отчасти отмеченные в рецензии известных математиков А. О. Гельфонда и Л. Г. Шнирельмана. Члены-корреспонденты Академии наук дали на сочинение Кольмана безжалостное заключение: *«в книге неверно передан ряд важнейших вещей из самых различных отделов математики. Трудно указать такую область математики, которая была бы корректно освещена в разбираемой книге. Общие рассуждения о математике в целом отличаются туманностью и не дают ничего ни уму, ни сердцу»* [7].

Однако в замысел книги легла самостоятельная методологическая идея — представить историю математики в развитии её абстракций (числа и фигуры, переменных алгебры и анализа, их операций и функций). Книга начинается с определения математики, претендующего стать стандартом для советской науки: *«Определение Энгельса гласит, что математика — это наука, имеющая своим предметом пространственные формы и количественные отношения действительного мира. Из этого определения ясно, что математика не может считаться только наукой о природе или только наукой общественной, ибо пространственные формы и количественные отношения присущи как естественным, так и общественным процессам»* [8].

Последняя глава книги Кольмана наиболее идеологизирована. Она посвящена кризису оснований математики и описанию основных философских программ математики — логицизма, формализма, конвенционализма, интуициониз-

---

[1] Лузин Николай Николаевич (1883—1950) — советский математик, доктор физико-математических наук (1916), профессор (1916), академик АН СССР (1929). В 1916—1920 гг. вместе с учениками М. Я. Суслиным и П. С. Александровым создал новое направление в математике — дескриптивную теорию функций.

[2] Егоров Дмитрий Фёдорович (1869—1931) — один из лидеров московской математической школы. Доктор чистой математики (1901), профессор (1903), почётный член АН СССР (1929), президент Московского математического общества (1923—1931). Занимался дифференциальной геометрией, теорией интегральных уравнений, вариационным исчислением.

ма, эмпиризма, эффективизма, отнесённых к идеализму и противостоящих истинно верной философии диалектического материализма. Суть философских направлений математики Кольман изложил умело, мастерски подкрепив избранные идеи цитатами из сочинений основоположников течений, показывая своё понимание сложности проблем. Оценки Кольмана демонстративно пристрастны и критичны. Так, одобрив Пуанкаре за его критику логицизма и формализма, Кольман обнаруживает у него *«двойное нутро философии конвенционализма»*. Кольман осудил Пуанкаре за мнение о двух неразделимых источниках аксиом — обобщённом опыте и первичных понятиях, принятых научным сообществом и влияющих на истолкование опытов. Кольман порицает все определения математики, кроме одного энгельсова, объявляя поверхностными мыслителями всех математиков, их придерживающихся: *«Определение Пуанкаре математики как «искусства давать одно и то же имя различным вещам», как две капли воды, похоже на определение Рассела, согласно которому «математика — это совокупность выводов, могущих быть применёнными к чему бы то ни было». Именно благодаря этому своему философскому оппортунизму конвенционализм, «философия удобства», оказался наиболее «удобным» для многочисленного слоя математиков, знакомых с философией лишь крайне поверхностно, именно поэтому он стал наиболее популярным течением современной философии математики, даже до сих пор оказывающим коекакое влияние на образ мышления некоторых из советских математиков»* [9].

Он настойчиво преследовал ярких математиков, в особенности Лузина: *«Известно, что так называемая «Московская математическая школа» — Цингер, Бугаев, Некрасов — проповедовала, будто «арифмология» (теория чисел и непрерывных функций) обосновывает индивидуализм, анализ с его непрерывностью направлен против революционных идей, теория вероятностей подтверждает беспричинность явлений и свободу воли, а вся математика в целом находится в соответствии с принципами философии Лопатина — православием, самодержавием, народностью. Этот черносотенный образ мыслей был полностью донесён до наших дней одним из «столпов» этой школы Лузиным, который придал ему более «современную» фашистскую окраску. Вместе с тем Лузин «исправил» эту идеологию в деталях, заменив открытую проповедь православия более тонким дурманом — субъективным идеализмом и солипсизмом»* [10].

Пропагандируемая Кольманом диалектизация математики осталась нереализованным сервильным проектом: *«С точки зрения марксизма-ленинизма обоснование математики не сводится к замене логической, формалистической, интуиционистской и тому подобных систем аксиом, определений и т. д. какой-то другой диалектико-материалистической системой. Оно не сводится также к несравненно более сложному труду — к построению марксистской истории математики. Оно означает вместе с тем переделку всей математики, регулирование её развития на плановых началах, исходящих из теоретического осмысления практики строительства социализма. Усвоение, критический пересмотр и коренная переработка достижений буржуазной науки — эта задача, поставленная для нашей эпохи Лениным и Сталиным, целиком относится и к математике»* [11].

***

Отечественное математическое сообщество почти отправило в пучину забвения персону Э. Я. Кольмана и стёрло следы его дел. Это проявление защитного механизма вытеснения «неприятного» воспоминания о трагическом периоде жизни советских математиков. Но в исторической памяти должны оставаться не только «герои», но и «антигерои», чей пример становится предостережением для новых поколений учёных.

1. *Кольман Э.* О разбиении круга // Математический сб. 1937. Т. 2(44). Вып. 1. С. 65—77.
2. *Кольман Э.* Возможно ли статистико-математически доказать или опровергнуть менделизм? // Докл. Акад. наук СССР. 1940. Т. 28. Вып. 9. С. 836—840.
3. *Колмогоров А. Н.* Об одном новом подтверждении законов Менделя // Докл. Акад. наук СССР. 1940. Т. 27. Вып. 1. С. 38—42.
4. *Кольман Э.* Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 2. С. 76—77.
5. Там же. С. 78—79.
6. *Кольман Э.* Предмет и метод современной математики. М. : ГСЭИ, 1936. 316 с.
7. *Гельфонд А. О., Шнирельман Л. Г.* Э. Кольман, «Предмет и метод современной математики» // Успехи математических наук. 1938. № 4. С. 336.
8. *Кольман Э.* Предмет и метод современной математики. М. : ГСЭИ, 1936. С. 10.
9. Там же. С. 274.
10. Там же. С. 290.
11. Там же. С. 302.

И. В. Волгин, А. В. Мартыненко

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОК-КУЛЬТУРЫ

В статье исследуются социокультурные, эстетические и мировоззренческие проблемы развития, а также сущностные и актуальные социальные противоречия современной рок-культуры.

Ключевые слова: рок-культура, рок-музыка, молодежные субкультуры, контркультура.

I. V. Volgin, A. V. Martynenko

PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND THE CONTRADICTIONS OF MODERN ROCK CULTURE

This article refers to the social, cultural, aesthetic and philosophical problems of development, as well as essential and urgent social contradictions of modern rock culture.

Key words: rock culture, rock music, youth subculture, counterculture.

В данный момент в культурологии не существует единого толкования понятия «рок-культура». Под ним принято понимать совокупность таких взаимодействующих элементов, как рок-музыка и контркультурные молодежные движения. Рок-культура зародилась в середине XX века и сегодня структурно состоит из множества субкультур, музыкальных жанров, стилей и направлений, которые имеют четкую тенденцию к дальнейшей дифференциации и интеграции.

Феномен рок-культуры в настоящее время весьма мало изучен, несмотря на появление многочисленных трудов различных исследователей и журналистов о рок-культуре и рок-музыке. В основном исследуются отдельные частные проявления рок-культуры. При этом до сих пор нет ни одного целостного культурологического исследования, которое систематизировало бы все аспекты этого многообразного и противоречивого явления современной культуры.

Изучение рок-культуры началось еще в 1960-х годах на Западе с движения «Popular Music Studies», которое ограничивалось анализом поэзии крупных рок-поэтов, таких как Боб Дилан или Пол Саймон. В конце 1970-х британские социологи заинтересовались роком как стилем жизни [1]. Кроме того, появились так называемые «рок-журналисты», которые писали исключительно о рок-культуре и рок-музыке. Однако многие из них сами принадлежали к какой-либо субкультуре, что мешало им объективно оценивать ситуацию в целом, и большинство из них не имело научного опыта работы, что не позволило им выработать единого научного подхода к изучению вопроса.

Исследователь из Осло Ингвар Штайнхольт, автор книги «Рок в резервации», писал по этому поводу следующее: «Идеально было бы, если бы возник какой-то академический жанр, который мог бы все эти проблемы анализировать и решать. Пока, к сожалению, после того, как крупные музыковеды (такие как профессор Филипп Тагг) пытались найти методы для анализа популярной музыки, социологи продолжали быть социологами, а те, кто интересовался текстом, продолжает интересоваться текстами и проблемами рок-поэзии. Комплексное, мультидисциплинарное роковедение только-только становится на ноги» [2].

В современном состоянии рок-культура приобрела всеобъемлющий характер мирового явления, продолжая развиваться в русле противостояния масскульту. По всему миру проходят тысячи рок-фестивалей. Исполнители рок-музыки часто появляются на ведущих телеканалах разных стран и приглашаются в качестве гостей на радиостанции. Выпускаются многочисленные рок-журналы, в которых повествуется о последних новостях в области рок-культуры. Активные музыкальные эксперименты способствуют возникновению новых стилей и направлений, как уникальных, так и пограничных с другими жанрами и стилями современной музыки.

Несмотря на растущую популярность рок-музыки, нельзя не заметить проблемы развития

рок-культуры, порожденные внутренними противоречиями еще на заре ее существования. Эти проблемы можно условно разделить на три взаимосвязанных типа: социокультурные, мировоззренческие и эстетические.

В ряду социокультурных проблем выделяются следующие: проблема отношений доминирующей культуры и рок-культуры; проблема деградации рок-сообщества (алкоголизм, наркомания); проблема идеологических столкновений между представителями рок-культуры.

Проблема отношений доминирующей культуры и рок-культуры имеет исторические корни. Рок-культура зарождалась и изначально развивалась на контркультурных основаниях — через яростное противостояние с доминирующей культурой в лице «истеблишмента», к которому относились прежде всего обустроенная благополучная жизнь массового человека и лицемерие политики. Сегодня элемент противостояния сгладился: если раньше в текстах и поведении рокеров присутствовали прямые выступления «против войны», против отупляющего влияния масскульта, за свободу мысли и свободного выбора образа жизни, то теперь эти черты завуалированы своеобразным эскапизмом в мистику, фантастику, наркотическую «нирвану». Элемент «мы против них» остался, но в нем все чаще отсутствуют смысловая глубина и социальная конкретность. Масштабное противостояние «системе» сегодня выродилось в основном в противостояние поп-индустрии, которая для рокеров и олицетворяет эту ненавистную «систему». В творчестве рок-музыкантов можно часто встретить тексты, изобличающие поп-индустрию. Так, например, в России можно назвать трех исполнителей, затронувших в своем творчестве данную тему, — «ДДТ» («Попса»), «Психея» («Про рэп») и Jane Air («Суперзвезда»). При этом в борьбе со своим непримиримым врагом «попсой» в рок-культуре наметилось два пути: 1) открытое столкновение с поп-индустрией; 2) независимое развитие рок-культуры через творческий поиск — появление новых жанров, стилей, нового звучания, новой альтернативной тематики текстов.

В качестве одной из важных современных идеологических проблем рок-культуры стоит отметить проблему псевдоидеалов. В современном рок-сообществе стали появляться своеобразные «лидеры» — люди старшего поколения (от 25 лет), проникающие в молодежные субкультуры при отсутствии адекватной социокультурной самореализации, присущей своей возрастной среде. Эти люди начинают навязывать своеобразные правила жизни внутри субкультуры. В последнее время на просторах Интернета можно встретить множество различных манифестов, уставов и прочих «монументальных» текстов, принадлежащих якобы к какой-либо субкультуре. Чаще всего они написаны подобными псевдолидерами, которые завоевали свои позиции исключительно по праву «старших» адептов. Обычно их называют «олдырями» от английского слова «old» или «динозаврами». Таким образом, имея некое мнимое превосходство, эти самые «динозавры» имеют влияние на более молодое поколение «тусовки». Подобный контингент фальшивых «гуру» создает атмосферу неадекватного толкования обществом всей субкультуры. В частности, можно привести в пример многочисленные националистически настроенные группы, скрывающиеся под названиями скинхедов, металлистов, а также антирелигиозные явления, маскирующиеся под именем «тру»-готов, имеющих при этом мало отношения к названным субкультурам.

Фетишизация свободы от любых социокультурных ограничений привела к проблеме деградации рок-культуры. Свобода превратилась в своеобразный идол, утративший конкретные критерии, формы и определения. Рок-культура оказалась в кабале у постоянного поиска новых границ свободы. Отсюда — алкоголизм, наркомания и беспорядочные сексуальные отношения, ставшие образом жизни и замкнутым кругом.

Основополагающей мировоззренческой проблемой развития рок-культуры является проблема ее популяризации, которая стала актуальной еще в 1970—80-х годах. Уже тогда началось размежевание рок-сообщества на два фронта — сохранение позиций андеграунда и жажда славы и мирового признания. Второе породило явление псевдорока, который заполонил мировую сцену своей продукцией — по форме «роковой», а в сущности «попсовой».

«...Даже самых до самых упертых рано или поздно доходит, что их любимый «р-р-рок» давным-давно интегрирован в любую из существующих в мире политических систем (кроме разве что исламской, да и в ней уже намечаются сдвиги). Мысль эта невыносима. Но враг необходим — иначе за чью погибель будет вздыматься к небу пластиковый стакан?» [3]. Данная цитата говорит о том, что сегодня противостояние поп-индустрии является скорее неким надуманным принципом самоидентификации рок-культуры, нежели реальной проблемой. Часто представители рок-среды презрительно именуют «попсой» не только примитивную музыку масскульта, но и

все то, что не является рок-музыкой. Иными словами, представители рок-культуры не всегда видят разницу между позитивными явлениями поп-культуры и негативными ее проявлениями, а также узколобо не хотят замечать разницу между поп-музыкой и другими жанрами, не относящимися ни к рок-музыке, ни к поп.

Кроме того, рост популярности творчества отдельных рок-групп позволяет им стать замеченными именитыми лейблами звукозаписи, которые предлагают группам сотрудничество и готовы поднимать их популярность до мировых масштабов. Но для рокомана это будет проявлением «продажности» любимой группы. Рок-музыка является для большинства ее поклонников чем-то элитарным и направленным на очень узкий круг людей. Когда группа попадает на популярные каналы, печатается в популярных СМИ, издается на известных лейблах — она автоматически большинством фанатов переводится в разряд «попсы».

При этом современная рок-музыка в процессе популяризации стала настолько синтетическим продуктом искусства, что в нее могут входить не только жанры и направления рока и металла, но и совершенно иные направления — рэп, электронная музыка, фольклор.

Чрезмерная популяризация привела к размыванию границ рок-музыки. С начала 1990-х годов по всему миру стали появляться группы, которые стремились к более легкому звучанию и упрощению смысловой нагрузки текстов. Особенно ярко это проявилось в России в виде феномена под названием «русский рок». Подобные группы стали быстро набирать популярность среди различных слоев российского общества, в частности благодаря кинематографу (так, например, благодаря фильмам Сергея Бодрова-младшего «Брат», «Брат 2», «Сестры», в которых в качестве саундтреков были использованы песни групп «Би-2», «Агата Кристи», «Наутилус Помпилиус», «Лакмус», «ДДТ» и других). В Европе и США в это же время формируются такие стили, как рэп-кор, брит-поп, поп-метал, дэнс-метал и прочие производные. В целом ярко выраженных негативных последствий данное явление не дало, но некоторые известные лейблы и продюсеры решили воспользоваться этим и создать своего рода псевдостиль в рок-музыке. По всему миру стали появляться группы, которые позиционируют себя как рок-группа, но на деле таковой не являются: они выглядят и ведут себя как рок-музыканты, но музыка либо тесно граничит, либо является тем, что трурокеры именуют «попсой».

Один из таких продуктов — группа «Ранетки», созданная продюсером Сергеем Мельниченко, который до этого работал с Бари Алибасовым в качестве звукорежиссера. Данный проект был выставлен на всеобщий показ как рок-группа, хотя на самом деле они исполняли самый обыкновенный поп. Подобные группы стали появляться по всему миру, собирая вокруг себя миллионы поклонников, прививая им псевдопредставления о рок-культуре.

Фронт музыкантов, который решил функционировать в границах андеграунда, стал развиваться во многих музыкальных направлениях. Но при этом он также испытывает неизбежное влияние популяризации. В сфере тяжелой музыки появилась мода на так называемый «джент». Родоначальником этого стиля можно считать группу Meshuggah. Спустя некоторое время после того, как группа набрала популярность среди поклонников тяжелых жанров, стали появляться группы, подражающие Meshuggah. Со временем появилось название стиля — «джент». Этот стиль сохранил тяжелое звучание и развивает высокую технику исполнения. Целостной субкультуры из этого стиля не получилось. Джент не стремится выйти на мировую арену наряду с другими жанрами. Музыканты чувствуют себя вполне комфортно, пребывая популярными в узких кругах.

Наряду с джентом большую популярность набирают такие стили, как экспериментальный метал, пост-метал, прогрессив-метал. Каждый из этих стилей можно назвать своего рода экспериментом в области тяжелой музыки. Экспериментальный метал может соединять в себе различные жанры и направления, от рэпа и электроники до классики и экстремальных стилей метала. Пост-метал стал логичным продолжением пост-рока, который стал набирать популярность в середине 1990-х годов. Пост-метал всего лишь утяжелил свое звучание, сохранив все традиции пост-рока. Прогрессив-метал стал своего рода альтернативой в тяжелой музыке. Если альтернативный метал и рок давали нечто новое своему слушателю, то «прогрессив» стал связующим звеном между разными стилями, придавая всему этому определенное звучание и исполнение.

Идейное размежевание между приверженцами сближения с популярной музыкой и непримиримым андеграундом ныне приобрело форму некоего эстетического поединка, в ходе которого рождаются новые стили и направления в рок-музыке.

На смену агрессии в музыке пришло осознание необходимости развития музыкального

исполнения и расширения тематики текстов. На этом фоне стали развиваться менее агрессивные жанры, нежели панк, хардкор, тяжелый метал и их производные. Альтернативная музыка обратилась к жизни на улицах рядовых городов, приходя на помощь тем, кто остался вне как рок-культуры, так и популярной музыки. Пост-рок и пост-метал «вспомнили» о вечности и красоте природы, забытой и заслоненной потребительством и техническим прогрессом.

Одной из эстетических проблем восприятия рок-культуры обществом остается эстетика рок-зрелища и поведение представителей рок-сообщества, в частности на концертах и на сцене.

Сегодня концерты тяжелой музыки, как правило, сопровождаются слэмом. Слэм — хаотичные действия публики на музыкальных концертах, при которых люди толкаются и врезаются друг в друга. Обычно слэм возникает на концертах альтернативы и панк-исполнителей. Самые активные действия происходят в образованном толпой круге перед сценой (так называемый «Сёркл пит»).

Хотя слэм воспринимается как положительная реакция аудитории на музыку, он опасен для участников. Считается, что участвующие не стремятся причинить вред друг другу и соблюдают так называемую этику слэма, которая включает в себя определённые правила безопасности. Например, если человек падает, другие участники как можно скорее помогают ему подняться, чтобы его не затоптали. Однако в клубах и на площадках, где проходят концерты, работает охранный персонал, который воспринимает подобные явления как нарушение порядка. Такое отношение часто приводит к столкновениям между участниками рок-концертов и охраной. Часто в таких потасовках участвуют и музыканты, вставая на защиту своих поклонников. Ярким примером может служить концерт группы «Алиса» в Москве в 1993 году. Тогда в слэме принимало участие более 20 тысяч человек. Вооруженная охрана и правоохранительные органы, находящиеся на фестивале, приняли это за массовые беспорядки и принялись унимать толпу агрессивными методами, сопровождая некоторых участников в милицейские участки. Лидер группы «Алиса» Константин Кинчев остановил выступление своей группы и пытался со сцены утихомирить охрану и правоохранительные органы, чтобы те не применяли никаких действий против участников слэма. Но его слова не были услышаны агрессорами, и «Алисе» ничего не оставалось, кроме как покинуть сцену, показав тем самым свое негативное отношение к организаторам фестиваля и действиям охранников правопорядка. Константин Кинчев и другие участники группы «Алиса» не стали применять силу в данном конфликте, в отличие от группы из Санкт-Петербурга «Психея». Группа дважды прославилась своими столкновениями с охраной и правоохранительными органами на концертах.

В мировоззренческом отношении важной проблемой развития рок-культуры являются ее противоречивые отношения с религией. Представители мировых религий, как правило, относятся к любым проявлениям рок-культуры весьма негативно. И тому имеются веские причины. Так, католическая церковь яростно относится к тяжелой музыке в Норвегии, которая славится своим тяготением к мрачным темам сатанизма, оккультизма и прямых оскорблений церкви. Поклонники неоязычества, сатанизма и прочих радикальных субкультур, входящих в состав рок-культуры, часто совершали и продолжают совершать агрессивные и противозаконные действия по отношению к церкви. В частности, «...участники и фанаты норвежской блэк-метал-сцены взяли на себя ответственность за побуждение к вандальным действиям над надгробиями и совершение более 50 поджогов христианских церквей в период 1992—96 гг. Многим зданиям было несколько сотен лет, и они считались важными историко-культурными памятниками. Одним из первых и наиболее заметных был поджог церкви Fantoft, которая была уничтожена, по мнению полиции, лидером BURZUM Варгом Викернесом. Последний был признан виновным в совершении поджогов часовни Holmenkollen, церкви Skjold и церкви Åsane» [4].

Не только католическая церковь выражает свой протест в адрес рок-культуры. Православная церковь также дает понять свое резко негативное отношение к року. Ярче всего это отношение проявилось в статье протоиерея Владимира Боброва «Рок-музыка на службе у Сатаны».

При этом рок-культура породила неожиданное для себя явление христианского рока — разновидности рок-музыки, посвящённой теме христианства. Группы христианского рока исполняют песни о Боге, вере и душе и обычно состоят из христиан. Христианский рок выделяется исключительно по текстам, он не имеет особых музыкальных характеристик и может исполняться на самые различные по технике стили рок-музыки. Выделяют христианский классический рок, христианский метал (уайт-метал), христианский хардкор.

Среди известных современных христианских рок-групп — Skillet, Creed, P.O.D., Pillar, Delirious, Sixpence None the Richer, Crash Test Dummies, 12 Stones, Red, The Letter Black и др.

В России и СССР христианская рок-сцена стала развиваться со времен перестройки не менее чем в США и Британии. Начали появляться группы, чья лирика основана на православном христианстве. К таким относится, например, группа «Чёрный Кофе», «Галактическая Федерация» и позднее творчество рок-групп «Алиса» и «Калинов Мост». Диакон Андрей Кураев известен поддержкой православного христианского рока.

Любопытно, что даже в мусульманских странах, где рок-музыка традиционно считается запретной темой даже для разговора, стали появляться мусульманские рок-группы, поющие на тему мусульманства, используя этнические мотивы и инструменты в своем творчестве. Писатель Майкл Мухаммад Найт (Michael Muhammad Knight) в своем романе о мусульманском доме панков в Баффало, штат Нью-Йорк, ввел в обращение новое понятие — «taqwacore» (таквакор). Это понятие определяет мусульманский рок и субкультуру, которая зародилась на почве этой музыки. Мусульманский рок стал развиваться в стиле панка. Группы, играющие в этом стиле сегодня: The Kominas, Starmust, Sangre de Abaho, The Hell. Мусульманский рок объединяет множество стран между собой одной культурой и одной музыкой — от Азии до южноамериканских стран. Подобные явления расширяют границы восприятия рок-культуры и стирают рамки творчества для музыкантов.

В целом в музыкальном плане рок-музыка становится все более профессиональной и сложной с точки зрения эстетического восприятия. Исполнительское мастерство можно сравнивать с академическим мастерством, поэзия выросла в особый жанр — рок-поэзия. Это дает не только качественное звучание и исполнение, но и более широкий простор для творческого поиска, для создания новых форм, стилей и направлений.

Таким образом, рок-культура сегодня имеет ряд социокультурных, эстетических и мировоззренческих проблем, одни из которых остаются фундаментальными для понимания сущности самой рок-культуры, другие порождены общественными стереотипами и со временем так или иначе разрешаются через взаимодействие рок-культуры с доминирующей культурой. В любом случае рок-культура доказала способность активно развиваться при сохранении своей противоречивой сущности полноценного явления культуры.

1. *Кан А.* Роковедение? Есть такая наука! URL: http://www.bbc.co.uk/russian/society/2011/05/110519_rock_music_science.shtml (дата обращения: 25.05.2012).
2. Роковедение. URL: http://bardclub.net/rokovedenie-est-takaya-nauka (дата обращения: 25.05.2012).
3. Борцам с «попсой» посвящается... Vol. 2 // Dark City. 2010. № 56. С. 46.
4. Поджог церкви в Норвегии может иметь продолжение. URL: http://www.darkside.ru/news/18241 (дата обращения: 15.05.2012).

И. Д. Митина, А. В. Мартыненко, Т. С. Митина

ТИПОЛОГИЯ И ФОРМЫ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ФОНДА ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена принципам и специфике разработки творческих заданий в рамках культурологического образования. Представлены разнообразные типы и формы творческих заданий по теории и истории культуры и искусства.

Ключевые слова: культура, искусство, культурология, образование.

I. D. Mitina, A. V. Martynenko, T. S. Mitina

TYPOLOGY AND FORMS OF CREATIVE TASKS OF ASSESSMENT TOOLS FUND IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRENDS

The article is devoted to the principles and the specifics of the development of creative tasks in the framework of cultural education. It presents a variety of types and forms of creative tasks on the theory and history of culture and art.

Key words: culture, art, culturology, education.

Культура и искусство представлены в системе современного образования рядом специальных художественных дисциплин, изучающих аспекты изобразительного искусства, музыки, литературы, а в рамках интегрированного аспекта представлены курсы мировой художественной культуры, культурологии.

Культурологический образовательный цикл основывается на междисциплинарных связях, интегрированном знании. Задачами культурологического образования являются:

— формирование культурологического мышления;

— установление исторической связи между художественными стилями и направлениями, тенденциями различных эпох;

— побуждение интереса к самостоятельному изучению предметов культурологического цикла;

— воспитание бережного отношения к памятникам культуры, понимание того, что красота, добро, человечность, уважение к культуре других народов могут помочь людям в современном противоречивом мире.

Цель предметов культурологического цикла — сделать доступным для каждого человека общие духовные ценности, открыть перед ним мир культуры и искусства. Формирование эстетического вкуса, способностей к художественному творчеству — одни из составляющих компонентов культурологического образования.

Основные элементы данного культурологического фундамента образования основываются на формировании умений, связанных с осознанием, восприятием, интерпретацией и воплощением пережитого от соприкосновения с искусством в художественном самовыражении и творчестве. Это прежде всего проявляется в эмоциональном, нравственном, личностном плане. Увлеченность миром искусства может проявиться в художественных способностях.

На современном этапе развития образования все больший акцент делается не на знания — умения — навыки, а на формирование социально значимых компетентностей, воспитание способности ориентироваться в море информации и принимать ответственные самостоятельные решения. При этом приоритетным оказывается воспитание личностных качеств, к числу которых относятся адекватная самооценка, способность работать в коллективе, творческие начала — истинные проявления культуры [1, 8].

Творческие задания по теории и истории культуры призваны выявить умение самостоятельно мыслить, способность осознавать социальную значимость культурных ценностей, решать творческие задачи.

Учитывая мировоззренческий характер заданий культурологического профиля, рекомендуется использовать как традиционную тестовую систему проверки, так и творческие коллектив-

ные виды деятельности, рассчитанные на расширение кругозора и активное участие учащихся в современном культурном процессе [8, 7, 1].

На этапе высшего образования учебный курс «Культурология» призван реализовать несколько важных целей: формирование у студентов гуманистического мировоззрения; воспитание высших нравственных качеств, лежащих в основе овладения профессиональным мастерством; развитие умения адекватно воспринимать и оценивать особенности развития культуры в новых социально-экономических условиях. Для достижения этих целей в рамках творческих заданий предусматривается решение определенных учебных задач, связанных с раскрытием истории становления и развития мировой культуры, определением места и роли русской культуры в мировом культурологическом процессе, выявлением структуры и социальных функций культуры, особенностей ее развития в новых исторических условиях [1, 5].

Значительное внимание уделено и решению такой задачи, как определение предмета и задач культурологии как науки, особенности и взаимосвязь различных культурологических теорий. Специальный раздел заданий для студентов посвящен выявлению типов и форм культуры, их взаимосвязи. Предусмотрено также изучение такой актуальной проблемы, как взаимодействие массовой и элитарной культур [1, 7, 6].

Типология творческих заданий культурологической парадигмы

1. Тест культурологической направленности

Различные типы тестовых вопросов являются обязательной основной частью заданий по теории и истории культуры, предполагающей индивидуальное решение. Тестовые задания составляются таким образом, чтобы максимально конкретизировать ответ и, соответственно, сделать оценку оптимально точной и объективной.

Простые тесты закрытого типа (с выбором правильного варианта ответа) предназначены для выявления знаний участников олимпиады по определенной теме. Тесты закрытого типа — это вопросы, требующие одного-двух ответов из 4—6 предложенных вариантов на каждый вопрос. При выполнении такого тестового задания следует выбрать правильный ответ и обвести кружком обозначающую его букву.

Простые тесты закрытого типа являются своеобразной интеллектуальной разминкой для решения последующих, более сложных и многообразных по форме тестовых заданий.

Другие тестовые задания различаются по:

— форме вопроса и требуемых ответов;

— уровню сложности;

— функциям.

Это и вопросы на соответствие, и вопросы, требующие краткого односложного ответа, и вопросы, требующие убрать или добавить слово или выражение.

Как вид тестового задания предлагаются **цитаты** из поэтического источника, культурные символы в виде репродукции, отрывки из первоисточника или текста по истории культуры, которые нужно прочитать/рассмотреть, идентифицировать, осмыслить, сравнить или дать развернутые ответы на предлагаемые вопросы после текста. Этот вид тестового задания эффективен за счет наглядности и конкретности и требует не только эрудиции от участника, но и умения ориентироваться в широком культурном поле.

Тестовые задания в виде таблиц представляют собой сетки таблиц с конкретными рубриками по определенной теме/проблеме и с заполненными отдельными ячейками или целыми рубриками. Предлагается заполнить пустые ячейки таблицы заданной в рубрике информацией. Количество пустых ячеек в таблице не должно быть меньше половины всей таблицы. Форма таблицы дисциплинирует ответ и позволяет наглядно структурировать его в заданном сеткой таблицы порядке.

В тестах, состоящих из двух блоков, необходимо соотнести понятия и их определения, либо памятники культуры и имена творцов, либо характеристики и соответствующие им понятия, имена, направления в искусстве. Такие тесты позволяют продемонстрировать умение ориентироваться в узкоспециализированной области художественной культуры.

Тестовые задания в форме утвердительных предложений, требующие ответа в виде установления истинности данного утверждения, позволяют оценить знание фактов из истории культуры с точки зрения внимания к деталям. Студенту необходимо рядом с предложением вписать слово «верно» или «неверно» в зависимости от истинности или неистинности утверждения.

Тесты в форме кроссвордов позволяют выявить терминологические и фактографические знания студентов по специализированной теме. Задание предлагается в виде соответствующим образом пронумерованных вопросов, требующих ответа в виде определенного слова, и табличной сетки вертикально и горизонтально

расположенных ячеек для вписывания слов-ответов. Вопросы составляются таким образом, чтобы подразумевался однозначный ответ. Задание считается правильно решенным, если вписанные слова совпадут с сеткой по вертикали, горизонтали и количеству ячеек для букв.

Тестовые задания, охватывающие необходимый для изучения обширный материал, предоставляют студентам возможность продемонстрировать имеющийся у них багаж знаний, широту кругозора и владение элементарными логическими операциями по теории и истории культуры в занимательной форме [1, 3].

2. Культурологическая игра — викторина

Викторина — вид игры, заключающийся в ответах на устные или письменные вопросы из различных областей знания. Викторины по теории и истории культуры — это задания на атрибуцию произведений искусства или задания, основанные на атрибуции. Цель викторины — актуализировать знания в занимательной наглядной форме.

Виды викторин, которые могут использоваться при проверке знаний по теории и истории культуры:

— визуальная викторина;

— музыкальная викторина;

— киновикторина.

Визуальная викторина основана на репродукциях и фотографиях произведений изобразительного искусства (живописи, архитектуры, графики, декоративно-прикладного искусства, скульптуры). Вопросы могут требовать либо простой атрибуции произведения искусства (простая викторина на общую эрудицию, указание автора и названия), либо более глубокого уровня знаний, основанных на атрибуции (указание места создания, стиля, эпохи, выявление общего между изображениями и другие варианты вопросов).

Музыкальная викторина задействует слуховую память и требует эрудиции в области музыкальной культуры. В музыкальной викторине необходимо указать композитора, название музыкального произведения и эпоху (век, направление) создания на основе коротких прослушанных фрагментов.

Киновикторина задействует знания в области аудиовизуальной культуры (в особенности кинематографических произведений). В киновикторине необходимо указать названия и режиссеров фильмов, фрагменты которых были продемонстрированы. Могут быть задания и с более высоким уровнем сложности, требующие более глубоких знаний в области кинематографа и истории культуры вообще. Например, в продемонстрированных фрагментах из фильмов с наличием бальной сцены определить эпоху (век, стиль) бала, назвать фамилии актеров и актрис, которых узнали в кадре.

На основе киновикторины может быть сформировано творческое или аналитическое задание. Например, продемонстрировать фрагменты из разных экранизаций одного и того же эпизода определенного литературного произведения и предложить не только идентифицировать произведение, режиссеров экранизаций, но и сравнить режиссерские трактовки с оригиналом, оценить игру актеров, исполняющих одну и ту же роль.

3. Интеллектуальные игровые задания — брейн-ринг

Брейн-ринг — это интеллектуальные задания повышенного уровня сложности, требующие не только эрудиции, широкого кругозора, но и развитых воображения, логического и образного мышления, внимательности, интуиции, умения использовать обширный материал по истории культуры в различных прикладных контекстах.

Вопросы брейн-ринга разнообразны по форме построения. Например, вопросы на знание признаков национальной культуры; требующие перевода с одного языка на другой; построенные на игре слов; заключающие парадокс; требующие бдительности и т. д.

Брейн-ринг может быть реализован как командно, так и индивидуально. В командном решении участники делятся на команды.

Ведущий устно читает вопрос и дает время (1 минуту) на совместный поиск ответа. Команда, первой верно ответившая на вопрос, получает баллы (от 1 до 3 в зависимости от уровня сложности вопроса). Ведущий может сам последовательно переходить от одного уровня к другому, но можно предоставлять такое право участникам. Для этого на доске или через проектор дается таблица, в которой указаны наименования рубрик (разные области культуры или виды искусства), уровни сложности и количество вопросов в каждой рубрике и уровне сложности:

Рубрика/уровень	**1 уровень**	**2 уровень**	**3 уровень**
Искусство			
Обычаи и традиции			
Культурное наследие			
Язык			

Команда выбирает рубрику и уровень. Право первого выбора предоставляется командам по жребию, затем той, которая ответила правильно на вопрос, до тех пор, пока вопросы не закончатся. Победившей считается команда, набравшая наибольшее количество баллов.

Индивидуальное решение организовывается аналогично, только поиск ответа реализуется индивидуально каждым участником.

Выделяются три уровня сложности вопросов брейн-ринга:

1 уровень сложности ориентирован больше на знание фактов; вопросы формулируются в отстраненной форме, чтобы не так легко было сразу догадаться (в отличие от викторины).

Например:

Вопрос: И. Е. Репин и И. К. Айвазовский написали совместно портрет А. С. Пушкина. Как они назвали картину?

Ответ: «Пушкин на берегу моря».

2 уровень подразумевает наличие умения сопоставлять различные факты из истории культуры для поиска правильного ответа; вопросы требуют активного участия воображения.

Например:

Вопрос: Готовясь к переходу в вечный мир, фараоны опасались, что в результате неудачного бальзамирования Бог может не узнать их. Каким образом они исключали этот вариант?

Ответ: изготовляли золотую маску.

3 уровень представляет собой логическую задачу, основанную на знании, работе воображения и абстрактном мышлении.

Например:

Вопрос: Памятник древнерусской письменности «Поучение Владимира Мономаха» начинается такими словами: «Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который до сих дней меня грешного хранил…» Согласитесь, что сани — неудобное место для литературной работы. Почему же именно с этих слов начато послание?

Ответ: Перевозка тела умершего на санях — часть погребального обряда в Древней Руси. Выражение «сидя на санях» в данном случае означает «в конце жизни».

4. Культурологические — творческие интерактивные задания

Творческие задания имеют целью проявить креативные способности студентов, артистизм, умение на практике использовать имеющиеся знания по теме, навыки владения русским литературным языком, обнаружить степень развития художественного вкуса, стиля и воображения [2, 5].

Творческие задания могут быть:

— устные командные (перформанс, театрализованная презентация), например, представить команду в рамках заданной темы; готовится в качестве домашнего задания;

— электронные командные или индивидуальные презентации по узкой заданной теме; готовится в качестве домашнего задания;

— письменные командные или индивидуальные в форме эссе, мини-сочинения, графически оформленные.

В рамках фонда оценочных средств культурологического образования творческие задания решают важные задачи:

— способствовать актуализации знаний студентов, их умению ориентироваться в историческом пространстве художественной культуры, помочь выявить сформированные навыки общения с произведениями искусства и умения применять их на практике;

— выявлять самостоятельные взгляды и оценки студента по отношению к «культурной памяти» человечества, то есть степень художественной зрелости личности;

— способствовать активизации продуктивной художественно-творческой деятельности в области культурного пространства, поиску новых форм освоения культурного наследия (освоение современных источников информации, включая Internet, информационных технологий);

— способствовать присвоению общечеловеческих нравственно-этических ценностей, отраженных в произведениях искусства, преобразованию их в личностно-значимые.

При этом выполнять творческие задания в рамках культурологических дисциплин будет студент, знакомый с выдающимися образцами мировой и отечественной культуры, знающий или чувствующий, что подлинно культурного человека отличает способность рассматривать произведение в его исторической и национальной соотнесенности. Этим определяется специфика заданий, предлагаемых в рамках культурологического образования [1].

1. *Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г.* Культурология. Теория культуры : учеб. пособие для вузов. М., 2004.
2. *Сокольникова Н. М.* История изобразительного искусства : учеб. : в 2 т. М., 2006.
3. *Кривцун О. А.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.

4. *Яковлев Е. Г.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.
5. *Мартыненко А. В., Митина И. Д.* Олимпиада по культуре и искусству : учеб.-методич. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2011. 130 с.
6. *Митина И. Д., Мартыненко А. В., Моисеева М. В.* Анализ и интерпретация произведений культуры в контексте культурологического подхода : учеб. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2013. 362 с.
7. *Митин С. Н., Митина Т. С.* Имидж специалиста гуманитарной сферы : учеб. пособие по курсу лекций «Имиджелогия». Ульяновск : УлГУ, 2013.
8. *Митин С. Н.* Управление педагогическими системами: психотерапевтический подход. М. — Ульяновск : УлГУ, 2002.

И. Д. Митина, Т. С. Митина

СПЕЦИФИКА ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЖИВОПИСИ

Особенность искусства живописи состоит в свойственной ей удивительной способности передавать все многообразие и сложность жизни, всю ее динамичность через изображение одного события или момента в цвете, через образы и колорит. Все эти компоненты являются основой анализа и интерпретации произведений живописи.

Ключевые слова: культура, искусство, живопись, композиция, колорит, цвет.

I. D. Mitina, T. S. Mitina

SPECIFICITY OF APPROACHES TO THE ANALYSIS AND INTERPRETATION OF WORKS OF ART ON THE EXAMPLE OF PAINTING

The peculiarity of the art of painting is typical of its amazing ability to transmit the diversity and complexity of life, its dynamism through the image of a single event or moment in color, through images and coloration. All of these components are the basis for the analysis and interpretation of works of art.

Key words: culture, art, painting, composition, coloration, color.

Искусство — одна из форм общественного сознания, составная часть духовной культуры человечества, специфический род практически-духовного освоения мира. Постичь художественное произведение, прочитать его, присвоить его смысл, получить художественное наслаждение и оценить шедевр — это стать его сотворцом, вступить с ним в общение, в диалог «на равных» с автором.

Изобразительные искусства — те, в которых мир предстает предметно, зримо. Цель их — **изобразить** мир. Важнейшая особенность изобразительного искусства состоит в свойственной ему удивительной способности передавать все многообразие и сложность жизни, всю ее динамичность через изображение одного события или момента.

Изобразительные искусства принято называть пространственными совсем не потому, что они не передают чувства времени, прошлого и будущего, а имеют дело с одним только застывшим «настоящим». Лишенные возможности непосредственно включать время в свою структуру, они выработали определенные способы выражения временных характеристик через пространственный ряд, колорит, сюжет и т. д. [1, 5, 6].

Произведение — художественно-коммуникативное средство такого диалога. В каждом конкретном произведении необходимо вычленить какой-то один уровень и анализировать в данном ключе. Любое произведение искусства допускает вполне самостоятельное его бытование на каждом их этих уровней. При этом в анализируемом произведении может явно выделяться сюжетный уровень, в другом — символический.

Формируя навыки анализа произведений искусства, необходимо выстраивать план анализа с учетом цели и задач:

— начинать от простого описания картины, т. е. того, что на ней в самом деле изображено. Такие описания необычайно помогают сосредотачивать внимание на данном полотне, входить в мир картины;

— сворачивать содержание. Пересказывать изображение, но каждый раз сокращая свой рассказ. В конце концов, рассказ сводится к нескольким скупым фразам, в которых осталось лишь самое главное;

— выстраивать иерархии — соотнести между собой ценности, предложенные художником, ответить на вопрос «Что важнее?» — этот прием полезен на всех уровнях;

— создание «поля» анализа. Часто «открытию» смысла помогает какой-нибудь незначительный факт биографии художника или факт данной культуры. Он переводит наше внимание в иную плоскость, пускает наши мысли по иному

пути, поэтому надо накапливать факты. И, как показывает практика, чем более необычным нам кажется черта личности или событие, тем больше оно содержит в себе для нас творческого;

— созерцательное и двигательное вчувствование (эмпатия). Это актерский прием — попытка представить себя в мире картины, попытаться принять позы действующих лиц, надеть на себя выражение их лиц, погулять по дорожкам пейзажа. На этом пути ждет множество открытий. К этому приему часто прибегают тогда, когда анализ почему-либо зашел в тупик [5, 7].

Для каждого вида искусства формируются навыки анализа произведения, исходя из его специфики.

Живопись, по меткому замечанию художника К. Юона, — «живое письмо или письмо о живом». На первый взгляд это может показаться парадоксальным: ведь живое письмо и письмо о живом не одно и то же. Но в данном случае парадоксальность этого утверждения только кажущаяся. Словами «письмо о живом» художник раскрывает предмет живописи, а «живое письмо» — ее средства. В живописи передается форма предмета, его цвет, освещающий его свет, фактура материала, пространство, в котором находится изображаемый предмет.

Поэтому живопись пользуется такими конкретными изобразительными средствами, как линия, цвет, светотень, воздушная и линейная перспектива и т. д. Эти изобразительные средства позволяют создать на плоскости иллюзию трехмерности, верно передать ощущение объемности предметов окружающего нас мира, сохранить и умножить многокрасочность природы.

В данной статье предлагаются различные методические подходы к анализу живописных произведений, представлены варианты планов, схем, алгоритмов и подходов к анализу и интерпретации произведений живописного искусства. Выбор подхода к анализу произведения связан прежде всего с особенностью самого произведения, а также постановки целей и задач, стоящих в процессе обучения [6, 8].

План анализа и интерпретации произведения живописи

Внимательно рассмотрите произведение живописи. Что изображено на картине? Какими средствами художник выделил главное? Почему именно это кажется главным? Почему именно этот предмет кажется главным?

1. Название — в чем смысл названия картины? Как соотносится название с изображением на картине? Какое настроение пытается передать автор?

2. Изложите в анализе краткие сведения о художнике. Определите, если возможно, какое место данное произведение занимает в его творчестве.

3. Изложите кратко историю его создания (если это важно для анализа).

4. Определите его принадлежность к культурно-исторической эпохе, художественному стилю или направлению.

5. Жанровая принадлежность: исторический, бытовой, батальный, портрет, пейзаж, натюрморт, интерьер.

6. Определите особенности сюжета.

7. Художественный образ. Какие ассоциации вызывает художественный образ и почему?

8. Есть ли в картине предметы, что-либо символизирующие? Носит ли символический характер композиция произведения и отдельные детали?

9. Определите взаимодействия формальных, сюжетных и смысловых уровней произведения.

10. Какими средствами выразительности пользовался художник в изображении предметов?

11. Определите формат (вертикально и горизонтально вытянутый, квадратный, овальный, круглый, соотношение изображения и формата, рама, равновесие, соотношение частей изображения друг с другом и с целым, геометрические схемы, последовательность рассматривания).

12. Определите пространство, перспективу, композицию (композиционная схема, плоскость и глубина, точка зрения, пространственные планы, дистанция между зрителем и произведением, линия горизонта, место зрителя в пространстве картины или вне его, ракурсы).

13. Выделите основные средства выразительности: колорит, рисунок, манера письма.

14. Определите светотеневую моделировку формы. Светотень, объём (объём и плоскость, линия, силуэт, роль светотеневых контрастов в формировании эмоциональной выразительности живописного образа).

15. Как на картине сопоставляются цвета (цветовая композиция)? Цвет, колорит (тональный, локальный, тёплый, холодный колорит, тон, валеры, рефлексы, линейное и живописное начало).

16. Как на картине скомпонованы предметы (предметная композиция)?

17. Определите фактуру поверхности. Мазок (характер мазка, открытая фактура, гладкая фактура), направленность мазков, размер мазка, лессировки и т. д.).

18. Что хотел донести до людей автор своей работы?

19. Где находится данное произведение искусства?

20. Заключение: повтор основных выводов, касающихся образа, смысла произведения. Выразите свои личные впечатления от данного произведения живописи. Какое впечатление оказало это произведение искусства на ваши чувства и настроение [6, 4]?

Специфика искусствоведческого анализа станкового произведения

Для того чтобы абстрагироваться от сюжетно-бытового восприятия, вспомните, что картина — не окно в мир, а плоскость, на которой живописными средствами может быть создана иллюзия пространства. Поэтому сначала проанализируйте:

1. Каков размер картины (монументальный, станковый, миниатюрный)?

2. Каков формат картины: вытянутый по горизонтали или вертикали прямоугольник (возможно, со скруглённым завершением), квадрат, круг (тондо), овал?

3. В какой технике (темпера, масло, акварель и т. д.) и на какой основе (дерево, холст и т. д.) выполнена картина?

4. С какого расстояния она лучше всего воспринимается?

5. Есть ли в картине сюжет? Что изображено? В какой среде располагаются изображённые персонажи, предметы?

6. На основании анализа изображения вы можете сделать вывод о жанре. К какому жанру (портрет, пейзаж, натюрморт, обнажённая натура, бытовой, мифологический, религиозный, исторический, анималистический) принадлежит картина?

7. Как вам кажется, какую задачу решает художник — изобразительную? выразительную? Какова степень условности или натурализма изображения? Тяготеет ли условность к идеализации или к экспрессивному искажению? Как правило, с жанром связана композиция картины.

8. Из каких составляющих складывается композиция? Каково соотношение объекта изображения и фона/пространства на полотне картины?

9. Насколько близко к картинной плоскости размещены объекты изображения?

10. Какой угол зрения выбрал художник — сверху, снизу, вровень с изображенными объектами?

11. Как определена позиция зрителя — вовлекается ли он во взаимодействие с изображенным на картине или ему отводится роль отстраненного созерцателя?

12. Можно ли назвать композицию уравновешенной, статичной или динамичной? Если присутствует движение, как оно направлено?

13. Как построено картинное пространство (плоскостно, неопределенно, выгорожен пространственный слой, создано глубокое пространство)? За счёт чего достигается иллюзия пространственной глубины (различие в размере изображенных фигур, показ объема предметов или архитектуры, с помощью градаций цвета)? Композиция разрабатывается средствами рисунка.

14. Насколько выражено в картине линейное начало? Подчеркнуты или скрадены контуры, отграничивающие отдельные предметы? Какими средствами достигается этот эффект?

15. До какой степени выражен объём объектов? Какими приёмами создаётся иллюзия объёма?

16. Какую роль в картине играет свет? Какой он (ровный, нейтральный; контрастный, лепящий объем; мистический)? Прочитывается ли источник/направление света?

17. Читаются ли силуэты изображенных фигур/объектов? Насколько они выразительны и ценны сами по себе?

18. Насколько детализировано (или, наоборот, обобщено) изображение?

19. Передаётся ли разнообразие фактур изображённых поверхностей (кожа, ткани, металл и т. д.)?

20. Какую роль играет в картине колорит (подчинён рисунку и объёму или, наоборот, подчиняет себе рисунок и сам выстраивает композицию)?

21. Является ли цвет просто окраской объёма или чем-то большим? Является ли он оптически достоверным или экспрессивным?

22. В картине преобладают локальные цвета или тональный колорит?

23. Различимы ли границы цветовых пятен? Совпадают ли они с границами объёмов и предметов?

24. Художник оперирует большими массами цвета или маленькими пятнами-мазками?

25. Как написаны теплые и холодные цвета, пользуется ли художник сочетанием дополнительных цветов? Для чего он это делает? Как переданы наиболее освещенные и затенённые места?

26. Есть ли блики, рефлексы? Как прописаны тени (глухо или прозрачно, цветные ли они)?

27. Можно ли выделить ритмические повторы в использовании какого-либо цвета или сочетания оттенков, можно ли проследить развитие какого-либо цвета? Есть ли доминирующий цвет/сочетание цветов?

28. Какова фактура живописной поверхности — гладкая или пастозная? Различимы ли отдельные мазки? Если да, то какие они — мелкие или длинные, жидкой, густой или почти сухой краской нанесены [3, 5]?

Специфика искусствоведческого анализа — канонический тип (живопись, иконопись, фреска, скульптура, графика, миниатюра, декоративно-прикладное искусство)

При анализе такого типа произведений искусства необходимо учитывать иконографию. **Иконография** — это устойчивая традиция изображения различных лиц и событий, складывающаяся на основе разнообразных источников и организующая их в соответствии с принятыми догматическими, символическими и литургическими толкованиями. Такими источниками могут быть Святое Писание, апокрифы, агиография, предания и легенды, мифы, литургические песнопения.

Иконография отражает содержательную сторону в изображении. Хотя в устойчивые иконографические признаки могут входить элементы, не несущие большого содержательного значения. Например, дерево, изображенное слева: содержание не изменило бы изображение его справа. Однако из иконы в икону оно изображается слева, начиная с первого варианта, и когда образуются списки, этот образ начинает фиксироваться.

Анализ историко-культурной ситуации вначале необходим для того, чтобы уточнить отпечаток, слепок определенного типа мироотношения, свойственного своей эпохе и никакой другой. Используя иконографию для анализа, нельзя упускать из виду ни одной детали, независимо от того, содержательны они или формальны. Иконографические признаки могут отражать движения эпохи опосредованно.

Этот метод очень важен при анализе. Смотря на икону, можно просто любоваться, а можно знать житие, например св. Николая, и понимать, почему что-то изображается именно так, а не иначе. При обращении к канону появляется и видение, и знание. Нельзя смотреть на икону и другие произведения такого типа как на «китайские иероглифы».

При анализе должны проявляться не только чувственные эмоции, но и нравственное понимание. При анализе произведений христианской культуры используется понятие калокагатии — единство красоты и блага. Нравственное не может жить отдельно при анализе [2, 5].

1. Канонический тип при анализе храма, живописи, иконы, предметов декоративно-прикладного искусства, графики следует рассмотреть через общий канон, воплощенный в выбранном произведении. Например, существуют канонические типы изображений «Рождество Христово», или «Шива Натараджа», или «Будда Майтрейя». Важным элементом является краткое изложение сюжета изображения, в идеале это цитирование священных текстов (Евангелие, Упанишады, Трипитака и т. д.).

2. Материальный уровень произведения: техника исполнения, особенности материалов, сохранность. Назначение — для какого храма (если известно).

3. Индексный и иконический уровни произведения. Описание индексно-иконического уровня произведения отличается от описания сюжета предельной конкретностью. Сюжет — это основа возникновения произведения, то, что существовало до него (Евангелие, художественная традиция устойчивых изобразительных типов). На индексно-иконическом уровне отталкиваемся только от произведения, описываем только то, что изображено.

4. Символический уровень произведения — если возможно выделить. Нахождение композиционной формулы (символический уровень) не является обязательным и допустимо только в том случае, если студент уверен в ее наличии и может показать, какими элементами она образуется (магический характер пиктограмм, идеограмм и сакральность восприятия изображения, сакральный характер иероглифических текстов и сакрально-символический, принцип их интерпретации, органическая взаимосвязь сакрального текста и символического типа иллюстрации).

Заключение

Что представляет собой произведение как целостная художественная модель религиозного мироотношения? Каким образом оно инициирует встречу человека с Богом? Как в нем выражено понимание религиозности, свойственное данной конфессии и данному историческому периоду? Специфика знаково-информационного восприятия сакральных текстов в искусстве [5, 6].

Через изображение «остановившихся мгновений» живопись выражают глубоко и всесторонне типичные, характерные черты действительности. Подлинно прекрасные произведения

изобразительного искусства оказывают огромное идейно-эмоциональное воздействие на зрителя. Специфические особенности изобразительного искусства своеобразно раскрываются в каждом отдельном его виде.

Искусство выступает одновременно и как подобное реальной жизни, и как отличное от неё — выдуманное, иллюзорное, как игра воображения, как творение человеческих рук. Художественное произведение возбуждает в одно и то же время глубочайшие переживания, подобные переживаниям реальных событий, и эстетическое наслаждение, проистекающее из его восприятия именно как произведения искусства, как созданной человеком модели жизни [3, 5].

Таким образом, искусство, взятое в целом, есть исторически сложившаяся система различных конкретных способов художественного освоения мира, каждый из которых обладает как общими для всех, так и индивидуально-своеобразными чертами.

1. *Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г.* Культурология. Теория культуры : учеб. пособие для вузов. М., 2004.
2. *Сокольникова Н. М.* История изобразительного искусства : учеб. : в 2 т. М., 2006.
3. *Кривцун О. А.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.
4. *Яковлев Е. Г.* Эстетика : учеб. пособие. М., 2000.
5. *Мартыненко А. В., Митина И. Д.* Олимпиада по культуре и искусству : учеб.-методич. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2011. 130 с.
6. *Митина И. Д., Мартыненко А. В., Моисеева М. В.* Анализ и интерпретация произведений культуры в контексте культурологического подхода : учеб. пособие. Ульяновск : УлГУ, 2013. 362 с.
7. *Митин С. Н., Митина Т. С.* Имидж специалиста гуманитарной сферы : учеб. пособие по курсу лекций «Имиджелогия». Ульяновск : УлГУ, 2013.
8. *Митин С. Н.* Управление педагогическими системами: психотерапевтический подход. М. — Ульяновск : УлГУ, 2002.

№ 2(24) 2016 СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Л. Е. Потанина, Е. Е. Шабалкина

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА НАУКИ В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ»

В статье раскрываются тенденции в развитии науки в «обществе знания» и делается попытка обозначить основные аспекты философского анализа этих изменений. Подчеркивается преобразование базовых характеристик научно-познавательной деятельности, связанных с пониманием целей научного познания, соотношения фундаментальных знаний и их технологического применения, этических измерений науки.

Ключевые слова: общество знания, технонаука, «коммерциализация» науки, субъект-объектные связи, этическая экспертиза, этический комитет.

L. E. Potanina, E. E. Shabalkina

MAIN TRENDS OF THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SCIENCE IN THE «SOCIETY OF KNOWLEDGE»

The article shows the trends in the development of science in the "society of knowledge" and attempts to highlight the main aspects of the philosophical analysis of these changes. It emphasizes the transformation of base characteristics of scientific and cognitive activity associated with the understanding of the scientific knowledge goals. The paper also discusses ratio of the fundamental knowledge and technological application, ethical dimensions of science.

Key words: society of knowledge, technoscience, "commercialization" of science, subject-object relation, ethical review, Ethics Committee.

Сегодня термины «общество знания», «экономика знания», «эпоха знания» в определённом смысле «конкурируют» с концептами постиндустриального и информационного в обществе, выражая специфику современных тенденций в развитии социума. В опубликованном в 2005 году докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» говорится: «Сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться» [1, с. 7]. «Общество знания», таким образом, может быть определено как выражение перспектив общественного развития, образ нового социального горизонта.

Фиксируемые уже сегодня и ожидаемые в ближайшем будущем проявления этого типа общественной организации связаны с осознанием решающей роли знания и постоянно растущей потребности в новых знаниях в любой сфере деятельности. Как следствие, развитие систем производства и передачи знания, включение их в систему рыночного механизма, превращение знания в основной ресурс общественного развития. Переход к этому типу общества связывается с фундаментальными инновациями — информационными, коммуникационными, био- и нанотехнологическими и, безусловно, гуманитарными. Существенные изменения, происходящие в обществе, имеют, безусловно, социально-гуманитарный характер, изменяя форму и содержание социальных отношений. В первую очередь такие изменения затрагивают институт, на который обществом исторически возложена функция производства знания, — науку. Сегодня можно с уверенностью констатировать изменение базовых характеристик научно-познавательной деятельности и насущную потребность их философского осмысления. Наука в этом смысле оказывается на пересечении предметных сфер сразу нескольких философских дисциплин.

Уровень *эпистемологического* анализа затрагивает одну из тенденций в развитии современной науки — технологизацию науки или формирование технонауки. Эта тенденция в основе своей определяется изменениями целей научной деятельности. Интерес к знанию и его

востребованность диктуются не столько характеристиками истинности, объективности, достоверности, а скорее эффектом, который это знание имеет в преобразовании действительности. Традиционная последовательность научное знание → технология, при которой ранее полученное знание находило приложение, применение в технологической форме, изменила свою направленность. Как замечает Б. Г. Юдин, происходит «оборачивание» — познавательная деятельность встраивается в процесс создания востребованной в данный момент технологии» [2, с. 45—58]. Поскольку новые технологии производятся на заказ, таким же «заказным» становится и процесс получения нового знания. Технологии задают вектор развития науки, причем науки определённого типа, не объясняющей, не вскрывающей фундаментальные принципы и законы, а способной к технологизации. Иными словами, направляющими для производства знания оказываются прежде всего полезность и практический результат. Из сфер объяснения мира задачи науки мигрируют в сферу его преобразования и переустройства. И хотя эта тенденция намечена еще в эпоху Научной революции, сегодня она кардинальным образом меняет характеристики познавательного процесса: критерии оценки результата, соотношение фундаментальных и прикладных аспектов, время обратной реакции социума на научные открытия и т. д.

Изменения затрагивают и характеристики включенности науки во внешние социальные сферы. Сегодня наука не только один из лидеров духовного производства, она встраивается в систему рыночных отношений, становится сферой наиболее выгодного вложения капиталов, источником наиболее востребованной продукции, рождает новое предложение «товаров и услуг». Происходит «коммерциализация» науки. И это в свою очередь также существенным образом корректирует характеристики целей и результатов научного познания. Традиционные детерминанты: научный интерес, нормы и принципы научного этоса встают в один ряд с, казалось бы, внешними по отношению к науке факторами — запросы потребителей, возможности рынка. Потребитель, нуждающийся в новых технологиях, стимулирует бизнес, предпринимательство к капиталовложениям в науку. Модель субъектно-объектных связей перестаёт отражать истинную картину научной деятельности, а вернее, требует «подключения» новых субъектов. К таковым можно отнести и СМИ, которые становятся связующим звеном между технонаукой, бизнесом и потребителем, обеспечивая циркуляцию необходимой информации. Учитывая тот факт, что современные СМИ являются не только трансляторами нужд потребителей, но и принимают активное участие в их формировании и актуализации, можно утверждать, что этот социальный институт занимает не последнее место в системе связей науки и общества, выступая опосредованно одним из источников социального заказа.

Связи науки с социальной средой приобретают иные функциональные характеристики, изменяя не только облик науки, но и общество в целом. Желание нового, современного порождает тенденцию увеличения темпов «устаревания» товара или услуги. Нет смысла производить товар, способный служить много лет, он морально придет в негодность гораздо раньше физического износа. Вещный мир, окружающий человека и созданный им, мир товаров и услуг, порождаемый научными технологиями и инициированный массовым спросом, максимально динамичен. Скорость его изменения влияет на темпы научного развития и одновременно определяется ими. Фундаментальный срез научного знания, по-видимому, не испытывает на себе такого темпорального давления. Осмысление новой модели связей «наука — общество» — задача *социально-философского* уровня.

Формула «Спрос рождает предложение» в преломлении к технонауке задаёт особый вектор её интереса к своему потребителю. Это общество предполагает диалог между учёным и гражданином и интерес первого к знаниям, ценностям и потребностям второго. Человек в обществе знания ощущает себя частью единого цикла по созданию знания-технологии, его внедрению, потреблению, формированию потребности в новом знании. Б. Г. Юдин отмечает в качестве современной тенденции неуклонное приближение науки к человеку, к его потребностям, интересам, устремлениям, своеобразное «обволакивание» человека наукой, погружение его в мир, созданный ею [2]. Наука, по выражению Юдина, в известной степени делает человека своим произведением. С конца 60-х годов прошлого века можно наблюдать постепенную переориентацию в научной, информационной, технологической сферах, они становятся соразмерны человеку. Отдельный человек выступает в качестве потребителя даров науки, а его интересы — главными стимулами к НТП. Но при этом чем больше наука претендует на служение человеческим интересам, тем более она должна знать о самом человеке и его интересах. Для

такого узнавания у науки есть проверенный путь — эксперимент. Вторая половина XX века — это время, когда эксперименты с участием человека перестают быть исключительными случаями и оборачиваются серьёзным, часто рискованным вмешательством, опасным для человека и человечества [3]. Наука сегодня способна удовлетворить даже самые «экзотические» запросы общества, определить параметры телесной организации человека, качество его жизни, её продолжительность. Биотехнологии практически стирают границы между естественным и искусственным. Человек оказывается в ситуации, когда прежние представления о себе, о границах собственных возможностей, о жизни и смерти подвергаются существенным изменениям, что требует глубокой *антропологической* рефлексии.

Научные знания становятся мощнейшим инструментом управления человеком собственным существованием. «…Наступает эра покорения человеком самого себя: по отношению к самому человеку складывается тот тип управления, который раньше использовался только по отношению к природным вещам и системам» [4, с. 236]. Наука, влияющая на параметры человеческого бытия, должна согласовывать свою деятельность с ценностными измерениями человеческой жизни. Ценности воспринимаются как существенная характеристика реальности, изучаемой наукой, и самого научного знания. Идеал ценностно-нейтральной науки уходит в прошлое, делая особенно актуальным проблемы этики науки и моральной оценки ее результатов. Следует подчеркнуть, что пределы научного вмешательства в жизненные процессы и состояния человека определяются не только расширяющимися возможностями научно-технического развития. Они закладываются представлениями о том, что есть человек, личность. А значит, наука не только определяет облик человека, но и сама определяется им. В ситуации обращения к человеку наука сталкивается, с одной стороны, с проблемой уникальности объекта исследования, а с другой — с необходимостью введения дополнительных нравственных параметров исследования. Исследователю необходимо иметь в виду, что даже безупречный с точки зрения теории, методологии, технологии эксперимент, затрагивающий человека, его духовный или телесный мир, может не получить реализации по этическим соображениям.

Сегодня инновации, связанные с изменением *аксиологического и этического* статуса научной деятельности, приобрели институциональные формы, привели к возникновению институтов этической экспертизы и этических комитетов. Особую значимость деятельность этих организаций приобрела в сфере биомедицинских исследований, где непосредственное влияние науки на жизнь человека особенно явственно. Первые структуры, осуществляющие этический контроль, возникли в США в 50-х годах XX века и представляли собой неформальные объединения коллег-врачей. Уже в середине 60-х годов эти структуры формализуются, этическая экспертиза для всех биомедицинских исследований признаётся правительством обязательной и финансируется им. Первое упоминание этических комитетов в международных документах встречается в «Хельсинской декларации», принятой в октябре 1975 года. В этом же документе определяются условия независимости деятельности комитетов и сфера их функционирования. В нашей стране правовое оформление структур, осуществляющих этическую экспертизу, происходит в 1993 году в рамках закона «Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан».

Теолог Ричард А. Мак-Кормик выделил факторы, которые раскрывают значимость биоэтических комитетов как социальных институтов. К ним относятся:

1. Сложность биоэтических проблем, которая проявляется в неоднозначности понимания самих биоэтических дилемм и путей их решения. Задача специалистов комитета состоит в изучении проблемы и ее четкой формулировки.

2. Состав комитетов, включающий специалистов из различных сфер человеческой деятельности, позволяет очертить широкий диапазон мнений по проблеме и дать им объективную оценку.

3. Конфликты интересов, возникающие при принятии решений в ситуации биоэтических дилемм, могут проявляться в негативном общественном мнении и сказываться на оценке надежности и эффективности деятельности медицинского или исследовательского учреждения. Этические комитеты позволяют заручиться поддержкой со стороны своих коллег и специалистов других областей и разделить ответственность (нравственную и правовую).

4. Отдельные исследователи и специалисты-медики не всегда обладают достаточной компетенцией для понимания и решения проблем биоэтики. Комитеты, в силу своей монодисциплинарности, позволяют это сделать, предлагая рекомендации решений.

5. Благодаря деятельности биоэтических комитетов реализуется важнейшее право паци-

ента или испытуемого на принятие самостоятельного решения. Комитеты выполняют роль посредника в конфликте интересов, вставая на защиту каждого пациента и его достоинства.

6. Одним из принципов современной биоэтики является принцип справедливости, затрагивающий помимо нравственных и экономические аспекты распределения различных ресурсов. Учитывая объективную ограниченность ресурсов и постоянно растущие требования к их качеству, биоэтические комитеты берут на себя функцию решения вопроса о справедливом распределении материальных, временных и человеческих затрат.

7. Современная научно-исследовательская и медицинская практика часто затрагивает религиозные убеждения различных групп, что требует создания специальной «платформы» для обсуждения теологических расхождений по ряду биоэтических проблем. Такие проблемы выходят за границы компетенции научных и специальных медицинских знаний и требуют участия специалистов. Комитеты по биоэтике выполняют роль таких «платформ» и «предоставляют» специалистов необходимого профиля.

8. Особенность биоэтических проблем такова, что их решение должно учитывать точки зрения самых разных слоёв населения. Решение этих проблем не может быть осуществлено в рамках научного или медицинского заключения или путем ссылки на него. Решение проблем биоэтики требует принятия политических решений на уровне общества в целом и, следовательно, не может быть индивидуальным решением. Коллегиальность решения с учетом различных интересов может быть обеспечена комитетом по биоэтике [5].

Этические проблемы и научные технологии, их порождающие, являются новыми для общества, и для их оценки недостаточно только научных знаний. Общество может осуществлять свою оценку, задействуя имеющуюся систему «вненаучных» ценностей, стандартов, норм, традиций, используя «традиционные» институты общественного мнения, СМИ, экспертных заключений. Через эти механизмы осознаётся значимость, актуальность проблемы и формируется согласованное представление о путях ее решения.

Создание целостной картины реалий и перспектив развития современного общества, понимание тенденций развития науки в «обществе знания» с необходимостью требует от философии своеобразной «трансдисциплинарности», многоуровневой рефлексии, которая возможна через объединение когнитивных возможностей гносеологии, антропологии, социальной философии, этики. В такие переходные периоды особенно актуальным становится вопрос о понимании и прогнозировании процессов изменения, гуманитарной оценки их результатов.

1. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005. С. 7.
2. *Юдин Б. Г.* Наука в обществе знания // Вопр. философии. 2010. № 8. С. 45—58.
3. *Юдин Б. Г.* Этические измерения современной науки // Этика науки. М. : ИФРАН, 2007. С. 99—115.
4. *Гнатик Е. Н.* Генетическая инженерия человека: вызовы, проблемы, риски. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
5. Руководство № 1 по созданию комитетов по биоэтике. Париж, ЮНЕСКО, 2005. 81 с. URL: http://www.libed.ru/knigi-nauka/1021962-1-rukovodstvo-sozdaniyu-komitetov-bioetike-organizaciya-obedinennih-naciy-voprosam-obrazovaniya-nauki-kulturi-ot.php (дата обращения: 08.09.2014).

О. В. Русина

КЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ГЕНЕЗИСА

В статье рассматриваются культурно-мировоззренческие установки западноевропейской культуры, которые повлияли на формирование классического типа рациональности, в частности, в исторической науке.

Ключевые слова: историческое познание, классический тип научной рациональности, западноевропейская философия, Новое время.

O. V. Rusina

CLASSICAL RATIONALITY IN HISTORY SCIENCE: SOCIOCULTURAL DETERMINATION OF ITS ORIGIN

The article examines the cultural and world-view settlements of the West European culture which influenced the formation of the classical type of rationality, particularly in history science.

Key words: historical knowledge, classical type of scientific rationality, West European philosophy, Modern Age.

Развитие научного познания и знания тесно связано с социокультурным контекстом. Ученый в своей научной деятельности часто неосознанно руководствуется мировоззренческими установками, составляющими ядро культуры, к которой принадлежит исследователь. В техногенной цивилизации науке и сформировавшейся на ее основе технологии принадлежит доминирующая роль, причем в европейской культуре Нового времени наука формируется в пространстве парадигмальных установок классического типа рациональности. Особенности научного познания и знания эпохи проистекают из основных мировоззренческих ориентаций европейской социокультуры Нового времени.

Проблема научной рациональности широко исследуется как в отечественной, так и в зарубежной философии науки, при этом, как правило, выделяют исторические типы научной рациональности (классический, неклассический и постнеклассический). Среди исследователей, сделавших попытки осмысления исторических типов научной рациональности в контексте исторической науки, можно назвать имена И. Л. Зубовой, А. В. Лубского. Влияние общества и культуры на научное познание и знание рассматривается в отечественной философии науки, а кроме того, в марксистской концепции и в постпозитивистских моделях науки. Исследование социокультурной обусловленности исторического научного познания и знания — сравнительно малоисследованное поле, обладающее большим потенциалом в общественной практике. В данной работе рассматривается связь социокультурных особенностей европейского региона в период Нового времени и развитие исторического познания, формирование его как научного.

Эпоха Нового времени — это период формирования национальных государств в европейском регионе, которое повлекло за собой изменение всех организационных форм жизни населения. В это время на смену феодальным отношениям приходят капиталистические, усиливается централизация государственного управления, сходят на нет религиозные войны, с великими географическими открытиями усиливается борьба за господство над территориями, происходит встреча с иными, ранее неизвестными культурами, в обществе обостряется борьба за равенство и гражданские права, применение научных достижений в промышленности приводит к промышленному перевороту, изменившему саму социальную структуру.

Глобальные изменения в жизни общества вызвали необходимость создания общей культурно-мировоззренческой парадигмы для объединения региона. Так, исходя из актуальных, насущных потребностей и острых вопросов современной социальной жизни рождается новое понимание исторического смысла для европей-

ской культуры. В основе этой новой общей культурной парадигмы лежат определенные ценностно-мировоззренческие установки, которые воплотились и в науке Нового времени.

Одной из таких главных установок является нацеленность на десакрализацию, освобождение прежде всего от религиозных догм. Эта черта выступает как критика и отрицание предыдущей ступени — средневекового христианского мира, религиозного по своей сути. Место веры занимает теперь всемогущий человеческий разум. В научном познании и знании эта критика выразилась в изгнании понятий смысла и ценности из него. Отрицание ценностно-смысловой компоненты познания приводит исследователей к позиции наивного онтологизма — вере, что предметы существуют сами по себе и не обладают духовным измерением.

Итальянец Джамбаттиста Вико провозглашает отделение земной человеческой истории от истории сакральной, небесной и утверждает действие в истории человечества естественной необходимости, понимаемой как «постоянный и никогда не нарушаемый порядок причин и следствий» [1, с. 376]. Этот естественный порядок или универсальные законы человеческого развития определяют поступательное движение всех народов, наций, движущихся вперед по одному и тому же пути.

История, таким образом, предстает как творение одновременно и человека, и Бога, однако Божественное Провидение подчиняет в конечном счете человеческие страсти и желания. Вико говорит по этому поводу: «…сами люди создали этот Мир Наций… но этот Мир, несомненно, вышел из некоего Ума, часто отличного, а иной раз совершенно противоположного, и всегда — превосходящего частные цели самих людей, тех людей, которые ставили себе эти цели» [1, с. 469]. Таким образом, под Провидением мыслитель понимает некий проект «вечной идеальной истории, поверх которого заметен исторический бег наций в их рождении, прогрессе, упадке и конце» [1, с. X].

Теоретическая модель истории Вико строится на основе идеи цикличности и повторяемости в историческом процессе. Единство мировой истории достигается благодаря тому, что все нации и народы проходят три, одинаковые для всех, стадии своего развития — «век богов», «век героев» и «век людей». Для каждой эпохи характерны свои особенности социальной и экономической жизни, правовых институтов, государственного правления, свои ценностные ориентиры, язык и религия. Развитие человечества идет по восходящей линии, а смена эпох осуществляется путем общественных переворотов, обусловленных социальными конфликтами. Цикл завершается кризисом и распадом общества, который характеризуется деградацией всех сфер социума. После этого следует начало нового цикла.

Решающим в философии Нового времен оказался тезис Рене Декарта: «Cogito ergo sum» («Мыслю, следовательно, существую»). Он послужил основой для удвоения мира, разделения его на того, кто мыслит, его сознание, и то, что окружает мыслящего — мир. Таким образом, происходит разделение мира на субъект и объект и формирование субъект-объектной модели познания, причем субъект понимается как изолированный от объекта. Так, в историческом познании исследователь предстает субъектом, как бы сверху, извне наблюдающим за объектом — историческим процессом. Ученый мыслится как находящийся на определенной дистанции от объекта, он выключен из исторического процесса. Такие взаимоотношения субъекта и объекта познания характерны в целом для классического типа научной рациональности.

Для культуры Нового времени характерно новое по сравнению с периодом Средних веков понимание человека как творца, преобразователя мира. Творческая активность и энергия преобразования направляется вовне, во внешний мир (а не во внутренний) для его изменения, подчинения, покорения. Практическая направленность и прикладной характер становятся доминирующей характеристикой науки Нового времени. Так познание начинает отождествляться с покорением. Нацеленность на инновации и научная рациональность становятся главными ценностями, средствами изменения мира.

Кроме того, устремленность к будущему, воплощенная в идее прогресса, избавленной от религиозного содержания, начинает восприниматься как научно-обоснованный проект. Идея прогресса становится фундаментальной ценностью западной цивилизации. Так, Жан Антуан Кондорсе изображает прогресс как основополагающую тенденцию истории человечества, связанную не с просвещением монархов, а с движением индивидуумов, народов и наций в сторону высшей ступени развития («Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», 1795). Средствами осуществления конечной цели становятся использование техники, научные открытия, совершенствование нравов, политических и правовых институтов. Иными словами, человеческий разум, обладающий воз-

можностью бесконечного совершенствования, выступает гарантом прогрессивного движения человечества.

Кондорсе пишет: «...если мы станем рассматривать результаты этого развития [человеческих способностей] относительно массы индивидов, существующих одновременно в данную эпоху, и если систематически проследим его из поколения в поколение, то получим тогда картину прогресса человеческого разума. Этот прогресс подчинен тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших личных способностей, ибо он является результатом этого развития, наблюдаемого одновременно у большой группы индивидов, соединенных в общество… Эта картина… должна показать далее в видоизменениях, которые претерпел человеческий род, беспрерывно обновляясь в бесконечности веков, путь, по которому он следовал, шаги, которые он сделал, стремясь к истине или счастью. Эти наблюдения над тем, чем человек был, и чем он стал теперь, помогут нам затем найти средства для обеспечения и ускорения новых преуспеяний, на которые человеческая природа позволяет ему еще надеяться» [2, с. 4—5].

Этапы развития разума соответствуют историческим эпохам. Кондорсе выделяет в истории человечества десять периодов — начиная со времени, когда «люди соединены в племена», через «прогресс наук» человечество приходит к эпохе «прогресса человеческого разума» (причем к последней мыслитель относит время с основания Французской республики). В поступательном движении человечества происходит отрицание феодального общества и обосновывается необходимость, разумность и вечность буржуазного строя. В концепции Кондорсе эпоха частной капиталистической собственности предстает как наиболее совершенная в истории и дальнейший прогресс человечества возможен лишь на основе буржуазного правопорядка.

Все вышеперечисленные культурно-мировоззренческие особенности Европы периода Нового времени действуют на фоне рационалистического дискурса, включающего и эмпиризм как его обратную сторону. Разум предстает движущей силой исторического развития, а его смыслом и целью становится человеческая свобода, освобождение, как процесс. На завершающей стадии прогрессивного развития должно восторжествовать «царство разума» в той или иной его форме. В соответствии с принципом тождества бытия и мышления достижение исторических целей воспринималось как действие объективных законов логики истории. Понимание человека как «социального атома» и стремительные успехи естественных наук привели к тому, что они стали образцом и для изменения общественно-гуманитарных наук.

Данные установки, проявившись и в историческом познании, и знании, составили классический тип рациональности, стали основой для построения теоретических моделей истории. Наиболее совершенными из них стали философская система Гегеля, марксистская и позитивистская версии истории.

В результате в конце XIX века Ницше скажет, что Бог умер. Так освобождение всех элементов культуры от сакрального измерения достигло своего пика. Эта точка стала поворотным пунктом осознания границ классического типа рациональности, его исчерпания себя, достижения предела. В науке все более (особенно в социально-гуманитарных науках) становится очевидной несостоятельность его претензий на достижение абсолютного знания. Новым основанием для дальнейшего развития науки становится иное понимание человека и обращение к иррациональному началу, к экзистенциально-личностным и феноменолого-герменевтическим установкам в познании. Так утверждается культурологический подход к истории и неклассический тип рациональности, критическая точка, в которой происходит переосмысление на основе критики прежних установок западной цивилизации, в том числе и в познании.

1. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М. ; Киев : «REFL-book» — «НСА», 1994. 619 с.
2. *Кондорсе Ж. А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1936. 266 с.

Е. Г. Сковикова

МУЗЫКАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. С. СЕРОВОЙ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ[1]

Статья посвящена изучению музыкально-просветительской деятельности В. С. Серовой в селе Судосево Симбирской губернии на рубеже XIX—XX веков, кульминацией которой стало создание крестьянской оперной труппы. Рассматриваются также проблемы репертуара коллектива, вопросы редактирования классической оперы для постановки любительской крестьянской труппой.

Ключевые слова: В. С. Серова, А. Н. Серов, музыкально-просветительская деятельность, музыкальное просвещение, эстетическое воспитание, крестьянская оперная труппа, оперный репертуар, народная песня, театральные представления, гастроли крестьянской оперной труппы.

E. G. Skovikova

MUSICAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF V. S. SEROVA IN SIMBIRSK PROVINCE

The paper studies the musical and educational activity of V. S. Serova in the village Sudosevo (Simbirsk province) at the turn of XIX—XX centuries. The culmination of this activity was the creation of peasant opera company. It also considers the matters of the repertoire, as well as the matters on classical opera edit for staging by the amateur troupe of peasants.

Key words: V. S. Serova, A. N. Serov, musical and educational activity, music education, aesthetic education, peasant opera company, opera repertoire, folk song, theater performances, tours of peasant opera company.

В 2016 году исполняется 170 лет со дня рождения Валентины Семеновны Серовой, которая оставила заметный след в истории русской культуры на рубеже XIX—XX веков. В. С. Серова была первой в России женщиной-композитором и музыкальным критиком.

Валентина Серова (урожденная Бергман) родилась в Москве в 1846 году в семье «самой антимузыкальной, которую можно только себе вообразить», по ее собственному выражению. Но уже в раннем детстве у девочки обнаружились очень хорошие музыкальные способности: абсолютный слух, великолепная память, любовь к импровизации. Когда Валентине исполнилось пятнадцать лет, она успешно выдержала конкурс в Московском отделении Русского музыкального общества и в качестве стипендиантки была направлена в Петербургскую консерваторию.

Став студенткой, юная пианистка была принята в класс великого музыканта — основателя консерватории, педагога и исполнителя А. Г. Рубинштейна. Это событие чрезвычайно обрадовало родителей девушки, которые, как она вспоминала, «гордились этим неимоверно». Однако обучение в консерватории продолжалось недолго: через год ученица вышла замуж за А. Н. Серова — композитора, теоретика, музыкального критика, педагога и оставила консерваторию. Хотя родители сначала были против этого брака и советовали дочери вернуться в консерваторию, позже, познакомившись с зятем поближе, приняли ее выбор.

Валентина Семеновна была единомышленником, верным другом, соратником А. Н. Серова. Обладая, как и муж, кипучей энергией, целеустремленностью, необычайной работоспособностью, упорством в достижении цели, она разделяла его художественные взгляды, эстетические пристрастия, понимание задач, стоящих перед музыкантами. И, самое главное, музыкальная деятельность рассматривалась ими как общественное служение, основное место в которой, наряду с композиторским творчеством, занимала работа по музыкальному просвещению, образованию, развитию народной культуры. Позже В. С. Серова стала одной из основательниц и почётным членом московского Общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений.

[1] Выполнено в рамках научно-исследовательского гранта РГНФ, проект № 15-14-73003 «Рубежи веков в истории культуры Симбирска-Ульяновска (актуальные тенденции прошлого)».

С девятнадцати лет Серова начала публиковать статьи по различным вопросам музыки в периодической печати. Ее работы часто появлялись в журнале «Музыка и театр», который они издавали совместно с мужем в 1867—1868 годах. В номерах этого издания ею было опубликовано одиннадцать ее статей; кроме того, она сотрудничала в журналах «Русская сцена», «Русская музыкальная газета» и др.

С 1880 года В. С. Серова занималась вопросами художественного воспитания в деревне. Ее музыкально-просветительская деятельность в Симбирской губернии началась в 1891 году и первоначально была связана со стремлением помочь жителям края справиться с разразившимся в тот год голодом.

Валентина Семеновна приехала в симбирское селе Судосево (ныне Республика Мордовия), так как ситуация здесь была наиболее сложной и тяжелой. И если на первых порах деятельность Валентины Семеновны Серовой была направлена исключительно на налаживание быта, организацию столовых, яслей, детского приюта-«питомника», как его называли судосевцы, то позже возникла новая цель — открытие школы и подготовка учителей для нее. К слову сказать, в приюте-«питомнике» не только кормили, воспитывали детей-сирот, но и обучали грамоте, рукоделию и музыке. Поскольку идеи просвещения народа интересовали В. С. Серову не меньше, чем бытовые проблемы, она привезла в голодную Симбирскую губернию библиотеку наряду с деньгами и медикаментами. Показателен итог ее деятельности: за десять лет пребывания в Симбирской губернии она открыла 5 школ, 3 библиотеки, подготовила 15 учителей, 21 руководителя хора из крестьян. Но кульминацией просветительской работы Серовой стала организация крестьянской оперной труппы.

Идея создания театра родилась, на первый взгляд, стихийно. Во время вечерних собраний жителей села, на которых обсуждали насущные дела, читали вслух книги, привезенные Серовой, иногда пели, кто-то предложил организовать хор. Дело пошло успешно, и молодежь села загорелась желанием создать театральную труппу, чтобы ставить оперы. В своих статьях и воспоминаниях Серова настойчиво подчеркивала склонность судосевцев к хоровому пению, но самой плодотворной деятельностью в деревне она называла устройство оперных спектаклей.

Безусловно, постановка опер силами крестьян-артистов должна была носить особый характер. В статьях Валентины Семеновны Серовой, опубликованных в журналах «Артист», «Нева», «Русская мысль», изложены методы и принципы ее работы по подготовке оперных спектаклей. Принципиальные положения по этому вопросу изложены ею в статье «Музыка в деревне». Утверждая, что русский народ от природы музыкален, В. С. Серова ссылается на многочисленные примеры этого. В частности, она рассказывает, что деревенские дети «очень быстро научились писать ноты и читать голосом написанные на доске нотные примеры», что они полюбили звуки фисгармонии — «звук органа как будто "окрылял" их», много и хорошо запоминали отрывки из русских опер.

Перенесение классической оперы без каких-либо изменений или сокращений на сцену крестьянского театра было невозможно. Этому препятствовали отсутствие специальной вокальной школы у исполнителей, симфонического оркестра и сложный, порой малопонятный непросвещенному слушателю сюжет. Отсюда основные требования, которые Серова предъявляла к оперному произведению: «1) чтоб сюжет имел глубокое значение, 2) чтоб картины были интересны, 3) чтоб музыка была русская, 4) чтоб характеры были показаны широкими линиями без психологических тонкостей» [1, с. 39—40]. Но так как подобной «особенной» формы деревенской оперы не было, то следовало использовать уже созданные произведения, но, по выражению В. С. Серовой, в «опрощенном варианте». По ее мнению, существовало пять вполне подходящих опер, удовлетворяющих по крайней мере трем требованиям (разумный сюжет, осмысленные картины, вполне русская национальная музыка): «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Рогнеда» и «Вражья сила» А. Н. Серова, «Князь Игорь» А. П. Бородина, «Русалка» А. С. Даргомыжского.

Вопрос «опрощения» оперы В. С. Серова предлагала решать следующим образом. Речитативы, которые «для необразованного слушателя представляются источником неимоверной скуки», следовало заменять их разговорными вариантами. Недостаток солистов — исполнителей главных партий — мог восполняться приглашением певцов из города. Серова подчеркивала, что «от них будет зависеть судьба деревенских оперных спектаклей, в их руках будущее музыкального развития русского народа» [3, с. 40]. Таким образом, подобное предложение полезно, важно и значительно с точки зрения музыкального просвещения. По поводу отсутствия оркестра В. С. Серова высказывала достаточно спорное мнение о том, что «оркестровка — колоритность в музыке и больше ниче-

го», а колорит играет «сравнительно второстепенную роль» [3, с. 41]. Поэтому оркестр может быть легко заменен ансамблями разных составов, например, трио и рояль. Кроме того, вспоминая о крепостных оркестрах, Валентина Семеновна Серова отмечала, что даже создание оркестра не будет делом большой сложности.

Именно на этих принципах строилась работа В. С. Серовой с крестьянской труппой в Судосеве. Она обучала музыкальной грамоте своих актеров, проводила длительные и многочисленные репетиции, спевки и неизменно достигала хороших результатов. Она сама аккомпанировала на рояле в спектаклях, и критики отмечали ее прекрасное как в техническом, так и в выразительном отношении исполнение.

Театральные представления в Судосеве начались в 1895 году. Первым спектаклем крестьянских артистов стала небольшая оперно-драматическая пьеса Серовой «Илья Муромец», сочинение которой было начато еще до приезда в Симбирскую губернию. Настойчивость, энтузиазм руководителя труппы и актеров, неустанно репетировавших около полугода, увенчались успехом. Спектакль очень понравился публике и был показан жителям соседних сел.

После нескольких лет постановочной деятельности, в 1900 году, состоялись гастроли труппы в Симбирске и Пензе. По воспоминаниям Серовой, «все, начиная с верхов и кончая самыми простыми смертными», приветствовали это событие и оказывали горячее содействие в организации гастролей. Правда, произошел досадный инцидент: крестьянской труппе было запрещено выступать на сцене Дворянского собрания. Выступление артистов оказалось под угрозой срыва. Об этом узнали музыкальные и общественные деятели в Пензе, и так как их тоже интересовал вопрос возможности постановки оперы в деревне, то они любезно предложили помощь в организации гастролей в своем городе.

Но спектакль крестьянских артистов в Симбирске все же состоялся, и зрители увидели оперу А. Н. Серова «Рогнеда». Она прошла успешно, хотя постановка в зале Офицерского клуба была разрешена на весьма тяжелых условиях. На спектакле должна была присутствовать в большей части «своя клубная публика» (из 400 билетов в свободную продажу можно было отдать лишь 100). Не допускались декорации и не разрешалось театральное освещение на сцене по соображениям пожарной безопасности. Утром на репетиции собрались все те, ради кого и организовывались гастроли, «вечерний спектакль нас мало интересовал», — вспоминала В. С. Серова [2, с. 77]. Репетиция прошла «блестяще <...> труды были оценены, заслуги всей труппы аттестованы» [2, с. 77]. Тем не менее Серову не вполне удовлетворили результаты гастролей, так как она не имела возможности познакомить учителей и других лиц, от которых зависело народное просвещение и которые им непосредственно занимались, с методами и результатами своей работы, «с деревенским опытом по оперному вопросу», по ее выражению.

Гастроли труппы получили доброжелательные отзывы в местной прессе. Так, «Симбирские губернские ведомости» отмечают внимание публики к крестьянскому спектаклю — «зал был переполнен» — и вполне успешное исполнение «Рогнеды». Автор статьи в газете (Nemo) не высказывает каких-либо критических замечаний в адрес артистов и очень высоко оценивает труд В. С. Серовой. Этот спектакль всколыхнул культурную общественность города и вызвал горячее сочувствие со стороны публики. Один из присутствовавших на представлении зрителей написал стихотворение в честь автора оперы [4]:

Уж много лет с тех пор промчалось,
Когда в осенний день
В пространство вечности умчалась
Серова доблестная тень.
Внезапной смертью слишком рано
Был прерван лучший труд его («Вражья сила»),
Где силы он вложил Титана
И мощь таланта своего!
Но гений смерть не погубила,
И появилась «Вражья сила»
На русской сцене, наконец!

И хотя этот опус не блещет особыми поэтическими достоинствами, тем не менее необходимо отметить, что факт его создания связан с крестьянским театром.

В конце того же 1900 года судосевская труппа представила «Рогнеду» в Пензе. «Публики было много, билеты брали нарасхват, Пенза была заинтересована новизной всей обстановки», — писала «Русская мысль» [1]. Спектакль прошел еще более успешно, чем в Симбирске, появились фотографии, рецензии в столичных газетах и журналах. Отмечалось, в частности, что исполнение столь трудного сочинения было не только удовлетворительным, но и превзошло все ожидания. Столичная пресса публикует также хвалебные отзывы о деятельности и заслугах В. С. Серовой: «Опыт госпожи Серовой делает честь не только ей самой, но и, несомненно, нашему народу и не может не служить великим поощрением для всех, кому доро-

га его судьба, кто желает посвятить хоть небольшую часть своих сил благородному делу просвещения нашей народной массы» [1].

В сложившемся виде труппа состояла из сорока человек. В ней был очень хороший хор и неплохие солисты: Алексей Петровичев («лучший тенор в хоре»), Иван Юленков, Павел Гусев, Федор Решетников, Федор Пожаров (бас), Лидия Першина (сопрано). Много сил и усердия, терпения и любви отдавали оперному делу и руководитель труппы, и актеры. Регулярные репетиции, а в праздники по три раза в день, нередко длились по нескольку часов. «Никогда не надоедали им, актерам, ни моя придирчивость, ни воркотня, ни строгие выговоры, без которых не обходилась ни одна постановка новой пьесы», — вспоминала В. С. Серова [3, с. 39—40]. Подобные усилия приносили прекрасные плоды: за десять лет в крестьянском театре было поставлено шестнадцать спектаклей, среди которых были «Илья Муромец» В. С. Серовой, «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Русалка» А. С. Даргомыжского, «Князь Игорь» А. П. Бородина, «Хованщина» и «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, «Рогнеда» и «Вражья сила» А. Н. Серова и др.

При театре был хор юношей и девушек, в «питомнике» — хор мальчиков. Музыка, которую они исполняли, развивала их способности, память, что помогало им впоследствии легко вливаться в состав театральной труппы. О хорошем уровне музыкальной подготовки свидетельствует следующий эпизод, отмеченный В. С. Серовой: «…на Пасху разучивали хор "Ангел вопияше" в довольно сложной контрапунктической разработке... Певчие быстро усвоили грамоту, пели с большим оживлением и ловко провели все оттенки, отмеченные в пьесе, которая была написана не без претензии на значительную выразительность. Навсегда останется у меня в памяти то увлечение, с которым пели дети эту четырехголосную композицию: все с дирижера глаз не спускали, лихорадочно следя за движениями палочки» [3, с. 38]. Кроме того, детский, юношеский и «взрослый» оперный хоры пели отрывки из русских опер, хоровую музыку Глинки, Даргомыжского и других композиторов.

Развитие оперной деятельности в деревне В. С. Серова связывает с необходимостью возвращения музыки тем, кто способствовал ее рождению. В статье «Музыка в деревне» она пишет: «...отечественная опера процветает, народные сборники все обогащаются новыми напевами, и русский музыкальный стиль уже успел вполне сложиться. Надо принять во внимание, что он сформировался у композиторов благодаря тому, что они внимательно прислушивались к народной песне... Эта простая деревенская песня, очутившись в пышном одеянии, должна снова посетить убогую хату, из которой она вышла» [3, с. 38]. Кроме того, опера позволила бы сделать более разнообразной в жанровом отношении музыкальную культуру деревни, которая, по мнению В. С. Серовой, существовала только в инструментальной форме.

Таким образом, значение деятельности судосевского крестьянского театра чрезвычайно велико. Театральная труппа была важнейшим средством приобщения народа к классическому искусству, развития музыкально-эстетического вкуса и образования в крестьянском сословии. Крестьянские спектакли стали одной из своеобразных форм музыкальной жизни в губернии, связанной с деятельностью любительского оперного театра.

Опыт, накопленный Серовой во время работы в Судосеве, получил позже новое применение: по просьбе внучки писателя С. Т. Аксакова Валентина Семеновна организовала крестьянскую оперную труппу в ее имении в Самарской губернии. Вся жизнь этой яркой личности была отдана служению Музыке: просветительству, образованию, критике, композиторскому творчеству. Музыкально-общественная, просветительская деятельность В. С. Серовой высоко оценивалась ее современниками — представителями художественной общественности: Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, В. Г. Короленко и другими.

1. Васильев. Создатель крестьянской оперы в опале // Ульяновская правда. 1960. 10 февр.
2. Из воспоминаний В. С. Серовой о постановке в г. Симбирске созданной ею труппой оперы «Рогнеда» А. Н. Серова // Русская мысль. 1902. № 11, ноябрь.
3. *Серова В. С.* Музыка в деревне // Артист. 1892.
4. Театр и зрелища // Симбирские губернские вед. 1900. 23 февр.

В. В. Смыслов

БИНАРНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В МЕНТАЛИТЕТЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Предложенная к печати статья — попытка рассмотреть бинарность русской культуры, ее основные параметры и степень ее проявления в менталитете и национальном характере. Автор исследует сущность понятий, позиции различных ученых и мыслителей по проблеме. В работе рассматриваются как положительные, так и отрицательные моменты национального характера, а также факторы, которые способствовали формированию тесной взаимосвязи русской культуры и национального характера и менталитета.

Ключевые слова: русская культура, осевые культуры, национальный характер, бинарность, ментальность, «русская душа», диглоссия.

V. V. Smyslov

BINARINESS OF RUSSIAN CULTURE AND ITS IMPLICATION IN THE MENTALITY AND NATIONAL CHARACTER

This article attempts to examine the binary Russian culture, its main parameters, and the degree of its manifestation in the mentality and national character. The author investigates the essence of concepts, positions of various scholars and thinkers on the problem. He considers both positive and negative aspects of the national character, as well as factors that contributed to the formation of the close relationship of the Russian culture and national character and mentality.

Key words: Russian culture, axial culture, national character, binariness, mentality, "Russian soul", diglossy.

Отечественная культура на протяжении всех веков ее формирования неразрывно связана с историей России. Наше культурное наследие складывалось в процессе становления и развития национального самосознания, постоянно обогащалось собственным и мировым культурным опытом. Оно дало миру вершины художественных достижений, вошло неотъемлемой частью в мировую культуру.

Появление первых воззрений культурологического характера на Руси связывается с Киевской Русью как первым государством у восточных славян, введением письменности, а также с принятием христианства.

Целью предложенной к рассмотрению статьи является изучение и анализ условий формирования русского типа культуры, проявление ее бинарности в менталитете и национальном характере.

Важно учитывать, что русская культура не просто западная в ряду других западных культур, и, следовательно, недостаточно сказать, что развитие Запада в целом впрямую было развитием Руси — России. Безусловно, оставаясь западной, наша культура вместе с тем имеет западность особого рода. Следует применить к русской культуре такую формулу: она представляет собой Восток на Западе. Но это вовсе не означает, что в ней ярко выражены какие-то восточные черты. В то же время нельзя вести речь и о каком-то русском евразийстве, о русской пограничности и промежуточности между Западом и Востоком. Русская культура в своей основе именно западная, но внутри Запада она образует нечто слишком своеобразное, чтобы, безусловно, растворить ее в нем. Национальное своеобразие и нерастворимость, видимо, есть в каждой западной национальной культуре. Это своеобразие заходит так далеко, что русская культура, взятая как целое, не укладывается в типологию и периодизацию западной культуры. У нее во многом свой ритм и своя последовательность эпох и течений.

Особенности формирования российской культуры видятся в таких основных факторах, как:

1) необходимость освоения огромного географического пространства, на котором соединялись и взаимодействовали многочисленные этнические группы и народности;

2) утверждение православия как особой ветви христианства, сосредоточенной на духовности, приверженности устоявшимся традициям;

3) длительная временная изолированность развития от западноевропейских цивилизационных процессов и напряженная борьба за преодоление такой замкнутости;

4) превалирование идеи приоритета государственности над личностными интересами, подчинение интересов личности интересам государства.

Основой культуры того или иного этноса является его ментальность. Русская ментальность — специфический совокупный архетип народа, который возник в результате взаимодействия уникального субъекта (человека) и обстоятельств его жизнедеятельности. Он накладывает существенный отпечаток на характер русской общности и изменяется вместе с ней.

Русский народ является признанным творцом одной из «осевых» культур. В условиях великой «смены всех» и становления российской цивилизации XXI столетия решение «единой и неделимой» проблемы преемственности и обновления культурного наследия стало условием духовного возрождения России. Грандиозность этих проблем обусловлена не только их творческим характером, но и непреходящей уникальностью, устойчивым стереотипом их мистического, иррационального характера. Можно понять представителей Запада, которые останавливаются перед «непостижимыми метафизическими истоками» русской культуры.

Основные объяснения бинарности культуры сводятся к пограничному положению России между Востоком и Западом, Европой и Азией — от «Евразийства» до «Азиопства» [7, с. 187]. При этом многие забывают, что подобной евровосточной бинарностью обладают едва ли не все культуры, формировавшиеся в зоне контакта цивилизаций, — испанская, португальская, греческая, болгарская, сербская, турецкая и другие, принадлежащие Средиземноморью, не говоря уже о латиноамериканских или о христианских культурах Кавказа. Выходит, бинарность русской культуры — явление типичное, поэтому мало что дающее для объяснения уникальности «русского характера» и для выяснения его реального происхождения.

При характеристике России и русского народа быстро стало общим местом указание на их молодость. Молодая Россия и состарившийся, одряхлевший Запад сопрягались и противопоставлялись самыми разными течениями в культуре и общественной мысли. Ощущение русским человеком своей принадлежности к молодому народу не случайно. Очевидно другое: наш народ своим возрастом существенно не отличается от других западных народов. Если же отличия есть, то они всегда в пользу нашей молодости [16, с. 496]. Ощущение русским человеком значимости своего народа нельзя понимать только хронологически. За таким понятием стоит что-то другое, помимо возраста этнической общности.

Противоречивой является не только диалектика русского/российского, но и полярная — от нигилизма до апологии — интерпретация русского народа с точки зрения понимания его как культурно-исторического субъекта, творца духовных ценностей. «Россия, — писал Бердяев, — менее всего страна средних состояний, средней культурности... В низах своих Россия полна дикости и варварства. На вершинах своих Россия сверхкультурна. Историческая задача русского самосознания — различить и разделить русскую сверхкультурность и русскую докультурность, логос культуры в русских вершинах и дикий хаос в русских низинах» [14, с. 301]. Такова элитная версия русской культуры — её отождествление с логосом сверхкультуры в противоположность докультурному хаосу, в сущности, не народа, а человека-массы. Вместе с тем необходимо различать древнерусскую народность и народ России Нового времени — эпохи формирования российской нации — государства.

Наличие у русской культуры своей собственной периодизации и типологизации, не покрываемой общезападной периодизацией и типологизацией, связано вовсе не с какой-то нашей национальной самобытностью и уникальностью Руси. В свое время Русь успешно вошла в одну из таких общностей и успешно развивалась в ее составе. Таким вхождением стало крещение в 989 году. Хорошо известно, что христианство Русь восприняла от Византии. В результате крещения она стала одной из многочисленных и наиболее крупных по населению и территории метрополий Константинопольского патриархата. Русь оказалась в положении, не испытанном ни одной западной национальной культурой. Это положение можно назвать культурным одиночеством. Конечно, оно не было таким же полным, как у Робинзона Крузо на необитаемом острове. Остальные православные культуры после завоевания православных стран не исчезли с лица земли. Однако и развиваться в нормальном ритме они не могли. Древняя Русь «сразу усвоила византийскую технику каменного строительства со сложной системой куполь-

ных и крестовых сводов, а также новую для нее христианскую иконографию, воплощенную средствами мозаики, фрески и иконописи. Это отличает ее развитие от романского Запада, где становление каменного зодчества протекало по иному пути — пути постепенной внутренней эволюции». Находясь в состоянии одиночества, Древняя Русь должна была сделать осознанный выбор между европейской и византийской моделью развития культуры. Эти колебания начались с приходом варягов. Они связаны с русским предвозрождением и влиянием на культуру России европейского Ренессанса.

Возрождение представляет собой чисто городской феномен. Говоря о русском предвозрождении, Д. С. Лихачев также связывает его с городом: «Лучшие токи предвозрожденческого движения захватили собою всю Западную Европу, Византию, но также Псков, Новгород, Москву, Тверь, весь Кавказ и часть Малой Азии. На всем пространстве этой колоссальной территории мы встречаемся с однородными явлениями, вызванными развитием демократической жизни в городах и усиленным культурным общением стран. Многие черты этого предвозрожденческого движения сказались на Руси с большей силой, чем где бы то ни было» [18, с. 11]. И все-таки выбор был сделан в пользу Византии.

Одной из особенностей развития русской средневековой культуры являлось то, что Византия служила для Руси одновременно и античностью, и современной моделью. Лихачев отмечал, что «своя античность» — период домонгольского расцвета древнерусской культуры — при всей ее притягательности для Руси конца XIV — XV веков не могла заменить собой настоящей античности — античности Греции и Рима с их высокой культурой рабовладельческой формации. Если Западная Европа должна была пройти тысячелетний путь средних веков через такие вехи, как Великое переселение народов, формирование варварских государств, становление феодализма и освобождение городов, и если западная культура должна была «пережить» «каролингский ренессанс», романский стиль, готику и завершить ее эпохой Возрождения, то Россия, являясь более молодым государством, избежала столь длительного пути «постепенной внутренней эволюции» и культурно-исторического «созревания», воспользовавшись готовой византийской моделью, служившей и античностью, и современностью» [1, с. 92]. О том, что византинизм предопределил «восточные» приоритеты в историческом выборе пути развития России и ее имманентную оппозицию Западу, говорил и Н. Бердяев в статье, посвященной Леонтьеву: «Россия во всем своем своеобразии и величии держится не национальной скрепой, не русским национальным самоопределением, а византийским православием и самодержавием, объективными церковными и государственными идеями. Эти начала организовали Россию в великий и своеобразный мир — мир Востока, противоположный Западу» [3, с. 133].

Византинизм выступал против любых форм демократических изменений в российском обществе. Западные понятия свободной личности, индивидуализма и демократии оставались для подавляющего большинства российского общества чуждыми и неприемлемыми — «западной заразой», следовательно, вредными, опасными. Об опасностях, грозящих России введением западных ценностей, говорил Леонтьев: «Я осмелюсь даже, не колеблясь, сказать, что никакое польское восстание и никакая пугачевщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция». И это потому, что «русские люди не созданы для свободы. Без страха и насилия у них все прахом пойдет» (цит. по: [4, с. 144]). Он, очевидно, не питал иллюзий в отношении мифа об «особой исторической миссии» России, широко пропагандируемого определенной частью русской интеллигенции XIX века. Говоря о Леонтьеве, Бердяев утверждал, что «он верил не в Россию и не в русский народ, а в византийские начала, церковные и государственные. Если он верил в какую-нибудь миссию, то в миссию византизма, а не России» (цит. по: [4, с. 128]).

Существует много концепций, рассматривающих развитие культуры и истории под углом зрения одного фундаментального фактора, с позиции единого субстанциального основания. И тогда, взятая в своих основах, история культуры предстает как монолог одного-единственного начала, будь то мировой дух или материя. И очень немногие мыслители раскрывают диалогический характер жизни духа и культуры. Среди этих мыслителей следует прежде всего назвать Н. А. Бердяева [5].

В своей концепции «Вызова и Ответа» А. Тойнби также раскрыл диалогическую сущность развития культуры. Если отвлечься от образного стиля изложения, то он дает ключ к пониманию творческой природы и возможной альтернативности культурно-исторического процесса. Развитие культуры осуществляется как серия Ответов, даваемых творческим человеческим

духом на те Вызовы, которые бросает ему природа, общество и внутренняя бесконечность самого человека. При этом всегда возможны различные варианты развития, ибо возможны разные Ответы на один и тот же Вызов. В осознании этого фундаментального обстоятельства и состоит непреходящее значение концепции Тойнби [10, с. 43] Своеобразную концепцию культуры развивал крупнейший русский социолог и культуролог, проживший большую часть своей жизни в эмиграции в США, Питирим Александрович Сорокин (1899—1968). В методологическом плане концепция П. А. Сорокина перекликается с учением о культурно-исторических типах О. Шпенглера и А. Тойнби. Однако теория культурно-исторических типов П. А. Сорокина принципиально отличается от теории О. Шпенглера и А. Тойнби тем, что Сорокин допускал наличие прогресса в общественном развитии. Признавая наличие глубокого кризиса, который в настоящее время переживает западная культура, он оценивал этот кризис не как «Закат Европы», а как необходимую фазу в становлении новой формирующейся цивилизации, объединяющей все человечество.

В соответствии со своими методологическими установками П. Сорокин представлял исторический процесс как процесс развития культуры. По Сорокину, культура в самом широком смысле этого слова есть совокупность всего сотворенного или признанного данным обществом на той или иной стадии его развития. В ходе этого развития общество создает различные культурные системы: познавательные, религиозные, этические, эстетические, правовые и т. д. Главным свойством всех этих культурных систем является тенденция их объединения в систему высших рангов. В результате развития этой тенденции образуются культурные сверхсистемы. Каждая из таких культурных сверхсистем, по словам Сорокина, «обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом «святости», собственными представлениями правого и должного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими правами, законами, кодексом поведения» [Там же].

Киевская Русь как государство существовало с княжения Рюрика (862—879) по княжение Мстислава Рюриковича (1125—1132). Иными словами, период Киевской Руси охватывает вторую половину IX — первую треть XII веков. Основными признаками государственности стали: создание и укрепление централизованной власти, наличие территории и первых границ, определение административного деления и форм власти на местах, установление дани и других источников формирования государства. На ранних этапах развития природа страны накладывала огромный отпечаток на весь ход ее истории. В. О. Ключевский отмечал равнинность, обилие речных путей на Восточно-Европейской равнине, которые облегчили грандиозные процессы колонизации племен, предопределили особенности и разнообразие хозяйственной деятельности народа. Но природа не охраняла общество от чужеродных вторжений.

История русской культуры начинается с ключевого социокультурного события, перевернувшего жизнь древних русичей, изменившего их мировоззрение и поведение, включившего Древнюю Русь в поток мировой истории, — с Крещения Руси. Именно с этого момента для русской культуры начинается «осевое время»: события обретают свой неповторимый смысл; ход времени получает в сознании людей определенную направленность, даже целеустремленность, и начинает рефлексироваться как история; бытие сознается человеком в его противоречиях и антиномиях, в движении; усиливается роль рациональности и рационально преломленного опыта — появляется философское мышление; религия наполняется этическим пафосом и смыслом, и вокруг нравственных оценок жизни и философско-этических учений развертывается духовная борьба. Именно таким образом характеризует понятие «осевого времени» К. Ясперс, обосновавший культурологический подход к осмыслению мировой истории.

Фактически Древняя Русь совершала в этот момент гигантский культурно-исторический скачок, по своему духовному масштабу сопоставимый с теми грандиозными переворотами, которые переживало человечество в целом в период между 800 и 200 гг. до н. э., когда в мировой истории (в Китае, Индии, Иране, Палестине, Греции и др.) складывалось «осевое время».

Однако своеобразие Древней Руси заключалось в том, что, вступая в «осевое время» мировой и собственной истории, древнерусская культура не обретала ярких индивидуальностей ни в поэзии, ни в философии, ни в области религиозно-этических учений, ограничиваясь лишь персонификацией своих правителей и святителей, религиозных учителей и подвижников. В связи с этим Креститель Руси Владимир должен рассматриваться как деятель древнерусской культуры. То же относится и к Ярославу Мудрому, и к Владимиру Мономаху и т. д., хотя

культурные функции древнерусских князей совершенно особые, не связанные с непосредственным созданием ценностей и смыслов культуры, произведений искусства и науки, философской, религиозной и политической мысли. Все они — культурные политики, реформаторы общественной и религиозной жизни народа, руководители масштабных социокультурных процессов, имевших место в Древней Руси и оказавших большое влияние на многие феномены ее культуры, но не сами творцы древнерусской культуры в полном смысле этого слова (писатели, художники, мыслители, религиозные пророки и пр.).

Становление русского централизованного государства (Московского княжества, а затем Московского царства) сопровождалось соответствующим литературным «обрамлением», идеологически и философски обосновывающим необходимость сильной деспотической власти. Среди таких произведений, например, «Послание о Мономаховом венце» митрополита Спиридона-Саввы (1510-е гг.) и созданное на его основе «Сказание о князьях Владимирских». Созданная на рубеже XVI—XVII веков «Повесть о начале Москвы» строит аналогии «Третьего Рима» с первым и вторым, основанными на пролитой крови. Великая спасительная миссия Москвы — в масштабах всей Руси, значимость ее святынь мотивируются «пролитием кровей многих». Впервые в истории русской культуры складывался в общенациональном масштабе феномен официальности применительно к литературе, религии, политической идеологии, морали, правовым нормам и т. д. — фактически ко всей культуре. В Московском царстве утверждается пышный и помпезный стиль, все приемы которого формализовались и застыли в виде жесткого канона, получившего название «второго монументализма».

В центр официальной культуры, включая политическую и религиозную идеологию, философию и богословие, литературу и искусство, был поставлен столичный город как само воплощение официального представительства власти — социальной и духовной. Так, представление Москвы «Третьим Римом» (и последним) означало воплощение вселенской власти и восстановление мировой империи (наподобие Римской или Византийской, но еще более величественной и совершенной); национально-религиозного избранничества, преемственного по отношению к двум предшествующим священным царствам и приблизившегося вплотную к апофеозу христианства в мировом масштабе и Апокалипсису; смысловое единство «осевой» направленности мировой истории (вектор которой знаменует развитие человечества от рождения Христа до конца света и Страшного суда) и ее сущностной повторяемости, вечности (Рим может быть первым, вторым, третьим, но он, даже передвигаясь в пространстве и во времени, остается одним и тем же «вечным городом»). Значимость столичного центра подтверждалась экстраполяцией его семантики на все государство. Не случайно в это время иностранцы называют Русь Московией, а русских — московитами (т. е., по-нашему, москвичами), как будто Русь и Москва тождественны.

Однако консолидация различных явлений культуры под знаком государственного официоза предполагала смысловое противостояние этой культурно-идеологической монополии государства, нараставшей в обществе территориальной, социальной и культурной дифференциации, идейному плюрализму и стилевому многообразию неофициальной культуры (включая литературу и словесность вообще).

Воззрения и идеи культурологического характера «монгольской» Руси можно представить в русле трех основных направлений развития общественного сознания и теоретической мысли. Первое направление традиционно составляли воззрения на культуру христианско-православной церкви. Второе направление находилось в оппозиции к первому, так как выражало свободомыслие — различные еретические воззрения, критику церковной практики, деятельности иерархов церкви. Источниками, в которых отражались культурологические идеи, стали описания побед над монголами, других военных походов. «Поход на Казань», «Оборона Пскова», «Повесть о житии Александра Невского», «Задонщина», «Сказание о мамаевом побоище», «Житие Сергия Радонежского» и другие героико-эпические произведения характеризовали военно-политическую ситуацию на Руси в XIV—XV веках, отношения между Московским государством и другими княжествами, роль православной церкви в духовном и организационном объединении сил русских земель в борьбе против монгол, образ жизни людей. Культурологический характер имели также возвышенный стиль и обращения к былинному эпосу, свойственные этим повествованиям. Формировалась народная баллада.

Когда Московская Русь начала превращаться в империю, подписав тем самым приговор своей собственной национальной культуре? Год можно назвать безошибочно: 1552 — завоевание Казанского ханства и начало присоединения

первых территорий на Северном Кавказе — Карачая, Черкесии, Кабарды, то есть территории, великорусскому этносу никогда ранее не принадлежавшей. А где верхняя граница, позволяющая нам утверждать, что de facto перед нами уже империя? Тоже указать не сложно: 1 октября 1653 года Земский собор в Москве, а 8 января 1654 года Переяславская рада приняли решение о вхождении Украины (Малороссии) в состав Московского государства. То есть ровно столетие, за которое были присоединены также Астраханское ханство (1556), Сибирское ханство Кучума, завоеваны и вновь утеряны территории в Прибалтике, а затем пройдена вся Сибирь (к 1648). Причем эти процессы были достаточно органичны для русской ментальности и для русской политики, ибо рассматривались как продолжение вековой борьбы с татарами и как воссоединение некогда отторгнутых земель. Так реконкиста незаметно переросла в конкисту.

Становление империи de facto еще не гарантирует той же стадии развития соответствующей культурной системы. Общие критерии, позволяющие соотнести эти явления, отсутствуют. Зато это возможно на событийном уровне. И большая система, и входящие в нее малые обладают по отношению друг к другу достаточно высокой автономией. А это значит, что для решения своих задач большая система может опираться на достижения любой из малых, входящих в нее, а не только титульной, ее породившей. Более того, ее действия могут оказаться неприемлемыми для титульной подсистемы, глубоко ей чуждыми и враждебными (что хорошо для Российской империи, отнюдь не обязательно хорошо для Великороссии). С того момента, как был дан толчок к рождению большой системы, джинн из бутылки уже выпущен [10, с. 153].

В постсоветской историографии, посвященной петровским преобразованиям, можно встретить вопрос, ранее немыслимый: «Действительно ли русская средневековая культура во второй половине XVII века переживала кризис?» Кризис, конечно же, был, но нужно задать другой вопрос: а были ли петровские реформы направлены на разрешение именно этого кризиса? Часть исследователей считает, что петровские реформы противоречили национальным традициям русской культуры, что они оказали разрушающее воздействие на такие характерные ее черты, как соборность и высокая духовность, и, таким образом, нанесли вред ее развитию.

Возражающая, пропетровская сторона черпает свою аргументацию не только из кладовых различных европоцентристских теорий. Она опирается на факт удивительной жизненности петровских новообразований: от коллегий, проживших столетие, до Табели о рангах, дожившей до революции и в редуцированной форме неоднократно возрождавшейся в советскую и постсоветскую эпохи; от учебных заведений до Академии наук, чей возраст скоро достигнет трех столетий, и т. п. Такого не могло бы случиться, если бы все эти организмы существовали в исключительно враждебной, чужеродной среде. Отсюда вывод об органичности для России петровских реформ, об их глубоко русском характере.

Русский народ — признанный творец одной из «осевых» культур. В условиях великой «смены вех» и становления российской цивилизации XXI века решение проблемы преемственности с культурным наследием и его обновления стало условием духовного возрождения России.

Грандиозность этих проблем обусловлена непреходящей уникальностью, устойчивым стереотипом их мистического, иррационального характера. Для многих представителей Запада остается загадкой душа русского человека. Для определения характера, души русского человека необходимо рассмотреть сущность понятия «менталитет». В самом широком смысле слова менталитет — это глубинный пласт общественного сознания. Согласно М. А. Боргу: «Это «совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т. е. повторения» [7, с. 189].

Базовыми характеристиками менталитета выступают его коллективность, неосознанность, устойчивость. Так как это понятие выражает повседневный облик коллективного сознания определенной социокультурной общности, его «скрытым» слоем, независимым от собственной жизни индивида, оно предстает реальностью коллективного порядка. Менталитет характеризует неосознанность или неполная осознанность, «на этом уровне удается расслышать такое, о чем нельзя узнать на уровне сознательных высказываний», — пишет А. Я. Гуревич [Там же, с. 190]. Он выступает как способ выражения знаний о мире и человеке в нем, служит в повседневной жизни онтологическим и функциональным объяснением и содержит ответы на вопросы: Что это? Как? Зачем это?

Структура менталитета — это прежде всего устойчивая система скрытых глубинных установок и ценностных ориентаций сознания, его автоматических навыков, которые определяют устойчивые стереотипы сознания.

Существуют причины, которые способствуют формированию менталитета. Таковыми являются: 1) расово-этнические качества общности; 2) естественно-географические условия ее существования; 3) результаты взаимодействия данной общности и социокультурных условий ее проживания. Среди расово-этнических отличий социокультурной общности, воздействующих на менталитет, следует отметить ее численность, темперамент, уровень развития.

Базовыми особенностями менталитета россиян можно считать преобладание моральных составляющих и прежде всего чувства ответственности и совести, а также особое понимание взаимоотношений личности и общества. Это обусловлено рядом причин, прежде всего тем, что «из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить, но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность», — писал И. А. Ильин, поэтому «вопрос: ради чего жить? имеет более важное значение, чем вопрос о хлебе насущном», — утверждал Ф. М. Достоевский [Там же].

Значительным является и влияние религиозного фактора, прежде всего православия как одного из источников российского менталитета. Оказывает влияние на специфику российского менталитета социальная организация общества, которая проявляется в активной роли государства, результатом является доминирование в менталитете россиян, убеждения в необходимости сильной власти. Как уже было сказано выше, русская ментальность накладывает существенный отпечаток на характер русской общности и изменяется вместе с ней. Как писал Розанов: «Если есть нация, есть и культура, потому что культура есть ответ нации, есть аромат ее характера, сердечного строя, ума «Русский дух», как вы его ни хороните или как не высмеиваете, все-таки существует. Это не непременно гений, стихи, стихи, проза, умопомрачительная философия. Нет, это манера жить, т. е. нечто гораздо простейшее и, пожалуй, мудрейшее» [11, с. 82].

Ключевое и знаковое понятие ментальности народа, выражающее эмоционально-психологическую реальность русской души: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Как отмечал З. Фрейд, важнейшими чертами ментальности народа является «сильное предрасположение к амбивалентности».

Важнейшими чертами душевной жизни русского человека является способность чувствовать и мыслить различными, порой взаимоисключающими способами; совмещать порыв к безграничной свободе с великотерпением.

Для русского человека характерны жажда справедливости и недоверие к правовым способам ее достижения, непременная любовь к дальнему и избирательная к ближнему, вера в абсолютное добро без зла и сомнительную ценность относительного добра, пассивное ожидание последнего и пассионарный активизм «решительного боя» за окончательное торжество добра, возвышенность в целях и неразборчивость в их достижениях и т. п.

На взгляд Ю. М. Лотмана, для русской культуры характерна бинарная структура. Бинарный же характер русской души не является ее уникальной особенностью. Он в той или иной мере присущ ментальности и других народов. Главная проблема — в безмерности русского характера.

Флоровский Г. по этому поводу писал: «История русской культуры вся в перебоях, в приступах. Всего меньше в ней непосредственной цельности. Несоизмеримые и разновременные душевные формации как-то совмещаются и срастаются сами собой. Но сросток не есть синтез. Именно синтез не удавался» [Там же, с. 83].

Поэтому постижение глубинных основ российского бытия проходит на интуиции, т. е. идет воспроизводство не рационального, ярко выраженного в западном менталитете, а иррационального архетипа.

По определению некоторых ученых, национальный характер — это совокупность генотипа и культуры.

Так как генотип — это то, что каждый человек получает от природы, то культура — это то, к чему человек приобщается с рождения, поэтому национальный характер, кроме неосознанных культурных архетипов, включает в себя и природные этнопсихологические черты индивидов.

Когда персонаж Достоевского узнает «русскую действительную жизнь», он заключает, что «вся Россия есть игра природы». Согласно Ф. Тютчеву, «умом Россию не понять, // аршином общим не измерить. // У ней особенная стать. // В Россию можно только верить». Б. Паскаль отметил: «Ничто так не согласно с разумом, как его недоверие к себе». В осознании неповторимости, уникальности, невозможности измерить Россию «общим аршином» — ключ к постижению и явного — умом, и сокровенного — верой в Россию.

Как утверждалось ранее, национальный характер русского человека включает в себя не-

осознанные культурные архетипы и природные этнопсихологические черты индивидов.

Период язычества восточнославянских племен не входит в историю культуры. Это предыстория русской культуры, ее исходное состояние, которое продолжалось еще весьма длительное время, не претерпевая существенных изменений, не переживая сколько-нибудь значительных событий.

Со времен, отмеченных постоянными контактами и противоборствами с соседними кочевыми народами, в русской культуре и национальном самосознании глубоко укоренился фактор случайности, непредсказуемости (отсюда знаменитое русское «авось да небось» и другие аналогичные суждения обыденного народного сознания). Этот фактор во многом предопределил свойства русского национального характера — бесшабашность, удаль, отчаянная смелость, безрассудство, стихийность, произвол и т. п., с которыми связана особая мировоззренческая роль загадок в древнейшем русском фольклоре и гаданий в повседневном быту; склонность принимать судьбоносные решения путем бросания жребия и другие характерные особенности менталитета, базирующегося на неустойчивом равновесии взаимоисключающих тенденций, где любое неуправляемое стечение обстоятельств может оказаться решающим. Отсюда берет начало традиция принимать трудные решения в условиях жесткого и подчас жестокого выбора между крайностями, когда «третьего не дано» (да оно и невозможно), при этом сам выбор между взаимоисключающими полюсами подчас нереален или невозможен, или в равной степени губителен для «избирателя», — выбора, происходящего буквально на цивилизационном распутье неподвластных ему сил (судьба, доля, счастье), о реальности и определенности прошлого (традиций, «предания») — по сравнению с ирреальным и неопределенным, драматически вариативным и непредсказуемым будущим. Как правило, мировоззрение, складывающееся с ориентацией на факторы случайности и стихийности, исподволь проникается пессимизмом, фатализмом, неуверенностью (в том числе и в собственно религиозном смысле — как неверие, постоянно искушающее веру).

В таких условиях формировались и другие качества русского народа, ставшие его отличительными особенностями, сросшиеся с национально-культурным менталитетом, — терпенье, пассивность в отношении к обстоятельствам, за которыми тем самым признается ведущая роль в развитии событий, стойкость в перенесении лишений и тягот жизни, выпавших страданий, примирение с утратами и потерями как неизбежными или даже предопределенными свыше, упорство в противостоянии судьбе.

Зависимость от «капризов» суровой природы и климатической неустойчивости, от необузданной агрессивности кочевых народов, составляющих ближайшее окружение, неуверенность в завтрашнем дне (урожай или недород, война или мир, дом или поход в чужие земли, воля или кабала, бунт или покорность, охота или неволя и т. д.) — все это аккумулировалось в народных представлениях о постоянстве изменчивости, об извечной зависимости человека от господствующих над ним обстоятельств.

Как известно, большое влияние на формирование русского культурного архетипа оказало принятие в X веке христианства, которое пришло на Русь из Византии в православной форме. Русский человек всем ходом собственного развития изначально был подготовлен к восприятию православия. Оно включило в себя все общество, но не захватывало человека целиком. Вера руководила лишь религиозно-нравственным бытом русского народа, то есть регулировала церковные праздники, семейные отношения, времяпровождение, при этом обычная будничная жизнь русского человека не затрагивалась ей. Такое положение вещей предоставляло свободный простор самобытному национальному творчеству.

В восточнохристианской культуре земное существование человека не имело ценности, поэтому основной задачей было подготовить человека к смерти, а жизнь рассматривалась как маленький отрезок на пути в вечность. В качестве смысла земного существования признавались духовные стремления к смирению и благочестию, аскетизм и ощущение собственной греховности.

Отсюда в православной культуре появилось пренебрежение к земным благам, так как они скоротечны и ничтожны, отношение к труду не как к творческому процессу, а как к способу самоуничижения. Отсюда — расхожие выражения: «Всех денег не заработаешь, с собой в могилу не заберешь» и т. п.

Вл. Соловьеву была особенно дорога такая черта русского человека, как осознание своей греховности — несовершенства, неполноты достижения идеала.

Неотъемлемая грань и фермент возрождения России — это обновление русской идеи как духовной квинтэссенции не только русского суперэтноса, но и общезначимой всероссийской

идеи как, с одной стороны, самоидентификации России, с другой — её «послания миру». Постижение русской идеи предполагает осознание особенностей структуры объективных факторов становления и эволюции этого феномена, основных уровней и граней, альтернатив сопричастности к ней её субъекта. Как заметил А. де Кюстин, «у народов всегда есть достаточно причин быть такими, какие они есть: и лучший из них тот, который не может быть другим» [8, с. 169].

В конце XIX — начале XX века развернулись дискуссии о российской, или русской, нации. К последней, полагал П. Струве, принадлежат «все, кто участвует в русской культуре» [2, с. 40]. Оба понятия — «русский» и «российский» употреблялись как синонимы и были лишены этнического смысла.

Итак, вот что приводит к «непознаваемости» России, вот разгадка «бинарности русской культуры». То, что принимается за единое целое, в действительности представляет собой две относительно независимые, хотя и тесно связанные между собой — и генетически, и функционально — культурные системы: национальную, православную русскую (великорусскую) и российскую (мега) культуру формирующейся Российской империи — полиэтническую и в значительной степени поликонфессиональную.

Их смешение, объединение или замещение (подстановка национальной единицы на место имперской) в литературе и в повседневном обиходе происходят по многим причинам и на разных уровнях. Вот лишь некоторые из них:

1. В советскую эпоху термин «русский» своей чрезвычайно возросшей функциональностью полностью вытеснил из обихода термин «великорусский», существующий едва ли не в виде реликта, и потеснил термин «российский», который начал возрождаться лишь после распада СССР.

2. Обе культурные системы используют один и тот же язык — русский. Ранее они обе базировались на двух разных диглоссиях (функциональном двуязычии): великорусская — на русско-старославянской, российская — на русско-французской. Это с неизбежностью оказывало влияние и на словарный запас русского языка, и на его структуру.

Советская власть уничтожила обе диглоссии, что нельзя не признать культурной катастрофой. И постепенно произошла определенная унификация языка, точнее, его советизация, формирование «новояза».

3. Обе рассматриваемые культурные системы лежат в разных параллельных плоскостях. В этом случае, как известно, для смотрящего сверху или снизу оба множества сливаются. Мы же предлагаем посмотреть сбоку.

С формальной точки зрения у этих двух культур имеется еще одно важное отличие — вектор действия. У российской он направлен вовне, в первую очередь в Европу. Это — евроориентированная культура, еще в ходе своего формирования ставшая неотъемлемой частью европейской палитры.

Что же касается великорусской культуры, то у нее иное направление. И отнюдь не на Восток, не в Азию. А внутрь себя. Как и у большинства других этнокультур.

Таким образом:

1) Существуют две вполне познаваемые разумом культурные системы, каждая из которых вряд ли выпадает из ряда аналогичных этнических или имперских образований, а их отношение между собой скорее типично, чем уникально.

2) Великорусская этнокультура — лишь одна из многих подсистем (мега) культуры Российской империи. Следовательно, можно принадлежать русской культуре и российской, украинской и российской, грузинской и российской, еврейской и российской. А можно и не принадлежать, оставаясь в границах исключительно этнокультуры своих предков. Это — выбор каждого человека, чаще всего сознательный и самостоятельный. А можно ли принадлежать только российской культуре? Можно и это. Но такой выбор предполагает, по-видимому, очень глубинный космополитизм.

Важно подчеркнуть, что менталитет при выражении национального характера действует спонтанно, не проявляясь в совокупности принципов и привычек, отражающихся в чертах характера (таковы, например, свойственные россиянам чувства справедливости, терпения, жертвенности, готовности на подвиг и др.).

3) Структура менталитета — сложная многоуровневая пирамида механизмов и способов действия, непосредственно связанных с многовековой культурой народа. Базовыми особенностями менталитета россиян являются преобладание моральных составляющих и прежде всего чувства ответственности и совести, а также особое понимание взаимоотношений личности и общества.

1. *Арутюнян А.* Россия и Ренессанс: история русской культуры (было ли в России Возрождение? О влиянии Византии на русскую культуру) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 89—101.

2. *Бабаков В.* Национальные культуры в общественном развитии России // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 29—42.
3. *Бердяев Н. А.* Очерки истории русской религиозной мысли. М., 1995.
4. *Бердяев Н. А.* О культуре; Судьба России // Антология культурологической мысли. М., 1996.
5. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990.
6. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. М., 1994.
7. *Гузевич Д. Ю.* Кентавр, или К вопросу о бинарности русской культуры: становление культуры в России // Звезда. 2001. № 5. С. 186—197.
8. *Иванова Т. В.* Ментальность, культура, искусство // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 168—177. Культура.
9. *Кондаков И.* Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 159—172. О логике исторического развития русской культуры.
10. *Кондаков И. В.* Культурология: история культуры России. М. : Омега-Л : Высш. шк., 2003. 616 с.
11. *Коробейникова Л. А.* Эволюция представлений о культуре в культурологии // Социс. 1996. № 7. С. 79—85.
12. *Кравченко А. И.* Культурология. М. : Акад. проект, 2001. 496 с.
13. Культурология / под ред. А. А. Радугина. М. : Центр, 2005. 304 с.
14. Культурология / под ред. Г. В. Драча. Ростов н/Д. : Феникс, 1995. 576 с.
15. *Мамонтов С. П.* Основы культурологии. М. : РОУ, 1995. 208 с.
16. *Сапронов П. А.* Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры. СПб. : СОЮЗ, 1998. 560 с.
17. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории : сб. М., 1991. С. 106—142.
18. *Торопцев А. А.* Двенадцать подвигов России. М., 2011.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ю. В. Андреева

НОВЫЙ ФОРМАТ МОЛОДЕЖНОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: МЕЖДУ «БЛИЗКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ» И «ДАЛЕКОЙ ПОЛИТИКОЙ»

В фокусе статьи — смыслы и формы, которые приобретает гражданственность в современной молодежной социальности.

Ключевые слова: гражданственность молодежи, гражданское участие, гражданская самоидентификация, молодежный активизм.

Y. V. Andreeva

NEW FORMAT OF YOUTH CITIZENSHIP: BETWEEN "CLOSE EVERYDAY" AND "DISTANT POLICY"

The paper focused on meanings and forms of citizenship for modern youth sociality.

Key words: youth citizenship, citizenship participation, citizenship self-identification, youth activism.

Российские исследования гражданственности, гражданского сознания, гражданских позиций, выбора и прав в контексте молодежных исследований традиционно проводились в русле количественной парадигмы. В этом смысле данная статья не является исключением. Она основана на эмпирическом материале количественного опроса учащихся вузов в двух городах — Ульяновске и Санкт-Петербурге. Данные были собраны в 2013 году, в рамках коллективного проекта «Гражданственность молодежи России: современные смыслы и практики»[1]. Основной целью этой статьи не является сопоставление молодежных групп из двух городов. Логика её содержания основана на исследовании ряда вопросов, которые в ходе теоретического анализа были выделены в качестве индикаторов гражданской активности молодежи:

— имеющегося опыта гражданского участия, как формального (голосование на выборах), так и неформального (безвозмездные активистские практики) плана, а также установок (представлений) относительно возможной мотивации молодежной активности;

— актуальных молодежных практик и пространств участия, репертуара молодежных активностей;

— контекстов молодежных интерпретаций гражданского активизма, позволяющих понять, от чего зависят молодежные включения и практики гражданственности, — здесь основными категориями анализа стали категории *протеста* и *доверия*, а также категория *лояльности* (конвенционализма), понимаемая как способность и готовность принять общепринятый (традиционный) дискурс, придерживаться и транслировать (воспроизводить) его.

Основная идея статьи в том, чтобы выявить, чем является сегодня гражданственность для молодежи, как понимается и интерпретируется самими молодыми, какие смыслы и формы приобретает.

Одним из основных вопросов, которым принято измерять уровень гражданской активности молодежи, для многих количественных проектов традиционно является вопрос об участии в выборах. Молодых ульяновцев и петербуржцев спросили *о том, принимали ли они уча-*

[1] Проект Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, финансирование ЦФИ НИУ ВШЭ, 2013, руководитель — д.с.н., профессор Е. Л. Омельченко.

стие в голосовании на выборах Президента РФ 4 марта 2012 года. Оказалось, что в целом по двум городам проголосовало менее половины всех респондентов: в Ульяновске — 42,1 %, а в Санкт-Петербурге и того меньше — 31,2 %. Соответственно, 55,8 % ульяновской молодежи и 66,8 % петербургских ребят не принимали участия в выборах. Для Санкт-Петербурга, вне зависимости от уровня дохода, число проголосовавших 4 марта 2012 года сконцентрировалось вокруг цифры в 30 %, а количество не голосовавших, также вне зависимости от уровня дохода, оказалось выше 60 %. Но анализ данных позволяет заметить, что фактор участия или неучастия в выборах может быть и изменчивым, в зависимости от уровня дохода наших респондентов. Например, в Ульяновске ситуация иная, чем в Санкт-Петербурге. Здесь среди респондентов с низким уровнем дохода (среди тех, кому не всегда хватает средств на одежду и обувь) процент проголосовавших отличается в большую сторону — их больше 50 %, при этом не принимавших участия в голосовании — 48 %. Среди тех, чей уровень дохода ниже среднего (средств не всегда хватает на бытовую технику), проголосовавших оказалось 42,5 %, а респондентов с этим же уровнем дохода, не ходивших на выборы, — 55,5 %. Среди опрошенных со средним уровнем дохода (средств хватает на все, кроме крупных покупок, например, авто, квартиру) в выборах участвовали 37,3 %, не голосовавших вообще насчитывалось 59,7 %, а проголосовавших высокодоходных респондентов (указали, что их доходов хватает абсолютно на все) оказалось 44,2 %. То есть в Ульяновске чем выше уровень дохода, тем больше вероятность того, что респондент не пойдет на выборы. Этот факт, вероятно, может быть объяснён экономическими причинами: в Ульяновске уровень средней зарплаты в два раза ниже, чем в Санкт-Петербурге. Возможно, поэтому уровень достатка здесь оказался важным с точки зрения участия в выборах.

Интересно, что ни образовательный статус, ни какой-либо другой фактор не показал такой же чувствительности в отношении участия или неучастия молодежи в выборах. В частности, фактор идентификации себя как гражданина, который, казалось бы, имел все ожидаемые шансы отразиться на решении респондентов, проявился весьма незначительно (см. рис. 1). Оценка важности локальной идентичности также, как выяснилось, мало выраженный фактор в случае принятия решения об участии или, напротив, отказа от голосования на выборах. Среди респондентов, ответивших, что для них важно быть жителем Ульяновска, 43,3 % участвовали в мартовских выборах и 41,7 % не ходили голосовать. В Санкт-Петербурге среди ответивших, что для них важно быть жителем Санкт-Петербурга, участвовавших в выборах оказалось 31,3 %, а среди ответивших, что это не важно, — проголосовала треть опрошенных — 30,2 %.

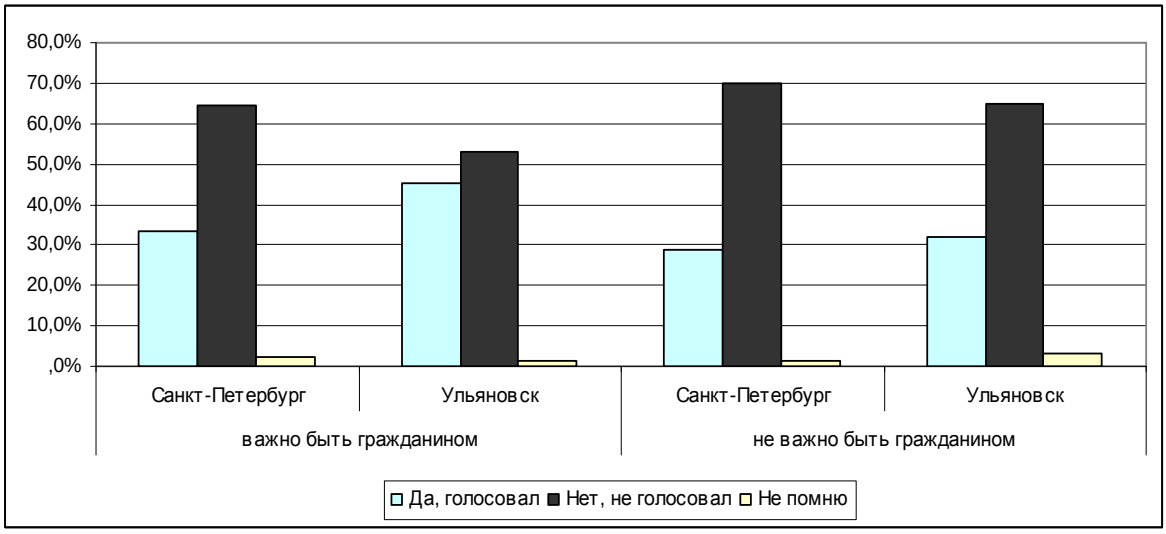

Рис. 1. **Зависимость участия в выборах от гражданской самоидентификации у молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга**

Таким образом, общероссийская гражданская самоидентификация оказалась даже более чувствительным фактором, чем локальная, в случае участия молодежи Санкт-Петербурга и Ульяновска в голосовании.

Для выяснения *причин неучастия молодых ульяновцев и петербуржцев в голосовании на выборах Президента РФ 4 марта 2012 года* респондентам были предложены несколько утверждений, которые наилучшим образом могли бы объяснить их отказ пойти на выборы. Но надо принять во внимание, что большинство опрошенных и в Ульяновске, и в Санкт-Петербурге на момент проведения мартовских выборов 2012 года еще не имели права голосовать в связи с недостижением ими соответствующего возраста — таких оказалось чуть более 60 % в обоих городах.

В остальных случаях альтернативы распределились следующим образом (см. рис. 2). Сразу после альтернативы «не имел(а) права голосовать» самой часто выбираемой причиной оказалась «для меня голосовать или не голосовать — действия одинаково бессмысленные» — здесь процентные показатели сопоставимы, но отличаются в чуть большую сторону в Санкт-Петербурге (15,6 %) по отношению к Ульяновску (12,8 %).

В качестве следующей причины неучастия ульяновской и петербургской молодежи отмечалась альтернатива «я все равно не смогу повлиять на положение дел в стране» — её выбрали 10,2 и 14 % соответственно. Далее следовала альтернатива «я решил не голосовать, потому что на этих выборах не было кандидата, который выражает мои взгляды» (9,3 % — в Ульяновске и 8,8 % — в Санкт-Петербурге). Затем отмечалась альтернатива «у меня другие интересы и проблемы» — её предпочли 9,6 % молодых ульяновцев и 7,1 % петербуржцев.

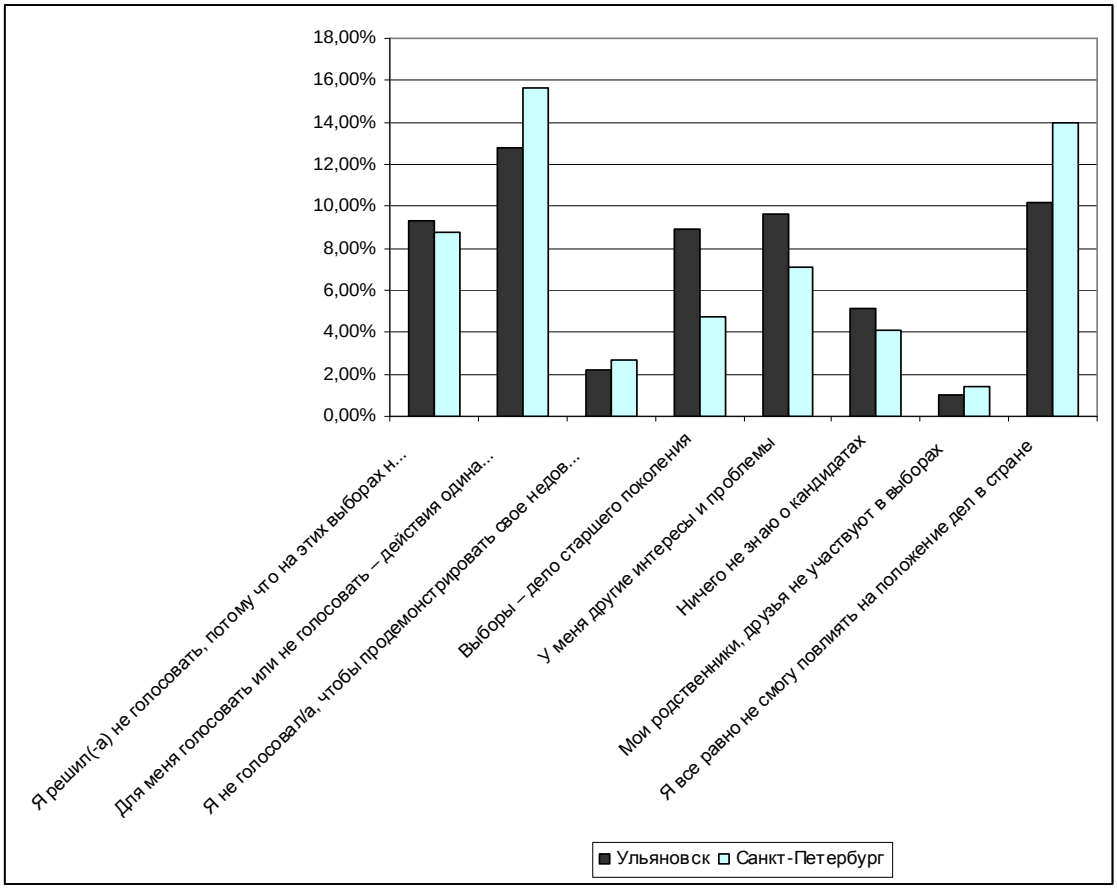

Рис. 2. **Причины неучастия в голосовании на выборах президента РФ 4 марта 2012 года среди молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга**

В целом можно отметить, что полученные результаты укладываются в тенденции, фиксируемые последними массовыми опросами. Исследователи уже не первый год утверждают,

что сам факт голосования на выборах не воспринимается молодыми как важный и значимый вклад в жизнь страны (или своего города), он имеет слабое отношение к гражданской самоидентификации, потому что смыслы участия в выборах у молодых не пересекаются с их пониманием (установками) гражданственности [1].

Данные опроса указывают, что такая своеобразная «общегражданская» молодежная бессубъектность — тенденция, скорее сохраняющаяся из года в год. Гражданственность для молодежи — это нечто совсем иное. С одной стороны, воспринимаемое в терминах долженствования как официозное по своей форме и далекое от их повседневной жизни, но при этом, с другой стороны — как естественное и близкое по содержанию, то, что может быть реализовано в их повседневных практиках, без принуждения. Например, в том, что принято обозначать в литературе как неформальные активности [2].

В связи с этим интересно проследить, *что ульяновской и петербургской молодежи приходилось делать безвозмездно для других людей в 2012—2013 гг.* Весь репертуар безвозмездных активностей молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга представлен на рисунке 3. Как можно заметить, лишь немногие из наших респондентов отметили, что они не занимались ничем похожим — таких оказалось 11 % в Ульяновске и 12 % в Санкт-Петербурге. Большая часть опрошенных указала, что у них имелся подобный опыт. Например, в Санкт-Петербурге 55,3 %, а в Ульяновске 49,8 % респондентов оказывали в 2012—2013 гг. денежную помощь. В Санкт-Петербурге 48,6 % и в Ульяновске 45,1 % учащихся и студентов поддержали нуждающихся вещами и продуктами. 38 % ульяновской молодежи присматривали за чужими детьми, 28 % помогали в уходе за больными. А среди молодых петербуржцев больше распространены практики помощи в поиске работы (30 %) и оказания профессиональных консультаций (23,7 %). Таким образом, примечательно, что почти треть наших респондентов в каждом случае готовы быть причастными и что-то делать для умножения общественного блага.

Вопросы включения или отказа от участия для молодежи тесно связаны с представлениями о мотивации этой деятельности, т. е. о том, что движет активистами, а также самостоятельными поисками ответа на вопрос «Зачем?». Поэтому респондентам был задан вопрос: *почему, по их мнению, люди занимаются активистской деятельностью?* Полученные результаты отражает диаграмма, представленная на рисунке 4.

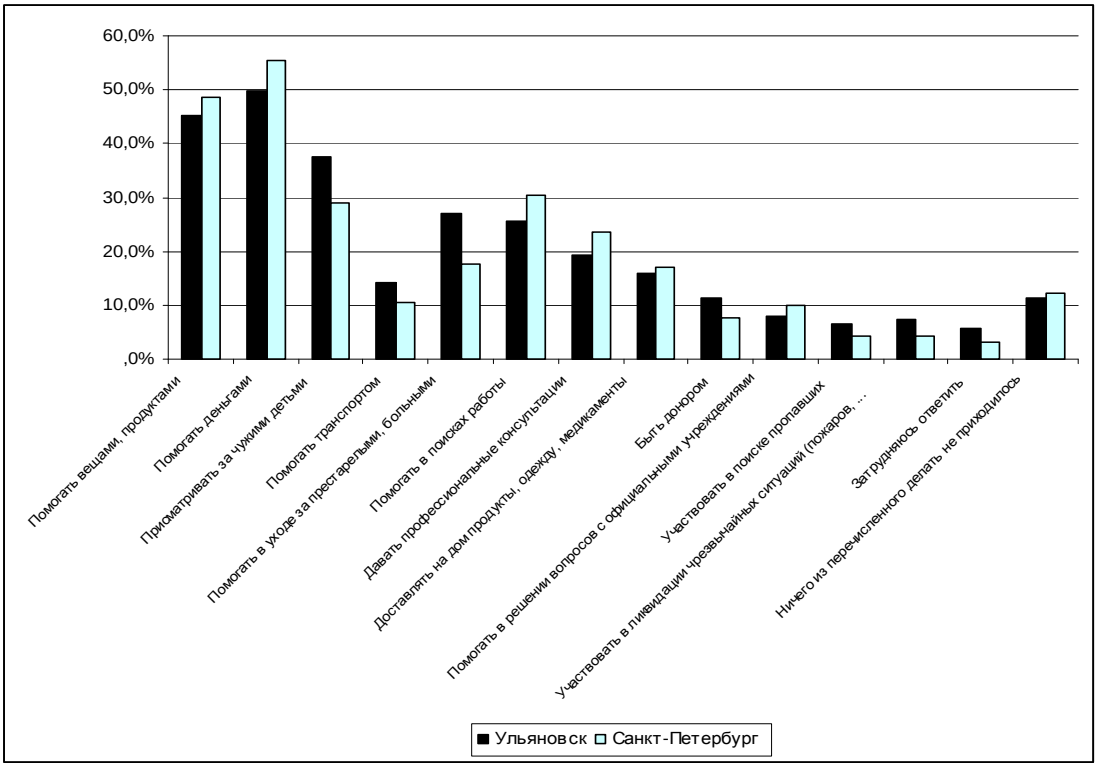

Рис. 3. **Активность безвозмездного характера ульяновской и петербургской молодежи**

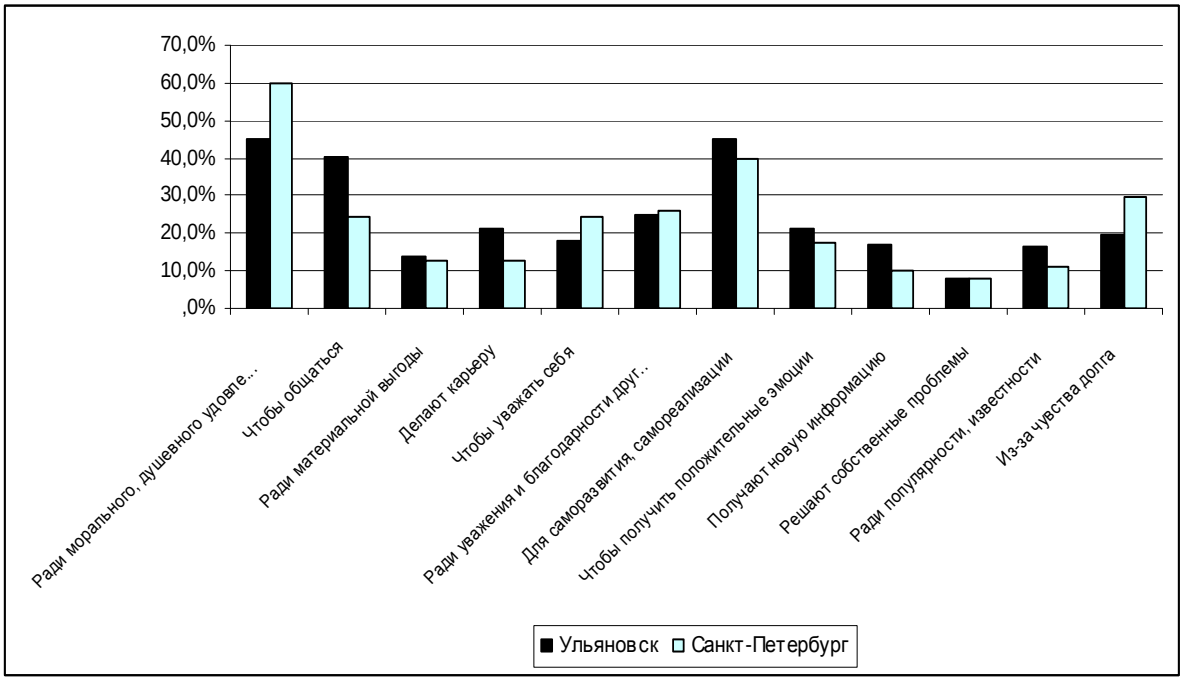

Рис. 4. **Представления ульяновской и петербургской молодежи о причинах того, почему люди занимаются активистской деятельностью**

В Санкт-Петербурге молодежь в большей степени убеждена, что активистами движет моральное и душевное удовлетворение (59,9 %). В Ульяновске гражданский активизм в равной степени молодые объясняют как моральным удовлетворением (45,2 %), так и мотивацией самореализации и саморазвития (45 %). В качестве причины активизма в Ульяновске также высоки позиции мотивации общения (40,3 %), тогда как в Санкт-Петербурге причины активизма объясняют скорее через категорию долга (30 %). Интересно, что прагматические объяснения, как то: «делают карьеру», «ради материальной выгоды», «решают собственные проблемы», не получили значительного количества выборов среди респондентов в обоих городах, процент ответивших подобным образом не превысил 10 %. Однако можно заметить, что эти альтернативы интенсивнее выражены среди ульяновской молодежи, чем среди молодых петербуржцев. Тем не менее и те и другие респонденты склонны скорее объяснять мотивацию активистской деятельности гуманистическими соображениями.

В этой связи обратимся к реальному *участию молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга в различных мероприятиях в 2012—2013 гг.*, которое могло бы быть проинтерпретировано, на наш взгляд, как «активистские практики» молодежи. Картину того, какие виды активностей освоены современной учащейся молодежью Ульяновска и Санкт-Петербурга, демонстрирует диаграмма (см. рис. 5). Здесь респонденты могли выбрать любое количество вариантов, а также предложить свои альтернативы различным способам участия в жизни страны. Для Санкт-Петербурга иерархия различных форм молодежного включения выглядит следующим образом: «хорошо выполняли свою работу» (35,9 %), «платили налоги» (34,8 %), «подписывали петицию/обращение» (31 %), «участвовали в благоустройстве своего района/двора» (23,5 %), «работали волонтером» (22,2 %), «покупали определенные товары и/или отказывались от их приобретения по этическим, политическим, экологическим соображениям» (20,7 %), «выкладывали/перепостили материал общественного и политического содержания в социальных сетях и ЖЖ» (20,1 %).

У ульяновской молодежи гражданские практики, связанные с представлениями о том, как можно участвовать в жизни страны, имеют несколько иную конфигурацию. Здесь первую позицию занимает альтернатива «платили налоги» (40,5 %), а уже затем следует вариант «хорошо выполняли свою работу» (34 %). Следом у ульяновцев идут альтернативы «участвовали в благоустройстве своего района/двора» (26,5 %) и «работали волонтером» (22,9 %). Интересно, что в случае Ульяновска, по сравнению с Санкт-Петербургом, достаточно высокие позиции занимают альтернативы «посещал собрания, по-

священные социальным проблемам области/района/двора» (20,1 %) и «жертвовал деньги на благотворительность» (18,9 %), при этом зафиксировано незначительное количество выборов альтернатив, связанных с подписями петиций и выкладыванием общественно и политически значимой информации в Интернет, как в Санкт-Петербурге.

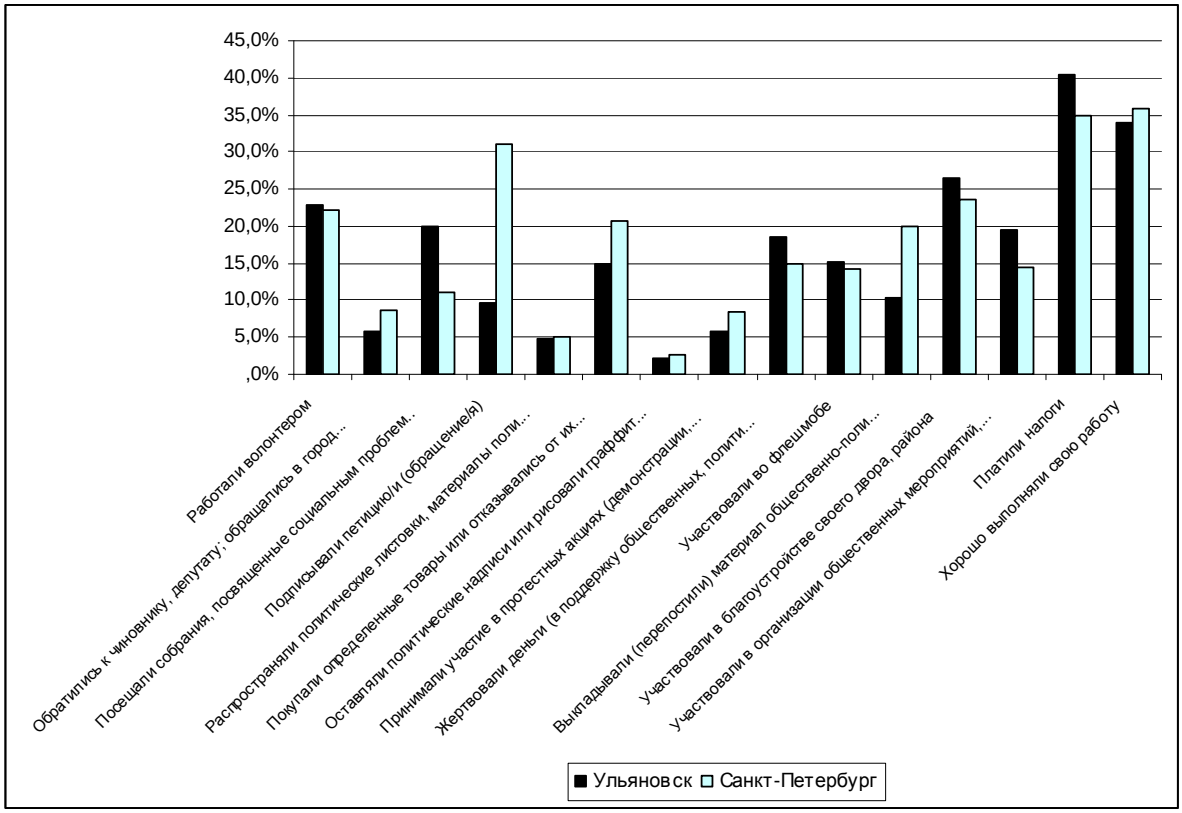

Рис. 5. **Мероприятия, в которых принимала участие ульяновская и петербургская молодежь в 2012—2013 гг.**

В связи с последним замечанием стоит отметить, что *политический контекст* гражданского участия сегодня имеет у молодых горожан в обоих городах своеобразный характер (см. рис. 6).

Его буквальные формы прямого выражения в виде открытых действий — *протеста* — по-прежнему не являются для большей части молодежи приоритетными, даже несмотря на то, что определенная напряженность, безусловно, есть, и порог молодых, готовых к прямому действию и открытому протесту против власти, поднялся по сравнению со «стабильными двухтысячными» и сегодня в своем самом радикальном случае (в частности — в Ульяновске) превышает 10 %. Но даже на фоне увеличения числа молодых, принявших участие в голосовании (как мы рассмотрели ранее, сегодня это почти половина всех опрошенных в обоих городах), а также на фоне повышения уровня готовности части молодежи к прямым протестам (с 3—5 %, зафиксированных в 2000-х, до 10 %, выявленных в нашем опросе), имеет место быть то, что в актуальных социологических исследованиях получило утрированное обозначение «молодежного пофигизма» [3]: когда около половины наших респондентов отметили, что предпочли бы остаться в стороне, случись в ближайшее время митинги или демонстрации, — они не поддержали бы ни сторонников, ни противников нынешней власти (47,5 % — в Санкт-Петербурге и 43 % — в Ульяновске).

В свое время этот феномен был объяснен крайне низким *уровнем доверия молодых к различным институтам и организациям*. Молодежь не верит в их «настоящесть», не видит практических результатов действительной помощи. Сегодня высокий уровень недоверия также подтверждается в первую очередь выбором института или организации, куда молодые ульяновцы и петербуржцы предпочли бы обратиться в случае нарушения их гражданских прав (рис. 7).

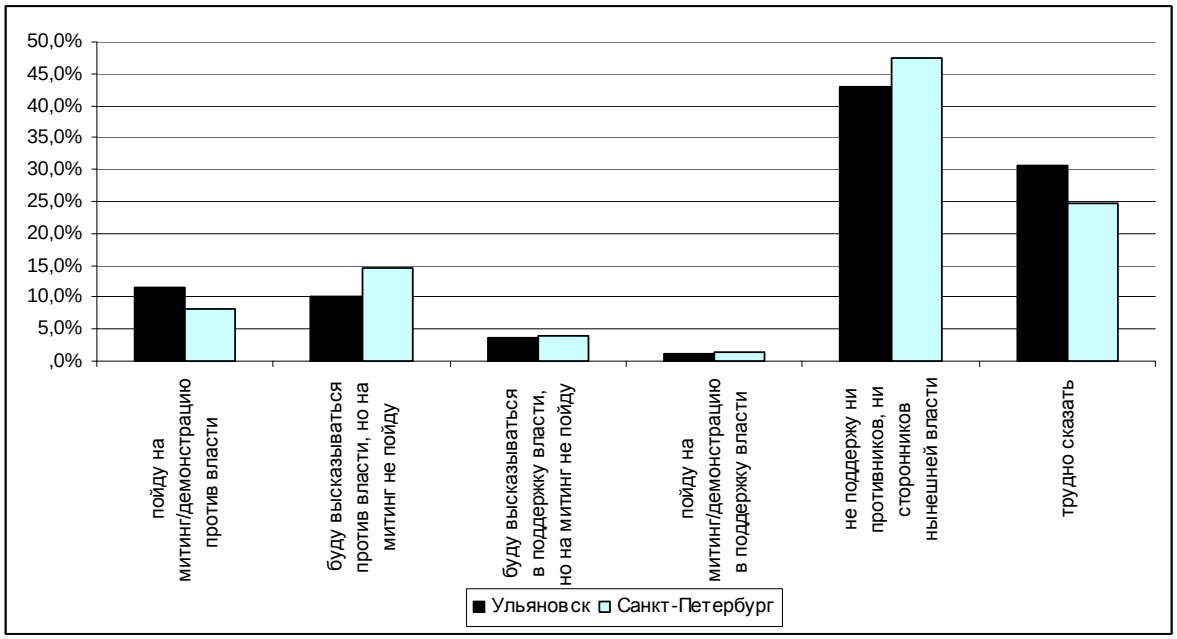

Рис. 6. **Готовность ульяновской и петербургской молодежи к участию в митингах, демонстрациях сторонников или противников власти**

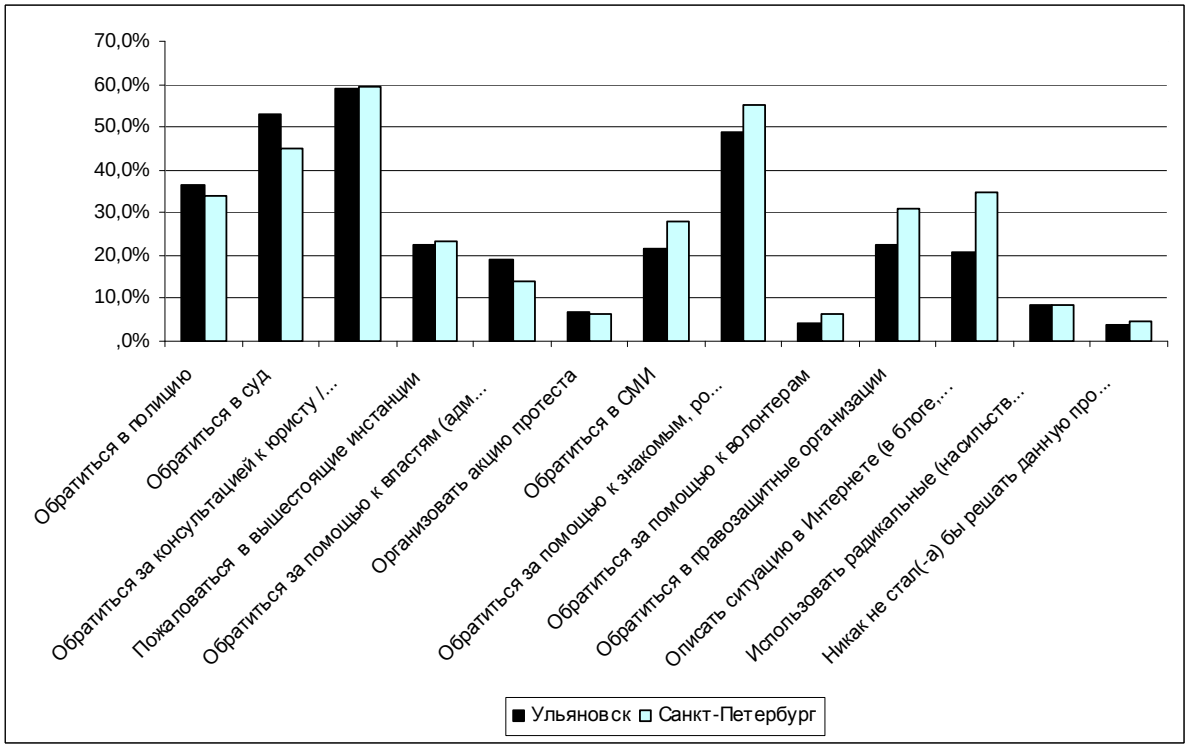

Рис. 7. **Действия ульяновской и петербургской молодежи в случае нарушения ее прав**

Очевидно, что, попав в ситуацию, когда нарушаются их права, респонденты предпочли бы *частным образом* решать свою проблему. Например, воспользоваться профессиональным советом, обратившись за консультацией к юристу или адвокату (59 % — в Ульяновске и 59,4 % — в Санкт-Петербурге). Во вторую очередь опрошенные рассматривали бы возможность обращения к родственникам и знакомым (48,9 % — в Ульяновске и 55,1 % — в Санкт-Петербурге). И

лишь только затем следует ответ «обратиться непосредственно в суд» (52,9 % — в Ульяновске и 42,1 % — в Санкт-Петербурге), «обратиться в полицию» (36,5 % — в Ульяновске и 34 % — в Санкт-Петербурге). Что касается последнего, то при всей своей самоочевидности этот выбор далеко не всегда рассматривается респондентами как единственный. Сегодня в случае нарушения их прав 34,8 % молодых петербуржцев и чуть более 20 % ульяновцев предпочли бы описать свой случай в Интернете (в блогах или социальных сетях), а не обращаться в полицию.

Последнее, так же как и то, что многие предпочли бы подойти к решению своих возможных проблем, скорее неформально, — неудивительно. Данные опроса также показывают, что и средние значения показателей доверия молодежи даже к отдельным институтам не превышают коэффициента 5,8 по десятибалльной шкале, где 9—10 — высокий уровень доверия; 7—8 — средний уровень доверия; 5—6 — уровень ниже среднего; от 3 и ниже — низкий уровень доверия или его отсутствие (см. рис. 8). Как можно заметить, почти во всех случаях, кроме института НКО и мэра, молодежь Петербурга оказывается даже чуть более недоверчивой, чем учащиеся Ульяновска. Менее всего в обоих городах молодежь доверяет полиции, первому каналу ТВ и Правительству РФ.

В ходе исследования респондентам также задавался вопрос о том, *чьи интересы, по их мнению, защищает сегодня наше государство?* Мнения в обоих городах были единодушны (см. рис. 9). В первую очередь государство отстаивает интересы чиновников, богатых людей, олигархов, как указали молодые ульяновцы и петербуржцы. Ульяновская молодежь больше верит в то, что государство выражает интересы малообеспеченных групп (детей-сирот и инвалидов). Примечательно, что учащиеся и в Санкт-Петербурге, и в Ульяновске были единодушны в том, что государство игнорирует интересы жителей провинциальных населенных пунктов.

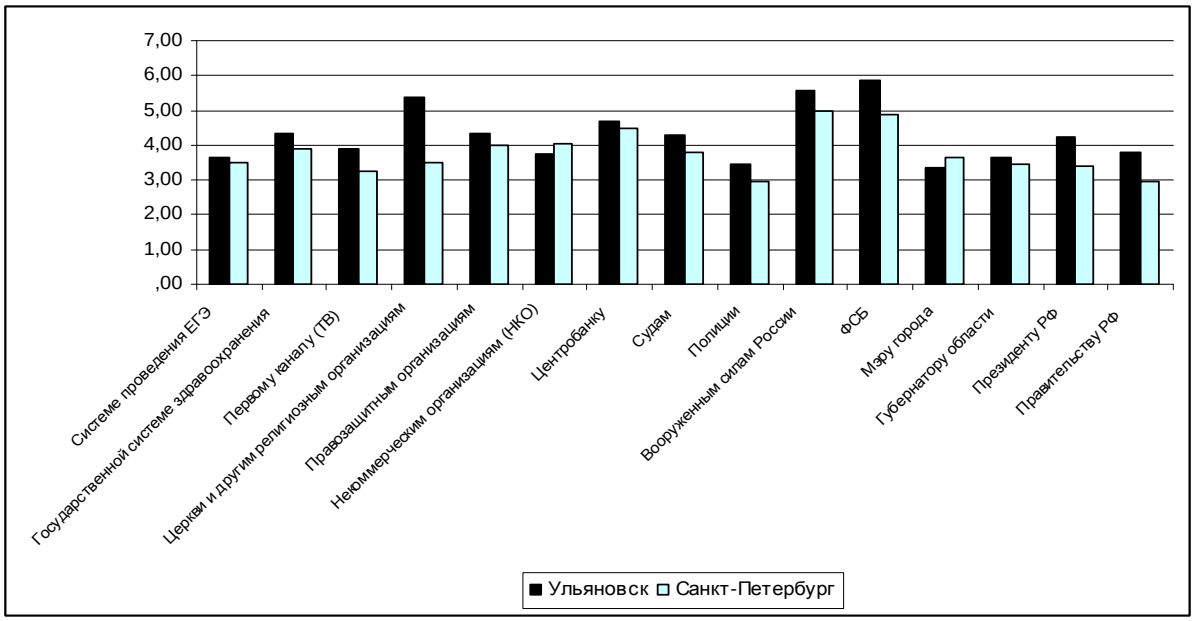

Рис. 8. **Средний уровень доверия ульяновской и петербургской молодежи различным институтам и организациям (указаны средние значения)**

В связи с этим интересно обратить внимание на то, с чем могла бы быть связана молодежная поддержка, то есть *к каким государственным решениям и действиям молодежь Санкт-Петербурга и Ульяновска сегодня относится с наибольшей лояльностью.* Оказалось, что для Санкт-Петербурга самым горячо поддерживаемым действием стало ограничение въезда мигрантов на территорию РФ. Подавляющее число петербургских респондентов высказалось за введение этого режима (73,5 %). В Ульяновске это также один из самых высоких показателей (52,9 %). Но это, пожалуй, единственное из того, что позитивно воспринимается и поддерживается молодежью в обоих городах. Остальные оценки — отрицательные. Более всего моло-

дежь Санкт-Петербурга и Ульяновска недовольна усилением влияния РПЦ (57,7 и 42 % соответственно). Также молодые петербуржцы не поддерживают принятие Государственной Думой новых (последних в 2012—2013 гг.) законов (41,4 %). Последнее актуально также для ульяновской молодежи, здесь процент высказавшихся против подобных государственных инициатив оказался даже выше, чем в Санкт-Петербурге, — не одобрили эти действия 44,1 % опрошенных. Ульяновскую молодежь можно назвать более консервативной, чем опрошенных юношей и девушек в Петербурге, в частности, это демонстрируют показатели отношения молодежи Ульяновска к уголовному наказанию участниц группы Pussy Riot. Решение о наказании одобрили 41,1 % всех опрошенных респондентов из Ульяновска. Среди учащихся-ульяновцев поддержку получили также предложения по введению единой школьной формы (38,9 %) и по введению обязательной регистрации по месту жительства (34,6 %).

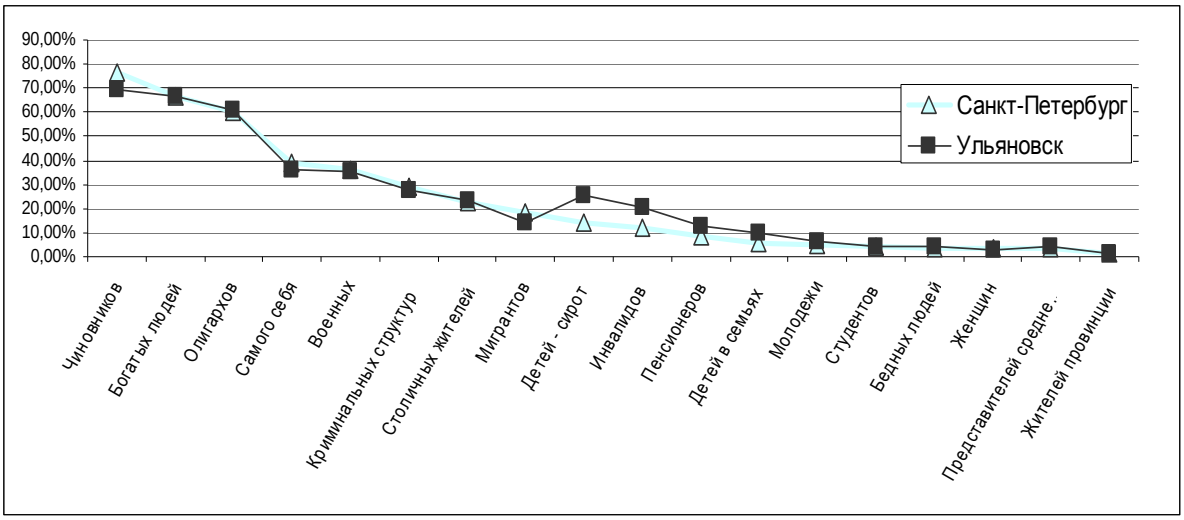

Рис. 9. **Распределение ответов на вопрос «Чьи интересы защищает государство?»**

К сожалению, возможности количественных методов далеко не всегда позволяют изучить глубинные причины зафиксированных молодежных выборов. Мы можем лишь предположить, что во многом тот или иной выбор и связанное с ним согласие или несогласие зависят от индивидуальных интерпретаций и имеющихся установок по поводу того, что справедливо, а что нет.

Серьезную роль, на наш взгляд, играют циркулирующие в молодежной среде дискурсы, которые в изобилии представлены сегодня в публичном пространстве, в первую очередь в разнообразных медиа. В связи с этим мы *поинтересовались, какие темы чаще всего обсуждались молодежью Ульяновска и Санкт-Петербурга, а также с кем и где именно молодым приходилось говорить по поводу этих событий*.

Как оказалось, самая популярная тема 2013 года — это подготовка зимней олимпиады в Сочи — ее обсуждали в Ульяновске более 60 % и 64,5 % в Санкт-Петербурге. Вторые позиции были отданы (примерно в равных долях) темам, связанным с выступлением группы Pussy Riot в храме ХС, наводнением в Крымске, и обсуждению так называемых протестов «За честные выборы». Здесь процент включенных в обсуждение колеблется от 42 до 48 % в Ульяновске и от 60,1 до 48,9 % в Санкт-Петербурге («За честные выборы» — 56,8 %). Достаточно высокий интерес вызвали темы, связанные с обсуждением ситуации по ядерному оружию в Корее (39,9 % — в Ульяновске и 48,2 % — в Санкт-Петербурге), и случай, касающийся смерти Б. Березовского (38,1 и 39,1 %), а также тема, связанная с принятием закона «Димы Яковлева» (36,3 и 39,8 %). Как выяснилось, менее всего молодых интересовали темы принятия закона об иностранных агентах для НКО (21 и 10,8 %) и тема коррупционных скандалов (22,6 и 23,5 %). В Санкт-Петербурге для трети опрошенных актуальной оказалась проблема исторической застройки (38 %).

Анализируя пространства, где концентрируются обсуждения актуальных тем для молодежи, можно с определенностью констатировать, что ключевым оказывается круг друзей-ровесников. В Санкт-Петербурге среди тем, ко-

торые чаще всего обсуждают *с друзьями* (по мере убывания предпочтения): выступление участников группы Pussy Riot (69,5 %), протесты и митинги «За честные выборы» (67 %), строительство олимпийских объектов в Сочи (66,7 %), ситуация с ядерным оружием в Корее (62,5 %). В Ульяновске в среде друзей предпочитают обсуждать те же темы, но не касаясь темы протестов, здесь это тема «домашнего формата», ее обсуждают главным образом среди родных. Также среди *родственников* и в Ульяновске, и в Санкт-Петербурге молодые говорят на темы, связанные с законотворчеством (65,3 и 59,8 %), наводнением в Крымске (62 и 65,4 %); также актуальной для 2013 года была тема покушения на художественного руководителя Большого театра С. Филина (66,9 и 60,3 %).

Важным пространством для разного рода молодежных обсуждений оказывается *интернет-среда*. Данные опроса показывают, что времяпрепровождение в Интернете составляет для молодежи Ульяновска и Санкт-Петербурга сегодня значительную часть их повседневной жизни (см. рис. 10).

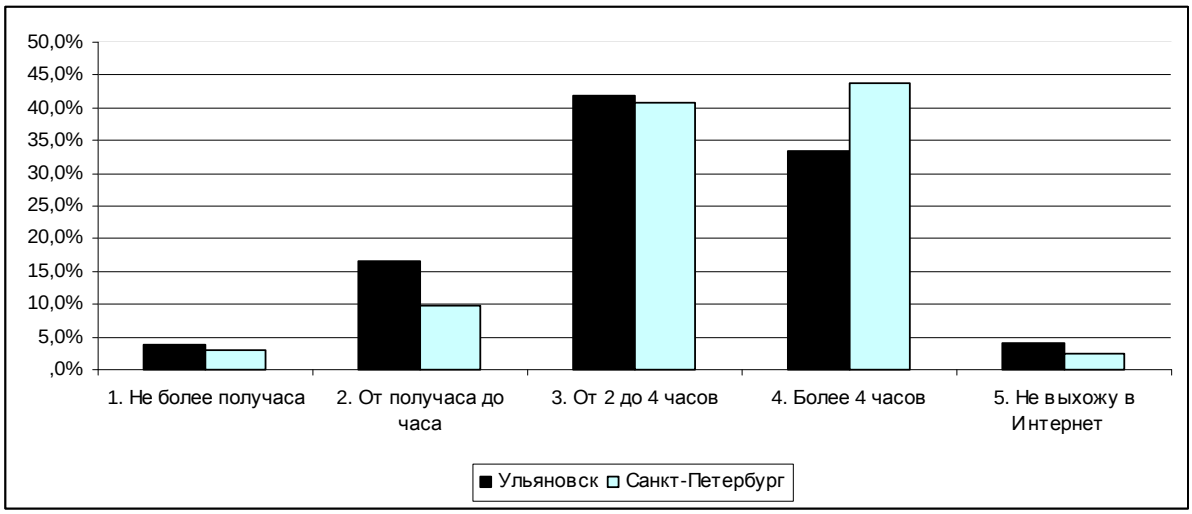

Рис. 10. **Времяпрепровождение в Интернете ульяновской и петербургской молодежи в день**

Для многих ребят социальные связи в сети являются отражением офлайн-коммуникаций, а общение в сети происходит даже шире и интенсивнее, чем в случае личных контактов. Кроме того, это еще и важное пространство для самовыстраивания взрослеющего человека, которому приходится сталкиваться с постоянно обновляющейся информацией и преодолевать всевозможные культурные, стилевые, этнические и другие границы в стремлении к непротиворечивости собственной позиции [4]. Поэтому сегодня интернет-среда также может выступать актуальным пространством для гражданского самовыстраивания молодежи. И можно говорить об интернет-активностях не как о каком-то отдельном виде гражданского активизма, а в контексте общегражданских практик. Для этого обратимся к выяснению того, чем именно молодые заняты в Интернете (см. рис. 11).

Как можно заметить, подавляющее число респондентов (более 80 %) в обоих городах заняты общением в социальных сетях. «Общение» в данном случае, вероятно, стоит понимать достаточно широко, не только буквально, но и в контексте «присутствия в социальной сети», потому что предпочитаемая социальная сеть является для молодежи одновременно и пространством для действия, и наглядной площадкой для опыта, здесь происходит сосредоточение и реализация ряда социальных и культурных возможностей молодых.

Молодые люди выбирают ту или иную социальную сеть по нескольким причинам. В первую очередь потому, что именно технические возможности этой сети позволяют юноше или девушке собрать в одном месте всех знакомых и дают шанс на приобретение новых, — т. е. социальная сеть расширяет социальный капитал молодых. Во-вторых, их предпочтения в выборе определяют возможности сети выполнять «сортировку» кругов общения, что структурирует молодежную социальность. В-третьих, выбор сети во многом зависит от возможности реализовать индивидуальные потребности в позна-

нии, социальном сравнении и т. д. И, в-четвертых, выбираемая сеть дает наилучшие возможности для самопрезентации, то есть социальная сеть выбирается исходя из репутационных перспектив — аспекта, который также является важной характеристикой для накопления социального капитала. Юноши или девушки, формируя свое «онлайн-окружение», которое включает других пользователей, подписчиков, текстовый, музыкальный, видео-, новостной контенты, занимают определенное положение относительно группы «выбранных своих». И это положение зависит от (сконструированного) социального статуса, основанного на культурных предпочтениях (демонстрациях) и идеологических (ценностных) установках. Причем большее значение имеют именно моральные качества, нежели материальное положение [4].

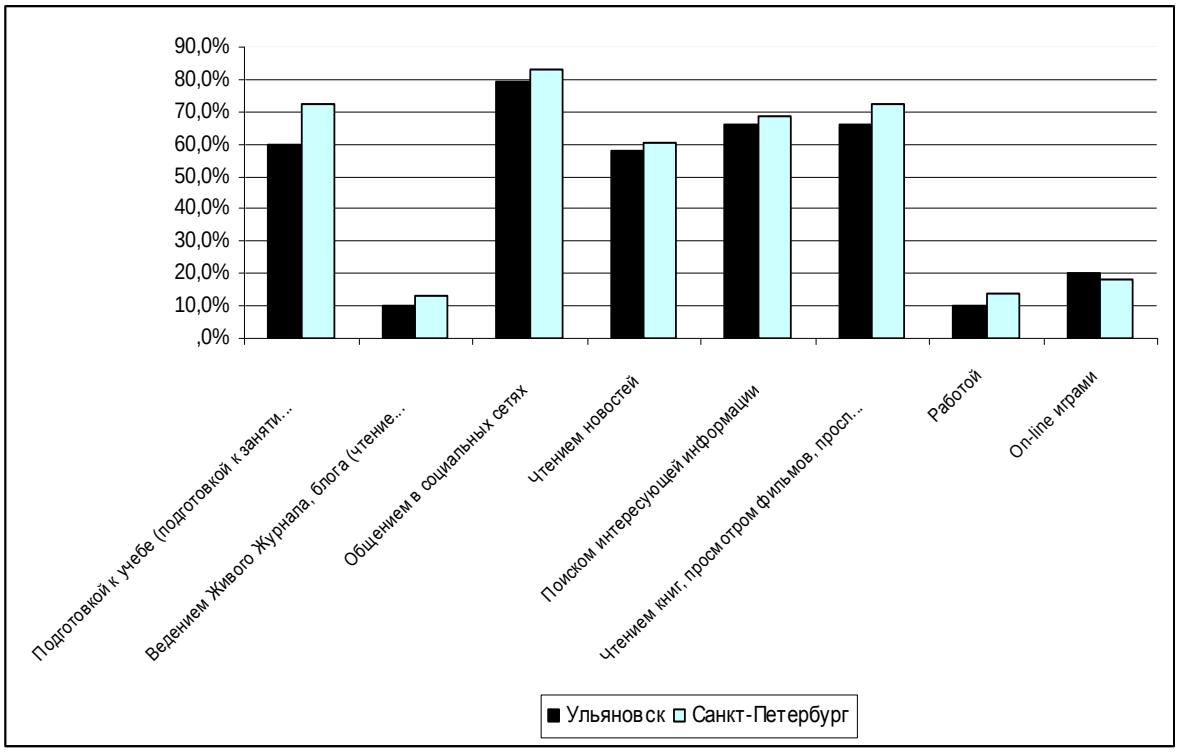

Рис. 11. **Виды интернет-активностей ульяновской и петербургской молодежи**

Но социальные сети — это, конечно, важная, но лишь одна из сторон интернет-возможностей для социального включения молодежи. Существует также и ряд других, например, досугово-развлекательная активность (более 70 % респондентов заняты в Интернете просмотром фильмов, прослушиванием музыки), познавательная активность (около 60 % и более заняты поиском интересующей информации и чтением новостей), организация и подготовка к занятиям (подготовкой к учебе заняты 60—70 % респондентов).

Таким образом, молодежные гражданские активности сегодня нельзя рассматривать исключительно в контексте политического участия. Феномен интерпретации гражданственности через различные формы так называемого молодежного лидерства также отходит на второй план. Формы проявления гражданственности молодежи сегодня могут быть *разнообразными,* но наметилась новая тенденция: прежние стратегии так называемой «пассивной активности» («не люблю сам искать возможности для участия/включения») трансформировались в *индивидуальные* стратегии поиска этих форм для их реализации в *повседневной* жизни.

Новые формы молодежной гражданственности могут быть связаны с разными мотивациями и целями, но в первую очередь с утверждением (декларацией) *гуманистических ценностей*, которые отождествляются у молодежи с поддержкой и взаимопомощью. Также в выстраивании молодежных представлений о гражданственности важен опыт самоопределения и мотивация поиска своего жизненного пути. При этом о широкой солидаризации ради приумно-

жения общественных благ, провозглашения гражданских прав или снижения насилия среди молодежи говорить не приходится. Опыт солидаризации для молодых важен, скорее, для укрепления (подтверждения) своих интересов в какой-либо общности.

Такой подход к объяснению гражданственности и гражданских активностей лежит в плоскости молодежных когниций и интерпретации молодыми социальной нормативности, используемых ими в *повседневных* взаимодействиях, когда происходит *взаимоприспособление* потребностей, желаний и устремлений.

Итак, с одной стороны, реализация гражданских активностей укладывается в логику культурного (вос)производства гуманистических ценностей в таком своеобразном «повседневном» контексте, но с другой стороны, и это важно отметить, мы можем наблюдать сегодня появление новой формы *публичного активизма,* связанного с широким распространением интернет-практик в молодежной среде. Этот новый формат обязует молодых непременно подтверждать свой статус активиста, например, тематическими перепостами в социальных сетях соответствующего новостного контента или участием в открытых всем желающим онлайн-обсуждениях и дискуссиях, касающихся актуальной новости или социальной проблемы. То есть речь может идти о репрезентации гражданственности («репрезентативной гражданственности»), которая в этой связи становится категорией, еще более трудной для распознавания.

1. *Андреева Ю. В.* Нам нужны права, а не обязанности: гражданская активность российской молодежи / в соавт. с И. В. Костериной // Журн. исследований социальной политики. 2009. № 4(3). С. 402.
2. *Андреева Ю. В.* В фокусе — молодежный активизм // Поколения.net: Хроники событий. Ульяновск : УлГУ, 2008. С. 76—80.
3. *Омельченко Е. Л.* От пофигистов до прагматиков: поколения молодежной солидарности постперестроечной России // Неприкосновенный запас. 2008. № 5(61).
4. *Андреева Ю. В.* Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей / в соавт. с Г. А. Сабировой // Журн. социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 72, № 1. С. 170—189.

Н. В. Власова, А. С. Фильченкова

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМЫ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

В статье исследуется, как социальные, экономические, культурные изменения, характерные для современных постиндустриальных обществ, развитие коммуникативных технологий меняют телевидение и его аудиторию, а также традиционные формы их взаимодействия. Коммерциализация российского телевидения, наряду с преобразованиями в экономике, вызвавшими трансформацию социальной структуры общества, изменила условия и образ жизни людей, роль телевидения в их повседневной жизни.

Ключевые слова: реклама, коммерциализация СМИ, телевизионная аудитория, телевизионное потребление.

N. V. Vlasova, A. S. Filchenkova

SOCIAL ASPECTS OF ADVERTISING COMMERCIALIZATION ON TV

There are many factors that influence television and its audience: social, economic and cultural changes of the modern post-industrial societies, the development of communication technologies, as well as traditional forms of their interactions. Commercialization of Russion television, along with changes in the economy, transformed the social structure of society, changed the conditions and lifestyles of people, the role of television in their daily lives.

Key words: advertising, commercialization of media, television audience, TV consumption.

Во второй половине XX века телевидение заняло лидирующее положение в системе средств массовой коммуникации, стало неотъемлемой частью повседневной жизни людей и значимым фактором общественного и культурного развития. Аудитория является важнейшей (наряду с коммуникатором и содержанием) частью телевидения как социального института. Именно во взаимодействии с аудиторией телевидение реализует свои социальные функции и свою символическую власть. Динамика телевидения и аудитории — взаимосвязанные процессы. Социальные, экономические, культурные изменения, характерные для современных постиндустриальных обществ, развитие коммуникативных технологий меняют телевидение и его аудиторию, а также традиционные формы их взаимодействия.

Российская аудитория телевидения претерпела существенные изменения вместе с радикальными трансформациями российского общества и телевидения в конце XX — начале XXI века. Принципиальные изменения телевидения связаны с преобразованием государственной системы печатных и электронных СМИ, сосредоточенной главным образом на идеологических и политических задачах, в медиаиндустрию, оперирующую на рынке и ориентирующуюся на законы рыночного (а не только политического) спроса и предложения. Телевидение из идеологического института превратилось в бизнес-организацию, специфической задачей которой является агрегирование с помощью определенного контента привлекательных для рекламодателей аудиторий с последующей их коммодификацией. Коммерциализация российского телевидения, наряду с преобразованиями в экономике, вызвавшими трансформацию социальной структуры общества, изменила условия и образ жизни людей, роль телевидения в их повседневной жизни; изменилось также содержание, передаваемое по каналам телевидения, телевизионные предпочтения аудитории, формы телесмотрения и многое другое. Эти проблемы объединены исследованием социокультурной динамики российской телевизионной аудитории, что представляется фундаментальной проблемой современной социологии телевидения.

Телевидение как одно из средств массовой информации является наиболее массовым из СМИ, охватывающим и те слои населения, которые остаются за рамками влияния других СМИ. Эта способность телевидения объясняется его спецификой как средства создания, передачи и восприятия информации.

Во-первых, эта специфика заключается в способности электромагнитных колебаний, несущих телевизионный сигнал, проникать в любую точку пространства в зоне действия передатчика. С появлением спутникового телевидения последнее ограничение отпало, еще более усилив позиции ТВ.

Во-вторых, специфика ТВ (в отличие от радио) — в его экранности, то есть в передаче информации посредством движущегося изображения, сопровождаемого звуком. Именно экранность обеспечивает непосредственно-чувственное восприятие телевизионных образов, а значит, и их доступность для самой широкой аудитории. В отличие, например, от радио, телевизионная информация доносится до зрителя в двух плоскостях: вербальной (словесной); невербальной, зрительной [2, с. 78].

Звукозрительный характер телевизионной коммуникации усиливается персонификацией информации, телевидение в большом числе случаев подразумевает личностные контакты автора или ведущего и участников передачи с аудиторией. Персонификация телеинформации уже давно утвердилась во всем мире как принцип вещания, как сущностное отличие телевизионной журналистики от других ее родов.

В-третьих, телевидение способно сообщить в звукозрительной форме о действии в момент его свершения. Одновременность события и его отображения на телевизионном экране (симультантность) является едва ли не самым уникальным свойством телевидения [7].

Превращение средств массовой информации в платформу для рекламного рынка диктует свои требования к программам, и в результате создаётся некий «виртуальный мир» со своими рекламными ценностями, который порождает ложные представления и ожидания, особенно у молодого поколения.

На общероссийском рынке телевидение занимает главенствующее место. По прогнозам специалистов, рынок телевизионной рекламы составит в 2015 году 52 % от всего медиарынка, а в 2016 — 54 % и вырастет с 1,3 до 2 миллиардов долларов. В то же время доходы радио и печати, хоть и вырастут в абсолютных цифрах, в процентном отношении уменьшатся [3].

Если говорить о роли государства и частного капитала в средствах массовой информации, то ситуация в печатных СМИ наиболее близка, несмотря на все особенности российского рынка, к мировым тенденциям. Что же касается электронных СМИ, особенно телевидения, то надо прямо сказать, что в последние годы здесь преобладают далеко не рыночные факторы.

Телевидение сегодня является единственным сегментом медиарынка России, где государство сохраняет доминирующие позиции: 50 % аудитории, 70 % рекламных доходов.

По результатам проведенного исследования было выявлено, что дифференциация российской аудитории телевидения связана с углублением различий в способах организации, формах и стилях телепотребления. Это касается времени, места, продолжительности просмотра, а также особенностей характера и стиля телепросмотра (запланированное или спонтанное, фоновое или сосредоточенное, зэппинг или непрерывный просмотр и пр.). Развитие цифровых технологий приводит к формированию новых форм телепотребления, что способствует дальнейшей дифференциации телеаудитории. Так, по данным опроса 2014 года, каждый шестой владелец домашнего доступа в Интернет в крупных городах России, имея дома телевизор, смотрит телепередачи на мониторе компьютера (через Интернет или ТВ-тюнер). Неравномерность проникновения Интернета, обусловленная социальными и технологическими причинами, оказывается дополнительным фактором дифференциации телеаудитории.

По результатам проведенного опроса, 29 % телезрителей всегда переключают канал, когда начинается реклама. 57 % это делают часто, 13 % — редко и только 1 % не занимаются зэппингом (так профессионалы называют практику переключения каналов).

Почти каждый третий телезритель переключает канал, когда начинается реклама (см. рис. 1).

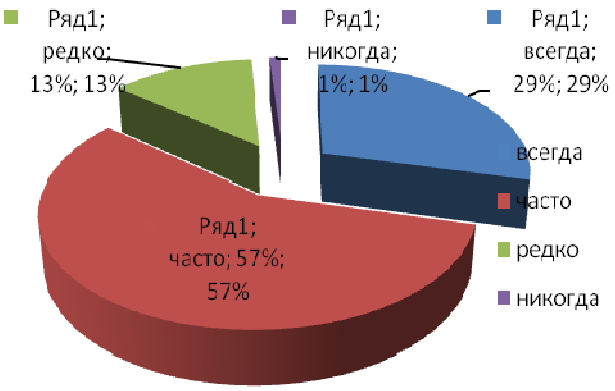

Рис. 1. **Результаты ответов телезрителей на вопрос «Как часто Вы переключаете канал, когда начинается рекламный блок?»**

Несмотря на ярко выраженную нелюбовь масс к телевизионной рекламе, как показывает практика, именно она воздействует на людей больше, чем все остальные виды рекламы. При постановке той или иной задачи нужно проанализировать и оценить эффективность ТВ. Если рынок ограничен городом, областью или даже несколькими городами или областями, нужно искать эффективные каналы коммуникации. Часто при решении точечных задач размещение в прессе, наружной рекламе и радио могут дать хороший результат.

Произошло сокращение объема потенциальной аудитории ТВ и изменилась её социально-групповая структура, что связано с демографическими процессами и преобразованиями 1990-х гг. До конца 1980-х гг. потенциальная аудитория ТВ росла вместе с ростом численности населения и расширением телевизионного вещания. В 1990 году, по данным госстатистики, охват населения телевещанием составил 98 %, то есть практически сравнялся с численностью населения [4]. Но процессы депопуляции в 90-е гг. привели к сокращению величины потенциальной аудитории телевидения: численность населения России с 1994 по 2010 год сократилась на 4,9 млн человек, соответственно, величина потенциальной аудитории телевидения уменьшилась на 2,6 млн человек и составила 141 млн 326 тыс. человек [1]. Несмотря на некоторое сокращение объема, российская аудитория телевидения остается одной из самых крупных национальных телеаудиторий в мире. Но с 2009 года наблюдается также уменьшение реальной (ежедневной) аудитории телевидения (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение объемов телепотребления по половозрастным группам (2012—2014 гг.) (в минутах в сутки на одного представителя в группе) [1]

Группы	2012 г.	2014 г.	2014 – 2012 гг.
Все 4—10 лет	166	135	– 32
Мужчины 11—24 лет	172	148	– 23
Женщины 11—24 лет	165	156	– 10
Мужчины 25—34 лет	174	161	– 13
Женщины 25—34 лет	225	190	– 35
Мужчины 35—54 лет	244	236	– 8
Женщины 35—54 лет	239	250	11
Мужчины 55 лет и старше	282	308	25
Женщины 55 лет и старше	283	329	47

Электронные измерения количества телепросмотров на панельной выборке домохозяйств, которые ведутся в России начиная с 1999 года компанией TNS, позволили зафиксировать, что среднее число людей, ежедневно включенных в телепросмотр, с 2012 по 2014 год сократилось с 75 до 73 % [6]. Основной причиной стали изменения медиасреды и медиапотребления — прежде всего конкуренция со стороны новых информационно- коммуникационных технологий (компьютер, Интернет, мобильные устройства и пр.). Число ежедневных телезрителей более всего сократилось именно в группах населения, которые активнее других осваивают и используют новые медиатехнологии: молодежь от 15 до 35 лет, особенно мужчины этой возрастной группы (см. табл. 1). По данным компании TNS, активные интернет-пользователи смотрят телевизор в среднем на час меньше, чем не-пользователи. Динамика российской аудитории телевидения связана также с изменением ее половозрастной структуры.

В телеаудитории наблюдается «перевес» женщин (даже больший, чем в населении в целом): 59 % женщин и 41 % мужчин [6]. Рост «женского телесмотрения» и увеличение доли женщин в аудитории телевидения объясняется комплексом причин, связанных со стратификационными процессами, изменениями в бюджете времени, организации быта (в частности, массовым распространением бытовой техники, «удвоением» телевизионных приемников в домохозяйствах и ростом фонового телепотребления, совмещенного с выполнением домашних дел) и пр.

Но не менее важной причиной стали изменения в содержании телепрограмм, связанные с коммерциализацией телевидения. Условием успеха коммерческого телевидения является не просто производство массовой аудитории, но и производство определенных (целевых) аудиторий, представляющих интерес для рекламодателей. Женщины, отвечающие, как правило, за ведение домашнего хозяйства и совершающие большинство покупок товаров повседневного спроса, наиболее востребованы рекламодателями. Именно на них и рассчитаны, соответственно, передачи современного российского ТВ — телесериалы, развлекательные ток-шоу, передачи о ремонте, кулинарии, здоровье, моде, концерты популярных исполнителей и всевозможные шоу со «звездами» и др. [5].

Основой для большинства общенациональных рекламных компаний является телевидение — средство передачи сообщения в звуке, красках и движении, способное увязать символы

с товарами, показать применение товаров и реакцию потребителей.

Бесспорные его преимущества — массовая аудитория, экономичность и относительно невысокие затраты на представление продукта в расчете на одного потребителя. Телевидение более комплексно воздействует на органы чувств человека, то есть на его слух, зрение, тогда как газетное объявление — только на зрение [4].

Конечно, телевидение может обеспечить некоторую избирательность в зависимости от времени дня и от программы, но в целом не такую точную, какая требуется. Кроме того, типичное рекламное сообщение имеет продолжительность тридцать секунд, и для закрепления его в сознании надо, чтобы потенциальный клиент смотрел это время телевизор, а сообщение было повторено. Только тогда он успеет записать номер телефона или другую информацию, которая позволила бы ему купить продукт или узнать о нем больше.

Другая связанная с телевидением проблема — это переключение зрителями каналов, особенно когда передача прерывается рекламой. Избежать этого невозможно, и телеканалы пытаются передавать рекламные сообщения (объявления по возможности в одно и то же время). Это означает, что, даже переключая с одного канала на другой, зритель все равно увидит рекламу.

Следующая проблема — слишком большой поток рекламных сообщений. Им посвящено около четвертой части эфирного времени, а иногда даже больше. Если человек длительное время смотрит телевидение, он получает множество таких сообщений и, привыкнув к ним, отвергает их все, как бы отгораживается от них. Поэтому надо разрабатывать такие сообщения, чтобы они привлекали внимание телезрителя и удерживали его длительное время.

1. *Азейнберг М.* Менеджмент рекламы. М. : ИнтелТех, 2013. 432 с.
2. *Коломиец В.* Телерекламный бизнес (информационно-аналитическое обеспечение). М. : Международный институт рекламы, 2011. 364 с.
3. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. Краткий курс. М. : Вильямс, 2012. 689 с.
4. *Полуэхтова И. А.* Динамика российской телеаудитории // Социс. 2010. № 1. С. 66—77.
5. *Серегина Т. К., Титкова Л. М.* Реклама в бизнесе. М. : ИВЦ «Маркетинг», 2014. 514 с.
6. TNS Россия InBrevi. Анализ телевизионной рекламы. URL: http://www.tns-global.ru/services/monitoring/advertising/tv/ (дата обращения: 25.10.2015).
7. Интернет-энциклопедия. URL: http://bse.sci-lib.com/article106417.html (дата обращения: 15.10.2015).

Е. В. Кузьмина (Старкова)

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В Г. УЛЬЯНОВСКЕ (С 1990-Х ДО СЕРЕДИНЫ 2000-Х ГОДОВ) В ИЗЛОЖЕНИИ ЭКСПЕРТОВ[1]

Статья основана на проведенных автором экспертных интервью с представителями радиовещательных компаний в г. Ульяновске и посвящена появлению, становлению и развитию коммерческих радиостанций с 1990-х до середины 2000-х годов в г. Ульяновске, представленных в изложении экспертов — ведущих эфира и директоров. Данные экспертных интервью в некоторых случаях дополняются и количественными показателями — рейтингами радиостанций на обозначенный период времени. Отдельно прослеживается история появления и исчезновения первых местных радиостанций в г. Ульяновске.

Ключевые слова: история регионального радиовещания, эксперты радиовещательных компаний, формат вещания радиостанций.

E. V. Kuzmina (Starkova)

EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF COMMERCIAL RADIO IN ULYANOVSK (FROM THE 1990-S UNTIL THE MID 2000-S) AS SUBMITTED EXPERTS

This article is based on a sequence of expert interviews conducted by author with radio broadcast company representatives. It is dedicated to the appearance, becoming and developing of commercial radio stations since 1990s up to the middle of the first decade of 2000s in Ulyanovsk city as presented by experts — radio anchormen and radio station directors. Expert interview data in certain cases is complemented also by quantity indexes — radio station ratings in a set period of time. Separately, a history of appearance and disappearance of the first local radio stations in Ulyanovsk city is posed.

Key words: history of local radio broadcast, radio broadcast company experts, radio broadcast format.

В нашей стране коммерческое радиовещание появилось в начале 1990-х годов. Регулярное вещание «Европы Плюс» — первой среди коммерческих радиостанций — началось в 1990 году, а другой популярнейшей станции — «Русское радио» — в 1995 году. Позднее они превратились в крупнейшие сети, охватывающие многие регионы страны и работающие с местными компаниями, обеспечивающими их ретрансляцию. Одними из первых в отечественном эфире появились также российско-американские станции «Максимум» и «Радио 7 на семи холмах». Наряду с «Европой Плюс» были созданы и другие российско-французские проекты: «Ностальжи» и «М-радио» [2].

Развитие коммерческих радиостанций в Ульяновске и ульяновской области совпадало с теми процессами, которые происходили в сфере радиовещания в стране в целом. Начало коммерческого вещания в регионе также относится к первой половине 1990-х годов. Первая коммерческая радиостанция появилась в нашем городе в 1993 году и называлась «Пилигрим». В ее штате работало тогда всего пять сотрудников. (Она являлась частью медийного холдинга «Симбирск-эфир», в его составе были также телеканал «Симбирск-эфир», кабельное ТВ, газета «Град Симбирск».)

В числе первых работников коммерческого радиовещания была и Зуля Ахметова — позднее

[1] Осенью 2007 года автором статьи было проведено исследование в форме интервью с экспертами. Эксперты были подобраны таким образом, что представляли все радиостанции, действующие на тот момент в Ульяновске: И. Степанов — главный редактор ЗАО «Телекомпания «Русский проект», И. Пивень — редактор местной радиостанции «2×2», З. Ахметова — ведущая радиостанции «Радио 7», Влад Егоров — программный директор ООО ТРК «Европроект», О. Рябова — директор радиостанций «Дорожное радио» и «Energy».

ведущая радиостанции «Радио 7». Именно во многом со слов этого эксперта, находившегося у истоков коммерческого вещания в нашем регионе, далее и будет излагаться краткая история развития радиовещания в Ульяновске. Директором первой упомянутой выше радиостанции был Сергей Куртасов, звукорежиссером — Александр Суханов. Именно здесь начинали работать очень известные впоследствии в нашем городе и области ведущие, диджеи Марат Зарипов и Наташа Ветрова. Четко определенного формата станции тогда не существовало. То же самое происходило и в масштабе всей страны; многие эксперты отмечают, что в начале 1990-х годов коммерческие радиостанции только начали появляться, между ними в то время не было сильной конкуренции, а у многих — и определенного формата. Тем не менее уже тогда представители наших радиостанций побывали на стажировках за рубежом, в США (в частности, З. Ахметова). Отечественных диджеев поразила дифференциация американских радиостанций по тематике и аудиториям: разговорное радио, радио, транслирующее только определенные музыкальные направления, например, джаз или блюз. Многие из таких узкоформатных радиостанций в нашей стране стали появляться лишь сравнительно недавно, в основном в столичных городах.

Если вернуться к описанию формата первой коммерческой радиостанции в Ульяновске, то сами эксперты характеризуют его как «микс-радио»: на ее волнах звучали и шансон, и отечественные, и западные поп- и рок-композиции. Еще одной особенностью того времени было то, что сотрудники радиостанции сами создавали многие передачи, в частности, программы «Ночь», «Стрелы Амура». Последняя представляла собой знакомства при помощи программы или игры на радио (сейчас передача относилась бы к формату «Love-радио»). В то время не было распространено пользование мобильными телефонами и общение со слушателями проходило посредством отправления почтовых карточек и звонков на домашние стационарные телефоны.

Примерно в середине 90-х годов, по словам эксперта З. Ахметовой, к занятым в сфере радиовещания стало приходить понимание того, что *«эфирное время — это товар»*. «Пилигрим» стал первой радиостанцией, продававшей астрологические прогнозы. Уже тогда проводились различные конкурсы, розыгрыши. Некоторые программы появлялись под прямым влиянием опыта, полученного во время стажировок в США.

Первая коммерческая радиостанция просуществовала несколько лет. Поскольку она являлась частью холдинга, то ее закрытие было связано с реорганизацией его структур. Заметим, что сама станция окупала себя. Затем владельцем ее стала компания «Симбирск-эфир+», *«а у «Симбирск-эфира» было две частоты, 70,25 — в УКВ-диапазоне и 104,2 — в FM-диапазоне. На 104,2 FM была запущена станция «Серебряный дождь». И она, наверное, около полугода вещала в Ульяновске…»* (*З. Ахметова*). То есть речь шла уже о ретрансляции столичной радиостанции. Многие специалисты, работавшие на радиостанции «Пилигрим», ушли с нее, хотя на то время это был не первый состав сотрудников. В числе первых коммерческих радиостанций, появившихся в Ульяновске, были также местная радиостанция «Центр» и «Европа Плюс» («Европа Плюс Ульяновск» начала постоянное вещание 30 апреля 1994 года).

В 1998 году появляется другая местная станция «Симбирский спутник», начавшая свое вещание 31 декабря. К этому времени уже перестала существовать радиостанция «Центр». Идеей своего создания новая станция обязана одному из известных в Ульяновске бизнесменов — А. К. Дырчанкову; он возглавлял компанию, которая владела, кроме радиостанции, магазинами розничной торговли, казино, бистро и пр. «Симбирский спутник» вещал в FM-диапазоне на частоте 103,5 МГц. Среди его специалистов и ведущих были те, кто работал на существовавших ранее радиостанциях «Пилигрим» и «Центр». «Симбирский спутник» был действительно местной радиостанцией (что непосредственно отражено в его названии), сотрудниками определялось не только музыкальное наполнение эфира, но и создавались собственные передачи. В то время местные радиостанции еще не были знакомы с практикой закупки готовых программ, которая весьма широко распространена сегодня. Создавать собственные передачи было дешевле, чем закупать готовые, кроме того, владельцы станции не готовы были идти на такие дополнительные затраты. Редактором, а по сути программным директором этой станции была З. Ахметова.

Заметим, что, по данным исследования «Медиа-пульс», которое проводилось НИЦ «Регион» (автор статьи непосредственно в нем участвовала в качестве аналитика), размер месячной аудитории «Симбирского спутника» в г. Ульяновске осенью 2004 года (октябрь) составлял 12,7 %, как и у «Радио 7 на семи холмах» (для сравнения: рейтинги популярнейших в стране

«Русского радио» и «Европы Плюс» в Ульяновске были значительно выше — 33,8 и 32,0 % соответственно).

«Симбирский спутник» просуществовал несколько лет. В 2003 году он сменил владельцев и был приобретен группой компаний «Максима Х». Какое-то время сохранялось прежнее название радиостанции. «*В 2005 году руководство «Максима Х» принимает решение: две частоты радиостанции «Симбирский спутник» — 67,7 УКВ и 103,5 FM — отдать под ретрансляцию двух радиостанций*» (*З. Ахметова*). Речь идет о двух московских станциях «Энергия» и «Максимум» («Энергия» — на частоте 67,7 МГц УКВ и на частоте 103,5 МГц FM — «Максимум»). Эти преобразования были связаны с тем, что радиостанция вместе с отделом наружной рекламы в 2005 году вошла в состав рекламной группы «MaxEffect», «*все подразделения компании «Максима Х» были объединены в одно рекламное агентство*» (*О. Рябова, директор радиостанций «Энергия» и «Радио «Максимум»*). Прежний редактор З. Ахметова была категорически против такого решения, приводя следующие аргументы: «…*в Ульяновске… нет такого большого процента молодого населения, у нас не миллионный город и город не студенческий, как Москва — 8 млн, и сколько вузов… это даже не Самара. И аргумент был такой: в Самаре слушают радио «Максимум» и радио «Энергия». К сожалению, они меня не услышали…*».

Ольга Рябова, ставшая директором радиостанций «Энергия» и «Радио «Максимум», так в свою очередь поясняет причину смены радиостанций и, соответственно, их форматов: «*Не секрет, что московский продукт, радиостанция — более качественная. Почему? Потому что в Москве гораздо больше денег крутится в радиобизнесе, и там есть возможность делать более дорогие проекты, приглашать более известных и более профессиональных людей для работы на радиостанции. И поэтому бренд говорит сам за себя, естественно, такая радиостанция должна быть более качественная и более популярная. И для того чтобы повысить рейтинги, увеличить аудиторию, было решено провести такой эксперимент. Можно сказать, что, действительно, это был эксперимент, потому что были мысли, если не получится, не найдем свою аудиторию, то в любое время можно вернуться к «Симбирскому спутнику», потому что это полностью наша концепция…*»

В качестве иллюстрации слов экспертов стоит привести данные рейтингов новых на тот момент радиостанций в ноябре 2005 года в г. Ульяновске: «Максимум» — 7,4 %, «Энергия» — 6,7 %. Несмотря на то, что сами показатели рейтингов невысоки (для сравнения: рейтинги «Европы Плюс» и «Русского радио» составляли в то же время 27,1 и 23,0 %), эти радиостанции все же заняли определенную нишу и нашли своего, пусть и относительно немногочисленного слушателя, тем более учитывая, что в то время они совсем недавно появились на ульяновском рынке. Хотя стоит также отметить, что рейтинги любой из этих станций были ниже прежней местной — «Симбирского спутника».

Поскольку речь шла уже о ретрансляции московских станций, а не о собственной местной радиостанции, то большого количества сотрудников не требовалось. Штат прежней радиостанции был сокращен, осталось только по два ведущих на «Энергии» и «Максимуме», которые работали буквально по часу в день. Кроме того, у давно занятых в данной сфере специалистов исчезла мотивация создания собственных программ, самостоятельного наполнения эфира.

Эксперт, заставший еще вещание «Симбирского спутника», а позднее директор радиостанций «Радио «Максимум» и «Энергия», так высказывалась по поводу отличия ретрансляции от организации работы местной радиостанции: «*Работа коллектива ульяновского, местного, заключалась в том, чтобы вести эту ретрансляцию и делать местные включения — это реклама, новости, интерактивные программы и всякие развлекательные программы… «Симбирский спутник» — это было все собственное вещание. Что значит собственное вещание: это собственные программы, собственный музыкальный эфир, все от и до готовится силами местного коллектива, собственного коллектива*» (*О. Рябова*).

Директор этих станций объясняла, почему для ретрансляции были выбраны именно они: прежде чем запустить вещание, представители компании ознакомились с самим продуктом, рейтингами станций. Одним из привлекательных моментов и для аудитории, и для ретрансляторов было существовавшее в то время на «Радио «Максимум» шоу Бачинского и Стиллавина, которые во многом и повышали его рейтинги. Что касается радио «Энергия», то «*это танцевальная музыка клубного формата, которой на тот момент не было в Ульяновске…*» (*О. Рябова*). В то время на разных радиостанциях звучали лишь отдельные передачи, посвященные электронной, клубной музыке, длительностью один-два часа. Для этой станции был выбран именно УКВ-диапазон, так как «*он характеризуется меньшим охватом, потому что меньше приемни-*

ков в УКВ-диапазоне» (*О. Рябова*). При выборе этих радиостанций руководствовались и теми соображениями, что в городе до этого не было радиостанций, ориентированных преимущественно на молодежную аудиторию, как «Энергия» и «Максимум». Но с течением времени последнюю станцию перестали ретранслировать и заменили на другую, и не в последнюю очередь в силу тех причин, которые были предсказаны еще прежним редактором «Симбирского спутника» З. Ахметовой, а именно: недостаточная доля молодежной аудитории среди радиослушателей в Ульяновске. Директор этих станций О. Рябова так высказалась по этому поводу:

— Со временем стало понятно, что радиостанции качественные, у них современная качественная музыка, в том числе и западная… Но город у нас все-таки провинциальный...

— И не очень продвинутый в музыкальных вкусах…

— Да, в этом первая причина. И, во-вторых, все-таки небольшой город. Это значит, бороться за рекламодателя, за заказчика можно в том случае, если аудитория достаточно широка. То есть мы поняли, что нужна радиостанция с более широкой аудиторией, то есть с музыкой, которая рассчитана на массы…

Все эти указанные причины привели к появлению осенью 2007 года в г. Ульяновске новой радиостанции — «Дорожное радио». И затем две радиостанции «Energy» и «Дорожное радио» вошли в медиагруппу «Фабрика безупречной рекламы». Излагая историю развития коммерческого вещания в регионе, невозможно обойти вниманием создание двух других крупнейших местных медиакомпаний: ООО ТРК «Европроект» и ЗАО «Телекомпания «Русский проект».

Телерадиокомпания «Европроект» создана в 1995 году на основе вещающей с 1994 года радиостанции «Европа Плюс Ульяновск» [5]. Как уже было сказано, «Европа Плюс» была одной из первых станций, представляющих сетевое вещание в регионе. По словам В. Егорова, являвшегося программным директором ООО ТРК «Европроект», идея и инициатива ее появления в Ульяновске принадлежит бизнесмену Н. П. Размолодину: «…*просто это было интересно, естественно, это бизнес, во-первых, а во-вторых, это интересный бизнес — музыкальное вещание. Тогда еще не было станций, кроме «Симбирского спутника», все только начиналось, это была неисследованная территория, т. е. перспектива…*» (*В. Егоров*).

ООО ТРК «Европроект» осуществляло ретрансляцию и «Love-радио», у него были весьма высокие рейтинги в г. Ульяновске в 2004 году — 18,6 %, однако в 2005 году оно уже не ретранслировалось. В 2002 году начато вещание радио «Шансон» в УКВ-диапазоне на частоте 73,19 МГц. «Европроект» 2 мая 2006 года (вскоре после того, как в Ульяновске прекратилось вещание «Русского радио», которое осуществлялось той же компанией) начал ретрансляцию «Ретро FM» (на частоте 71,78 МГц). Причиной выбора именно этой станции стало то, что она достаточно популярна в стране, ее слушает обширная аудитория, что в свою очередь выгодно в плане поступлений, получаемых от размещения рекламы.

С точки зрения развития коммерческого радиовещания в Ульяновском регионе интересен до- и послекризисный период (1997—1998 гг.). В это время была организована ЗАО «Телекомпания «Русский проект» как партнер телеканала «2×2 на Волге». Идея создания радиовещательной корпорации принадлежала генеральному директору В. Советкину [6]. Корпорация впоследствии будет объединять целый рад радиостанций и других СМИ. Сначала в 1997 году ею была запущена в FM-диапазоне ретрансляция «Эхо Москвы» — новостной станции. Как отмечают эксперты, у нее были в то время значительные аудитории и высокие рейтинги, но она не представляла большого интереса для рекламодателей и, соответственно, не была выгодна ретрансляторам с точки зрения поступлений от размещения рекламы. А целью данного закрытого общества, естественно, было получение прибыли: «*Хотелось бы немного денег зарабатывать, хотя бы для оплаты передатчиков и аренды*» (*И. Степанов, главный редактор радиостанций холдинга «Русский проект*»). И в 1998 году было принято решение о создании местной станции с собственной концепцией. Причину появления именно такой станции И. Степанов объясняет так: «*Понимаете, у сетевика в регионах есть один минус: слушателям в регионах не интересны те проблемы, события, которые происходят в Москве. А сетевики этим грешат, им нужно захватить московскую аудиторию, для них это приоритет. И поэтому вот как раз минус, в этом они проигрывают. Мы решили делать местную станцию местного наполнения, полностью с местными ведущими, со своими знаниями*».

В то время радиорынок в нашем регионе только начинал складываться, вещало не так много радиостанций, среди них «Симбирский спутник», «Европа Плюс». В последующем «2×2» была единственной местной станцией, которая осталась в Ульяновске, имеющей свою

концепцию, музыкальное и программное наполнение. Специалисты данной станции во время ее становления и позднее регулярно посещали различные семинары, учились тому, как и чем наполнять эфир. В принципе те же процессы становления коммерческого радиовещания происходили и в стране в целом. В середине 2000-х годов у данной радиостанции были высокие рейтинги: если оценивать размер месячной аудитории — 23,7 % населения города на октябрь 2004 года, в этом году ее опережали лишь суперпопулярные и в стране в целом, и в г. Ульяновске «Русское радио» (33,8 %) и «Европа Плюс» (32,0 %). В 2005 году местная станция даже потеснила позиции «Русского радио» (23,0 %) и уступала лишь «Европе Плюс» (27,1 %), рейтинг «2×2» составил 24,3 %. В следующем, 2006 году с исчезновением «Русского радио» в нашем регионе лидерство практически на равных поделили эти две радиостанции: местная «2×2» и сетевая «Европа Плюс» (рейтинг обоих станций в ноябре 2006 года составил около 26 %). В мае 2007 года картина выглядела уже следующим образом: у «Европы плюс» — 30,5 %, у «2×2» — 26,8 %.

В 2003 году началась ретрансляция «Радио 7 на семи холмах» Телекомпанией «Русский проект» (более позднее название этой станции — «Радио 7»[1]). Как поясняет И. Степанов — главный редактор радиостанций ЗАО «Телекомпания «Русский проект»: «*…хотелось другую возрастную категорию захватить, потому что… до этого было радио для всех, в эфире звучали винегреты такие, смесь…*». Данная радиостанция позиционировалась как офисно-семейная, поэтому музыка, ею транслируемая, выполняла роль фона. Это было даже отражено в слогане, который постоянно звучал на ее волнах: «Лучший фон вашей жизни». Соответственно, разрабатывались и местные программы: игры для сотрудников офисов, которые присылали факсы для участия в конкурсах. Была запущена, например, игра «Табакерка» — розыгрыш билетов в театр Табакова, постоянно шла передача «Семейный кинопоход», где разыгрывались билеты в кинотеатры для всей семьи. Рейтинги данной радиостанции в Ульяновске довольно стабильно росли, так, в 2004 году (октябрь) — 12,7 %, в 2005 году (ноябрь) — 13,8 %, в 2006 году (ноябрь) — 15,2 % и, наконец, в апреле 2007 года размер месячной аудитории вырос до 20,1 %.

[1] «Радио 7 на семи холмах» — московская станция, была основана в 1992 году, см. официальный сайт www.radio7.ru.

С 19 мая 2005 года ЗАО «Телекомпания «Русский проект» начало трансляцию программ «Радио «Культура» в городе Ульяновске на частоте 102,5 МГц. В его эфире были программы и местного производства, освещающие культурные события г. Ульяновска.

Итак, на тот период времени в Ульяновске осталась лишь одна местная станция, другие являлись частью сетей и занимались ретрансляцией. Схожая ситуация уже на протяжении ряда лет наблюдалась и по стране в целом: «Основная борьба за слушателя во всех регионах без исключения разыгрывается, конечно, в FM-диапазоне. И тут на первый план выходят уже местные ретрансляторы ведущих столичных музыкальных станций» [4, с. 41]. По мнению всех экспертов, принявших участие в опросе в г. Ульяновске, ретранслировать намного проще и легче, чем самостоятельно создавать станцию, разрабатывать ее концепцию, программное наполнение, искать свое звучание и определять формат. Поэтому среди станций преобладали сетевые. Эксперты высказывались по этому поводу очень схожим образом:

«*По франшизе проще работать, то есть местному вещателю предоставляется фактически готовый продукт, и его задача — поддержать его качественно, то есть не самим с нуля все делать, а просто поддержать. Но для этого тоже требуются умения, навыки и прочее, проводятся специальные обучающие семинары для сотрудников. Но, тем не менее, это просто… Проще, чем собственная станция*» (*В. Егоров, программный директор ООО ТРК «Европроект»*).

Однако и у местных радиостанций есть определенные преимущества перед сетевыми. Одно из важнейших — это «близость» к местному слушателю, его интересам и событиям, происходящим в регионе: «*Самый главный плюс в том, что, когда я включаю радио* «2×2» *и я включаю* «*Европу*»*, то сразу чувствую, что это местное — оно родное, вот минуты через три я включу, там будут названия улиц звучать, каких-то мест, которые я знаю, там, где я был. Когда я включаю «Европу», там в основном для меня звучат какие-то общеизвестные вещи, но когда идет сетевая реклама, для меня, например, жутко, когда они предлагают купить домик на Кипре, еще что-то…*» (*И. Степанов, главный редактор радиостанций ЗАО «Телекомпания «Русский проект»*).

Местная станция, как считает другой эксперт И. Пивень — директор радиостанции «2×2», также быстрее способна реагировать на изменения вкусов и музыкальных предпочтений сво-

ей аудитории: «*Если я чувствую, что моей аудитории нравится какой-то определенный пласт музыки или какое-то направление, наоборот, заинтересовало, то это направление я просто обязан включить в плей-лист, и оно в нем отразится. У сетевика это произойдет не раньше, чем через полгода*».

В целом преимущество местной радиостанции перед сетевой состоит в ориентации прежде всего на местный контекст. В новостях возможно более оперативное, по сравнению с ретрансляторами, освещение важных для жителей города и области событий, например, радио «2×2» информировало о закрытии моста через Волгу и рассказывало о ситуациях, сложившихся в связи с этим, делая прямые включения участников событий в любое время. Это принципиально невозможно при сетевом вещании, где время выхода новостей строго регламентировано. Причем ориентация на местного слушателя и его потребности, интересы проявляется не только в новостных программах, но и в других: *«Клубная музыка… это местные диджеи, это все местный уровень. То есть мы не берем Москву специально, чтобы было приближено к нам»* (*И. Пивень, директор радиостанции «2×2»*).

Таким образом, можно предположить, что местные станции не только создают ощущение близости, принадлежности к определенному местному сообществу, но и даже формируют его, рассказывая, например, о событиях культурной жизни, предоставляя возможности участвовать в конкурсах и розыгрышах и т. д.

Роль радиостанций (и не только региональных) в формировании местных сообществ следует рассмотреть подробнее. Ряд экспертов полагали, что местные новости и передачи на радиостанциях-ретрансляторах создают «*ощущение сообщества вот этого местного…*» (*В. Егоров, программный директор ООО ТРК «Европроект»*). (Причем если радиостанция местная, то ее близость к региональному контексту, учет и отражение локальных интересов, оперативность в освещении важных для жителей города ситуаций предполагаются сами собой.) Для сетевых станций такие передачи служат цели адаптации к определенному региону. В некоторых случаях таким связующим звеном в формировании сообществ являются даже не сами местные новости или другие передачи, а общение с ведущим эфира, диджеем. В основном это происходит тогда, когда его личность широко и давно известна в городе, как, например, в случае с З. Ахметовой. По ее словам, из общения с радиослушателями очевидно, что они обращались к ней уже много лет назад: «*Люди нас узнают, они выросли вместе с нами… и какой-то контакт был налажен еще тогда, потом мы росли, совершенствовались, учились, влюблялись, женились, выходили замуж, все это вместе с нами. То есть это и студенты, тогдашние школьники, тогдашние начинающие коммерсанты, а теперь уже серьезные бизнесмены, сотрудники офисов; это молодые мамы, которые тогда рожали детей, сидели дома, слушали радио, то есть теперь это уже успешные женщины, которые растят своих детей, а кое-кто дождался и внуков. То есть многих из них я и мои коллеги знаем просто по именам*». Такая ситуация, видимо, свойственна лишь относительно небольшим городам, в столичных же наличие таких тесных контактов и формирование подобных сообществ, в центре которых находятся диджей и практики прослушивания радио, было бы трудно представить.

Раскрывая эту тему, необходимо коснуться еще одного ее аспекта — интерактивных программ, передач, при создании которых в большей или меньшей степени в той или иной форме осуществляется общение со слушателями. Такие программы были практически на всех радиостанциях. Но мнения экспертов по поводу их оценки и роли несколько разделились. Некоторые полагали, что есть часть слушателей, которые предпочитают в эфире музыку, «*а не болтовню диджеев*» и людей, звонящих в эфир. Так, например, считал И. Пивень — директор местной радиостанции «2×2»: «*Люди, которые слушают радио, уже избалованы, им уже не интересно слушать, как кто-то передает привет соседу Васе и хочет заказать медляк…*» И, соответственно, отмечают, что на некоторых радиостанциях (не местных) время, выделяемое на такие передачи, сокращалось, и данные эксперты оценивали это позитивно. На местной станции «2×2» время, которое занимали в эфире такие интерактивные передачи, также сократилось — сначала с пяти до четырех, а затем и двух часов в сутки. Другие эксперты полагали, что изменяются скорее формы общения с радиослушателями, особенно на это влияет развитие коммуникационных и информационных технологий, в частности, звонки в эфир иногда заменяются СМС или интернет-заявками или программа представляет собой смонтированные звонки слушателей (они не идут в прямом эфире, а готовятся заранее). Появляются также другие, возможно, более интересные виды передач, в том числе и рекламного характера, например, различные конкурсы и розыгрыши в прямом эфире. Также интерактивное взаимо-

действие работников радиостанции и слушателей осуществлялось, например, на местной станции «2×2» в такой форме: посредством СМС-портала проводились опросы, выявлялись наиболее желательные для звучания в эфире композиции.

В последние десятилетия с появлением коммерческого радиовещания ключевой фигурой на радио стал диджей, спонтанно и раскованно общающийся в эфире со слушателями, пришедший на смену дикторам радио советских времен, читающим заранее завизированные тексты. По поводу роли диджеев или ведущих эфира в период проведения исследования мнения экспертов также несколько различались. Так, например, И. Пивень был убежден, что их работа необходима, и обосновывал это так: «*Если мне нужно послушать музыку, я ставлю диск, если мне нужно общение, хотя бы минимальное, хотя бы одностороннее, чтобы я не был в одиночестве, когда еду на работу, допустим, то я включаю радио. Это человек (диджей), который не дает просто звучать музыке, который должен нести мне заряд положительной энергии, бодрости… как элемент общения и поддержания моего настроения. Если мне плохо, а ему, я слышу — хорошо, значит, я поддерживаю, улучшаю свое настроение…*». Схожую точку зрения о том, что задача диджея (и одновременно требование к его личности) состоит в том, чтобы нести позитивный настрой, хорошие эмоции, высказывали и некоторые другие директора радиостанций и ведущие эфира. Но встречались и другие взгляды: например, директор радиостанции «Дорожное радио» считал, что отсутствие ведущих и их разговоров в прямом эфире на данной станции является ее отличительной чертой и, возможно, преимуществом.

Если подытожить приведенные выше данные и высказывания экспертов, в нашем регионе преобладали не только ретрансляторы, но и радиостанции, направленные на довольно широкую и в то же время достаточно взрослую аудиторию («Радио 7», «Ретро FM», «Авторадио» и др.). В ходе развития местного радиорынка отбирались и в итоге оставались те радиостанции, которые обеспечивали не узкую, а весьма массовую аудиторию с довольно широкими музыкальными вкусами. Ситуация, с одной стороны, легко объяснимая: именно радиостанции, рассчитанные на обширную аудиторию, способны обеспечить массовый охват в условиях среднего по численности города и стабильные поступления от рекламы (не в последнюю очередь это связано и со вкусами самих рекламодателей, которые охотнее размещали рекламу на тех радиостанциях, которые им «ближе»); с другой — парадоксальная, потому что все это усилило их конкуренцию между собой, и их аудитории значительно пересекались. В то же время тогда в регионе практически не осталось радиостанций, ориентированных на более узкие с точки зрения возраста и музыкальных пристрастий аудитории, например, исключительно молодежные (кроме «Energy»). Таким образом, в Ульяновске вещало преимущественно так называемое «хит-радио», и в то время речь еще не шла о появлении «нишевых» радиостанций, разговорного или новостного радио.

1. Индустрия российских СМИ: цифры, факты, проблемы // Журналист. 2002. № 7.
2. Система средств массовой информации России / под ред. Я. Н. Засурского. М. : Аспект Пресс, 2001.
3. Российские СМИ: количественная характеристика // Отечественные записки. 2003. № 4(13). URL: http://www.strana-oz.ru/2003/4/rossiyskie-smi-kolichestvennaya-harakteristika.
4. *Соболев С.* По воле волн // Индустрия рекламы. 2004. № 1—2(51—52). С. 40—44.
5. Официальный сайт «Европроект»: www.evroproekt.ru.
6. Официальный сайт: radio2×2.com.
7. Официальный сайт: www.radio7.ru.

Т. М. Лободюк, Н. В. Власова

ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ СМИ В РОССИИ

Средства массовой информации функционируют по двум направлениям: как испытывающие на себе и также отражающие общие социальные изменения в обществе и как влияющие на общество и вызывающие в нем те или иные изменения. В условиях нарастающей коммерциализации СМИ и сокращения государственного регулирования масс-медиа решающее значение приобретает экономическое регулирование деятельности СМИ, осуществляемое в основном через рыночный механизм.

Ключевые слова: СМИ, коммерциализация СМИ, информационное пространство, масс-медиа.

T. M. Lobodyuk, N. V. Vlasova

COMMERCIALIZATION CHALLENGES OF MEDIA IN RUSSIA

The functioning of mass media is in two ways: reflecting the general social changes in society and affecting and changing society in the certain way. In the context of growing commercialization of the media and reducing government regulation of mass media the economic regulation of the media is crucial. This regulation is carried out mainly through the market mechanism.

Key words: media, media commercialization, information space, mass media.

В настоящее время достаточно трудно представить нашу жизнь без газет, журналов, радио, телевизора и, конечно же, без Интернета. Из этих источников мы получаем необходимую информацию. Человек постоянно испытывает потребность в удовлетворении «информационного голода», так как является существом социальным и жить в отсутствии информации он просто не может. Люди постоянно стремятся получить информацию о происходящих событиях в окружающем их мире. В достижении этой цели нам помогают средства массовой информации (СМИ) [2, с. 41].

СМИ выполняют многообразные функции: информирования населения о событиях, происходящих в стране и мире в целом; образования и социализации; рекламы в самых разных её проявлениях. СМИ оказывают влияние почти на все сферы и институты общества, включая политику, здравоохранение, образование, религию, и являются важнейшими инструментами реализации политического процесса [3, с. 79].

В обществе все большую популярность приобретает мнение о том, что существует некоторая потеря современным обществом, молодежью нравственных ориентиров. Главной причиной этого является коммерциализация СМИ. Естественно, такая точка зрения невозможна в научных исследованиях, поскольку ученые рассматривают явления во взаимосвязи с другими общественными процессами и/или как часть той или иной системы [6, с. 110].

Коммерциализация СМИ — следствие изменений, произошедших в социально-экономической системе российского общества. Государство экономически больше не содержит их, за исключением тех, которые ему принадлежат. Экономическое выживание общественных или коммерческих изданий, телеканалов, радиостанций зависит от того, насколько они адекватно отвечают интересам рынка и его потребителя (покупателя, обывателя). Однако государство с помощью законодательной базы и административных рычагов может регулировать деятельность журналистов, привлекая их к ответственности за нарушения или злоупотребления или поощряя их социальные заслуги. Это называется государственной политикой в сфере массовых коммуникаций.

В свою очередь, общество, все его граждане в рыночных условиях могут своим выбором влиять и влияют на информационные потоки, определяя в них те или иные приоритеты. Информационные процессы в обществе формируются не стихийно, спонтанно, а всегда обусловлены системой существующих отношений и ценностей. И подобно тому, как искусство является формой духовного, культурного самосозна-

ния общества, журналистика является формой его социального самосознания. И это определяет средства массовой информации как социальный институт. Безусловно, в настоящее время СМИ и журналистику в России можно рассматривать как неотъемлемые компоненты глобальной информационной сферы [9]. Журналистика представляет собой профессию и вид профессиональной (творческой) деятельности, на которую опирается социальная система, являющаяся одновременно мощнейшей отраслью современной экономики, — средства массовой информации. Журналистика — это комплекс каналов передачи массовой информации, использующих различные средства коммуникации (печать, радио, телевидение, Интернет) и образующих разнообразные типы изданий и программ (общенациональные и местные, общие и специализированные по аудитории, тематике, сфере экономики, области жизни, характеру социальной позиции, направленности, творческому облику и т. д.), действующих в национальном и глобальном информационном пространстве [7, с. 219].

Особенность средств массовой информации объясняется двумя обстоятельствами: как испытывающие на себе и также отражающие общие социальные изменения в обществе и как влияющие на общество и вызывающие в нем те или иные изменения. Во втором случае можно говорить о конкретной взаимосвязи качественного уровня СМИ с уровнем культуры в том или ином обществе. Если СМИ потакают низменным нравам публики, то служат не просвещению, а падению нравов. Однако категорически обвинять в этом СМИ нельзя, потому что решающую роль играет широта и многообразие СМИ, информационного пространства и информационной среды, которые, в свою очередь, зависят от потребностей и желаний общества.

Если такого многообразия и широты недостаточно, чтобы перевесить негативное воздействие от тех СМИ, которые действительно девальвируют ценности (например, унижают человеческое достоинство, демонстрируют насилие, распространение расовой нетерпимости и т. д.), а государство и общество не предпринимают шагов по оздоровлению своего информационного пространства, то ситуация в самом деле складывается опасная, и СМИ становятся как бы «детонатором» определенных обстоятельств. Но в то же время разрушается только то, что может разрушиться, а что не может — не разрушается. Разрушение — тоже определенная стадия жизни социума, обусловленная объективными социальными причинами.

Современная коммерциализация СМИ — объективный фактор реальности, который чаще всего оценивается с позиций либо «хорошо», либо «плохо». Но подобная абсолютизация оценок уничтожает многогранность и многозначность оцениваемого явления, в котором, действительно, есть как позитивное — рынок дает возможность выбора, так и негативное — давление коммерческих интересов на формирование информационной политики. Первое реализуется наиболее успешно при условии развития гражданского самосознания и прав личности в обществе. Второе становится опасным в условиях сильного крена в сторону прежде всего потребительских потребностей, а не гражданских интересов, именно тогда и проявляются те последствия коммерциализации СМИ, которые заставляют любого неравнодушного культурного человека беспокоиться о нравственном здоровье общества [6, с. 111].

Коммерциализация означает всё большую привязанность СМИ к потребностям рынка. Сейчас общество оказывается в таком положении, когда что-либо предлагающая реклама или коммерческая тема становятся для СМИ намного важнее, нежели актуальные информационные потребности аудитории. Коммерческий интерес в такой ситуации неизбежно вступает в конфликт с информационными функциями СМИ.

В условиях нарастающей коммерциализации СМИ и сокращения государственного регулирования масс-медиа решающее значение приобретает экономическое регулирование деятельности СМИ, осуществляемое в основном через рыночный механизм. Именно давление рынка во многом определяет приоритеты и «правила игры» средств массовой информации, действующих в конкурентной среде: они либо вынуждены считаться с рыночной конъюнктурой, с правилами маркетинга, чтобы обеспечить свое выживание и коммерческий успех, либо полностью строить свою деятельность на коммерческой эксплуатации этой конъюнктуры [1, с. 240].

В условиях новой информационной среды люди гораздо меньше интересуются социальными явлениями и проблемами, воспринимая их как незначительные элементы глобальной мозаики.

Снижение интереса общества к деятельности институтов и организаций гражданского общества предсказывал еще М. Кастельс. Происходящие процессы, по его наблюдениям, трансформировали характер политической жизни. Лидерство стало более персонифицированным, а путь к власти начал пролегать через создание

имиджа, формируемого СМИ. Общество, электорат приобретают черты «публики», формирующей запрос на развлекательную информацию. «В конечном счете, власть, которой располагают сети средств массовой информации, занимает второе место после власти потоков, воплощенной в структуре и языке этих сетей» [4, с. 35].

К сходным выводам пришел и Э. Тоффлер. Информационное общество, согласно его точки зрения, характеризуется недолговечностью ценностей и идеалов, временным характером потребностей, резким увеличением объема научно-технической информации, серьезным повышением разнообразия жизненных явлений, обилием субкультур. Мир вокруг постоянно изменяется с невероятной скоростью, что ставит человека на грань его способностей к адаптации. В результате, человек впадает в особое психологическое состояние — «футурошок» (шок будущего), которое «характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванной страхом перед близким грядущим» [5, с. 98].

Коммерциализация обнаруживает двойственность современной журналистики. С одной стороны, СМИ ориентированы на коммерческий успех, обращены к потребителю информации, участнику рыночных отношений, а с другой — в силу своих социальных функций журналистика должна обращаться (и обращается) к общественному мнению, к гражданину, к личности. Это столкновение заставляет изучать социальные механизмы информационного пространства, в котором происходит взаимное влияние информационной среды и определенных слоев общества, а также исследовать роль общества в процессе формирования информационной политики дня.

В гражданском обществе СМИ должны зависеть не только от законов рынка, но и от общественных ценностей, считают в Русской Православной Церкви. «Сегодня СМИ по разным причинам сами являются коммерческим продуктом и выдают в основном коммерческий продукт, способный привлечь максимальную аудиторию. Их общественная функция теряется, СМИ оказываются зависимы от понятий выгоды, от рейтингов», — заявил председатель Синодального информационного отдела В. Р. Легойда на обучающем семинаре для региональных координаторов грантового конкурса «Православная инициатива — 2011» «Цели и методы адресной поддержки общественно значимых инициатив православного сообщества».

По его словам, в этих условиях, когда «диктат рынка, коммерческой выгоды заменяет собой диктат цензуры со стороны государства, о свободе СМИ особо говорить не приходится».

«Человек становится рабом общества потребления, убедив себя в том, что он его хозяин. Постоянная зависимость от рекламы, от предпочтений потребителя — разве это свобода?», — отметил Владимир Легойда.

По словам председателя Синодального отдела, одна из задач ежегодного конкурса «Православная инициатива», который проводит Координационный комитет, состоит в том, чтобы изменить эту ситуацию, дать возможность развиваться некоммерческой, «сострадательной» журналистике, то есть ценностно ориентированной, говорящей о нуждах и проблемах обычных людей.

При этом В. Р. Легойда считает, что такого рода ценностная гуманитарная проблематика сегодня очень востребована обществом, поскольку многие люди уже успели устать от «информационного шума», слишком большого объема развлекательной информации, которой сегодня наполнены многие СМИ [10].

С экономической же точки зрения нельзя не отметить, что коммерциализация СМИ — это нормальное явление. Они должны быть сильными в экономическом отношении, чтобы давать объективную информацию. Истоки коммерциализации СМИ в том, что информация превращается в товар, выгодно продаваемый аудитории. Большую финансовую поддержку СМИ оказывает рекламный бизнес. Массовость потребляемой информации обусловливает благополучие и рост капитала не только в сфере масс-медиа, но и во многих других промышленных областях. Это сближает и объединяет коммерческие проблемы СМИ с проблемами индустриального процесса в целом и создает веру в приоритетное значение экономических факторов развития информационной деятельности. И поэтому главным условием ее свободы и независимости от разных форм контроля объясняются коммерческие самообеспеченность и самоокупаемость. Однако есть и негативная сторона этого явления. В погоне за вниманием публики в материалы включаются сенсационные сообщения, содержащие шокирующие сведения [8, с. 4]. Тем не менее нужно отметить, что коммерческие телеканалы ориентированы на конкретную аудиторию — создают угодный ей контент, определённую структуру и дополнительные возможности. В этом главное отличие от некоммерческих СМИ, которые пытаются ориентироваться на все возрастные и социальные категории населения.

1. *Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П. и др.* История мировой журналистики. М. ; Ростов н/Д. : Издательский центр «МарТ», 2003. 432 с.
2. *Беспалова В. П., Федоров А. В.* Роль СМИ в изменении общественного мнения. Использование СМИ как идеологического оружия // Рос. академический журн. 2013. № 1. С. 40—42.
3. *Гаджиев К. С.* Политология. Базовый курс : учеб. М. : Изд-во «Юрайт», 2011. 505 с.
4. *Городов О. А.* Информационное право : учеб. М., 2007. 109 с.
5. *Григорян М.* Прикладное религиоведение для журналистов. М. : Права человека, 2009. 254 с.
6. *Красноярова О. В.* Коммерциализация СМИ и изменения в информационной среде // Изв. Иркутской гос. экон. акад. 2006. С. 106—112.
7. *Прохоров Е. П.* Введение в теорию журналистики : учеб. М. : Аспект Пресс, 2009. 351 с.
8. *Шувалов С. С.* Коммерциализация как фактор экономической независимости современных российских СМИ // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2013. № 4. С. 3—8.
9. Образы православия и протестантизма в светских СМИ. URL: http://www.portal-credo.ru/ (дата обращения: 21.10.2015).
10. Экспертный семинар в Синодальном информационном отделе. URL: http://www.patriarchia.ru (дата обращения: 15.10.2015).

Т. А. Рассадина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена анализу современных тенденций формирования гражданского общества в России, внутренних и внешних факторов, влияющих на эти процессы, а также некоторых проблем и ограничений его развития.

Ключевые слова: гражданское общество, взаимодействие власти и гражданского общества, публичная сфера, социальный капитал, некоммерческие организации, социальная база гражданских отношений, гражданская активность.

T. A. Rassadina

SOME ISSUES OF CIVIL SOCIETY FORMATION IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the analysis of modern trends of Russian civil society formation, internal and external factors that influence these processes. It also describes some issues and restrictions of its development.

Key words: civil society, interaction between authorities and civil society, public sphere, social capital, nonprofit organizations, social basis of civil relations, civil activity.

Три десятилетия Россия идет по пути радикального преобразования всех сфер общественной жизни, в условиях новой социально-политической системы строит рынок, учится демократии, создает правовое государство, гражданское общество. Проблематика исследований гражданского общества за эти годы стала весьма обширной в рамках не только политической науки, но и социологической [1].

Очевидно, что гражданское общество как совокупность социальных связей и коммуникаций, институтов и ценностей, главными субъектами которых являются гражданские организации, формируется трудно, непросто утверждаются ценности демократии, отстраиваются демократические механизмы функционирования политической системы. Но есть твердое убеждение и власти (во всяком случае, президентской), и общества, что без его полноценного становления невозможно действенное не только политическое, но и социально-экономическое развитие страны, развитие ее духовной жизни.

Формирование гражданского общества в России принципиально зависит от двух игроков: государства и бизнеса, которые по сути предопределяют и пути развития, и модели его политического участия. Нередко звучат оценки, что в стране формируется квазигражданское общество. Они во многом оправданны. Гражданской консолидации в России не способствует ряд обстоятельств. Среди них:

— глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, подданных, зависимых от политики власти, ожидающих добавки к пенсии, зарплате, льготы и т. п.;

— не просто дифференциация, а где-то и пропасть между богатыми и бедными, центром и регионами, столицей и провинцией, элитой и населением, чиновниками и всеми остальными; сохранение внутренней неприязни между ними;

— проблемы не только в производстве благ, но еще больше в их распределении;

— «экономикоцентричность», а не «социоцентричность» государственной политики;

— слаборазвитый средний класс, представители которого в целом удовлетворены своим положением, эксплицируют не столько гражданские позиции, сколько интерес к вопросам собственного потребления в рамках преобладающих гиперсистем ценностей, а именно прагматической, чувственной, индивидуалистической, которые поддерживаются государством;

— гипертрофированная ориентация на частную жизнь, атомизация общества, которая имеет разные формы проявления, как то личностный, корпоративный, семейный и прочий изоляционизм;

— отсутствие честной конкуренции во всех сферах;

— культ не специалистов, а всевозможных менеджеров, в том числе в государственных, бюджетных организациях, бюрократов, что усиливает бессубъектность основной массы населения в плане влияния на принятие жизненно важных для общества решений;

— эффективность власти в том смысле, что она преследует собственные цели и интересы, зачастую отличные от целей и интересов общества; управление, контроль общества все-таки более важны для нее, чем его благополучие;

— значительная часть активности власти как в центре, так и в регионах направлена на имиджевые мероприятия, на спин-деятельность, спин-контроль, а не на решение актуальных задач общества;

— сложности борьбы с коррупцией; статистика предъявляет данные об уменьшении количества взяток за последний год, но не об увеличении их размера;

— дисфункциональность социальных институтов (к примеру, обращения граждан лично к Президенту в публичном пространстве — пресс-конференциях и прочих форматах — с просьбой помочь приобрести инвалидную коляску — очевидный признак этой ситуации; к тому же случай, имеющий множество аналогов);

— наличие множества ассоциаций граждан в России, которые трудно назвать влиятельными;

— публичная сфера в основном сформирована, но во многом она беспомощна.

В целом наблюдается снижение интереса общества к некоторым элементам демократии, имеющее разные причины, в частности: встраивание многих прав и свобод в повседневную жизнь; сохраняющаяся низкая гражданская и политическая культура; инертность, апатия общества, которая в недавнем времени была связана не только с относительно устойчивым стабильным развитием, с улучшением условий жизни, но и с неспособностью влиять на политическую жизнь общества. Сами российские граждане видят первопричину замедления движения России к демократии в выборе российского правящего класса, который предпочел демократии собственность и власть. Подобной позиции придерживаются две трети россиян. Существенно меньше тех, кто основную вину возлагает на само общество (27 %) [2].

Все это тормозит самоорганизацию гражданского общества.

Гражданское общество может строиться в русле двух парадигм: на его противопоставлении власти, критике ее; на поиске согласия, компромиссном улаживании проблем (так называемая конструктивная позиция). К тому же это строительство может идти снизу, что чаще квалифицируется как естественный процесс, а также сверху. Эти альтернативы порождают состояние бифуркации, которое может привести к разным, не всегда предсказуемым вариантам развития.

Одна из главных особенностей России заключается в том, что строительство демократических институтов и институтов гражданского общества в значительной мере ведется «сверху», что влечет зависимость от властей всех уровней, в связи с этим неэффективно влияние на власть. Так, создание важных, нужных институтов с участием власти (Общероссийский Народный Фронт, Общественная Палата РФ, региональные палаты, в том числе экологические, педагогические и др. (в Ульяновске есть Палата справедливости и народного контроля)) нередко порождает смешанные чувства, сложные отношения у населения.

Конструктивная модель взаимодействия власти и гражданского общества в современных условиях становится преобладающей. Первая модель (критическая) может способствовать разрушению государства изнутри, что в сегодняшних условиях смертельно опасно.

Но самоорганизация — это не только спонтанный процесс движения снизу, это резонансные действия как снизу, так и сверху на основе совпадения потребностей, интересов, целей. Отвергать и игнорировать целенаправленные действия сверху неверно, это важнейший элемент общества.

Несомненно, положительно то, что государство сознательно придает импульс созданию представительных институтов гражданского общества в условиях их отсутствия, предпринимает усилия по их развитию и совершенствованию. Но государство не только способствует развитию гражданского общества, но и периодически проявляет авторитарные способы управления им, например, использует тактику «закручивания гаек». Гражданское общество не является источником спонтанного порядка и гармонии, его развитие связано с преодолением собственных проблем. Государство не должно его поглотить, не должно слиться с ним, оно должно влиять на формирование культуры гражданственности. Этим институтам необходимо действовать в партнерстве, стимулируя и контролируя друг друга. Никакие условия не должны способствовать отказу от ценностей подлин-

ного уважения, справедливости, честности. Критическая функция гражданского общества по отношению к государству должна оставаться.

Проблемы гражданского общества отражаются в сознании рефлексирующего российского социума, что проявляется в глубоком кризисе доверия в обществе как к институтам государства, так и к нарождающимся институтам гражданского общества. Многочисленные, в том числе и опубликованные результаты наших исследований, указывали на это [3].

Резкий скачок доверия высшей власти страны (Президенту прежде всего) за последний год с очевидностью выполняет защитную объединительную функцию в условиях сложной внешнеполитической ситуации при непростом отношении людей к внутриполитическим проблемам, крайне негативном, к таким как обюрокрачивание, коррупция, рост цен, сокращение рабочих мест, уменьшение зарплат, повышение тарифов на услуги ЖКХ, появление новых статей оплаты и прочие.

Здоровое гражданское общество невозможно без «коммуникативной рациональности или публичности» [4, с. 32] как сферы интеракции и коммуникации субъектов, автономных и свободно самоопределяющихся индивидов и негосударственных союзов, формирующихся на добровольных началах. Именно в публичной сфере социума складываются мнения, идеалы, ориентации, которые выступают основой общественной солидарности. Ведущими мотивами таких отношений являются стремления субъектов добиться равенства, открытости, уважения и доверия, а также на этой идейной основе включиться в решение жизненно важных проблем.

В этом контексте повышается целесообразность использования субъектами гражданского общества такого ресурса, как социальный капитал.

Феномен социального капитала как умения налаживать социальные отношения (Ханифан Л. Д., 1916), совокупности актуальных или потенциальных ресурсов, которые используются участниками отношений взаимного знакомства и признания [5], уже несколько десятилетий приковывает внимание исследователей.

Патнэм Р. утверждает, что «социальный капитал начинается от инициатив индивида и поднимается вверх — до государства, а не наоборот» [6, с. 49]. Принадлежность к определенной группе содержит в себе тот или иной аспект социальной структуры, «усиливает определенные действия людей, находящихся в этой структуре» [7, с. 126], а ее нормы взаимодействия и доверия определяют качество и количество социальных взаимоотношений.

Такие сетевые отношения позволяют формировать и поддерживать социальную ткань, ее клеевую основу. Социальный капитал выполняет обязывающие, связывающие, объединяющие, позитивные и негативные функции. Главное — он уменьшает издержки на координацию совместной деятельности, заменяет формальные правила и бюрократические процедуры неформальными нормами, отношениями доверия, усвоенными профессиональными стандартами, этикой общения. Его объём зависит прежде всего от размера социальных сетей, которые он может эффективно мобилизовать. Это — условие расширения социальной базы гражданского общества.

Социальный капитал не является естественной данностью, сконструированной раз и навсегда. Он формируется и постоянно воспроизводится через сети связей, которые являются продуктом постоянной работы, конвертируется в другие виды капиталов. Высок в тех организациях, где люди доверяют друг другу, находятся в тесной зависимости взаимных обязательств. Формируется на разных уровнях социальной реальности (на микроуровне — взаимодействие индивидов; на мезоуровне — отношения организаций; на макроуровне — взаимодействия общностей, групп, институтов). Ф. Фукуяма приравнивает доверие к социальному капиталу [9], основываясь на положении, что доверие и социальный капитал взаимно укрепляют друг друга. Доверие значительно увеличивает возможности взаимодействия людей, усиливает кооперацию. Одновременно способствует развитию личностных самодетерминант, возможности свободно проявлять собственные позиции, автономии общества в условиях поддержки надежными людьми и социальными институтами. Автономия — важный элемент гражданского общества. Автономия социальных субъектов означает признание прав и свобод человека и гражданина в различных сферах, возможность самоорганизации.

Одним из факторов обновления и развития гражданского общества является использование некоммерческих организаций (НКО). Однако в деятельности НКО России масса своих проблем: это их локализация преимущественно в крупных городах; закрытость большинства добровольных объединений; несформированность потребности в коммуникациях и объединении, что задает тенденциозность в конструировании социальных проблем, не позволяет эффективно влиять на принятие решений и др.

Среди преобладающих в России способов лоббирования интересов населения чаще используются негласные, чем легальные и публичные (личные связи с представителями органов власти; договоренности с лицами, от которых зависит принятие нужных решений). Средства массовой информации мало интересуются жизнью гражданских организаций, их больше интересуют бизнес и власть, обладающие ресурсами, к тому же не так много независимых и неподконтрольных власти СМИ в России. Сами руководители НКО больше озабочены материальными ресурсами, нежели результатами работы; зачастую работа в НКО рассматривается как вариант трудоустройства, заработка. Наконец, критериями оценки своей работы руководители НКО чаще считают рост членства и поддержку со стороны власти, чем привлечение инициативных граждан и поддержку населением.

В итоге НКО не транслируют «наверх» информацию о потребностях населения, не контролируют действия органов власти, не влияют на распределение ресурсов, не участвуют в формировании приоритетов государственной политики или делают все это крайне слабо.

Правозащитные организации часто получают средства из иностранных источников и проповедуют идеи, ценности, достаточно привлекательны, — в русле гуманистических идеалов. Нередко за этим привлекательным фасадом — деструктивные для нашей страны намерения, не считывать их наивно. Важно и то, чтобы за этими проблемами не выплеснуть в очередной раз подлинные ростки гражданских позиций. Повторим, в практиках создания гражданского общества в нашей стране очевидно существенное движение сверху.

Социальный капитал — это не просто связи. Это структуры господства, создаваемые людьми свободно, но вполне рационально, которые позволяют их владельцам реализовывать определенные жизненные шансы, достигать целей. Нередко это серьезная компенсация проблем и недостатков социальных акторов (финансовых, материальных, профессиональных и т. п.), способ значительного и не всегда заслуженного повышения статусных позиций. Он может стать фактором усиления и без того критического социального неравенства.

Главным показателем качества «формального» социального капитала является не количество организаций, а вовлеченность населения в их работу, социальная база. В странах с развитым гражданским обществом подобная доля населения составляет 10—15 %. Характерной чертой Российской Федерации, как и всего постсоветского пространства, является разрыв номинального и реального членства в некоммерческих организациях. Членами организаций являются 3—5 % [9, с. 32]. Последние исследования социологов из НИУ ВШЭ демонстрируют, что социальная база гражданских отношений неоднородна [10, с. 30], ее основу образуют порядка 10 % взрослых граждан России.

Средний россиянин предпочитает невысокую социально-политическую активность. Это объективный уровень самоорганизации. Такое состояние характеризуют как проявление «негражданственности». Оно, скорее, является защитным механизмом в условиях уязвимости человека, зависимости от политики центральной и местной властей и ухудшающихся условий жизни. «Негражданственность» важно отличать от «антигражданского» поведения. Последнее характеризуется активным проявлением цинизма и сознательным агрессивным поведением, игнорированием гражданских ценностей.

Оценивать уровень активности непросто. Так, чрезмерно политизированное общество (например, конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века), когда практически все мысли, разговоры людей были о политике, — вряд ли можно квалифицировать как здоровое общество. Есть небезосновательная точка зрения, что гражданское общество в нашей стране в наиболее сформированном виде было в советский период. Всевозможные собрания, коллективные обсуждения, критика (без нее, особенно в перестройку, выступления вообще не воспринимались, а часто и не принимались), выборы «снизу доверху» и пр. были реальными социальными фактами. Общественно-политическая деятельность в советское время называлась общественной работой. В основе своей — это бесплатная работа. Отношение к ней было разное. От великого блага — работа не за деньги во имя целей общества, групп, отдельных граждан вплоть до отношений, которые определялись формулой «если хочешь завалить дело, сделай его общественной работой». Эта работа требует немалого времени, сил. Нельзя не признать нормальным и то, что у людей есть и должны быть другие интересы, разные интересы.

С учетом массы разнообразных проблем в современной России уровень гражданской активности явно недостаточен. В сочетании с неразвитостью НКО невысокая социально-политическая активность слабо способствует развитию институтов гражданского общества.

Политические события последних лет показали, сколь неустойчивым остается процесс де-

мократизации и сколь опасно велика в нем роль отдельной личности. Считаю не лишним вспомнить о том, что в России общинное самоуправление имеет давнюю серьезную и своеобразную традицию. Гражданское общество не может быть привнесено и навязано извне на основе западных моделей, которые также имеют свои проблемы развития. Оно должно формироваться с учетом российской традиционной культуры и эволюционировать. Для формирования новой гражданской ментальности нужны годы, работа поколений.

1. *Бляхман Б. Я.* Гражданское общество: теоретическая конструкция или практическая реальность?.. // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социальная политика и социология. 2005. № 4. С. 32—49; *Василенко Л. А., Вронская М. И.* Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества. М. : Проспект, 2010. 294 с.; *Гаджиев К. С.* Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М. : Знак, 2008. 115 с.; *Галкина Е. В.* Институционализация гражданского общества в контексте современных политических трансформаций. Ставрополь : СГУ, 2010. 170 с.; *Голенкова З. Т.* Гражданское общество в России // Социс. 1997. № 3. С. 25—36; *Горшков М. К.* Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. С. 3—26; *Ирхин Ю. В.* Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 3—24; Круглый стол QUOVADIS. Перспективы становления гражданского общества в России. Ч. 1 // Полис. 2012. № 2. С. 117—140; *Лопарев А. В.* Национальные особенности взаимоотношения государства и гражданского общества в России (историко-политический аспект) // Власть. 2009. № 6. С. 128—132; *Максимова С. Г.* Социальная активность населения и общественные гражданские инициативы // Политика и общество. 2012. № 7. С. 44—49; *Мерсиянова И. В.* Социальное участие и проблема доверия в гражданском обществе // Социальный капитал, социальные сети, социальное участие: к проблеме возрождения местных сообществ в России. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. С. 6—25; *Мотрошилова Н. В.* О современном понятии гражданского общества // Вопр. философии. 2009. № 5. С. 57—62; *Сунгуров А. Ю.* Взаимодействие власти и структур гражданского общества: возможные модели // Гражданский диалог. 2008. № 3. С. 37—40; *Тамбовцев В. Л.* Государство как инициатор развития гражданского общества // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 99—106; *Якимец В. И.* Третий сектор: состояние, проблемы роста и развития, место и роль в общественной жизни России // Школа культурной политики. 2007. № 5. С. 35—39 и др.
2. *Горшков М. К.* Гражданское общество и демократия участия в пореформенной России: Выступление на III съезде некоммерческих организаций России. URL: http://www.youtube.com/watch?v=WggDrM4-mj0. Загл. с экрана.
3. *Рассадина Т. А., Миронова Н. А.* Доверие власти в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) // Власть. 2011. № 7. С. 105—108; *Рассадина Т. А.* Доверие к средствам массовой информации в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1. С. 61—70.
4. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М. : ACADEMIA, 1995. 87 с.
5. *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60—74.
6. *Putnam R. D.* Bowling Alone. The collapse and revival of American community. N. Y. : Simon and Shuster, 2000. 312 p.
7. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121—139.
8. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ Хранитель, 2006. 730 с.
9. *Романенко Л. М.* Гражданское общество в России. М., 2005. 205 с.
10. Воспитание гражданских добродетелей: как изменилось общество России за 10 лет? // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Бюл. I. 2015. № 1(5), март. 61 с.

О. В. Цветкова

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье рассматриваются межнациональные противоречия на Северном Кавказе. Поднимается проблема международного нагорно-карабахского и внутреннего осетино-ингушского конфликта. Обосновано, что межнациональные отношения оказывают влияние на активизацию конфликтогенных факторов и появление новых вызовов и угроз территориальных размежеваний на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: межнациональные противоречия, этнонациональные отношения, нагорно-карабахский конфликт, осетино-ингушский конфликт.

O. V. Tsvetkova

ETHNIC CONFLICT IN THE NORTH CAUCASUS

The article deals with interethnic conflicts in the North Caucasus. It analyses the problem of Nagorno-Karabakh international conflict and the internal Ossetian-Ingush conflict. It proves that international relations have an impact on the activation of the contentious factors and the emergence of new challenges and threats to the territorial divisions in the post-Soviet space.

Key words: interethnic contradictions, ethnic relations, Nagorno-Karabakh conflict, Ossetian-Ingush conflict.

Кавказ рассматривается как один из важнейших геостратегических регионов. В геополитическом отношении Кавказский регион разделен на две части: Северный Кавказ и Закавказье. Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации и включает Предкавказье (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края) и республики Адыгея, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию и Чечню. Территория Закавказья расчленена на три самостоятельных национальных государства — Армения, Азербайджан, Грузия.

Кавказский регион представляет собой огромную многонациональную и многоконфессиональную территорию, где слились интересы многих ведущих государств мира. На Кавказе проживают малочисленные народы, которые имеют друг к другу претензии территориального характера, а межрегиональные конфликты подогреваются этническими противоречиями на данных территориях.

Северный Кавказ имеет чрезвычайно сложную и неоднородную внутреннюю политико-территориальную структуру, на его территории проживает многоэтнический состав населения, где традиционно происходит контакт различных культур и ярко выражена территориальная идентичность.

На протяжении XX века на Северном Кавказе отмечено более сорока территориальных переделов. Каждый из них, решая одну проблему, одновременно порождал другую. Изменения в этнотерриториальном устройстве осуществлялись как в горизонтальном срезе (изменение границ), так и в вертикальном (изменение статуса национально-территориальных образований).

Особенно с распадом СССР наметилась тенденция к политизации этнонациональных отношений, когда этническая самоидентификация большинства народов России приобрела более или менее выраженный политический характер [1].

С одной стороны, само существование республик как формы внутреннего самоопределения местных этнических сообществ обеспечивает условия для этнокультурного развития и для сохранения идентичности проживающих в регионе народов, так же как Ставрополье обеспечивает сохранение и воспроизводство русской культуры и самосознания преобладающего в Ставропольском крае русского населения, а также сохранение местной казачьей социокультурной традиции.

С другой стороны, восприятие республик как «национальных» ведет к ужесточению межгрупповых границ в рамках российского народа, к этнокультурной замкнутости и к попыткам выстраивания иерархии народов, что отрицатель-

но действует на формирование основ гражданского общества.

Региональные особенности Кавказского региона связаны с напряженными межнациональными отношениями. Это подтверждается конфликтами в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии, взаимоотношениями между Грузией и Россией, Азербайджаном и Арменией.

Высокая конфликтогенная обстановка наблюдается в зоне Закавказья, предметом территориального спора является Нагорный Карабах. Основная причина конфликта в том, что местность находится на территории Азербайджана, а исторически сложилось, что на данной территории проживает местное население — армяне. Политическое регулирование конфликта ведется с 1992 года в рамках Минской группы ОБСЕ (сопредседатели — США, Россия и Франция). Руководство Азербайджана настаивает на сохранении своей территориальной целостности, а руководство Армении защищает интересы Карабаха, который не является стороной переговоров.

Конфликт начался в феврале 1988 года. Нагорно-Карабахская автономная область заявила о решении выхода из состава Азербайджанской ССР. В сентябре 1991 года в центре НКАО Степанакерте была создана Нагорно-Карабахская Республика (НКР). Азербайджан этот факт счел незаконным, упразднив автономию Карабаха, существовавшую в советские годы.

Вслед за этим начался вооруженный конфликт, продлившийся до 1994 года, далее стороны подписали соглашение о перемирии. Это привело к потере контроля над Нагорным Карабахом со стороны Азербайджана. За последние 20 лет переговоров Азербайджан стремится сохранить свою территориальную целостность, а Армения защищает интересы Нагорного Карабаха. В настоящий период Нагорно-Карабахская Республика не получила признания со стороны государств — членов ООН, но признается Абхазией и Южной Осетией и непризнанной Приднестровской Молдавской Республикой.

Обратим внимание, что нагорно-карабахский конфликт начался как внутренний, а затем перерос в международный вооруженный конфликт.

Обстановка в Кавказском регионе вызывает серьезные опасения, особенно в последние годы, у Правительства РФ. По мнению министра иностранных дел С. В. Лаврова, «конфликт слишком затянулся и «перезрел», но существует реальная база для достижения договорённостей, необходимо, чтобы эти понимания были переведены на язык конкретных формулировок» [2].

Конфликтная ситуация обострилась 2 апреля 2016 года в связи с сообщениями о широкомасштабном нарушении режима прекращения огня, которое имеет место на линии соприкосновения в зоне нагорно-карабахского конфликта. Реакция российского руководства на эскалацию конфликта в Нагорном Карабахе последовала незамедлительно. Президент В. В. Путин призвал стороны конфликта к незамедлительному прекращению огня и проявлению сдержанности. Сопредседатели Минской группы ОБСЕ призывали стороны прекратить огонь и предпринять все необходимые меры с целью стабилизации ситуации [3].

По мнению эксперта, директора Института стран СНГ В. Жарихина, «признаки возобновления боевых действий были все последние 20 с лишним лет, перемирие не может продолжаться бесконечно долго, оно заключается для того, чтобы создать возможность для политического регулирования, его отсутствие приводит к военному обострению» [4]. Эксперт связал эскалацию конфликта с Минским процессом и напомнил, что Армения находится в военном союзе с Россией. В рамках ОДКБ у обеих стран имеются вполне определенные взаимные обязательства.

С другой точки зрения, аналитики предсказывали возобновление эскалации конфликта и дестабилизацию ситуации в Закавказье. По мнению политолога-востоковеда Г. Меламедова, в разжигании конфликта могла принять участие Турция [5].

Иная точка зрения причин разжигания конфликта сводится к вмешательству США. Директор центра Института международных исследований МГИМО А. Казанцев считает, что «Штаты пытаются оказать давление на Армению, которая неделю назад развернула свой интеграционный вектор в сторону России» [6].

По мнению директора Института социальных и политических исследований Черноморско-Каспийского региона В. Захарова, США не собираются урегулировать нагорно-карабахский конфликт, так как они хотят использовать территорию непризнанной республики при нападении на Иран.

Как отметил политолог, эксперт по Кавказскому региону В. Новиков, «Россия оказывается в уязвимом положении, с одной стороны, она участник минской группы, с другой стороны, член ОДКБ; Россия будет вынуждена оказывать помощь Армении при определенном развитии ситуации» [5].

Осетино-ингушский конфликт осени 1992 года — это первый политико-правовой и воору-

женный конфликт в новейшей истории Российской Федерации. Осетино-ингушский конфликт стал самой острой фазой давно назревавшей и неразрешенной по сей день конфронтации между двумя соседними северокавказскими республиками — субъектами Российской Федерации — по поводу принадлежности Пригородного района и части Владикавказа. В целом этот конфликт стал первым вооруженным внутренним территориальным конфликтом на территории России.

По мнению этнолога А. Тишкова, «по своим пространственно-временным параметрам, интенсивности и последствиям этот конфликт может быть отнесен к категории крупномасштабных, а его природа может быть охарактеризована как глубоко укоренившийся конфликт, к которым специалисты относят межэтнические или любые другие межгрупповые коллизии с трудноразрешимыми и далеко зашедшими претензиями и требованиями конфликтующих сторон» [7].

На разных этапах осетино-ингушского конфликта реализовывался определенный комплекс мер политического урегулирования со стороны федеральных властей Российской Федерации, принимались меры, способствовавшие стабилизации межэтнического взаимодействия.

Представители противоборствующих сторон имели противоположные интересы и интерпретацию конфликтной ситуации. Ингушское руководство и политическая элита охарактеризовали события 1992 года как «этническую чистку ингушей» [8]. Осетинские политические деятели посчитали произошедшее незаконным ингушским воинским формированием и агрессивным нападением на территорию Пригородного района СОАССР, в результате которого пытались незаконно отторгнуть спорные территории [9].

Противоположные оценки противоборствующих сторон поспособствовали вступлению Правительства РФ в роль основного актора политического регулирования данного внутреннего межрегионального конфликта. Уже на начальной стадии поствооруженной фазы конфликта федеральным центром были сформулированы основные контуры политического управления осетино-ингушским конфликтом.

В период 1992—2000 гг. удалось провести структурные изменения, которое предполагали отход от асимметричности конфликта — это прежде всего создание легитимных органов власти в Республике Ингушетия, что повлекло за собой смену лидеров внутри ингушского этнического сообщества и придало действиям вновь избранной политической власти конституционно-правовой статус. Помимо этого, структурные изменения, инициированные системой политического управления конфликтом, запустили механизм конструктивного компромисса между сторонами конфликта.

По сути, причина возникновения межнациональных противостояний на Северном Кавказе — это прекращение существования Советского Союза. Каждый конфликт, возникший на постсоветском пространстве, имеет свою специфику. Нагорно-карабахский и южноосетинский конфликты связаны с воссоединением единых этносов. Абхазский и приднестровский конфликты возникли по причине права на самоопределение и создания независимого государства этнического меньшинства. Осетино-ингушский конфликт связан с восстановлением территориальных прав депортированных народов. Каждый региональный конфликт имеет свою общую особенность — межнациональные отношения.

Таким образом, межнациональные отношения в пограничных регионах оказывают колоссальное влияние на активизацию конфликтогенных факторов и появление новых вызовов и угроз территориальных размежеваний на постсоветском пространстве.

1. *Гаджиев К. С.* Национализм в роли идеологии // Власть. 2012. № 11. С. 4—8.
2. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Азербайджанской Республики Э. М. Мамедъяровым. Москва, 25 мая 2015 г., Россия. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/az//asset_publisher/0TeVwfjLGJmg/content/id/1315670 (дата обращения: 03.04.2016).
3. Министерство иностранных дел России «О заявлении сопредседателей Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху 02-04-2016». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2199369 (дата обращения: 03.04.2016).
4. Аналитик связал конфликт в Нагорном Карабахе с минским процессом России. URL: http://www.mk.ru/politics/2016/04/02/analitik-svyazal-konflikt-v-nagornom-karabakhe-s-minskim-processom.html (дата обращения: 03.04.2016).
5. «Подобные наступления происходят периодически в течение 20 лет». URL: http://www.kommersant.ru/doc/2954948 (дата обращения: 03.04.2016).

6. Андрей Казанцев: Югославия, Ирак, Ливия, Сирия. Теперь Карабах? URL: http://viperson.ru/wind.php?ID=666293&soch=1 (дата обращения: 03.04.2016).
7. *Тишков А.* Осетино-ингушский конфликт. Часть первая. URL: http://www.vvvay.net/publ/analitika/tishkov_v_a_osetino_ingushskij_konflikt_92_chast_pervaja/5-1-0-23 (дата обращения: 03.04.2016).
8. *Шнирельман В. А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.
9. *Федосов Е. В.* Республика Северная Осетия-Алания // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром. М. : Макс Пресс, 2012. 502 с.

О. В. Шабанова, А. Д. Шаброва

Б. Ф. МАЛЕШЕВСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Статья посвящена истории становления и развития пенсионной системы в дореволюционной России. Во второй половине XIX века окончательно сформировалась система пенсионного обеспечения государственных служащих из положений и расчетов Б. Ф. Малешевского, которые в дальнейшем были заимствованы западноевропейскими специалистами в области страхового пенсионного обеспечения и легли в основу пенсионных систем ряда стран.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, социальное развитие общества, пенсионное обеспечение, эмеритальные классы.

O. V. Shabanova, A. D. Shabrova

B. F. MALESHEVSKY AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE PENSION SYSTEM IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The article is devoted to the history of formation and development of the pension system in the pre-revolutionary Russia. The public staff pensions system was formed in the second half of the 19th century. It was originated from the statements and calculations by B. F. Maleshevsky which were further borrowed by many of the Western European experts in the field of insurance and pensions and formed the basis of the pension systems of a great number of countries.

Key words: pre-revolutionary Russia, social development of society, pension system, insurance.

Начало истории пенсионной системы в России не имеет точной даты. Принято считать, что зачатки пенсионной системы впервые проявились во времена правления Петра I. Благодаря его реформам первыми пенсионерами, которые стали получать денежное содержание по выходу в отставку, стали морские офицеры. Хотя сам термин «пенсия» тогда не применялся. Согласно нормам, закреплённым в Морском уставе 1720 года, «премию по старости» могла назначать верховная власть в лице государя императора [2].

Необходимо отметить, что указанный документ впервые закреплял право жён и детей погибшего офицера на денежное содержание при потере кормильца. После смерти венценосного реформатора дальнейшее развитие пенсионной системы России надолго забуксовало. Сказывалась инертность государственной машины и несогласованность в принятии решений различными структурами государственной власти.

Последовавшая череда дворцовых переворотов и постоянная борьба элит за влияние на российское самодержавие не оставляли шансов тому, чтобы пенсионная система Российской империи полноценно развивалась [2].

Экономическое развитие России отставало от экономического развития большинства стран Европы. Наполняемость государственной казны оставляла желать лучшего. На протяжении веков расходная статья бюджета значительно превышала доходы. Закрепощение крестьянства, отсутствие передовых технологий и средств производства были тем тормозом, который на долгие годы стал препятствием полномасштабным социальным реформам в стране. Огромные средства тратились на колонизацию и освоение Сибири и Дальнего Востока. Военная доктрина России включала в себя постоянное перевооружение армии и строительство оборонительных линий по периметру обширных границ государства. На это отвлекались баснословные средства из бюджета. Повсеместно преобладало кустарное производство, которое не отвечало растущим потребностям внутреннего и внешнего рынков. Назрела необходимость реформирования самих основ организации производства в стране. Государственная казна несла расходы по организации и функционированию новых промышленных предприятий. Пенсионная система просто не могла функционировать в госу-

дарстве, где промышленность (основной донор бюджета) находилась в зачаточном состоянии. Во второй половине XVIII века быстрыми темпами формируется капиталистический (промышленно-мануфактурный) уклад российской экономики. С 1769 года в России начинают печатать бумажные деньги, однако безудержная эмиссия привела к девальвации рубля и стремительному обнищанию населения [6]. В начале XIX века, несмотря на усилия Павла I, российский рубль ассигнациями стоил 67 копеек серебром. На этом фоне расходование средств бюджета выглядело так: 88 % выделялось на содержание армии и флота, 11 % ежегодно уходило на содержание двора императора. На социальные нужды (здравоохранение, просвещение и т. п.) выделялось не более 1 % [6].

Социальное развитие общества неразрывно связано с уровнем доходов и распространением бедности. Нельзя рассматривать пенсионную систему в отрыве от макроэкономической системы Российского государства. Поэтому принципы, лежащие в основе создания пенсионной системы, близки с принципами реформирования социальной политики всего государства [4].

В 1827 году в России был принят Устав о пенсиях и единовременных пособиях.

Пенсии были положены лишь крупным чиновникам и лицам, которые являлись крупными армейскими чинами. Пенсионное обеспечение того времени распространялось на весьма ограниченный круг лиц. К этому кругу принадлежали служившие при дворе императора высшие военные и полицейские чины. Размер пенсионного обеспечения или, как его тогда именовали, финансового вспомоществования определялся индивидуально для каждого претендента и проходил процедуру утверждения государем [5].

Только во второй половине XIX века окончательно сформировалась система пенсионного обеспечения государственных служащих. Вышедшие в отставку чиновники получали пенсион из эмеритальных касс. Эмеритальные кассы — это кассы, которые производили страхование пенсий и пособий за счёт взносов (обязательных отчислений) из заработной платы будущих пенсионеров. Из этих же касс производились выплаты пособий вдовам государственных служащих и их детям, оставшимся сиротами. Крестьянство и наёмные работники (пролетариат) право на пенсионное обеспечение не имели. Однако в 1912 году были приняты законы «Об обеспечении рабочих на случай болезни» и «О страховании от несчастных случаев» [4, 6]. Тем самым в России было положено начало пенсионному обеспечению широких слоёв населения страны. В государствах Европы это уже давно стало цивилизованной нормой. Лишь под давлением либеральных партий России и ширящегося забастовочного движения царское правительство пошло на этот шаг. К 1914 году правом на государственное пенсионное обеспечение обладали следующие категории государственных служащих:

— чиновники всех ведомств и всех классных чинов;

— офицеры и прапорщики силовых ведомств (армии, флота, жандармского корпуса, таможни и пограничной стражи);

— учителя (гимназий, начальных и духовных училищ, народных школ и т. п.);

— профессорско-преподавательский состав (институтов, университетов и других высших учебных заведений);

— инженеры и научные работники казенных заводов;

— врачи, фельдшеры и обслуживающий персонал казенных больниц и госпиталей;

— рабочие казенных заводов [5].

Такая эволюция пенсионной системы обусловлена развитием промышленного производства в России на рубеже XIX—XX веков. Всё возрастающие объёмы товарного производства и, как результат, рост числа наёмных рабочих (пролетариата) вызывали необходимость переосмысления и реформирования пенсионной системы государства. Появляются страховые сберегательные и пенсионные кассы, которые требовали вовлечения самых широких масс пролетариата. Пенсионная система России неуклонно эволюционировала, и результаты этих изменений были весьма положительные. Опыт пенсионного обеспечения России привлёк внимание европейских специалистов. В 1892 году на Международном конгрессе железнодорожников, который проходил в Санкт-Петербурге, западные специалисты в области пенсионного обеспечения перенимали опыт у своих российских коллег в части построения пенсионных страховых касс, которые успешно функционировали на государственных железных дорогах России.

В 1895 году в Брюсселе на Международном конгрессе актуариев (специалистов по разработке и внедрению страховых тарифов) реформы, которым подверглось пенсионное обеспечение России, получили самую высокую оценку международного профессионального сообщества. Было отмечено, что проведенная подготовительная работа по составлению таблиц, по которым должны исчисляться пенсии, выполнена на самом высоком уровне. Эту кропотливую ра-

боту по заданию правительства провёл известный математик Болеслав Фомич Малешевский [1]. В 1890 году в Санкт-Петербурге вышел его фундаментальный труд «Теория и практика пенсионных касс». Учёный подготовил и представил подробное сочинение, в котором содержался материал, необходимый для устройства и функционирования пенсионных касс России. В Европе подобного научного труда в тот период ещё не было, и многие из положений и расчетов Б. Ф. Малешевского были заимствованы западноевропейскими специалистами в области страхового пенсионного обеспечения и легли в основу пенсионных систем ряда стран. Работа, которую проделал ученый, была столь сложна и многогранна, что одни современники называли автора гением, а другие именовали умалишенным. Вот как о Малешевском в своих мемуарах вспоминал знаменитый граф С. Ю. Витте: «…Малешевский был человек большого ума и математического образования; по натуре своей он принадлежит к тому классу людей, которые имеют в своём уме нечто особенное, что отличает их от обыденных людей, но что эта особенность их ума, с другой стороны, ставит таких людей на грань между нормальным человеком и сумасшедшим, — это обыкновенное свойство почти всех гениальных людей...» [1].

Болеслав Фомич Малешевский, магистр физико-математических наук, профессор, тайный советник, кавалер орденов Святой Анны 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени, родился в 1844 году в дворянской семье. Его родители имели поместье в Гродненской губернии. Отец мечтал о военной карьере для своего сына. Малешевский поступает в Александровский кадетский корпус и успешно его оканчивает. Однако неординарные способности к точным наукам привели молодого человека в стены Варшавской главной школы (университета), где он в числе лучших выпускников получает степень кандидата математических наук. С математикой будет связана вся его дальнейшая деятельность. Малешевский на основе теории вероятностей разработал и внедрил первые пенсионные кассы в России. Профессору Малешевскому принадлежит огромная заслуга в разработке принципов формирования пенсионных накоплений. В своих трудах он обращал внимание на то, что пенсия — это социальная компенсация тому человеку, который в силу возраста либо иных причин не может получать заработную плату.

Малешевский утверждал, что человек, который ушёл с рынка труда по достижению им преклонного возраста, вправе рассчитывать на социальную компенсацию [3]. Он не говорил о том, что пенсия должна создать условия для достойной жизни человека, но базовые принципы социальной компенсации трудящемуся были заложены именно им. В предисловии к своему монументальному труду «Теория и практика пенсионных касс», который увидел свет в 1890 году, Малешевский писал: «...Если предпринятый нами труд будет способствовать выяснению практической важности затронутых в нём вопросов, приобретающих постепенно возрастающее из года в год значение, и если, таким образом, — путём выяснения важности пенсионных касс и опровержения противоположных мнений, появляющихся ныне даже в печати и свидетельствующих, по нашему мнению, о далеко недостаточном знакомстве с главными основаниями страхового дела, — вопрос об обеспечении будущности служащих и их семейств станет, наконец, на правильную почву, то мы сочтём себя в достаточной степени удовлетворёнными и будем уверены, что наш посильный труд действительно принёс ожидаемую от него долю пользы...» [3].

Необходимо отметить, что пенсионная система России, началом реформирования которой принято считать 1912 год, продолжала формироваться вплоть до 1922 года. Именно тогда она приобрела всеобщий характер в рамках новой системы социального страхования населения. Значительно позже советским правительством были приняты законы «О государственных пенсиях» (в 1956 году) и «О пенсиях и пособиях членам колхозов» (в 1964 году).

Пенсионная система является интересным объектом для изучения. Было написано немало трудов и опубликовано много научных статей, но до сих пор эта тема остаётся актуальной для многих исследователей.

1. *Витте С. Ю.* Воспоминания, мемуары : в 2 т. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. Т. 2. 798 с.
2. *Дегтярев Г. П.* Пенсионное обеспечение государственных служащих в Российской империи в 18—19 веках // Пенсия. 1997. № 10. С. 58—64.
3. *Малешевский Б. Ф.* Теория и практика пенсионных касс : в 5 т. СПб., 1889—1890.
4. *Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. М. : Родник, 1995. 384 с.
5. *Павлов В. А.* История российской политической экономии : пособие для студентов гуманитарных вузов. М. : Аспект Пресс, 1995. 256 с.
6. *Фридман М. И.* Государственное хозяйство и денежное обращение в России (1913—1919). М., 1919. 38 с.

№ 2(24) 2016 СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ФИЛОЛОГИЯ

Т. Н. Васильчикова

ТЕОРИЯ ИНТЕРТЕКСТА В ФИЛОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ[1]

В статье рассматривается проблема формирования теории интертекста в филологии в ее основных исторических этапах и персоналиях. Ставится вопрос различения понятий «автор», «текст», «читатель», «интертекст», «интертекстуальность», «метатекст», «прецедентный текст» в зарубежной и отечественной литературоведческой науке. Делаются выводы о степени изученности и дальнейших перспективах изучения проблемы.

Ключевые слова: интертекстуальность, претекст, интертекст, метатекст, прецедентный текст, М. Бахтин, Ю. Лотман, Ю. Кристева, Р. Барт, М. Фуко.

T. N. Vasilchikova

INTERTEXT THEORY IN PHILOLOGY: MAIN STAGES OF HISTORICAL FORMATION

The article deals with the problem of intertextuality theory in its basic stages and personalities. The author analyses the distinction between the concepts of "author", "text, reader", "intertext", "intertextuality", "metatext", "precedent text" in foreign and domestic literary science. She concludes on the degree of scrutiny and future prospects of the development of the problem.

Key words: intertextuality, praetexta, intertext, metatext, precedent text, M. Bakhtin, Yu. Lotman, Yu. Kristeva, R. Barthes, M. Foucault.

К настоящему времени проблемы интертекста, метатекста, интертекстуальности признаны особо значимыми в гуманитарных науках. Накоплен опыт исторического и теоретического их осмысления, определился состав наиболее значимых исследований, среди авторов которых — имена выдающихся отечественных ученых XIX—XXI вв.

Основу интертекстуальных исследований в отечественной филологической науке заложил А. Н. Веселовский (1838—1906), автор фундаментального труда «Историческая поэтика», создавший оригинальную теорию влияния литературных сюжетов. Ученый впервые установил связь и зависимость между смысловой структурой художественного текста, механизмами памяти человека и культурной традицией [5, с. 51—52].

Другим источником интертекстуальности в филологии стала теория анаграмматического текста, предложенная в качестве научной гипотезы швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857—1913), заложившим основы современной семиологии и структурной лингвистики. Анаграмма получает в его гипотезе новый смысл, связанный с ее особыми смыслопорождающими возможностями. При жизни ученого его гипотеза о роли анаграмм как едва ли не главного принципа индоевропейской поэзии древности и средневековья не получила широкой известности, но с течением времени интерес к ней все более возрастает. Примером могут послужить исследования А. В. Пузырева, И. А. Дементьева и других [Дементьев, 2015; Пузырев, 1995].

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 115041410242 «Проблема разработки современных методологий филологического исследования: на примере исследования форм интертекстуальности и метатекстуальности романа И. А. Гончарова «Обломов».

Анаграмма понимается Ф. де Соссюром как способность языка разделяться на первичные единицы, из которых можно составить новые слова с новым смыслом. Открытое ученым явление позволило получить наглядную модель того, как элементы одного текста, включенные в другой, могут изменять значение последнего. Такое языковое «конструирование» имеет отношение к теории интертекста как способа создания текста из уже имеющихся «чужих цитат». Гипотеза получила известность только в конце 1960-х годов и сразу привлекла французских постструктуралистов, группировавшихся вокруг журнала «Тель Кель» («Tel Quel»). Юлия Кристева отводит этой проблеме специальный раздел в своей книге «Семиотика» (1969) под названием «О семиологии параграмм». Она подтверждает наблюдение Ф. де Соссюра о том, что явление парагрململатизма (намеренное или бессознательное использование анаграмм) в первую очередь наблюдается в рифмованных поэтических текстах. Новым является характерная для постструктурализма настойчивая попытка сближения языковых явлений и социальных процессов. Особое звучание это приобретает в условиях молодежного движения 1968 года, приближавшегося в масштабах к революционному перевороту. Через анализ параграмм постструктуралисты пытаются объяснить и даже смоделировать социальные явления, отводя семиотике ключевую позицию в революционном процессе, который приобретет глобальный характер, так как сможет якобы «соединить» грамматический (монологический) и парагрململатический (протестный, диалогический) процессы. Такое утверждение было чрезмерным, события 1968 года не подтвердили ожиданий.

Процесс формирования современных научных представлений об интертекстуальных функциях художественного текста проходит ряд последующих исторических этапов. Сам термин «интертекстуальность» обязан рождением Юлии Кристевой и впервые прозвучал осенью 1966 года в ее докладе о творчестве М. М. Бахтина на семинаре ее учителя, Ролана Барта, опубликованном весной 1967 года в виде статьи под названием «Бахтин, слово, диалог и роман» [17, с. 5]. Также ей принадлежит предисловие к французскому переводу книги «Проблемы поэтики Достоевского» («Разрушение поэтики», 1970), сборник статей «Semeiotikē. Исследования по семанализу» (1969) и книга «Текст романа» (1970). Исследовательница познакомила западный мир с личностью и научными идеями М. М. Бахтина. К этому времени Ю. Кристева была хорошо знакома с несколькими работами М. М. Бахтина разных лет: «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке», Медведев П. Н. (Бахтин М. М.) «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику». Особое внимание уделено ею работе Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), где впервые формулируется идея художественного диалога культур, которая лежит в основе понятия «интертекстуальность», хотя сам термин ученым не употребляется. Позже он развивает теорию диалогизма слова в работе «Проблемы поэтики Достоевского» (глава V «Слово у Достоевского»):

«Слово по своей природе диалогично», «диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной, художественной) пронизана диалогическими отношениями» [2, с. 212].

Уже М. М. Бахтин подчеркивает, что диалогический характер слова не ограничен настоящим временем, что впоследствии обязательно учитывается в практике интертекстуального анализа. По определению И. П. Ильина:

«Помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге», понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами» [12, с. 164].

В работе «Марксизм и философия языка» (1929) М. М. Бахтин продолжает развивать идеи диалогизма речевого высказывания и вводит два новых аспекта: во-первых, рассматривает диалогичность как свойство не только устного, но и письменного высказывания в тексте, которое выражается, в частности, в делении текста на абзацы, которые он идентифицирует с репликами в диалоге. Во-вторых, ставится вопрос конструкций для передачи чужой речи. Он пишет по этому поводу:

«Продуктивное изучение диалога предполагает более глубокое исследование форм передачи чужой речи, ибо в них отражаются основные и константные тенденции активного восприятия чужой речи» [6, с. 126].

В работе «Проблемы речевых жанров» ученый доказывает, что «всякое понимание живой

речи носит активно-ответный характер», и выделяет две формы отклика на понятую живую речь:

— активно-ответное понимание, которое реализуется немедленно непосредственно в действии (например, исполнение);

— активно-ответное понимание замедленного действия. Жанры сложного культурного общения в большинстве случаев рассчитаны на активно-ответное понимание замедленного действия. На основании концепции активно-ответного характера живого высказывания М. М. Бахтин приходит к выводу об амбивалентности говорящего субъекта: он не только *говорящий субъект, но и отвечает на предшествующие его высказыванию слова, реплики, теории* [4, с. 235—236] (курсив наш. — *Т. В.*).

В свете сказанного предметом филологического исследования должно быть диалогическое взаимодействие двух величин: передаваемой («чужой») речи и передающей («авторской») речи. Это положение теории диалога дает возможность рассмотреть текст в его *горизонтальном и вертикальном значении* — как обращенный к «здесь и сейчас», то есть к собеседникам и слушателям, воспринимающим текст непосредственно и сегодня, так и обращенный к «вчера», к прошлому. Такое понимание текста позволяет увидеть совокупность его смыслов и значений и определить силу и направление его воздействия на слушателя. Вовлеченность субъекта речи в «культурный диалог» — необходимая составляющая теории интертекста, которая разрабатывается М. Бахтиным на протяжении 60-х годов, вбирая такие понятия, как беспрестанно растущая «текстовая цепь», звеном которой является каждое конкретное высказывание; «незавершимый» в принципе диалогический «контекст», «большое время» культуры, которые прочно вошли в современную культуру и методологию гуманитарных наук и изменили их характер. Следствием является и представление о культуре как о безграничном процессе создания и постижения смыслов.

Научные идеи Бахтина, в первую очередь идея культурного диалога, переосмыслены Кристевой, трактующей диалогизм преимущественно как *диалог между текстами*. Дальнейшее развитие идеи диалога получают в работах Р. Барта (1915—1980), который совместно с другими французскими структуралистами в 60—70-е годы XX века разрабатывает новую методологию гуманитарных наук. Собственно, структуралистский период деятельности Барта — 60-е годы. Постструктуралистский, который Г. К. Косиков называет «блестящим», — период 70-х годов. Но уже в 1947—50-х годах Барт публикует во французской газете «Комба» («Combat») серию литературно-методологических статей, в которых пытается «марксизировать экзистенциализм», ищет «третье измерение» художественной формы, которое называет условным термином «письмо». Летом 1955 года он знакомится с «Курсом общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра, идеи которого относительно имманентных процессов в языке, в частности, феномена анаграмм, были учтены в его дальнейших научных поисках. В итоге уже к середине 50-х годов под преимущественным влиянием социального анализа Б. Брехта и семиологии Ф. де Соссюра Барт осознает, что все явления культуры, от идеологического мышления до искусства и философии, могут быть восприняты как система знаков, а их назначение и воздействие можно эксплицировать и рационально объяснить. В середине 60-х годов он пишет работы «Система моды», «Основы семиологии», «Мифологии». Именно он предпринимает первые попытки превратить семиологию из описательной науки в науку «критическую» и, более того, действенную. С этим связано его влияние на теорию и литературную практику левого интеллектуально-художественного авангарда во главе с группой «Тель-Кель» («Tel Quel»), включавшей Филиппа Соллерса, Юлию Кристеву и других. Р. Барт разрабатывает основные положения коннотативной семиотики, применяет их для анализа литературной «формы», которая, как он говорил уже в работе «Нулевая степень письма», должна быть понята как один из многих типов социального «письма», «пропитанного культурными ценностями и интенциями, помимо собственного авторского содержания, которое она «выражает», и потому обладающего «собственной силой смыслового воздействия» [15, с. 10].

Постструктуралисты и деконструктивисты совершают своего рода революцию в литературоведении как науке. В книге «О Расине» (1963) Р. Барт начинает процесс преодоления позитивистских горизонтов, разрушая принципы причинно-следственных связей, лежащие в основе традиционного изучения «истории литературы». Как отмечает Г. К. Косиков, Барт как бы «методологически узаконивал существование всех тех направлений в послевоенном французском литературоведении (экзистенциализм, структурная поэтика и др.), которые, опираясь на данные современных гуманитарных наук, противостояли механической «каузальности» и эмпиризму по-

зитивистских литературно-критических штудий» [15, с. 9]. Сборник «О Расине» вызвал ожесточенные нападки со стороны позитивистской «университетской критики». Ответом Барта стало эссе «Критика и истина» (1966), сыгравшее роль манифеста «новой критики», после появления которого он стал главой этого направления. Итоговое и самое шокирующее положение деконструктивизма о «смерти автора» (Р. Барт) восходит к формуле «смерть субъекта» Мишеля Фуко как следствие невозможности для творящей личности создать принципиально новый текст, поскольку каждый «новый» «растворяется» в явных или неосознанных цитатах из предшествующих текстов. В свете деконструктивистского представления о природе литературного творчества новый текст как понятие «нового слова» в принципе невозможен, так как всякое «новое» возникает в результате повторения уже сказанного и различной комбинации цитат. В созданной в 1969 году книге М. Фуко «Археология знания» («L Archeologie du savoir») ставится вопрос о возможности в принципе определить единицы дискурса. При этом автор ставит под сомнение как материальное, так и дискурсивное единство книг, то есть их персональную неповторимость. Именно рассуждения Фуко о невозможности определить строгие границы художественного текста далее развиваются Р. Бартом и положены им в основу деконструктивизма, отрицающего базовые для традиционного литературоведения понятия «автор», «произведение» и даже «читатель». Естественно, что отсутствие «границ» художественного текста приводит к сомнению относительно объективности существования самого «произведения». Переход к итоговой *«деконструкции понятий»* в теории Фуко логически закономерен:

«Так ли уж нам необходимы такие понятия, как «книга», «произведение», или даже такие общности, как «наука» или «литература? Надо ли оставаться в плену иллюзий, неплодотворных и безосновных?» [26, с. 25].

Влияние деконструктивистских идей М. Фуко отчетливо ощущается в работах Р. Барта «Смерть автора», «Мифология», «Удовольствие от текста», «О Расине». Определение интертекстуальности, данное Бартом в работе «Смерть автора», приобрело в настоящее время хрестоматийную известность:

«…каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» — и стало каноническим в теории постструктурализма [1, с. 391].

Именно от этого итогового вывода деконструктивизма начинается своего рода идейная «развилка» между дальнейшим формированием теории интертекста в отечественной и западной филологии. «Традиционная» филология идет своим путем, учитывая новые возможности изучения художественного произведения, которые открываются с введением понятия «интертекстуальность». Деконструктивистские стратегии уводят в сторону отрицания понятия «автор», а затем и «читатель», размывания понятия «текст» до его полной глобализации, когда мир понимается как гипертекст, в котором все уже было сказано. Среди европейских ученых такой расширительной концепции придерживаются далеко не все, активно от нее отмежевываются сторонники коммуникативно-дискурсивного анализа (нарратологии), так как структуралистское понимание интертекста приводит к обесцениванию акта коммуникации как такового.

В истории отечественной гуманитарной науки теория диалогизма текста М. М. Бахтина находит дальнейшее продолжение в деятельности Тартусской семиотической школы, в первую очередь в исследованиях по семиотике Ю. М. Лотмана (1922—1993): «Текст в тексте», «Статьи по семиотике культуры и искусства», «Семиотика культуры и понятие текста». Если структуралисты отрицают факт персонификации и авторский характер художественного текста, то отечественная семиотическая школа изучает и разрабатывает его специфику. Понятие «текст» занимает в исследованиях Ю. М. Лотмана центральное положение, но трактуется очень широко, применительно к культуре в целом. Определение Лотмана «текст в тексте», собственно, и передает суть явления интертекстуальности как «переклички текстов» в художественном произведении. Ученый касается вопроса двойственности всякого художественного произведения, которое, являясь самостоятельным, включает и дополнительные «чужие» повествования. Именно на этом основан эффект диалога текстов. В отличие от деконструктивистов, отрицающих авторский характер каждого художественного текста, Лотман выделяет *литературный текст* в особую категорию интеллектуального текста, настаивает на его уникальной специфике. Он выделяет создание художественного литературного произведения как «качественно новый этап в усложнении структуры текста». Такой новый текст вступает в сложные отноше-

ния «как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату; обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память». Вследствие этого текст «обнаруживает свойства *интеллектуального устройства*» (курсив наш. — *Т. В.*) и не только передает вложенную в него извне информацию, но и «трансформирует сообщения и выражает новые». При этом усложняется и расширяется социально-коммуникативная функция текста [19, с. 5—6]. Ю. М. Лотман выделяет основные функции такого «интеллектуального текста», ставит вопрос о возможных формах включения «чужого текста» в авторский, что в его интерпретации связано с семиотикой пространственно-временной структуры произведения. Он называет и анализирует такие формы «врезки» чужого текста, как сон, вставные новеллы, документ, разграничивая понятия подлинной реальности и условной реальности художественного мира. В дальнейшем эти теоретические положения развиваются в его комментариях к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [20].

Значительный вклад в теорию интертекстуальности вносит известный отечественный ученый Б. М. Гаспаров. В книге «Язык, память, образ: лингвистика языкового существования» он так же, как Ю. М. Лотман, ставит вопрос цитации «чужого текста» и форм включения его в речь субъекта или в авторский художественный текст. По мнению ученого, наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток «цитации», «черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [7, с. 320]. Ученый вносит в теорию интертекстуальности новые аспекты, важнейшим из них является понятие «коммуникативного фрагмента» как «первичной, непосредственно заданной в сознании единицы языковой деятельности», которая хранится в памяти говорящего и которой он оперирует как готовым блоком при создании и интерпретации высказываний. Процесс смыслопорождения всегда «вращается вокруг наличного языкового произведения, от него исходит и к нему возвращается» [7, с. 122].

Теория культурного диалога и диалогического характера письменного и устного речевого высказывания, разработанная М. М. Бахтиным, категория «текста в тексте» Ю. М. Лотмана, понятие «коммуникативного фрагмента» Б. М. Гаспарова находят дальнейшее осмысление в работах ряда современных отечественных исследователей, таких как Т. В. Шмелева, И. В. Труфанова, рассматривающих метатекст как часть модуса высказывания [25, 28].

В современной филологии разграничиваются понятия «интертекстуальность» и «интертекст». Интертекстуальность понимается учеными единообразно: как диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, способствующее обнаружению глубинных смыслов исходного художественного текста. Но однозначности в трактовке понятия «интертекст» среди филологов не существует, что говорит о продолжающемся характере процесса формирования теоретических представлений. Под «интертекстом» сегодня может пониматься:

1. Любой текст, в котором просвечивается все возможное множество претекстов.

2. В. П. Руднев в «Энциклопедическом словаре культуры XX века» определяет интертекст как «основной вид и способ построения художественного текста», состоящий в том, что «текст строится с обязательным использованием цитат и реминисценций из других текстов» [22, с. 155].

3. Совокупность всех существующих текстов. По определению Н. А. Кузьминой, «история поэтического языка — это история текстов или, иначе говоря, история интертекста» [18].

4. Определенный уровень дискурсивной модели текста. По мнению О. Н. Гришковой, «в дискурсивной модели текста присутствует уровень интертекстов, который важен для адекватного понимания текста» [9, с. 386].

5. М. Л. Гаспаров акцентирует момент повтора в интертексте, трактуя его как «словосочетание, повторенное в поэзии несколько раз, так что новое употребление заставляет вспомнить о старом» [8, с. 9].

6. Ю. С. Степанов определяющим свойством интертекста считает «явление контаминации текстов двух и более авторов» [24, с. 3].

По мнению профессора И. И. Чумак-Жунь, успешное разграничение категорий «интертекстуальность» и «интертекст» возможно при условии их соотнесенности с исходным понятием «текст». Если интертекстуальность — это одно из имманентных свойств текста, которое обнаруживается в различных текстовых знаках (кавычки, цитирование, ссылка и т. д.), то интертекст — это совокупность текстов, содержащих отсылки к общему источнику или друг к другу, то есть имеющих общую пресуппозицию [27, с. 254].

Как можно заключить, теория интертекста до сих пор находится в процессе развития. При всех различиях в трактовке проблемы в основе понимания интертекстуальности вплоть до сегодняшнего дня продолжает оставаться теория

культурного диалога и переклички культур, созданная и развитая М. М. Бахтиным еще в 20-е годы. При этом интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний, так как она представляет собой общее поле анонимных культурных знаков и формул, происхождение которых не всегда легко или даже невозможно проследить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых, по словам Р. Барта, «без кавычек». Из данного положения следует, что в интертексте язык представляет собой «гигантский мнемонический конгломерат», в котором уравниваются отдельные тексты и отсутствует аксиологическая шкала, поскольку значимым является лишь тот факт, что они кем-то когда-то были сказаны [7, с. 320].

В филологических исследованиях двух последних десятилетий продолжает расширяться база теоретических категорий. Так, в теорию интертекста включается новое понятие «прецедентности высказывания». Впервые термин «прецедентный текст» введён в научную практику Ю. Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году. Ученый называет прецедентными тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в речи данной языковой личности» [14, с. 216].

Вслед за Ю. Н. Карауловым свой вклад в теорию прецедентного текста внесли другие отечественные исследователи. Среди них Г. Г. Слышкин, который понимает под «прецедентным текстом» «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной группы» [23, с. 128]. Таким образом, обязательными свойствами такого текста считаются его связность и одинаковая ценность для определенной социальной группы, однако расплывчато само это понятие — под группой можно понимать и семью, и коллектив сотрудников, и людей одной профессии.

Определяя свойства прецедентных текстов, некоторые исследователи, например Н. А. Кузьмина, отмечают их большие «энергетические возможности». Исследовательница рассматривает межтекстовое взаимодействие с позиций «энергообмена» между текстами, различной «энергоемкости» [18, с. 51—53]. В этой связи в лингвистике последних лет утвердились понятия «сильный текст», «ядерный текст». По определению Г. В. Денисовой, «сильные» означает постоянно востребуемые, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [11, с. 297]. Именно «сильные» прецедентные тексты обладают очень значительной энергоемкостью. В. Н. Иноземцева исследует с этой точки зрения заглавия методических работ на английском языке и находит подтверждение, что для носителей английского языка «сильными» являются тексты пьес В. Шекспира, которые они опознают, даже встретив только в названии методического материала [13].

В работах В. В. Красных производится дальнейшее расширение теоретической базы, вводится понятие *прецедентные феномены*, в составе которых разграничиваются *прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания* [16, с. 47].

Можно заключить, что уже к 90-м годам XX века теория интертекста в отечественной науке сформировалась в своих основных позициях. Процесс теоретического осмысления проблемы текста, однако, не только не завершен, но, видимо, в принципе не может завершиться. Но по мере накопления теоретических знаний наступает момент, когда интертекстуальная теория достаточно оформилась, чтобы на ее основе могла возникнуть новая стратегия и тактика филологического анализа. Интертекстуальный анализ литературного произведения в настоящее время имеет равные права со всеми другими формами аналитического изучения художественного текста. Интересные наблюдения в этой связи были сделаны известным отечественным ученым, переводчиком, профессором МГУ Г. К. Косиковым (1944—2010), которому принадлежит пальма первенства в истолковании постструктурализма и деконструктивизма в отечественной филологии и переводе работ Р. Барта на русский язык. Ученый предложил ограничить и конкретизировать сам предмет интертекстовой теории. Со ссылкой на работу французского исследователя Лорана Женни «Стратегия формы» (1976) он советует сузить и конкретизировать сами исходные понятия интертекстовой теории «текст» и «интертекст», размежевав сферы интертекстуальности и интердискурсивности. Особенно важно отметить, что с интертекстуальной теорией Г. К. Косиков связывал возможность появления нового исследовательского направления в отечественном

литературоведении — интертекстуальной поэтики или поэтики интертекста.

Наблюдения Г. К. Косикова подводят своеобразный итог в развитии интертекстуальной теории и намечают дальнейшие перспективы ее развития и использования в целях изучения закономерностей культурного развития, усовершенствования методики филологического анализа. Пространство культуры — это место взаимоориентации и взаимодействия текстов, когда любой из них может быть прочитан как продукт впитывания и трансформации множества других текстов.

1. *Барт Р.* Смерть автора // Ролан Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советская Россия, 1979. 320 с.
3. *Бахтин М. М.* Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
4. *Бахтин М. М.* Проблемы речевых жанров // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с. С. 237—245.
5. *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику // *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. 649 с.
6. *Волошинов В. Н.* (*Бахтин М. М.*) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке и языке. Л. : Прибой, 1930. 188 с.
7. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М., 1996. 351 с.
8. *Гаспаров М. Л.* Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия АН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61, № 4. С. 9.
9. *Гришкова О. Н.* Интертекст в аспекте дискурсивного понимания текста // Русский язык: исторические судьбы и современность : II Междунар. конгресс исследователей русского языка. М. : Изд. МГУ, 2004. С. 386.
10. *Дементьев И. О.* Что (не) написал Соссюр: полвека дискуссий о теории анаграмм // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 17—25 (статья написана в рамках научного исследования «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности» при поддержке научного фонда РГНФ в 2015 году).
11. *Денисова Г. В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. М. : Азбуковник, 2003. 297 с.
12. *Ильин И. П.* Интертекстуальность // Западное литературоведение XX века : энцикл. М. : INTRADA, 2004. С. 164—166.
13. *Иноземцева Н. В.* Прецедентный и интертекст как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике). URL: www.rusnauka.com/23_WP_2009/Philologia/50932.doc.htm (дата обращения: 05.02.2016).
14. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М. : Ком. Книга, 2006. 261 с.
15. *Косиков Г. К.* Текст / Интертекст / Интертекстология // *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова ; пер. с фр. Г. К. Косикова, Б. Н. Нарумова, В. Ю. Лукасик. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 8—42.
16. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
17. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1993. № 4. С. 5.
18. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М. : Едиториал УРСС, 2004. 272 с.
19. *Лотман Ю. М.* Текст в тексте // Уч. зап. Тартусского гос. ун-та, 1981. Вып. 567. С. 3—8.
20. *Лотман Ю. М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучении текста // *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960—1990 гг. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 395—411.
21. *Пузырев А. В.* Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления : дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 1995. 198 с.
22. *Руднев В. П.* Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М. : Аграф, 2003. С. 155.
23. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 128 с.
24. *Степанов Ю. С.* «Интертекст», «Интернет», «интерсубъект». К основаниям сравнительной концептологии // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60, № 1. С. 3.
25. *Труфанова И. В.* Аспекты теории диалога в работах М. М. Бахтина и их развитие в современной лингвистике. URL: sibac.info/2009-07-01-10-21 (дата обращения: 17.02.2016).
26. *Фуко Мишель.* Единицы дискурса // Археология знания : пер с фр. Киев : Ника-центр, 1996 (Сер. OPERA ARARTA. Вып. I). 208 с.
27. *Чумак-Жунь И. И.* Еще раз об интертекстуальности и интертексте: к разграничению понятий в лингвистике // Текст как единица филологической интерпретации : материалы Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. Новосибирск : Изд-во ООО «Немо-Пресс», 2011. С. 252—256.
28. *Шмелева Т. В.* Диалогичность модуса высказывания // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 5. С. 147—156.

Р. Д. Урунова

К ВОПРОСУ О ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМАХ РУССКОГО ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ

В статье освещается вопрос о происхождении предложных форм местоимения 3-го лица с начальным **н**. Критически рассматривается традиционная точка зрения по этому вопросу и путем функционального анализа текстов русских памятников дается новое объяснение.

Ключевые слова: указательные местоимения, предложные формы, падежная парадигма, дейксис, анафора.

R. D. Urunova

PREPOSITIONAL FORMS OF RUSSIAN PERSONAL-DEMONSTRATIVE PRONOUNS

The article highlights the issue of the origin of the forms of 3rd person prepositional pronouns beginning with the letter **n**. It discusses the traditional point of view on this issue and provides a new explanation using the functional texts analysis of Russian monuments.

Key words: demonstrative pronouns, prepositional forms, case paradigm, deixis, anaphora.

В русистике всегда недостаточно внимания уделялось предложным формам лично-указательного местоимения 3-го лица с начальным **н**. Обычно они рассматриваются как отдельные формы, каждая связанная со своей основной беспредложной падежной формой в общей парадигме. Между тем функциональный анализ показывает, что предложные формы, хотя и соотносятся с беспредложными, образуют свою цельную парадигму. И это обстоятельство поднимает вопрос о функциональном качестве этих форм и их статусе в общей местоименной системе, ответ на который может быть получен путем их генетического анализа.

Формы с начальным **н** широко употреблялись уже в самых ранних письменных памятниках русского языка и часто встречаются во всех древнецерковнославянских текстах, что определенно свидетельствует об их древнем происхождении. В их парадигме уже в самые ранние периоды имелись формы всех падежей, кроме номинатива мужского, среднего и женского рода в единственном числе, а также во множественном и двойственном числах. Вся парадигма предложных форм, кроме двойственного числа, была унаследована и активно используется в современном русском языке практически без изменений.

В традиционной исторической русистике генетическим источником предложных форм с начальным **н** считается нейтральное указательное местоимение **и**, вариантами которого они, собственно, и признаются. В качестве базовой интерпретации о причинах развития начального **н** в этих формах принимается мнение известного историка языка П. С. Кузнецова:

«У косвенных падежей местоимения **и** еще в эпоху дописьменную в сочетании с предлогами развилось начальное **н**. В основе этого явления (известного и старославянскому языку) лежат фонетические отношения. Некоторые предлоги, именно **въ**, **къ**, **съ**, в ранний период развития общеславянского языка-основы оканчивались на **n**), т. е. звучали ***vъn, *kъn, *sъn.** В определенную эпоху этот **n** в закрытом слоге теряется. Предлог в сочетании с тем словом, перед которым он стоит, образует в фонетическом отношении единство. Утрата **n** происходит в основном в тех случаях, когда это следующее за предлогом слово начинается на согласный. Если же следующее слово начинается на гласный или на согласный, фонетически сливаясь с которым **n** не образует слоговой границы, то **n** сохраняется, отходя к следующему слогу. Так, например, ***vъn domъ** > **vъ domъ**, ***kъn domu** > **kъ domu**, ***sъn domъmь** > **sъ domъmь**, но ***vъn idơ** > **vъnidơ**, ***sъn idơ** > **sъnidơ**. Местоимение, о котором идет речь, начинается на **j**. Сочетание **nj** еще в общеславянском языке-основе дает один согласный — **n`**,

который вполне может отойти к следующему слогу. В результате этого, например, ***sъn jego** > **sъ n`ego**. Поскольку предлог обычно выступает без конечного **n**, элемент **n`** в таких сочетаниях, как только что приведенное, осознается как входящий в состав местоимения, а поскольку он выступает лишь в тех случаях, когда местоимение сочетается с предлогом, он осознается специально как принадлежность местоимения, сочетающегося с предлогом. В результате легко происходит обобщение — элемент **n`** переносится в сочетания с другими предлогами, таким образом, становятся возможными и сочетания типа **u n`ego** (предлог **oy** никогда не имел в своем составе **n**)» [1, с. 137].

Достаточно стройное, на первый взгляд, рассуждение с функциональной точки зрения оказывается не очень убедительным. Вызывают сомнение главным образом три фактора:

1. Последовательное употребление **n** в формах местоимения 3-го лица после всех без исключения предлогов, тогда как конечным ***n** обладали только три древних предлога. Поскольку в количественном отношении предлоги без конечного ***n** значительно преобладают над предлогами с конечным ***n**, а начальный **н** проявляется во всех без исключения предложных формах, то данное объяснение является неубедительным. Трудно представить, что носовой сонант, обладающий вокализмом чуть в меньшей степени, чем гласные, развился в очень разных фонетических позициях.

2. Полное отсутствие предложных форм 3-го лица без начального **н** во всех без исключения текстах на церковнославянском и древнерусском языках (хотя известны единичные формы в отдельных русских говорах, но их характер и количество указывают на вторичность их происхождения). Вызывает сомнение предположение, что этот звук мог развиться перед всеми предлогами по аналогии всего лишь с тремя вариантами и проявиться с абсолютной регулярностью во всех предложных формах. Исследования показывают, что в аналогичных процессах в языке всегда сохраняются остаточные первичные формы.

3. Полное отсутствие следов этого процесса в сочетаниях предлогов с конечным ***n** с существительными, начинающимися на гласный звук. Те примеры, которые приводятся П. С. Кузнецовым, отражают случаи, когда ***vъn**, ***kъn**, ***sъn** функционируют в качестве приставок, а не предлогов, к тому же с одним глагольным корнем.

Регулярность проявления начального **n** в предложных формах местоимения 3-го лица позволяет предположить, что он является более значимым элементом, нежели протетический звук, развившийся по фонетико-физиологическим причинам [2, с. 51—52]. Анализ предложных форм в функциональном аспекте показал, что этот элемент в звуковом составе предложных форм всегда имел фонематический статус, начиная с самого древнего состояния языка, и сохраняет его до настоящего времени.

Анализ и сопоставление предложных и беспредложных форм с функциональной точки зрения обнаруживает их различную семантику и неодинаковую синтаксическую значимость, что ставит под сомнение их происхождение из одного источника. В формах нейтрального местоимения **и**, признанного в качестве генетического источника форм с **н**, гораздо интенсивнее проявляется указательный компонент, чем в формах других древних местоимений 3-го лица, у которых указание либо сочетается с каким-то более сильным функциональным компонентом, либо вообще утрачивается.

В текстах письменных памятников формы местоимения **и** часто используются в функции определения для обозначения отношения принадлежности: а братъ **его** щекъ и хоривъ · и сестра **и**^{х} лыбедь ту скончаша^{сѧ} · и по сихъ братьи держати · почаша родъ **ихъ** кнѧженье (ПВЛ, Лаврентьевский список). Гораздо реже, но все-таки они употребляются и для выражения объекта, который в таком случае актуализируется путем указания. Объект, обозначенный нейтральным указательным местоимением **и**, может быть выражен как одушевленными, так и неодушевленными формами: 1. И ту видѣхъ жену сѣдѧщю · и въпросихъ **ѥѩ** (Псковский пролог). 2. И оѿпусти **ю** нарек **ю** дъщерью собѣ (ПВЛ, Лаврентьевский список).

Использование нейтрального указательного местоимения в формах именительного и винительного падежей имеет свою особенность: чем древнее тексты, тем больше случаев их употребления в функциях подлежащего и дополнения. Так, например, в текстах Лаврентьевской и Радзивиловской летописей эти формы встречаются относительно часто: 1. И отрядивъ **я** (их, братьев) вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ **я** (ее, Псалтырь), и то ми ся выня: «вскую печалуеши, душе?» (Поучение Вл. Мономаха). 2. ѿ тѣ^{х} аще полонѧникъ ѡбою странꙋ держи^{м} е^{г} · или ѿ рꙋси или ѿ грекъ (Договор Олега с греками). 3. И влѣзоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, повелѣ зажечи **я** (деревлян) отъ дверий, ту изгорѣша вси (ПВЛ,

«Месть Ольги»). 4. И по крщньи возва **ю** (Ольгу) црь (ПВЛ, «Крещение Ольги»). 5. Николи же всѧду на нь · ни вижю **его** (коня) (ПВЛ, «Смерть Олега»).

В этих же текстах формы нейтрального указательного местоимения используются и в функции определения, причем гораздо чаще, чем в объектной функции: 1. А Ольга возъвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ **ихъ** (ПВЛ, «Месть Ольги»). 2. Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Вользѣ, реша: «потеснися к намъ, да выженемъ Ростиславича и волость **ихъ** отъимемъ» (Поучение Владимира Мономаха). 3. Та посла мя Святославъ в ляхы: ходивъ за Глоговы до чешьскаго лѣса, ходивъ в земли **ихъ** 4 мѣсяци (Поучение Владимира Мономаха). Различная функциональная значимость форм местоимения **и** хорошо видна в следующем примере: и паки: яыки своими льстяхуся; суди имъ, боже, да отпадуть от мыслий своихъ, по множеству нечестья **ихъ** изрини **я**, яко прогнѣваша тя, господи (ПВЛ, «Убийство Ярополка»). Этот пример наглядно иллюстрирует тот факт, что архаичные формы винительного падежа использовались для актуализации объекта действия путем указания. Функция определения закрепилась за родительным падежом. Форму родительного падежа нейтрального местоимения **и**, стоящую в постпозиции к определяемому слову, в приведенном примере по функциональному качеству можно считать эквивалентной адъективированной. Определительные формы в родительном падеже используются параллельно с объектными формами и аналогично адъективированным формам остальных личных местоимений.

Предложные формы с начальным **n** в семантическом плане отличаются от нейтральных указательных тем, что в их структуре объектное (часто предметное) значение доминирует над указанием, что определяет анафорический способ их использования. Если формы местоимения **и** можно заменить каким-либо указательным системным вариантом, то подобная замена предложных форм невозможна. В семантическом отношении предложные формы более удобны для выражения предметности и более самостоятельны в синтаксическом плане: 1. И рече Игорь ко братьи своей: «братья! Сего есмы искалѣ, а потягнемь»; и тако пойдоша **к нимъ** (объектное значение: братьям, русичам), положаче на бозѣ упование свое (Киевская летопись по Ипатьевскому списку). 2. И стояша на вежахъ 3 дни, веселяся, а рекуще: «братья наша ходили съ Святославомъ великимъ княземъ, и билися **с ними** (объектное значение: половцами), зряче на Переяславль, а они сами **к нимъ** (объектное значение: к братьям, к русичам) пришли, а в землю **ихъ** (принадлежность, выраженная путем указания: этих) не смѣли **по нихъ** (объектное значение: за половцами) ити; а мы в земли **ихъ** (принадлежность, выраженная путем указания: этих) есмы, и самѣхъ избили, а жены **ихъ** (принадлежность, выраженная путем указания: этих) полонены и дѣти у насъ; а нонѣ пойдемъ **на нихъ** (объектное значение: на половцев) за Донъ и до конца избьемъ **их** (объектное значение: половцев), оже ны будеть ту побѣда, идемъ **по нихъ** (объектное значение: за половцами) у луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣды наши, а возмемъ до конца свою славу и честь» (Суздальская летопись).

Заметная предметность семантики форм с начальным **н** обусловливается, по крайней мере, двумя факторами: 1) объектной позицией в синтаксической конструкции; 2) предлогом, который чаще всего определяет пространственные ориентиры предметного объекта, актуализированного местоимением. Семантика предлога усиливает предметный компонент в семантической структуре местоимения. Учет этих факторов приводит к предположению, что предложные формы отличались от форм нейтрального местоимения по функциональному качеству и не могли выражать чистого указания. Конечно, в некоторых случаях предложные формы с **н** и универсальные формы дублируют друг друга, но это обстоятельство не может служить доказательством их общего происхождения, так как все указательные местоимения могли заменять друг друга в определенных контекстах.

Исследование в функциональном аспекте и сопоставление текстовых вариантов предложных форм с начальным **n** между собой показывает, что по семантике и синтаксическому качеству они близки лично-указательному местоимению **онъ**. Если предположить, что предложные формы восходят не к нейтральному **и**, а к лично-указательному местоимению **онъ**, то логичнее объясняется и наличие **n** в этих формах. Поскольку все предлоги, за очень небольшим исключением, оканчивались на редуцированный гласный **ъ**, а местоименные формы начинались на гласный **о**, то естественно, что вокалические элементы, идентичные по артикуляционному качеству и различающиеся только долготой произношения, оказавшись в контакте, подвергаются стяжению.

Требует объяснения в этом контексте фонетическое отличие основ предложных форм от основ указательного **онъ** — это корневой глас-

ный передней зоны **е** в предложных формах вместо гласного непередней зоны **о** в формах **онъ**. Оно вполне объяснимо, во-первых, проявлением сильнейшей тенденции взаимодействия твердых и мягких типов основ (напр.: себѣ — собѣ, тебѣ — тобѣ и т. д.), которая была характерной для всего класса местоимений «после XIV в., когда происходило обобщение того или иного типа склонения и у имен существительных» [2, с. 362]. Во-вторых, в исторической русистике известно о «взаимодействии различных падежных форм одного и того же местоимения», которым «объясняется установление одного согласного в основе вместо прежних двух, находившихся в чередовании друг к другу» [3, с. 219]. У указательного местоимения **онъ** в формах косвенных падежей единственного и множественного числа чередовались твердый и мягкий **н**: ед. *оного, оному, ономъ* и др.; мн. *онѣхъ, онѣмъ, онѣми* и др.

И особенно обращает на себя внимание тот факт, что формы местоимения **и**, используемые в функции определения, в позиции после предлогов всегда используются без начального **н**. Это характерно как для современного языка (*с его способностями, над его головой, в его карманах* и т. д.), так и для текстов ранних периодов, по крайней мере XIV века: 1) хто будетъ со кн^{з}ѧмъ с великимъ зъ дмитриемъ иванови^{ч}мъ и съ **его** бра^{т}мъ со кн^{з}ѧмъ со кн^{з}ѧмъ с володимеромъ аньдрѣеви^{ч}мъ в любви [...] (Перемирная грамота послов великого князя литовского Ольгерда Гедеминовича с великим князем Дмитрием Ивановичем); 2) дал ꙗсмь ѡцю своѥму арсѣнью [ма]настырь стоѥ бци на ѡлговѣ · въ свободь до **ѥго** ж[и]вота (Жалованная грамота Олега Рязанского); 3) и ѥще ва дали •в**і**• лисици · пани хоньци в **ѥѣ** зѧтеви ивашкови (Продажная Хоньки Васковой на Калеников монастырь). Наличие и отсутствие начального **н** у предложных форм является различительным фонетическим элементом, который дифференцирует сначала функции дополнения и определения у совпадающих субстантивных и адъективированных форм, а позже формы личного и притяжательного местоимений. Таким образом, появление начального сонанта имело не только фонетическую, но и фонологическую значимость.

На наш взгляд, все признаки предложных форм с начальным **н**, описанные выше, обусловлены особой функциональной семантикой, благодаря которой они отличаются от форм нейтрального местоимения **и**. Формы нейтрального местоимения **и** используются для «чистого» указания, они в большей степени являются дейктическими и удобны для выражения в синтаксических конструкциях атрибутивных отношений. Предложные формы с начальным **н** являются анафорическими и используются для выражения объекта. С другими членами синтаксической конструкции они связаны управлением.

Кроме особенностей, указанных выше, следует обратить внимание на то, что в текстах довольно часто встречаются формы с начальным **н**, употребленные как варианты местоимения **онъ**, что также может служить основанием считать их формами одного слова: мьстисла^{в} же поцѧ молитисѧ кнѧземъ роусьскымъ · бра^{т}и своѥи · рекѧ тако оже мы бра^{т}ѥ **симъ** (им, русским, которые с нами) не поможемъ · тъ **си** (они, русские, которые с нами) имоуть придатисѧ **к нимъ** (печенегам, которые против нас; от **они**), тъ онѣмъ (печенегам, которые против нас; от **они**) больши будеть сила (Новгородская летопись). В данном предложении использованы функциональные ряды местоименных форм, которые различаются по денотативному признаку:

1) «наши, русские» — си, симъ;

2) «не наши, печенеги» — к нимъ, онѣмъ.

На парность употребления местоимений **сей** и **онъ** обратил внимание В. В. Колесов, объяснивший это явление тем, что функциональная соотнесенность этих слов «создает противопоставление крайних точек указания» [2, с. 364]: **сей** — наиболее близкий говорящему, **онъ** — наиболее удаленный. В текстах летописей эта функциональная пара встречается довольно часто, и характерно, что беспредложные и предложные варианты противопоставленных местоимений употребляются очень последовательно и, как правило, параллельно: а се нонѣ на на^{с} иду^{т} послашасѧ по всеи земли своеи · а сами поидоша **к симъ** (к нашим, русским) · и ждаша дружины своеꙗ · а **си** (наши, русские) **к ни^{м}** (не нашим, половцам) идуть к вежам **ихъ** (принадлежащих половцам: указательное значение в атрибутивном словосочетании) · **ѡни** (не наши, половцы) же не пустѧчи в вежѣ срѣтоша **ихъ** (нейтральное указание на русских) (Суздальская летопись). Часто пространственная дистантность используется для выражения оценочной семантики. В данном фрагменте «близкие субъекту речи, т. е. наши» обозначаются формами местоимения **си** с предлогами, а «далекие, т. е. не наши» — формами местоимения **они** без начального **о** с предлогом. Образуются следующие местоименные ряды:

1) «наши, русские» — си, к симъ, ихъ;

2) «не наши, половцы» — ѡни, к нимъ, ихъ.

Предложные формы местоимений **си** и **они** в данном контексте являются семантически маркированными и противопоставленными друг другу, хотя грамматически оформлены одинаково. Нейтральная форма **ихъ** используется как универсальная указательная. В данном случае универсальность **ихъ**, в свою очередь, противопоставлена маркированности **си** и **они**.

Процесс слияния парадигм всех лично-указательных местоимений 3-го лица был долгим и поэтапным. Его причиной, очевидно, стала образовавшаяся в языке избыточность указательных местоименных форм 3-го лица, а результатом — новая дублетная парадигма предложных форм со своим особым функциональным качеством. Этот процесс окончательно завершился уже в современном русском языке [2—4].

Остатки парадигм древних местоимений сливаются в единую грамматическую систему нового качества. Новая парадигма унифицируется по образцу личных местоимений 1-го и 2-го лица, хотя все ее варианты генетически восходят к лично-указательным местоимениям, у которых косвенные падежи могли одновременно выполнять две функции: объекта и определения. Отчасти эта функциональная двойственность сохранилась у некоторых форм и в современном языке: ***его*** *выступление* и *вижу* ***его***; ***их*** *работа* и *предупредить* ***их***. По функциональному качеству и по семантике новая парадигма воспринимается носителями языка как личное местоимение 3-го лица. От указательных признаков оно сохраняет способность изменяться по родам и выполнять дейктическую функцию в определенных контекстах. От личных местоимений оно унаследовало анафорические функции субъекта и объекта.

Таким образом, если в современном русском языке парадигма лично-указательного местоимения является единой, включающей и беспредложные, и предложные формы, то в период появления письма это фактически две грамматические парадигмы с разными функциональными возможностями.

	Нейтральное указательное местоимение и		**Лично-указательное местоимение 3-го лица онъ**	
	Беспредложные формы с функцией объекта	**Предложные формы без н с функцией определения**	**Беспредложные формы с функцией объекта**	**Предложные формы с начальным н с функцией объекта**
Ед.				
И.	и, ѥ, ꙗ,	----	онъ, оно, она оного,	----
Р.	ѥго, ѥѣ	въ ѥго, ѥѣ	оноѣ	въ него, неѣ
Д.	ѥму, ѥи	----	оному, онои	къ нему, неи
В.	и, ѥ, ю /ѣ	----	онъ, оно, ону	въ нь, не, ню
Т.	имь, ѥю	----	онѣмь, оною	съ нимь, нею
М.	ѥмь, ѥи	----	ономь, онои	о немь, неи
Мн.				
И.	и, ꙗ, ѣ	---	они, она, оны	---
Р.	ихъ	въ ихъ	онѣхъ	въ нихъ
Д.	имъ	----	онѣмъ	къ нимъ
В.	ꙗ, ѣ/ѩ	----	оны, она, оны	въ нитѣ, ни, нитѣ
Т.	ими	----	онѣми	съ ними
М.	ихъ	----	онѣхъ	о нихъ

1. *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка: морфология. М. : Изд. Моск. ун-та, 1953. 305 с.
2. *Колесов В. В.* История русского языка. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Изд. центр «Академия», 2005. 672 с.
3. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М. : КомКнига, 2006. 512 с.
4. *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М. : Изд-во МГУ, 1990. 296 с.

ИНФОРМАЦИЯ

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

РЕЦЕНЗИЯ
на книгу Е. П. Иванян
«СЕМАНТИКА УМОЛЧАНИЯ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»
(Москва : Изд-во «ФЛИНТА», 2015. 328 с.)

REWIEV
on the book of E. P. Ivanyan
"SEMANTICS OF APOSIOPESIS AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN RUSSIAN LANGUAGE"
(Moscow : "FLINTA" Publisher, 2015. 328 p.)

Рецензируемая работа посвящена феномену умолчания, значение которого, по утверждению автора Елены Павловны Иванян, объединяет в себе прагматические задачи говорящего: заинтересовать, создать адресату условия для сотворчества, сделать речь убедительной и т. д. Монография привлекает внимание уже тем, что впервые в русистике семантика умолчания стала предметом специального изучения и описания. Е. П. Иванян ставит перед собой цель — представить семантику умолчания как функционально-семантическую категорию, имеющую иерархическое строение и средства выражения, относящиеся к разным языковым уровням. Этим определяется весьма логичная структура исследования.

В первой главе «Комплексное описание семантики умолчания в русском языке» автор, обобщая различные точки зрения известных лингвистов (Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, С. М. Кузьминой, Т. М. Николаевой и др.) на природу умолчания, убедительно обосновывает своё понимание этого языкового явления: базовым значением для семантики умолчания Е. П. Иванян считает функционально-семантическую категорию неопределенности.

Опираясь на такой подход, а также на исходную посылку о том, что умолчание — это особое языковое значение, средства выражения которого относятся к разным уровням языка (фонетики, лексики, грамматики), исследователь профессионально отграничивает умолчание от сходных понятий, а именно: апозиопезиса, смыслового пропуска, эллипсиса, эзоповой речи, вуалирования референции, неопределенности, молчания как особого вида коммуникации, лжи, дезинформации, эвфемии, подтекста. Так, например, согласно теории Е. П. Иванян, апозиопезис, будучи «синтаксической формой» выражения умолчания, и смысловой пропуск (изъятие определенных логических звеньев из дискурса) относятся к семантике умолчания как части к целому.

Рассматривая умолчание с позиций функциональной лингвистики, автор справедливо утверждает, что все средства семантики умолчания обладают семантической редукцией признаков. Семантическим инвариантом значения умолчания, по мнению Е. П. Иванян, является трёхсемный комплекс: 1) формальная возможность выбора, 2) неотождествленность и 3) определенная, но неназываемая данность.

Важным и интересным представляется используемый исследователем полевой подход к характеристике совокупности языковых средств выражения семантики умолчания. Ядро средств передачи семантики умолчания, по справедливому утверждению исследователя, составляют неопределенные местоимения, наречия и прономинативы.

Во второй главе «Местоимения как специализированные средства семантики умолчания» дается развернутая характеристика местоимений как способов своеобразного шифрования неприятной для собеседников информации. Особый интерес представляет тщательно проведенный Е. П. Иванян анализ графически выделенных слов в русских романах XIX—XX вв. как средства передачи значения умолчания. Поражает колоссальный объем работы, проделанный автором: статистической обработке на предмет выявления графического выделения подверглись 169 романов 76 писателей!

В третьей главе «Неопределенные местоимения как ядерные средства семантики умолчания» исследователь скрупулезно анализирует факты употребления неопределенных местоимений с разными аффиксами. Несомненной заслугой Е. П. Иванян становится выявление их общего и особенного, что нашло отражение в констатации следующих фактов (с. 297).

Местоимения-прилагательные с разными аффиксами служат для косвенного выражения отрицательной оценки, снижают категоричность высказывания, «уменьшают» пафос высказывания при метафорическом плане. Данная характеристика предопределяет их возможность вхождения в парадигматическое микрополе значения умолчания с компонентом намека.

Общим для неопределенных наречий разных групп является то, что многие из них, применяясь в качестве средства выражения семантики умолчания, развивают автосемантическое значение.

Вызывает одобрение аргументированное обоснование Е. П. Иванян ядра парадигматического микрополя семантики умолчания с компонентом намёка, в которое входят неопределенные местоимения и наречия с аффиксом *кое–*. Исследовательница убедительно показывает, что черты различия в применении неопределенных местоимений с разными аффиксами для выражения семантики умолчания проявляются в том, что слабоопределенные местоимения имеют в своей семантической структуре компонент «неполноты охвата», вследствие чего употребляются в функции мейозиса.

Что касается неопределенных местоимений неизвестности с аффиксом *–то,* то данные языковые единицы, являясь слабым членом местоименной оппозиции, обладают повышенной частотностью применения; способны выполнять все функции, свойственные неопределенным местоимениям других групп при выражении семантики умолчания: являются средством «объективизации» повествования; в сочетании со словами-сигналами ситуации (*вдруг, неожиданно, странно* и т. п.) в художественном тексте участвуют в создании атмосферы таинственности, загадочности, интеллектуального и эмоционального напряжения, выполняют функцию эвфемизмов в дискурсе.

Таким образом, можно выделить ряд несомненных достоинств рецензируемой работы:

во-первых, это непротиворечивая теоретическая концепция автора, учитывающего весь ход развития лингвистических поисков: от понимания умолчания как стилистической (поэтической) фигуры до функционально-семантической категории;

во-вторых, богатый иллюстративный материал (художественные и публицистические тексты, записи устной речи и др.), позволяющий исследователю делать достоверные выводы;

в-третьих, возможность для пытливого языковеда найти в монографии «точки роста»: так, например, перспективным представляется исследование семантики невыразимого, поскольку значение этого языкового функционально-семантического значения, как показал автор, имеет большую зону пересечения с умолчанием.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что монография Е. П. Иванян является весомым вкладом в разработку проблемы семантики умолчания в русском языке.

Р. Д. Урунова, *доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Ульяновского государственного университета*

НАШИ АВТОРЫ

Агаджанова Эмилия Рафаэловна — аспирант; заведующая УИЛ «Психолог» кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; contact@ulsu.ru; тел. 8-904-186-89-79.

Андреева Юлия Витальевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии; Ульяновский государственный университет; yulia.andre@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Артамонова Мария Вячеславовна — студентка, 4 курс, Российско-Германский факультет; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии; Ульяновский государственный университет; n_baranetz@mail.ru; тел. 8(8422)32-21-09.

Белик Ирина Станиславовна — заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель начальных классов; специализированная школа № 2 I—III ступеней имени Д. И. Ульянова с углубленным изучением английского языка (г. Феодосия); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Буянкина Ирина Владимировна — студентка, 4 курс, Российско-Германский факультет; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Васильчикова Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и филологии; Ульяновский государственный университет; vasilchikova5@mail.ru; тел. 8-917-623-69-82.

Верёвкин Андрей Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент; доцент кафедры алгебро-геометрических вычислений; Ульяновский государственный университет; a_verevkin@mail.ru; тел. 8(8422)32-21-09.

Власова Наталья Владимировна — доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; vla-nataly@yandex.ru; тел. 8-937-271-72-35.

Волгин Иван Владимирович — художник по свету, артист вспомогательного состава; «Небольшой театр» (г. Ульяновск); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8-917-063-95-65.

Еняшина Наталья Геннадьевна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; natalya.enyashina@mail.ru; тел. 8-927-633-19-23.

Захарова Юлия Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Захарычева Онорина Юрьевна — студентка, кафедра управления; Ульяновский государственный университет; kafupr605@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Кадрия Джулианна Кадриевна — магистр факультета права кафедры финансового, налогового, таможенного права; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва); k_julianna@mail.ru; тел. 8(916)991-06-71.

Кузьмина (Старкова) Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и культурологии; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Куликова Елена Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления; Ульяновский государственный университет; kafupr605@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Лободюк Татьяна Михайловна — студентка, 4 курс, направление «Социология»; Ульяновский государственный университет; tashka-volk@mail.ru; тел. 8-937-277-99-05.

Мартыненко Алла Валентиновна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии; Ульяновский государственный университет; avalmart@list.ru; тел. 8-908-470-74-76.

Мартынов Сергей Валерьевич — студент, 2 курс, факультет экономики; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Машарский Захар Владимирович — кандидат психологических наук, заведующий отделом исследований в области воздушного транспорта; БелНИИТ «Транстехника» (Республика Беларусь); distm@mail.ru; тел. +375(29)533-84-30.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Митина Татьяна Сергеевна — аспирант кафедры психологии и педагогики, ассистент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; cherrity07@mail.ru; тел. 8-927-809-83-49.

Михайлина Ирина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мойсеенко Марина Васильевна — заместитель директора по воспитательной работе, учитель начальных классов; Специализированная школа № 2 I—III ступеней имени Д. И. Ульянова с углубленным изучением английского языка (г. Феодосия); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мухамметжанов Рафаэль Раисович — студент, 2 курс, специальность «Социальная работа»; eldares2014@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мухамметжанов Эльдар Раисович — студент, 2 курс, специальность «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; eldares2014@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мызрова Ксения Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Ощепков Алексей Александрович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальных и философских наук; Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»; sladkod@yandex.ru; тел. 8-903-339-41-89.

Петров Михаил Евгеньевич — учитель профессионально-трудового обучения высшей квалификационной категории; ГБ(О)С(К)ОУ С(К)О школа-интернат VIII вида № 5 (г. Елец, Липецкая область); klassnuyapapa.petrov2010@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Потанина Любовь Евгеньевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; nezumil@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Потапова Анна Александровна — магистрант по направлению «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; potapova99@yandex.ru; тел. 8(8422)37-63-26.

Пфау Татьяна Вильевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии; Медико-психолого-социальный институт, Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова; pfau.tv@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Рассадина Татьяна Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин; Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт); kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Рогашова Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Русина Ольга Викторовна — аспирант кафедры философии; Ульяновский государственный технический университет; SyabukovaOlga@yahoo.com; тел. 8-917-611-94-41.

Саблина Майя Александровна — аспирант кафедры уголовного права и криминалистики; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва); maya.sablina@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; Valentina_nauka@mail.ru; тел. 8-985-555-96-99.

Седова Анастасия Олеговна — студентка, специальность «Организация работы с молодежью»; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Семенова Екатерина Дмитриевна — студентка, 3 курс, направление подготовки «Психология»; Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова; pfau.tv@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Сербина Марина Александровна — аспирант кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; contact@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Сковикова Елена Геннадиевна — кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой музыкально-инструментального искусства; Ульяновский государственный университет; elenaskovikova@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Смолькин Валерий Петрович — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; surap99@mail.ru; тел. 8(8422)32-20-25.

Смыслов Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; v.smyslov-73@mail.ru; тел. 8-962-630-96-49.

Степанова Елена Викторовна — студентка, 3 курс, факультет управления; Ульяновский государственный университет; kamyzr@mail.ru; тел. 8-937-88-33-955.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Урунова Раиса Джавхаровна — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии; Ульяновский государственный университет; urunova_rd@rambler.ru; тел. 8(8422)48-97-20.

Федулова Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; kafregion@sv.ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Филиппова Татьяна Анатольевна — заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»; Муниципальное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 85» (г. Ульяновск); mou85@uom.mv.ru; тел. 8(8422)58-59-92.

Фильченкова Анна Сергеевна — студентка, 4 курс, направление «Социология»; Ульяновский государственный университет; ane4ka944@mail.ru; тел. 8-902-129-94-35.

Хайрудинова Резеда Иршатовна — аспирант, ведущий психолог кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; contact@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Цветкова Ольга Викторовна — кандидат политических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; tsvetkovaov@mail.ru; тел. 8(9510)94-48-24.

Чертушкина Татьяна Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности, начальник организационно-консультационного отдела Управления довузовского образования; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)41-28-17.

Шабалкина Елена Евгеньевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; shabalkina@inbox.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Шабанова Оксана Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; onlyox@yandex.ru; тел. 8(8422)37-63-26.

Шаброва Анастасия Дмитриевна — магистрант, 2 курс, направление «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; shabrova94@gmail.com; тел. 8(8422)37-63-26.

OUR AUTHORS

Agadzhanova Emilia Rafaelovna — post-graduate student; Head of Scientific Research Laboratory "Psychologist"; Ulyanovsk State University; contact@ulsu.ru; tel. 8-904-186-89-79.

Andreeva Yulia Vitalievna — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of the Public Relations, Advertising and Culturology; Ulyanovsk State University; yulia.andre@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Artamonova Maria Vyacheslavovna — student-researcher; Russian-German Department; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Baranets Natalia Grigorievna — Doctor of Philosophy, Professor; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University; n_baranetz@mail.ru; tel. 8(8422)32-21-09.

Belik Irina Stanislavovna — Vice Director; Primary school teacher; English Language Specialized School № 2 named after D. I. Ulyanov (Feodosiya); kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Buyankina Irina Vladimirovna — student-researcher; Russian-German Department; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Chertushkina Tatyana Aleksandrovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Head of Executive Department of Pre-university Board; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)41-28-17.

Enyashina Natalia Gennadievna — Candidate of Pedagogics, senior lecturer; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; natalya.enyashina@mail.ru; tel. 8-927-633-19-23.

Fedulova Anna Vladimirovna — Candidate of History, associate professor; Chair of Russian History, Area Studies and International Relations; Ulyanovsk State University; kafregion@sv.ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Filchenkova Anna Sergeevna — student-researcher; Specialty "Sociology"; Ulyanovsk State University; ane4ka944@mail.ru; tel. 8-902-129-94-35.

Filippova Tatiana Anatolievna — Vice Director; teacher of the integrated training course "Religious cultures and secular ethics"; secondary school № 85 (Ulyanovsk); mou85@uom.mv.ru; tel. 8(8422)58-59-92.

Kadriya Julianna Kadrievna — magister; Chair of Financial, Tax, Customs Law; Law Department; National Research Institution "Higher School of Economics" (Moscow); k_julianna@mail.ru; tel. 8(916)991-06-71.

Khairudinova Rezeda Irshatovna — post-garduate student, leading psychologist; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; contact@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kulikova Elena Vladimirovna — Candidate of Ecomonics, associate professor; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kafupr605@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kuzmina (Starkova) Elena Vladimirovna — Candidate of Sociology, associate professor; Chair of the Public Relations, Advertising and Culturology; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Lobodyuk Tatiana Mikhailovna — student-researcher; specialty "Sociology"; Ulyanovsk State University; tashka-volk@mail.ru; tel. 8-937-277-99-05.

Martynenko Alla Valentinovna — Candidate of Culturology, associate professor; Chair of Culturology; Ulyanovsk State University; avalmart@list.ru; tel. 8-908-470-74-76.

Martynov Sergey Valerievich — student-researcher; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Masharskiy Zakhar Vladimirovich — Candidate of Psychology; Head of Airline Service Research Department; "Transtechnique" (Transport Research Institute, Republic of Belarus); distm@mail.ru; tel. +375(29)533-84-30.

Mikhailina Irina Aleksandrovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mitina Tatyana Sergeevna — post-graduate student; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; cherrity07@mail.ru; tel. 8-927-809-83-49.

Moyseenko Marina Vasilievna — Vice Director; primary school teacher; English Language Specialized School № 2 named after D. I. Ulyanov (Feodosiya); kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mukhammetzhanov Eldar Raisovich — student-researcher; specialty "Social work"; Ulyanovsk State University; eldares2014@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mukhammetzhanov Rafael Raisovich — student-researcher; specialty "Social work"; Ulyanovsk State University; eldares2014@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Myzrova Ksenia Alekseevna — Candidate of Economics, associate professor; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Oshchepkov Alexey Aleksandrovich — Candidate of Psychology, senior lecturer; Chair of Social Sciences and Philosophy; Dimitrovgrad Engineering Institute of Technology (the branch of the National Nuclear Research University «Moscow Engineering Physics Institute»); sladkod@yandex.ru; tel. 8-903-339-41-89.

Petrov Mikhail Evgenievich — teacher of Labor and Professional Training, Higher Qualifications Category; boarding-school № 5 (Yelets, Lipetsk region); klassnuypapa.petrov2010@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Pfau Tatiana Vilievna — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of Psychology; Medico Psychological Social Institute, Khakassia State University named after N. F. Katanov; pfau.tv@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Potanina Lyubov Evgenievna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Philosophy, Sociology and Politology; Ulyanovsk State University; nezumil@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Potapova Anna Aleksandrovna — Magister; Speciality "Social work"; Ulyanovsk State University; potapova99@yandex.ru; tel. 8(8422)37-63-26.

Rassadina Tatiana Anatolievna — Doctor of Sociology, associate professor; Chair of Humanities and Social Disciplines; Ulyanovsk Higher Civil Aviation School; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Rogashova Elena Anatolievna — Candidate if History, associate professor; Chair of Area Studies and International Relations; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Rusina Olga Viktorovna — post-graduate student; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State Technical University; SyabukovaOlga@yahoo.com; tel. 8-917-611-94-41.

Sablina Maya Aleksandrovna — post-graduate student; Chair of Criminal Law and Criminalistics; National Research University "Higher School of Economics" (Moscow); maya.sablina@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Salakhova Valentina Borisovna — Candidate of Psychology, senior lecturer; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; Valentina_nauka@mail.ru; tel. 8-985-555-96-99.

Sedova Anastasia Olegovna — student-researcher; Speciality "Youth outreach management"; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Semenova Ekaterina Dmitrievna — student-researcher, specialty "Psychology"; Khakassia State University named after N. F. Katanov; pfau.tv@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

Serbina Marina Aleksandrovna — post-graduate student; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; contact@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Shabalkina Elena Evgenievna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Phylosophy, Sociology and Political Science; Ulyanovsk State University; shabalkina@inbox.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Shabanova Oksana Vladimirovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; onlyox@yandex.ru; tel. 8(8422)37-63-26.

Shabrova Anastasia Dmitrievna — Magister, Speciality "Social work"; Ulyanovsk State University; shabrova94@gmail.com; tel. 8(8422)37-63-26.

Skovikova Elena Gennadievna — Candidate of Art History, associate professor; Head of Chair of Music Instrumental Art; Ulyanovsk State University; elenaskovikova@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Smolkin Valeriy Petrovich — Candidate of Economics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; surap99@mail.ru; tel. 8(8422)32-20-25.

Smyslov Viktor Vladimirovich — Candidate of History, associate professor; Chair of Culturology; Ulyanovsk State University; v.smyslov-73@mail.ru; tel. 8-962-630-96-49.

Stepanova Elena Viktorovna — student-researcher; Department of Management; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Tsvetkova Olga Viktorovna — Candidate of Political Science, associate professor; Ulyanovsk State University; tsvetko-vaov@mail.ru; tel. 8(9510)94-48-24.

Urunova Raisa Dzhavkharovna — Doctor of Philology, Professor; Chair of Philology; Ulyanovsk State University; urunova_rd@rambler.ru; tel. 8(8422)48-97-20.

Vasilchikova Tatyana Nikolaevna — Doctor of Philology, Professor; Chair of Journalism and Philology; Ulyanovsk State University; vasilchikova5@mail.ru; tel. 8-917-623-69-82.

Verevkin Andrey Borisovich — Candidate of Physics and Mathematics, associate professor; Chair of Algebraic and Geometric Calculations; Ulyanovsk State University; a_verevkin@mail.ru; tel. 8(8422)32-21-09.

Vlasova Natalya Vladimirovna — associate professor; Chair of Philosophy, Sociology and Politology; Ulyanovsk State University; vla-nataly@yandex.ru; tel. 8-937-271-72-35.

Volgin Ivan Vladimirovich — lighting designer, Actor in a Supporting Role; «Nebolshoj theatre» (Ulyanovsk); kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8-917-063-95-65.

Zakharova Yulia Nikolaevna — Candidate of Economics, associate professor; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kamyzr@mail.ru; tel. 8-937-88-33-955.

Zakharycheva Onorina Yurievna — student-researcher; Chair of Management; Ulyanovsk State University; kafupr605@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

К публикации принимаются научные статьи объемом 0,25—0,5 авторского листа (один авторский лист — 40 тыс. печатных знаков с учетом пробелов, знаков препинания, цифр и т. п.) по научным специальностям, по которым ведется подготовка научных кадров в аспирантуре, и сформировавшимся в вузах научным направлениям (экономика, юриспруденция, психология, педагогика, философия, история, политология, филология).

Статьи представляются в двух экземплярах в машинописном виде (текст должен быть отпечатан на одной стороне листа формата А4, шрифт Times New Roman, размер 14, межстрочный интервал 1,5) и в электронной форме (в формате *.doc).

Библиографический список, оформленный в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания, приводится в конце статьи в порядке упоминания источника. В тексте в квадратных скобках дается порядковый номер источника и страницы цитирования (например: [8, с. 25]).

К статье должны быть приложены сведения:

1) фамилия, имя, отчество автора (авторов);

2) место работы с указанием адреса и телефона организации;

3) должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание;

4) контактная информация (почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты);

5) краткая аннотация статьи (на русском и английском языках);

6) список ключевых слов (на русском и английском языках).

Статьи следует направлять в распечатанном (по адресу: 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42) и в электронном виде (E-mail: Simbvest@mail.ru).

При невыполнении авторами отмеченных требований рукописи для рассмотрения редакционной коллегией не принимаются.

Решение редакционной коллегии о принятии к публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки.

Очередность публикаций статей определяется в зависимости от времени представления статьи и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

Направляя статью в редакцию журнала, автор выражает свое согласие на ее опубликование и размещение в сети Интернет (в том числе на официальном сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru), а также на ее распространение в иных формах.

Статьи в журнале «Симбирский научный вестник» размещаются БЕСПЛАТНО.

Первоочередное право на размещение статей имеют подписчики журнала.